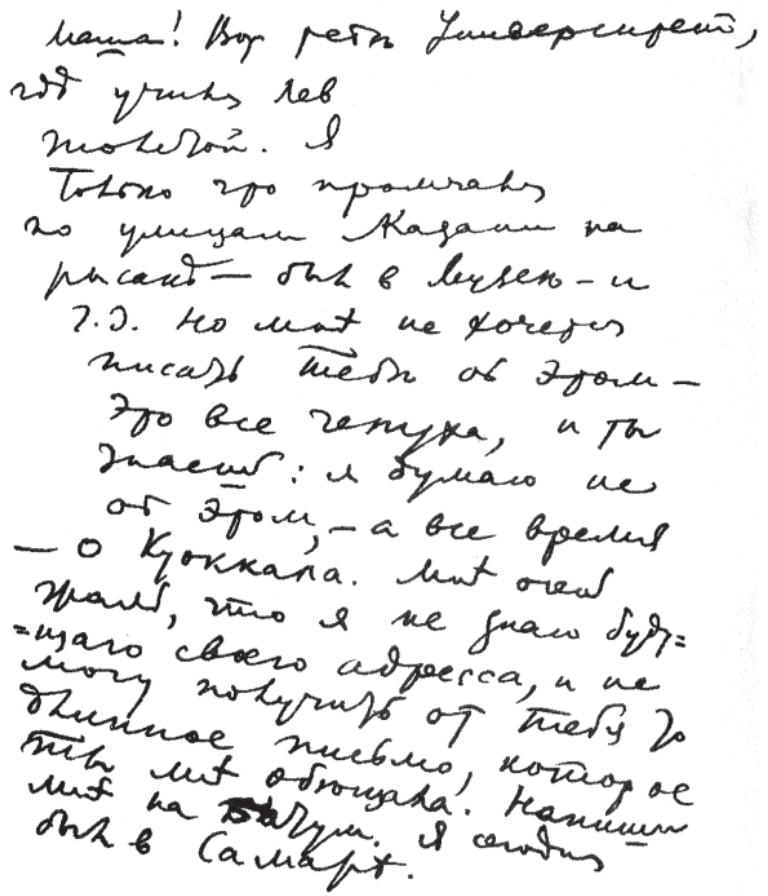
Корней Чуковский

Корней Чуковский

Корней

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ПЯТНАДЦАТИ ТОМАХ


Маша! Вот ректор Университета,
где учишь лев
Тобой. Я
только что прошагал
по улицам Казани на
рассвете — был в Лукоморье — и
т. д. но мне не хочется
писать тебе об этом —
это все чепуха, и ты
знаешь: я думаю не
об этом, — а все время
— о Куоккала. Мне очень
жаль, что я не знаю буду-
щего своего адреса, и не
могу получить от тебя то
единое письмо, которое
тебя мне обещала. Напиши
мне на Бабушк. Я сейчас
был в Самаре.

Чуковский

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

ПИСЬМА. 1903–1925

МОСКВА 2013

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 6
Ч-88

Файл книги для электронного издания подготовлен
в ООО «Агентство ФТМ, Лтд.» по оригинал-макету издания:
Чуковский К. И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 14. —
М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2008.

Вступительная статья *Е. Ивановой*

Составление
Е. Ивановой, Л. Спиридоновой и Е. Чуковской

Общая редакция, подготовка текстов и комментарии
Е. Ивановой и Е. Чуковской

На обложке фотография *К. Чуковского*

Оформление художника *С. Любаева*

Чуковский К. И.

Ч-88 Собрание сочинений: В 15 т. Т. 14: Письма (1903–1925) / Вступ. ст. Е. Ивановой; Сост.: Е. Иванова, Л. Спиридонова, Е. Чуковская. Общая ред., подг. Текстов и коммент. Е. Ивановой и Е. Чуковской. — 2-е изд., электронное, испр. — М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2013. — 688 с.

Впервые собраны и печатаются письма Корнея Чуковского к разным адресатам, охватывающие более двадцати лет. Письма содержат богатейшую информацию по истории создания и публикации его книг и статей, дают новые факты для изучения его связей с литераторами своей эпохи, наконец, для понимания его личности. За строками многих писем встает образ человека с непростым и весьма неровным характером. Теперь многие загадки судьбы и психологии Чуковского становятся более доступными нашему пониманию. Собранные вместе и выстроенные хронологически письма создают биографическую канву, которая восполняет пропущенные в дневнике страницы и дополняет общий абрис биографии писателя.

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

© К. Чуковский, наследники, 2013
© Е. Иванова, Л. Спиридонова,
Е. Чуковская, составление, 2013
© Агентство ФТМ, Лтд., 2013

В двух последних томах настоящего издания сочинений Чуковского представлено собрание его писем за 1903–1969 годы. В «литературном хозяйстве» каждого писателя эпистолярный жанр занимает особое место. Есть подлинные гении этого жанра, к каковым, без сомнения, можно отнести А.П. Чехова, а в литературе Серебряного века — Зинаиду Гиппиус, Вячеслава Иванова, Валерия Брюсова. В наследии писателей их переписка несет особую смысловую нагрузку: у Бориса Пастернака она помогает понять эзотерическое по своей природе творчество, у Валерия Брюсова открывает то, чем жил этот самый «закрытый» из всех русских поэтов. Длинные, захлебывающиеся и какие-то безадресные письма Андрея Белого, использовавшего любой повод для излияний, резко контрастируют с внимательными к собеседнику и по-своему обстоятельными, но написанными почти всегда как бы в ответ письмами Блока, исповедальность которых ограничена узким кругом родных и ближайших друзей. Письма писателей по-разному соотносятся с их творчеством, но неизменным остается одно: они открывают путь к биографии, помогают увидеть ее в контексте своей литературной эпохи и уже поэтому составляют значимую часть литературного наследия. Главное — они почти всегда составляют бесценный комментарий к творчеству.

Письма критиков и историков литературы соотносятся с их творчеством (для понимания которого биография и судьба не имеют определяющего значения) иначе и потому эти письма публикуются гораздо реже. Требуется масштаб Белинского или Добролюбова, чтобы эпистолярное наследие издавалось самостоятельно, а не в составе переписок с писателями. Поэтому присутствие двух томов писем в Собрании сочинений Чуковского требует некоторых пояснений.

Главная цель настоящего Собрания сочинений заключалась в том, чтобы в полном виде представить творческое наследие писателя, начиная со стихов для детей, на которых воспитывалось и продолжает воспитываться не одно поколение. Далее следовал том статей о зарубежных писателях, в свое время открывших русскому читателю имена Оскара Уайльда, Уолта Уитмена, О'Генри; книги «От двух до пяти», «Живой как жизнь», «Высокое искусство», мемуарные очерки «Современники» и историко-литературные работы, главным образом о Некрасове и его эпохе. Каждая из этих книг составляла особую сферу интересов и творческой деятельности Чуковского, эти книги складывались годами и десятилетиями, вырастали из отдельных статей, работа над ними была сопряжена с изучением и собиранием обширных историко-литературных материалов.

В наследии Чуковского был раздел, на который мы хотели обратить особое внимание: нам важно было показать, что свою творческую жизнь он начинал как литературный критик, и потому критическим статьям были отведены целых три тома (т. 6—8), в которых впервые были собраны и републикованы дореволюционные статьи и книги статей Чуковского в том виде, как они издавались до 1917 года. Эти тома открывают не только основательно забытые страницы его литературной деятельности, они открывают как бы подводную часть айсберга, которая поддерживала и надводную, пребывавшую в советское время у всех на глазах. Оказалось, что в дореволюционных литературно-критических статьях впервые были поставлены и проблемы перевода, и проблемы языка, в них обнаружило себя то исключительное знание русской и зарубежной поэзии, которое питало и детские стихи Чуковского. Составление комментариев к этим статьям помогло оценить, насколько тесно был связан Чуковский-критик со всеми крупнейшими писателями своей эпохи. Один из ведущих критиков, он успел откликнуться на все крупнейшие литературные события, и в своей совокупности его дореволюционные статьи можно рассматривать как конспективную историю литературы начала XX века.

Собранное в рамках одного издания творческое наследие Чуковского поражает разнообразием и пестротой своего состава, но при этом кажется лишенным единого стержня, распадается на выходящие из одной точки и ничем не объединенные, внутренне самостоятельные направления. Пестрота и разнообразие областей литературы и филологии, которые в течение жизни освоил Чуковский, получают свое объяснение в его биографии.

Чуковский был литературным долгожителем — почти семьдесят лет он посвятил литературе, и уникальность его судьбы заключалась в том, что на протяжении всей своей жизни он оставался профессиональным литератором, то есть человеком, зарабатывающим пропитание себе и своей большой семье исключительно литературным трудом. Если учесть, что за это время произошло три революции, четыре войны, две из которых — мировые, то уникальность литературного пути Чуковского станет еще более очевидной, и сам собой возникает вопрос: как это ему удалось?

Ответ частично дает дневник Чуковского, который пунктирно отражает его повседневную жизнь. В настоящем издании дневник впервые напечатан полностью, в него на правах приложений включены даже конспекты философских статей, которые молодой Чуковский вел прямо на страницах дневника. Дневник фиксирует наиболее важные события его жизни, иногда — реакцию на эти события, реже — характеристики некоторых лиц, имена которых мелькали на его страницах. Дневник позволяет понять, как начиналась жизнь Чуковского в литературе, каких усилий и труда стоило ему войти на равных в петербургскую литературную среду, как протекала его дальнейшая жизнь в самой ее гуще, и каким интенсивным было общение с этой средой в предреволюционные годы

Но дневник имеет большие лакуны, были годы, от которых сохранилось очень мало записей, некоторые страницы и даже целые тетради дневника Чуковский нашел нужным по каким-то соображениям уничтожить. Вполне возможно, что это произошло в годы, когда дневниковые записи легко превращались в строки обвинительного заключения, но в итоге многое из того, что мы знаем о Чуковском по другим источникам, почти не отражено в дневнике. Например, известно, что Чуковский бывал на «башне» Вяч. Иванова, посещал Религиозно-философские собрания и выступал на его заседаниях с докладами, посещал воскресные собрания у В.В. Розанова, — но обо всем этом в дневнике нет ни слова. Известно также, что звездным часом Чуковского-критика было сотрудничество в кадетской газете «Речь», — но ни о приходе в газету, ни об отношениях с редакцией в дневнике не упоминается.

Получается, что дневник намечает лишь самые общие контуры творческой биографии Чуковского и его литературной судьбы. И потому необходимо было осваивать другие источники, способные приблизить к разгадке многих тайн и загадок биографии Чуковского, — его архив, переписку с современниками, которая

до сих пор ни разу не публиковалась сколько-нибудь полно и систематически. Архив Чуковского, кстати, может быть назван одним из крупнейших документальных собраний по литературе XX века, и стоит остановиться подробнее на его непростой истории.

До революции этот архив постоянно пополнялся за счет расширявшегося круга знакомств с крупнейшими деятелями литературы и культуры. Между Чуковским, записавшим 7 февраля 1905 года в своем дневнике: «Боже мой, скольких я литераторов знаю» и присовокупившим список из 15-ти человек, и Чуковским, к которому в конце жизни почтальон носил письма, в том числе и от писателей, мешками, была огромная дистанция, и постепенно расширение этих контактов отразилось на его архиве.

Чуковский мало заботился о сохранности черновиков своих статей, подготовительных материалов к изданию и переизданию своих книг, он в этом смысле как бы следовал завету Пастернака: «Не надо заводить архива, над рукописями трястись». Но к письмам литераторов, художников, издателей он относился очень бережно, как и вообще ко всему, связанному с людьми творческого труда. Об этом свидетельствует рукописный альманах «Чукоккала», на страницах которого он старательно собирал автографы тех из них, с кем сводила его судьба. Многие вдобавок состояли с владельцем альбома в переписке, и их письма хранились не менее бережно в его архиве.

Архив Чуковского в основном собирался в дачном пригороде Петербурга — Куоккале, где Чуковский поселился с семьей вскоре после переезда из Одессы в Петербург в 1906 году. Первое время он жил на съемных дачах, эту постоянную миграцию позволяют проследить сохранившиеся адреса на конвертах, которые мы воспроизводим при соответствующих письмах. В 1912 году Чуковский с помощью И.Е. Репина, предоставившего денежный заем, в первый и в последний раз в жизни приобрел недвижимость — дачу «Золотой рог» в Кукоккале.

В этом дачном пригороде он провел лучшие и самые плодотворные годы своей жизни, в чем читатель его писем имеет возможность убедиться. Сюда съезжались друзья и знакомые, здесь началась многолетняя дружба с Репиным, в имении которого Пенаты Чуковский был постоянным гостем. Вокруг Репина и Чуковского в Куоккале кипела литературная жизнь — читались рефераты, устраивались литературные и музыкальные вечера.

Временами Репин просил Чуковского занять разговором или чтением позировавших ему деятелей культуры, на этой почве завязывались новые знакомства. Словом, Куоккала сыграла в жизни Чуковского гораздо более важную роль, чем Петербург или Одес-

са, она буквально выдвинула его в центр культурной жизни тех лет. В 1917 году Чуковскому с семьей пришлось оставить Куоккалу и перебраться в Петербург — надо было учить детей, при этом библиотека и архив оставались в Куоккале. События Октября 1917 года и отделение Финляндии, ставшей независимым государством, отрезали писателя от этой малой родины навсегда.

Чуковский с тоской писал Репину: «Куоккала — моя родина, мое детство, и неужели мы никогда не посидим с Вами в «Киоске», не почитаем стихов, и не увижу я Вашей мастерской, Ваших новых портретов, Ваших будущих картин...»[1]. Одновременно он потерял тогда архив, библиотеку и дом, за который к тому же не успел выплатить долг Репину. И хотя дом этот по-прежнему находился в близком соседстве с художником, который отделился от большевиков вместе с Финляндией, оказать помощь в продаже этой недвижимости и помочь выручить за нее хоть какие-то деньги находившийся в преклонных летах Репин не мог или не хотел. Чуковский же оказался буквально в капкане: он продолжал оставаться должником за собственность, которой лишился не по своей вине, и, несмотря на нелепость и абсурдность ситуации, предпринимал героические усилия, чтобы выплатить Репину долг.

Как часто это бывало в жизни Чуковского, возникли дополнительные осложнения: вмешался «человеческий фактор» — дочь Репина Вера Ильинична. Поначалу она не сумела покинуть Россию вместе с отцом и, оставаясь в России, сильно нуждалась. Чуковский был едва ли не единственным, кто пришел тогда на выручку, помогая выжить в голодные годы раннего большевизма. Выбиваясь из последних сил, он ссужал ее деньгами в счет своего долга Репину, хотя и сам с семьей постоянно находился на грани нищеты и голодной смерти. Но, перебравшись к отцу в Финляндию, Вера Ильинична оказалась злейшим врагом Чуковского, она стала систематически настраивать Репина против него, всячески препятствуя изданию книг художника, устройству его выставок в России, то есть всему тому, о чем хлопотал тогда Чуковский.

Вера Ильинична укрепляла Репина в мысли, что деньги, которые Чуковский ему пересылал за издание книг в России, все сплошь фальшивые, хотя подлинность денег Чуковский удостоверял в финском торгпредстве. Репин не мог адекватно оценить положение Чуковского, к которому на самом деле искренне благо-

[1] Илья Репин — Корней Чуковский. Переписка. 1906–1929 / Подг. текста и публ. Е.Ц. Чуковской и Г.С. Чурак. Коммент. Е.Г. Левенфиш и Г.С. Чурак // М.: Новое лит. обозрение, 2006. С. 167. (Далее: *Репин.*)

волил, и только методично сообщал ему со слов Веры, что присланные червонцы опять оказались фальшивыми. Находясь по другую сторону границы, Чуковский не мог доказать обратное, не мог побороть клевету и наветы. Надо сказать, что он был мастер попадать в такие житейские водовороты, причем совершенно не по собственной вине. Это была своего рода судьба: наиболее жестокие удары ему всегда наносили люди, о которых он заботился.

Но это была еще часть драмы, которую переживал тогда Чуковский: ведь он утратил еще и архив и библиотеку. О том, что осталось от них на даче «Золотой рог», Репин методично сообщал Чуковскому в своих письмах. 22 сентября 1921 года он писал из Куоккалы: «Сейчас побывал на Вашей даче <...> В Вашей большедиванной на полу слой книг и других писаний стал еще толще; но когда ступишь на этот наст в 1/4 аршина, то слышно, что внизу трещат обломки стекол... Ах, какой грустный вид...»[1]

Чуковский молил в ответных письмах: «Будьте милостивы, спасите их, если можно! Нанять бы мужика, который перенес бы все в место сухое и надёжное»[2]. У Репина были свои представления о способах сохранения бумаг. «Ваши книги в квартире так разбросаны, растрепаны, что нанятый мужик только еще более усугубил бы их уничтожение. Теперь они сохранятся сами, как все, что не нужно нам, — так Вы скорее что-нибудь выудите из этой погромной работы»[3].

Несмотря на то, что, живя в Сестрорецке, Чуковский находился рядом с Куоккалой, даже мог видеть ее издалека, достать разрешение для проезда туда он никак не мог: граница бдительно охранялась с обеих сторон, и особенно с советской, поскольку через нее многие пытались бежать от власти большевиков. Поэтому Чуковский посылал доверенности распоряжаться своим имуществом разным ненадежным людям, которые исчезали, распродав его вещи, пока, наконец, профессор-славист И.С. Шайкович, до революции преподававший в Пербурге сербский язык, не организовал Общество для охраны имущества русских ученых в Финляндии и не вывез некоторые архивы и библиотеки, в их числе и все, что оставалось от архива и библиотеки Чуковского, в Гельсингфорс, где они ожидали своих хозяев.

Но Репин, неоднократно повторявший в письмах, что очень хочет повидать Чуковского, что финские власти очень внимательно

---

[1] *Репин.* С.135.
[2] Там же. С. 137.
[3] Там же. С. 141. Письмо от 6 января 1922 года.

ны к нему, почему-то хлопотать о приезде Чуковского упорно не хотел и оставался глух к таким, например, его мольбам: «Приехать в Куоккала я готов хоть сейчас. Если бы Вы заявили, что Вы по Вашим делам хотите повидаться с писателем Корнеем Ивановичем Чуковским, давнишним финляндским жителем, никогда не принадлежавшим к коммунистической партии, я добыл бы здесь разрешение сравнительно легко»[1].

Но только поручительство финских деятелей культуры помогло получить разрешение на въезд в Финляндию, и с 21 по 27 января 1925 года Чуковский провел, наконец, у Репина в Куоккале. Свою встречу со всем, что было утрачено навсегда, Чуковский подробно описал в дневнике. Даже остатки писем и деловых бумаг, которые обнаружил он на полу своей дачи, пробуждали в нем самые разнообразные воспоминания: «Как странно поднимать с полу свою молодость, свое давнее прошлое, которое умерло, погребено и забыто. Вдруг мое письмо из Лондона к М<арии> Б<орисовне>, написанное в 1904 году — 21 год тому назад!!! Вдруг счет от «Меркурия» — заплатить за гвозди. Вдруг конверт письма от Валерия Брюсова — с забытым орнаментом «Общества свободной эстетики» — все это куски меня самого, все это мои пальцы, мои глаза, мое мясо. Страшно встретиться лицом к лицу с самим собою после такого большого антракта. Делаешь себе как бы смотр: ну что? ну как? *К чему* была вся эта кутерьма, все эти боли, обиды, работа и радости — которые теперь лежат на полу в виде рваных и грязных бумажек?»[2]

Из Куоккалы, где Чуковский постоянно ощущал враждебность репинского семейства, он направился в Гельсингфорс, где, наконец, состоялась его встреча со всем, что осталось от его архива и библиотеки, о чем он в начале февраля 1925 года сообщал Репину: «Здесь я нашел истинный клад: мои письма, бумаги, картины, которые считал безвозвратно утерянными»[3]. И более подробно и восторженно: «Спасибо добрым людям, сохранившим для меня это добро! Много фотографий моих детей, все мои дневники, письма Льва Толстого, Куприна, Мережковского, Блока, Леонида Андреева, Валерия Брюсова — всё цело, всё вернулось ко мне <...> Всё это я вновь рассортировал, разобрал, — уложил в ящики и везу домой. Довезу ли?»[4]

---

[1] *Репин.* С.180.
[2] *Т. 12*наст. изд.: *Дневник.* С. 196—197.
[3] *Репин.* С. 192.
[4] Там же. С. 192.

Вопрос этот был совсем не праздный, к этому моменту черты власти, которую установили большевики, Чуковский представлял себе достаточно отчетливо. Россия окончательно разделилась на два враждебных стана, и часть тех людей, которые составляли окружение Чуковского до революции, знакомством с которыми он гордился и дорожил, находились в эмиграции и даже успели занять видное место в ее политической жизни, находясь, как правило, на резко антибольшевистских позициях. В итоге многие документы из архива Чуковского стали компроматом, и он решил не везти их в Россию, хотя уничтожить также не решился, понимая их историческую ценность. Поэтому часть своего архива он так и оставил в библиотеке Гельсингфорса, вероятно рассчитывая, что туда еще можно будет вернуться.

К сожалению, тогда же Чуковский уничтожил часть своих бумаг, и уничтожил по соображениям совсем не политическим. «Наткнулся на ужасные, забытые вещи. Особенно мучительно читать те письма, которые относятся к одесскому периоду до моей поездки в Лондон. Я порвал все эти письма — уничтожил бы с радостью и самое время. Страшна была моя неприкаянность ни к чему, безместность, — у меня даже имени не было: одни звали меня в письмах «Николаем Емельяновичем», другие «Николаем Эммануиловичем», третьи Николаем ...извините не знаю, как вас величать», четвертые (из деликатности!) начинали письмо без обращения. Я, как незаконнорожденный, не имеющий даже национальности (кто я? еврей? русский? украинец?) — был самым нецельным непростым человеком на земле»[1].

Удивительно, что писал это человек, которому было за сорок, отец четырех детей, известный критик, ни разу не усомнившийся в своей кровной связи с русской культурой, ею воспитанный и живший ее интересами, причем писал накануне возвращения в Россию, покидать которую навсегда не собирался. Дома ему предстояло продолжить борьбу на выживание, и уже поэтому, казалось, у него не оставалось поводов для рефлексии и самоанализа. С одной стороны, в этой записи прозвучало то, что можно назвать комплексами Чуковского, но, с другой стороны, помимо незаживающей раны, которую нанесли ему обстоятельства рождения, в аутодафе, которое учинил тогда Чуковский своим бумагам одесских лет, проявились и некоторые особенности его характера.

[1] *Т. 12* наст. изд.: *Дневник*. С. 209–210.

В Чуковском была заложена совершенно особая нелюбовь к себе вчерашнему, которая подчас играла вполне позитивную роль, не давая успокоиться на достигнутом. Но в ряде случаев эта повышенная требовательность к себе имела и разрушительные последствия, превращая в самоеда. Ему все время казалось, что сегодня он пишет, переводит, редактирует лучше, чем вчера. Мало кто из переводчиков так яростно и старательно исправлял свои переводы при многократных переизданиях, мало кто из критиков так яростно, по нескольку раз переписывал уже опубликованные статьи при подготовке сборников, улучшать которые от издания к изданию он тоже считал своим долгом. Мало кто так безжалостно оценивал свои прежние работы, как Чуковский, и это постоянное недовольство собой впервые так ярко выступает в его письмах.

Казалось бы, в Финляндии, где Чуковский вращался среди самых известных деятелей финской культуры, художников, историков литературы, — разбирая свои ранние письма, он мог бы гордиться, как многого достиг, как высоко поднялся за двадцать с небольшим лет. Но Чуковский никаких достижений и побед в прошлом за собой никогда не признавал, и часть архива была уничтожена им именно потому, что она не соответствовала тем требованиям, которые он предъявлял к себе теперь. Ну а нам остается только сожалеть об авторской безжалостности, из-за которой том его писем начинается с писем из Лондона, «долондонский» Чуковский представлен, по существу, единичными письмами, которые не поддаются комментированию и потому не включены в настоящий том.

Судьба той части архива, которую Чуковский оставил в Финляндии и не решился привезти тогда в Россию, была достаточно счастливой: она оказалась лишь до времени вычеркнутой из биографии Чуковского. Профессор Шайкович перевез архив Чуковского в Швецию, и поначалу он хранился в архиве Славянского института в Стокгольме. Другой шведский славист — профессор Свен Густавссон составил его описание, предваряя которое справедливо выдвигал предположение, что «К. Чуковский сам хотел при каких-то обстоятельствах избавиться от этих в известной степени компрометирующих его писем. Ведь большинство авторов этих писем — люди, впоследствии оказавшиеся на стороне противников революции»[1].

[1] *Густавссон Свен.* Архивные находки. Письма из архива К.И. Чуковского в Стокгольме // Reprint from Scando-slavica. T. XVII. Munksgaard. Copenhagen, 1971.

Действительно, в этой уцелевшей части архива, с которой нам удалось познакомиться во время визита в Швецию в 2005 году[1], в основном хранились материалы поездки Чуковского в Англию в 1916 году в составе делегации русских журналистов, где его спутниками были писатель Вас. И. Немирович-Данченко, журналист газеты «Новое время» Е.А. Егоров и один из лидеров кадетской партии — В.Д. Набоков; все они в 1925 году находились в эмиграции. Не взял Чуковский с собой в Россию и письма брата В.Д. Набокова — дипломата Константина Набокова, восторженного почитателя Чуковского-критика, часть этих писем опубликовал Н.П. Соколов[2]. В стокгольмском архиве находились письма к Чуковскому видного деятеля кадетской партии и патрона Чуковского по газете «Речь» — Иосифа Гессена, письма Сергея Маковского и целого ряда менее известных людей, которых объединяло то, что в 1925 году они находились за пределами России.

Но все-таки основную часть своего архива Чуковский тогда благополучно привез в Россию и долгие годы бережно хранил. С годами архив, как уже говорилось, сослужил ему службу: он стал материалом для мемуарной книги «Современники», отдельные главы которой написаны на основе писательских писем к Чуковскому и дневников. Но время наложило на эту книгу свой отпечаток: мемуары создавались в условиях, когда область того, что надо было скрывать, была обширнее, чем область того, о чем можно было рассказывать. Поэтому возникли некоторые перекосы — чуть ли не главным персонажем и другом Чуковского оказался нарком А.В. Луначарский, с излишней краткостью и не без искажений и пропусков были описаны отношения с М. Горьким. Более или менее подробно Чуковский мог рассказать только о своих младших современниках — Ю. Тынянове, М. Зощенко и др.

Зато о многих из тех, кто реально составлял круг общения Чуковского до революции, ничего или почти ничего нельзя было рассказать. Нельзя было рассказать о том, что его первым литературным наставником был Владимир Жаботинский, хотя четыре его письма, сохранившихся в архиве, Чуковский уничтожить не

---

[1] Приношу благодарность атташе по культуре Посольства Швеции в Москве Марьяне Хульберг и сотрудникам посольства, оказавшим содействие в организации этой поездки.

[2] «...Ваш читатель Константин Дмитриевич Набоков». Из писем К.Д. Набокова К.И. Чуковскому. 1909–1910. Публикация Н.П. Соколова // Чтение в дореволюционной России. М., 1995.

решился; что его «университетами» были все те английские критики и писатели, с творчеством которых он познакомился во время пребывания в Лондоне в качестве специального корреспондента газеты «Одесские новости»; что он безмерно восхищался критическими статьями В.В. Розанова, что его как критика «воспитывали» и наставляли З.Н. и Д.С. Мережковские, что в газете «Речь» его главным заступником и поклонником был Иосиф Гессен. Почти ничего не написал Чуковский об Одессе и о своей дружбе с одесситами — Л.П. Гроссманом, Л.О. Карменом, Вл. Жаботинским, Н.О. Лернером, Д.Л. Тальниковым (Шпитальниковым). Ни разу не упомянул он еще об одном известном одессите — Льве Троцком, так и остается неизвестным, были ли они знакомы по Одессе и не этому ли знакомству Чуковский был обязан разносами, которые ему время от времени учинял Троцкий в своих статьях?

В период, когда Чуковский писал свою книгу «Современники», многие имена его корреспондентов находились под запретом. Восполнить пробелы в своих мемуарах он пытался при подготовке к изданию рукописного альманаха «Чукоккала». Альманах этот имел вид альбома, в котором на протяжении многих лет посетители Куоккалы оставляли записи, которые располагались без всякой системы и плана. Задумав издание альманаха, Чуковский решил не воспроизводить эти записи в их последовательности[1], а объединить записи наиболее выдающихся авторов в отдельные главы, дополнив их небольшими мемуарными очерками. В некоторые сюжеты, например, в сюжет об А.М. Ремизове, Чуковский включил и письма, хранившиеся в его архиве, но никак не связанные с «Чукоккалой». К сюжету о Мандельштаме он прибавил фотографию, которую получил от А.А. Ахматовой уже в 40-е годы, и свои воспоминания об обстоятельствах ее появления. Хранившиеся в его архиве письма были настолько широко использованы для подготовки отдельных очерков для издания «Чукоккалы», что превращали эту книгу в дополнительный том мемуаров «Современники». При жизни Чуковскому не удалось увидеть «Чукоккалу» опубликованной: в сокращенном по условиям цензу-

[1] С сохранением последовательности и полным объемом записей альманах был издан: Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. М.: Премьера, 1999. Страницы альманаха факсимиле воспроизведены в сильно уменьшенном виде, черно-белыми; на той же странице дается текст записей, набранный современным шрифтом и комментарии к ним. (Малотиражное издание факсимиле в издательстве «Monplaisir» не упоминаем ввиду его недоступности.)

ры виде она была издана в 1979 году[1], а в полном — впервые появилась в свет в 2006 году[2].

При подготовке к изданию «Чукоккалы» письма из архива Чуковского были использованы, но это были письма к нему. Поэтому можно сказать, что два настоящих тома, завершающих издание Собрания сочинений Чуковского в пятнадцати томах, открывают читателю совершенно новую область его творческого наследия — эпистолярию.

Изданию тома предшествовала огромная работа по поиску и выявлению писем самого Чуковского. Дело в том, что в его архиве, часть которого находится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, сохранились преимущественно письма к Чуковскому; его собственные письма оказались рассеянными по архивам его корреспондентов и адресатов, и прежде чем издавать, их надо было выявить и собрать.

Первые шаги в этом направлении сделала Комиссия по творческому наследию Чуковского, от имени которой Л.К. Чуковская обратилась ко всем держателям его писем с просьбой направлять их в адрес Комиссии. Надо сказать, что многие откликнулись на этот призыв, предоставив письма, их копии или просто сообщив об их существовании. Переданные тогда материалы были присоединены к архиву Чуковского (они в большинстве своем включены в настоящий том). Хуже получилось с письмами, владельцы которых только сообщили Комиссии об их существовании. Как правило, их следы оказались утеряны, и о судьбе писем, остававшихся в нескольких частных архивах (например, в архиве покойного ныне исследователя творчества В.Я. Брюсова — Г.И. Дербенёва), ничего не известно. Но почти во всех случаях это были письма советского периода.

Более раннюю, дореволюционную переписку и переписку первых лет после революции предстояло собирать по разным архивам, письма из архива Чуковского только направляли наше внимание к тем или иным именам его корреспондентов, служа путеводной нитью в этих разысканиях. Результатом этих поисков и стали два тома, завершающие пятнадцатитомное издание сочинений Чуковского.

Как известно, идеальной для публикации эпистолярного наследства является ситуация, когда удается обнаружить дву-

[1] Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. М.: Искусство. 1979.

[2] Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. М.: Русский путь. 2006.

стороннюю переписку: благодаря этому мы имеем дело с завершенным диалогом, слышим голоса обоих корреспондентов. Встречные письма бывают полезны и для составления комментариев, информационно дополняя друг друга. Двусторонних переписок Чуковского сохранилось немного, особую ценность здесь несомненно составляют ныне уже опубликованные его переписки с И.Е. Репиным[1], со своими детьми — Л.К. Чуковской[2] и Н.К. Чуковским[3], двусторонние переписки с М.Н. Альбовым[4], Е.И. Замятиным[5], А.М. Горьким[6], М.В. Юдиной[7], А.М. Ремизовым[8], С.Я. Маршаком[9], В.А. Кавериным[10], Ю.Г. Оксманом[11]. Из неопубликованных переписок самой важной остается переписка с Валерием Брюсовым, которая была подготовлена А.В. Лавровым для настоящего издания как двусторонняя. Из нее в настоящий том включены только письма Чуковского. Но есть и другие весьма важные, но небольшие переписки — с Л.П. Гроссманом, М.О. Гершензоном, Н. Гумилевым, Б.А. Садовским, А.Н. Толстым — и все они имеют ценность не только для изучения эпистолярии Чуковского, но и для изучения биографий его корреспондентов, для изучения литературного процесса начала XX века.

---

[1] *Репин.*

[2] Корней Чуковский — Лидия Чуковская. Переписка. 1912–1969 / Подг. текста, публ. и коммент. Е.Ц. Чуковской и Ж.О. Хавкиной. М., 2003.

[3] *Чуковский Николай.* О том, что видел / Подг. текста и коммент. Е.Н. Никитина. М., 2005.

[4] Переписка К.И. Чуковского с М.Н. Альбовым / Публ. Е.Н. Никитина // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2005. Т. 64. № 1. С. 51–57.

[5] Е.И. Замятин и К.И. Чуковский. Переписка (1921–1928) / Вступ. ст., публ. и коммент. А.Ю. Галушкина // Евгений Замятин и культура XX века: Исследования и публикации. СПб.: РНБ, 2002.

[6] Переписка М. Горького с К.И. Чуковским /Предисл. и подг. текста Е.Ц. Чуковской и Н.Н. Примочкиной; примеч. Н.Н. Примочкиной // Неизвестный Горький. Материалы и исследования. Вып. 3. М.: Наследие, 1994; Вып. 4. М.: Наследие, 1995.

[7] Pro domo sua. К.И. Чуковский и М.В. Юдина. Подг. текста, публ. и коммент. Е. Ефимова // Новый мир. 2005. № 11. С. 130–140.

[8] Переписка К.И. Чуковского с А.М. Ремизовым / Вступ. ст., подг. текста и коммент. И.Ф. Даниловой и Е.В. Ивановой // Русская литература. 2007. № 3. С. 132–180.

[9] «Между нами долго была какая-то стена» (Переписка К.И. Чуковского с С.Я. Маршаком) / Подг. текста и коммент. М. Петровского // Егупец (Киев), 2003. № 12. С. 290–326.

[10] Переписка К.И. Чуковского с В.А. Кавериным / Вступ. ст., подг. текста и примеч. Е.Н. Никитина // Известия АН. Серия литературы и языка. 2004. Т. 63. № 2. С. 62–68.

[11] Ю.Г. Оксман — К.И.Чуковский. Переписка / Предисл. и коммент. А.Л. Гришунина // М.: Языки славянской культуры, 2001.

Писем Чуковского, ответов на которые не сохранилось, к сожалению, большинство[1], и работа по их выявлению была весьма кропотливой. Чтобы оценить ее масштабы, достаточно взглянуть на «Список адресатов» в конце настоящего тома, где указывается местонахождение публикуемых писем: поиск охватывал все крупнейшие рукописные собрания нашей страны. И здесь помогли некоторые ранние публикации писем Чуковского, иногда в виде отрывков в статьях и воспоминаниях, иногда в виде самостоятельных документов, которые начались почти сразу после смерти писателя. Первой подборкой писем Чуковского стали публикации Л.П. Крысина «Письма К. Чуковского разных лет»[2] и «Я люблю Ленинград любовью писателя...»[3]; в процессе подготовки публикаций Л.П. Крысин впервые просмотрел рукописные фонды Института Русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, Российской национальной библиотеки и РГАЛИ и составил картотеку, которой мы пользовались и при подготовке настоящего издания. Целый ряд публикаций подготовил М.С. Петровский[4], одну публикацию осуществила К.И. Лозовская[5], она же оставила нам в наследство целый ряд переписанных ею писем Чуковского из фонда Чуковского в РГАЛИ, которыми мы также пользовались.

В процессе подготовки настоящего тома нам пришлось заново просмотреть фонды всех крупнейших рукописных собраний нашей страны — Российской государственной библиотеки, Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, РГАЛИ, Государственного литературного музея, Отдела рукописей Института мировой литературы им. Горького РАН — и везде находились прежде неизвестные и никогда не публиковавшиеся письма. В процессе этой работы были не только находки, были обнаружены и невосполнимые утраты, порой весьма чувствительные. Например, в архиве Чуковского сохранилось 11 писем известного адвоката Оскара Грузенберга, но ни одного ответного письма Чуковского не найдено. Видимо, пропали или были уничтожены пи-

---

[1] Количество сохранившихся писем к Чуковскому, на которые не найдены его ответы, намного превышает известные к настоящему времени его письма и показывает, что уцелела лишь небольшая их часть.

[2] Письма К. Чуковского разных лет / Вступ. ст., публ. и коммент. Л. Крысина // Вопросы литературы. 1972. № 1. С. 152–182.

[3] «Я люблю Ленинград любовью писателя...»: Из писем К. Чуковского / Публ., коммент. и предисл. Л. Крысина // Звезда. 1972. № 8. С. 188–202.

[4] Сродни совести: Из писем К. Чуковского / Вступ. ст. и коммент. М. Петровского // Лит. обозрение. 1982. № 4. С. 98–109. См. также примеч. 9 на стр. 17.

[5] В кругу современников / Публ. и коммент. К. Лозовской // Лит. газета. 1982, 31 марта.

сьма Розанова; ответные письма Чуковского, сохранившиеся в архиве Розанова в РГАЛИ, говорят об исключительной важности их отношений: это был второй по значению, после Жаботинского, хотя и весьма специфический наставник Чуковского. Теперь изучать этот «роман-воспитание» можно только по их статьям друг о друге, которые напоминают не столько общение учителя и ученика, сколько литературную дуэль, продолжавшуюся больше десяти лет. Неизвестно местонахождение писем Чуковского к Д.С. и З.Н. Мережковским, и они обещают быть исключительно интересными, судя по сохранившимся ответным письмам Мережковских.

Применительно к российским архивам работа по выявлению писем Чуковского в основном завершена и все сколько-нибудь значительные письма включены в два тома настоящего издания. Из числа выявленных писем мы не включили единичные малосодержательные письма, касающиеся, в основном, денежных расчетов, болезней или содержащие упоминания о неизвестных лицах и событиях, которые невозможно прокомментировать.

Остальное утрачено безвозвратно. Если и остается резерв для новых находок, то вряд ли это будут отечественные архивы, где могут обнаружиться разве что единичные документы. Гораздо большие надежды вселяют зарубежные архивы, о чем свидетельствует буквально сенсационная находка последних десятилетий, совершённая основателем Русского архива при Лидском университете (Великобритания) Ричардом Дэвисом. Благодаря стечению обстоятельств в его руки попал архив семьи видного инженера-железнодорожника Ю.В. Ломоносова[1], одного из первых «невозвращенцев»; его жена, Р.Н. Ломоносова, в начале 20-х годов помогала Корнею Чуковскому, а по его просьбе еще и Борису Пастернаку[2], через которого помощь получила Марина Цветаева[3]. Р.Н. Ломоносова переписывалась еще и с Я.И. Перельманом, П.С. Романовым, Ю.Н. Тыняновым. В архиве Ломоносовых сохранилось 28 писем Чуковского за 1925–1927 гг., все они уникальны по своей содержательности, поскольку в них Чуковский, мо-

---

[1] Подробнее историю этого архива см. в предисловии к описанию коллекции Ломоносовых, хранящейся в архиве университета города Лидса: *Hugh Alphin*. Catalogue of the G.V. Lomonossoff, R.N. Lomonossoff and George Lomonosoff Collections. Leeds. 1988.

[2] Переписка Р.Н. Ломоносовой с Б.Л. Пастернаком опубликована: Минувшее: Исторический альманах. Вып. 15–17. М.–СПб., 1994–1995.

[3] Письма Марины Цветаевой к Р.Н. Ломоносовой опубликованы: Минувшее: Исторический альманах. Вып. 8. Paris, 1989.

жет быть впервые с такой подробностью, описывает тяготы своей жизни в это трудное для него время. Четырнадцать писем к Ломоносовой были опубликованы Ричардом Дэвисом[1], в настоящий том мы включили более полный корпус этих писем, текст которых он предоставил нам (основная их часть войдет в пятнадцатый том). Подобные находки хоть и составляют исключительное явление, но возможны и в дальнейшем.

Необходимо сказать несколько слов об одной особенности писем Чуковского, создающей большие трудности при их публикации. Перед нами своего рода загадка человеческой психологии: Чуковский, у которого довольно рано пробудились историко-литературные интересы, который внимательно изучал биографии писателей (ниже мы приведем его похвальные слова в адрес публикаторов писем Чехова), последовательно не ставил даты в собственных письмах, настолько последовательно, что некоторые из современников даже выражали возмущение по этому поводу. Вячеслав Полонский, вскоре после своего возвращения из поездки в Германию и Францию, в письме от 26 октября 1925 увещевал Чуковского: «На Ваших письмах нет дат! После «аккуратности», которую я посмотрел в Германии, это прямо преступление...»

Но увещевания не подействовали, и письма Чуковского и позднее оставались недатированными. Будем считать, что происходило это не потому, что он хотел затруднить жизнь своим публикаторам, а потому, что вовсе не рассчитывал на то, что письма когда-либо будут опубликованы. Трудности, тем не менее, существуют. На первом этапе собирания писем Чуковского задача выстроить их в хронологической последовательности казалась почти неразрешимой, иногда невозможно было определить год написания письма в рамках пяти—десяти лет. В редких случаях на помощь приходили ответные письма, некоторые корреспонденты даже проставляли дату получения на письмах Чуковского, это делал, например, Алексей Ремизов, М.К. Лемке, иногда — Александр Блок. Но ответные письма чаще всего не сохранились, а некоторые сохранившиеся также не имели датировок, и поэтому задача их размещения в томе долго оставалась трудновыполнимой.

---

[1] «Ах, у каждого человека должна быть своя Ломоносова...»: Избранные письма К.И. Чуковского к Р.Н. Ломоносовой. 1925—1926 / Публ. Р. Дэвиса. Предисл. Е. Чуковской и Р. Дэвиса // In memoriam. Исторический сборник памяти А.И. Добкина. СПб.—Париж: Феникс-Atheneum, 2000. С. 301—344.

И только по мере накопления писем, за счет сопоставления повторяющихся фактов и упоминаний, иногда с помощью адресов Чуковского, некоторое время кочевавшего по дачам Куоккалы, по мере того как количество доступных сведений биографического характера переходило в качество, письма начинали комментировать друг друга, возникали ориентиры для выстраивания их в хронологическом порядке и начинали вырисовываться общие контуры тома. Поэтому пусть читатель не удивляется, что датировки зачастую указывают только на месяц либо даже на сезон (зима, весна, лето, осень): восстановление даже этих ориентиров — плод длительных расчетов и сопоставлений.

Этот труд оказался не напрасным — теперь при сплошном чтении писем стало возникать ощущение, что перед нами биографическая канва, восполняющая пропущенные в дневнике страницы и дополняющая общий абрис биографии писателя. Читая их подряд, начинаешь понимать, почему Чуковский так дорожил своим архивом: это был и его «патент на благородство», и память о похороненной дореволюционной жизни, и своего рода стержень всей его литературной судьбы.

В своих литературно-критических статьях он не случайно проявлял неизменный интерес к биографиям и судьбам тех, о ком писал. В работах о Горьком, о Леониде Андрееве, даже о Вербицкой и Чарской Чуковский неизменно задавался вопросом: а кто стоит за этими произведениями? Нечто подобное прослеживается и в его отношении к Чехову, который на протяжении всей жизни Чуковского был его кумиром. Первую статью о Чехове он написал еще в начале 1900-х годов, в течение последующих лет он мечтал написать о нем книгу и только в конце своего творческого пути осуществил это намерение. В своем кумире Чуковский видел не только создателя гениальных произведений, ставших вершиной русской прозы, но и эталон моральной личности, учителя жизни. Изучая Чехова, Чуковский одновременно воспитывал себя по его образцу. В набросках работ о Чехове сохранились рубрики, по которым Чуковский систематизировал мысли писателя, и они служили ему не столько планом будущей книги, сколько направлениями самовоспитания. Насколько это удавалось — другой вопрос, но писательская этика Чуковского во многом вырастала из чеховской. Литература для него не существовала в отрыве от личности ее создателя. Обратившись после революции к истории русской и зарубежной литературы, включившись в подготовку изданий сочинений писателей и поэтов XIX века, в своих очер-

ках о них Чуковский неизменно подробно освещал их биографии и судьбы. Собственно, подлинный интерес к Некрасову у Чуковского пробудился тогда, когда он открыл в поэте сложную, противоречивую и страдающую личность.

Изучая Чехова, Чуковский один из первых обратил внимание на значение его эпистолярного наследия, тогда только начинавшее входить в читательский обиход. Одна из ранних его статей так и называлась «Письма Чехова»[1]. Об издании этих писем Чуковский писал: «Превосходная книга. С благоговением собраны все письма, изучены, снабжены примечаниями, и даже орфография в них соблюдена чеховская. Главное же хорошо то, что для каждого письма установлена дата, и, таким образом, письма даны не в разбивку, как было до сих пор, а в порядке их написания — и по ним можно проследить развитие этой загадочной души». Далее он с бесконечным восторгом приводил цитаты и высказывания Чехова, восхищался его писательской скромностью, отсутствием самолюбования, «душевной стыдливостью», «целомудрием одинокой и скрытой души», и эти черты личности писателя были для Чуковского неотделимы от творчества: «Эстетика Чехова требовала, чтобы о самом значительном и волнующем — либо молчать, либо говорить со смехом, как о пустяках».

Теперь и мы можем сказать, что в «литературном хозяйстве» Чуковского письма занимают весьма важное место: они содержат богатейшую информацию по истории создания и публикации его книг и статей, для изучения его связей с литераторами своей эпохи, наконец, для понимания его личности. Письма даже в большей степени, чем дневник, дают ключ к некоторым загадкам его души; личность и характер Чуковского, со всеми своими неровностями и шероховатостями, проявились в них едва ли не ярче. За строками многих писем встает образ не только замученного жизнью литератора, но и человека с непростым и весьма неровным характером. Очевидно, что Чуковский во многом усвоил общую тональность чеховского отношения к себе: он был далек от самовосхваления и саморекламы, никогда не исповедовался в письмах и очень редко нагружал собеседников своими проблемами. Но очевидна и эмоциональная неустойчивость Чуковского, способность долго и терпеливо переносить неудобные и невыгодные для себя ситуации и затем неожиданно и безрасчетливо выплеснуть все свои обиды на случайно подвернув-

[1] Речь. 1910. 11 (24) января.

шегося и, как правило, наименее подходящего для этого человека, как это было в случае с его известным письмом к А.Н. Толстому. Последствия своего эмоционального выплеска он переживал едва ли не десятилетие, не говоря о том, что многие дружеские связи были утрачены навсегда.

Словом, в письмах Чуковского мы открываем путь к более полному изучению дореволюционной его биографии, которая до сих пор напоминала затопленный корабль, обследовать который можно было лишь погрузившись в недра его архива. Теперь многие загадки судьбы и психологии Чуковского доступны нашему пониманию, и мы представляем читателю возможность познакомиться с эпистолярием Чуковского как с особым разделом его творческого наследия.

Какое же место занимали письма в «литературном хозяйстве» Чуковского? Очевидно, что времени писать письма у него не было, и потому памятниками эпистолярного творчества в своем большинстве они не являются. Чаще всего его письма невелики по объему, носят деловой или полуделовой характер. Постоянно звучащее в них обещание написать в следующий раз подробное и большое письмо, похоже, так никогда и не было исполнено из-за постоянной загруженности и стремления поспеть к сроку со своими статьями. Тем не менее, собранные вместе и расположенные в хронологической последовательности, его письма, при всей их краткости, при повторяющихся до навязчивости мотивах (я болен, мне некогда...), содержат бесценный материал для восстановления отдельных эпизодов его литературной судьбы, что мы постарались в меру сил отразить в комментариях.

Присутствие двух томов писем в Собрании сочинений Чуковского не случайно еще и по другим причинам. Чуковский был не только выдающимся литератором и автором замечательных книг, он служил соединительным звеном между несколькими литературными эпохами, и его письма — путеводитель по литературной жизни этих эпох. Удивительным образом письма Чуковского, довольно слабо связанного с политикой и политической конъюнктурой, тем не менее отражают смену эпох не только литературных, но и исторических. И это несмотря на то, что сами политические события не находят прямого отражения в этих письмах, что кажется даже удивительным. Мы не встретим здесь упоминаний ни о начале, ни о событиях Первой мировой войны, ни обо всех последующих революциях и войнах. Смена эпох здесь прослеживается по многим другим косвенным признакам, по тому,

как умеренный оптимизм первых послереволюционных лет сменяется отчаянием и ощущением собственного одиночества в новой эпохе, по тому, как мужественно пытался Чуковский в 30-е годы войти в ту новую литературу, которая создавалась на его глазах, и как он последовательно уклонялся от несения всякого рода чиновничьих функций.

Письма более ярко и подробно, чем дневник и воспоминания, открывают нам в Чуковском человека, заботящегося о ближних, всегда готового придти на помощь, понимающего боль другого, но при этом находящегося со всеми в сложных и неровных отношениях. Похоже, что долго поддерживать эпистолярную дружбу он не умел или не хотел. В чем-то письма дублируют и дополняют дневник — они помогают понять, какое огромное влияние на судьбу Чуковского оказывала семья. Ведь в отличие от подавляющего большинства литераторов, Чуковский был человеком по-настоящему семейным, он прожил со своей женой, Марией Борисовной, больше пятидесяти лет и пережил её на десять с лишним лет. У них было четверо детей, из которых Мария Борисовна похоронила двоих, а Чуковский — троих. Всю жизнь на плечах Чуковского лежала забота о семье, и постоянно ощущаемый груз забот о своих близких многое объяснял в его поступках и даже творчестве: он не мог отрешиться от необходимости постоянно зарабатывать, поэтому такие вопросы, как сотрудничать или не сотрудничать с большевиками, принимать или не принимать революцию, он решал исходя из того, что при любой власти он должен кормить семью. И в каждой из меняющихся литературных эпох Чуковскому приходилось заново отыскивать не только свое место в литературе, но и способ зарабатывать с ее помощью деньги. Все это хоть и очень пунктирно, но намечено в записях дневника, это же составляет и один из мотивов его переписки.

Судьба Чуковского, как она предстает в его письмах, — это именно судьба литератора, который двигался во времени, не выпуская пера из рук. Литература его взрастила, она же его кормила, ей одной он оставался верен, вынужденно меняя амплуа: критика, детского поэта, историка литературы, текстолога, переводчика, народного заступника, — на всех этих путях предметом его раздумий и забот неизменно оставалась литература, а основным местом дислокации — письменный стол.

Евг. Иванова

Тома 14 и 15 настоящего Собрания сочинений — первая попытка издания эпистолярии Чуковского как равноправного раздела его творческого наследия, поэтому большинство писем либо печатается впервые, либо впервые печатается их полный текст. Из писем, выявленных в процессе подготовки томов эпистолярного наследия, в них не вошли недатированные тексты сугубо делового характера, содержание которых не удается прокомментировать, письма, касающиеся денежных расчетов с издателями, записки и т. п. документы ситуативного характера.

В 14-й том вошли 519 писем К.Чуковского к 115 адресатам за период с 1903 по 1925 год.

Наряду с письмами нами включены в этот том два архивных документа: «“Дом искусств” в 1921 году. Отчет литературного отдела» и «Единое сердце на весь земной шар» (1923). В строгом смысле оба документа не относятся к эпистолярному жанру, но мы сочли возможным поместить их в контекст переписки, поскольку они дают ценные свидетельства о времени и об умонастроениях в эти годы. И кроме того, оба документа, в сущности, тоже письма — но адресованные не частному лицу, а организации.

Обращаем внимание читателей на оформление тома. Дата под фамилией адресата поставлена составителями. Она либо повторяет дату, имеющуюся в письме, либо установлена на основании косвенных данных, которые сообщаются в примечании. Часто письма датируются по почтовому штемпелю (эта дата, однако, может подвести, в том случае, если при хранении перепутаны конверты или если штемпель расплылся, стерся и плохо читается). Кроме того, даты, установленные по почтовому штемпелю лишь приблизительно соответствуют времени написания письма, а точно отражают лишь время его отправки. Иногда дата устанавливается по содержанию и по связи с соседними письмами; в таких случаях обоснование датировки не всегда оговаривается.

Дореволюционные письма из Лондона или из Куоккалы датированы по новому стилю (в этих случаях дата нового стиля стоит

в круглых скобках), а письма из Петербурга – того же времени — по старому. Не всегда можно точно установить место написания письма — иногда письмо написано на даче, а на почтовом штемпеле стоит город, где оно было брошено в почтовый ящик. Часто подспорьем в этом случае служат дневниковые записи.

Тексты писем печатаются в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации, но с сохранением индивидуальных и специфических особенностей написания автора; в частности, сохраняются разнобой, неточности и отклонения от принятой ныне нормы в воспроизведении иноязычных собственных имен и названий книг, журналов и учреждений. Описки и иные внешние погрешности текста исправляются без оговорок. Авторские подчеркивания в тексте воспроизведены курсивом.

Все письма расположены в хронологическом порядке. В тех случаях, когда удалось установить лишь год написания письма, – письмо помещено в конец подборки писем за данный год.

Комментарии расположены под каждым письмом; они создавались в разные годы разными исследователями и не всегда унифицированы по способам подачи материала. Все сведения об адресатах и местонахождении писем вынесены в специальный «Список адресатов», что позволяет не повторять каждый раз шифры архивного хранения. В «Списке адресатов» приводятся сведения о предшествующих публикациях писем (полных или в отрывках), а также фамилия публикатора.

Специально для настоящего тома тексты и комментарии к письмам подготовили:

О.В. Быстрова, Е.В. Иванова, И.В. Шкуропат (И.Ф. Анненскому, А.Л. Волынскому); *О.В. Быстрова* (М.А. Волошину, А.Н. Чеботаревской, О.Н. Чюминой); *Т.Р. Гавриш* (И. Бунину); *И.Ф. Данилова и Е.В. Иванова* (А.М. Ремизову); *Е.К. Дейч* (А.И. Дейчу); *Е.Б. Ефимов* (А.Г. Горнфельду, З.Г. Гринбергу, Д.О. Заславскому, Е.П. Летковой-Султановой, О.А. Фрибес, М.С. Шагинян); *Е.В. Иванова* (В.И. Анучину, И.В. Гессену, В.В. Розанову, «Единое сердце на весь земной шар», «Дом Искусств в 1921 году»); *А.В. Лавров* (В.Я. Брюсову); *Е.Ю. Литвин* (Е.В. Гольденвейзер, Л.П. Гроссману, А.А. Кипену, П.Е. Щеголеву); *М.С. Петровский* (А.Ф. Кони); *Н.Ю. Серебрякова* (С.П. Крачковскому); *Е.П. Яковлева* (А.В. Руманову).

Тексты писем: *М.А. Фролов* (Ю.П. Анненкову, И.А. Белоусову, И.М. Василевскому, И.И. Горбунову-Посадову, А.И. Котылеву, Я.Б. Лившицу, В.П. Полонскому, П.Н. Сакулину, А.С. Серафимовичу, С.В. Яблоновскому, Е.Л. Янтареву, И.И. Ясинскому).

В томе использованы, иногда с дополнениями и уточнениями, многие журнальные публикации писем Чуковского, которые

осуществили: *И. Андреева* (Б.А. Садовскому, М.О. Гершензону), *А.Ю. Галушкин* (Е.И. Замятину); *Р. Дэвис* (Р.Н. Ломоносовой), *Л.П. Крысин, М.С. Петровский* (подборки писем К. Чуковского к разным адресатам); *Т.А. Кукушкина, Е.Р. Обатнина* (А.М. и Е.И. Редько); *Е.Н. Лемминг* (Л.Н. Лунцу), *Е.Н. Никитин* (М.Н. Альбову, Н.К. Чуковскому); *Н.Н. Примочкина* (М. Горькому); *О. Раевская-Хьюз, Л. Флейшман, Р. Хьюз* (А.С. Ященко); *Г.П. Струве* (З.Д. Шкловской); *Б.Я. Фрезинский* (Е.Г. Полонской); *Ж.О. Хавкина* (Л.К. Чуковской); *А.П. Черников* (И.С Шмелеву); *Е.Ц. Чуковская* (М.Б. Чуковской, Л.К. Чуковской); *Г.С. Чурак* (И.Е. Репину); *Н. Щербанов* (В.П. Правдухину).

Общая редакция комментариев к тому, а также комментарии и подготовка текстов кроме перечисленных выше — *Е.В. Ивановой и Е.Ц. Чуковской.*

Благодарим *Л.Г. Беспалову* за перевод английских текстов, *С. Рубашову* за сверку письма в Британском Музее, *Катрин Юдельсон* за материалы для комментариев к письму к С.О. Грузенбергу (письмо **311**) — комментарий построен на сведениях об английских авторах и о полемике в английской печати, в том числе в газетах, отсутствующих в наших библиотеках. Приносим свою благодарность *Е.В. Кириллиной* за безотказную помощь и сведения по биографии И.Е. Репина, *Ж.О.Хавкиной* за участие в составлении указателя имен, *Л.А. Абрамовой* за сведения для этого указателя, *С.В. Шумихину* за справки по биографии Б.А. Садовского, *О.В. Степановой* за постоянную помощь на всех этапах этой работы и *Е.И. Дворецкой* за деятельное участие в работе над книгой.

Альбов — Переписка К.И. Чуковского с М.Н. Альбовым / Публ. Е.Н. Никитина // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2005. Т. 64. № 1. С. 51–57.

Архив ЕЦЧ — Архив Е.Ц. Чуковской.

Берман – Берман Д.А. К.И. Чуковский. Биобиблиографический указатель. М.: Восточная литература, 1999.

Блок-ЛН — Литературное наследство. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Т. 92. М.: Наука, 1980–1993.

ГЛМ — Государственный Литературный музей.

Горький-3 — Переписка М. Горького с К.И. Чуковским /Предисл. и подг. текста Е.Ц. Чуковской и Н.Н. Примочкиной; примеч. Н.Н. Примочкиной// Неизвестный Горький. Материалы и исследования. М.: Наследие, 1994. Вып. 3.

Горький-4 — Переписка М. Горького с К.И. Чуковским. / Предисл. и подг. текста Е.Ц. Чуковской и Н.Н. Примочкиной; примеч. Н.Н. Примочкиной// Неизвестный Горький. Материалы и исследования. М.: Наследие, 1995. Вып. 4.

ГРМ — Государственный Русский музей.

ГТГ — Государственная Третьяковская галерея.

Дн.-11, Дн.-12, Дн.-13 — Чуковский Корней. Дневник. Тт. 11–13 наст. изд. соответственно.

Замятин — Е.И. Замятин и К.И. Чуковский. Переписка (1921–1928) / Вступит. ст., публ. и коммент. А.Ю. Галушкина // Евгений Замятин и культура XX века: Исследования и публикации. СПб.: РНБ, 2002.

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Кони — *Кони А.Ф.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1966—1969.

Крысин-ВЛ — Письма К. Чуковского разных лет / Публ. Л. Крысина // Вопросы литературы. 1972. № 1. С. 152–182.

Крысин-Зв. — «Я люблю Ленинград любовью писателя...». Из писем К. Чуковского / Публ. Л. Крысина // Звезда. 1972. № 8. С. 188–202.

КЧ–ЛК — Корней Чуковский — Лидия Чуковская. Переписка. 1912–1969 / Подг. текста, публ. и коммент. Е.Ц. Чуковской и Ж.О. Хавкиной. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

КЧ–НК — *Чуковский Николай.* О том, что видел / Подг. текста и коммент. Е.Н. Никитина. М.: Молодая гвардия, 2005.

Лит. жизнь-1 — Литературная жизнь России 1920-х годов. Т. 1. Ч. 1. Москва и Петроград. 1917–1920 гг. / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2005.

Лит. жизнь-2 — Литературная жизнь России 1920-х годов. Т. 1. Ч. 2. Москва и Петроград. 1921–1922 гг. / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2005.

Лозовская — В кругу современников / Публ. К. Лозовской // Литературная газета. 1982. 31 марта. № 13. С. 5.

НБА РАХ — Научно-библиографический архив Российской Академии художеств.

НБП-Ч — *Корней Чуковский.* Стихотворения / Вступит. ст., подг. текста и примеч. М. Петровского. СПб., 2002 (Новая б-ка поэта).

НИМ РАХ — Научно-исследовательский музей Российской академии художеств.

ОН — Одесские новости.

ОР ГТГ — Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи.

ОР ИМЛИ — Отдел рукописей Института мировой литературы имени М. Горького.

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

ОР РМ — Отдел рукописей Русского музея.

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

Панасенко — *Панасенко Наталья.* Чуковский в Одессе. Одесса: Оптимум, 2002.

Петровский-ЛО — Сродни совести: Из писем К.И. Чуковского / Публ. М.С. Петровского // Литературное обозрение, 1982. № 4.

РАЛ – Русский архив в Лидсе (Великобритания).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

Ремизов–КЧ — Переписка А.М. Ремизова и К.И. Чуковского / Вступит. ст., подг. текста, коммент. И.Ф. Даниловой и Е.В. Ивановой // Русская литература. 2007. № 3. С. 146–195.

Репин — Илья Репин — Корней Чуковский. Переписка. 1906–1929 / Подгот. текста и публ. Е.Ц. Чуковской и Г.С. Чурак. Коммент. Е.Г. Левенфиш и Г.С. Чурак // М.: Новое литературное обозрение, 2006.

С*токгольмский архив* — Фонд К.И.Чуковского в рукописном собрании Королевской библиотеки г. Стокгольма.

Толстой — Толстой А.Н. Переписка с К.И. Чуковским 1909–1943 гг. / Предисл. и публ. Е.Ю. Литвин // А. Толстой. Материалы и исследования. М.: Наука, 1985.

Т. № наст. изд.— Чуковский Корней. Собр. соч.: В 15 т. М.: Терра — Книжный клуб, 2001–2008.

ТР — журнал «Театральная Россия».

Чукоккала – Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского. М.: Русский путь, 2006.

ПИСЬМА
1903–1925

1. Н.О. Лернеру

11 февраля 1903 г. Одесса[1]

Уважаемый Николай Осипович!

Книжку оставьте[2]. Постараюсь за троих. Быть дома, простите, не могу, буду в Публичной Библиотеке.

Вот было бы хорошо, ежели бы Вы туда доставились. И книжку бы захватили.

Злой Вы, отчего не «почтили» моего реферата присутствием. Реферат был вельми мудр и талантлив[3]. Неужели сердитесь за мою невольную ложь? Стоит ли? Сочтемся.

Преданный *Корней Чуковский*

[1] Дата проставлена другим почерком на обороте письма.

[2] Вероятно, речь идет о книге: *Лернер Н.О.* Труды и дни Пушкина. Хронологические данные. М., 1903. Рецензия Чуковского на эту книгу опубликована: *ОН.* 1903. 17 марта. Подпись: К. Ч-ский.

[3] Упомянуто выступление Чуковского в Литературно-артистическом обществе с рефератом «Контрасты современности». Доклад «вызвал настоящий словесный турнир между докладчиком и отстаивавшим его положения гг. Жаботинским, Меттом, с одной стороны, и резко восставшими против идеализма гг. Брусиловским, Гинзбургом и др. Прения затянулись до 12 ч. ночи» (*Дн.-11.* С. 70).

2. З.Д. Шкловской

Конец октября 1903 г. Лондон[1]

Дорогая Дионейша![2]

Само собою, мы все трое Вам кланяемся. Вот какую басню я перевел намедни из Лонгфелло:[3]

КОВЕР И ПАРИЖ

Лишь справедливостию движим, —
Заспорил раз Ковер с Парижем

1903

И говорит ему:
— Зачем, — никак я не пойму —
Пускай я буду красным, синим, рыжим, —
Все дамы от моих узоров и цветов
Бегут под твой развратный кров?
Ответствует страна Мольера и Вольтера:
«Пусть сотнею рублей оплачен твой аршин,
Но где же у тебя для дамского бонера
Галантерейный магазин!
А потому сиди один!»

———

Коль этой басни не поймете, —
В Париж; ступайте. Ну а там,
Чуть Дионейшу вы найдете, —
Вся басня объяснится вам!

Кстати, наняли мы новую квартиру (Great Titchfield Str. 182 W.). Тамошняя хозяйка толщиною почти равна Вам. Вы просите изобразить Вам свою, извините за выражение, физиономию, но у меня теперь нету достаточного количества бумаги.

Кстати. 19-го oct. зажарили мы чудную курицу, купили винограду (9 d. lb.)[4], на 6 d. сладостей — и с утра стали ждать от Вас подарков. (За день было послано приглашение.) Я смотрю в одно окошко, жена в другое — не трусится ли вдали Дионейша.

А Вы, оказывается, сбежали в Париж, чтобы не истратить на подарок бедному мальчику каких-нибудь двух шиллингов! Сами же напрашивались на это.

Обливаясь слезами сели мы за нашу великолепную трапезу — одинокие, покинутые, забытые... И горек был от наших слез сладкий виноград, и курица становилась у нас поперек горла от рыданий.

Смотрите же не затанцовывайтесь там в Париже, приезжайте швыдче[5] до-госпóди.

Когда Вы увидите меня в плаще — Вы моментально влюбитесь. Настоящий гишпанец. Возьму гитару и поеду в Shepherds Bush[6] серенады петь.

Зинаида,
Дочь Давида,
Многочтимая синьора!
Неужели
Надоели
Вам Чуковские так скоро?
Потому ли
Отвернули

Вы от них златые очи,
Что не лэди —
Их соседи,
А простой рабочий?..
Ах! Вы стали
Не тогда ли
Замышлять измену,
Как в столовой
Тряпкой новой
Оклеили стену?..
Иль боитесь,
Чтобы витязь
Пушкинской «Рогнеды»*
О начальстве,
Генеральстве
Не завел у них беседы?
Не поведал,
Что обедал
Он бульончик** с кашей.
Что дурак он.
Хоть и дьякон
Был его папашей...

Ну, будет с Вас! Приходите! Часам к 6—7 мы уже дома. Камин у нас топится не похуже Вашего. Ежели заведется у Вас Жук[7], — волоките его к нам, — никак не думал, что мне понадобится это насекомое. Если я когда-либо блаженствовал, так это именно теперь, в собственной, так сказать, обстановке. Страсть люблю обстановочку, потому мы гордые, и наша ступка по всему двору ходит (помните у Успенского?[8]).

Адрес мой, извините, такой:

39 Gloucester Str., Gr. Ormond St.

Совсем недалеко от British Mus<eum>, 2 квартала или 3, не больше.

Ждем.

P. S. Вот уже скоро неделя как мы каждый день обедаем.

(Как придете, позвоните. У нас стучать не полагается).

Уваж<ающий> Вас *Чуковский*

Извините, что пишу стихами; надо ж убить это подлое воскресенье.

Письмо, о котором Вы пролепетали, что будто бы послали его нам, оказывается мифом. Терпеть не могу такой мифологии. Супругу кланяйтесь, если он теперь не злой. А если злой, отложите поклон на потом, когда подобреет. Мышей у нас нету — и мыше-

1903

ловки стоят втуне (вовсе, вообще), разверзая коварные пасти. Напишите когда будете.

---

[*] Приват-доцент г. Л. открыл у Пушкина поэму (?!) «Рогнеда».
[**] Нежность к кушаньям — это «его» субстанция[9].

[1] Датируется по содержанию.

[2] *Дионейша* — Зинаида Давыдовна Шкловская, жена журналиста Исаака Владимировича Шкловского (псевд.: Дионео). *Dionео* — публицист, критик, прозаик, переводчик, дядя Виктора Борисовича Шкловского. С лета 1896 года Дионео — постоянный лондонский корреспондент «Русских ведомостей», автор многочисленных статей, корреспонденций, книг об Англии. О нем см. также примеч. 11 к письму **56**.

[3] Такой или даже сколько-нибудь похожей басни нет в самых полных собраниях американского поэта Лонгфелло. Надо думать, что это — мистификация Чуковского. Содержание «басни» имеет явное отношение к предполагаемой поездке З.Д. Шкловской в Париж.

[4] *d. lb* — шиллинг, пенс. (*сокр. англ.*).

[5] быстрее (*укр.*).

[6] Квартал в западном Лондоне, где в то время жили Шкловские.

[7] По предположению Г.П. Струве, это, вероятно, популярная в свое время справочная книга о детских болезнях, автором которой был д-р Жук.

[8] Скрытая цитата из рассказа Г.И. Успенского «Мелочи. 3. Обстановочка» (1868).

[9] Оба примечания к «серенаде» о приват-доценте Л. принадлежат Чуковскому. Может быть, как и «басня», доцент был выдуман Чуковским.

3. М. Корнейчуковой

15 (28) февраля 1904 г. Лондон[1]

Па́шу поздравляю! Мне хотелось поздравить Ямпольских, да я опять потерял адрес. Ради Бога вышли. Я получил телеграмму — и в 1 ½ часа написал рассказ. Нравится тебе?

Вот тебе моя крашенка. Хоть и «пьяный дикарь», а воротничок не похуже, чем у Епархиалки[2]. Серьга тоже франтовская. Была у заутрени? Напечатан сегодня мой рассказ?[3] Ежели [край открытки оторван. — *Сост.*] разберет, что он аллегорический — пропал твой братишка.

[1] Датируется по почтовому штемпелю отправления: Лондон. 28.II.1904. Открытка с портретом Шекспира. Адрес: Ее Высокородию Корнейчуковой. Россия. Одесса, 4, Базарная улица, 4. (Дом Стурдзовской общины).

[2] Сестра Чуковского Мария в 1896 г. окончила Епархиальное училище и позднее была в нем воспитательницей. (*Сообщено Н.А. Панасенко.*)

[3] Корреспонденции Чуковского печатались постоянно под рубрикой «Лондон». Содержащихся в этом письме указаний недостаточно, но можно предположить, что упомянута корреспонденция, помещенная в *ОН* 14 января — о судебных процессах по поводу нарушения обещания жениться. Возможно, Чуковский опасался, что редактор «Одесских новостей» И.М. Хейфец, который в этот момент был гражданским мужем певицы Изы Кремер, примет это как намек на свой счет.

4. М. Корнейчуковой

25 февраля (10 марта) 1904 г. Лондон[1]

Маничка! Вот тебе и Миллэ. У Маши есть в катал<оге> еще и другие его картины. Во Франции есть другой Миллэ — более великий, более стихийный. Его ты, должно быть, знаешь. Пиши мне. О.П.[2] кланяйся. Как Мопассан? Не правда ли легче: [нрзб].

[1] Датируется по почтовому штемпелю. Открытка с репродукцией Милле (Millais) «The knight errant» («странствующий рыцарь» — *англ.*). Отправлено по адресу: Russia. Odessa. Одесса. Г-же Корнейчуковой. Базарная, 4, кв. 10.

[2] *О.П.* — Олимпиада (Липочка) Прохоровна Мартынова, подруга М. Корнейчуковой.

5. М.Б. Чуковской

28 марта (10 апреля) 1904 г. Лондон[1]

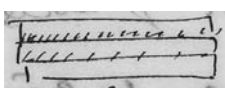
Evening came slowly. I sit with my book and cannot read it. My thoughts are with my wife, with her smiles, her tears, her bosom, her dear eyes which I want to kiss, to kiss, to kiss without ending; in my life nothing changed since your departure, I am boiling my milk, I am studying with my pupils, I am reading in library, — nothing occurred to me either good or evil, but my heart is still sick and I am bursting into tears every now and then, when I remember You. When I see your forgotten bonnet-pins, your skirts, your writhing, in my exercise — books — my heart became very small, and I can not help whimpering[2] (help с прич. = удержаться от). Ну, бог с английским! Как ты? Это моя единственная мысль, — и мне даже стыдно пред другими и пред собой, что нет у меня других мыслей... Но так как разлука неизбежна (я выдумываю тысячи планов как бы уехать, но это невозможно. Лазурскому[3] я должен здесь, а Рикке[4] там. Чем мы жить будем — тоже неизвестно), то я решил взять от этой разлуки все, что она может дать. Я решил ни одной минуты из этих постылых 6-и месяцев не потерять даром. Я у них шкуру сдеру и живой им в руки не дамся. Я с остервенением сажусь за свои книги. Я бесконечно учу слова (их уж очень немного), я читаю в постели, за обедом, на улице. В музей я прихожу в 9–10, а ухожу после звонка. Успехи делаю необычайные. Все я делаю для тебя, для того, что, когда мы свидимся, я мог бы тебе рассказать, тебя научить. Только этим (может быть, ложным) путем я заставляю себя работать, интересоваться, после одной неудачной попытки делать другую и т. д.

[Приписка сверху на первой стр.]: Пятница утром: и сегодня нет вестей от тебя. Ой, жинка! Загуляла ты, по всему вижу. Нехорошо.

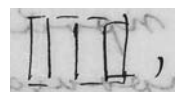
Боже мой, девочка дорогая, как бы мне хотелось, чтобы ты знала английский, чтобы ты могла с такой же легкостью, с таким же наслаждением читать эту «Vanity Fair»[5]. Через недели полторы я тебе пошлю эту книжку, подготовься к ней, и — если ты до родов

прочтешь ее — знание языка тебе обеспечено. Кончила Вольтера? Что твои «птички» Birds? Я посылаю тебе слова к Карлейлю[6] — выучи их раньше, а потом берись за чтение. Я читаю «Дон Жуана»[7] — и прихожу в восторг. Это что-то сверхъестественное. Когда пройдет моя тоска, я возьмусь за «Онегина»[8]. Понимаешь, какая была история. В прошлый четверг получаю от Хейфеца[9] телеграмму: prossim nemedlenno rasskaz paschalny (пасхальный). Что тут делать? В пятницу праздник — уселся я в комнате и написал этот рассказ, о котором я тебе говорил. Мне рассказ очень нравится: простой, ничего лишнего, тема хорошая и аллегория выдержана. Боюсь, не поломала бы цензура. Я посвятил его нашей Маничке[10]. Если рассказ есть в сегодняшней (пасхальной) газете — напиши мне свое мнение о нем, Маничкино и мамино. А если рассказа нету — пошли кого-нибудь в редакцию — взять у Хейфеца рукопись: я с ним так условился. Возьми и спрячь[11].

Каково тебе живется — я ничего не знаю (ради всего, плюнь на мои прежние слова и пиши мне каждый день), но вот как живется мне: раньше всего я обогатил нашу квартиру тысячью изобретений. Я обил часть клеенки Times'ом, установил там машинку, кастрюлю, чайник, спички, стакан, так что пол не пачкается и все под руками. Потом я заделал газетой отверстие камина, чтобы сажа не шла. Потом поставил книги не так:



а так



отчего сохранилось много места и книги не рассыпаются, когда выймешь одну. Потом все бумажки, весь сор я выбрасываю в ведро, которое выливаю прямо в *сорный ящик*. Словом, с квартирой поправился, елико возможно. План твой о переборке — дик и наивен. Хозяйке я заплатил сегодня фунт без 6 пенсов, за молоко 5 шил., Лазурскому 2 фунта — где же я возьму, чтобы дать залог, переехать и т. д. Но мне здесь великолепно. Ты скажешь: зачем Лазурскому так много? Но отдать меньше, это значит затягивать петлю. Я ему был <должен> 6 ф. 2 ш. Теперь: 4 ф. 2 шил. Зато потом, когда я с ним разочтусь, — а это будет в мае, — наступит самая хорошая погода, в музее прекратится такая нужда и я перееду в Shepherd's Bush. Даю тебе слово! Что, как мои перчатки? Есть у тебя уголок? Есть время для занятий? Как твой животище? Любишь Кольчика по-прежнему? Видала Даню?[12] Гуляешь в парке? Напиши подробно, как встретилась со своими. Are you all right with my sister?[13] Гимнастика твоя мое спасение. Я в нее верю, как в тебя. Непременно ты будешь употреблять ее. И ребенка с трех

лет к ней приспособим. «У нас» на втором этаже женщина родила — уже выходит. Бледная, но бодрая. Да! Сегодня зашел я купить себе масла на углу, а эта, знаешь, продавщица — вот так причесанная спрашивает: How is your madam? — In Russia she is now, — ответствую я. — Ah, dear! And You are alone? — Quite alone, говорю со вздохом. — Poor creature![14] Словом — это первое участие в моем горе. Чуть получишь это письмо — отвечай сейчас же, и отвечай на каждый вопрос. *Тебе* я не предлагаю вопросов, для меня не интересных. Ну, прощай пока.

В Музее[15] уже зазвонили, уходить пора. Пойду, отнесу домой словарь и пройдусь немного. Чудная моя, единственная — прощай пока.

Утро. Четверг. Я не мог идти сегодня в Музей, я все ждал «тук-тук», думал почтальон принесет письмо от тебя — большое, тяжелое. Нет, одна газета — тощая, кучая, с фельетоном Геккера[16]. Я не беспокоюсь — я уверен, что с тобою ничего случиться не могло, — но досадно и скучно.

Вот я застлал постель, напился молока, смел крошки, — за стеной «наша» новая соседка истерически целует сына и дико вскрикивает:

— Oh, my boy, my little little boy[17]!

День хороший, мягкий. Часы бьют три четверти какого-то... Я только что читал «Vanity Fair». Странное производит на меня впечатление этот роман. Понимаешь ли, — наивный, старинный (написан в 1846–1848 гг.). Масса отвлечений от темы, личных рассуждений автора. Типы неглубокие и при том, если Тэкерею хочется, чтобы между ними получилась интересная коллизия, — он их за уши притягивает, что у него чрезвычайно ребячливо и мило. Но наблюдательность, удивительный юмор, чудный язык, лиризм, и, главное, красота общей мысли (что вся машина жизни держится на пустом тщеславии, на суете — vanity) — все это делает чтение истинным наслаждением. К тому же все действие происходит на Russel Square, на Southhempton Row, на Oxford street[18]. Интересно: это был первый роман, который сделал Тэкерею славу. До тех пор его никто не знал, хоть он писал уже 13 лет. И чуть только Т<еккере>й попал в моду, чуть только с ним стали водить знакомство лорды и князья, сам он заболел таким мелочным тщеславием, такою vanity, какие не снились его героям «Vanity Fair».

Четверг. Вечер. Пришел из Музея. Представь, какой случай: написал я Маничке открытку, с очень хорошенькой картинкой (певца, который поет: «Когда по травке мы блуждали») — и потерял по дороге к ящику почтовому. Интересно — получила она эту открытку. Если кто нашел — бросил ли он ее в ящик или воспользовался маркой. Там я пишу, между прочим, что Рикке каждые две

недели нужно платить по 15 р. Мамочке по 10, тебе, сколько нужно, а мне остальное. Иначе ни-ни! **1904**

Жду учеников. Курьез! Один из них (еврей) купил себе велосипед — к великой моей зависти. Но кататься он не умел, и в Hyde Park'е его взялся научить один англичанин. Ученик согласился. Англичанин сел на велосипед... и больше не ворочался. Головатый ждал, ждал — и пошел домой. И — ты знаешь его характер — товарищу ни слова. Только улыбается. А товарищ его тоже хочет купить велосипед — и поэтому Головатый выказал много юмору, когда, часа через два, вытащил из кармана маленький насос, которым надувают шины, — преподнес его товарищу.

— А вы? Разве для вашего велосипеда насос не нужен? — Нет. — Почему? — У меня хе-хе... нет велосипеда. И т. д.

Оба со смехом рассказали мне в понедельник это приключение, т. е. не оба, а русский, ибо застенчивый еврей хлопал глазами, краснел и только хихикал.

Посылаю тебе слова к Карлейлю. Там есть слово thistle, которое означает бурьян, чертополох — его можешь не учить. А остальные вызубри назубок: они почти все встретятся в Vanity Fair. Смотри не зачитывайся ни Достоевским, ни Толстым. Возьми Диккенса — Пиквик, пропусти первую главу, она трудная. Начни со второй. Ты все поймешь. Пикквик — бездарный, самомнительный ученый — и группа его обожателей — уезжают на ученые розыски — вот тебе и все содержание 1-й главы.

Ну, целую тебя крепко. Жду от тебя письма такой же длины как Карменино[19]: полный отчет о Розе Розенблат, об Иде, о Пустынине, о Боре, о Доре, о приезде к нам, о родных твоих! Про моих я уж не говорю. Ты знаешь, как я умею ждать почту. Чуть таракан чихнет, я уже думаю, что это почтальон стукнул — и бегу, бегу. Возьми в ручку ручку — и поговори часа 2 со своим мужем. Маничка мне пишет: ты собираешься писать. Что ты, Гриша[20], что ли? Нечего тебе собираться. Ну, give my love to my dear mamma and sister. Be obedient only to yourselves[21].

Мне всегда страшно кончать письмо к тебе — это ведь тоже расставание в миниатюре. У Тэкерея — есть героиня, которая родила через 3 месяца после того, как ее мужа убили на войне. И полюбила ребенка до того, что вполне утешилась в потере обожаемого husbanda[22]. Я ужасно на нее сердит. Отсюда мораль: люби меня ровно столько, как и нашего будущего хлопца, но не меньше, и кланяйся Ольге Ивановне.

[1] Датируется по упоминанию о Пасхе, которая в 1904 году была 28 марта (10 апреля).

[2] Медленно наступил вечер. Я сижу с книгой, читать не могу. Мысли мои с женой — с ее улыбкой, слезами, грудью, ее милыми глазами, которые я хочу целовать, целовать, целовать без конца; в моей жизни после твоего отъезда ничего не изменилось. Я кипячу себе молоко, учу моих учеников, читаю в библиотеке — со мной не случилось ничего ни хорошего, ни плохого, но сердце мое все еще щемит, и, вспоминая тебя, я порой не могу удержаться от слез. Когда на глаза мне попадаются забытые тобой шляпные булавки, твои юбки, твой почерк в моих тетрадях, сердце мое сжимается, и на глаза мои наворачиваются слезы *(англ.)*.

[3] Владимир Федорович *Лазурский* с 1901 года был профессором западных литератур Новороссийского университета и, вероятно, был знаком Чуковскому по Одессе. В Лондон он был командирован в 1903 году для работы над диссертацией. О нем см. также «Список адресатов».

[4] Вероятно речь идет о Мальвине Рикке, одесской знакомой Чуковского, упомянутой в его повести «Серебряный герб» (Гл. 13 и след.).

[5] Упомянута книга английского писателя Уильяма Теккерея «Ярмарка тщеславия». О своем чтении этой книги Чуковский писал в Дневнике 18 апреля 1904 года *(Дн.-11.* С. 72).

[6] *Карлейль* Томас (1795–1881), английский писатель, историк.

[7] Поэма английского поэта Джорджа Гордона Байрона.

[8] Чуковский тогда писал пародию «Нынешний Евгений Онегин» (см.: *ОН.* 1904. 25 дек.; 1905. 1 янв., а также сб.: Судьба Онегина/Сост., вступит. ст., коммент. В. и А. Невских. М., 2001).

[9] *Хейфец* Иосиф Моисеевич — журналист, редактор «Одесских новостей».

[10] *Маничка* — Мария, сестра Чуковского.

[11] В пасхальном номере *ОН* рассказ с посвящением М. Корнейчуковой не найден.

[12] Возможно, упомянут Давид Маркусович Мрост (Даня, 1883–?, умер в эмиграции), брат Мальвины и Феодоры (*сообщено Н. Панасенко*).

[13] Хорошие ли у тебя отношения с моей сестрой? *(англ.)*

[14] Как поживает Ваша жена? — Она теперь в России. — О, дорогой! И вы здесь в одиночестве? — Совсем один. — Бедняга! (*англ.*)

[15] Речь идет о библиотеке Британского музея, где Чуковский постоянно занимался. В. Жаботинский на правах старшего наставлял молодого автора в письме из редакции «Одесских новостей»: «Вашими корреспонденциями я недоволен. Знаете, что я думаю? Вы просто для них мало работаете, а больше для Чехова и для самообразования. Вещи прекрасные, но все-таки уменьшите рвение в эту сторону и приналягте на газетную часть Вашего существования... Для этого, конечно, необходимо больше времени посвящать наблюдениям, а байбляйтеке — или как ее — меньше... Не сидите в библиотеке, тогда все пойдет хорошо» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 64. Ед. хр. 16, письмо от 10.12.1903).

[16] *Геккер*Наум Леонтьевич (1862–1920), журналист, в те годы постоянно печатался в «Одесских новостях».

[17] О, мой мальчик, мой маленький, маленький мальчик *(англ.)*.

[18] Т. е. на тех улицах, где Чуковские жили в 1904 году. Названия улиц написаны по-английски.

[19] Лазарь Осипович *Кармен* (наст. фам. Коренман, 1876–1920), репортер газет «Южное обозрение», «Народ», «Одесский листок», «Одесские новости». Письма Лазаря Кармена к Чуковскому в Лондон см.: Архив еврейской истории. Вып. 4, 2007. С. 219–247.

[20] *Гриша*— брат М.Б. Чуковской.

[21] Передай мою любовь дорогой маме и сестре. Пожалуйста, заботься о себе *(англ.)*.

[22] Мужа *(англ.)*.

6. М.Б. Чуковской

Начало июня 1904 г. Лондон[1]

Муценьки, куценьки, дорогусеньки!

Как поживаете? Теперь воскресенье, и я счастлив, что смогу поболтать с тобой немножко. Занят по уши. Был сильно болен, простудился — и, если б Нюся не приехала, подох бы. Не писал корреспонденции, и теперь на меня горячка работы напала — все хочется сделать, прочесть, написать. Погода здесь душная, дышать нечем, обессилила меня ужасно. Пошел я сегодня в Regent Park, — помнишь, где мы с тобой поссорились, — лег на траву, закрыл глаза и стал представлять тебя; какая у тебя улыбка, какая походка, — и у меня в воображении вечно сплетались Маша-девушка, Маша-жена, Маша-мать. Какая бешеная разница, — и как я безумно люблю всех троих. Но слить эту троицу в один облик я не сумел — мне казалось, будто это три разных человека, которых я знал в разное время. И любил совсем разными Любовями. Теперь от тебя три дня нету писем, и я волнуюсь — совсем другим волнением, чем волновался бы, если б такое случилось прежде. Девочка моя, молодая моя! Мы ведь с тобой до того молоды, что просто смешно. Из литераторов моложе меня Пустынин[2], из отцов — никто. Боже, сколько великолепных девственниц завидуют тебе, твоим страданиям, твоим неудобствам, твоей тишине душевной. Кстати — (как нельзя больше кстати), что Федора?[3] Опиши непременно свою беседу с нею, — чем она теперь восхищается. Я теперь научился ненавидеть всех людей ее типа. Был три дня назад в Kew Gardens, был в Ричмонде — один. Напал на меня дождь. Я зашел к Дионео. Посидел минут пять — и говорю Зине: бедная З.Д. Как у вас и возле вас скучно. Как будто кругом не Лондон, а Крыжополь. — Она стала браниться, а мне и это показалось скучным; я

1904 сказал, что Аладин[4] — жалкий онанист, мутный и безнадежный. Что Аладина — возбуждает во всех только жалость. И попросил передать это им самим — пусть побесятся: это им полезно... Кланялась тебе Дина[5]; зачем ты написала ей наш адрес. Клеенку и кровать я оставлю, а остальное продам и в среду перейду в boarding hause, где Лазурский (он уезжает в Oxford). А то еда мне стоит дорого, в комнате грязь, воздуху нету, людей я не вижу — и главное, английскому не научусь. Хозяйка даст мне место для клеенки и для кровати, а если приедет Шатуновский[6], я уступлю их ему. Кланяйся от меня Осе, Иде и Зине[7] — выросли они, небось, ужасно. Ловко Ося в дядья попал! Девочка, давай обсудим наши дела, раз навсегда. Теперь, когда у нас уже есть (или почти есть) ребенок, ты можешь сама судить, сумеешь ли ты с ним расстаться на год — и приехать к Кольчику одна, или нет. С ним приехать нет смысла, — и ему здесь в первый год — пользы никакой — и нам гоньба за копейкой, тоска, безалаберность. Если не можешь расстаться с darling'ом, мы сделаем вот что: ты достанешь себе работу в Одессе, я в Лондоне работаю как скаженный. Осенью или зимою — чуть только узнаю англ<ийский> язык — еду в Одессу и проживаю в ней лето — на даче. Мне Россия теперь нужна как хлеб. Посмотри последние корреспонденции — ты в них увидишь — и больше веры в себя, и способности и даже почти талант. Не так ли? Я было упал духом и готовил себя в Рапопорты[8] или Дионео, а теперь мы еще поборемся. У меня откуда-то хватило силы — презирать всех этих господ, и это хороший знак. Итак, я еду в Одессу. Тебя учу языку, говорю, читаю с тобой; заводим знакомство с одесскими англичанами. Привожу с собой англ<ийские> книги — и читаю до бесконечности. Валандаюсь по России год. <...>.

Только что получил газету со своей корреспонденцией о спиритах[9]. Плохо. Очень плохо. У меня *слишком* много материалу было, а времени на статью я оставил мало. Только что получил письмо Лазурского. Теплое. Кончается так: «он обещал мне рекомендательные письма к здешним профессорам». Верен себе человек! Но Бог с ним, бывают люди и хуже. Кроме всего, он хороший человек. Приехал из Варшавы проф. Демченко[10], что за великолепный человек! Понимаешь, настоящий хороший российский студент. Когда говорит, хватает тебя за пуговицу. Работает в Музее с увлечением поразительным, никого и ничего не видя. Конечно, таланту в нем предполагать нечего, но на нем лежит отпечаток самой талантливой и честной среды — студенческой. По натуре он вряд ли пылкий — он из малороссов, — нет, он даже сдержанный, скрытный человек, но мне это так нравится на фоне развихлястой компании из русской церкви, среди которой он живет (в од-

ном с ними boarding house'е). Ему 34 года. Волоса золотые, очки золотые, одет изящно, деньги тратит зря, — хорошо! Приглашал меня — если буду в Варшаве, заходить. Я в boarding house'е наслаждаюсь. Все покойно, предупредительно. Дух вольный: за обедом дозволяется даже бросать шарики в хозяйкин нос. После обеда Робинз поет хорошим басом английские песни, баллады. В английской речи — поздравь меня, я разбираюсь почти совершенно. Теперь кинуть Англию значило бы все потерять, но месяца через 3 будет в самый раз. Единственное мое горе — шахматы. Мой клуб пристрастил меня к ним — и теперь у меня в перспективе часа 2–3 ежедневно, потраченных даром. Но я дал себе вчера зарок больше не играть — после того как Демченко дал мне 2 великолепных мата. Подкрепи меня дух Божий или спиритический — один черт! Сегодня — ровно год, как я последний раз видел мамочку, Маню, Жаботинского[11], Борю. Помнишь наш чайник, еврея-талмудиста, мистера Израильсона, Бердичев, общую нашу скамью наверху и Россию, Россию, Россию. Сейчас рядом со мною певчий из русской церкви, тот самый, который обстроил тебе пачпорт. Он каждый день работает в Музее часов по 6. Человек чрезвычайно образованный. Умеет интересно и умно рассказывать о богословии, великолепно подражает англичанам (и всегда англичанин выходит у него каким-то придурковатым и смешным), но, в общем, человек не умный. Хитрый скорее, и льстивый. Быть ему архиереем (он окончил академию). Философию знает хорошо. Они все недавно были у меня и пели мне «Дубинушку», «Засвистали козаченки» — массу малорусских песен. А я сидел в куточку и плакал. Из знакомых у меня есть сейчас здесь русский купец — зовут его здесь Николь, т. к. он Николай. Лет 35. Пьет виски, — знает все языки, получил воспитание в Гамбурге, где, как известно, делают луну (и прескверно делают!)[12]. Человек типичный до карикатурности. Ну, бог с ними. Что сказать тебе про сына нашего? Ему я искренне рад и люблю его почти как тебя. Пиши мне о нем побольше, мне интересна каждая подробность. Пеленать его нечего — ты безусловно права; я уверен, что тебя поддерживает и Маничка в твоем либерализме, ибо я помню, как она учила в педагогике Ельницкого[13] о конвертиках каких-то.

[1] Датируется по содержанию.

[2] *Пустынин* Михаил Яковлевич (1884–1966), писатель, до революции — сотрудник сатирических журналов, автор фельетонов, басен, эпиграмм, адресат шуточных стихов Чуковского (см.: *Дн.-11*. С. 70. *18 июля 1903).*

[3] *Федора Мрост*, знакомая Чуковского по Одессе, сестра Мальвины и Дани Мрост.

[4] *Аладьин* Алексей Федорович (1878–1927, умер в эмиграции), российский общественный и политический деятель. В 1904 г. жил в эмиграции в Англии. В 1905 году вернулся в Россию и с 1906 стал депутатом 1-й Государственной думы от партии трудовиков. В 1906 году снова эмигрировал, в эмиграции сотрудничал с русской прессой, в том числе был корреспондентом суворинского «Нового времени». В 1916 году участвовал в мероприятиях, связанных с приездом в Англию делегации русских журналистов, в которую входил Чуковский.

[5] Вероятно, Дина Кармен.

[6] *Шатуновский* Яков Моисеевич (1876–1932), одесский знакомый Чуковского. В письме к нему от 25 мая 1908 года Шатуновский писал: «Помните, как однажды после Вашего приезда из Лондона, когда Ваши новые золотые часы сияли еще ярче солнца, мы шли вдвоем по дороге на большой Фонтан...» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 73. Ед. хр. 16).

[7] *Ося, Ида и Зина* — брат и сестры Марии Борисовны.

[8] Вероятно, имеется в виду Семен Исаакович *Рапопорт* (псевд.: Рыбаков С.И., 1858–1920), корреспондент газеты «Речь» в Англии, публицист и общественный деятель народнической ориентации, автор книг об Англии.

[9] См.: Спиритизм в Англии // *ОН*. 1904. 28 мая.

[10] *Демченко* Григорий Васильевич (1869–1958, умер за границей), профессор государства и права.

[11] *Жаботинский* Владимир Евгеньевич (псевд.: Altalena, 1880–1940), писатель, переводчик, журналист. Учился в Одессе в одной гимназии с Чуковским. Подробнее об их отношениях см.: Чуковский и Жаботинский. История взаимоотношений в текстах и комментариях / Автор и сост. Евг. Иванова. М.; Иерусалим: Мосты культуры–Гешарим, 2005.

[12] «Луна ведь обыкновенно делается в Гамбурге и прескверно делается» — выражение из «Записок сумасшедшего» Н.В. Гоголя.

[13] *Ельницкий* Константин Васильевич (1846–1917), педагог, автор учебников и учебных пособий по педагогике, истории педагогики, методике преподавания.

7. М.Б. Чуковской

21–22 мая (3–4 июня) 1904 г. Лондон[1]

(Начало письма не сохранилось. — *Сост.)* ...Я опять в board<ing> hous'e[2]. Кстати, знаешь, как я справился с мебелью? Только условие: чтоб ты на меня не сердилась. Стол, кровать и клеенку я взял с собою. Остальное раздарил соседям. Брать его было нельзя, продать — никто не купит, а народ там, сама помнишь, бедный. Стулья, машинку, матрац, умывальник — я все подарил... Не сердишься? Только напиши взаправду. <...> Опять темный суп, про который я не знаю, из чего он сделан, опять немец-лакей, опять what will you have?[3] — словом, что ни секунда, я думаю: ах, если б Машуху сюда. Девочка, я безумно одинок, вокруг меня сви-

ные морды какие-то. С тобой нигде не страшно. Но как трудно мне без тебя, ты не знаешь и совсем меня не жалеешь, совсем. Вчера у меня был праздник. Получил телеграмму. Со вчерашнего дня стал вести дневник. Снялся вчера, чтобы показать сыну, какой был его отец, когда он родился[4]. Вышел очень-очень плохо, т. к. страшно волновался и был изнурен: таскал корзину из Gloucest<er> St<reet> в board<ing> house 4 раза. Все книги, бумаги и черт знает что. Галстух измятый, воротник грязный, лицо исцарапанное, глаза бесцветные, шляпа нечищеная — не беда. Я пошлю тебе через неделю. Попроси Спир<идона> Герасимовича[5], чтобы он сфотографировал тебя *с сыном,* безумно хочется видеть. — И потом вечером ходил в Hippodrome с Лазурским[6], безумно хохотал над клоуном, восхищался слоном, который кувыркается как мальчишка, и всему Hippodrome'у хотел крикнуть, что у меня родился сын. Отпраздновал. Пришел домой, не мог заснуть. Потом заснул. Утром приходит письмо от Манички и от тебя. С деньгами (Маня забыла написать на конверте *W.C.,* и письмо побывало на всех Глостер-стритах Лондона и запоздало). Так мне обидно стало — ужас. Кстати, после твоего совета, я о войне ни слова. Пусть не печатают, а я о войне не заикнусь. Надоело.

---

4 июня. Только что получил газету. Нет моего великолепного (!) фельетона о художниках. Жалко. Сегодня я должен писать о Кобдене[7], и у меня нет времени, но страшно хочется поболтать с тобою. Получил от тебя письмо, которое ты написала за день до родов. Спасибо тебе, дорогая. У меня весь гнев на тебя прошел. Я сам порвал то письмо твое. Вчера вечером писал «Онегина». Сегодня всюду ищу одно стихотворение Гейне, переведенное на английский. Божественное. Ну да уж в другой раз. Как ты себя чувствуешь? Если хорошо, то и мне очень хорошо, очень. Верь мне. С Лазурским я не расплатился — из каких же денег? Я ему всё те же 3 ½ фунта должен. И Шкловск<ому> ½ фунта — вот 4... Да, сколько мы должны Рикке? Вот ты теперь поздоровеешь, достань, девуля, работишку какую ни на есть. Отчего Боря[8] перестал к нам ходить? Что, подружилась ты с ним? Как он к тебе относится? Стоит ли послать ему мою карточку, как ты думаешь? Boarding house, а у тебя в письме описка: Bording. Нехорошо. Сыщи у Лонгфелло «The day is done...»[9] и переведи Боре. Лучшее стихотворение Лонгфелло. Какой размер. Как это хорошо: «чувство печали и томления, которое не родственно горю; и так похоже на горе, как туман похож на дождь» (3-я строфа). И размер передает именно такое чувство. Человеку не по себе. Ему че-

го-то хочется, он чего-то боится. И как естественно это обращение: «Почитай мне из какого-нибудь *небольшого* (humble) поэта» (7-я строфа). Именно небольшого. У большого чувства громадные, мысли широкие — и становится еще страшнее, еще печальнее. А небольшой — ну, как Федоров[10] — он удобнее:

Such songs have power to quiet
The restless pulse of care
And come like the benediction
That follows after prayer[11].

Но сам он *большой* поэт, и потому он не дает этого benediction. Единственный Пушкин из гениев успокаивает всегда.

Прочти также его «Bridge»[12]. Удивительно прозрачное. Как раз июньское. Напиши (час спустя) мне про Дину. Сильно она любит Кармена?[13] Это невозможно. Он такой нудный, как испорченный зуб. Помянешь мое слово — дальше он никуда не пойдет. Кстати, знаешь ты мое стихотворение конторскому Полякову?[14] Экспромт ей богу:

Уж уехал я из Сити,
Не живу на Глостер Стрите,
Так что вы благоволите
Адрес мой переменить.
Поклонитесь вашим детям
И скажите крошкам этим,
Что Чуковский
Не таковский,
Чтобы их забыть;
Что когда мы вновь их встретим,
Будем мы с Чуковским третьим,
А покуда
Им не худо
Первого любить.

Не правда ли, ничего себе? Я написал еще экспромт в Париж. Тем студенткам, которые прислали мне шоколад. Мне тоже нравится, но только, если я сам читаю. Я дал Лазурскому прочитать — вышла дрянь. Лаз<урский> поражен моим аппетитом. Он поздравляет тебя с сыном и спрашивает, так ли обжорлив сын, как и отец. Ну вот, слушай эти стихи:

О, мне неведомы оне,
Те ручки, что прислали мне

В наивно связанном пакете
Приветы сладостные эти.
О, мне неведомы оне
В чужой холодной стороне.

———

Но, благодарно их целуя
За незаслуженный привет,
У Бога доброго молю я
Их ото всех избавить бед.
И, благодарно их целуя,
Их, неизведанных, люблю я.

———

Да будут счастливы оне,
Да будет жизнь для них отрада,
Как та, какую дали мне
Вот эти плитки шоколада.
И да вовек оне дарят
Бездольным людям шоколад!

Немножко старческое. Следовало бы сильней. Не беда. Я бы тебе написал из «Онегина» что-нибудь, да хочется, чтоб впечатление не разрывалось. Когда закончу. Он выходит гораздо лучше, чем я ожидал. Звонят к lunch'у[15] — уже час. А я еще ничего не сделал. Слушай. Скажи Боре, пусть приезжает сюда. Если он хочет, я напишу в редакцию «Южн<ого> Обозр<ения>», чтобы взяли его корреспондентом. В этом нет ничего фантастического. <...> У Бори есть, что сказать — он имеет право стать литератором. Почему Кармен берет у общества 125 р. в месяц, Кармен, у которого нет ни наблюдательности, ни чутья, ни такта? Почему Вознесенский, у которого остался только визг, да стремление вспрыгнуть выше головы, живет на счет читателей? Почему, наконец, я, который, будь я читателем, никогда не читал бы своих корреспонденций, — пользуюсь на счет этого читателя лондонской культурой, супружеским счастьем и пр.? Я — лентяй, я — чьи мысли совсем не там? А Боря нет. Англия научит его многому и, главное, любить Россию. Это самая драгоценная наука — умение полюбить *свое*. Скажи ему, что я стал националистом, пусть он выругает меня за это... Милая, уговори его... Пока не поздно! Ибо месяцев через 4 я уезжаю — и тогда ему впятеро труднее будет. Мне теперь в board<ing> hous'е — великолепно. Я весь день могу отдать работе. Ни кастрюль, ни грязи, ничего. И знаешь, если ты приедешь в Англию (приезжай с Борей, а?), то мы с тобой будем в board<ing> hous'е. В месяц теряешь рубля 4, а выигрываешь массу. Ибо за то время, что ты там работала бы с хозяйством, ты здесь можешь почитать,

пописать и т. д. <... > Я получил деньги. 3 ф. дал хозяйке вперед за 2 недели. 1 фунт отдал Лазурскому. Итак, я ему должен 2 ½. Ну, поклонись нашим. Скажи Маничке, что я написал ей большое письмо в ответ на ее карандашную приписку (она знает); но письмо было страшно ругательное, и я его порвал. Мамочку поцелуй. Иде кланяйся. Пиши. Ешь. Люби меня, как сына, т. е. как мужа. Твой весь.

[1] Датируется по числу «4 июня», упомянутому в тексте письма.

[2] Пансион *(англ.)*.

[3] Что бы вы хотели? *(англ.)*

[4] Чуковский получил из Одессы телеграмму с известием о рождении сына. Его старший сын Николай родился 20 мая (2 июня) 1904 года.

[5] Спиридон Герасимович *Макри* (1877–?), врач, сын домовладельца одного из домов по Новорыбной улице, в котором жили Корнейчуковы. В 1903 году был крестным отцом М.Б. Чуковской и ее поручителем при венчании; позднее был крестным отцом сына Чуковского Николая (*сообщено Н. Панасенко*).

[6] О *В.Ф. Лазурском* см. «Список адресатов».

[7] Кобден (Cobden, Richard; 1804–1865), английский политический деятель.

[8] Упомянут Боря *Кац*, одесский знакомый Чуковских.

[9] «День закончен...» *(англ.)*.

[10] *Федоров* Александр Митрофанович (1868–1949, умер в эмиграции), поэт, переводчик. О стихах Федорова см. статью Чуковского 1903 года «Об одном принципе художественного творчества» (*Т. 6* наст. изд. С. 291–294). В 1960-е годы Чуковский написал о нем воспоминания «Две королевы» *(Т. 4* наст. изд.).

[11] Такие песни имеют силу успокаивать / Неспокойный импульс заботы / И приходят как благословение, / Которое следует за молитвой *(англ.)*.

[12] «Мост» *(англ.)*.

[13] *Дина* — невеста Л. Кармена,о которой он писал Чуковскому в своих письмах. Подробнее см.: Письма Л.О. Кармена к К.И. Чуковскому / Вступ. ст., подг. текста и коммент. Евг. Ивановой // Архив еврейской истории. Вып. 4. М., 2007. С. 219–247.

[14] *Поляков* Владимир Абрамович (1864–1939), управляющий конторой «Одесских новостей».

[15] Ланч *(англ.)* — второй завтрак в полдень.

8. В.Ф. Лазурскому

Середина июня 1904 г. Лондон[1]

Дорогой Владимир Феодорович!

Посылаю Вам только что полученное письмо Ваше. Спасибо Вам за то, что меня не забываете. Кстати: знаете ли Вы, что с бед-

ной Пикок происходит что-то неладное: чуть узнала она, что Вы уехали, она попросила меня написать Вам, *that your promises are like pie-crusts made to be broken*[2] — подлинное ее выражение. Вами она интересуется страшно. Просила меня перевести ей Ваше письмо, восхищалась каждой строчкой. Говорила, что Вы одареннее, добрее и артистичнее, чем кажетесь сразу. Взяла Ваш адрес и, главное, — ни с того ни с сего отменила решение ехать в Париж и собирается в Oxford, с чем Вас и поздравляю.

У нас в boarding hous'e[3] по-старому. Торговец маслом говорит о масле, а рыхлая Вики зовет ежеобедно своего племянника дураком. Профессор Демченко оказался добрым малым: страшно увлекается своим предметом, ничего кругом не замечает и, когда разойдется, любит много поговорить, ухватив вас за пуговицу. Такого стиля я в Лондоне еще не видал и потому мне приятно.

Кстати, забыл сказать: Пикок страсть завидует мне, что у меня сын. Будьте же христианином.

Не сердитесь на меня за эти jokes[4]. Вы знаете, я искренне люблю Пикок. В конце концов — она лучше тысячи других.

Сын мой процветает, и я с нетерпением жду от нее мнений, что он лучшее, умнейшее и красивейшее существо в мире. К тому, кажется, дело идет.

Я работаю весь день — и отучился от голода. Деньги получу не сегодня-завтра — тогда, надеюсь, внести Вам свою контрибуцию. А покуда пребываю

любящим и уважающим Вас

Корнеем Чуковским

Уже напечатана моя статья о спиритах[5] — ничего себе. Знаете, я на днях получу из газеты отпуск — и может быть на день катну в Oxford.

[1] Датируется по содержанию.

[2] Ваши обещания, так же как корка пирога, существуют только для того, чтобы их нарушить *(англ.)*.

[3] пансионе *(англ.)*.

[4] шутки *(англ.)*.

[5] См. примеч. 9 к письму **6**.

9. М. Корнейчуковой

2 июля 1904 г. Лондон[1]

Просьба: не присылайте мне, девочки, открыток с картинками! Мне всегда приятнее получать вместо картинок ваши строчки. Радуюсь известию, что сын мой «держит голову», хотя, при-

знаться не знал, что прежде он этого не делал. Уже написал редактору письмо, чтоб выслал мне деньги на проезд; тоскую очень. Так или иначе — через месяца 1 ½ мы увидимся.

Мой Онегин делает успехи. Лоэнгрину[2] напишу, а к Юнгмейстеру[3] ты так пойди — он тогда скорее даст. На него нагрянуть нужно. Как идет школа у Ковриги?

Машу я ненавижу и говорить о ней не хочу. 6 дней от нее ни слова.

[1] Датируется по почтовому штемпелю отправления. Открытка с фотопортретом Р. Киплинга. Адрес: Russia. Odessa. Одесса. Базарная, 4, кв. 10. М. Корнейчуковой.

[2] *Лоэнгрин* — псевдоним редактора и музыкального критика «Одесских новостей» Петра Титовича Герцо-Виноградского (1867–1929).

[3] *Юнгмейстер* — директор гимназии, из которой был исключен Чуковский, преподаватель русского языка, персонаж повести К. Чуковского «Серебряный герб».

10. М. Корнейчуковой

5 (18) июля 1904 г. Лондон[1]

Вот тебе, Маничка, Спенсер. Нельзя сказать, чтобы он очень был похож на Аполлона Бельведерского. В его лице есть даже глупость какая-то. И беспомощность: «вот, посадили меня так, я и сижу». Заметила ты за обшлагом у него фуфайку? Куме привет. Пелагее Фоминичне тоже. Мамочке пишу о себе. Жене моей, которая на меня нуль внимания — передай мое последнее «прости». Тороплюсь в Музей. На днях пришлю громадное письмо.

[1] Датируется по почтовому штемпелю отправления. Открытка с фотопортретом Герберта Спенсера. Адрес: Russia. Odessa. Одесса. Базарная, 4, кв. 10.

11. М.Б. Чуковской

Июль 1904 г. Лондон[1]

Поправляюсь. Всем Вам, дорогие, мой привет. Сняли Колюшку? О Чехове статью написал, а куда пристроить, не знаю.

Машенька дорогая. Сохрани портрет Уотса. Я его потом в нашей комнате на стену повешу.

[1] Открытка с портретом Уотса. Почтовый штемпель неразборчив. Адрес: Одесса. Марии Борисовне Корнейчуковой. Базарная, 4, кв. 10.

12. М.Б. Чуковской 1904

8 (21) июля 1904 г. Лондон[1]

Ради Бога, как увидишь Рескина, не вспоминай Чудновской. Это отравит тебе всякое удовольствие. Поверишь ли, я читать Рескина не могу: сейчас Чудновская вспоминается. Спасибо тебе, девуля, за открытку — пиши мне почаще. Я работаю очень усердно. Не встаю из-за стола. И мне теперь хорошо. Я написал вам всем огромные письма. Пошлю, когда Вы больше того заслужите. А покуда всех, всех приветствую. Мы с Лазуричем задумали издавать книжки в переводе с анг<лийского>. Так что, ради сына своего благоутробного, не бросай «Vanity Fair».

[1] Датируется по почтовому штемпелю отправления. Открытка с портретом Дж. Рескина. Адрес: Russia. Odessa. Одесса. Марии Борисовне Корнейчуковой. Базарная, 4, кв. 10. Дом Стурдзовской Церкви.

13. М.Б. Чуковской

Июль 1904 г. Лондон[1]

Маша, жена моя! Давай вспоминать. Помнишь улицу Gloucester str.? Помнишь синий наш jug[2], в котором мы воду таскали по лестнице? Помнишь милую, дорогую кастрюлю, которую всегда нужно было мыть? А камин, дымный камин, для растопки которого я строил такие блестящие, но несоответствующие истине теории? А вонючку? А ресторан, куда мы ходили в виде роскоши и где ты тщетно старалась обойтись одним гороховым супом? А дом Магнера, где под руководством Савелья, Меланкиного мужа, мы изучали английский язык? И приходила к нам Федора, и говорила: ах, ка-ак хорошо! Как уютно. И нужно было обучать Абрашу правописанию и кормить курносую Черкасскую колбасой[3]. И та мадмазель, которая терла подоконники с утра до ночи и стлала постель посредством циркуля. Забыл, как ее зовут. И общество антиколонисток, помнишь: был снег, ты пришла, и опять Федора: «Я, Коля, люблю вас, как этот стол». Помнишь, ты ударила по тому столу, за которым теперь, должно быть, частенько сиживаешь, кормя Колюшку. И Titchfield Street. Крысы, слезы, поляк-хозяин; помнишь, я уронил у него золотой. И мы втроем ползали по полу. А когда ты жила на М. Арнаутской, и я приходил к тебе наверх. И мы запирали белую дверь. И я писал Онегина. И Жаботинский. И первая моя статья об искусстве[4]. И ваш Гриша. И Грабко. А потом внизу: я подарил тебе какао на именины, которое сам же выпил. И английские слова. У меня от них сейчас клочок остался: flower — это цветок, a business — это дело. Мы зубрили это, и к нам

приходил Козленко, от которого пахло потом. И Роза Полищук. И ты дала последний рубль нищему. И Store-Street. Осень. Каша Quaker Oats, слепая хозяйка. Скатерть, которую я разрезал, — и не одна, а 3 подряд. И женщина в истерике рядом. И начало вопроса: когда приехал Шкловский на Зинины именины. И Лазурич. И Рапопорт. Стихи Томаса Мура. И Айбиндер на Большом Фонтане. И наше прощание на вокзале в Лондоне, ты в этой серой мантилье. И последняя ночь перед твоим отъездом. И Британский музей, где такой запах кожаных корешков. И Кацы в Уайтчепеле, довольные, что у Розы есть страусовое перо, а Наум так хорошо говорит по-французски: комман ву портэ ву?[5] И подземка со своим земляным запахом. И Аладин: он глупый, как онанист, и она, глупая, как он. И голодные оба. Профес<сор> Милюков и Зина, либеральная. И Джоджик: Чаукауский. И Доня Мрост — что он делает теперь — Доня Мрост? И наши посетители из Home-office. И как мы плакали, когда тебя турнули из Working Men's College[6]. И я купил тебе черную тетрадь. И Кармен с меланхолической палкой[7]. И m-me Гартнель с cold beef'ом[8]. Боже мой — все это пережито вместе — какие разные позы, лица, места. То ты мне казалась громадной, недоступной — то маленькой, бессильной, то ты была враг мне, то мы пережили одно ощущение во всех трепетаньях — но всюду одно было у нас: любовь. Так теперь не любят, как мы любим друг друга. Я блуждаю в Regent Park теперь и вспоминаю: шли мы с тобою из Зоологического Саду — и ссорились, и оба были неправы, и оскорбляли один другого, и как любили тогда. Вспомнил я это в Regent Park'е и стал тихонько плакать. А когда мы читали Чехова? И были одни во всем мире и никого не знали, ничего не хотели другого. И строили дикие планы, которые — как и все невозможное — сбылись! Оглянись вокруг: где ты найдешь такую чету другую. Лемберки?[9] Нет, у них жизнь, как по рельсам, им нечего делать свою жизнь. Жизнь их сама делается <...>

И теперь мы отделены. Я знаю, что я тебе становлюсь все чужее, а ты мне все ближе, все необходимее. У тебя сын, хлопоты. У меня ничего. Вчера, напр<имер>, я работал за письм<енным> столом 5 час. Больше не мог. И не находил места. Словно у души моей заболели зубы. И ожидание от тебя письма (only from thee and not from anybody else[10]) — делает меня разбитым на весь день. Если нету письма, я иду наверх, достаю твои старые письма и читаю их, стараясь отыскать там новое значение. Если есть письмо, то это обыкновенно строк 50. Я выучиваю их наизусть и все хочу найти в них новый и новый источник наслаждения и думаю: ах, если б она еще одно слово прибавила сюда, еще одно какое-ни-

будь слово. Девочка, пиши мне письма подлиннее — пожалей меня здесь одного.

Теперь вот мое решение (не план, а твердое решение). Мы Рикке скоро ведь выплатим весь долг, не так ли? Теперь ты на себя берешь только 20 р. Если мы Рикке выплатим, значит, на тебя без ущерба для меня может приходиться 45–50 рублей, не так ли? На эти деньги мы смело проживем в Лондоне, в boarding house'е. Иначе не стоит. К тому же теперь, когда я приспособился, я вполне смогу работать для других газет и журналов. Значит, ты смогла бы приехать сюда, если бы было 100 р. на проезд. В долги нам входить никак нельзя, но вот какой у меня план (ради бога, не сердись, если я говорю ерунду), не даст ли твой дядя Вальтух тебе 100 р.–150 р. на проезд. Я здесь могу сняться в сюртуке и цилиндре, ты можешь показать ему мои некоторые корреспонденции, мою карточку и сказать, что ты бы уехала сюда на курсы (это ведь правда), и он, может быть, дал бы тебе на проезд. Я думал о заработке. Но — я мог бы написать о Чехове великолепную статью, которую напечатали бы всюду, но, знаешь, чуть я возьму книги Чехова, я начинаю плакать навзрыд. Ты могла бы заработать 100 р. уроками, но на это нужно 10 месяцев, а я больше 2-х не вынесу ни в коем случае. Я могу заработать 100 р. в 4 месяца, но это тоже долго. Мы вдвоем можем заработать 100 р. в 3 месяца, но не забудь, что я Маничке должен 20 р., и Мане Ландесман 15 р., и Богомольцу[11] рублей 20. Их нужно же выплатить. Мы ведь не воры. Итак, если дело с Вальтухом — чепуха, забудь о нем. Через 2 месяца я приезжаю в Одессу — и мы с Лазуричем беремся за издательство английских переводов (вот почему, прошу тебя, не забывай английского). Я уже даже перевел несколько вещиц для первой книжки. Потом печатаю Онегина. Но все это 1) понизит меня в собственных глазах; а во-2-х) я не достигну того знания английской культуры, которое дало бы мне возможность быть твердо осведомленным хоть в чем-нибудь. Я опять буду без почвы. Для тебя же именно теперь в Лондоне был бы рай. Мы бы взяли в boarding house'е 2 комнаты, ты бы шибко теперь по-английски научилась; ребенка бы возила в колясочке в парк, и я думаю, что теперь ты уже не тосковала бы так по дому. Что же до меня, то хотя очень тоскую по Мамочке, по Маничке, по Боре Кацу, по Altalen'е — в твоем обществе эта тоска смягчилась бы, и год я еще вытерпел бы. А через год нам и черт не брат. Со знанием английского (я и теперь болтаю недурно), без долгов, с участием в нескольких журналах (а я-таки сближусь с журналами) я, приехав в Москву, буду совсем иной фигурой, чем теперь. Вспомни мои корреспонденции за последние 2 мес<яца>. Не правда ли улучшение? Или мне только так кажется? И главное, как легко теперь. (О Чехове я на-

1904 писал да послал Alt<alen>‘е по неверному адресу, должно быть пропала). В Москву через год я уехал бы из Лондона раньше тебя месяца на полтора. Приспособился бы, а потом и тебя пригласил бы.

Понедельник. Ни карточки, ни письма от тебя нету. А я, кажется, ничего в мире так не ждал, как эту карточку. Свинская у меня жинка, не правда ли? Кланяйся Дане[12] от меня. Что Юзя Герлих? Слушай, хоть один раз будь человечицей: напиши мне письмо страниц в 8. Вот будет счастье. Что, есть у тебя хоть один урочек? Добудь себе один — авось оба соберем тебе на дорогу. Если бы ты приехала осенью, зима скоро бы прошла и чудное английское лето было бы в распоряжении нашего длинноногого... Эх, жена! Не тужи. Только бы здоровье. Мы таких узоров понаделаем — Боже мой. Тебе, должно быть, в Одессе уже все надоело — бросай все, — а здесь тебя ждет твой обожающий муж; а если бы ты могла добыть денег и приехать тотчас же — было бы хорошо, как в сказке. Ты бы гимнастику делала, я нянчился бы с ребенком, читали бы вместе. Нет, ей-богу нужно сдернуть с твоего дяди контрибуцию. Обдумай получше, как это сделать. Отвечай сейчас же. Что, напечатана моя статья о Свинборне?[13] Как она тебе нравится? Я написал ее часа в 1 ½, и перевод из «Прозерпины» сделал минут в 10. Вообще я сейчас во всеоружии сил и способностей. И меня ужасно забавляет, что я понимаю почти все, что говорят по-английски. Может быть потому, что это досталось мне с таким трудом. Робинз говорит со мною часами, и я даже не замечаю, на каком это языке.

Бываю в Гайд-Парке на митингах[14]. Словом, считал бы себя счастливейшим существом, если бы <ты> приехала.

[1] Датируется по содержанию.

[2] кувшин *(англ.)*.

[3] Семья Черкасских — соседи Корнейчуковых в Одессе. Их сын Абрам был моложе Чуковского на 10 лет (*сообщено Н. Панасенко*).

[4] К вечно-юному вопросу // *ОН*. 1901. 27 нояб.; *Т. 6* наст. изд. С. 221–227.

[5] Как поживаете? *(франц.)*

[6] Колледж для рабочих *(англ.)*.

[7] Пояснение этих слов находим в недатированном письме Кармена к Чуковскому [середина августа 1904]: «Читал твои воспоминания в одном из писем, адресованных домой, там, между прочим, упоминается о моей *меланхолической палке*. Она кланяется тебе и шлет поклон со дна морского. Я провожал зимой арестантов на «Ярославль» и уронил ее в воду»

(Письма Л.О. Кармена Корнею Чуковскому // Архив еврейской истории. Вып. 4. М., 2007. С. 240).

[8] холодной говядиной *(англ.)*.

[9] *Лемберки* — Лемберг Раиса Григорьевна (1883–?), писательница, и ее муж Михаил Евгеньевич (1878–?), доктор медицины.

[10] Только от тебя и ни от кого другого *(англ.)*.

[11] *Богомолец* Антон Антонович (1873–?), одесский адвокат, участник Литературно-артистического общества, приятель Чуковского.

[12] О Дане Мрост см. примеч. 12 к письму **5**.

[13] Статья опубликована не была, ее текст неизвестен, намерение написать о Суинберне Чуковский осуществил только в 1906 году (см. примеч. 2 к письму **15**).

[14] См. корреспонденцию Чуковского «Митинги в Гайд-Парке» — *ОН*. 1904. 28 июля. № 6377.

14. В.Я. Брюсову

17 (30) июля 1904 г. Лондон[1]

Милостивый Государь.

Только что узнал я от В.Ф. Лазурского, что заметка моя о Уотсе принята Вами для «Весов»[2]. Следуемый мне за нее гонорар и книжку, где она будет напечатана, благоволите направить по такому адресу:

K. Chookovsky. 11, Upper Bedford Place. London W. C.

Преданный Вам *Корней Чуковский*

[1] Датируется по почтовому штемпелю: London. Jul 30. 1904. Получено в Москве 21 июля 1904 г.

[2] О *В.Ф. Лазурском* см. примеч. 3 к письму **5**, а также «Список адресатов». Джордж Фредерик *Уотс* (1817—1904), английский живописец. 2 июля 1904 г. Чуковский записал в дневнике: «Сегодня узнал о смерти Уотса. Написал о нем корреспонденцию»; корреспонденция-некролог опубликована: *ОН*. 1904, 26 июня. 27 июля в дневнике: «Сегодня утром Лазурский получил от В. Брюсова письмо, где очень холодно извещается, что моя статейка о Уотсе пойдет» *(Дн.-11*. С. 78). Статья Чуковского «Джордж Уотс» появилась в № 7 журнала «Весы» за 1904 г. (С. 41—44); эта публикация стала его дебютом в столичной печати.

15. В.Я. Брюсову

Ок. 23 июля (5 августа) 1904 г. Лондон[1]

Милостивый Государь Валерий Яковлевич.

Если на этой неделе выдастся свободный день, с удовольствием примусь за статью о Суинбёрне[2]. Стихотворные же мои пере-

воды крайне несовершенны, и я лично никогда не предложил бы их для Вашего журнала. Другое дело — переводы прозаические. Будь я уверен, что у меня найдется издатель, я бы перевел О. Уайльда «Decay of Lying»[3], снабдив перевод собственными примечаниями и предварительным этюдом о Уайльде.

Подлинное имя мое — Николай Васильевич Корней-Чуковский. Но это слишком громоздко; поэтому и в писаниях своих и в общежитии я привык называться Корнеем Ивановичем. Поэтому же покорнейше прошу Вас о Никол<ае> Вас<ильевиче> забыть и помнить преданного Вам

К.И. Чуковского.

[1] Датируется по почтовому штемпелю получения: Москва. 27.7.04. Ответ на неизвестное нам письмо, в котором, по всей вероятности, Брюсов предлагал Чуковскому продолжить сотрудничество в «Весах».

[2] О намерении написать статью об английском поэте и драматурге Алджерноне Чарлзе *Суинберне* (Swinburne; 1837—1909) идет речь в нескольких дневниковых записях Чуковского за июль—август 1904 г. *(Дн.-11.* С. 78, 81, 84). Тогда этот замысел не был реализован. В 1906 г. в «Весах» была опубликована рецензия Чуковского на книгу Суинберна «Selections from his Poetical Works» (№ 3/4. С. 85—86).

[3] *«Упадок лжи»* (*англ.*, 1889) — эстетический трактат английского прозаика, поэта и драматурга Оскара Уайльда. Замысел Чуковского, по всей вероятности, не был осуществлен.

16. М.Б. Чуковской

30 июля (12 августа) 1904 г. Лондон[1]

Машка противная. Скажи Мане, что, поговорив с Лазуричем, решил я Лоэнгрину не писать, а вот что. Лазурский, когда приедет в Одессу, сам постарается достать для нее что-нибудь подходящее. Он даже со Старковым, помощником градоначальника, знаком. А Петю я просил, он ведь может ровно столько, сколько я. Рада ты, что я скоро приезжаю? Отчего Маничка хандрит и не занимается? Я сейчас у Лазурича 3 фунта позычил. Опять запутался в деньгах.

Я купил Лазурскому в подарок записную книжку — совсем не знаю, чем его отблагодарить — он так много сделал для меня.

Я пишу в Од<есских> Нов<остях> великолепные статьи. Эти последние 3 месяца я собою доволен. А они не печатают.

В «Киевск<их> Откл<иках>»[2] была одна моя статейка. Они очень ею довольны. Попроси Кармена, чтоб он никогда фанта-

стических вещей не писал. Его «Вершина» — прямо курьезна. Alt<alena> мне было понравился, но потом стал читать вслух и только тогда заметил, как размазано. If I keep my position in «Odessa's News» leaving England, we hire premises in Hotel Imperial, and it will be very convenient for us[3].

Твой забытый муж.

[Надпись над фотографией почтальона]:

Вот человек, которого я жду,
Как ждут любовники вечернюю звезду.

[1] Открытка из Лондона с фотографией почтальона. Почтовый штемпель: London, 11 aug. 04. Адрес: Russia Odessa. Одесса. Базарная, 4, кв. 10, М.Б. Корнейчуковой.

[2] *«Киевские отклики»* — ежедневная литературно-политическая, экономическая и общественная газета, выходила в Киеве с 1903 г.

[3] Если я сохраню свое положение в «Одесских новостях» после возвращения из Лондона, мы поселимся в отеле «Империал», и это будет для нас очень удобно *(англ.)*.

17. В.Ф. Лазурскому

Лето 1904 г. Лондон[1]

Мамочка Владимир Феодорович,

Вчера видал в музее Рапопорта. Он разбогател и страстно хочет возвратить Вам долг. Сейчас посылаю ему Ваш адрес, а выйдет ли что из этого, не вем[2].

Вчера была у меня пирушка. Купил я малаги и хересу по 2 шиллинга бутылка. Пришло *их* 4 человека. В 8 ½. Чаю попили, о войне поговорили, спели «Боже царя храни», — а у меня в кармане 7 ш<иллингов> как и не бывало. Сегодня лежал в постели и все думал, что можно было бы из этих 7 шиллингов сделать. Тьфу! — Это я у В<ас>, мамочка, заразился. Дернул меня черт читать им «Онегина». Хоть бы один улыбнулся, мерзавец! Когда я кончил, купец сказал: «да, действительно» — и вздохнул. А Фоминский подумал и вымолвил: «как все это гладко! Так и льется, так и льется!» Тимофеев — посмотрел на часы: нам пора! — Да, да пора, — подхватил бас басом. Сволочи! А мисс Вики они обидели ни за что, ни про что. Та хотела послушать, как они поют; пришла в drawing-room: very nice, very fine, isn't it?[3] Они захлопнули пианино и перестали играть. Словом, мать их...

Робинз все жалеет, что Вы уехали. Говорит: «я к нему дело имел». А когда я предложил ему Ваш адрес, он съежился и ушел из комнаты.

1904 Пикок уезжает в Париж. Теперь уж ей в Лондоне ждать нечего. Она познакомила меня вчера с одной девственницей. Еврейкой. С лица белая и про отца своего говорит: папаша. Пригласила к себе. Не пойду. Знаем мы этот чай без хлеба. (Сейчас я пишу это, а за стеной Ричардс щупкой вызывает восторженные взвизги горняшек.) Посылаю Вам из «Daily N<ews>» интересную статью об японск<ом> прогрессе. Отведите душу.

Я работаю. Читаю с утра до ночи. И ночью читаю... Как Ваша работа? Повидали Морфиля?[4] Как Вам теперь кажется: долго ли пробудете в Oxforde? Приезжайте скорее — не вводите Робинза во искушение — грех! А мне здесь без Вас тоска — всё морды какие-то свиные, а не лица[5].

Продавец масла уже говорил со мною о масле, а Ричардс, мелко хихикая, пытался завести беседу о девочках. Мутно.

Ваш душою *Корней*

[1] Датируется по содержанию.

[2] не знаю (*слав.*).

[3] в гостиную: очень мило, очень славно, не так ли? *(англ.)*

[4] *Морфиль В.Р.* (W. R. Morfill), английский славист, профессор Оксфордского университета, автор книги «Russia» (1880, 1890) и исследований по истории славянских литератур и языков.

[5] Возможно перефразированы слова Городничего из «Ревизора» Гоголя: «Вижу какие-то свиные рыла вместо лиц, а больше ничего» (Действие пятое, явление VIII).

18. В.Ф. Лазурскому

Лето 1904 г. Лондон[1]

Дорогой мой Владимир Феодорович!

Прочтите это дорогой Нетте Ивановне:

Her beautiful letter
Deserves the better answer
Than mine.
But I cannot do it better.
And so I pray You let her
Remember: Ivan, Sir, —
Is the name of the father of mine.
Ah! If this name were Ben, or Bat, or Billy,
My English letters would be not so silly,
My style
Would be pure like a lily, —
But while

T'is so, — I think t'is better
To be silly in a letter.
Than in head, as are sons of Billy.
As to myself
I have got some pelf,
But you know — money
(As explains Chiozza — Money)*
Is rare in the working-man's pocket
And, helas! — I owe to Miss Peacock it;
And it is why
I
Don't send You now my dept —
But — лопни my eye! —
All shall be set
In one week or two...

Yours — and Miss Peakock's too
K. Chookovsky[2]

* Look in his last book.

Page of Miss Peacock,
or
Miss Peacock's Page?

I

O you!
Whose duty
Is beauty.
Put your eyes
In a Russian exercise
And your beauty
Will be duty.

II

May son
Has won
Со всех сторон
And love and admiration,
But I
O! Why
Why[3] я не повешен?

— За такие скверные стихи.

Преданный Вам *К. Чуковский*

Простите, что денег не высылаю: жена отобрала за этот месяц львиную долю. Роды, доктор, то, другое... Но я только что получил от З. Венгеровой письмо, где она говорит, что мои переводы из Броунинга пойдут в «Вестн<ике> Европы» (не говорите Рапопорту: опять это ему кровь испортит), и чуть получу деньги, сейчас отошлю их в Oxford. Здесь по-старому. Демченко заболел горлом. Он здесь поперезнакомился со всеми нужными ему профессорами, понаполучил от них рекомендаций — и вдруг в горле дрянь какая-то образовалась. Жаль. Ради Куропаткина[5], объясните Miss Peacock, что whose duty is beauty — это значит: ее обязанность интересоваться искусством. Хотя это не верно. У нее помимо обязанности и любовь к красоте есть — какое великолепное письмо она мне написала! Пусть исправит ошибки в этом моем письме, а я ей на днях русские упражнения вышлю.

Ваш душою *Чук.*

[1] Датируется по содержанию.

[2] Ее прекрасное письмо / Заслуживает лучшего ответа,/ Чем мой. / Но я не могу сделать свой ответ лучше. / Итак, я верю, Вы объясните ей, / что Иван — вот имя моего отца. / Если бы его имя было Бен, Бат или Билли, / Мои английские письма не были бы такими глупыми. / Мой стиль / Был бы чист, как лилия. / Но раз дело обстоит так, / Я думаю, лучше быть/ Глупым в письмах, чем иметь глупую голову, / Как у сыновей Билли. / Что до меня, / То я добыл немного презренного металла, / Но вы знаете, что деньги / (Как объяснил Чиоцца-Моней[*]) / Это редкость в кармане работающего человека, /К тому же — увы! — на мне висит долг мисс Пикок; / Вот почему / Я / Не посылаю Вам свой долг. / Но — лопни мои глаза! — / Все устроится / В неделю-две... /Ваш, а равно и мисс Пикок / *К.Чуковский.*

[*] Посмотрите в его последней книге.

Chiozza-Money L.G. (1870–1944), английский социалист.

[3] Страница мисс Пикок, или мисс Пикокова страница?

I. О ты! / Чья краса / Тебе наградой, / Устреми свой взор /На русские упражнения, /И твоя краса / Будет тебе наградой.

II. Мой сын / Победил / Со всех сторон / И любовь, и восторг, / Но я / О! Почему / Почему... (*англ.*)

[4] Страница мистера Лазурского *(англ.).*

[5] *Куропаткин* Алексей Николаевич (1848–1925), русский генерал, с февраля 1904 года — главнокомандующий вооруженными силами Дальнего Востока. Под его руководством проигран ряд сражений в Русско-японской войне. Роль командующего оказалась ему не по плечу; он пользовался дурной славой, и в 1905 году был снят со своего поста.

19. В.Я. Брюсову 1904

8 (21) сентября 1904 г. Константинополь (Стамбул)[1]

Константинополь. 21 сентября

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Сегодня впервые пристал я к земле после трехнедельного скитания по морю. И при первой же оказии тороплюсь обратиться к Вам с просьбой. Если хотите, чтобы я написал для Вашего журнала статью о Суинборне, — вышлите мне (на 3–4 дня только) его Ballads and Poems, vol. I, рецензию о которых я читал в «Весах»[2]. У меня как раз на той неделе предвидится несколько свободных дней. Кстати. Только что на пароходе закончил я Волынского «Книгу Великого Гнева» — не возьмете ли о ней рецензию?[3] А.Л. Волынский прислал мне книгу для отзыва, а я до сих пор не удосужился. И еще: там мне какой-то гонорар следует, так не благоволите ли Вы распорядиться в конторе высылкой мне

1) Уайльда перевод К. Бальмонта «Ballad of Reading Gaol»,

2) Бальмонта т. II,

3) «Urbi et Orbi» — если, конечно, такая выдача гонорара натурой не противоречит Вашим конторским распорядкам[4].

Преданный Вам *Чуковский*

Адрес мой: Одесса. Ред<акция> «Одесских Новостей». Пассаж. Дерибасовская. Корнею Чуковскому.

Постоянный мой адрес: Одесса. «Одесские Новости». Редакция. Дерибасовская. К. Чуковскому.

[1] Получено в Москве 10 сентября 1904 г. (дата почтового штемпеля). Написано в ходе морского путешествия из Англии в Одессу на пароходе «Гизелла» (см.: *Дн.-11*. С. 92—107).

[2] Подразумевается рецензия Брюсова (за подписью: К.-К.-К.) на книгу: *Swinburne A. Ch.* Works. Vol. I. Poems and Ballads. London, 1904 (Весы. 1904. № 7. С. 59–60).

[3] *«Книга великого гнева»* (СПб., 1904) — сборник статей литературного критика и искусствоведа Акима Львовича Волынского, основанный на его лекциях о современной литературе. Рецензия Чуковского на это издание в печати не появилась.

[4] Гонорар — за статью «Джордж Уотс», см. примеч. 2 к письму **14**. Упоминаются книги московского издательства «Скорпион» (выпускавшего журнал «Весы»); *Уайльд Оскар.* Тюремная баллада (Баллада Рэдингской тюрьмы). Перевел с английского размером подлинника К. Бальмонт (1904); *Бальмонт К.Д.* Полное собрание стихов. Том II. Горящие здания. Будем как солнце (1904); *Брюсов Валерий.* Urbi et orbi. Стихи 1900—1903 г. (1903).

20. В.Я. Брюсову

Февраль 1905 г. Одесса

Многоуважаемый Валерий Яковлевич.

Простите, что я Вас беспокою, но у меня сейчас большая надобность в деньгах. Не будете ли Вы добры распорядиться высылкой мне гонорара за статью о Пшибышевском в 11 кн. «Весов»[1].

Там крохи — что-то около 15 р. — но теперь и они были бы кстати.

На днях думаю выслать Вам первый свой очерк из серии «Очерки современной английской литературы»[2].

В одной здешней газете веду я «Заметки читателя»[3]. Недавно заговорил я о реформе «Нового Пути»[4], и цензор запретил не только Ваше стихотворение о Орфее, но и выдержку из «L'ennui de vivre»[5].

— Я, говорит, еще в Петербурге хотел Орфея выбросить из «Нового Пути». У меня такое мнение, что Брюсов самый революционный из русских поэтов.

Фамилия цензора — Савенков[6].

Преданный Вам *К. Чуковский*

Одесса, редакция «Одесских Новостей».

[1] Имеется в виду статья Чуковского «Пшибышевский о символе (Письмо из Одессы)». Весы. 1904. № 11. С. 31–37.

[2] Ни одной статьи Чуковского, относящейся к указанной серии, в «Весах» не появилось.

[3] Первая статья Чуковского под этой рубрикой была опубликована в «Одесских новостях» 28 января 1905 г.

[4] «Новый путь» — Ежемесячный литературный и религиозно-публицистический журнал, выходивший в Петербурге в 1903–1904 гг. Осенью 1904 г. произошла реформа в его руководстве: Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус, П.П. Перцова сменили так называемые «новые идеалисты» — Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Н.О. Лосский и др. О «Новом пути» идет

речь в статье Чуковского «Заметки читателя. О г. Минском» (Одесские новости. 1905. № 6550, 1 февр.; *Т. 6* наст. изд. С. 326–330).

[5] Подразумевается стихотворение Брюсова «Орфей и аргонавты», впервые опубликованное в «Новом пути» (1904. № 11); оно цитируется в указанной статье «О г. Минском»: «Валерий Брюсов (уж на что был безнадежный в общественном смысле человек!) обратился к поэтам своего лагеря с такими словами: “В день, когда вышли на подвиг герои, // Будь им сподвижник, Орфей!”». Стихотворение Брюсова «L'ennui de vivre...», опубликованное впервые в 3-м альманахе «Северные цветы» (М., 1903), вошло в книгу Брюсова «Urbi et orbi»(М., 1903).

[6] Евгений Семенович *Савенков*, впоследствии член Петербургского комитета по делам печати.

21. М.Б.Чуковской

До 14 марта 1905 г. Петербург[1]

Девочка моя махонькая! Я был в «Еврейской жизни»[2], сидел за столом, и спрашивал, как мне послать тебе телеграмму, когда пришло это письмо. Мне принесла его квартирная хозяйка, зная, как безумно тосковал я по тебе. Я увидал твой почерк и так заволновался, что не мог читать. Держу его и не знаю, что с ним делать. Дело с твоим приездом обстоит чрезвычайно просто. На месяц сюда стоит приехать: до середины апреля здесь будут люди, а потом все разъедутся. Завтра я пошлю письмо Эрмансу[3] — и если вопрос о жаловании разрешится в благоприятном смысле — приезжай непременно. Тогда, значит, у нас 200 рублей верных есть! Ты здесь обмундируешься, отдохнешь (еда здесь у Сориных[4] дешевле одесской обойдется, квартира почти столько же; дорога чепуха!). Здесь тебе все рады будут очень; только это нужно сделать сейчас же, сию же минуту. Я пошлю завтра Эрмансу письмо; а ты послезавтра сходи-ка за ответом... Сходи к нему на дом, — не трусь, — Еврейская, д. Апатра, часу в двенадцатом... Буде все обстроится, сдай Кольку маме и, *если уверена, что хныкать и тосковать по нем не будешь*, — езжай сюда. Здесь у меня каждую неделю — minimum 25 р. лишних есть. Ехать теперь чудно. Жаль, у тебя чайника нету... Предупреди телеграммой *«Еду сегодня»*. Смотри, выезжай в 12 час. Тогда я буду знать, когда тебя встретить. — Если же все это не удастся, не горюй. Мы свидимся очень скоро... Я здесь побуду, самое большое, неделю и фюить. У меня комната хорошая, — поместились бы вдвоем. Ну да что делать! Если нельзя — утешимся на том, что летом заживем на Фонтане, — в Люстдорфе. Что это ты тоскуешь! Брось это дело! Приготовься так или иначе встретить супруга: выкупайся хорошенько и надень чистое белье.

1905 Мне так жалко, что нет статьи о Соловьеве[5], — она бы в *«Вопросах Жизни»*[6] могла бы пойти... У меня здесь есть где печататься, только пиши. Я сегодня читал весь день до отупения. Теперь пробило 2 часа ночи. Был у меня Кармен и хныкал по Одессе, был еще молодой человек, — фармацевт и сионист (кстати, Волынский терпеть не может Жаботинского и зовет его «фармацевтом») — ушли поздно — и я стал тебе писать. Ну, прости — спать иду. Перо из рук выпадает. Если уедешь сейчас — вот тебе указания, как меня найти, от Варшавского вокзала вели извозчику ехать к Николаевскому вокзалу, — а там вели ему везти тебя на Мытнинскую. Или прямо на Мытнинскую за Николаевским вокзалом. Больше 60 коп. не давай. Вещей не бери. В вагоне проси нижнюю плацкарту для некурящих мужчин. С бабами тебе будет скучно. Возьми подушку, белья, одеяло — и больше ничего. Все это можно свернуть в ту штуку, что я из Лондона привез... Лампа гаснет... Только имей в виду, что Федоров едет в Одессу, что Altalena через 5 дней уезжает с Аничкой в Вильну, что Евг. Соловьев пьянствует до невозможности, что Волынский стремится на юг: он не прочь появиться у нас на даче; что белые ночи для меня это значит бессонные ночи; что у меня с моим паспортом неприятности и т. д. Я это не для того, чтобы расхолодить тебя — а для того, чтоб ты не жалела, если не удастся... Волынский живет в Палэ-Рояле — в крохотной комнатке среди книг. Третьего дня был его фельетон в «Русском Слове» о Толстом. Он с раннего утра до 9 часов вечера сидит за письменным столом. Недавно ставилась пьеса «Маленький Эйольф» под его руководством[7]. Теперь он читает Коммиссаржевской лекции о Сольнесе. Скоро эта пьеса пойдет[8]. Куприн здесь. Он от пьянства распух. Когда был пурим, я ужинал вместе с хозяевами; так как у меня был Вознесенский[9], то пригласили и его... Был Altalena... Ужин на славу. Потом поехали к одному богатому еврею-сионисту. Там было душ 100 сионистов. Был Шейнкин — кажется, — ты его помнишь по Одессе[10]. Пели еврейские песни, пили, ели, очень уютно и хорошо. До 4-х час. ночи. Но т. к. на другой день мы с Вознесенским должны были предъявить редактору наши рецензии, то ночью мы сели писать. Смешно. Я о жизнечувствии[11], а он о «жизнебрызжущих» драмах... Вот бы ловко, если б ты среди нас была. Больше ни одной зимы моя нога в Одессе не будет... Там околеешь... Только здесь можно быть литератором. Сколько я читаю — ужас что такое!

<...> Что Колюшка? Я уже и забыл, какой он... если ты останешься, пиши мне каждый день хоть несколько слов. Не скряжничай — истрать 30 к. купи 10 открыток и жарь... По самой Одессе я не тоскую ни капельки. Я люблю Петербург — я уже знаю все его улицы;

я люблю его извозчиков, его газеты, его небо. Я сейчас услал служанку за «Новым Временем» и «Сыном Отечества». Я утром читаю эти две газеты. Это я — а все мои знакомые выписывают 22 — и читают, и обсуждают, и говорят, говорят. Милая моя девочка, как бы я хотел тебя поцеловать! Губы твои сладострастные. But don't use your finger for this purpose[12]... Минский предложил мне переводы с английского в одну газету 4 к. со строки. Я почти отказался. *Вот если бы* ты знала язык!

* * *

Ах да! Пойди к Эрмансу послезавтра, а не завтра. Сейчас у меня сидит Вознесенский и мешает.

[Рукой Вознесенского приписано:] Дорогая Мария Борисовна, пожалуйста, приезжайте, потому что Чуковский больше не может. Нет, серьезно, не томите его больше: он ждет Вас денно и нощно и тому подобное. Нет, серьезно, приезжайте и так далее...

[1] Датируется по упоминанию о статье Чуковского о Е. Соловьеве-Андреевиче. Письмо адресовано в Одессу.

[2] Это первое письмо, из которого мы узнаем о попытке Чуковского перебраться из Одессы в Петербург, куда в конце 1903 года переехал Жаботинский. Жаботинский сразу примкнул к редакционному ядру издававшегося его родственником Сориным журнала «Еврейская жизнь», благодаря чему и сблизился с сионистскими кругами. Судя по этому письму, первым местом сотрудничества Чуковского в Петербурге стала редакция этого журнала, где он опубликовал одну статью («Случайные заметки», 1904. № 11) и два стихотворных перевода в том же году. Это единственное упоминание об этом сотрудничестве. Уже в июне Чуковский возвращается в Одессу, затем в конце лета снова едет в Петербург, но о сотрудничестве с «Еврейской жизнью» больше не упоминается.

[3] *Эрманс* Александр Соломонович — владелец типографии и издатель «Одесских новостей».

[4] *Сорин* — издатель журнала «Еврейская жизнь», упоминается в «Повести моих дней» Жаботинского; см. также воспоминания Сорина о Жаботинском в еженедельнике «Рассвет» (Берлин. 1930. № 42. С. 16–17)..

[5] Статья Чуковского «О г. Соловьеве», посвященная критику Е.А. Соловьеву (Андреевичу, 1867–1905), была опубликована в «Одесских новостях» 14 марта 1905 года (*Т. 6.* наст. изд. С. 340–345).

[6] *«Вопросы жизни»* — под этим заглавием с 1905 года стал издаваться журнал «Новый путь» (о нем см. примеч. 4 к письму **20**). Публикации Чуковского в этом журнале неизвестны.

[7] Рецензию Чуковского на постановку в театре В.Ф. Коммиссаржевской пьесы Г. Ибсена «Маленький Эйольф» см.: Театральная Россия. 1905. № 11. С. 172.

[8] Рецензию Чуковского на постановку в театре Комиссаржевской пьесы Г.Ибсена «Строитель Сольнес» см.: «Строитель Сольнес» Ибсена в постановке А.Л. Волынского // *ТР.* 1905. № 15. С. 276–278.

[9] *Вознесенский* (наст. фам. Бродский) Александр Сергеевич (1880–1939), журналист, сотрудник *ОН,* позднее — деятель кино.

[10] *Шейнкин* Менахем (1871–1924), сионистский общественный деятель в России и Израиле. В 1900 г. окончил историко-филологический факультет Новороссийского университета, в студенческие годы увлекся сионизмом. В 1898 г. создал Бней-Цион — первую сионистскую организацию в Одессе. Принимал участие во многих сионистских конгрессах; на 6-м конгрессе в Базеле в 1903 г. был избран членом Исполнительного комитета сионистской организации, руководил деятельностью сионистской организации в Подольской, Волынской и Бессарабской губерниях.

[11] О чеховском жизнечувствии // Театральная Россия. 1905. № 27. С. 442–443, № 28. С. 455–458.

[12] Не пользуйся пальцем для этой надобности... *(англ.)*

22. М.Б. Чуковской

Весна 1905 г. Петербург[1]

Девуля моя ясная! Сижу в редакции, дожидаюсь Исая Моисеевича. Только что на «Вишневом саде» О. Чюмина[2] познакомила меня с Станиславским, и у меня с ним вечером назначено свидание. По-моему — он величайший из современных артистов. Тебе и во сне не снилось, что можно так сыграть Гаева, Шабельского, Сатина, как играет он. Удивительно! Да и вообще Художественный театр — это сказка какая-то... Я эти дни как сумасшедший хожу. Мой Чехов, мой нежный вселюбящий Чехов вновь возродился предо мною, и снова любишь жизнь, любишь людей, хочешь молиться, жить... С Станиславским я буду говорить для «Теат<ральной> России»[3]. Хочу непременно 100 р. в эту неделю заработать. На мне — рецензии о Худож<ественном> театре, статейка о Шиллере, и вот это интервью...[4] Дал бы Бог... Прихожу домой — смотрю у меня на столе мой Колька, трогательно-беспомощный, умненький, жалкенький, близкий: бб-у! Волосенки уже отросли у него. Ручкой себя за платьице ухватил и смотрит, смотрит... Вот если деньги будут, — рамку ему закажу шикарную... Счастье мое! Погоди еще недельку — и весь май — наш. Еще напиши мне письма два подряд и стоп. Больше не надо. Не застанут больше меня твои письма. <...>

Знаешь, робею я, идучи к Станиславскому. Если бы ты хоть на минуту его повидала, ты поняла бы меня. На меня искусство так действует, что я у художника руки готов целовать. По-моему, Фе-

дорову многое простится за некоторые стихи его... Если бы ты повидала Книппер — жену Чехова — в роли Раневской, если б ты увидела эти декорации, эти костюмы, — этот ансамбль — Качалова, Москвина, Артема — ты поняла бы, что все Савины, Коммиссаржевские, Дальские и как их там еще зовут не стоют ни гроша. [вписано между строк на 1-й стр.:] Кнор<озовский>[5] опять поссорился с Вознесенским. Он почти отказывается печатать его статьи. Возн<есенский> в нищете: отобедать не на что. Да и глупые же он вещи стал писать.

[Приписка внизу на 1-й стр.:] Чюмина — хрома, ей лет около 50, курносая, некрасивая, — а чудная женщина. Пригласила она меня к себе, да времени нету.

Вчера к Станиславскому не ходил, пойду сегодня. А сейчас — утро, и мне безумно нужно бежать на Николаевский вокзал. Боже, пошли мне рубли! Мне и 100 р. в неделю мало: здесь заплатить, тебе к 1-му послать — это черт знает что! А тут еще лень подлая, до спектакля москвичей (в 1 ч. дня) я ничего делать не могу, — а после спектакля и подавно. Так шатаюсь и разговоры разговариваю... Эх! Потерпим, поработаем, помучаемся — авось что-нибудь лучше будет. Вот даю тебе слово: выходить из дому только в театр, в «Театральную Россию» и... на Николаевский вокзал. Только. Больше никуда. Раз мы страдаем в одиночку, так уж было бы ради чего... Боже мой, дорогая моя девочка. Послезавтра я смогу выслать тебе несчастные эти десять рублей — только послезавтра. Чудная, нежная, за что ты страдать так должна? В какой-то яме, с мутными, гнилыми, глупыми людьми. Тяжело работая. И без возможности удовлетворить первые свои потребности. А я, сволочь, роскошествую. По театрам, по выставкам. Нет! Я безумно хочу прекратить все это. Так нельзя. Нужно положить этому конец. Но как, как? Здоровье мое <ни> к черту! Руки дрожат, бессонница, усталость. Это от беспорядочной работы, от глупого изматывания нервов... Нужно успокоиться, нужно сосредоточиться и работать, работать. Дача, дача... я о ней мечтаю, как о рае. О рае, а не о Рае. Кстати, что эта неинтересная женщина и глупый ее муж?[6] Рукопись моя в «Евр<ейской> Жизни» еще не напечатана, и, веришь ли, нет у меня сил хлопотать об этом. Сегодня воскресенье — пойти бы в баню, может быть, освежился бы. Эх, как я мечтаю об этом свистке, когда я сяду в вагон, поезд свистнет и каждый взмах колеса потянет меня к тебе.

Количкин портрет сейчас предо мною — так недоуменно он смотрит на меня. В красненькой рубашоночке. Купить бы ему эту колясочку — смотри, как ровно он сидит. Это чудная идея — снять

его. Нам нужно сняться вместе. А то постареем — и забудем, какими были в молодости. А мы еще молоды, Маша. Будущее у нас впереди. Весною как-то думается о будущем — и мне настойчиво кажется, что оно будет у нас светлое, нежное, любовное... Смотри, разве мы малого достигли: нам обоим и 50 лет нету, а у нас чудный сын, всюду мы побывали, пожили тысячью разнообразных жизней, попеременили тысячу обстановок, у меня, какое бы ни было, а есть некоторое литературное прошлое, есть позади 3 $^1/_2$ года работы... Деньги, ты знаешь, они у нас будут, будут непременно, стоит только работать. Будут деньги, чуть только мы переедем в Питер, устроимся здесь — лучше, удобнее, самостоятельнее. Я летом буду читать, заниматься философией, как когда-то[7], а то я слишком кинулся в область художественных восприятий. Между тем философия любимейшая моя область, — и забросить ее грех. Летом нам хватит и тех 150–200 р., которые я теперь зарабатываю, а зимою — чудно будет зимою. Ах, мой Николаевский вокзал. Бьет 11 час. За стеной Сорины пищат, визжат, я пойду, умоюсь, побреюсь и постригусь. Саша Фидман обещал меня снять. Сегодня в Художественном театре ставят Метерлинка, а завтра «Рассказы» Чехова... Целую тебя взасос. Поклонись нашим. Кольку облобызай, задрав повыше рубашонку. Пиши. Я тебе недавно открытку послал, с оплаченным ответом. Отвечай же.

Твой

[1] Датируется по содержанию. Письмо адресовано в Одессу.

[2] Об *О.Н. Чюминой* см. в «Списке адресатов».

[3] Статью Чуковского о Московском Художественном театре см.: Театральная Россия. 1905. № 17, 18.

[4] Перечислены статьи Чуковского, которые он написал и опубликовал в журнале «Театральная Россия»: «Московский Художественный театр: «Иванов», драма Чехова» (*ТР.* 1905. № 17); «Слепые»; «Там внутри», драма Метерлинка; Памяти Шиллера... *(ТР.* 1905. № 18). Интервью с К.С. Станиславским опубликовано позже (см.: Драма жизни: беседа с К.С. Станиславским // Сегодня. Пб. 1907. 4 мая).

[5] *Кнорозовский* Исай Моисеевич (1858–1914), издатель журнала «Театральная Россия».

[6] *Рая... и ее муж.* — Упомянуты Р.Г. и М.Е. Лемберги. О них см. примеч. 9 к письму **13**.

[7] Первые статьи девятнадцатилетнего Чуковского были посвящены вопросам философии. См.: К вечно-юному вопросу: (Об «искусстве для искусства») // *ОН.* 1901. 27 нояб.; Письма о современности: Письмо первое: Индивидуализм; Марксизм; Декадентство // *ОН.* 1902. 23 мая; Дарвинизм и Леонид Андреев: Второе «письмо о современности» // *ОН.* 1902. 21, 24 июня (*Т. 6* наст. изд.).

23. Д.Л. Тальникову

12 ноября 1905 г. Петербург[1]

Милый Тальников.

Присылайте нам что-нибудь из Вашего жанра. Только построже выбирайте, мы решили быть к себе чрезвычайно требовательными. Гонорары у нас чудесные, денег тьма. Если Вы согласны у нас работать, ради Бога вставьте свое имя в то объявление, которое я прислал в контору «Новостей» для напечатания[2]. Немедленно. В алфавитном порядке.

Весь Ваш. *К. Чуковский*

[1] Датируется по почтовому штемпелю. Открытка со штампом: Еженедельное издание «Сигнал». СПб., Казачий, 4. Тел. 5210. Адресовано: Одесса, ред. «Одесские новости», Тальникову.

[2] Имеется в виду редакционное объявление об издании журнала «Сигнал».

24. Н.Н. Ходотову

Ноябрь–декабрь 1905 г. Петербург[1]

Милый Николай Николаевич.

Сегодня у нас редакционное совещание. Будет Тэффи, Чюмина, О. Дымов[2] — и так дальше. Милый, приходите. Главный наш сотрудник Ужин, хороший Ужин.

Весь Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по содержанию предположительно. Адрес: Казачий пер., 4, кв. 5. Это адрес редакции журнала «Сигнал», который был запрещен в декабре 1905 года.

[2] Об *О. Дымове* см. «Список адресатов».

25. М.Б. Чуковской

Ноябрь–декабрь 1905 г. Петербург[1]

Девуличка моя дорогая. Грустно мне тут без тебя. Я сегодня как помешанный ходил по городу. Был сегодня у Куприна — он дает для «Сигнала» рассказ — (о чем мы завтра объявим во многих газетах)[2]. Потом, стыдясь вернуться в квартиру, за которую еще не заплачено — пошел шататься по городу. Теперь я живу на Вас<ильевском> Острове — и потому я бросился к Дитте Слонимской, — но... она уезжала играть у Яворской[3]. Мило встретила, велела тебе кланяться, — но через 2 секунды я вместе со своею тос-

кой — опять очутился на улице. Куда? Куда? Люди проходят, люди уходят — конки звенят, извозчики пристают, куда? Поехал я к Леле и Володе. У них проскучал весь вечер — Леля говорила детским языком, Володя грыз орешки — словом все, как следует. И я чувствовал, что все же нахожусь в обществе очень интересного человека, и этот интересный человек — я сам...

А вот уже и другой день. Среда. Сегодня я обедаю у Куприных, а завтра у Слонимских. Вообще, с того дня, как ты уехала, я еще ни разу не обедал дома или в ресторане. Я стараюсь поправиться к твоему приезду: каждый день варю себе в самоваре несколько яичек. Но беда в том, что у Александра Адольфовича денег нету — и он это деятельно скрывает. Теперь это уже чепуха, потому что завтра выходит наш нумер, — я пошлю его тебе в бандерольке, — и деньги к нам вернутся. № будет очень хороший — большой, богатый материалом и рисунками, — лучший изо всех наших №№.

Вчера Куприн мне очень понравился. Так как он пьянствует, то жена поселила его не в своей квартире, а в другой, — специально для этой цели предназначенной. В особнячке, куда можно пройти через кухню Марьи Карловны. Там — обрюзгший, жирный, хрипящий — живет этот великий человек, получая из хозяйской кухни — чай, обед, ужин... Убранство: диван, кровать, книги, книги, книги, — и белый сосновый стол. «Это мой альбом», говорит Куприн: весь стол исписан Л. Андреевым, Скитальцем, Горьким, Фидлером, Троянским и т. д. Куприн попросил и меня расписаться. Я написал ему: «Он был с-д, она с-р», которое ему очень нравится[4]. Ах, да! Пойди, дорогая Машунька, к Полинковским и разнюхай, как при военном положении переслать ему «Сигналы»[5]. Была у Розинера? Видела Володю Жаботинского? Как здоровье Дины? Достала ты себе английский словарь? Холодно ли тебе в твоей куцавейке? Ах, да. Видел я Женю Мордухович, — она тебе кланяется, и просит позволения тебе написать. Она говорит, что во всем этом виноват идиот Сашка, который «хуже Суккенникова»!! Ну да черт с ними, со всеми. Роза уехала в Финляндию — и вернется, кажется, только к весне.

В Петербурге оцепенение — и никто не знает, что будет дальше. У нас ведь так: когда начинаются забастовки, так все думают, что забастовки будут длиться всю жизнь, а когда репрессии, так всем кажется, что репрессиям не будет конца. Ну, будь здорова и спокойна — целую тебя в лоб. А сам до рассвета сяду учить английские слова.

[1] Датируется по содержанию. Письмо адресовано в Одессу.

[2] В конце революции 1905 года Чуковский стал редактором-издателем сатирического журнала «Сигнал». В своих воспоминаниях о Куприне он рассказывает, как обратился к Куприну за рассказом для этого журнала. Куприн дал ему рассказ «Тост» (см.: *Т. 4* и *Т. 5* наст. изд.)

[3] *Яворская* (кн. Барятинская) Лидия Борисовна (1871–1921, умерла в эмиграции), актриса, антрепренер. *Слонимская-Сазонова* Юлия Леонидовна, Диття (1887–1957), актриса.

[4] Кроме известных писателей, названы: переводчик, коллекционер Федор Федорович *Фидлер* (1859–1917) и художник Петр Николаевич *Трояновский* (ум. 1923). Стихотворение Чуковского «Он был с-д., она с-р.» напечатано под названием «Как они соединились: Баллада» // Сигналы, 1906. № 1. С. 3. В воспоминаниях о Куприне Чуковский вспоминает и его «деревянный альбом» — «простой березовый некрашеный стол, на доске которого многие литераторы, большие и малые, оставили по нескольку строк: экспромты, остроты, афоризмы, стишки».

[5] *Полинковский* Арке Мунишевич (1882–?), гимназический товарищ Чуковского.

26. А.В. Руманову

Начало 1906 г. Петербург[1]

Дорогой Аркадий Вениаминович.

Вот Вам еще один одессит — известный всему миру Омега[2]. Денег у него 0 микрон, и потому, дорогой, приспособьте его, пожалуйста, поскорее к Вашему заведению. Он фельетонист-злобист, и страшно нужен для «Биржевых»[3]. Уверяю, что он затмит всю имеющуюся у Вас сволочь. Как Ваш журнал?[4] Желаю ему успеха. Есть у меня на его счет кой-какие мысли — съехать<ся> бы нам у Палкина[5] или в «Вене»[6] и потолковать.

Будьте здоровы.

Люблю Вас, к<а>к женщину. Где и когда?

Ваш *Корней*

[1] Датируется по времени переезда в Петербург О.Л. Д'Ора и выхода журнала «Жупел». На бланке редакции еженедельного журнала художественной сатиры «Жупел». (С.-Петербург, Невский, 90). Письмо адресовано: Академический пер., д. 5, кв. 11. Дом Министерства финансов. Галерная. Аркадию Вениаминовичу Руманову.

[2] *Омега* — литературный псевдоним Иосифа Львовича Оршера (1879–1942), журналиста, прозаика, сатирика, известного также как О.Л. Д'Ор.

[3] «Биржевые ведомости» (утренний и вечерний выпуски) — петербургская ежедневная политическая, общественная и литературная газета, издаваемая Товариществом С.М. Проппера. В редакции «Биржевых ведомостей» А.В. Руманов работал с 1904 по 1912 г.

[4] Какой именно журнал имеет в виду К.И. Чуковский, неизвестно. Весной 1906 г. А.В. Руманов был принят на должность помощника редактора новой, созданной И.Д. Сытиным, газеты «Дума». Газета просуществовала недолго, и в том же, 1906 г. Сытин назначил Руманова заведующим петербургским отделением известной московской газеты «Русское слово».

[5] Петербургский ресторан на Невском проспекте, основанный купцом Анисимом Палкиным в 1785 году, который был популярен в среде писателей и деятелей искусства.

[6] Известный в литературных кругах Петербурга ресторан на углу улиц Малой Морской (Гоголя), 13, и Гороховой.

27. В.В. Чехову

Январь 1906 г. Петербург[1]

Многоуважаемый Владимир Владимирович!

Если Вы закончили вещь, которую давеча читали мне, благоволите вручить ее подателю сего для напечатания в ближайшем № «Сигналов»[2]. Если нет — поторопитесь, пожалуйста, ибо мне нужно заблаговременно отдать ее иллюстрировать. О гонораре поговорим при свидании.

Преданный Вам *К. Чуковский*

[1] Датируется по содержанию. На бланке «Для памяти». Адрес отправления: Владимиру Владимировичу Чехову. Пале-Рояль. Пушкинская.

[2] *«Сигналы»* — иллюстрированный политико-сатирический журнал, издававшийся при ближайшем участии Чуковского (официальный редактор-издатель В.Е. Турок); вышли №№ 1—4 в январе — начале февраля 1906 г. Выпускался вместо журнала «Сигнал», запрещенного в декабре 1905 г. Публикации В.В. Чехова под собственной фамилией или инициалами в журнале «Сигналы» отсутствуют, его псевдонимы неизвестны. Начиная со второго номера журнала «Сигналы» В.В. Чехов назван в числе сотрудников издания.

28. В.А. Тихонову

17 января 1906 г. Петербург[1]

17 января 1906

Дорогой Владимир Алексеевич!

Если можно, вручите подателю сего Ваш обещанный рассказ: мне нужно сегодня же заказать к нему иллюстрации*. Рассказ Куприна выйдет через два-три дня, — на прекрасной бумаге и с хорошими рисунками[2]. Теперь мы заполучили типографию «Просвещение», — и наш журнал будет в техническом смысле совершенством. Ежели «Morituri» у Вас не вытанцовываются, дайте что-нибудь другое — в жанровом этаком смысле. Не возобновите ли Вы свои воспоминания о знаменитом сыщике — как его звали — не упомню.

Мой привет Барвинку[3]. Его московский младенец «идет» в этом №, и Вы во всякий час можете получить в редакции за него 3 рубля.

Ваш *Корней Чуковский*

* Да и рекламу пустить не мешало бы. А буде рассказ не закончен, — определите точно, когда он состоится.

[1] Письмо адресовано: Владимиру Алексеевичу Тихонову. Пушкинская 20, Пале-Рояль.

[2] Рассказ А.И. Куприна «Тост» с посвящением: Скитальцу (С.Г. Петрову) опубликован: Сигналы. 1906. Вып. 2. 18 янв. С. 2–4.

[3] *К. Барвинок* – псевдоним В.А. Тихонова, за этой подписью опубликована корреспонденция из Москвы – Сигналы. 1906. Вып. 2. 18 янв. С. 4.

29. Н.Н. Ходотову

17 января 1906 г. Петербург[1]

Января 17 1906

Дорогой Николай Николаевич!

Посылаю тебе номерок — что, не правда ли, хорош? Просмотри 8 страничку — одобряешь наше новое направление?[2]

А у меня к тебе дело: когда повидаешь Вельбушевича[3], передай ему прилагаемые при сем стихи — и предложи ему от нашей редакции присоединить к ним музыку. Если он согласен, пусть известит и сообщит свои условия. Отчего бы тебе не прислать нашей редакции ложу? Авось и мы тебе пригодимся.

Твой душою *Корней Чуковский*

Кстати. Из-за стихотворения моего, которое начинается словами «Загорелою толпою»[4], в Москве убили человека.

[1] На бланке: «Редакция иллюстрированного журнала политической сатиры “Сигнал”».

[2] Чуковский направил Ходотову первый номер журнала «Сигналы» от 8 января, который начал выходить взамен закрытого цензурой журнала «Сигнал». Со страницы 8 в номере начиналось «Экстренное приложение» с карикатурами на Победоносцева и других политических деятелей. Ходотов назван в числе участников издания.

[3] Упомянут Евгений Борисович *Вельбушевич* (1874–1933), пианист, аккомпанитатор Н.Н. Ходотова, композитор, автор музыки популярных в те годы мелодекламаций на стихи Анны Ахматовой и других поэтов.

[4] Стихотворение К. Чуковского «Загорелою толпою» («Подымайтесь, собирайтесь, для потехи, для игры...») опубликовано: Сигнал. 1905. Вып. 1. 13 ноября. С. 2.

30. Н.О. Лернеру

20-е числа января 1906 г. Петербург[1]

1906 г.

Дорогой Николай Осипович!

Только что узнал Ваш адрес. Тороплюсь воспользоваться им. Сейчас в Петербурге Брюсов, — он сообщил мне это столь долго

взыскуемое сведение. Дорогой мой, идите к нам в сотрудники[2]. У нас хорошо. Вот сейчас Брюсов дал мне стихотворение, Арцыбашев пишет рассказ[3], Куприн уже дал небольшое морсо[4], — мелких штучек много хорошеньких — право, идите к нам. Вы не глядите, что редактором подписывает В.Е. Турок[5] — это он делает за 50 р., — а редактором настоящим являюсь я. Дело это хорошее, расходимся мы в 70 и 100 тыс., мало-мало 50. Гонорары — платим и по рублю строчка, — ежели что стоющее. Присылайте нам пародии, стихи, басни, мелкие штучки, за все спасибо скажем[6]. Поторопитесь ответом, покуда меня не посадили в крепость[7].

Жму руку.

Ваш *К. Чуковский*

Адрес такой: Редакция «Сигналов». Вас<ильевский> Остр<ов>, 13 линия, 2. Корнею Ивановичу Чуковскому

[1] Датируется по содержанию. Письмо написано на бланке: «Редакция иллюстрированного журнала политической сатиры “Сигнал”».

[2] О сатирическом журнале «Сигналы» см. примеч. 2 к письму **27**.

[3] Публикации В. Брюсова в журнале «Сигналы» не выявлены. В объявлении «От редакции» в «Сигналах» № 3 и № 4 упомянуто, что в портфеле редакции есть произведение М. Арцыбашева.

[4] Морсо *(франц.)* — отрывок. А.И. Куприн опубликовал в «Сигналах» рассказ «Тост».

[5] *Турок* Владимир Евсеевич (ум. в 1918), журналист, писавший под собственным именем и под псевдонимами («Вилли» и мн. др.).

[6] Возможно, Лернеру принадлежит «Баллада», см.: Сигналы. 1906. Вып. 3. б/д. С. 6. Подпись: Н.Л.

[7] Чуковскому, как редактору запрещенного журнала «Сигнал», грозила тюрьма по обвинению в оскорблении величества и членов царствующей фамилии, а также в потрясении основ государства. См. его воспоминания «Сигнал» *(Т. 4* наст. изд.).

31. М.Б. Чуковской

Вторая половина января 1906 г. Петербург[1]

Дорогая моя девулька!

Пишу тебе и боюсь. А вдруг ты уже выехала? Что, получила деньги? Я послал их тебе по телеграфу — и почти уверен, что ты их заплатила за билет до Петербурга. Напрасно. Подожди еще недельку — может быть морозы спадут. К тому же — имей в виду, что с этой квартиры я удаляюсь. Хозяев моих описали, да и я остался при одной мебели — собственном портрете. Ах да! У меня есть

1906 еще один чудный портрет. Любимов — ты знаешь его работы — нарисовал с меня гениальную карикатуру акварелью. Я, понимаешь, обвязанный платками (на глазах у меня ячмени) сижу громадина на кровати. Кто ни глянет, хохочет ужасно. Вообще Любимов для нас находка[2]. Журнал наш сегодня конфисковали — но на этот раз мы не были идиотами — и полиции досталось только 10 000 экземпляров. Сатирический журнал издавать в Петербурге теперь невозможно, и я проэктирую преобразовать «Сигналы» в чисто литературный журнал с легким оттенком сатиры. Да ну их к дьяволу — эти «Сигналы» — не пиши мне о них ничего. Гораздо интереснее вот что. Вчера лежу я в постели. У меня в гостях Пустынин и Красников — знаешь такого? — вдруг является Михайла — Корнелий Иваныч — идите в контору. Александр Адольфович посылает вам шоколаду* — и черную повязку для глаза — вас просит господин Дымов. Встаю — мороз ужасный — иду. Прихожу. Дымов, Айзеншер, Пустынин[3], Потемкин[4] — обычная наша публика — толпятся вокруг черного высокого господина. Стыдливого такого. Очень простого и все будто задумавшегося. — «Я, Корней Иваныч, к вам». — Я думаю, что это какой-нибудь художник, прошу его подождать, а сам выхожу в другую комнату, болтаю с лысым Давыдом, а Александр Ад<ольфович> мне говорит: «Отчего же вы Брюсова оставляете одного?»

— Какого Брюсова? — «А в той комнате». Бегу, оказывается, что это настоящий Валерий Брюсов. Пришел просить моего постоянного сотрудничества в «Весах». Сразу заговорил о литературе, о Свинберне, о Россетти, о Уитмане. Ему очень понравилось мое «Загорелою толпою»[5]. А я просто в него влюбился. Знаю, что он не так хорош, что простота у него деланая, — но все же мне приятно сохранять такой оазис — среди пошлых и скучных встреч последнего времени. — Все, какие только ни выходят английские книги, «Весы» будут выписывать для меня на свой счет, а я буду писать об этих книгах рецензии. Поговорили мы об этом, он взял мой адресе, — и хочет на днях ко мне заглянуть.

Ко мне вернулись мои глаза — и я опять могу читать. Я рад безумно. Можешь себе представить: изнутри века образовался у меня нарыв, — два дня нарывал мучительно, а когда прорвался — заразил нижнее веко. Нижнее прорвало — заразило верхнее. Ресницы у меня ото всего этого повылезали, но теперь уже все это дело поправляется. Только краснота возле глаза. Я много читаю, зубрю слова, несколько раз принимал ванну, и-и-и никуда почти не хожу.

* А.А. каждый день во время моей болезни присылал мне по коробке шоколаду (!?).

Был у Чюминой вчера — обедал. На первое подали блины — я съел 10 штук — и больше ничего есть не мог. Там был Лев Васильевич, Зина, Зверь[6] и та незаметная потертая блондинка, которая, кажется, покрыта молью и которой никто, никто не замечает. Чюмина плачет, не хочет ехать за границу — и уверяет, что ее посадят в крепость. Никто ее не утешает, ибо все уверены в том же. Я же — как это ни глупо — знаю наверняка, что меня осудят, но почему-то верю в свою звезду[7]. Мне всегда все удавалось, чего я только ни хотел, — и теперь удастся. Я же наглец — по природе, ты это знаешь... Может быть, это зовется наглостью, но... вот сейчас позвонили у дверей, — значит, я трус. Друг мой, дорогая моя, — у меня отчего-то так покойно на душе, так ровно, так хочется работать, знать, любить людей, доставить тебе счастье, будто мне сегодня стукнуло 35 лет. Сейчас кончу это письмо, пойду к Слонимским[8], там Зина Венгерова[9], — хочу у нее достать «Academy» и «Athenaeum» — два английских журнала, из которых узна́ю, какие книги мне выписать из Англии. Да, когда будешь ехать в Питер, захвати побольше моих книг. Возьми «За двадцать лет» Бельтова[10], если есть «Urbi et orbi» Брюсова, Бальмонта, Swinborne, и эти толстенькие, шиллинговые, знаешь в красненьких и коричневеньких переплетцах. И кстати: пиши мне на такой адрес: В.О. 13 линия, д. 2. Редакция *Сигналов*. К.И. Чуковскому.

1906

[Приписка:] Ты должно быть не знаешь, что из-за моих «Загорелою толпою» убили в Москве человека. Нашли у него стихотворение, сочли за прокламацию и убили. Было об этом в Москве[11].

[1] Датируется по содержанию.

[2] *Любимов* Александр Михайлович (1879–1955), художник, сотрудничавший в «Сигналах».

[3] О *М.Я. Пустынине* см. примеч. 2 к письму **6**. *Айзеншер* Абрам Саулович (псевд. Сергей Фотинский, 1887–1975, умер в эмиграции), художник.

[4] *Потемкин* Петр Петрович (1886–1926, умер в эмиграции), поэт, первые стихи печатал в журнале «Сигнал». В «Чукоккале» сохранилось его пародия на стихотворение Чуковского «Он был с-д., она с-р.», см.: *Чукоккала*. С. 109.

[5] См. примеч. 4 к письму **29**.

[6] *Зверь* — домашнее прозвище мужа О.Н. Чюминой, Гаврилы Петровича Михайлова.

[7] Против Чуковского было возбуждено судебное дело «Об оскорблении Величества».

[8] *Слонимские* — семья сестры Зинаиды Венгеровой — Фаины и Л.З. Слонимского, литератора, сотрудника «Вестника Европы».

[9] *Венгерова* Зинаида Афанасьевна (1867–1941, умерла в эмиграции), историк западно-европейской литературы, критик.

[10] *Бельтов* — псевдоним философа, публициста, историка Георгия Валентиновича *Плеханова* (1856–1918). Статью Чуковского о его книге «За двадцать лет» под названием «Циферблат г. Бельтова» см. *Т. 6* наст. изд.

[11] См. об этом также в письме **29**.

32. В.Я. Брюсову

1 февраля 1906 г. Петербург[1]

Многоуважаемый Валерий Яковлевич.

Непременно в февральскую. И непременно без сокращений. 5-й и 6-й абзацы у меня топчутся на одном месте, — но выкинуть ничего нельзя. Статья ведь полемическая, — должна быть ясной. И, пожалуйста, осените всю статейку таким эпиграфом:

И в вечер пьян огнем багровым,
И ночью сумраком живу.

В. Брюсов[2]

Теперь о деле: в Англии вышла книга (5-го декабря прошлого года)

Hunt. Pre-Raphaelitism and the Pre-Raphaelite Brotherhood. With 40 Photogravure Plates, and other Illustrations. In 2 vols. 8–vo. 42 s. net.[3]

Автор этой книги, Holman Hunt, был, как Вы, должно быть, знаете, другом Россетти, Морриса, Брауна — и основателем всего Brotherhood'a[4].

Я прерафаэлитов немного знаю, видел большинство их картин, и, попади ко мне эта книга, смог бы, мне кажется, дать о ней добросовестный отчет.

Справлялся о книге у Вольфа[5]. Он берется ее выписать за 25 р., считая шиллинг — уж не знаю — за 65 к. или за 63. — Так что, буде для мартовской книжки «Весов» понадобится Вам статья о прерафаэлитах, — достаньте мне эту книгу или благоволите выслать 25 р., я сам ее достану.

Адрес мой: СПб., В. О., 13 л., д. 2. Редакция «Сигналы». К.И. Чуковскому.

Потом еще:

Courthope. A History of English Poetry. Vol. V. The Constitutional Compromisse of the Eighteen Century. Effects of the Classical Renaissance; its Zenith and Decline; the Early Romantic Renaissance. 8–vo. 10 s. net.[6] Только первых томов я не читал, и достать их негде. А о пятом можно было бы дать библиографическую заметку. Нужна она Вам? Будьте добры поставить меня в известность. О гонораре мы с Вами до сих пор не говорили. Вот он: 12 к. строчка статей и 15 к. библиографических заметок[7].

Преданный Вам *Корней Чуковский*

А если 1-ая кн<ижка> «Весов» вышла, — не забудьте меня.

Смею ли я передать привет Вашей супруге?

[1] Ответ на письмо В.Брюсова от 31 января 1906 г. Датируется по связи с ним. В этом письме Брюсов писал: «Я не говорил с Вами о размерах нашего гонорара, полагая, что Вы, как наш сотрудник, знаете его. Он несколько меньше, чем тот, который называете Вы, именно — для статей 3 р. со страницы (полной и неполной) и 12 коп. со строки сообщений. Гонорар установлен издателем, не мной, и менять его я не властен. Затем я прошу у Вас позволения все-таки сделать два-три пропуска (о, самых незначительных) в Вашей статье: пропустить *две-три фразы* <...> Если Вы согласны на эти наши условия, статья пойдет в февраль. Во всяком случае, сейчас я сдаю ее в набор» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 61. Ед. хр. 68).

[2] Этот эпиграф из стихотворения «Люблю одно...» («Люблю одно: бродить без цели...», 1900), входящего в книгу Брюсова «Urbi et orbi» (см.: *Брюсов В.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т. 1. С. 328), статье Чуковского «Циферблат г. Бельтова» не был предпослан (видимо, Брюсов, как фактический редактор «Весов», посчитал неудобным исполнить авторскую просьбу, поскольку текст статьи уже был насыщен цитатами из его стихотворений).

[3] *Хант.* Прерафаэлитизм и прерафаэлитское братство. С 40 фотогравюрами и другими иллюстрациями. В 2 т. Формат 1/8. 42 шиллинга без надбавок (*англ.*).

[4] Братство (*англ.*). Упоминаются участники группы английских художников и писателей «Братство прерафаэлитов» Уильям Хольман *Хант* (1827–1910), Данте Габриель *Россетти* (Rossetti; 1828–1882), Уильям *Моррис* (Morris; 1834–1896), Форд Мэдокс *Браун* (Brown; 1821– 1893).

[5] Подразумевается: в магазине или конторе издательского товарищества М.О. Вольф.

[6] *Кортхоуп.* История английской поэзии. Т. V. Конституционный компромисс в восемнадцатом веке. Влияние классического ренессанса: его расцвет и упадок. Ранний период ренессанса — романтизм. Формат 1/8. 10 шиллингов без надбавок (*англ.*).

[7] Отзывы об указанных изданиях в «Весах» не появились.

33. В.Я. Брюсову

3 февраля 1906 г. Петербург[1]

Февраля 3 дня 1906.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Я человек бедный, — и каждая копейка гонорара значит для меня весьма много[2]. Особливо теперь, когда надо мною висит тюрь-

ма[3]. Так что очень прошу Вас поторговаться с издателем, авось что-нибудь выторгуете.

Пропуски — вообще я против них, но в данном случае ничего[4]. Все равно — статейка никому не понравится. Декаденты скажут: при чем тут марксизм? А марксисты: при чем тут декадентство? Да и тон у нее неприятный, фальцет какой-то.

И все же я на Вашем месте поставил бы примечание: Редакция не согласна с сотрудником, — да и конец[5].

А впрочем — да и́дет мимо. Я же «творю, чтобы кинуть опять»[6]. Теперь у меня три темы на очереди: «Толстой и интеллигенция» (в стиле «Вестника Европы»); «О чеховском жизнечувствии» (в стиле «Вопросов Жизни») и «Жертва русской революции» (Вл. Короленко) (в стиле «Русской Мысли»).

Которое заглавие Вам больше по душе?[7] Скоро меня упрячут в подземелье. Очень хотелось бы взять с собою два томика Holman Hunt'a. Неужели «Весам» не нужна статья о прерафаэлитах?

Ваш душою *Корней Чуковский*

Вышла январская книжка?

[1] Написано на бланке редакции иллюстрированного журнала политической сатиры «Сигнал» (под издательской маркой от руки приписан адрес: «СПб. В. О. 13 л., д. 2»). Почтовые штемпели: Петербург. 4.2.06; Москва. 5.2.06.

[2] Отклик на ответ Брюсова 31 января 1906 г. относительно гонорарных тарифов, указанных Чуковским в письме **32**.

[3] Речь идет о судебном преследовании Чуковского как редактора-издателя еженедельного сатирического журнала «Сигнал», выходившего в Петербурге с 13 ноября по 4 декабря 1905 г. (вып. 1—4); судебное заседание было назначено на 7 февраля. Перипетии возбужденного против него дела Чуковский подробно описал в мемуарном очерке «Сигнал» (см.: *Т. 4*наст. изд. С. 540—573). См. также: *Петровский М.* Книга о Корнее Чуковском. М., 1966. С. 40—64; *Карлова Т.С.* К. Чуковский — журналист и литературный критик. Казань, 1988. С. 8—52; *Спиридонова* (Евстигнеева) *Л.А.* Русская сатирическая литература начала XX века. М., 1977. С. 19–22.

[4] Речь идет о редакторской правке статьи «Циферблат г. Бельтова».

[5] Такого примечания к опубликованному тексту не сделано.

[6] «Я счастлив и силен, свободен и молод, творю, чтобы кинуть опять!» — заключительная строка стихотворения «По улицам узким, и в шуме, и ночью, в театрах, в садах я бродил...» (1901), открывающего книгу Брюсова «Urbi et orbi». См.: *Брюсов В.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. С. 269.

[7] Ни на одну из указанных тем статьи Чуковского в «Весах» не появилось. Все три заглавия были обозначены в перечне содержания книги Корнея Чуковского «Некстати. Литературные очерки», которая была

объявлена на последней странице обложки 4-го выпуска «Сигналов» как готовящаяся к выходу в свет (это издание не было осуществлено).

34. В.Я. Брюсову

Середина февраля 1906 г. Петербург

Многоуважаемый, дорогой Валерий Яковлевич!

Получил Ваш подарок; очень Вам благодарен[1]. Прочитал почти всё подряд. Многому научился, многое меня смутило, многое оставило впечатление нехорошей неискренности и нарочитости. Хороши Ваши статьи и рецензии, хорош Розанов, Мережковский, хорош (иногда) René Ghil[2], хороши Мусатов, Рерих (в живописи и литературе), Феофилактов[3]. Но — мне стыдно сказать — Андрей Белый и Вячеслав Иванов мне не по душе. Жизнечувствие у них в высшей степени несложное, а слова, а темп слов, а напев — какой-то вульгарный, нарочно путанный, не текущий из души. Органического, почвенного мало. Пора бы уже бросить этот нерусский жаргон. Не правда ли? Это все о книжках прошлого года. Простите, что высказываюсь, неспрошенный, — но разве читатель не имеет права быть критиком? О книжке этого года прошу позволения написать Вам подробнее[4]. Можно?

Простите бумагу. Арестован — и другой достать не могу[5]. Завтра меня выпустят. Адрес мой тот же...

Посылаю рецензию. Попадет в февраль? Думаю, что она прилична[6].

Посылаю Вам № «Сигналов». В моем переводе из «Pippa Passes»[7] бездна опечаток: вместо *входили* нужно *владыки*, вм<есто> *раз* — нужно *тать* и т. д.[8]

Преданный Вам *Корней Чуковский*

[1] Подразумевается комплект журнала «Весы» за 1905 г.

[2] *Рене Гиль* (1862–1925), французский поэт, критик, теоретик искусства. В № 7 «Весов» за 1905 г. были напечатаны его «Письма о французской поэзии».

[3] Художники Виктор Эльпидифорович *Борисов-Мусатов* (1870—1905), Николай Константинович *Рерих* (1874—1947), Николай Петрович *Феофилактов* (1878—1941) участвовали в оформлении «Весов»; кроме того, в № 8 журнала за 1905 г. был опубликован прозаический этюд Рериха «Девассари Абунту».

[4] Январский выпуск «Весов» за 1906 г., однако, представлял собой повторение декабрьского выпуска журнала за 1905 г. (подготовить и напечатать в срок журнал с новыми материалами не удалось из-за революционных событий в Москве в декабре 1905 г.).

[5] Ср. сообщение в хронике: *«Редактор журнала “Сигнал” снова привлечен.* Редактор сатирического журнала К. Чуковский, которому Палата на днях вынесла оправдательный приговор, не находя в обвинении состава преступления, снова привлечен по 128 ст. угол. улож. Мера пресечения – внесение залога в 10 000 руб.» (Русь. 1906. № 33, 19 февраля. С. 4). До того дело Чуковского рассматривалось в Сенате 7 февраля, палата определила возбужденное преследование прекратить (см.: Право. 1906. № 7, 19 февраля. Стб. 615–616).

[6] Рецензия Чуковского на сборник произведений Суинберна (*Swinburne A. Ch.* Selections from his Poetical Works. 11 Ed. 1906) появилась в № 3/4 «Весов» за 1906 г. (С. 85–86).

[7] «Пиппа проходит» *(англ.)*.

[8] Имеется в виду «Песня Пиппы» («На заре вселенной близко...») из III акта драмы Роберта Браунинга «Пиппа проходит» (1841), опубликованная в переводе Чуковского в № 4 журнала «Сигналы» (С. 4). Правильное чтение отмеченных строк: «И министры вкруг владыки», «Этот тать нам выдан чудом».

35. В.Я. Брюсову

15 февраля 1906 г. Петербург[1]

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич.

Простите, что докучаю. У меня к Вам просьба. Не разрешите ли Вы позаимствовать из «Весов» некоторые виньетки[2]. Мы бы всякий раз, перепечатывая, указывали на источник. Я думаю, что это не повредило бы Вам.

Юрс синсерли[3] *К. Чуковский*

[1] Открытка; датируется по почтовому штемпелю: Петербург. 15.2.06; Москва. 16.2.06.

[2] Видимо, предполагалось использовать виньетки из «Весов» для оформления журнала «Сигналы» – однако на 4-м номере, вышедшем в свет в начале февраля 1906 г., его издание прекратилось.

[3] Yours sincerely *(англ.)* – искренне ваш.

36. Е.А. Ляцкому

До 18 февраля 1906 г.[1]

Дорогой мой Евгений Александрович. Меня угнетает мысль, что я уеду, не поблагодарив Вас за Вашу деликатность, Вашу ласковость ко мне, за то добро, которое Вы, сами не замечая, оказывали мне.

Вы так приучили меня к своей доброте, что я как-то стал смотреть на нее как на нечто такое, что в порядке вещей, и только теперь, когда отошел немного в сторону — увидел и почувствовал, что на каждом шагу я во всем — как есть во всем — обязан Вам.

Я уверен, Вы даже удивитесь, когда прочтете это, так мало Вы сами обращаете внимания на ту бесконечную массу добра, которое Вы, походя, оказываете людям.

Мне стыдно перечесть то, что я написал: должно быть очень неуклюже и глупо.

Низко Вам кланяюсь *К. Чуковский*

Завтра постараюсь забежать непременно.

[1] Датируется по содержанию. В своих воспоминаниях «Сигнал» Чуковский пишет: «...я, по совету друзей нашел себе побочную работу, стал секретарем литератора Евгения Александровича Ляцкого, который в ту пору был постоянным «ежемесячным» критиком солиднейшего «Вестника Европы» (*Т. 4.* наст. изд. С. 559). Подробнее об отношениях с Е.А. Ляцким см. воспоминания Чуковского «Сигнал» (Там же. С. 540–574). 18 февраля Чуковский уехал в имение Ляцкого под Псковом (см. *Дн.-11.* С. 124, а также письмо **37**).

37. В.Я. Брюсову

12 марта 1906 г. Петербург[1]

СПБ. 12 марта.

Дорогой Валерий Яковлевич.

Это у меня провинциальная газетная привычка — писать длинно. «Весы» для меня — чрезвычайно полезная школа, хотя, не знаю почему, в «Весы» я до сих пор писал гораздо хуже и примитивнее, чем в свою захолустную газету[2]. Думаю — это оттого, что в газете я свой, а у Вас я — посторонний. Для Вас я *стараюсь*, и потому у меня ничего не выходит. Выводов из этого есть два, и вот Вам один из них: режьте, пилите, строгайте в заметке об Анненском сколько Вам угодно, — сгущайте стиль, как только можете, — но *мысли* оставьте все. Даже и «капризность» оставьте, и «злость» оставьте. Право же это не так плохо, как Вы говорите. Мешает только неуклюжесть и прямота выражений. Нужно эту «злость» бросить мельком, будто нечаянно, а не выдвигать ее на первое место, и статейка для мелкого шрифта выйдет недурная. А впрочем, делайте с нею, что хотите.

Я создал, и отдал, и поднял я молот, чтоб снова сначала ковать.
Я счастлив и силен, свободен и молод, творю, чтобы кинуть опять![3]

1906 Это в равной мере относится и к статейке о Волжском, которую Вы, надеюсь, получили. Теперь Вы, конечно, убедились, что соединять их с Ан<ненским> в одну статью нельзя и что их двоих в четырех стр<аницах> не уместишь.

Поэтому: Ан<нен>ского сократите и напечатайте петитом в библиографии (очень уж мне хочется обратить внимание на его книжку)[4], а *«Хамство во Христе»* сконденсируйте (но не урезывайте) и подарите ему 4 стр. *«Весов»*.

Февральской книжки еще не видал. Если Вы не выслали ее мне по незнанию адреса, то вот Вам самый устойчивый: СПБ, В. О. Средний Проспект, д. № 11, кв. 18. Корнею Чуковскому.

Заглавие *«Циферблат etc.»* мне не нравится[5]. Здесь подчеркивается заранее то, что в статье должно иметь интерес новизны и неожиданности.

В Ганге я спасался от тюрьмы. Княгиня Т.[6], которая внесла было за меня 10 000 р. залогу, вдруг потребовала его обратно. Пришел ко мне пристав: в тюрьму. Я стал собираться — и черным ходом, неожиданно для самого себя, сбежал. В Финляндии меня выследили, я поехал в Курляндию, жил у самого урядника и, по смешному стечению обстоятельств, подружился там с братом своего судебного следователя, который разыскивал меня во всей России. Теперь я опять на свободе, так как у меня снова отыскался поручитель. 22-го апреля меня судят[7] — и, по всем признакам, посадят на 1 год в крепость. А я так слаб, что и месяца не высижу. Вообще, я не совсем-то типичный сотрудник *«Весов»* и еще менее типичный государственный преступник.

Вы мне стихов не пишите, — ибо Вам в таком случае грозит опасность выслушивать и мои стихи. От злости я сочинил недавно памфлет

Пьер, премьер и beau-frère[8]
(Ак<имов>)[9] (Дурново)

Вот Вам оттуда:

После слов Манифеста юдофобству не место:
Поезжай же, Шипов, к Мендельсону.
Чтоб повысилась рента, хоть бы на два процента,
Заложи там и трон, и корону.
Сам я ссуду добуду, Думу строить я буду,
Потекут ко мне деньги рекою.
Ну а после без шуму эту самую Думу
Я в кутузку легко перестрою.

Теперь, когда я написал это, вижу, что плохо.

Будьте здоровы — иду к судебному следователю Цезарю Иоанновичу Обуху-Вощатынскому. В Петербурге снег. **1906**

Юрс синсерли

William Williams[10]

Отвечайте, пожалуйста, скорее.

[1] Почтовый штемпель получения: Москва. 13.3.06. Чуковский отвечает на письмо В. Брюсова от 4 марта 1906 года: «Новая статья Ваша, как и предыдущая, очень интересна и, на мой *личный* вкус, очень хороша. Но, как и предыдущая, она выходит из рамок «Весов». Для «Весов» можно и должно писать более сжато. Мы тренировали наших читателей два года, и они обязаны понимать нас с полунамека. Им незачем разжевывать. И еще. Мы обязуемся «знакомить с культурной жизнью всего мира». Где же тут посвящать 4 страницы книге Анненского, это при 80 в месяц, со стихами и рассказами!

Но со статьей нам расстаться жалко. Не сделаете ли Вы так: соедините ее со второй статьей о книге Волжского, чтобы в общем вышло не более 4 стр. Сделать это легко, ибо о книге В<олжского> уже говорится в одном месте. Просто присылайте мне Ваши замечания на В<олжского>, я вставлю их куда надо, выпущу два неважных абзаца в начале статьи (о «капризности» и «злости» А<нненско>го), и статья будет готова. Доверьтесь моей редакторской ловкости и опытности» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 61. Ед. хр. 68).

[2] Подразумеваются «Одесские новости».

[3] Заключительные строки стихотворения «По улицам узким, и в шуме, и ночью, в театрах, в садах я бродил...» (1901), открывающего книгу Брюсова «Urbi et orbi». См.: *Брюсов В.* Собр соч.: В 7 т. Т. 1. С 269.

[4] Статья «Об эстетическом нигилизме» была помещена в «Весах» не в подборке рецензий под рубрикой «О книгах», а в общем разделе журнала.

[5] «Циферблат г. Бельтова» (Весы. 1906. № 2. С. 46–51; *Т. 6* наст. изд. С. 376–382) — вероятно, редакционное заглавие, которое получила статья Чуковского «Бельтов и Брюсов» при публикации. В статье был дан критический разбор книги Г.В. Плеханова (Бельтова) «За двадцать лет» (СПб., 1905).

[6] Подразумевается княгиня Мария Клавдиевна *Тенишева* (1867—1929), общественный деятель, коллекционер и меценат.

[7] Вероятно, описка в дате: слушание дела было назначено на 22 марта (ср. следующее письмо **38**).

[8] Шурин, свояк, деверь *(франц.)*.

[9] Это стихотворение (под заглавием «Пьер, премьер и beau-frère, или Шпион, Гапон и Мендельсон») было опубликовано в сатирическом журнале «Зарницы» (1906. № 8. С. 7. Подпись: К. Ч-ский); перепечатано в кн.: Стихотворная сатира первой русской революции (1905—1907). Л., 1969. С. 466—467 («Библиотека поэта». Большая серия). В опубликованном тек-

сте – варианты по сравнению с приводимыми строками. *Пьер* – Петр Николаевич *Дурново* (1845–1915), член Государственного совета, министр внутренних дел с 23 октября 1905 г. по 22 апреля 1906 г.; *премьер* – граф Сергей Юльевич *Витте* (1849–1915), в 1905–1906 гг. председатель Совета министров; *beau-frère* – Михаил Григорьевич *Акимов (*1847–1914), министр юстиции в 1905–1906 гг., сестра его была замужем за П.Н. Дурново. В тексте стихотворения идет речь о поездке И.П. Шипова, министра финансов в кабинете Витте, к крупнейшему германскому банкиру Э. фон Мендельсону-Бартольди в надежде на получение для России займа.

[10] Искренне Ваш Уильям Уильямс (*англ.*). Подпись – конспиративный псевдоним, придуманный Чуковским в дни, когда он укрывался от судебного преследования (Уильям Уилфред Уиллс Уильямс). Подробно об этом – в мемуарном очерке «Сигнал» (*Т. 4* наст. изд. С. 563–565); см. также: *Чернышевская Н.* Встреча двух веков // Воспоминания о Корнее Чуковском. Изд. 2-е. М., 1983. С. 336–337.

38. В.Я. Брюсову

17 марта 1906 г. Петербург[1]

Многоуважаемый В<алерий> Я<ковлевич>.

Недели 2 назад послал я Вам из города Двинска рукопись *Хамство во Христе*[2]. Получили Вы ее? Очень это меня беспокоит. Ради Бога, улучите минутку ответить мне до 22-го марта, ибо в этот день меня судят и мне вряд ли удастся получать письма после приговора[3]. Черкните 2 слова, очень Вы меня этим обяжете. *СПБ. В. О., Ср<едний> Просп., д. 11, кв. 18.* – Был на днях у Вячеслава Иванова[4]. Вечер изобиловал поэтами иудейского вероисповедания, воспевавшими баррикады и забастовки. Много говорили о Вас.

Преданный Вам *Корней Чуковский*

(Второй книжки *Весов* не получил).

[1] Открытка; датируется по почтовому штемпелю: Петербург. 17.3.06; Москва. 18.3.06.

[2] Чуковский представил в «Весы» отдельную статью о книге Волжского «Из мира литературных исканий» (СПб., 1906) – «Хамство во Христе»; она была опубликована в № 5 за 1906 г. (С. 59–63). *Волжский* – псевдоним Александра Сергеевича Глинки (1878–1940), критика, публициста, историка литературы. В Меддуме под Двинском Чуковский жил в феврале 1906 года.

[3] В хроникальной заметке «Дело журнала “Сигнал”» сообщалось: «22 марта в особом присутствии с.-петербургской судебной палаты с участием сословных представителей слушалось при закрытых дверях дело по обвинению редактора журнала “Сигнал” г. Корнея-Чуковского в том, что

он в № 4 журнала напечатал и затем распространил целый ряд статей, заключающих в себе отзывы заведомо для него оскорбительные для Государя Императора и высшей правительственной власти, а также возбуждающие к ниспровержению существующего строя. Обвинение к г. Корней-Чуковскому предъявлено было по 103, п. 8 и 129 ст. ст. уг. ул. Защищал подсудимого прис. пов. О.О. Грузенберг. Решением суд. палаты г. Корней-Чуковский признан виновным и приговорен к заключению в крепость на 6 мес. и к лишению на 5 лет права редактировать и издавать повременные издания. Журнал "Сигнал" постановлено закрыть навсегда» (Речь. 1906. № 29, 23 марта. С. 6). Чуковский был оставлен на свободе под залог в 500 руб. «впредь до рассмотрения дела в кассационном порядке сенатом» (*ОН.* 1906. № 6922, 7 мая. С. 4).

[4] Видимо, Чуковский был у поэта, филолога, теоретика символизма Вячеслава Ивановича Иванова на последнем к тому времени из вечеров, устраивавшихся по средам, — 15 марта.

39. В.Я. Брюсову

20 апреля (?) 1906 г. Петербург[1]

Дорогой В<алерий> Я<ковлевич>.

Посылаю Вам отрывок для Ваших Горестных замет[2].

Жму руку.

Дружески Ваш *К. Чуковский*

СПб., Мойка 52. О.Н. Чюминой[3] для К. Чуковского.

Написал было длинное письмо, да раздумал посылать.

[1] Датируется по малоразборчивому почтовому штемпелю.

[2] *«Горестные заметы»*— рубрика в «Весах», составлявшаяся из сообщений о всевозможных ошибках и курьезах в печатных текстах. Вероятно, Чуковскому принадлежит первая из таких «замет» (о неисправных публикациях произведений А.К. Толстого и Пушкина во «Всемирном вестнике»), помещенная в № 3/4 «Весов» за 1906 г. (С. 100); вторая из «замет» рубрики, помещенных в этом номере журнала, написана Брюсовым (см.: Библиография В.Я. Брюсова. 1884—1973 / Сост. Э.С. Даниелян. Ред. К.Д. Муратова. Ереван, 1976. С. 43).

[3] Об *О.Н. Чюминой* см. «Список адресатов».

40. В.Я. Брюсову

5 мая 1906 г. Петербург[1]

Дорогой В<алерий> Я<ковлевич>.

Простите меня, что я так часто меняю квартиры, но разве я виноват в этом. Отныне мой адрес *Ямская, 34, кв. 5*. Прочтите в

1906 В<естнике> Е<вропы> статью о Волжском[2], и Вы поймете, как не безвредно читать приятелям свои статьи, которые в феврале м<еся>це шлешь в *Весы*. Заметили ли Вы, что в Бирж<евых> Вед<омостях> чуть ли не от 27 апр<еля> было приведено Ваше стихотворение, как принадлежащее каменщикам; — это ли не горестная замета[3]. Прошу прислать мне 5-ую кн<ижку> *Весов*, а я за то пришлю Вам перевод из Россетти[4].

Ваш *Чуковский*

[1] Открытка; датируется по почтовому штемпелю: Петербург. 5.05.06; Москва. 6.5.06.

[2] Подразумевается статья Е.А. Ляцкого «Заметка. Книга г. Волжского: “Из мира литературных исканий”. СПб., 1906» (Вестник Европы. 1906. № 5. С. 402–417).

[3] Имеется в виду заметка «Каменщики» (Биржевые ведомости. Веч. вып. 1906. № 9263, 28 апреля. С. 3. Подпись: -ы-): «На днях газеты сообщили, что каменщики, прибывшие из Ярославской губернии, отказались строить в Петербурге новую тюрьму. Прочитав об этом, я вспомнил невольно песню, которая распространена среди каменщиков, и прекрасно звучит в устах запыленного, изможденного и сутулого рабочего, долгими годами безропотно томившегося под варварским игом». Далее приведен весь текст стихотворения Брюсова «Каменщик» («Каменщик, каменщик в фартуке белом...», 1901).

[4] Переводы стихотворений Данте Габриэля Россетти, выполненные Чуковским, в «Весах» не появились. О намерении «каждый день переводить (прозой) по сонету из Россетти» Чуковский записал 8 июня 1906 г. (*Дн.-11*. С. 130).

41. В.В. Розанову

20 мая 1906 г. Петербург

СПб., Ямская 34
20 мая

Глубокоуважаемый Василий Васильевич!

Спасибо, что написали[1]. Мне и вправду было очень горько. Не за себя, а за Вас. Неприятно было думать, что Вы не почувствовали, какое для Марии Борисовны больное место эти Ваши посещения, и как боялась она (может быть, сама того не зная), что Вы *вообще* об этом заговорите. Неприятно было думать, что вот Вы — хоть и В.В. Розанов, любимый с детства писатель, которого ведь я, в сущности, знаю уже лет десять, — и можете так небрежно, так не нарочно (ведь то-то и обидно, что не нарочно) обидеть хорошую и уважающую Вас женщину[2]. Спасибо, что написали.

А у меня опять эта тюрьма. Жду со дня на день. Хоть бы посадили скорей, — а то уж который месяц я ничего не делаю, не думаю, а все только существую «пока»[3].

Да. Кстати. Вы выбранили мою статью[4]; я пришел домой, просмотрел ее, а в ней второй половины и нету. Весь конец декаденты похерили[5].

Мой низкий поклон Варваре Дмитриевне.

Преданный Вам *Корней Чуковский*

Кланяется Вам М.Б. Что б Александре Михайловне[6] зайти к нам перед отъездом.

[1] Местонахождение писем Розанова к Чуковскому неизвестно, скорее всего они не сохранились.

[2] Возможно, Розанов допустил какие-то бестактные высказывания по национальному вопросу в присутствии Марии Борисовны Чуковской.

[3] О продолжавшихся судебных преследованиях по делу о журнале «Сигнал» см. примеч. 3 к письму **38**.

[4] Речь идет о статье Чуковского «Хамство во Христе» (о ней см. письмо **38**).

[5] О редакционных сокращениях статьи см. следующее письмо **42**.

[6] Дочь В.Д. Розановой от первого брака — А.М. Бутягина, о своем знакомстве с ней Чуковский вспоминал в 1968 году *(Дн.-13.* С. 458).

42. В.Я. Брюсову

20 мая 1906 г. Петербург[1]

Дорогой В<алерий> Я<ковлевич>. Вы меня в этом № оскопили, кастрировали, а страстность оставили прежнюю[2]. Неловко это вышло. Может быть, выброшенные Вами места из моей статьи были некрасивы, были скучны, — но, уверяю Вас, по логике статьи они были необходимы. Без них статья вышла глупой и, что хуже всего, — наглой. Бездоказательно, бессмысленно человек обзывает Волжского хамом, — вот какое получается впечатление. Мне чрезвычайно стыдно. Бездарным я имею право быть, но наглецом в Литературе (большой буквой) быть не желаю. И без меня их достаточно. Волжский имеет право назвать меня what name he chooses[3], и я должен молчать. Дорогой Валерий Яковлевич, больно это. Всюду Вы можете исправлять, сокращать — поскольку Вы мастер, я подмастерье, но не в полемике. Если кто кого обзывает Хамом, дайте ему все высказать по этому поводу. Ввиду всего этого бью Вам челом и слезно прошу: выслать мне рукопись моего «Хама», дабы я в книжке своей будущей мог явиться в собственном своем виде[4].

Искренне Вам преданный *К. Чуковский*

Ямская 34, кв. 5.

1906 Привет M-r'y Lykiardopulos'y. Спасибо ему, что блюдет невинность Оскара Уайльда[5].

[1] Открытка; датируется по почтовому штемпелю: Петербург. 20.5.06; Москва. 21.5.06.

[2] Речь идет о статье Чуковского «Хамство во Христе» (см. примеч. 2 к письму **38**). Ср. его дневниковую запись от 12 мая 1906 г.: «Только что получены "Весы". Там есть "Хамство во Христе". Статья сама по себе не важная, — но по отношению к Волжскому — верная и выпуклая» *(Дн.-11.* С. 125).

[3] любым именем по своему усмотрению *(англ.)*.

[4] Статья «Хамство во Христе» в книги Чуковского не входила.

[5] Имеется в виду критик и переводчик, секретарь «Весов» Михаил Федорович *Ликиардопуло* (1883—1925), переведший на русский язык ряд произведений О. Уайльда и опубликовавший множество статей с разбором изданий Уайльда и его русских переводов (см.: *Павлова Т.В.* Оскар Уайльд в русской литературе (конец XIX — начало XX в.) // На рубеже XIX и XX веков. Из истории международных связей русской литературы: Сб. научных трудов. Л., 1991. С. 101—106, 108—110). В данном случае подразумевается резко критическая оценка перевода, данная Ликиардопуло в рецензии на кн.: *Уайльд Оскар.* Полное собр. соч. Т. I. Сказки и рассказы. Перев. С.З.М., изд. В.М. Саблина, 1906 (Весы. 1906. № 5. С. 72–74).

43. В.Я. Брюсову

28 мая 1906 г. Петербург[1]

Дорогой В<алерий> Я<ковлевич>. Аминь! Фыркающую открытку послал я Вам просто под первым впечатлением[2]; да к тому же я почему-то вообразил, что «Хамство» — хорошая заметка. А получились «Весы», иллюзия исчезла, нужно было найти виноватого, и вот я фыркнул по Вашему адресу. Простите. Теперь я написал очень большую статью о Уоте Уитмане, которую прочту как лекцийку, а потом и тисну в одном здешнем журнале[3]. Ах, если б Вы мне позволили прислать Вам оттиск, — чтобы Вы его прочли и сделали бы несколько замечаний. У меня не заметка, а именно статья, и потому мне ужасно, ужасно хочется знать Ваше мнение. Я читал статью Бердяеву, Струве, Вас. Вас. Розанову[4], и всем этим столь различным людям статья показалась любопытной. Где Вы проводите лето? Ужели в Москве? Я, если б не моя судебная волокита, давно уже был бы в Оксфорде.

Преданный Вам *К. Чуковский*

[1] Открытка; датируется по почтовому штемпелю: Петербург. 28.5.06; Москва. 29.5.06.

[2] Имеется в виду письмо **42**.

[3] 29 мая 1906 г. Чуковский записал в дневнике: «Хочу продать издателю свою статью о Уоте Уитмене» *(Дн.-11.* С. 127). Статья его «Уот Уитман. Личность и демократия его поэзии» была опубликована в литературно-публицистическом сборнике «Маяк» (Вып. I. СПб., 1906. С. 240–256); см. отзыв о ней А.А. Курсинского в «Весах» (1906. № 8. С. 63); также (в авторской рубрике «Революция и литература») статья Чуковского «Поэт-анархист Уот Уитман» была напечатана в газете «Свобода и жизнь» (1906. № 4, 25 сент. С. 2).

[4] Николай Александрович *Бердяев* (1874–1948), философ, литератор, публицист, общественный деятель. О П.Б. Струве и В.В. Розанове см. «Список адресатов».

44. А.В. Руманову

До конца июля 1906 г. Петербург[1]

Милый Аркадий Веньяминович.

Больше никогда никаких деловых отношений с Вами я иметь ни за что не буду, хотя бы меня озолотили. Считаю Ваше поведение чудовищным. Вызвали меня по телеграфу, сами уехали неизвестно куда, обещали приехать ко мне в Пале-Рояль[2] в 11 ½, но вот 4 ½, а Вас все нет.

Я, больной, лежу, — и жду Руманова!

Без копейки, без книг, без обеда, без возможности позвать доктора, без возможности уехать с Марьей Борисовной (тоже изнемогшей) — этого я Вам никогда не прощу. Мои личные отношения к Вам, конечно, остаются прежние, но ни на какие Ваши деловые письма, телеграммы, планы, предложения я никак реагировать не буду.

Ваш *Чуков<ский>*

[1] Датируется предположительно по характеру обращения К.И. Чуковского к А.В. Руманову и по периоду, когда Чуковский с семьей жил на даче, а в Петербурге снял квартиру лишь с конца июля.

[2] Петербургская гостиница («меблированный дом») *«Пале-Рояль»* на Пушкинской улице (ныне дом 20).

45. Е.А. Ляцкому

9 июня 1906 г. Луга[1]

Дорогой, многоуважаемый Евгений Александрович.

Простите, простите, простите. У меня под рукой оказались десять рублей — и вот я в Луге. Ем клубнику, дышу воздухом и удив-

ляюсь, как это можно быть такими гостеприимными, как Луговые[2]. Здесь очень хорошо. Ждем Вас. Алексей Алексеевич уже закончил все хлопоты по сборнику[3] — и здесь теперь благодушие. Ремизовых приветствую. На днях надеюсь встретиться с Вами.

Ваш *Корней*

[1] Датируется по дневниковым записям: «5 *июня 1906*. Нужно где-нибудь достать 10–15 рублей и уехать к Луговому. *9 июня*. ...поехал к Луговому (*Дн.-11*. С. 128, 131).

[2] Писатель Алексей Алексеевич *Луговой* (наст. фам. Тихонов; 1853–1914) постоянно жил в Луге.

[3] Луговой был составителем литературно-публицистического сборника «Маяк» (1906), в котором приняли участие и Е.А. Ляцкий, и Чуковский, поместивший в нем статью «Уот Уитман. Личность и демократия его поэзии».

46. А.В. Руманову

Июнь 1906 г.[1]

Дорогой Аркадий Вениаминович.

Хулиганское предложение: я написал пародию на обычные «биржевые» фельетоны. Но не ради славы, не ради денег, а в целях рекламы сборника Лугового «Маяк»[2].

Друг мой, будьте настолько циничны, будьте настолько нахальны и бессовестны, — напечатайте ее в *Вечерних*[3], в виде всамделишного радикального фельетона, сохранив, конечно, полное инкогнито —

Уважающего Вас *Корнея*

P. S. Письмо изничтожьте. Саше кланяюсь (только не Изгоеву[4], а Полякову[5]).

[1] Датируется по времени поездки К.И. Чуковского к А.А. Луговому в Лугу и по году выхода в свет сборника Алексея Лугового «Маяк» (1906).

[2] См. примеч. 3 к письму **45**.

[3] Имеется в виду вечерний выпуск газеты «Биржевые ведомости».

[4] *Изгоев* (наст. фам. Ланде) Александр Соломонович (1872–1935), публицист, социолог и общественный деятель.

[5] *Поляков* Александр Абрамович (1879—1971), журналист, в прошлом — сотрудник одесских газет. При содействии А.В. Руманова поступил на работу сначала в редакцию «Биржевых ведомостей», потом — в петербургское отделение газеты «Русское слово».

47. Е.А. Ляцкому 1906

18 июня 1906 г. Петербург[1]

Дорогой Евгений Александрович.

Сейчас еду в Финляндию: дела! Прибегу к Вам завтра. В «Стране» получил вежливый отказ. Там лондонским корреспондентом — ставленник наших друзей Венгеровых — Слонимских.

Пребываю к Вам благосклонный

будущий тайный советник *К. Чуковский*

[1] Датируется предположительно по записи в дневнике: *«18 июня 1906.* Сегодня ездил к Юлии Безродной — в Финляндию. Был у Финского залива» *(Дн.-11.* С. 131).

48. О.Н. Чюминой

10 июля 1906[1]

Поздравляю русскую цензуру, русскую литературу, русскую прокуратуру с дорогой именинницей.

Чуковский

[1] Датируется по дню именин О.Н. Чюминой.

49. А.В. Руманову

14 июля 1906 г. Бологое[1]

Дорогой А<ркадий> В<ениаминович>.

Если не Вы и не Бог, то кто же?

Ведь В<ладимир> А<лександрович> Бонди[2] ясно мне сказал, что только закрытием (или запертостью) конторы он объясняет недодачу мне денег.

Мы здесь с Марьей Борисовной прохлаждаемся, а мне пора в тюрьму ехать. Положение невыносимое. Вы делали мне столько одолжений, что научили меня даже сердиться, если случайно Вы не окажете мне какого-нибудь из них.

Адрес: Бологое, ст<анция> Николаевской ж<елезной> д<ороги>. Дача Михайлова, до востребования.

Ваш <*Чуковский*>

[Приписка М.Б. Чуковской:]

Ради Бога, Руманов, вышлите хоть рублей 15. Мы сидим здесь на бобах и не можем двинуться. Больше 3-х дней здесь оставаться не можем.

М<ария> Б<орисовна>

1906

[1] Почтовая карточка с почтовым штемпелем станции «Бологое» и датой 14 июля 1906 г., отправленная по адресу: Галерная, 63. Ред<акция> газеты «Бирж<евые> вед<омости>», А.В. Руманову.

[2] *Бонди* Владимир Александрович (псевд.: Вальди, 1870–1934), литератор, редактор газеты «Биржевые ведомости».

50. А.М. Ремизову

26 августа 1906 г. Петербург[1]

Многоуважаемый Алексей Михайлович!

Посылаю Вам Вашу рукопись. Как я уже писал Вам, косная редакция журнала не признала ее своею[2]. Мне очень больно, мне очень стыдно, — а почему, не знаю. Я ведь ничем, так-таки ничем не виноват перед Вами. Кроме добрых намерений, у меня не было ничего, и все же мне перед Вами стыдно, и я сам не решаюсь заглянуть к Вам. На сегодня Е.А. Ляцкий[3] устроил у себя для нас с Вами чай[4], — но у меня на глазу дурацкий ячмень и я не могу туда заявиться. Прошу Вас извинить меня в том, в чем я совсем не виноват.

Искренно преданный *К. Чуковский*

Низкий поклон Серафиме Павловне[5].

[1] Датируется по содержанию (см. примеч. 4 к наст. письму).

[2] Речь идет о ремизовском рассказе «Слоненок» и о журнале «Вестник Европы». В 1906 году Чуковский был секретарем Е.А. Ляцкого, который заведовал литературным отделом издаваемого М.М. Стасюлевичем «Вестника Европы». Спустя несколько лет Чуковский высоко оценил «Слоненка», назвав его одной из «лучших вещей Ремизова», «где душевное томление крошечного приготовишки передано с изумительной силой» (*Чуковский К.И.* Психологические мотивы в творчестве Алексея Ремизова. См. *Т.* 7 наст. изд. С. 155). О посреднической миссии Чуковского Ляцкий писал Ремизову 14 июня 1906 года: «Милейший Корней Иванович не сказал толком, что “Слоненок” предлагается Вами “Вестнику Европы”, и он пролежал у меня без движения. Сегодня утром я передал его М.М. Стасюлевичу с просьбой не задержать ответом. По получении тотчас же уведомлю Вас. <...> P.S. Чуковский в Луге, собирается быть скоро в СПб.» (РНБ. Ф. 634 (Архив А.М. Ремизова). Оп. 1. Ед. хр. 143). А спустя почти полтора месяца, 24 июля Ляцкий сообщал об отказе: «Рукопись Ваша не была взята М.М. Ст<асюлевичем> для “В<естника> Е<вропы>”, и я захвачу ее в среду для передачи Вам» (Там же.). Хотя в своих письмах Ляцкий настойчиво подчеркивал, что решение принял не он, а Стасюлевич, впоследствии в мемуарной книге «Петербургский буерак» Ремизов, помнивший о крайнем эстетическом консерватизме критика в первые годы XX века, интер-

претировал этот эпизод следующим образом: «Я был под негласным запрещением, меня никуда не принимали, в “толстых” благородных журналах имя мое было пугалом. К.И. Чуковский пытался в “Вестнике Европы” — редактор Е.А. Ляцкий — там только руками замахали и приняли за шутку: Чуковский предлагал мой рассказ “Слоненок”...» (цит. по: *Ремизов А.М.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 10: Петербургский буерак. М.: Русская книга, 2002. С. 205–206).

[3] О *Е.А. Ляцком* см. «Список адресатов». Ляцкий — персонаж одного из снов в книге Ремизова «Взвихренная Русь» (1927). Помимо разнообразных издательских дел, в 1900–1910-е годы его объединяли с Ремизовым общие «книжные» интересы, прежде всего в области фольклора и этнографии.

[4] 25 августа 1906 года Ляцкий приглашал к себе Ремизова открыткой на завтра, в субботу, т. е. 26-го числа, в три часа пить чай (РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 143).

[5] *Ремизова-Довгелло* Серафима Павловна (1876–1943), жена Ремизова, переводчица и палеограф.

51. В.Я. Брюсову

10 октября 1906 г. Петербург[1]

Дорогой В<алерий> Я<ковлевич>.

Только что увидал в «Золотом Руне» Ваш портрет[2]. Заклинаю: сделайте мне такую незаслуженную милость: прикажите выслать мне один экземпляр — я давно и страстно хочу иметь у себя над столом портрет Валерия Брюсова[3]. — Я свободен, работаю, как лошадь (между прочим на днях сочинил деревянную статью о Верхарне[4]). Пишу в тысяче изданий — и всё никуда.

Преданный *К. Чуковский*

Живу: Коломенская, 11, <кв.> 12.

[1] Открытка; датируется по почтовому штемпелю: Петербург. 10.10.06; Москва. 12.10.06.

[2] В № 7/9 журнала «Золотое руно» за 1906 г. была помещена репродукция с портрета Брюсова работы М.А. Врубеля.

[3] Отвечая на это письмо, Брюсов писал 12 октября 1906 года: «Свой портрет (из “Руна”) высылаю Вам. Каюсь, не легко мне это сделать, ибо я получил от редакции всего 10 экз. Но мне хочется хотя бы этим выразить Вам свои, право же, очень дружеские, очень “любовные” — несмотря на краткость нашего знакомства — чувства» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 61. Ед. хр. 68). Портрет с надписью Брюсова: «Корнею Чуковскому в залог любви. Валерий Брюсов» всегда висел в кабинете Чуковского, а сейчас висит в его переделкинском Доме-музее.

[4] Статья Чуковского о бельгийском поэте и драматурге Эмиле *Верхарне* (1855—1916) в печати не появилась.

52. В.Я. Брюсову

15 октября 1906 г. Петербург[1]

Дорогой Валерий Яковлевич.

О полемике Вашей не знаю. «Весов» не видел с 5-й книжки. Статья моя о Верхарне еще не напечатана. Я покуда помогал составлять о нем статью в «В<естник> Е<вропы>», где она и пойдет в ноябрьской книжке[2]. Всё больше комплименты. Я теперь стал в *«Ниве»* на место Сементковского[3], и пишу там об Омулевском, об Альбове, о Татьяне Пассек[4]. Там я пристроил краткую рецензию о Верхарне; — если еще не было, — значит, будет[5]. Мне стыдно писать и говорить Вам, как крепко я Вас люблю, и как я удивился — просто удивился, что Вы вспомнили о недоразумении с Волжским. Когда я думал о Вас, я совсем не примешивал к этим мыслям Волжского. Посылаю Вам о Уитмане. Пригодится ли?[6] Ради Бога, сокращайте, сгущайте, — я даже прошу Вас об этом. И еще: не пишите Вы *Уольт*,а *Уот* (не Вы лично, а «Весы»)[7]. Я жил в Англии больше 2-х лет и Уо*льт*а ни разу не слыхал. Да и что за мягкий знак? Откуда? Хотите держаться английского написания, пишите Уалт. Хотите держаться их прононса, — Уот. А Уольт — это ни то ни се, это — Бальмонтовщина. Ах, Бальмонт, Бальмонт! На что он Вам? Переезжайте Вы в «В<естник> Е<вропы>», сядьте на то место, где еще Каченовский сидел до Пыпина[8], и начните Вы ругать оттуда декадентов. Кстати. Если в моей заметке о Бальмонте слишком мягко, усугубите. Я устал и двух слов не могу связать. И еще: Горестная Замета: В XII кн. «Знания» англ<ийское> слово mob (толпа, чернь) — напечатано с твердым знаком и вышло «Мовъ». Только «Весам» и можно на это пожаловаться[9].

Давно я уже не читал ничего хорошего. Осчастливьте «Весами».

Весь Ваш *Н.В. Корней-Чуковский*

Коломенская, 11, кв. 12.

Статья моя о Верхарне пойдет в газете. Вышлю в тот же день.

Нельзя ли мою Уитманиану не помещать в библиографии, а выделить ее в обособленную заметку?

Скоро ли будете в СПБ? Мы с Ляцким поджидали Вас для одного интимного совещания. Но теперь он за границей, вернется к Рождеству. Не собираетесь ли к тому времени в Питер?

Да не шокирует Вас то, что в «Весах» обличают Бальмонта, своего же сотрудника. Если не «Весы» будут ругать Бальмонта, то

кто же! Теперь все цирульники и юнкера — смакуют его, — и бранить Бальмонта такая же обязанность «Весов», как 3 года назад хвалить его. Теперь его и А.Б.[10] погладит. Только не выбрасывайте, ради Бога, цитаты из весовской его статьи[11]. Тогда лучше похерить всю статью.

[1] Ответ на письмо Брюсова от 12 (25) октября 1906 г. Датируется по почтовому штемпелю: Петербург. 15.X.1906.

[2] Подразумевается развернутая рецензия Е.А. Ляцкого на «Стихи о современности» Эмиля Верхарна в переводе В. Брюсова (М., 1906). См.: Вестник Европы. 1906. № 11. С. 394–401. Подпись: Евг. Л.

[3] Чуковский сблизился с редакцией петербургского еженедельного иллюстрированного журнала «Нива» (издававшего также «Ежемесячные литературные приложения») осенью 1906 г. Ростислав Иванович *Сементковский* (1846—1919), прозаик, критик, публицист; редактор «Нивы» с 1897 г.

[4] Иннокентий Васильевич *Омулевский* (наст. фам. Федоров; 1836 или 1837—1883/84), прозаик, поэт, переводчик; о *М.Н. Альбове* см. «Список адресатов»; Татьяна Петровна *Пассек* (урожд. Кучина; 1810—1899), мемуаристка, переводчица. В «Ежемесячных литературных и научно-популярных приложениях к журналу "Нива"» были опубликованы статьи Чуковского «Аскетический талант. Омулевский и его творчество» (1906. № 9. Стб. 123—134; *Т. 9* наст. изд. С. 374–382), «Татьяна Петровна Пассек и ее "Воспоминания"» (1906. № 11. Стб. 405—418; *Т. 9* наст. изд. С. 363–373), «Бунт слабого человека в произведениях М. Н. Альбова»(1908. № 1. Стб. 99–126; *Т. 7*наст. изд. С. 322–341).

[5] Рецензия на «Стихи о современности» Верхарна в Ежемесячных приложениях к «Ниве» не появилась.

[6] Статья Чуковского «Русская Whitmaniana» была опубликована в № 10 «Весов» за 1906 г. (С. 43–45; *Т. 6*наст. изд. С. 428–429).

[7] Русская транскрипция имени американского поэта: Уольт Уитман — в библиографическом разделе «О книгах» в № 5 «Весов» за 1906 г. С. 83.

[8] Михаил Трофимович *Каченовский* (1775—1842), историк, переводчик, критик, издатель; сотрудничал в «Вестнике Европы» с 1804 г., был редактором этого журнала в 1805—1830 гг. Александр Николаевич *Пыпин* (1833—1904), историк литературы и общественной мысли, этнограф, фольклорист; постоянный сотрудник «Вестника Европы» с 1866 г. до конца жизни.

[9] «*Mob*» — заглавие очерка М. Горького (входящего в его цикл «В Америке»), напечатанного в «Сборнике товарищества "Знание"» (Кн. 12. СПб., 1906). Сообщение Чуковского было преподнесено читателям в рубрике «Горестные заметы»: «В XII "Сборнике Знания" продолжаются очерки М. Горького "В Америке". Один из них озаглавлен "Мовъ". Что это такое? Собственное имя? Ничуть не бывало. Г. Горький поясняет (стр. 25: "Мовъ — толпа". Итак, это английское слово *mob*. Остается спросить, кто

же приставил к нему русское “ъ” — наборщик? безграмотный корректор? еще более безграмотный редактор? или сам Максим Горький?» (Весы. 1906. № 10. С. 79). Указано в «Библиографии В.Я. Брюсова» (Ереван, 1976. С. 45) как принадлежащий ему текст (со слов И.М. Брюсовой).

[10] *А.Б.* — постоянный псевдоним Ангела Ивановича *Богдановича* (1860–1907), критика, публициста, фактического редактора и ведущего сотрудника журнала «Мир Божий».

[11] В статье «Русская Whitmaniana» Чуковский касается статьи Бальмонта «Певец личности и жизни. Уольт Уитман» (Весы. 1904. № 7), указывая, что автор ее «в трех строчках перевода <...> сделал пять грубейших ошибок, — и, благодаря этим ошибкам, создал характеристику Уитмана, весьма далеко отстоящую от подлинной» (Весы. 1906. № 10. С. 44).

53. В.Я. Брюсову

20 октября 1906 г. Петербург[1]

Дорогой Валерий Яковлевич.

Предложение Ваше принимаю. Спасибо за ласку, которой я ей-богу же не стою, и — дело вот в чем:

Мой парадный сюртук чрезвычайно плох.

Говорить от себя я совершенно не умею, так что, если даже лекция и сойдет благополучно, на прениях я непременно провалюсь.

А лекция может сойти отнюдь не благополучно: стихи я читаю с завываньями, прозу — речитативом, — и т. д.

Оцените все эти контра, а то как бы мне не поставить в неловкое положение Вас или Уитмана.

Есть у меня и pro:

Читаю я отчетливо и внятно. Уитман так обаятелен для большой публики, что выручит даже плохую о себе статью. (Сам-то я, — по секрету, — его не люблю). Лекторский опыт у меня есть, ибо я читывал доклады в Одес<ском> Литерат<урном> Кружке, который совершенно схож с Вашим.

Есть и еще у меня причина, по которой я соглашаюсь осмелиться: лекторы Вашего кружка (я слушал их несколько раз года два назад) до того импотентны, что даже я не боюсь их конкуренции.

Заглавие лекции: Поэт-анархист Уот Уитман. (Начальство разрешит, ибо, в конце концов, — какой же Уитман анархист?)[2].

Теперь дело. Сегодня был в «Ниве». Показывал редактору Ваше приглашение. Он ухватился за Ваше имя: «Вы знакомы с Брюсовым!» Очень, очень просит Вас прислать в «Ниву» стихов; надеюсь, Вы не откажетесь. Кроме того, что у «Нивы» сотни тысяч читателей, это мне кажется — в интересах «Весов». Мало <ли> что

случится: анонсик, объявление, заметка критическая. Такими вещами пренебрегать «Весы» не имеют права. Если выберется у Вас минутка, забрели бы мы вместе в «Ниву», право же это не мешает. Потом, чуть выйдет Х-я книжка, пусть контора пришлет мне текст объявления. Я напечатаю в нескольких газетах, куда вхож.

Ну, простите. Спасибо. Не постигаю, как хватает у Вас времени посвящать мне по нескольку минут в день. Ваш Верхарн — подвиг, равного которому нет[3]. У других это годы и годы, а у Вас — легко, неожиданно, мимоходом. Стихотворение Белого о Вас — хорошо. Первое лучше второго[4]. Странно: я видел Вас в шубе — и в моем воспоминании нет ощущения тяжелости. «Вертишь трость»[5] — я почти готов сказать, что я видел Вас с тростью.

Простите, будьте здоровы, приезжайте.

Ваш *Корней Чуковский*

Был у Вяч. Иванова: слабо[6]. Преобладал Аничков, приват-доцент, карикатура. Был Макс Волошин, декадент-лихач. Читал стихи французско-египетского содержания. Блок — все то же. Городецкого усиленно портят; Вяч. Иваныч для него — зараза[7]. Был ненужный Ремизов, и не было Розанова. И много профессоров — целый факультет.

[1] Ответ на неизвестное нам письмо Брюсова, содержавшее предложение прочитать лекцию в Московском Литературно-художественном кружке. Датируется по почтовому штемпелю: Петербург. 20.10.06; Москва. 22.10.06. Приписка на конверте: «("Нива" к буд<ущему> году дает приложение Алекс<ея> Толстого)». — Подразумевается Полное собрание сочинений А.К. Толстого, изданное под редакцией П.В. Быкова и с критико-биографическим очерком С.А. Венгерова (Т. 1—4. СПб., изд. А.Ф. Маркс, 1907—1908).

[2] Лекция Чуковского «Поэт американской демократии Уот Уитман» была прочитана в Московском Литературно-художественном кружке 7 ноября 1906 г. (см.: Русские ведомости. 1906. № 272, 7 ноября. С. 4). По сообщению газетного обозревателя, Чуковский «привлек многочисленную публику», познакомившуюся «с малоизвестным у нас американским поэтом Уотом Уитманом, его биографией, музой и значением в мировой поэзии»; «Референт расцветил свой доклад цитатами из Уитмана в собственном, вполне художественном, переводе. Новизна и интересная разработка темы, отличная дикция и очень умелая декламация создали г. Чуковскому шумный успех» (*Н. А.* Вчера в кружке. Доклад г. Чуковского // Вечерняя заря. 1906. № 67, 8 нояб. С. 2).

[3] Подразумевается сборник: *Верхарн Эмиль*. Стихи о современности в переводе Валерия Брюсова. М.: Скорпион, 1906. Книга вышла в свет в июне 1906 г.

[4] Имеется в виду опубликованное в «Весах» (1906. № 8. С. 4–6) стихотворение Андрея Белого «Одинокий» (с посвящением Валерию Брюсову) в двух частях (1 — «Ты одинок. Один средь нас...», 2 — «Бегут года. Летят планеты...»).

[5] Фраза из 1-й части того же стихотворения.

[6] Чуковский был на «среде» у Вяч. Иванова 18 октября. Ср. характеристику этого собрания в записи М.А. Кузмина, сделанной в тот же день: «...поехал к Ивановым. Там было уже масса всяческого народа. <...> Сначала говорили об Эросе профессора, потом Аничков, Луначарский, Карташев. Все это было довольно скучно» (*Кузмин М.* Дневник. 1905–1907. СПб., 2000. С. 243–244).

[7] Постоянные участники «сред» Иванова — критик, историк литературы, фольклорист Евгений Васильевич *Аничков* (1866–1937), поэт, критик, переводчик, художник Максимилиан Александрович *Волошин* (см. «Список адресатов»), поэт и прозаик Сергей Митрофанович *Городецкий* (1884–1967); последний пользовался шумным успехом в кругу Иванова еще до появления его первой книги стихов «Ярь», вышедшей в свет в декабре 1906 г.

54. А.В. Руманову

После 20 октября 1906 г. Петербург[1]

Милый мой, дорогой мой!

Горячо, горячо Вас целую. Сто лет стремлюсь к Вам — и так завертелся, как мерзавец. Ах, если б Ваша жена простила мне мои вины, в которых я не виноват[2], я сию же минуту побежал бы к Вам. Я теперь миллиардер, но все же живу не в 5 avenue, а на Коломенской, 11, кв. 12, мой сын здесь; мы сняли квартиру — светлую, большую и пустую. Служанку нашу зовут Акулиной, и я еду в Москву читать лекцию.

О ком? О Уоте Уитмэне.

Еще раз целую Вас.

Ваш Чукс

Помните же: Коломенская, 11, кв. 12.

Сейчас нашел в редакции Вашу записку к Катловкеру[3] о Краснове — и вспомнил, что когда-то и я был Вашим Красновым.

Спасибо Вам за Катловкера.

[1] Датируется по упоминанию о предстоящей лекции об Уоте Уитмене в Москве в Литературно-художественном кружке. См. письмо **53**.

[2] Жена А.В. Руманова — пианистка Евгения Львовна (Лазаревна) *Руманова* (урожд. Штембер, 1883–1939), по признанию К.И. Чуковского, его не любила. Он также относился к ней без симпатии (см. *Дн.-11*. С. 181).

[3] *Катловкер* Бенедикт Авраамович (1872–?), журналист, издатель, в 1897 г. основал в Петербурге изд-во «Копейка», выпускавшее газету с приложениями и ряд других иллюстрированных изданий.

55. В.Я. Брюсову 1906

19 ноября 1906 г. Петербург[1]

Дорогой Валерий Яковлевич.

Не беспокойтесь: потрафлю: я такие у Поэта нашел Места в его Переводе из Шелли, что даже г-жа Цыц замолчит. Ради Бога, мой горячий привет милому Михаилу Федоровичу[2] и отчего он не пишет для нашей «Свободы и Жизни»?[3] Платим хорошо, и ему будем рады. Я на днях прочту в СПБ тот же реферат о Уитмане[4].

Ваш *К. Ч.*

[1] Открытка; почтовые штемпели: Петербург. 19.11.06; Москва. 20.11.06. Ответ на письмо В. Брюсова от 16 ноября 1906 года: «Елена Ц<ветковская>, сателлит (или сателлитка) Бальмонта, прислала нам длинное и ругательное возражение на Ваши слова о Б<альмонте> в Whitmanian'e. Там говорится, что только невежественная редакция могла напечатать невежественную статью невежественного Чуковского, а Бальмонт — Поэт и Высокий и не может наклоняться, что тело по-английски body, а не form, а папирус не может быть заглушен однодневкой и т. д. Мы вышлем Вам корректуру этой заметки, а Вы напишите ответ, настоящий, резкий, убивающий, сколь хотите бранный и сколь хотите длинный, хотя бы в 2 листа. Должно эту Елену поставить на ее место и этому "Ц." сказать "цыц". Уверен, что Вы сумеете постоять за себя, как должно». (ОР РГБ. Ф. 620. К. 61. Ед. хр. 68).

[2] М.Ф. Ликиардопуло.

[3] *«Свобода и жизнь»* — петербургская политическая, общественная и литературная газета (редактор Е.Г. Рахмилович, издательница С.И. Орлонская), выходившая в сентябре — декабре 1906 г.; Чуковский входил в число ее ближайших сотрудников.

[4] См. примеч. 2 к письму **53**.

56. В.Я. Брюсову

22 ноября 1906 г. Петербург[1]

Милый В<алерий> Я<ковлевич>. Ваша Ц. — прямо дура, но т<ак> к<ак> она это скрывает, то приходится быть с нею кропотливым и мелочным. То ли дело с покойным Л. Е. Оболенским![2] Заглавие я придумал было: «О кричащем и, о женской форме и о пользе брома». Но потом оставил только «О пользе брома». Которое Вам больше нравится, то и ставьте[3]. Кто она такая, расскажите мне (как-нибудь) все, что о ней знаете. Я прислал бы ответ раньше, да Публичн<ая> наша Библиотека была заперта. Каждый новый пункт ответа я начинаю вот так: ◆, придумайте в печати что-нибудь соответствующее[4]. Ах да, неужели за целодневную работу

не заплатят мне гонорара. Ради Бога, умоляю Сергея Александровича[5] прислать мне теперь же 25 рублей (или меньше: за вычетом аванса). А я за то посылаю Весам «горестную замету».

Пьеса Андреева «К звездам»[6]. Астроном: «когда я наблюдал комету Бэлу, открытую Галлеем». a) Кометы Бэлы нет, а есть Биелы (открытая ав<с>тр<ийским> поручиком Биелой)[7], b) комета Биелы никакого отношения к Галлею и его предвещаниям не имеет, c) в посл<едний> раз комета Биелы была видима в 1852 г. Стало быть, астроном из «Звезд» не мог наблюдать ее даже в детстве[8].

Ну, будьте здоровы. Рассердила меня Ваша Ц.

Изо всего вороха глупых, гнусных и невежественных ее утверждений верно одно: 1-е изд<ание> Leaves of Grass[9] вышло в ’55, а не в ’56. Да и то она ссылается на Конвея, который об этом ни слова[10]. Дорогой В<алерий> Я<ковлевич>! Вставьте этот 56 г. в опечатки, не хочу я и его подарить этой Ц., ибо здесь у меня описка: не мог я, уловляя Дионео в мельчайших мелочах хронологии[11], не знать такого крупного основного года Уитманской биографии. А если хотите, вставьте в опровержения.

Весь Ваш *К. Чуковский*

Корректуру пришлите мне, но можно и не присылать.

[1] Датируется по связи с письмом **57**.

[2] Леонид Егорович *Оболенский* (1845—1906), публицист, литературный критик, прозаик, философ. Видимо, упоминание Оболенского здесь содержит намек на то, что Чуковский в свое время написал об Оболенском разгромную статью (см. *Т. 6* наст. изд.), а также некролог о нем, напечатанный в «Ниве» (1906. № 41. С. 656).

[3] Статья Чуковского была опубликована под заглавием «О пользе брома. По поводу г-жи Елены Ц.» (Весы. 1906. № 12. С. 52–60; *Т. 6.* С. 430–437).

[4] Никаких специфических знаков в опубликованном тексте статьи Чуковского не содержится.

[5] Сергей Александрович *Поляков* (1874—1942), владелец издательства «Скорпион», официальный редактор-издатель «Весов».

[6] Драма Л.Н. Андреева «К звездам» была опубликована в «Сборнике товарищества “Знание”» (Кн. 11. СПб., 1906).

[7] Эдмунд *Галлей*(1656—1742), английский астроном. Вильгельм Йозенштадт фон *Биела* (1782—1856), чешский астроном-любитель.

[8] В рубрике «Горестные заметы» эти поправки были опубликованы (в другой редакции текста) без подписи (Весы. 1906. № 12. С. 80). Заметка указана в «Библиографии В.Я. Брюсова» (Ереван, 1976. С. 45) как принадлежащая ему — со слов И.М. Брюсовой.

[9] «Листья травы» (*англ.*) (у Чуковского — «Побеги травы») — основное собрание стихотворений Уитмена.

[10] Речь идет о статье американского священника *М. Конвея* (Moncure D. Conway; 1832—1907) «Walt Whitman», напечатанной в «The Fortnightly Review» (1866. VI. P. 538—548); в статье «Русская Whitmaniana» Чуковский называет Конвея «величайшим другом поэта, первым, кто восторженно возвестил о нем Англии» (Весы. 1906. № 10. С. 43). Ссылки на Конвея в статье Цветковской: Весы. 1906. № 12. С. 51.

[11] *Дионео* (наст. имя Исаак Владимирович (Вульфович) Шкловский; 1864 или 1863—1935), публицист, критик, прозаик, переводчик; одним из первых в России анализировал творчество Уитмена (см.: Русское богатство. 1898. № 8. Отд. II. С. 207–214; *Дионео.* Очерки современной Англии. СПб., 1903. С. 392–423). Хронологические ошибки Дионео при сообщении биографических сведений об Уитмене (в «Очерках современной Англии») Чуковский выявил в статье «Русская Whitmaniana», там же — отмеченная ошибка в указании года первого издания «Leaves of Grass» (Весы. 1906. № 10. С. 43—44).

57. В.Я. Брюсову

23 ноября 1906 г. Петербург[1]

Дорогой Валерий Яковлевич,

вот я просил вас вчера о деньгах, а забыл сказать, что ко мне их присылать не следует. У меня какие-то пустяки с паспортом — и еще, пожалуй, не выдадут денег. Не будете ли Вы добры выслать эти деньги по адресу Василевского: Илье Марковичу Василевскому[2], СПб., Лештуков пер., 17, кв. 5 (для Чуковского). Простите ради Бога, что беспокою: у меня крайность: пишу по заказу к Рождеству стихотворный роман в газету[3], и потому не могу прирабатывать на стороне. — Был вчера у Вяч<еслава> Ивановича, — и там было очень приятно. Была мать Макса Волошина и сестра Зин<аиды> Венгеровой[4]. Разошлись в 6-м часу утра — всё спорили о театре Коммиссаржевской.

Душою Ваш *Чуковский*

Если что в моем опровержении не так — черкайте сколько придется, но о Бальмонте оставьте все.

[1] Открытка; почтовые штемпели: Петербург. 23.11.06; Москва. 24.11.06.

[2] *И.М. Василевский* (псевд.: Не-Буква; 1882/83–1938, расстрелян), фельетонист, журналист, литературный критик.

[3] Подразумеваются, видимо, вариации на темы пушкинского «Евгения Онегина» — «Сегодняшний Евгений Онегин» и «Нынешний Евгений

Онегин», опубликованные в еженедельнике «Родная земля. Понедельник», соответственно, 8 и 22 января 1907 г.

[4] *Мать Волошина* — Елена Оттобальдовна *Кириенко-Волошина* (урожд. Глазер; 1850–1923). *З.А. Венгерова* – см. примеч. 9 к письму **31**; *ее сестра* — Изабелла Афанасьевна *Венгерова* (1877–1956), пианистка.

58. В.Я. Брюсову

28 или 29 ноября 1906 г. Петербург[1]

Дорогой Валерий Яковлевич.

Строго конфиденциально:

А.И. Куприн ушел из Сборника «Знание» и затеял свое издательство. Привлек на свою сторону Л. Андреева. С ним М.П. Арцыбашев. Ни Скитальца, ни Чирикова, ни Юшкевича в сборниках Куприна не будет[2].

И вот он просит меня попросить Вас непременно прислать ему несколько стихотворений для первого сборника. Возможно скорее. Клянусь Вам, это Вас не скомпрометирует. Умоляю не отказываться[3]. Он бы Вам сам написал, да после Вашего отзыва не решается[4]. Во всяком случае, тот или другой ответ просим прислать в *скорейший срок*.

Адрес Куприна (на всякий случай): СПб. Разъезжая, 7. Зовут его Александр Иванович.

Ваш *К. Чуковский*

[1] Датируется по почтовому штемпелю получения: Москва. 30.11.06.

[2] Замысел нового издательства под руководством А.И. *Куприна* тогда не реализовался. В числе упомянутых прозаиков все, кроме Михаила Петровича *Арцыбашева* (1878–1927), постоянные сотрудники «Сборников товарищества “Знание”»: Л.Н. Андреев, *Скиталец* (наст. имя Степан Гаврилович Петров; 1869–1941), Евгений Николаевич *Чириков* (1864–1932), Семен Соломонович *Юшкевич* (1868– 1927). Сообщаемые сведения — одно из первых свидетельств о начавшемся расколе в писательском сообществе, объединенном вокруг горьковского «Знания». Ср. замечание в письме Брюсова к З.Н. Гиппиус от 27 декабря 1906 г.: «О том, что “сборники Знания” распались на три “Сборника”, причем во главе одного Максим <Горький>, другого — Леонид I (Андреев) и третьего — Куприн без №, вы, вероятно, уже слышали» (Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976. С. 689).

[3] Отвечая на это письмо, Брюсов писал Чуковскому 1 декабря 1906 года: «Вы меня Вашим “конфиденциальным” письмом совсем смутили и тронули. Меня теперь со всех сторон стараются донять великодушием. Какое есть оружие против великодушия? Приходится то там, то здесь капитулировать. Итак, принимаю участие в Сборнике Куприна, каков бы он (сбор-

ник) ни был. Завтра вышлю на Ваше имя два стихотворения, — все, что у меня есть свободного. Клянусь, теперь не осталось ни одной стихотворной строчки, годной к печати. А.И. Куприну непременно напишу, только сначала прочту III том его «Рассказов», который по непростительной лености все еще не прочел» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 61. Ед. хр. 68).

[4] Подразумевается упоминание Куприна в перечне «всероссийских бездарностей», которым Брюсов заканчивает свою рецензию на «Стихотворения» Бальмонта (СПб., 1906). См.: Весы. 1906. № 9. С. 55; *Брюсов В.* Среди стихов. С. 214.

59. В.Я. Брюсову

4 декабря 1906г. Петербург[1]

Дорогой Валерий Яковлевич!

Книга Куприна никуда, между нами, не годится[2], ибо это не книга, а просто сборник плохих и хороших рассказов. «Река жизни» хороший рассказ, «Мирное житие» плохой рассказ, — но к Куприну это не имеет никакого отношения. Да и кому это надо, чтобы Куприн писал хорошие рассказы. Вот Андреев писал хорошие, а у него жена умерла[3]. Это я к тому, чтобы Вы Куприну написали, не читая его книжки.

Ночью в нашей типографии была полиция, рассыпала шрифт, прекратила навсегда газету и тем самым снова выкинула меня на улицу. Готовилась в этом № моя заметка о Сергее Городецком; и ответы на анкету Леонида Андреева, Минского и др.[4]

Ходил в «Ниву» за дневным пропитанием. Неожиданно получил заказ — статью о современной поэзии.

Это значит, что мне дана возможность написать для нескольких сот тысяч читателей о Бальмонте, о Вас, о Сологубе, о Вяч. Иванове, о Городецком. Молю, помогите мне. У меня нет ни *Urbi*, ни *Vigilia* — ничего Вашего, кроме Верхарна и Стефаноса[5]. Вышлите мне (хоть на время!) все Ваше.

Вяч. Иванов — у меня весь.

Сологубова нет ничего.

Северные Цветы — есть только I-й том[6].

Белого нету совсем.

З. Гиппиус очень нужна, а Мережковского и смотреть не хочу.

Бальмонта есть второй только том[7].

Думаю, что имею право просить об этом, ибо я — для рецензии.

Жаль, что мы не в одном городе, я бы попросил у Вас отзывы о Вас — прошлых лет.

Ваш *К. Чуковский*

1906

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Петербург. 4.12.06; Москва. 6.12.06.

[2] Сборник Куприна «Рассказы. Т. III» (СПб., 1907) вышел в свет в ноябре 1906 г. Чуковский дал критический разбор этой книги в статье «О дяде Ерошке» (Свобода и жизнь. 1906. № 14, 27 нояб. С. 2; *Т. 6*наст. изд. С. 417–422).

[3] Первая жена Л.Н. Андреева Александра Михайловна *Андреева* (урожд. Велигорская; 1881–1906) скончалась 27 ноября 1906 г. от послеродовой горячки.

[4] Речь идет о закрытии газеты «Свобода и жизнь». Последний ее выпуск (№ 15, 3 дек.), однако, вышел в свет; в нем – статья Чуковского «О Сергее Городецком» и ответы писателей на анкету «Революция и литература», инициированную Чуковским. Николай Максимович *Минский* (наст. фам. Виленкин; 1855–1937), поэт, драматург, философ, публицист, переводчик.

[5] Упоминаются книги Брюсова «Urbi et orbi. Стихи 1900–1903 г.» (М., [1903]), «Tertia vigilia. Книга новых стихов. 1897–1900» (М., 1900), «Στέφανος. Венок. Стихи 1903–1905 года» (М., 1906), а также «Стихи о современности» Э. Верхарна в переводе Брюсова (М., 1906).

[6] Подразумевается альманах «Северные цветы на 1901 год, собранные кн-вом “Скорпион”» (М., 1901).

[7] Имеется в виду издание: *Бальмонт К.Д.* Полное собрание стихов. Т. II. Горящие здания. Будем как солнце. М., 1904.

60. А.М. Ремизову

После 9 декабря 1906 г. Петербург[1]

Многоуважаемый Алексей Михайлович!

Только Вы можете простить меня за всю ту сумятицу и нелепицу, которая произошла у меня со «Слоненком»[2].

Не говорю уж о Ляцком[3], – с самой пересылкой этого фатального животного и то выходят нескладицы.

Посылаю Вам ее (его) в конверте, в котором посылал уже раза три – даже просто три раза – и все без толку. В том самом конверте, – ибо в нем Вы найдете записку, которую написал Вам еще в августе месяце, когда впервые посылал «Слоненка». Прошу верить и не сердиться. Низко кланяюсь Серафиме Павловне.

К. Чуковский

[1] Датируется по содержанию.

[2] Подразумеваются перипетии с передачей в редакцию «Вестника Европы» рукописи рассказа «Слоненок», который не был напечатан и возвращен Ремизову. См. также примеч. 2 к письму **50.**

[3] 9 декабря 1906 года Ляцкий сообщал Ремизову: «Рукопись “Слоненок” (так!) взял у меня давно К.И. Чуковский (Коломенская, 11), чтобы Вам передать. Пишу ему» (ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 143).

61. Е.А. Ляцкому

Середина декабря 1906 г. Петербург[1]

Дорогой мой Евгений Александрович!

Сию минуту из Москвы. Читал там лекцию о Уитмане. Все сошло в обычном порядке: обедал у В.В. Каллаша, ужинал у Брюсова. На лекции было около 700 челов<ек>. Получил я за нее на путевые издержки 100 р. от литерат<урного> клуба. Кроме ста рублей, я схватил в Москве насморк. Был в Художествен<ном> Театре: «Горе от ума». Мне не понравилось; только не говорите об этом Ольге Николаевне[2]. В СПБ противно — я никуда не хожу, и очень рад за Вас, что Вы не здесь. Нынешний «сезон», словно стереотипное издание прошлогоднего: так же лоснится самодовольный Вяч. Иванов, так же рыскает в погоне за поживой Зин. Венгерова, Куприн так же пьян, Аничков так же толст. Не знаю, застала ли Вас Вилькина[3] в Питере. Она здесь, можете себе представить — ведет великосветскую жизнь. Недавно в «Петерб<ургской> Газете» прочитал я длинное описание нового ее платья. У О<льги> Н<иколаевны> мутно. Словом, все по-старому, вот только Коммиссаржевская затеяла — на склоне лет — декаданс: затесались к ней Вяч. Иванов, Блок, Сологуб, морочат бедную женщину страшными словами, она им твердо верит и, спуская одну тысячу за другой, ставит пьесы настроений и запахов[4]. — Недавно был в Питере Брюсов. Очень жалел, что не застал Вас. Он — молодцом. Бодр, весел, работает день и ночь. Мы в Москве познакомились с ним ближе, — он встречал и провожал меня на вокзале, отыскал мне гостиницу, опекал меня во время лекции — словом, оказал мне столько незаслуженного внимания, что я и не знаю, чем отплатить ему. В январе я снова читаю в Москве лекцию. О чем? А вот послушайте. Недели три назад я от скуки затеял в газете анкету об отношении революции к искусству[5]. Успех оказался неожиданный. Мало того, что Репин, Андреев, Станиславский, Альбов, Арцыбашев, Брюсов и т. д. — откликнулись на анкету, — в изобилии отозвался читатель. В день получалось по 25, по 20 писем на эту тему. Документы чрезвычайно интересные. Вот об этой-то анкете я и стану читать лекцию. У меня к Вам просьба: пока не поздно, и пока Вы не забыли словено-росского наречия, отзовитесь 10–15 строками на мою анкету. ей-богу, это нисколько Вас не ском-

прометирует, а мне бы очень хотелось иметь Ваше сложное мнение[6]. Вы, небось, позабыли совсем Офицерскую, Инженерную, Шпалерную, Галерную, забыли о «Мессанжере д'Эроп»[7], о больших, маленьких, средних русских едисьонах[8], которые, бесконечно притекая к Вашему столу, требуют от Вас: рецензируй, рецензируй, рецензируй! Что Ваш роман? (в переносном смысле слова). Отчего Вы не отправите его в благословенную «Ниву», которая напечатала мои статьи об Омулевском, Толстом, Пассек[9] и Альбове[10] — и все еще не разорилась. Ну что «наш» сборник? Хорошо бы выпустить его к Рождеству. С кем Вы там встречаетесь? Что делаете? Скоро ли собираетесь на rue d'Admiral Alexejeff?[11] А графиня живет на Николаевской, 75, кв. 23. Кланяется Вам мой сын и его ма.

Душою Ваш *К. Чуковский*

[1] Датируется по содержанию и по ответному письму Е. Ляцкого от 17 (30) 1906. На бланке редакции газеты «Народ и Дума».

[2] Упомянута О.Н. Чюмина.

[3] Жена поэта Н. Минского — поэтесса, прозаик, переводчица Людмила Николаевна *Вилькина* (в замужестве Виленкина; 1873–1920), известная своими экстравагантными выходками.

[4] В 1906 году произошло сближение В.Ф. Коммиссаржевской с режиссером В.Э. Мейерхольдом, который поставил на сцене театра В.Ф. Коммиссаржевской ряд символистских пьес. В 1906 году состоялась премьера пьесы (по авторскому определению — «лирических сцен») А. Блока «Балаганчик», в 1907 году — Ф. Сологуба «Победа смерти».

[5] «Революция и литература»: Анкета // Свобода и жизнь. 1906. 22 окт. (4 нояб.), 12 (25) нояб., 20 нояб. (3 дек.), 3 (16) дек. См. *Т. 6* наст. изд.

[6] Отвечая на это письмо, Е. Ляцкий пишет 17 (30) дек. 1906 года: «Спасибо Вам за почетное приглашение принять участие в анкете по поводу литературы и революции, но: 1) я не читал Вашей статьи — здесь газеты получаются неаккуратно, 2) я не принадлежу к числу тех знаменитостей, мнение которых может быть интересно для широкой публики» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 67. Ед. хр. 48).

[7] «Вестник Европы» *(франц.)*.

[8] Изданиях *(франц.)*.

[9] Упомянуты статьи: «Аскетический талант: Омулевский и его творчество» (Ежемес. лит. и науч.-попул. прил. к журн. "Нива". 1906. № 9. Стб. 123–134.); «Поэт-духовидец: (Гр. Алексей Толстой)» (Там же. № 12. Стб. 586–606); «Татьяна Петровна Пасек и ее "Воспоминания"» (Там же. № 11. Стб. 405–418), опубликованные в 1906 году,

[10] В 1906–1908 гг. «Нива» выпускала в качестве приложения Собрание сочинений М.Н. Альбова. В своем письме к Альбову Чуковский писал: «Дело в том, что «Нива», издающая Ваши сочинения, поручила мне напи-

сать о них критическую статью» *(Альбов*. С. 52). Эта статья была написана. См. *Чуковский К.* Подпольный байронизм: (Полн. собр. соч. М.Н. Альбова. I–IV Т. Изд. А.Ф. Маркса. СПб. 1907)//Речь. 1907. 6 июня.

[11] улицу адмирала Алексеева (*франц.*).

62. Е.А. Ляцкому

После 17 (30) декабря 1906 г. Петербург[1]

Милый мой, дорогой Евгений Александрович.

Только что распорядился выслать Вам газету, где мои завывания об искусстве[2]. С анкетой вышло глупо: меня сочли сторонником чистого искусства. «Новое Время» меня похвалило. Баранцевич меня выругал в «Биржевых Ведомостях»[3]. В какой-то газете написали: и это бывший поборник свободы. А ответы? Вы прочтете Луначарского, Чирикова, Л. Андреева — вот как нужно ругаться![4] Даже Н. Минский, который захотел выслужиться перед русской революцией и загладить грехи по «Новой Жизни»[5] отнесся ко мне отрицательно. А в одном доме, где я был впервые, меня так и представляли гостям: это тот Чуковский, который устроил анкету. Есть много сочувствия, но не с тех сторон, которые мне симпатичны. Напр<имер>, со стороны добрейшего Валерьяна Светлова, со стороны декадентов и т. д. Интересно то, что никто не захотел вдуматься в мои мысли, а представил себе просто какого-то идиота, который бы выбежал на улицу и крикнул: долой революцию, да здравствует искусство. И пошли опровергать этого идиота, который ко мне не имеет никакого отношения. Долго доказывают зависимость искусства от революции — как будто я этого не знаю. Я только говорю, что художник не должен знать об этой зависимости — и тогда он будет еще сильнее. Напр<имер>, Достоевский. Пусть художник (ошибочно) представит себе искусство абсолютным, пусть революционер (ошибочно) представит себе абсолютной революцию — и тогда будет наибольшая связь.

Ну да уж Вы сами увидите. Умоляю: откликнитесь. Газета вполне приличная — и отвечающие на анкету не скомпрометируют Вас — все это люди литературные и почтенные.

Теперь я затеваю в Питере клуб[6]. Но, впрочем, довольно о себе — что делаете Вы? Как Ваш роман? Вы ни слова не сказали о нем в письме. А я в одной газетке дал «Литературную Хронику». Критик «В<естника> Е<вропы>» Е.А. Ляцк<ий> только что закончил новый роман из жизни московского студенчества. Долго ли Вы еще думаете пробыть за границей? Отдохнули ли Вы? Признаться, я думаю, что нет, и что Меддум[7] действует на Вас более успокаи-

вающе и располняюще. Где Вы писали о русской революции? Прошу: пришлите. Я переведу в газету и заработаю. Здешняя газетная братия невозможна. Я, как приглядываюсь, в ужас прихожу: игорные притоны, невежество круглое, сифилитики, жулики, продажные души. Затеял я клуб литературный, с рефератами, библиотекой и проч. Неожиданно навстречу мне пошло студенчество. Студент Гидони[8] устраивает общество сближения студентов с представителями искусства и литературы. В переводе на русский язык это значит: студенты дают помещение для клуба, продают билеты и пр., а литераторы приходят и володеют. Меня выбрали в члены. Тысячу лиц забаллотировали, постановили просить Вас принять участие. Я был на этом собрании и в первый раз убедился воочию, что студенты читают «Вестник Европы», чтут и знают Вас. Я это вот к чему веду: напишите, ради Бога, из Парижа статью-корреспонденцию о тамошних клубах литературных. Об их практическом оборудовании. Об отличии от наших. О членских взносах. О средствах ограждения литер<атурного> клуба от всякой полулитературной шушеры: зубных врачей, страхов<ых> агентов и т. д. Пришлите мне. Мы напечатаем в газете. (Она расходится в 50–48 тысяч.) Фельетон и гонорар направим Вере Александровне. Идет? Знаете ли Вы, что «Русская Мысль» лопнула?

Ну, простите, что заставил столько времени истратить над этим письмом — в следующий раз постараюсь исправиться.

Кланяйтесь Вере Алекс<андровне> — здесь я никак не могу этого сделать.

Ваш душою *К. Чуковский*

[1] Датируется по содержанию.

[2] Ответ на просьбу Е. Ляцкого в письме от 17 (30) дек. 1906 г.: «Вы же пришлите мне Вашу статью. Может быть, я пущу ее в французские газеты» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 67. Ед. хр. 48).

[3] См.: *Баранцевич К.* Литература и революция // Биржевые ведомости. 1-е изд. 1906. 27 окт. Утр. вып.

[4] См. примеч. 5 к письму **61**.

[5] Поэт Н. Минский осенью 1905 года стал редактором-издателем первой легальной газеты социал-демократов «Новая жизнь». Вскоре газета была закрыта цензурой, Минский арестован и привлечен к суду; освободившись под залог, бежал за границу. В период редакторства большевики третировали Минского-редактора, как и других привлеченных им сотрудников не большевиков, что было причиной постоянных конфликтов и упреков в его адрес со стороны марксистских критиков в буржуазности и индивидуализме.

[6] Вероятно, имеется в виду статья «О литературном клубе» // Свобода и жизнь. 1906. 19 нояб. (2 дек.).

[7] Дачная местность под Двинском, где у Чернышевских и Пыпиных были небольшие участки земли. В феврале 1906 года Чуковский некоторое время прожил в Меддуме по совету Ляцкого, скрываясь там от повесток в суд (подробнее см. «Сигнал». *Т. 4* наст. изд. С. 562–573).

[8] Вероятно, это был А.И. Гидони, будущий литературный критик и переводчик.

63. В.Я. Брюсову

21 декабря 1906 г. Петербург[1]

Дорогой Валерий Яковлевич.

Только что кончил для «Нивы» чрезвычайно дикую статью «Город и его поэзия»[2]. Там о Вас написано много разных периодов: это не то, что я о Вас думаю, а что я хотел бы, чтобы думала о Вас публика «Нивы».

Читали, как ругают «нас» в «Мире Божьем»[3]. Вот уж не думал, что доживу до того, что меня будут ругать заодно с Валерием Брюсовым. И вообще ругань странная: Вы, г. Чуковский, почти так же низко пали, как Брюсов, Бентам, Чернышевский, Ж.Ж. Руссо[4].

А Вашу мысль Неведомский переврал окончательно, за что я ему, конечно, «отвечу».

Жду с нетерпением «Весов». Что-то Вы написали о «Перевале»?[5]

У нас в СПБ. кружок «Молодых». Вся публика и все заправилы — с Таврической, 25[6].

На днях пришлю Вам статью с просьбой — печатать только тогда, если Вам очень понравится[7]. Я читаю старые и новые «Весы» подряд и вижу, что ко мне Вы были почему-то очень добры.

Андрей Белый для меня находка.

Теперь вот моя мольба: пригласите меня.

Пригласите меня прочесть в Кружке реферат об «анкете»[8]. Теперь, когда «Мир Божий» подогрел к анкете интерес — я думаю, я вправе прочесть вслух мнения Н.М. Минского, Станиславского, Альбова, Лугового, Брюсова, Чирикова, Андреева, П. Вейнберга, О. Дымова, Ю. Балтрушайтиса, О. Чюминой, А. Луначарского, В. Светлова, М. Арцыбашева, А. Каменского, А. Куприна и др.[9] У меня на руках много ответов, которых прыщеватый Василевский сдуру не хочет печатать.

Хорошо было бы приехать в Москву к января пятнадцатому, после писания святочных рассказов, «нивских» статей, после чтения сочинений Баранцевича[10] — отдохнуть, получить насморк,

хоть 15 минут увидеть Вас, и уехать. Деньги мне теперь не нужны, так что я мог бы и на 50 р. помириться.

Куприн уехал писать роман для своего сборника[11]. Слышно, много пьет и ничего не пишет. Ответил ли он Вам?

Ваш *К. Чуковский*

[1] Датируется по почтовому штемпелю на конверте (с маркой журнала «Мир Божий»): Петербург. 21.12.06; Москва. 22.12.06.

[2] Эта статья Чуковского была опубликована под заглавием «О современной русской поэзии. Литературные наброски» (Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу «Нива» на 1907 г. № 3. Стб. 391–420: *Т. 6*наст. изд. С. 456–478); в ней главенствует тема современного города и его отражений в творчестве новейших русских поэтов.

[3] Имеется в виду статья публициста и литературного критика *М. Неведомского* (наст. имя Михаил Петрович Миклашевский; 1866–1943) «Художество и жизнь (Кое-какие итоги последнему году)» (Современный мир. 1906. № 3 (декабрь). Отд. I. С. 34–73), в которой шла речь о критических выступлениях Чуковского и об ответах писателей на анкету Чуковского «Революция и литература», опубликованных в «Свободе и жизни» 12, 20 ноября и 3 декабря (ответ Брюсова – в № 12 от 12 ноября). Под заглавием «Современный мир» в октябре 1906 г. было возобновлено издание ежемесячного журнала «Мир Божий», приостановленное в сентябре 1906 г. в административном порядке.

[4] Иеремия *Бентам (*1748–1832), английский философ, экономист, юрист, родоначальник философии утилитаризма. Фигурирует наряду с другими упоминаемыми здесь лицами в статье Неведомского (Современный Мир. 1906. № 3. Отд. I. С. 40, 43); там же – о Брюсове: «Валерий Брюсов почел нужным еще обкорнать ту куцую мысль, которая, в сущности, одна только и лежит в основе всех рассуждений г. Чуковского: “Бывают хорошие и плохие поэты, в этом вся суть”, заметил он и добавил, что размер таланта не находится ни в какой зависимости от политических убеждений <...>» (С. 40).

[5] Специального отзыва о первых выпусках журнала «*Перевал*» Брюсов в «Весах» не дал, однако опубликовал заметку (без подписи) «Сапожник, пекущий пироги (Невежество Н. Минского в истории)» (1906. № 12. С. 73–75), в которой указал на фактические погрешности в статье Минского «Идея русской революции», начатой печатанием в № 1 «Перевала».

[6] Подразумевается аудитория собраний в квартире Вяч. Иванова (в доме по указанному адресу). *«Кружок Молодых»* – литературно-художественное объединение, созданное в 1906 г. при историко-филологическом факультете Петербургского университета. См.: *Пяст Вл.* Встречи. М., 1997. С. 88–102, 299–311 (комментарии Р. Тименчика). Отзыв Брюсова об этом объединении – в письме к З.Н. Гиппиус от 27 декабря 1906 г. (Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976. С. 689).

Чуковский, по свидетельству секретаря «Кружка Молодых» С.С. Дубновой, был одним из наиболее деятельных его участников (*Дубнова-Эрлих София.* Хлеб и маца: Воспоминания. Стихи разных лет. СПб., 1994. С. 130–131).

[7] Речь идет о статье «В защиту Шелли» (Весы. 1907. № 3. С. 61—68; *Т. 6* наст. изд. С. 171—178; под назв.: «Бальмонт и Шелли»), в которой Чуковский предпринял критический разбор переводов Бальмонта из Шелли.

[8] Специальное выступление Чуковского в Московском Литературно-художественном кружке по теме анкеты «Революция и литература», насколько известно, не состоялось.

[9] В числе авторов, отвечавших на анкету Чуковского, — прозаик, поэт, драматург *А. Луговой* (о нем см. примеч. 2 к письму **45**), поэт, переводчик, историк литературы Петр Исаевич *Вейнберг* (1831–1908), прозаик, драматург, журналист *Осип Дымов* (о нем см. «Список адресатов»), поэт и переводчик Юргис Казимирович *Балтрушайтис* (1873–1944), литературный критик, публицист, революционный деятель Анатолий Васильевич *Луначарский* (1875–1933), прозаик, балетный критик Валерьян Яковлевич *Светлов* (о нем см. «Список адресатов»), прозаик и драматург Анатолий Павлович *Каменский* (1876–1941). Упомянутые Чуковским ответы на анкету К.С. Станиславского, Л.Н. Андреева, П.И. Вейнберга, М.П. Арцыбашева в газете «Свобода и жизнь» не были опубликованы.

[10] Казимир Станиславович *Баранцевич* (1851–1927), прозаик. Видимо, Чуковский собирался написать статью о творчестве этого автора.

[11] По всей вероятности, имеется в виду замысел романа «Яма», к реализации которого Куприн приступил позднее, в 1908 г.

64. В.Я. Брюсову

24 декабря 1906 г. Петербург[1]

Дорогой В<алерий> Я<ковлевич>.

Страшно то, что Вы такой растущий, такой неуклонный, ни разу не падающий. Вы начали минусом, достигли нуля, стали дробью и постепенно уменьшали знаменатель. Странно то, что у Вас голова не седая, странно, что — трость[2], что Вы пишете мне письма. Что пред вечным ощущением остывающей Земли[3], пред вечной мыслью о мгновенности — у Вас все же «застегнут сюртук»[4] и на обложке все больше строчек «Того же автора»[5]. Что в 33 года — Вы маститый и воплотившийся. Что все эти вычурные слова я пишу Вам, чтобы поблагодарить Вас за «Земную Ось»[6].

Ваш *Чуковский*

В № 1 «Нивы» за 1907 г. будет перевод Блока из Верхарна и Лихачева из Верхарна[7].

1906

[1] Открытка; почтовые штемпели: Петербург. 24.12.06; Москва. 26.12.06.

[2] Намек на фразу «Вертишь трость» из стихотворения Андрея Белого «Одинокий», посвященного Брюсову. См. письмо **53**, примеч. 4, 5.

[3] Подразумевается сюжет драмы Брюсова «Земля. Сцены будущих времен», входящей в его книгу «Земная ось» (М., 1907).

[4] «Сюртук застегнут» — фраза из стихотворения Белого «Одинокий».

[5] На обороте титульного листа «Земной оси» (С. IV) был помещен (под обозначением: «Того же автора») перечень 18-ти книг Брюсова (из них 6 — печатающихся или готовящихся к печати).

[6] Экземпляр «Земной оси» с дарительной надписью Брюсова Чуковскому, по всей вероятности, не сохранился.

[7] Владимир Сергеевич *Лихачев* (1849—1910), переводчик, поэт, драматург. В Ежемесячных литературных и популярно-научных приложениях к журналу «Нива» на 1907 г. был помещен его перевод стихотворения Э. Верхарна «Голова» («На плахе твоя голова озарится...» // № 1. Стб. 113–114), в «Ниве» (1907. № 1. С. 7–9) — стихотворение Верхарна «Шаги» («В зимний вечер, когда запирались...») в переводе А. Блока. Блоковский перевод был известен Брюсову еще до публикации (см. его письмо к Блоку от 3 августа 1906 г. // *Блок–ЛН*. Кн. 1. С. 496).

65. Е.С. Зарудной-Кавос

11 января 1907 г. Петербург[1]

Милостивая Государыня Екатерина Сергеевна.

У меня есть оправдание того, что сегодня мне не удастся посетить Вас: завтра меня судят по 103, 128, 129 и 106 ст. угол. улож., а сегодня у меня еще нет адвоката. К 8 час. полагаю быть у О.О. Грузенберга[2].

Готовый к услугам *К. Чуковский*

Корней Иванович Чуковский, Коломенская, 11, кв. 12.

[1] Датируется по содержанию. Подробнее см. примеч. 3 к письму **66**.

[2] Оскар Осипович *Грузенберг* (1866–1940), адвокат и общественный деятель; защищал Чуковского на различных этапах судебного преследования его как редактора сатирического журнала «Сигнал» (см. воспоминания К. Чуковского «Сигнал» в *т. 4* наст. изд.).

66. В.Я. Брюсову

13 января 1907 г. Петербург[1]

Дорогой Валерий Яковлевич.

Сборник Куприна — истинная реальность. Дайте ему (Куприну) только закончить некое творение; и она (реальность) осуществится. Только что держал корректуру своей статьи о Вас, о Бальмонте, Вяч. Иванове и Сологубе[2]. Статья пойдет в «Ниве» — смешно? Продержав корректуру, я отправился в суд, где меня судили 7 часов (с 11 до 6), выслушали 4 речи Грузенберга (буквально!!), кассировали, апеллировали, оставались при особом мнении, — и вынесли *оправдательный* приговор. По 103, 106, 128 и 129[3]. Мне даже как будто жаль чего-то, но рад я безумно. Почему Вы не извещаете меня (просто и откровенно) о моей статье про Бальмонта?[4] Мне лучше знать отрицат<ельный> ответ, чем ничего. Лично мне

статья эта нравится больше всего, что я печатал в «Весах». Хотите, — я удлиню ее вдвое, матерьялу у меня гибель.

Ваш *К. Чуковский*

[1] Ответ на письмо от 8 января 1907 г. Открытка; почтовые штемпели: Петербург. 13.1.07; Москва. 14.1.07.

[2] Имеется в виду статья «О современной русской поэзии» (см. примеч. 2 к письму **63**).

[3] В данном случае дело Чуковского рассматривалось повторно, после отмены Сенатом, по кассационной жалобе Грузенберга, вынесенного приговора (см. примеч. 3 к письму **38**). В хроникальной заметке («Литературные дела») сообщалось: «12-го января в особом присутствии судебной палаты с участием сословных представителей под председательством Ф.И. Гредінера рассмотрено кассированное Сенатом дело редактора-издателя юмористического журнала «Сигнал» Корней-Чуковского, приговоренного особым присутствием к заключению в крепость по обвинению по 103, 129 и др. ст. уг. ул. за помещение в редактируемом им журнале статей и стихотворений, в содержании которых найден призыв общества к мести за усмирение московского восстания, призыв к ниспровержению существующего строя, дерзостное неуважение к Особе Его Императорского Величества и т. д. Защищал подсудимого пр. пов. О.О. Грузенберг. Резолюциею особого присутствия Корней-Чуковский признан по суду оправданным. Резолюция была встречена громкими аплодисментами собравшейся публики» (Слово. 1907. № 47, 13 января. С. 6). Повторное слушание дела проходило при новом составе судей (см.: Судебные вести // Товарищ. 1907. № 164, 13 янв.. С. 4; Судебные вести // Речь. 1907. № 10, 13 янв. С. 4).

[4] См. письмо **63** примеч. 7.

67. В.Я. Брюсову

24 января 1907 г. Петербург[1]

Дорогой Валерий Яковлевич.

Сейчас получил благодаря Вам 156 р. 25 к.

Это за статью о современных поэтах[2]. Она пойдет в мартовской книжке «Нивы». Там я написал: о Бальмонте, о Вас, о Блоке и о Сергее Городецком.

Конечно, и о «Весах». Так что, — как это ни страшно, — «Весы» вульгаризируются.

Вы меня попрекнули Городецким[3]. Я принимаю только одну сторону упрека: статья очень плохая, ибо писана в типографии и исправлена Василевским. А Городецкий мне люб.

Что же касается меня, то я еду в Англию[4]. Зачем? Не зачем, а потому. Потому что меня освободили, оправдали и потому что петербургская газетная среда меня гнетет до головной боли.

Но это не сейчас. Через месяц. А до тех пор я вытерплю.

Что за прелесть нашел я для «Весов»: Артур Эдемс: Лондонские улицы. Только что вышла. Стихи об отдельных лондонск<их> улицах. Хорошо сделаны и почти талантливы. Приятны во всяком случае и во всяком случае примечательны как симптом[5].

Читал содержание первой книги «Весов». Великолепно!

Ваш *К. Чуковский*

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Петербург. 24.1.07; Москва. 26.1.07.

[2] См. примеч. 2 к письму **63**.

[3] Имеется в виду статья Чуковского «О Сергее Городецком» (Свобода и жизнь. 1906. № 15. 3 декабря. С. 3; перепечатана в газете «Молодая жизнь» 11 декабря 1906 г.), приуроченная к выходу в свет первой книги стихов Городецкого «Ярь» и содержавшая чрезвычайно эмоциональные оценки: «Сергея Городецкого будет читать и чтить всякий, кто любит себя, свою молодость, свою жизнь и свою тоску», и т. п.

[4] Замысел этой поездки тогда не осуществился. Но Брюсову понравился этот план. 26 января 1907 года он писал Чуковскому: «Своим решением ехать в Англию Вы меня радуете очень. Я всегда говорил, что ежедневная работа в газетах для Вас губительна. Вернее, не самая работа, а необходимость при этом ежедневно видеть газетных людей, говорить с ними, быть с ними. Пишите, хотя бы и ежедневно, — но из Лондона.

Ваша статья о Бальмонте, конечно, пойдет в «Весах», как и всё, что Вы захотите нам дать» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 61. Ед. хр. 68).

[5] Рецензия Чуковского на книгу *А. Эдамса* (Arthur Henry Adams; 1872–1936) «London Streets» (London — Edinburgh, 1906) была опубликована в «Весах» (1907. № 2. С. 94–95).

68. В.Я. Брюсову

30 января 1907 г. Петербург[1]

Дорогой В<алерий> Я<ковлевич>.

Письмо напишу впоследствии, когда Вы будете свободнее. А покуда выясню три недоразумения, — усмотренных в Вашем письме.

1. Моя статья[2] будет напечатана только в мартовск<ой> книжке «Niva» — которую вышлю Вам в конце февраля (или раньше: в корректуре).

2. «Нива» ждет от Вас стихов — всегда, когда Вы решитесь положить гнев на милость.

3. Рецензию об Эдемсе[3] я послал (на одной страничке). Недоумеваю, как Вы ее не заметили, если мне о ней рассказывал М. Кузмин, бывший в «Весах» в момент ее получения[4].

P. S. Если Вам интересно, вышлю корректуру Нивской статьи на будущей неделе.

P. P. S. «Кружок Молодых» купил у меня Уитмана — не того, что я читал, а в тысячу раз лучшего. Увидите[5].

P. P. P. S. А стихи Ваши идут в «Мире Божьем». Ангел Б<огданови>ч рвет и мечет[6].

[1] Ответ на письмо Брюсова от 26 января 1907 г. Открытка; почтовые штемпели: Петербург. 30.1.07; Москва. 31.1.07.

[2] См. примеч. 2 к письму **63**.

[3] См. примеч. 5 к письму **67**.

[4] Кузмин был в редакции «Весов» 23 января (см.: *Кузмин М.* Дневник. 1905–1907. СПб., 2000. С. 311–312).

[5] Речь идет о подготовке отдельного издания книги Чуковского «Поэт-анархист Уот Уитман. Перевод в стихах и характеристика» ([СПб.], «Кружок Молодых», [1907]).

[6] Подразумевается журнал «Современный мир», выходивший после закрытия «Мира Божьего». По всей вероятности, Брюсов выслал Чуковскому стихотворения «Хвала человеку» («Молодой моряк вселенной...») и «Вечерний прилив» («Кричат афиши, пышно-пестрые...»), которые были опубликованы в журнале «Современный мир» (1907. № 2. С. 56–58). Куприн (видимо, уже не надеявшийся сформировать в скором времени задуманный сборник) сообщал Ф.Д. Батюшкову (входившему в состав редакции «Современного мира») в недатированном письме (декабрь 1906 г.): «Брюсов прислал мне стихи, и отличные. Ради Бога повлияй на редакцию, чтобы их приняли. Я их завтра пересылаю в СПб.» (Север. Литературно-художественный сборник. Вологда, 1963. С. 155). А.И. Богданович был объявлен редактором «Современного мира», но руководил журналом вместе с другими членами редакции (см.: *Скворцова Л.А.* «Современный мир» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917. Большевистские и общедемократические издания. М., 1984. С. 119–120).

69. В.Я. Брюсову

1 февраля 1907 г. Петербург[1]

Дорогой В<алерий> Я<ковлевич>.

Не могу утерпеть — посылаю Вам *начало* этой несуразной статьи до верстки и до корректуры[2]. И вот мои просьбы:

1. Начните читать ее с начала, а не с того места, где об Вас. Ибо пропустите 2–3 предпосылки — и выйдет не то.

2. Никому об ней не говорите покуда.

3. Пришлите мне указания, что (фактического) нужно было бы изменить, по-Вашему. Тоже strictly confidential[3].

P. S. Стихи Ваши идут в февр<альской> книжке «Мира Б<ожьего>»[4]. Моя мечта: пригласить туда еще кого-н<и>б<удь> современного и высадить Ангела Б<огданови>ча, который сволочь. Видел Арцыбашева. Говорит «у нас в Образ<овании> будет Брюсов»[5]. А я сам еще помню, как он Вас ругал. Он глух, слеп и с насморком.

А я еду в Лондон. Но как, Боже мой, как? У меня в Одессе мать, сестра, здесь у меня жена и почти двое детей[6], и прислуга, и контракт — и черт знает что такое.

Знаете, скажу Вам по секрету, что с прошлого января я не прочел ни одной книги, о которой бы не надо было писать. А потом и говорят: он туповат.

Вам преданный *Чуковский*

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Петербург. 1.2.07; Москва. 2.2.07.

[2] Речь идет о статье Чуковского «О современной русской поэзии» (см. примеч. 2 к письму **63**). Брюсов в письме от 4 февраля 1907 года отозвался так: «Статьей Вашей в “Ниве” я и тронут и смущен. Читая, чувствую себя уже умершим. Что дальше делать поэту, если критики уже уяснили всю его душу и все пределы его поэзии. И, мертвец, я пожимаю Вам руку, благодарю за пышное, за преувеличенно похвальное, похоронное слово<...> С Вашей характеристикой Бальмонта, напротив, я *не* согласен вовсе. Ни в каком смысле не считаю его поэтом городской культуры. Он — романтик. Стиля — он чужд. Он поэт из прошлого и среди нас случайно» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 61. Ед. хр. 68).

[3] строго конфиденциально *(англ.)*.

[4] См. примеч. 6 к письму **68**.

[5] М.П. Арцыбашев возглавил беллетристический отдел петербургского журнала «Образование» с января 1907 г., 18 января 1907 г. он обратился к Брюсову с предложением войти в состав сотрудников (см.: *Лавров А.В.* Этюды о Блоке. СПб., 2000. С. 16–17).

[6] Упомянуты М.Б.Чуковская и сын Николай. Дочь Лидия родилась полтора месяца спустя после отправления письма.

70. В.Я. Брюсову

Не ранее 5 февраля 1907 г. Петербург[1]

Дорогой Валерий Яковлевич.

Не помню, писал ли я Вам или только хотел написать, что

1907

1. я опять под судом и следствием из-за каких-то старых стихов[2].

2. Переделывать статью о русск<их> поэтах я не буду, потому что я писал ее исключитель<но> с целями пропаганды дорогого мне течения, а не для изложения собственного profession de foi[3]. Затем я и Пояркова цитирую, который лично мне противнее Скабичевского и нового Вашего сотрудника — А.Б. из «Мира Божья»[4]. (P. S. Спрашивали там: какой Ваш гонорар? Я сказал: рубль строка.) (P. S. Как Вам нравится Н.Я. Абрамович?)[5].

3. Мне безумно хочется видеть свою статейку о Бальмонте в февр<альской> книжке «Весов»[6]. Вы меня вовлекли в нее, я просидел над материалом около месяца, — и вот! Если она не подходит, я мог бы ее сдать другу нашему Ляцкому в «В<естник> Е<вропы>» — он с радостью возьмет ее. Пожалуйста, не бойтесь меня обидеть. Я очень понимаю, что она может не подходить к Вам.

4. Жена у меня скоро родит[7], а денег у меня в доме очень мало. Если есть возможность, ради Бога, распорядитесь в «Весах». На имя Василевского. Лештуков, 17, <кв.> 5. Простите, Валерий Яковлевич, что занимаю Вас этими пустяками, но Ваша доброта ко мне — осмелила меня.

Теперь у меня уныние — сижу, читаю Диккенса, играю в шахматы, и ничего не делаю. Книжка (брошюрка) моя выходит на днях[8].

Искренне Ваш *К. Чуковский*

P. S. Могу Вас утешить: и в Пб. в Кружке Молодых смеялись над песнями Кузмина[9].

P. P. S. Городецкий стал писать очень плохие стихи. Развязные, вульгарные, претендующие — и сбивающиеся на куплеты. Вилькина убита Вашей гениальной рецензией[10]. Ходит с загадочным видом: «я понимаю, почему Валерий написал *такую* рецензию». Бедная, банальна и здесь. Рукавишников и Федоров уверены, что Вы из зависти[11]. — Валерьян Светлов выписал «Весы» и «Золотое Руно». Он выпишет еще и «Перевал», если ему разрешат где-н<и>б<удь> писать рецензии о балете. Что за глупая статья о Уитм<ане> — Бальмонта. Какие переводы![12] Он путает двух писателей — Джона Саймондса и Арт. Симонса[13].

[1] Ответ на письмо В. Брюсова от 4 февраля 1907 г. Датируется по связи с ним.

[2] Эта очередная попытка преследования Чуковского, насколько известно, дальнейшего хода не получила.

[3] символа веры *(франц.)*.

[4] Александр Михайлович *Скабичевский* (1838–1910/11), литературный критик и историк литературы; приверженец либерально-народниче-

ских взглядов. Криптонимом А. Б. (под которым в «Мире Божьем» выступал А. И. Богданович) в «Весах» подписаны некоторые рецензии Андрея Белого.

[5] Николай Яковлевич *Абрамович* (1881–1922), критик, прозаик, поэт, публицист. Чуковский подразумевает отзывы Абрамовича о книгах Брюсова «Земная ось» (Книга. 1907. № 10, 11 января. С. 15. Подпись: Н.Я. А–вич) и «Στεφανος. Венок» (в обзорной статье «Лирика в 1906 году» // Там же. № 12, 25 января. С. 2); в первой книге Абрамович отметил отсутствие «безыскусственной и свежей жизненности», вторую выделил, наряду со «Стихотворениями» И. Бунина, как стоящую на первом месте среди поэтических книг прошедшего года, указав, однако, что Брюсов в ней — «холодный и абстрактно-рассудочный».

[6] Имеется в виду статья «В защиту Шелли» (см. примеч. 7 к письму **63**). 21 февраля 1907 года Брюсов писал Чуковскому: «...прежде всего о Вашей статье о Бальмонте. Февральский № «Весов» уже готов и опоздает только из-за нашей типографской забастовки. Вместить в него Вашу статью я не могу, физически не могу. Не могу даже обещать наверное, что она пойдет в марте; или в марте или в апреле. В этом году у нас так много интересного материала, что мы против нашей воли заставляем ждать самых желанных из своих сотрудников» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 61. Ед. хр. 68).

[7] Лидия Корнеевна Чуковская родилась 11 (24) марта 1907 г.

[8] Подразумевается книга «Поэт анархист Уот Уитман» (см. примеч. 5 к письму **68**).

[9] «Вечер искусства», организованный «Кружком Молодых», на котором Кузмин исполнял «Куранты любви», состоялся 1 февраля 1907 г. в Петербургском университете. Ср. запись Кузмина за этот день: «После перерыва пел я <...> Часть публики была очень предубеждена или не воспринимала и вела себя невозможно: громко смеялась, говорила, шикала, бывали перерывы, но доиграл я до конца» (*Кузмин М.* Дневник. 1905–1907. С. 316, 509 — комментарии Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина).

[10] О *Л.Н. Вилькиной* см. примеч. 3 к письму **61**. Отрицательный отзыв о книге сонетов и рассказов Вилькиной «Мой сад» (М., 1906) Брюсов дал в обзорной статье «Новые сборники стихов» (Весы. 1907. № 1. С. 69–73; *Брюсов В.* Среди стихов. С. 222).

[11] Иван Сергеевич *Рукавишников* (1877–1930), поэт, прозаик, драматург. Об *А.М. Федорове* см. примеч. 10 к письму **7**. В том же обзоре «Новые сборники стихов» Брюсов охарактеризовал весьма критически их книги — «Стихотворения. Кн. IV» (СПб., 1906) Рукавишникова и «Сонеты» (СПб., 1906) Федорова. См.: *Брюсов В.* Среди стихов. С. 221–223.

[12] Подразумевается статья Бальмонта «Поэзия борьбы (Идеализованная демократия)», включающая переводы стихотворений Уитмена (Перевал. 1907. № 3, январь. С. 37–48); вошла в кн.: *Бальмонт К.* Белые зарницы. Мысли и впечатления. СПб., 1908. С. 85–134.

[13] Английские критики и поэты — Джон Аддингтон *Саймондс* (Symonds; 1840–1893) и Артур *Симонс* (Symons; 1865–1945). В своей статье,

однако, Бальмонт правильно указывает автора книги об Уитмене: «Лучший этюд об Уитмане, которому я многим обязан: *John Addington Symonds.* Walt Whitman. London, 1893» (Перевал. 1907. № 3. С. 40).

71. В.Я. Брюсову

19 февраля 1907 г. Петербург[1]

Совсем забыл, дорогой Валерий Яковлевич, попросить Вас в предыдущем письме вот о чем. В СПб. затевается детское книгоиздательство. Имеются в виду сборнички (очень дешевые) вещичек современных русских писателей. Ф. Сологуб, С. Городецкий, Альбов и Куприн уже дали мне свое согласие, — не согласитесь ли и Вы. Если нет у Вас ничего, — позвольте воспользоваться Вашим именем. Дело это вполне чистое и, мне кажется, нужное[2].

P. S. Только что пришел С. Сергеев-Ценский[3] и тоже согласился.

Ваш *К. Чуковский*

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Петербург. 19.2.07; Москва. 20.2.07.

[2] Видимо, подразумевается специальная детская серия, инициированная издательством «Шиповник». Ср. сообщение в рубрике «Календарь писателя»: «Изд. “Шиповник” готовит “Детскую Библиотеку”, куда войдут: И. Билибин. С. Городецкий, Н. Гарин, А. Ремизов и Эрнст Дангейзер» (Родная земля. 1907. № 6, 12 февр. С. 4).

[3] Об *С.Н. Сергееве-Ценском* см. «Список адресатов».

72. В.Я. Брюсову

28 февраля 1907 г. Петербург[1]

Дорогой Валерий Яковлевич.

Не писал Вам по семейным обстоятельствам. Статью оставлю у Вас — печатайте, когда хотите. Мы в нашей газете упорно — в каждом № — говорим о Вас — так ли, сяк ли, — тот или другой[2]. Попадается Вам на глаза?

Заметку «Русское о Уитмане», — дополнив, я хочу отпечатать в книжке. Можно?[3] Чуть улучу время, напишу в *Весы* об Иванове-Разумнике: История Русской Общественной Жизни[4], — который глуп, хотя и хвалит Вас со всей снисходительностью.

«Нива» очень просит у Вас стихов — очень. (Секрет: Куприн заболел белой горячкой.)

Деньги, если есть, — не премините выслать. (Василевскому.)

Как Аничковская статья о Куприне?[5] Он неустанно ее цитирует.

Ваш всегда *К. Ч.*

[1] Ответ на письмо В. Брюсова от 21 февраля 1907 г. Датируется по почтовому штемпелю: Петербург. 28.2.07; Москва. 1.3.07.

[2] Имеется в виду еженедельная петербургская газета «Родная земля. Понедельник», начатая изданием 8 января 1907 г. В статье «Новая повесть Л. Андреева» (№ 2. 15 янв.; *Т. 6* наст. изд. С. 438–441) Чуковский, в частности, сопоставлял творчество Брюсова и Андреева.

[3] Книгу Чуковского «Поэт-анархист Уот Уитман» (см. примеч. 5 к письму **68**) завершает раздел «Русское о Уитмане» (С. 81—83), основанный на его «весовской» статье «Русская Whitmaniana».

[4] *Иванов-Разумник* (наст. имя Разумник Васильевич Иванов; 1878–1946), критик, публицист, историк русской литературы и общественной мысли. Статью «Мещанин против мещанства» с разбором книги Иванова-Разумника «История русской общественной мысли» (Т. 1–2. СПб., 1907) Чуковский опубликовал не в «Весах», а в «Родной земле» (5 марта 1907 г.; *Т. 6* наст. изд. С. 451—455).

[5] Имеется в виду опубликованная в «Весах» (1907. № 2. С. 69—73) статья Е.В. Аничкова «Allez!» с разбором тома III «Рассказов» Куприна.

73. В.Я. Брюсову

24 марта 1907 г. Петербург[1]

Дорогой В<алерий> Я<ковлевич>.

Стихи Ваши сдал Валерьяну Светлову. Он очень одобрил «Который раз»[2], а «Одиночество» назвал декадентщиной и возвратил мне. Что мне делать с «Одиночеством»? Не дать ли Арцыбашеву в «Образ<ование>»? Или Марии Карловне в «Мир Божий»?[3] Жду инструкций[4]. Я только что встал с постели, хотя доктор велит мне еще лежать. У меня теперь уже двое детей, — если Вас это радует. Кружок Молодых — как будто уже не по мне. До каких пор (до какого месяца) будете Вы в Москве?

Ваш *К. Чуковский*

[1] Открытка; почтовые штемпели: Петербург. 24.3.07; Москва. 25.3.07.

[2] Стихотворение Брюсова «Который раз» («Опять весна! Знакомый круг...») было опубликовано в «Ниве» (1907. № 15, 14 апр. С. 235).

[3] Мария Карловна *Куприна* (урожд. Давыдова, во втором браке Иорданская; 1879–1966), издательница журнала «Мир Божий» («Современный мир»).

[4] Стихотворение «Одиночество» («Отступи, как отлив, все дневное, пустое волненье!..») было опубликовано в альманахе «Цветник Ор. Кошница первая» (СПб.: Оры, 1907. С. 39–40).

74. В.Я. Брюсову

Конец марта 1907 г. Петербург[1]

Дорогой Валерий Яковлевич.

Вот какая у меня легкомысленная мысль. Приезжайте Вы сюда, в «Кружок Молодых», который Вас чтит, любит и читает о Вас рефераты, — прочтите ему реферат о театре Станиславского, который как раз сейчас приезжает в Петербург[2], который грязен, слякотен и зловонен.

Мысль эту я внес в Комитет «Кружка» — и тот с восторгом принялся обсуждать возможные меры к реальному ее осуществлению. Буде эти меры отыщутся, «Кружок» немедленно известит Вас письмом и пошлет Вам официальное приглашение.

Я почти уверен, что Вы согласитесь на минуту вырваться от перевальщиков, грифов, Ходасевичей, Биксов и Диксов — и прокатитесь в вагоне к нам[3].

Вчера в кружке Рославлев читал стихи, посвященные Вам *«Учителю»*[4]. Как пародия это хорошо, за исключением конца. Но фурор он имел полный.

Жду «Весов».

Ваш *К. Чуковский*

Здесь у меня слава Герострата. Я выругал Горького[5]. Большевики ругают меня ежедневно[6]. Валерий Яковлевич! Повлияйте на «Золотое Руно» по телефону, чтобы оно заплатило мне гонорар за первую мою заметку[7].

[1] Датируется по содержанию.

[2] Гастроли Московского Художественного театра прошли в Петербурге с 23 апреля по 17 мая 1907 г. в помещении Михайловского театра. Предложение Чуковского связано, скорее всего, с известиями о лекции Брюсова «Театр будущего», прочитанной впервые 26 марта 1907 г. в Московском Историческом музее и имевшей шумный успех. См.: *Бродская Г.Ю.* Брюсов и театр // Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 172–174; материалы, относящиеся к лекции «Театр будущего», опубликованы там же (С. 179–187).

[3] Приезд Брюсова в Петербург тогда не состоялся. Упоминаемые здесь поэты и критики Владислав Фелицианович *Ходасевич* (1886–1939) и Борис *Дикс* (наст. имя Борис Алексеевич Леман; 1882–1945) печатались в журнале «Перевал»; *«Биксы»* — вымысел Чуковского (по аналогии с Диксом).

[4] Александр Степанович *Рославлев* (1883–1920), поэт, прозаик, публицист. Стихотворение «Учителю. Валерию Брюсову» («Учитель, в сердце откровенен...») вошло в его книгу «В башне. Стихи» (СПб.: Eos, 1907. С. 9–10).

[5] Статью «Максим Горький» Чуковский опубликовал в газете «Родная земля» (1907. № 11, 19 марта. С. 2); в ней намечались основные черты художественного мира Горького, который «разделил все мироздание на Ужей и Соколов»: «симметричность, неуважение к личности, консерватизм, книжность, аккуратность, фанатизм, однообразие».

[6] Подразумевается, в первую очередь, статья А. А. Богданова «Критик-птеродактиль» (Наше эхо. 1907. № 2, 27 марта), в которой Чуковский уподоблялся «глубоко обиженному Птеродактилю», не нашедшему себя в системе «разделения мира на Соколов и Ужей» и ставшему на «скользкий путь»: «Г. Чуковский эстет. Пусть удержит его от печального пути хотя бы мысль о неэстетичности его конечных этапов». О полемике Чуковского с Богдановым см. *Т. 6* наст. изд. С. 606–607.

[7] Имеется в виду хроникальная заметка «Петербургские театры» (Золотое руно. 1907. № 2. С. 75–76).

75. В.Я. Брюсову

2 апреля 1907 г. Петербург[1]

Спасибо, дорогой В<алерий> Я<ковлевич>, за доброе Ваше письмо. Непременно, непременно закончите «Защиту» этими словами, которые Вы мне подсказываете. Я только вчера просмотрел (у Пяста) этот том, и черт знает, чего там нету[2]. Ваша слава в Питере еще больше московской, да сбудется реченное о пророке и его Фатерланде[3]. Здесь недавно одна женщина с огромной и уютной грудью — читала о том, что Валерий Брюсов, и Леонид Андреев, и Борис Зайцев[4] — все, все вы очень милые — и ужасные революционеры. Огромная толпа аплодировала, а когда нашелся один провинциальный мужчина, который что-то такое очень правильное напомнил об Иоанне Кронштатском[5] и г-же Гиппиу́с, на него посмотрели свысока, и только исправили ударение: не Гиппиу́с, а Ги́ппиус. Читал мне С. Городецкий вторую свою «Ярь» — (Перун) — скромно![6] Будто кто написал пародию на первую. Есть великолепные места — но и они как-то не удивляют. Чулкова — Городецкий зовет лучше Вашего: Жорж де Ба[7]. А Макса Волошина я зову Вакс Молошин, и выходит совсем недурно. Напрасно Вы так браните «Руно»[8] — ей-богу, оно хорошее.

Ваш *Корней*

А Вильбушевичу[9] пошлите книгу с автографом. Он очень опечален, что Вы этого не делали.

[1] Открытка; почтовые штемпели: Петербург. 2.4.07; Москва. 3.4.07. Ответ на неизвестное нам письмо Брюсова.

[2] Владимир Алексеевич *Пяст* (наст. фам. Пестовский; 1886–1940), поэт, критик. Содержание первых фраз письма неясно (в них — явный ответный отклик на полученное письмо).

[3] Vaterland *(нем.)* — отечество, отчизна, родина. Обыгрывается крылатое выражение «Несть пророка в отечестве своем», евангельского происхождения (Мф XIII, 57; Мк VI, 4; Лк IV, 24; Ин IV, 44).

[4] Борис Константинович *Зайцев* (1881–1972), прозаик. О каком публичном выступлении сообщает Чуковский, установить не удалось.

[5] *Иоанн Кронштадтский* (в миру Иван Ильич Сергиев; 1829—1908), церковный деятель, проповедник, духовный писатель (канонизирован в 1990 г.).

[6] Вторая книга Городецкого «Перун. Стихотворения лирические и лиро-поэтические» (СПб.: Оры, 1907) вышла в свет в июне 1907 г.; Чуковский опубликовал рецензию на нее 28 июня 1907 г. в газете «Речь» (за подписью: К. Ч.).

[7] Bas (*франц.*) — чулок.

[8] Подразумеваются критические заметки в мартовском выпуске «Весов» по поводу материалов, помещенных в последних номерах «Золотого Руна», с разоблачением ошибок, небрежностей и даже плагиата; обе заметки принадлежат Брюсову: одна опубликована под псевдонимом Пентаур («Золотое руно, 1907, №№ 1 и 2» // 1907. № 3. С. 74—76), другая — под настоящим именем («Писать или списывать?» // С. 76—80).

[9] О *Е.Б. Вельбушевиче* см. примеч. 3 к письму **29**.

76. А.М. Ремизову

2 (15) мая 1907 г. Куоккала[1]

Спасибо Вам, дорогой А.М., за чудные книжки Ваши[2], за память, за ласку, за надпись[3]. «Морщинку»[4] прочитал с восторгом, и совершенно согласен с сыном моим Николаем, что Алишка[5] была умнее, когда сидела дома и не рипалась.

Кстати: что это за Клешня[6] такая?

Посылаю Вам заметку мою, которая тогда не пошла в печать, но пойдет переделанная теперь, когда буду писать обо всем[7].

Когда выйдет Ваш «Пруд»?[8] Чуть выйдет, известите. Для «Календаря писателя»[9].

Преданный Вам *Чуковский*

Серафиме Павловне от нас низкий поклон. А у нас дочка — громадная![10]

[1] Датируется в соответствии с пометами Ремизова о получении письма, сделанными синим карандашом в верхнем углу справа: «2.V.1907», а также на обороте листа: «2.V». Куоккала, дачный поселок под Петербургом на берегу Финского залива (там с 1907 г. постоянно жил Чуковский).

[2] К этому времени у Ремизова вышли в свет две книги сказок, причем обе были адресованы детской аудитории: «Посолонь», выпущенная московским журналом «Золотое руно» в декабре 1906 года (на титульном листе в соответствии с распространенной практикой относительно изданий, публикуемых в ноябре-декабре, значится 1907 год), и «Морщинка» (см. примеч. 4 к наст. письму). Последняя появилась из печати не позднее конца апреля 1907 года, так как сохранившиеся экземпляры с инскриптами автора А.А. Блоку, сестрам З.Н. Гиппиус Татьяне Николаевне и Наталье Николаевне, А.В. Карташеву, В.В. Кузнецову и С.П. Ремизовой-Довгелло помечены Красной Горкой, которая в 1907 году приходилась на 29 апреля (см. их описание: Волшебный мир Алексея Ремизова: Каталог выставки. СПб., 1992. С. 16). В самом конце апреля или в начале мая 1907 года издательство «Оры» выпустило еще одну ремизовскую книгу — «Лимонарь». Однако дарственная надпись жене на этом издании датирована только 14-м мая (Волшебный мир Алексея Ремизова. С. 16). Трудно предположить, что Чуковский мог получить «Лимонарь» раньше Серафимы Павловны. Скорее всего, автор раздаривал его в середине мая. Это косвенно подтверждается письмом заведующего художественным отделом журнала «Золотое руно» В.Д. Милиоти, который 16 мая 1907 года благодарил Ремизова за «Лимонарь» и «Морщинку», а также «еще раз» за «Посолонь» (ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 155).

[3] В библиотеке Чуковского в Переделкине дореволюционные издания ремизовских книг с инскриптами автора не сохранились.

[4] Эта сказка была выпущена в свет петербургским издательством «Шиповник» отдельной книжкой с иллюстрациями М.В. Добужинского в серии «Детская библиотека». Впоследствии Ремизов включил «Морщинку» во вторую редакцию «Посолони», опубликованную тем же издательством в составе Собрания его сочинений (СПб., 1911. Т. 6).

[5] Персонаж сказки «Морщинка».

[6] Тоже персонаж сказки «Морщинка». Ремизов писал о Клешне в одном из своих писем Чуковскому: «Клешня — олицетворение страха, который только и ждет таких, как мышки, чтобы ущемить. А живет она в реке. Все это для мышкиных глаз.

Бывает, что и «за дровами» живет и на «чердаке» живет и где-нибудь в овраге.

А то ходит в виде какой-нибудь тетки Анисьи.

Я про Клешню слышал в раннем детстве от одного кривого кузнеца, который будто — тогда так говорили — все знает. Вот эта Клешня да еще чей-то хвост остались у меня в памяти. Думаю, Клешня имеет корни» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 70. Ед. хр. 26).

[7] Вероятно, подразумевается не дошедший до нас первоначальный вариант статьи Чуковского о ранних произведениях Ремизова «Вселенская тошнота», опубликованной 11 (24) января 1909 года в газете «Речь» в разделе «Заметки читателя».

[8] Речь идет об отдельном издании романа «Пруд», который выпустило петербургское издательство «Сириус» в ноябре 1907 года (на титульном листе обозначен 1908 год; обложка работы М.В. Добужинского).

[9] Рубрика в петербургской еженедельной «политической, общественной и литературной» газете «Судьба народа (Понедельник)», которая появилась весной 1907 года всего дважды: 30 апреля (№ 1) и 7 мая (№ 2). Эта же рубрика затем в том же формате и с теми же участниками (их круг постепенно расширялся) появилась в газете «Свободные мысли» (1907—1908, 1911 и 1917; № 1 выпущен 21 мая 1907 года), которая была продолжением «Судьбы народа». В обеих газетах редактором-издателем был Ф.Б. Давидсон. Чуковский принимал деятельное участие как в недолговечной «Судьбе народа», так и в «Свободных мыслях». Здесь были опубликованы не только его статьи и фельетоны, но и объявления о книгах «Поэт-анархист Уот Уитман» и «От Чехова до наших дней». А анонимный *«Календарь писателя»* был наполнен информацией о разнообразных культурных событиях русских жителей Куоккалы и о тех литературных и театральных событиях, которые интересовали именно Чуковского и его окружение. 4 (17) июня 1907 года здесь, среди прочего, сообщалось о выходе в свет новой книги А. Ремизова «Морщинка» (Свободные мысли. № 3. С. 4; в конце рубрики сделана приписка в скобках: «Гонорар по "Календарю писателя" с самого основания этого отдела идет в пользу безработных и голодающих»; приписка отсутствует в других номерах). Сам Чуковский тоже не раз становился «персонажем» этой хроники.

[10] О рождении дочери см. примеч. 7 к письму **70**.

77. В.Я. Брюсову

8 мая 1907 г. Петербург[1]

Дорогой Валерий Яковлевич.

Выслал Вам № «Нивы» с «Которым разом»[2].

Тороплюсь поделиться с Вами некоторым своим открытием. Его зовут Mr Williams[3]. Он родился в Новой Зеландии, по национальности англичанин, окончил в Берлине филологический факультет и теперь состоит в Петербурге русским корреспондентом Times'a, Manchester Guardian'a, Tribune'ы и еще чего-то. Не мне его рекомендовать, — это образованный и умный человек. Здесь он попал в гостиную Вячеслава Иванова — так что даже Чулкова понимает. Он следит за всеми литературами — шведской, немецкой, английской, русской — и часто сотрудничает в критическом отделе своих газет. Что бы взять его в «Весы»! Правда, он пишет не совсем чистым русским языком, но ведь это четверть часа — исправить все его ошибки; зато у «Весов» тогда был бы постоянный английский отдел. Не пошлете ли Вы ему этакого полупри-

гласительного билета от «Весов» (СПб., Вильямсу. Кирочная, 52, кв. 43) — ни к чему не обязывающего, но бодрящего и поощряющего[4].

Свою Нивскую статью о русской поэзии я расширил, заново написал о Сологубе, вставил Вяч. Иванова, Андрея Белого и Гиппиус, исправил указанные Вами неточности, сохранил все ту же фельетонную и случайную точку зрения («город») и выпускаю отдельной книжкой (издание «Нивы»)[5]. Одобряете? Хочу снабдить портретами, да не знаю, удастся ли.

Знаете, кто будет в «В<естнике> Е<вропы>» на месте Подляцкого? — Ваш московский Гершензон[6]. Есть такой? Не вем[7].

Мой товарищ Петр Потемкин всю зиму просит меня послать Вам его стихи[8]. Я все не решался. Теперь — летом — осмелился, авось у Вас больше свободного времени и хватит пяти минут на бедного юношу, который не лучше и не хуже тысячи других юношей, пишущих стихи. Кстати, один из них прислал мне в «Ниву» какие-то куплеты с таким лаконическим письмом:

А.А. Курсинский и В.Я. Брюсов находят у меня талант.

Стихи приведу в конце письма, а пока, чтобы не забыть, передам Вам просьбу Фидлера ответить на какие-то послания; он немец честный, и его обижать не следует: у него музей[9].

Прочитал во 2-м выпуске Венгеровского «Пушкина» статью о «первой любви»[10]. Классическая вещь по остроумию, проникновенности и произвольности толкования. Мне кажется, что и Вы сами не верите в свои сближения. Да это, кажется, и не нужно.

Теперь стихи Петра Потемкина, который трепещет и решенья ждет:

На стене моей обои
Непонятными цветами
Говорят мне о любви.
Если скрипки и гобои
Будут с хор звенеть с басами,
Позови.
Я тебе открою сказки
Ста ночей.
Ищет фрейлина подвязки.
Перед ней
Статный рыцарь на коленях, —
Сам король:
«На серебряных ступенях
Увенчать себя позволь».
Нету ордена подвязки
Голубей.

1907

Нет загадочнее сказки
Ста ночей.

Если скрипки и гобои
Будут с хор звенеть с басами,
Позови!

На стене моей обои
Непонятными цветами
Говорят мне о любви[11].

* * *

Не сам ли сделал я любовь
Смешной?
Не сам ли сделал я ей бровь
Густой?
Не мало краски и белил,
Папье-маше
Потратил я, чтоб розов был
Просвет ушей.
Я сам себе ее создал,
Как Бог.
И целовал ее овал,
Ккак мог.
Я вечно свежим париком
Ей голову убрал,
И сам блудливым стариком
Ее в ногах искал.

Но — кукла! — куклы холодней
Она
Была лишь первых пять ночей
Верна.
Ее убийца — твой оркестр.
Ушла белил белей...
И непонятен стал ей жест
Руки моей.
Не сам ли сделал я ей бровь
Густой?
Не сам ли сделал я любовь
Смешной?[12]

Примечание: речь идет о любви поэта к восковой кукле, которую он сам себе вылепил для непонятных целей.

Ваш *К. Чуковский*

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Петербург. 8.5.07; Москва. 9.5.07.

[2] См. примеч. 2 к письму **73**.

[3] Гарольд *Вильямс* (1876–1928), английский журналист, этнограф и филолог, доктор Мюнхенского университета (1904); второй муж (с 1906 г.) А.В. Тырковой-Вильямс.

[4] Корреспонденций Г. Вильямса в «Весах» не появилось.

[5] Отдельное издание статьи «О современной русской поэзии» (см. примеч. 2 к письму **63**) не состоялось.

[6] *«Подляцкий»* — Е.А. Ляцкий, дававший в «Вестнике Европы» до 1908 г. регулярные обозрения текущей литературы; в 1908 г. литературные обозрения вел Михаил Осипович *Гершензон*.Подробнее о нем см. «Список адресатов».

[7] Т. е.: не знаю (не ведаю).

[8] О *П.П. Потемкине* см. примеч. 4 к письму **31**.

[9] Федор (Фридрих) Федорович *Фидлер* (1859—1917), петербургский немец, преподаватель немецкого языка и переводчик русской поэзии на немецкий язык; коллекционер, создатель домашнего «музея», в котором были собраны книги, автографы, портреты и другие материалы, относящиеся к русским писателям. Выполненные Фидлером переводы стихотворений Брюсова были опубликованы в 1906 г. в газете «Sankt-Petersburger Herold». См.: *Данилевский Р.Ю.* В.Я. Брюсов и Ф.Ф. Фидлер // Международные связи русской литературы: Сб. статей под ред. акад. М.П. Алексеева. М.—Л., 1963. С. 411–416.

[10] Речь идет о статье Брюсова «Первая любовь Пушкина (Е. П. Бакунина)», опубликованной в т. I Сочинений А.С. Пушкина под редакцией С.А. Венгерова (М., Брокгауз — Ефрон, 1907. С. 284–288).

[11] Опубликовано: *Потемкин.* Смешная любовь. Первая книга стихов. СПб., 1908. С. 43–44.

[12] Опубликовано (другая редакция текста): Т а м ж е. С. 45–46.

78. Н.Н. Ходотову

Не ранее 10 мая 1907 г.[1]

Я перед Вами в долгу, многоуважаемый Николай Николаевич. Вы сделали мне громадное одолжение, определив Данилюка на службу. И я надеюсь, что Вы дадите мне возможность как-нибудь отблагодарить Вас за это. Я теперь вновь становлюсь сотрудником «Речи» (веду с 10-го литературный отдел) — поэтому прошу Вас, если что нужно, обращаться ко мне по этому адресу: «Речь», ул. Жуковск<ого>, 21.

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по упоминанию о «Речи».

79. В.Я. Брюсову

21 мая 1907 г. Петербург[1]

Дорогой Валерий Яковлевич.

Вот какое дело: заказана большая работа о русских поэтах[2]. Пожалуйста, пришлите список статей и заметок о Вас, — какие помните[3].

Я ушел от Василевского:[4] приглашен постоянным критиком «Речи»[5]. Затеваю свою газету[6]. Надеюсь, что Вы разрешите воспользоваться Вашим именем.

Прошу, черкните хоть два слова, а то я думаю, что Вы — на меня сердитесь.

Ваш *Чуковский*

[1] Открытка; почтовые штемпели: Петербург. 21.5.07; Москва. 22.V.1907.

[2] Возможно, результатом этого «заказа» стала статья Чуковского «Новые течения в русской литературе. Литературные наброски» (Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу «Нива» на 1907 г. № 6. Стб. 279–298; № 7. Стб. 411–432; *Т. 6* наст. изд. С. 500–528).

[3] Отвечая на это письмо 22–23 мая 1907 года, Брюсов писал: «Сообщите, для чего, собственно, нужен Вам список статей обо мне? Если Вы его хотите поместить в свою статью, я пришлю Вам “показной”, со ссылками на разные иностранные издания и т. д. А если Вы хотите воспользоваться написанным обо мне как материалом... я не пришлю никакого списка. Ибо все обо мне написанное ни для чего Вам не может быть пригодно: все Вы знаете и не читая» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 61. Ед. хр. 68).

[4] *И.М. Василевский* подразумевается здесь как ближайший сотрудник и фактический издатель петербургской «понедельничной» газеты, выходившей в 1907 г. под разными заглавиями: «Родная земля», «Судьба народа», «Свободные мысли».

[5] Первая публикация Чуковского в ежедневной петербургской газете «Речь» состоялась 27 мая 1907 г. (статья «Геометрический роман» — о романе Арцыбашева «Санин»).

[6] Этот замысел никогда не был реализован.

80. В.С. Миролюбову

Вероятно, 27 мая (9 июня) 1907 г. Куоккала[1]

Многоуважаемый Виктор Сергеевич!

Подлецы в «Речи» напечатали мой сегодняшний фельетон черт знает с какими пропусками. Метранпаж — ни с того, ни с сего — выкинул целую главу, не говоря уже об отдельных строчках. Сегодня целый день у меня на душе из-за этого тусклость. Ну что,

нашли книжку «М<ира> Б<ожьего>», где Ф.Д. Б<атюш>ков причисляет Чехова к к.-д?[2] Она мне ужасно была нужна. Что мои очки? Неужели пропали?

О Чехове (т. е. Чехова письмо) возвращаю так поздно не потому, чтобы я носился по Куоккале и показывал всем, а потому что дождь — и до станции, куда 2 ½ версты, никто из наших за это время не добирался. С.Н. Вам кланяется[3]. Если Вы согласитесь вслед за «Бесстенным»[4] поместить его «Ожидание» (которое он сейчас переписывает)[5], то я надеюсь склонить его к более благоразумному обхождению со своими вещами.

Засим, искренне поблагодарив Вас за доверие, которое Вы выказали мне, дав эту драгоценную корректуру — Чеховский рассказ, — напоминаю Вам, что адрес наш Куоккала, дер. Лудахенде, дача Кондратьева.

Преданный Вам *К. Чуковский*

[1] Датируется по содержанию. См. примеч. 5 к письму **79**.

[2] Чуковский несколько утрирует мысли Ф.Д. Батюшкова (1857–1920), высказанные в его статье «А.П. Чехов и освободительное движение» (Мир Божий. 1906. № 4), где критик пытался оспорить сложившееся представление о равнодушии Чехова к общественным проблемам.

[3] Сергей Николаевич Сергеев-Ценский.

[4] Рассказ С.Н. Сергеева-Ценского «*Бесстенное*» см.: журнал «Трудовой путь». 1907. № 7.

[5] Рассказ «Ожидание» см.: Там же. 1907. № 9.

81. В.Я. Брюсову

30 мая 1907 г. Петербург[1]

Дорогой Валерий Яковлевич!

У меня к Вам наглая просьба: не поместит ли контора «Весов» такого объявления:

К. Чуковский
Поэт-анархист Уот Уитман.
Цена 50 к.
Склад изд. СПб. «Издательское Бюро»,
Невский, 147. Продается везде.

А я за то обязуюсь в одной из газет поместить объявление о «Весах».

Если это неудобно по техническим ли, по моральным ли соображениям, оставьте втуне.

1907 Собираюсь я на днях в «*Речи*» выругать «*Перевал*»[2]. Какая проституция — этот журнал! Какая-то смесь Пояркова и Аничкова. Представьте, если б эти оба были одним человеком — вот *«Перевал»*. Кланяется Вам Ляцкий.

[1] Открытка; почтовые штемпели: Петербург. 30.5.07; Москва. 31.V.1907.

[2] Статья Чуковского о журнале «Перевал» в «Речи» не появилась.

82. В.Я. Брюсову

2 июня 1907 г. Петербург[1]

Дорогой Валерий Яковлевич.

По глупой какой-то рассеянности не ответил Вам, что *«Нива»* очень, очень просит стихов Ваших и с удовольствием будет Вам высылаться. (Стихи прошу выслать на мое имя[2].)

Что поделывают «Весы»? Мне кажется, им пора начать поход против *«Ор»*[3], против петербургской вульгаризации декадентства, против чулковизации дорогих и заветных идей. Жорж де Ба и Вакс Молошин[4] — это опаснее Грифов. Что Грифы — аминь?[5] А «Золотое Руно»? Знаете что: я хочу в «Речи» написать о падении Бальмонта. Как? Научите[6].

Касательно Уитмана я не беспокоюсь[7]. Хвалить его не за что. Нельзя, проработав три года, сляпывать в два дня книжонку. Он мне так надоел, что я его даже по редакциям почти никуда не послал. Что «Утро Свободы»? Вышло ли что-н<и>б<удь> взамен?[8] Ляцкий Вам кланяется.

Ваш *Чуковский*

[1] Открытка; почтовые штемпели: Петербург. 2.6.07; Москва. 3.6.07.

[2] Стихотворных публикаций Брюсова в «Ниве» во второй половине 1907 г. не появилось.

[3] «*Оры*» — петербургское символистское издательство, основанное в 1906 г. Вяч. Ивановым и выпускавшее книги писателей из его ближайшего окружения.

[4] См. письмо **75**.

[5] Подразумеваются участники журнала «Перевал», выпускавшегося издательством «Гриф».

[6] Статья Чуковского на обозначенную тему в «Речи» не появилась.

[7] Речь идет о книге Чуковского «Поэт-анархист Уот Уитман».

[8] Последний номер газеты «Утро свободы» вышел 26 мая 1907 г.; издание было возобновлено 30 мая под заглавием «Столичное утро».

83. Е.А. Ляцкому 1907

Июнь 1907 г. Куоккала[1]

Дорогой Евгений Александрович!

Есть такой Чуковский, который страстно хочет повидать Вас.

Когда можно сделать это (если только можно), чтобы не помешать Вашим занятиям?

Черкните, пожалуйста, открытку, я во всякое время — кроме утра — предстану пред Вами; хочется мне принести Вам крошечную свою книжку о Уитмане[2], толстые Ваши книги, взятые у Вас Бог знает когда, и извиниться, что до сих пор (по болезни своей, жены, детей, по домашним стесненным обстоятельствам) не уплатил Вам огромного своего долга.

Кланяюсь Вере Александровне[3].

Преданный Вам *Чуковский*

Брюсов Вам кланяется.

[1] Датируется по содержанию.

[2] Упомянута книга: Поэт-анархист Уот Уитман: Перев. в стихах и характеристика. [СПб.]: Кружок молодых. [1907].О ее выходе см. выше в письме **81**.

[3] В своих воспоминаниях «Сигнал» Чуковский пишет: «У Ляцкого была чудесная жена, Вера Александровна Пыпина, дочь известного ученого-историка, близкая родственница Чернышевского. Она относилась ко мне с материнской сердечностью» (*Т. 4.* С. 560).

84. В.Э. Мейерхольду

23–24 июня 1907 г. Куоккала

23–24 июня 1907 г. Куоккала

Многоуважаемый Всеволод Эмильевич!

Памятуя недавние наши разговоры, я предлагаю Вам назначить мне один из удобных Вам вечеров, чтобы вместе рассмотреть имеющиеся у меня материалы по английским мистериям XIV и XV вв.[1].

В Англию я, как видите, не поехал, живу в Куоккале — недалеко от Вас — и готов явиться к Вам или принять Вас у себя в любой из указанных Вами дней.

Хотелось бы на этой неделе и хотелось бы, чтобы Вы пожаловали ко мне, ибо многие книги не принадлежат мне и было бы затруднительно переносить их за несколько верст. Адрес мой таков: Куоккала, деревня Лудехенде, дача Кондратьева.

Не встретиться ли нам во вторник у общего нашего знакомого Льва Марковича Василевского?

Преданный Вам *К. Чуковский*

[1] Вероятно, В.Э. Мейерхольд обратился к Чуковскому за консультацией в связи с работой над статьей «О старинном театре» (1908), в которой речь шла о постановках сезона 1907/1908 годов Старинного театра под руководством Н.Н. Евреинова. Результатом этих консультаций, вероятно, стала статья К. Чуковского «Дары средних веков» (О мистериях) // Свободные мысли. 1907. 10 (23) декабря.

85. В.С. Миролюбову

После 17 июля 1907 г. Куоккала[1]

Только сейчас приехав в Куоккалу, я нашел Ваше письмо, посланное Вами три дня назад. Если бы я прочел его вовремя, я бы, конечно, не являлся к Вам с улыбками, шутками и вообще с тем, что, как я теперь понимаю, могло показаться Вам наглостью. Но, Ценский свидетель, письма я не получал и не знал о нем, когда шел к Вам. Когда я шел к Вам, я знал одно: со страшным напряжением, больной, выжал я из себя несколько строк, недостойных Чехова, меня и Вашего журнала, сам же указал Вам на те места, которые позаимствовал, был уверен, что это не будет напечатано, но отнюдь не по тем причинам, которые указываете Вы, а просто потому, что статья эта мерзкая, мутная, выжатая, — статья утомленного поденщика, который не спал всю ночь, оттого что не переставая плакала его девочка, который из-за просроченного паспорта должен возиться с дурацкой финской полицией, высылающей его из Финляндии, должен платить долги за чужих людей, за которых он поручился, и выслушивать наглости от ростовщиков, должен написать к 1-му числу Аничкову о русских поэтах 80-х годов, в «Ниву» о Фете, в «Речь» три скучных фельетона, послать 50 рублей сестре и матери, у которых нет даже денег на почтовую марку, — поденщика, который в 24 года должен содержать сестру, мать, жену, двух детей, себя, няньку, мамку, кухарку, платить по чужим векселям, который вот уже два года не имеет возможности прочесть ни одной книги, но для души, а не для фельетона, — вот что такое была та вялая статья, которую я осмелился послать Вам. Я, Виктор Сергеевич, жалобить Вас не намерен и, думаю, даже Вы, сколь ни мало меня знаете, могли заметить, что Лазаря я петь не люблю, но когда, выгнанный Вами, я ходил по Петербургу и ревел, как дурак, мне было жалко себя, мне было стыдно себя — и в первый раз я понял, что я очень несчастен.

За что Вы меня прогнали? За то, что я повторил мысль и пример старой статьи? Но ведь я даже известил Вас об этом, и указал, где была помещена та статья[2], — так что, если бы я даже переписал ее слово в слово, то и тогда гнать меня не было у Вас душевных прав, — гнать и позорить перед прислугой, и кричать, и топать ногами, — и делать все то, что всю жизнь будет ненужно мучить меня. Или, может быть, я оскорбил Чехова? Но ведь Вы же знаете, что Чехова я люблю до слез, что дурная статья есть дурная статья, к нему не относящаяся никак, что я писал о нем и хорошие статьи, которые тоже никак не касались его образа. За ложь? Но ведь я Вам не лгал. За насмешку над Вашим журналом? Но ведь если бы Вы видели те черновики, которые я извел для того, чтобы «списать», как Вы говорите, статью из «Нивы», — Вы бы поняли, что я бесконечно и безнадежно старался выжать из себя хоть одно теплое чувство, хоть одну мысль — из тех, которые когда-то перли из меня, — и не мог.

Вы должны были не забыть, что статью эту писал человек, который за четыре, нет, за пять лет не отдыхал ни одного дня, у которого от «желудочного» идет горлом кровь и который если храбрится, то только потому, что не любит, чтобы каждый хам, сволочь и сутенер смотрел на него с состраданием.

Я пишу ерунду и почему-то становлюсь на ходули; Вы не оскорбили меня, но зачем-то заставили меня оглянуться на себя. Кто я? Что я? Я очень необразованный человек, амплуа талантливого писателя, которое некоторые навязывают мне, мне не под силу. Я пишу все хуже и хуже. Мне пишется все труднее, — стирается темперамент, надоело это бессмысленное чередование книг, книг и книг, с которыми я должен вступать в бой, одолела «литературная сволочь». Через год я бездарность. Но разве за это гонять? Я вот не пью, не курю, не трачу на себя ни копейки, в карты не играю, пишу всегда честно и ни разу не позволил себе в статьях ни одной кривой мысли, ни одного пристрастного слова, а Вы говорили Ценскому, что слышали, будто на меня скоро собак будут вешать — но, впрочем, это все равно. На Вас я не сержусь и зла не питаю (скоро возвращу Вам свой долг и книги), но поступка Вашего ни Вашими нервами, ни Вашей любовью к литературе объяснить не могу. Представьте, что мы оба кому-ниб<удь> третьему рассказали наше столкновение — и представили ему: мою статью, статью «Нивы» и письмо, где я указывал на «Ниву». Он сказал бы: Миролюбов виноват. А я этого не говорю — не из позерства, а потому что не чувствую этого.

P. S. Почему Вы говорите Ц<енско>му, что я первый кричал на Вас. Первый мой крик был такой: зачем Вы кричите, Виктор Сергеевич.

К. Чуковский

[1] Датируется по дневнику: *«Июль, 17* [1907]. Самый несчастный изо всех проведенных мною дней. Утром получил письмо от ростовщика Саксаганского с оскорблениями, которых не заслужил. О Чехове Миролюбову не написал... Что сказать о нем в журнале Миролюбова?» *(Дн.-11.* С. 139).

[2] В архиве Миролюбова сохранилась статья Чуковского с его припиской: «Многоуважаемый Виктор Сергеевич. У меня жар, бессонница — я желтый, как малаец. Написал через силу. Если статья пойдет, известите. Сижу без копейки, и нет денег приехать. Книги привезу.

P. S. Статьи не перечитываю: боюсь, что порву. Кое-какие мысли я высказывал уже в «Ниве», но не выдумывать же новые. Любящий Вас Ч.» (ОР ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. № 1251).

Чуковский имеет в виду свою статью «Новые течения в русской литературе. Литературные наброски К. Чуковского» (Ежемесячные литературные и популярные приложения к журналу «Нива». 1907. № 6. Стб. 411–432), большая часть которой была посвящена Чехову и под заглавием «А.П. Чехов» позже включена в сборник Чуковского «От Чехова до наших дней» (СПб., 1908.).

86. Б.А. Садовскому

16 (29) июля 1907 г. Куоккала[1]

Многоуважаемый Борис Александрович.

Только теперь получил я Ваше письмо, испещренное почтовыми отметками, и немедленно отвечаю. Дело в том, что из Петербурга я уезжал в Одессу, из Одессы в Новгородскую губернию, в Бологое, а сейчас поселился в Финляндии, — и вся моя корреспонденция, как оказывается, следовала за мною. Стихи Ваши посылаю вместе с этим письмом редактору «Нивы» Валерьяну Яковлевичу Светлову — прекрасному человеку и доброму редактору. Надеюсь, что удастся их пристроить[2].

Преданный Вам *Чуковский*

Куоккала (Финл. Ж.д.) Лудехенде, дача Кондратьева

(простите, что открытка, здесь не могу сейчас достать конвертов).

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Куоккала. 29.VII.07; Нижний Новгород. 19.VII.1907.

[2] В письме от 2 июня, положившему начало их переписке, Б.А. Садовской писал: «Решаюсь обеспокоить Вас небольшой просьбой: не можете ли Вы пристроить меня в «Ниву»? Вы там один из близких сотрудников и, вероятно, не откажетесь рекомендовать меня редакции» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 70. Ед. хр. 62).

87. А.Л. Волынскому 1907

Лето 1907 г. Петербург[1]

Дорогой Аким Львович.

А большевики выходят — сволочь![2] Что же касается меня, то я приходил к Вам с членом Комитета «Кружка Молодых» Софьей Семеновной Дубновой[3] — молить Вас принять участие в ближайшем заседании «Кружка», куда мы пригласили Куприна, Дымова, Блока и Ф. Сологуба.

Было бы с Вашей стороны благодеянием, если бы Вы прочли небольшой реферат — ну, хотя бы о *Бесах* или о *Примитивах*, или о *Современной литературе*.

В 4 часа забегу за ответом.

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по содержанию (упоминание о «Кружке молодых»).

[2] Вероятно, это восклицание относится к газетным сообщениям о «миасском ограблении». Большевики ограбили в Миассах поезд, перевозивший крупную сумму денег.

[3] *Софья Семеновна Дубнова* (по мужу Эрлих, 1885—1986) была ответственным секретарем «Кружка молодых» (о нем см. примеч. 6 к письму **63**). В своих воспоминаниях Дубнова пишет: «В самом начале работы нашего кружка Корней Иванович взялся помогать мне в секретарской работе. Одна из моих обязанностей состояла в приглашении лекторов. Чуковский, лично знавший многих петербургских писателей, оказался незаменимым помощником, а ездить с ним было весело и занятно». Дальше Дубнова рассказывает, как она ездила с Чуковским приглашать Волынского и как Волынский прочел им лекцию об эпохе ранего Возрождения (см.: *Дубнова-Эрлих С.С.* Хлеб и маца: Воспоминания. Стихи разных лет. СПб.: Максима, 1994. С. 131).

88. В.Я. Брюсову

11 августа 1907 г. Петербург[1]

Дорогой В<алерий> Я<ковлевич>.

На днях выходит моя книжка *«От Чехова до Городецкого»*[2]. Благословите. Я, с Вашего позволения, приведу там присланный Вами список[3].

Дорогой Валерий Яковлевич! Если бы Вы прислали мне какой-н<и>б<удь> фотографический Ваш портрет, я бы поместил его в начале книги[4] — единственный, так как — (Вам это все равно) — имею такие застарелые убеждения, что считаю Вас — во главе всей современной литературы.

1907 Я перевел Мистерию о Ное XIII века стихами с староанглийского[5]. То, что Курсинский пишет в *Весах,* не верно, — и я убежден, что он со мной согласится[6].

Ваш *К. Чуковский*

[1] Открытка; почтовые штемпели: Петербург. 11.8.07; Москва. 12.VIII.1907.

[2] Книга Чуковского под таким заглавием в свет не вышла. Первый сборник статей Чуковского «От Чехова до наших дней. Литературные портреты. Характеристики» (СПб., Т-во «Издательское бюро», 1908) вышел в свет в конце декабря 1907 г.; *Т. 6* наст. изд.

[3] Подразумеваются библиографические материалы, о которых идет речь в письме **79**. В книгу «От Чехова до наших дней» они не вошли.

[4] В книге «От Чехова до наших дней» изобразительные материалы не помещены; лишь оформление обложки включает композицию из обложек 30-ти книг современных авторов (воспроизведен, в частности, фрагмент обложки «Urbi et orbi» Брюсова).

[5] Этот перевод опубликован не был. Чуковский дал его краткий пересказ с цитатами в статье «Дары средних веков (О мистериях)», сопроводив изложение памятника вступительными словами: «Изо всех староанглийских мистерий я особенно люблю одну *О потопе Ноевом,* дошедшую до нас в двух различных версиях, Честерской и Таунлеевской. Я перевел эту мистерию, соединив обе версии и удержав отчасти книжный старинный язык» (Свободные мысли. 1907. № 30, 10 дек. С. 2).

[6] Подразумевается заметка А. Курсинского «Слепой слепого...» (Весы. 1907. № 7. С. 84–85), в которой содержатся коррективы к отдельным утверждениям Чуковского в статье о переводах Бальмонта из Шелли.

89. И.И. Ясинскому

11 (24) сентября 1907 г. Куоккала[1]

Дорогой И<ероним> И<еронимович>. Приезжайте, ради Бога, скорее. Это секунда от станции. Мы ждем Вас. Дача Казиночка, она в узком переулке, третья от угла. Был у меня вчера Репин; увидал Ваш портрет, мы с ним вспоминали Вас. Приедете, — пойдем к Репину. Ночевать у нас можно. Вот если бы Вы с Клавдией Ив. пожаловали. Ей мы с женой низко кланяемся.

Ваш *Ч.*

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Куоккала. 24.IX.1907.

90. А.А. Блоку 1907

Ок. 17 (30) октября 1907 г. Куоккала[1]

Многоуважаемый Ал<ексанр> Ал<ександрович>.

Мне нужно написать в «Речь» фельетон о Вас[2], но я никак не могу достать Ваших «Стихов о Прекрасной Даме». Знаю, что очень неловко обращаться к самому автору, но другого исхода у меня нет. Умоляю Вас, не сердитесь и пришлите мне на 2–3 дня эту книжку. Я с благодарностью возвращу.

Адрес мой: Куоккала, Казиночка.

Очень прошу не сердиться за излишнюю простоту в решении щепетильного вопроса и остаюсь преданный Вам —

Чуковский

Вы и забыли, что обещали мне когда-то «Снежные маски»[3].

[1] Датируется по записи адресата: «Получ. 17 октября».

[2] Имеется в виду статья«Об Александре Блоке» (Свободные мысли. 1907. 5 (18) нояб.), которая стала началом продолжительной работы К. Чуковского над изучением творчества А. Блока. Результатом работы явились «Книга об Александре Блоке» (Пг., 1922) и «Александр Блок как человек и поэт» (Пг., 1924).

[3] Описка, надо: «Снежную маску», название сборника А. Блока (1907).

91. А.А. Блоку

Ок. 20 октября 1907 г. Петербург[1]

Многоуважаемый Ал<ексанр> Ал<ександрович>.

Что же Вы со мной сделали? Умоляю Вас — оставьте мне у прислуги. Я забегу на неделе, возьму. Я запоздал на несколько минут[2] — очень извиняюсь.

Ваш *Чуковский*

P. S. В Финляндии много эмигрантов — голодают. В Выборге устраивается вечер. Я уполномочен Вас пригласить в участвующие. Будет в числе других Репин. Это к началу ноября. Проезд и гостиница за счет устроителей. Умоляю согласиться. Финны — Ваши почитатели. Много Ваших стихов переведено на чухонский.

[1] Датируется по содержанию.

[2] В письме от 20 октября 1907 г. Блок писал: «Я почти до 6-ти Вас ждал, но к 6-ти должен был непременно уехать. Если зайдете около 4 час. дня, почти всегда буду дома. Могу Вам дать несколько отзывов о себе и несколько томов Соловьева — не надолго. В Выборг сейчас никак не могу — завален делом — перевожу мистерию для Старинного театра».

92. М.Б. Чуковской

4 декабря 1907 г. Москва[1]

Приехал в Москву утром и сам пью чай на вокзале. Ехал вторым классом в отдельном купе, выспался, как Василевский. Милая Маша! У меня к тебе просьба: пойди наверх и там на маленькой полке найди «Весы» 1907, III, где моя статья о Бальмонте: «В защиту Шелли». Зачеркни это заглавие карандашом и напиши: «Бальмонт как переводчик Шелли». А над этим еще более крупными буквами: *Приложение.* Потом одень Коленьку, обвяжи ему ушки платочком, надень 3 пары камаш и поезжай в «Изд<ательское> Бюро». Там скажи, что моя верховная воля в том, чтобы они напечатали эту статью в конце книги: это придаст ей солидность[2]. Если сама не можешь, попроси Тана[3].

Это Невский, 147. Я ему отслужу. На почте я просил, чтобы 50 р. выдали тебе.

Твой *Су-Пруг.*

[1] Открытка. Штамп: Москва. 4.12.07; Куоккала. 18.12.07. Адрес: Финляндия. Куоккала. Дача Казиночка. М.Б. Чуковской.

[2] Под таким заглавием статья Чуковского появилась в приложнии к первому изданию его книги «От Чехова до наших дней» (1908). В дальнейшем приложение получило название «Шелли и Бальмонт».

[3] *Тан* (наст. фам. Богораз) Владимир Германович (1865—1936), писатель, этнограф.

93. М.Б. Чуковской

5 декабря 1907 г. Москва[1]

Ну, вот и кончилось. Приехав в Москву, я тотчас же сел писать, и проработал от 9 утра до 9 вечера. Реферат вышел ничего себе. Прочитал я его без запинки[2]. Возражали мне идиоты и — Андрей Белый, который не возражал, а восхвалял. Был у меня с визитом Борис Зайцев, а сейчас я иду в Третьяковку, оттуда в «Русскую мысль», оттуда к Брюсову. В 7 часов мы с Белым идем в кинематограф. Завтра, должно быть, я выезжаю. Живу я у очень, очень, очень богатых купцов, у меня не комната, а дворец, и скажи Тану, что уже постановлено в клубе, чтобы и его поселить здесь. Старинный поместный дом с колонами, и арками, и огромной широчайшей лестницей. Читала ты, что пишет Блок обо мне в «Часе»[3]. «Час» есть у Вл<адимира> Г<алактионовича>[4], возьми и прочти. Катаешься ли ты на лыжах? Я видел многих знакомых, студента Розена, Ликиардопуло, Каллаша[5], Бунина и др. Кланяйся Танам, и Володе, и дворнику Семену.

Твой муж и повелитель

Я не выспался: разбудил лакей, пришедший взять платье.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 5.12.07; Куоккала. 19.12.07. Адрес: Финляндия. Куоккала. Дача Казиночка. М.Б. Чуковской.

[2] Чуковский выступил в Литературно-художественном кружке с рефератом «Крушение индивидуализма в русской литературе». Информацию см.: Раннее утро. 1907. 6 дек.

[3] Упомянута статья А. Блока «О современной критике» (Час. 1907. 4 дек.). Блок, пишет: «Вот уже год, как занимает видное место среди петербургских критиков Корней Чуковский. Его чуткости и талантливости, едкости его пера — отрицать, я думаю, нельзя. Правда, стиль его грешит порой газетной легкостью...» Полемизируя далее со статьями Чуковского о бальмонтовских переводах Уитмена и, главным образом, со статьями о Леониде Андрееве, Блок утверждает: «...у самого г. Чуковского нет одной длинной «фанатической мысли», и потому он всех тянет за разные хвосты и совсем не хочет постараться объединить литературные явления, так или иначе найти двигательный нерв современной литературы... Чуковский — пример беспочвенной критики» (Цит. по: *Блок Александр.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. М.-Л., Худож. лит-ра, 1962. С. 205).

[4] *Владимир Галактионович* — Короленко, который был соседом Чуковских по Куоккале.

[5] *Лукиардопуло* (см. примеч. 5 к письму **42**); *Каллаш* Владимир Владимирович (1886–1919), литературовед, библиограф.

94. В.Я. Брюсову

Середина декабря 1907 г.[1]

Дорогой Валерий Яковлевич!

Чуть я приехал, меня взяли и посадили в участок. Книги, данные Вами, отобрали[2]. Теперь я на свободе, а книги в участке. Достал другие, еду в Куоккала и там первым делом напишу. Можно прихватить к ним еще и Вл. Ленского?[3]

Фельетона не присылаю, ибо на днях вышлю свою книжку[4]. Пишу фельетон об «Ангеле» в *«Понедельник»*, и о *«Весах»* в «Речь»[5]. Досадные в «Речи» (в фельетоне о Вас) опечатки. Я говорил: органический, а они набрали ограниченный[6].

Ваш *Чуковский*

[1] Написано на бланке газеты «Речь».

[2] Судя по этим фразам, Чуковский, будучи в Москве, получил от Брюсова ряд книг с тем, чтобы написать о них в «Весах». Ср. газетное сообщение: «Арестованный 11-го декабря на станции Белоостров финляндской

жел. дор. *литератор К. Чуковский* выпущен на свободу» (Речь. 1907. № 298, 18 декабря. С. 4).

[3] Имеется в виду книга «Утренние звоны. Стихи» (СПб., 1907) прозаика и поэта Владимира Яковлевича *Ленского* (наст. фам. Абрамович; 1877–1937).

[4] Речь идет о статье Чуковского «Бегство от себя», посвященной анализу поэзии Брюсова (Речь. 1907. № 279, 25 ноября); под заглавием «Валерий Брюсов» она вошла в книгу Чуковского «От Чехова до наших дней» (см. примеч. 2 к письму **88**).

[5] Ни та, ни другая статья Чуковского в печати не появились. «*Ангел*» — роман Брюсова «Огненный Ангел», печатавшийся в «Весах» на протяжении 1907 г. (завершен публикацией в № 8 «Весов» за 1908 г.). «*Понедельник*» — еженедельная газета «Свободные мысли».

[6] В газетном тексте: «...пытаясь <...> устранить свою внутреннюю и ограниченную особенность». В книге «От Чехова до наших дней» текст исправлен (С. 163).

95. А.Г. Горнфельду

Конец 1907 — начало 1908[1]

Многоуважаемый Аркадий Георгиевич.

Сергей Николаевич Сергеев-Ценский прислал мне в Финляндию письмо-отклик на Ваш фельетон о «Бабаеве» и предоставил поступить с ним по своему усмотрению[2]. Я посылаю его Вам, хотя и думаю, что оно не опровергает, а подтверждает ту точку зрения, которую высказали Вы: тождество Бабаева и Ценского теперь установлено этим письмом документально[3]. Бабаев непременно послал бы своему критику такое письмо.

Вам преданный *Чуковский*

Потебню о баснях кончаю. Все, высказанное им, для меня ново, необыкновенно и ошеломляюще-прекрасно. Даже странно, что он жил так недавно и — в Харькове[4].

[1] Датируется по содержанию.

[2] Статья А. Горнфельда «Истерический Фауст» о романе С. Сергеева-Ценского «Бабаев» была напечатана дважды: в газете «Товарищ» (1907, 20 нояб.) и в его сборнике «Книги и люди. Литературные беседы» (см. письмо **102**). Роман «Бабаев» первоначально опубликован в 1907 году в журналах «Современный мир» (№№ 1, 2, 12) и «Образование» (№№ 3—7). Среди прочего, Горнфельд отмечал: «“Бабаев” <...> значительнее и шире того, что до сих пор писал Ценский <...>. Ясность, открывшаяся в законченном “Бабаеве”, раскрыла с особенной очевидностью один недостаток в творчестве Ценского — его первичный порок. Быть может, это не к худшему, а к лучшему, быть может, Ценский сам увидит в недуге Бабаева свои недуги — и это даст ему возможность уйти от них. Уже то, что он мог создать, объективировать Бабаева, говорит за то, что он отделяет его от себя. Но это лишь слабое начало; это далеко не все. <...> Мне просто страшно подумать, что Ценский написал не карикатуру, что он берет своего героя всерьез, что он не преодолел в себе Бабаева. Бабаевщина — это в сущности только маска, под которой в наши дни прячется обломовщина.

И если этого не видит Ценский, то мы вправе сказать: даже в предсмертной агонии Бабаев не приблизился к Бесстенному — ибо не в бреду познается бесконечное. Бабаев уперся в стену, и, быть может, Ценский вместе с ним».

В отклике на статью неизвестного ему тогда А. Горнфельда (потому и посланном Чуковскому) С.Н. Сергеев-Ценский писал: «Уважаемый критик! Простите, что я, не зная Вашего имени-отчества, называю Вас просто так, как о Вас думаю. Я с большим интересом прочитал Вашу статью о "Бабаеве" и много благодарен Вам, что Вы сделали разбор повести именно так, как сделали. Но занимает меня один вопрос: если бы не Вы свою статью о моей книге, а я свою книгу назвал бы "Истерический Фауст", как бы Вы отнеслись и к общей концепции, и к деталям повести? <...> Я назвал ее просто "Бабаев", по фамилии поручика, который, как Вы совершенно верно заметили, только один живет и действует на всех страницах ее. И вот Вы *меня* смешиваете с *Бабаевым*. Почему? Я дал для этого какой-нибудь повод? Я где-нибудь хоть в одном небольшом месте повести любуюсь Бабаевым? Нет, Вы не найдете такого места, следовательно, меня лично, как автора, нельзя было подменять выведенным мною типом и вести полемику со мной, по меньшей мере, бесполезно» (ОР РГБ. Ф. 211. Ед. хр. 975).

А. Горнфельда привлекал талант этого писателя. Позднее он написал большую статью «Путь Сергеева-Ценского» (Русское богатство». 1913. № 12), переписывался с ним (письма Ценского к Горнфельду частично опубликованы).

[3] О сходстве Бабаева с автором говорил и сам Чуковский в статье «Сергеев-Ценский», включенной во второе издание кн. «От Чехова до наших дней».

[4] А.Г. Горнфельд окончил Харьковский университет, где изучал теорию словесности под руководством А.А. Потебни. Всю жизнь считал и именовал себя его учеником, многое делал для популяризации этого ученого. Чуковский, по-видимому, говорит о главе «Басня» в книге А.А. Потебни «Из записок по теории словесности. (Поэзия и проза. Тропы и фигуры. Мышление поэтическое и мифическое. Приложения)», изданной в 1905 году. Основу ее составили рукописные заметки А.А. Потебни, которыми он пользовался при чтении лекций по теории поэзии и прозы в Харьковском университете.

96. А.Г. Горнфельду

8 (21) января 1908 г. Куоккала[1]

С. Петербург. Моховая
Е<го> В<ысокородию>
Аркадию Георгиевичу Горнфельду

Многоуважаемый Аркадий Георгиевич.

Моя книжка «От Чехова etc.» разошлась[2]. Две тысячи в две недели. Затеваю второе издание. Имею возможность переделать

многое, вставлю о Ценском, о Куприне, об Андр. Белом и Тане. Ну а еще что? Спросить мне некого, я до того дошел, что даже никому, ни одному человеку (кроме Грузенберга) книжки этой не послал, а издатель, кажется, и для отзыва не разослал ее[3]. Ради Бога, Аркадий Георгиевич, черкните мне о ней, не обинуясь, деловитое письмо: то исправить, то выкинуть, там прибавить. Не сердитесь, что прошу об этом, — больше некого; другие мнения знаю наперед[4].

Вам преданный *Чуковский*

[1] Датируется по куоккальскому почтовому штемпелю на почтовой карточке 21.1.08.

[2] *Чуковский Корней.* От Чехова до наших дней: Литературные портреты. Характеристики. СПб.: Т-во «Издательское бюро». 1908 (см.: *Т. 6* наст. изд.). Книга вышла из печати в последней декаде декабря 1907 г.

[3] Список немногочисленных (хотя и не полностью учтенных) откликов на первый сборник Чуковского см. в кн.: *Берман.* С. 293–294. В обзоре «Русская литература в 1907 г.», напечатанном в газете «Наш век» (1908. 1 (14) января. С. 5) кратко упомянул о ней и А.Г. Горнфельд: «Много удачных замечаний в критическом сборнике “От Чехова до наших дней” К.И. Чуковского».

[4] На это письмо А.Г. Горнфельд ответил 9 января 1908: «<...> я плохой редактор, не умею ничего исправлять по мелочам — «то исправить, то выкинуть, то прибавить». Я могу сказать *да* или *нет* и, как Вы видели из обзора, в общем говорю Вашей книге *да.* Там были после Вашей фамилии еще слова — “подающего несомненные надежды молодого критика, которому, однако, надлежит еще многому научиться и — что еще вернее — многое позабыть”. Я выкинул эту фразу — она показалась мне грубоватой и мало определенной. А определеннее я бы не сумел быть, потому что я боюсь, что исправленный Чуковский будет уже не Чуковский. Пусть останутся его недостатки, лишь бы не рисковать достоинствами. В Вашей книге мне больше всего понравилась статья о Дымове и меньше всего — попытки придать ей систематичность. Я со многим в ней не согласен не потому, что оно прямо неверно, а потому что спутанно и поверхностно-критическая мережковщина. Хотел я писать о Вас, полемизировать, указать на неправильную постановку вопросов и подтасовки, особенно в “падении индивидуализма” — и, может быть, еще напишу. Статью я хотел начать так: “Лучшее в Ч. то, что он настоящий критик”. И я в этом убежден. У Вас есть взгляд критика. У Вас не так мало знаний, как об этом говорят, Вы способны знать больше, да это и не так важно, потому что я не знаю, что изменили бы знания. У Вас дурное — напряженность выдумки и напряженность манеры. Вы создали иллюзию глубины и широких обобщений — зачем Вам это, когда Вы так отменно можете заглянуть в отдельную книжку и сказать о ней правду без развязности, без умничающих словечек. <...>

Простите, что все это несвязно и грубовато, но, мне кажется, что это продиктовано настоящим расположением к Вам» (ОР РНБ. Ф. 211. Ед. хр. 252).

3 (16) февраля 1908 года А.Г. Горнфельд напечатал в газете «Столичная почта» статью «Литературные беседы. Чуковский», в которой развил сказанное в письме. «Чуковский — критик, — писал он, — это очень много. Он схватывает особенности личности писателя — стиля, сюжетов. Побуждений, настроений; он не подменивает критику публицистикой, что теперь в ходу больше, чем прежде. Он умеет хвалить и — что особенно ценно — хвалить не громкими и пустыми словами и не мимоходом, а содержательными указаниями. У него есть вкус, есть интерес к литературе, есть любовь к ней, не платоническая, а конкретная, та любовь, которая эгоистична, потому что не отделяет любимого предмета от себя. Для Чуковского книга — это не ряд страниц, прочитанных им; это и он сам, и автор этой книги, и ее читатели; все это сливается для него в одно целое — и иногда он оценивает это целое с такой художественной законченностью и жизненной энергией, что его оценку хочется принять даже, когда в ней не все ладно».

Отметил Горнфельд и недостатки Чуковского и сделал обидные заключения: «история литературы в словечках»; «наполовину его словечки — свищи, а лучшие из его обобщений только векселя», «его любовь к литературе не всегда совпадает с бережным отношением к истине»; «он сгруппировал свои “случайные критические заметки о случайных писателях” в цельную литературную историософию, — которая заключает недурные литературные оценки, но по существу представляет собой мыльный пузырь» и т. д.

Статья Горнфельда, по-видимому, задела Чуковского и в значительной мере определила его последующую, также не вполне справедливую, оценку сборника своего оппонента (см. примеч. 3 к письму **102**).

97. В.Я. Брюсову

8 (21) января 1908 г. Куоккала[1]

Дорогой В<алерий> Я<ковлевич>.

Я — свинья, и нет мне оправданий. Завтра же вышлю[2]. Заглавие *Третий сорт* — о 1) Росл<авлеве>, 2) Ард<ове>, 3) Евг. Тарасове, 4) Чулкове и 5) Ленском[3]. Ради Бога, простите. Моя книжка разошлась в 5-6 дней[4]. Сегодня же высылаю Вам. Это выкидыш какой-то, а не книжка, но иное в ней люблю: о Мережковском, о Зайцеве, об Арцыбашеве. Вами она полна так, что стыдно даже[5].

Ваш *Чуковский*

[1] Открытка; почтовые штемпели: Kuokkala. 21.1.08; Москва. 10.1.08.

[2] Возможно, Чуковский отвечает на неизвестное нам письмо Брюсова с напоминанием об обещании представить статью для «Весов» (см. письмо **94**, примеч. 2).

[3] Статья Чуковского «Третий сорт» (Весы. 1908. № 1. С. 87–92; *Т. 6* наст. изд. С. 105–114) представляет собой критический обзор стихотворных сборников «В башне» (СПб., 1907) А. Рославлева, «Вечерний свет» (М., 1907) Т. Ардова (псевдоним журналиста и поэта Владимира Геннадьевича Тардова; 1879—после 1913), «Земные дали. Вторая книга стихов» (СПб., 1908) поэта Евгения Михайловича Тарасова (1882–1943), «Весною на Север. Лирика» (СПб., 1908) Г. Чулкова, «Утренние звоны» Ленского (о нем см. примеч. 3 к письму **94**).

[4] Речь идет о книге «От Чехова до наших дней» (см. примеч. 2 к письму **88**).

[5] Творчеству упомянутых авторов, а также Брюсова, в книге Чуковского посвящены отдельные статьи.

98. В.Я. Брюсову

9 (22) января 1908 г. Куоккала[1]

Нет, дорогой Валерий Яковлевич, лучше прямо покаяться: не могу ничего написать[2]. Как ни сижу, как ни верчу бумагу, как ни сопоставляю выдержки — глупо и *«Весов»* недостойно. Глупо, глупо и глупо. Ради Бога, поймите как следует: я не то что не хочу, а просто сейчас не умею, до слез не умею. Не сердитесь, я знаю, как это гнусно с моей стороны, но, если можно, простите меня.

Я чуть приехал в СПб, набросал весело и смешно, а потом — как ни старался, вспомнить не мог — и сейчас у меня подлое настроение, и я до тех пор не успокоюсь, покуда Вы хоть слово черкнете, что простили меня.

Ваш *Чуковский*

Я все надеялся, что выйдет что-нибудь.

[1] Открытка: почтовые штемпели: Koukkala. 22.1.08; Москва. 11.1.08.

[2] Речь идет о замысле статьи «Третий сорт» (см. письмо **97**, примеч. 3).

99. В.Я. Брюсову

9 (22) января 1908 г. Куоккала[1]

Дорогой Валерий Яковлевич.

Вслед за только что посланной пишу новую открытку. Простите, — это последняя. Не сочтите наглостью такую мольбу: позвольте представить заказанную статью к 15-му января[2]. Если да, теле-

графируйте одно слово: *да,* и я непременно заглажу огромную свою вину.

Ваш *Чуковский*

Куоккала.

[1] Открытка: почтовые штемпели: Kuokkala. 22.1.08; Москва. 11.1.08.
[2] Статья «Третий сорт» (см. письмо **97**, примеч. 3).

100. М.О. Гершензону

18 (31) января 1908 г. Куоккала[1]

Многоуважаемый М. О.

К величайшему сожалению, должен отказаться от лестного Вашего предложения. Я уже писал Вам в ту же минуту, как до меня дошло Ваше письмо, что Степняка[2] я не люблю и мог бы только бранить, а это для Вашего солидного «Fortnightly Review»[3] не подходит. Степняк для меня не русский писатель, он итальянский или английский журналист дурного тона; с заранее готовым пафосом и готовыми эффектами, сделавший бульварную тему из того, о чем так сдержанно и благородно говорили другие русские, без гримас и ужимок, а скромно и спокойно[4]. Для Вашего прекрасного журнала это мнение, согласитесь, было бы хулиганским.

Мне очень радостно, что Вы обратились ко мне с заказом, и я готов хоть по телеграфу выполнять другие Ваши заказы, если Вы еще раз захотите меня удостоить таковыми.

Молю Вас, если Вам не *очень* трудно, высылать мне «Крит<ическое> Обозр<ение>». Я его буду цитировать. Возражаете ли Вы Плеханову?[5]

Преданный Вам *Чуковский*

[1] Открытое письмо. Почтовые штемпели: 31.01.08. Куоккала; 20.01.08. Москва. На адрес «Критического обозрения»: Москва, Большая Никитская, дом Семенковича, кв. 56.

Датируется на основании письма М.О. Гершензона от 7 декабря 1907 г.:

«Милостивый Государь Корней Иванович,

Не напишете ли для Крит<ического> Об<озрения> отзыв о вышедших доныне 4 томах соч. Степняка-Кравчинского? Вы очень обязали бы нас этим. Не столько нужен даже отзыв о каждом его произведении, сколько общая его характеристика как писателя; Вы бы сделали это мастерски» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 62. Ед. хр. 93).

[2] *Степняк-Кравчинский* (наст. фам.: Кравчинский Сергей Михайлович, 1851—1895), народоволец, профессиональный революционер, автор книг «Подпольная Россия», «Россия под властью царей», романа «Андрей

Кожухов» и др.; первый переводчик романа Р. Джованьоли «Спартак» и прообраз героя романа Этель Лилиан Войнич «Овод». Описывал жизнь революционеров в героико-романтических тонах. Он заколол кинжалом генерала Мезенцева и скрылся.

Большую часть жизни он провел за границей, свои произведения писал частью по-английски, частью по-итальянски, сорока четырех лет погиб под колесами поезда. В России его книги могли появиться только после 1905 г. В 1907–1908 гг. изд-во «Светоч» предприняло издание сочинений Степняка-Кравчинского в 6-ти томах.

[3] Ежемесячное обозрение *(англ.)*.

[4] Свою рецензию на 3-й том сочинений Степняка-Кравчинского Гершензон опубликовал в «Вестнике Европы» (1907. № 10. С. 801–804). Оценка его близка оценке К. Чуковского: «Степняк — не глубокий психолог; в изображении мотивов, которыми определяются поступки его действующих лиц, он не идет дальше обычного литературного шаблона <...> Но зато он постарался усложнить интригу чисто внешним образом, вводя в нее подробности одну эффектнее другой. И может быть, ни в чем темперамент борца, живущего постоянно на вулкане, не сказался у Степняка так сильно, как в этом нагромождении эффектных эпизодов. Здесь революционер решительно взял в нем перевес над художником».

[5] Плеханов выступил с критикой книги Гершензона «П.Я. Чаадаев. Жизнь и мышление» в журнале «Современный мир» (1908. № 1. С. 176–196). Он считал, что Гершензон искажает историю революционного движения, представляя Чаадаева мистиком: «Преобладающей в миросозерцании Чаадаева чертой является не мистицизм, а именно очень повышенная требовательность по отношению к окружающей его действительности». Последовательно критиковал он и другие книги Гершензона: «Историю молодой России» (М., 1908), «Исторические записки. (О русском обществе)» (М., 1910). Цитируя слова Гершензона: «В мире нет силы более революционной, нежели религиозная идея», т. к. «она неминуемо становится в оппозицию к существующему политическому строю», — Плеханов делал вывод: «Такая “идея” не станет шалить социализмом. Словом, это как раз та идея, которая нужна буржуазии» (рецензия на «Исторические записки»). Цит. по изд.: *Плеханов Г.В.* Избранные философские произведения: В 5 т. М., 1958. Т. 4. С. 779).

101. М.О. Гершензону

Конец января 1908 г. Куоккала[1]

Многоуважаемый М. О.

Я потому пишу «М. О.», что не твердо уверен, зовут ли Вас так же, как и Меньшикова[2]. Умоляю при случае уведомить, ибо здесь, в Куоккала, справиться не у кого. Ваше письмо очень ободрило меня, так как мой фельетон о евреях вызвал в разных газетах це-

1908 лый ряд оскорбительных нападков[3]. Но — Н.О. Лернера я Вам не уступлю: он именно *знает* Пушкина, любит Пушкина, но где же доказательства, что он его понимает, — где хоть одна критическая его статья о Пушкине? Я Лернера знаю и уважаю с детства, и меня всегда поражало, что при такой изумительной памяти и любви — он совершенно лишен ощущения поэзии. Он кажется мне похожим на телескоп, у которого великолепная оправа, прекрасная подставка, а стекол нет. Гейне! Но кто знает, если бы у Гейне был свой язык, он, может быть, затмил бы самого Давида. А теперь он minor poet of Germany[4] — не Гете, не Шекспир, не Данте, не Толстой, а — Гейне.

Я сейчас занят Киплингом и, если позволите, пришлю (но не к февралю) «Редьярд Киплинг, личность и творчество», — но это, пожалуй, громоздко. О Метерлинке не могу писать, ибо нахожу это предприятие жульническим. О Минском сейчас пишу в «Речь»[5]. Я больше могу об англичанах — о Суинберне, Уэльсе, Росетти[6]. Но они, должно быть, Вам не нужны. Словом, в течение февраля обязуюсь выслать в «Крит<ическое> Обозр<ение>», предварительно уведомив редакцию, недлинную рецензию о новой книге[7]. Хорошо? Про мою книжку лучше и не говорите. Я ее терпеть не могу. К тому же она уже вся разошлась, а я во втором издании постараюсь загладить ее дурацкие промахи: дикий план, игру цитатами и пр.

Вашей второй книги у меня нет[8] и был бы счастлив, если б Вы меня вспомнили, хотя большинство тамошних статей я уже читал.

Ваш *Чуковский*

Куоккала, дача Казиночка
январь

[1] Датируется на основании письма М.О. Гершензона от 22 января 1908 года, где он пишет: «С наслаждением читал я Ваш последний фельетон в “Свободных Мыслях” (“Евреи и русская литература”. — *Сост.*). Не знаю еще, есть ли сегодня продолжение. Много верного и тонко подмеченного. Но Вы, мне кажется, упустили из виду две вещи, или два имени: Генриха Гейне и Ник. Осип. Лернера. Гейне — *немецкий* лирик, не еврей, — уже по языку: чтобы так творить язык, как он, нужно быть немцем органически, тевтоном, — а язык здесь главный показатель; конечно, по духу он не немец, но по духу и Гете не немец. А Лернер — скажите, почему этот человек так страстно, так трепетно любит Пушкина? Вполне чужого так не полюбишь. Этим я хочу только ограничить Ваше безусловное утверждение, но в общем, думаю, что Вы правы» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 62. Ед. хр. 93).

[2] *Меньшиков* Михаил Осипович (1859–1919), критик, публицист, сотрудник газеты «Новое время».

[3] Статью Чуковского «Евреи и русская литература» и полемику вокруг нее см.: *Т. 7* наст. изд. С. 315–321 и 677–682.

[4] Второстепенный поэт Германии *(англ.)*.

[5] О Минском Чуковский писал еще в 1905 г. (*ОН*, 1905, 4 февр.; *Т. 6* наст. изд. С. 326–330).

В обзоре «Русская литература» Чуковский упомянул и «пирожковское» четырехтомное издание «Стихотворения Н. Минского» (Речь. 1908. 1 янв.; *Т. 6* наст. изд. С. 551–556).

[6] В 1907–1908 гг. Чуковский переводил Киплинга и Уэллса. Был увлечен английским поэтом Россетти. См. запись в дневнике 8 июня 1906 г.: «Вот что я решил: каждый день переводить (прозой) по сонету из Россетти» *(Дн.-11.* С. 130). В сентябре 1907 г. Чуковский с Репиным говорят о Россетти; томик Россетти — на столе Чуковского и летом 1921 г.

[7] Рецензии Чуковского, опубликованные в «Критическом обозрении», неизвестны.

[8] Упомянута книга М. Гершензона «История молодой России» (СПб., 1908), куда вошли статьи о В.С. Печерине, Н.В. Станкевиче, Т.Н. Грановском, Н.П. Огареве, И.П. Галахове.

102. А.Г. Горнфельду

31 января (13 февраля) 1908 г. Куоккала[1]

С. Петербург. Моховая
Е<го> В<ысокородию>
Аркадию Георгиевичу Горнфельду

Многоуважаемый Аркадий Георгиевич.

Благодарю Вас горячо за дорогой подарок. Какая своевременная и какая несовременная книга: солидная, с обилием предпосылок, спокойная. Я знал ее почти всю, но то общее, что уяснилось в ней только теперь, мне страшно дорого, интересно и... враждебно[2]. Пишу о ней в «Речь»[3].

Ваш *Чуковский*

[1] Почтовая карточка; штемпели: Куоккала. 13.2.08; второй — неразборчив.

[2] Чуковский говорит о сборнике А. Горнфельда «Книги и люди. Литературные беседы» (СПб., 1908), вобравшем статьи, прежде печатавшиеся в периодике. При доработке своей статьи «М. Горький» для второго дополненного издания «От Чехова до наших дней» Чуковский использовал отрывки из горнфельдовской статьи «Звезды и огарки» (а не «Кончился ли Горький?», как неточно указано в *Т. 6* наст. изд. С. 571), вошедшей в сборник «Книги и люди».

[3] На эту книгу Чуковский отозвался критической статьей «Апофеоз случайности» (Свободные мысли. 1908. 25 февр.; *Т.* 7 наст. изд.: статья и комментарии к ней).

103. М.О. Гершензону

3 (16) марта 1908 г. Куоккала[1]

Многоуважаемый Михаил Осипович.

С радостью беру на себя Гиппиус[2]. У меня нет этой книги. Чуть попаду в город, куплю.

Мне очень жаль, что Вы прочли мою книжку в первом издании: для второго я ее немного исправил. На днях Вам вышлю. Какое великолепное *«Критическое Обозрение»*. Я читаю от 1-й страницы до последней. Кто это написавший о Петрищеве?[3] Не священник ли? Семинарист во всяком случае.

Ваш *Чуковский*

[1] Открытое письмо. Почтовые штемпели: Куоккала. 16.03.08; Москва. 5.03.08. Адрес: Москва. Борисоглебский пер. д. Балашовой.

[2] Имеется в виду книга: *Антон Крайний* [Гиппиус З.Н.]. Литературный дневник (1899–1907). СПб., 1908. Рецензия написана не была.

[3] Имеется в виду резко отрицательная рецензия профессора П.В. Гидулянова на книгу: *Петрищев А.Б.* По пути к синоду. Из истории восточной государственной церкви (СПб., 1908) // Критическое обозрение. 1908. № 2. С. 83–84.

104. М.О. Гершензону

Март 1908 г. Куоккала[1]

Многоуважаемый Михаил Осипович.

Так как Вы отнеслись ко мне (в «Вестнике Европы») чрезвычайно сердечно[2], то я позволю себе признаться Вам в том, что скрываю почти ото всех: я очень нуждаюсь. Пишу я мало и медленно, черкая и перечеркивая, семья у меня огромная: мать, сестра, жена, дети и пр. и пр. и мне необходимо к лету собрать хоть немного денег, чтобы отдохнуть. Для этого я решил прочитать лекцию о «Царе-Голоде» в свою пользу. Если бы эта лекция дала сбор, то я и имел бы те 200–250 р., которые мне необходимы.

Но написать лекцию гораздо легче, чем ее устроить. Поэтому я решил обратиться к Вам с мольбой оказать мне, хотя бы во имя литературы, величайшую поддержку, на которую я собственно и не имею права рассчитывать: устроить мне эту лекцию в Москве. В СПб. я буду ее читать с благотворительной целью[3], – и моя мечта – проехать прямо из СПб. в Москву и там получить за нее 200–

250 р. Но я не знаю Москвы, не знаю, где взять зал, не знаю, как подают прошения, как продают билеты, где, по скольку и т. д.

Моя просьба сводится к тому, чтобы вы указали зал и послали бы заявление градоначальнику. Лекция будет называться *«Обезьяньи лапы. "Царь Голод" и его место в творчестве Андреева»*.Всеми остальными хлопотами я Вас не удручаю. К вам придет на днях мой товарищ Н.А. Круглов[4] и Вы, если Вам захочется, скажите ему, что и как ему делать.

Если вам не хочется этим заниматься, скажите прямо. Я приму Ваш отказ как факт и не стану делать из него какие-либо выводы. Если же Вы почему-нибудь захотите мне помочь, то прошу известить меня телеграфно одним только словом: *да*, даже без подписи — это будет стоить пустяки.

Градоначальнику нужна программа: выдумайте, что первое придет в голову.

Жду ответа. Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по содержанию.

[2] Рецензия М.О. Гершензона на книгу Чуковского «От Чехова до наших дней» (Вестник Европы. 1908. № 3. С. 409–412; подпись: М.Г.).

[3] В Петербурге лекция «"Царь-Голод" Л. Андреева» была прочитана дважды: 19 марта в Тенишевском училище и 22 марта в зале Калашниковой биржи. Информация: Лекция Чуковского о «Царе-Голоде» // Свободные мысли. 1908. 10 и 24 марта. К. Чуковский с особой требовательностью относился к жанру лекции. Его дочь вспоминала: «Но что, собственно, значит "читать лекцию"? Так много, оказывается, людей сходится его слушать! и на него смотреть! и о нем судить — этого я себе не представляла, а он про это никогда не рассказывал. Только очутившись случайно в зале Тенишевского училища, я поняла: он хочет всех собравшихся людей — покорить, чтобы все они его слушали и любили. Вдыхая «воздух искусства», я в этот вечер впервые поняла, что Корней Иванович, читая лекцию, идет каждый раз покорять» (*Чуковская Лидия.* Памяти детства: Воспоминания о Корнее Чуковском. М., 1989. С. 210).

[4] Неустановленное лицо.

105. М.О. Гершензону

Март 1908 г. Куоккала[1]

Многоуважаемый Михаил Осипович.

Вы так просто и сердечно отнеслись к моей просьбе, что я не стану Вас удручать извилистыми благодарностями, а, пожимая Вам руку, скажу: спасибо и прямо перейду к делу. Моя программа такова (приблизительно — потому что я не написал еще и $^1/_4$):

1908

1. Трактирщик Тюха и Леонид Андреев. «Рожи, рожи и рожи». Крестьяне, босяки и интеллигенты в новой пьесе Леонида Андреева. Свистопляска вселенной.

2. Барабанное искусство. Эстетика «Царя-Голода». Гениальный фельетонист. Мережковский, Минский и Гиппиус о Леониде Андрееве.

3. Боборыкинство и Зудерманство Леонида Андреева.

4. Метафизическое оголение человека. Андреев и Савва. «Губернатор», «Вор», «Тьма» как введение к «Царю-Голоду».

5. Бюрократизм современного искусства. Духовная Цусима. «Санин», Каменский, Кузмин, Новицкий. Место «Царя-Голода» в современной литературе.

На сроки ваши согласен. Хорошо бы 7-го или 9-го, с тем, чтобы 8-го в клубе прочесть эту же самую лекцию. Тогда бы я (при таком заработке) бросил бы фельетоны и засел бы на лето за Толстого.

За Гиппиус возьмусь, чуть кончу лекцию. Мне несколько мешают дружеские с нею отношения (чем я пренебрегу, конечно) — а ведь книга очень дрянная![2] Она борется с эстетизмом, а отвергает эстетику — это вещи разные. Ценского ставит выше Зайцева — и глупыми словами бранит Чехова. Ее язык вначале кажется ослепительным, а потом понимаешь, что весь его секрет в колючести. Но ведь, кроме колючести, есть и другие почтенные свойства языка, — Гиппиус их не знает. И т. д. Идет?

Сами не пишите мне, а пусть Н.А. Круглов напишет мне подробно.

Ваш *Чуковский*

Зал — какой угодно и удобно!!!

[1] Датируется по содержанию.
[2] См. примеч. 2 к письму **103**. Рецензия написана не была.

106. М.О. Гершензону

Март 1908 г. Куоккала[1]

Многоуважаемый Михаил Осипович.

Меня утешает одно: может быть, в будущем я как-нибудь пригожусь Вам и хоть чем-нибудь отплачу за Вашу изумительную доброту ко мне, а покуда, думаю, лучшей благодарностью было бы, если бы я постарался сделать мою лекцию at my best[2].

Насколько я понимаю Ваши отношения ко мне, — мне кажется, это было бы Вам наиболее приятно. Поэтому я достал все, что написано об Андрееве, и все, что написал Андреев (даже ранние фельетоны), и мне кажется, прихожу по дороге к довольно любо-

пытным выводам. Но может быть, это только так кажется, и тогда я готов просить у вас прощения, ибо чувствую ту громадную ответственность, которую Вы на меня возложили.

Программа у меня еще не сложилась, и я даже не знаю ее приблизительно, но вот случайные — и, может быть, третьестепенные пункты. Это не для публики, а для градоначальника. Для публики я пришлю более эффектные и прямо пошлю их в газеты «Руль», «Рус<ское> Слово» и «Рус<ские> Вед<омости>».

1. Первый рассказ Андреева («Бергамот и Гараська») и последний («Тьма») — поразительно схожи.

2. Отречение Бергамота от самого себя. Отречение революционера от себя, и проститутки — от себя.

3. Легенда о человеке, отрекающемся от себя. «Вор». «Губернатор». «В тумане». «В подвале» и т.д.

4. «Голый человек». Савва — вечная тема Андреева. То, чего достигал Савва путем физическим, Андреев достигает метафизически.

5. Обезьяньи лапы. Боборыкинство и Зудерманство Андреева. Андреев фельетонист в метафизике. Розанов, Мережковский, Антон Крайний, Минский и Брюсов — об Андрееве.

6. Андреев ну и так дальше.

Ничего не выходит. Я думаю, для начальства довольно и этого. А вам я пришлю программу дней через пять.

Теперь вопрос: когда читать лекцию. Мне кажется, нужно дать время для сбора — и немалое. Думаю, что следует эту лекцию назначить на 4-е апреля (пятница) или на 31 марта (понедельник). Но если Вы взяли зал маленький, если вы уверены в сборе и если накануне Благовещения[3] можно читать, то я не прочь выступить в Москве 24-го марта (в понедельник)*. В таком случае Вы получите к четвергу окончательную программу.

Вас я беспокоить не желаю, а Н.А. Круглов — не знаю, помощник ли он Вам в этом чужом для него деле.

Поэтому покорнейше прошу вас: ангажируете для всех мелких хлопот 2-х–3-х студентов или курсисток, а я, по приезде, денежно их отблагодарю. Это труд — не зазорнее другого, и почему собирать объявления для студента почетнее, чем продавать билеты на лекцию об Андрееве!

Итак, до скорого свидания! Сегодня же сажусь за лекцию и об одном прошу: возможно скорее открывайте продажу билетов[4].

Ваш душою *Чуковский*

* Но это в том случае, если к 26-му я могу попасть в Киев.

[1] Датируется по содержанию.

[2] Наилучшей *(англ.)*

[3] Праздник Благовещения приходился на 25 марта по старому стилю.

[4] Неизвестно, состоялась ли лекция, никаких сведений не сохранилось.

107. О.А. Фрибес

18 (31) марта 1908 г. Куоккала[1]

Многоуважаемая Ольга Александровна.

С большой радостью прочитал я Ваше письмо и тороплюсь поблагодарить Вас за добрую память.

«Села Михайловского», о котором Вы мне так много говорили, я не получал: должно быть, Вы направили книгу на Коломенскую, где уже не впервые пропадают предназначенные для меня посылки[2].

К Вам я забегу при первой возможности, а покуда прошу передать мои приветы Вашей матушке и Михаилу Осиповичу[3], если они меня помнят. Вот уже почти год, как я живу в Финляндии, и не перестаю благословлять за это судьбу. Тихо, никто не мешает заниматься, не слышишь кабацкого звона литературных сплетен, — и воздух чистый, и не нужно ездить на извозчиках, и кругом ровный снег, и лыжи, и безлюдие, и сосны, — порою я сам себе завидую и если бы Вы знали, с каким тяжелым чувством я изредка приезжаю *в Ваш* Петербург. Еще раз искренний мой привет всем Вашим — остаюсь

душевно Вам преданный *Чуковский*

18 марта 1908 г.

[1] Дата письма поставлена получателем.

[2] «Село Михайловское, или Помещик XVIII столетия», роман Варвары Семеновны *Миклашевич* (1772–1846), изданный (в 4 т.) в 1864–1865 гг. В романе описывались нравы и жизнь провинциальных помещиков. В 1908 и 1910 году роман был переиздан с биографическим очерком о Миклашевич, написанном О.А. Фрибес.

[3] С писателем и публицистом Михаилом Осиповичем Меньшиковым О.А. Фрибес связывала многолетняя дружба, они познакомились в 1898 году в доме Я. Полонского. Сохранились более 500 писем Меньшикова к ней. В последнем, перед расстрелом 7 (20) сентября 1918 года Меньшиков писал: «Дорогая Ольга Александровна, прощайте навсегда. Сердечно благодарю Вас за все, за все. Вы были моим истинным другом. Христос с Вами» (Российский архив. Т. IV. М., 1993. С. 233).

108. М.Б. Чуковской

1908

27 марта 1908 г. Киев[1]

Дорогая Маша. Здесь идет дождь со снегом и все very much like S.Petersbourg[2]. Вчера отчитался у Жекулиной на курсах — тоска! Губернатор разрешил мою лекцию. Главная черта киевлян — тупоумное простодушие, и это тяжелее, чем петербургское хамство. Из гостиницы, где мешают работать, я переехал к одному профессору, который *даром* предоставил мне свою библиотеку, комнату, обед и проч. И отныне мой адрес:

Киев. Малая Подвальная, 11, А.Т. Васильеву для Чуковского.

Мне ехать никуда не хочется, а только бы в Казиночку. Сезон провел, лекции всем осточертели, и я рад только тому, что это даст мне опыт на предбудущее время. Ну, тороплюсь в книжный магазин, — целую тебя — и, пожалуй, Кольку.

Твой покуда верный *супруг*

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Киев. 27.3.08. Адрес на открытке: Куоккала (Финляндия). Дача Казиночка. Чуковской.

[2] очень похоже на С.-Петербург *(англ.)*.

109. М.Б. Чуковской

2 апреля 1908 г. Киев[1]

Милая Маша! Меня зовут читать в Москве, в Вильно, в Житомир, в Умани, в Одессе. Но я всюду бросаю, еду только в Белосток, и — к тебе. Просто не верю своему счастью, что скоро тебя увижу. Вчера здесь был Бунин, я даже за него ухватился. Здесь ни литературы, ни искусства, ни театров — одна только сволочь, и, когда они хотели меня чествовать после лекции обедом, я грубо и наотрез отказался. За это сегодня меня в газетах называют «гимназистом», «клоуном» и т. д. Я переделал очень об Андрееве, и, кажется, хорошо. Белопольскому[2] уже все послано, милая, пускай он все печатает скорее. Я послал ему в два приема: сперва первую часть, потом вторую. Пусть он каждую новую главу начинает с середины страницы, оставив верхнюю часть пустою. Я теперь купил себе сочинения Короленки, сижу и готовлю фельетон в *«Речь»*[3]. Ах, если бы вышла книжка об Андрееве[4]. Милая! Чем ты живешь теперь? Где ты? Что с тобой? Отчего не ответишь? Родная моя. Поцелуй деток, Коленьке скажи, что папа ему привезет подарок — кланяйся, если есть кому.

Твой *Коля*

1908

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Киев. 2.4.08; Куоккала. 17.04.08. Адрес: Куоккала (Финляндия) Марии Борисовне Чуковской. Дача «Казиночка».

[2] *Белопольский* Иосиф Романович (1879—1956), журналист, организатор изд-ва «Вперед» в Одессе и «Утро» в Петербурге.

[3] Статья «О Владимире Короленко» была опубликована в журнале «Русская мысль» (1908. № 9. С. 126—139).

[4] Речь идет о книге: *Чуковский К.* Леонид Андреев большой и маленький. Критический очерк. СПб., 1908, о выходе которой газета «Свободные мысли» известила 12 мая 1908 г.

110. М.О. Гершензону

25 апреля (8 мая) 1908 г. Куоккала[1]

Многоуважаемый Михаил Осипович.

Приехав из Киева[2], я слег, и только сегодня впервые поднялся после тягчайшей инфлуэнцы, и в комнате у меня еще пахнет аптекой, — а за окном идет снег, град, а в «Свободных Мыслях» калечат мои статьи (написанные раньше) до смешного[3], — и голова у меня как не моя, и я стал глуп, как Пильский[4]. Пишу это затем, чтоб от души и безо всяких пышных слов поблагодарить Вас за Ваше благородное внимание ко мне и извиниться, что до сих пор не прислал заказанной Вами статьи. Вчерне она готова, но так она слишком велика и выходит из пределов рецензии.

Завтра мы переезжаем, и адрес мой становится вот какой: Куоккала, Лудехенде, дача Бутиной.

Как Ваше здоровье и что с Вами было?

Ваш *Чуковский*

Я продал 3-е изд. «От Чехова до наших дней» Вольфу за 700 р.[5] Это приводит меня в восторг, и я сделал тысячу планов насчет всяких поездок в Рим, в Чикаго, в Индию.

Это письмо было начато 2 недели назад. После него я опять слег. Теперь здоров.

[1] Открытое письмо. Адрес: Москва. Поварская, Борисоглебский пер., д. Балашовой. Почтовые штемпели: Куоккала. 8.05.08; Москва. 27.04.08.

[2] Прежде, чем прочесть лекцию в Киеве, К. Чуковский дважды выступал с ней в Петербурге (см. примеч. 3 к письму **104**). По сообщениям газеты «Киевская мысль», К. Чуковский прочел в Киеве две лекции. Первую — «О новой русской литературе» 26 марта в Малом театре Крамского. 30 марта 1908 г. газета напечатала объявление: «Сегодня, 30 марта, в 8 час. вечера литератор К.И. Чуковский прочтет публичную лекцию на тему: «Обезьяньи лапы. О Леониде Андрееве и его пьесах. “Царь-Голод”».

[3] Чуковский протестовал против вмешательства в текст его статей; 21 апреля 1908 г. в газете «Свободные мысли» было опубликовано его письмо «К редактору»:

«Дорогой товарищ!

Ввиду того, что — по техническим условиям — Вы сократили мой последний фельетон "Оптимизм Леонида Андреева", — я не могу признать себя ответственным за высказываемые в нем мысли.

К. Чуковский

Куоккала. 19 апреля».

[4] *Пильский* Петр Моисеевич (1876—1941), критик, сотрудник газеты «Свободные мысли».

[5] 28 апреля в разделе «Календарь писателя» (газета «Свободные мысли») напечатано сообщение: «2-е издание книги "От Чехова до наших дней" разошлось; 3-е приобретено у автора Т-вом М.В. Вольф». 10 сентября 1908 г. Чуковский записал в дневнике: «Правил сегодня корректуру предисловия к 3-му изданию "От Чехова до наших дней"», а 5 ноября: «Книжка моя только что вышла» (См. *Дн-11*. С. 146 и 148).

111. М.О. Гершензону

29 апреля (12 мая) 1908 г.

Многоуважаемый М.О. Неужели вам показалось хоть на минуту, будто я не понял, что произошло. Все очень ясно. Круглова я не знаю и по наивности поверил его любовным ко мне письмам, которые он писал (право же!) бескорыстно. Я и надеялся все возложить на него, от Вас я и не ждал ничего больше того, что Вы сделали. Я слишком для этого уважаю Ваш труд. Когда приедете в СПб., черкните открытку: сейчас же приеду к Вам и уговорю Вас приехать к нам в Лудехенде. Книжку высылаю[1].

Весь Ваш *Чуковский*

[1] Вероятно, Чуковский выслал книгу «Леонид Андреев большой и маленький», на которую Гершензон отозвался рецензией: Вестник Европы. 1908. № 9. С. 365–367 (подп.: М.Г.).

112. В.В. Розанову

Июнь 1908 г. Куоккала[1]

Дорогой Василий Васильевич.

Я знаю, что Вы очень заняты, но будьте добры, черкните мне, как здоровье Варвары Дмитриевны[2]. Мой адрес: Куоккала. Финляндской ж. д. Чуковскому.

Теперь я читаю Волжского о Вас[3]. Верно, но очень пресно. Только цитаты из вас и хороши. С упоением прочитал я «Об Иисусе Сладчайшем»[4], а Бердяев до чего беден красками, словами, ощу-

щениями[5]. Какое формалистское мышление. Чтобы читать Вас я выписал «Русское Слово» и «Новое Время»[6] — в доказательство посылаю квитанции.

Смотрите, пишите же в этих газетах. Потому что я прошлым летом тоже ради вас подписался, а вы — ни строки[7].

Марья Борисовна кланяется. Она очень взволнована болезнью Варвары Дмитриевны.

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по упоминанию о статье Н. Бердяева.

[2] *Варвара Дмитриевна* — жена В.В. Розанова. Он много раз жаловался, что долгое время врачи не могли правильно поставить диагноз ее болезни, и все окончилось инсультом в 1911 году.

[3] Статья критика *Волжского* (о нем см. примеч. 2 к письму **38**) «Мистический пантеизм Розанова» вошла в его сборник статей «Из мира литературных исканий»; статью Чуковского об этой книге см.: *Т. 6* наст. изд. С. 385–388.

[4] Доклад В.В. Розанова «О Сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира» был прочитан 21 ноября 1907 года в Религиозно-философском обществе и опубликован: Русская мысль. 1908. Кн 1. С. 33–42, а также: Записки С.-Петербургского Религиозно-философского общества. Вып. II. СПб., 1908. С. 19–27.

[5] Н.А. Бердяев выступил с ответным докладом «Христос и мир. (Ответ В.В. Розанову.)» 12 декабря 1907 года; доклад опубликован: Русская мысль. 1908. № 6. С. 42—55; также вошел во второй выпуск Записок Религиозно-философского об-ва. С. 49–60.

[6] Начиная с февраля 1906 года Розанов печатался одновременно в либеральной газете «Русское слово» под псевдонимами (в основном, В. Варварин) и в консервативной газете «Новое время» под собственным именем. Фраза Чуковского указывает, что это обстоятельство не было для него секретом. Псевдоним Розанова *В. Варварин* раскрыл П.Б. Струве в статье «Большой писатель с органическим пороком. Несколько слов о В.В. Розанове» (Русская мысль. 1910. № 11).

[7] Летом 1907 года Розанов печатался в «Русском слове» регулярно, в частности, в течение лета с июня по август в девяти номерах был очерк о путешествии по Волге «Русский Нил»; в «Новом времени» за это время появилась лишь одна его статья — 19 июля («Русский “реалист” об евангельских событиях и лицах» — о пьесе Л. Андреева «Иуда Искариот и другие»).

113. О.Н. Чюминой

После 23 сентября 1908 г.[1]

Дорогая Ольга Николаевна.

А мне все же ужасно больно, что мое «открытое письмо ко Столыпину» превращено в критический фельетон — и нет ни од-

ной строчки, откуда бы не выброшено по два, по три слова[2]. Спасибо, Вам, родная Ольга Николаевна, что поняли, насколько важно и драгоценно мне Ваше укоризненно-ласковое письмо, и не поленились написать его. Я как глянул в газету — так и обмер: все искромсано, исковеркано, и те места, где я ревел, как теленок, когда писал их, превращены в какое-то щебетанье. И вот Вы пишете, что и так не худо: можете представить себе мою радость!

Мы здоровы, но состояние у нас подавленное. Понемногу начинаем отвыкать от людей. Придем на днях проведать Гаврила Петровича[3], но отнюдь не Вас, ибо знаем наверное, что Вы зовете себя бедной кошкой только по привычке, а на самом деле Вы теперь здоровая, окрепнувшая, поправившаяся кошка.

На днях преподнесу Вам 3-е издание «От Чехова до наших дней», гораздо более достойное Вашего имени, которое Вы разрешили поставить в начале книжки[4].

Привет Гаврилу Петровичу. А если есть Зинка (Аида Афанасьевна), так и Зинке (Аиде Афанасьевне)[5].

Ваш душевно *Чуковский*

[1] Датируется по содержанию: упоминаемая статья Чуковского была опубликована 22 сентября 1908 г. В своем дневнике он записал: «*23-е сентября*. Написал о смертной казни, — в печати так переделано, что больно смотреть. Но от Чюминой уже получил восторженное письмо» (*Дн.-11*. С. 148).

[2] Имеется в виду фельетон «На коленях» (Утро. 1908. 22 сент.). Письмо Чуковского по поводу искажения текста фельетона см.: Утро. 1908. 6 окт.

[3] Упомянут *Г.П. Михайлов*, муж О.Н. Чюминой.

[4] На первом издании книги «От Чехова до наших дней: литературные портреты. Характеристики» (СПб.: Т-во «Издательское бюро». 1908) стояло посвящение «Ольге Николаевне Чюминой», на 3-м издании, исправленном и дополненном, вышедшем в изд-ве М.О. Вольфа (1908), текст посвящения был изменен: «Посвящается Ольге Николаевне Чюминой».

[5] Шутливое прозвище Зинаиды Афанасьевны Венгеровой.

114. О.А. Фрибес

Ок. 12 октября 1908 г. Куоккала[1]

Многоуважаемая Ольга Александровна.

Я очень жалею, что получил Ваш адрес так поздно. У меня к Вам было важное дело, — и я даже хотел отправиться на прежнюю Вашу квартиру с расспросами, но, к стыду моему, позабыл и прежний Ваш адрес.

1908 18го моя лекция о Нате Пинкертоне, а я только сегодня сел за работу. Что из этого выйдет, могу себе представить, но тема интереснее, чем Вы думаете. В нее укладываются все наши «призраки времени». Большое спасибо Вам за книжку, я и не знал, что у Вас есть такая большая автобиография; прочту ее сразу, в один присест: Ваш вкус и хорошая литературная школа, я уверен, доставят мне большую отраду после тех «шедевров» современной словесности, которые я поневоле обязан прочитывать.

Кроме того меня, признаюсь, никто в Петербурге так не интересует, как Вы и Ваша матушка, потому что мне всегда было странно, как такая большая духовность и душевность могут в Вас умещаться с так назыв<аемым> «черносотенством». Вот, напр<имер>, недавно праздновали Толстовский юбилей, — не русской бы интеллигенции его праздновать! Толстой, конечно, не с нею[2]; — как могли Вы вместе с «Рус<ским> Знаменем»[3] кричать Толстому «анафема», если Вы, как и все мы, понимаете, что «Смерть Ивана Ильича», «Война и Мир» — наша вечная слава и гордость, больше: патент России на существование. Если бы наши черносотенцы были культурны, они бы при жизни воздвигли Толстому памятник («Война и Мир» — вещь величайшего патриотизма) — ну и так дальше, и так дальше, и так дальше[4].

Юшкевича я не печатал, а без моего ведома напечатал мой издатель Василевский[5], у которого теперь сотрудников нет и положение ужасное. Он потом очень извинялся, и я не напечатал приготовленного было письма в редакцию. Человека и так зарезали без ножа.

Книги Ваши в сохранности. Привезу после 18го.

Низкий поклон Вашей матушке.

Преданный Вам *Чуковский*

Перечтя это письмо, вижу, что оно очень глупо, но делать нечего, посылаю. Извините, если что не так.

[1] Дата письма «12 окт. 1908» поставлена получателем.

[2] Эту же мысль Чуковский высказал ранее в статье «Толстой и интеллигенция» (см.: *Т. 6* наст. изд. С. 357).

[3] О.А. Фрибес в течение многих лет была близким другом М.О. Меньшикова и его семьи (см. примеч. 3 к письму **107**), сотрудничала в консервативных изданиях — журнале «Русский вестник» и газете «Гражданин». Газета «Русское знамя» была органом «Союза русского народа», ее издателем был А.И. Дубровин. Сведений о сотрудничестве в этой газете О.А. Фрибес или ее близости к редакции нет.

[4] Установить, каким именно поступком проштрафилась О.А. Фрибес, не удалось. Возможно, она виновата в том, что участвовала в деятельно-

сти новообразованного Всероссийского национального союза, в числе создателей и руководителей которого был М.О. Меньшиков. В ту пору повального увлечения передовой интеллигенции еврейским вопросом всякие другие национальные организации подсознательно или намеренно ассоциировались с черносотенными, в частности с Союзом русского народа, печатным органом которого была газета «Русское знамя». Последняя развязно и часто, едва ли не в каждом номере, выступала против «Графа Лейбы Толстого». Меньшиков, человек нормы, середины, на страницах газеты «Новое время» не раз критиковал Толстого за другое и с других позиций — не как автора «Войны и мира», а как публициста, морочившего людям головы, отрицавшего государство, церковь, армию и тем разрушавшего Россию. Почти наверное религиозная О.А. Фрибес также не разделяла религиозные воззрения Толстого.

[5] Имеется в виду статья Чуковского «Чужой кошелек и Семен Юшкевич» (Утро. 1908. 29 сент.). Газету «Утро» ее издатель И. Василевский выпускал как продолжение своей закрытой газеты «Свободные мысли». Статья Чуковского о Юшкевиче была второй частью его статьи «Евреи и русская литература», ранее опубликованной в газете «Свободные мысли» (1908. 14 (27) января), по словам Чуковского, без его ведома.

115. М.К. Лемке

Ок. 15 (28) ноября 1908 г. Куоккала[1]

Многоуважаемый Михаил Константинович.

Наш общий знакомый Леонид Евгеньевич Галич как-то сказал мне, что он хочет издать книжку «Против романтики», критико-философск<ие> очерки[2].

Когда он сказал мне об этом, я сейчас же подумал о Вас. Ведь, пожалуй, хорошо бы было, если бы Вы издали эту книгу на тех условиях, которые когда-то были обозначены у Вас в рассылаемых Вами циркулярах.

Я несколько раз звонил к Вам по телефону, да все, видно, не в урочный час.

Эта книга есть как бы некий пандан к тем прекрасным книгам Иванова-Разумника и Льва Шестова[3], которые так изящно изданы Вами. Странно, что две самые лучшие книги изданы именно у Вас. Умоляю Вас, Михаил Константинович, отпишите свой ответ и свои условия Леониду Евг. Галичу (Ул. Жуковского 21, редакция «Речи»).

Вы всегда так хорошо относились ко мне, надеюсь, Вы и на этот раз не оставите меня своей милостью[4].

Преданный Вам *К. Чуковский*

Куоккала, д. Анненкова.

[1] День и месяц на всех письмах к М.К. Лемке поставлен чужим почерком (очевидно, рукою адресата). Год — по ответному письму М.К. Лемке.

[2] *Галич* (Габрилович) Леонид Евгеньевич (1878–1953), критик и публицист. Книга издана не была.

[3] Речь идет о книгах: *Иванов-Разумник Р.В.* История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX века (СПБ., 1907); второе издание книги вышло в 1908 г.; *Шестов Л.* Начала и концы: Сб. статей. СПб., 1908.

[4] В ответном письме от 17.XI. 1908 года М. Лемке писал: «Книга Галича в роде стихов Галиной — им место только в прогалине, а не в отдельной обложке. Никак не могу принять ее для издания и уверен, что Вы, человек понимающий и со вкусом, сами согласны со мною...» (ОР РНБ. Ф. 620. К. 67. Ед. хр. 10).

116. В.Я. Брюсову

29 ноября (12 декабря) 1908 г. Куоккала[1]

Дорогой Валерий Яковлевич.

Не сердитесь на меня: на днях пришлю статейку[2]. Я вручил ее И.Г. Ашкинази[3], который должен был читать в Москве реферат (чтоб он передал ее М.Ф. Ликиард<опул>о), но реферат не разрешен, и Ашкинази в Москву не поехал, и статейка мне разонравилась, и я сижу и переделываю ее.

Ваш *Чуковский*

Вы даже догадаться не можете, как радостно мне было получить от Вас книгу[4]. Спасибо, Валерий Яковлевич.

[1] Открытка; почтовые штемпели: Kuokkala. 12.12.08; Москва. 1.XII.1908.

[2] Ни одной публикации за подписью Чуковского в «Весах» после отправки этого письма не появилось.

[3] Иосиф (Зигфрид) Григорьевич *Ашкинази* (1880–?), музыкальный и художественный критик.

[4] Видимо, речь идет о книге Брюсова «Огненный Ангел. Повесть XVI века» (Ч. 1–2. М.: Скорпион, 1908). 2-я часть издания вышла в свет в середине ноября 1908 г.

117. В.Я. Брюсову

8 декабря 1908 г. Петербург[1]

Дорогой В<алерий> Я<ковлевич>.

Здесь Чулков и К° взяли в газетах засилье и лгут на Вас, как на мертвого[2]. Между прочим, я был у Куприной, она мне показывала

будущую книжку «Совр<еменного> Мира» (декабрь) — там есть *подлая* заметка о «Весах», — и в ней сказано, что *я* будто бы перепечатываю в «Весах» свои старые статьи из «Понедельника»[3].

Если Вы позволите, я пришлю в «Весы» письмо, где потребую, чтобы автор заметки в десятидневный срок доказал это обвинение; если не докажет, то пусть примет от меня название «мошенника».

Можно?

Первое, что Вам пришлю, — «Открытое письмо Ив. Бунину». Это по поводу *преступного* издания Киплинга[4]. Ничего позорнее в русской литературе не было. Я хотел дать это письмо в «Рус<скую> М<ысль>», там согласились, поморщившись, — дам его Вам. Когда последний срок.

В «Речь» хочу написать фельетон *«Весы»*[5]. Я учился по «Весам», они для меня святыня (хотя за последний год я их не люблю) — и мне хочется высказать то, что вместе со мною ощущают все истинные читатели «Весов».

Весь Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Петербург. 8.12.08; Москва. 9.XII.1908.

[2] Подразумевается, прежде всего, публикация в «Речи» статьи Г. Чулкова «Фауст и мелкий бес» (1908. № 301. 8 дек.), в которой «Огненный Ангел» Брюсова расценивался как «роковая неудача».

[3] Речь идет о статье Андрея Левинсона «Литературные курьезы (Из журнала “Весы”)» (Современный мир. 1908. № 12. Отд. II. С. 131–135); в ней попутно отмечается «не слишком чистоплотное остроумие К. Чуковского, переделывающего для “Весов” свои фельетоны из “Понедельника”» (С. 131).

[4] Речь идет об «Избранных рассказах» (Перевод и предисловие Н.П.А. Кн. 1–2. М.: Московское книгоиздательство, 1908) английского поэта и прозаика Редьярда *Киплинга* (1865—1936), изданных в серии «Библиотека иностранных писателей под ред. И.А. Бунина». Переводчик — адмирал Николай Павлович Азбелев, сотрудник журнала «Современный мир». См.: *Муромцева-Бунина В.Н.* Жизнь Бунина. 1870–1906; Беседы с памятью. М., 1989. С. 403. Чуковского, выпустившего в свет одновременно сборник из 8 рассказов Киплинга в своих переводах (см.: *Киплинг Р.* Рассказы / Перев. К. Чуковского. Со ст. В. Тана. СПб.: Пантеон, 1909), безусловно, возмутило в первую очередь качество переводов Азбелева (даже Куприн, в статье «Редиард Киплинг» сочувственно откликнувшийся на издание «Избранных рассказов», отметил слабости «художественной стороны перевода»: «Чувствуется шероховатость в построении фраз, иногда

однообразие в их конструкции, иногда утомительность языка» // Современный мир. 1908. № 12. Отд. II. С. 131).

[5] Нереализованный замысел (ср. письмо **94**, примеч. 5).

118. В.Я. Брюсову

15 (28) декабря 1908 г. Куоккала[1]

Дорогой Валерий Яковлевич.

Уже третий день я хожу, как именинник: обо мне написал Валерий Брюсов![2] Право, если б Вы меня выбранили, я и то гордился бы очень, и я знаю многих, кроме себя, которые тоже гордились бы всю свою жизнь, упомяни Вы их имя где-н<и>б<удь> между строк. Я никогда не понимал и не пойму Вашей ко мне благосклонности, но да будет она и впредь!

Еду сейчас в город, и оттуда сегодня же пришлю «письмо в редакцию». Здесь ни у кого нет «Современного Мира»[3]. Вот Вам две

Горестные Заметы.

А. Как не сделаться юдофобом! Клейнборт в «Образовании» (1908, VII, стр. 8) пишет: «левое *крыло,* образуя особое *русло* от правого, в свою очередь *течет разными ручейками*»[4]. Крыло, которое «течет»! *Разные* ручейки, которые проходят по *одному* руслу! Оттените это получше, мне не удается.

В. В «Вестн<ике> Евр<опы>» (XI или XII кн. — сейчас нет под рукой!) З(инаида) В(енгерова), переводя Ибаньеса, пишет: бык протянул *лапу (!!!)*[5].

С. (Сомнительная). Арцыбашев: «Он уже видел пред собою Николаева, с (!) его широкоплечей фигурой (!)». Было интереснее, если б он видел Николаева без его фигуры (Альм. «Жизнь», 262)[6].

Боюсь, что последняя «замета» есть только придирка[7].

После Вашего письма я отправился на «Черные Маски»[8], но это так гадко, и так всем понятно, что это гадко, — что, я думаю, писать об этом не нужно. Тем более, что с 3-го же спектакля *сбору нет никакого* и Коммиссаржевская рвет на себе волосы, и за весь спектакль ни хлопка. Не лучше ли будет, если я, кроме Бунина, который *поспеет к 1-й книжке «Весов»* (ведь это каторжная работа — сверить два толстых тома с подлинником!)[9], пришлю отчет о «кабаре»[10], про которое Вы, должно быть, слыхали.

Не помню, писал ли я Вам, что с 10-го декабря я «взял в свои руки» весь литературный отдел «Речи», и потому прошу Ликиард<опуло> присылать мне заметки из жизни «Весов» и «Скорпиона».

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Куоккала. 28.XII.08; Москва. 17.XII.1908.

[2] Имеется в виду рецензия Брюсова на 3-е, исправленное и дополненное, издание книги Чуковского «От Чехова до наших дней» (СПб., 1908) (Весы. 1908. № 11. С. 59–60. Подпись: Аврелий). См.: *Брюсов В.* Среди стихов. С. 282–284.

[3] Чуковский не опубликовал соответствующих корреспонденций ни в «Весах», ни в каком-либо ином издании.

[4] Лев Наумович (Максимович) *Клейнборт* (1875–1950), литературный критик, публицист. Цитируется его статья «"Политические" прежде и теперь (К характеристике тюремных настроений)».

[5] Висенте *Бласко Ибаньес* (1867–1928), испанский прозаик. В №№ 10 и 12 «Вестника Европы» за 1908 г. был опубликован его роман «Тореадор» («Sangre y Arena», 1908; в позднейших переводах — «Кровь и песок») в переводе З.А. Венгеровой. Указываемой Чуковским фразы в тексте перевода не обнаружено.

[6] Цитируется повесть Арцыбашева «Миллионы», опубликованная в «Сборнике художественной литературы "Жизнь"» (СПб., 1908).

[7] В рубрике «Горестные заметы» напечатана лишь первая из сообщенных Чуковским «замет» (Весы. 1908. № 12. С. 70). Брюсову приписано авторство всех четырех «горестных замет», помещенных в этом номере «Весов» (Библиография В.Я. Брюсова. 1884–1973. Ереван, 1976. С. 61).

[8] Упоминается трагедия Л. Андреева «Черные маски», опубликованная в «Литературно-художественных альманахах издательства "Шиповник"» (Кн. 7. СПб., 1908). В Петербурге «Черные маски» были поставлены в театре В.Ф. Коммиссаржевской (премьера — 2 декабря 1908 г.).

[9] Подразумеваются две книги «Избранных рассказов» Киплинга (см. письмо **117**, примеч. 4).

[10] Имеется в виду открывшийся 6 декабря 1908 г. в зале Театрального клуба Союза драматических и музыкальных писателей театр-кабаре «Кривое зеркало». Корреспонденцию о нем Чуковский в «Весы» не представил.

119. А.М. Ремизову

Между 18 и 22 декабря 1908 г. Куоккала[1]

Дорогой Алексей Михайлович.

Приезжайте к нам — Вы и Серафима Павловна и кто еще захочет приехать с Вами. На лыжах побегаем, пообедаем и, главное, поговорим с Вами о Ваших книгах. Я прочитал их с упоением — спасибо Вам большое. Безумно жалко, что раньше их не читал. Если бы такое течение: мистический анархизм — существовало на самом деле, Ваш роман мог бы быть манифестом этого анархизма[2]. Тема «Часов» гениальная[3]. Жаль, что мистического анархиз-

ма нету. Приезжайте же: я вас кой о чем расспрошу, чего не понимаю.

Живем мы от станции два шага. Дача Анненкова. Туда и обратно стоит 1 р. 20 к. Привет Вам от моей жены и Вашей жене от меня.

Ваш *Чуковский*

[1] На обороте листа надпись: «Из собрания профессора И.М. Саркизова-Серазини. Москва, 1928 г.». Датируется по содержанию. Чуковский отвечает на письмо Ремизова от 17 декабря: «Посылаю Вам заказн<ой> бандер<олью> "Часы", "Чертов лог" и, как премию, переводы. Написал Сириусу, и он Вам доставит "Пруд". Мне хотелось бы, чтобы Вы прочитали "Табак". 23 декабря Ремизов ответил на это письмо Чуковского: «Меня очень тронуло Ваше внимание к моим первым книгам — "Пруду" и "Часам"» (ОР РГБ. Ф. 620. Карт. 70. Ед. хр. 26).

[2] Подразумевается возникшее под влиянием первой русской революции течение в среде петербургских модернистов «*мистический анархизм*» (термин принадлежит его главному идеологу Г.И. Чулкову), суть которого заключалась в соединении индивидуализма, мистических чаяний и социального радикализма и неприятии любых форм внешнего принуждения, в том числе государства. Вдохновителем этого направления был Вяч. Иванов с его идеей «соборности» как нового типа общественных отношений. Появление «мистического анархизма» стало симптомом надвигающегося «кризиса символизма». Оно сопровождалось бурной полемикой в среде писателей-символистов с последующим размежеванием на «москвичей», группировавшихся вокруг журнала «Весы», и «петербуржцев», публичной площадкой которых стали альманах «Факелы» (выпущенная в 1907 году вторая книга этого альманаха полностью состояла из теоретических статей, посвященных «мистическому анархизму») и ивановское издательство «Оры» (подробнее об этом см.: *Лавров А.В., Максимов Д.Е.* «Весы» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 109–129). Сотрудничавший в «Весах» Чуковский знал о том, что Ремизов, хотя и не принимал участия в разразившейся полемике и, более того, публично не связывал себя ни с одной из существующих литературных групп, но поддерживал контакты со столпами «мистического анархизма». Помимо постоянного участия в собраниях на «Башне» Вяч. Иванова, с 1 февраля 1905 года вплоть до закрытия журнала «Вопросы жизни» он занимал должность управляющего конторой этого ежемесячника, а секретарем редакции был Г. И. Чулков. Причем манифест Чулкова «О мистическом анархизме» помещался в № 7 «Вопросов жизни» за 1905 год непосредственно перед рецензией Ремизова на книгу Льва Шестова «Апофеоз беспочвенности». А в альманахе «Факелы» были опубликованы его рассказ «Серебряные ложки» (1906. Кн. 1) и пьеса «Бесовское действо» (1908. Кн. 3). Не исключено, что Чуковский пытался этой фразой вызвать Ремизова на откровенное выражение своей позиции. Тем бо-

лее что индивидуалистический бунт главного героя «Часов» Кости Клочкова против власти времени действительно мог быть истолкован в духе идей «мистического анархизма».

[3] Вскоре в статье «Вселенская тошнота» Чуковский определил эту «гениальную тему» ремизовского романа так: «Положительно можно сказать, что нет на свете такой мерзейшей мерзости, которой не описал бы Ремизов. <...> Ремизова *тошнит* от мира, — от созерцания жизни. <...> он, как никто в нашей литературе, умеет передать читателю это свое чувство вселенской тошноты, мирового головокружения. <...> Прочтите роман "Часы", — вы поймете, что здесь широчайший захват, необъятные перспективы и что тошнота у Ремизова поистине мировая, вселенская и даже метафизическая тошнота. <...> Ремизов фатально не способен изобразить какое-нибудь движение вперед, какое-нибудь развитие, созревание чего бы то ни было, — чувства или события; всякое нарастание явлений, всякая эволюция для него непередаваема: его романы топчутся на одном месте, и все у него "вдруг", и все идет по кругу, уходит и вновь ворочается, кружится, кружится без конца. Это мировое кружение "рвотных, блевотных, тошнотных" сил — есть единственная тема Ремизова...» (*Чуковский К.* Заметки читателя. Вселенская тошнота // Речь. 1909. 11 (24) янв. № 10. С. 3. Статья вошла в сборник Чуковского «Книга о современных писателях» под названием «Психологические мотивы в творчестве Алексея Ремизова» *(Т.* 7 наст. изд. С. 151–170).

120. О.Н. Чюминой

1908–1909 г.[1]

Дорогая Ольга Николаевна.

Престарелый писатель на Вас очень сердится. Написал он критическую заметку «О. Чюмина» (350 стр. х 15 к.) и послал ее в «Речь». Но Куоккальская почта (подлое новое расписание!) сыграло с ним штуку* и он не заработал на Вас ни копейки.

Тогда он сунулся в «Утро Рос<сии>», но и там перебили ему дорогу. Отнес он заметку в «Ниву», но и там уже приготовлен портрет этой самой Чюминой, и есть уже заметка Эйзена.

И во всем этом Вы виноваты. Если бы Вы не были так знамениты, если б весь Петербург, куда ни пойдешь, не жужжал: Чюмина, Чюмина, Чюмина, то моя статья всюду являлась бы первой, а не второй.

Вы отнимаете хлеб у бедного литератора, обремененного большим семейством.

Я предвижу, что скоро выйдут в свет папиросы «Чюмина», десять штук шесть копеек:

— Эй, мальчишка! Десять Чюминых!

Хорошо ли это? Разве можно получать четвертую академическую премию? Бога Вы не боитесь! Что же станется другим.

Даже «Известия» Вольфа в последующем № поместили Ваш портрет, даже Городецкий выкрикнул несколько истеричных, но глупых слов!

А провинция! Хоть бы бюро газетных вырезок пожалели! Там ведь, небось, тоже 8-часовой раб<очий> день надобен.

А Гофмансталь![2] Мне говорили, что постановка прекрасная. Были Вы на спектакле?

Я работаю и по неделям носа в Питер не показываю. Наши Вас приветствуют.

Гаврилу Петровичу низкий поклон. Приехала Зинхен? Целую ее горячо. **1909**

Ваш *Чуковский*

* Штука заключалась в том, что заметка пришла в «Редакцию», когда там уже была набрана статья Вергежского[3].

[1] Датируется предположительно.

[2] Вероятно, имеется в виду пьеса Г. фон Гофмансталя «Свадьба Зобеиды» (перев. с немецкого О.Н. Чюминой), которая в постановке Вс. Мейерхольда шла в театре В.Ф. Коммиссаржевской.

[3] Псевдоним А. Тырковой-Вильямс.

121. И.Ф. Анненскому

12 (25) января 1909. г. Куоккала[1]

Многоуважаемый И.Ф.

Я получил от Т.А. Богданович[2] письмо, где она просит меня переговорить с издателем Белопольским[3] относительно второго тома «Кн<иги> Отр<ажений>». Я был бы счастлив хоть чем-нб. посодействовать появлению книги, которой так давно уже жду с нетерпением, но дело в том, что издатель Белопольский уже прекратил свою деятельность. Если Вам угодно, я переговорю с Вольфом[4], но раньше всего — не сделать ли вот какой попытки: обратить<ся> к заведующему типографией Стасюлевича[5] (литератору) Мих. Конст. Лемке[6], который в этом году издал Иванова-Разумника и Льва Шестова![7] Он не заплатит гонорара и весь риск ляжет на Вас, но за то — в случае успеха книги — чуть ли не всю прибыль получаете Вы. Его адрес есть в адрес-календаре. Черкните ему, сославшись на меня.

Преданный Вам *Чуковский*

[1] Открытка. Почтовый штемпель отправления: Куоккала. 25.1.1909; получения: СПб. 3.1.1909. Адрес: Царское село, Захоржевская ул., д. Папушко. Е. В. Иннокентию Федоровичу Анненскому.

[2] *Богданович* (урожд. Криль) Татьяна Александровна (1872–1942), писательница; двоюродная племянница И.Ф. Анненского; жена критика и публициста А.И. Богдановича.

[3] Об *И.Р. Белопольском*см. примеч. 2 к письму **109**.

[4] Имеется в виду «Товарищество М.О. Вольф», основанное Маврикием Осиповичем *Вольфом* (1825–1883) в 1882 г.

[5] Типография принадлежала основанному в 1866 г. М.М. Стасюлевичем издательству, которое прекратило свое существование в 1908 г. Типография функционировала до 1918 г. Книга Анненского была издана типографией Стасюлевича в 1909 г.

[6] О М.К. Лемке см. «Список адресатов». М.К. Лемке исполнял обязанности управляющего типографией и книжным складом в издательстве Стасюлевича с 1906 г.

[7] См. примеч. 3 к письму **115**.

122. И.Ф. Анненскому

18 января 1909 г. Куоккала

Вам хорошо, дорогой Иннокентий Федорович: у Вас даже статьи выходят, как письма, которые Вы пишете придуманному другу. Я же никогда не пишу ночью, всегда пишу по утрам, не курю и не пью, — и уже привык писать для других не то, что думаю сам, а то, что, думаю, должен бы думать читатель. Искренно писать не умею, черкаю двадцать раз. Завел было дневник, но двух строчек не написал, или — ей-богу же — о погоде. Может быть, потому мне так и близко Ваше творчество, что оно все дневник и другим даже быть не умеет. У меня почему-то такое глупое представление, что Вы мне для чего-то нужны — это уже второй год, что Вы чему-то научите. Если что не удается, — мелькает: пойду-ка я к Анненскому. Но, верно, никогда не успею съездить к Вам: ничего не успеваю теперь. Выпускайте скорее второй том[1], хочется писать о Вас и загладить ту ерунду, какую я написал в «Весах»[2]. Вышлите мне, если Вам не трудно, Ваши переводы и стихи. Я исподволь подготовлюсь к статье: И.Ф. Анненский[3].

Весь Ваш *Чуковский*

18 января 1909 г.

[1] Речь идет об издании «Второй книги отражений» (СПб., 1909), втором сборнике литературно-критических эссе Анненского.

[2] В своей статье «Об эстетическом нигилизме» (*Анненский И.Ф.* Книга отражений. СПб., 1906)», опубликованной в журнале «Весы» (1906. № 3/4. С. 79–81; *Т. 6* наст. изд. С. 382–384), Чуковский иронически назвал первый сборник эссе Анненского «листками из записной книжки, записками из подполья».

[3] Статью «Иннокентий Анненский» Чуковский опубликовал после смерти поэта (2 декабря 1909 г.) в газете «Речь» (1909. 7 (20) дек.).

123. И.Ф. Анненскому

11 (24) февраля 1909 г. Куоккала[1]

Дорогой Ин<нокентий> Ф<едорович>.

И.М. Василевский[2] никогда даже в глаза не видал Вашей рукописи[3]. Он и не подозревал, что Вы ее ему присылали. Он с восторгом всегда напечатал бы ее.

П.М. Пильский[4] теперь в СПб. Я постараюсь узнать для Вас его адрес.

В «Утре» я видел книгу — запись присланных рукописей. Ваша там не значится.

Ваш *Чуковский*

К Т.А.[5] вряд ли я в скорости вырвусь. По каким дням — и где? Вы бываете в СПб.[6]?

Адрес Василевского: Разъезжая 20.

[1] Датируется по почтовому штемпелю отправления: Куоккала. 24.11.09, получено в Царском Селе 12 февраля. Адрес тот же.

[2] Об *И.М. Василевском* см. примеч. 2 к письму **57**.

[3] Предположительно, речь идет о статье «О современном лиризме», которую И. Анненский послал в газету И.М. Василевского «Утро» и которая затерялась.

[4] О *П.М. Пильском* см. примеч. 4 к письму **110**.

[5] Т.А. Богданович.

[6] Анненский читал лекции по истории древнегреческой литературы на Высших женских историко-литературных курсах Н.П. Раева в Петербурге.

124. И.Ф. Анненскому

9 (22) марта 1909 г. Куоккала[1]

Многоуважаемый И.Ф.

Великое Вам спасибо за ласку. Я прочитал из Еврипида только Киклопа[2], но стихи прочитал все запоем. Готовлюсь к отчету о Вашей книжке отражений.

Телеграммы Вашей не уразумел. Чухонцы, должно быть, перепутали. Ради Бога разъясните дело письменно.

Мне так нужно Вас повидать, чтобы Вы меня научили, что мне с собой сделать. Начал я писать о Гиппиус[3] — бросил. Начал о Белом — бросил. Ничего подобного со мною раньше не было. И ко всем сюжетам чувствую апатию. Кажется, завтра возьму и приеду к Вам. Если помешаю, уеду.

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по почтовому штемпелю: отправление 22.III.1909. Куоккала; получение 10.III.1909. Царское село, Захоржевская ул., д. Папушко. ЕВ Иннокентию Федоровичу Анненскому.

[2] «*Киклоп*» — трагедия Еврипида, переведенная Анненским для первого тома «Театра Еврипида» (СПб., 1906).

[3] О З.Н. Гиппиус см. «Список адресатов». В ОР РГБ хранится вариант незаконченной статьи Чуковского о З.Н. Гиппиус (Ф. 620. Карт. 15. Ед. хр. 6).

125. А.М. Ремизову

10 (23) марта 1909 г. Куоккала[1]

Дорогой Алексей Михайлович.

Ваша ко мне доброта делает меня свиньею. Ради Бога, если есть хоть крошечная возможность и хоть капля времени, пришлите мне, пожалуйста, «Лимонарь»[2]. Еще неделю назад она была у меня; теперь кто-то зажилил — и вдруг понадобилась. Если же нет под рукой, не трудитесь; я в субботу буду и достану.

Теперь по поводу «Жертвы»[3]. Почему Петр Николаевич любил кушанья сладкие? Почему П<етра>а Н<иколаеви>ча никто не боялся из мужиков? Почему к обеду подали бычий язык? Какое слово сказал Петр Николаевич, благословляя Лиду? — Повелительное наклонение? Яйца в ямке — что это такое?

Задаю Вам вопросы немного, как тупица (а 1а Сюннерберг[4]), но Вы, пожалуйста, так и отвечайте, как тупице же[5].

Руку целую у Серафимы Павловны. Как хороши «Комедии» Кузмина и его «Александр»[6]. Вам нравится? Что за пустяки говорил на «Плясках» Василий Васильевич[7].

Ваш Чуковский

Графу Алексею Н. Толстому привет. Боюсь я за Льва Николаевича[8]. В ужасе думаю: придет от Гессена телеграмма: Толстой умер срочно пришлите заметку. Мне кажется, я заболею от горя.

[1] Датируется на основании ответного письма А.М. Ремизова от 11 марта 1909 г.: «О “Жертве” отвечаю по пунктам...» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 70. Ед. хр. 26).

[2] Статьи о книге Ремизова «Лимонарь» Чуковский не писал и лишь один раз упомянул ее в опубликованном «Речью» 1 (14) января 1908 года обзоре «Русская литература <в 1907 году>» (см. *Т. 6.* наст. изд. С. 554).

[3] Этот рассказ впервые опубликован в январском номере журнала «Весы» за 1909 год (№ 1. С. 42–56). Задаваемые далее вопросы по содержанию «Жертвы» имели практическую цель, так как уже 15 марта 1909 года на страницах «Речи» Чуковский пространно рассуждал о ремизовском рассказе в фельетоне «Веселое кладбище» (см. также *Т.* 7 наст. изд. С. 410–412).

[4] *Сюннерберг* Константин Александрович (псевд. Конст. Эрберг; 1871–1942), поэт, критик, теоретик искусства.

[5] Вопросы Чуковского свидетельствуют о том, что он тонко уловил одну из ключевых особенностей рассказа: система мотивов, относящихся

к главному герою, мертвецу Петру Николаевичу Бородину, указывает прежде всего на нарушение поведенческих норм, в том числе и в «сакральные» периоды народного календаря. Между тем читателю, не знакомому со специальной этнографической литературой, было довольно трудно воспринять этот смысловой пласт как последовательно разворачивающийся в «Жертве».

[6] Имеются в виду основанная на сюжетах из Пролога книга М.А. Кузмина «Комедии. О Евдокии из Гелиополя. О Алексее человеке Божьем. О Мартиниане» (СПб.: Оры, 1909) и его «повесть в четырех книгах» об Александре Македонском «Подвиги Великого Александра» (Весы. 1909. № 1. С. 19–41; № 2. С. 17–34). Первые две части этой повести были помещены в журнале непосредственно перед рассказом Ремизова «Жертва».

[7] Подразумевается В.В. Розанов. О посещении представления пьесы Ф. Сологуба «Ночные пляски» он писал в Коробе первом «Опавших листьев»: «Был Сологубовский вечер, с плясавицами («12 привидений»?). Народу тьма. Я сидел ряду в 16-ом и, воспользовавшись, что кто-то не сидел ряду в 3-м, к последнему действию перешел туда. Рядом дама лет 45. Так как все состояло вовсе не из "привидений", а из открытых "досюда" актрис, то я в антракте сказал полусоседке, а отчасти "в воздух": — Да, над всем этим смеются и около всего этого играют. А между тем *как все это важно для здоровья.* То есть, чтобы все это жило, — отнюдь не запиралось, не отрицалось, — и чтобы все около этого совершилось вовремя, естественно и хорошо. <...> Как расцветают молодые матери! Как вырабатывается их характер, душа! Замужество — как второе *рождение,* как *поправка* к первому *рождению*! *Где* недоделали родители, доделывает муж. Он *довершает* девушку, и просто — тем, что он — муж» (цит. по: *Розанов В.В.* О себе и жизни своей / Сост., предисл., коммент. В.Г. Сукача. М., 1990. С. 258). Вероятно, эти или подобные им мысли Розанова стали предметом обсуждения в среде литераторов, и слухи о них дошли до Чуковского. Ремизов в своей книге о Розанове «Кукха» рассказывает, как на правах участника представления водил его за кулисы, но ни о каких специфически розановских разговорах при этом не упоминает (см.: *Ремизов А.М.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 7: Ахру. М., 2000. С. 110).

[8] Речь идет о Л.Н. Толстом. В течение января—февраля 1909 года ему нездоровилось. 1 марта началось воспаление вен, которое сопровождалось периодическим повышением температуры, общим недомоганием и слабостью; некоторое улучшение наступило только к 16 марта (подробнее об этом см.: *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1952. Т. 57. С. 31–39; *Гусев Н.Н.* Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1891—1910. М., 1960. С. 673; У Толстого. 1904—1910. «Яснополянские записки» Д.П. Маковецкого // Литературное наследство. 1979. Т. 90. Кн. 3: 1908—1909 (январь—июнь). С. 344—358). Кроме того, в эти дни Толстой несколько раз «чувствовал близость смерти» (из дневниковой записи от 27 февраля 1909 года; см. также запись от 16 марта). Сведения о его состоянии попали в печать и вызвали тревогу в обществе.

126. В.В. Розанову

24 марта 1909 г. Куоккала[1]

Многоуважаемый Василий Васильевич. Откуда Вы взяли, что о человеке по удовольствиям судить нельзя?[2] Разве это случайно, что греки создали олимпийские игры, англичане футбол, русские — лапту, городки и т. д. И в чем же сказываются люди больше всего, как не в игре, в развлечении? Вы говорите: в работе. Но в работе многое делается насильно, а игра, развлечение для проявления душевных особенностей дает, как говорят кадеты «полнейший простор». Да и зачем же тогда изучать народные обряды, игры, песни, если о людях судить по развлечениям нельзя. Ну, и так дальше.

Простите, что пишу на открытке. Я только что познакомился с Вашей статьей о Пинкертоне, видимо написанной давно, и она меня взволновала, обрадовала и замучила. Как Вы счастливы, что умеете так писать.

Душевно Ваш *Чуковский*

[1] Открытое письмо. Почтовый штемпель отправления 24.3. (6.4.) 1909. Адрес: Петербург. Эртелев переулок, редакция газеты «Новое время», В.В. Розанову.

[2] Чуковский отвечает на упрек по своему адресу, прозвучавший в фельетоне Розанова о его лекции «Нат Пинкертон и современная литература»: «... Кто же судит о человеке по удовольствиям. Этак пришлось бы биографу Грановского начать свое повествование словами: “Был в Москве в 40-х годах известный картежник Тимофей Николаевич Грановский, который, к позору министерства народного просвещения, был допущен читать лекции истории в Московском университете. Вот каковы были тогда нравы”. Согласитесь, что такое савонарольство никак не может тронуть публики. Не затоскуют, и не расплачутся, и просто потому, что это ложно. Вы — писатель, хоть и молодой, и вполне серьезный и дельный человек, и никто решительно вас не осудит за то, что, устав за серьезною литературною работою, за темами возвышенными и идейными, вы вечером пошли “размять ноги” на улице и, увидев освещенную разноцветными фонариками вывеску “кинематограф”, завернули туда и за 20 копеек весело смеялись всяким глупостям и пустякам, какие там показывали. Кинематограф — это современный “Петрушка”, не более, но и не менее. Вы и новы, и не новы со своим замечанием, что это новая область литературы, еще не отмеченная историею ее: есть целые исследования, написанные о театре марионеток, о глупостях и фарсах по теме и сюжетам не выше кинематографа. Это, конечно, литература, но *народная литература*, с ее первобытностью, незатейливостью, немудреностью. История и критика кинематографа, чем вы занялись, — это продолжение истории “Петрушки” и продолжение истории “лубочных картинок”, чем занимались серьезнейшие ученые, но ни одному из этих ученых и в голову не пришло именовать

простой люд, сочинявший лубочные картинки и любовавшийся ими, гориллами, обезьянами, выродками, идиотами. Вы первый употребили эти жестокие названия в отношении к простому народу, к городскому народу, и тут сказалась не только ваша молодость и неопытность, но и глубокое отчуждение от народа, отсутствие *всякого родства* с ним, а отсюда и отсутствие какого-либо *постижения* его, т. е. народа. Вы кабинетный литератор, совершенно чуждый духа жизни. В строгой, благочестивой и гениально работающей Англии член парламента или ученый, идущий по улице Лондона, не преминет остановиться на четверть часа, если ему встретится "Петрушка", и вместе с толпою уличных зевак смотрит на эту незатейливую забаву. <...> Кинематограф показывает не то, чем люди заняты, — как вообразили вы наивно, — но именно то, чем *люди не заняты,* ибо кинематограф есть развлечение». (*Розанов В.* К.И. Чуковский о русской жизни и литературе //Журнал Театра Художественно-литературного Общества. 1908–1909. № 8. Апрель.) Лекция Чуковского упоминалась также во Втором коробе «Опавших листьев» В. Розанова (см.: *Розанов В*. Опавшие листья //Сочинения. М., 1990. Т. 2. С. 603, 689).

127. И.И. Ясинскому

20 апреля (3 мая) 1909 г. Куоккала[1]

Дорогой Иер<оним> Иер<онимович>.

Ради Бога — вышлите мне «Биржевки», где Ваши воспоминания о Гаршине[2]. У меня уже есть все, кроме этих воспоминаний[3]. Кстати, читали Вы в автобиографии Эртеля[4], как он, Вы, Гаршин и др. были Успенским[5] представлены Тургеневу? Как Ваше здоровье и как Ваше лечение?

Ваш *Чуковский*

Жена кланяется Клавд. Ивановне и Вам.

[1] Почтовая карточка. Датируется по почтовому штемпелю: Куоккала. 3.5.09. С.-Петербург. 21.4.09

[2] *Ясинский И.* Последние встречи с Гаршиным. (Из воспоминаний) // Биржевые ведомости. 1898. 26 марта.

[3] Чуковский работал над статьей о Вс.М. Гаршине. Статья была опубликована под названием «О Всеволоде Гаршине (Введение в характеристику) // Русская мысль. 1909. № 12 (*Т.* 7 наст. изд.).

[4] Автобиография писателя Александра Ивановича *Эртеля* (1855—1908) опубликована в книге: Письма А.И. Эртеля / Под ред. и с предисл. М.О. Гершензона. М., 1909.

[5] *Успенский* Глеб Иванович (1840—1902), писатель.

128. И.Ф. Анненскому

20 апреля (3 мая) 1909. Куоккала[1]

Спасибо, дорогой Ин. Федорович, за книгу и за непонятную надпись. Сейчас же берусь за чтение. Я теперь свободен: продал А.Ф. Марксу[2] две книги — 1) о Чехове и 2) о пустяках[3].

Что Ваш «Аполлон»?[4] Кстати, — по Вашей цитате в Еврипиде — я понял, что Вы хорошо знаете Robert'а Browning'а — и получил ключ к Вашей поэзии[5]. Иные Ваши стихи я от частого чтения заучил наизусть. Вот моя просьба: справьтесь ради Бога в педагогическ<ом> календаре[6], где служит Евгений Михайлович Гаршин?[7] Он директор Коммерч<еского> Училища где-то на юге. Мне нужно списаться с ним.

Весь Ваш *Чуковский*

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Куоккала. 3.V.1909; Царское Село. 21.IV.1909. Адрес: Царское село, Захоржевская ул., д. Папушко. ЕВ Иннокентию Федоровичу Анненскому.

[2] *Маркс* Адольф Федорович (1883–1904), петербургский издатель, основатель Издательства товарищества А.Ф. Маркс и еженедельника «Нива».

[3] До 1915 года книги Чуковского в Издательстве товарищества А.Ф. Маркс не выходили, в данном случае речь шла о неосуществленном плане — издании двухтомника статей Чуковского (см. далее в письме **140**).

[4] Анненский был в числе инициаторов создания журнала «Аполлон» и участвовал в формировании его платформы; 9 мая 1909 г. состоялось первое редакционное собрание сотрудников, организованное С.К. Маковским.

[5] В первом томе «Театра Еврипида» (1906) Анненский предпослал своему переводу трагедии «Алкеста» эпиграф: «The strangest, saddest, sweetest song of his / Alcestis...» R. Browning («самая странная, скорбная, сладкая песнь о его Алкестиде» (*англ.*) — из поэмы английского поэта Роберта Браунинга (1812–1889) на сюжет легенды о том, как афинские пленники на чужбине получили свободу за то, что спели победителям песни из последних трагедий Еврипида. Чуковский был знаком с творчеством Браунинга, переводил стихотворения этого поэта в 1905 году для журнала «Сигналы», в 1906 году — для журнала «Нива».

[6] Анненский с 1898 по 1909 г. был членом Ученого Комитета Министерства народного просвещения и по роду деятельности обладал такой справочной литературой.

[7] *Гаршин* Евгений Михайлович (1860–1931), педагог, критик, мемуарист, брат писателя Всеволода Михайловича Гаршина (1855–1888).

129. Е.А. Ляцкому 1909

Май 1909 г. Куоккала[1]

Дорогой Евгений Александрович.

На этих днях скончался отец Марии Борисовны и я, отказав себе во всем необходимом, послал его — совершенно беспомощной — семье те жалкие деньги, которые у меня были.

Но через недели полторы я должен закончить свою большую работу о Всеволоде Гаршине[2] и тогда, чуть только получу гонорар (если «Нива» примет эту мою статью), я с величайшей (и второе: искреннейшей) благодарностью принесу Вам те деньги, которыми в трудную минуту Вы так великодушно *спасли* меня. Поверьте, я ни на минуту не забывал о своем долге, но никогда еще я так не нуждался, как именно в этом году: болели дети, надул издатель, сестра была без должности и т. д.

И надеюсь, Вы простите меня, если вместо ста я теперь принесу Вам половину. Осенью А.Ф. Маркс купит у меня новую мою книжку[3], и тогда я первым же долгом внесу Вам остальные 50 р.

Весь Ваш *Чуковский*

Привет Вере Александровне. М.Б. кланяется.

[1] Датируется на основании записи в дневнике: *«11 мая 1909.* У Маши была истерика. Все не может успокоиться после смерти отца» *(Дн.-11.* С. 155).

[2] 10 мая 1909 года К.И. пишет в дневнике: «Этой статьи я никогда не забуду. Раньше я написал ее для себя, — прочитал Мережковским, оказалось: слабовата. Тогда я переделал ее для «Речи». Не подошла. И вот теперь я третий раз заново пишу один печатный лист — и если включить сюда месяц подготовки, то выйдет, что я дней 45—50 томлюсь над одной, довольно незамысловатой, статейкой *(Дн.-11.* С. 155). Об этой статье см. также примеч. 3 к письму **127**.

[3] См. об этом в письме **128**.

130. А.В. Руманову

Весна 1909 г.[1]

Милый Рум!

Целую Вас в самые усы — и прошу (который это раз!) Вашего заступничества. Ради Бога, перешлите это письмо в «Русское слово»[2] — с соответствующей припиской. Мне очень важно, чтобы гнусная клевета Каменского и Норвежского была в самом корне уничтожена — именно в Москве[3].

Порадейте, ради Христа.

1909 Абрамычу Полякову[4] привет. И его супруге. И... Вашей супруге тоже.

Ваш *Чуковский*

Ах, если бы пустить в «Биржевку».

P.S. Издавайте и редактируйте свою газету — пойду к Вам в наймиты!

[1] Датируется по времени выхода в свет критических публикаций О. Норвежского и А. Каменского.

[2] *«Русское слово»* — московская ежедневная газета, с 1895 по 1917 г. издаваемая Товариществом И.Д. Сытина.

[3] По-видимому, К. Чуковский намеревался опубликовать «Письмо в редакцию» как отклик на статьи О. Норвежского «Лихач большого города (Корней Чуковский)», «Было бы бойко (Развязный критик)», опубликованные в сб. «О критике и критиках» (М., [1909]. С. 46–58), и статью А. Каменского (т а м ж е. С. 9–10, 46–58). До сборника эти статьи печатались в газетах (см.: *Берман.* С. 189). «Письмо в редакцию» Чуковского см.: Речь. 1909. 16 (29) апр. Об *А.П. Каменском* см. примеч. 9 к письму **63**. *Норвежский* Оскар (наст. имя и фам. Ошер Мовшевич Картожинский, 1882–1933), писатель, журналист.

[4] Александру Абрамовичу Полякову.

131. В.В. Розанову

После 9 мая 1909 г. Куоккала[1]

Простите, что без конверта!

Многоуважаемый Василий Васильевич. Привет! Умоляю: пришлите мне свою «Италию». Мне говорил о ней Репин. Если хотите, пусть считается «для отзыва».

Адрес: Куоккала. Новая Деревня, д. Андерсена.

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по упоминанию о выходе книги В.В. Розанова «Итальянские впечатления», которая по книжной летописи вышла между 29 апреля и 9 мая (Книжная летопись, 1909. № 19. 12 мая).

132. И.Ф. Анненскому

Май 1909. Куоккала[1]

Дорогой И<ннокентий> Ф<едорович>.

С этим ослом я не встречаюсь[2]. Единственное, что я могу сделать: отправлюсь завтра (во вторник) в редакцию почившего «Понедельника»[3] и постараюсь там раздобыть Вашу рукопись. Последнее место, где я видал подпись этого осла, — журнал «Жен-

щина»[4] (Коломенская, № 18). Адресуйтесь-ка к нему туда. Я же не премину известить Вас о том, что в «Понедельнике». Идет?

Не затеять ли нам вместе какой-нибудь огромный «труд»? На все лето? Например, монографию: «Антон Павлович Чехов»?

Весь Ваш *Чуковский*

Кстати, дорогой Иннокентий Фед., заметили Вы «Литературные стружки», которые печатаю я в «Речи»[5]. Ради Бога, помогите мне в этом: киньте одну-другую, из тех, что Вам не нужны. Запас, я уверен, у Вас огромный. За все буду благодарен.

[1] Датируется по содержанию.

[2] Предположительно, речь идет об И.М. Василевском.

[3] Газеты И.М. Василевского «Свободные мысли» и «Утро» имели подзаголовок «Понедельник»; 18 мая вышел последний номер этого издания. Об утраченной в редакции рукописи Анненского см. письмо **123**.

[4] «*Женщина*» — литературно-художественный, общественный, семейный и популярно-научный иллюстрированный журнал, выходил в СПб. в 1907–1909 гг.

[5] В разделе «Литературные стружки» в газете «Речь» в 1909 году Чуковский публиковал разного рода ляпсусы и ошибки, замеченные им в произведениях литераторов-современников (см. 2 (15) февр.; 23 февр. (8 марта); 3 (16) авг.; 30 нояб. (13 дек.).

133. Л.П. Гроссману

1 июня 1909 г. Куоккала[1]

1 июня 1909 г.

Многоуважаемый товарищ.

Мои друзья говорили мне будто в «Одесских новостях» Вы посвятили мне статью[2]. И некоторые Ваши мысли заинтересовали меня. Покорнейше прошу Вас выслать мне тот № «Одесских новостей», где есть эта Ваша статья. Я, к сожалению, никогда не вижу Одесской газеты — и, в деревне, нигде не могу ее достать.

Ваш *Чуковский*

[1] На бланке: Редакция журнала «Нива». Ул. Гоголя, 22.

[2] Речь идет о статье: *Гроссман Л.П.* Пинкертон критики (*ОН.* 1909, 6 (19) мая, № 7808. С. 3), в которой анализировалось критическое творчество К.И. Чуковского. Здесь, в частности, отмечалось, что «г. Чуковский разворачивает перед нами интереснейшую эволюцию. Он рассказывает о том, как обаятельный Шерлок Холмс, который читает Петрарку, играет Сарасате и цитирует переписку Флобера с Жорж Занд, за три года превращается в кулачного бойца, в Ната Пинкертона, у которого все сводится

к оплеухе и зуботычине. Этот Нат Пинкертон, по мнению г. Чуковского, позорный символ нашей эпохи, он реет над ней, как некий демон. Он и в политике, и в поэзии, и в литературе. <...> “Пинкертоном должен быть критик, — говорит Чуковский, — он выслеживает в художнике то, чего художник порою и сам не замечает в себе. А для этого столько хлопот, беготни, переодеваний, подглядываний, столько суетливости и настойчивой работы. <...> Поистине хорошим Пинкертоном может сделаться всякий критик”. <...> Оказывается, не только политика и поэзия во власти этого чудовищного всепожирающего Молоха современности. Оказывается и критика наших дней попала в его бездонное чрево. <...> Зловещее признание! В нем что-то звучит роковое». Посылая Чуковскому свою статью, Л. Гроссман писал: «...многие читатели совершенно не почувствовали в авторе статьи Вашего ученика, который с искренним увлечением читает каждую Вашу страницу» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 63. Ед. хр. 35).

134. А.М. Ремизову

2 (15) июня 1909 г. Куоккала[1]

Дорогой Алексей Михайлович!

К сожалению, с «Трудом»[2] ничего не вышло. «Денег нет», то да се. Через 10 дней приду за рассказом для «Нивы»[3]. Я сейчас нездоров, раскис — прощайте. Дай Вам Бог бодрости.

Ваш *Чуковский*

[1] Открытое письмо; датируется по почтовому штемпелю: Куоккала. 15.VI.09; С.-Петербургская гор. почта 2– 6–09.

[2] Возможно, имеется в виду типография петербургского Товарищества печатного и издательского дела «Труд», располагавшаяся в этот период на наб. Фонтанки, д. 86, неподалеку от Малого Казачьего пер., где жил Ремизов. Именно в ней печатался журнал «Театр и искусство», в котором принимал участие Чуковский и, в частности, в № 49 за 1908 год опубликовал статью «Кинематограф». Под маркой журнала здесь же были напечатаны две книги ремизовских переводов: драма Иоханнеса Шлафа «Вейганд» (1907), а также сборник, включающий пьесы А. Штеенбуха, А.Г. Рашильд (наст. имя Маргарита Валлет) и А. Жида (1908). Кроме того, эта типография служила печатной базой для альманаха «Факелы», где были опубликованы рассказ А.Ремизова «Серебряные ложки»(1906. Кн. 1) и пьеса «Бесовское действо» (1908. Кн. 3). Не исключено, что Чуковский, бывая в «Труде» по каким-либо собственным делам, мог предложить Товариществу выпустить сборник Ремизова. Подобное предположение не противоречит издательской практике того времени.

[3] Подразумевается рассказ «Таинственный зайчик» (*Ремизов–КЧ.* С. 157).

135. М.С. Шагинян 1909

2 (15) июня 1909 г. Куоккала[1]

Милостивая государыня.

Мне случайно попалось Ваше письмо, посланное Вами в «Речь» — и я был рад узнать оттуда Ваш адрес, чтобы (хоть и через полгода!) поблагодарить Вас за превосходную книгу, которую Вы некогда мне прислали[2]. Из тысячи стихотворных сборников, вышедших в последнее время, в Вашем, в единственном, мог я усмотреть несомненные признаки поэзии. Особенно обрадовали меня те стихи, которые ближе к Брюсову — или если хотите: к Майкову. Даже странно, что такие уверенные, как из камня выточенные стихи, принадлежат женщине.

Преданный Вам *Чуковский*

Финляндия. Куоккала. Новая деревня, д. Андерсона[3]

Простите канцелярский стиль. Я очень нездоров и пишу через силу.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Куоккала. 15.VI.09; Москва. 3.6.09. Адрес: Москва. М. Дмитровка, Успенский, д. Феррари, кв. 5. Г-же Мариэтте Шагинян.

[2] *Шагинян Мариэтта.* Первые встречи. Стихи. 1906—1908 гг. М.: Тип. О-ва распространения пол<езных> кн<иг>. 1909. Книга вышла из печати в самом начале 1909 года.

[3] На это письмо М. Шагинян ответила 11 июня 1909 года: «Дело в том, что ведь я Вас давно знаю и книжку Вам послала не просто так, а потому что мне хотелось, чтобы Вы ее имели. Знаете Вы, как мне радостны Ваши несколько строк? С тех пор, как я “имела глупость” издать книжку, все мои друзья и недруги смотрят на меня с таким похоронным участием, что я готова направо и налево извиняться. Такое ощущение, будто я не книжку издала, а кому-то на мозоль наступила, серьезно! И если меня за это не ругают, то просто из вежливости. Вы первый так хорошо и неожиданно меня похвалили; гляжу на Вашу открытку и глазам не верю: Вы? не Вы? А может это он в шутку, ведь Чуковский... кто его разберет, когда он в шутку, а когда всерьез» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 73. Ед. хр. 9).

136. А.М. Ремизову

11 (24) июня 1909 г. Куоккала[1]

Дорогой Алексей Михайлович!

К сожалению, в пятницу я в городе не буду. Никак не вытанцовывается проклятый фельетон[2]. Рукописи Вашей не получал. Если она послана в «Ниву», я во вторник вручу ее редактору[3].

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по помете Ремизова в левом верхнем углу с указанием даты получения письма и под ней даты собственного ответа: «11.VI.1909 / 12.VI.1909».

[2] Вероятно, речь идет о фельетоне «Жеванная резинка» (Речь. 1909. 14 (27) июня. № 160. С. 2), посвященном «Яме» А.И. Куприна.

[3] В правом верхнем углу этого письма рукой Ремизова сделана помета: «Ул. Гоголя (М. Морская), № 22, Илья Моисеевич Эйзен», т. е. указаны адрес конторы журнала «Нива», а также имя его секретаря и многолетнего редактора, которого упоминает Чуковский.

137. А.М. Ремизову

17 июня 1909 г.[1]

Дорогой Алексей Михайлович!

Хочу писать о Вашем апокрифе[2]. Мне нужны точные сведения, как и что. Простите, но молю Вас: приезжайте завтра ко мне! *Коломенская, 11, кв. 12. Ход с улицы, верхний этаж.* С утра до 7 час. вечера буду дома. Мне важнее всего — с утра — ну с 10, с 11— до 1 часу. Хочу задать перцу невежественным сволочам[3].

Ваш душою *Корней Чуковский*

Привет Серафиме Павловне.

Среда

[1] Датируется предположительно на основании содержания. Скорее всего, письмо было написано в связи с появлением 16 июня 1909 года в вечернем выпуске газеты «Биржевые ведомости» статьи за подписью Мих. Миров «Писатель или списыватель?» (№ 11160. С. 5—6), содержащей обвинение Ремизова в плагиате, и отражает спонтанную реакцию Чуковского на это событие. 23 июня Ремизовы отправились в путешествие по Волге на пароходе вместе с Р.В. Ивановым-Разумником и его семьей. См.: *Ремизов А.М.* Адреса его и маршруты поездок. 1905—1912 // ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 3; Письма Р.В. Иванова-Разумника к А.М. Ремизову (1908–1944 гг.) / Публ. Е. Обатниной, В.Г. Белоуса и Ж. Шерона. Вступит. заметка и коммент. Е. Обатниной и В.Г. Белоуса // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре: Публикации и исследования. СПб., 1998. Вып. II. С. 35.

Единственной средой между 16 и 23 июня, когда Ремизовы покинули Петербург, было 17-е число. К письму А.М. Ремизова к Чуковскому от 6 сентября 1909 года был приложен печатный текст ремизовского ответа своим гонителям «Письмо в редакцию». Сам факт его отправки свидетельствует не только об интересе Чуковского к происшествию с писателем, но и о том, чью сторону он принял в данном деле, так как Ремизов рассылал это разъяснение только доброжелательно настроенным знакомым из числа литераторов.

[2] Ремизовские обработки апокрифических и фольклорных текстов, как правило, мало интересовали Чуковского. В его статьях обнаруживаются лишь редкие упоминания о подобных произведениях писателя или же довольно поверхностные интерпретации, свидетельствующие об их случайном характере. Поэтому внезапное желание критика писать об апокрифе может быть объяснено только исключительными обстоятельствами.

[3] Вероятно, Чуковский решил вмешаться в скандал с обвинением Ремизова в «списывании» сказок «Мышонок» и «Небо пало» из этнографического сборника Н. Е. Ончукова «Северные сказки» (см. примеч. 1 к наст. письму), поскольку в этот период его контакты с писателем были особенно интенсивными. К примеру, злополучный номер газеты с изобличающей его статьей Ремизов купил на Финляндском вокзале, когда возвращался из Куоккалы от Чуковского (см.: *Ремизов А.М.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 10: Петербургский буерак. М., 2002. С. 184–185); этот факт подтверждается ремизовской записью в «Адресах и маршрутах поездок» (ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 3). М.М. Пришвин, сделавший одну из фигурировавших в этом деле фольклорных записей, первым выступил в защиту писателя с «письмом в редакцию» «Плагиатор ли А. Ремизов?», которое попытался напечатать в газете «Речь», где постоянно сотрудничал Чуковский, а Ремизов к тому времени уже опубликовал две сказки и апокриф. Однако редакция отклонила его статью, мотивировав свой отказ нежеланием полемизировать с «Биржевыми ведомостями», о чем Пришвин сообщил писателю 20 июня 1909 года (см.: Письма М.М. Пришвина к А.М. Ремизову / Вступит. ст., подгот. текста и примеч. Е.Р. Обатниной // Русская литература. 1995. № 3. С. 168). Возможно, именно этим обстоятельством объясняется отсутствие в письме Ремизова от 22 июня 1909 года какой-либо реакции на намерение Чуковского, а также отказ самого критика от его осуществления. Историю с обвинением Ремизова в плагиате Чуковский упомянул 1 января 1910 года на страницах газеты «Речь» в годовом обзоре «Русская литература» <в 1909 году>» (см. *Т.* 7 наст. изд. С. 460).

138. И.Ф. Анненскому

4 июля 1909 г. Петербург[1]

Дорогой Иннокентий Федорович.

Доставьте нам всем огромную радость, приезжайте в воскресение в Куоккала[2]. В 5 часов мы все (с Репиным во главе) собираемся в гостинице Иванова (5 минут от станции). Там же мы все вместе пообедаем в 7 часов, в 9 часов разойдемся, — напившись чаю. Программа: дальнейшая беседа о памятнике Трубецкого[3] и мой реферат

О Гаршине[4]

1909 Миленький, дорогой, золотой, бриллиантовый И.Ф. Приезжайте — нам так дороги Ваши слова — я за Ваш приезд научился многому, многому — приезжайте, захватите Гумилева[5], коего очень просим приехать.

Ваш *Чуковский*

[1] Открытка. Почтовые штемпели: СПб. 4.VII.09; Царское Село. 5.VII.09.

[2] 5 (18) июля 1909 г. состоялось первое заседание Куоккальского кружка собеседников под председательством И. Репина (подробнее см.: *Репин.* С. 31–32).

[3] Речь идет об открытом в Петербурге в мае 1909 года конном памятнике Александру III работы скульптора Павла (Паоло) Петровича *Трубецкого* (1866–1938).

[4] О В.М. Гаршине см. примеч. 7 к письму **128**. О статье Чуковского о Гаршине см. примеч. 3 к письму **127** и письмо **129.**

[5] О *Н.С. Гумилеве* см. «Список адресатов». Гумилев учился в царскосельской Николаевской гимназии, директором которой был И.Ф. Анненский.

139. А.А. Кипену

26 июня (9 июля) 1909 г. Куоккала[1]

Многоуважаемый Александр Абрамович!

В это воскресенье я в лодке ездил в Сестрорецк, и на обратном пути заехал к Вам, но никак не мог пристать у Вашего берега. Что Ваша лодка? Моя стоит 5 р., можете себе представить, что это за «одер». От Репинши[2] получено официальное приглашение, с просьбой уведомить Вас, что (привожу буквально):

1909
28 июля в «Пенатах»
в 3 $^1/_2$ часа пополудни
Состоится
Кооперативный Чай
пай I коп.

Не подведите меня, приходите к 3 часам на станцию Куоккала: там наш сборный пункт. Народ будет приятный.

Душевно Ваш *Чуковский*

И.Е. Репин будет читать доклад о Паоло Трубецком.

[1] Открытое письмо. Датируется по почтовому штемпелю: Куоккала. 9.VII.09.

[2] Вторая жена И.Е. Репина — Наталья Борисовна Нордман-Северова (1863–1914).

140. Л.П. Гроссману 1909

1 (14) июля 1909 г. Куоккала[1]

Многоуважаемый Л<еонид> П<етрович>.

Большое Вам спасибо за любезность, а за статью вдвое. Она очень заинтересовала меня. Пожалуйста, если Вам не трудно, вышлите мне и другие Ваши фельетоны. У меня есть некая цель, о которой сообщу Вам потом. Этой осенью в «Ниве» (в т-ве А.Ф. Маркса) выходят два тома моих сочинений[2]. Я Вам тотчас же их пришлю. Выбирайтесь поскорее прочь из Одессы: Это гнуснейший город, — какая-то фабрика пошляков.

Ваш *Чуковский*

Куоккала. Новая деревня, д. Андерсона.

[1] Открытое письмо. Почтовые штемпели: Куоккала. 14.VII.1909; Одесса. 4.7.09.

[2] Об этом плане см. в письме **128**. Сочинения Чуковского в 2-х томах тогда не были изданы.

141. М.С. Шагинян

1 (14) июля 1909 г. Куоккала[1]

Многоуважаемая М<ариэтта> С<ергеевна>!

Удивительно, до чего Ваш почерк похож на почерк З.Н. Гиппиус. Даже бумага такая же самая. Я прочитал половину письма, полагая, что это от З<инаиды> Н<иколаев>ны.

Я сейчас буду ей писать, — хотите пришлю Вам ее адрес?[2]

Спасибо, спасибо, спасибо, спасибо за ласковое Ваше письмо, — ведь Вы знаете — З.Н., несмотря на свои кошачьи когти, тоже очень добрая по-своему.

Я теперь скучаю, читаю от тоски дамские английские романы — и буду рад Вашим письмам, как друзьям. Ради Бога, пришлите мне новые Ваши стихи, ведь есть же у Вас новые?[3]

Душевно Ваш *Чуковский*

Будете в Москве? Повидаемся осенью. Мне 27 лет, я женат, у меня 2ое детей, мальчик Коля и дочь Лида.

[1] Открытое письмо. Датируется по почтовому штемпелю: Куоккала. 14.VII.09. Адрес: Нахичевань н/Д, 23^я линия, д. 10–14. Мариэтте Сергеевне Шагинян.

[2] В юности М. Шагинян была страстной почитательницей З.Н. Гиппиус, и ее ранние эстетические взгляды и творчество формировались во многом под воздействием этой незаурядной личности. Они познакомились в декабре 1908 года, встречались и переписывались. В 1909 г. Мереж-

ковские находились за границей, из-за переездов письма приходили с опозданием, и Шагинян огорчалась перерывам в переписке.

[3] На это письмо М. Шагинян ответила 9 июля 1909 г.: «Ну конечно, пришлите мне адрес З.Н., и как можно скорее. А я потеряла было всякую надежду достать его и очень сокрушалась. Мне почему-то и в голову не приходило попросить этот адрес у Вас. З.Н-ну я крепко и нежно люблю, знаю, что она добрая, добрее доброй половины человечества (видите даже и каламбур), а "кошачьи когти"... неужели Вы будете серьезно на них настаивать. Я до сих пор думала, что это наши москвичи от нечего делать изобрели. Но ведь москвичам по части инсинуаций и книги в руки. Я ужасно боюсь, чтоб легенда об этих когтях не перешла в историю.

Пишу Вам и улыбаюсь, сама не знаю — почему: оттого ли, что получу адрес З.Н-ны, оттого ли, что Вы ее тоже любите (непременно любите, это из каждой Вашей *упрямой и насмешливой буквы видно*), оттого ли, наконец, что "когти" напомнили мне совсем детскую и безобидную ручку З.Н-ны, умеющую писать такие коварные и "крайние" вещи, — словом, мне радостно, и я не понимаю, как это Вы можете читать "дамские английские романы". От тоски? Гм... странный способ леченья! Впрочем, я уверена, есть такие люди, которые совершенно не умеют жить "про себя", а непременно "вслух" — и это удивительно хорошо. Тут, если хотите, гордость самая последняя, самая изысканная. Так живет, между прочим, В.В. Розанов — и Вы. Не изумляйтесь этому сопоставлению, оно совсем внешнее и пришло мне в голову случайно.

Оба вы ужасно интимные, вслух интимные, и стиль у вас совсем особенный, и мысли особенные, самые близкие и самые нужные, но которые почему-то никому, кроме вас, не приходят в голову, — и живете вы оба страшно на виду и ничуть этого не стесняетесь. Но, конечно, в разных плоскостях — и мне сейчас самой смешно, как это я побратала Чуковского и Розанова» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 73. Ед. хр. 9).

142. М.С. Шагинян

Июль 1909. Куоккала[1]

Многоуважаемая Маргарита Шагинян[2].

I

А с Розановым я часто встречаюсь, мы соседи по даче, люблю его очень — он: рыжий, облезлый, тараканоподобный, смердяковатый, шопотливый, гениальный дурак.

Недавно я читал здесь в Куоккала реферат о... Гаршине, был Розанов, Репин (он тоже сосед!), — и Розанов, слушал, слушал, а потом говорит:

— Вы, Чуковский, наживете капиталец!

. . . . . .

II **1909**

Детей я очень люблю, и Вас полюбил за Ваши стихи о детях. Это я наизусть помню:

Не страшно и не ново
Сказанье про мешок и злость городового[3].

Это изумительно хорошо, и такой вещи нельзя написать из подражания, это непременно надо самому. Это хоть сейчас в хрестоматию.

А то, что Вы мне прислали, это навеянное, книжное и к чему мне Ваше:

Я приник к туманному плащу[4],

если это же самое есть у А.К. Толстого:

Темнота и *туман* застилают мне путь[5].

Если только ленивый не писал на эту тему, если и для Вас это не лирика, а тема, тема, тема, тема!!

III

И зачем Вы пишете о себе, как о мужчине? «Я приник», «о милая» и т. д. Это ведь тоже навеянное — взято у Зинаиды Гиппиус. Конечно, может быть у Вас есть усы, этакий «пушок» на губе, тогда другое дело, но если нет, умоляю Вас, будьте женщиной. Я вообще вижу, что Вы слишком «умница». Мне в Ваших стихах только и нравятся те строки, которые от ума (Ваш стих — *умный* стих, определительный, а не текучий, слепой). Ну вот и культивируйте этот «ум», а Вы все хотите, — впрочем, я как-н<и>б<удь> напишу об этом рецензию.

IV

Не сердитесь на меня, Шагинян, за тон, я сегодня — последний из последних, и ничего не знаю, и сам на себя сержусь. Вы обо мне пишете как о писателе, и даже, пожалуй, хорошем. Но, милая, ведь это неверно, ведь я еще ни *одной* строчки не написал, т. е. очень хочу, но до того знаю, что не напишу, — что уж даже и не хочу. Я только притворяюсь перед другими, будто я «писатель» и будто «Чуковский» — это что-то такое. Но перед собою, перед своими — Вами, З.Н-ой, Философовым, зачем же я стану притворяться! Пусть это будет наш секрет[6].

Адрес З.Н. пришлю. Теперь я потерял открытку от Дм. Вл. Философова, где был этот адрес; чуть найду, сообщу.

Ваш *«Чуковский»*

Не пишите мне больше о Sainte vierge[7], я этого не люблю.

Расскажите о себе; у меня жизнь была интересная, если рассказать, но очень неинтересная, если жить.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Енакиево. 22.7.09. Адрес: Ст. Енакиево (Екатерин. губ.). Имение Булавин. Е.Я. Когбетлиевой. *Мариэтте Шагинян.*

[2] Описка. Правильно: Мариэтта.

[3] К.Ч. цитирует стихотворение из книги М. Шагинян «Первые встречи» (М., 1909) (четвертое в цикле «Детские портреты», с. 49):

Да полно, посиди, умаялся, дружочек!
Ишь, вымазал себе коленки об песочек.
Ведь этакий шалун, прости меня Господь!
Поверите ль, божусь, — минутного покоя
И днем, и вечером не знаю от него я.
Такого сорванца не только бы пороть,
А прямо бы в мешок и дать городовому.
Что ни на есть свирепому и злому!»
Так няня старая досадливо ворчит.
А Димка, кругленький и ласковый, как котик,
Три пальца крохотных отважно сунул в ротик,
Из-под густых ресниц дурашливо глядит
И словно дразнит нас: не страшно и не ново
Сказанье про мешок и злость городового.

[4] Из неопубликованного стихотворения М. Шагинян.

[5] Первая строка одноименного стихотворения А.К. Толстого (1870).

[6] На это письмо М. Шагинян ответила 5 августа 1909 г.: «Нынче мне опять захотелось с Вами поговорить и, знаете, о чем? О Вашем “секрете”. Вы понимаете, что несколько легкомысленный Ваш отзыв о “Чуковском” дает мне право защищать или обвинять его в свою очередь, по-читательски. <...> Есть у иных людей особенное чутье, — чутье эпохи, времени, того самого, в котором они живут. Обыкновенно “время”, т. е. переживаемый момент, реализуется для нас в прошлом; выступает как нечто явственное, только пройдя, изжив себя. Хотя бы до половины. Тут может быть даже и оптический закон: как свет, а значит и изображение, подчиняется определенному сроку для реализации, так и переживаемое, чтоб дойти до нас, осознаться нами как нечто вне-наше, отдельное от нас, — должно тоже пробежать известный ряд годов. Но, конечно, такая “оптика” звучит парадоксом, и я на ней особенно настаивать не буду. Так вот, есть люди, которые как бы прорывают этот “оптический закон” — перепрыгивают его и особенным чутьем устанавливают связь между сознанием — личным или общественным — и данным текущим моментом. <...> Так вот, Чуковский — один из тех, кто перепрыгивает оптику. Он в высокой степени обладает этим вот чутьем, выявляет его блестяще (даже и чересчур блестяще, в этом малюсенькая ошибочка), и потому Чуковский уже *“что-то такое”*.

Это несомненно с самого начала. Но... тут-то и начинается "трагедия Чуковского".

Все, что называется у нас "сегодняшним", все, что мы едва прожевываем, о чем мы как следует и не задумываемся; все, что только "имеет быть", — все наши потенции от Пинкертона до Иоганна Мюллера включительно, обобщая и прозревая их, — моментально реализует перед нами Чуковский. Вытаскивает младенца из утробы матери, показывает его публике: "вот что у вас рождается", — и сует обратно в утробу, предоставляя "оптике" делать свое дело. Чутье неслыханное, изумительное. Чуковский скажет, отметит — и попадет в самую точку. Сознание бежит за ним ускоренным шагом и тоже перепрыгивает оптику, а перепрыгнув, чешет в затылке и думает: "черт его возьми, а ведь он прав, прав!" — "Правота" Чуковского сразу, с первых строк, навешивается на читателя. Блестящий охотник на современное, блестящий гадатель, — он стреляет метко, в самое главное место, в самое больное, — и однако же чего-то ему недостает. Трагедия Чуковского в том, что он — гадатель, прорицатель, *но не прозорливец*. А хочет и должен быть прозорливцем. <...> *Трагедия Чуковского в том, что он – живет и пишет и мыслит монографически,* если можно так выразиться. Устанавливая мгновенную связь между собой и сегодняшней действительностью, он как бы из рук выпускает действительность вчерашнюю. Он теряет общую связь. Сознание Чуковского подобно освещенному экрану; жизнь, мгновенно входя в него, — реализуется с фантастической быстротой, а концы ее и начала как бы не существуют; подобно длинным лентам синематографа, остающимся мертвыми до своего воплощения на экране. Но ведь ленты эти существуют и они *беспрерывны.* <...>

Чуковский — обладатель тысячи гениальных мыслей. Но он растеривает их зря и по дороге, потому что нет у него одной — главной — которая бы всех их и связала. <...> Я глубоко верю, что у Чуковского есть свое собственное магическое слово, которое бросит к нему мир и свяжет для него действительность. Только, может быть, оно еще не осознано. А может и уже осознается» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 73. Ед. хр. 9).

[7] Святой Деве (Богоматери).

143. И.Ф. Анненскому

3 (16) августа 1909. Куоккала[1].

Дорогой Иннокентий Федорович!

Не зовите меня свиньею, — я в «Ап<оллон>» завтра приехать не могу. Денег нет, а тут еще нужно отрабатывать аванс в «Ниву», а погоды стоят чудесные, а я зачитался Вашей книгой «Отражений» — (готовлю о Вас ябеду)[2], — и о Уитмане. Столько новых книг, — и потому кланяюсь, приветствую и постараюсь списаться с Вами насчет свидания в ближайшие дни.

Поклон Сергею Константиновичу[3].

Ваш *Чуковский*

1909

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Куоккала. 16.VIII.1909; СПб., 4.VIII.1909. Адрес: Петербург, Мойка 24. Редакция журнала «Аполлон». Е<го> В<ысокопревосходительству> Иннокентию Федоровичу Анненскому.

[2] См. письмо **122**, примеч. 3.

[3] Редактору «Аполлона» С.К. Маковскому.

144. И.Ф. Анненскому

19 августа (1 сентября) 1909 г. Куоккала[1]

Дорогой Иннокентий Федорович!

Это не к спеху; а когда будет у Вас время; черкните мне, ради Бога (Аполлона), как лучше всего перевести Calamus Acorus?

Calamus это тростник или камыш, как точнее?[2]

Потом из статьи о Whitman'е такая цитата:

«Largior hic aether, et campos lumine vestit purpureo».

Значит ли это: Чище (реже) здесь воздух и светом пурпурным поля облекает (он облек?).

Или это мне, по безграмотству моему, так только кажется?

Где я мог бы достать по-французски, по-русски или по-английски Phaedrus'а Платона[3], на которого в этой статье о «мужской любви» тоже есть ссылка?

Повторяю, это мне не к спеху.

Привет (непременно!) Дине Валентиновне[4], Валентину Иннокентьевичу[5]!

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Куоккала. 1.IX.09; Царское Село. 19.08.09. Адрес тот же.

[2] В ответном письме Анненский писал: «Плиний описывает это растение так: цветы у него, как у ириса, но листья у́же, стебель продолговатый, корень черный. По разным соображениям я думаю, что это — аир или трость благовонная» (ОР РГБ. Ф. 620. Карт. 60. Ед. хр. 40).

[3] «Федр» — диалог древнегреческого философа Платона (427–347 г. до н. э.). Анненский писал в ответ: «Перевода диалога «Федр», к сожалению, в моей библиотеке нет. Русский перевод остается лучший старый Карпова — Творения Платона. Классическим французским переводом остается тринадцатитомный M. Cousin (Paris, 1821—1850), вообще лучший из переводов Платона, по-моему. Есть в Публичной библиотеке. В котором томе — Федр, не помню» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 60. Ед. хр. 40).

[4] *Надежда Валентиновна* (по-домашнему *Дина*) Хмара-Барщевская — жена И.Ф. Анненского.

[5] *Валентин Иннокентьевич* Кривич (Анненский) (1880–1936), сын И.Ф. Анненского.

145. С.К. Маковскому 1909

После 29 августа (11 сентября) 1909 г. Куоккала[1]

Дорогой Сергей Константинович.

Только что я вернулся с похорон Чюминой, новая телеграмма: умерла сестра моей жены. У нас в доме теперь такое, что я до сих пор не сочинил предисловия к переводам из Уитмана. Послезавтра я его пришлю.

Адрес Бернарда Шоу: 10 Adelfy Ferrace Strand W.C. London. Bernard Shaw Esq.

Передайте мне оттиск переводов Уитмана. Я продержу корректуру и послезавтра возвращу[2].

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по упоминанию о похоронах О.Н. Чюминой. О.Н. Чюмина умерла 26 августа (8 сентября) 1909 г. Некролог, подписанный Чуковским, появился в «Речи» 29 августа (11 сентября) 1909 года.

[2] Переводы Чуковского из Уитмена в журнале «Аполлон» опубликованы не были.

146. П.Б. Струве

30 августа (12 сентября) 1909 г. Куоккала[1]

Многоуважаемый Петр Бернгардович.

Посылаю Вам свою злополучную рукопись. Конечно, в ней многое можно изменить: вторую половину покрепче связать с первой и — главное, оттенить, что это НЕ характеристика Гаршина (как раньше мне самому казалось!), а только добавление к характеристике, «арабеска, не более», по слову Успенского. Все это будет изменено; мне только нужно узнать теперь, согласны ли Вы принять мою статью для Вашего журнала.

Вам преданный *Чуковский*

(P.S. Кроме этой, у меня есть статьи о Киплинге, о Уоте Уитмане и о Федоре Сологубе).

[1] Датируется по почтовому штемпелю отправления: 12. IX.1909. Куоккала.

147. Н.А. Струве

Сентябрь 1909 г. Куоккала[1]

Многоуважаемая Нина Александровна.

Приехав от Вас, я простудился и слег, — и ничего не работал. Потом поехал на «Анфису»[2] — опять простудился, и теперь у нас

такое положение — какого не было уже лет пять: идут холода, нет топлива, нет теплой одежи, моя статья о Сологубе[3] лежит неоконченная, я не сплю которую ночь и т. д., и т. д. Простите, что я посвящаю Вас во все это, но если Вы мне не поможете, то, как это ни странно, мне не на кого надеяться. Просьба моя такая: через два дня моя жена повезет к Вам в Лесной мою рукопись о Гаршине[4], дайте ей (жене) — если можете — 100 р. в счет гонорара — и пошлите эту рукопись в Москву[5]. Оттуда Вам вышлют гонорар — Вы и вычтете свои 109 р. 50 к. (9 р. 50 к. П<етр> Б<ернгардович> дал мне раньше). Больше с этим гвоздем в голове я жить не могу. Помогите мне, Нина Александровна!

Преданный Вам *Чуковский*

Жена моя теперь переписывает мою рукопись о Гаршине.

[1] Датируется по содержанию.

[2] «Анфиса» — пьеса Л. Андреева.

[3] Статья «Навьи чары мелкого беса», которая опубликована в журнале «Русская мысль» в 1910 году (№ 2).

[4] См.: О Всеволоде Гаршине (Введение в характеристику) // Русская мысль. 1909. № 12. С. 117–141.

[5] Журнал «Русская мысль» издавался в Москве.

148. В.Я. Брюсову

Конец сентября 1909 г. (?) Петербург[1]

Дорогой Валерий Яковлевич.

Вы, должно быть, знаете об этой прекрасной затее художника Ив.К. Пархоменко — написать галерею русских писателей. Он уже написал Ремизова, Блока, Бунина, Боборыкина, Волынского — и очень много других. Теперь, приехав в Москву, он хочет первым долгом написать портрет Валерия Брюсова. Я знаю, как Вы заняты, но всей душой присоединяюсь к просьбе Ивана Кирилловича, чтобы Вы согласились дать ему два-три сеанса[2]. О той удивительной быстроте, с которой г. Пархоменко пишет свои портреты, Вы тоже, должно быть, слышали.

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется предположительно, по связи с письмом И.К. Пархоменко к Вяч. Иванову от 28 сентября 1909 г.: «Завтра или послезавтра уезжаю недели на две в Москву писать портреты московских писателей» (ОР РГБ. Ф. 109. К. 32. Ед. хр. 75).

[2] Впервые попытку написать портрет Брюсова художник Иван Кириллович *Пархоменко* (1870–1940) предпринял весной 1909 г.; 13 марта он отправил Брюсову письмо по его временному петербургскому адресу

(«Северная гостиница») с просьбой уделить ему «3 сеанса часа по 1 $^1/_2$ – 2»: «Сергей Городецкий сказал мне, что Вы сейчас в Петербурге. Спешу сообщить Вам, что я пишу теперь портреты всех ныне здравствующих русских писателей <...> со всех портретов будут сделаны хорошие фототипии и распространены посредством продажи» (ОР РГБ. Ф. 386. К. 97. Ед. хр. 36). Согласился ли Брюсов на просьбу Пархоменко и Чуковского, нам неизвестно. В 1909–1910 гг. Пархоменко работал также над портретом Вяч. Иванова (см. его письма к Иванову: ОР РГБ. Ф. 109. К. 32. Ед. хр. 75), во второй половине января — феврале 1910 г. — над портретом А. Блока (сохранились 3 письма Блока к Пархоменко, затрагивающие эту тему; см.: *Александр Блок*. Переписка. Аннотированный каталог. Вып. 1. Письма Александра Блока. М., 1975. С. 338).

149. В.В. Розанову

20 октября (2 ноября) 1909 г. Куоккала[1]

Дорогой Василий Васильевич. Я нездоров, лежу. Статьи Вашей не читал, видел выдержки, мне пересказывали[2]. Хуже всего то, что Вы, пожалуй, и правы, — мне, по крайней мере, сейчас так представляется: противно и ненужно все, что пишу — и мой стиль, и мои «коленца», и мое «вдохновение». Если б я был читатель, никогда не читал бы Корнея Чуковского, — по крайней мере так сейчас чувствую. Вас я не то что люблю, но влюбляюсь в Вас часто, и если б был женщиной, отдался бы Вам непременно, и обнимал бы Вас без конца. Ваш змеиный талант меня «чарует» как куропатку — и я как куропатка счастлив лететь к Вам в открытую пасть. Ваши статьи читаю, как любовные письма, адресованные именно мне, — как будто в сердце мне наливают вина, — будьте счастливы, веселы, вейтесь вокруг райских дерев, соблазняйте Адама, и Еву, и Господа Бога, — только пусть Вам никогда не будет так скучно, как мне сейчас; хоть бы в Бога Вы поверили, или жидов разругали — кланяйтесь Буренину[3], жму Вашу руку — простите — скоро буду читать лекции о Сологубе «Навьи чары мелкого беса»[4] — и может быть докажу Вам, что Вы неправы.

Ваш *Чуковский*

[1] Открытое письмо на адрес редакции «Нового времени». Датируется по почтовому штемпелю отправления: Куоккала. 2.XI.1909.

[2] Речь идет о статье В.В. Розанова «Обидчик и обиженные», которую Чуковский, скорее всего, все-таки прочитал. В ней Розанов очень язвительно и остроумно высмеивал лекцию Чуковского о Гаршине, которая состоялась в Литературном обществе 25 сентября 1909 года. Лекция возбудила бурную полемику (подробнее см. в комментариях к *Т.* 7 наст. изд.). Можно

спорить, насколько точной была характеристика Розанова, но она была убийственно остроумна и, судя по этому письму, больно задела Чуковского. В.В. Розанов писал: «Блестящий оратор, чарующая дикция; язвительная, часто умерщвляющая критика. Как о "таком" не говорить... "Ты, батюшка, всех съешь: у тебя аппетит волчий".

Литераторы стали очень бояться Чуковского. "До кого-то теперь дойдет очередь". Все ежатся и избегают быть "замеченными" умным, зорким критиком. "Пронеси мимо..." Но Чуковский зорко высматривает ежащихся.

Он пишет коротко — это сила. Не хлестко — это ново и привлекательно. Глаз его вооружен какой-то сильной лупой, и через нее он замечает смешные качества в писателях, раньше безупречных. Две-три его заметки о В. Поссе заставили просто перестать писать этого ежедневного публициста "Речи". Еще немного, и, пожалуй, Чуковский заставит замолчать даже великого Влад. Азова. Просто ужасы.

А хотел бы я посмотреть единоборство Чуковского с Азовым. У обоих зубы... не надо ходить на травлю волков.

И притом Чуковский неуязвим: он либерал! Никак нельзя сказать, что "это правительство его подкупило обругать сперва Короленко, а потом Гаршина"... Эту линию Чуковский должен тщательно оберегать: обвинение в «провокации» сторожит его у самой двери... "А, догадались: правительством подкуплен! Эврика!" Это его ждет. Но и по этой части кажется Чуковский силен: осторожен, бережлив, предусмотрителен. "Съест нас, собака". Литература решительно испугана.

По его адресу шепчут, говорят, выкрикивают в литературных гостиных: "хулиган", "не воспитан", "никого не уважает", "циник"... Из этих эпитетов я хотел бы запомнить только один: «не воспитан»... Действительно, Чуковскому недостает добрых нравов, доброй традиции, доброго повелительного навыка хорошо воспитанного человека. "Колыбельную песню" пела ему не няня, а выли степные волки.

Это есть...

Ну, что же: какого апофеоза удостоился "босяк" Максим Горький! Друзья, литературные друзья: вы же приветствовали и увенчали М. Горького за повести и рассказы, отчего вам не помириться с К. Чуковским.

— Да, но М. Горький жег других: а этот жжет нас. То — буржуи, а это — мы, бла-а-родные литераторы...

Да, действительно, есть разница: прежде бла-а-родные литераторы всех обижали, а теперь бла-а-родных литераторов обижают. Нехорошо. Опасно.

Отвратительный пример.

Задел даже Короленку К. Чуковский. Уж на что идеа-а-льнейший писатель! Но нашел смешное, притворное, сантиментальное: и так, с такими очевидными доказательствами, что невозможно было не согласиться.

"Бла-а-роднейший: а фальшивит".

— Это черт знает что такое, — ахнула печать. — Этак он, пожалуй, и Скабичевского заденет.

На последнем чтении Чуковский даже “решился на Скабичевского”, сказал, что он “бла-ароден, но очень глуп”. Публика повскакала со стульев. Я думал, что Чуковского убьют. Хорошо, что он либерал: а то бы убили.

Непонятно, что будет дальше, если его не убьют. Этак он, отоспавшись крепко, с бодрыми силами поутру вдруг напишет что-нибудь даже о Михайловском. Т. е. будучи-то либералом и немножечко “босяком”... Но нет. Чуковский хитер и на Михайловского не решится. “Тогда пиши *пропало* карьере”...

Какой-нибудь “бла-ароднейший дурак” даже решился бы на Михайловского. Но К.Чуковский “себе на уме” и о Михайловском промолчит. “Своя жизнь дороже”.

Когда ругают Чуковского, и я, грешным делом, поругиваю. “Что ж, против всех не пойдешь”, “глас народа — глас Божий”. Но про себя я любуюсь “шествием Чуковского”, хотя:

1) Короленку — люблю.

2) Гаршина — еще более.

И Чуковский меня не разочаровывает в них оттого, что я замечаю, что Чуковский все вращается как-то в мелочах, в истинных, но мелких частях писателя и писательской судьбы и дара. Он подходит к человеку, отвертывает фалду сюртука и кричит всенародно, что у него пуговицы не на месте пришиты, а иногда, что и “торчит прорешка”, и даже торчит предательский уголок рубашки через него. Все это так. Но ведь суть Короленки и Гаршина не в пуговицах. Роковую сторону Чуковского составляет то, что он никак не может коснуться важного в писателях. Точно тут ему Господь положил “предел”... В Чуковском есть что-то полицейско-надзирательское, роющееся в “документах”: и признаюсь, когда талантливый критик все протоколирует и протоколирует пуговицы, я зажимаю нос и говорю:

— Господи, как дурно пахнет! Это уже от вас, г. критик, а не по причине пуговиц.

Приходит мысль о какой-то всеобщей ванне или “микве”, в которой надо бы “очиститься” и литературе, и критике.

Но, пока что роль Чуковского мне представляется очень утилитарною: не навечно, а на некоторые годы... Дело в том, что у нас действительно развелось очень много “бла-а-родных литераторов”, сделавшихся таковыми только оттого, что есть существо чернил и есть существо бумаги. “От сочетания чернил и бумаги выходит литература”. Это не совсем так... Словом, есть много писателей, и *состоящих* только из пуговиц, нашивок, кантиков и вообще всей “сбруи” литератора. “Мундир” есть, а под мундиром души нет. Об этом думалось годы, об этом плакалось годы. Но так как “мундир” был в исправности, то даже не приходило на ум, как же справиться с этим горемыкам, как его вытравить, как его убить. Не приходило самой формулы дела на ум. Все так “безукоризненны”, а уж давно одни “мундиры”... Чуковский с каким-то специальным даром, специальною лу-

пою пришел, чтобы сделать это крайне нужное в литературе дело отделения “настоящего” от “не настоящего”... Тут, может быть, играют положительную и чудную роль даже его отрицательные, антипатичные дары, без которых он не мог бы ничего сделать.

— Да. Я люблю документ. Да, где я копаюсь — нехорошо пахнет. Это моя судьба, и, наконец, мой гроб. Но чтобы съесть труп, нужна гиена. Благодарите, люди, что около вас бродит она: иначе вы погибли бы от чумы.

Условие нашего здоровья. И все должны оглянуться с благодарностью на черный путь Чуковского» *(Розанов В.В.* Обидчик и обиженные // Новое время. 1909. 3 окт. № 12055).

[3] *Буренин* Виктор Петрович (1841—1926), критик и поэт-пародист, сотрудник газеты «Новое время», в либеральных кругах пользовался очень дурной репутацией. Никогда не был другом Розанова, поэтому фраза имеет некоторый подтекст.

[4] Лекция о Сологубе «Навьи чары мелкого беса» состоялась в Московском Литературно-художественном кружке 10 ноября 1909 г. (см.: Русские ведомости. 1909. № 258, 10 нояб. С. 4) и в Соляном городке 20 ноября 1909 г. См. письмо **154**.

150. М.С. Шагинян

27 октября (9 ноября) 1909 г. Куоккала[1]

Мариэтта! Непременно в воскресенье приезжайте
К НАМ!!!
Будет Дымов, Боцяновский, будет Ценский, будет
Репин САМ!!!

(Поезд отходит в 12.19. Приходит в Куоккала в 1.40. Мы живем на даче Анненкова: 3 м<инуты> от станции. К Репину-то, положим, мы пойдем — если захотим. Розанова не приглашаю: Репины почему-то теперь с ним в контрах!)

Ваш *Чуковский*[2]

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Куоккала. 9.XI.09.

[2] М.С. Шагинян в Куоккалу к Чуковскому не приезжала.

151. Л.П. Гроссману

27 октября (9 ноября) 1909 г. Куоккала[1]

Дорогой Леонид Петрович! Вашу прелестную новеллу я отдал в «Журнал для всех»*. Если там не пойдет — то знаете, кому я ее дам! И.И. Ясинскому[2] — моему старому другу — он поместит ее в «Новом слове»[3], и когда я приеду в Одессу, я привезу Вам гонорар. В Одессе я буду 20-го (приблиз<ительно>) ноября — хочу прочесть 2 лекции:

«Навьи Чары Мелкого Беса»[4]
(Путеводитель по Сологубу)
и
О Гаршине[5]
(Введение в характеристику)

Только что получил Ваш фельетон о фельетоне[6]. Вы, должно быть, очень образованный человек. У Вас богатые ассоциации. И удивительно: в Питере — и то никто не передал так точно сути моего реферата, как Вы в Одессе! Сегодня в «Речи» — целый талмуд по моему поводу — Д. Левина: врет на меня как на мертвого, и главное, и главное, с добрыми намерениями[7]. Рад, что увидимся. До свидания.

Ваш *Чуковский*

Я как приеду, сейчас же к Вам!

---

* Давал уже в «Аполлон», но там возвратили. В «Ниве», конечно, пойдет, но ждать нужно очереди год, а то и больше!

[1] Открытое письмо. Датируется по почтовому штемпелю: Куоккала. 9.XI.1909; Одесса. 29.10.09.

[2] Об *И.И. Ясинском* см. «Список адресатов».

[3] *«Новое слово»* — литературное приложение к газете «Биржевые ведомости», которое в 1908–1914 годах редактировал И.И. Ясинский.

[4] Лекция Чуковского «Навьи чары мелкого беса» в Соляном городке получила большое количество отзывов. (См.: *Берман.* С. 326.)

[5] Данными о лекциях Чуковского в Одессе в 1909 году мы не располагаем.

[6] Чуковский имеет в виду работу Л. Гроссмана «О новой критике» (*ОН.* 24 октября (5 ноября) 1909, № 7947. С. 2), в которой разбирался жанр литературного фельетона и давалась высокая оценка фельетонам Чуковского.

[7] Речь идет о статье: *Левин Д.* К.И. Чуковский о Гаршине // Речь. 1909. 26 окт.

152. А.Н. Чеботаревской

30 октября (12 ноября) 1909 г. Куоккала[1]

Многоуважаемая Анастасия Николаевна!

Только что я получил от И.Е. Репина письмо[2] (он живет здесь же в Куоккала) с просьбой прочитать в будущее воскресение (7-го

1909 ноября) реферат о Сологубе у него[3]. И мне пришло в голову — а не лучше ли, если Вы приедете 7-го с утра к нам: Куоккала, дача Анненкова[4] — 5 минут ходьбы от станции — и мы, перекусивши, отправляемся в Пенаты. Мой реферат длинный 1 $^{1}/_{2}$ часа minimum — и кое-что я в нем хочу подчистить: в это воскресенье у нас будут: Дымов, Ценский, Философов, Набоков, Боцяновский[5] — но читать я буду начерно, ибо — хотя я «изучаю» Сологуба три месяца, но все еще чувствую себя только в начале «познания».

Скажите Федору Кузьмичу, что Триродов[6] — это *Смерть*, — и таким образом и *потому* он — *Жизнь*, — но не говорите этого Боцяновскому.

В это же воскресенье дело будет происходить в Куоккала, в гостинице Иванова. — Если Вы выедете поездом 12.15, мы Вас встретим на станции. Поклон Ф<едору> К<узьми>чу.

Кстати: устроитель моей лекции, С.В. Иванов, тот самый сенатор, который, помните, протестовал против смертной казни, просит разрешения у Ф.К. напечатать на программках его портрет (не на афишках, а там, где «тезисы»).

4-го я буду у Вас и привезу Вам книги.

[1] Открытое письмо. Датируется по почтовому штемпелю: 12.XI.09. Куоккала.

[2] Письмо не разыскано. По этому же поводу И.Е. Репин писал А.И. Свирскому: «...в воскресенье седьмого ноября мы сговорились с Чуковским сделать очередное собрание литераторов в гостинице Иванова» (цит. по: *Репин*. С. 33).

[3] В ответном письме от 31 октября Чеботаревская писала: «Мы во вторник в 10 ч. в<ечера> уезжаем, т<а>к что к сожалению ни 7-го, ни 20-го В<а>с не услышим (будем в Киеве, Харькове, Москве)» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 72. Ед. хр. 54).

[4] В своих воспоминаниях Анненков писал: «Мы были соседями в финляндской деревушке Куоккале <...> где художник жил в своем имении “Пенаты” <...> Репин иногда заходил ко мне, тем более что мой дом находился как раз напротив “Мызы Лентула”, где жил Максим Горький, с которым Репин дружил» (*Анненков Ю.* Дневник моих встреч: Цикл трагедий: В 2 т. Л., 1991. Т. 1. С. 319).

[5] Упомянуты критик *Философов* Дмитрий Владимирович (1872–1940), критик *Боцяновский* Владимир Феофилович (1869–1943). О *Дымове* и *Сергееве-Ценском* см. «Список адресатов». Вероятно, среди гостей упомянут также дипломат Константин Дмитриевич *Набоков* (1874–1927), с декабря 1915 года советник русского посольства в Лондоне, брат В.Д. Набокова, с которым К.И. переписывался, начиная с 1909 г. (См.: *Набоков К.* «Ваш читатель Константин Дмитриевич Набоков» // Сб.: Чтение в дореволюци-

онной России. М., 1995. С. 136–152). Как видно из писем К.Д. Набокова, в 1909–10 гг. он жил в Брюсселе, но в ноябре 1909 года приезжал в Россию и ездил с Чуковским в Москву (Т а м ж е. С. 143).

[6] Георгий Сергеевич *Триродов* — герой романа Ф. Сологуба «Творимая легенда».

153. В.В. Розанову

11 (24) ноября 1909 г. Москва[1]

Тысяча приветов. Прочитал Вашу изумительную статью о Волынском[2] — и потянуло — пожать Вам руку.

Здесь в Москве — великолепно теперь.

Ваш *Чуковский*

[1] Открытое письмо на адрес редакции «Нового времени». Датируется по почтовому штемпелю отправления 11.XI.1909.

[2] Рецензию В. Розанова на второе издание книги А.Л. Волынского «Ф.М. Достоевский» см: Критическое обозрение. 1909. Вып. V (сентябрь).

154. В.В. Розанову

10-е числа ноября — конец ноября 1909 г. Куоккала[1]

Дорогой Василий Васильевич.

Не придете ли 20-го ноября, в пятницу, вечером на мою лекцию в Соляной Городок? Я снова готов держать перед вами экзамен. Эта новая моя статья вся написана *для Вас*, после вашей статьи[2]; я старался доказать себе, что Вы неправы, что я не пуговицы только замечаю, а и душу, а и суть; доказал ли — не знаю; кажется, нет. Одного я достиг: я вытравил из этой статьи всю «чуковщину», — мне так же ненавистную, как и Вам.

Билет я Вам посылаю, но Вы купи́те билет. Это в пользу санатории для бедных детей — если бы Вы знали, что это за санатория!

Мои знакомые (идеальные люди!) берут из разных трущоб больных детей, большей частью туберкулезных*, делают этим детям *на свой счет* операцию и отправляют на поправку в Куоккала, где у них есть небольшая дачка[3]. И через 3–4 месяца дети поправляются так, что их не узнают их же родители. Домой эти выздоровевшие дети не хотели ни за что. Когда летом я посетил эту «санаторию», я дал себе слово непременно прочитать в пользу этого дела лекцию. Так что если вы, Варвара Дмитриевна — и пускай кто-ни-

будь еще! — *купите* билеты, то Вы поможете самому доброму и, главное, самому *несомненному* делу.

Осенью, когда эти детки (с вырезанными «чашками» колен, без пальцев, горбатые, с искривленными шеями! — но все веселые, загорелые, даже драчуны) уезжали из Куоккала, Финляндская администрация уступила им бесплатно вагон, финны провожали их сердечно и любовно**, а в Питере наша Городская Дума даже и слышать не хочет, чтобы выдать этому частному делу хотя бы 300 рублей вспоможения. Вы бы пошли туда, Василий Васильевич, и написали об этом, как один только Вы умеете, — и авось тогда наш бездарный Резцов переменил бы свою позицию, или, что еще лучше, мы обошлись бы и без Резцова. К Рождеству это самая настоящая тема.

Ваш *Чуковский*

P. S. Только что прочитал Ваше о Плеханове[4], и мне захотелось вывести всех этих обиженных Богом на свежую воду: его, Луначарского, Неведомского, Кранихфельда, — пишу теперь о них — в самом презрительном тоне. Боюсь, что и этой моей статьи, как статьи о Надсоне («Поэт зубных врачей»[5]) «Речь» не напечатает почему-то.

К.Ч.

Итак, до пятницы!

---

* туберкулез костей.

** финны же уступают им бесплатно площадку у моря.

[1] Датируется по упоминанию о лекции «Навьи чары мелкого беса».

[2] См. примеч. 2 к письму **147**.

[3] О санатории см.: *Чуковский К.* Наша санатория // Речь. 1914. 5 (18) окт.

[4] *Розанов В.В.* Плеханов о религии // Новое время. 1909. 14 окт. См. также: *Розанов В.В.* Старая и молодая Россия. Статьи и очерки 1909 г. М., 2004. С. 328–332.

[5] Об этой статье см. примеч. 7 к письму **176**.

155. А.М. Ремизову

17 (30) ноября 1909 г. Куоккала[1]

Дорогой Алексей Михайлович!

В эту пятницу в 8 час. веч. в Соляном Городке в пользу детской санатории «Забота», в черном пиджаке, в волнении я буду читать лекцию «Навьи Чары Мелкого Беса» (путеводитель по Сологубу)[2], каковая лекция есть только начало моей статьи: Ф. Сологуб,

А. Ремизов и С. Ценский — надеюсь, что Серафима Павловна и Вы удостоите меня присутствием. Это в пользу санатории для бедных детей — так что если Вы и С<ерафима> П<авловна> возьмете билеты по полтиннику — такие билеты, увы! — еще имеются в продаже, то Вы сделаете доброе дело. Если же Вы не расположены сегодня к благодеяниям — черкните мне, я вышлю Вам контр-марку.

Марья Борисовна и я кланяемся Серафиме Павловне и Вам.

Ваш *Чуковский*

Куоккала (Ф<инляндская>Ж<елезная> Д<орога>), д<ача> Анненкова, К.И. Чуковскому

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Куоккала. 30.XI.09; С.-Петербург. 18.11.09.

[2] Лекция состоялась 20 ноября 1909 года. Подробности Чуковский сообщал в письме к В.В. Розанову (см. письмо **154**).

156. М.Б. Чуковской

1 декабря 1909. Москва[1]

Дорогая моя Марья Борисовна! Как я рад, что тебя нет со мною. Ты измучилась бы здесь необычайно. Опять та же история, что и с Ивановыми. Афиш нигде нет, в магазинах билеты не продаются, *ни одной* заметки в газетах. Я ездил, клянчил, мучился — на лекцию пришла едва ли половина. В «Утре России» моя фамилья есть. Настроение у меня все же бодрое. Никого еще не видел. Ночевал у Брюсова. Представь себе: здесь тот добрый киевский профессор, у которого я жил в Киеве[3]. Он был на лекции, сейчас иду к нему обедать. Целую детей. Свези к Либровичу[2] мои 4 карикатуры и карточки. Непременно. Там получишь и свою статейку. Деток целую. И тебя.

[1] Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 1.12.09. Куоккала. 15.XII.09. Адрес: Ст. Куоккала (Финл. Ж. Д.). Марии Борисовне Чуковской. Дом Анненкова. Рукою К. И.: «1909. Лекция».

[2] Речь идет об А.Т. Васильеве (см. письмо **108**).

[3] *Либрович* Сигизмунд Феликсович (псевд.: Лукиан Сильный,1855–1918), писатель. Автор нескольких статей о Чуковском. См.: *Лукиан Сильный.* Что такое «Чуковщина» // Вестник литературы. 1909. № 5. Стб. 78–80; *Лукиан Сильный.* Корней Чуковский как критик-каррикатурист // Вестник литературы. 1910. № 1. Стб. 1–6; ил. портр. Для второй статьи Чуковский и отсылал «4 карикатуры и карточки».

157. О.А. Фрибес

5 декабря 1909 г. Куоккала[1]

Многоуважаемая Ольга Александровна!

Спасибо за ласку, я право, ее не стою. Вы сами, должно быть, знаете, что Ваше мнение и мнение Вашей матушки для меня — как голос собственной совести, а Василий Васильевич — Бог с ним! — он все-таки великий талант[2].

Статья моя, о которой вы пишете («Всеволод Гаршин»), только что напечатана в «Русской Мысли», исправленная и подчищенная П.Б. Струве и А.А. Кизеветтером[3]. Теперь мне кажется, что это весьма посредственное «сочинение» на скучную тему, (я и тогда писал его, скучая), но господа радикалы создали ореол мученичества и для этой никчемной статьи.

Отвечаю Вам так поздно потому, что только теперь получил в редакции «Речи» Ваше письмо.

Привет Вашей матушке и дочерям. Кланяюсь Михаилу Осиповичу[4].

Ваш искренний *Чуковский*

Куоккала

P. S. Может быть, Вас обрадует вместе со мной, что три тома моих (еще ненапечатанных) статей приобрела у меня «Нива»: о Салтыкове, о Глебе Успенском, о Надсоне («Поэт зубных врачей»[5]) и т. д. Я счастлив, т. к. могу спокойно заниматься, не гоняясь за газетными гонорарами.

[1] Дата получения письма поставлена адресатом.

[2] Имеется в виду отрицательный отзыв В.В. Розанова о лекции Чуковского о Гаршине (см. примеч. 2 к письму **147**). С Розановым и его семьей О.А. Фрибес связывали дружеские отношения (Розанов был автором нескольких рецензий на ее сочинения, она была крестной его сына Василия (1899), сохранилась их обширная переписка).

[3] Александр Александрович *Кизеветтер* (1866–1933, умер в эмиграции), историк, публицист, политический деятель.

[4] Меньшикову.

[5] Об этом неосуществившемся плане см. примеч. 3 к письму **128** и письмо **140**.

158. С.К. Маковскому

Декабрь 1909 г.[1]

Дорогой Сергей Константинович.

Написал для Вас статью о Шевченке. На будущей неделе приволоку. В ней не больше $^3/_4$ листа. Печатайте не позже апреля. Го-

товлю статью об «Аполлоне». Жду четвертой книги, чтобы «придраться». Мою статью о Сологубе (которую, сознайтесь, Вы принимали скрепя сердце) взял *для февраля* Петр Струве*[2]. Туда ей и дорога! Что делать с хохлацкими цитатами из Шевченка? Я в примечании перевожу их прозой. Называется статья: «великая печень» — в пандан: «великое сердце»[3]. Отдыхаете ли Вы? Последний раз, что я Вас видел, Вы были как снятый с креста. А пародию О. Л. д'Ора я смягчил, как мог. Право же она вышла не обиднее — скорее ее Бог обидел. Теперь я мучаюсь над статьей о Чехове[4]. Мне трудно писать о художнике, которого я так сильно люблю. Что, есть ли у Вас те дурацкие отзывы обо мне, которые Вам тогда выслала моя супруга? Я зайду за ними на днях. Привет Евгению Александровичу[5].

Ваш Чуковский

---

* Только что получил от него письмо.

[1] Датируется по содержанию. Журнал «Аполлон», издателем которого был Сергей Маковский, начал выходить в Петербурге в октябре 1909 года. № 3 вышел в декабре.

[2] Статья «Навьи чары мелкого беса» была опубликована в журнале «Русская мысль» (1910. № 2. С. 75—105), редактором которого был П.Б. Струве.

[3] Статья «Шевченко» напечатана в «Речи» (1909. 1 (14) марта).

[4] Вероятно, речь идет о статьях: «Письма Чехова» (Речь. 1910. 11 (24) янв., и «О Чехове» (Там же. 1910.17 (30) янв.).

[5] *Зноско-Боровский* Евгений Александрович, о нем см. «Список адресатов».

159. П.Б. Струве

24 декабря 1909 г. (6 января 1910 г.) Куоккала[1]

Многоуважаемый Петр Бернгардович.

Но статья должна непременно пойти в феврале[2]. Об оплате того, за что я уже получил — мне странно и говорить. У меня приблизительно «смета» такая: 2 печ<атных> листа — 250 р. минус 70 р.* за напечатанное. Этот минус само собой. Но в феврале. И как можно скорее корректуру. Теперь выходит *Полное Собрание Сочинений Сологуба,* и я хочу к нему приноровить свою статью.

Вам преданный *Чуковский*

---

* приблизительно.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: 6.1.1910. Куоккала.

[2] Статья «Навьи чары мелкого беса» (Путеводитель по Сологубу) // Русская мысль. 1910. № 2.

160. П.Б. Струве

28 декабря 1909 г. (10 января 1910 г.) Куоккала[1]

Многоуважаемый Петр Бернгардович.

То, что Вы мне сообщаете, для меня новость. Я до сих пор думал, что моя книжка, куда войдут мои статьи «о Сологубе» и «о Гаршине», появится только в *сентябре 1910 г.*[2] Признаться, я и сейчас думаю точно так же. А в феврале я прошу поместить мою статью потому, что для марта я готовлю новую: *Т.Г. Шевченко и Бодлер*[3].

Вам преданный *Чуковский*

[1] Открытое письмо. Датируется по почтовому штемпелю отправления: Куоккала. 10.1.1910.

[2] Вероятно, речь шла о том же отдельном издании статей Чуковского, о котором он писал в письме **157**.

[3] Такая статья неизвестна.

161. Е.А. Зноско-Боровскому

26 января (8 февраля) 1910 г. Куоккала[1]

Многоуважаемый Евгений Александрович.

Если к субботе не привезу рукописи, значит, я с нею затормозился — и значит, она пойдет в марте. В ней ровно один печатный лист. Называется она: «Мало-великий поэт»[2]. Боюсь, что это неуклюже. Ради Бога, чуть выйдет книжка, пришлите ее мне немедленно, я напишу о ней в «Речь» статью. И — хорошо, что вспомнили, если можно, вышлите *мне рецензии* обо мне (газетные вырезки), — которые жена моя *по ошибке* прислала в «Аполлон». Привет Сергею Константиновичу. Ваш Чуковский

[1] Открытка; датируется по почтовому штемпелю: Куоккала. 8.2.10; СПб. 27.1.10.

[2] Речь идет о несостоявшейся публикации в «Аполлоне» переводов Чуковского из Уитмена (см. письмо **145**).

162. А.И. Котылеву

3 (16) февраля 1910 г. Куоккала[1]

Многоуважаемый Александр Иванович.

Я не ответил, потому что Вы не спрашивали, приехать ли, а просто *обещали приехать*. Я порадовался обещанию и подумал: что же я стану писать, если через день мы лично с ним увидимся? Вы не приехали, — и вот теперь, насколько это возможно на бумаге, я тороплюсь горячо Вас поблагодарить за симпатии и за стружки. Стружки из «Бо<ж>. Слова» я отметил раньше Вашего письма (там есть еще одна в библиографии, насчет календарей), но мне приятно было получить их от Вас, как доказательство того, что Вы на меня не сердитесь. Обещанной статьи в сб. «памяти Башкина»[2] я, извините, не дам, ибо после статьи Арцыбашева, самодовольной и неприлично-фатовой[3], все, что относится к этой «группе» стало мне неприятно[4]. Нужно быть либо друзьями, либо врагами.

Ваш *Чуковский*

[1] Почтовая карточка. Штемпели: Куоккала. 16.2.10. С.-Петербург. 4.2.10.

[2] *Башкин* Василий Васильевич (1880—1909), поэт, прозаик. А.И. Котылев готовил сборник памяти Башкина: Огни. Литературный альманах памяти В. Башкина (СПб., «Новый журнал для всех», 1910), куда, видимо, Чуковский обещал статью.

[3] Статья М. Арцыбашева «Смерть Башкина» вошла в т. 3. трехтомного издания: *Башкин В.В.* Рассказы. Т. 1–3. Пб., 1909–1910.

[4] Участниками альманаха памяти В. Башкина стали М. Арцыбашев, С. Ауслендер, Д. Айзман, Н. Архипов и др.

163. В.Я. Брюсову

Не ранее 11 февраля ст. ст. 1910 г. Куоккала[1]

Дорогой Валерий Яковлевич.

«Добра за зло испорченное сердце — ах! — не простит». Это из того же Толстовского Делярю. Спасибо за ласку. Неужели снова письмо от Валерия Брюсова? Вы сами знаете, что для меня получать Ваши письма значит быть Вашим верноподданным. Я, как гимназист, разлетелся к Вам тогда в Литерат<урном> Кружке. Вы меня и встретили как гимназиста. А между тем во всей Москве я люблю Вас одного, и для меня сказать: «Москва», это значит сказать: «Валерий Брюсов». Вы пишете, что Вам нравятся мои статьи о Сологубе и Гаршине. Почему же мне самому они так отвратительны сейчас? И вообще я себя как писателя очень не люблю, и с собой как с писателем не считаюсь. Я ждал от себя большего. Не сочтите этого позой. С тех пор как я живу здесь в деревне, по месяцам не бывая в городе, я много пишу и очень мало печатаю. Осенью выйдет у А. Ф. Маркса (изд. «Нивы») огромный том моих критических статей[2], — и я его заранее не люблю.

В какой новой коже явитесь Вы перед нами? Как ученый переводчик Овидия?[3] Как путешественник по Тибету? Как натуралист по Ла Плате? Как драматург? Как астроном? Мне скучно без *Ваших* «Весов»[4]. По Вашим критическим статьям (Вы, конечно, это заметили) я учился писать. Я прямой Ваш питомец и вскормленник, но, повторяю, Вы можете мною не гордиться.

Ваш *Чуковский*

[1] Ответ на письмо В.Брюсова от 10 февраля 1910 года. Датируется по связи с ним. Брюсов пишет: «Прочел я сейчас Ваш “путеводитель” по Сологубу (который лишь частью слышал в Вашем чтении, у нас в “Кружке”), и хочется мне сказать Вам несколько слов. Просто то, что мне Ваши последние статьи очень нравятся. Мне и прежние Ваши статьи (Вы это знаете) нравились, но я разделяю общее мнение, что в них Вы иногда оригинальности приносите в жертву справедливость, — ради того, чтобы высказать суждение своеобразное, готовы Вы пренебречь настоящим обликом

писателя. Этого нет в двух Ваших статьях — о Гаршине и о Сологубе. Тут Вы угадали самую сущность их души, — попали в самый центр, как говорят на улице. Читал я их с истинной радостью, и вот о том Вам пишу. Может быть, лучше было бы мне высказать свое суждение печатно, но для того надо было бы его растянуть на двести строк и увешать бубенцами. Сейчас этого не хочется. "Примите так", как говорит Деларю у Алексея Толстого». В тексте упомянуты статьи Чуковского «Навьи чары мелкого беса (Путеводитель по Сологубу)» (Русская мысль. 1910. № 2. Отд. II. С. 70–105) и «О Всеволоде Гаршине (введение в характеристику)» (Русская мысль. 1909. № 12. Отд. II. С. 117–141), а также процитировано шуточное стихотворение А.К. Толстого «Великодушие смягчает сердца» («Вонзил кинжал убийца нечестивый / В грудь Деларю...»).

[2] В Издательстве товарищества А.Ф. Маркс эта книга не вышла.

[3] Образцы переводов из римского поэта Публия Овидия *Назона* (43 до н. э. — ок. 18 н. э.) вошли в книгу Брюсова «Erotopaegnia» (М.: Альциона, 1917), изданную без обозначения имени переводчика. См. также: Зарубежная поэзия в переводах Валерия Брюсова. М., 1994. С. 58–65, 805–806 (комментарии С.И. Гиндина).

[4] 1909 — последний год издания «Весов», однако Брюсов отошел от непосредственного руководства журналом еще в начале этого года.

164. М.К. Лемке

5 марта 1910 г. Куоккала[1]

Многоуважаемый Михаил Константинович!

Пользуюсь случаем поблагодарить Вас за «Энциклопедию Воспитания». Я написал о ней еще в январе — и сдал в «Ниву». Статейка пойдет в сентябре или в августе. Не все книжки одинаково ценны, много противоречий, много наивного, но, в общем, какая прелесть эта энциклопедия! Хотя того, что меня интересовало — о детском языке — у меня нет. Ни в одном из выпусков об этом ни слова.

Все рвусь к Вам, но Вы сами знаете, что такое Петербург, особенно если есть срочная работа и если живешь на окраине города — в Куоккала. А между тем меня давно тянет к Вам одно «дело» — очень для меня важное. Вы, может быть, знаете, что у И.Е. Репина есть жена Н.Б. Северова (Нордман). Она очень симпатичный и благородный человек. Еще девушкой убежала она от богатых родителей в Америку — была там простою горничной, — много испытала — и, в конце концов, стала свирепою демократкой. В этом году она купила, напр<имер>, в Куоккала большой деревянный театр и делает из него «Народный Дом», — ну, и так дальше. Кроме того, она писательница. Вы, м<ожет> б<ыть>, и невысокого мнения о моем критическом чутье, но одно, я думаю, Вы можете

признать: я не из увлекающихся. И вот скажу Вам, что последние вещи этой г-жи Нордман кажутся мне превосходными. До сих пор то, что она писала, часто было претенциозно, нелитературно, нескладно, но вот она стала писать о своих встречах

1. С Л.Н. Толстым
2. С Васнецовым
3. С Трубецким скульптором
4. Об И.Е. Репине (много превосходного, подробного матерьяла)
5. Со Станиславским

И т. д. — и каким-то волшебством все эти люди вышли у нее как живые: их видишь, слышишь их голос, они точно освещены электричеством. Только женщины умеют так писать мемуары. Об этой книге, когда она выйдет, будут много писать, ее все будут цитировать — в ней (помимо таланта) ценный матерьял из жизни наших больших людей. Ну вот, с согласия г-жи Нордман, я и обращаюсь к Вам, Михаил Константинович, с просьбой — не захотите ли Вы издать эту книгу (денежные условия не важны) теперь же к апрелю месяцу. Покорнейше прошу ответить мне теперь же. По адресу: Куоккала, Финляндской ж. д. Корнею Ив. Чуковскому.

Вам преданный *Чуковский*

Простите мне мой небрежный почерк — я тороплюсь, чтобы письмо попало в почтовый поезд.

[1] День и месяц поставлен адресатом. Год установлен на основании письма Н.Б. Нордман к Чуковскому от 7 марта 1910 г.: «Если Лемке не приедет — я пошлю ему в четверг рукописи» (См.: *Репин.* С. 41–42). См. также письмо М.К. Лемке к Н.Б. Нордман (Там же. С. 44). Книга Н.Б. Нордман «Интимные страницы» вышла в 1910 году в издании М.М. Стасюлевича, у которого М.К. Лемке был в это время управляющим типографией.

165. М.К. Лемке

8 марта 1910 г. Куоккала[1]

Многоуважаемый Михаил Константинович!

И.Е. Репин, когда узнал, что Вы тот самый Мих. Лемке, который писал о Герцене и о Чернышевском — непременно захотел передать Вам привет. Передаю. Он просит Вас: не пожелаете ли Вы в эту среду приехать к нему в «Пенаты» обедать. Он живет в Куоккала — недалеко от нас; в среду я буду в городе, и могу в 1 час заехать за Вами, а в 1 ч. 45 мы отъедем от Финл<яндского> вокзала и в 2 с минутами мы на станции. Оттуда — мы за 10 м. в «Пенатах». Илья Ефимович очаровательный человек. Я знаком с ним

три года — и имел возможность насмотреться, сколько в этом человеке истинной простоты, деликатности, доброты — и гениальности. Ему 66 лет, а он моложе меня. Помните, еще Гаршин писал:

«Такое милое, простое, доброе и умное Божье создание этот Илья Ефимович — и к этому еще, насколько я мог судить, сильный характер, при видимой мягкости и нежности». Ну, не мне рекомендовать Вам Репина, заеду за Вами в Контору во всяком случае.

Ваш *Чуковский*

[1] Дата получения поставлена адресатом.

166. П.Б. Струве

После 9 марта 1910 г. Куоккала

Многоуважаемый Петр Бернгардович!

Почему Вы не отвечаете? Если мои стихи Вам не нравятся, черкните об этом открытку. Это мне нужно, чтобы знать: писать ли статью об Уитмане или нет. Я недавно читал в Религ<иозно> Фил<ософском> О<бщест>ве *отвратительный* доклад[1] — и теперь мне очень хочется написать о Уитмане что-ниб. настоящее: спокойно рассказать его биографию, дать побольше его стихов и высказать о нем свое посильное суждение. Если не для Вас, то я помещу это для «Аполлона»* — но мне, признаюсь, хочется, чтобы Whitman'а узнали не эстеты, а обыкновенные люди, такие же, как сам[2].

Вам преданный *Чуковский*

---

* Больше мне некуда.

[1] Доклад «К вопросу о демократической религии», посвященный творчеству У. Уитмена, Чуковский прочитал в Религиозно-философском обществе 9 марта 1910 года. В прениях выступали Б. Столпнер и епископ Михаил (Семенов). Отчеты: В религиозно-философском обществе // Речь. 1910. 11 (24) марта и под тем же заглавием. Новое время. 1910. 12 (25) марта.

[2] Ни в том, ни в другом журнале публикации не осуществились.

167. О.А. Фрибес

26 марта 1910 г.[1]

Многоуважаемая Ольга Александровна.

А для чего Вам мои стихи, Вы так и не сказали. У меня, конечно, не сохранилось ни строчки. Постараюсь кое-что восстано-

1910

вить по памяти, только не взыщите, если собьюсь. Особенно памятно мне почему-то стихотворение «Иван Захарчук на Страшном суде». Если помните, газеты одно время возмущались, что при взрывах погибают ни в чем не повинные люди. Представьте себе, что с.-р. убил министра; с.-р.'а повесили; все как следует, но бомбой зацепило еще и прохожего, какого-то Ивана Захарчука, и вот все трое предстали пред лице Господне на суд.

Министр

Владыка! Владыкой
И я восседал, —
Но кто над снарядом владычен метательным?
Эсер бледноликий
Меня разметал,
И ждет меня ад во злорадстве карательном!

Но рек Судия: да отступится ад.
Ты, праведник, райских достоин услад.

С.-р.

А я, о Владыка,
Владыку убил,
И прямо из петли губительной
К Тебе, о Владыка,
Мой дух воспарил,
И мне ль на Эдем уповать упоительный?

Но рек Промыслитель заблудших сердец:
Блаженный тебе уготован венец.

Иван Захарчук

Я, Боже, прохожий.
Я шел стороной.
И взрывом настигло меня непричастного.
Скорее, о Боже,
Мне двери открой,
Мне двери Эдема отверзи прекрасного.

Но странен был глас: да низвергнется в ад,
Зане безучастный во зле виноват.

К. Чуковский[2]

Не знаю, какое это стихотворение, прогрессивное или консервативное. Мне кажется, в нем прославляется всякое человеческое сердце, к<отор>ое бьется — а как и зачем, это Бог разберет. Точно то же и с этим стихотворением:

Баллада

Жил-был штрейкбрехер молодой,
Жила-была с-р.
И полюбила всей душой
Штрейкбрехера с-р.
Твердит рассудок ей одно:
Штрейкбрехеру бойкот.
А в сердце девичьем давно
Амнистия цветет.
О, страсти власть, о власть Эрота,
Что пред тобою власть бойкота.

Цвела весна, и как цветник
Весь мир благоухал,
И большевик, и меньшевик
Душою расцветал.
О, провокатор соловей,
О, агитатор дрозд!
О, средь лазоревых полей
Весенний митинг звезд!
Уж не волненья ли аграрные
Объемлют выси лучезарные!

Поверь вещаниям весны,
Прекрасная с.-р.,
Весенней ночью все равны, —
Штрейкбрехер и с.-р.! —
И поддалась речам весны
Прекрасная с.-р.
О страсти власть, о власть Эрота!
Что пред тобою страсть бойкота!

К. Чуковский[3]

Нарочно привожу эти 2 стихотворения, чтобы Вы сами могли судить, *боюсь* ли я встретиться у Вас с кем-н<и>б<удь> политически мне чуждым. Я не делю людей на правых и левых, а на глупых и умных, пошлых и самобытных и т. д. К Вам же до сих не заходил потому, что не знал, где Вы живете. Последнее свое письмо отправил к Вам наобум — разыскал в «Нов<ом> Вр<емени>» адрес

«Невы»[4]. Не получив ответа, я решил, что письмо не дошло, — вот и все. У Вас — смерть, а у меня не сегодня-завтра ожидается третий ребенок. Поверьте, это тоже невесело. Привет Вашей матушке.

Ваш *Чуковский*

[1] Дата получения письма поставлена адресатом.

[2] Впервые: Свобода и жизнь. 1905. 19 ноября (2 декабря). См.: *НБП-Ч.* С. 186.

[3] Впервые: Свобода и жизнь. 1906. 4 (17) сентября. (*НБП-Ч.* С. 187).

[4] С 1907 г. О.А. Фрибес сотрудничала в журнале «Нева», издававшемся С.В. Воейковым.

168. В.Я. Брюсову

Ок. 2 (15) апреля 1910 г. Куоккала[1]

Дорогой Валерий Яковлевич.

За Ваше письмо не смею Вас и благодарить. Вы не были бы Валерий Брюсов, если бы Вы его не написали. Нельзя же сказать человеку: спасибо за то, что ты любишь свободу, за то, что ты правдив и благороден. И я не говорю Вам спасибо, но мне хочется, чтобы Вы знали, что Вы — *единственный* осмелились быть честным и что Ваше письмо — для меня *единственная* «поддержка и опора» теперь, когда меня лягают не только ослы, но и зайцы, когда я так развинтился, что (буквально!) реву от иной газетной заметки.

Читали письмо Куприна? Сам будучи подсудимым и обвиняемым (виноват в том, что обманул «Современ<ный> Мир»), он выступает в качестве моего судьи — и клеймит меня на всю Россию![2] И это до решения третейского суда. И не забудьте, что он сам — редактор «Совр<еменного> Мира»[3] — так что это есть письмо к самому себе! И не найдется ни одного человека, который бы этим возмутился, кто почувствовал бы, что здесь темная игра на стадных чувствах, кто крикнул бы: руки прочь!

Спасибо же Вам, дорогой Валерий Яковлевич, за то, что Вы поддержали меня теперь. Вы помните, как мышь говорила льву? — «авось и я тебе пригожусь»[4]. — Я теперь сижу в Публичной Библиотеке и по целым дням роюсь в «Совр<еменном> Мире», готовлю: «Открытое письмо Куприну»[5]. Не разрешите ли Вы привести несколько строк из Вашего письма? Если Вам это почему-либо неудобно, не разрешайте. У Вас может быть тысяча причин для этого. И т<ак> к<ак> Вы теперь очень заняты, то будем считать так: *не*получение от Вас письма — есть запрещение. Я же намерен зуба-

ми и когтями защищать свою — как говорится — честь. Судьи у меня либо впавшие в детство (Арсеньев, Анненский), либо пристрастные (Куз<ь>м<ин>-Караваев), либо глупые (С.А. Венгеров), либо и то, и другое, и третье (Градовский)[6].

Весь Ваш *Чуковский*

[1] Ответ на письмо Брюсова от конца марта 1910 года. Датируется по почтовому штемпелю получения: Москва. 4.IV.1910. В своем письме Брюсов пишет: «...буду говорить не против свободы слова, а за нее. Вы понимаете, что дело идет о великой буре, поднявшейся из десяти строк, напечатанных Вами в "Речи". Не знаю, что говорят у Вас в Петербурге, не знаю, что будут говорить у нас в Москве (весть только что пришла), но я, весьма привыкший наблюдать образцы глупости и тупости, новым их образчиком — в виде нападения на Вас, чуть-чуть только не поражен. Я знаю, что Вы человек мягкий и на чужие доказательства поддаетесь легко (по крайней мере поверхностно, с виду); — потому и пишу Вам эти строки, где, как сторонний зритель, говорю Вам, что Вы правы *кругом*, что как-нибудь отказываться от своих слов, что-либо уступать перед этим рогатым натиском — нет Вам никаких причин. Ваши строки не были абсолютно точными (см. заявления Иорданского), но эта неточность формы покрывается тоном шутки (не говоря об абсолютной точности Ваших слов по существу); а лишь удел людей очень неумных — шуток не понимать и на них гневаться» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 61. Ед. хр. 68). В упомянутой Брюсовым заметке, помещенной в авторской рубрике «Литературные стружки» (Речь. 1910. № 64, 7 марта), Чуковский писал, что журнал «Современный мир» обманул ожидания читателей, которым в объявлениях о подписке на 1909 г. были обещаны определенные произведения известных авторов: «1909 год благополучно миновал, а упомянутый орган *ни одного* из обещанных произведений, конечно, не напечатал». Редакция «Современного мира» потребовала от редакции «Речи» напечатать опровержение заключений Чуковского (представив проект этого текста), а в случае отказа уполномочила М.П. Арцыбашева и В.П. Кранихфельда передать И.В. Гессену, редактору «Речи», вызов на дуэль от Н.И. Иорданского, редактора «Современного мира». В конце концов было принято решение провести литературный суд чести для разбирательства конфликта между «Речью» и «Современным миром».

[2] Имеется в виду открытое письмо к издательнице «Современного мира» М.К. Иорданской по поводу инцидента между «Современным миром» и «Речью», в котором Куприн обвинял Чуковского, «бросившего грязью, из-за угла, в один из самых чистых и добросовестных русских журналов»: «...такой поступок я нахожу гадостью, да притом еще мелочной»; при этом Куприн признавал, что в случаях непредоставления для печати обещанных сочинений всецело виноваты авторы, и сам он в их числе, «а вовсе не редакции честных, безукоризненных журналов и газет» (Новая

Русь. 1910. № 85, 28 марта. С. 4). Письмо Куприна перепечатано в «Современном мире» в подборке документов, освещающих обстоятельства инцидента (1910. № 4. Отд. II. С. 120–130). Написано оно было, как сообщает Куприн Ф.Д. Батюшкову (24 марта 1910 г.), по инициативе М.К. Куприной-Иорданской и не предназначалось Куприным для печати: «Мария Карловна меня просила написать письмо Гессену по поводу их инцидента, что я и сделал, а копию послал ей. Но винить особенно Гессена я не могу. Ведь, как в нравах литературных принято раздавать авансы, так есть обычай, если хочешь и необходимость, чтобы редактор, обремененный огромной работой, верил постоянному сотруднику. А Чуковский — сволочь, говно, одесский грязный жид. Гессену ничего не стоило бы сознаться, что вся его вина — лишь в громадной редакционной работе. Да и вообще — это ужасная подлость авторам прикрываться за многотерпеливую спину редакторскую» (ИРЛИ. № 15 125/X Сб. 1. Л. 179–179 об.).

[3] Куприн входил в состав редакции «Современного мира» с 1906 по 1911 г., однако практического участия в подготовке номеров не принимал.

[4] Имеется в виду строка из басни И.А. Крылова «Лев и Мышь» (Басни. Кн. 9, IX): «А, может быть, под час тебе и пригожусь».

[5] «Открытое письмо А.И. Куприну» Чуковского было опубликовано в «Речи» 8 апреля 1910 г. (№ 96. С. 2). В нем подчеркивалось, что Куприн неоднократно обманывал редакцию «Современного мира»: «Как редактор вы давали обещания, как автор вы их не выполняли».

[6] Константин Константинович *Арсеньев* (1837–1919), юрист, литературный критик, публицист, общественный деятель; редактор «Вестника Европы». Николай Федорович *Анненский* (1843–1912), публицист, экономист, общественный деятель; глава литературного комитета журнала «Русское богатство», председатель Петербургского литературного общества. Владимир Дмитриевич *Кузьмин-Караваев* (1859–1927), юрист, публицист, член Государственной думы. Семен Афанасьевич *Венгеров* (1855–1920), историк русской литературы и общественной мысли, библиограф, профессор Петербургского университета. Григорий Константинович *Градовский* (1842–1915), публицист.

169. В.Я. Брюсову

10 (23) апреля 1910 г. Куоккала[1]

Дорогой В<алерий> Я<ковлевич>.

Спасибо Вам за В<аше> удивительное письмо[2]. Все меня оставили. «Речь» выдает меня с головой. Но я верю, что прав и что мне удастся доказать мою правоту. Я подобрал такую серию фактов — и выступлю в полном вооружении[3]. А покуда не могу ничего

писать. Из Вашего письма возьму 2–3 строчки — не задевающие никого[4]. Ах, какие сволочи — и как бездарны!

Ваш *Чуковский*

Относительно Репина: мне страшно с ним расстаться[5].

[1] Ответ на письмо В. Брюсова от 6 апреля 1910 года. Открытка; почтовые штемпели: Куоккала. 23.IV.10; Москва. 11.IV.1910.

[2] Брюсов пишет: «Какие могут у меня быть причины скрывать свое мнение о Вашем "деле"? Всю жизнь высказываю я свое мнение без всякой утайки и изменять этому "доброму, старому" правилу не хочу. Но вот что. Я привык выступать публично всегда принарядившись. Я знаю, *что* именно я Вам писал, но не помню решительно, *как* это все высказано. Пересмотрите мое письмо <...> цитируйте из моего письма все, что найдете нужным и подходящим, — отдаю его в Ваше полное распоряжение» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 61. Ед. хр. 68).

[3] Заседания литературного суда чести по делу «Современного Мира» и «Речи» проходили с 27 марта по 1 мая 1910 г. (собирались 6 раз); Чуковский был приглашен на заседание 17 апреля, также он представил в суд письменные объяснения. Вынесенное решение опубликовано в «Современном Мире» (1910. № 5. Отд. II. С. 126–135); в нем выражалось порицание обеим конфликтующим сторонам; в тексте решения излагались также объяснения Чуковского и контраргументы со стороны состава суда (С. 127–130).

[4] В своих полемических выступлениях Чуковский письмом Брюсова не воспользовался.

[5] Отклик на высказанный в письме Брюсова упрек за высокую оценку творчества И.Е. Репина, данную в статье Чуковского «Репин и Бенуа» (Речь. 1910. № 90, 2 апреля): «Как Вы, у которого какое-то "верхнее чутье" для всего пошлого в литературе, не чуете чудовищной пошлости в полотнах Репина! Сколько ее надо, чтобы написать "Какой простор"! Репин — это Леонид Андреев в живописи».

170. А.М. Ремизову

29 апреля (12 мая) 1910 г. Куоккала[1]

Милый Алексей Михайлович!

Ремизов есть Ремизов, а Хаханов — Хаханов[2]. Поверьте, что никто не смешает. Напрасно он кипятится. Поверьте моему опыту, [а меня лягали и лягают не одни ослы, но и зайцы][3] — надейтесь только на свой талант, а не на письма в редакцию[4]. Ваше письмо напечатано в «Утре России»[5], и Марья Борисовна находит его превосходным. Но если б оно ничего не разъясняло, то «Неуемный Бубен»[6] (только что мною прочитанный) может все

1910 разъяснить, и всегда сделать Вас правым. Какая прозрачная, отчетливая вещь — это «Бубен», чувствую, что в нем — «Новый Ремизов»[7]. Мы живем теперь в *5 минутах* от станции, и потому Вам путешествовать в Куоккала будет значительно легче теперь. Тысячи приветов Серафиме Павловне.

Ваш *Чуковский*

[1] Почтовая карточка. Датируется по почтовому штемпелю: Kuokkala. 12.V.10; С.-Петербургская гор. почта 30–4–10. Отправлено по адресу: Петербург. Алексею М. Ремизову. Малый Казачий пер., 9, кв. 34.

[2] Ответ на письмо от 24 апреля 1910 г., в котором Ремизов пишет: «В У<тре> России в № 124 (Вел. Пятница) от 16 IV напечатаны “Страсти Пресвятые Богородицы”. Их я в “Лимонарь” вставлю. И опять со мною история вышла. Я мог бы смело никакого примечания не писать к “Страстям” этим, так как лишь источник грузинский, на который ссылаюсь, только намекнул мне развить тему. Я послал письмо в У<тро> Р<оссии> — ответ А. Хаханову, который обвиняет меня в недобросовестном составлении примечаний. Письмо А. Хаханова в У<тре> Р<оссии> № 125 от 17.IV (Вел. Суббота). Письмо мое не напечатали. Посылаю Вам его. Не умею я писать эти письма деловые. Я от Вас одно доброе видел и считаю долгом письмо мое послать Вам, чтобы знали Вы» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 70. Ед. хр. 26).

[3] Так в оригинале: текст в квадратных скобках.

[4] Ср. это мнение Чуковского с позицией С.М. Городецкого, который, как известно, тоже использовал фольклор и этнографические материалы в своем мифотворчестве. 27 апреля 1910 года поэт писал Ремизову в связи с данным инцидентом: «Ваше письмо — как видели — уже напечатано в “У<тре> Р<оссии>”. Попробую еще воспроизвести его в “З<олотом> Р<уне>”. Аничкова, по-моему, приобщить хорошо. А контору “Утра Р<оссии>” донимайте письмами и открытками» (ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 95). Однако стороны отказались от дальнейшей эскалации конфликта. Возможно, желая таким способом «извиниться» перед писателем, осенью 1910 года газета опубликовала статью Петра Кожевникова «Коллекция А.М. Ремизова (Творимый апокриф)» (Утро России. 1910. 7 сент. № 243. С. 2) с восторженным описанием его домашнего собрания игрушек, многие из которых стали прототипами персонажей ремизовских сказок, прежде всего из книги «Посолонь». На этом история завершилась.

[5] «Письмо в редакцию» Ремизова было напечатано 25 апреля. См.: *Ремизов Алексей*. В ответ на письмо А.С. Хаханова по поводу моего рассказа “Страсти Пресвятыя Богородицы”» (Письмо в редакцию) // Утро России. 1910. 25 апр. № 131. С. 5.

[6] Повесть Ремизова «Неуемный бубен», по свидетельству самого автора, была написана под впечатлением от рассказов его приятеля — юриста и археолога, знатока русской старины, основавшего Романовский музей в

г. Костроме, И.А. Рязановского. Весной 1909 года Ремизов прочел повесть на вечере в редакции журнала «Аполлон». Возможно, о том, какое сильное впечатление это чтение произвело на некоторых слушателей, стало известно Чуковскому. Не случайно в письме **171** он предлагает писателю обратиться с предложением опубликовать сборник, открываемый «Неуемным бубном» именно к редактору «Аполлона» С.К. Маковскому. Между тем журнал отказался поместить повесть. И тогда, при содействии А.И. Котылева, Ремизов отдал ее М.Л. Бенштейну в альманах «Нового журнала для всех» (подробнее об этом см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 193–195, 470–472; комментарий А.М. Грачевой). Вскоре она вошла в первый том «шиповниковского» Собрания сочинений писателя (1910–1911), а в 1922 году была опубликована в Берлине отдельным изданием под заглавием «Повесть о Иване Семеновиче Стратилатове».

[7] Вскоре Чуковский написал рецензию на эту повесть (*Чуковский К.* Последние рассказы А. Ремизова // Речь. 1910. 14 (27) июня. № 160. С. 3).

171. А.М. Ремизову

13 (26) мая 1910 г. Куоккала[1]

Дорогой Алексей Михайлович!

Что я могу?
Как помогу?[2]

Был я недавно в «Шиповнике» (там издают одну мою брошюру[3]) — и вдруг Гржебин[*4] говорит: кстати, мы хотели бы с Вами поговорить насчет Ремизова. Тут почему-то разговор пресекся. Если хотите, я могу поговорить с этим издательством. Но думаю, что Ваше слово авторитетней.

Сам я и беден и мал,
Сам я смертельно устал.

А то можно еще переговорить с Натаном Сергеевичем Цетлиным[5], издателем «Просвещения». Он живет где-то на Знаменской, узнайте по телефонной книжке № дома. Кажется, в № 7 или в № 3[6].

А то еще Сергей Конст. Маковский[7] мог бы Вам помочь. Поговорите с ним. Я-то сам до того истаскался, что мне и санатория не поможет[8]. Кланяюсь Серафиме Павловне. Усердно зову Вас к нам в воскресение.

Ваш *Чуковский*

---

[*] А может быть и С.Ю. Копельман[9] — забыл кто.

1910

[1] Почтовая карточка; датируется по почтовому штемпелю: Куоккала. 26.V.1910; СПб. 14–5–10. Отправлено по адресу: Петербург. Алексею Михайловичу Ремизову. М. Казачий переулок, 9 кв. 34.

[2] Здесь и далее Чуковский цитирует стихотворение Ф.К. Сологуба «В поле не видно ни зги...» (1897). (*Сологуб Ф.* Стихотворения. Л., 1979. С. 186 (Б-ка поэта. Большая серия).

[3] Вероятно, речь идет о сборнике статей Чуковского «Критические рассказы», который вышел в издательстве «Шиповник» в 1911 году.

[4] *Гржебин* Зиновий Исаевич (наст. имя и фам. Зелик Шиев; 1869–1929), художник и издатель, совладелец (с С.Ю. Копельманом) издательства «Шиповник», выпустившего сказку для детей «Морщинка» и Собрание сочинений Ремизова, а также его повести «Крестовые сестры», «Пятая язва» (Литературно-художественный альманах издательства «Шиповник». СПб., 1912. Кн. 18. С. 107–201) и ряд более мелких произведений в составе альманахов и сборников. В 1918 году приобрел у писателя права на публикацию его книг и тем самым оказал Ремизову существенную материальную поддержку. Через год основал «Издательство З.И. Гржебина» под патронажем Горького, а затем, уехав в Берлин, открыл там филиал и стал публиковать книги русских авторов, права на которые принадлежали ему по договорам 1918–1920 годов. В частности, с 1922 по 1923 год здесь вышли шесть книг Ремизова («Ахру», «Русалия», «Крестовые сестры», «Пятая язва», «Кукха», «Сказки русского народа, сказанные Алексеем Ремизовым»). Эта деятельность Гржебина была рассчитана на русский рынок. Поэтому, когда в 1923 году советские власти запретили ввозить печатную продукцию его фирмы на территорию России, издатель окончательно разорился. О нем см. также *Дн.-13.* С. 491–493.*14 апреля 1968.*

[5] *Цетлин* (Цейтлин) Натан Сергеевич (1870–?) — владелец издательства «Просвещение», существовавшего с 1896 по 1922 год и выпустившего более 500 книг. Художественную литературу «Просвещение» издавало в двух сериях: «Всемирная библиотека» и «Современная библиотека». Возможно, добиваться включения в последнюю и предлагает здесь Чуковский. Ремизов последовал его совету, однако уже 21 мая 1910 года получил вежливый официальный отказ принять к изданию сборник рассказов (ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 177).

[6] Н.С. Цетлин жил по адресу: Знаменская ул., д. 7.

[7] О *С.К. Маковском* см. «Список адресатов». Маковский — редактор журнала «Аполлон».

[8] Чуковский отвечает на письмо Ремизова от 11 мая 1910 г.: «Приходит лето, уезжать надо и т. д <...> Я могу издать книжку <...> Не найдется ли у Вас издательства, которому Вы могли бы порекомендовать меня, которое послушалось бы Вас. Аванс надобен руб. в 400 <...> Мне надо в санаторию определиться» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 70. Ед. хр. 26).

[9] *Копельман* Соломон Юльевич (1881–1944), совладелец (с З.И. Гржебиным) и главный редактор издательства «Шиповник».

172. М.Н. Альбову

Июнь 1910 г. Куоккала[1]

Дорогой Михаил Нилович!

Не могу Вам выразить, до чего мне больно, что Вы нездоровы. Я начал когда-то с того, что полюбил Альбова-писателя, но недавно с удивлением заметил, что очень люблю и чту Альбова-человека. Может быть, Вам это и неприятно, может быть Вам это и ненужно, — но Ваше грустное письмо[2] навеяло на меня такую тоску, что я весь день не могу найти себе места. Что говорят врачи? Ведь там, в Погулянке, врачи превосходные. Я уверен, что массаж и ванны сильно поднимут Вашу жизнеспособность, — как это Вы раньше не додумались до массажа и ванн. Спросите врача, что он думает о *«Сенатогене* Бауэра», должно быть это никчемный препарат, но я его принимаю, и как это ни странно, он мне помогает. Я жил недалеко от Погулянки (в Меддуме) и знаю, что за очаровательный там климат: во всяком случае, это не Парголово, от пристрастия к которому Вы, я надеюсь, теперь излечились надолго. Что касается меня, то я здоров, хотя доктор неожиданно открыл у меня больное сердце, запретил пить чай и кофе — я дую молоко, — очень много читаю и почти ничего не пишу. Недавно у меня вышел с «Шиповником» прелюбопытный эпизод. Я отдал этому издательству две свои книжки, о Уитмэне[3] и сборник критических статей. В прошлый понедельник прихожу туда (а они теперь на новой, роскошной квартире: Николаевская, 31) — мне дают для подписи контракт, в к<ото>ром между прочим значится следующий пункт:

«Редакция «Шиповника» оставляет за собой право устранить из книги К.И. Чуковского все, что найдет неудобным для печати».

Я увидел этот пункт, и как будто ослеп от ярости, закричал:

— Как?!?!

Мне разъяснили: моя статья об Андрееве[4] столь резка, что, например, ее — издательство «Шиповник» (находящееся под высокой рукой Андреева) — не могло бы напечатать в книге.

Я к телефону (у Андреева теперь телефон) — Леонид Николаевич! Как Вы относитесь к моему последнему фельетону?

— Ваш фельетон отвратителен.

— Но Вы ничего не имеете против того, чтобы он был напечатан в «Шиповнике»?

— Мне кажется, что ради своей собственной репутации Вы не должны печатать таких слабых статей, как Ваш последний фельетон обо мне.

Словом, я должен был поехать к Андрееву, пробеседовать с ним полночи, и наконец-то он примирился с моим фельетоном. Я Андреева очень люблю, но все это, согласитесь, довольно неблаговидная история.

Как Ваша повесть? Нельзя ли хоть черновичек мне прислать? Я говорил «Шиповнику», что она будет называться «Ночная жуть»[5], те ждут. Будьте добры и здоровы, не забывайте меня.

Марья Борисовна еще не родила, она Вам усиленно кланяется. Погода у нас сырая и ветреная, дачники ходят в пальто.

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по содержанию.

[2] Это письмо в архиве К.И. Чуковского не сохранилось.

[3] Книга К.И. Чуковского об американском поэте Уолте Уитмене (1819–1892) в издательстве «Шиповник» не вышла.

[4] Речь идет о статье «О Леониде Андрееве» (Речь. 1910. № 153. 6 (19) июня). В ней говорится: «Изо всех созданий современного искусства я особенно люблю афиши <...> в литературе разве не появился у нас гений этой новой площадной цивилизации? Разве нет у нас Леонида Андреева?» Хоть Андреев и дал согласие на публикацию статьи, издательство не спешило ее обнародовать. Вопреки первоначальной воле автора, сборник статей К.И. Чуковского был разбит на две части. Первая («Критические рассказы») увидела свет в 1911 г., а вторая («Лица и маски», со статьей «О Леониде Андрееве») лишь в 1914-м. Чуковский дорожил статьей об Андрееве и в 1911 г. выпустил ее отдельным изданием. Объясняя свою позицию, критик говорит в предисловии: «Я здесь восхищаюсь Андреевым, а тон у меня такой, как будто я обличаю. Андреев пишет плакаты — что ж, разве это не прекрасно! <...> Какая размашистая кисть и какая превосходная вульгарность!» (*Чуковский К.И.* О Леониде Андрееве. СПб., 1911. С. 3–4. См. *Т.* 7 наст. изд.).

[5] Повесть М.Н. Альбова «Ночная жуть» была опубликована посмертно в журнале «Пробуждение» (1912. № 17–22).

173. М.Н. Альбову

9 июля 1910 г. Куоккала

9/VII 910 г.

Дорогой Михаил Нилович.

Это было гнусное время: только теперь родила моя жена. Роды были трудные — созвали целый консилиум, — она кричала

20 часов — потом хлороформ, щипцы и т. д. — все это у нас дома — так что я совсем измучился, ни писать, ни читать не мог. Все подготовлено было для родов в больнице — и деньги вперед уплатили — и жена была в больнице 3 дня, на четвертый приехала на минутку в Куоккала — и тут-то ее захватило. То, что Вы пишете о себе, было бы очень грустно, если бы не было самогипнозом. Еще Жихарев[1] говорил мне, что самое плохое в Вашей болезни — это постоянная Ваша мысль о ней, постоянное прислушивание к своему организму. Меня Ваше письмо вдохновило до сумасшествия, и я подумал, что если б у меня была хоть какая-нибудь, хоть крошечная возможность, я бы поехал к Вам, в Погулянку, я бы читал Вам вслух, я бы с Вами бродил по парку и авось хоть немного отвлек бы Вас от этой неустанной мысли о недуге. Я бы захватил с собой книгу Джемса «Многообразие религиозного опыта»[2] — и прочитал Вам оттуда страницы о Духовном Врачевании. Слыхали ли Вы про то, что в Америке с удивительным успехом действует теперь «религия душевного здоровья». Это учение и с теоретической и с практической стороны является оптимистическим представлением о жизни. «Основатели этой религии обладали интуитивною верой во всеспасительную силу состояний душевного здоровья как такового — в победную силу мужества, надежды, доверия, и соответственно с этим презирали сомнения, страх, страдания и вообще все патологические состояния духа». Их вера была подкреплена практическим опытом, — говорит James, — опыт этот представляет теперь внушительные итоги. Слепым возвращалось зрение, хромым — способность ходить, безнадежно больные — становились совершенно здоровыми. Было много случаев возрождения личности, и радость была возвращена многим семьям. Косвенное влияние этого учения огромно. Доктрина духовного врачевания насытила воздух. Постоянно слышишь об «Евангельи отдохновения», слышишь клич: «не страдайте!» — Во многих домах запрещены жалобы на дурную погоду, и все растет число людей, считающих неприличным говорить о неприятных ощущениях. Несомненно, что это движение нашло широкое распространение благодаря своим практическим результатам. И вот по всей Америке несется клич: «Не нужно страха». Страх — источник болезней. «Подумайте на минуту о той жизни, которая предстоит нам с первых дней нашего существования. Подумайте о разных условиях, обычаях, социальных требованиях и т. д. Ко всему этому присоединяется длинная цепь опасений: после болезней детства — болезни зрелого возраста, потом болезни старости, мысль о том, что мы состаримся, потеряем силы и способности, — и все это венчается страхом смерти. В общем, это бесконечный список всякого рода стра-

хов и мучительных тревог. Опасение отравиться вредной пищей, страх ветра, жары, холода, возможности насморка. Длинный ряд ужасов, грядущих забот, беспокойств, тоски, предвидений, пессимистических мыслей — чудовищное шествие мрачных видений, *так часто вызываемое нашими советчиками-докторами*. Не удивительно ли после этого, что здоровье все-таки существует!» Вслед за этим Джемс (ученый психолог) приводит несколько писем от вполне заслуживающих доверия лиц — как они излечивались от болезней желудка, от опухолей и т. д.

Не думайте, что мораль этих строк я приспособляю для Вас. Я не настолько безвкусен. Но все же я боюсь, что Ваше лечение в Погулянке имеет ту дурную сторону, что Вы *официально признали* себя больным. Не навевают ли на Вас доктора разных тяжелых кошмаров? Что, если б Вам где-нибудь на лоне природы — в обществе — постоянно отвлекаясь и развлекаясь — прожить два-три оставшихся месяца. Вы пишете о своей старости, — но позвольте же мне, рецензенту, знать, сколько лет моему любимому автору. М.Н. Альбов родился в 1851 году — говорят словари. Значит, М.Н. Альбову нет еще и 60 лет, Репину 66 лет, а если назвать его стариком, он удивится. Чемберлен в 64 года *начал* карьеру. Нет, не говорите о старости, М<ихаил> Н<илович>. Я видел Вас последний раз у себя, Вы порозовели и вид у Вас был очень бодрый. Относительно «Жути», молю Вас, пришлите мне черновик. Вы знаете, он у меня не пропадет. Я сохраню его свято. Я берусь совершенно искренно сказать Вам свое впечатление, хотя наперед уверен, что кроме художественной радости эта вещь мне ничего не доставит. Даже если она и слабее «Сироты»[3] и «Глафириной тайны» — то и тогда это очень сильная вещь. Я говорил о Вас с Андреевым, он считает «День итога» классическим произведением, а остальные — не читал. Я послал ему остальные. Здесь Короленко. Я напомнил ему, что в «Рус<ском> Бог<атстве>» еще не было рецензии о Ваших книгах, и что, вообще, не пора ли ему написать об Альбове. Он согласился и взялся написать[4]. Ну, до свидания, дорогой Мих<аил> Нилович. Я не спал всю ночь, пишу на рассвете, если ерунда — простите. У меня бессонница — и вот уже месяц, как ни строчки выжать из себя не могу.

Мария Борисовна кланяется. У нас сын[5].

Ваш *Чуковский*

[1] Возможно, речь идет о враче Жихареве, который помогал материально партии эсеров. О нем см.: Минувшее. М.; СПб., 1995. Т. 18. С. 271, 272, 279, 282.

[2] Чуковский говорит о книге американского философа и психолога Уильяма *Джемса* (1842–1910), вышедшей в Москве в 1910 г. в переводе В.Г. Малахиевой-Мирович и М.В. Шик под редакцией С.В. Лурье.

[3] Повесть «Сирота» впервые была напечатана в журнале «Мир Божий» (1901. № 1–6).

[4] Обещание не было выполнено. В.Г. Короленко еще в 1887 г. начал писать рецензию на второе издание книги М.Н. Альбова «Повести и рассказы» (СПб., 1888), но так и не закончил ее. Рецензия опубликована Р.П. Маториной в кн.: В.Г. Короленко о литературе. М., 1957. С. 304–312.

[5] Младший сын Чуковских Борис родился 30 июня 1910 г.

174. П.Б. Струве

Лето 1910 г. Куоккала[1]

Многоуважаемый Петр Бернгардович.

Читая Джемса «Многообразие религиозного опыта», я наткнулся на имя Уота Уитмэна, и в сотый раз подумал: нужно написать о нем книгу!

Я изучаю этого поэта с 1903 года, так что не только знаю его, но и имею о нем определенное мнение. Теперь, кажется, в России начинают им заинтересовываться. Когда-то я сочинил о нем брошюрку[2], но так как был тогда под влиянием Вяч. Иванова и Бальмонта, то язык моих переводов был ернический, напыщенный и в высшей степени «нечестный». Мне стыдно теперь взять в руки эту брошюру. Нужно все начинать сначала. Посылаю Вам поэтому целую партию новых своих переводов, напечатайте их, если вообще захотите их печатать, все *сразу, подряд;* Whitman в отрывках поразителен; напечатайте в ближайшей книжке; читатель начнет разбираться, недоумевать, удивляться, тогда-то — к следующей книжке, я пришлю новую партию и *статью,* где все это будет разъяснено и приведено в связь. Начинать же статьею, без предварительного напечатания стихов, это значит лишить читателя конкретности понимания. Для того же, чтоб ознакомиться с точностью моих переводов, возьмите книгу Джемса «Прагматизм», там на стр. 167—168 приведен отрывок из стихотворения «Тебе» в переводе Павла Юшкевича.

Прошу Вас сообщить мне все, что Вы думаете по этому поводу, возможно скорее. Адрес тот же: Куоккала (Ф<инляндская> Ж<елезная> Д<орога>) д. Анненкова. Гонорар по Вашему усмотрению; в деньгах теперь нуждаюсь гораздо меньше.

1910

[1] Датируется по упоминанию о чтении книги Джемса (см. об этом в письме **173**).

[2] Имеется в виду книга: *Чуковский К.* Поэт-анархист Уот Уитман / Перев. в стихах и характеристика. [СПб]: Кружок молодых. [1907].

175. И.Е. Репину

Ок. 26 августа (8 сентября) 1910 г. Куоккала[1]

Дорогой Илья Ефимович.

Три дня меня не было дома и только теперь мог прочитать изумительное Ваше письмо. Хотя для меня несомненно, что, читая мой фельетон[2], Вы вложили туда *свое* душевное содержание, обогатили его *своим собственным* богатством (как Толстой делает часто со многими, кого хвалит и кем восхищается), но все же, как Вы знаете сами, Ваше письмо было для меня как орден, как чин, как Высочайшая Награда. Ваши строки о смертной казни я помню наизусть и привел их по памяти — до того они меня поразили. Ах, если б Вы захотели написать хоть десять строк еще — на ту же проклятую тему. Короленко написал 70 строк — превосходно, известил меня, что пришлет их на днях[3]. Если б написали еще и Вы, то я осмелился бы, поехать бы к Толстому, вымолил бы у него афоризм о казни и к сентябрю, когда все петербуржцы съезжаются, когда начинается «сезон», напечатал бы в «Речи» в *черном ободке* слова Толстого, Репина, Короленки, Андреева, Горького о смертной казни. Это так необходимо. Это сразу бы передали по телеграфу за границу, это сразу возбудило бы обывателя, подхлестнуло бы его; я не очень верю в действие печатного слова, но нужно, чтобы как гром *внезапно* грянули слова всех лучших граждан России. Правительство не посмеет выступить с какой-нибудь карою против газеты, — Столыпину[4] и другим как будто стыдно вступаться за смертную казнь. Вы заметили, что «Семь повешенных»[5] и статья Короленки прошли без каких бы то ни было препон со стороны цензуры. Значит, *можно* резко и откровенно крикнуть палачам, что они палачи. История не забудет, что при Николае Глупом Репин три раза подымал свой голос против казней[6]. Ради Бога, набросайте же пять-десять строк и пришлите мне. Я поставил себе это как бы целью жизни — добыть эти строки от 5 или 6 «лучших людей» и преподнести их засыпающему русскому обывателю.

Сердечный привет Наталье Борисовне. У меня для библиотеки «Прометея» собрано несколько книг. На днях пришлю.

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по содержанию.

[2] Речь идет о статье К. Чуковского «Последние произведения Короленко («Бытовое явление» и «История моего современника») (Речь. 1910. 22 авг. (4 сент.). Об этой статье Репин писал Чуковскому 23 августа: «Дорогой Корней Иванович. Какое счастье было вчера — читать Ваш фельетон о Короленке! Какой, еще неслыханной силой, загремел Ваш голос! Браво! Браво! Меня, как старика, уже считающегося с ответственностью людских деяний, восхитила особенно положительная сторона статьи: я увидел в первый раз, что Вы способны с такой силой выступить во всеоружии прав гражданина, — я наслаждался и трепетал от радости...

Не шутки шутить,
Не людей смешить...

Дай Бог, дай Бог. Только такой праведный гром рыцаря без страха и упрека, поставит Вас наряду с Белинским. А силы у Вас есть. Если в юморе они, щелкая бичами, были слышны на всю необъятную Россию, то труба призыва к ответственной правде всколыхнет море заблудшихся — они услышат и увидят истинный свет и правду. Обнимаю Вас в полном восторге» *(Репин.* С. 46–47).

[3] В.Г. Короленко прислал из Полтавы заметку «Один случай», которая была опубликована в газете «Речь». 1911, 10 апр.

[4] *Столыпин* Петр Аркадьевич (1862–1911), государственный деятель, министр внутренних дел.

[5] Имеется в виду «Рассказ о семи повешенных» Л.Н. Андреева, к которому Репин делал иллюстрации («Их привезли», 1908 г.). Одновременно им была на эту же тему написана картина (местонахождение ее неизвестно).

[6] Репин не однажды высказывал в печати свое резко отрицательное отношение к смертной казни, со свойственной ему горячностью выступая за ее немедленную отмену. Первая статья «О смертной казни» была написана художником в 1908 году и посвящалась 80-летию Л.Н. Толстого. Она предназначалась для газеты «Речь», но напечатана не была, так как «об отмене смертной казни запрещено печатать что-либо», — написал Репин на рукописи. Статья впервые опубликована в сборнике «Новое о Репине» (Л., 1969. С. 20–21). Художник трижды в течение 1909—1910 годов возвращался к этой теме. Автографы хранятся в Научной библиотеке Академии художеств (НБАХ) России, СПб. (архив Репина) и в Отделе рукописей Государственной Третьяковской галерии (ОР ГТГ). Ни один из вариантов при жизни Репина напечатан не был.

176. В.Я. Брюсову

31 августа (13 сентября) 1910 г. Куоккала[1]

Дорогой Валерий Яковлевич.

Спасибо за память. Вы, может быть, и сами не замечаете, сколько раз в течение этих пяти лет оказывали мне покровительство.

1910 Конечно, я рад работать под Вашей редакцией[2]. Теперь у меня (в голове) есть статья о Шевченке (кстати, скоро 50 лет со дня его кончины[3]) — и если мне удастся написать ее так, как я ее задумал, она будет лучше всего, что мною было написано. Я постараюсь прочитать ее в Лит<ературно->Х<удожественном> Кружке, буде меня пригласят.

Вторая статья будет о Уитмэне. Нужно же загладить перед этим поэтом мою величайшую вину: черт знает, чего я не порол о нем в прежние годы. Теперь я заново перевел очень много его стихотворений — и даже пять или шесть из них (превосходные!) послал П.Б. Струве[4]. Но П.Б. потребовал, чтобы я послал ему краткое хотя бы вступление, иначе он этих стихов напечатать не может. По-моему же так: в одной книжке напечатать стихи, а в другой дать о Уитмэне подробную, обстоятельную статью[5].

Из «хлестких» статей у меня сейчас изготовляется ругательная статья об Аверченке («Веселая Устрица»)[6] и еще одна: о Надсоне:

«Поэт Зубных Врачей»[7].

Но такие статьи мне писать очень трудно, и за них я бы взял гонорар, как за беллетристику.

Почему Вы так долго не издаете своих критических очерков?

Ваш *Чуковский*

Летом я был в Стокгольме и в Гельсингфорсе. Вспоминал

В этом море кто так щедро[8]

и

О трезвый Гельсингфорс[9].

[1] Ответ на письмо В.Брюсова от 26 августа 1910 года. Датируется по почтовому штемпелю: Куоккала. 13.IX.10; Москва. 2.IX.1910.

[2] В своем письме Брюсов сообщает, что он принял на себя заведывание литературным отделом журнала «Русская мысль» и приглашает Чуковского к сотрудничеству.

[3] Украинский поэт и художник Тарас Григорьевич *Шевченко* (1814–1861) скончался 26 февраля 1861 г.

[4] О *П.Б. Струве* см. «Список адресатов».

[5] Ни статья Чуковского, ни его новые переводы из Уитмена в «Русской мысли» после этого не появились.

[6] Аркадий Тимофеевич *Аверченко* (1881–1925), прозаик, драматург, театральный критик; юморист и сатирик. *«Веселые устрицы»* — заглавие сборника его рассказов (1910). Характеристику творчества Аверченко Чуковский дал в статье «Устрицы и океан» (Речь. 1911. № 77, 20 марта; *Т.* 7 наст. изд. С. 513–519).

[7] Статью о поэте Семене Яковлевиче *Надсоне* (1862–1887) Чуковский не опубликовал. В письме к Струве от 2 сентября 1910 г. (Post Scriptum)

Брюсов сообщил предложенные Чуковским темы статей, добавив: «Думаю просить у него статью о Шевченко и Аверченко; о Уитмане Вам легче решить, так как переговоры с ним Вы уже начали. Статью о Надсоне *я* напечатал бы с удовольствием, ибо считаю Надсона пошляком из пошляков, но “не раздразним ли мы этим гусей”?» (ИРЛИ. Ф. 444. Ед. хр. 43.). Струве отрицательно отнесся к предложению Чуковского (письмо к Брюсову от 5 сентября 1910 г.): «Что касается статьи о Надсоне, то в эстетической оценке его я с Вами в общем согласен. Но нужно ли нам выкапывать Надсона для того, чтобы указать ему настоящее место в литературе? Резко и грубо надлежит говорить нужную правду, а Надсона обожают теперь только гимназистки и некоторые почетные академики, т. е. гимназистки всех возрастов и рангов, — для исправления их суждений о Н<адсоне> не стоит делать скандала и выпускать Чуковского. Пусть наскандалит тогда, когда это будет действительно нужно» (ИРЛИ. Ф. 444. Ед. хр. 59).

[8] Первая строка стихотворения Брюсова «К Швеции» (сентябрь 1906 г.) из книги «Все напевы». См.: *Брюсов В.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т. 1. С. 453.

[9] В письме от 4 марта 1906 г. Брюсов прислал Чуковскому «отрывок из некоей ненапечатанной моей пьесы», начинавшийся словами: «О, трезвый Гельсингфорс...» Отрывок представлял собой ироническую вариацию на тему стихотворения К.Д. Бальмонта «Воспоминание о вечере в Амстердаме» («О, тихий Амстердам...») из книги «Горящие здания» (М., 1900). См.: *Бальмонт К.Д.* Стихотворения. Л., 1969. С. 185 (Б-ка поэта. Большая серия).

177. В.Г. Короленко

13 сентября 1910. Куоккала[1]

Многоуважаемый Владимир Галактионович.

Вчера Репин вручил мне свой отзыв о см<ертной> казни[2]. Его рукопись почти вдвое короче Вашей, и вот из нее отрывки:

«Казни совершаются в присутствии служителей Престола Божия!! Священник входит в алтарь с кровью Каина на руках!»

«...Долгой и постоянной бдительностью вы воспитывали храбрость, презрение к смерти, задор к убийствам. Большими щедротами вы отличали захваты чужого в пользу своих... И вот: самых способных учеников ваших, потерявших только рассудок от страсти к делу, вы караете истреблением! Где же логика!! Ведь это ваши кровные дети, быть может, самые даровитые...»

Остального не цитирую, так как остальное надо бы переделать: Илья Ефимович принес мне черновик, и только в ближайшую среду будет установлена окончательная редакция. Тогда тотчас же сообщу Вам полную копию[3]. Я прочитал Репину Ваш

«Один случай»*[4], Репин в восторге. Что ответил Вам Горький? Боюсь, что отказал[5]. Не было ли в Вашем письме к нему упомянуто мое имя? Он меня очень не любит. А я здесь решительно не при чем: я только передаточный пункт. Необходимо несколько строк от Толстого, но я никак не могу решиться поехать к нему. Андрееву «все некогда»; чуть я поправлюсь здоровьем, я еще раз поеду к нему.

Здесь, в Куоккала, теперь очень хорошо. По утрам заморозки, а море, как синька, синее. Волны такие белые, что даже не верится. Дни ровные, солнечные. Приезжайте сюда скорее: Илья Ефимович горит нетерпением писать Ваш портрет. Он вчера даже пальцем по воздуху чертил контуры этого портрета. Стал в воинственную позу, щеки надул, руки скрестил и говорит: — Это Короленко! — Я даже испугался: что вы! что вы! Это Байрон, а не Короленко. Но он говорит: «вот увидите». Картину «18 октября» он изменил совершенно: теперь она еще лучше. Приезжайте скорее, ибо m-me Нордман на днях уезжает в Париж, где пробудет всего только месяц.

Ваш *Чуковский*

Понедельник, 13-го сентября

---

* Больше никому не показывал, даже редакция «Речи» покуда не знает о нем. Даже Марье Александровне[6] «отказал».

[1] На письме помета Короленко: Отв. 18 сентября 1910.

[2] Это письмо к В. Короленко написано в связи с протестами русской интеллигенции против смертной казни в России. Под влиянием рассказа Короленко «Бытовое явление» и после разговора с ним самим Чуковский решил обратиться к виднейшим писателям и художникам с тем, чтобы их протесты были напечатаны в газете «Речь» (см.: Современники. *Т. 5*наст. изд. С. 14–17).

[3] Редакция «Речи» и редакции других газет, в которые обращался К. Чуковский, отказались печатать эту статью Репина из-за ее резкости (Там же. С. 27).

[4] 6 августа 1910 г. В.Короленко писал Т. Богданович: «Когда увидите Корнея Ивановича, скажите ему, пожалуйста, что я не надул. Набросал в поезде заметочку (тему Вы знаете)». Заметочка называлась «Один случай» (Там же. С. 17).

[5]19 августа 1910 года В. Короленко обратился к М. Горькому с письмом, в котором просил его написать для «Речи» несколько слов по поводу смертной казни. Горький отказался выступить в «Речи», которая была органом кадетской партии (см.: *Короленко В.Г.* Собр. соч.: В 10 т. М.:

Гослитиздат. Т. 10, 1956, С. 459–460; *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. М.: Гослитиздат. Т. 10, 1955. С. 128).

[6] *Коломенкова* Мария Александровна — издательница сочинений В.Г. Короленко и его поклонница, которая в этот период гостила у Короленко и описала свою встречу с Чуковским в письме к Короленко от 8–9 октября 1910 года, где, кстати, фигурировал и конверт со статьей «Один случай» (сообщено М.Г. Петровой).

178. В.Г. Короленко

После 9 октября 1910 г.

Многоуважаемый Владимир Галактионович.

Получив Ваше письмо, я тотчас же отправился в С<анкт>-П<етербург>, и первый, к кому я обратился, был Д.С. Мережковский. Д<митрий> Сергеев<ич> с радостью согласился высказать свое отношение к казни — но посоветовал сделать так: в одном номере «Речи» поместить только 5 или 6 имен (даже три или четыре), а в другом (через два-три дня) — множество: Карповых, Сидоровых, адвокатов, публицистов, журналистов, обществ<енных> деятелей и т. д. Тогда получится такое впечатление, будто они примкнули, будто общество «зашевелилось» и ждало только первого голоса, чтобы откликнуться. Я посоветовался с редакцией «Речи», там этот план очень понравился. Поэтому я думаю, чтобы в одном № появились статьи Толстого, Андреева, Репина, Мережковского и Ваша, а в другом к тому времени собрать побольше голосов из общества[1]. Мережковский пришлет через 2—3 дня, Андреев тоже, и, таким образом, нужен только отзыв Толстого. От Репина я знаю, что Толстой непременно даст, но когда? Если к будущему воскресению не будет его письма, в понедельник я выеду в Ясную Поляну[2].

Худо то, что я не совсем здоров и даже это письмо мне сегодня трудно написать. Простите, если оно покажется Вам бессвязным.

И.Е. <Репин> изготовил новую редакцию письма, гораздо глаже и цензурнее. Я пришлю Вам это письмо на днях.

Преданный Вам *Чуковский*

[1] Из всех протестов против смертной казни в «Речи» были напечатаны только статья Л. Толстого и заметка Вл. Короленко «Один случай» (1911, 10 апр.).

[2] В конце ноября 1910 года, уже после смерти Толстого, К. Чуковский ездил в Ясную Поляну; его принял друг и единомышленник Л. Толстого В.Г. Чертков, с которым Корней Иванович, по его словам, провел целый день (см. ниже письмо **183**).

179. Л.Н. Толстому

24 октября (6 ноября) 1910 г.

24.X.1910

Лев Николаевич. Не кажется ли Вам, что все протесты против смертной казни — и Ваше «Не могу молчать», и Леонида Андреева «Рассказ о семи повешенных», и Короленко «Бытовое явление» — имеют один очень большой недостаток? Они слишком академичны, недоступны уличной толпе, слишком для нее длинны и сложны, похожи на диссертации и, увлекая наиболее чуткую часть нашего общества, равнодушных так и оставляют равнодушными.

Это все тяжелая артиллерия, а в борьбе с палачеством нужны и летучие отряды — для партизанских набегов, и мне кажется, было бы хорошо, если бы в одно прекрасное утро в какой-нибудь распространенной газете *сразу, внезапно* появились *краткие* (по сорок, по пятьдесят строк!) протесты против казни, подписанные именами наиболее авторитетных в России и за границей людей.

Представьте себе, что в газете «Речь», на самом видном месте, появляются *в черной рамке* строки о казни — Ваши, И.Е. Репина, Л.Н. Андреева, Вл. Короленко, Мережковского, Горького — внезапно, неожиданно, — это всех поразит, как скандал, — и что же делать, если современное общество только к скандалам теперь и чутко, если его уснувшую совесть только скандалом и можно пронять.

В «Вестнике Европы» недавно появились превосходные очерки о «Смертниках»[1]. И что же! Этих очерков *никто не заметил.* В газете же краткие выражения ужаса и негодования обратят всеобщее внимание, и об этом «скандале» корреспонденты тотчас же по телеграфу известят всю Европу, в то время как «Бытовое явление»[2] Короленко прошло в Европе совершенно незамеченным.

С этим своим «планом» я обратился к Влад<имиру> Галакт<ионовичу> Короленко, и он, *одобрив мою мысль, прислал мне из Полтавы* превосходный набросок «Один случай», где рассказывает о суде над Васильевым, которого спасло вмешательство Швейцарского правительства.

Горький участвовать в этом коллективном протесте отказался по каким-то партийным разногласиям с газетой «Речь».

Илья же Ефимович Репин вчера мне прислал свое красноречивое и пылкое осуждение виселице, — и это дает мне смелость обратиться и к Вам, Лев Николаевич, с такой же мольбой: пришлите мне хоть десять, хоть пять строчек о палачах и о смертных казнях, и редакция «Речи» с благоговением напечатает этот единовременный протест лучших людей России против неслыханного братоубий-

ства, к которому мы все привыкли и которое мы все своим равнодушием и своим молчанием поощряем[3].

Любящий Вас *К. Чуковский*

Ст. Куоккала Финл. Ж. Д.
Корнею Ив. Чуковскому

Если захотите предварительно познакомиться со статьями Короленко и Репина, которые есть у меня, я их немедленно Вам доставлю.

Ко времени этого письма Л.Н. Толстой хорошо знал имя молодого журналиста Чуковского: весной того же года он обсуждал с Леонидом Андреевым статьи Чуковского «Нат Пинкертон и другие» и «Куда мы пришли», посвященные новому массовому искусству — кинематографу и проблемам массовой культуры вообще. В интервью журналисту мистеру Рэю (С.С. Раевскому) Леонид Андреев сообщил: «Спрашивал Лев Николаевич и о критиках. Между прочим, Лев Николаевич указал на Чуковского, который умеет и смеет касаться тем, до которых не решаются спуститься высокопоставленные критики. Как на образец он указал на статью Чуковского о кинематографе — этом новом "художественном" явлении последних дней, имеющем такое громадное влияние на толпу» (Утро России. 1910, 29 апр.).

[1] Смертники // Вестник Европы. 1910. № 8. С. 121–147. (Подпись: С.)

[2] Очерк «Бытовое явление» В.Г. Короленко издавался на многих европейских языках с письмом Л. Толстого автору в качестве предисловия.

[3] Письмо Чуковского Толстой получил 26 октября 1910 г. — в самый канун ухода из Ясной Поляны — и тут же сделал помету на конверте: «Отвечать». В тот же день был сделан первый набросок ответа. Это была статья, позже получившая название «Действительное средство». Работа над статьей продолжалась уже после ухода Л. Толстого из Ясной Поляны, в Оптиной пустыни. Таким образом, ответ на письмо Чуковского — статья «Действительное средство» — последнее произведение Л. Толстого. Статья была опубликована уже после смерти Л. Толстого. Толстой умер 7 (20) ноября 1910 г., его последняя статья была напечатана в газете «Речь» 13 (26) ноября 1910 г. — с послесловием Чуковского.

180. М.Б. Чуковской

9 ноября 1910 г. Москва[1]

Подъезжаем к Москве. У Маныча[2] пропала шапка. Нужно купить ветчины. Едущих в Ясную полный поезд. Если не достанем экстреннего поезда, опоздаем на погребение. Я не спал, но чувствую себя хорошо. Орленев[3] пьяный. Сидел у меня до 2-х часов ночи и декламировал. Деток целую.

Уже видны золотые купола.

1910

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 9.11.09. Адрес: Финляндия. Куоккала. Рукою М.Б.: «Смерть Толстого. 1910 г.».

[2] *Маныч* Петр Дмитриевич (?–1918), второстепенный писатель, близкий друг А.И. Куприна, которого мемуаристы называют «босяком», забулдыгой и т. п.

[3] *Орленев* (псевдоним Орлова) Павел Николаевич (1869–1932), актер и театральный деятель.

181. М.Б. Чуковской

9 ноября 1910 г. Малая Вишера[1]

Дорогая Мария Борисовна. Еду на станцию «Засеку»[2]. Едут в моем вагоне: дочери Короленка, Маныч, Орленев, Елпатьевский[3]. Весь поезд едет в Ясную Поляну. Уже больше 12 часов. Все рассуждают и обсуждают, как из Москвы мы доберемся в «Засеку». Я бодр — и отдаюсь течению. Но впереди у меня бессонницы. Все же рад, что еду.

Твой *Коля*

[1] Открытка. Штамп: Малая Вишера. 9.11.10. Адрес: Финляндия. Станция Куоккала. М.Б. Чуковской. Рукою М.Б.: «Смерть Толстого. 910».

[2] *Козлова Засека* — до 1918 года название станции железной дороги, от которой добирались до Ясной Поляны.

[3] *Елпатьевский* Сергей Яковлевич (1854–1933), писатель-народник.

182. М. Корнейчуковой

11 ноября 1910. Москва[1]

Еду из Ясной Поляны. Я не мог дома вынести этой утраты и поехал туда. Ночевал у Чертковых — и теперь у меня в кармане *последняя* статья Льва Николаевича, которую он по моей просьбе написал для меня[2]. Я сорвал для тебя с надмогильного дуба листок, т. к. знаю, что тебе будет он так же дорог, как и мне. Я чуть с ума не сошел от горя. Целую тебя и маму.

Твой *Коля*

[1] Открытка с фотографией Льва Толстого. Под фотографией текст: «Истинная жизнь происходит не там, где совершаются большие внешние изменения, где передвигаются, сталкиваются, дерутся, убивают друг друга, а она происходит только там, где совершаются чуть-чуточные, незаметные изменения. Лев Толстой». Почтовый штемпель отправления: 11.X1.1910. Москва. Адрес: Одесса. Базарная, 4, кв. 10. М. Корнейчуковой.

[2] См. примеч. 3 к письму **179**.

183. А.П. Сергеенко 1910

14 (27) ноября 1910 г. Куоккала[1]

Дорогой А. П.

Я приехал в Ясную больной, и только от волнения не замечал этого. Но в Москве волнение упало, и болезнь вернулась ко мне. В Петербурге я понял, что мне немедленно нужно ехать домой — и лечь, и лежать день, два, три, покуда хоть немного не поправлюсь. (У меня упадок сил: трудно двинуть рукой; трудно читать газету и т. д.) Но неужели я имею право держать под спудом статью Толстого!?! Конечно, нет. И вот я отдаю эту статью в «Речь», делаю к ней (суконнейшим языком) примечания, прошу послать для цензуры В.Г. Черткову и уезжаю в себе, в Куоккала, уверенный, что теперь-то могу отдохнуть.

Каков же был мой ужас, когда, взявши сегодня газету, я нашел в ней и статью Л<ьва> Н<иколаеви>ча и свои примечания!! Лучше бы печатали без примечаний! Я не готовил этих строк для печати. Эти строки я велел послать В.Г. Ч<ертков>у[2], а потом, когда он их исправит, я думал написать *на основании их* – целый фельетон: «День у Черткова». Теперь все это испорчено по милости моего слишком торопливого редактора. Редактор объясняет свою поспешность тем, что теперь вокруг имени Толстого много протестов против смертной казни и что мы, журналисты, не имеем права в *такую минуту* задерживать, хотя бы на три дня, статью Толстого, посвященную именно этой теме.

Посылаю Вам письмо Леонида Андреева, которое он вчера — в Петербурге передал мне для Вас[3]. Извиняюсь перед В<ладимиром> Г<ригорьевичем> за то, что не выполнил (хотя и невольно!) его желания. Если В.Г. вникнет во все обстоятельства, он простит меня.

Ваш *Чуковский*

Дача Анненкова.

[1] Датируется по дате выхода статьи Л. Толстого в газете «Речь» 13 (26) ноября 1910 — с послесловием Чуковского и по ответу А.П. Сергеенко от 22 ноября 1910 г. (ОР РГБ. Ф. 620. К. 70. Ед. хр. 84).

[2] *Чертков* Владимир Григорьевич (1854–1936), издатель, публицист. Создал при участии Л.Толстого издательство «Посредник», редактор сочинений Л. Толстого.

[3] В своем письме от 12.11.10 г. Л. Андреев отказывается выступить на вечере памяти Л.Н. Толстого, т. к. ему не дают сказать все, что он думает (письмо Л. Андреева присоединено к письму Чуковского).

184. А.В. Руманову

15 (28) ноября 1910 г. Куоккала[1]

Дорогой А<ркадий> В<ениаминович>.

Цель настоящей открытки — загладить одно мое свинство. Дня два назад ночью я позволил себе позвонить по телефону к г<осподину> Гаккебушу[2] и попросил у него позволения позвонить еще через четверть часа. Г<осподин> Гаккебуш мне разрешил, а я, по своей суматошности, позабыл об этом разрешении и вспомнил только тогда, когда сидел в вагоне вдали от всякого телефона. Ради Бога, пойдите сию же минуту к г<осподину> Гаккебушу и попросите у него от моего имени прощения.

Не сердилась ли Ваша супруга[3], что я посетил Вас, направляясь в Ясную Поляну? Думаю, что ради такого экстренного случая, она может не сердиться на меня.

Привет братьям Поляковым[4].

Ваш *Чуковский*

На днях пришлю Вам свою книжку: «Критические рассказы» изд<ательства> «Шиповник»[5].

[1] Почтовая карточка. Датируется по почтовому штемпелю: Куоккала. 28 ноября 1910. Адрес: Петербург, Галерная ул<ица>, ред<акция> «Биржевых Ведомостей». Е<го> В<ысокородию> Аркадию Вениаминовичу Руманову.

[2] *Гаккебуш* Михаил Михайлович (псевд.: М. Горелов; 1874–1929), журналист, публицист.

[3] Е.Л. Руманова. См. примеч. 2 к письму **54**.

[4] Братья Владимир Абрамович и Александр Абрамович Поляковы. Об А.А. Полякове см также примеч. 5 к письму **46**; о В.А. Полякове см. примеч. 14 к письму **7**.

[5] *Чуковский К.И.* Критические рассказы. Кн. 1. СПб.: Шиповник, [1911].

185. В.В. Розанову

Конец ноября 1910 г. Куоккала[1]

Дорогой В<асилий> В<асильевич>.

Не писал Вам потому, что болезнь Толстого для меня — тоска и забвение всех дел и отношений. Я даже шепотом боялся сказать себе, что Толстой умирает — и теперь хожу над снегами в лесу и реву целые дни. Хотел Вам писать, но ничего не выходило. Сейчас напился бромом — и сижу дурак-дураком. Вот чем нехорошо одиночество тут в Куоккала. Вашу статью я читал[2], но теперь все перепуталось. Вас не только люблю раз навсегда, но Вас одного

только и люблю (по крайней мере, с Вами с одним мне сейчас хотелось бы разговаривать). Все противны, все какие-то Арабажины[3], какая оргия пошлости вокруг Толстого — страшно заглянуть в газеты — черт с ними — приезжайте как-нибудь к нам — погоды сверхъестественные — навестите больного — Вы ведь давно уже зимою не бывали в деревне — сказать ли: я статью о Вас писал[4] кокаином — некому меня пожалеть — бессонницы сплошные: Вы все выдумали, будто я «литератор», я такое переживаю, что литераторам и не снилось.

Будьте спокойны.

Ваш *Чуковский*

Адрес мой проще: Куоккала (Финляндской железной дороги), дача Анненкова. Это два шага от станции.

[1] Датируется по упоминанию о статьях Чуковского и Розанова.

[2] Имеется в виду статья: *Розанов В.В.* Литературные и политические афоризмы. Ответ К.И. Чуковскому и П.Б. Струве // Новое время. 1910. 25, 28 ноября и 9 декабря, № 12467, 12470 и 12481.

[3] Чуковский использует как собирательное — имя историка литературы Константина Ивановича *Арабажина* (1866–1929), выпустившего в 1909 году книгу «Публичные лекции о русских писателях» куда вошли лекции о целом ряде писателей, в том числе о Л. Толстом. У Арабажина была репутация человека не слишком щепетильного в вопросах этики.

[4] Имеется в виду статья К. Чуковского о Розанове — «Письма к писателям: Открытое письмо В.В. Розанову» (Речь. 1910. 24 октября (6 ноября), на которую и отвечал В.В. Розанов в «Литературных и политических афоризмах». Статья вошла в сборник статей Чуковского «Книга о современных писателях» (См.: *Т. 7* наст. изд. С. 171–178). Судя по этой публикации в «Речи» Чуковский задумал цикл «Письма к писателям», не получивший продолжения.

186. С.П. Крачковскому

22 декабря 1910 г. Куоккала[1]

Не обижайтесь, многоуважаемый Степан Петрович, что я ни на какую из рубрик, присланных Вами, ни слова ответить не могу[2]. Обращайтесь к ученым, к философам, к поэтам, к художникам, но не к нам, фельетонистам, газетчикам, которые сегодня забывают, что они писали вчера. Вы обо мне имеете слишком преувеличенное представление. Я же еще не сошел с ума, чтобы писать на память «автографы»!

Ваш *Чуковский*

Это не автограф, а просто открытка.

[1] Датируется по почтовому штемпелю.

[2] С.П. Крачковский, находясь в постоянных разъездах, переписывался со многими художниками и поэтами. Накануне Нового, 1911 года разослал им анкету с просьбой ответить на вопросы и оставить автограф (или рисунок) для его альбома. Среди откликнувшихся был, например, К.Д. Бальмонт. О С.П. Крачковском и его коллекции см. статьи Н.Ю. Серебряковой: История одной коллекции // Антик-Respekt. 2003. Май-июнь. С. 63–64; К истории частного собирательства в России. О взаимоотношениях коллекционера с художниками // Культурологические исследования'04: Сб. науч. тр. СПб.: Астерион, 2004. С. 246–249; И.Е. Репин и коллекционер С.П. Крачковский (по материалам переписки 1905–1916 гг.) // Репинские чтения: материалы конференции. – СПб.: НИМ РАХ, 2004. С. 50–58; Неизвестный корреспондент Бориса Кустодиева // Традиции художественной школы и педагогика искусства. Вып. 1: Сб. науч. тр. / Под ред. Е.П. Яковлевой. СПб.: Фонд поддержки образования и творчества в области культуры и искусства, 2005. С. 129–138; О некоторых произведениях из коллекции С.П. Крачковского в собрании ГРМ // Страницы истории отечественного искусства. XVI–XX века: Сб. ст. СПб.: ГРМ, 2007. С. 227–235.

187. В.И. Анучину

До 24 декабря 1910 г. Куоккала[1]

Дорогой Василий Иванович.

Простите меня, Христа ради, окаянного!

Я хотел сегодня приехать самолично, но стало *стыдно,* и вот я через посредство Ивана посылаю Вам корректуру, а сам сажусь — и пишу конец этой книжки о детских журналах[2]. Слушайте, слушайте, слушайте!

Сделаем так:

Начало вы отдаете править и верстать, а *завтра,* в среду, приехав к Репину, Вы получаете конец этой книжки. *Он у меня почти готов.*

В четверг эту книжку набирают, а в пятницу (или, если хотите, в субботу) я весь день сижу у вас — и правлю ее, чтоб не задержать ни минутки. В понедельник и во вторник печатаем и в среду выходим в свет. Самое горячее время, и ничего не утеряно.

Теперь вот Вам указания, как верстать.

Главы «I», «II», «III» и т. д. упраздняются. Вместо них «три звездочки»: * * *

Но так как в этой книжке помещаются четыре статьи, то вот *над статьями,* над каждой, ставится соответственная цифра: «I» или «II» или «III».Так, вчерашний мой фельетон обозначается

цифрой III, фельетон о Тропинке (начиная с 12 полосы, со слов «Христос и звери»...) обозначается цифрой II.

Статьи о детском языке под цифрою IV.

Так что в книжке будет 4 больших главы. И вот каждую эту главу *начинайте с новой страницы*. А мелкие главки (разделенные знаками * * *) печатайте подряд. Добро? (как любите Вы говорить. Отчего не приехали в воскресение?)

Я в корректуре сделал много исправлений; ради Шайтана, пусть поправят их внимательно.

Привет Софье Фридриховне и Измайлову[3]. В пятницу я в литературном обществе читаю реферат[4]. Приходите.

P.S. Ивану дайте книгу Пушкина, которую я у Вас оставил.

Ваш *Чуковский*

Декабрь 1910[5]

[1] Датируется по упоминаемой в письме дате лекции.

[2] Речь идет об издании книги: *Чуковский К.* Матерям о детских журналах. СПб.: Русская скоропечатня. 1911.

[3] Об *А.А. Измайлове* см. «Список адресатов».

[4] Имеется в виду реферат Чуковского «В.Г. Короленко как художник», который был прочитан в Литературном обществе 24 декабря 1910 (объявление — Речь. 1910. 14 декабря и отчет — там же 27 декабря).

[5] Дата приписана другим почерком в конце письма.

188. А.В. Руманову

25 декабря 1910 г. (7 января 1911 г.) Куоккала[1]

Дорогой Аркадий Вениаминович!

Посылаю Вам статью Репина и его же подлинный рисунок[2]. Илья Ефимович просит Вас переслать рисунок немедленно в «Русское Слово» — в журнал «Искры»[3] — или куда угодно. Получивши, черкните мне тотчас же два слова — дабы я мог показать их И<лье> Е<фимови>чу.

Второе дело: сведите меня с Дорошевичем[4]. Я когда<-то> в юности написал о нем какую-то ерунду[5], и теперь хотел бы покаяться: в «Рус<ском> Сл<ове>» читаю его с упоением.

Ваш *Чукши* (Чуковский)

[Далее нрзб. два слова. — *Сост.*]

[1] Датируется по надписи А.В. Руманова на письме («25/XII. 7 ч. вечера»).

[2] Рисунок И.Е. Репина «Проповедник (Портрет Г.С. Петрова)». 1908. Бумага на картоне, тушь, перо, кисть. 34,5х21,8. Ныне — в Государственном Русском музее, Санкт-Петербург.

[3] «*Искры*» — еженедельный художественно-литературный журнал с карикатурами, иллюстрированное приложение к газете «Русское слово».

[4] *Дорошевич* Влас Михайлович (1865—1922), известный журналист, публицист, театральный и художественный критик, прозаик. С 1902 по май 1917 г. — фактический редактор «Русского слова», реформировавший газету по типу западноевропейских периодических изданий.

[5] Чуковский дважды писал о всесильном редакторе «Русского слова». См.: О Власе Дорошевиче // *ОН*. 1905. 7 окт.; «Революция и литература»: О Власе Дорошевиче (Эпитафия) // Свобода и жизнь. 1906. 2 (15) окт. Первую из этих статей см. *Т. 6* наст. изд. С. 369–375.

189. В.И. Анучину

Декабрь 1910—январь 1911 г. Куоккала[1]

Многоуважаемый Василий Иванович!

В конце концов это будет восхитительно, если первый художественный нумер будет Вами посвящен *новым,* не бывшим в печати картинам Репина. У Репина есть гениальные рисунки, которые он таит у себя в папке, нужно было бы выпросить 2 или 3 для журнала. По сему скажите К.К. Булле[2] по телефону, чтобы он взял 5 или 6 пластинок и аппарат изрядных размеров и приехал бы к И.Е.Репину около *1 часу дня* в воскресение. Позже уже не имеет смысла, ибо стемнеет. Я спросил у Наталии Борисовны разрешение для Буллы приехать в воскресение. Ежели Булла не захочет, или будет занят (Булла старый знакомый Репина), то сноситесь со Здобновым[3]. Пусть, одним словом, фотограф снимет мой портрет и еще те вещи, которые разрешит Илья Ефимович, а потом посетит дачу Анненкова — и снимет (около 2 часов) всех наших чад и домочадцев. За работу у Репина заплатите ему Вы, а за работу у меня — заплачу я, вот и будет *пополам.*

Теперь относительно гонорара. Вчера Григорий Спиридонович[4] сказал мне, что я идиот, что меньше ста рублей за печатный лист уже давно никто не берет. Так ли это? Узнайте.

Пришлите мне две-три пословицы современные.

Жаль, что не остались у нас попозже. Оказалось, что у нас на даче много гостей, и мы очень веселились.

Привет Вашей супруге и Кондочке.

Ваш *Чуковский*

Приезжайте!! Высылаю вам еще о детских журналах — пришлите с фотографом или привезите сами еще 100 рублей.

[1] Датируется по содержанию.

[2] *Булла* Карл Карлович (1853–1929), известный петербургский фотограф, сотрудник ряда иллюстрированных изданий.

[3] *Здобнов* Дмитрий Спиридонович — популярный в начале века фотограф, специализировался на портретах литераторов.

[4] Упомянут Григорий Спиридонович *Петров* (1868–1925, умер в эмиграции), священник (лишен сана в 1908 г.), литератор.

190. В.И. Анучину

1910 г. Куоккала[1]

Дорогой Василий Иванович!

Это делаю в первый и последний раз. Пред вами женщина беременная, в последнем месяце, без копейки *денег,* брошенная мужем, ради Христа помогите. Она жила у Леонида Андреева, потом у Гр<игория> Петрова, потом у нас — не можете ли Вы помочь ей хоть как-нибудь[2]. Я вспомнил добрые глаза Вашей «жинки» и теперь апеллирую к ним. Ваш *Чуковский.*

[Приписка рукой Анучина:]

Женщина, которую с этим письмом прислал ко мне Чуковский, оказалась агентом Охранного отделения. Будучи разоблачена на второй день проживания у меня, она призналась, что работает «по литературной части».

Беременность была поддельной.

Л.Н. Андреев говорил мне потом, что она украла у него дамские часы и серебряный подстаканник, у Г. Петрова и К. Чуковского дело сошло во всех отношениях благополучно.

В. Анучин
1937[3]

[1] Датируется на основании архивной нумерации адресата, как относящееся к тому же времени, что и предыдущие.

[2] О ком идет речь, установить не удалось; по словам М.В. Козьменко, в семье Леонида Андреева такое происшествие, как пропажа часов, не отмечено.

[3] Эта приписка может служить примером тех биографических мистификаций, с помощью которых В. Анучин позднее создавал себе биографию революционера-большевика. Подробнее об этом см. в статье К. Азадовского «За то я и полюбил вас крепко, или Похождения “чистейшего” авантюриста» (Вопросы литературы. 2006. № 3–4), где речь идет о том, как В. Анучин фальсифицировал собственную переписку с М. Горьким. Судя по этой приписке, К. Чуковский был на очереди, но поскольку он был живым свидетелем, сюжет не получил развития.

191. А.А. Измайлову

20 декабря 1910 г. (2 января 1911 г.) Куоккала[1]

Многоуважаемый А.А.

«Литературный Олимп»[2] у меня уже есть, посылаю Вам свои «Рассказы»[3]. У Андреева — недавно найдя Ваше «Зеркало»[4], хохотал до слез. Ах, если б Вы мне его теперь же прислали! В «Олимпе» многое меня увлекло, — но исправьте во 2-м издании описку:

«Я так воззвал: отец мой дьявол» (стр. 305)[5].

В моей книжке пробегите глазами статью о Короленко. Хотя я многое в каждой статье переделал, но и теперь от себя не в восторге.

Ваш *Чуковский*

Адрес: Куоккала. Финляндия, д. Анненкова.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Куоккала. 2.1.1911. Отвечая на это письмо 26.XII.1910 г. А. Измайлов писал: «С удовольствием шлю “Кривое Зеркало”. Спасибо Вам и за комплимент сейчас и за ласку в “Нате Пинкертоне”» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 64. Ед. хр. 82).

[2] Книга статей А. Измайлова «Литературный Олимп. Характеристики, встречи, портреты, автографы» (М., 1911).

[3] Упомянут сборник Чуковского «Критические рассказы» (СПб.: Шиповник. [1911]).

[4] Книга литературных пародий А. Измайлова «Кривое зеркало» выдержала несколько изданий. Первое — СПб., 1908.

[5] У Измайлова эта строка из стихотворения Ф. Сологуба «Когда я в бурном море плавал...» цитируется неточно: «Я возопил...»

192. В.Я. Брюсову

12 (25) января 1911 г. Куоккала[1]

Дорогой Валерий Яковлевич. К мартовской книжке «Рус<ской> М<ысли>» я обязуюсь доставить статью о Шевченко —

1 ¼ листа[2]. Теперь же написал «Открытое письмо к Валерию Брюсову» и жду только Вашей обещан<ной> статьи в «Аполлоне» и ответа Адрианову в «Рус<ской> М<ысли>» — чтобы придраться к случаю[3]. «Рус<скую> М<ысл>ь» прочитал запоем. «Чертова кукла» очень приятная вещь, есть превосходные строчки[4]. У Вашей психодрамы[5] гениальная тема — я уверен, что на театре она имела бы большой «успех». Зелинский есть Зелинский, Крайний — есть Крайний и т. д.[6] Книга живее тысячи предыдущих, но есть ли подписка? Статей и фельетонов я в «Рус<скую> Мысль» присылать не могу: я слишком беден для этого, да и не нужен я Вам: Антон Крайний — фельетонист замечательный.

Весь Ваш *Чуковский*

[1] Открытка; почтовые штемпели: Kuokkala. 25.1.11; Москва. 13.1.11. Ответ на письмо Брюсова от 8 (21) января 1911 г., в котором он напоминает: «Очень бы утешили, прислав что-либо из обещанного или что иное».

[2] Ср. первую запись Чуковского за январь 1911 г.: «Пишу о Шевченко. Т. е. не пишу, а примериваюсь» *(Дн.-11.* С. 166). 13 января, в день получения письма Чуковского, Брюсов известил П. Б. Струве: «К. Чуковский обещает к марту доставить статью о Шевченко» (Литературный архив. Вып. 5. М.-Л., 1960. С. 320). Статья Чуковского «Шевченко» напечатана в апрельском и майском выпусках «Русской мысли» за 1911 г. (№ 4. Отд. II. С. 86–101; № 5. Отд. II. С. 99–110). В новейшее время переиздана с предисловием Мирона Петровского (Киев: Радуга). 1989. № 3. С. 121–136; *Т.* 9 наст. изд.).

[3] «Открытое письмо Валерию Брюсову» в печати не появилось. Чуковский предполагал включиться в полемику о символизме, завязавшуюся на страницах журнала «Аполлон» в статьях «Заветы символизма» Вяч. Иванова, «О современном состоянии русского символизма» А. Блока (1910. № 8), «О “речи рабской”, в защиту поэзии» Брюсова (1910. № 9), «Венок или венец» Андрея Белого (1910. № 11). Литературный критик и публицист Сергей Александрович *Адрианов* (1871–1942) высказался по поводу полемики Брюсова с Ивановым и Блоком в своих «Критических набросках» (Вестник Европы. 1910. № 10. С. 386–398). Новых выступлений Брюсова в «Аполлоне» на ту же тему не последовало.

[4] «Чертова кукла» — роман З.Н. Гиппиус; был начат публикацией в № 1 «Русской мысли» за 1911 г. Позже Чуковский напечатал о нем специальную статью (Речь. 1911. № 145, 29 мая).

[5] «Путник. Психодрама в одном действии» Брюсова была опубликована в № 1 «Русской мысли» за 1911 г.

[6] Фаддей Францевич *Зелинский* (1859–1944), филолог-классик, поэт-переводчик, культуролог. В № 1 «Русской Мысли» за 1911 г. были помещены его статья «“Венецианский купец” и “Кольцо Нибелунга”» (Отд. II.

С. 48–87), а также обзор Антона Крайнего (З.Н. Гиппиус) «Альманахи» (Отд. II. С. 207–210).

193. И.Е. Репину

До 17 февраля 1911 г. Куоккала[1]

Дорогой Илья Ефимович.

С.А. Венгеров поручил мне доставить Вам IV том его «Пушкина»[2]. Исполняю это поручение.

Я теперь с головою ушел в Шевченко. Уже три недели только и читаю о нем. И мне часто вспоминается Ваш замечательный «проэкт проэкта» памятника Т.Г. Шевченко[3]. Нельзя сильнее и определительнее выразить самую сущность его страдальческой жизни. Но... Шевченко, ведь никогда не был каторжником. С тачками он никогда не имел соприкосновения. Одежды арестантской он тоже не знал.

5 апреля 1847 г. он был арестован *в белом галстуке и во фраке,* т. к. собирался на свадьбу[4]. До 30 мая содержался *во фраке же* в Петропавловской крепости. 30 мая его облекли в солдатское одеяние — и отправили в Орскую крепость. И так в солдатской одежде он и пробыл до 57 года. Арестантской одежды, арестантской шапки, тачки — он не знал. Но вечно жаловался на свою *красную шапку.* Солдатчина была для него ужаснее каторги:

Бо на позорище ведуть
Старого дурня муштрувати,
Щоб знав, як волю шанувати,
Щоб знав, ще дурня всюди бьють.

Он писал стихи в потайную свою книжечку, но писал их в бурьяне, в кустах:

І довелося знов мені
На старість з віршами ховатись,
Мережать книжечки, співати
І плакати у бурьяні[5].

Ну и так дальше. Не примите этого за «критику», или за «указания», это просто «игра ума» Но авось Вам это пригодится. А если нет, — киньте это в... печь для сжигания мусорных отбросов[6]. Привет Наталье Борисовне. Вчера мы с М.Б. были в Выборге, и Григорий Спир<идонович>[7] в ресторане провозгласил тост за Нат<алью> Борисовну — и просил поклониться Вам обоим.

Ваш *Чуков<ский>*

[1] Датируется по ответному письму И.Е. Репина от 17 февраля 1911 г. (см. *Репин.* С. 54–56).

[2] О С.А. Венгерове см. примеч. 6 к письму **168**. Под редакцией С.А.Венгерова, в издании Брокгауза и Эфрона в серии «Библиотека великих писателей» вышли Сочинения А.С. Пушкина в шести томах (1907–1915), том четвертый вышел в 1910 году.

[3] В 1909 году был объявлен конкурс на проект памятника Т.Г. Шевченко в Киеве. Репин был избран членом жюри, но отказался от участия в нем. По-видимому, к этому времени относятся его зарисовки проекта памятника Шевченко, где поэт изображен в виде каторжника в арестантской одежде, прикованным к тачке. Впоследствии 4 (17) июля 1926 г. И.Е. Репин писал А.С. Вознесенскому: «Проект памятника Тарасу Григорьевичу Шевченко. Некогда был объявлен конкурс, тогда, по-первому зову, я стал чертить *простым пером* один-другой — несколько чертежей. ...Разработать не хватило пороху, и я все это бросил» (Встречи с прошлым: Сб. неопубликованных материалов. ЦГАЛИ. Вып. I. М., 1970. С. 148).

[4] Т.Г. Шевченко был арестован 5 апреля 1847 г. в Киеве, в момент, когда он собирался пойти на свадьбу Н.И. Костомарова, а затем доставлен в Петербург. Основным материалом для его обвинения был альбом стихов «Три года», в особенности стихотворение «Сон».

[5] Оба отрывка из стихотворения Т.Г. Шевченко «А.О. Козачковскому», написанного в 1847 году в Орской крепости и завершенного в Москве 16 марта 1858 года.

[6] Печь для сжигания отбросов — одна из «идей» Нордман — в целях борьбы за санитарные условия.

[7] Речь идет о писателе-священнике Григории Спиридоновиче Петрове. О нем см. примеч. 4 к письму **189**.

194. И.В. Гессену

После 16 февраля 1911 г.[1]

Дорогой И<осиф> В<ладимирович>.

Я сам со всей болью чувствую, что так долго тянуться не может. Нельзя, конечно, давать раз в месяц 700 строк — и умолкать на 4 недели[2]. Поэтому предлагаю: если в феврале я не дам 1500 строк — прогоните меня вон окончательно, махните на меня рукой. Я сейчас заканчиваю лекцию (в пользу к.-д.) о Шевченке и к 19-му дам фельетон о Шевченке — как поборнике освобождения крестьян[3]. Кроме того, у меня есть темы: «Глупый талант» (Ал. Н. Толстой)[4]. «Осквернитель могил» (Арабажин). О «Современнике» — много накипело. Но раньше докончу лекцию.

Мне бы безумно хотелось 26-го напечатать мою статью о Шевченко у Вас[5], а не в «Рус<ской> мысли». Но я дал Брюсову обеща-

ние, — и Петру Струве. Принимаю теперь меры, чтобы эта (лучшая моя) статья пошла в «Речи». Она — восторженная и заглаживает прежнюю[6].

Кстати — в последний день, накануне смерти, Толстой в дневнике писал о газете «Речь». Мне сообщил об этом С. Венгеров, который видел «Дневники».

Отчего в «Речи» нет ни слова о моих критич<еских> рассказах?[7] О моей книжке «Леонид Андреев»[8], о моей книжке «Матерям о детских журналах»?[9] Я теперь в «писательском» настроении и надеюсь загладить все. Если нет — я с февраля перехожу на построчную плату. Идет?

Кстати. Что Ваша книга о глупости? Я нашел для нее хороший эпиграф. Авось он пригодится для Вашего предисловия. Это стихи Н.М. Минского:

Историку
Государства изучая,
Все ты принял во вниманье:
Почву, климат — и науки
Благотворное влиянье.
Лишь одна тобой забыта
Всех держав и стран основа, —
И о глупости народной
В книге нет твоей ни слова.

Теперь у Вас будет и о глупости. Пробел заполнен.

Ваш душою *Чуковский*

[1] Датируется по содержанию. Ответ на письмо И. Гессена от 16 февраля 1911 г. (в письме ошибочно: 1910), где он писал: «Дорогой Чукс, что же это с Вами? Чему Вы предаетесь? Ведь Вы в феврале не подарили нас ни одной строчкой» *(Стокгольмский архив)*.

[2] В первом номере газеты «Речь» (1911. 1 (14) янв.) был опубликован обзор Чуковского «Русская литература» (см. *Т. 7* наст. изд. С. 503–512).

[3] Статья такого содержания опубликована не была.

[4] Статья «Новый талант» // Речь. 1911. 3 (16) апр.

[5] День юбилея Т.Г. Шевченко (50 лет со дня смерти) отмечался 26 февраля 1911 года.

[6] Статья «Шевченко» была опубликована в «Русской мысли» (1911. № 4). Чуковский пытался этой статьей, первоначально прочитанной им как лекция, загладить впечатление, которое произвела его предшествующая статья о Шевченко 1909 года. Но по ошибке в качестве анонса к лекции был перепечатан отрывок из первой статьи, и затихнувший скандал разгорелся с новой силой (публикацию статей 1909 и 1911 года и историю связанного с ними скандала см.: *Т. 9* наст. изд. С. 413–451 и 471–475).

[7] Критические рассказы. Книга первая» (СПб., 1911) вышли в конце января.

[8] Книга «О Леониде Андрееве» (СПб., 1911) вышла в конце февраля.

[9] См. примеч. 2 к письму **187**.

195. В.Я. Брюсову

18 февраля 1911 г. Петербург[1]

Дорогой В<алерий> Я<ковлевич>.

Лекция моя о Шевченко близится к концу. 21-го я читаю ее в СПб.[2] и 26-го в Харькове, но между Харьковым и СПб. — есть Москва, и между 21 и 26 есть 22, 23, 24 февраля. Лекция моя *апофеоз* Ш<евчен>ка, и что бы Вашему Кружку[3] или вообще кому угодно, у кого есть сотня рублей, — пригласить меня на 22 или 23 или 24 февраля, я бы, к удовольствию местных хохлов, прочитал или даже пропел эту лекцию. А кстати передал бы Вам рукопись этой статьи. И кстати еще: если будете отвечать на это письмо, укажите также и гонорар, который «Рус<ская> М<ысль>» может мне уплатить за статью. Струве говорил что-то неопределенное. Кружок почему-то в этом году совсем не позвал меня. Моя прошлая лекция о Сологубе действительно была скучновата[4], но о Шевченко — короче, и эффектнее.

Ваш *Чуковский*

[1] Открытка; почтовые штемпели: Петербург. 18.2.11; Москва. 19.2.11.

[2] Лекцию «Шевченко (Введение в характеристику)» Чуковский прочел в зале Тенишевского училища.

[3] Подразумевается Московский Литературно-художественный кружок.

[4] См. примеч. 4 к письму **147**.

196. В.Я. Брюсову

4 (17) марта 1911 г. Куоккала[1]

Дорогой В<алерий> Я<ковлевич>.

Первую часть посылаю Вам теперь же, а вторая переписывается и будет у Вас в 10-х числах марта[2]. Ради Бога, сделайте мне указания на корректурных листах, как и что изменить, чем Вы недовольны и т. д.

2-ой книги «Рус<ской> М<ысли>» я не получил. Умоляю Вас, если статья будет принята, назначьте мне наибольший гонорар: я на эту статью затратил ровно 2 месяца и насилу отвоевал ее у «Ре-

чи». Воображаю, сколько Вы работаете! Мы, «остальные», и представить себе не можем такого труда.

Ваш *Чуковский*

[1] Открытка; почтовые штемпели: Kuokkala. 17.III.11; Москва. 5.III.1911.

[2] Ответ на письмо Брюсова от 3 марта 1911 г.: «К сожалению, Ваше предложение — прочитать лекцию о Шевченке <...> пришло слишком поздно <...> мне очень хотелось бы получить эту лекцию о Шевченке для "Русской Мысли". Сколько я знаю, П.Б. Струве "разделяет" это мое желание. Лекция у Вас написана, и, следовательно, Вам не трудно было бы доставить ее нам. Так как желательно поместить ее в апрельской книжке, то рукопись Ваша должна была бы быть в нашем распоряжении в самом близком будущем, числа 6–8. Можно ли надеяться на это?» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 61. Ед. хр. 68).

197. В.Я. Брюсову

5 (18) марта 1911 г. Куоккала[1]

Дорогой Валерий Яковлевич.

Когда я писал о Шевченко, мне казалось, что все это очень недурно, теперь, отсылая Вам, перечитал вновь, — и кажется: как вяло, как банально.

В оправдание хочу сказать, что здесь нет ни одного слова, к<ото>рое было бы сказано кем-н<и>б<удь> другим, что все это хоть и бледные, но *мои* слова. Вторую часть пришлю на этих днях. Она будет поживее.

Ваш *Чуковский*

Был я на поминках по Сологубу в Тенишевском[2]. Хохотал до упаду. Репину я уже сказал, что посвящу ему эту статью, потому — не вычеркивайте посвящения[3].

[1] Открытка; почтовые штемпели: Куоккала. 18.III.11; Москва 7.3.11.

[2] Подразумевается литературно-вокальный вечер, посвященный творчеству Ф. Сологуба, который состоялся в Тенишевском училище 1 марта. Как сообщала «Речь» 3 марта, «во время перерыва Сологубу был поднесен лавровый венок, а публика устроила ему шумную овацию». См.: *Блок-ЛН*. Кн. 3. С. 381.

[3] Статье Чуковского «Шевченко» предпослано: «Посвящается И.Е. Репину».

198. В.Я. Брюсову 1911

7 (20) марта 1911 г. Куоккала[1]

Дорогой Валерий Яковлевич. Я сознаю, что не имею права беспокоить Вас, но вот моя горячая мольба: прикажите «Скорпиону» выслать мне контрабандой *«Побеги Травы»*[2]. Я только что прочитал, что книга эта законфискована.

Кроме Вас, мне некого просить, и потому я решаюсь в последний раз обратиться к Вам за помощью.

Ваш *Чуковский*

Вторую часть Шевченка высылаю на днях[3].

[1] Открытка; почтовые штемпели: Куоккала. 20.3.11; Москва. 9.III.1911.

[2] Имеется в виду издание: *Уитман Уольт.* Побеги травы. Перевод К.Д. Бальмонта. М.: Скорпион, 1911. Рецензия Чуковского на это издание (под заглавием «Поэзия демократии») была опубликована в «Речи» 21 мая 1911 г.

[3] См. примеч. 2 к письму **192**.

199. В.Я. Брюсову

13 (26) марта 1911 г. Куоккала[1]

Дорогой Валерий Яковлевич.

Я только что получил корректуру «Шевченка» и сегодня же отсылаю ее обратно. Прилагаю при сем остальные листы. Но что меня смутило: в конце десятой «полосы» поставлена моя фамилия: «Чуковский» — т. е. кто-то (не корректор ли?) предположил, очевидно, что здесь и конец статьи. *Нет.* Это только половина. И вторую половину я сейчас высылаю (будет еще страничек 7–8 «Рус<ской> М<ысли>»)[2] — ради Бога, чтоб не вышло недоразумения. Всего хорошего. Простите назойливость.

Ваш *Чуковский*

[1] Открытка; почтовые штемпели: Куоккала. 26.III.1911; Москва. 14.3.11. Написано до получения письма от В. Брюсова от 12 марта 1911 г.: «Очень и очень благодарю Вас за присылку статьи. Но вот в чем дело. Сегодня уже 12-ое число. Книжка должна выйти 1-го. Почти нет физической возможности набрать *окончание.* Позвольте поэтому разделить Вашу статью на две книжки: набранную половину дать в апреле, окончание — в мае. Возможно ли это? Это весьма облегчило бы наше дело» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 61. Ед. хр. 68).

[2] Подразумевается предполагаемый объем сверстанного текста в формате «Русской мысли».

1911 200. В.Я. Брюсову

15 (28) марта 1911 г. Куоккала[1]

Дорогой Валерий Яковлевич.

Да будет воля Твоя! тем более, что я сам же и виноват, и нет мне никаких оправданий.

Первые шесть глав к Вашим услугам, для апрельской книжки, остальные шесть — пришлю на днях. Значит, мы разбиваем статью ровно *пополам. Седьмую главу,* начало которой имеется у Вас, *теперь не печатайте.* С нее начнется вторая часть статьи в майской книжке «Русской Мысли». Я чувствую, что статья Вам не по душе, и вот хочу Вас спросить: продолжать ли мне в этаком «серьезном тоне» или перейти на памфлетный. В рецензии о моей первой книжке Вы советовали мне — оставаться карикатуристом[2], боюсь, что даже статья о Шевченко и «Критическ<ие> Рассказы»[3] не поколебали Вашего мнения. Как бы я хотел, чтобы кто-ниб<удь> правдивый и авторитетный написал в «Рус<ской> М<ысли>» обо мне (о «Критич<еских> Рассказ<ах>») рецензию, чтобы я знал, что мне делать с собою[4]. Я теперь — в тупике. «Хотел бы я не быть Корней Чуковский»[5].

Ваш *Чук<овский>*

[1] Открытка; почтовые штемпели: Куоккала. 28.III.11; Москва. 17.3.11. Ответ на письмо В. Брюсова от 12 (25) марта 1911 г.

[2] В рецензии на книгу Чуковского «От Чехова до наших дней» (см.: Весы. 1908. № 11. С. 59—60. Подпись: Аврелий). Брюсов отмечал: «Самый большой недостаток книги г. Чуковского тот, что иногда он пытается писать совершенно серьезно, забывает, что он рисует карикатуру, и начинает вносить в нее другие черты, тоже подлинные, но затемняющие одну, основную, выбранную им. В таких случаях карикатуры получаются несколько тяжелые, их яркость затемнена портретным сходством» (*Брюсов В.* Среди стихов. С. 283).

[3] Имеются в виду «Критические рассказы. Кн. 1» (СПб.: Шиповник, [1911]).

[4] В «Русской мысли» отзыва о «Критических рассказах» не было, однако на эту книгу Чуковского откликнулись многие другие периодические издания (зафиксировано 9 рецензий; см.: *Берман.* С. 294).

[5] Обыгрывается строка из стихотворения Брюсова «L'ennui de vivre...» («Я жить устал среди людей и в днях...», 1902), входящего в его книгу «Urbi et orbi»: «Желал бы я не быть “Валерий Брюсов”» (*Брюсов В.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. С. 293). В статье «Валерий Брюсов» Чуковский писал: «... весь образ Брюсова — это человек, убегающий от самого себя. Недаром он сказал когда-то в одном стихотворении: “Хотел бы я не быть Валерий Брюсов”» (*Чуковский К.* От Чехова до наших дней: Литературные портреты. Характеристики. СПб., 1908. С. 168).

201. М.А. Кузмину 1911

25 марта (7 апреля) 1911 г. Куоккала[1]

Многоуважаемый Михаил Алексеевич.

К величайшему моему сожалению, мне не придется быть на первом представлении В <ашей> пьесы[2]. Захворал ребенок, и жена (с которой я думал приехать в театр) не может выбраться из Куоккала.

Ваш *Чуковский*

Простите за напрасную назойливость.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Куоккала. 7.IV.1911.

[2] Вероятно, речь идет о премьере пьесы Ю.Д. Беляева «Красный кабачок» с музыкой М. Кузмина. Рецензию см. *Азов Влад.* Речь. 1911. № 82, 25 марта (7 апр.); см. также: *Кузмин М.* Дневник. 1908–1915. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. С. 695.

202. В.Я. Брюсову

7 (20) апреля 1911 г. Куоккала[1]

Дорогой Валерий Яковлевич!

Из Вашего письма я понял, что «Шевченко» пойдет в майской книжке целиком[2]. Это очень меня обрадовало. Конец моей статьи давно готов; но С.К. Маковский сообщил мне, что в «Аполлоне» появится вскоре чья-то очень интересная статья о Шевченко[3], и обещал прислать мне на днях корректурный оттиск этой статьи*. Во всяком случае к указанному Вами сроку моя статья будет у Вас.

Вы сообщаете о новых своих книгах. Меня изумляет неустанность Вашего творчества. Иногда Вы кажетесь мне каким-то мифическим существом. Ваша книга о Верлэне сделана раз навсегда[4]. Сравнить с нею расхлябистую, сомнительную, зыбкую книгу Бальмонта о Уитмэне[5]. Пьесу «Путник» (столь старательно разобранную в «Аполлоне»)[6] я знаю наизусть: она кажется мне классической. Авзоний — прелесть[7]. Но «Дневник Женщины»[8], но «Финскому Народу» не очаровали меня, — хотя, конечно, стихи

Твой дух, словно зимние тучи,
Не громы, но вьюги таит, —

достойны великого поэта[9]. Мне было бы очень ценно знать Ваше личное мнение как об этом гимне, так и о «Дневнике».

Был я на чтении Гумилева об Абиссинии[10]. Не нравится мне этот Ваш «вскормленник»[11]. Одна голая изысканность — без ума, чувства действительности, без наблюдательности, — жалка и

смешна. В лучшем случае он карикатурен. Почему не продолжается Ваша пря с Вяч. Ивановым и Белым?[12]

Когда выйдет книга критических Ваших статей?[13]

Ваш *Чуковский*

---

* Я хотел бы сделать кое-какие ссылки на нее.

[1] Ответ на письмо Брюсова от 4 (17) апреля 1911 г. Датируется по почтовому штемпелю: Куоккала. 20.IV.11; Москва. 9.IV.1911.

[2] См. примеч. 2 к письму **192**.

[3] Подразумевается статья Петра Наумова «Шевченко и Мистраль (Историко-литературная параллель)» (Аполлон. 1911. № 5. С. 35–42).

[4] Подразумевается издание: *Верлен Поль.* Собрание стихов / В перев. Валерия Брюсова, с критико-биографическим очерком, библиографией и 6-ю портретами. М.: Скорпион, 1911. Книга вышла в свет в конце марта 1911 г.

[5] См. примеч. 2 к письму **198**.

[6] См. примеч. 5 к письму **192**. Имеется в виду статья Валериана Чудовского «"Путник" Валерия Брюсова» (Аполлон. 1911. № 2. С. 62–68).

[7] Выполненные Брюсовым переводы стихотворений римского поэта Децима Магна *Авсония* (ок. 310 – ок. 394) были опубликованы в «Русской мысли» (1911. № 3. Отд. I. С. 1–6), т а м ж е – его статья «Великий ритор. Жизнь и сочинения Децима Магна Авсония» (Отд. II. С. 1–48).

[8] Повесть Брюсова «Последние страницы из дневника женщины», опубликованная в «Русской мысли» (1910. № 12).

[9] Цитата из стихотворения «К финскому народу» («Упорный, упрямый, угрюмый...», август 1910 г.), опубликованного в «Русской мысли» (1910. № 10. Отд. I. С. 1–2); вошло в книгу Брюсова «Зеркало теней» (М., 1912). См.: *Брюсов В.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т. 2. С. 79–80.

[10] Поэт, прозаик, критик, драматург Николай Степанович Гумилев выступил с докладом о путешествии в Абиссинию в редакции журнала «Аполлон» 5 апреля.

[11] Характер своих отношений с Брюсовым Гумилев обозначил в посвящении книги своих стихов «Жемчуга» (М.: Скорпион, 1910. С. <V>): «Посвящается моему учителю Валерию Брюсову». См.: Переписка <В.Я. Брюсова> с Н.С. Гумилевым (1906–1920) / Вступ. ст. и коммент. Р.Д. Тименчика и Р.Л. Щербакова. Публ. Р.Л. Щербакова // Литературное наследство. Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты. М., 1994. Кн. 2. С. 400–514.

[12] Подразумевается полемика, начатая статьями в «Аполлоне» (см. примеч. 3 к письму **192**.

[13] Речь идет о книге Брюсова «Далекие и близкие. Статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней» (М.: Скорпион, 1912); она вышла в свет в октябре 1911 г.

203. Е.А. Зноско-Боровскому

8 (21) апреля 1911 г. Куоккала[1]

Многоуважаемый Евгений Александрович.

Сергей Константинович обещал мне дать в корректурных оттисках статью П. Наумова о Шевченко, дабы в «Рус<ской> Мысли» я мог ее процитировать[2].

Не будете ли Вы столь добры, не пришлете ли мне в Куоккалу (д. Анненкова) оттиск этой статьи? Теперь же?

Какие милые у Вас заметки о текущей литературе!

Ваш Чуковский

[1] Открытка; датируется по почтовому штемпелю: Куоккала. 21.IV.11. СПб. 9.4.11.

[2] См. примеч. 3 к письму **202**.

204. А.Л. Волынскому

2 мая 1911 г. Куоккала[1]

Дорогой Аким Львович.

Как раз вышло так, что в среду и в четверг мы с Марьей Борисовной будем в городе — в Худож<ественном> Т<еат>ре на Карамазовых[2]. Поэтому горячо просим Вас — вместо среды пожаловать к нам в пятницу: если хотите, я зайду в городе за Вами — и отправимся в Куоккала вместе.

Любовь Яковлевна[3] была так добра: исходатайствовала мне у Немировича билет на Карамазовых, о чем я и мечтать в сущности говоря не смел. Очень хотелось бы, посмотрев Карамазовых, выслушать Ваше подробное мнение о постановке и игре. Простите стиль этого письма: пишу на вокзале.

Ваш *Чуковский*

[1] Открытка; почтовый штемпель: Куоккала. 2.V.11.

[2] Спектакль «Братья Карамазовы» по роману Ф.М. Достоевского К.С. Станиславский поставил в 1910 году; в мае 1911 года состоялись гастроли МХТ в Петербурге.

[3] *Гуревич* Любовь Яковлевна (1866—1940), в это время заведовала театральным отделом газеты «Речь», была близка к коллективу МХТ и состояла в переписке с К.С. Станиславским.

205. В.Я. Брюсову

5 (18) мая 1911 г. Куоккала[1]

Дорогой Валерий Яковлевич.

Хоть мне перед Вами и стыдно, что я так нелепо поступил со статьею о Шевченко, но, ободренный Вашей добротою ко мне (совершенно для меня непонятною) — осмеливаюсь просить еще об одном одолжении. Нельзя ли распорядиться, чтобы мне выслали I-ую часть Вашего «Огненного Ангела»[2]. Теперь я читаю Вашу прозу, и отсутствие этой первой части, а также тома критических статей[3] — большой изъян в небольшой моей библиотеке.

Нельзя ли хоть с 1-го июня получать мне «Рус<скую> Мысль»?* Вижу этот журнал урывками[4].

Весь Ваш *Чуковский*

Спасибо за «ритора»[5]. Какой живой и обаятельный образ.

---

* Хотя бы с вычетом из гонорара.

[1] Открытка; почтовые штемпели: Kuokkala. 18.V.11; Москва. 7.5.11.

[2] Подразумевается первое отдельное издание «Огненного Ангела» в двух частях. См. письмо **116**, примеч. 4.

[3] См. примеч. 13 к письму **202**.

[4] Передавая в письме к Струве от 12 мая 1911 г. эту просьбу, Брюсов добавлял: «Мне кажется, что ему можно высылать журнал бесплатно, как более или менее постоянному сотруднику и видному критику» (ИРЛИ. Ф. 444. Ед. хр. 45).

[5] Подразумевается статья Брюсова «Великий ритор» (см. примеч. 7 к письму **202**, выпущенная в свет отдельным оттиском (М.: Русская мысль, 1911).

206. В.В. Розанову

17 (30) мая 1911. СПб[1]

Дорогой Василий Васильевич!

Охота вам беспокоиться! Такое уж у нас ремесло: говорить друг другу неприятности[2]. Но я, по крайней мере, ничего печатного (о себе) к сердцу близко не принимаю. Может быть потому, что я не человек, а «деревянная кукла» — «сам себя сделал на верстаке». (Ваше выражение!)

Отзываюсь так поздно потому, что Вы упорно не хотите знать мой адрес: *Куоккала, дача Васильева.*

Где Вы поселяетесь на лето? Как хорошо сегодня П. Милюков помянул Ключевского[3].

Ваш *К. Чуковский*

[1] На бланке издательства «Шиповник». Датируется по почтовому штемпелю: СПб. 17.V.1911.

[2] Имеется в виду фельетон Розанова о Чуковском «Богатый и убогий» (Новое время. 1911, 22 марта, № 12581), где Розанов высмеял заглавие только что вышедшего сборника статей Чуковского «Критические рассказы» («Если это “рассказы”, то, конечно, не критика! А если “критика” — то, конечно, не рассказы! Тут дело не в форме, а в сущности. Чем талантливее критик — тем он меньше будет способен что-нибудь рассказать; а хороший рассказчик “сядет в лужу” с попыткой критики. И нужно поистине не иметь ни одного, ни другого дара, да наконец просто надо иметь не очень много ума, чтобы по-молодому размахнуться: “А вот я издаю свои *“критические рассказы”),* а заодно и портрет Чуковского работы И. Репина (Репин написал его изумительный портрет. Выставив вперед руки, он точно играет ими для кого-то... Но пальцы *не отделаны* живописцем-психологом: и видишь точно не пальцы, а искривленные когти хищной птицы. Но руки — впереди всего, впереди фигуры. Этот господин что-то вечно делает руками, — и он должен быть или престидижитатор, или фокусник, или... хуже: когти говорят о “хуже”...»).

[3] П.Н. Милюков был учеником В.О. Ключевского по Московскому университету, его речь памяти Ключевского вошла в сборник: Ключевский, характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 183–216. В этой речи прозвучало ставшее популярным высказывание, что по некоторым политическим вопросам Ключевский был «левее кадет» (т а м ж е. С. 215). Вполне возможно, что, восхищаясь Милюковым, Чуковский поддевал В. Розанова, который 20 мая поместил в «Новом времени» фельетон «Памятка о Ключевском».

207. М.Б. Чуковской

29 июля 1911 г. Казань[1]

Милая Маша! Подъезжаем к Казани. Я не могу нарадоваться своею поездкою. Чудо как хорошо. Какие берега, какие виды церкви, какие песни, сколько городов я видел, и в каком комфорте я живу. Кампания подобралась милая. Студент, гимназист, курящая, пьющая девица 17 лет, ее гувернантка-англичанка Miss Craven (энергическая девица) — купцы — и множество детей. Ты, конечно, понимаешь, что больше всего я с детьми. Схожу вниз — в четвертый класс — там мужики в красных рубахах — этакие Стеньки Разины — и опять таки множество детей. Вчера я с ребятишками лепил из глины: сани, мельницу, свиней — а третьего дня играл в бабки... Представь себе: и не жарко, а вечерами — о мудрость Гржебина[2] — я *надеваю пальто.* У нас очень весело — мы целые дни вместе, все пассажиры 1-го класса, и т. к. нет никакого флирта, никаких «пошлостей» — то царит очень простой и приятный дух.

Если бы я не скучал по тебе и по детям, то я чувствовал бы себя счастливым. Напиши мне — но куда?

Твой муж

[1] Открытое письмо. Датируется по почтовому штемпелю: 29.7.11. Казань; 14.VIII.11. Куоккала. Адрес: ст. Куоккала Финляндской ж.д.. Дача Васильева. М.Б. Чуковской.

[2] О З.И. Гржебине см. примеч. 4 к письму **171**.

208. М.Б. Чуковской

30 июля 1911 г. Казань[1]

Маша! Вот тебе Университет, где учился Лев Толстой. Я только что промчался по улицам Казани на рысаке — был в Музее — и т. д. Но мне не хочется писать тебе об этом — это все чепуха, и ты знаешь: я думаю не об этом, — а все время — о Куоккала. Мне очень жаль, что я не знаю будущего своего адреса, и не могу получить от тебя то длинное письмо, которое ты мне обещала. Напиши мне на Батум. Я сегодня был в Самаре.

[1] Открытка; на обороте – изображение Казанского университета. Датируется по почтовому штемпелю: 15.VIII.11. Куоккала; штемпель отправления неразборчив. Адрес тот же.

209. Е.О. Корнейчуковой

31 июля 1911 г.[1]

Милая мама! Вот уже пять дней, что я на Волге. Какое это счастье. Но у меня сердце болит: что с моей милой Марусей. Я решил непременно пробраться в Одессу — и повидать Вас всех. Будь бодра и здорова. Твой *Коля*

[1] Открытое письмо. Датируется по почтовому штемпелю: 31.7.11.

210. М.Б. Чуковской

7 августа 1911 г. Самара[1]

Дорогая Маша. Получил твое письмо — в Саратове, и очень обрадовался. Я теперь еду обратно в СПб. тем же путем — тороплюсь домой: мне хочется писать, а в дороге нельзя. Капитан парохода очень за мной ухаживает, еду я первым классом, привык к пароходу, как к своей квартире, — к Волге привык, как к родине.

Изумительные виды! Я уже проехал около *четырех тысяч верст*, а мне все еще не наскучило. Питаюсь я почти исключительно дынями: в Астрахани они по 5, по 7 коп., а вкус райский. Приехали мы теперь в Самару, я сейчас пойду бродить по этому — уже знакомому — городу. Ах, если бы мне хоть капельку здоровья. Милая моя, какая ты хорошая. Вот я приеду, добудем мебель, устроимся — и давай заживем посчастливее. Я очень рад, что ты пишешь о детках. Я здесь всем о них рассказываю. Народу я поперевидал всякого. Целую тебя — и детей — кланяйся Тоне и Мане.

Твой Коля

[1] Открытка; датируется по почтовому штемпелю: 7.8.11. Самара; 23.VIII.11. Куоккала.

211. Е.Л. Янтареву

15 (28) августа 1911. Куоккала[1]

Многоуважаемый Ефим Львович!

Если Вы тот самый «Е. Янтарев», который в прошлом году напечатал в Москве книгу «Стихов»[2], то, конечно, я рад сотрудничать с Вами; Ваше имя для меня ручательство, что газета будет литературная и со вкусом[3]. *Регулярно* работать у Вас, к сожалению, не могу: связан другими обязательствами. Прислать же при случае фельетон или два — всегда готов с удовольствием. Условия мои — 30 к. со строчки, т. к. пишу я всегда туго и трудно. Тема о Рукавишникове?[4] О Синем Журнале? Об Амфитеатрове?[5] Черкните — какая желательнее.

Теперь же, пожалуйста, переведите авансом 150 р. Мне осенью всегда чрезвычайно нужны деньги. Ст. Куоккала, Финл. ж. д. д. Васильева.

Преданный Вам *Чуковский*

[1] Почтовая карточка. Штемпель: Куоккала. 28.VIII.11.

[2] *Янтарев Е.* Стихи. М.: Тип. П.П. Рябушинского, 1910.

[3] Письмо адресовано в редакцию «Московской газеты» Ефиму Львовичу Янтареву.

[4] Об *И.С. Рукавишникове* см. примеч. 11 к письму **70**. Статья о нем Чуковского «Проклятый род» была опубликована в газете «Речь» (1911, 4 (17) сент.).

[5] Статьи не были написаны, публикации Чуковского в «Московской газете» неизвестны.

212. В.Я. Брюсову

5 (18) сентября 1911 г. Куоккала[1]

Дорогой Валерий Яковлевич.

Я только что вернулся из Астрахани, куда ездил «так», чтобы отдохнуть от своего безделья. Теперь мой адрес такой:

Петербург, Суворовский проспект, 40 а, кв. 4. К. И. Чуковскому.

По приезде сейчас засел изучать Валерия Брюсова. Очень жаль, что этот писатель не собрал своих критич<еских> статей и рецензий под одну обложку. Если будете в Питере, милости просим. Читали Вы в «Современнике», что пишет Чернов о «Русской Мысли»[2].

Ваш *Чуковский*

[1] Открытка; почтовые штемпели: Куоккала. 18.IX.11; Москва. 6.9.11.

[2] Виктор Михайлович *Чернов* (1873—1952), публицист, один из основателей и главный теоретик партии социалистов-революционеров. В статье «Дела и дни. II. Кризис либерализма», опубликованной под псевдонимом Я. Вечев, Чернов анализировал социально-политическую платформу «Русской мысли» (Современник. 1911. № 8. С. 348–356).

213. А.В. Руманову

1 (14) октября 1911 г. Куоккала[1]

Дорогой Аркадий Вен<иаминович>.

А где же портрет Гр<игория> Петрова, работы Репина?[2]

Репин уже несколько раз спрашивал. Ради Бога, уведомьте. Я живу теперь в С<анкт->П<етер>б<урге> Суворовский <проспект>, 40 а, кв<артира> 4, куда не решаюсь по цензурным условиям Вас просить. Обнимаю.

Ваш *Чуковский*

[1] Почтовая карточка. Датируется по почтовому штемпелю: СПб. 1.10.1911. В кн. *Репин.* С. 63. комментаторы Е.Г. Левенфиш и Г.С. Чурак датируют письмо Чуковского, в котором приводится тот же петербургский адрес, «до 11 сентября 1911 г.».

[2] Имеется в виду рисунок И.Е. Репина «Проповедник (Портрет Г.С. Петрова)». 1908.

214. И.С. Шмелеву

23 октября (5 ноября) 1911 г.[1]

Многоуважаемый Иван Сергеевич.

С.Н. С<ергеев>-Ценский сообщил мне Ваш адрес, и таким образом я могу поблагодарить Вас за Вашу милую «открытку» из Рима.

Теперь у меня к Вам просьба: черкните, ради Бога, в «Знание», чтобы мне прислали Вашего «Человека из ресторана», об этой вещи весь Петербург кричит, а я не читал, ничего не знаю[2]. Денег же сейчас — ни копейки, книг покупать не могу.

Если напишите детский (для *маленьких* детей) рассказ, пришлите его мне. Авось он «подойдет» к журналу «Жар-Птица»[3], который я редактирую в «Шиповнике».

Ваш *Чуковский*

СПб., Суворовский проспект, 40, кв. 4

[1] Открытое письмо; датируется по почтовому штемпелю: 23.10.11. СПб.; 24.10.11. Москва. Адрес отправления: Москва, Житная, 10.

[2] Повесть И.С. Шмелева *«Человек из ресторана»* впервые была опубликована в 36-м сборнике «Знания» (СПб., 1911). 25 октября Шмелев писал в ответном письме: «Сколько раз приходило желание послать Вам на просмотр работу свою посильную, и каждый раз удержало чувство не то стыда, не то жути. Так как-то жутко было на глаза попасть... Вам-то именно и хотел, всегда хотел показать свои работы и узнать, что Вы скажете» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 73. Ед. хр. 31).

[3] Жар-птица: Альманах для детей. СПб.: Шиповник, 1912. Редактор-составитель К.И. Чуковский. И.С. Шмелев в составлении альманаха участия не принимал.

215. Н.О. Лернеру

Ок. 4 ноября 1911 г.[1]

Дорогой Николай Осипович!

Как Вам небезызвестно, «Нива» в этом году дает в числе прочих писателей также и А.А. Фета. К кому же обратиться, как не к Вам! Будьте добры пожаловать в «Ниву» от 3—6 для переговоров с редактором В.Я. Светловым по поводу *написания Вами статьи об этом прекрасном писателе в прекрасном журнале «Нива»*[2].

В.Я. предложил мне написать Вам это письмо, т. к. я ему похвастался, что я с Вами знаком.

Будьте здоровы.

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по пометке адресата: «получ. 4 ноября 1911 г.».

[2] В приложении к журналу «Нива» в 1912 году вышло «Полное собрание стихотворений А.А. Фета» в 2-х томах со вступительными статьями Н.Н. Страхова и Б.В. Никольского.

216. И.С. Шмелеву

7 ноября 1911 г. Петербург[1]

Москва, Житная, 10

Многоуважаемый Иван Сергеевич.

Ваша вещь поразительная![2] Я хожу из дому в дом и читаю ее вслух, и все восхищаются. Я взял ее с собою в вагон, когда ехал к Леониду Андрееву, и в иных местах не мог от волнения читать. Говорил о ней Андрееву — он тоже слышал о ней — и даже те отрывки, которые из нее напечатаны в разных газетных статьях, восхищают его. Мне кажется, что я уже лет десять не читал ничего подобного. И, помимо чувства, какая умелость. Как мастерски сделаны первые главы.

Ваш *Чуковский*

Сам я болен теперь — и развинчен. Ничего писать не умею. Свирепые бессонницы одолели меня. Чуть только поправлюсь, выскажу, как умею, свое восхищение — не в этом же дело.

[1] Открытое письмо. Датируется по почтовому штемпелю: 7.11.11. СПб.; 9.11.11. Москва.

[2] Речь идет о повести «Человек из ресторана». См. также письмо **214**.

217. И.С. Шмелеву

21 ноября 1911 г.[1]

Многоуважаемый Иван Сергеевич.

Это моя вина — не перед Вами, а перед рус<ским> обществом, что я до сих пор не закричал в нашей «Речи» и в «Совр<еменном> Слове»[2]: смотрите, читайте, плачьте, по поводу В<ашей> повести. Это мой долг, моя обязанность обрадовать рус<ского> читателя таким прекрасным праздником литературы — но я болен острым малокровием мозга, у меня трое детей — все сразу заболели, жена тоже слегла — а тут векселя, квартира и пр., и пр, и пр. Я на время уезжаю из города — на неделю — надеюсь поправиться — и тогда к 10—15 декабря напишу о «Ресторанном Человеке»[3] статью. Пишете ли Вы что-н<и>б<удь> для альманаха, который затевается Ценским[4]. Я вчера был у него: он читал мне превосходную свою новую вещь: «Медвежонок»[5]. Очень нервно, ново и глубоко.

Сердечно Ваш *Чуковский*

Не дадите ли для «Речи» рассказик для Рождества? Заплатят очень хорошо.

[1] Открытое письмо; датируется по почтовому штемпелю: СПб. 21.11.11; Москва. 22.11.11.

[2] В 1911 году Чуковский публиковал ряд статей одновременно в «Речи» и в «Современном слове».

[3] Речь идет о повести «Человек из ресторана», Чуковский похвалил ее в обзоре «Русская литература [в 1911 году]» (Ежегодник газеты «Речь» на 1912 год (СПб., 1912; *Т.* 7 наст. изд. С. 553).

[4] В ноябре 1911 года группой писателей при активном содействии С. Сергеева-Ценского было организовано «издательское товарищество писателей», которое задумало ежегодный выпуск сборника под тем же названием. Вышел всего один номер, т. к. издательство вскоре распалось, а в марте 1912 г. в Москве возникло новое кооперативное товарищество писателей — «Книгоиздательство писателей в Москве», издававшее ежегодный сборник «Слово».

[5] Рассказ С. Сергеева-Ценского. Впервые опубликован в сб. «Издательское товарищество писателей». СПб., 1912.

218. В.Я. Брюсову

24 ноября 1911 г. Петербург[1]

Суворовский, 40 А, кв. 4.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Вы давно мне ничего не пишете, но, надеюсь, не потому что сердитесь, а просто потому, что страшно, сверхъестественно заняты. Только вчера «с изумленьем вечно новым» я увидел, что Вы — мимоходом, между прочим, — перевели Оскара Уайльда *Duchess of Padua*[2]. Я почему-то люблю эту крепкую настойку на Шекспире, Сарду[3] и Гюго, и очень рад, что наконец-то хоть одному творению Уайльда возвращены те «каменья, ожерелья и слова», которые нагло до сих пор у него воровали его российские переводчики.

И мне хочется Вас умолять, чтобы Вы перевели

1. *Балладу Рэдингской Тюрьмы,* испакощенную Бальмонтом[4].

2. *Стихотворения.*

3. Сказки.

Я уверен, что если бы Вы только бегло взглянули на иные его поэмы, Вам бы захотелось их немедленно, тотчас же перевести. Вы, конечно, знаете его изумительный

The Harlot's House –
Проститутки Дом,

в котором «вся пряность Бодлера и вся загадочность Эдгара По»[5]. Или его балладу La belle Marguerite, или The Dole of King's Daughter или Impression du Matin (и вообще его Impressions, где он иллюстрирует Уистлера)[6]; — мне кажется, все эти произведения, хо-

тя они и в разных родах, — чрезвычайно Вас увлекут: они как будто созданы для Вас...

Но я еще не сказал, почему я хлопочу об этом. «Нива» поручила мне редактировать собрание сочинений Оскара Уайльда[7], и так как я только что увидал Вашу «Герцогиню Падуанскую», то естественно, что я обращаюсь к Вам. Что меня выводит из себя — это переводы сказок Уайльда и его Стихотворений в Прозе. Эти сказки написаны очень сложно и декоративно, в них рассчитанная простота и обдуманное благородство, — а наши, все до единого, переводят их дешевым, газетным языком. Будьте милостивы, переведите хоть две из них: «Соловья и Розу» и «Молодого Короля»; — об остальных я попрошу М.А. Кузмина и Вяч. Ив. Иванова[8]. (Переводы стихов нужны к 1-му марта 1912; переводы сказок к 10 декабря *1911*).

«Нива» надеется получить от Вас разрешение перепечатать «Герцогиню Падуанскую». Принадлежит ли он Вам или окончательно продан «Пользе»?

Кстати. У Вас в «Скорпионе» выходит вскоре новая книга о Уайльде[9]. Может быть, Вы были бы так великодушны, распорядились бы мне ее выслать в гранках; ведь для издательства очень (!) важно, чтобы она упоминалась в той статье об Уайльде, которая появится *при «Ниве»*[10].

Душою Ваш *Чуковский*

Мой адрес. СПб. Суворовский, 40 А, кв. 4.

Ради Бога, напишите мне тотчас же, как Вы относитесь к моей просьбе. Простите неряшливость этого письма: я совершенно больной. Напечатание «Нивою» тех или иных Ваших (запроданных другим фирмам) переводов не лишает эти фирмы прав продолжать печатание последующих изданий этих переводов — с тем, что такими же правами будет пользоваться и издательство Маркс.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Петербург. 24.11.11; Москва. 25.11.11.

[2] *«The Duchess of Padua»* — «Герцогиня Падуанская» (1883), трагедия английского прозаика, поэта, драматурга и эссеиста Оскара Уайльда. Была выпущена в свет отдельным изданием в стихотворном переводе и с предисловием Брюсова в конце октября 1911 г. (М.: Польза, [1911]. «Универсальная библиотека». № 701).

[3] Викторьен *Сарду* (1831–1908), французский драматург.

[4] «Баллада Редингской тюрьмы» («The Ballad of Reading Gaol», 1898) — поэма Уайльда. Имеется в виду издание: *Уайльд Оскар.* Тюремная баллада / Перев. К.Д. Бальмонта. М.: Скорпион, 1904.

[5] Это стихотворение Уайльда (1883) в переводе Ф. Сологуба озаглавлено: «Дом блудницы» (Полн. собр. соч. О. Уайльда. СПб., 1912. Т. 4. С. 14). В очерке «Оскар Уайльд» Чуковский писал: «...его знаменитая поэма “Дом блудницы” в каждой своей запятой — есть сочетание Эдгара По с Бодлером» (Там же. Т. 1. С. VIII).

[6] Упоминаются стихотворения Уайльда «Ballade de Marguerite», «Участь королевской дочери» из цикла «Золотые цветы» («Flowers of Gold»), «Impression du Matin» из цикла «Цветы ветра» («Wind Flowers»), два стихотворных цикла под общим заглавием «Impressions» («I. Les Silhouettes. II. La Fuite de la Lune» и «I. Le Jardin. II. La Mer»). См.: The Poems of Oscar Wilde. Leipzig: Bernhard Tauchnitz, 1911. P. 89, 143–144, 148–152, 231–232, 235–236. Джеймс *Уистлер* (1834–1903), американский живописец.

[7] Полное собрание сочинений Оскара Уайльда под редакцией К.И. Чуковского было выпущено в свет приложением к журналу «Нива» на 1912 г. (Т. 1–4. СПб.: изд. т-ва А.Ф. Маркс). См.: *Павлова Т.В.* Оскар Уайльд в русской литературе (конец XIX — начало XX в.) // На рубеже XIX и XX веков. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1991. С. 109–111. Позже Чуковский перевел еще несколько произведений Уайльда и в 1922 году выпустил о нем отдельную книгу (см. *Т. 3* наст. изд.).

[8] Упомянутые две сказки помещены в издании Уайльда под редакцией Чуковского в переводе М.П. Благовещенской; Кузмин и Вяч. Иванов в переводе сказок Уайльда не участвовали.

[9] В объявлениях издательства «Скорпион» указывалась, как готовящаяся к печати, книга: *Рансон Артур.* Оскар Уайльд. Характеристика. Авторизованный перевод с рукописи М. Ликиардопуло. С предисловием для русского издания Роберта Росса и с неизданным портретом О. Уайльда. Издание не состоялось.

[10] Очерк Чуковского «Оскар Уайльд» напечатан в томе I указанного Полного собрания сочинений Уайльда (С. I—XXXIII).

218 а. А.И. Дейчу

3 декабря 1911 г. Петербург[1]

Многоуважаемый Александр Иосифович!

Мне, как редактору соб. соч. Оскара Уайльда, В.Я. Светлов поручил ответить на Ваше письмо, обращенное к нему.

Вы заблуждаетесь, полагая, что «Священник и Причетник» никогда не появлялись в России. Под заглавием «Оскар Уайльд. Царь жизни. The Priest and the Acolite» она была выпущена издательством Икар в Москве. (Склад издания Б. Никитская, 20, книжн<ый> магаз<ин> Звено.)

Так же едва ли Вы правы, полагая, что Баллада Рэдингской тюрьмы переведена у Вас «размером подлинника»[2]. Я ознакомился с этим переводом; в нем очень много счастливых выражений,

есть хорошие строфы, и потому я покорнейше прошу Вас не замедлить высылкой предлагаемых Вами лирических стихотворений Уайльда. Если Вами переведена его поэма Сфинкс — благоволите прислать ее для ознакомления[3].

Готовый к услугам

3 дек.

К. Чуковский

Корней Ив. Чуковский
СПб. Суворовский, 40 А, кв. 4.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: СПб. 3.12. Год смазан, установлен по содержанию. Адрес: Киев, Михайловская, 22. А.И. Дейчу.

[2] «Баллада Редингской тюрьмы» в переводе А.И. Дейча была издана в Киеве в 1910 г. (Библиотека «Гонг», № 16). Переводчику было семнадцать лет.

[3] В 1912 г. в Киеве издана поэма Оскара Уайльда «Сфинкс». На титульном листе указано: «Перевод размером подлинника Александра Дейч».

219. В.Я. Брюсову

3 декабря 1911 г. Петербург[1]

Дорогой Валерий Яковлевич.

Дорожу Вашим временем и потому не растекаюсь по древу, а пишу только о насущном:

— «Далеких и близких» я видел и у далеких, и у близких, а мне Вы ее не присылали. Напомнить же я не осмелился. Жаль, что туда не вошли теоретические Ваши статьи о искусстве.

— «Некрасова» я пришлю, когда мне покажется, что он хоть отчасти достоин того, кому я его посвящаю. А посвятить эту статью Вам — такова моя давнишняя мечта. Надеюсь, что Вы позволите — если не в «Р<усской> М<ысли>», то хоть в отдельной книжке.

— К Новому Году, к Крещению надеюсь получить от Вас Ballad of Reading Gaol[2]. У Бальмонта, Дейча, Соколовой, у всех переводивших Балладу[3] — нечетные окончания женские.

— «Нива» просит меня указать Вам, что «Польза» не дальше как 3 или 4 дня назад разрешила М.Ф. Ликиардопуло (у которого мы берем только некоторые переводы) предоставить *«Ниве»* право пользования этими переводами. — «Ведь за изд<ательством> Антик[4] остается право параллельно печатать и свои издания Уайльда; и так как между 10-коп<еечными> книжками «Универсальной Библиотеки» и приложениями «Нивы» нет — as I am told[5] —

никакой конкуренции, то никакой речи о корректности или некорректности быть не может».

Последние слова принадлежат не мне, и потому я ставлю их в кавычки. «Нива» умоляет Вас ответить о Вашем решении теперь же — хотя бы тремя-четырьмя словами.

Ваш *Чуковский*

Суворовский, 40 А, кв. 4.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Петербург. 3.12.11; Москва. 4.XII.1911.

[2] «Баллада Редингской тюрьмы» (*англ*). 28 ноября 1911 г. Брюсов писал Чуковскому, что надеется закончить ее перевод (сделанный с «женскими окончаниями в нечетных стихах») «на Рождестве» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 61. Ед. хр. 68).

[3] См. примеч. 4 к письму **218** и примеч. 2 к письму **218 а**. Сведениями о переводе Соколовой мы не располагаем.

[4] Владимир Морицевич *Антик* (1882—1972) возглавлял московское издательство «Польза», выпускавшее в 1906—1918 гг. дешевую многотиражную серию «Универсальная библиотека», в составе которой была опубликована «Герцогиня Падуанская» Уайльда в переводе Брюсова.

[5] как мне сообщают *(англ.)*.

220. В.Я. Брюсову

17 декабря 1911 г. Петербург[1]

Дорогой Валерий Яковлевич.

Позвольте быть назойливым и вынудить у Вас согласие на перепечатку «Герцогини Падуанской»[2]. Дело в том, что я эту вещь напечатаю только *в июне, в июле,* – значит, на самом-то деле пройдет немалое время между ее появлением у Антика и — в «Ниве».

Умоляю ответить относительно «Рэдингской Тюрьмы»[3].

Теперь по личному поводу:

В «Русской Мысли» (XII кн. которой так изумительно хороша) — не было рецензии о моих бедных «Критич<еских> Очерках»[4]. Я бы никогда не упомянул об этом, если бы не знал, что *Современный Мир* и *Русское Богатство* решили меня бойкотировать.

В Москве на меня принято смотреть как на хулигана — вроде Фомы Райляна[5], — а если бы Вы взглянули в эту мою книгу, Вы увидели бы, что она, может быть, бездарна, — но честна, старательна и прямодушна. Несколько слов, сказанных «Рус<ской> Мыслью» —

хотя бы и в порицание, – были бы для меня большою нравственной поддержкой.

В последний год меня Лит<ературный> Кружок даже и лекции не зовет читать: последняя моя — о Сологубе[6] — показалась очень плохой. Да и к тому: хулиган!

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Петербург. 17.12.11; Москва. 18.XII.1911.

[2] См. примеч. 2 к письму **218**.

[3] См. письмо **219**.

[4] Имеются в виду «Критические рассказы. Кн. 1» (СПб.:Шиповник, [1911]). См. также примеч. 4 к письму **200**.

[5] Фома Родионович *Райлян* — художник и журналист, редактор-издатель иллюстрированного журнала «Свободным художествам». В данном случае подразумевается инцидент, вызванный фельетоном Райляна с описанием пьяной оргии, устроенной Куприным вместе с другими литераторами. См.: Литературное наследство. Т. 95. Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка. М., 1988. С. 355–356; Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. М., 2001. С. 417.

[6] См. примеч. 4 к письму **147**.

221. О. Дымову

1911 г.[1]

Нет, мой дорогой О.И., читать о Коммис<саржеской> я не могу[2]. Я ее очень любил, но слов у меня о ней никаких нету.

———

Вообще, это у меня теперь несчастье: я стал теперь как глухонемой. Почти ничего не пишу и *не могу* написать.

———

Приезжайте, когда будет ветер, я покажу Вам, как по морю бегают на лыжах *под парусом.* И.Е. Репин спрашивал о Ваших рисунках.

———

Спасибо за память. Кланяется Вам М.Б.

Ваш *Чуковский*

Привет Марадудину.

И ———— ой[3]

[1] Письмо датировано предположительно; дата вечера, на который Дымов приглашает Чуковского, не установлена.

[2] В.Ф. Коммиссаржевская скончалась 10 февраля 1910 года.

[3] *Марадудин* Филимон Петрович, актер и его жена Марадудина Мария Семеновна — конферансье.

222. Ф.К. Сологубу

1911 г.[1]

Дорогой глубокоуважаемый Федор Кузьмич!

Позвольте мне искреннейше поблагодарить за то счастье, которое доставили Вы мне великодушным Вашим вниманием. Ваш «Змий»[2] поразил, взволновал меня, я заучил его наизусть и хожу с ним, как с прокламацией. Читал гимназическое сочинение о Вас Сергея Городецкого[3], ничего, на три с плюсом. Вы теперь нахлынываете на читателя со всех сторон: из «Змия», из «Шиповника», из «Руна», из «Скорпиона»[4]. Приветствую Вас и, если позволите, пришлю на днях пресловутого Уитмана[5].

Ваш душевно *Чуковский*

[1] Датируется предположительно. На бланке: «Редакция журнала «Нива». Ул. Гоголя, 22. Телефон № 433. С.-Петербург».

[2] Имеется в виду сборник: *Сологуб Ф.* Змий. Стихи. Кн. IV. СПб., 1907.

[3] Вероятно, статья С. Городецкого, которая вошла в сборник: О Федоре Сологубе. Критика, статьи и заметки. Сост. Ан. Чеботаревская. СПб., 1911.

[4] Перечислены издательства, в которых выходили книги Ф. Сологуба: в издательстве «Шиповник» в 1909–1911 годах вышло Собрание сочинений Сологуба в 12 томах и там же с 1907 по 1909 г. вышло пять изданий его романа «Мелкий бес»; сборник «Пламенный круг» вышел в 1908 году в издательстве журнала «Золотое руно»; ранее в 1904 году в издательстве «Скорпион» вышел сборник рассказов «Жало смерти» и т. д.

[5] Имеется в виду книга Чуковского: Поэт-анархист Уот Уитман: Перевод в стихах и характеристика. СПб., 1907.

223. А.А. Измайлову

Начало января 1912 г.[1]

Многоуважаемый А<лександр> А<лексеевич>. При этом прилагается книжка «Жар-Птицы», вышедшая под моей редакцией[2]. Если книжка Вам придется по вкусу, будьте добры, дайте что-нибудь для будущего №.

Какую-нб. детскую песенку, сказочку, прибаутку, пословицу, загадку — все будет принято с благодарностью. Я бы лично заехал просить Вас о сотрудничестве, да болею — и потому покорнейше прошу Вас известить меня, можно ли упомянуть Ваше имя в числе сотрудников — и когда я могу надеяться получить от Вас материал.

Жму Вашу руку и поздравляю с праздником. Кажется, в этом году Вы не напечатали никакой книги.

Ваш *Чуковский*

СПб. Суворовский, 40 А, кв. 4

[1] На бланке: Издательство «Шиповник». СПБ., Николаевская, 31. Датируется по содержанию.

[2] Речь идет об издании: Жар-птица. Детские сборники изд-ва «Шиповник». Кн. 1. СПб, [1912]. Авторы: Саша Черный, Ал.Н. Толстой, К. Чуковский. М. Моравская, Вл. Азов, С. Сергеев-Ценский. Художники: В.П. Белкин, С.В. Чехонин, М.В. Добужинский, А. Радаков. [Обл. по рис. С.Ю. Судейкина]. В сборнике помещены первые произведения Чуковского для детей — «Цыпленок» и «Собачье царство».

224. Н.А. Рубакину

Начало января1912 г. Петербург[1]

Глубокоуважаемый Николай Александрович.

Меня очень удивило, что Вы мне рассказываете о своих книгах и статьях. Еще мальчишкою — как я собирал копейку за копейкой — складывал, чтобы купить Рубакина «Рассказы о делах в цар-

стве животных», «Чудо на море» — а и позже в «Новом Слове», в «Северном Вестнике» — я строчки Вашей не пропускал. Приходил в библиотеку, брал старые журналы — и сейчас даже шрифт помню, каким были напечатаны Ваши «Взыскующие Града». Какой Вы счастливый человек: Вы поняли, что нужно людям — и Вы делали именно то, что нужно, — *несомненное* дело. Каждая Ваша книга насущно нужна — это не суфлэ, не шоколадный крем, это — хлеб. И сколько Вы уже сделали, сколько написали, скольких научили. И никуда не свернули в сторону. Вы беллетрист, но ни разу не написали повести «просто так, ни для чего». Вы — ученый, — но и здесь не ушли в отвлеченности. Я был удивлен, когда увидал Ваш портрет: мне до этого казалось, что Вы старый старик. И как понадобятся Ваши книги, когда в России заведут всеобщее обучение!

Я только что прочитал Ваши последние статьи в «Новом Ж<урнале> д<ля> Всех»[2]. Как это любопытно, что публика настойчиво требует, чтобы Бенштейн[3] выкинул декадентов и модернистов, а он хватается за них все крепче и крепче. Почему? Характерно также, что образованные люди высказались против самообразования. Это, во-первых, эгоистично, а во-вторых, непрактично. Ибо кто же не знает, что самые большие невежды это именно наши «образованные». Хорошо бы устроить «анкету» среди наших адвокатов, знаменитых писателей и пр. — о том, например, что такое электричество? Что было в Англии в XVI столетии и т. д. Ведь всякий полуинтеллигент интеллигентнее интеллигента — вот в чем суть! Как-то по Невскому я проходил с двумя знаменитыми писателями (все писатели теперь знаменитые!) и спросил их: странно! Как это по Невскому трамвай без лошади бегает: — и они не знали, и кого бы я ни спрашивал, никто не знал. Они презрительно относятся к самообразованию, к лекциям, брошюрам и проч., а сами даже азбуки не знают, ни социологии, ни механики, ни химии — ничего.

Я хотел об этом писать и писать, — но ведь мой ужас в том, что *я болен*, – я совершенно потерял возможность заниматься и т. д. — у меня малокровие мозга, бессонницы и проч. Это такое отчаяние. Я четыре года жил в Куоккала, переехал с семьей (а у меня трое детей) в СПб. — и сразу изнемог, истомился. Стоит мне пойти в театр, пройти по Невскому — и я не сплю, *подавленный впечатлениями*. Я ходил в Народный Университет и бросил. Только вчера я получил Ваше письмо — до сих пор ни разу не ходил в «Речь». Философов что-то писал о моей статье, я попробовал ему отвечать, и в течение недели выжал из больного мозга какие-то бездарные строки...[4] Теперь, чтобы иметь «пропитание», я могу вести толь-

ко механическую работу: взял в «Ниве» на себя редактирование Оскара Уайльда.

Кстати. Не хотите ли Вы вести в «Ниве» очерки о самообразовании. Я, если угодно, переговорю.

Вместе с В<ашим> письмом в «Речи» я нашел около *сорока* писем по поводу своих фельетонов «Мы и они»[5]. И все письма — ругательные. А добрейший В. Битнер в каждом № «Вестника знания» меня бранит как прохвоста и подлеца — хотя я был единственный, кто о нем написал добродушно и даже с похвалою. Я и сейчас повторяю, что дело его — великое, и он делает его, *в общем,* отлично. Но я ни его полемик, ни ругательных писем не читаю: болен совсем, окончательно. Простите, что пишу Вам так запросто — очень уж меня пригрело и обласкало В<аше> письмо: ведь я так не привык к человечному отношению.

Преданный Вам давно и крепко *К. Чуковский*

СПб. Суворовский 40А, кв. 4.

Корней Ив. Чуковский

[1] Датируется по содержанию.

[2] См.: *Рубакин Н.А.* Письма к читателям о самообразовании // Новый журнал для всех. 1911. № 30.

[3] *Бенштейн* Моисей Лейзерович (1880/1–1946) печатался под псевдонимом *Архипов* Николай Архипович — прозаик, драматург, издатель.

[4] Статью Д. Философова обнаружить не удалось. Ответ Чуковского — заметка «Всё о том же» (Речь. 1911. 8 (21) нояб).

[5] Фельетон *«Мы и они»* напечатан в «Речи» (1911. 1 (14) окт.). См. *Т.* 7 наст. изд. С. 247–266. Там же в комментариях см. о *В.В. Битнере,* издателе журнала «Вестник знания» — обзор ругательных статей о Чуковском в «Вестнике знания» (С. 667–669). Свою статью о Битнере Чуковский позднее перепечатал в 6-м томе своего прижизненного Собрания сочинений под заглавием «Темный просветитель».

225. В.Я. Брюсову

7 января 1912 г. Петербург[1]

Дорогой Валерий Яковлевич.

Умоляю Вас тотчас же написать, сколько именно хотели бы Вы получить за «Герцогиню Падуанскую»? Я сейчас же по получении Вашего письма хотел было передать его в «Ниву», т<ак> к<ак> его деловой характер явно указывал, что я в нем не компетентен, — но прочитавши его внимательно, я заметил, что Вы (таковы поэты!) не обозначили, сколько именно полистной платы* хотели бы Вы получить с «Нивы» за «Герц<огиню> Падуан-

ск<ую>» — и сколько за Балладу о Тюрьме? (Бальмонту «Нива» уплатила за «Саломею» 30 р. с листа)[2]. «Нива» приобретает переводы и для приложений и *для* отдельного издания Собр<ания> Соч<инений> Уайльда, но она нисколько не ограничивает Вас в печатании — где угодно и когда угодно — этих же самых Ваших переводов. При покупке в полную литературную собственность за прозу «Нива» платит 50 р. с листа**. Сколько Вы хотите за строчку Тюрьмы?[3]

Ваш *Чуковский*

Сколько листов считаете Вы в «Герцог<ине> Падуанской»?

---

* «Нива» считает лист 35 т<ысяч> букв.

** Бальмонту!

[1] Ответ на письмо В. Брюсова от 5 января 1912 г. Датируется по почтовому штемпелю: Петербург. 7.1.12; Москва. 8.1.12.

[2] Перевод драмы «Саломея» (1891), выполненный Бальмонтом и Е.А. Андреевой, вошел в 4-й том Полного собрания сочинений Уайльда под редакцией Чуковского.

[3] В ответном письме от 9 января 1912 г. Брюсов указал: «За перепечатку “Герцогини” по 30 р. за лист», «За перевод “Баллады” по 30 коп. за стих» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 61. Ед. хр. 68).

226. М.А. Волошину

7 (20) января 1912 г. Куоккала[1]

Многоуважаемый Максимилиан Александрович!

Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой: не возьметесь ли Вы перевести несколько произведений Уайльда для журнала Нива. Дело в том, что Нива в 1912 году дает соч. Уайльда и поручила мне их редактировать[2]. К сожалению, когда я взялся за редакцию, многое уже было заказано, но то, что осталось, я передал таким писателям, как Сологуб, Брюсов и т. д. Теперь хочу Вас просить перевести:

1) Английский Ренессанс (раннюю лекцию Оск<ара> Уайльда)[3].

И так назыв<аемый> 2) Эстетический Манифест, предисловие Оск<ара> Уайльда к книге Рода Rose Leaf and Apple Leaf[4]. Переводы нужны через месяц к 20-му нашему февраля. За лист *по получении рукописи* (до набора) 40 рублей.

Кроме того, есть еще произведение O<skar> W<ilde> «Green Carnation»[5]. Я его не мог достать в России. Не согласитесь ли Вы

1912 перевести и это произв<едение>, списавшись со мною о его размерах и содержании. В изд. Метуэна Вы его найдете, должно быть[6]. И еще: у Таухница вышла книжка Poems of Oscar Wilde (№ 4290)[7]; я прошу Вас перевести оттуда стихотворения, помещенные на стр. 89, 96, 162, 245, 145 и 240, 242. Я выбрал те, котор<ые> больше всего соответствуют Вам[8].

Пишите мне по адресу: СПб. ул. Гоголя 22, Конт<ора> «Нивы».

Ваш *К. Чуковский*

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Куоккала. 20.I.12.

[2] О Собрании соч. Уайльда см. примеч. 7 к письму **218**.

[3] Лекция «Ренессанс английского искусства» (1882) для Собрания сочинений была переведена самим Чуковским; вошла под названием «Советы молодому поколению: Ренессанс английского искусства» в Полное собрание сочинений Уайльда в 4 т. (СПб., 1912. Т. 4. Кн. 8. С. 123–145).

[4] Речь идет о предисловии О. Уайльда к книге Реннела Родда «Розовый лист и яблоневый лист» (Филадельфия, 1882), которое не вошло в собрание сочинений Уайльда.

[5] Чуковский ошибся. Автором романа «Зеленая гвоздика» был Роберт Хиченс (1864–1950). Роман вышел в Англии в 1894 г. анонимно; на русском языке был опубликован в журнале «Русская мысль» в 1899 г. под фамилией автора.

[6] Издательство «Метуэн и К°» («Methuen and C°») было основано в Лондоне в 1889 г. и специализировалось на выпуске научной, художественной и др. литературы. Первое Полное собрание сочинений О. Уайльда вышло в этом издательстве на английском языке в 1908 г. в 14 т.; на всех томах, кроме 12-го, стоит гриф издательства.

[7] Речь идет о книге: The Poems of Oscar Wilde. Leipzig: Bernard Tauchnitz, 1911.

[8] Переводов М. Волошина в Собр. соч. Уайльда нет.

226 а. А.И. Дейчу

15 января 1912 г.[1]

Многоуважаемый А.И.

Простите, что пишу бегло. Я на несколько недель уезжаю за границу. Только приехав и внимательно вникнув во всё — выскажу Вам беспристрастно и прямо свое мнение о В<аших> работах. Во всяком случае «заказывать» В<ам> что бы то ни было — не решаюсь[2].

Преданный Вам *Чуковский*

[1] Датируется по почтовому штемпелю: СПб. 15.1.12.

[2] В третий том Собрания сочинений О. Уайльда (1912) вошли в переводе А. Дейча «Истина масок» и «Лондонские натурщики».

227. В.Я. Брюсову

Ок. 28 января (10 февраля) 1912 г. Гранкулла[1]

Дорогой Валерий Яковлевич.

Это не моя вина. Я очень заболел (малокровие мозга) и, уезжая в санаторию (Финляндия. Bad Grankulla), — передал Ваши условия «Ниве». «Нива» их, конечно, *приняла* и обещала мне известить Вас об этом[2].

Ваш *Чуковский*

[1] Видовая открытка (Bad Grankulla). Датируется по почтовому штемпелю получения: Москва. 30.1.1912.

[2] Видимо, в неизвестном нам письме Брюсов спрашивал Чуковского о том, приняты ли предложенные им договорные условия по переводам из Уайльда.

228. И.Е. Репину

Февраль 1912 г. Гранкулла[1]

Adress: Grankulla Station
Telefon via Ghrankulla central
Bad Grankulla

Дорогой Илья Ефимович.

Ведь это нечто мистическое: я только что хотел написать Вам, что 12-й год для Вас — неиссякаемый кладезь, хотел напомнить о Вашем Наполеоне, который охотится вместе с Александром[2], хотел умолять Вас, чтобы Вы воплотили какую-нибудь сцену из «Войны и Мира», — и вот, оказывается, Ваша мечта витает именно возле Кремлевских стен — и какой интимный, истинно — Репинский сюжет! Именно босяки, хулигане, нисколько не герои, не те статисты, которые позируют у Верещагина (у него и Наполеон только загримирован Наполеоном, и вообще весь его Наполеоновский цикл[3] — одна бутафория), — а воры, «вшивая горка», и с ними, во главе, Пьер Безухий[4], близорукий, в очках, «либералист». И как хорошо, что Вы только что для «Пушкина» штудировали эти костюмы и эти лица.

Комета — это великолепно, но я даже и вообразить себе не могу, как можно написать комету... Должно быть, пламя пожаров очень-очень далеко, если комета так зловеще отчетливо видна на

всем небе. Я лично боюсь комет, как пауков, и мне кажется, что комета придаст всей картине очаровательно-оригинальный характер.

Я только просматривал ту книгу о Врубеле, о которой Вы говорите[5]. Врубель не был гением, но он был из того теста, из которого делаются гении. Он сам как будто этюд великого человека. Как будто Бог приготовил чертеж, план, эскиз для того, чтобы сделать Врубеля, но эскиз так эскизом и остался. Грабарь, конечно, даровитый человек, но зачем в Истории Искусств он с таким презрением трактует еврейское происхождение Антокольского?[6]

Я не читал, что писал Бенуа о французской выставке, но воображаю, что теперь пол Петербурга сезанисты и гогенисты. Уж он постарался! Кстати, я встретил его на французской выставке, и он со мною смотрел Ренуара, и рассказал мне, что, когда Врубель узнал, что за какую-то картину Ренуара[7] (в жемчужных тонах) дали 175 000 франков, с ним сделалась истерика, и он (кажется, где-то в ресторане) кричал: «да ведь я же в тысячу раз выше его!» Французов я видел только мельком, — перед отъездом, но меня поразило, как черны и, по существу, академичны импрессионисты, — и главное, как много наши русские модернисты взяли целиком у французских художников. Даже страшно подумать, до чего несамобытно современное *русское* искусство. Про каждую француз<скую> картину хотелось сказать: я ее уже видел у русских художников.

Простите этот клякс: меня торопят идти на балкон и лежать там в идиотском виде в течение полутора часов. Вот если бы Наталия Борисовна была здесь, ее сожгли бы на костре, как Жанну д'Арк. Когда я отказался от мяса, доктор кричал на меня, как на преступника. Я приветствую те светлые взгляды, которые исповедует Нат<алья> Б<орисовна>, и чем больше приглядываюсь к жизни здешних людей, тем больше с этими взглядами соглашаюсь.

Но мне нисколько не стыдно, что я в санатории, а не в избе у мужика; насчет мужиков я позволю себе с Нат<альей> Бор<исовной> поспорить[8]. (Это будет не оппозиция Ее Величеству, но оппозиция Ее Величества.) Мужики очень здоровы, но почему? Потому что в деревне такая ужасающая детская смертность, (умирает 80% крестьянских детей), что те, которые при *таких ужасных* условиях выживают, — железные здоровяки и силачи, и к ним уж ничто не пристанет. «Страдания» мои не «высосаны из пальца» — как думает Наталья Борисовна, — я шесть месяцев перемогался в жестоких муках, и мне, отцу троих детей, поденному работнику, любящему до самозабвения свою работу, незачем *выдумывать* себе какие-то «нервы», какие-то дамские истерики, которые я сам так

же искренне презираю, как и Наталья Борисовна. Я не верю ни в какие лекарства, кроме покоя, воздуха, природы и физического труда: в этом я согласен с Нат<альей> Бор<исовной>, этого я не мог получить в Пб., потому-то я и уехал сюда, в этот пансион, который так пышно и напрасно зовется санаторией; насчет же мужика, повторю за Алексеем Толстым:

...есть мужик и мужик:
Если он не пропил урожаю,
Я тогда мужика уважаю[9].

Но я извиняюсь за длинное письмо — и смолкаю. Карточка Нат<альи> Бор<исовны> — Ваш карандашный набросок на открытом письме — висит у меня на стене и смотрит на меня укоризненно. Привет всем рыцарям Круглого Стола, и самому королю Артуру — Никол<аю> <Дм>итриевичу Ермакову[10]. Кажется, через неделю я удеру отсюда, найму себе хату в Куоккала, и буду жить да поживать, и с прежним восторгом посещать Ваши среды.

Я был и прежде уверен в сценическом успехе «Сознательных»[11] — особенно это символически-беспомощное сидение на двух шкафах — должно быть очень эффектно.

Я своих детей учил грамоте так: а ну-ка, Коля, сделай Ж. Коля становился в такую позу: <рисунок>, «а теперь Ф»; и Коля — «руки в боки». Так на вольном воздухе, проделывая гимнастику, они узнали почти все буквы; иные составляются двумя детьми.

Ваш душевно *Чуковский*

[1] Датируется по содержанию.

[2] Акварель «Александр I и Наполеон у герцога Веймарского на охоте» (1907–1908) выполнена Репиным для издания, предпринятого Н. Кутеповым — «Великокняжеская, царская, императорская охота на Руси с X по XIX век», 1911. Т. 4. Картина находится в частном собрании в СПб.

[3] Так называемый «Наполеоновский» цикл В.В. Верещагина — серия картин «Наполеон в России», связанных с Отечественной войной 1812 года, начатая художником в 1892 г. (к восьмидесятилетию войны).

[4] Безухов.

[5] Возможно, упомянута книга С. Яремича «Михаил Александрович Врубель. Жизнь и творчество», изданная в 1911 году И. Кнебелем в серии монографий Игоря Грабаря «Русские художники».

[6] Имеется в виду издание: *Грабарь Игорь*. История русского искусства. Т. 5. Скульптура (написана бароном Н.Н. Врангелем). М.: изд. Кнебеля, 1912. По-видимому, речь идет о следующих строках: «Антокольский еврей — в своем понимании природы, во взглядах на искусство и действительность, еврей по образу мыслей и выражению их... Антокольский до

конца жизни остался верен своей нации, горячо любя только то, что связано с нею» (С. 368).

[7] На французской выставке 1912 года в Петербурге экспонировались три живописных произведения О. Ренуара: «Портрет Сислея», «Прислужница от Дюваля» и «Любовники».

[8] Чуковский далее отвечает на письмо Н.Б. Нордман. Машинописный черновик сохранился в архиве «Пенат». Приводим выдержки из него, которые объясняют не только существо ответов Чуковского, но показывают типичный для этих лет менторский тон нордмановских писем. Распространение в России идей вегетарианства и кооперации, сделало имя Нордман популярным, известность вскружила ей голову. Этот тон не мог не вызывать раздражения, в том числе и у Репина, что приближало их разрыв. Чуковский, отчитывая Нордман за ее нелепые наставления, явно сдерживал себя ради Репина.

Из письма Н.Б. Нордман — К.И. Чуковскому:

«3/1. 1912.«Пенаты»

...Если бы меня попросили вас вылечить — послала бы вас на месяц к русскому мужику *в работники*. Сколько бы вы там пота пролили (организм очистился бы от накопившихся в нем ядов), наголодались бы (кишки бы получили работоспособность и усваивали бы пищу), мускулы бы укрепились, воздух дал бы вам сон и силу, и мужик за ваши труды заплатил бы вам трешню, так и быть. Вот мое новое увлечение, которое, как следующая ступень, естественно вытекает из всего предыдущего. Все «господское» мне все более и более тяжело, потому что напоминает болезни, а главное «нервы». Забыла еще сказать, что жизнь с крестьянами... меняет, как бы это лучше выразиться: угол зрения, точку отправления, горизонт... Все иначе освещено. «Я» и «они» сливается навсегда в общее «мы». Гимнастика, массаж и ванны вызывают ироническую улыбку. Такую ванну возьмешь, как съездишь в лес дров нарубить или возьмешься сбрасывать снег с крыш. Притом все, что бы ни делал, не только не стоит больших денег, но даже выгодно... Большинство страданий высосаны нами из пальца.

В среду уже не найдете у нас горячих обедов: немного холодных закусок, которые подаются в бочках и глиняных горшочках. Сами мы ежедневно упрощаем жизнь и еду, хочется здоровья и душевного спокойствия...»

[9] Цитата из поэмы А.К. Толстого «Поток-богатырь» приведена не совсем точно: «Есть мужик и мужик: / Если он не пропьет урожаю, / Я тогда мужика уважаю...»

[10] *Ермаков* Николай Дмитриевич (1867–1927), коллекционер, художественный деятель. Репин был с ним в дружеских отношениях. Ермаков собрал значительную коллекцию произведений Репина. Известны живописный портрет Ермакова, исполеннный Репиным в 1914 году (Псковская картинная галерея) и графический портрет 1911 года (ГРМ).

[11] «*Сознательные*» — пьеса Н.Б. Нордман.

229. Ф.К. Сологубу 1912

Февраль 1912. Гранкулла[1]

Дорогой Федор Кузьмич.

Привет Вам из Гранкулла. Я, чуть приехал, простудился и потому не мог тотчас же написать Вам перевод баллады Уайльда*, мне и сейчас не совсем хорошо. Головная боль непрерывная, бессонница и пр. Вчера вечером я прочитал нескольким здешним шведам (по-английски!!) небольшую лекцийку о рус<ской> литературе. Между прочим, рассказал содержание Вашего «Маленького человека»[2], которого сопоставлял с гоголевским «Носом». Шведы очень были увлечены, и одна литераторша, фрекен Ульнер (очень небогатая дама), захотела перевести этот рассказ на шведский язык. Я обещал ей попросить у автора разрешения. Даете ли Вы это разрешение? Если да, то я напишу Гржебину[3], чтобы он выслал тот томик Ваших сочинений, где этот рассказ помещен. Привет Анастасии Николаевне. Сизерана[4] я купил: отличная книга, ужасный перевод. Арцыбашев с надписью «Маленькой Женщине»[5], у меня отыскался.

Ваш *Чуковский*

---

* Завтра напишу ее.

[1] Почтовая карточка. Штемпель неразборчив. Датируется по содержанию.

[2] *«Маленький человек»* (1905) рассказ Ф.К. Сологуба.

[3] О *З.И. Гржебине* см. примеч. 4 к письму **171**.

[4] *Ла Сизеран,* Робер де (1857–1924), французский искусствовед. Вероятно, имеется в виду книга: *Ла Сизеран Робер.* Современная английская живопись. Перев. Е. Оршанской. В 1908 году книга вышла в двух издательствах: М.: В.М. Саблин. 1908 и М.: Современные проблемы. [1908].

[5] Кому была сделана надпись М.П. Арцыбашева установить не удалось.

230. М.Б. Чуковской

Февраль 1912. Гранкулла[1]

Милая Маша.

Я не писал тебе, ждал, когда же мне удастся обрадовать тебя известием, что я выздоравливаю. Но этого нет, мне все хуже и хуже, и я не знаю, что с собой делать. Здесь нас очень часто взвешивают — и в то время, как все больные — *без исключения* – прибавляются в весе, я уменьшаюсь и уменьшаюсь регулярно. Эту ночь я

1912 опять не спал. Условия здесь идеальные. Воздух — как крепкое вино. Тихо; кормят на убой. Сюда приезжают многие после операции. Шведские профессора, писатели, инженеры — и др. люди умственного труда приезжают сюда отдыхать. Санатория помещается в парке на высокой горе: вид превосходный. Людей очень много, но их не замечаешь. И вот я все же слабею, руки и ноги у меня дрожат, не могу написать ни строки — и сам себе я противен до слез. Я дал себе слово не возвращаться домой, покуда я не поправлюсь: я сам знаю, как я опостылел тебе в последние дни. Теперь у меня одна надежда: эта ближайшая неделя. Доктор решил применить ко мне совершенно новое лечение: sweps, — как они здесь называются. Один раз я уже попробовал это — мне очень понравилось, больше всего, что я когда-либо делал против своей болезни. Берут мокрую холодную парусину, обворачивают тебя всего, оставляют только голову — и окутывают пятью или шестью одеялами. И представь себе: не проходит и пяти минут, как тебе становится очень спокойно и даже начинает клонить в сон.

Хозяйка здесь совершенная madame Kartell, помнишь лондонскую? Такая же фальшивая улыбка, заискивание перед богатыми. Здесь нет общего стола — а маленькие столики, как в ресторане. Я обедаю с одним немцем 73-х лет, он только что женился на молоденькой — и это их медовый месяц. С ним я говорю по-немецки (!?), с нею по-французски (!?). У него около 2-х миллионов — и он очень потешный старик.

Есть здесь богатые заводчики Лядовы из Петербурга. Мать — лет 45, молодится, помятая женщина в бриллиантах, сын с усами, и прекрасная, очень простая, лет 18-ти дочь — любимица всего пансиона. — Есть англичанин М-г Ward, инженер. У него умерла жена, он приехал сюда оправиться после утраты и теперь приударяет сразу за матерью и за дочерью. — Есть, наконец, блондинка немка, у которой штук пять пальто, ее муж — чайный торговец в Москве — он старше ее вдвое и она с упованием смотрит на всех мужчин, — и утешается с нашим доктором. — Есть старая полька, жена бывшего польского губернатора, у которой один сын в тюрьме, другой в Сибири, она измученная, только и может говорить, что о растратах и виселицах. К ней приехали две дочери — очень простодушные и наивные. А все остальное: шведы, банкиры и т. д. Есть Notre Dame de Grankulla — как я ее называю: норвежка, которая родилась в Америке, воспитывалась в Италии, училась музыке в Париже и вышла замуж за финского художника. Длинная, птицеобразная. Есть еврейка, сильно истасканная, в корсете, похожа немного на Зину Венгерову, — играет в винт, и, как все еврейки, разговаривает о литературе.

Как видишь целый зверинец. Но т. к. я с этими людьми встречаюсь только в парке (а парк огромный, много верст) и в столовой, то они мне нимало не мешают. Как здесь хорошо учиться разным языкам. Будь я здоров (если бы у меня хоть часа два не болела голова!), я бы теперь уже бойко болтал по-немецки и по-французски. Эх, взять бы сюда деток! Здесь санки, горы, лыжи, уход — и вечно иностранный язык! Отчего ты мне не напишешь хоть 2–3 строки? Ты на меня сердишься? Или у тебя какое-нибудь горе? Что Н.Ф. Анненский?[2] Я боюсь заглянуть в газету. Пусть дети мне пришлют свои письма. Ну, будь здорова. Иду гулять: солнце, небо синее[3].

[1] Датируется по пребыванию в Гранкулле.

[2] *Н.Ф. Анненский*, сосед Чуковского в Куоккале (см. о нем примеч. 6 к письму **168** и воспоминания Чуковского «Короленко в кругу друзей»; *Т. 5* наст. изд.).

[3] Отвечая на это письмо, Мария Борисовна писала: «Как ты себя чувствуешь? Спал ли последние дни? Обещают ли тебе врачи, что ты хоть сколько-нибудь оправишься? Гуляешь ли ты? Не действует ли на тебя плохо это обвертыванье в холодную парусину <...> Лидочка и Бобочка по тебе очень скучают. Твою цветную фотографию мы повесили в столовой на окне и каждый день, когда стемнеет и твоего изображения не видно — Бобочка разводит ручками и с грустным лицом говорит: а! а! папа! (нету папы)... а вчера я встретила Лернера и пригласила его к себе с женой на блины (хотя масленица прошла) и позвонила еще кой-кому по телеф<ону> — и что же, собралось 15 ч<еловек> гостей. Были между прочим Гржебин, Дымов, Осип Львович, Лернер, Брусянин, Елиз. Юльевна, Соломон Юльевич, Вера Евгеньевна, Елена Карловна. Блины ели просто так, а потом за твое здоровье, так что наелись просто до отвалу. Дымов рассказывал весь вечер. Можешь себе представить до чего все хохотали — до колик. Он тебе собирается написать. Будь здоров. Крепко целую тебя, нехорошего старого больного мужа». (*Архив Е.Ц.Ч.*)

231. М.Б. Чуковской

Февраль 1912 г. Гранкулла[1]

Милая Маша!

Ты не можешь себе представить, какое облегчение я испытал, прочитав у тебя в письме, что «Речь» лишила меня жалования. Это меня мучило непрерывно. Наконец-то я свободный человек![2] Я нисколько не жалею, что взялся за Уайльда[3]: мне нужно было, для моего образования, пройти *сквозь* этого писателя; я многому у него научился, а его стиль, его парадоксы, его блестящая манера, надеюсь, окажут на меня *новое* влияние. Последние два года я так

1912 искал этого обновления. Мне хочется побыть здесь еще недели 2, закончить статью об Уайльде — и на 4-й неделе Великого Поста, когда все театры закрыты, прочитать об Уайльде лекцию: под заглавием «Религия Красоты и религия страдания». Для этого нужно тотчас же приняться за дело. Пойди к Татьяне Александровне, возьми у нее адрес г-жи Бенуа, той самой, к<ото>рая устраивала мне лекцию в пользу Красного Креста, — или, может быть, согласится г. Милюков, знаешь тот, кто устраивал мою лекцию о Шевченко (он в конторе «Нивы») — завтра или послезавтра я пришлю программу — и давай рискнем. Только бы здоровье! Боюсь, что к сроку не удастся написать, — но теперь мне пишется, и если я хоть 2–3 ночи подряд буду спать — мы вернем все расходы сторицей. У меня по поводу Уайльда есть столько мыслей, что хватило бы на целый том. Только бы здоровье, чтобы записать хоть капельку того, что я думаю и знаю.

Ежегодник «Речи» мне не нравится: какой-то вчерашний календарь. Как отнесся О. Л. д'Ор к моей похвале? Знаешь ли ты уже, что такое [*оборвано*] Я здесь все время думаю о тебе и чуть [*оборвано*] лучше, напишу тебе длинное письмо.

Сейчас писать больше не буду: боюсь, что не засну. Лучше потушу электричество, возьму свое пальто, лягу на диван и постараюсь не думать. Голова болит непрерывно. Целую тебя и деток. Спокойной ночи.

На следующее утро. Я лег на кушетку в 7 час. и спал в одеже до 11-ти, потом разделся, лег в постель и проспал (при открытом душнике) до 5 часов. Видишь как отлично. Теперь вскочил и сейчас сяду писать. В 9 час. пойду наверх в столовую. Там на большом столе, в миске — геркулес и крынка молока. Разбавлю геркулес молоком, положу масла и вылакаю. В 12 час. длинный завтрак из 10 блюд. До сих пор я ходил завтракать со всеми, и это множество людей страшно волновало мне нервы. Теперь буду требовать завтрак к себе, в комнату, хоть это и стоит дороже. В час войдет ко мне фельдшерица: Haben sie gut geschlafen?[4] и вспрыснет мне мышьяк. Но еще до мышьяка я сойду в подвал, и там Herr Иогансен обвернет меня в мокрую парусину — и заставит лежать час с закрытыми глазами под пятью одеялами. Потом я пойду к озеру гулять — с mister'ом Ward'ом, и все это очень хорошо, если человек выспался, и все это отвратительно, если болен. А сейчас я сяду писать. Кланяйся Ольдорше и Доре, если ты еще с нею не поссорилась. Деткам напишу ответ.

Твой

[1] Датируется по содержанию.

[2] Не совсем понятно, о чем идет речь. В письме **118** к В.Я. Брюсову от 15 (28) декабря 1908 г. Чуковский писал: «...с 10-го декабря я “взял в свои руки” весь литературный отдел “Речи”», и это все, что мы знаем об организационной стороне отношений Чуковского с этой газетой, сотрудничество с которой началось для него в апреле этого же года. Некоторый свет могли бы пролить письма И. Гессена к Чуковскому, где постоянно упоминается о неполученных редакцией фельетонах, что позволяет предположить, что Чуковский получал в газете постоянное жалование, за которое обязан был предоставлять «Речи» определенное число фельетонов в месяц. К сожалению, на своих письмах Гессен проставлял в лучшем случае число и месяц, так что его краткие письма к Чуковскому, где бегло упоминаются подробности редакционной жизни, почти невозможно использовать для изучения истории отношений Чуковского с редакцией этого издания. В момент, когда писалось это письмо (февраль 1912 года), статьи Чуковского появлялись в газете «Речь» достаточно редко: после публикации статьи «Мы и они» (1 (14) октября и 29 окт. (13) ноября 1911 г.) появилась лишь рецензия Чуковского на «Дневник секретаря Л.Н. Толстого Н.Н. Гусева (Речь, 31 янв. (13 февр.), подпись: Ч.). Видимо, это и послужило причиной отказа в постоянном жаловании, сотрудничество Чуковского в «Речи» не прекратилось, но стало менее регулярным.

[3] См. примеч. 7 к письму **218**.

[4] Вы хорошо спали? *(нем.)*

232. В.Я. Брюсову

Не позднее 1 марта 1912 г. Петербург[1]

Дорогой Валерий Яковлевич. Управляющие конторой «Нивы» (братья Розинеры)[2], единственные, на ком все дела по изданию и редактированию «Нивы» (остальные — форма и фирма) уехали куда-то в провинцию — и когда возвратятся, неизвестно. Я почту своим долгом и пред Вами и пред литературой внушить этим людям, что новый перевод знаменитой Баллады, — труд Валерия Брюсова, — есть событие и что роскошное издание Баллады есть благородное и безубыточное дело. Но удастся ли мне, не знаю[3]. Я писал Вам из санатории, откуда только что возвратился, о своем недуге, о полной неспособности к работе и о том разорении, которое меня ожидает. Очевидно, я неточно написал Ваш адрес, и Вы, должно быть, моего письма не получали, — теперь мне лучше: я сижу и пишу об Оскаре Уайльде, и очень хотел бы в своей статье цитировать *Ваш* перевод Баллады, конечно, оговорив это и указав читателям на такое преимущество моей статьи[4].

Еще: нельзя ли, чтобы Литературный Кружок недели через 2 пригласил меня читать лекцию об Уайльде? Называется она «Ре-

лигия Красоты и Страдания» — очень провинциально, в стиле Арабажина, — специально для Московского Кружка[5]. Раньше я прочту ее в Петербурге[6]; не знаю, удастся ли, — но в ней есть мысли небанальные.

Статью о Некрасове кромсаю и переделываю[7].

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по связи с ответной телеграммой Брюсова от 2 марта 1912 г.

[2] Александр Евсеевич Розинер, уполномоченный издательского товарищества «А.Ф. Маркс», и Лазарь Евсеевич Розинер, управляющий конторой журнала «Нива».

[3] Задуманное Чуковским отдельное издание «Баллады Редингской тюрьмы» Уайльда в переводе Брюсова не состоялось.

[4] Брюсов ответил телеграммой (2 марта 1912 г.): «Читайте хоть полностью очень рад Брюсов». В статье «Оскар Уайльд» Чуковский цитирует одну из строф «Баллады Редингской тюрьмы» в переводе Брюсова, однако без указания переводчика (Полн. собр. соч. О. Уайльда. Т. 1. С. XXXII).

[5] Выступление Чуковского с этой лекцией в Московском Литературно-художественном кружке не состоялось. О *К.И. Арабажине* см. примеч. 3 к письму **185**. Арабажин постоянно выступал с лекциями о русских писателях в Петербурге и других городах.

[6] С лекцией «Религия красоты и страдания» Чуковский выступил в Петербурге в зале Тенишевского училища дважды — 3 и 9 марта 1912 г.; повторное чтение было следствием исключительно большого наплыва публики: при первом чтении «за недостатком мест многие не могли попасть на лекцию» (Речь. 1912. № 67, 9 марта. С. 6).

[7] Статья Чуковского о Н.А. Некрасове в «Русской мысли» не появилась.

233. А.В. Руманову

Начало марта 1912 г. Куоккала[1]

Дорогой Аркадий Вениаминович.

Кажется ли мне или это верно? — что «Биржевые» имеют против меня какой-то зуб. Какой?

У меня в «Биржевых» много друзей и близких: Вы, И.И. Ясинский[2], А.А. Поляков, — много просто хороших знакомых: А.А. Измайлов[3], К. Льдов[4], — и все же я уверен, что эта моя просьба останется втуне и всуе. Просьба такая: поместить в Хронике не петитом — (знаю я этот роковой петит «Биржевых»!), что:

9-го марта, вечером, в Тенишевском зале, К.И. Чуковский повторит свою лекцию «Религия красоты и страдания» (Оскар

Уайльд). Билеты от 20 к<опеек> до 2 р<ублей> имеются в книжных магазинах М.О. Вольфа.

Короче, я готов с Вами держать пари, что такая заметка не появится. А между тем, у «Биржевых» это хороший случай загладить другую свою заметку, которая опозорила мою честь и была совершенно неверна: года два назад они поместили неточную и тенденциозную статейку о решении Третейского суда по моему делу с «Совр<еменным> Миром»[5], и г<осподин> Проппер[6] очень извинялся тогда перед г<осподином> Гессеном[7].

Если же — как я и уверен — такая заметка в «Биржевых» не появится, то, пожалуйста, посодействуйте Марии Борисовне, чтобы объявление в «Биржевых» было напечатано с пристойной скидкой.

Весь Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по содержанию.

[2] Об *И.И. Ясинском* см. «Список адресатов».

[3] Об *А.А. Измайлове* см. «Список адресатов».

[4] *Льдов* Константин (псевдоним Розенблюма Витольда-Константина Николаевича (1862–1937), писатель, поэт, переводчик.

[5] Упомянута одна из двух статей: [Б.п.] Газетный день. Чуковский против Куприна // Биржевые ведомости. 1910. 9 (22) апр.; [Б.п.] Дело «Современного мира» с «Речью» // Там же. 1910. 9 (22) апр.

[6] *Проппер* Станислав Максимилианович (1855–1931), издатель газеты «Биржевые ведомости».

[7] Об *И.В. Гессене* см. «Список адресатов».

234. В.Я. Брюсову

16 марта 1912 г. Петербург[1]

Дорогой Валерий Яковлевич.

Во всем виноват Бальмонт! Я не посылал Вам ни денег, ни корректур, уверенный, что Вы и вправду будете на его торжественном погребении[2]. Как Ниагара, устремилась по лестницам к выходу публика, когда в Неофилологическом О<бщест>ве председатель заявил, что Вы не приехали. Спасибо за разрешение прочитать вслух Балладу. Даже и в моем посредственном чтении она имела необычайный успех[3]. Я так и сказал, что это реабилитация оклеветанного Бальмонтом великого произведения. Это как бы пересмотр дела Дрейфуса[4]. Особенно меня восхищает начало, — поразительно переданы строфы: «И странно было, что так просто», «Три долгих года там не сеют», «И все удалей мы свершали», «Прав или нет закон, не знаю»[5].

1912 Очень изысканны и приятны эти мягкие, приблизительные рифмы:

«Стуча по *жести*, пели *песни*»,
«Плясали стр*анно* сараб*анду*»[6]

и т. д. Но, исполняя Ваше желание, тороплюсь указать Вам те немногие «пятна на солнце», которые, если Вам захочется, Вы можете устранить. Я отметил их на корректурных листах слева красными цифрами и прошу Вас, когда будет время, вникнуть в нижеследующие строки.

[*] В посвящении «памяти К. Т. У.» Вы пишете: Беркшайр; нужно *Беркшир*, ибо все названия английских местностей, с окончанием shire, произносятся Шир, а не Шайр: напр<имер> Йоркшир (см. Александрова словарь: shire)[7]. Кроме того, я жил в Рединге, и Беркшир знаю хорошо, так что ручательство полное.

1. *«Бедняк* повешен будет» — это сантиментально. У Оск<ара> У<айльда> — вульгарнее, он нарочно взял сгущенный slang. Во всяком случае не *бедняк*[8].

2) 3) 4) Свою *любовь* все убивают. Но love здесь не любовь, а *возлюбленный. Убить любовь* – это значит, перестать любить. У англичан, как Вы знаете, любовники называют друг друга: my love[9].

5. и 10. «Клочок лазури, заменявшей» — мне кажется, это описка; точнее: заменявш*ий*[10].

6 «Помост высокий любит *око*»

и

7 «Наживы в жажде раз и дважды»

это не совсем то, что хочет сказать Уайльд; особенно 7; мне кажется, и там и здесь можно бы пожертвовать внутренними рифмами[11].

8 должно быть, описка[12].

9 «стражи с *хриплыми* ключами»

«Warders with their *jingling* keys», «jingling — бряцающий» — гениально-звукоподражательное слово — никогда ни за что не хриплый[13].

11. Я уверен, здесь недоразумение:

В подлиннике:

He had <but> killed a thing that *lived,*

а Вам, должно быть, показалось:

He had killed a thing that *loved,*

из-за этого дальнейшая строфа остается непонятой[14].

Я сам понимаю, что все эти придирки могут показаться Вам наглостью, — и отмечаю их не без трепета, но таковы уж наши

различные судьбы: Вы, счастливый, Вы умеете творить, а я умею — только «придираться».

Был у меня Гумилев и рассказывал о новой Вашей книге стихов[15]. Неужели и на этот раз Вы обойдете меня?

Ваш *К. Чуковский*

Еду сегодня в Минск — читать лекцию об O<scar> W<ilde>, оттуда в Одессу и в Киев[16]. Всюду, если позволите, буду читать отрывки из Вашего перевода.

«Нива» «Балладу» издать уклоняется — на каких основаниях, не знаю[17]. Им кажется, что это чересчур революционно: что здесь «протест против смертной казни» и т. д. Но я говорил с «Шиповниками», они безумно хотят напечатать «Балладу» в одном из своих альманахов[18]. «Нива» не соглашается, какие резоны я ни привожу.

Кстати. Исправив эту балладу, — пожалуйста, пошлите ее в «Ниву», Александру Евсеевичу Розинеру, — зачеркнув мои красные цифры[19]. Я рад, что в переводах Уайльда, в этом издании, участвуют: Брюсов, Сологуб, Кузмин, Гумилев[20].

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Петербург. 16.3.12; Москва. 17.3.12.

[2] Имеется в виду торжественное заседание Неофилологического общества при Петербургском университете 11 марта 1912 г. под председательством Ф.А. Брауна, посвященное 25-летию поэтической деятельности Бальмонта. В программе заседания значилась речь Брюсова «Творчество Бальмонта», но она не была произнесена автором «по невозможности приехать в Петербург» (Записки Неофилологического общества при имп. С.-Петербургском Университете. Вып. VII. СПб., 1914. С. 56). См.: *Литовцев С.* Праздник молодой русской поэзии (Юбилейное торжество в честь К.Д. Бальмонта) // Речь. 1912. № 70, 12 марта. С. 3.

[3] «Балладу Редингской тюрьмы» в переводе Брюсова Чуковский читал в ходе своей лекции об Уайльде в Тенишевском училище (см. примеч. 6 к письму **232**).

[4] Имеется в виду сфабрикованное в 1894 г. судебное дело по обвинению офицера французского Генерального штаба еврея Альфреда *Дрейфуса* (1859–1935) в шпионаже в пользу Германии. Вынесенный Дрейфусу обвинительный приговор вызвал широчайший общественный резонанс и политический кризис во Франции; в 1899 г. Дрейфус был помилован, в 1906 г. — реабилитирован.

[5] См.: Полн. собр. соч. О. Уайльда. Т. 2. С. 226, 235, 228, 237. Рассмотрению брюсовского перевода посвящена статья: *Арапатян М.Г.* Перевод В.Я. Брюсовым «Баллады Редингской тюрьмы» Оскара Уайльда // Брюсовские чтения 1983 года. Ереван, 1985. С. 322–329.

[6] Полн. собр. соч. О. Уайльда. Т. 2. С. 229, 230.

[7] В опубликованном тексте: Беркшир (Там же. С. 223).

[8] В опубликованном тексте исправлено: *«Бедняге в петле быть»* (Там же).

[9] В опубликованном тексте исправлено: «Возлюбленных все убивают» (Там же. С. 224, 240).

[10] В опубликованном тексте: «В клочок лазури, заменявший // В тюрьме нам небеса» (Там же. С. 226).

[11] Обе строфы, строки из которых привел Чуковский (гл. II, строфа 8 и гл. III, строфа 23), были переработаны Брюсовым в корректуре; цитируемые строки в них, в силу общего изменения фразовых конструкций, отсутствуют. См.: Там же. С. 226–227, 231.

[12] За отсутствием корректурных листов перевода нет возможности определить, к какой строке относится эта фраза.

[13] В опубликованном тексте: «Бренча ключами, молча стражи // Открыли келий ряд» (Там же. С. 233).

[14] Приводится строка из строфы 5-й главы IV. В опубликованном тексте: «Ведь если он убил живого, // То эти — мертвеца» (Там же. С. 234).

[15] Книга Брюсова «Зеркало теней. Стихи 1909–1912 г.» (М.: Скорпион, 1912) вышла в свет в марте 1912 г.

[16] С лекцией «Религия красоты и страдания (Оскар Уайльд)» Чуковский выступил в Минске в Купеческом собрании 17 марта (см.: Минский голос. 1912. № 717, 17 марта. С. 2, 4 — текст программы лекции), в Одессе в зале Унион — 7 апреля (см.: Ис. Ш. На лекции К. Чуковского // *ОН*. 1912. № 8691, 8 апреля. С. 4), в Киеве в зале Купеческого собрания — 9 апреля (см.: Л. В. [Л. Н. Войтоловский]. Лекция К.И. Чуковского. Религия красоты и страдания (Оскар Уайльд) // Киевская почта. 1912. № 1006, 13 апреля. С. 5).

[17] См. письмо **232**, примеч. 3.

[18] Имеются в виду, видимо, руководители издательства «Шиповник» С.Ю. Копельман и З.И. Гржебин. Издание брюсовского перевода «Баллада Редингской тюрьмы» в «Литературно-художественных альманахах издательства “Шиповник”» не состоялось.

[19] Речь идет о высланных Чуковским Брюсову корректурных листах с текстом перевода «Баллады Редингской тюрьмы».

[20] Упомянутые поэты перевели стихотворения и поэмы Уайльда, помещенные в томе 4 Полного собрания сочинений: Ф. Сологуб — «Дом блудницы», М. Кузмин — «Декоративные фантазии», «Requiescat», «Серенада», «Canzonet», Н. Гумилев — «Сфинкс», «Могила Шелли», «Мильтону», «Theoretikos», «Федра».

235. А.М. Ремизову

22 марта 1912 г. Киев[1]

Дорогой А.М. Привет Вам из Киева, где живет Ваша Наташа[2] и — Закржевский[3]. Ах Вы, бесстыдник, зачем Вы сказали мне, что

это безусый юноша. Это высоколобый муж, «муж чести и совета», — а Вы, конечно, «глаголица»[4]. Серафиме Павловне сердечный привет из ее почти родного города. Пишу это не только я — К. Чуковский, но и Ал. Закржевский.

1912. 22 Марта, Киев.

[1] Почтовая карточка. Отправлена по адресу: Петербург, Таврическая 3, А.М. Ремизову. На штемпелях: Киев. 23.III.1912; С.-Петербург Гор. почта. 26–3–12.

[2] Чуковский ошибается. Дочь Ремизовых Наталья Алексеевна (1904–1943) воспитывалась в это время у бабушки и теток по материнской линии в селе Берестовец Черниговской губернии, где находилось родовое имение Серафимы Павловны Ремизовой-Довгелло. В Киеве Ремизовы жили с грудной Наташей, которая родилась в Одессе 18 апреля 1904 года, с конца июня 1904 по начало февраля 1905 года.

[3] *Закржевский* Александр Карлович (1886–1916), писатель и критик, автор трилогии о Достоевском и современных писателях. Входил в ближайшее окружение Л.И. Шестова. С 1910 года состоял в дружеской переписке с Ремизовым, творчеству которого посвятил главу в первой книге своей трилогии «Подполье. Психологические параллели. Достоевский, Леонид Андреев, Федор Сологуб, Лев Шестов, Алексей Ремизов, Мих. Пантюхов» (Киев, 1911. С. 70–81; вышла из печати в конце 1910 года). Подробнее об этом см.: Переписка Л.И. Шестова с А.М. Ремизовым / Вступит. заметка, подгот. текста и примеч. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского // Русская литература. 1992. № 3. С. 193–194; примеч. 4–6 к письму 42).

[4] У Ремизова есть рассказ «Глаголица», герой которого, Александр Александрович Корнетов, наделен чертами личности автора, в частности его пристрастием к розыгрышам. Чуковский считал, что Ремизов разыграл его, рассказывая о Закржевском, и в результате Чуковский еще 1 января 1911 года на страницах газеты «Речь» в обзоре «Русская литература [в 1910 году]», говоря о книге Закржевского, назвал ее автора «гимназистом». Ср.: «Только что в Киеве вышла очень страшная книга “Подполье”, — несомненного гимназиста г. Ал. Закржевского. В ней юный автор славит, захлебываясь, “наслаждение мукой”, “спасительное бегство от жизни”, “бездонно-величавую Нирвану” — и хочет дать человечеству “вместо Бога отчаяние”» (цит. по: *Т.* 7. наст. изд. С. 507). И потом вплоть до личной встречи с Закржевским в Киеве Чуковский продолжал повторять в печати эту характеристику. Однако, возможно, в данном случае Ремизов, знакомый с Закржевским лишь заочно, сам был введен в заблуждение словами Шестова, который писал ему 4 декабря 1909 года из Киева: «Тут, между прочим, есть такой *молодой писатель*, Закр<ж>евский, из породы тех, которые “за Шестовым ходят”» (Русская литература. 1992. № 3. С. 193; курсив наш. — *Сост.*).

236. И.В. Гессену

23 марта 1912 г. Киев[1]

Дорогой Иосиф Владимирович.

Позавидуйте мне: я в Киеве, и солнце такое, как у Вас в Аркашоне[2]. Я процветаю: хожу к евреям, ем мацу; хожу к христианам, ем куличи[3] и благословляю Оскара Уайльда: он внезапно освободил меня от нищеты, и если я в Петербург не вернусь на автомобиле, то во всяком случае получу полную возможность отдать Вам с сердечной благодарностью те 200 р., которые и т. д., и т. д., и т. д. Мне нисколько не лучше: я такой же издерганный и противный себе самому, но теперь ведь я свободно могу лечиться.

Ваш *Корней*

Привет Анне Исааковне.

[1] Открытое письмо. Датируется по почтовому штемпелю: 23.III.1912. Киев.

[2] *Аркашон* — французский морской курорт на побережье Атлантического океана.

[3] 25 марта праздновалась православная Пасха.

237. В.В. Розанову

23 марта 1912 г. Киев[1]

Дорогой Василий Васильевич.

Сейчас я в Киеве — и у меня — кто бы Вы думали? — Александр Карлович Закржевский! — и что мы делаем? — мы упиваемся, пьем, поглощаем Ваше «Уединенное»[2]. Поздравляем Вас и Варвару Дмитриевну с солнцем, с весною, с праздником! Любим вас по-новому, по-прежнему.

Ваш *К. Чуковский*
Алекс. Закржевский

Мне жаль, что Вы слушали такую плохую мою лекцию:[3] теперь я ее переделал. Просто был болен.

[1] Открытое письмо. Датируется по почтовому штемпелю: 23 марта 1912 г. Киев.

[2] Об *А.К. Закржевском* см. примеч. 3 к письму **235**. «*Уединенное*» В.В. Розанова вышло в начале марта 1912 года. В РГАЛИ сохранилось написанное, вероятно, тогда же письмо А.К. Закржевского Розанову, в котором тот благодарил за присланную книгу: «Сердечное спасибо за письмо Ваше и за книгу, которая прямо поразила меня, это — самая глубокая из всех Ваших книг! Н.А. Бердяев (он в Киеве) от нее в восторге, как и все, кто только читал ее, а читали ее лучшие люди в Киеве!.. <...> Вчера мы с Чуковским

читали “Уединенное” и все время восторгались, какую глубокую, выстраданную, сильную книгу написали Вы, Василий Васильевич» (РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 456).

[3] Вероятно, речь идет о лекции Чуковского «Религия красоты и страдания: Из истории английской литературы. Творчество Оскара Уайльда», которая состоялась 3 и 9 марта в Петербурге (см. примеч. 6 к письму **232**). Эту лекцию Чуковский читал в Киеве (см. примеч. 16 к письму **234**).

238. Л.К. Чуковской

27 марта 1912 г. Киев[1]

Глубокоуважаемая Лидочка!

Вместе с этим письмом ты получишь письмо от одного офицера, который пьет со мной шоколад. Отчего ты мне не пишешь? В санаторию писала, а в Киев не пишешь. Пиши в Одессу, я еду туда.

Твой милый *Папа*

[1] Почтовый штемпель: С.-Петербург. 27.3.12. Адрес: Петербург. Суворовский, 40А, кв. 4.

239. Ф.К. Сологубу

5 апреля 1912 г. Киев[1]

Дорогой Федор Кузьмич!

Спасибо за Ваши изумительные переводы Поэм в Прозе. Я искренне им обрадовался. Но есть у меня несколько недоумений, и я спешу почтительнейше повергнуть их к Вашим стопам:

— почему Вы говорите: «пораженный проказою»?[2] Ведь мы привыкли к Евангельскому «прокаженный»?

— почему скульптор у Вас создает «образы», а не «статую»?[3]

— почему дважды у Вас «воздвигают людей из мертвых»?[4] Мы так привыкли к воскресению, к воскрешению — а «воздвижение» это совсем другой праздник[5]. Ради Бога не сочтите эти вопросы наглостью, Вы знаете мое величайшее уважение к Вашему стилю, — и не фельетонисту учить поэта. Но если в моих резонах видите резоны — ради Бога известите меня. (Киев, книжный магазин Гедзиковского, 29, Крещатик).

Ваш *Чуков<ский>*

Анаст<асии> Ник<олаевне>[6] привет.

[1] Датируется по почтовому штемпелю.

[2] Речь идет о сологубовском переводе стихотворения в прозе О. Уайльда «Творящий благо». В окончательном варианте Сологуб употребил слово «прокаженный».

Ф.К. Сологуб перевел для Собрания сочинений Оскара Уайльда его стихотворения в прозе: «Художник», «Творящий благо», «Поклонник», «Учитель», «Чертог Суда», «Учитель мудрости». Переводы напечатаны в Собрании сочинений О.Уайльда под редакцией К.И. Чуковского, вышедшем в качестве бесплатного приложения к журналу «Нива» в 1912 году.

[3] В окончательном варианте сологубовского перевода стихотворения в прозе О. Уайльда «Художник» стоят слова «изображение» и «изваяние».

[4] В окончательном варианте сологубовского перевода стихотворения в прозе О. Уайльда «Учитель» осталось выражение «воздвигал людей из мертвых».

[5] *Воскресение* — Праздник в честь Воскресения Христова (Пасха), а *Воздвижение* — праздник в честь Воздвижения Честнаго и животворящего Креста, то есть в честь обретения Креста Христова св. императором Константином и его матерью Еленой.

[6] Об А.Н. Чеботаревской см. «Список адресатов».

240. И.Е. Репину

24 апреля 1912 г. Витебск[1]

Дорогие друзья. Третьего дня я читал лекцию в Минске, вчера в Гомеле, сегодня буду читать в Витебске. *Скоро сделаюсь миллионером.* Уже 1 $^1/_2$ месяца я скитаюсь по России — из Киева в Ковно, из Белостока в Одессу — и никак не могу добраться до Петербурга. Надеюсь, что Вы еще не совсем меня забыли, — и все же в скором времени постараюсь напомнить о себе. Вот если б Нат<алье> Б<орисов>не пуститься в такое турне — как это весело и прибыльно. Привет Ник<олаю> Дмитриевичу.

Ваш *Чуковс<кий>*

[1] Датируется по почтовому штемпелю: 24.4.1912. Витебск.

241. М.Б. Чуковской

24 апреля 1912 г. Витебск[1]

В Минске я читал с колоссальным успехом: сбор полный, аплодировали даже когда я проходил по улице. В Гомеле меня чуть не растерзали от восторгов. Но — импресарио вычитает у меня прежний аванс и платит по 50 р. за лекцию. Я опять попал в полосу бессонницы. Со слезами (!) меня умоляла публика читать еще и еще — но я так измучился, что после Витебска сейчас же махну в

Питер. Теперь еду из Гомеля в Витебск и пишу тебе в вагоне. Кажется, в Вильне повторяется моя лекция, чего я искренне не хочу. Здоровы ли дети? Поправляешься ли ты? Как хорошо в Могилевской губернии.

Твой *К.*

[1] Датируется по почтовому штемпелю: 24.4.1912. Витебск.

242. М.А. Кузмину

После 25 апреля 1912 г.[1]

Дорогой Михаил Алексеевич.

Вы, может быть, заметили, что «Нива» уплатила Вам не за все переводы Оскара Уайльда. Это моя вина. Две пьесы я удержал у себя — Requiescat[2] и Песенку. Мне показалось, что приблизительность и неточность этих переводов не <оправдывается> выкупается — как это обычно бывает у Вас — изяществом и кокетливой грацией. В Requiescat автор говорит:

Она едва ли сознавала сама, что она была женщиной —

у Вас:

И женщиною сладко-нежно она росла

У автора: *она может* слышать, *как растут* цветы.
У Вас: «она внимает цветам»,
у Оскара Уайльда: «Она обратилась в пыль»
у Вас:

Она лежит в пыли.

В «Песенке» еще больше «отдаленной приблизительности» — Love по-английски не только любовь, но и *любовник, возлюбленный.*

У O<scar> W<ilde> сказано:

Золотое кольцо и белоснежная голубка
<Добрые дары> Подарки для тебя
А для твоего милого пеньковый канат,
Чтобы повесить его на дереве.

У Вас же:

А нашей любви из пеньки канат,
Чтобы повесить ее на сук.

Это и непонятно и отвлеченно. Как можно любовь повесить на суку?

И так дальше. Если на этой неделе Вы успеете переделать эти пьесы — пришлите их ко мне:[3] Куоккала. Дача Дальберга. К.И.Чуковскому.

Ваш *Чуковский*

Простите невежливый тон этого письма: я слишком люблю и уважаю Вашу поэзию, чтобы не быть с Вами откровенным.

[1] Датируется по содержанию и по открытке М. Кузмина от 25 апреля 1912 года, в которой он сообщает, что передал в редакцию сделанные переводы (ОР РГБ. Ф. 620. К. 66. Ед. хр. 48).

[2] Да почиет — начало фразы «Requescat in pace» (*лат.*).

[3] В окончательном тексте замечания Чуковского учтены.

243. В.Я. Брюсову

4 мая 1912 г. Петербург[1]

Дорогой Валерий Яковлевич!

Спасибо за изумительную книгу[2]: я ревностно ее изучаю. Я только что вернулся из поездки по России, и всюду встречал юношей (вернее: отроков), которые с благоговением называют Ваше имя, — преданные и влюбленные, — как будто Вы их Зосима, а они — Ваши Алеши[3], — именно такой у них душевный тон*. Всюду я читал с эстрады Ваш перевод Баллады (кое-что пропуская), и это чтение было встречаемо энтузиазмом в Киеве, Гомеле, Витебске, Вильне, Минске[4]. В Одессе полиция запретила мне читать эту «балладу», и публика с четверть часа кричала: Балладу! Брюсова! Балладу! — Баллада в скором времени должна быть разослана читателям, а между тем от Вас нет последних корректур[5]. Прошу Вас выслать в «Ниву» корректурные листы, хотя бы с такою надписью: «В дальнейшем исправлении своих переводов я не усматриваю надобности. В. Брюсов». Нужна только Ваша подпись, это — формальность, и я Вас прошу скорее эту формальность выполнить.

Простите бессвязное письмо, но я совершенно болен. Голова болит не переставая.

Ваш *Чуковский*

Статья о Некрасове подвигается: я готовлю ее к декабрю, когда исполнится 35 лет со дня его смерти (1877–1912)[6].

---

* В Киеве, напр<имер>, Б. Лившиц, Вл. Эльснер, М. Сандомирский, Ф. Браун, лично Вам известные[7].

[1] Датируется по почтовым штемпелям: Петербург. 4.5.12; Москва. 5.V.1912.

[2] Книга Брюсова «Зеркало теней» (см. примеч. 15 к письму **234**).

[3] Старец *Зосима* и *Алеша* Карамазов — герои романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1880).

[4] В газетах, выходивших в Гомеле, Витебске и Вильне, сообщения о лекции Чуковского «Религия красоты и страдания» не обнаружены.

[5] Первая корректура перевода «Баллады Редингской тюрьмы» Уайльда была отправлена Брюсову в середине марта 1912 г. (см. письмо **234**).

[6] См. примеч. 7 к письму **232**. Первая статья Чуковского о Некрасове — «Мы и Некрасов (К Некрасовским дням)» — была опубликована в «Речи» 1 ноября 1912 г.

[7] Поэты Бенедикт Константинович *Лившиц* (1886/87–1938, погиб в заключении), Владимир Юрьевич *Эльснер* (1886–1964), Михаил Борисович *Сандомирский* (1891–1973). Сведениями о киевлянине *Ф. Брауне* мы не располагаем. Возможно, подразумевается Николай Брандт, автор четырех поэтических сборников, вышедших в Киеве в 1907–1913 гг.

244. Ф.К. Сологубу

До 10 (23) июня 1912 г. Куоккала[1]

Дорогой Федор Кузьмич. Я живу в Финляндии, ст. Куоккала, дача Дальберга. Ваше письмо меня очень обрадовало. Мне все почему-то казалось, что вы за что-то на меня сердитесь. Я рад, что узнал ваш адрес: у меня к Вам два дела. Первое: разрешите «Публичн<ый> Дом» Уайльда (Вами переведенный) назвать «Дом Блудницы»[2] и в 3-ей строчке поставить: «Блудницы перед нами дом». Второе: пожалуйста, дайте в «Ниву» какой-нибудь рассказ или повесть, мне всякий раз напоминают об этом Вашем обещании. Анастасии Николаевны сборник песен получил[3] — спасибо! Совершенной новостью для меня была Ваша песня — и З.Н. Гиппиус. Обеими упивается наша нянька, значит, хороши. Кстати: у меня нет Вашего Собрания Сочинений (изд. «Шиповника»)[4]. Обещайте, что осенью подарите мне с автографом.

Привет А.Н.!

Ваш *К. Чуковск<ий>*

[1] Открытка. Датируется на основании ответной открытки Ф.К. Сологуба от 10.6.1912, в которой он сообщает «...ничего не имею против тех изменений, о которых Вы пишете, т. е. Дом Блудницы <...> Рассказ или повесть пришлю непременно, думаю в августе или сентябре. — Собрание сочинений мое я Вам дам» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 71. Ед. хр. 21).

[2] Окончательный вариант названия стихотворения О. Уайльда, переведенного Ф.К. Сологубом для Полного собрания сочинений Уайльда под ред. К.И. Чуковского, — «Дом блудницы».

[3] Россия в родных песнях. Стихотворения / Сост. А. Чеботаревская. Предисл. Ф. Сологуба. Пг., М.В. Попов, 1915. В сборник вошли пять стихотворений Ф.К. Сологуба и стихотворение З.Н. Гиппиус «Вечер».

[4] Имеется в виду Собрание сочинений Ф.К. Сологуба: В 12 т. СПб.: Шиповник, [1909–1912].

245. Н.С. Гумилеву

Лето 1912 г. Куоккала[1]

Дорогой Николай Степанович.

Я в восторге от Вашего «Сфинкса» — есть отличные строфы, — и выдержан общий тон, — но меня, признаюсь, покоробило одно (только одно!) место — 65ое четверостишие:

В веках один лишь умер *Бог,*
Один лишь свой позволил *бок*
Пронзить в ночи копью солдата.

Бог и *бок* – это вульгарность, Вашей поэзии несвойственная. Надеюсь, Вы ее устраните.

Не слишком ли много ассонансов в Вашем переводе, а ведь «Сфинкс» — вещь строгая, средневековая.

В сонетах — я бы оспаривал только одну строчку — шестую строчку в сонете «Могила Шелли». <В безмолвии *вон той* из пирамид. «Вон той» это фривольный жест, сонету неподобающий.>

Переводом «Сфинкса» *мы начнем* том сочинений Оскара Уайльда[2].

Я все лето был болен, но теперь поправился и, знаете, чем занялся — книгой о Уоте Уитмэне. Я давно готовлю этот толстейший том. В нем будут: большая историко-литературная статья, новые переводы избранных стихотворений, отзывы европейской критики о Уоте Уитмэне и тысячи примечаний. Мне хотелось услышать Ваше мнение о переводах стихов. Давайте условимся осенью, где и как встретиться. Ах, если бы мне получать «Аполлон»! Я совсем ото всего отстал за время недуга.

Ваш *Чуковский*

Зимою и осенью мой адрес тот же: Куоккала, К.И. Чуковскому.

[1] Датируется по содержанию.

[2] «Сфинкс» в переводе Н. Гумилева открывает т. 4 Собрания сочинений О. Уайльда.

246. С.М. Боткину 1912

6 августа 1912 г. н. ст. Гельсингфорс[1]

Многоуважаемый Сергей Михайлович!

Штемпель на этом письме объяснит Вам, почему я до сих пор не побывал у Вас: Илья Ефимович, Юрий Ильич, Бродский[2] и я внезапно почему-то оказались в Гельсингфорсе[3]; — и, слушая в капелле испанский марш «Сантьяго», вспоминали, естественно, Вас[4] — и шлем Вам сердечный привет.

Ваш *Чуковский*

[1] Открытое письмо. Почтовый штемпель: 6.VIII.1912. Гельсингфорс.

[2] Упоминаются *И.Е. Репин*, его сын *Юрий Ильич* Репин и художник Исаак Израилевич *Бродский* (о нем см. примеч.4 к письму **519**).

[3] Гельсингфорс — ныне Хельсинки.

[4] С.М. Боткин был поклонником Испании, подолгу там жил.

247. Н.С. Гумилеву

Август 1912 г. Куоккала[1]

Дорогой Николай Степанович.

Только теперь я мог вполне оценить, как великолепны Ваши переводы. Не говоря уже о «Сфинксе», который есть литературное чудо, — «Шелли», «Федра» и «Theoretikos» поразили меня точностью и красотой пересказа. Я целый день сегодня твержу это пушкинское:

На празднике усопших страж суровый.

Посылаю Вам снова Вашу корректуру — и покорнейше прошу сделать к «Сфинксу» кое-какие примечания, вроде так, что «Бык» — это минотавр, сын царя Миноса и т. д. Иначе значительная доля этих стихов будет невнятна для малосведущих читателей «Нивы». Я сейчас в деревне без всяких книг, а Вам это нетрудно.

Я познакомился с композитором Гартевельтом[2]; у него много романсов на Ваши стихи.

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по содержанию: Чуковский отвечает на письмо Н. Гумилева из Флоренции: «Я думаю, Вам уже передали мой перевод «Сфинкса». Мне очень интересно было бы узнать, как Вы его нашли. Посылаю Вам еще четыре стихотворения Уайльда из тех, которые Вы мне отметили... Пользуюсь случаем еще раз поблагодарить Вас за заказ, выполнять который для меня было истинным удовольствием». В открытке от 10.9.12. Гу-

милев отвечает на это письмо Чуковского и сообщает, что с 1 сентября живет в Царском Селе. См.: ОР РГБ. Ф. 620. К. 63. Ед. хр. 45.

[2] *Гартевельд* Вильгельм Наполеонович (1862–1927), композитор.

248. А.В. Руманову

7 ноября 1912 г. н. ст. Куоккала[1]

Дорогой Аркадий Вениаминович.

У меня к Вам дело. Недавно я подготовил для «Шиповника» новую книгу[2] — и оказалось, что у меня за бортом 4 ½ листа (по 40 т<ысяч> букв) моих ежегодных «обзоров» — «обзоров русской литературы», которые, если Вы заметили, я печатал в новогодних №№ «Речи»[3]. У меня этих обзоров пять: 1907, 1908, 1909, 1910, 1911 — и почти есть шестой 1912. Вы знаете, что эти обзоры у меня не похожи на каталоги; это бурные, очень капризные импровизации о различных общественных течениях, как они сказались в беллетристике того или иного года. Можно составить книжку: «Куда мы пришли?» — или что-то в этом роде. У меня эту книжку взяло издательство «Энергия», но если мы не сойдемся в цене (я прошу 500 р.), то можно ли будет обратиться к Сытину?[4] Ответьте ради Бога, в Куоккала.

Ваш *Чуковс<кий>*

[1] Датируется по почтовому штемпелю 7.XI.1912. Куоккала. Почтовая карточка с адресом: Петербург. Аркадию Вениаминовичу Руманову. Морская, 35.

[2] *Чуковский К.* Лица и маски. СПб.: [Шиповник], 1914.

[3] Обзоры «Русская литература», которые К.И. Чуковский печатал в 1908–1911 гг. в январских номерах ежедневной петербургской политической и литературной газеты «Речь». Обзор за 1911 год был опубликован в «Ежегоднике газеты “Речь” на 1912 год» (Пб., 1912).

[4] *Сытин* Иван Дмитриевич (1851–1934), московский издатель и книготорговец, владелец газеты «Русское слово» и издательства «Товарищество И.Д. Сытина». Издание не состоялось.

249. А.Е. Зарину

1912 г.[1]

Многуважаемый Андрей Ефимович.

Это Вы очень верно подметили: книги в России идут как-то помимо критики, и для распространения какой-нибудь книги критика совершенно не нужна. Я знаю писателей, о кот<орых>

критика кричит надседаясь, а книги их пылятся и выцветают в витринах. Относительно бессонницы Вы тоже верно заметили: я теперь так страдаю от этой проклятой болезни, что давно ничего не пишу и не читаю: нервы расстроились к черту! Теперь лечусь гидропатией и всякими пустяками, а книг и даже газет совершенно не вижу. Поэтому в нынешнем году я вряд ли Вам могу пригодиться.

Ваш *Чуковский*

Суворовский пр., 40 А.

[1] Датируется предположительно.

250. И.В. Гессену

1912 г.[1]

Дорогой Иосиф Владимирович!

Ни за что! Никаких изменений! Ради Бога, лучше верните мне ее — в девственном виде. Я ведь так пыжился над каждой строчкой. По целым ночам выдумывал эпитеты покрылатее, а Вы хотите их изменять. Знаю, что Вы хороший хирург, да я-то больной отвратительный. Умоляю Вас, пришлите мне мою заметочку, я к воскресению состряпаю новую. Но не трогайте ее, заклинаю.

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется предположительно.

251. И.В. Гессену

Середина января 1913 г.[1]

Дорогой Иосиф Владимирович.

Из этой гениальной статьи можно выбросить только строчку о Бальмонте, остальное — оставьте в неприкосновенности[2]. Если бы Вы завтра могли приехать на ½ часа к Репину (который будет рад Вас видеть) — я показал бы Вам изумительную вещь — целую рукопись романа Некрасова о Белинском, о Достоевском[3], который Вы купите для летних месяцев «Речи». Но это секрет, секрет!

Ваш *Чуковский*

Городецкий на меня не обидится. Я с ним в дружбе.

[1] Датируется по ответному письму И. Гессена от 19 января 1913 года: «Дорогой Чукс, вы же знаете, что я не могу по воскресеньям уезжать. А вот Вам мой совет и просьба <...> приезжайте к нам и привозите И<лью> Е<фимовича> (скажите, что он еще не отдал мне визит)» *(Стокгольмский архив)*.

[2] Речь идет о статье Чуковского: В защиту Чехова: [О переводе пьес А. Чехова Марианной Фелл] // Речь. 1913. 17 (30) янв.

[3] См.: Драгоценная находка: Неизданная повесть Н.А. Некрасова о Белинском, Достоевском и Тургеневе «Каменное сердце» / Предисл. и послесл. к публикации К. Чуковского // Нива. 1917. № 34/37. С. 554–560, 569–570.

252. М.К. Лемке

28 января 1913 г. Куоккала[1]

Многоуважаемый Михаил Константинович.

Здоровье мое поправилось. С 1-го февраля я начинаю вести литературное обозрение в газете «Русское Слово», не покидая спорадических выступлений в «Речи». Это дает мне смелость напомнить Вам, что я не получал от Вас Добролюбова[2] и даже не ви-

дел ни единого тома Стасюлевичевой переписки[3]. Если бы Вы распорядились доставить мне в «Речь» «для отзыва» эти книги, то я был бы очень тронут. Приобрести их у меня нет никакой возможности. Авось и я Вам пригожусь, отплачу как-нибудь. Привет Вашим детям и супруге. **1913**

Ваш *Чуковский*

Ст. Куоккала. Финл. ж. д.
К.И. Чуковскому

[1] День и месяц получения поставлены адресатом. Год установлен по первой статье в «Русском слове» 28 марта (10 апреля) 1913 года («Дешовка». О Джеке Лондоне).

[2] Первое Полное собрание сочинений Н.А. Добролюбова.: В 4 т. / Под ред. М.К. Лемке. СПб., 1911.

[3] М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке /Под ред. М.К. Лемке. Т. 1–5. СПб., 1911–1913. Информация о программе издания и выходе 1-го тома: Речь 1911. 5 (18) окт. № 273.

253. И.А. Белоусову

После 26 марта 1913 г. Куоккала[1]

Сердечное спасибо, многоуважаемый Иван Алексеевич, за Ваше доброе письмо. Я потому и позволил себе обратиться к Вам, что знал Вашу отзывчивость и доброту. Мне много о Вас говорил Л.Н. Андреев, у которого я видал «намалеванный» Ваш портрет; книгу Вашу, которую Вы были любезны прислать, я, конечно, знаю[2]; теперь у меня два экземпляра на полке. Если позволите, я пришлю Вам новый томик своих многогрешных писаний, который должен бы на днях выйти, да задержан мною до осени.

Вы сообщаете о плохом состоянии «Пути»[3]. Еще бы! Это слишком хороший, слишком честный и чистый журнал, чтобы в нынешнее хулигански-рекламное время он кому-нибудь мог понадобиться. Вы хотите его закрыть, и то благо: у меня душа болит видеть, как маются со своими журналами редакторы «Новой Жизни», «Современника», «Нов<ого> Журнала для Всех», «Современного Мира» и т. д. Напрасно Вы киваете на «Синий Журнал», — и он не находит «потребителя»! Торжествует один только — барабанный Битнер[4], — Чарская, Джек Лондон и Вербицкая.

Я некогда — чуть не в детстве — издал преплохую книжку «От Чехова до наших дней» — и эта книжка в течение года вышла тремя изданиями; теперь в «Шиповнике» после больших трудов, стараний — я напечатал книгу «Критич<ические> Рассказы»[5] — книгу, к<ото>рая в тысячу раз лучше предыдущей — и конечно, она ле-

жит на складе, как каменная, — и мне остается одно горестное утешение: значит, она не плохая!

Относительно Некрасова: я просто вгрызся в эту тему и работаю запоем, — но кому будет нужна моя книга, тоже представить себе не могу! Конечно на снимке с картины Ге я укажу, что печатается с любезного разрешения Вл.Гр. Шморовина — и в предисловии выражу ему благодарность[7]. Благодарю Вас за отзывчивость и прошу порадеть мне до конца: я Ваш снимок возвращу в сохранности[6]. Я не ответил Вам тотчас же, т. к. в доме были заразно-больные, и до дезинфекции я ни с кем не переписывался.

Преданный Вам *Чуковский*

[1] Чуковский отвечает на письмо от И. Белоусова от 26.III. 1913 (ОР РГБ. Ф. 620. К. 60. Ед. хр. 93).

[2] И. Белоусов сообщает, что послал Чуковскому «...книгу своих переводов из «Кобзаря», зная, что Вы любите Шевченко».

[3] В 1911–1914 гг. И.А. Белоусов редактировал и издавал журнал «Путь» и писал Чуковскому о журнале: «"Путь" идет очень плохо: друзья-приятели отнеслись к нему очень холодно <...> Думаю с $^1/_2$ года прекратить издание».

[4] О *В.В. Битнере* см. письмо **224**.

[5] Критические рассказы / [Предисл. авт.]. Кн.1. СПб.: Шиповник, [1911].

[6] Белоусов сообщает Чуковскому сведения о портрете Некрасова кисти Н.Н. Ге и пишет: «У меня есть хороший фотографический снимок с этого портрета. Между прочим я испросил у В. Г. Шморовина разрешение и для Вашего издания на пользование репродукцией; только когда выйдет это издание, Вам следует 1 экз. послать Вл.Гр. Шморовину».

[7] *Шморовин* Владимир Григорьевич — коллекционер народной живописи (см.: *Киселева Е.* «Среды» московских художников. Л., 1976).

254. А.Е. Розинеру

Апрель 1913 г. Куоккала[1]

Дорогой А<лександр> Е<всеевич>.

Покупайте Некрасова за какие угодно деньги, ибо «Деятель» опять возобновил переговоры[2].

Купив, не сразу давайте приложением. Сначала выпустите — постепенно — отдельными томами. И раньше всего:

— *Письма Н.А. Некрасова.*

Это будет сенсация. Все газеты затрещат цитатами. Я из разных закоулков наскреб до сотни писем, склеил в одну тетрадь, получилась интереснейшая книга, не только для меня, «специалиста», а и для «читателя вообще». В этих письмах Некрасов — как в зеркале. Издательству нужно использовать эту нынешнюю моду русского общества — на всякие материалы, письма и пр.

Вторым долгом нужно выпустить (ново! ново!) —
— *Рассказы Н.А. Некрасова!!* Потом еще том:
— *Роман Н.А. Некрасова!!* Потом еще том:
— *Рецензии и статьи Н.А. Некрасова!!* А потом
— «Стихотворения: т. I, II, III и *как приложение:* т. IV и т. V (боргезом).

Итого 9–10 больших томов, которые могут продаваться отдельно, а потом составить блистательное приложение.

Если Вы это затеете[3], обратитесь за письмами ко мне.

Кстати. Как имя-отчество нынешнего директора Московского Румянцевского Музея? Он мне нужен: у него есть новые материалы. Фамилия его — кн. Голицын[4], да Голицыных — как собак.

Ответьте скорее — насчет имени-отчества!

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по содержанию.

[2] Речь идет о возможной продаже наследниками Н.А. Некрасова своих авторских прав. «Вопрос о хорошем издании произведений Некрасова, так сказать, носится в воздухе, — писал Н.О. Лернер. — Ходят слухи о переговорах, которые по этому вопросу ведут несколько издателей с наследниками поэта...» (Речь. 1913, 10 (23) апр.).

[3] Замысел многотомного, полного и выверенного издания сочинений Н.А. Некрасова был осуществлен только в 1930–1931 годах.

[4] Имеется в виду князь Василий Дмитриевич *Голицын*, сменивший в 1910 году И.В. Цветаева на посту директора Московского Публичного и Румянцевского музея.

255. М.К. Лемке

14 мая 1913 г. Куоккала

14 мая 1913 вторник

Многоуважаемый Михаил Константинович. Какая, ей-богу, досада! Ведь я все это время был в городе и только сегодня, вернувшись домой, получил Ваше великолепное письмо. Вы пишете: это «пыль»[1]. Нет, это не пыль, а булыжник, огромный камень — какая-то *пирамида невежества*. Жаль, что не принято печатно бранить те органы, в к<ото>рых сотрудничаешь, — я задал бы «Русскому Слову» хорошую баню. То-то должно быть отвалили они *«онорар»* этому прохвосту-поставщику *нового* творения Герцена. Одновременно с этим я пишу письмо редактору «Рус<ского> Сл<ова>», чтобы он, ежели уж сам так блаженно-невинен в истории русской словесности, не полагался на авторитет Маныча[2]. Ведь я почти уверен, что это именно Маныч подвел г. Благова. Те-

перь он в Москве и, как рассказывал мне Дорошевич, принес недавно в «Русское Слово» стихи Лермонтова — очень известные! — под видом неизданных стихотворений Хомякова. Я напомнил г-ну редактору *неизданную* басню Крылова:

Когда увидишь Маныча,
Дай стрекача!

Я все это время в городе корпел над Некрасовым; теперь, вернувшись, посылаю сейчас за плотником, чтобы сделать такие ящики для карточек, *как у Вас;* карточки — *такие, как у Вас,* – заказаны мною Шнеллю; матерьял я записывал и распределял так же, *как и Вы;* одно для меня недосягаемо: такие упитанные дети, *как Ваши.*

Поэтому, к тем приветам, которые я им посылаю, примешивается чувство горькой зависти.

Ваш *Чуковский*

[1] 7 мая 1913 года М. Лемке писал Чуковскому: «Вот Вам "пыль". В "Русском слове" от 5 мая напечатана статья А.И. Герцена "Русская колония", *впервые* печатающаяся в переводе в России... 1) см. кн. IX "Отечественных записок" 1867 г. 2) книгу II Страхова "Борьба с западом", где эта вещь появилась полностью. Ваш *Лемке.* 3) Собрание сочинений изд. Павленкова» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 67. Ед. хр. 10).

[2] См. примеч. 2 к письму **180**.

256. Л.П. Гроссману

30 мая 1913 г. Куоккала[1]

Здравствуйте, дорогой Леонид Петрович. Это жестоко, что вы уехали, не простившись. Сейчас предо мною вырезка из газеты «Речь» — прелестная статья Л. Германова[2]: «Толстовство во Франции» (Ромен Роллан). В статье 266 строк, но получил ли оный Германов гонорар, неизвестно. Далее: у меня в шкафу имеется одна белоснежная сорочка, принадлежащая тому же Л. Германову, — и как возвратить эту сорочку, я тоже доныне не знал.

Письмо, которое я послал на Коломенскую, вернулось ко мне в Куоккала. Я полагаю, что не малую роль в Вашем внезапном отъезде сыграло кунктаторство Ганфмана[3], неприветливость петербургского литературного мира, одиночество и пр., и пр., и пр. Отчасти во всем был виновен и я: моя дурацкая болезнь делала меня тогда непригодным ни для приятельства, ни для чичеронства по литературным гостиным. Теперь мне легче, я работаю во все лопатки и рад выполнить все Ваши комиссии. Если вы пришлете

мне новую Вашу статейку по любому вопросу для помещения в любом журнале (кроме «Современного мира») — я весь к Вашим услугам: мне это только приятно. Если Вас заинтересует какая-н<и>б<удь> петербургская книга, я могу Вам выслать*. И вот слушайте, какую я придумал махинацию. Приезжайте в Россию в августе. Покуда еще не съехались. Поселитесь у меня. У меня дивная отдельная комната для Вас: с утра мы пишем, после обеда гуляем, беседуем, по вечерам читаем. Это был бы клад для меня при моем, как Вы знаете, одиночестве. А для Вас было бы ценно *с начала сезона* постепенно познакомиться со всем литературным миром, с коим я теперь в теснейших отношениях (Вы знаете, я из «Речи» перекочевал в «Русское Слово») — это вчетверо выгоднее и я могу заниматься *своею* работой, а не гоняться за фельетонными темами. Справка в Национальной библиотеке мне нужна, но слишком серьезная, чтобы я посмел Вас обременять, между тем кроме Вас это некому сделать. По несчастной случайности во всех библиотеках Петербурга нет книги «Westminster Review», July 1871, а там в этой книге есть статья Eduard'a Dowden'a: The Poetry of Democracy[4]. Статья мне нужна до зарезу, и я не думаю, чтобы она не вошла в какое-нибудь *собрание* статеек Эдуарда Доудена[5]. Справьтесь по каталогу Библиотеки, ради Аполлона! Если есть, — черкните мне, сколько она стоит, я немедленно вышлю Вам сумму, и получу от Вас статью. Если нет, подговорите какую-н<и>б<удь> девицу переписать мне эту статью, предварительно написав, сколько девица за это возьмет (четко переписать!). Если это оторвет Вас от Бальзака хоть на минуту, махните рукой[6].

Ваш душевно *Чуковский*

---

* Говорю это не для красоты слога, а потому что мне в Вас дорог серьезный, культурный работник и то, что Вы теперь работаете в Maison de Balsac[7] — это фундаментально.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: 30.V.1913. Куоккала. Адресовано в Париж.

[2] *Германов Л.* [Гроссман Л.П.] Толстовство во Франции // Речь. 1913. 16 февр. № 41.

[3] *Кунктаторство* — медлительность, нерешительность. *Ганфман* Максим Ипполитович (1872–1934, умер в эмиграции), юрист, журналист, издатель газеты «Современное слово».

[4] Эдуард Доуден. Поэзия демократии *(англ.)*.

[5] *Dowden* Edward (1843–1913), ирландский критик, историк литературы.

[6] В ответном письме от 12 июля 1913 г. Л.П. Гроссман писал: «Получили ли Вы книгу Dowdena, которую я выслал Вам недели три тому назад <...>. Не нужны ли Вам еще какие-нибудь сведения из парижских библиотек, книжных магазинов, музеев и пр.? Помните, что имеете здесь секретаря, который ждет работы» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 63. Ед. хр. 35).

[7] Дом Бальзака *(франц.)*

257. А.Е. Розинеру

11 июня 1913 г. Куоккала[1]

Многоуважаемый А.Е.

Присланный Вами рассказ мною не включается в Собрание Сочинений Л. Андреева[2]. Он — ниже всего того, что мы включили в наше издание. Я его присовокупил к той груде «непечатаемых» отвергнутых вещей — времен «Курьера» и позже — которые хранятся у меня, ожидая Ваших указаний, куда их направить.

Ваш *Чуковский*

[1] Почтовый штемпель: 11. Июнь. 1913.

[2] Вероятно, Чуковский принимал участие в подготовке к изданию Полного собрания сочинений Л. Андреева в 8 т., выходившего приложением к журналу «Нива» на 1913 год. Об этом упоминается в письме **272**.

258. Ф.И. Благову

Июнь 1913 г. Куоккала[1]

Многоуважаемый Федор Иванович.

Я затеял написать целый ряд фельетонов о Поэзии Будущего — о кубистах, футуристах etc. — итальянских, русских, американских[2].

Посылаю первый очерк. Второй последует вскоре. Но если Вы опять захотите что-нибудь в них изменять, выбрасывать слова и т. д., благоволите, прошу Вас, прислать мне корректуру. Вообще если что-н<и>б<удь> Вам покажется нецензурным, неудобным, слишком резким, распорядитесь, пожалуйста, отметить эти места на полях корректуры и послать мне по адресу: Финляндия. Куоккала. К. И. Чуковскому.

Я смягчу, изменю и тотчас же возвращу в Москву.

Преданный Вам *Чуковский*

[1] Датируется по содержанию.

[2] В «Русском слове» были напечатаны статьи Чуковского: Поэзия будущего: Очерки. Первый футурист [Об У. Уитмене] // Русское слово. 1913. 4 (17) июня; Русские футуристы [Игорь Северянин] // Русское слово. 1913. 19 нояб. (2 дек.).

259. Л.П. Гроссману 1913

7 августа 1913 г. Оллила[1]

Дорогой Леонид Петрович. Каждый день говорю себе: вот сейчас напишу Гроссману — и хоть убей, не могу[2]. Мне все кажется, что Вы переехали на другую квартиру, сердитесь на меня и т. д. Почему Вы мне не ответили на мою открытку? Именно Вам я пишу всегда с величайшей охотой, не знаю, почему.

Мне бесконечно жаль, что это лето мы провели не с Вами. Я слегка поправляюсь, и здесь, в Куоккала, общался с очень интересными людьми. Бывали дни, когда у меня за столом бывало до *20 человек!* Здесь много поэтов, художников, футуристов, эгофутуристов, кубистов — есть общий кумир Н.Н. Евреинов[3], режиссер, драматург, пародист, критик, композитор, дамский забавник, юрист, и все дамы влюблены в него, в том числе и я: такой неистощимости я еще не видал и не подозревал, что душа человеческая может быть так виртуозно-эластична. Мы здесь читаем лекции друг другу, вместе купаемся, катаемся в лодках и т. д. Некоторым образом львы сезона-с. Жаль, что с нами нет и Вас. Закипели бы и Вы в этой каше.

О Вашей книге я говорил с Волынским; он очень заинтересовался; он стоит во главе издательства «Грядущий день» — уже, оказывается, слышал об этом труде (не от меня ли?) — просит дать ему первому прочитать[4]. Недавно я ездил в город — впервые! — виделся в газете «День»[5] с каким-то длинным, как Вы или я, сотрудником этой газеты, одесситом, к<ото>рый говорил мне о Вас, как о друге. Я забыл его фамилию, но, кажется, он симпатичен. В стиле Камышникова. Кстати, знаете ли Вы, что Камышников болен, лежит в больнице, отстранился от «Южной мысли». — Я недавно перечел Тэна о Бальзаке[6] — и мне даже жутко стало: неужели можно *после этого* что-нибудь написать о Бальзаке? Какое острое ощущение всей человеческой личности! Как будто взял читателя — меня, Вас — и сделал нас на время Бальзаками: зашил в его шкуру, что ли. Когда Вы приезжаете в Россию? Судя по Вашему молчанию — скоро.

Я теперь упиваюсь «Кандидом» Вольтера[7] — читаю 3-й раз, прежде никогда не читал. Кстати: не знаете ли Вы случайно чего-н<и>б<удь> о поэте Дюкане (Du-Camp[8]), который еще в 60-х годах написал о газе, хлороформе, железных дорогах и т. д. *Мне это не нужно.* Я спрашиваю просто так. Известен ли он во Франции? Познакомились ли Вы с Минским?[9]

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Ollila. 7.VIII. 1913, адресовано: Paris. L.Grossman. 21 Rue Valette.

[2] 12-го июня 1913 года Гроссман писал Чуковскому из Парижа: «Вы пишете мне о своей постоянной озабоченности "забавностью" писаний для газеты. Знаете ли, я это совершенно не считаю недостатком. У французов не перестаешь учиться этому трудному искусству писать "соблазнительно" для самого ленивого и рассеянного читателя. Когда видишь, сколько усилий тратили Вольтер или Тэн, чтоб всячески облегчить читателю изучение своих страниц, начинаешь понимать, что в этих стараниях быть занимательным — высокая литературная добродетель. У нас, мне кажется, это недостаточно сознают и мало ценят. А между тем это свойство почти всех живых и восприимчивых писателей. Мне кажется, Вы не должны упрекать себя за его культивирование. Мне всегда вспоминаются по Вашему поводу слова Пушкина о кн. Вяземском (приблизительно): "его критика бывает подчас несправедлива, но способ выражения всегда так резко оригинален, что он сéрдит и заставляет мыслить и смеяться. Важное достоинство, особенно для журналиста"» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 63. Ед. хр. 35).

[3] *Евреинов* Николай Николаевич (1879–1953), режиссер и драматург. Развернутую характеристику Евреинова К.Чуковский дал в своем подробном комментарии к «Чукоккале» (см. *Чукоккала*. С. 34–42).

[4] Речь идет о книге статей Л. Гроссмана, посвященных Бальзаку. Книга издана не была, статья Л. Гроссмана «Бальзак и Достоевский» опубликована в журнале «Русская мысль». 1914. № 1.

[5] «День» — ежедневная петербургская газета, основанная в 1912 г. в СПб. И.Д. Сытиным. Редактор С.П. Скворцов. Газета выходила до ноября 1917 г. В 1914–1915 гг. в газете было бесплатное еженедельное приложение «Отклики. Литература, искусство, наука».

[6] *Тэн И.* (1828–1893), французский теоретик искусства. Книга Тэна «Бальзак» вышла во Франции в 1858 году, в русском переводе — в Петербурге в 1894 г.

[7] Речь идет об издании философской повести Вольтера «Кандид», вышедшей в СПб. в 1913 г.

[8] Упомянут французский поэт Максим Дю Кан (Du Camp, 1822–1894), член французской академии с 1880 г. В сборнике «Современные песни» (1855) Дю Кан воспевал успехи промышленности, пар, электроэнергию.

[9] *Н. Минский* в этот период жил на положении эмигранта в Париже.

260. А.В. Руманову

Начало сентября 1913 г. Куоккала[1]

Дорогой Аркадий Веньяминович

Если книга не нашлась[2], поместить нужно в «Речи», в «Дне»[3] и в «Совр<еменном> Слове» такое письмо в редакцию:

— сентября в час поп<олудни> в автомобиле № <сверху слово «оставлена» зачеркнуто, снизу слово «забыта» тоже зачеркнуто, но под последним — волнистая линия> рукопись моей книги «Поэзия Грядущей Демократии». Умоляю нашедших эту рукопись немедленно доставить ее в книжный магазин И.Д. Сытина (Невский, №), где будет выдано вознаграждение. Это толстая тетрадь в черном переплете. Среди страниц пять или шесть портретов. К. Чуковский

Я совершенно измучился. Репин ждет эту книгу, чтобы сочинить предисловие.

Обнимаю Вас. *Чуковский*

[1] Датируется по содержанию.

[2] Имеется в виду забытая А. В. Румановым в автомобиле рукопись книги К. И. Чуковского об Уитмене.

[3] «*День*» — см. примеч. 5 к письму **259**.

261. С.М. Боткину

8 (21) сентября 1913 г. Куоккала[1]

Простите, ради Бога, дорогой Сергей Михайлович. У меня такое неслыханное горе: пропала вся рукопись книги «Уитмэн»[2]. Уже была заказана обложка Рериху[3], уже получены были все деньги, уже И.Е. Репин взялся написать предисловие[4] — и вот Арк<адий> Руманов, секретарь «Русского Слова»[5], отвозит эту рукопись к Сытину[6], и *забывает ее в автомобиле*. Нужно очень много философии, чтобы перенести такую печаль — и первое время я даже Вам не мог ответить на письмо. Я и приезжал в П<етер>б<ург>, да был совершенно как мертвый. Вдобавок простудился. И знаете, что мне мерещится: родной, только не сердитесь, я молю Вас приехать ко мне в воскр<есение>, у меня прочитаем Вашу статью (а своей я не довел и до половины) — и буде не удастся мне выбраться, напишу длинное письмо к Струве[7], который, как мне говорили в редакции «Речи», Вас ждет. Мария Борисовна кланяется. Недавно я был у Андреева, он катал меня по заливу на моторе — чудо! Даже черновика у меня не осталось от книжки.

Ваш душевно *Чуковский*

Может быть, на неделе приеду.

[1] Открытое письмо. Датируется по почтовому штемпелю 21.IX.1913. Куоккала.

[2] Рукопись в дальнейшем нашлась и была опубликована. См. письмо **264**.

[3] Обложка художника Н.К. Рериха.

[4] Книга вышла с предисловием И.Е. Репина.

[5] А.В. Руманов с 1911 года заведовал Петербургским отделением газеты И.Д. Сытина «Русское слово».

[6] Об И.Д. Сытине см. примеч. 4 к письму **248**.

[7] О П.Б. Струве см. «Список адресатов». О реакции П.Б. Струве на статью Боткина см. письмо **269**.

262. А.В. Руманову

8 (21) сентября 1913 г. Куоккала[1]

Дорогой Аркадий Вениаминович.

Надеюсь, что книга найдена. С мясником М<ария> Б<орисовна> справилась сама. Но если бы к понедельнику Вы ей добыли хоть немного денег, хотя бы остальное за Whitman'а (Уитмэна)[2], Вы дали бы мне возможность продержаться до тех тысяч, которые сулит мне конец сентября.

Ведь это же смешно, что во всем мире у меня есть единственный защитник и покровитель, и спаситель Аркадий Руманов! — и не только теперь, а и 9 лет, и 7 лет назад.

Ваш *Чуковский*

[1] Почтовая карточка с почтовым штемпелем: Куоккала. 21.IX.1913, отправленная по адресу: Петербург, Морская, 35, А.В. Руманову.

[2] Речь идет о гонораре за книгу К.И. Чуковского «Поэзия грядущей демократии. Уот Уитмен», изданную в 1914 г. московским издательством «Товарищество И.Д. Сытина».

263. А.В. Руманову

Середина сентября 1913 г. Куоккала[1]

Дорогой Руманов.

Я уверен, это письмо даже удивит Вас. Вы так же привыкли делать добро, как и я не привык, чтобы мне его оказывали. Вы, я уверен, даже сами не замечаете, как много незаслуженной ласки оказали Вы мне. Для Вас это так естественно, как для других есть, спать, умываться. Вы ласкали меня мимоходом, и я тоже так стал привыкать к этому, что, признаться, даже не замечал. Но на свежего человека, на Марью Борисовну, Ваша вчерашняя услуга (вся

целиком: и приезд, и Бонди[2], и тетради с Уитмэном[3]) произвела такое радостное впечатление, что она принудила меня написать это смешное и неуклюжее письмо.

Ваш *Корней*

[1] Датируется по содержанию, в частности, по возвращению К.И. Чуковскому рукописи его книги об Уитмене.

[2] Имеется в виду решение денежных вопросов. О *В.А. Бонди* см. примеч. 2 к письму **49**.

[3] Подразумевается забытая в автомобиле рукопись книги К.И. Чуковского об Уитмене.

264. С.М. Боткину

22 сентября 1913 г. Минск[1]

Дорогой Сергей Михайлович.

Привет из Минска. Сижу в гостинице — слышу, как внизу в ресторане играют румыны. Но недолго мне их слушать — завтра я в Витебске, послезавтра в Смоленске, 25 в Двинске, 26-го в Либаве; 28 в Гомеле, 30-го в Витебске, 3-го в Бобруйске и т. д. Пожалейте меня, больного. Я не то что не мог выцарапаться к Струве, но в «Шиповник» по делу издания своей книги так и не собрался[2]. Лекцию дописывал в поезде. Пожалейте меня — и позавидуйте: сколько я людей вижу новых, сколько сценок, образов, пейзажей и т. д. Вот было бы великолепно, если б мы отправились когда-нибудь вдвоем: то-то наговорились бы и насмотрелись бы. А у нас ведь много общего: мы оба не мужчины: не курим, не пьем, в карты не играем, оба длинные, оба больше всего любим литературу, искусство — оба живем на берегу Финского залива и оба упиваемся Игорем Северяниным.

Едемте вместе — Великим постом — читать лекции, — не все ж Испания, хорошо и на Россию взглянуть. Мой Уитмен отыскался у Сытина. Как Ваши экзамены? Что Струве? Я черкнул ему в тот же день. Если урвете минутку писать, то вот адрес: Либава, Главн<ый> Почт<амт>, К.И. Чуковскому до востребования. 5 октября моя лекция в СПб.[3].

Ваш *К. Чуковский*

[1] Датируется по содержанию. В письме **266** к И.Е. Репину, посланному из Витебска 24 сентября есть фраза: «Вчера читал здесь лекцию, третьего дня — в Минске, а сейчас еду в Смоленск».

[2] В 1914 году в издательстве «Шиповник»вышло исправленное издание «Критических рассказов» под заглавием «Книга о современных писателях» и сборник статей «Лица и маски».

[3] 5 октября 1913 года в зале Тенишевского училища состоялась лекция Чуковского о поэтах футуристах «Искусство грядущего дня». Он предварительно читал эту лекцию в тех городах, которые перечислены в письме.

265. А.В. Руманову

23 сентября 1913 г. Орша[1]

Дорогой Друг!

Привет. Просто привет. Ничего другого, только привет. Это не просьба о *немедленных* деньгах, не рассказ о своих злоключениях, это только привет. Не больше, чем привет. Чистый привет! Голый привет. Привет — без ничего.

Сижу за столом на вокзале — в Орше[2], месте рождения славного Оршера[3] — и вот посылаю Вам привет! Будьте здоровы, сладострастны, лживо правдивы, правдиво лживы — целую Вас, — привет!

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по почтовому штемпелю получения: Спб. 24 IX.1913.

[2] *Орша* — старинный город на территории современной Витебской области (Беларусь), железнодорожный узел на линии Витебск—Минск—Могилев—Смоленск.

[3] Имеется в виду писатель О.Л. Д'Ор (псевд. Иосифа Львовича Оршера). О нем см. примеч. 2 к письму **26**. Чуковский обыгрывает сходство названия города и фамилии. На самом деле Оршер родился в Полтавской губернии.

266. И.Е. Репину

24 сентября 1913 г. Витебск[1]

Дорогой Илья Ефимович, привет с Западной Двины. Я в Витебске. Вчера читал здесь лекцию, третьего дня — в Минске, а сейчас еду в Смоленск. Посмотрю, если удастся, Тенишевский Музей[2]. Кого я видел в Витебске! Меерсон. Помните ту девицу, которая Вам принесла проект памятника Толстого и сочинила стихи: «Так надо, пусть!» Ну, так вот — она стала толста, как бочка, обуржуазилась, имеет почти взрослого сына, а все еще носит с собою всюду Ваше письмо. Какая здесь прелестная осень, нежная, мягкая, солнечная! Вообще я в восторге от поездки. Впереди еще Двинск, Либава, Вильна, Гомель, Бобруйск. Сытин разыскал мою книгу о Уитмэне[3], и я по приезде предоставлю на Ваше благоусмотрение корректуру. Наталии Борисовне не пишу, так как думаю написать ей после обзора музея кн<ягини> Тенишевой. Если

Н.Д. Ермаков[4] бывает в Пенатах, ради Бога, поклонитесь ему. Здесь я видел живых бурлаков, пришлю Вам фотографию.

Ваш *Чуковский*

Ст. Куоккала (Финл. Ж. Д.)
Илье Ефимовичу Репину

[1] Датируется по почтовому штемпелю.

[2] О *М.К. Тенишевой* см. примеч. 6 к письму **37**. В 1904 г. организовала в Смоленске Историко-этнографический музей, куда поместила коллекцию собранных ею старинных русских предметов, перевезенную из ее имения «Талашкино».

[3] Книга с предисловием И.Е. Репина вскоре вышла в свет (*Чуковский К.* Поэзия грядущей демократии. Уот Уитмен. М.: Изд. Т-во И.Д. Сытина, 1914).

[4] О *Н.Д. Ермакове* см. примеч. 10 к письму **228**.

267. А.В. Руманову

29 сентября 1913 г. Минск[1]

Милый Аркадий!

Был я: в Риге, в Либаве, в Витебске, в Минске, в Двинске, в Смоленске; ночью езжу первым классом, а днем — третьим. Сколько разговоров о деле Бейлиса![2] 3го дня меня вызвал в свою канцелярию Двинский полицмейстер и строго — в присутствии пристава — потребовал, чтобы *в лекции о футуризме* я не касался дела Бейлиса. Иначе — и он погрозил мне пальцем. Можете это напечатать. В Двинске видел катастрофу, в Либаве был на <нрзб> пароходе, — и в вагоне познакомился с продавцом живого товара!

Ваш *Чук*

[1] Почтовая карточка со штемпелями почты Минска от 29.IX.1913 г. и СПб. 1 октября 1913 г., отправленная по адресу: Петербург, Аркадию Руманову, Морская, 35.

[2] *Дело Бейлиса* — известный судебный процесс над евреем М. Бейлисом, клеветнически обвиненном в ритуальном убийстве православного мальчика Андрея Ющинского.

268. А.В. Руманову

3 октября 1913 г. Вильно[1]

Дорогой Аркадий Вениаминович. Сейчас еду в Бобруйск — оттуда прямо в столицу. Может случиться, что Марья Борисовна бу-

дет беспокоиться, приехал ли я, утешьте ее: да, я приехал, но с дороги поехал в гостиницу спать. Так и будет в действительности. Лекцию мою, надеюсь, Вы почтите своим присутствием[2]. Вот уже 14 суток я в вагоне, — совершеннейший Григорий Петров![3] — и кажется, что нет нигде ни науки, ни искусства, ни Сологуба, ни «Бродячей Собаки»[4], и есть только евреи, начальники станций, дело Бейлиса, жандармы, и опять евреи, и опять дело Бейлиса.

Целую дружески.

Ваш Чуковский

А Дымов в Америке![5] Мне говорили в Белостоке[6], что его пьеса гениальна[7].

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Вильно. 3.IX.1913.

[2] См. примеч. 3 к письму **264**.

[3] *Г.С. Петров*— священник, публицист, бывший сотрудник газеты «Русское слово», о котором А.В. Руманов написал свою единственную книгу: Священник Г.С. Петров, член Государственной Думы. Биография и история ссылки в монастырь. М., 1907 (подписано *А.В. Ру-ов).* См. также примеч. 4 к письму **189**.

[4] Петербургское литературно-художественное кабаре *«Бродячая собака»* существовало с 31 декабря 1911 г. по март 1915 г. под эгидой Художественного общества Интимного театра.

[5] Об *Осипе Дымове* см. «Список адресатов». О. Дымов — приятель К.И. Чуковского и друг молодости А.В. Руманова. В августе 1913 г. Дымов по приглашению американского театрального импресарио уехал в Америку, где в театрах Нью-Йорка и Филадельфии должна была ставиться его пьеса«Речь странника».

[6] *Белосток* Гродненской губернии — родина О. Дымова.

[7] Вероятно, пьеса «Речь странника».

269. С.М. Боткину

Ок. 7 октября 1913 г.[1]

Дорогой Сергей Михайлович!

Меня еще в Либаве ужалило Ваше письмо о Михаиле Петровиче[2] — даже руки задрожали, но хотя второе Ваше письмо и тревожное, оно утешило меня совершенно. Раз М.П. вынес этот припадок, поборов его, то значит организм могучий и слабость теперь так естественна[3]. — Жаль, что против<ный> Струве не внял моей просьбе. Я тогда же отправил ему письмо такого (признаюсь!) содержания: эта статья о Барохе — одна из первых работ молодого писателя[4]. Если она не подойдет, возвратите ее поделикат-

нее, любовнее, автор владеет несколькими стилями, и если этот, официальный, у него не вытанцовывается, он напишет что-нибудь интимнее, лиричнее. А он — через секретаря. Может быть, Струве нет в Питере? Во всяком случае, складывать оружие с Вашей стороны безумие. — Надеюсь, что все тревоги скоро минуют и мы встретимся в Питере вновь за мирной беседой о литературе.

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по ответному письму С.М. Боткина от 7.10.1913 (ОР РГБ. Ф. 620. К. 61. Ед. хр. 46) и почтовому штемпелю получения: 7.10.13. Петербург.

[2] Михаил Петрович *Боткин* (1839–1914), отец С.М. Боткина, академик живописи, коллекционер произведений итальянского Возрождения. В сентябре 1913 года широко отмечалось 50-летие его творческой деятельности. Скончался он 22 января следующего года.

[3] В письме к Чуковскому С.М. Боткин пишет, что здоровье его отца улучшилось.

[4] *Бароха-и-Неси* Пио (1872–1956), испанский писатель, статья С.М. Боткина о нем неизвестна. Однако, в своем письме С. Боткин благодарит Чуковского за хлопоты о статье в «Русской мысли».

270. А.Е. Розинеру

Октябрь 1913 г. Куоккала[1]

Дорогой Александр Евсеевич.

Остальное завтра. Пошлите Вл.Г. Короленке *мои* листки, не смущаясь их тоном. В.Г. меня знает. Я нарочно их подписал. Теперь выходит, как у Грабаря в Третьяковской Галерее[2]. Те же картины, а перевесит их дельный (!?) человек — и совсем другое: куда лучше[3]. Жаль, что нельзя на обложках печатать: *Сочинения Короленко и Чуковского.*

Я согласен.

Ваш *К.Ч.*

[1] Датируется по сопоставлению с остальными письмами к В.Г. Короленко.

[2] Об И.Э. Грабаре, готовившем выставку И.Е. Репина, см. в письме **272**.

[3] Судя по этому и следующим письмам, Чуковский принимал участие в составлении Собрания сочинений Короленко, но в издании это не отражено.

271. А.Е. Розинеру

Осень 1913 г. Куоккала[1]

Дорогой Александр Евсеевич.

Я получаю уже 3-е письмо от Вл<адимира> Г<алактионови>ча. Право, мне страшно, что мы довели больного 60-летнего писателя до такого беспокойства. Вот его желание, которое нужно свято исполнить:

Сон Макара
В подследств<енном> отделении
Очерки сибирск<ого> туриста
Соколинец
В ночь под светл<ый> праз<дник>
и т. д.[2]

Пошлите ему успокоительную телеграмму. Ради Бога!

Ваш *Чуковский*

М.Б. кланяется.

[1] Датируется по содержанию.

[2] Перечислены рассказы В.Г. Короленко: «Сон Макара» (1885), «В подследственном отделении» (первоначальное название «Временные обитатели подследственного отделения» (1881), в издании «Нивы» рассказ получил заглавие «Яшка»), «Очерки сибирского туриста» (1885, в издании «Нивы» заглавие — «Убивец»), «Соколинец» (1885). Все они затем вошли в Полное собрание сочинений В.Г. Короленко: [В 9 т.]. Издание товарищества А.Ф. Маркс. 1914. Приложение к журналу «Нива» на 1914 год.

272. В.Г. Короленко

Ноябрь 1913 г. Куоккала[1]

Многоуважаемый Владимир Галактионович.

Других чернил здесь в деревне нет. Простите, что пишу красными. Не думайте, ради Бога, что у меня есть *авторское самолюбие* – в распределении Ваших томов. Редакция прибегла ко мне — из боязни, что Вы, отвлеченный другими заботами, не успеете (или не пожелаете) выполнить к сроку эту кропотливую работу. Так было в прошлом году с Леонидом Андреевым. А если Вы сами взялись за это, мы, читатели, только в барыше. Недавно я был в Третьяковской галерей с И.Е. Репиным, Грабарь[2] развесил картины Ильи Ефимовича по оттенкам, по полутонам и т. д. Илья Ефимович забурлил, зарычал, заставил все перевесить по-своему, по основным тонам, и каждая картина словно обновилась. Удивительно, как меняются вещи от той или иной комбинации. Я вполне

приветствую Ваше желание смешивать публицистику с беллетристикой — и составил, было, такой список, но в *«Ниве» мне сказали, что Вы желаете, чтобы публицистика была выделена.*

Сейчас я отправлю в «Ниву» телеграмму: «Короленко просит набирать по его списку» — и через 3–4 дня весь Ваш первый том будет набран, и Вам, если Вы пожелаете, будет послана корректура.

Вообще, Владимир Галактионович, и впредь не деликатничайте со мною в таких мелочах. Бросьте мой список в корзину. Для меня было полезно — составлять этот список, потому что я заново над многим продумал, заново многое перечитал. Куда-то у меня запропал длиннейший список опечаток в Ваших книгах. Если найду — пришлю. Помню, там были отмечены выражения: «большая половина», «меньшая половина».

Относительно мелкого шрифта: я никогда не предлагал печатать мелким шрифтом «Бытовой явление». Я предлагал мелкие заметки, случайные, полемические, — и, напротив, прошу вас, как читатель, ничего не выбрасывать, а, напротив, прибавить еще, что технически невозможно, если Вы для подобных заметок не назначите мелкого шрифта. Почему, напр<имер>, нет предисловия к книге Боброва: Уральские казаки в поисках Беловодия[3]. Это предисловие очень характерно.

Знаете, что из Вами написанного мне понравилось меньше всего: «Прохор и студенты». Тон напряженный, «под Диккенса»; диалоги простонародные, в которых Вы потом оказались таким виртуозом, здесь нарочиты, деланны, как у Мачтета или в дамской пьесе «из народного быта». Особенно в II кн<иге> «Р<усской> м<ысли>» (за 1887 год). Там с первой же страницы столько иностранных слов — много потуг на юмор, — не верится, что это написано автором «За иконой»[4]. Может быть, Вы поместите этот недоконченный рассказ с каким-н<и>б<удь> примечанием «от автора», а может быть, Вы пожелаете его исправить, переделать, закончить. Кстати, все менее значительное — не лучше ли «сунуть» в июньские, июльские томики, когда читают меньше всего, а к концу года в XI, XII том дать вещи выигрышные? Не следует ли в VI и VII том «ссыпать» все мелочи, фельетоны, корреспонденции?

Я теперь, после *бессонных* разъездов по России с лекциями, когда не спал сплошь 5–6–7 ночей, дома в Куоккала, отдыхаю. Работаю я над рукописями Некрасова — целые дни сижу с лупой, — о, сколько нашел новых стихотворений, писем, вариантов, разъяснений, комментариев и т. д. Это методическое и механическое занятие, не тревожащее, дает мне мирный сон[5]. Не могу утерпеть —

перепишу для Вас и для Ваших дочерей отрывок из «Уныния» — вклейте его в свой томик Некрасова[6].

[1] В архиве письмо вложено в папку «1913». Датируется по связи с письмом **273**.

[2] *И.Э. Грабарь*— в то время директор Третьяковской галереи.

[3] Имеется в виду книга: *Хохлов* Григорий Тимофеевич. Путешествие уральских казаков в «Беловодское царство» / С предисл. В.Г. Короленко. Под ред. действительного члена Общества С.Ф. Ольденбурга. СПб., 1903.

[4] Рассказы «Прохор и студенты» и «За иконой» написаны в одном и том же 1887 году.

[5] Чуковский в статье «Новонайденные творения Некрасова» (Русское слово. 1913. 14 дек.) писал: «Уже месяц, как я день и ночь сижу над побуревшими листками, над целой горой бумаг, исписанных вкривь и вкось то карандашом, то чернилами, перечеркнутых, и, замирая, вникаю в эти драгоценные каракули — подлинные манускрипты Некрасова <...> Их тридцать лет хранил как святыню друг сестры Некрасова <...> и вот теперь осчастливил меня <...> я не помню таких тревожных самозабвенных упоительно-сладких часов, как те, что провожу теперь».

[6] Конец письма утрачен.

273. В.Г. Короленко

16 (29) ноября 1913. Куоккала[1]

Многоуважаемый Вл<адимир> Г<алактионович>.

Не успел написать в письме, дописываю теперь. Ради Бога, не распределяйте матерьял географически: выйдет, как у Тана или Серошевского[2]. Разве Вы этнограф, Вы — лирик, не описатель, а писатель; нужно, чтобы в каждом томе было лирическое единство, единство тона и «настроения», а не случайное единство той или иной местности. Умоляю, не делайте этого. Я было попробовал и увидел, что это поведет к умалению и «Сна Макара», и «Мороза» и т. д.

Преданный Вам *Чуковский*

[1] Открытка. Почтовый штемпель: 29.XI.1913. Куоккала. Адрес: Полтава, М. Садовая, 1.

[2] О *В.Г. Тане* см. примеч. 3 к письму **92**; *Серошевский* Вацлав Леопольдович (1858–1945), польский писатель, родившийся в Сибири, автор этнографических трудов «Якуты» (1896), «Корея» (1905), а также художественных произведений из жизни народов Сибири.

274. А.А. Кипену

1913

30 ноября 1913 г. С.-Петербург[1]

Дорогой Александр Абрамович.

Мы живем на даче Дальберг — в 10 минутах от Репина. Пусть Александр Серафимович[2] к 3-м часам в среду пожалует ко мне, и мы вместе отправимся. И.Е. будет очень рад, а я и подавно. Я теперь выздоравливаю, но весь как будто изжеван этими разъездами из города в город — гостиницами — вагонами, лекциями и проч. Отлеживаюсь теперь на диване. Даже к лыжам не прикасаюсь — пока!

Ваш *Чуковский*

[1] Открытое письмо. Почтовый штемпель: 30.11.13. С.-Петербург. Адрес: Териоки. Александру Абрамовичу Кипену.

[2] Вероятно упомянут писатель А.С. Серафимович. О нем см. «Список адресатов».

275. А.В. Руманову

Ноябрь–декабрь 1913 г. Куоккала[1]

Дорогой Аркадий.

А ведь рукопись, которую мы искали, оказалась в Куоккала[2]. Печатайте, если можете. Ее привозил Маяковский. Ангел, — завтра буду с утра, нужен Маяковский, — *добудьте его адрес**. Не уезжайте, несмотря на Сытина. Буду между 12 часами и часом. А покуда — я в субботу читаю опять лекцию о футуристах. Всех футуристов зовите к 8 час<ам> на курсы Лесгафта[3]. Ваш *Чуковский*

---

* Позвоните в «Союз Молодежи»[4] или в Троицкий театр[5], там знают все их адреса.

[1] Датируется по пребыванию В.В. Маяковского в Петербурге, его общению с футуристами, его роману с С.С. Шамардиной (их познакомил Чуковский), а также по премьере трагедии «Владимир Маяковский» в театре «Луна-парк» 2 и 4 декабря 1913 г.

[2] Иносказание. Под «рукописью» подразумевается Софья Сергеевна Шамардина (1894–1980). Об этом она писала в воспоминаниях: «Чуковский, не найдя меня ни на Васильевском острове, ни у Станюковичей, заволновался. Через некоторое время я нашлась, и приятель К.И., которому он поручил разыскать меня, дал в Куоккалу, по условию с К.И., телеграмму такого содержания: “Потерянная рукопись найдена”» (*Шамардина С.* Футуристическая юность // Имя этой теме: любовь! Современни-

цы о Маяковском / Сост., вступит. ст., коммент. В. Катаняна. М.: Дружба народов, 1993. С. 20).

[3] Вероятно, это лекция, которая состоялась в субботу 3 ноября с участием Д. Бурлюка. См. газетные отчеты: *Адамов Е.* «На Бурлюке» // День. 1913. 4 ноября; [Б/п]. Лекции К.И. Чуковского // День. 1913. 4 ноября. *...курсы Лесгафта* — курсы воспитательниц и руководительниц физического образования, женское педагогическое учебное заведение, основанное П.Ф. Лесгафтом в 1896 г. в Петербурге (Английский проспект, 32).

[4] *«Союз молодежи»* — объединение молодых художников (1909–1917), связанное с литературной группой футуристов под руководством Д.Д. Бурлюка и В.В. Маяковского. «Союз молодежи» финансировал постановку трагедии «Владимир Маяковский» в петербургском театре «Луна-парк» (бывш. театр В.Ф. Коммиссаржевской) на Офицерской улице (ныне ул. Декабристов).

[5] *Троицкий театр* (под руководством А.М. Фокина) находился в Петербурге на Троицкой улице (ныне ул. Рубинштейна) в доме 18. Там проходили репетиции спектакля «Владимир Маяковский». Кроме того, 20 ноября 1913 г. в Троицком театре на диспуте, организованном «Союзом молодежи», В.В. Маяковский выступал с докладом «О новейшей русской литературе».

276. И.Е. Репину

2 (15) декабря 1913 г. Куоккала[1]

Дорогой Илья Ефимович.

Выяснилось, что я немедленно должен ехать к вдове Достоевского[2], в Сестрорецк. Из Сестрорецка — в Петербург. Так что даже забежать к Вам, как я думал вчера, у меня нет ни малейшей возможности.

Сердечный привет Ермакову!

Завтра надеюсь его повидать, и обо всем поговорить окончательно! Буду в Палэ Рояле[3], — остановлюсь там и проживу до среды.

Ваш *К. Ч.*

До свидания с Ермаковым к Шуйскому-Лопатину не пойду[4].

[1] Ответ на письмо И.Е. Репина от 14 декабря 1913, см. *Репин.* С. 90–93.

[2] *Вдова Достоевского — Достоевская* (урожд. Сниткина) Анна Григорьевна (1846–1918). Чуковский в это время работал над статьей о Достоевском, которая появилась в газете «Речь» (1914. 6 апр.): «Забытое и новое о Достоевском».

[3] *Пале-Рояль* — меблированный дом в Петербурге на Пушкинской улице, д. 20. Владелец — Н.Ф. Нелидов.

[4] Чуковский вместе с художественным критиком Борисом Петровичем *Лопатиным* (псевд.: *Шуйский*) готовил для издательства «Товарищест-

во И.Д. Сытина» альбом произведений Репина. Деятельное участие в организации этого издания принял Н.Д. Ермаков. Позднее, 6 июня 1914 года, Лопатин-Шуйский писал Репину, что именно Чуковский и Ермаков привлекли его к этой работе.

277. С.В. Яблоновскому

16 декабря 1913 г. Петербург[1]

Дорогой Сергей Викторович.

И.Е. Репин завтра — в Москве, в Княжьем Дворе[2]. Ах, если б Вы его посетили — и разъяснили ему, почему так внезапно «Русское Слово» замолкло о «Деловом Дворе»[3]. Ведь Руманов приезжал с ним побеседовать «для Рус<ского> Сл<ова>», ведь И.Е. даже чертеж дал «для Р<усского> Сл<ова>» — а «Русское Слово» хоть бы звук! Тысяча приветов! Будете ли в этом году в Пб.?

Ваш *Чуковский*

[1] Почтовая карточка. Штемпель: СПб. 16.12.13. Москва. 17.12.13.

[2] *«Княжий двор»* — гостиница в Москве, в которой часто останавливался Репин.

[3] Речь идет о замысле Репина создать в Чугуеве Свободные художественные мастерские под названием «Деловой двор». Статья Репина под тем же названием была опубликована 27 ноября 1913 года в «Русском слове». См. также статью Чуковского «Как нужно чествовать Репина». Этой идее не суждено было осуществиться из-за начавшейся летом 1914 года Первой мировой войны. Подробнее об этом см.: *Репин.* С. 89–92, 311–313.

278. А.В. Руманову

Конец 1913 г. Куоккала[1]

Дорогой Аркадий Веньяминович.

Все эти канители
Мне насточертели.

Неужели я так-таки никогда не добьюсь ни от Вас, ни от г. Благова[2], идет ли моя статья или нет. Я писал Федору Ивановичу несколько писем, но ответа не получил. Или он болен, или почта задерживает его письма. Вам телефонил до одури, — обещали передать, разузнать, сообщить, и — ни слова.

Поэтому я воздержался посылать Вам фельетон о Чехове — к Чеховским дням — 17 янв<аря>[3]. — Наказываю, впрочем, сам себя, ибо остаюсь без копейки.

Если рукопись не возвращена и подлежит напечатанию, то дайте Марье Борисовне под нее сколько можете. Если же она не пригодилась и подлежит возврату, то тем паче дайте ей хоть полсотни.

Были вчера у Репина?

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по содержанию письма.

[2] О *Ф.И. Благове* см. «Список адресатов».

[3] В «Русском слове» к этой дате появилась заметка Чуковского: «Неизданное письмо А.П. Чехова к И.Е. Репину» (1914. 2 (15) июля). Чехов родился 17 января ст. ст. 1860 г. Статья была приурочена к 10-й годовщине со дня его смерти.

279. И.Е. Репину

21 декабря 1913 г. Петербург[1]

С.-Петербург

Дорогой Илья Ефимович.

Очень скучаю без Вас. Сижу в Палэ-Рояле под крышей, строчу свои «клеветоны», и кажется, что на свете и не было никакой Куоккала, никаких Пенат, что мне только приснилось, будто я был знаком с И.Е. Репиным Очень интересно узнать, что Вы расскажете о Княжьем Дворе. Здесь в Петербурге о нем много толков. Я теперь прикован к Петербургу: подстерегаю наследников Некрасова[2], с которыми должен переговорить до Рождества. Они каждую минуту могут уехать и каждую минуту — приехать. Вот я и сижу у телефона и спрашиваю: приехали? Не вижу Московских газет, и не знаю, что Вы поделываете.

Ваш *Чуков<ский>*

[1] Письмо датируется по почтовому штемпелю; адресовано в Москву, гостиница «Княжий Двор».

280. И.И. Горбунову-Посадову

14 января 1914 г.

Многоуважаемый и дорогой Иван Иванович!

Одна дама, живущая ныне в Гон-Конге, написала прелестную повесть: «Путешествие Коли и Киси»[1]. Собственно это не повесть, а подробный задушевный рассказ наблюдательной русской женщины, как она со своими детьми ехала из Мариуполя в Китай. Здесь и Константинополь, и Суэцкий канал, и Индия, и Аравия, и акулы, и птицы-колибри, — и все это рассказано так рельефно, так жизненно, что и сам будто видишь все, что описано в повести. На первом плане дети, умилительные; автор трактует их с юмором, нежно — и после первых же глав любишь их и улыбаешься им. Мне кажется, что лучшей вещи для «Маяка» не найти. Правда, есть *жестокие* страницы: например, о ловле акул, об истреблении насекомых, но страницы эти вполне устранимы. К повести приложены десятки снимков; так что иллюстраций не придется заказывать. В иных снимках фигурируют дети, о которых говорится в рассказе.

Мой девятилетний сын и семилетняя дочь (ревностные читатели «Маяка»!) проглотили эту длиннейшую рукопись залпом, а в ней 320 страниц (правда, чрезвычайно разгонистых!).

С автором я не знаком. Рукопись попала почему-то к Леониду Андрееву, тот прислал ее мне, а я считаю своим приятнейшим долгом рекомендовать ее Вам.

Черкните мне, согласны ли Вы просмотреть ее. Я немедленно ее Вам пришлю. Но не стесняйтесь ответить отказом. Сытин с радостью издаст ее отдельной книгой.

Привет детям и жене. «Маяк», должно быть, процветает теперь. Я видел его всюду в провинции, даже в инородческих школах.

Ваш *Чуковский*

14 янв<аря> 1914

Куоккала, Финл<яндская> Ж<елезная> Д<орога>, свой дом.

Простите неряшливость письма: нездоровится.

[1] Об этой рукописи Чуковский писал Л.Н. Андрееву в конце марта 1914 года (см. письмо **290**).

281. К.Д. Набокову

Начало 1914 г.[1]

Вот загадочное лицо — неразгаданное — железная маска нашей литературы — писатель, о котором ничего не сказано, которого и не начали изучать — о котором больше сплетен, чем сведений — дикий темперамент: картежник, охотник — и шулер, и святой в одно и то же время — и трус, и герой — и все же поэт демократии, поэт для грядущих поколений России — которого только теперь начинает любить молодая, лучшая «будущая» Русь, — все это прельстило меня, и вот я уже второй год погрузился в дневники, мемуары, в «Русские Старины» и «Русские Архивы» — и Вы ни за какие миллиарды не заставите меня оторваться от этого занятия[2] <...>

Мне «Нива» предложила 1000 рублей в месяц, чтобы я редактировал «Детскую Ниву». И.Д. Сытин звал меня в редакторы какого-то журнала — тоже с порядочной мздой — но я все отверг и все отринул ради этого блаженства: сидеть в Библиотеке и, чихая от пыли, восстанавливать по черточке, по зернышку загадочный образ моего героя.

[1] Датируется предположительно.

[2] Речь идет о Н.А. Некрасове. Статьи о нем Чуковский начал печатать с ноября 1912 года и в начале 1914 года опубликовал несколько статей с неизданными произведениями Некрасова (см. *Берман*. С. 88–89).

282. А.В. Руманову

Январь 1914 г. Куоккала[1]

Милый Аркадий Веньяминович.

Дело обстоит таким образом. Возможно скорее — к Репинским дням[2] — И.Д. Сытин издаст объемистый том писаний И.Е. Репина — с десятками его *никому не известных рисунков* – состоящий из таких статей:

Впечатления детства

Ник. Ив. Крамской[3]

Из воспоминаний о Стасове[4] **1914**

Ник<олай> Ник<олаевич> Ге[5]

Арх<ип> Ив<анович> Куинджи[6]

В<алентин> А<лександрович> Серов[7]

Киселев[8], Максимов[9], Гаршин[10], Вл<адимир> Соловьев[11] и т. д.

Письма об искусстве

Заметки художника

Афоризмы

И т. д.

Том получится листов в 25-ть. Редактировать его буду я, и уже выправил сотни опечаток, описок, стилистических изъянов и т. д. Редактирую безвозмездно. И<лья> Е<фимович> рад издаваться у Сытина, но все дело в том, что ему это издание не принадлежит. Он предоставил доходы со своих сочинений Наталии Борисовне Нордман, с которой и просил Вас сговориться. Он лично готов предоставить Вам право на репродукции рисунков и на издание (в каком угодно количестве экземпляров) — за 1000 р<ублей> — хотя бы и на два издания.

Н<аталья> Б<орисовна> Нордман находится теперь на излечении в Александровской Общине, Бронницкая, 9, куда И<лья> Е<фимович> и просит Вас адресоваться. Она вскоре едет за границу, поэтому нужно бы делать это дело поскорее.

Когда будете с ней разговаривать, не упоминайте обо мне. Дело в том, что предыдущее издание было «редактировано» ею, и туда попали миллионы комических опечаток. Теперь, покупая издание, нужно его спасти от ее опеки, а это следует делать осторожно.

Давайте издадим эту книгу изящно, красиво, компактно. Если выбросить из этих статеек понемногу многоточия, восклицательные знаки, — то иные статьи замечательные.

В февральском «Голосе минувшего»[12] появятся сенсационные его воспоминания. И к<а>к великолепно написаны.

О шрифте, формате — поговорим при свидании.

Простите это дурацкое письмо: некогда, тороплюсь на почту.

Весь Ваш *Чуковский*

Об издании сноситесь со мной. Нужно бы шепнуть Вам кое-что — да не вырваться в П<етер>б<ург>.

[1] Датируется по содержанию.

[2] 24 июля (5 августа) 1914 г. И.Е. Репину должно было исполниться 70 лет.

[3] Описка; правильно: Иван Николаевич *Крамской* (1837–1887), живописец, рисовальщик, один из создателей и идейный руководитель Товарищества передвижных художественных выставок.

[4] *Стасов* Владимир Васильевич (1824–1906), художественный и музыкальный критик, историк искусства.

[5] *Ге* Николай Николаевич (1831–1894), живописец, портретист, пейзажист, один из учредителей и член Товарищества передвижных художественных выставок.

[6] *Куинджи* Архип Иванович (1842?–1910), живописец, педагог, академик, член Товарищества передвижных художественных выставок, инициатор создания Общества художников, впоследствии носящего его имя.

[7] *Серов* Валентин Александрович (1865–1911), ученик И.Е. Репина, живописец, рисовальщик, педагог.

[8] *Киселев* Александр Александрович (1838–1911), живописец, академик, профессор-руководитель пейзажной мастерской Императорской академии художеств.

[9] *Максимов* Василий Максимович (1844–1911), живописец, жанрист, портретист. Выпускник Императорской академии художеств, академик, передвижник.

[10] О *В.М. Гаршине* см. примеч. 7 к письму **128**.

[11] *Соловьев* Владимир Сергеевич (1853–1900), философ, поэт и публицист.

[12] «Голос минувшего» — московский ежемесячный «журнал истории и истории литературы», выходил в 1913–1923 гг. В № 1, 3, 6 за 1914 г. опубликованы статьи И.Е. Репина «Из времен возникновения моей картины “Бурлаки на Волге” (1869–1870)».

283. С.Н. Сергееву-Ценскому

12 (25) февраля 1914, Куоккала[1]

Прожил зиму в полном одиночестве, бегая под парусом на лыжах, под сенью тихого маститого Ильи[2]; здесь встречаюсь с Шаляпиным, который меня не чарует: обыкновенный Куприн! Талант огромный, но физиологический, что до меня, то мне гораздо интереснее с бесталанным каким-н<и>б<удь> философом, чем с таким икающим, рыгающим талантом. Вышли мои книжки; когда приедете, дам. Одна стоит 1 р. 50 к., другая 1 р. 25, третья 1 р.[3] Вы подумаете, книжки неважные, но я не волнуюсь.

Водился осенью с футуристами: Хлебников, Маяковский, Крученых, Игорь Северянин были мои первые друзья, теперь же, после того, как Маяковский напоил и употребил мою знакомую курсистку (милую, прелестную, 18-летнюю) и забеременил и заразил таким страшным триппером, что она теперь в больнице, без копейки, скрываясь от родных, — я потерял к футуристам аппетит[4].

[1] Датируется по упоминанию о приезде Шаляпина в Куоккалу, где Репин писал его портрет, а также на основании ответного письма Сергеева-Ценского от 2 марта 1914 года, где он пишет, в частности: «Какой негодяй

Маяковский, зачем Вам было с этой ордой воловодиться?» При первой публикации письма Чуковского оно было датировано неверно (см. «Список адресатов»).

[2] Имеется в виду художник И.Е. Репин, живший в Куоккале.

[3] Речь идет о книгах Чуковского «Лица и маски» (СПб.: Шиповник, [1914]), «Книга о современных писателях» (СПб.: Шиповник, 1914) и «Поэзия грядущей демократии. Уот Уитмен» (пер. К.И. Чуковского, предисл. И.Е. Репина М.: Т-во И.Д. Сытина, 1914).

[4] Чуковский намекает на *С.С. Шамардину* (о ней см. примеч. 2 к письму **275**), которую он познакомил с Маяковским. В воспоминаниях, написанных в 60-х годах, она пыталась обвинить Чуковского в том, что его вмешательство испортило ее отношения с поэтом: «...Когда моя дружба с Маяковским приняла характер отношений не совсем приемлемых, я очень старательно избегала встречи с Чуковским, чтоб не пришлось ему все рассказывать. <...> Чуковский <...> заволновался. Пришлось исповедоваться. Теперь-то я знаю, что не нужно было этого делать. В развитии наших дальнейших отношений с Маяковским нехорошую роль сыграл К.И. со своей бескорыстной "защитой" меня от Маяковского» (*Шамардина С.* Футуристическая юность // «Имя этой теме: любовь!» Современницы о Маяковском. М., 1993. С. 19–20). На самом деле, Шамардина представила Чуковскому свои отношения с Маяковским в неверном свете и использовала его помощь, чтобы избавиться от последствий своего романа с Маяковским.

284. А.В. Руманову

13 (26) марта 1914. Куоккала[1]

Дорогой. Пренебрежен. Я слег. Только что прихожу в себя. Приехали бы, побеседовали бы и придумали бы для С.[2] что-нибудь изумительное. Вам написал большое письмо, но порвал. В субботу буду у Вас с утра. Если неудобно — пришлите открытку. Если не приеду, приезжайте к нам в воскресенье. Договоримся до всего окончательно.

Получил от Ценского огромное письмо. Его адрес:

Крым. Алушта. Сергею Николаевичу Сергееву-Ценскому. Собственная дача.

Он пишет, что согласен дать в «Рус<ское> Слово» пасхальный рассказ, если получит приглашение от редакции.

Ваш *Чуковский*

[1] Почтовая карточка с почтовым штемпелем Куоккалы от 26.III.1914 и Санкт-Петербурга от 14.III.1914 г., отправленная по адресу: Петербург, Аркадию Вениаминовичу Руманову. Морская, 35.

[2] Имеется в виду Софья Сергеевна Шамардина (см. примеч. 4 к письму **283**).

285. А.Е. Розинеру

Февраль–март 1914 г. Куоккала[1]

Дорогой Александр Евсеевич.

Я тогда сделал много бестактного, но не нужно на меня сердиться: я совершенно невменяем, когда с людьми. За тот день я наделал столько нелепостей, ни с того, ни с сего, что дал себе слово больше в город не ездить, а сидеть за столом и царапать бумагу пером. — У Вас я забыл заметку Шаляпина о Репине, спрячьте или пришлите мне. Лучше пришлите, у меня ведь «музей». — Тогда в эпизоде с Окуневым мне показалось, что Вы меня дразните, и, право, я чуть не расплакался. — Жаль, что Вы не приехали в воскресение. Погода — диво, и я рассказал бы Вам многое по поводу вдовы Достоевского. (Видите, как я гнусно пишу после бессонницы; ведь нужно: *«о* вдове Д<остоевск>ого»). А я все же рискнул напечатать о Зубоскале[2], ибо, опросив Лемке, Венгерова, А.Г. Достоевскую, Горнфельда, увидел, что Зубоскал неизвестен даже таким знатокам. Вера Ильинична Репина — написала детские воспоминания об отце, очень хорошие. На днях я хочу уехать в санаторию.

Привет Софье Борисовне.

Я думаю, что из санатории нам удастся переговариваться по телефону. Главная работа моя по «редактированию» Репина сделана. Но мне все же нужна та исправленная мною книжка (желтенькая), которую Вы взяли с собою. Книжка называется «Воспоминания, письма и т. д.». Кажется, так?

Не сердитесь же на меня. Я больше не буду.

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по упоминаниям о вдове Достоевского (см. письмо **276**) и о Шаляпине, который был в Куоккала в феврале 1914 г. Воспоминания В.И. Репиной были написаны для репинского номера «Нивы» (о подготовке этого номера см. в следующих письмах, о его выходе в свет см. примеч. 2 к письму **298**).

[2] Юмористический альманах «Зубоскал» Н.А. Некрасов задумал издавать в 1845 году совместно с Ф.М. Достоевском и Д.В. Григоровичем. Издание не получило цензурного разрешения.

286. А.Е. Розинеру

Весна 1914 г. Куоккала[1]

И.Е. Репин передал мне для «Нивы» (для Репинского №) свою статью «Впечатления детства». Пришлите, пожалуйста, за ней артельщика: я заболел опять, — никуда ни ногой. Леонид Андреев —

сказал мне по телефону, что сегодня приедет в нашу сторону на яхте и сообщит мне окончательно свою заметку о Репине. Жду его.

Для Репинского № из «Впечатлений детства», к<ото>рые я Вам посылаю, нужно взять только половину. Какая запутанная рукопись!

Я во время бессонниц читал Достоевского и сделал исправления в Вашем тексте, — когда понадобится, черкните, пришлю. Приезжайте.

Ваш *Ч.*

[1] Датируется по содержанию.

287. А.Е. Розинеру

Весна 1914 г. Куоккала[1]

О да, дорогой Александр Евсеевич, Вы правы: с арифметикой ссориться нечего. Поэтому позволю себе напомнить Вам, что в моих фельетонах почти никогда не бывает 700 строк, а всегда 450 — 500 — 550 — 600. Но все же очень благодарю Вас за хлопоты, с искренней благодарностью приемлю то, что «Нива» мне дает, и этим ликвидирую всякие разговоры о гонораре.

Андреев задерживает весь Репинский №. Я говорю к нему в телефон ежедневно, но телефон испорчен; сегодня хочу даже поехать к нему.

Завтра во всяком случае сообщу Вам все окончательно. Какая это боль, что И.Е. так нетерпим и раздражителен. Снимки действительно преплохие, и Ваш подлец фотограф недостоин ремня развязать у последнего Вашего артельщика, но при чем же здесь Вы? Все, что Вы старались сделать для издания было вызвано бескорыстной любовью к Репину, к делу, — так что весь душ Репинск<ого> письма нужно вылить на голову добрейшего Далькевича. По-моему, будет отлично, если Вы, с чувством достоинства, напишете И<лье> Е<фимови>чу:

Глубокоуважаемый И.Е.

Ваши отзывы о «Ниве» очень ценны и важны, но Вы направили их не по моему департаменту. Мое дело выдавать деньги — а все остальное относится к редактору. И прошу Вас впредь, И.Е., обращаться ко мне только с денежными претензиями, и т. д.

Отсутствие Вашей слоновой фигуры очень ощущалось за нашим столом. Вечером мы всей гурьбой (25 человек!!) отправились в театр — с Городецким, Садовским и пр. Была бы зеленая скука, играли прегнусно, но мы шалили, плясали и время пробежало приятно.

До свидания. Ваш душою *Чуковский*

Кланяются Вам М<ария> Борисовна и Садовской, который мешает мне писать.

Садовской велит поклониться и Соф. Борисовне, но я знаю, что С.Б. с Вами нет.

Простите бессвязное письмо.

[1] Датируется по содержанию.

288. И.Э. Грабарю

2 (15) марта 1914 г. Куоккала[1]

Дорогой Игорь Эммануилович.

Вы явно принимаете меня за кого-то другого. Я никак не мог предположить, что Вы вздумаете посетить меня; я думал, что в Вашем письме речь идет исключительно о «Пенатах»; поэтому я зашел с утра к И.Е. Репину, напомнил ему, что «сегодня у него Грабарь», а сам с сокрушением уехал в Пб. — выручать в цензуре свою будущую арестованную книжку о Уитмэне. Всю жизнь буду жалеть о том, что «упустил» И.Э. Грабаря: мне почему-то мерещится, что именно Вы страшно, до зарезу мне нужны, что нужно у Вас о чем-то спросить, самом главном, — и вот уж это никогда не вернется.

В ту же ночь прочитал-проглотил всю Вашу книгу о Серове[2] — и захотелось хоть ночью, сейчас же, бежать по шпалам в Москву, чтобы ухватить Вас за фалды и не мельком, а вплотную, взасос побеседовать об этой волнующей книге. Книга эта очень хорошая, все газеты от нее в восхищении, Вы выросли в ней на сорок голов, — но, когда я ее прочитал, мне захотелось, чтоб Вы тотчас же написали другую, новую книгу о Серове. Ваша книга любовная и обстоятельная, но в ней нет одного, нет Серова. Нужно бы ту главу, где Вы говорите о характере Серова, — развить, увеличить раз в десять, сильнее прочувствовать, углубить, сделать ее центром всей книги, чтоб читателю стала ясна самая квинтэссенция Серова, душа его души, вот то, что струится на Вас изо всякого его портрета, — то лирическое постижение мира, певуче-музыкальное (к которому так глух И.Е. Репин) — которое явственно слышишь в любом его пейзаже, в рисунке. Вот эту мелодию личности, сложной, нервной, декадентски-изысканной и в то же время

мужицки-здоровой (черт знает, что я пишу!) Вы и должны были дать. Великолепна Ваша схема: «от живописи к характеру» и «от характера к стилю», великолепно подмечено, что Серов в последние годы совмещал и характер и стиль, но все это где-то на поверхности, внешне, а в глубине-то глубин Серов вечно равен себе, неизменно, — и вот этого-то неизменного Серова вне всяких эволюций, развитий, уклонов, Серова, которого мы все ощущаем сквозь всякие стили и всякие манеры, у Вас, в Вашей книге, и нет. А без этого все остальное — лишь детали, лишь прекрасный орнамент, гарнир, и никакие (очень к тому же рискованные) сближения с Достоевским, с Толстым не заменят этой «сути». Сближение с Достоевским очень внешне. Тот исступленный, химерный, с зигзагами, безвкусный, многословный, а этот лаконичный, без единого лишнего жеста. Они оба обожали убогую Русь? Нисколько. Достоевский это убожество Руси — доводил до гомерической чрезмерности, — писал о нем пышными кричащими красками, превращал в какой-то ярчайший гротеск, из убожества делал богатство, из Левитана делал Малявина, Врубеля; а Серов только о том и заботился, как бы посерее, поглуше. Не к Достоевскому он близок, а к Чехову — (оба ведь были «Антоны»), который еще ждет своего Грабаря: та же эволюция от характера к стилю, тот же тайный и властный лиризм, то же мастерство сверхъестественное, та же органичность всего творчества, и т. д., и т. д, и т. д.

Пишу Вам так прямо и даже нагло — ибо знаю, что у Вас даже времени нет обижаться. Если мои слова — пустяки, Вы просто их забудете — и все. Пишу потому, что так страстно люблю и Вашу книгу, и все Ваше творчество[3].

Из опечаток я заметил лишь две:

1-ая на стр. 280-ой. Нарисован волк и подписано: «Из альбома 1898–1899 г.», а между тем на самом рисунке сказано в левом углу: 1900.

2-ая на стр. 286. Возле слов: Степные Кони Запорожцев не поставлена звездочки.

Кстати: перебирая альбомы И.Е. Репина, я нашел в них 4 рисунка В.А. Серова, весьма посредственные, и рисунок самого И.Е.: «Серов играет с Репиным в городки». Напишите мне: не попросить ли мне у И.Е. для Вашего второго издания этот рисунок?

И еще: я видел у О.О. Грузенберга карикатуру на его сына Юрия; сделана Серовым в том же году, что и оба портрета, висящие у О.О. Грузенберга. Но к О.О. Грузенбергу не обращайтесь: очевидно, их карикатура уязвила. А поместить ее в списки работ В.А. все же следует. И еще: не нужен ли Вам будет перечень всех

картин, этюдов, портретов и рисунков И.Е. Репина? Через месяц я мог бы Вам прислать.

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Куоккала. 15.III.14; Москва. 4.III.14. Адрес: Третьяковская Галерея. Москва.

[2] Книга И.Э. Грабаря вышла в серии «Русские художники. Собрание иллюстрированных монографий». Вып. 3.: В.А. Серов. Жизнь и творчество. [1914].

[3] На это замечание Грабарь отозвался в письме от 9 марта 1914 г.: «Дорогой Корней Иванович, спасибо за чудесное письмо: слов нет до чего оно меня обрадовало, потому что попало в самую точку. Ну конечно, Вы тысячу раз правы, — в моем Серове есть что угодно, но Серова там нет. Сам отлично знаю, как это все случилось. <...> Видите, дорогой мой, — не только не обижаюсь на Ваш разнос, но, напротив того, от души за него благодарю, ибо от него мне легче. Когда я подписал к печати последний лист, я сказал сам себе то же, что и Вы говорите: "Эх, поскорее бы до второго издания дожить, чтобы все переделать, а то только хорошую тему испакостил!"» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 63. Ед. хр. 20).

289. А.В. Руманову

Весна 1914 г. Куоккала[1]

Дорогой Аркадий Веньяминович.

Цензурой я не возмущаюсь нисколько, но неужели у издательства Сытина так-таки не нашлось никого, кто доказал бы Судебной Палате, что все эти помарки и зачерки сделаны хулиганом-невеждою, ибо нельзя же вычеркивать то, что невозбранно печаталось в «Речи» и в «Русском Слове», в моей первой брошюре о Уитмэне, во множестве русских журналов, что преспокойно печатается в Англии, в Америке, в Австралии, где отношение к половому вопросу куда нетерпимее нашего; что Уитмэн великий поэт, и его нельзя же трактовать, как какого-нибудь слюнтяя-порнографа... Есть же у издательства Сытина свои адвокаты, ходатаи, почему же ни один не явился в Палату и не разъяснил сути дела? Почему же *даже я* не знал, когда будет разбираться в суде это любопытное дело; я привел бы своего адвоката, я сам поехал бы в Москву, я прокричал бы об этом в газетах. Почему меня не известили, не позвали?[2]

Но теперь уже поздно пререкаться. Нужно хоронить или лечить эту бедную истерзанную книгу. По-моему, никакие бинты не помогут. Единственное, на что я могу согласиться, это чтобы вместо зачеркнутых строк всюду были поставлены точки и чтобы в

предисловии вначале было читателям сказано, что точками означены в книге все уничтоженные Судебной Палатой места. Точек выйдет не особенно много, ибо порою все место вычеркивалось из-за пяти-шести слов, которые мы тщательно вытравили, не нарушая контекста, и тогда через неделю, к Пасхе, книга снова сможет выйти в свет.

Этого требует наше достоинство: вежливо, но неуклонно протестовать против хулиганской расправы с нашими трудами и мыслями.

Ваш *Чуковский*

В понедельник вручу Вам книгу с необходимыми урезами и сокращениями.

[1] Датируется по содержанию. В феврале 1914 г. Московский комитет по делам печати наложил арест на книгу К.И. Чуковского «Поэзия грядущей демократии. Уот Уитман».

[2] Случай с книгой К.И. Чуковского, по утверждению Ч. Рууда, автора монографии «Русский предприниматель московский издатель Иван Сытин» (М., 1993. С. 178), в практике сытинского предприятия был уникальным: издатель не стал оспаривать судебный иск, возбужденный против книги, и даже не послал на суд своего адвоката, согласившись таким образом с постановлением Судебной палаты, согласно которому книга в прежнем виде должна быть уничтожена.

290. Л.Н. Андрееву

Конец марта 1914 г. Куоккала

Дорогой Леонид Николаевич.

На Вас да на Анну Ильиничну[1] у меня вся надежда. Замыслил я написать Лекцию: *Тайна Мережковского* — по примеру его лекций: *Тайна Тютчева*[2] и *Тайна Некрасова*. План лекции уже отработан до точки. Это должно быть вкрадчивое и любезное уничтожение нашего деревянного Мити. Вот уже месяца три, как я только его и читаю. В будущем сезоне, в начале, выйдут его *книги Тайн*[3], как раз к этому сроку и нужно приготовить сию лекцию. Я хожу и брежу о ней. Но писать ее не могу: мешают. То приезжает Шаляпин, да у нас — воскресения; да черт знает что: какие-то родственники; Сытин, Руманов, — а там Пасха, а там съедутся дачники, а там нужно писать для заработка, и пропадет моя лекция к черту. Вот я и придумал молить Вас — предоставить мне в Вашей даче на месяц апрель комнатушку, крошечную, но совершенно отдельную, где бы я спал и писал[4]. Писать буду от утра до утра. Я не курю, так что пожару не бойтесь. Даже свечей жечь не буду — белая ночь. Если это

неудобно, откажите. А если удобно, то черкните и мне, и туда, в Ваммельсуу[5]. Конечно, с условием, что за свое «столование» платить буду я — служанке. Она мне по утрам будет варить кашу, потом обед из двух блюд — по Сергееву-Ценскому, — потом к ночи стакан молока, вот и все. Иначе мне крышка. Тут еще Сытин затеял издание огромного альбома «Репин» и хочет, чтоб редактором был я. Репин ухватился за меня — «только Вы и никто другой!»; дают 10 тыс. рублей (альбом будет стоить 50 р.), а я хоть и без копейки, но хочу убежать, спрятаться, ибо хочется писать, а не «редактировать».

Знаю, что это зависит главным образом от Анны Ильиничны, и прибегаю к ее покровительству. Хочется писать еще о Чехове, но этой роскоши позволить себе не могу — по безденежью. Ведь о Чехове еще ничего не было сказано. У нас думают, что он был минорный, худосочный, малокровный, а он был титанический, жадный к жизни, ярчайший, — хочется писать о нем по-настоящему, а не цитировать «небо в алмазах», которое так замусолено Арабажиным[6] и Львов-Рогачевским[7].

(Кстати, рукопись дамы из Гонг-Конга была послана мною Ив. Ив. Горбунову[8]. Он возвратил и пишет, что эта рукопись уже была однажды у них в редакции. Я дал ее Сытину — вернули. Теперь рукопись находится в «Ниве». Хоть издохну, а пристрою ее, ибо она очень мне нравится.)

Шаляпин уже написал мне о Репине:

«В 1897 году, когда в Частной опере С.И. Мамонтова впервые вздумали дать “Псковитянку” Римского-Корсакова, мне была поручена роль Ивана Грозного» и т. д., и т. д. Кончается так: считаю себя счастливцем жить вместе в одно время с дорогим Ильей Ефимовичем и горжусь принадлежать к его эпохе. Федор Шаляпин.

О Вашем житье-бытье знаю только из «Дневника писателей». Там Анастасия Чеберячка[9] сделала из В<ашего> письма выписку. Кстати, какой Ваш адрес? Трудно писать на ура!

О «неуспехе» Вашей *Мысли*[10] думаю то же, что Вы о футуристах: публика, раньше чем подняли занавес, уже была враждебна и предрешила дальнейшее. Откуда к Вам эта вражда — неизвестно. Теперь, изучая минувшие дни, я с изумлением вижу такую же вражду к Достоевскому. Вы почитали бы, что писал Скабичевский о нем: «Конечно, г. Альбов значительно выше, ибо у г. Альбова нет патологии и запаха деревянного маслица, которым пропитан роман “Братья Карамазовы”». Некрасов не взял его «Села Степанчикова» в «Современник». Прочитал и вернул. «Не подходит». А публика только на шестом десятке его жизни перестала быть для него враждебной стеной. Репин некогда отказался писать его

портрет, хотя Стасов его уговаривал. (Это вовсе не сравнение Вас с Достоевским. Говорю лишь для ясности.) И был страшно любим Авдеев, Григорович, Панаев. К Вам — вражда имеет характер мести: за то, что мы тебя так любим, за то, что мы отдали тебе столько души, истратили столько похвал, — вот же тебе. На втором представлении, впрочем, был определенный успех.

Привет Анне Ильиничне сердечный.

Ваш *Чуковский*

[1] Вторая жена Л. Андреева.

[2] Лекция Мережковского «Тайна Тютчева» состоялась в начале января 1914 года. Информацию см.: День. 1914. 9 янв.; опубликована — Русское слово. 21, 26 и 28 января.

[3] *Мережковский Д.М.* Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев (СПб., 1915).

[4] Л.Н. Андреев отозвался (1 апреля 1914 года): «Конечно, предоставляю все мое палаццо в Ваше распоряжение; и так бы рад, а для такой цели и подавно... О Чехове поспорим. По-моему, он был полон *желания* жизни, а не самой жизни» (*Т. 5* наст. изд. С. 128–129).

[5] В *Ваммельсуу* (Финляндия) была дача Л. Андреева.

[6] О *К.И. Арабажине* см. примеч. 3 к письму **185**.

[7] *Львов-Рогачевский В.* (1874–1930), критик.

[8] См. письмо **280**.

[9] Упомянута жена Ф. Сологуба Анастасия Николаевна Чеботаревская. Обыгрывается созвучие ее фамилии с фамилией одной из свидетельниц по делу Бейлиса — Веры Чеберяк.

[10] Премьера драмы Л. Андреева «Мысль» состоялась в Московском Художественном театре 14 марта 1914 года.

291. Б.А. Садовскому

28 марта (10 апреля) 1914. Куоккала[1]

Милый Борис Александрович.

Спасибо за очаровательный Ваш «Самовар»[2]. Жаль, что не довелось повидаться. Я был в отсутствии и только вернувшись (так поздно!) нашел у себя на столе Вашу книгу и Ваше письмо, где есть огорчительная фраза: «я здесь до 28-го». Мне так хотелось бы, чтоб в это воскресение, у моего Самовара, в числе моих милых гостей, сидел бы Борис Садовской. Книжки мои пришлю с радостью (кому же, как не Вам!) — чуть только получу их со склада.

Ваш *Чуковский*

«Лебедей» и «Утро» я получил и тогда же послал Вам письмо[3].

[1] Открытое письмо. Почтовые штемпели: Куоккала. 10.IV.1914; Нижний Новгород. 31.03.1914.

[2] Сборник стихов Бориса Садовского «Самовар» (М., 1914).

[3] Сборники стихов Бориса Садовского «Позднее утро» (М., 1909) и «Пятьдесят лебедей» (СПб., 1913).

292. А.В. Руманову

16 (29) апреля 1914 г. Куоккала[1]

Дорогой А<ркадий> В<ениаминович>.

У меня к Вам два вопроса.

— Что сделано с той рукописью дамы из Гон-Конга, которую я горячо рекомендовал как превосходную повесть для детей?[2]

— И что сделано с моей книжкой о Уитмэне?[3]

Голубчик, Уитмэн меня мало беспокоит, но судьба дамской рукописи — очень. Повесть такая замечательная, в ней так свежи краски, такая занимательная фабула, есть юмор, есть пафос — и главное: хорошая русская простота, что я был уверен, что издательство И.Д. Сытина непременно издаст ее. Если издательство не намерено печатать ее, почему до сих пор не возвратило. Нехорошо.

Повидаться бы. Есть очень важное литературное дело.

Ваш *Чукіч*

[1] Почтовая карточка с почтовыми штемпелями 29.IV.1914. Куоккала; 17.IV.1914 СПб. Отправлена по адресу: Петербург, Аркадию Вениаминовичу Руманову. Морская, 35.

[2] См. письмо **280**.

[3] Речь идет о книге: Поэзия грядущей демократии: Уот Уитмен / С предисл. И. Репина. М.: Издательство И.Д. Сытина. 1914.

293. А.В. Руманову

2 мая 1914 г. Петербург[1]

Так как Вы, дорогой Арк<адий> В<ениаминович>, не желаете отвечать на письма дружеские, то пишу Вам официальный запрос:

1. В каком положении рукопись детской повести *Путешествие в Гон-Конг*,которую я передал Вам два месяца назад для издания в издательстве И.Д. Сытина?

2. Что сделано издательством И.Д. Сытина с исправленным мною экземпляром Уота Уитмэна?

Преданный Вам *Чуковский*

P.S. Прошу отвечать не депешей, а письменно.

[1] Почтовая карточка со штемпелем Санкт-Петербургской городской почты от 2.V.1914 г., отправленная по адресу: Петербург, Морская, 35. Арк. В. Румянову.

294. Б.А. Садовскому

9 (22) мая 1914 г. Куоккала[1]

Дорогой Б<орис> А<лександрович>.

Счастлив буду провести с Вами это воскресение. Приезжайте к обеду (от 2 до 3-х) или к самовару — к пяти часам.

Я отозвался на Вашу записку не тотчас же, ибо когда получил ее, лежал на траве, да там и потерял. Только сегодня нашли.

Ваш *Чуковский*

[1] Открытое письмо. Почтовые штемпели: Куоккала 22.V.1914; Петербург. 10.05.914.

295. Б.А. Садовскому

20 мая (2 июня) 1914. Куоккала[1]

Дорогой Б<орис> А<лександрович>.

Если бы Вы знали, как соскучился я по Вашему Нижегородскому говору! Приезжайте. Квартирку уж Вам сочиним. Жду! Здесь после дождей и молний так пахнет трава, и вообще так прекрасно, что даже я чувствую себя обновленным.

Дора Дав<ыдовна>[2] усиленно читает Ваши книги!! Привезите пять поэм[3]. Они вышли.

Ваш *Чуковский*

Где «Альманах» Шиповника?[4] Добыли в «Ниве» монету?[5]

[1] Открытое письмо. Почтовые штемпели: Куоккала. 2.VI.1914; Петербург. 21.05.1914.

[2] Вероятно, упомянута Дора Кац, знакомая Чуковских еще с одесских времен.

[3] *Садовской Б.* Косые лучи. Пять поэм. М., 1914.

[4] В кн. 22 альманаха, выпускаемого издательством «Шиповник» (СПб., 1914), напечатана статья К. Чуковского «Эго-футуристы и кубо-футуристы», а также им составленные «Образцы футуристических произведений. Опыт хрестоматии».

[5] В 1914 г. в «Ниве» было опубликовано стихотворение Б. Садовского «Казачий разъезд» и рассказ «Опростоволосившийся немец». Кроме того он принял участие в номере (№ 29, 19 июля), посвященном 70-летию со дня рождения И.Е. Репина. Для этого номера Чуковский написал очерк

«Об И.Е. Репине», Б. Садовской — сонет «И.Е. Репин», С. Городецкий — стихотворения «Утро в Пенатах» и «И.Е. Репин в саду».

296. А.Ф. Кони

12 июня 1914 г. Куоккала

Глубокоуважаемый Анатолий Федорович.

Стихи посланы в «Русскую Мысль» Валерию Брюсову[1]. Ответа еще нет. Брюсов мой давний друг, но боюсь, что стихов он не примет: они далеко не прекрасны. Если не примет Брюсов, я дам их Леониду Андрееву (с коим на днях уезжаю в Шхеры); Андреев их непременно куда-нибудь пристроит. У автора, без сомнения, есть поэтическая жилка, но ведь даже Фету не дался Фауст. Получив ответ от Валерия Брюсова, я немедленно уведомлю автора, напишу ему большое обнадеживающее письмо, попрошу прислать еще стихов, по возможности кратких (краткие стихи легче рассовать по редакциям), вообще приложу все усилия, чтобы это семя не завяло, а пустило ростки. Семя это доброе.

И.Е. Репин на днях уезжает в Швейцарию: захворала очень Наталья Борисовна Нордман, его друг[2]. Не следовало бы ему уезжать, ибо морское купание в Финляндии было ему полезно.

Празднование его семидесятилетия отложено на 1ое ноября. Исполняется же оно 20го июля.

«Нива» с энтузиазмом ухватилась за мысль — посвятить Вам и Вашей деятельности специальный номер и поручила его составление мне. У меня же имеется только одно: рисунок Репина: «Кони читает публичную лекцию». Ах, если б Вы хоть немного помогли «Ниве» в ее благородной задаче! Чем же и воспитывать Россию, все эти триста тысяч читателей «Нивы», как не такими краткими монографиями, посвященными выдающимся гражданам: Репину, Кони, Чехову, Толстому. Довольно «Ниве» мусолить страницы портретиками отставных генералов да заштатных никчемных попов. Мне хотелось бы воспроизвести в «Вашем номере» какую-нибудь реликвию, относящуюся к делу Веры Засулич, отметив каким-нибудь снимком Вашу близость к Гончарову, Тургеневу; драгоценна карточка, изображающая Вас вместе с Вашим отцом[3]. Хочется побольше иллюстраций: этим читателям необходима наглядность.

В номере предполагаются статьи: «А.Ф. Кони как писатель». «А.Ф. Кони как судебный деятель». «А.Ф. Кони как оратор» и т. д.

Я уверен, что Вы отнесетесь к моей просьбе сердечно и просто, ибо ведь здесь идет речь о той стороне Вашей личности, ко-

торая принадлежит не Вам, а нам, обществу. Мы *имеем право* желать, чтобы номер, посвященный А.Ф. Кони, был достоин этого имени[4].

Преданный Вам *Чуковский*

12 июня

[1] В письме от 8 июня 1914 года Кони просил Чуковского «пристроить стихи бедной Черемисиновой». Валерий Брюсов редактировал литературно-критический отдел «Русской мысли» с начала 1910-х годов. В конце 1912-го он вышел из состава редакции, но оставался авторитетным сотрудником журнала.

[2] Репин получил телеграмму, что Н.Б. Нордман умирает в швейцарской клинике, и уехал в Швейцарию (см.: *Дн.-11,* С. 192–194. *15 июня 1914 г.*).

[3] Федор Алексеевич *Кони* (1809—1879), журналист, драматург, историк театра, доктор философии Йенского университета (1846). Конистарший оказывал разностороннюю помощь Н.А. Некрасову в ранние годы его литературного пути.

[4] 14 июня 1914 года А.Ф. Кони ответил: «...бью Вам челом и земно кланяюсь, прося отложить статьи о моей деятельности до лета или осени *будущего года*. Тогда, 30 сентября, исполнится 50 лет моей служебной и литературной работы». В конце этого письма Кони сообщает: «На днях я получу сундучок переписки Н.А. Некрасова и в первую же свободную минуту разберу его» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 66. Ед. хр. 5).

297. А.Е. Розинеру

Лето 1914 г. Куоккала[1]

Дорогой Александр Евсеевич.

Через неделю или через 10 дней я пришлю Вам статью о Некрасове и Тургеневе, — сплетническую — сенсационную[2]. Сейчас пишу о Чехове, — если удастся, тоже предоставлю в Ваше пользование[3]. Что Ваша нога? Надолго Вы, небось, закаялись ходить по *Бродячим Собакам* и ездить в *Муста Мяки*[4]. Был я у Леонида Андреева. Он о Репине для «Нивы» напишет. Читая Чехова, я заметил в издании «Нивы» множество опечаток — ужаснейших[5]. Прежде не замечал. Вместо слова:

еврейский

печатали:

европейский.

и т. д. Статья Измайлова — сплошная опечатка[6]. Если захотите переиздавать, черкните мне.

1914 Очень хороша в № 1 «Нивы» (юдофобская) статья Лернера[7]. Но — увы! — мой друг Александр Дейч развязностью заменяет талантливость[8]. А Гроссмана Леонида приютил «Вестник Европы»![9] Привет Софии Борисовне, которая меня разлюбила. Не прислали ли Вам для меня «Современник» 1913, IX? Без него я не могу писать для «Нивы».

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по содержанию.

[2] Публикация не состоялась. О переписке Некрасова и Тургенева, подготовленной Пыпиным при участии Е.А. Ляцкого, см. письмо **299**.

[3] Вероятно, подразумевается статья: «Неизданное письмо А.П. Чехова к И.Е. Репину», опубликованная тогда же в «Речи» (1914. 2 (25) июля).

[4] Так в тексте письма.

[5] Имеется в виду издание: Полное собрание сочинений Ант.П. Чехова. Т. 1–23. СПб.: Изд-во товарищества А.Ф. Маркс, 1903–1916.

[6] Упомянут критико-биографический очерк А.А. Измайлова «А.П. Чехов», который был помещен в конце первого тома указанного издания.

[7] Имеется в виду статья: *Лернер Н.О.* Один из героев Грибоедова и Лермонтова // Литературные и популярно-научные приложения к журналу «Нива» на 1914 год. Т. 1. С. 39–54. Речь в статье шла об А. Элькане (еврее по происхождению) — прототипе Загорецкого в «Горе от ума» А.С. Грибоедова и Шприха в «Маскараде» М.Ю. Лермонтова.

[8] *Дейч А.* В стане разноголосых. Очерки о футуризме в поэзии. Там же. С. 107–128.

[9] Возможно, Чуковский обратил внимание на статью: *Гроссман Л.* Натурализм Чехова// Вестник Европы. 1914. № 7. С. 218–247; до этого статья Гроссмана была опубликована в этом журнале в мае: *Гроссман Л.* Русский Кандид. К вопросу о влиянии Вольтера на Достоевского // Там же. № 5. С. 192–203. В последующие годы историко-литературные статьи Гроссмана продолжали изредка печататься в этом журнале.

298. А.Е. Розинеру

До 18 июня 1914 г. Куоккала[1]

Дорогой Александр Евсеевич.

Посылаю Вам корректуру статьи И.Е. Репина для Репинского №[2]. Жаль, что ее набрали так мелко. Илья Ефимович согласился выбросить в этой корректуре начало (я отрезал его и оставил у себя), позволил назвать отрывок: «Как я сделался художником» и написал довольно большую вставку.

Так что в Репинский № можно поместить только два с половиной столбца этой корректуры; остальное к теме не относится.

Мой совет: набрать эти два с половиной столбца крупнее, либо — переменить заглавие. Если эту статью озаглавить «Впечатления детства», то первую главу можно назвать: «Как я сделался художником», а вторую: «Бедность». И напечатать в Репинском №.

Шаляпинская заметка мне очень понравилась[3]. От Андреева ни слуху, ни духу[4]. Я все еще пыжусь что-то выжать, но мне самому не по душе[5]. Фотографию прилагаю, заглавие на обороте; книга Ильи Ефимовича готова, можно хоть завтра в набор. Называется:

И.Е. Репин. Воспоминания и впечатления

И.Е. на днях уезжает в Локарно к Н.Б. Нордман[6], его в воскресение у нас не будет, приезжайте. Я передам Вам весь текст книги. Печатайте благословясь. Жду к обеду.

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по содержанию. Репин уехал в Швейцарию 18 июня (см. *Дн.-11*. С. 194. Запись от *19 июня 1914 г.*).

[2] *Репинский номер* — Нива. 1914. № 29. Вышел 19 июня 1914. Статья И.Е. Репина — отрывок из его воспоминаний «Как я сделался художником. — Бедность. Впечатления детства», помещена в этом номере на С. 562–570.

[3] В номере напечатана небольшая заметка Ф.И. Шаляпина «И.Е. Репин». С. 547.

[4] Какие-либо материалы Л. Андреева в номере отсутствуют.

[5] Однако заметка была написана: *Чуковский К.* Об И.Е. Репине. Т а м ж е. С. 575–577.

[6] См. примеч. 2 к письму **296**.

299. А.Ф. Кони

18 июня 1914 г. Куоккала[1]

Глубокоуважаемый Анатолий Федорович.

Только по глупой рассеянности не упомянул я, что номер «Нивы», посвященный Вам, предназначается *именно* ко дню 50-летия Вашей литературной и служебной работы[2]. Обыкновенно подобные номера «стряпаются» впопыхах, наспех, в последнюю минуту, но нам хочется составить его любовно, не торопясь. Я перерыл по крайней мере двести альбомчиков И.Е. Репина, чтобы найти пять-шесть подходящих к случаю рисунков для Репинского номера «Нивы». Такие дела нужно делать без судороги. За месяц до торжества все газеты спохватятся и станут осаждать Вашу квартиру просьбами о м а т е р ь я л е; «Ниве» же хочется, чтобы Вы, как ее давний и почетный сотрудник, предоставили ей льготную возможность исподволь, спокойно, без суеты приготовиться

к этому событию. Она желала бы заменить обычное юбилейное словоблудие — трезвым, неторопливым отчетом о Вашей полувековой деятельности. Если смотреть на подобные юбилейные *отчеты,* как на подарок, сюрприз юбиляру, то конечно мое обращение к Вам бестактно и аляповато; но ведь юбилей не именины, юбилей это отчет о работе, и общество вправе желать, чтобы этот отчет был подробнее, полнее, нагляднее. «Нива», у которой такое грандиозное влияние на полукультурные слои русского общества, совершила бы преступление, если бы о Вашей личности и о Вашем труде заговорила скомканно, торопливо, кое-как...

Илья Ефимович сидел у нас, и мы читали Ваш очерк «Синьор Беляев»[3] (И.Е. помнит Беляева и его сыновей), как вдруг принесли ему телеграмму: Nordman mourante, т. е., что его жена Нордман-Северова — при смерти. Он уверен, что она уже умерла[4], и сегодня выехал к ней за границу.

Известие о Некрасовских письмах ошеломило меня[5]. Откуда к Вам такое богатство? Я собрал все существующие письма Некрасова и написал к каждому примечания, установил даты и проч. Так что если у Вас, при разборе этого нового архива, явятся какие-нибудь сомнения, недоумения и проч., пожалуйста, обратитесь ко мне. Авось мне удастся хоть чем-нибудь пригодиться Вам в Вашей работе. Изданные Пыпиным (при помощи Ляцкого)[6] письма Некрасова к Тургеневу грешат грубейшими ошибками: даты перепутаны, темные места объяснены неточно, библиография — сплошной хаос[7].

Я отложил свою поездку с Андреевым ввиду несчастия в семье Репина: Илья Ефимович ведь *совершенно один.* Только теперь проводив И<лью> Е<фимови>ча на вокзал, я могу поехать в шхеры спокойно. Но адрес мой прежний, ибо на Андреевской моторной яхте мы не раз будем наведываться в Куоккала: моя дача ведь на самом берегу.

Простите, что письмо такое длинное: я знаю, как Вы заняты, и это вышло нечаянно.

Душевно Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по времени отъезда И.Е. Репина за границу (см. примеч. 1 к письму **298**).

[2] Чуковский подготовил номер журнала, посвященный А.Ф. Кони: Нива. 1915. № 39. Там же его статья: «Анатолий Федорович Кони: К 50-летию его общественной деятельности. 1865 – 30 сент. 1915».

[3] *«Синьор Беляев»* – раздел из мемуарного очерка А.Ф. Кони «За границей и на родине». См. *Кони. Т.* 7. С. 185–199.

[4] Н.Б. Нордман-Северова скончалась в Орселина-Локарно 17 июня 1914 г. См.: *Чуковский К.* Памяти Нордман-Северовой // Речь. 1914. 19 июня (2 июля).

[5] См. примеч. 4 к письму **296**.

[6] Об *А.Н. Пыпине* см. письмо **52**, примеч. 8. О Е.А. Ляцком см. «Список адресатов».

[7] Речь идет о публикации: Письма Н.А. Некрасова к И.С. Тургеневу. 1847–1961 / Публ. А.Н. Пыпина //Вестник Европы. 1903. № 11–12.

300. Л.П. Гроссману

24 июня (6 июля) 1914 г. Куоккала[1]

Дорогой Леонид Петрович. Вы действительно становитесь Gross-Mann[2], с чем я себя и поздравляю, ибо я не переставал повторять об этом, прочитав только несколько Ваших клеветонов в «Одесских Новостях». Интересно, что скажет критика о Вашей книге. И когда же эта книга выйдет, если «Рус<ская> М<ысль>» намеревается пропустить «сквозь себя» несколько глав из нее?[3] Жду Вас в августе с нетерпением, — и нисколько Вам не завидую, что Вы пьете зельцерскую, ездите на Фонтан и читаете каждый день Незнакомца[4]. Что Вы теперь пишете? Ради Бога, не переводите Мюссе!!! Обнимаю!

Ваш *Чуковский*

Мария Борисовна кланяется.

[1] Открытое письмо. Датируется по почтовому штемпелю: 6.VII.14. Куоккала. 26.6.14. Одесса.

[2] Большой человек *(нем.)*.

[3] В 1914–1915 гг. в «Русской мысли» были опубликованы две статьи Л.П. Гроссмана о Достоевском: «Бальзак и Достоевский» (1914. Кн. 1. С. 44–55) и «Достоевский и Европа» (1915. Кн. XI. С. 54–93); возможно предполагалось издать их отдельной книгой.

[4] Под псевдонимом «*Незнакомец*» в «Одесских новостях» сотрудничал Борис Витальевич Флит. Он вел рубрику «Мелочи жизни»; его заметки печатались там почти каждый день.

301. Б.А. Садовскому

2 (15) июля 1914 г. Куоккала[1]

Дорогой Борис Александрович. Наконец-то после жарких пыльных дней — дождь! Хороший, с грозою. Жаль, что Вас нет с нами. Мария Борисовна чистит ягоду, Боба сидит у меня на столе, а Вы

сидели бы в углу, нахохлившись, и думали бы о З., о Л., о Н. — о Фете и о Николае Павловиче[2].

О пьесе Вашей — в «Ниве» сказано[3]. Отнеслись с большим интересом. Просили дать. Я почти уверен, что возьмут.

Жаль, что никого теперь в городе нет, а то я сейчас же выполнил бы Ваше поручение относительно Александра Алавердовича Богодурова. Ах, если бы у г. Богодурова нашлись его прежние корреспонденции и статьи, и он бы выслал их мне[4]. Я не сомневаюсь, что это было бы действительнее всяких моих «рекомендаций». Я думаю, что ни Руманов, ни Дорошевич здесь ничего не могут, и нужно адресоваться к приятелю моему, Владимиру Евсеевичу Туроку[5], заведующему областным отделом «Русского Слова» и живущим в Москве. Обнимаю вас, напишу еще. Все наши душевно Вас приветствуют и вспоминают ежечасно.

Ваш *Чуковский*

[1] Открытка. Почтовые штемпели: 15.VII.1914. Куоккала; 4.07.1914. Нижний Новгород.

[2] Вероятно имеется в виду император Николай I, эпоху которого изучал Садовской.

[3] Вероятно, упомянута пьеса «Мальтийский рыцарь», см. письмо **304**.

[4] Родственник Б. Садовского.

[5] *Турок В.Е.* (?–1918, расстрелян).

302. Ф.К. Сологубу

Осень 1914 г. Петроград[1]

Дорогой Федор Кузьмич. Все это время я скрывался в Палэ Рояле: спешно писал одну вещь. Моя жена только сегодня привезла мне Ваше письмо, полученное в Куоккале с большим опозданием, ибо теперь все письма, посылаемые в Финляндию, направляются предварительно для цензуры в Гельсингфорс.

От журнала, которым я Вам так докучал, мне пришлось устраниться. Редактирует журнал П.Е. Щеголев[2]. Жена моя звонила З.И. Гржебину и сообщала ему о Вашем желании (я простужен и не выхожу даже к телефону). Гржебин, должно быть, был у вас и говорил с Вами.

Привет Анастасии Николаевне. Пожалуйста, не сочтите меня невежей. Вы сами знаете мою преданность Вам.

Ваш *Чуковский*

[1] На бланке: Меблированный дом «Пале-Рояль». С.-Петербург. Пушкинская улица, д. 20. Датируется по связи с письмом **304** к Б. Садовскому.

[2] Возможно, речь идет о журнале «Отечество», который З.И. Гржебин начал издавать в ноябре 1914 году, но в выходных данных журнала имя П.Е. Щеголева не упоминается, редактором-издателем обозначен сам Гржебин; имена Ф. Сологуба и К. Чуковского есть в списке сотрудников художественного отдела (см. примеч. 6 к письму **304**). Щеголев, вероятно, все-таки заведовал литературным отделом (см. письмо **307**).

Есть недатированное письмо Ф. Сологуба к К.И.: «Относительно журнала, о котором мы с Вами говорили по телефону (изд<аваемого> З.И. Гржебиным), я имею сделать Вам *три* различных предложения» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 71. Ед. хр. 21).

303. А.Е. Розинеру

Осень 1914 г.[1]

Дорогой Александр Евсеевич!

Только что в Лондоне вышла книга о Метерлинке:

«Maurice Maeterlink» by Una Taylor. Seeker. 7 s. 6 d. net.

Написана она г-жой Уной Тэйлор. Издана Секером. Стоит семь шиллингов и шесть пенсов, т. е. около 3-х рублей. Если Вы немедленно выпишете для меня эту книгу, то я, благодаря ей и другим имеющимся у меня английским и французским книжкам, *быстро* напишу предисловие[2].

Отвечайте сейчас же!

В книге г-жи Уны Секер есть подробная биография Метерлинка.

Ваш *К. Ч.*

Софье Борисовне от Марьи Борисовны поклон.

[1] Датируется по публикации статьи Чуковского: Душа Метерлинка: (По поводу новой книги о Морисе Метерлинке) [«Морис Метерлинк. Критическое исследование г-жи Уны Тэйлор»] // Нива. 1914. № 52. С. 1017–1018.

[2] О каком предисловии идет речь — неизвестно, но книга была выписана и статья о ней написана (см. примеч. 1).

304. Б.А. Садовскому

Конец октября 1914 г. Петроград[1]

Дорогой Борис Александрович.

Ах, как я бы хотел, чтобы Вы раз навсегда — авансом — простили мне мою сволочность. Давно у меня на столе Ваше письмо, каждую минуту хочу ответить, — и по какому-то подлому безволию не отвечаю. Дураку какому-нибудь, дешевке отвечу, а Вам, такому мне близкому, не отвечаю, не могу! Это было со мною всегда, а пос-

ле бессонниц усилилось. Теперь, когда Марья Борисовна получила от Вас письмо, а Коля фотографию, я почувствовал, что все это — пощечина мне, и вот — полагаюсь на Вашу милость: надеюсь, Вы не захотите мне мстить и тотчас же откликнитесь на эти строчки.

Какой Вы на этой карточке чинный, как будто и не Вы у меня на диване диктовали мне Гошпиталь[2]. Разве могут эти уста произносить что-н<и>б<удь> другое, кроме комплиментов и стихов? Посылали ли вы эту карточку Зое Викторовне?[3]

Яблоков Ваших еще не получали. Я в городе. Кстати: Ваш «Мальтийский Рыцарь»[4] у меня. В «Ниву» я его не даю. У меня есть план: скоро у меня будут в гостях Розинер и Эйзен[5]. Я прочту им вслух. А то так — полежит и вернут. У меня есть на этот счет опыт. Здесь слякоть, но хорошо. Литературные интересы не замерли. Я отовсюду получаю заказы на крит<ические> статьи. Зовут читать лекции и т. д.

Илья Ефимович обогащает Чукоккалу!

Я не помню: когда собирались Вы приехать снова? Гржебин, говорят, обанкротился, его компаньон сбежал. Я тоже отошел от него. Он заставил меня пригласить массу сотрудников; я пригласил, а он их фамилии не выставил[6]. Сейчас пришло от Сергея Городецкого письмо с матерными по этому поводу ругательствами. Интересно сравнить Вашу карточку с рисунком Бенуа: положение головы то же[7].

Как ваш живот? Что в Романовке?[8] Я только что вспомнил, что в Одессе есть слобода «Романовка», очень всеми презираемая. Это большое ругательство:

— Жулик из Романовки.

Но так как в Романовке жили также кучи блядей, — то многим она была очень по нраву.

Ваш *К. Ч.*

Не считайте это письмом, это так себе.

[1] Письмо написано на бланке: «Меблированный дом “Пале-Рояль” Санкт-Петербург, Пушкинская, 20». Пометка почерком Б.А. Садовского: конец октября 1914.

[2] «*Гошпиталь*» (1833–1834), юнкерская поэма М.Ю. Лермонтова фривольного содержания. Б. Садовской коллекционировал фривольную литературу.

[3] Чуковский постоянно в своих письмах подшучивает над влюбчивостью Б.А. Садовского. *Зоя Викторовна* — жена поэта Владимира Александровича Юнгера, приятеля Б. Садовского.

[4] *«Мальтийский рыцарь»* — пьеса Б.А. Садовского о Павле I осталась неопубликованной, рукопись сохранилась в архиве Б. Садовского в РГАЛИ.

Рукопись этой пьесы держит в руках В. Шкловский на рисунке И.Е. Репина в Чукоккале (*Чукоккала.* С. 71.).

[5] О *А.Е. Розинере* и *И.М. Эйзене* см. «Список адресатов».

[6] З.И. *Гржебин,* совладелец (совместно с С.Ю. Копельманом) изд-ва «Шиповник», в 1914 г. начал издавать в Петрограде журнал «Отечество» (Иллюстрированная летопись народной жизни). См. также примеч. 2 к письму **302**.

[7] Свою фотографию Б.А. Садовской рассылал многим знакомым, она вместе с портретным рисунком Б. Садовского работы А. Бенуа воспроизведена С.В. Шумихиным в издании: *Серпинская Н.Я.* Флирт с жизнью. М.: Молодая гвардия. 2000. Рисунок см.: *Чукоккала.* С. 74.

[8] Небольшое имение Б.А. Садовского в Нижегородской губернии.

305. И.И. Ясинскому

14 ноября 1914 г.[1]

Дорогой Иероним Иеронимович!

Только теперь могу откликнуться на милое Ваше письмо. Вы знаете, с какою радостью явился бы я на чтение Вашего рассказа, но 7-го ноября на этом дурацком Толстовском вечере я простудился и слег. Пожалуйста, если еще раз будет нечто подобное, не забывайте меня. Тысяча приветов Клавдии Ивановне.

Душою Ваш *Чуковский*

Суворовский, 40А, кв. 4.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: 14.11.1914.

306. Б.А. Садовскому

11 декабря 1914 г. Петроград[1]

Дорогой Борис Александрович. Пишу в постели — совсем нездоров. Ваше поручение передал Репину. Он сказал: «Нет, Борису Александровичу я пошлю большую репродукцию автопортрета, у меня есть несколько, я найду, подпишу и вручу Вам»[2]. Но, как назло, подоспела передвижная выставка, Репин переутомился, торопится закончить картины (Сержа Городецкого с Нимфой; Вас. Каменского, «Подвиг Крючкова» и Бельгийского Короля[3]) — и только тогда, когда эти заботы отхлынут, я напомню ему об обещанном автопортрете. У меня много новостей, много сплетен, давно мечтаю поделиться, но когда выдается светлый промежуток, пишу разные штуки pour manger[4], — и прошу Вас не оставлять меня милостью.

Ваш *Чуковский*

[1] Открытое письмо. Почтовые штемпели: Петроград. 11.12.1914; Нижний Новгород. 13.12.1914.

[2] Речь идет об автопортрете Репина 1912 г. В воспоминаниях о Репине Садовской писал: «Последний раз я увидел Репина в начале 1915 года. Тогда же попросил я его сделать мне надпись на автопортрете, изданном в виде открытого письма Красным Крестом. Репин обещал мне открытку с надписью. Миновала зима, за ней весна. Летом пришло известие от Чуковского: на вопрос о судьбе открытки Илья Ефимович ответил:

— Я ему подарю кое-что получше. И вот уже осенью я вдруг получаю посылку от Репина. Передо мною тот же самый автопортрет, но не открытка, а гелиогравюра большого формата. Репин заново прошел ее пером и красками. К дате "1912" приписано "15". Справа внизу красной славянской вязью: "Борису Александровичу Садовскому"» (Новое о Репине. Л.: Художник Ленинграда, 1969. С. 264).

[3] Картины называются «Козьма Крючков» и «Бельгийский король Альберт I в бою». 1914. (Худож. музей в Самаре). Казак Козьма Крючков — первый Георгиевский кавалер, о подвиге которого писали газеты в самом начале Первой мировой войны.

[4] чтобы прокормиться *(франц.)*.

307. П.Е. Щеголеву

15 (28) декабря 1914 г. Куоккала[1]

Дорогой Павел Елисеевич!

Я бы с дорогою душой, но все нездоров: строки путной написать не могу. Просто каким-то Хлестаковым оказался — пред «Биржевыми», пред «Речью», пред «Русским Словом», которым *поклялся* – написать что-нб. к Рождеству. В «Отечество» же писать мне трудно, ибо — о войне я не способен. Вы сами видели мои бедные опыты. Не взыщите же и защитите меня, ради Бога, перед Гржебиным.

Ваш *Чуковский*

Ваш адрес я помню слабо и потому пишу на «Отечество».

[1] Почтовая карточка. Датируется по почтовому штемпелю отправления: 28.XII.14. Куоккала. Адрес: Петроград. Бассейная, 60, кв. Гржебина, для П.Е. Щеголева.

308. И.А. Бунину

24 декабря 1914 г. Петроград

Многоуважаемый Иван Алексеевич.

Вам, должно быть, попалась на глаза моя заметочка о Ваших писаниях, недавно напечатанная в «Ниве»[1]: «Нива» сделала из

нее черт знает что, скомкала, смяла, изрезала. Мне теперь неловко перед Вами. Я знаю, что Вам все равно, но не могу успокоиться. Достаточно сказать, что вся статья была написана в виде полемики с критиком Дерманом, напечатавшим в «Рус<ской> Мысли» этюд «И.А. Бунин»[2]. Все это выброшено. Одни слова заменялись другими и т. д. Недавно я написал для «Нивы» о Метерлинке[3] и вот сегодня увидел, что ровно половина статьи отрезана на самом главном пункте[4]. У меня и сейчас еще руки дрожат. И, главное, все очень симпатичные люди, искренне ко мне расположенные. Я видел корректуры Ваших книжек[5], они будут очень милы. Я говорю о внешности. Есть оттенок вульгарности, но самый минимальный. Подписка на «Ниву» идет хорошо. Когда-то Вы соберетесь в Петербург! В прошлом году Вы обещали приехать в Куоккала, но не приехали. Если бы выбрались к нам в январе! По воскресениям мы — дома, Илья Ефимович непременный наш гость; я упросил бы его зарисовать Вас в мой альбом, а Вас попросил бы — написать туда несколько строк. Зима в Финляндии нынче отменная!

Преданный Вам *К. Чуковский*

Куоккала, Финляндск. Ж.Д., св. дом.

[1] *Чуковский К.И.* Смерть, красота и любовь в творчестве И.А. Бунина // Нива. 1914. № 49. С. 947; № 50. С. 967. Статья Чуковского, задуманная как полемическая по отношению к очерку А.Б. Дермана «И.А. Бунин», посвящена исследованию явления «нового Бунина, нечаянного, совершенно не похожего на прежнего... Осердечилось творчество Бунина, — возражает Чуковский Дерману. — Прежде он умел лишь любоваться, а теперь научился любить. Только этого ему и не хватало, чтобы сделаться великим писателем, остального всего было вдоволь» (С. 969).

[2] Очерк Дермана «И.А. Бунин» (Русская мысль. 1914. 6. С. 52–75) посвящен анализу прозы писателя. Одним из основных тезисов критика является следующий: «Бунин — небывалый пример русского писателя, равнодушного к России» (С. 61). «Мир души человеческой, — пишет Дерман, — не есть органическая, заветная область интересов Бунина, он его никогда не любил, и потому он в главном для него закрыт» (С. 75). Главное положение критика, вызвавшее полемику с ним Чуковского, сформулировано следующим образом: «Субъективно честный и усердный наблюдатель, с метким глазом, с неподкупно строгим отношением к слову, к художественной работе — к ее точности и законченности, — он внешне точно и согласно с тем, как он видел, описал для нас ряд фактов и явлений русской жизни. Но он выдал это за русскую жизнь. А между тем в ней, быть может, есть все, что описано у Бунина, но у него нет того, главнейшего, что есть в ней и чего он не видит» (С. 75).

[3] О статье Чуковского, посвященной Метерлинку, см. примеч. 1 к письму **303**.

[4] Статья Чуковского в «Ниве» прерывается в тот момент, когда автор размышляет: «В чем же главное естество Метерлинка?»: «Ему <...> скучны наши здешние, земные песнопения, — пишет Чуковский. — Творить — для него значит вспоминать о какой-то прежней, беспредельной, довременной жизни, когда между вечностью и ним не было никаких преград».

[5] В 1915 году приложением к журналу «Нива» вышло шеститомное Полное собрание сочинений И.А. Бунина.

309. Б.А. Садовскому

28 января (10 февраля) 1915. Куоккала[1]

Дорогой Б.А.

Рад сообщить Вам приятную новость. Илья Ефимович, по моему ходатайству, *написал для Вас красками* свой автопортрет, т.е. взял оттиск известного Вам рисунка и покрыл его акварелью. Признаюсь, я завидую Вам. Я сказал И.Е., что раньше разузнаю, где Вы, а потом решусь посылать Вам по почте эту драгоценность[2]. У Бобы инфлуэнца, у Лиды — аппендицит, у нас — голова кругом и потому — извините, не поздравили Вас с Новым Годом. М.Б. горячо Вас приветствует. Я в прежнем состоянии: сна, сна, сна.

Весь Ваш *Чуковский*

[1] Открытое письмо. Почтовый штемпель: Куоккала 9.II.1915.
[2] Об этом репинском подарке см. примеч. 2 к письму **306**.

310. А.Ф. Кони

1915 г.[1]

Глубокоуважаемый Анатолий Федорович.

Я и не думал, что портреты придадут столько нового очарования Вашей книге[2]. И какие драгоценные, редкостные! Молодой Ровинский![3] Молодой Арсеньев![4] И молодой прокурор Харьковского окружного суда, который таким гимназистом стоит среди бородатых коллег, тщетно стараясь придать себе взрослости демонстративно-насупленным видом! Теперь я вполне понимаю М.Р. Шидловского[5], который попрекал Вас Вашей молодостью, — а также того господина (в вагоне), который не верил, что Вы — это Вы!

1915 Как жаль, что и другие Ваши книги лишены таких же иллюстраций! Хорошо бы увидеть синьора Беляева[6] (которого, кстати, написал красками один значительный наш живописец), Надежду Кузьминичну Белоусову, донскую казачку Василису и т. д., хотя и без того эти образы пред нашими глазами, как живые. Ваши характеристики столь рельефны и четки, что я рассматривал портреты Боровиковского[7], Маркова[8], Половцова[9] — как своих старых знакомых, хотя и видел их сегодня в первый раз.

Сколько нужно было памяти сердца и неослабного любопытства ко всякой душе человеческой, чтобы по прошествии стольких годов написать так умиленно и благостно эти жития русских праведников. Я заново прочитал эту книгу, доставленную мне *«Нивой»* так поздно, и что же скажу о ней? Это книга классическая; не только внуки, которым Вы ее посвящаете, но и прапраправнуки Судебных Реформ[10] будут чтить ее, как одну из святынь. Конечно, в ней не лица, а лики; не портреты, а иконы, образа. Такой иконостас необходим, ибо как же нам прожить без молитв, без возжигания лампад! No nobler feeling than this of admiration for one higher than himself dwells in the breast of man![11] — восклицает в своих Heroes Карлейль. В русской словесности Вы единственный иконописец. Ваши иконы не суздальские, написаны с натуры, без прикрас, без сусального золота; Вы не скрываете комических черт, ни иронии, ни юмора, — и все же это именно иконы. И жаль, что нет у нас другого Кони, который в эту же книгу включил бы статью о Вас. Вы так щепетильно относитесь к себе и своим заслугам, что даже вытравили из прежних статей все, что относится к Вам. В статье о Боровиковском я не нашел четверостишия, Вам посвященного[12]; в статье о Мировых Судьях нет эпизода с Погребовым[13].

Мне горько, что нет ни слова о процессе Веры Засулич; что о записке, составленной Вами для Палена[14] в защиту суда присяжных, брошено лишь несколько строк. Но Вы к таким сетованиям глухи, и я, пользуясь Вашим разрешением, позволю себе отравить Вам один из Рождественских дней целым рядом вопросов касательно различных эпизодов Вашей деятельности.

Неприятно, что в *такой* книге Сытин допустил столько опечаток. Напр., на стр. 46-й, строка третья — «с*б*ою»; на стр. 47-й, строка четвертая снизу — «ск*о*возит»; на стр. 206-й, строка восьмая — «локоть» и т. д.

В следующем издании, я уверен, Вы выбросите в конце 254-й стр. слово «однако»:

— Он умер, однако, хотя немолодым...

Это «однако» относится именно к тому четверостишию, которое Вы изъяли.

Илья Ефимович читал вместе со мной Вашу книгу и был тронут, что в статье о Шамшине[15] Вы помянули его таким добрым словом. Он шлет Вам сердечный привет. Я же и не знаю, как благодарить Вас за такой великолепный подарок, за книгу с Вашим автографом и Вашим (отличным!) портретом.

Так уж суждено: всем моим отношениям к Вам выражаться в одном слове: спасибо.

Преданный Вам душевно *К. Чуковский*

[1] Датируется предположительно.

[2] Речь идет о мемуарах А. Кони «На жизненном пути». По-видимому речь идет о первом томе 3-го издания, который называется «Из записок судебного деятеля».

[3] *Ровинский* Дмитрий Александрович (1824–1895), судебный деятель и историк искусства. Очерк «Д.А. Ровинский» см.: *Кони. Т. 5.* С. 5–109.

[4] О *К.К. Арсеньеве* см. примеч. 6 к письму **168**. Очерк «К.К. Арсеньев» (Там же. С. 138–157).

[5] *Шидловский М.Р.* (1826–1880), во второй половине 60-х годов тульский губернатор; в 1870–1871 годах начальник Главного управления по делам печати. Упомянут эпизод из очерка Кони «Мировые судьи» – см.: *Кони.* Т. 1. С. 296 и след.

[6] Русский торговец Беляев, живший в Неаполе. Там и познакомился с ним А. Кони. См. также примеч. 3 к письму **299**.

[7] *Боровиковский А.Л.* (1844–1905), юрист, поэт, сослуживец А. Кони.

[8] *Марков А.Л.* (1847–1893), в первой половине 70-х годов товарищ прокурора Петербургского окружного суда.

[9] *Половцов* Валериан Александрович (1834–1907), прокурор Петербургской судебной палаты.

[10] Имеется в виду судебная реформа 1864 года.

[11] В груди человека не живет никакого более благородного чувства, чем восхищение тем, кто выше его! (*англ.*). Фраза из книги английского историка Томаса Карляйля «Герои, культ героев и героические истории» (1841).

[12] В первых изданиях воспоминаний А. Кони автор приводил посвященное ему четверостишие, которое А.Л. Боровиковский написал на своей книге «Отчет судьи», подаренной им А. Кони:

Вы жрец, а я дьячок; но Бог у нас один
(Митрополит в дьячке повинен видеть брата):
В наш храм, украшенный от Вас венком из злата,
Несу и я свой дар — клочок моих седин.

[13] *Погребов Н.И.* (1817–1879), городской голова в Петербурге (во второй половине 70-х годов). Перед избранием А. Кони мировым судьею он был в гостях у Погребова и там встретился с двумя купцами, гласными

Думы, которые, как оказалось, никогда не слыхали его имени. Между тем к этому времени А. Кони был вице-директором департамента юстиции и пять лет служил прокурором Петербургского окружного суда.

[14] *Пален* Константин Иванович (1833–1912), министр юстиции в 1867–1878 годах. Речь идет о процессе 1878 года, на котором Кони, во главе суда присяжных заседателей, добился оправдательного приговора для Веры Засулич.

[15] *Шамшин* Иван Иванович (1835–1912), обер-прокурор сената, председатель Петербургской палаты уголовного суда.

311. С.О. Грузенбергу

28 января 1915 г.[1]

Дорогой С<емен> О<сипович>.

Раньше всего обращаю Ваше внимание на декабрьскую книжку журнала «Русские записки», стр. 270[2].

Об интересующем Вас вопросе могу сказать вот что: в начале октября в английскую прессу проникло известие (кажется, ложное), будто Гауптман в своем ответе Ромэну Роллану утверждал, что каждый нем<ецкий> солдат хранит в своем ранце вместе с Библией *сочинения Ницше*. Все газеты вскипели, и имя Ницше стало в Англии таким же синонимом всего злобного, темного, черного — как и имя Вильгельма. Популярный публицист Гардинер[3] — главный руководитель либеральной газеты «Daily News» — в очень пылкой статье «Возвращение Одина» обрушился всеми громами на Ницше. «Ницше есть подлинный символ пруссизма, хотя он и ненавидел пруссизм» — таков тезис этой статьи. Ницше есть вдохновитель Трейчке[4]. Гардинер не отрицает того, что Ницше — есть трагический гений, но это злой гений, полная противоположность британскому философу — Рескину[5]. «Рескин любил человечество. Ницше его ненавидел». «Ницше создал Евангелие животной силы». «Мораль для него была фикция» и т. д. Заодно достается и Вагнеру за его культ язычества.

Точно так же против Ницше выступил знаменитый англ<ийский> писатель Томас Гарди и многие другие. Но нашлись и защитники у Ницше.

Беатриче Маршалл[6] пишет: Ницше не был ни шовинистом, ни милитаристом. Его идеи менялись, но всегда они были возвышены и независимы. Ницше не принадлежал ни к какой школе. Он проклинал германскую культуру за то, что у нее «красные руки». Можно процитировать тысячи его выпадов против германского империализма и германской культуры и т. д. «Весьма воз-

можно, — заканчивает свое письмо мисс Маршалл, — что германские юнкеры и сам кайзер так же незнакомы с идеями Ницше, как и английские журналисты!» (12 окт. «Daily News»).

Полемика возгорелась огромная. The Right Honorable G. W. E. Russell[7] свалил в одну кучу Геккеля[8], Гарнака[9], Трейчке и Ницше, и объявил, что они ответственны за Реймс, Лувен и Антверпен. М-г А. Вернер, професс<ор> Кэмбриджского Университета, заявил[10], что доктрина Ницше есть reductio ad absurdum[11] учения Карлейля[12], который объявлял, что «Strong Men»[13] выше всех законов мироздания.

Точно так же многие утверждения Ницше предвосхищены Робертом Броунингом, гениальным английск<им> поэтом[14], к<ото>рый тоже утверждал, что добро должно быть положительным, а не отрицательным; добродетель не заключается в воздержании от зла и т. д. В конце всей этой бесконечной полемики английское общество, конечно, далеко отошло от первоначального наивного топорного взгляда на Ницше.

Тысяча приветов Людмиле Ивановне.

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по почтовому штемпелю.

[2] Письмо Чуковского либо продолжает разговор, либо является ответом на не дошедшее до нас письмо С.О. Грузенберга. В начале письма Чуковский ссылается на статью Дионео «Из Англии. Две цивилизации», опубликованную в журнале «Русские записки» № 2 (декабрь) (под этим заглавием в 1914 году выходил журнал « Русское богатство»). В статье Дионео речь шла о германском национализме и о том, какую роль в Германии играет идея сверхчеловека Ницше, которую пытались приспособить к философии пангерманизма. На с. 270 Дионео пересказывал мысли Ницше из книги «Ecce Homo» о Германии и немцах.

[3] Писатель и журналист Алфред Джорж *Гардинер*(Alfred George *Gardiner*, 1865–1946) с 1902 до 1915 года был редактором ведущей либеральной газеты «Daily News». Статья Гардинера, на которую ссылается и которую цитирует Чуковский, — «The Return of Odin» («Возвращение Одина», *англ.*) с подзаголовком «and the Religion of Valour» (и религия отваги, *англ.*) была опубликована в «Daily News» 10 октября 1914-го года (№ 21400).

[4] *Трейчке* Генрих (*Treitschke* Heinrich von, 1834–1896), немецкий историк, был известен как противник либерализма, идеолог «прусского духа» и поклонник Бисмарка.

[5] *Рескин* Джон (Ruskin John, 1819–1900), английский писатель и искусствовед, сторонник социальных реформ.

[6] *Маршалл* Беатриса (*Marshall* Beatrice), переводчица переписки Ницше с Брандесом. В газете «Daily News» за 12 октября (№ 21401) было опуб-

ликовано ее письмо редактору, озаглавленное «Mr. Thomas Hardy and Nietzsche» (Господин Томас Гарди и Ницше).

[7] *Расселл* Георг Вильям Ерскин (Russell George William Erskine (1853–1919), английский политический деятель и писатель, также принял участие в дискуссии и опубликовал в номере «Daily News» от 14 октября (№ 21403) письмо под заглавием «A Spiritual Liberation» («Духовный либерализм») с подзаголовком «The German Theory of War» («Германская теория войны»).

[8] *Геккель*Эрнст Генрих ((*Haeckel* Ernst Heinrich, 1834–1919), немецкий естествоиспытатель и философ, дарвинист. Работа Геккеля «Эволюция человека» («The Evolution of Man») упоминалась в статье Дионео.

[9] *Гарнак*Адольф фон (*Harnack* Adolf von, 1851–1930), немецкий протестантский теолог и историк, представитель либеральной теологии.

[10] В качестве отклика на статью Гардинера «Возвращение Одина» в газете «Daily News» за 15 октября (№ 21 405) было опубликовано письмо профессора женского колледжа Кэмбриджского университета А. Вернер, в котором также упоминался Гарнак.

[11] доведение до абсурда (*лат.*).

[12] О *Т. Карлейле* см. примеч. 6 к письму **5**; понятие «Strong Man» («сильный человек») он использовал в работе «Герои, культ героев и героическое в истории» (1841).

[13] «Сильный человек» (*англ.*).

[14] О *Р. Браунинге* см. примеч. 5 к письму **128**.

От составителей: Благодарим С. Рубашову и К. Юдельсон (Англия) за сведения, предоставленные для этих комментариев.

312. З.Н. Гиппиус

26 февраля 1915 г. Сестрорецк[1]

Дорогая З<инаида> Н<иколаевна>. Я все эти дни, снедаемый свирепой инфлуэнцой, — мог лишь мечтать о *Зеленом Кольце*. Когда соберу свои кости, выпрошу-таки у Вас билет[2]. Тема «Кольца» была мной *предугадана*. Она в тайной связи с «Будет радость» Д<митрия> С<ергеевича>ча[3]. Вы уловили ее своим собачьим (no offence![4]) чутьем, но все же из журналов, из Ив<анова->Разумника, Сологуба и пр. А видали Вы футуристов? Читали «Стрелец»?[5] Ради Бога, напишите о нем! Бурлюк и Маяковский давно пристают ко мне, чтоб я представил их Вам — но где и когда? Вошли бы Вы в *быт* футуристов, в их семью, атмосферу — хотя бы на недели две, — вышла бы у Вас прекрасная пьеса о *России*, ибо, повторяю, они — Россия, насквозь. Извините стиль и почерк. Только что встал с одра.

Ваш *Чуковский*

Никакого голоса жизни не слышно[6].

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Сестрорецк. 26.2.15. **1915**

[2] 20 февраля в Александрийском театре состоялась премьера пьесы З. Гиппиус «Зеленое кольцо», посвященной молодому поколению.

[3] Пьеса Д. Мережковского «Будет радость» была поставлена в феврале 1916 года в МХТ (постановка В.И. Немировича-Данченко), тогда же вышла отдельным изданием (Пг., 1916).

[4] не в обиду будь сказано *(англ.)*.

[5] Альманах поэтов-футуристов: Стрелец. Сборник первый. Под ред. А. Беленсона. Пг., 1915.

[6] Намек на петроградский журнал «Голос жизни», который редактировал Д.М. Философов. З.Н. Гиппиус печаталась в этом журнале.

313. И.В. Гессену

После 19 апреля 1915 г.[1]

Дорогой Иосиф Владимирович!

Я только теперь собрался сделать для «Речи» заметочку о книге И.Е. Репина[2]. Все нездоровится. Не сердитесь, что статейку о солдатских письмах дал в «Рус<ском> Сл<ове>»[3]: статейка не удалась; совестно было бы дать ее в «Речь»; я писал ее в Москве совсем больной. Жаль, что испортил хорошую тему.

У нас в Чукоккале травка и солнце, если бы не воинский начальник, который ни с того, ни с сего потребовал из Выборга мой паспорт, было бы очень хорошо!

Из статейки Репина нужно перепечатать ровно половину, начиная с 5-й стр<аницы>.

А если не интересно, не нужно!

Ваш *К. Ч.*

Шрифт нужно не корпус, а петит?! Как хорошо о Фаусте написал Философов, и о Пушкине — Лернер[4]. Вообще вчерашний номер был бы очень удачен, если бы не Либава![5]

[1] Датируется по содержанию.

[2] Заметка написана не была, поскольку книга не была издана. См. примеч. 3 к письму **316**.

[3] Речь идет о статье: Заговорили молчавшие // Русское слово. 1915. 19 апреля (2 мая).

[4] Чуковский упоминает статьи, опубликованные в газете «Речь» за 27 апреля 1915. № 114: статью *Д. Философова* «Русский Фауст» (о переводе и комментариях Н. Холодковского трагедии И.-В. Гёте «Фауст») и рецензию *Н. Лернера* на изданное И.К. Линдеманом точное воспроизведение рукописи «Песни о вещем Олеге» А.С. Пушкина.

[5] В том же номере в «Военных заметках» говорилось о взятии немцами Либавы (г. Лиепая в Латвии на берегу Балтийского моря).

1915

314. А.Е. Розинеру

Весна 1915 г. Куоккала[1]

Дорогой Александр Евсеевич.

Когда Вам рассказываешь о каком-нибудь литературном плане, Вы говорите:

— Дайте нам! Мы вам заплатим столько же, сколько платят и другие издания.

А когда Вам даешь рукопись, Вы колеблетесь, сомневаетесь, недоумеваете и проч. Я очень отчетливо сказал Вам, что полистно я считать не умею, но что за 500–600 газетных строк мне платят в «Рус<ском> Сл<ове>» 350 р., так что разбей я свою статейку на пять фельетонов, я получил бы 1750 р., каковую сумму и просил у Вас за свою рукопись. Если это выходит 700 р. за лист, я нисколько не виноват: очевидно, издатели до сих пор считали, что мой лист этих денег стоит.

Так как для пятого номера я намерен написать послесловие, то и выйдет пять полновесных фельетонов. Вы говорите, что там *только* три листа; я думаю: там даже меньше, но пять фельетонов там есть. Я знаю, что я у Вас клиент беспокойный, неудобный, и что за Вашу ко мне доброту, любезность, ласковость — грешно платить таким ворчливым письмом, но уж очень меня огорчило, что Мария Борисовна вместо ответа опять привезла от Вас вопрос. Когда же этот вопрос превратится в ответ, а ответ, конечно, в ассигнации?

Очень жалею, что не мог побывать у Вас в ту неделю, когда находился в городе. Мне очень хотелось увидеть Вас в лоне семьи — (я ведь еще никогда не видал Вас *дома*, а всегда либо *в гостях*, либо *в конторе)* – хотелось услышать милый смех Софьи Борисовны, но Вы сами знаете: зубные и не зубные врачи, поэты, Ермаковы, Тумановы разодрали мое время на такие клочки, что никак нельзя было выкроить часу, чтобы вырваться в дальние Роты. Вы сами знаете, что, когда я мог, я для свидания с Вами ездил даже в Мустамяки, тратя на дорогу *пять часов*, но в этот приезд я себе не принадлежал: утром в Публичн<ой> Библиотеке, днем у Кони или у Ермакова, вечером в пять-шесть-семь часов — спать. Пишу я так длинно об этом потому, что очень, очень, очень хочу, чтобы Вы в воскресенье опять были нашим гостем; в этот раз Илья Ефимович спрашивал: а где же милый Розинер? Где же *Ваши* Розинеры? Вся эта легенда о его якобы неприязни к Вам — есть именно легенда, и только!

Ваш *Чуковский*

Софье Борисовне не кланяюсь, ибо знаю, что С. Бор. в Або.

[1] Датируется предположительно по упоминаниям о Ермакове и Кони. В это время готовился юбилейный номер Кони в «Ниве» и шла работа над рукописью воспоминаний Репина «Далекое близкое».

315. А.Е. Розинеру

Конец июня 1915 г. Куоккала[1]

Дорогой Александр Евсеевич!

Рукопись Репина нашлась *у него* на столе. Оную при сем прилагаю. О Горьком я написал *три* статьи. Две из них пойдут на днях в «Речи»[2], а третья — в «Ниве»[3]. Сюжет оказался обширный.

Если есть у Вас корректуры моей книжки об англичанах[4], — передайте их Татьяне Александровне Богданович, моей соседке.

Ее телефоны <...>

Софья Борисовна и Вы будете на «Белом Вечере», не правда ли?

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по упоминанию статей о Горьком.
[2] Утешеньишко людишкам // Речь. 1915. 5, 12 июля.
[3] Об этой статье см. в письме **316**.
[4] См. т а м ж е.

316. А.Е. Розинеру

После 12 июля 1915 г. Куоккала[1]

Дорогой Ал<ександр> Евс<еевич>. Я решил назвать книжку так:

Заговорили молчавшие!

мельче: Письма английских солдат

Я исправил эту книжку осторожно, чтобы не пришлось переверстывать. Только предисловьице подверглось большим переделкам, но оно ведь коротенькое. Вы будете мною довольны. Если бы я не торопился с печатанием книжки, то на стр. 110–116 перепечатал бы из «Нивы» (№№ 19 и ?) картинки, относящиеся к Дарданеллам («Нива», 1915, стр. 361, 363).

Но если это задержит хоть на три дня — не надо! Я тороплюсь извлечь из этой книжки наискорейшую выгоду. К тому же теперь, в окончательном виде, она мне кажется далеко не плохой. О, если бы она пошла! Может быть, у меня выкроился бы хоть *месяц отдыха*! Но не подождать ли, когда подобреет цензура? Говорят, это случится очень скоро. Ваш совет для меня важен.

1915 У меня для «Нивы» затеялась нужнейшая, важнейшая статья: *о том, как в Англии мобилизовалась промышленность*[2].

Я уже подобрал кое-какой материал: вырезал из газет воззвания, речи Ллойд Джорджа и проч. Должно быть, в иллюстрациях (английских) за последний месяц есть тоже немало пригодного. Я смотрю на эту статью, как на *патриотический долг:* у нас в России бьются, ищут, идут ощупью, а в Англии все уже найдено, выработано, выстрадано и может служить подспорьем, примером для нас. Я написал бы эту статейку скоро, если бы редакция обещала *напечатать ее поскорее,* – ибо дело экстренное. Если эта тема кажется «Ниве» подходящей, будьте благодетелями, пришлите мне в Куоккала с человеком англ<ийские> журналы за последний месяц и, если можно, «Рус<ские> Ведом<ости>». Тоже за последн<ий> месяц (там есть статья Dioneo); Гессен прислал мне газеты (английские) — и я живо сварганю статейку с картинками. Авось она принесет практическую помощь.

Теперь о Репине. Он хочет видеть *всю* свою книжку для окончательного ее обозрения. Требует ее у меня ежедневно. Ради Бога, соберите все оттиски — и тотчас же пришлите Т.А. Богданович (Редакция «Совр<еменного> Сл<ова>», Ул. Жуковского, 21). Если Вы захотите, я могу устроить так, что больше никаких добавлений не будет — и через дней 5–6 книга будет готова к печати[3].

Если Вы прочитали мои фельетоны о Горьком, вы увидели, что для «Нивы» они непригодны. Особенно конца мне ни за что не пропустили бы. Для «Нивы» я пишу другую статью о «Детстве» — в более синтетическом духе[4].

Английские журналы, к<ото>рые Вы присылали мне в Пале Рояль, там и остались, у коридорного.

Ваш К.Ч., — лежащий в ангине, с перевязанным горлом и градусником.

[1] Датируется по связи с письмом **315**.

[2] Вероятно, речь идет о книге: Англия накануне победы (Пг., [1917]). В книге было 72 иллюстрации.

[3] В издательстве А.Ф. Маркса готовилась к печати книга воспоминаний И.Е. Репина «Далекое близкое». Книга до революции издана не была и вышла лишь в 1937 году уже после смерти Репина.

[4] Статья «Утешеньишко людишкам» (см. примеч. 2 к письму **315**). В «Ниве» статья о «Детстве» М. Горького не была опубликована.

317. А.Е. Розинеру

Лето 1915 г. Куоккала[1]

Дорогой Александр Евсеевич!

Вы как-то обмолвились, что, когда книжка моя будет сверстана, можно будет получить под нее аванс. Дайте, пожалуйста, под эту книжку 100 рублей.

Сейчас я кончаю для «Нивы» большую статью — в *целый* лист![2] К пятнице или субботе привезу.

Если моя книжка не была еще в цензуре (вторичной) — ради Бога дайте ее на полчасика Татьяне Александровне Богданович. Татьяна Александровна внесет в последнюю главу две или три *важнейшие* поправки, — *в последний, последний раз.*

Я думаю, что цену книжки можно назначить 1 р. 25 к. Или нет?

Умоляю Илью Моисеевича[3] дать Татьяне Александровне последние английские иллюстр<ированные> журналы (ненужные), — они мне нужны для статьи в «Ниву».

Пусть редакция не забудет, что 30-го сентября исполняется 50-летие служебной и литерат<урной> деятельности А.Ф. Кони. Я могу написать о нем строк 200 лишь к 7-му сентября[4]. Если это поздно, пусть редакция закажет сейчас же кому-нб. другому статью, нельзя же не отметить этот день!

Вы видели, как я расписался. Написал за лето в «Ниву» две статейки. Нужно ли будет писать к ноябрю о Горьком?

Репин задержал свою книжку — делает последний обзор. Антокольский в Талесе дожидается Вас[5]. Он отложен. Но И.Е. не хочет говорить его цену — мне. Он в добром здравии, очень бодр. Наняли Вы новую квартиру? Переехала ли Софья Борисовна в город? У нас завязался было флирт (в переписке), но Василий Регинин[6] прервал его в самом начале.

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по содержанию.

[2] Вероятно, речь идет о статье: Путеводитель к счастью: (Н. Гарин) // Нива. 1915. № 47. С. 870–873.

[3] Об *И.М. Эйзене* см. «Список адресатов».

[4] См. статью Чуковского: А.Ф. Кони: К 50-летию его общественной деятельности. 1865–30 сент. 1915 // Нива. 1915. № 39. С. 717–718.

[5] Упомянут портрет скульптора М.М. Антокольского кисти И.Е. Репина (ныне находится в Вологодской областной картинной галерее, куда передан в 20-е годы из Русского музея). *Талес* — молитвенная шаль, которую иудеи носят после достижения религиозного совершеннолетия. Талес делается из белой шерсти с черными или синими полосами.

[6] *Регинин* Василий Александрович (1883–1952), журналист.

318. А.Е. Розинеру

Лето 1915 г. Куоккала[1]

Дорогой Александр Евсеевич.

Посылаю Вам последние два листа своей книжки; теперь вся она готова к печати[2]. Если Вам по-прежнему не нравится обложка, — замените ее другой. Вполне доверяю Вашему вкусу.

О, как я жду ее выхода. Авось она даст мне возможность хоть месяц отдохнуть от работы. Я проклинаю всех, всех, всех сволочей, которые видя, как мучается нужный и способный человек, не придут к нему на помощь, а делают брезгливую гримасу:

— Опять этот дурень хнычет!

Я был у доктора Нюренберга[3]. Он исследовал меня и пришел в ужас:

— Как вы смели запускать свою болезнь. Странно, что вы ходите, ездите в город! И неужели вы можете писать! Ведь вы раз в 20 глупее себя самого.

И прописал мне режим: ничего не делать, питаться, полеживать, гулять.

Рецепт очень хороший, но (мне стыдно и страшно рассказывать!) вчера моя семья ела одну картошку на обед, оттого что не было денег.

И я, которому прописан покой, должен ежесекундно слышать, как Марья Борисовна шепотом просит мясника «придти за деньгами завтра», а он ругается, угрожает и проч.

И вот одна моя надежда — эта книжка. Если действительно нельзя дать под нее (а я вполне Вам верю: если нельзя, то нельзя), позвольте же просить об одном: прорекламируйте эту книжку получше.

Я никогда не просил о рекламе, и даже в «Речи» ни разу не было отзыва ни о какой моей книжке (хотя стоило бы мне слово сказать, и была бы) — но теперь я прошу, как о дружеской помощи больному.

Этого письма никому не показывайте. Мне самому противно быть больным.

Ваш *К. Чуковский*

[1] Датируется по содержанию.

[2] Упомянута книга К. Чуковского «Заговорили молчавшие» (см. письмо **316**).

[3] *Нюренберг* Абрам Давыдович, врач.

319. В.Я. Брюсову

7 (20) августа 1915 г. Куоккала[1]

Дорогой Валерий Яковлевич.

Наконец-то после долгих мытарств дошло до меня Ваше письмо. Я немедленно отправился в «Ниву» — и принялся за рекогносцировку, причем не забывал ни минуты, что лет 5 или 6 назад та же «Нива», едва я заикнулся о Леониде Андрееве, фыркнула на меня и сказала:

— Мы не запачкаем своих страниц порнографией.

А в 1913 году купила этого порнографа за 70 т<ысяч> рублей — и собрала огромную кучу подписчиков[2].

Так же фыркала «Нива» на Горького, а теперь охотится за ним третий год. То же было и с Буниным, и с Куприным[3]. Но теперь, когда в недра «Нивы» вошла вся эта группа «Знания», очередь, конечно, за Вами, за Мережковским (которого «Нива» еще *не давала;* он был дан Сытиным)[4], за Сологубом и, может быть, Ремизовым. Но «Нива» боится сделать этот шаг. Так, по крайней мере, мне показалось. Шаг этот неминуемо будет сделан, это исторический фатум, но «Нива» еще не знает об этом. «Нива» — т. е. Александр Евсеевич Розинер, заведующ<ий> главной конторой, Илья Моисеевич Эйзен[5] (секретарь редакции, а в сущности, редактор) и Валерьян Яковлевич Светлов (редактор, а в сущности, nihil[6]) — все трое отнеслись отрицательно к «Валерию Брюсову» (в качестве приложения к «Ниве»). Но при этом обнаружилось, что никто из них не знает даже заглавий Ваших книг! Эти люди не подозревали, что у Вас есть романы и повести! Конечно, я ни слова о письме. И главное — не заикнулся о той изумительно маленькой сумме, которую Вы хотели бы за свои сочинения. Меньше 40 тысяч спрашивать с «Нивы» нельзя. Скоро состоится заседание для обсуждения, кого из писателей «приложить» в будущем году. Я возьму с собой все Ваши книги — старых и новых изданий, — и не суетясь, безо всякой запальчивости ясно докажу этим невежественным людям, что Брюсова им необходимо издать. У них в этом году подписка колоссальная, денег уйма. Я уверен, произойдет то же самое, что с Мережковским, Леонидом Андреевым и Горьким. Сначала инстинктивное: «ах, нет», а потом: «пожалуйте, милости просим». Их тайная тяга — к Потапенке и к Баранцевичу[7], но они скрепя сердце печатают Кнута Гамсуна, Метерлинка[8], Уайльда.

1915 Отсюда — прямая дорога к Вам. Жаль только, что Вы в «Ниве» не сотрудничаете. Чем «Нива» хуже *Биржевых?* Если Вам захочется, пришлите какое-н<и>б<удь> стихотворение (о войне) или рассказ (о войне) в «Ниву» на имя Эйзена, сославшись на меня («К.И. Чук<овский> просил меня дать что-нибудь в “Ниву”»), и Вы тотчас же получите гонорар, и мне будет легче говорить о Вас как о *нашем* сотруднике (там, на заседании).

Читали Вы книжонку Садовского?[10] Не знаю почему, она внушила мне омерзение. Как импотентно и тупо. И кто говорит о Сальеризме! Повторяет зады Айхенвальда: «преодоленная бездарность»[11], но ведь сам-то — не преодоленная. И какая это чепуха, что Вы — Сальери. Не чувствовать в Ваших стихах вдохновения может только этот бескрылый импотент Садовской. Я недавно перечитывал Στέφανος (хотя я знаю эту книгу наизусть) и был поражен гармоническим сочетанием Сальери *и Моцарта* в этой книге. Это *и* Моцарт *и* Сальери.

В газете «Речь» так почему-то возмутились брошюркой Бор<иса> Садовского, что выключили его из числа сотрудников. Ауслендер прекрасно написал об его ренегатстве в «Дне»[12]; я был у Сологуба, когда все приветствовали и благодарили Ауслендера.

Вы прислали мне письмо по дачному адресу, а я жил в городе. Пожалуйста, пишите по адресу «Нивы» (ул. Гоголя, 22). Я так и задрожал, увидев Ваш почерк: ведь это моя молодость, это «Весы»!

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Куоккала. 20.VIII.15; Москва. 9.VIII.15. Ответ на письмо В. Брюсова от 2 мая 1915 года. Брюсов просил Чуковского выяснить, не захочет ли «Нива» издать собрание его сочинений.

[2] В 1913 г. в издании товарищества А. Ф. Маркс было выпущено в свет как литературное приложение к «Ниве» Полное собрание сочинений Леонида Андреева в 8 томах.

[3] Издание Собрания сочинений М. Горького в виде приложения к «Ниве» не было осуществлено; Полное собрание сочинений Куприна в 9 томах вышло в свет в 1912–1915 гг., Полное собрание сочинений Бунина в 6 томах — в 1915 г.

[4] Об *И.Д. Сытине* см. примеч. 4 к письму **248**. В издательском товариществе И.Д. Сытина (в серии «Библиотека “Русского Слова”») в 1914 г. было выпущено в свет Полное собрание сочинений Д.С. Мережковского в 24 томах.

[5] *И.М. Эйзен* (псевдоним — А. Железнов) — журналист. См. о нем «Список адресатов».

[6] ничто *(лат.)*.

[7] Игнатий Николаевич *Потапенко* (1856–1929), прозаик, драматург; о *К.С. Баранцевиче* см. примеч. 10 к письму **63**.

[8] Полное собрание сочинений норвежского прозаика Кнута *Гамсуна* (1859–1952) было издано приложением к «Ниве» в 1910 г., Полное собрание сочинений бельгийского драматурга, поэта, эссеиста Мориса *Метерлинка* (1862–1949) — в 1915 г.

[9] В 1915 г. в петербургской газете «Биржевые Ведомости» регулярно публиковались стихотворения Брюсова (см.: Библиография В. Я. Брюсова. 1884–1973. С. 106–107).

[10] Борис Александрович *Садовской* (о нем см. «Список адресатов»); один из ближайших сотрудников «Весов». Имеется в виду его книга «Озимь. Статьи о русской поэзии» (Пг., 1915), включавшая статьи «О сальеризме», «Футуризм и Русь», «Юбилей безвременья»; последняя статья была посвящена всецело развенчанию литературной репутации Брюсова.

[11] Юлий Исаевич *Айхенвальд* (1872–1928), литературный критик. О том, что творчество Брюсова являет собой «величие преодоленной бездарности», Айхенвальд писал в очерке «Валерий Брюсов. Опыт литературной характеристики» (отд. изд. — М., 1910), вошедшем в вып. 3 его «Силуэтов русских писателей» (1910. С. 85–99). См.: *Айхенвальд Ю.* Силуэты русских писателей. М., 1994. С. 399.

[12] Сергей Абрамович *Ауслендер* (1886 или 1888–1937), прозаик, драматург, критик. Защищал Брюсова от нападок Садовского в статье «Литературные заметки (Книга злости)» (День. 1915. № 79, 22 марта. С. 5).

320. В.Я. Брюсову

21 сентября 1915 г. Петроград[1]

Нет, дорогой В<алерий> Я<ковлевич>, дело не удалось — покуда. У Вас серьезный противник — война. Я предлагал на будущий год Мамина-Сибиряка, Валерия Брюсова и кн. Вл.Ф. Одоевского[2].

Они же дадут: Мамина-Сибиряка, Гарина («Детство Темы» и др.) и новонайденные произведения Чехова[3] (конечно, это секрет). Я привез в заседание все Ваши книги, и был поражен той симпатией, тем неожиданным глубоким уважением, которое питают к Вам эти люди, воспитанные, казалось бы, на Брешке[4] и Луговом[5]. Им не нужно было доказывать и внушать: они всё знают и без меня. Они даже знают больше меня, ибо все Ваши деловые отношения к издательству «Сирин» известны им досконально. Но — произведения Гарина куплены ими давно, и денег платить не придется ни копейки, а Ваши — нужно еще покупать. Это верно, с этим нельзя не согласиться. К тому же они хотят в этом году дать писателей, *которые похуже,* ибо во время войны

центр тяжести *не в писателях,* а в картинках и батальных рассказцах, коими изобилуют №№ журнала. Издатели понимают, что, не в пример прошлым годам, в этом году «Ниву» будут выписывать — не из-за ее приложений, и вот, говоря вульгарно, норовят сбыть ту дешевку, которая залежалась в подвале.

Здесь уж я ничего не мог сказать, ибо вопросы коммерческие не подлежат моему ведению.

Я думаю, дорогой Вал<ерий> Як<овлевич>, что теперь продавать свои сочинения издателям — есть поступок безумный, панический. Бумаги нет, спрос сократился, — о, если [бы] я мог убедить Вас — не предпринимать в этом отношении никаких шагов и подождать 1916 года, когда (я почти уверен) «Нива» с величайшей готовностью пойдет моему предложению навстречу. Есть тысяча неуловимых указаний, что это не пустые надежды. Но вести дело нужно тонко, ибо «Нива» — организация бюрократическая, во главе которой дама — хоть и милая, но изменчивая, капризная, пристрастная[6]. Несколько соображений по этому поводу я позволю себе «повергнуть верноподданнически к Вашим стопам» через 2–3 недели в Москве.

Простите бессвязность письма. Пишу его тотчас же по окончании заседания, так как знаю, что Вам нужно поскорее узнать результаты.

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Петроград. 21.9.15; Москва. 22.9.15. Ответ на письмо В. Брюсова от 12 августа 1915 года.

[2] Дмитрий Наркисович *Мамин-Сибиряк* (наст. фам. Мамин; 1852–1912), прозаик. Князь *Владимир Федорович Одоевский* (1804–1869), прозаик, музыкальный критик.

[3] В качестве приложения к «Ниве» были изданы Полное собрание сочинений Мамина-Сибиряка в 12 томах (1915–1917); Полное собрание сочинений *Н. Гарина* (псевдоним Николая Георгиевича Михайловского; 1852–1906) в 8 томах (1916), а также 23-й, дополнительный том Полного собрания сочинений Чехова (1916).

[4] Николай Николаевич *Брешко-Брешковский* (1874–1943), прозаик, журналист.

[5] О *А.А. Луговом* см. примеч. 2 к письму **45**.

[6] Официальным редактором-издателем «Нивы» значилась Лидия Филипповна Маркс (Всеволожская), жена А.Ф. Маркса, после его смерти основала в 1907 г. Товарищество издательского и печатного дела. В 1916 году товарищество было перекуплено И.Д. Сытиным.

321. А.Е. Розинеру 1915

Осень 1915 г. Куоккала

Дорогой Александр Евсеевич.

Только что получил от сестры письмо, что моя матушка в парке упала со своим внуком, поскользнулась — и сломала себе руку. Если моя рукопись принята на тех условиях, о к<ото>рых я писал[1], то вышлите ей ради Бога телеграфом 100 р. Если нет — 50 р. Ее адрес: Одесса, Лидерговский бульвар, д. 13, кв. 1, Екатерине Осиповне Корнейчуковой. Я очень взволнован, а денег здесь — нет ничего. Пишу о Чехове[2]. Марии Борисовне об этом — не говорите.

Ваш *К. Ч.*

[1] См. письмо **314**.

[2] Статья «Записная книжка Чехова» // Нива. 1915. № 50. С. 932–935.

322. А.Е. Розинеру

Сентябрь 1915 г. Куоккала[1]

Дорогой Александр Евсеевич. Моя книжечка[2] изяществом рисунков, печати и пр. вызывает фурор. Я все думаю, кому ее послать. И придумал: 1) Константину Дм. Набокову, Русское Посольство в Лондоне (Constantine Nabokoff, Russian Imperial Embassy, London, England), а также 2) Вас. Тих. Тимофееву (26, Torrington Square W. C. London).

3) очень бы просил послать Вильтону, представителю Times (где-то на Почтамской, в телефонной книжке на букву *Т* — Таймс.)

4–6) Бьюкенену нужно экземпляра три — поименно каждому секретарю.

Все книжки прошу послать обрезанные. 7) Нужно послать одну С.А. Венгерову, одну 8) Леониду Андрееву, 9) одну Измайлову (тотчас же), 10) одну Борису Суворину, 11) другую Михаилу Суворину (тоже тотчас же — они члены общества нашего сближения с Англией)[3]; одну — Ив. Вас. Жилкину в «Рус<ское> Сл<ово>»; одну Ф.Ив. Благову в «Рус<ское> Сл<ово>»; одну Дорошевичу — в «Рус<ское> Сл<ово>».

Теперь о Гарине. Я читаю его с неимоверным удовольствием, и мне стыдно, что я мог проморгать такой талант. Он в десять раз даровитее, чем я ожидал. Но сколько опечаток. Сколько непроходимого безграмотства! Корректура подлейшая. Я исправляю карандашиком все, что меня наиболее коробит, и предоставлю Вам на предмет исправления[4]. В одном только V-м томике я насчитал до 25 ошибок. Воображаю, каковы те тома, которые впервые изданы Питтелем. Когда Питтель приобрел весь ворох этих (по-

смертных, неудобочитаемых, разрозненных клочков), он, как Вы знаете, поручил В.В. Брусянину[5] превратить их в первоклассные творения. Брусянин и превратил. Все это нужно поскорее олитературить. Я сделаю это в несколько дней, в процессе чтения.

Кстати, об иностранном авторе[6]. Ради Бога, не Уленшпигеля! Почему не дать Дон-Кихота, или Илиаду и Одиссею, или Эврипида, или Калевалу, или Данте, или Мильтона (не в переводе Шульговской) или Сербские Народные Сказки (книга, сделавшая в Англии бум!)...

Над объявлением для Ильи Моисеевича[7] я думаю усиленно.

Ваш К. Ч.

Когда я выкарабкаюсь из работы — пойдем по мастерским художников. И посетим княгиню Тарханову.

[1] Датируется по содержанию.

[2] *Книжечка* — Заговорили молчавшие: Томми Аткинс на войне. Пг.: Изд-во А.Ф. Маркс, 1915.

[3] Сыновья А.С. Суворина — Борис Алексеевич (1879–1940) и Михаил Алексеевич (1860–1936), редактировали в это время газету «Новое время». От этой газеты в качестве корреспондента в делегацию русских журналистов в Англию вместе с К. Чуковским входил Егоров.

[4] В 1916 году в приложении к журналу «Нива» вышло восьмитомное Полное собрание сочинений Н. Гарина (Михайловского).

[5] *Брусянин* Василий Васильевич (1867–1919), прозаик, журналист.

[6] Обсуждаются возможные издания книг иностранных авторов в виде приложений к «Ниве». В приложении к «Ниве» на 1916 г. был издан роман Шарля де Костера «Тиль Уленшпигель».

[7] Упомянут И.М. Эйзен. См. письмо **323**.

323. И.М. Эйзену

Начало октября 1915 г. Куоккала[1]

Дорогой Илья Моисеевич!

Нет, у меня ничего не выходит. Дурацкая моя черта: могу писать только искренне. Не начать ли объявление так:

«“Нива” такое же явление нашей природы, как Волга. Ее от России не оторвешь. Страшно подумать, что такое была бы Россия, русская провинция, без своей «Нивы», заставлявшей ее приобщиться к Чехову, Щедрину, Достоевскому. Я иногда думаю, что если б не «Нива», то в России было бы втрое больше убийств, грабежей, насилий, и многие обросли бы шерстью и на четвереньках убежали бы в лес!..»[2]

Так восклицал один современный писатель в день 40-летия «Нивы». Может быть, его выражения чрезмерны, но все же, оглядываясь на свое почти полувековое служение родине, мы с гордостью видим, что благодарная родина высоко оценила наш труд: с каждым годом у «Нивы» все больше читателей, подписчиков, друзей. Даже в нынешнюю трудную годину, когда многие журналы прекратились из-за недостатка подписчиков, подписка на «Ниву» необыкновенно, небывало повысилась и т. д.

А не начать ли так:

Утвердилось мнение, будто «Ниву» выписывают ради ее приложений и премий, будто самый журнал не так ценен, как те книги знаменитых писателей, которые при нем прилагаются. Нынешний год показал, насколько это мнение неправильно. Подписчики во множестве писем указывали, что «Нива» особенно им дорога тем *безмерным числом иллюстраций, фотографий, рисунков, гео*граф<ических> *карт,* относящихся к великой войне. Друзья-читатели вполне оценили те сотни и сотни корреспонденций, стихотвор<ений>, статей, очерков, рассказов, набросков, которыми на страницах журнала лучшие писатели русские осветили современные события. <Здесь несколько слов о Шумском[3].> Для провинции эти статьи и рисунки были незаменимыми комментариями... и т. д.

Не вытанцовывается. Нет вдохновения. Для рекламы нужно больше вдохновения, чем для передовицы или для толсто-журнальной статьи. Выходит так пресно и вяло, словно писал Луговой.

Кстати. Я только что получил «Искры», приложение к «Русскому Слову», и там — под портретом Кони — заимствованная из «Нивы» моя статейка без указания на источник!?!

Ваш Чуковский

[1] Датируется по упоминанию о перепечатке юбилейной статьи: Анатолий Федорович Кони: К 50-летию его общественной деятельности. 1865 – 30 сент. 1915 // Нива. 1915. № 39. С. 717–718.

[2] Вероятно Чуковский готовил рекламу для подписчиков. Он цитирует свою статью «Русская литература [в 1909]» (см. *Т.* 7наст. изд. С. 470).

[3] К. Шумский вел в «Ниве» «Дневник военных действий» — обзор событий Первой мировой войны.

324. А.И. Тинякову

9 октября 1915 г. Куоккала[1]

Спасибо, драгоценнейший Ал<ексанр> Ив<анович>, за «Наименее Рожденного»[2]. У Вас есть редкостный дар: писать не для

других, а для себя, думать вслух, — дар интимного писательства, коему я ужасно завидую. Я всегда — улица, крик. Оттого все тонкое, сложное, «свое» вычеркиваю, подавляю и оставляю только публичное. У Вас же в каждой, даже маленькой рецензии — ответ перед Богом и людьми о самом интимно-важном...

Говорили ли мы с Вами о статье Минского?[3] Там есть схожие мысли. Как хорошо отмечено у Вас, что спутанность — не сложность, что гениальность и розановщина фатально несовместные понятия, но самое лучшее — тон: спокойный и полный достоинства. Это делает статью монументальной. Я очень полюбил Ваши рецензийки в «Речи»: веские, изящные, глубокие. О Садовском и о Крученых превосходно. Только в статейке о Розанове меня покоробило: «вибрации мысли ослепительны». Вибрации бывают быстры, часты, медленны, но ослеплять вибрации не могут. Да и «вибрации мысли» это пахнет Волынским — не так ли? Для Вашего точного и ясного слова это оборот непривычный. Марья Борисовна Вам кланяется и приглашает в воскресенье приехать.

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по ответным письмам Тинякова.

[2] Имеется в виду статья А.И. Тинякова «Наименее рожденный» // Петроградский курьер. 1915. 1 окт. Статья была послана вместе с письмом от 6 октября 1915 года, где А.И. Тиняков писал: «Предлагаю Вашему вниманию мой фельетон о Розанове, который я читал у Вас 16 августа. Он появился в “Петроградском Курьере” лишь 1 октября». В следующем письме 10 октября 1915 г., отвечая на письмо Чуковского, Тиняков благодарил “за доброе мнение о моих работах”» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 71. Ед. хр. 57).

[3] Имеется в виду статья: Забвенная душа: (Ответ В. Розанову) // *Минский Н.* На общественные темы. СПб., 1909.

325. И.М. Василевскому

9 декабря 1915 г.[1]

Дорогой Илья Маркович.

Илья Ефимович в воскресенье сказал мне, что он получил Ваше *«очень милое письмо»*. Отнесся он ко всему эпизоду добродушно. Я достал ему другой оттиск статьи о Вл. Соловьеве, — и он исправил статью заново[2]. Я не согласен с Вами относительно «Господина из Сан-Франциско»[3], но, в общем, Ваша статья отличная[4]. Гидони (gui d'Annys?)[5] и Ирецкий[6] могли бы найти более эффектные примеры. Туркельтауб[7] о лекторах — шедевр. На этой неделе по-

стараюсь что-нибудь сделать для «ЖЖ»[8]. Привет Илье Соломоновичу[9].

А Вы, злодей, так-таки не напечатали хотя бы краткого объявления о книжке.

Ваш Чуковский

[1] Почтовая карточка, штемпель: Петроград 9.12.15.

[2] Воспоминания И. Репина о Владимире Соловьеве были напечатаны в ноябрьском номере «Журнала журналов» (1915). *Исправил статью заново* — для готовящегося издания книги воспоминаний.

[3] Рассказ И.А. Бунина *«Господин из Сан-Франциско»* написан в 1915 году, впервые опубликован в сб. «Слово». Сб. 5 (вышел в ноябре, но был задержан цензурой и поступил в продажу только в декабре 1915 г.).

[4] Чуковский имеет в виду статью: В поисках быта. Новый альманах «Слово». Литературно-критическое обозрение И.М. Василевского // Журнал журналов. 1915. № 33. С. 5–6.

[5] Имеется в виду статья: *Gregorie gui d'Annys*. Гг. художники и г. критики // Журнал журналов. 1915. № 33. С. 16. По предположению Чуковского это был псевдоним художника *Гидони* Григория Иосифовича (1895–1937, расстрелян).

[6] Имеется в виду статья: *Ир<ецкий> В.* Разгоряченный диван // Журнал журналов. Там же. С. 3–4. *Ирецкий* Виктор Яковлевич (1882–1936), прозаик, критик, журналист. В статье речь шла о переводах художественной литературы.

[7] Имеется в виду статья писателя и театроведа *И.С. Туркельтауба* «Современные лекторы» // (Там же. С. 17).

[8] *«ЖЖ»* — «Журнал журналов», редактором которого в 1915–1917 гг. был И. Василевский.

[9] Неустановленное лицо.

326. С.М. Боткину

1915 г. Куоккала[1]

Дорогой Сергей Михайлович!

Спасибо, что не забыли о нас в такую важную минуту своей жизни. Я сразу узнал на конверте Ваш почерк, но никак не ожидал столь грандиозных известий. Они ошеломили меня! Я думал это просто привет из какого-нибудь испанского Маро-Хино-Коста — и вдруг такая пасхальная радость!

Обнимаю Вас от души, дорогой, приветствую Вашу матушку, Ваших сестер, и поздравляю Надежду Степановну Боткину, что у нее такой очаровательный муж! Очень грустно, что мы встречаемся урывками, мельком, раз в год. Хоть бы летом увидеться в Оллиле, пошагать бы «длинноного» по пляжу. Здесь зимою и летом

живет Евреинов, мы с ним часто встречаемся, он просит передать Вам привет. Когда установится снег, лыжи, сани и пр., — приезжайте с супругой сюда! Но я боюсь, что Вы уже в Испании и что я эти строки посылаю в пустоту, и что Вы прочтете их в декабре 1917 года, когда у Вас даже испарится из памяти, кто это такой был — Чуковский?

Сохрани убор венчальный,
Сохрани цветы твои,
В жизни краткой и печальной
Непорочный свет любви[2].

Марья Борисовна шлет Вам сердечный привет!

[1] Вероятно из письма Боткина Чуковский узнал о его женитьбе.

[2] Строки из «Эпиталамы» Ивана Бунина. Правильно: Сохрани убор венчальный, / Сохрани цветы твои:/ В жизни краткой и печальной / Светит только безначальный, / Непорочный свет любви!

327. В.Я. Светлову

1915 г.[1]

Дорогой Валериан Яковлевич!

Почему изнасиловать восьмилетнюю девочку нельзя и нужно за это идти в каторгу, а изнасиловать Тютчева или Баратынского можно и это вознаграждается хорошим барышом?

Возьмите сборники избранных стихотворений русских поэтов, изданные Сальниковым[2], Бонч-Бруевичем[3], П. Я.[4] и др., — что это, как не изнасилование всех русских поэтов сразу и поодиночке. И этих негодяев не вешают, но раскупают во множестве изданий.

И вот что мне пришло в голову. Почему бы «Ниве» не издать *настоящий* сборник русской поэзии?

Настоящий сборник должен быть, во-первых, начат *с Некрасова*, так как Жуковский, Пушкин, Лермонтов у всех есть и надоели еще в гимназии, и сделают книгу похожей на учебник, и отобьют охоту к ее приобретению. Так и назвать сборник «От Некрасова до наших дней» или что-н<и>б<удь> в этом роде.

Сборник должен иметь 700 (приблизительно) страниц и его нужно разбить на периоды: от Некрасова до Надсона, от Надсона до декадентов, от декадентов до нашего времени и т. д.

Кроме того, четверть книги будет занята отделами: а) юмористическая поэзия, в) гражданская поэзия, с) переводная поэзия. Те стихотворения, которые разрешены для публичного чтения, будут отмечены звездочкой.

Будет дан портрет каждого поэта, биография, библиография и *критическая характеристика* – все в 40–50 строках, живым и простым языком.

Составление этой книги должно быть непременно поручено *мне*.

Барыша мне это не даст, славы тоже. Если я этого добиваюсь, то только потому, что мне больно видеть, в какие гнусные руки попала русская поэзия, и мне хочется дать русскому читателю действительно *самое прекрасное*, что есть в нашей поэзии. У меня есть несколько заграничных изданий этого рода, — и я не успокоюсь, покуда в России не будет чего-нибудь подобного[5].

«Радикальные» составители этих сборников пропускают Голенищева-Кутузова, К.Р. и Фета и дают какого-то Пушкарева, Носачева, Болдакова, — а декадентствующие знать не хотят Некрасова и все заливают Бальмонтом и Балтрушайтисом, — я же не декадент, не радикал, я люблю всех, я всех признаю и у каждого найду несколько красивых строк, несколько увлекательных напевов. Если этот сборник будет составлять какой-ниб<удь> старик, он непременно растеряется при соприкосновении с молодой поэзией, я же *всех* современных поэтов знаю лично, все стихи знаю наизусть и выбрать из них лучшее, для всех понятное и прекрасное могу без труда.

«Ниве» это издать нужно еще вот почему: у нее есть полные собрания стихов Фета, Полонского, Майкова, Плещеева, Случевского etc., etc. и подобный сборник может служить хорошей рекламой для них. Кроме того, при сравнительной дешевизне этого сборника (2 р.), он может пойти, как «Дом и хозяйство», как «Узоры для вышивания», вообще, как все справочные книги, издаваемые «Нивой». Кроме того, через некоторое время можно было бы расширить эту книгу до таких размеров, чтобы дать ее как иллюстрированную библиотеку «Нивы» (напр., в первый том дать хрестоматию прозаических отрывков, во второй литература теоретическая, в третий поэзия — и все с иллюстрациями).

Пожалуйста, расскажите это, при первой оказии, Лидии Филипповне[6], и я уверен, что она немедленно же согласится.

Ваш *Чуковский*

Простите за длинное письмо. Я уверен, что Вы его не прочтете.

[1] Датируется предположительно.

[2] См.: Русские поэты за 100 лет... Сборник лучших лирических произведений русской поэзии / Сост. и предисл. А.Н. Сальникова. СПб., 1901; Современные русские поэтессы... Сост. А. Сальников. СПб., 1908.

[3] См.: Избранные произведения русской поэзии / Сост. В. Бонч-Бруевич. М., 1894. До 1917 года вышло пять изданий.

[4] См.: Русская муза. Собрание лучших оригинальных и переводных стихотворений русских поэтов XIX века / Сост. П.Я. (П.Ф. Якубович), СПб., 1904.

[5] Осуществить подобное издание Чуковскому удалось лишь пятьдесят лет спустя — см.: Русские поэты. Антология: В 4 т. М.: Дет. лит. 1965–1968.

[6] О Л.Ф. Маркс см. примеч. 6 к письму **320**.

328. В.В. Розанову

1 (14) января 1916 г. Куоккала[1]

Несправедливый Василий Васильевич. — Все Ваши книги: «В мире неясного», «Инквизитор», «Лит. Очерки», «Около церковных стен» и проч. были мною покупаемы ревностно[2]. Иные по нескольку раз. Но в эту зиму я беден до смешного: ведь почти ничего не печатаю, лекций никаких не читаю. «Розановского» же захотелось внезапно: мне всегда весною или в оттепель (когда похоже на весну) — хочется Блока и Розанова.

Затем и послал Вам свою бедную книжку, чтобы дорваться до «Листьев»[3]. Моей книжки не читайте, не нужно, просмотрите только первые две главы.

О Уоте Уитмене: Вы его ощутили правильно: он стоеросовый, без оттенков, без «живописи»[4]. Но жаль, что у Вас под рукой было изрезанное цензурой издание: его мысли *о поле* поразительно совпадают с Вашими ощущениями: есть десятки фраз слово в слово выписанных из «Людей лунного света» и пр. Я даже собираюсь напечатать в *«Аполлоне»* статью «Уитмен и Розанов», в коей многое Вас удивит. Теперь в Англии выходит сборник «Русские религиозные мыслители». Я отрекомендовал туда (для перевода) Вашу статейку «Об Иисусе Сладчайшем» из «Русской Мысли»[5]. Получив Вашу книжку, я показал ее Репину. Илья Ефимович долго смотрел фотографии, где Варвара Дмитриевна с детьми, и сказал: «Это замечательная, светлая женщина». Прощающий Вам Вашу невежливость

Чуковский

[1] Открытое письмо. Датируется по почтовому штемпелю: Куоккала. 14.1.16.

[2] Перечислены основные книги В.В. Розанова: «В мире неясного и нерешенного» (СПб., 1901), «Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Досто-

евского» (М., 1906), «Литературные очерки» (Пб., 1899), «Около церковных стен» (Т.1. СПб., 1906, Т. II. СПб., 1906).

[3] Чуковский послал Розанову свою новую книгу: *Чуковский К.И.* Поэзия грядущей демократии. Уот Уитмэн. С предисловием И.Е. Репина. М., 1914. Вероятно, он выразил желание получить недавно вышедший Второй короб «Опавших листьев» В.В. Розанова. Розанов прислал свою книгу с назидательной надписью: «Nota bene: Книги замечательных авторов, и замечательные сами по себе, критики должны покупать на собственные деньги. Что же это за "любитель литературы" (= критик), которому жаль на книгу *с незатасканною мыслью* вынуть из карман 2 р. 50 к. "Да ты лучше *не обедай* — а купи книгу стихов Лермонтова, песен Кольцова, Полежаева и Розанова". Вот, молодежь (и Корней Иванович Чуковский) слушай, что говорит Розанов 59 лет. Корнею Ивановичу Чуковскому сердящийся на него В. Розанов».

[4] В своей рецензии на книгу Уолта Уитмена, полученную от Чуковского, Розанов писал: «К.И. Чуковский усиленно впихивает в русскую литературу Уолт Уитмена. Чуковский делает свою пропаганду с большим мастерством, и написал об Уитмене книжку, которая читается с живою прелестью ощущения, приложил к книжке несколько его портретов (превосходное, классическое лицо, борода — "хоть кому на плечи"), дал снимок хижины, где он родился, снимок его почерка, и среди своих похвал тонко вплел похвалы знаменитостей своему кумиру». Процитировав далее стихи Уитмена, Розанов не без ехидства в качестве параллели к ним выдвигал Козьму Пруткова, а по поводу апологии Уитмена писал, что Чуковский «страшно, безумно обманут, — можно сказать, гениально обманут гениальным самообманщиком, т. е. Уитмен чистосердечно и внутри себя обманулся о себе самом, приняв какой-то универсализм проституционности за универсализм демократии, и это-то проституционное, совершенно холодное — формальное всеосязание — приняв за пантеизм, за всебожие, за человеколюбие!!! У него это "сплошь", как в проституции, у него все — "друзья", как у проститутки каждый есть "гость"... Фу! Фу! Какая слепота. Уитмен — слепой и глухой, ибо он не *различает* и от этого не *выбирает ни красок, ни звуков, ни лиц*... А *душа* человеческая? — он о ней и понятия не имеет» (Новое время. 1915. 10 авг.). Следующая статья Розанова «Еще о демократии, Уитмене и Чуковском» стала продолжением его «антиуитменовского похода». Розанов писал, что творчество американского поэта отражает «явление мирового о-бездушивания, о-безличения, но с дифирамбами, с колокольцами, с бубенчиками и полным счастьем... Знаете: для великой грусти нужно иметь ум. И Великое падет непременно с грустью... Но мелкое и "гаер в себе самом" непременно, и падать-то, и умирать-то будет с бубенцами... Поразительно, что во всем Уитмене нет ни одной грустной строчки... Да и ни одной в собственном смысле — размышляющей, думающей. Половина книги Чуковского состоит из переводов. Тут много яркого, поражающего; много формул прекрасного алгебраическо-

го закругления. Но нельзя нигде открыть: “задумчивого лица Уитмена”. Не страшно ли? Мне — страшно». (Там же. 13 авг.) В письме Чуковский отвечает на эти статьи Розанова. Но настоящим его ответом станет статья «Розанов и Уолт Уитмен», которая появится уже после октябрьского переворота 29 марта 1918 года *(Т. 10.* наст. изд.).

[5] *Розанов В.* О Сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира // Русская мысль. 1908. Кн. 1. С. 33–42. Сведений о публикации этой статьи в Англии нет.

329. В.В. Розанову

14 (27) января 1916 г. Петроград[1]

Дорогой Василий Васильевич. Я очутился в лечебнице Кальмейера (Петербургская сторона, Большой проспект, 100). Лечебница важная: здесь умер Маковский, лечились Столыпин и Тэффи[2]. У меня малокровие мозга, равносильное умственной смерти, и шутники-доктора велят бросить всякую работу, а как ее бросишь, когда трое детей и т. д. Я хотел бы написать Вам большое письмо, да вот не могу. Хотел написать статью о Вас — да отложил на потом. Кстати: Короленко совсем не такой, как Вы думаете[3]: он в личных беседах (а я бывал у него в семье ежедневно) задушевен, остроумен, полон смеха, анекдотов, лиризма. Как Вы ни злитесь на радикалов, мне все кажется, что это «так себе», facon de parle[4]. Ведь радикалы Вас оценили и поняли, а в «Новом времени» — кому Вы нужны? Там и стиля Вашего не понимают, Ваших нервических подмигиваний, «кавычек», шепотов, всей музыки, всех ваших капризов, всех полуправд и кокетливой прелести. То, что Вы сказали о Гоголе (в «Опавших листьях», короб 2-ой[5]) — отлично, сказано навеки. — Репин года два тому назад сказал мне с удивлением о Розанове:

А Вы заметили, какой у него лоб? Очень благородной формы...[6]

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по почтовому штемпелю отправления: Петроград. 14.1.1916.

[2] Вероятно, имеются в виду живописец *Маковский К.Е.* (1839–1915), государственный деятель *П.А. Столыпин* и писательница *Тэффи* (псевдоним Н.А. Лохвицкой, в замужестве Бучинской, 1872–1952).

[3] Вероятно, Чуковский, получивший Второй короб «Опавших листьев» в подарок, имеет в виду «лист», начинающийся словами: «Вся русская “оппозиция” есть оппозиция лакейской комнаты, т. е. заднего двора — по тону...», где есть следующее высказывание о Короленко: «...“дворовый человек” — Короленко, который не может прожить дня, если ему не удастся

укусить исправника или земского начальника или показать кукиш из кармана "своему полтавскому губернатору". А то — и повыше, — думает он с трясущимися поджилками» (Цит. по: *Розанов В.В.* О себе и жизни своей. М., 1990. С. 442).

[4] способ выражения *(франц.)*.

[5] Во втором коробе «Опавших листьев» много самых разных высказываний о Гоголе, но Чуковский скорее всего имел в виду следующее: «Перестаешь верить действительности, читая Гоголя. Свет искусства, льющийся из него, заливает *все*. Теряешь осязание, зрение и веришь только ему» и «Щедрин около Гоголя, как конюх около Александра Македонского. Да Гоголь и есть Александр Македонский, так же велики и обширны его завоевания. И "вновь открытые страны". Даже — "Индия" есть». (Там же. С. 354.)

[6] Совершенно противоречит словам Репина о Розанове, которые Чуковский приводит в своем дневнике *(Дн.-13.* С. 458).

330. И.Е. Репину

Конец января 1916 г. Петроград[1]

Дорогой Илья Ефимович.

Я в Питере. Хотел в эту среду вырваться к Вам, доктор не пускает. Я — в лечебнице Кальмейера — в двух шагах от речки Карповки. Из моего окошка виден дом № 19[2]. Сегодня я соблазнился и был у Ваших — на минутку, не снимая пальто, глянул своими слепыми глазами на всю сверхъестественную красоту, которая собрана в этих комнатах, — и еще раз проклял себя, что я так глупо и бездарно болен, что всякие большие впечатления — для меня яд и вред... Лечат меня умно, без лекарств, — ваннами, душами и строгим вегетарианским режимом. Гуляю я *на крыше,* на 7 этаже, или по нелюдным улицам. Раз забрел к Ермакову в Штаб, по важному делу, бедный Николай Дмитриевич буквально раздавлен бумагами, которые так и сыплются на него без конца. Видел там же Лопатина-Шуйского: унылый и дохлый, жалкий. Заходил же я туда, чтобы справиться, при содействии Николая Дмитриевича, о судьбе своей *английской* книжки[3]. Дело в том, что министерство Народного Просвещения, Военное Министерство и Британский посол одобрили эту книгу для чтения в войсках и гимназиях, но *цены ее в своих циркулярах* не указали и многие учреждения выписывают по 300 экземпляров, думая, что книга пятачковая. Заказы поступают тысячами ежедневно. Если хоть половина заказов окажется не дутыми (все больше из армии), то через неделю мы напечатаем 15.000 экз. Счетов я еще с «Нивой» не сводил, жду, когда выяснится дело.

Простите, что пишу Вам так много и о таких пустяках, но не беседовать с Вами две недели для меня почти невыносимо. Марья Борисовна на меня даже рассердилась: «так тебе не скучно без детей, а по Илье Ефимовичу ты скучаешь!» Но ей-богу в это воскресение я готов был скулить, как щенок. Попал я в больницу, потому что у парикмахера в прошедший понедельник вдруг лишился чувств (это секрет от Мар<ии> Бор<исовны>) и потом долго не мог ни рукой ни ногой. Истощили проклятые бессонницы. Здесь я сплю, но мало; водолечение действует волшебно. Я так привык ко всему Пенатскому и всему Куоккальскому, что мне скучно даже без Антония Печерского[4], без его баса и хохлацкого чуба. Жму его казацкую руку!

Ваш *К. Чуковск<ий>*

Пет<роградская> Ст<орона>
Большой Пр<оспект>, 100

[1] Датируется по содержанию.

[2] *Лечебница Кальмейера* на Большом пр., 100, — ныне Институт Скорой помощи. Набережная Карповки, 19, — дом, в котором находилась квартира, где жила первая жена Репина Вера Алексеевна и дочери художника — Вера и Надежда.

[3] Речь идет о книжке Чуковского «Заговорили молчавшие: Англичане и война» (4-е доп. изд. Пг.: Изд. т-ва А.Ф. Маркс, 1915).

[4] *Антоний Печерский* — прозвище Антона Михайловича Комашко, художника, земляка и ученика Репина, жившего в «Пенатах» в 1915–1918 гг.

331. А.Е. Розинеру

Январь 1916 г. Куоккала[1]

Дорогой Александр Евсеевич.

Спасибо за благовестие. Все мысли так и завертелись во мне. А лекции? А лыжи? А...

Даст ли «Нива» мне тысячу рублей авансу — под статейки о моих впечатлениях? Если нет, ехать ли?[2] Ах, если б Вы были Чуковским, а я Розинером.

Обнимаю

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по содержанию.

[2] Возможно речь идет о предложении поехать в Англию в феврале 1916 года с делегацией русских журналистов.

332. Л.К. Чуковской

Начало февраля н. ст. 1916. Гельсингфорс[1]

Лидочка! Я сейчас сажусь на пароход — и 2 дня буду в море.

Погода чудесная — солнце. Напиши мне что-нибудь в Лондон[2]. Здесь у меня много знакомых девочек.

Папа

<На обороте открытки — рисунок с надписью>: Parti fra Piperviken. Kristiania[3]. <Рукою К.И. приписано:> Христиания[4]. Пусть Коля тебе покажет, где это.

[1] Почтовый штемпель поврежден. Дата установлена по времени поездки Чуковского в Лондон. Адрес отправления: Kuokkala. Russia.Rusland, Finland.

[2] «Во время Первой мировой войны Англия была нашей союзницей, — вспоминал Чуковский спустя полвека. — В 1916 году группа русских литераторов по приглашению английского правительства поехала в Лондон <...> Ехать нам пришлось кружным путем через Финляндию, Швецию и Норвегию» *(Чукоккала.* С. 174).

[3] Вид на залив Пипервикен (*норвежск.*).

[4] *Христиания* – так называлась тогда столица Норвегии, Осло.

333. М.Б. Чуковской

4 февраля н. ст. 1916 г.[1]

Дорогая. Скоро — через час — Стокгольм. До сих пор мы едем по бесконечной Куоккале, хотя проехали уже четыре Белоострова, где наши паспорта изучались целыми часами[2]. Так и кажется, что вон по той тропинке пройдет-проплывет Валентина Блинова[3], а по этой промчится на лыжах Кармен[4]. Те же сосны, те же заборы. И сюда мы едем теплой компанией[5]. Наш принц — Толстой. Он толстый, с графской походкой, говорит медленно — одет солидно: в корреспондентскую или охотничью куртку — но так же много хохочет и ерундит, как прежде. На вокзале в Питере он снял шапку, перекрестился на икону: вот вам крест, что я вас измордую в своих фельетонах. Как смеете вы так запаздывать! — Второй персонаж Mr. Wilton: смесь русского казака и английского барина. По-русски говорит великолепно, ходит в русском полушубке и бараньей шапке. Он ухаживает за нами, как за детьми, закатывает в вагоне-ресторане обеды, сдает багаж, и глаза у него черные, голова седая. Он очень горяч в спорах, искренний, прямой и детски весел. Набоков держится с нами чудно, недавно нес мой чемодан на вокзал — но в стороне: сидит в своем купе и читает. Едем мы первым классом, у каждого отдельная комнатка, так что я хоть немного, да сплю. Третий — Немирович-Данченко. Он

рядом со мною. Он уже видел 6 или 7 войн, специалист по войнам, но сейчас ворчит, раздражается. Его злит, должно быть, его старость (хотя держится он молодцом: 73 года), и то, что он не знает ни одного языка, и то, что Толстой рассказывает лучше, чем он, — и он часто повторяет: «Если б я знал, ни за что не поехал бы». Но, в общем, он любезный и хорошо, товарищески держится. Пятый — нововременец Егоров. У него больное ухо, он перевязан какой-то черной тряпкой, лицо у него изжеванное, все в морщинах, платье небрежное, — тип с картины Маковского[6]. Но он такой домашний, уютный, словно знал его тысячу лет. Последний — Башмаков, бывший редактор «Правительственного вестника», держится в стороне: лысый, юдофоб, очень ученый, по образованию — юрист, с самого Питера начал говорить ту речь, которую он скажет в Лондоне, читает «Историю Англии» и подчеркивает эффектные места.

Мы сделали огромный крюк, проехали всю Швецию сначала на север, потом на юг, к Стокгольму. Англичан пять-шесть семейств, которые сначала держались в стороне, а потом, узнав, что мы едем по приглашению британского правительства, стали очень ласково смотреть в нашу сторону. Есть несколько шотландцев, которые у самого Полярного круга ходят при остановках поезда без шапок и водят своих детей гулять с голыми ножками. Я познакомился со многими из них, и один инженер, едущий из Китая, очень безобразный, рябой, сказал мне, что многие англичане дали бы 100. 000 рублей, чтоб увидеть то, что мы увидим. Нас ведь будут катать на броненосце, мы будем летать на аэропланах, ездить в подводных лодках и т. д. Что делаешь теперь ты? Мне почему-то кажется, что ты уже рассчиталась с нашей кухаркой. Лечись, милая, и занимайся ежедневно английским. *Деньги будут.* Не жалей их. Мы заживем уютно. Пусть твой перевод «Красота отдается в наем» печатается без меня. Ты только проставь вначале чья это вещь, какого автора. Илье Ефимовичу — привет.

До сих пор я не раскаиваюсь, хотя все мои товарищи уже начинают дрожать перед перспективой морского пути. Из Стокгольма мы едем в Христианию. Деткам поцелуй, тебе — что хочешь. Трудно писать: качает. Завтра напишу опять.

Твой *Корней*

[1] Датируется по содержанию. См. в кн: *Набоков В.Д.* Из воюющей Англии. Петроград. [1916]. С. 4: «Мы выехали <...> 1-го февраля по старому стилю. 2-го мы переехали границу, 4-го были в Стокгольме...»

[2] Куоккала, где жили до революции Чуковские, находилась в Финляндии. *Белоостров* — пограничная станция между Финляндией и Россией, где проверяли паспорта у всех едущих из Куоккалы в С.-Петербург.

[3] Куоккальская соседка Чуковских.

[4] О *Л.О. Кармене* см. примеч. 19 к письму **5**.

[5] В делегацию, кроме Чуковского, входили: писатель *А.Н. Толстой; Вильтон* (Wilton) Роберт Арчибальд (1868–1925), корреспондент лондонской газеты «Таймс» в Петрограде, автор книг о России; *Набоков* Владимир Дмитриевич (1869–1922, убит), юрист, редактор-издатель газеты «Речь», один из лидеров кадетов, отец писателя В. В. Набокова (Сирина); *Немирович-Данченко* Василий Иванович (1844–1936, умер в эмиграции), писатель; *Егоров* Ефим Александрович (1861–1935, умер в эмиграции), журналист, сотрудник «Нового времени»; *Башмаков* Александр Александрович (1858–1943), журналист.

[6] Упомянут Владимир Егорович *Маковский* (1846–1920), художник-передвижник, героями картин которого были мелкие чиновники и горожане.

334. А.Н. Чеботаревской

2 (15) февраля 1916 г. Хаукипудас[1]

Дорогая Анастасия Николаевна.

Шлю Вам с Полярного круга привет[2] и просьбу — не сердиться на меня за мое неприбытие на чествование Оскара Уайльда[3]. Я действительно болен, и, если обещал участвовать, то в надежде, что поправлюсь после лечебницы Кальмейера. Но лечебница только ухудшила мое положение. И вот теперь за границу везут не меня, а мои мощи. Едущие со мной товарищи знают, что уже 3 ночи я не вздремнул ни на миг. Так что не сердитесь, пожалуйста, и оправдайте меня в глазах Наталии Ильиничны.

Сердечно кланяюсь Федору Кузьмичу. Если увидите Н.Н. Евреинова[4], кланяйтесь и ему. Через несколько часов — мы в Швеции.

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по почтовому штемпелю отправления: 15.11.16. Хаукипудас.

[2] Открытка послана по пути в Лондон.

[3] В 1916 году отмечалась 62 годовщина со дня рождения О. Уайльда.

[4] О *Н.Н. Евреинове* см. примеч. 3 к письму **259**.

335. М.Б. Чуковской

9 (22) февраля 1916 г. Лондон[1]

Итак, из Нью-Кастля мы проехали в Лондон. На вокзале нас встретили репортеры, К. Набоков, Aladin[2] и проч. Повезли нас в

отель «Савой», где для каждого из нас приготовлены огромные чертоги. У меня есть гостиная, спальня, столовая, ванна, — на столах живые цветы, сирень, — всюду десятки зеркал — я даже на картинках не видал такого великолепия. А башмаки у меня дырявые, и вчера я должен был спешно покупать себе фрак: вчера в Reform Club — русско-английское общество давало нам обед сверхъестественный. Рядом со мною сидел Конан Дойль, автор Шерлока, дальше Edmund Gosse, знаменитый критик, редакторы «Morning Post», «Spectator», «Westminster Gazette», и конечно, я сейчас же соорудил «Чукоккала» — и получил множество редчайших автографов[3]. Завтра будем представляться Королю, а сейчас ночь, я не сплю. Путешествие было дивное — мы ехали дружно — много гуляли по палубе, без пальто — погода весенняя — небо синее, облака белые, пена сверхъестественная. В поезде из Нью-Кастля в Лондон я ехал 3-м классом, и всю дорогу болтал с солдатами и матросами, чуть прибыл в Лондон — с Miss Peacock и десятком интервьюеров, потом с портным, потом на банкете со всеми лордами и джентльменами, так что приеду домой с насобаченным языком и во что бы то ни стало буду с тобою болтать по-английски. Милая! Не бросай переводов. Теперь, когда я познакомился с писателями, легко будет доставать рукописи для переводов. Лечись, как можешь, надеюсь, что деньги у тебя есть. Вернувшись, я заработаю кучу денег лекциями и статейками. Послезавтра я завтракаю с Ллойд Джорджем[4], потом нам дают банкет представители прессы и т. д., и т. д. А потом мы едем на броненосце во Францию. Теперь я понял, где я могу излечиться — на пароходе: качка так убаюкивает. Сейчас подошел к окну (а оно величиной с наш дом) и увидел иглу Клеопатры и Темзу, как раз то место, где мы сидели с тобою, когда ты уезжала в Россию. Боже, сколько женщин бегут на работу! В Лондоне теперь женщины всюду, и в Нью-Кастле нашими автомобилями управляли две франтоватые барышни. В Савой приходили miss Peacock и С.И. Рапоппорт — повидаться со мною, и они разговаривали со мной так, как будто бы меня назначили министром. (Представь себе: в поезде я встретился с дядей miss Гофф). Денег у меня почти <зачеркнуто>, но я не унываю, я чувствую, что поездка эта — на всю жизнь. Сейчас оденусь и пойду на Store Street, где мы с тобою жили, молодые, а потом на Great Titchfield Street, и пройду в Тьюбе на Банк Стэшон, где Mr. Смит отдавал внаем красоту.

Здесь, в Лондоне, я думаю о тебе ежесекундно, вспоминаю тебя на каждом шагу. Сегодня буду говорить в телефон с Dioneo[5] и может быть увижу Джоджи-Поджи. Странно подумать, что Dionейше теперь лет 45? , а Джоджи — солдат, юноша. Я пойду к

Британскому Музею и увижу тебя, выходящей из его ворот. [Конец письма не сохранился.]

[1] Датируется по воспоминаниям К.И.: «21 февраля 1916 года ассоциация английских журналистов устроила в нашу честь банкет в помещении Реформ-клуба» и по записи Рональда Росса в Чукоккале на этом банкете *(Чукоккала.* С. 183, 185). В.Д. Набоков пишет: «В первый же вечер committee of reception, с лордом Уэрделем во главе, чествовал нас банкетом в великолепном помещении Reform Club. В состав комитета вошел ряд выдающихся представителей литературы, периодической печати, науки. Из наиболее известных в России имен назову Conan Doyla и Ronald Ross'a, известного ученого, посетившего Россию в 1912 году» (Из воюющей Англии. Пг., [1916]. С. 16).

[2] О *К.Д. Набокове* см. примеч. 5 к письму **152**; Об *А.Ф. Аладьине* см. примеч. 4 к письму **6**.

[3] Автографы, собранные Чуковским во время этой поездки, см.: *Чукоккала* (по Предметному указателю).

[4] *Ллойд Джордж* Дэвид (1863–1945), премьер-министр Великобритании (1916–1922).

[5] О *Dioneo* см. примеч. 2 к письму **2** и примеч. 11 к письму **56**.

336. М.Б. Чуковской

После 28-го февраля 1916 г. Лондон[1]

Лондон все тот же — и совсем другой. Помнишь омнибусы — с кучерами наверху. Они исчезли. Вместо них тысячи омнибусов-моторов, к<ото>рые так и текут по улицам. Вместо одной underground[2] — теперь целая сеть разветвлений во все стороны. Но по-прежнему сквозняк в коридорах tube'е, по-прежнему кондуктора кричат на каждой станции пугающим голосом: «Блумсбери стрит!» — «Гольборн», по-прежнему лошади, везущие кладь, огромны; по-прежнему по утрам горничные моют ступени, по-прежнему большинство магазинов объявляют распродажу и наклеивают на дешевку в окне огромные цифры сбавляемых цен.

Сейчас нас позвали в полицию. Я не понимаю, почему. Хотят удостоверить нашу личность. Is it not strange?[3] Меня принимал король, сэр Эдвард Грей, лорд Китченер и сэр Джон Джеллико (министр иностранных дел, военный министр и командующий всем британским флотом), мне показывали все тайны, недоступные самим англичанам — какие строятся теперь суда, аэропланы и проч., я был в стоянке Главного флота, куда с самого начала войны не мог проникнуть никто, — но местный пристав во мне сомневается!

Сегодня первый день отдыха — я думал сесть и писать — но весь день разбит необходимостью бежать в участок. **1916**

Встретил в гостинице полицейского, объяснил ему все — и он, узнав, что я гость британского правительства, разрешил мне не ходить в участок.

Знаешь, я смотрю на Лондон, как на санаторию. Уход замечательный: в 9 час. «porri<d>ge» и фрукты и кофе, в 1 час. «лэнч», в 7 час. дивный обед, в 11 ч. ужин, в 12 ч. — спать. *Ни разу* этот порядок не нарушался. Мы были в море на миноносце, мы были в городе Портсмуте, на фабриках — мы были в поезде в Шотландии, всюду эти часы соблюдались свято. Кроме того — я вечно на воздухе, умственной работы никакой и — что самое главное — я совершенно отвык от раннего отправления в постель, ложусь в 12, встаю в 6, 7. Все, казалось бы, хорошо, но, глянув нечаянно в зеркало, я увиден тощее, черное, больное, нехорошее лицо и испугался.

Только что вернулся из лагеря, где живут солдаты-австралийцы. Нас возил туда их главнокомандующий сэр Ньютон Мур, генерал, — и первый министр Фишер, бывший когда-то рудокопом, а теперь первый после короля во всей Австралии[4]. Как ты, должно быть, знаешь, австралийцы были посланы англичанами в Галлиполи, и там турки истребили их огромное множество — и вот теперь остатки их войска приехали в Лондон. Их встретили как героев и мучеников, их заласкали, задарили подарками. Ты бы посмотрела, как они живут. Их казармы — дворцы, ходят они важно, чести офицерам не отдают. Генерал делает им смотр, а в это время снимают его «кодаком». Мы с Фишером вошли в один барак, солдаты играли в карты — и не бросили ни на минуту играть. Мне они так понравились (все похожи на Шаляпина), что я остался с ними весь день, ходил из казармы в казарму, нашел среди них знаменитого героя, который, жертвуя жизнью, спас товарищей, пробыв 50 часов под огнем. Этот герой оказался щуплым евреем[5], очень похожим на Волынского[6]. Я напишу о нем в «Речь».

Ты больна — и, конечно, не лечишься. Ты думаешь, что у нас нет денег. А между тем у нас деньги есть, я свободно могу взять авансом в «Рус<ском> Сл<ове>» 1000 рублей — и отработать шутя. Пожалуйста, не жалей денег.

Детей я никаких видеть не могу, так скучаю по своим. Недавно, когда я сидел у посла, вошла к нему его внучка, с голыми ножками, англичаночка (как рисуют на картинках) — и сказала — Grandpa! Sugar, please![7] — и принесла ему огромную сахарницу — он вынул кусок сахару и положил ей в рот.

Я чуть не разревелся, вспомнив Бобу[8].

Ну, прощай. От тебя только одно письмо. Тороплюсь писать статью.

Твой *К.*

[1] Датируется по содержанию. Две первые страницы оригинала — в *Стокгольмском архиве,* последняя, третья — в *Архиве Е.Ц.Ч.*

[2] Подземка *(англ.).*

[3] Разве это не странно? *(англ.)*

[4] Свои впечатления Чуковский подробно описал в статье «Австралийцы» (Русское слово, 1916, 1 (14) мая). Из этой статьи мы узнаем, что *Фишер* — «полномочный представитель австралийской колонии при британском правительстве... Один из создателей австралийского флота».

[5] В статье «Австралийцы» Чуковский назвал его имя — *Кизор* и описал его подвиги.

[6] Об А.Л. Волынском см. «Список адресатов».

[7] Дедушка! Пожалуйста, дай сахар! *(англ.)*

[8] *Боба* – младший сын К. Чуковского.

337. М.Б. Чуковской

Март 1916 г. Лондон[1]

[Начало письма не сохранилось. — *Сост.*] ...не знает ни звука. Оттуда я через пять минут вернулся в «Савой», нашу гостиницу, откуда тотчас же должны были ехать к лорду Китченеру[2] в Военное министерство. Опять автомобили. По лестнице наверх. Масса солдат, офицеров снует по лестнице. Городовые. Нас встречают секретари Китченера, низенькие приятные человечки. Я сдуру захватил для Чукоккалы тетрадь. Но автографа не добился. Гениальный организатор четырехмиллионной армии, моложавый, но очень суровый мужчина, с нависшими бровями, принял нас на секунду; мы ввалились в комнату в пальто. Он отрывисто спросил: «А видели флот? Он вам понравился? Были во Франции? Кланяйтесь русским солдатам» (и так далее — все в одну секунду). Оттуда мы поехали к лорду Уэрдлю[3], пригласившему нас в Автомобильный клуб пить чай. Русская офицерская форма Набокова привлекает общее внимание. Мы сели в шикарной чайной комнате за два столика. Толстой повел себя по-московски — непринужденно. Его ужасно возмущает, что он <не> может выписать к себе Крандиевскую[4], свою гражданскую жену. Об этом он и заговорил очень громко. — Потом лорд Уэрдль, маленький краснолицый весельчак, повел нас вниз показать гордость клуба — огромный бассейн, где каждый член клуба может купаться, нырять и пла-

вать — особенно после выпивки. Так нас мотают целые дни — не давая никакой возможности написать ни строки, отдохнуть, сосредоточиться, очнуться.

Французское правительство пригласило нас также во Францию — но я отказался, ибо чувствую, что изнемог окончательно и писать ни о чем не умею. Мне в этих огромных палатах кажется раем маленькая комнатушка в Куоккале. Чернилами я пишу на другой день, ибо, увы, меня прервали и послали к русскому послу. Посол, очень милый старик, граф Бенкендорф, оказывается уже неделю назад получил приглашение для нас со стороны французских властей, но ответа мы французскому правительству не дали, и он просил нас немедленно дать ответ. Простившись с ним — я поспешил к товарищам; выяснилось, что я и Набоков возвращаемся в Россию через недели две, а Немирович, Толстой, Егоров и Башмаков едут на французские позиции. Сегодня утром нас — в специальном поезде возили в Портсмут. Боже, что мы там видели! И опять речи, угощения и проч.

Вернулись мы поздно. Вечер. В голове вертятся заводы, доки, аэропланы, броненосцы — а завтра мы с утра едем в город Альдершот смотреть ученье солдат. Сейчас я пойду, наполню водою ванну — и вымоюсь дочиста, а потом опять сяду писать. Здесь всюду трава зеленая, в парках цветут подснежники, — и в деревне погода кажется иногда майской. Очень, очень хорошо, и люди отличные, сытые, но у меня такая почему-то тоска, что я боюсь оставаться один... Получила ли ты то письмо, где я описываю свое свиданье с Жаботинским[5], Зинаидой Венгеровой и Фарбманом? Жаботинский — очень пустопорожен, то есть, провинциален и скучноват, хотя мил бесконечно! Не чувствуется обаяния таланта. Я обедал с ним у Шкловской, и это было скучнейшее время. Боже, до чего я устал. — В ванну!

Ну, вот после ванны. Поужинал: яичница и компот. У нас собственная столовая. Собрались Егоров, Толстой и Немирович... Опять прервали. Прощай. Целую.

Деток очень целую тоже. Жаль, что не взял их карточки.

(продолжение письма, написанного ночью)

Сейчас была у меня Дионейша, ничуть не постарела, добрая по-прежнему, мы с ней вспоминали былое, проехались на верхушке омнибуса — просит передать тебе поцелуй. Покажи детям вид на конверте: это тот отель, где мы стоим. Сегодня во всех газетах появились о нас статьи и статейки, от репортеров нет отбою. Сейчас заезжал с визитом лорд Уэрдль, — я чувствую себя каким-то Хлестаковым.

1916 Сегодня в Лондоне гнусно: снег, дождь. Я простудился — кажется, завтра слягу. И вообще, шепну тебе, что мне вся эта суета — тягостна.

Ах, если бы вместо меня был Коля, он навеки был бы восхищен. А мне и смотреть не хочется после бессонницы.

Твой муж *К. И. Чуковский*

[1] Датируется по содержанию.

[2] *Китченер* Горацио Герберт (Kitchener Horatio;1850–1916), английский военный министр.

[3] *Уэрдль* Филипп Джеймс (1847–1923), президент межпарламентского союза.

[4] *Крандиевская* Наталия Васильевна (1888–1963), поэтесса, жена А.Н. Толстого.

[5] О *В.Е. Жаботинском* см. примеч. 10 к письму **6**. С началом Первой мировой войны Жаботинский стал корреспондентом «Русских ведомостей» и регулярно публиковал заметки о боевых действиях англичан на Ближнем Востоке. Письмо, о котором спрашивает Чуковский, не сохранилось.

338. И.Е. Репину

10 (23) марта 1916 г. Париж

Paris, le Pic 23 [марта] 1916
Palais d'Orsay. Grand Hotel[1]

Дорогой Илья Ефимович.

Пишу Вам из Вашего Парижа. Здесь весна, деревья в цвету Я так восхищаюсь всем, что хочется камни целовать! Жаль, что я не знаю, где Вы жили, я бы разыскал этот дом[2]. Приехал вчера вечером, бросился в Латинский квартал. Видел собор Парижской Богоматери, бродил над Сеной и чувствовал, что здесь моя настоящая родина. Сегодня утром пошел на Rue de Rivoli, отыскал № 210 и предположил почему-то, что здесь жил Тургенев; побродил по *Вашим* местам, по Латинскому кварталу, ужаснулся Эйфелевой Башне — и вот теперь тороплюсь набросать две строки — ибо пришел негодяй-репортер и выматывает всю мою душу. До свидания, родной И<лья> Е<фимович>, через две недели буду в Куоккала! Летал на аэроплане[3], три раза был под огнем, видел десятки разрушенных бельгийских деревень — расскажу по приезде все.

Ваш *Чуковский*

Здесь Максимилиан Александрович Волошин, который шлет Вам привет.

[1] Париж, ле Пик 23 [марта] 1916. Пале д'Орсе, Гранд-Отель.

[2] Репин сменил в Париже несколько адресов. Первая квартира располагалась на Rue Veron, 13. Позже он жил на Rue le Pic, 12.

[3] Чуковский рассказывает, что «во время посещения военных позиций во Франции», он получил разрешение «полетать». О своих ощущениях от полета Чуковский писал: «... и вот после недолгих хлопот на меня напяливают неуклюжую куртку, кожаные желтые брюки и теплую шапку с наушниками. Мне весело, хочется петь и мальчишествовать. Я никогда не летал; панически боюсь высоты; на высоких балконах и лестницах прямотаки умираю от страха и однажды, увидев на колокольне красильщика, в ужасе пригнул к мостовой голову да так и прокоченел минуты две. Почему же в этой хрупкой коробочке я чувствую себя так мажорно и лихо? В стуке пропеллера есть восторг и экстаз и обетование какой-то свободы, о которой мы тоскуем всю жизнь...» (*Чуковский К.* Англия накануне победы. Пг. [1917]. Раздел «Авиация». Гл. «Мой полет». С. 53–54).

339. С.М. Боткину

2 июля 1916 г. Гельсингфорс[1]

Дорогой Сергей Михайлович.

Тщетно пытаюсь я добыть в Куоккале напр<имер>, номер «Вест<ника> Евр<опы>» — с Вашей статьей[2]. Нет нигде! Сегодня еду в город и прочту. Заранее предвкушаю приятность. Жаль, что Вы так далеко: было бы с кем слово сказать, а то нынешний дачник какой-то нечленораздельный — или сплошная девица. Привет от И<льи> Еф<имовича> и М<арии> Борисовны. Где Ваши?

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по почтовому штемпелю: 2.VII.16. Гельсингфорс.

[2] Речь идет о статье: *Боткин С.* Сервантес (1616–1916). Критико-биографический очерк // Вестник Европы. 1916. № 4. С. 77–98.

340. А.Е. Розинеру

Июль 1916 г.[1]

Дорогой Александр Евсеевич.

Книжку о сионистах перевести *необходимо*[2]. Я страшно сокращаю ее. Первые три главы выбросил совсем, пятую и шестую тоже. Нашел быструю переводчицу, которая берется в неделю сделать весь перевод.

Конечно, все это в том случае, если Благовещенская не выписывала этой книги. Если Благовещ<енская> выписала, но не получила, то через 3–4 дня я могу предоставить ей эту книгу.

Автор — не еврей, но это лучше. Он рассказывает, как он, английский полковник, ходил в синагогу, справлял еврейскую пасху и проч. О своих солдатах говорит без преувеличения, но очень тепло и искренне.

Жаль, что в книге нет иллюстраций. Может быть, Вы достанете их из еврейских источников.

Я сокращаю эту книжку потому, что автор в ней попутно критикует стратегию и тактику английских властей, руководивших Галлиполийской операцией, — это к делу не относится, да и нецензурно.

Ваш *КаЧэ.*

Пэ. Эс. В д. № 7 по Жуковской живут господа Брик. Будьте архангелом — пошлите к ним человека за рукописями Маяковского.

Книжка «Заветов» при сем возвращается.

Нельзя ли «Русское Богатство» на 3 дня?

[1] Датируется по содержанию.

[2] Речь идет о подготовке к печати книги полковника английской службы Дж. Г. Паттерсона «С еврейским отрядом в Галлиполи», изданной в 1917 году. Перевод М.П. Благовещенской. Под редакцией и с предисловием К.И. Чуковского. С приложением статей В.Е. Жаботинского и капитана И. Трумпельдора. Издание русского общества для изучения еврейской жизни. На обороте титула указан состав Комитета этого общества. Его председатель гр. И.И. Толстой, а товарищ председателя А.М. Пешков (М. Горький). Предисловие Чуковского открывается фразой: «Мы сократили эту книжку вдвое».

341. М.Б. Чуковской

Июль 1916 г. Петроград[1]

Дорогая Марья Борисовна. Мне кажется, что я отдален от тебя океанами — у меня такая тоска — приезжай скорее — я все не могу выкарабкаться из своей статейки о сионистах на Галлиполи — для книги, издаваемой Горьким[2] — (мне прислали много нового матерьяла, и я залез в эту чепуху с головой) — чуть выберусь, приеду в Куоккала надолго, — по Бюро[3] теперь работы меньше — очень хотелось бы посидеть с тобой спокойно где-нибудь в комнате и тихонько побеседовать не о делах, не о деньгах, не о детях, а вообще... ибо нельзя же, чтобы голова человеческая думала только о делах, о деньгах и о детях. Комнаты нигде не могу достать. Хочу звонить к той даме, у которой живет Нюся, не сдаст ли она нам с тобою две комнаты — это было бы идеально, ты взяла бы Бобу, а Коле там нашли бы учительницу — и мы жили бы вкупе, тем

более, что сын этой дамы, кажется, уезжает в Нижний. [Нрзб м. б. Эйзен?] еще не дал ответа.

Вообрази: я пять ночей *не спал*, а эти три *спал*!! Is it not strange![4] Вчера ко мне в десять часов ворвался — и разбудил меня Григорьев, его жену опять арестовали — он просит похлопотать[5], — и вообрази, чуть он ушел, я опять заснул!! Ну, прощай. Целую детей.

Твой *Чук*

Податель этого письма едет в Индию и хочет поговорить с Сухраварди[6].

[1] Датируется по содержанию. На бланке: Англо-русское бюро. Петроград. Адмиралтейская набережная, д. 6, кв. 3.

[2] См. примеч. 2 к письму **340**.

[3] См. заметку Чуковского «Англо-русское бюро» (Русское слово. 1916. 23 сент.).

[4] Разве это не удивительно? *(англ.)*.

[5] Речь идет о Марии-Елизавете Георгиевне Григорьевой, жене художника Бориса Дмитриевича *Григорьева*, которую выслали из Петербурга в начале войны, как и многих других лиц немецкого происхождения, но вскоре освободили. Однако в 1916 году преследование возобновилось, и Григорьев вновь писал Репину (3 июля 1916 г.): «У меня взяли опять мою горячо любимую жену и хотят ее выслать по прошлогоднему делу... Вильтон и Чуковский много помогают мне...» *(Репин.* С. 109).

[6] *Сухраварди* (1890–1965), индус, студент Кембриджа, занимался русским театром.

342. А.Е. Розинеру

Лето 1916 г.[1]

Дорогой Александр Евсеевич!

Книжечка о сионистах выйдет очень коротенькая, ибо три четверти надо выбросить прочь[*)]. Я в своей статеечке высосал ее всю.

Статеечку при сем прилагаю[2] — с покорнейшей просьбой отправить ее немедленно в Москву (либо заказным, либо через Руманова.)

Если она Вас интересует, распечатайте конверт, прочтите ее и сообщите мне свое мнение. А потом, конечно, запечатайте в новый конверт, надпишите адрес — и пошлите в Москву. Не лучше ли будет для дела, если издать мою книжку, в которой будет напечатана и эта статья? Содержание моей предполагаемой книжки такое:

1916

Австралийцы
Канадцы
Ирландцы
Евреи
Англичане и Мы
Авиация
Борьба с дороговизною в Англии.

Моя переводчица дельная — и книжку переведет хорошо. Но книжка будет тоненькая. Нельзя ли попросить Клейнмана или Жаботинского, чтобы он дополнил своими заметками. У Жаботинского был должно быть об этом отряде фельетон в «Рус<ских> Вед<омостях>» — достать бы![3]

---

*) Автор ужасно болтлив и много говорит о себе и ругает английский штаб и Китченера.

[1] Датируется по содержанию.

[2] См. примеч. 2 к письму **340**.

[3] С сентября 1914 по апрель 1917-го Вл. Жаботинский был корреспондентом газеты «Русские ведомости». В своих корреспонденциях января–февраля 1915 года он писал о Палестине. В книгу вошли статьи Вл. Жаботинского «Евреи и Палестина» и воспоминания одного из участников галлиполийского отряда капитана И. Трумпельдора.

343. А.В. Руманову

Осень 1916 г.[1]

Дорогой Аркадий Вениаминович. Меня пригласили читать в Сибири лекции, и я не знаю, как быть. Если Вы действительно намерены поручить мне детский журнальчик[2], то я махну рукою на все соблазны и займусь этим делом вплотную. Хочется сделать журнальчик нарядным, увлекательным, непохожим на унылую *«Ниву»*, которая до того вся протухла, что противно взять ее в руки. Хочется приготовиться к журнальчику исподволь, собрать молодую артель детских художников и детских поэтов (не дай Бог взять кого-нибудь из сотрудников *«Нивы»*, эти евнухи изгадят все), хочется выписать из Англии (для образца и перевода) несколько детских книжонок, — чтобы сразу заложить основание прочного, неэфемерного журнала, который, в конце концов, сделался бы единственным, образцовым, насущно-необходимым для всякой семьи, где есть семилетние, восьмилетние дети.

Нельзя ли выяснить это до ближайшего вторника (или во вторник, не позже), ибо во вторник я должен дать своему импресарио определенный ответ.

А «Нива» сделалась плюгавой и мизерной, неужели нельзя сделать, чтобы она была ценна сама по себе, а не только теми приложениями, которыми она подкупает подписчиков. Не всегда же можно давать Горького![3] Нужно, чтобы читатель полюбил ее самое, независимо от Достоевских и Чеховых. Какие гнусные печатаются в ней стихи, какие подлые, бездарные рассказы. Все равнодушно, казарменно, пыльно. Один номер так похож на другой, что можно дать 52 одинаковых и никто, даже редактор, не заметит.

Хоть бы шрифт изменили!

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по содержанию.

[2] В 1916 г. А.В. Руманов, занимавший пост заведующего петербургского отделения «Русского слова», был назначен И.Д. Сытиным на должности директора журнала «Нива» и одного из трех директоров приобретенного Сытиным «Товарищества издательского и печатного дела “А.Ф. Маркс”». При поддержке Руманова в 1916 г. было создано ежемесячное приложение к «Ниве» — журнал «Для детей» — под редакцией К. И. Чуковского.

[3] Литературными приложениеми к «Ниве» были собрания сочинений известных писателей, в том числе М. Горького, А.П. Чехова, С.Я. Надсона, Д.Н. Мамина-Сибиряка, роман Сервантеса «Дон Кихот» и т. д.

344. М.А. Волошину

Середина октября 1916 г.[1]

Дорогой Максимилиан Александрович!

Пишу Вам впопыхах — тороплюсь.

Вы на днях получите письмо от Алекс. Ник. Бенуа[2]: он попросит Вас, чтобы Вы перевели с французского сказки, которые он хочет иллюстрировать. Тут затевается целое издательство, под эгидой Горького[3]. Участвуют Бенуа, Добужинский[4] и др. Мне поручили редактировать сборник альманаха для самых маленьких детей[5]. Первое имя, к<ото>рое пришло мне в голову, — Ваше. Пришлите возможно скорее все, что у Вас напишется, если не оригинальное, то хоть переводное. Если не хотите для самых маленьких, пришлите для старших (от 10–12 лет) — что-нб. «героическое», «авантюрное», напр<имер> балладу, повестушку об индейцах — пожалуйста.

1916 Дело в том, что при «Ниве» будет выходить журнальчик (тоже под эгидой Горького и Бенуа) для детей постарше[6], платить будут хорошо, только пишите. Жду!

Адрес наверху на обороте[7].

Сообщите адрес милых Цетлинов[8], я нашел издателя для его книжки[9], а книжку получить не могу.

Ваш *Чуковский*

Если у Вас на примете есть такие поэты или художники, к<ото>рые могли бы пригодиться для детского альманаха, — пожалуйста, направьте их к нам[10].

[1] Датируется по времени знакомства Чуковского с Горьким. «*Сентябрь 22. [1916]*. Вчера познакомился с Горьким» *(Дн.-11.* С. 199–200), а также по записям А.Н. Бенуа в дневнике 1916 г. («*Среда, 19 октября (1 ноября).* В три часа совещание у Максима Горького об издательстве художественных детских книжек» (*Бенуа А.* Дневник. 1916–1917–1918. М., 2003. С. 28), *«Четверг, 27октября (9 ноября).* <...>Вечером пришел Чуковский, специально чтоб со мной столковаться насчет издания детских книжек (Горький очень увлечен этой мыслью)» (Там же. С. 33), *«Воскресенье, 30 октября (12 ноября)* <...> В 4 ч. у меня заседание насчет издания детских книжек» (Там же. С. 35).

[2] Об *А.Н. Бенуа* см. «Список адресатов». В 1918 г. Бенуа был приглашен Горьким в качестве эксперта в изд-во «Всемирная литература», где сотрудничал с Чуковским.

[3] Речь идет о замысле Горького, который претворился в создание «Торгового дома А.Н. Тихонова и книгоиздательства “Парус”». Торговая фирма была организована в 1915 г. в Петербурге для издания и распространения литературы, официальным директором-распорядителем был А.Н. Тихонов. Горький, задумывая создать «широкое демократическое издательство», стремился соединить в «Парусе» наряду с известными писателями-демократами — пролетарских писателей, малоизвестных провинциальных авторов, писателей национальных меньшинств. За период с 1915 по 1918 г. были выпущены книги М. Горького, В.В. Маяковского, К.А. Тимирязева, П.Н. Сакулина и др. В планы «Паруса» входил выпуск книг для детей. В 1918 г. изд-во прекратило свое существование.

[4] *Добужинский* Мстислав Валерианович (1875–1957), живописец, график, театральный декоратор, искусствовед. С 1924 года в эмиграции.

[5] «Елка. Книжка для маленьких детей» издана в Петрограде в 1917 г. На титульном листе указаны составители — А.Н. Бенуа и К.И. Чуковский, редакторы — А.Н. Бенуа и М. Горький. В 2001 г. Домом-музеем Корнея Чуковского совместно с Международным центром Рерихов книга была переиздана (репринтное издание с заменой орфографии на современную).

[6] Упомянут журнал «Ежемесячное иллюстрированное приложение к журналу “Нива” — “Для детей”», редактором которого был Чуковский.

[7] Чуковский написал письмо на бланке редакции журнала «Нива», в шапке которого был указан адрес: «ул. Гоголя, 22».

[8] Речь идет о друзьях Волошина, супружеской паре Цетлиных: *Цетлин* (псевд. Амари) Михаил Осипович (1882–1945), поэт; совладелец чаеторговой фирмы Высоцких; *Цетлина* (урожд. Тумаркина) Мария Самойловна (1882–1976), доктор философии. С 1919 г. оба в эмиграции. В 1916 г. Цетлин был главой издательства «Зерна», в котором был издан сборник стихов Волошина.

[9] Какая книга имеется в виду, не установлено.

[10] В письме от 31 октября 1916 г. Волошин ответил: «Из художников я бы посоветовал Вам обратиться к Юлии Леонидовне Оболенской (указан адрес. — *Сост.),* из поэтов к Марине Цветаевой (указан адрес. — *Сост.)* и к Ходасевичу (указан адрес. — *Сост.).* Сейчас не вижу других, которых бы Вы сами могли не знать и уже не обратиться к ним» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 62. Ед. хр. 56).

345. А.В. Руманову

Октябрь 1916 г. Петроград[1]

Дорогой мой.

Для первого номера[2] у меня почти готовы:

1. Рисунки Ре-Ми[3] к моему «Крокодилу»,

2. Стихи Саши Черного[4],

3. Заставки Чехонина[5],

4. Сказка Тэффи[6],

но все это *почти,* т.е. все авторы запоздали на 3–4 дня ввиду того, что я отлучился на несколько дней и некому было бы их подгонять. Поэтому пришлось состряпать номер из сомнительных вещей, мне не нравящихся. Если Вы дадите мне 3–4 дня (скажем, по 15–16-е), то я выпущу №, к<ото>рый обрадует детей всей России. Для 2-го номера у меня есть Шмелев и Ал. Толстой, но рисунки к ним еще не готовы.

Я не уезжаю в Куоккалу, хотя не видел семью две недели, — и возьму перестраивать весь номер; заранее говорю, что номер абсолютно хороший будет только 6-й или 7-й, теперь с самого начала сразу нельзя. Ведь белобилетники все призваны, — и т. д. Есть у меня поэма Гумилева отличная — но иллюстрировать ее нужно месяца два[7].

Прошу отсрочку до 15-го.

Ваш *К. Ч.*

1916

[1] Датируется по содержанию. На бланке: Контора изданий Т-ва А.Ф. Маркс. С.-Петербург, улица Гоголя, дом № 22. Нива. Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни.

[2] Журнала «Для детей». См. примеч. 6 к письму **344**.

[3] О *Н.В. Ре-Ми* см. «Список адресатов».

[4] В № 9 журнала «Для детей» на нескольких страницах помещены стихи Саши Черного «Цирк». К каждой новой строфе (их всего 20) сделан рисунок, причем на двух рисунках — шаржи на Чуковского.

[5] *Чехонин* Сергей Васильевич (1878–1936, умер в эмиграции), художник.

[6] Сказка Тэффи называлась «Таракан». См. «Для детей». Пг. 1917. № 2.

[7] В недатированном письме к Чуковскому Гумилев писал из Действующей армии: «Дорогой Корней Иванович, посылаю Вам 8 глав "Мика и Луи". Остальные две, не хуже и не лучше предыдущих, вышлю в течение недели. Пожалуйста, как только Вы просмотрите поэму, напишите мне, подходит ли она под Ваши требования» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 63. Ед. хр. 44). Поэма была набрана для № 4 журнала «Для детей», но напечатана в журнале не была. В 1918 году она вышла отдельной книгой в изд-ве «Гиперборей» (см. комментарий М.Д. Эльзона в кн.: *Гумилев Н.* Стихотворения и поэмы. Л., 1988. С. 600–601. (Б-ка поэта. Большая серия).

346. А.В. Руманову

Ноябрь 1916 г.[1]

Итак, дорогой А<ркадий> В<еньяминович>, к 1-му декабря у нас будет матерьялу на 3–4 номера детского журнала. Я пригласил Марину Цветаеву, Ходасевича[2], Ал. Толстого, Тэффи[3], Макса Волошина, Потемкина[4], Кустодиева[5], Добужинского[6], Бенуа[7], Нарбута[8] и т. д., и т. д., и т. д. Написал больше *сорока* писем, обшарил весь Питер, на днях уезжаю *специально за этим* в Москву, — а результаты покуда не слишком блестящи: Волошин прислал чепуху, Саша Черный на фронте, Кустодиев отказывается делать штриховые рисунки и т. д. Зинаида Венгерова[9] прислала дубовый перевод очень милой вещички — придется мне заново перевести эту вещь. Собрать *в такое время* сотрудников, затем зажечь их энтузиазмом к делу — вещь почти невозможная, но я постараюсь всеми нервами, чтобы журнал вышел *непохожий на «Ниву», противоположный «Ниве»;* и если бы у меня были гарантии, что, организовав и наладив это дело, и собрав подходящих сотрудников, я не буду отставлен за ненадобностью, — то уже теперь я мог бы обещать Вам *интересный и нужный журнал.* Но где же у меня эти гарантии? Я хотел бы *после первого декабря* установить окончательно (хотя бы на 1916[й] год) свое положение как редактора этого детского жур-

нала. Не забудьте, что Вы обещали мне в связи с жалованием по детскому журналу также и *жалование по «Русскому Слову»*. Я по-прежнему нищ и бесприютен, и работаю целые дни. Без жалования я не напишу в «Рус<ское> Сл<ово>» ни строчки. Я очень хотел бы, чтобы Вы, согласно обещанию, установили с 10 ноября хоть 300-рублевое жалование. Вот и было бы у меня 500 р. ежемесячных, и я мог бы отказаться ото всех посторонних работ. Без этого я не могу вести и детский журнал.

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по содержанию.
[2] О *В.Ф. Ходасевиче* см. примеч. 3 к письму **74**.
[3] О *Н.А. Тэффи* см. примеч. 2 к письму **329**.
[4] О *П.П. Потемкине* см. примеч. 4 к письму **31**.
[5] *Кустодиев* Борис Михайлович (1878–1927), художник.
[6] О *М.В. Добужинском* см. примеч. 4 к письму **344**.
[7] Об *А.Н. Бенуа* см. «Список адресатов».
[8] *Нарбут* Георгий Иванович (1886–1920), художник.
[9] О *З.А. Венгеровой* см. примеч. 9 к письму **31**.

347. В.Е. Федосеевой

10 ноября 1916 г. Петроград[1]

Дорогая Вера Емельяновна. У меня лютая дизентерия, я болен, куда мне читать лекции! Да и, признаться, я понял тогда, что Вы хотите, чтобы я в стенах Вашего института прочитал Вам какой-нибудь доклад, без затей, без афиш и конспектов. А читать в чью-то *пользу* я, нищий, не вправе: это значит обкрадывать свою семью. Имею ли я право дарить кому бы то ни было 500–600 рублей, если эти деньги *кровно* нужны моей семье. Я могу, и то не всегда, дать на хорошее дело 10–15 рублей, но даже дать и 20-ти рублей не могу, не имею. Вы сами знаете, что это так.

Преданный Вам *Чуковский*

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Петроград. 10.11.16. Адрес: Здесь. Екатерининский канал, 91, кв. 51. Студентке Вере Емельяновне Федосеевой.

348. А.В. Руманову

Конец ноября 1916 г.[1]

Дорогой Аркадий Вениаминович.

Моравская[2] очень нужная сотрудница для нас. Она принесла мне две рукописи. Будьте добры, выдайте ей, ради Бога, неболь-

шой аванс. Если даже эти две рукописи нам не пригодятся, она будет вообще много и хорошо писать для нас — за это я ручаюсь.

Извините — и не забудьте обо мне,

Ваш *К. Чуковский*

[1] Датируется по содержанию. На бланке: Контора изданий Т-ва А.Ф. Маркс. С.-Петербург, улица Гоголя, дом № 22. Нива. Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни.

[2] *Моравская* Мария Людвиговна (1889–1947, умерла в эмиграции), поэт.

349. М.Б. Чуковской

Ноябрь–декабрь 1916 г. Москва[1]

Ну вот, я и прочитал, мог бы и не читать: ни в одной газете не было ни одного анонса, даже двух строчек не было — так что пришли какие-то лысые, равнодушные — им наплевать, что бы я о Горьком не читал. Потом пошли один за другим оппоненты и стали меня на все корки отчитывать.

Дорошевича я еще не видал.

Я здесь стою у Тотомьянца[2], профессора, который оказался очень задушевным, простым. И вся семья у него — очень приветливая. Хлопочу о детском журнале. Сегодня приглашают к Ал. Толстому. Видел Ходасевича, он уже написал для журнала милые стишки. Из разговора с Меклером (в Питере) выяснилось, что Тенишевский будет свободен не раньше февраля—марта. А свободно Петровское училище. Но знаешь, лучше не надо лекций — не переутомляйся, не хлопочи.

Родная. Я пишу это письмо, чтобы сказать тебе, что ты не имеешь права перед детьми вести такую *надрывную* жизнь. Тебе нельзя каждый день работать до одури, до изнеможения — ты нужна и себе и семье. Что же ты хочешь — через год свалиться? Нужно устроить жизнь так, чтобы в городе ты имела свободное время на завтрак, на обед, на выставки картин, на театр, на лежанье в постели, а не на беготню от Шабад в Гвардейское, из Гвардейского в «Ниву» и т. д. Не переутомляйся суетой. Теперь есть квартира, а ты все у Шабад. Трамвай для тебя убийство. На Куокккала смотри как на санаторию. Заставь себя гулять на воздухе часа 3 в день, беззаботно, как гуляют дети, и ты увидишь, что к тебе вернется и сон и аппетит. Ты от мамаши унаследовала страшную озабоченность мучительную. Будь веселее, не давай мелочам раздражать тебя, пить твою кровь.

И, пожалуйста, пусть квартира будет для нас отдыхом, подспорьем, облегчением, а не новым источником забот, не делай ее каким-то спрутом, который высосет у тебя всю кровь. Интересно, как ты съездила в Выборг. Я уверен, что тысячи рублей не хватит. Ничего, мы достанем еще. Ну, прощай, целую тебя горячо — сяду сейчас переводить для журнала сказку — а то первый номер выходит ужасный. Воображаю, сколько у тебя хлопот с квартирой. [Далее одна строка вырезана].

Лопе де Вега

[1] Датируется по содержанию: упоминание о детском журнале, о Ходасевиче (есть его письма к Чуковскому ноября–декабря 1916 г.), о лекции «Больная Россия и ее целитель Горький». Отзыв об этой лекции см.: *П. Д.* К. Чуковский о Максиме Горьком // Русская воля. 1917. 26 янв.

[2] *Тотомьянц* Вахтанг Фомич (1871–?), экономист, один из первых марксистов.

350. И.Е. Репину

5 декабря 1916 г. Харьков[1]

Харьков

Дорогой Илья Ефимович.

Сейчас в Харькове, на Сумской улице, увидел большой Ваш портрет: Вы сидите на диванчике, с цветами, как лялечка, и ангельски улыбаетесь. Ретуши фотограф не пожалел. Подпись: Илья Ефимович Репин в Чугуеве. А мимо проходят красавицы (ну ж и красавицы в Харькове) и целый день глядят на Вас в витрину. А я приветствую Вас от души

Ваш *Чуковс<кий>*

Ст. Куоккала, Финл. Ж. Д.

[1] Датируется по почтовому штемпелю.

351. О.Ф. Романович (Самариной)

Декабрь 1916 г.[1]

Дорогие мои, где вы, что вы? Я в такой дурацкой суете, что совсем разучился спать, бриться, читать газеты, смеяться, — и чувствую, что писать Вам письмо — есть безумие, на столе целая куча непрочитанных деловых писем, вороха непрочитанных рукописей, но карточка Юрика смотрит на меня так укоризненно:

— Когда же ты напишешь тетке и маме? —

что вот я отодвинул всю эту срочную чушь и сушь, — и пишу *неделовое, лишнее, ненужное* письмо.

1916 Мне так хочется, чтобы Вы меня пожалели — я такой сейчас сумасшедше-заверченный, но у Вас, должно быть, свое — недаром Вы так вздыхали да томились, да смеялись невпопад в те Харьковские блаженные дни. У меня же есть одно горе — но грандиозное — не горе, а тоска — это страшное желание писать не ту чепуху, которую приходится изо дня в день, а что-то другое, подлинное, горячее, свое — такое, что писал я когда-<то>, но вот не угодно ли — на выбор любой из моих дней: в четверг я должен прочитать «Times», «Saturday Review», «Daily News», «Daily Chronicle», «Daily Express» — и составить целый ряд заметок об Англии, которые англо-рус<ское> бюро разошлет всем газетам, я должен корректировать то, что написали мои помощники, и все это к 2 часам. В 2 $^{1}/_{2}$у меня прием сотрудников в «Летописи» по детскому книгоиздательству — и каждый, кому возвращаешь рукопись, злится, а ты волнуешься; и такой-то обещал доставить рукопись, и нет; а такой-то художник сделал к такой-то вещи совсем не те иллюстрации, что нужно; нужно ехать к нему объясняться, а в пять часов — приемный час в «Ниве», мчишься, не евши, туда, и там такая же каторга сначала, и надо ехать в Гатчину к Куприну, и надо ехать в типографии просить, чтобы к такому-то стишку приделали такой-то конец, — и никаких помощников, все сам, — а в душе одно желание удрать куда-н<и>б<удь> — хоть на Мироносицкую, и посидеть, полежать, и залезть куда-н<и>б<удь> в номеришко и писать, писать, писать свое, но нет, нужно вместо этого писать Саше Черному в Псков письмо, а Гумилеву — посылать телеграмму — и к завтрему написать чепуховую сказку — и вот прилезешь в свой угол, домой, ляжешь, и пьешь бром, и не спишь, и вскакиваешь, а всего только половина первого ночи — и садишься за письменный стол — и голова седеет, и способности притупляются, и не делаешь ничего путного, живешь какой-то сумасбродной суетой. Я не люблю жаловаться, и никому никогда не писал такого письма, как Вам, но мне кажется, что Вам можно.

Я начал книгу о Некрасове — она лежит, начал статью о Киплинге — и она не кончена, начал о Чехове, — когда кончу, не знаю, — и добро бы был из моей беготни какой-н<и>б<удь> денежный толк, — а то так только-только хватает, издатели наживаются на моих книгах, на моей работе, на моих бессонницах, а я, если завтра заболею, вся семья хоть по миру иди.

Конечно, есть отрада в том, что выйдет отличная детская книга «Радуга»: Горький дал мне отличную сказку, Куприн прелестную детскую повесть, Репин великолепную картинку: «Иванушка Дурачок» — каждая запятая в этой книге меня увлекает, волнует[2], но ведь свое-то заветное дороже всего.

Уже рассвет. Скоро начнется моя кутерьма. Телефоны. Телеграммы. Когда-то я попаду на Мироносицкую.

Напишите мне обе подробно на «Ниву» о себе. Я уже рассказывал Вам о роковом стечении обстоятельств, не давших мне возможности повидать Ольгу Федоровну[3]. Безграмотный служитель, которому она сказала свою гостиницу, напутал; я рыскал по всему городу, не мог найти. Потом она оставила записку — без адреса. Потом она подписалась *Богданов* – так что вышло Богданович.

К Пасхе я пришлю Юрику «Радугу», о, если бы мне удалось на Пасху вырваться в Харьков.

Ваш *Чуковский*

Письма не перечитываю, потому что если прочту — не пошлю.

[1] Датируется по содержанию.

[2] Подготовка сборника, который вышел под названием «Елка» (см. *Т. 5* наст. изд.: Современники. С. 70–73).

[3] В декабре 1916 г. Корней Иванович читал в Харьковской Общественной библиотеке (ныне библиотека им. В.Г. Короленко) лекции о футуристах («Искусство грядущего дня») и о писательнице Вербицкой. На первой его лекции среди слушателей были две молодые женщины — *Ольга Федоровна Романович* (в замужестве Самарина) и жена ее брата Елена Владимировна. Там они и познакомились с Корнеем Ивановичем, подружились и после его отъезда долго переписывались. В тот год Ольга Федоровна работала сестрой милосердия в госпитале, впоследствии была библиотекарем. На *Мироносицкой* улице, которая упоминается в письме, жила семья Елены Владимировны Романович.

352. Э.П. Юргенсону

Конец 1916 г.[1]

Многоуважаемый Эрнест Петрович! Ваше предложение смущает меня. Какой же я писатель? Чернорабочий, фельетонист, газетчик. Рылся я, рылся в своих книжках, чтоб хоть что-нибудь там найти — похожее на афоризм, но ничего найти не умел.

Простите!

Преданный Вам *Чуковский*

[1] Датируется предположительно по содержанию.

353. Н.В. Ре-Ми[1]

Конец 1916 — начало 1917 г.[2]

Дорогой Ре-Ми!

Ваня и Крокодил

7.

Подбежал городовой:
Что за шум? Что за вой!
<Вот сейчас я возьму,
Посажу тебя в тюрьму.>[3]
Как ты смеешь тут ходить,
По-немецки говорить?
Крокодилам тут гулять воспрещается.

8

Усмехнулся Крокодил
И беднягу проглотил, —
Проглотил с сапогами и шашкою.

9

Все от страху дрожат,
Все от страху визжат,
Лишь один
Господин
Не визжал,
Не дрожал, —
Это доблестный Ваня Васильчиков.

10

Он боец,
Молодец.
Он герой
Удалой;
Он без няни гуляет по улицам.

11

Он сказал: ты, злодей,
Пожираешь людей,
И за это мой меч
Твою голову с плеч! —
И взмахнул своей саблей игрушечной.

12

И сказал Крокодил:
Ты меня победил,

Не губи меня, Ваня Васильчиков,
Пожалей ты моих крокодильчиков:
Крокодильчики в Ниле плескаются,
Со слезами меня дожидаются.
Отпусти меня к деточкам, Ваничка,
Я за то подарю тебе пряничка.

Итого шесть картинок. Последняя (двенадцатая) должна занимать целую страницу. Это самый апогей рассказа. Крокодил на коленях. Ваня в Наполеоновой позе. Народ благоговеющий, умиленный. Ваня (ради Бога) не смешон, а патетичен и трогателен. Предыдущие пять картинок никак не уместятся на одной странице. Поэтому вторая часть «Крокодила» будет занимать 2 $^1/_2$ страницы. Друг мой, делайте их загодя, не торопясь. Времени есть две недели. Когда используете текст, дайте его Розинеру. Мне лень переписывать.

Ваш *Чуковский*

[1] На бланке: Anglo Russian Comission: Telephone 585–51. Petrograd. Fontanka, 15. В тексте стихов множественная авторская правка, зачеркивание, вписаны новые слова.

[2] Датируется по содержанию. Чуковский посылает Ре-Ми текст для № 2 Ежемес. илл. прил. к журналу «Нива» «Для детей», где печатался «Крокодил» (под названием «Ваня и Крокодил») — по шесть строф в каждом номере. Чуковский был редактором этого детского журнала.

[3] Строки в угловых скобках сперва зачеркнуты, потом восстановлены автором.

354. Ю.П. Анненкову

Конец 1916 г.

Злейший Юрий Павлович.

Ежели бы я предпочитал рисунки Ре-Ми — Вашим, то, конечно, я раньше всего к Ре-Ми и обратился бы. Кто заставил бы меня разыскивать Вас, звонить Вам десятки раз, охотиться за Вами, ежели так комфортабельно было сказать два слова милому Ре-Ми, и через день были бы рисунки, удовлетворяющие вкусу и Сытина, и редактора «Нивы», и старшего и младшего дворника.

А из-за Вас я готовился выдержать борьбу, ибо, конечно, тень покойного А.Ф. Маркса, основателя «Нивы», вопияла бы к небу, увидев Ваши едкие и прямые рисунки на тех же самых страницах, где 400 лет печатаются «Девочки с петухом», «Мальчики с кошечкой».

1916

Из-за чего же, скажите мне, я шел на заведомые неприятности, если бы *лично, сам для себя* не любил Ваши рисунки больше всяких других?

Когда я задумывал «Крокодила», когда я сочинял его, мне, в качестве иллюстратора, всегда представлялись Вы.

Но, друг мой, я приезжаю из Харькова, — у Вас ни одного рисунка. Машины ждут, нужно верстать, Анненкова нету, Анненков болен... Я и тогда не иду к Ре-Ми, я жду. Анненков обещает к такому то сроку изготовить 6 или 8 рисунков и изготовляет всего два — да и то не того формата, как нужно. А для «Крокодила» отложены страницы и готовы *шесть* подписей, к к<ото>рым нужно *подогнать* рисунки. Что делать! Я решил было отложить печатание Крокодила до следующего номера, но в редакции вопиют:

В объявлении о подписке было обещано, что «Детский Журнал» будет веселый, а он у Вас грустнее похорон. «Крокодил» нужен до зарезу, и 6 рисунков нужны к вечеру.

Пришлось обратиться к Ре-Ми. Интриги же и тайны мадридского двора мне не свойственны. Я слишком занят для этого. Ежели бы мне не понравилась Ваша работа, то я так и сказал бы Вам, а не заставлял бы Вас, измученного, больного, усталого, сидеть ночь и продолжать работу, которую мог прекратить в самом начале. Нечего говорить, что за Вашу работу Вы получите в следующую пятницу приличный гонорар, и что ежели «Крокодил» выйдет отдельной книжкой, то страницы его будут украшены В<ашими> рисунками[1].

Ваш *Чуковский*

[1] «Крокодил» с рисунками Ю. Анненкова не выходил. Но в архиве Чуковского сохранился один рисунок Анненкова к «Крокодилу» (см. *Чукоккала*. С. 32). На обороте этого рисунка — запись К.И.: «Первый набросок к моей сказке «Крокодил», сделанный юношей Анненковым в том же стиле, в каком он впоследствии иллюстрировал «Двенадцать». «Нива» забраковала этот рисунок, и я обратился к Ре-Ми (1916)».

355. И.А. Белоусову

Март 1917 г.[1]

Дорогой Иван Алексеевич.

Конечно, никто не знает, когда кончится война, но я знаю одно: на Пасху в каждом детском журнале будет стихотворение, где слова *«небес», «лес», «чудес»* будет рифмоваться со словом: *Христос Воскрес.*

Это такая же формальность, как визиты на Новый год, как целование ручек у дам, — и отдавать ей дань я не стану.

Второе стихотворение о 25 марта, к сожалению, запоздало; мартовский номер давно уже сдан мною в печать, и апрельский почти закончен.

Мне очень горько, что <я> в постели. У меня недели две назад, в деревне, сразу слегли: трое детей, жена, служанка, дворничиха, все. И доктора нет, и провизии добыть неоткуда. Я чуть было с ума не сошел!

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по содержанию.

356. Н.В. Ре-Ми

Март—апрель 1917 г.[1]

Итак, дорогой Николай Владимирович, крокодильчики плачут. Крокодил, чтобы утешить их — указывает им *соседнюю* комнату, где для них *по секрету* поставили елку. Елка видна издали. Вот этак:

[*Рисунок автора,* подписи: «слонята играют в оловянных солдатиков; дверь; перед дверью Крокодил, крокодилята; елка». — *Сост.*]

1917 Елочка видна *в отдалении* – очень нарядная: звезды, пряники, игрушки.

Но в куплете *двадцать шестом* (или по новому счету *седьмом)* действие переносится в ту комнату, где елка. И эту пляску надо изобразить на две страницы. Это пуп поэмы. Шакал играет, а крокодильчики стоят возле и хлопают в ладошки. Крокодилица под комодом, Носорог носом — на земле, но звери пляшут по их телам, не переступая.

27-ой стишок о бабочках и чижиках, которые пляшут, к Крокодилу не относится. Его надо вынести за скобки. Я думаю, придется сделать три маленькие картинки:

бабочки и комары — в саду

чижики и зайчики в лесу

Раки и окуни в море

28 стишок — страшное смятение, «Последний день Помпеи».

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по времени подготовки к печати журнала «Для детей» № 5.

357. А.Е. Розинеру

Апрель—май 1917 г.[1]

Дорогой Александр Евсеевич.

Я думаю, что на стр.175–176 не нужно ставить § 6. Это очень неизящно. Пускай все это сойдет за § 5, тем более, что размер один и тот же[2].

Сделал ли Ре-Ми картинку, изображающую, как —

пылающая елка
Повалилася на волка?

Если сделал, то выбросьте, пожалуйста, подпись под нижним рисунком на стр. 178 и поставьте под этим рисунком (справа) слова:

Продолжение следует.

Весь текст о Слонихе мы перенесем в следующий №. Если же не сделал картинки, тем лучше. Под нижним рисунком на стр. 178 можно вместить все восемь строк[3], предоставив воображению читателя тушение пожара слезами. Я думаю, что во всех случаях это лучше. Даже если рисунок есть, то им вполне можно пренебречь. Весь вопрос только в том, где поместить подпись *продолжение следует.* Но в крайнем случае и этим можно пренебречь, ибо сказано же под заглавием: *продолжение.*

Есть еще один выход, — но боюсь, что он Вам не понравиться. Рисунки Бучкина[4], как очевидно для всякого, рассчитаны на малый размер. Если их уменьшить вдвое, они только выиграют. А у нас очистится место для рисунка Ре-Ми, буде этот рисунок есть. Относительно первой страницы: кастрюлька, как Вы сами видите, торчит черт знает как, и мне уже начинает казаться, что поставить ее косо — лучше[5]. Не будете Вы так добры отправить № к Сергею Вас. Чехонину, чтобы он пристроил эту кастрюльку как следует. А не то — спросите Мечислава Михайловича[6], он в этих делах дока.

Я же лежу больной, у меня испорчен желудок. Завтра постараюсь приехать. «Крокодила» сочинил — без конца! Не знаете ли Вы желудочного доктора?

Ваш *К.Ч.*

[1] Датируется по времени подготовки к печати № 6 «Для детей».

[2] На указанных страницах напечатана сказка Чуковского «Ваня и Крокодил» (Стишки Чуковского. Картинки Ре-Ми. Для самых маленьких детей).

[3] Так и сделано в журнале.

[4] *Бучкин* Петр Дмитриевич (1886–1965), художник. В № 6 его рисунки не напечатаны.

[5] На первой странице № 6 «Для детей» помещен рассказ С. Городецкого «Большая Медведица». В центре страницы нарисована кастрюля и на ней — звезды.

[6] Упомянут М.М. Добраницкий (1882–1937, расстрелян), с 1930 года директор Ленинградской Публичной библиотеки (РНБ).

358. А.Е. Розинеру

Лето 1917 г.[1]

Дорогой Александр Евсеевич.

С изумлением вижу Ваш милый почерк на 8-м номере «Для Детей».

Вот какие дела: Куприн просит прислать ему 2–3 номера «Для Детей», где есть его «Козлиная жизнь»[2].

Получили ли Вы «Пленников Болотистого Острова»?[3] Нравятся ли Вам? Посылаю рисунки. Ре-Ми жалуется, что у него нет звериных фотографий, трудно рисовать. Нет ли у Вас слонов, тигров и т. д.?

«Заговорили молчавшие» можно печатать. Пусть только корректор просмотрит их. Авторской корректуры не будет.

Вы прекрасно пристроили «Подсолнечник» Чехонина! Вообще весь номер отлично Вами скомпонован. За это посылаю Вам

1917 начало третьей части «Крокодила», которая усиленно пишется. Я трачу на «Крокодила» целые дни, а иногда в результате две строчки. Не знаю, сколько и взять за него при теперешней дороговизне продуктов.

Как я завидую людям, у которых есть деньги! (намек!) Хочу поговорить с А.В. Румановым, чтобы за печатание «Крокодила» в 12 номерах «Для Детей» он дал бы мне тысячу рублей (из коих *400* я получил). Умоляю Вас, дайте Марье Борисовне:

100 за «Болотистый остров»

300 жалования

Итого 400! Увы, увы!

P.S. Почему корректор в «Пчелах и Шершне»[4] печатает упорно Детка, а не Детва? Нужно детва. Я исправляю 3-й раз.

Номер выходит отличный. Вот только иконка Чехонина нам подгадила. Позвоните, родной, Анне Ганзен[5], авось у нее что-нибудь в этом духе имеется.

Я хотел сегодня ехать в город, но узнав, что она ...[*слово стерто*] в конторе, понял, что мое присутствие излишне. У меня же бессонница — и даже это письмо я пишу Вам ночью.

Ваш *Ч.*

[1] Датируется по времени подготовки к печати № 9 журнала «Для детей» (1917).

[2] «Для детей». № 5.

[3] Рассказ для детей старшего возраста Альфреда Джэдда «Разбойники на болотистом острове». Т а м ж е. № 9.

[4] Т а м ж е. № 8.

[5] *Ганзен* Анна Васильевна (1869–1942), переводчица.

359. И.Е. Репину

27 или 28 августа 1917 г. Петроград[1]

Дорогой Илья Ефимович.

Прочитав сегодняшние газеты, Вы поймете, почему сэр Джордж Бьюкенен[2] не мог сегодня приехать к Вам[3]. Я был сегодня утром у него, прочитал ему Ваше письмо и сказал, что Вы предпочтете посетить его в Посольстве, чтобы закончить портрет. Но он сказал:

— Нет, нет! Я хочу сделать проф. Репину визит. Я непременно приеду к нему, чуть только в Петрограде успокоится.

Ваш *Чуковский*

В Питере паники нет! Все как будто поумнели и подтянулись!

[1] Датируется по содержанию.

[2] *Бьюкенен* (Buchanan) Джорж (1854–1924), английский посол в России (1910–18). Летом 1917 года Репин работал над его портретом, который был заказан ему Московской городской думой по случаю избрания Бьюкенена в 1916 году почетным гражданином Москвы. 27 августа Репин писал Чуковскому: «У меня “вскружилась голова” от будущего посещения Сэр<а> Джорд<жа> Бьюкенена, и я уже страдаю за беспокойство, которое может испытать сей очаровательный великий гражданин Англии. Во вторник буду ждать. И очень хочу Вас видеть. О прочем писать долго: Коля и Лида ждут» *(Репин.* С. 123).

[3] Газеты были полны известиями о Корниловском мятеже. Генерал Л.Г. Корнилов, бывший с конца июля 1917 г. Верховным главнокомандующим, 25 августа (7 сентября) 1917 г. двинул войска на Петроград, чтобы разогнать Советы и установить военную диктатуру. К 30 августа (12 сентября) движение войск Корнилова было остановлено и через день мятеж окончательно подавлен.

360. Л.К. Чуковской

Конец августа 1917 г. Петроград[1]

Дорогая Лидочка!

Увы, твой бедный папа не может выдраться в Финляндию, потому что Посол не едет. А посол не едет потому что Корнилов дерется с Савинковым. Ты, должно быть, слыхала об этом! Я не имею секундочки — написать Тебе длинное письмо — у меня куча работы. Скажи маме, что теперь многие мои знакомые собираются со страху в Финляндию, но я твердо намерен вывезти Вас в Петроград. Квартира в нашем доме наверняка за нами. Посылаю маме пока 200 рублей — больше у меня нету, я надеюсь, что мама приедет скоро. Целую тебя крепко и — Вас всех! Я скучаю без Вас, — как Вы без меня, и очень жду той минуты, когда мы опять будем вместе. Пусть мама даст посланному все, что она имеет для меня: «The Life»[2], матерьялы по Некрасову, мою головную щетку и проч. Посылаю Вам мел — ничего другого нет под рукой!

Твой *папа*

[1] Датируется по содержанию.

[2] *«The Life»* — жизнь *(англ.)*. Название американского журнала.

361. И.Е. Репину

Конец сентября 1917 г. Петроград[1]

Дорогой Илья Ефимович.

Сейчас я получил от Великобританского Посла поручение сообщить Вам, что в среду рано утром сэр Джордж посетит Пенаты.

Я не ручаюсь за то, что ему удастся ввести свой план в исполнение, но считаю своим долгом исполнить его поручение. Напрасно говорил я Послу, что Вы считаете наиболее рациональным закончить свой портрет у него, в Посольстве, он во что бы то ни стало желает отдать Вам визит.

Нам живется в Питере хорошо. Дети учатся. Бессонницы не так донимают меня, как бывало. Я работаю целые дни, работа оплачивается отлично, и, если дело пойдет и дальше таким образом, мне удастся, я надеюсь, к Рождеству отдать Вам изрядную долю моего долга. Исполнится моя давнишняя мечта! До скорого свидания.

Ваш *Чуковский*

Загородный, 27, комната 30.

Посол намерен выехать восьмичасовым поездом.

[1] Датируется по ответному письму И. Репина от 1 октября н. ст. 1917 г.

362. И.Е. Репину

Конец июня 1918 г. Петроград[1]

Дорогой Илья Ефимович.

Я до слез завидую энергическому Гегеру Нелюбину[2], что он прорвался в милую Куоккала — и видел Вас. Мне так насточертел наш сифилитический город, так хочется послушать, как поют (утром) куоккальские птицы, как звенят куоккальские волны, как шумит в Пенатах Ваш колодец. Здесь нас всех одолела бесхлебица. Бедный А.Ф. Кони был вынужден продать свою библиотеку, чтобы купить себе хлеба и масла. С.А. Венгеров бегает с кошелкой по городу — из лавки в лавку — ищет дешевой картошки, единственное, что ему по карману. Вас<илий> Ив<анович> Немирович-Данченко открыл в каком-то переулке книжную лавку — стоит за прилавком весь день. Я и мой Коля — не раз продавали на улицах и в трамваях газеты. Вот когда добилась популярности брошюра Натальи Борисовны о дешевом питании. Газеты то и дело поминают ее[3]. В последние дни я видаюсь с Верой Ильиничной. Она выздоровела, помолодела, бодра, вся в хлопотах. Очень трогательно видеть, как она мажорно радуется, когда ей удается достать для Вас — немного сахару, два фунта муки и т. д. — Ура! Сахар! сахар! — Ура! мука! — Урра! Шоколад!!

И мы все ликуем вместе с нею. Сегодня мне удалось узнать, что и вторая посылка дошла до Вас, — я сообщил это Вере Ильиничне, она даже в ладоши захлопала. Мне было неловко в последнее время видаться с Вами — *потому что я Ваш должник, а Вам теперь нужны деньги, а я не мог, не мог их отдать.* Сегодня я привез Вере Ильиничне тысячу рублей — крохотную долю моего необъятного долга[4] — и мне опять стыдно: ведь нынешняя тысяча рублей это не то, что прежняя. Но Вера Ильинична сказала мне, что именно сейчас ей могут понадобиться деньги, и я тороплюсь Вам сказать, что в последнее время я устроил несколько детских спектаклей и собрал столько денег, что мог бы вручить Вере Иль-

иничне хоть завтра еще тысячу, но меня смущает нынешний курс: выйдет похоже, будто я получил от Вас золотом, а расплачиваюсь черепками. Ах, если бы Вы черкнули мне две строчки (по адресу Веры Ильиничны) — и сообщили бы по секрету, над чем Вы теперь работаете? Ведь я один из первых — именно по секрету — видел и «Самосожжение Гоголя», и «Пушкин на экзамене», и «18 октября 1905 г.», и «Дуэль», и «Быдло империализма»[5].

Я очень рад, что Надежда Ильинична[6] поправляется. Кланяюсь ей от души. До скорого свидания —

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по письму дочери Репина Веры Ильиничны (1872–1948) отцу из Петрограда 27 июня 1918 г. (Архив «Пенатов». П. 79. К. 235).

[2] *Гегер* – псевдоним Георгия Карловича *Нелюбина* (1880–?), бывший адъютант великого князя Константина Романова (К.Р.), журналист, писатель.

[3] Речь идет о книге жены И.Е.Репина *Натальи Борисовны* Нордман о вегетарианском питании: *Северова Н.Б.* Поваренная книга для голодных... СПб., 1911.

[4] В том же письме Вера Ильинична писала отцу (27 июня 1918 г.): «был Чуковский, передал письмо и 1000 рублей в счет долгу, для покупки продуктов».

[5] Речь идет о картинах Репина, исполненных в «Пенатах»: «17 октября 1905 года» (1907, 1911, ГРМ); «Самосожжение Гоголя» (1909, ГТГ); «А.С. Пушкин на акте в Лицее 8 января 1815 года» (Существует два варианта картины. Первый вариант находится в Галерее Пражского града, Чехия, второй — в собрании Государственного музея А.С. Пушкина. С.-Петербург); «Дуэль (Поединок)» (1913, Музей личных коллекций, ГМИИ им. А.С. Пушкина, Москва); «Быдло империализма», повторение картины «Бурлаки на Волге» (1917, Государственная картинная галерея Грузии, Тбилиси).

[6] Дочь И.Е. Репина.

363. А.Н. Чеботаревской

Начало января 1919 г. Петроград[1]

Многоуважаемая Анастасия Николаевна.

Еще в октябре 1918 года я устроил у себя семинарий по переводам Киплинга и Вальтера Скотта, где веду практические занятия с целой группой молодых переводчиков.

Еще в октябре 1918 года Н.С. Гумилев устроил у себя на дому школу поэтического перевода, где занимается с группой поэтов.

Однако когда в декабре — через два с половиной месяца — я услышал, что и у Вас возникает подобная школа, мне и в голову не пришло упрекать Вас в том, что Вы похитили нашу идею[2]. Не считая свою школу монопольной, я с большой готовностью согласился работать и в школе, учреждаемой Вами.

Преданный Вам *Чуковский*

[1] Датируется по содержанию.

[2] Сохранились две недатированные записки от А.Н. Чеботаревской:

«Уважаемый Корней Иванович. Надеюсь, что это шутка то, что передал мне вчера Дьяконов — что Вы намерены при В<семирной> Лит<ерату>ре устроить “курсы” для переводчиков, т. е. осуществить там план, мною подробно разработанный. Хотя никаких этических норм не существует *сейчас*, но я думаю, инстинкт художника подскажет Вам, что можно и чего нельзя делать. С приветом *Анастасия Чеботаревская*».

И еще одна: «Многоуважаемый Корней Иванович! Я очень сожалею, что в неточной передаче, слышанной Дьяконовым, произошло недоразумение. <...> Но остается непонятным и достойным сожаления то, что в чем-то виновным оказалось перед Вами *общество переводчиков,* которое, также как и я с Ф.К. — не высказали ни Вам, ни Гумилеву ничего, кроме самого любезного и учтивого приема. *Анс. Чеботаревская*» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 72. Ед. хр. 54).

364. А.Н. Чеботаревской

26 января 1919 г. Петроград[1]

Многоуважаемая Анастасия Николаевна.

К Обществу Переводчиков — и особенно к Вам и Федору Кузьмичу — я испытываю самую искреннюю, сердечную благодарность. В О<бщест>ве Переводчиков я чувствовал себя среди своих, в родной семье, — очень уютно. Мне было радостно, что есть где-то уголок, где нет ни дрязг, ни подвохов, ни сплетен, куда можно придти и просто поделиться мыслями — с людьми, которых ты уважаешь. Поэтому (признаюсь Вам) Ваше письмо в первую минуту оскорбило меня. Неужели Анаст<асия> Ник<олаевна> так мало уважает меня, что может во мне, благодушном, заподозрить какого-то злокозненного интригана?

Очень рад, что дело разъяснилось так хорошо. «Школу языков» я никогда и не мог бы устроить, ибо языки знаю плохо. Про Вас (как и про меня, как и про всякого что-нибудь делающего) говорят очень много плохого[2], но я никогда ничему плохому о Вас не верил, ибо за все время своего долгого с Вами знакомства ничего, кроме хорошего, от Вас не видал. А уж у Федора Кузьмича (как у автора) я (как читатель) в неоплатном долгу, и считал бы себя хулиганом, если бы помыслил против него что-нибудь дурное. Лекция Гумилева нисколько от меня не зависела. Я свою лекцию прочел[3]. Мы действительно были в тот день на заседании.

Вам преданный *Чуковский*

[1] Датируется по ответной открытке А.Н. Чеботаревской от 27.1.1919.

[2] Отвечая на это письмо, А.Н. Чеботаревская писала: «В ответ на Ваше любезное письмо от воскресенья, в кот<ором> Вы сообщаете, что “многие говорят обо мне дурно”, могу сообщить, что относительно Вас у меня таких сведений ограниченное количество по той простой причине, что я обычно этими слухами *не интересуюсь* и обо всяком человеке, сколько-нибудь меня интересующем, у меня есть свое *собственное* мнение, которым только я и дорожу» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 72. Ед. хр. 54).

[3] Упомянута лекция «Принципы художественного перевода», которую Чуковский прочел в Обществе профессиональных переводчиков 12 января 1919 г.

365. А.Ф. Кони

Апрель 1919 г. Петроград[1]

Как мне грустно, дорогой Анатолий Федорович, что Вы не застали меня дома. Это был единственный случай за многие и мно-

гие годы, что я ушел из дому в воскресение. И вот возмездие: лишился радости видеть Вас у себя.

А между тем уходил я из дому отчасти по Вашему делу.

Здесь объявился издатель Зин. Ис. Гржебин[2], человек солидный, миллионер, бывший сотрудник Сытина, друг Горького и т. д. Он скупает теперь у многих автор<ские> права на их сочинения. Он купил произведения Мережковского, З. Гиппиус, Вал. Брюсова, Ив. Бунина, А. Амфитеатрова, и т. д., и т. д., и т. д.

Я как-то сказал ему, что книги Анат.Ф. Кони теперь уже совершенно разошлись. Он сразу «загорелся» — и хочет непременно купить у Вас права на их издание. Так как в будущем — это несомненно самый крупный из русских издателей, то, я думаю, для Вас это дело благое.

Не разрешите ли Вы З.И. Гржебину посетить Вас. Если да, то в какой день и в котором часу?

Ваш *Чуковский*

Я видел Гринберга[3]. Он собирается к Вам с Менжинской[4] в воскресение. Менжинская была все время больна.

[1] Датируется по связи с письмом **366**, из которого ясно, что Кони уже повидался с Гржебиным.

[2] О *З.И. Гржебине* см. примеч. 4 к письму **171.**

[3] О *З.Г. Гринберге* см. «Список адресатов».

[4] Имеется в виду *Л.Р. Менжинская*(1876–1933), ответственный сотрудник Петроградского Наркомпроса, впоследствии – проректор Академии Коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской. Сестра председателя ОГПУ В.Р. Менжинского.

366. А.Ф. Кони

После 20 апреля 1919 г. Петроград[1]

Дорогой Анатолий Федорович.

Надеюсь, что теперь Вы уже здоровы. Мы лелеяли надежду пригласить Вас к нам, угостить куличом и пасхой, посидеть вокруг Вас тесным любящим семейным кружком, — но в субботу на Страстной я захворал — и только теперь понемногу начинаю приходить в себя. У меня тоже бессонница — все праздники не заснул ни на минуту, и это нагоняет такую меланхолию, что хоть зарежься.

Мария Борисовна и дети сердечно Вам кланяются и благодарят Вас за лестный привет.

Меня очень опечалил Ваш отказ написать об Академии и Горьком[2], но я не хочу быть назойливым; мне хочется, чтобы Вы рабо-

тали меньше, отдыхали бы больше, сидели бы на солнце, на воздухе — безо всяких забот и хлопот.

А знаете ли Вы новость о Союзе?[3] Как я рад, что ни Вы, ни я не имеем к нему никакого касательства (я вышел из Союза недели две назад). Оказывается, что Слезкин[4], кроме литературы, занимается расхищением чужого имущества. Он — уличенный вор. Так, по крайней мере, гласит официальный протокол, составленный остальными членами Союза. Слезкин воспользовался печатью сего учреждения и, подделав подпись председателя, вывесил на дверях чужой квартиры — (без ведома членов Союза) — ярлык с обозначением, что здесь будто бы помещается книжный склад Союза — и, пользуясь своим высоким званием, вывез из этой квартиры все ценное. Вот. Горький чрезвычайно смущен. Я не злорадствую: я знаю, как трудно, при нынешних подлых условиях, соблюсти человеческий облик. Чувствуется, что Слезкин — не один, что во всем Союзе *такая атмосфера.*

О Гржебине: я рад, что удалось довести это дело до вожделенного конца. Гржебин — щепетильный издатель и — вполне джентльмен. Но все же, А.Ф., возьмите у него хоть половину денег. Мало ли что может случиться; Гржебин может уехать, его фирму могут реквизировать... Пусть Ваши деньги будут при Вас.

Душевно Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по содержанию: Пасха в 1919 г. 20 апреля.

[2] В письме от 22 апреля 1919 г. Кони, ссылаясь на болезнь и трудности быта, отказывался писать воспоминания о так называемом «академическом инциденте». Тогда, в 1902 г., в знак протеста против отмены избрания Горького в Академию, звание академиков сложили с себя В.Г. Короленко и А.П. Чехов. Кони с 1900 года был почетным членом Академии наук по разряду изящной словесности.

[3] Речь идет о Союзе деятелей художественного слова. Историю этого объединения см.: *Ширмаков П.П.* История художественных объединений первых лет советской власти // Вопросы советской литературы. М.-Л., 1958. С. 454–475. 25 апреля на объединенном заседании редколлегии Союза, куда входил и Чуковский, редколлегия в полном составе подала заявление о выходе из Союза в связи с финансовыми махинациями Ю. Слезкина (см.: *Лит. жизнь-1.* С. 389).

[4] *Слезкин* Юрий Львович (псевд. Жорж Деларм, 1885–1947), писатель.

367. А.А. Блоку

16 мая 1919 г. Петроград

«Материнское благословение» Перепельского у меня в Куоккале есть в *литографированном виде.* Другой экземпляр имеется у

Егеньева-Максимова[1]. Я позвоню ему сегодня же. Это перевод — по старинным обычаям, — т. е. вольное переложение. В афишах не было указано, что это перевод, и рецензенты писали об этой вещи, как об оригинальной[2].

Ч.

16 V 1919

[1] *Евгеньев-Максимов* Владислав Евгеньевич (1883–1955), литературовед, исследователь творчества Н.А. Некрасова.

[2] В этом и следующем письме Чуковский отвечает на письмо Блока, датированное: около 16 мая 1919 г.: «Корней Иванович, нельзя ли получить у Вас сведения о "Материнском благословении" (или "Бедность и честь") Дюмануара и Деннери в перев. Н.А. Перепельского? 1) Где рукопись? 2) Было ли напечатано, хотя бы в отрывках? 3) Где были напечатаны куплеты? 4) Есть ли это действительно перевод, или переделка, или сокращено? 5) Где справиться?». Блок в это время готовил пьесы для издания их в репертуарной секции ТЕО Наркомпроса. См.: Блок в Театрально-литературной комиссии и ТЕО Наркомпроса. Документальная хроника. Неизвестные письма и рецензии Блока / Предисл. и публ. Е.В. Ивановой // *Блок-ЛН*. Кн. 5. С. 134–222.

368. А.А. Блоку

17 мая 1919 г. Петроград[1]

Дорогой Александр Александрович.

«Материнское Благословение» никогда напечатано не было. Рукопись этой пьесы имеется в Библиотеке Императорских Театров (1842 г.). Перепельскому принадлежат лишь куплеты, остальное — вольный перевод. Куплеты такие:

Как соловей
Поет на воле,
В тени ветвей
И в чистом поле...
Едва встаю
Чуть день начнется —
Так я пою,
Пока поется.
Бегу гулять
Так шибко, шибко,
Глаза глядят
На все с улыбкой,
А грудь моя
Так сладко бьется,
И рада я,
Что мне поется.

В четвертом действии есть песня, в которой предчувствуется будущий Некрасовский дактиль:

В хижину бедную, Богом хранимую,
Скоро ль опять возвращусь?
Скоро ли мать расцелую любимую
С добрым отцом обнимусь!
Бледная, страшная, в грезах является
Мать моя часто ко мне.
И горячо я с мечтой обнимаюся,
Будто с родимой во сне!
Сколько, я думаю, к горю привычная,
Мать моя слез пролила!..
Если б отсюда она горемычная
Речь мою слышать могла,
Я б закричала ей: пусть не пугается,
Жизнь для меня не страшна;
Матушка! дочь твоя с горем не знается,
Замуж выходит она!

Остальное — труха.
Вот и все.

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по содержанию.

369. Ф.И. Шаляпину

18 июня 1919 г., Петроград

18 июня 1919, Петроград

Многоуважаемый Федор Иванович.

Не хотите ли Вы продолжить или, вернее, закончить диктовку Ваших воспоминаний о Горьком. Редактора очень торопят с этим делом. Может быть, будете любезны, черкнете с моим посланным, когда можно приехать.

Уважающая Вас *Е. Струкова*[1]

Умоляю Вас, глубокоуважаемый Федор Иванович, завершите начатое. Если бы у Вас выдалась свободная минутка, я пришел бы лично просить Вас об этом, но теперь, когда нет телефона, боюсь помешать!

Вам преданный *К. Чуковский*

Машинопись на бланке издательства «Всемирная литература».

[1] *Струкова* Евдокия Петровна — секретарь горьковского журнала «Летопись», стенографировала первую часть автобиографии Шаляпина, напечатанную впоследствии в этом журнале.

370. Д.И. Заславскому

Апрель—июнь 1919. Петроград[1]

Дорогой Давид Осипович. Мне хочется рассказать Вам точно и без преувеличений, что делается у нас в литературно-журнальном мире. Авось, это поможет Вам сообразить, ехать ли Вам в Питер или оставаться в Киеве[2].

Сейчас здесь действуют три издательства. Первое: «Всемирная Литература»[3]. Во главе стоит Горький. Я заведую там американо-английской секцией, проф. Батюшков и Левинсон — французской, проф. Браун — немецкой, Ак.Л. Волынский — итальянской. Переводы оплачивают неважно, но *редакторская работа ценится очень высоко,* и я, например, всю зиму жил с семьею (не нуждаясь) главным образом на гонорар за редактирование Диккенса. Редакторов мало, нужны такие писатели, которые могли бы составлять дельные предисловия к народным изданиям, и я уверен, что, стоит только Вам захотеть, Вас завалили бы работой. Во «Всемирной Литературе» работают теперь люди разных направлений — и З. Гиппиус, и Изгоев, и А.Ф. Кони, и А. Горнфельд — все! Вы свободно могли бы достать себе для редактирований нескольких немецких менестрелей. Кроме того, при «Всемирной Литературе» организовано Восточное отделение под эгидой С.Ф. Ольденбурга. Если Вы знаете древнееврейский — для Вас и тут откроется поприще.

Все издательства (частные) перестают функционировать, но возникло новое «Издательство З.И. Гржебина». Этот меценат в краткий срок приобрел сочинения Д.С. Мережковского, Алексея Ремизова, Горького, Сологуба, Блока, Гумилева, Ахматовой и т. д. У меня он купил книгу о Некрасове и множество мелких вещей[4]. Только что в издательстве вышли «Воспоминания о революции» Н. Суханова[5], книга однобокая и (для меня) скучная, — эта книга одна из серии многих мемуарных книг, посвященных революции, и, может быть, Вы могли бы пристроить что-нибудь свое — из этой области.

Тот же Гржебин предпринял (под редакцией Горького) — серию «Жизнь замечательных людей», вроде павленковской. Я думаю, Вы и здесь могли бы весело и плодотворно работать. Если

вы и вправду обукраинились, написали бы «Житте Квитки Основьяненка, або як пурявых уговкують»[6] или что-нибудь в этом роде. Нет, в самом деле здесь — столько интересных Вы могли бы составить книг: о Лассале (чудный роман!)[7], о Ренане, о Гейне — о ком хотите! Плата божеская.

Кроме того, затевается журнал «Завтра». Во главе тот же Горький. Я — член редакции. Горький, как Вы, может быть, не знаете, сильно поправел, *теперь* Вы могли бы снова сойтись с ним[8]. Журнал — без политики. Во главе угла — литература, искусство, культура. Уверен, что и здесь были бы желанным гостем.

Я отнюдь не заманиваю Вас в Петербург, Боже сохрани! Я только хочу, чтобы, соображая все *за* и *против* Вашей поездки, Вы знали точно, какая работа здесь может быть Вам предоставлена.

Сердечный привет Шурочке и Эсфири Львовне[9]. Я на Вас немного сердит: написали бы мне хоть строку! Мы вынесли эту зиму благополучно, все здоровы и бодры. У Вас на Заячьем благодать[10]. И Жозя, и Регина, и Ст. Льв., и Над. Львовна живут по-прежнему тепло и уютно!

Ваш *Чуковский*

[1] На письме карандашная пометка адресата (?) (сделанная, по-видимому, в поздние годы): 1920. Однако некоторые реалии, упоминаемые в письме (благополучная жизнь К. Ч. «всю прошедшую зиму», замысел журнала «Завтра», бегство З.Н. Гиппиус из Петрограда в декабре 1919 г.) позволяют уточнить датировку письма.

[2] Осенью 1918 г., когда в Петрограде начался «красный террор», Заславский с женой и дочерью уехали в Киев. Там он сотрудничал в различных газетах, пережил смены всех властей, постепенно отошел от какой-либо политической деятельности, и в 1919 г. решил вернуться в Петроград. Однако прежде, чем сделать это, он хотел узнать, может ли рассчитывать там на кусок хлеба. Судя по упреку Чуковского в последнем абзаце публикуемого письма, Заславский не написал ему, а обратился устно, через кого-то из общих знакомых, отправившихся в Петроград (вероятнее всего, через Владимира Абрамовича Канторовича). Обмен вестями мог произойти в периоды большевистской власти в Киеве (когда восстанавливалось сообщение с Советской Россией), т. е. в феврале—августе и с 3 декабря 1919 г.

Почти все названные в письме Чуковского литераторы были знакомы Д. Заславскому по прежней журналистской и политической деятельности.

[3] *«Всемирная литература»* — издательство, основанное в Петрограде при Наркомпросе РСФСР 4 сентября 1918 г. по инициативе М. Горького и А.Н. Тихонова. Основная задача — перевод и издание на русском языке наиболее значительных произведений западно-европейской литературы для широких кругов читателей. Все выпускаемые издания объединялись в семь серий: «Основная» (предназначалась для достаточно подготовленного читателя), «Народная» (для малоподготовленного читателя), «Новости иностранной литературы», «Детская литература», «Библиотека мировой классики», «Мемуары о Великой Французской революции» и «Культура Востока». С февраля 1919 г. при издательстве работала «Студия художественного перевода». Подготовку изданий осуществляли три редакционные коллегии — Западного отдела (руководители К.И. Чуковский и Е.И. Замятин), Восточного отдела (руководитель С.Ф. Ольденбург) и Поэтическая коллегия (руководитель Н.С. Гумилев). С 1918 г. было выпущено более 200 книг. Прекратило свою деятельность в 1924 г. (см. подробнее: *Чуковский К.И.* Горький во «Всемирной» //Горький: Сборник статей и воспоминаний о М. Горьком. М.-Л., 1928.; *Шомракова И.А.* Книгоиздательство «Всемирная литература». 1918–1924//Книга: Исследования и материалы. М., 1967. Сб. 14. С. 175–193 и др.). См. также: *Хлебников Л.М.* Из истории горьковских издательств «Всемирная литература» и «Издательство З.И. Гржебина». Литературное наследство. Т. 80: В.И. Ленин и А.В. Луначарский. Неизданная переписка. М., 1971. С. 668–699. См. также: *Даманская А.* Горький и «Всемирная Литература» // Последние новости (Париж). № 5511. 1936. 25 июня. С. 3.

[4] В 1921 г. в берлинском издательстве «З.И. Гржебин» вышли «Избранные сочинения» и «Избранные стихотворения» Н.А. Некрасова под редакцией, со вступительными статьями и примечаниями К.И. Чуковского.

[5] Первый том (из семи) «Записок о революции» историка, публициста, деятеля меньшевистской партии Николая Николаевича *Суханова* (наст. фам. Гиммер; 1882–1940, расстрелян) вышел в петроградском отделении Издательства З.И. Гржебина в 1919 г. Полностью — в Берлине в 1922–1923 г.; в СССР — в 1991 г.

[6] С украинского: «Жизнь Квитки-Основьяненко, или Как укрощают строптивых». Речь идет о любимом Заславским с детства Григории Федоровиче Квитке-Основьяненко (Квитка; псевд. — Грицько Основьяненко; 1778–1843), украинском писателе, авторе популярной комедии «Шельменко-денщик».

[7] Фердинанд *Лассаль* (1825–1864), немецкий социалист, философ, публицист; организатор и руководитель Всеобщего германского рабочего союза (1863–1875). Биографический очерк «Лассаль» Д. Заславский выпустил в 1925 в ленинградском издательстве «Прибой».

[8] В 1918 г. Заславский, занимавший тогда антибольшевистские позиции, сильно изменил свое (прежде восторженное) отношение к А.М. Горь-

кому: он упрекал его в поддержке нового режима, прислужничестве и т. п. В 1919-м, после пережитого на Украине, его взгляды изменились.

[9] Александра Давидовна (1914–1935), дочь, и *Эсфирь Львовна* (1885–1943), жена Д.И. Заславского.

[10] Речь идет о петроградской квартире Д.И. Заславского в *Заячьем* переулке, д. 6, кв. 22. В его отсутствие там жили его свояченицы — *Стефания Львовна* Шабад (жена виленского доктора Тимофея Осиповича Шабада, послужившего прототипом доктора Айболита) и *Надежда Львовна* Гродзенская (впоследствии Вольф) — и племянники — Иосиф (*Жозя*) Тимофеевич Шабад и *Регина* Тимофеевна Шабад (впоследствии Вайнрайх).

371. М.К. Лемке

4 июля 1919 г.[1]

Глубокоуважаемый Михаил Константинович.

Я уже слышал от Вас об этих стихах. Года два тому назад Вы говорили мне, что стихи, напечатанные в «Рус<ском> Арх<иве>» — подделка. То же самое твердит и Вл. Ев<геньев>-Максимов. Но, увы, *истинного* текста у меня нет. Когда-то покойный В.Я. Богучарский[2] списал для меня этот текст со страниц одного эфемерного заграничного листка семидесятых годов. Текст оказался тождественным с текстом «Рус<ского> Архива». Тот же Богучарский передал мне записи Д.П. Сильчевского[3], среди которых находились и стихи в честь Муравьева[4] — *почти* совпадавшие с текстом «Рус<ского> Арх<ива>». Варианты незначительны. Вместо *зри – се,* и т. д. Сильчевский получил свою версию от барона Дельвига, бывшего на банкете в честь Мур<авьева>.

Вот и все. С нетерпением жду дальнейших томов Герцена[5], где появится *истинный* текст. В изд<ание> сочин<ений> Некрасова, редактируемое мною, — (оно выйдет на днях)[6] — я включил те стихи, которые даны у Чешихина, но оговорил, что М.К. Лемке, авторитетный исследователь и проч. — утверждает, что эти стихи не настоящие.

Теперь позвольте сказать несколько слов по поводу всего издания Герцена. Как я написал в одной — еще не изданной статье — это нерукотворный памятник не только Герцену, но и Михаилу Лемке. Ваша работа — не работа, а подвиг. Нужна титаническая энергия, чтобы столько лет — при таких обстоятельствах — совершать этот почти нечеловеческий труд. Как был бы рад Герцен, если бы узнал, что через 50 лет после его смерти — среди его потом-

ков будет Лемке. Без Ваших комментариев, — все эти письма и статьи — мертвые запыленные строки; Вы брызжете на них живой водой — и они воскресают!

Конечно, в таком огромном труде нельзя обойтись без нескольких мелких опечаток, описок и т. д. Вот — подмеченные мною[7]<...>

Авось кое-что из этого Вам пригодится. Все это такие мелочи, что стыдно и выписывать. Но мне так дорога Ваша работа, что я не хочу, чтобы в ней были хотя бы и столь мелкие погрешности. Уверен, что Вы поймете меня. Если бы я не ценил Вашего «Герцена» — я не потратил бы двух часов на писание этого письма. Я не хотел печатать этих указаний в рецензии — ибо это мельчайшие мелочи, о которых и писать не следует[8]. Крепко жму Вашу руку

Ваш *Чуковский*

Кстати. В XI т. Вы говорите (со слов Евгеньева), что на одном из двух автографов Некрасовского стихотворения Тургеневу имеется надпись «Т-ву». Да, но на другом имеется полная надпись: «Тургеневу» и объяснено: «Когда разнесся слух, будто Тургенев вывел в “Отцах и детях” Добролюбова». Но, конечно, я принимаю Ваше толкование: стихотворение к Тургеневу не относится. Привет всему Вашему семейству!

[1] Дата получения поставлена адресатом.

[2] *Богучарский В.Я.* (наст. имя и фам.: Василий Яковлевич Яковлев, 1860–1915), публицист, историк революционного движения в России.

[3] *Сильчевский* Дмитрий Петрович (1851–1919), библиограф, публицист. Автор воспоминаний о Н.А. Некрасове, М.Е. Салтыкове-Щедрине, Г.И. Успенском.

[4] Подразумевается некрасовская ода Муравьеву-Вешателю, об истории которой Чуковский написал статью «Поэт и палач» (1922), см. *Т. 8* наст. изд.

[5] М.К. Лемке редактировал издание: *Герцен А.И.* Полн. собр. соч.: В 4 т. (Пб.: Т-во А.Ф. Маркс, 1918). Бесплатное приложение к журналу «Нива» на 1918 год. Издание вышло в 17-ти выпусках.

[6] Имеется в виду издание: *Некрасов Н.А.* Стихотворения / Изд. испр. и доп. под ред. и с предисл. К. Чуковского. С биографическим очерком В. Евгеньева-Максимова. Пб., 1920.

[7] Пропущен перечень опечаток и ошибок, которые, судя по ответному письму, М.К. Лемке принял к сведению.

[8] Отвечая на это письмо в тот же день 4 июля, М. Лемке писал «Почти все указанные Вами ошибки мною не замечены.... вот что значит полагаться на других... так читали корректоры... Еще раз спасибо». (ОР РГБ. Ф. 620. К. 67. Ед. хр. 10).

372. З.Г. Гринбергу

После 19 июля 1919 г. Петроград[1]

Дорогой Захар Григорьевич.

Несколько дней назад Вы предложили мне взаймы 10 тысяч рублей.

Я не мог воспользоваться Вашей любезностью, так как не знал, чем заплачу этот долг. Но теперь оказывается, что печатание второго тома Некрасова не встречает со стороны Воровского возражений. Значит, не позже будущей недели мне предстоит получить гонорар. Это меняет дело, и если у Вас есть хоть какая-нб. возможность, дайте подателю сего эти деньги. Я не могу видеть, как голодают мои дети. Что будет дальше, не знаю.

Через неделю читаю в Аничковом Дворце лекцию о Горьком. Приходите. Ах, как дивно читал Горький свои воспоминания о Толстом![1]

Ваш *Чуковский*

Податель сего — мой сын Николай. Ему и доверяю получить.

[На обороте]: З. Гринбергу от К. Чуковского

[1] Датируется на основании упомянутой лекции А.М. Горького «Воспоминания о Льве Толстом», прочитанной 19 июля 1919 г. в Музее города на Проспекте 25 октября (в бывшем Аничковом дворце на бывшем Невском проспекте). Лекция была организована студией издательства «Всемирная литература» (*Лит. жизнь-1.* С. 428).

373. А.А. Блоку

22 августа 1919 г. Петроград[1]

Дорогой Александр Александрович.

Обращаюсь к Вам с наглой просьбой: сейчас у нас в «Студии» семинарий по Блоку — и не хватает книг. Одна из самых серьезных наших слушательниц — г-жа Векслер[2] пишет к ближайшей пятнице реферат — ей на 3 дня нужно иметь 1-ую и 3-ю книгу. Она мечется по городу — нигде не может достать. Вы — последнее прибежище. Если бы Вы указали, где можно купить эти книги, было бы лучше всего.

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по пометке Блока: «Получено 22 августа 1919 г.».

[2] *Векслер* Александра (Ася) Лазаревна (1901–1965), студентка, инструктор секции Народных университетов Наркомпроса, активная участница Вольной философской ассоциации.

374. З.Г. Гринбергу 1919

18 сентября 1919 — до марта 1920 г. Петроград[1]

Дорогой Захар Григорьевич.

Будьте милостивы — окажите дальнейшую помощь сестре Некрасова[2]: она в отчаянном положении — у нее больная дочь, и денег ни копейки. Если Вы дадите ей еще 5 тысяч, — Вы заслужите вечную благодарность всех, любящих Некрасова.

Прошу тов. Аронову[3] написать бумагу о том, чтобы сестре Некрасова разрешили в жилищ<ном> отделе перевезти мебель из склада: люди живут без хлеба, без мебели, без огня — без всего.

Привет сердечный. Сегодня зайду.

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по упоминанию о сестре Некрасова в дневнике.

[2] Запись в дневнике Чуковского: «*18 сентября 1919*. Только что была у меня Лизанька, воспитанница Авдотьи Яковлевны [Панаевой]. Теперь ей лет 70. Она выдает себя за сестру Некрасова. В комиссариате не разбираются, что ее отчество Александровна. По моей просьбе ей выдали валенки и 5 000 рублей» *(Дн.-11*. С. 256).

[3] *А. Аронова* — секретарь З.Г. Гринберга. См. ее запись в *Чукоккале*. С. 233.

375. Е.В. Гольденвейзер

8 октября 1919 г. Петроград[1]

Дорогая Елизавета Владимировна!

Наконец-то я могу урвать минуту, чтобы ответить на Ваше милое письмо[2]. Вы спрашиваете о «Дворце Искусств»[3]. Сначала все шло хорошо: я привлек к этому делу Алекс<андра> Бенуа, Алекс<андра> Блока и Горького. Мы подали в Компрос[4] бумагу. Гринберг (здешний глава просвещения) отнесся сочувственно — и обещал выдать «завтра или послезавтра» полмиллиона. Я был в восторге, нашел дивное здание на Мойке (бывшая квартира Елисеева[5] — огромное помещение, двухэтажное), договорился с поставщиком дров и т. д. Полмиллиона это только задаток, до нового года, а потом — обещано по смете. Смета же наша четыре миллиона. Дело намечается огромное. Им увлеклись многие «первоклассные художественные силы»; все шло превосходно, но, как назло, Гринберг поссорился с кем-то в Смольном, потерял свою власть; теперь на его месте некий Зеликсон[6], человек отнюдь не благосклонный. Нас кормят завтраками, обещают на будущей неделе, водят нас от Понтия к Пилату — и в результате весь наш Дворец оказался Воздушным Замком. Все сочувствуют, обе-

щают. Всем внушает большое почтение бумага, подписанная Горьким, Мережковским, Блоком и Бенуа, — но чуть дело доходит до денег — кряхтят и жмутся, жмутся и кряхтят.

Я не писал Ив<ану> Серг<ееви>чу[7], ибо надеялся, что вот-вот явится возможность написать ему нечто определенное, недвусмысленное, — но теперь я вижу, что я завяз в канцелярском болоте и взываю к Вам в Москву: помогите! Неужели невозможно как-нибудь сдвинуть это дело с мертвой точки? Я писал Луначарскому, никакого ответа! Пожалуйста, научите, что делать?

Ваш *Чуковский*

Нине Сергеевне — привет!

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Петроград. 8.X.19.

[2] Письмо Е.В. Гольденвейзер в архиве Чуковского не сохранилось.

[3] *«Дворец искусств»* — культурное учреждение, созданное при Наркомпросе в Москве, где проходили диспуты, лекции, читались лекционные курсы по мировой литературе и культуре. Подробнее см.: *Евстигнеева А.Л.* Особняк на Поварской (Из истории Московского Дворца Искусств) // Встречи с прошлым. Вып. 8. М., 1996. О встречах с руководителем Дворца искусств поэтом Иваном Сергеевичем Рукавишниковым во время поездки в Москву в июле-августе 1919 года Чуковский упоминал в дневнике (см. *Дн.-11.* С. 255). Чуковский хлопотал об открытии Дворца искусств в Петрограде.

[4] Комиссариат просвещения.

[5] Петроградский Дом искусств был открыт 19 ноября 1919 года и занимал часть особняка Степана Петровича *Елисеева* (1857–1935, умер в эмиграции), племянника владельца известных продовольственных магазинов в Москве и Петербурге (Мойка, 59).

[6] *Зеликсон* Исаак Наумович (?–1937, расстрелян), сотрудник Наркомпроса.

[7] Рукавишникову.

376. А.А. Блоку

18 декабря 1919 г. Петроград

18 дек. 1919

Дорогой Александр Александрович.

Знаете ли Вы Каплуна?[1] Кажется, нет. Это очень молодой и приятный сановник — не суетится, не кричит, не кокетничает. Он стоит во главе Управления Петроградского Совета (Дворцовая площадь, 6) и, по непонятной причине, покровительствует Мережковскому, Сологубу и другим именитым писателям. Я познакомился с ним на прошлой неделе. Думаю, что это знакомство чре-

вато пайками. Каплун, по моему совету, устраивает в эту субботу, т. е. послезавтра, литературный вечер для своих комиссариатских девиц, коих у него около тысячи. Ваше участие неизбежно. Каплун готов послать за Вами «машину». Начало вечера в 7 часов. Телефон Каплуна 19–01. Умоляю Вас покориться, ибо, повторяю, возможен паек.

Надеюсь также, что Вы не погубите Дома Искусств и явитесь завтра в 7 часов вместе с Любовью Дмитриевной на Мойку 59.

Получили ли Вы 10000 у Грж<ебина>? Я получил. Выдан ли какой-нб. гонорар Ив<анову>-Разумнику? Последнее заседание было презренно: ни Вас, ни Горького, ни Ольденбурга, ни Батюшкова, ни Брауна — один Браудо[2] — в огромном количестве.

Черкните, пожалуйста, можно ли надеяться на Ваше участие в двух вышеупомянутых литер<атурных> вечерах?[3]

Ваш *Чуковский*

З.Н. Гиппиус прослышала о Ваших чукоккальских стихах — и потребовала, чтобы я дал ей почитать[4]. Сегодня иду к ней с Чукоккалой.

[1] *Каплун* Борис Гитманович (1894–1938), возглавлял Управление Петроградского совета.

[2] Перечислены сотрудники издательства «Всемирная литература», см. письмо **370**. *Браудо* Евгений Максимович (1882–1939), критик, музыковед.

[3] На это письмо Блок ответил в тот же день: «Боюсь, что у меня возобновится жар, который только что прошел, и будет до бесконечности возобновляться инфлуэнца, если я еще не высижу. Поэтому завтра не приду и в субботу — едва ли; Вы знаете, что теперь заболевать несколько раз подряд нельзя. С Каплуном познакомиться впоследствии, конечно, очень не прочь... Мы переписываемся, как в деревне. Телефон мой так и не действует. До свидания, надеюсь, что во вторник — наверное, а может быть, и раньше» *(Блок-ЛН.* Кн. 2. С. 239–240).

[4] См. стихотворение А. Блока «Чуковскому» («Нет, клянусь, довольно Роза...») *(Чукоккала.* С. 252–254).

377. И.Е. Репину

1919 г. Петроград[1]

Дорогой Илья Ефимович.

Здравствуйте! Мы еще живы — любим Вас, думаем о Вас, молим Бога, чтобы наступила минута, когда можно будет с Вами увидеться. Веру Ильиничну я одно время видел частенько — она здорова, бодра, очень помолодела — тоскует по Куоккала, по Вас. Я в разное время дал ей несколько тысяч — в уплату моего долга!

Здесь в Питере очень тяжело, но все не так плохо, как пишут в газетах. Я думаю, что если бы Вы жили в России, Вам было бы очень хорошо. Ваши картины, этюды, эскизы страшно ценятся, любители ищут их повсюду — и предлагают за них огромные деньги. Никогда еще Ваша слава не гремела так, как теперь. Я здесь часто видаю Бенуа, Добужинского, Вл<адимира> Маяковского, Сомова, — все они в хорошем положении. Живут безбедно. Мы живем не сытно, но дружно. Все работаем. Я служу в издательстве «Всемирная литература», заведую английским отделом — вместе с Горьким, — который делает здесь много добра. Мария Борисовна, Лида, Коля и Боба сердечно приветствуют Вас и ждут, не дождутся той минуты, когда граница в Финляндию откроется.

Весь Ваш *Чуковский*

[1] Письмо датируется по содержанию. На обороте — на чистом листе надпись: Илье Ефимовичу Репину.

378. З.Г. Гринбергу

1919 — до марта 1920 г. Петроград[1]

Дорогой Захарий Григорьевич.

Больше взяток у меня нету, и потому прошу Вас оказать мне милость бескорыстно: примите возможно скорее Веру Ильиничну Репину — и исполните то, о чем она просит.

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется предположительно. Упоминания о хлопотах о Вере Ильиничне Репиной многократно встречаются на страницах дневника Чуковского и в его письмах к И.Е. Репину.

379. А.А. Блоку

7 февраля 1920 г. Петроград[1]

Дорогой Александр Александрович.

Вы знаете, что по четвергам в «Доме Искусства» бывают вечеринки. Студисты страстно желают видеть Вас у себя. Не пожалуете ли Вы к 8 1/4 час. в «Дом Искусства»? Гонорар 1500 р. и посильное угощение (весьма скудное). Было бы очень хорошо, если бы Вы прочитали, напр<имер>, «Возмездие» или «Египет», или — что хотите[2].

В воскресение у Горького — в три!

Ваш *Чуковский*

Чтение Любовь Дмитриевны произвело большое (трагическое) впечатление — но рисунки Анненкова — смутны, бедны и притязательны[3].

[1] Датируется по пометке Блока: «Получено 7 февраля 1920 г.».

[2] В тот же день Блок ответил: «...спасибо, что зовете, думаю, что приду... Очень радуюсь, что Л<юбовь> Д<митриевна> читала хорошо, сама она была собой недовольна. Ваш Ал. Блок.

Увы, продовольствия "Горохр" не шлет!» *(Блок-ЛН.* Кн. 2. С. 242).

[3] Речь идет об иллюстрациях Ю. Анненкова к поэме А. Блока «Двенадцать» (Пг.: Алконост, 1918). В библиотеке Чуковского сохранился нумерованный экземпляр этого издания с дарственными надписями А. Блока и Ю. Аненкова (май 1919 г.). Впоследствии Чуковский изменил свое мнение об этих рисунках (см. *Чукоккала.* С. 29–31).

380. А.Ф. Кони

Ок. 10 февраля 1920 г. Петроград[1]

Дорогой Анатолий Федорович.

Обед писателей в «Доме Искусства» состоится не в понедельник, а *во вторник 10го февраля* в 6 часов.

Писатели очень просят Вас пожаловать.

Я сказал нашему литературному Комитету, что Вы согласились прочитать у нас лекцию. Все очень обрадовались и решили просить Вас, чтобы Вы прочли эту лекцию в понедельник 16го февраля. Если Вам это удобно, мы сегодня же закажем такую афишу:

Дом Искусства
В понедельник 16 февраля
Анатолий Федорович
КОНИ
прочтет лекцию
«Толстой и Некрасов»
(по личным воспоминаниям)
Начало в 7 часов

Позвольте просить Вас — не ставить на афишу Апухтина. Очень это выйдет пестро и — обидно для Толстого!

Пожалуйста, сообщите с подателем сего, — можете ли Вы читать 16го февраля в 7 часов[2].

Пишу второпях, на заседании. Простите неряшливость письма.

Ваш Чуковский

[1] Датируется по содержанию. На бланке: Р.С.Ф.С.Р. «ДОМ ИСКУССТВ» при Комис. Народ. Просв. .....дня 19. №.....Петроград. Мойка 59. Тел. 6–05434–89.

[2] Очевидно, лекция А.Ф. Кони не состоялась. 16 февраля на «Понедельнике Дома искусств» выступил Б. Эйхенбаум с докладом «Молодой Толстой» *(Лит. жизнь-1.* С. 515).

381. А.Ф. Кони

10 февраля 1920 г. Петроград[1]

Поздравляю Вас от души с бодрой, деятельной, одухотворенной, трогательно-прекрасной старостью. Не всем нам суждено дожить до Ваших лет, но тем немногим, кому суждено это счастье, дай Бог нести свою старость так светло и благостно, как несет ее Анатолий Федорович Кони. Под тяжестью годов и недугов Вы не сложили труженических рук, а остались тем же работником на ниве народной, каким знает Вас русское общество с начала 60х годов.

Я встречаюсь теперь с Вашими слушателями — матросами, курсистками, студентами, рабочими и вижу, что для всех для них Ваше имя — символ всего благородного! Поздравляю Вас, — и *всех нас,* с Вашим долголетием, с Вашей юношеской старостью.

Обеды в «Доме Искусства» расстраиваются. Приходится отложить их до приезда Горького из Москвы. Но Ваша лекция — о Толстом и Некрасове — в этот понедельник — не так ли? «Дом Искусств» будет очень рад, если именно *Вы* прочтете в его стенах лекцию о *Толстом.*

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется на основании письма А.Ф. Кони от 11.II.1920: «Вчера мне исполнилось 76 лет...» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 66. Ед. хр. 5).

382. А.В. Луначарскому

До 23 февраля 1920 г. Петроград[1]

Дорогой Анатолий Васильевич.

Я уверен, что Вам будет приятно исполнить мою просьбу: Вы загладите великую несправедливость, которая так мучительна для всех просвещенных работников Советской Республики.

Погибают с голоду те, имена которых Советская Республика любит и чтит. Погибают жены, сестры и дети замечательнейших русских деятелей. Им нужна немедленная помощь, хотя бы в виде пайка — и помощь сию минуту, не завтра, а сейчас. Не сомневаюсь, что Вы с радостью окажете им эту помощь.

Вот их имена:

1. Сестра поэта Некрасова Елисавета Рюмлинг[2], 75-летняя старуха. Живет в вопиющей нищете с чахоточной дочерью.

2. Жена художника Серова, Ольга Федоровна Серова[3]. У нее трое детей и никаких средств к существованию.

3. Валентина Семеновна Серова[4], вдова композитора, мать живописца. Одна из замечательных русских женщин. Основала в деревне оперу для крестьян и рабочих, написала прекрасные мемуары о своих знаменитых муже и сыне.

Разбита параличом, живет на иждивении Ольги Федоровны Серовой, которая и сама безысходно нуждается.

4. Любовь Павловна Бакст[5], жена художника, дочь Третьякова — живет буквально впроголодь, вряд ли доживет до весны, если ей сейчас же не будет оказана помощь: на руках у нее 11-летний сын.

Вам я не должен говорить, что честь Рабоче-Крестьянской Республики требует, чтобы носительницы и наследницы этих имен были спасены от нищеты. М. Горький, находящийся сейчас в Москве, сообщит Вам подробные сведения об их оскорбительно тяжелом положении. Помощь, мне кажется, может быть оказана им через посредство Дома Искусств, находящегося под председательством Горького. Все четыре пайка могут быть выданы Дому

Искусств, который, со своей стороны, передаст их немедленно — Любови Павловне Бакст, Валентине Семеновне Серовой, Ольге Федоровне Серовой, Елисавете Алексеевне Рюмлинг.

Дом Искусств работает неутомимо. В нем открыта столовая для художников и литераторов. Художественная и литературная студия полны учащихся. Публичные лекции неизменно собирают полный зал. Философская ассоциация, Литерат<урный> Фонд, Союз переводчиков находят в нем приют. Теперь мы основываем при Доме Искусств *Подвижной университет* для красноармейцев, милиционеров и матросов; во главе университета М. Горький[6].

Ваш *Чуковский*

Вера Глебовна Успенская (дочь писателя) с детьми имеет всего 1500 руб. в месяц[7].

[1] Датируется по письму Луначарского в Малый Совнарком от 23 февраля 1920 года (см. примеч. 6).

[2] *Некрасова-Рюмлинг Е.А.* (ум. в 1935), сестра поэта по отцу, дочь А.С. Некрасова и крестьянки Ф.А. Полетаевой. «Николай Алексеевич проявил большое участие ко мне, — писала Некрасова-Рюмлинг в своих воспоминаниях, — назначил мне ежемесячную пенсию, которую мы с мужем получали до конца его жизни» (Книга и революция. 1921. № 2. С. 60).

[3] *Серова О.Ф.* (в девичестве Трубникова, 1865–1927).

[4] *Серова В.С.* (урожд. Бергман, 1846–1924), композитор, музыкальный критик, общественная деятельница. Упомянутые дальше ее воспоминания о муже и сыне см. в кн.: *Серова В.С.* Серовы Александр Николаевич и Валентин Александрович. СПб., 1914. О своей музыкально-просветительской деятельности она выпустила книги: Новое дело в деревне. М., 1896; Музыка в деревне. М., 1897.

[5] *Бакст Л.П.* (в девичестве Третьякова, 1870–1928).

[6] 23 февраля 1920 г. А.В. Луначарский направил в Малый Совнарком следующее письмо: «Прилагая при сем обращение ко мне заведующего Петроградским Домом искусства т. Чуковского, прошу обсудить вопрос о распространении установленного для ученых и писателей в определенном размере пайка еще и на тех лиц, которые указываются т. Чуковским, и может быть некоторых других не свыше 15–20 по указанию Наркомпроса» (Литературное наследство. Т. 80, М., 1971. С. 324). 17 марта Малый Совнарком принял окончательное решение по докладу Луначарского: «Обязать НК просвещения поместить детей О.Ф. Серовой и Л.П. Бакст в один из пансионов НКпроса. Назначить Л.П. Бакст и В.С. Серовой, О.Ф. Серовой и Е.А. Рюммин (так в документе. — *Сост.)* пенсии как трудящимся, причем В.С. Серовой в двухкратном размере» (Там же. С. 324). Это постановление было подписано В.И. Лениным.

[7] В 1967 году Р.А. Лавров (в ту пору заместителя директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС), переслал Чуковскому копии этих давних писем. Отвечая ему, Чуковский писал: «С большой радостью я узнал, что мое скромное письмо к А.В. Луначарскому имело такие громадные последствия: постановление Совнаркома за подписью В.И. Ленина. Постановление значительно улучшило судьбу всех лиц, о которых я ходатайствовал. Сестра Некрасова не только была обеспечена еженедельным пайком, но ей была предоставлена возможность поместить в санаторий свою чахоточную дочь. Веру Глебовну Успенскую (первую жену Бориса Савинкова и мать его детей — *Сост.*) перевели на другую, лучше оплачиваемую должность в системе Наркомпроса. Любовь Павловна Бакст, Валентина Семеновна Серова и ее невестка Ольга Федоровна с детьми уже через неделю после Постановления были снабжены и пайками и топливом. Заодно получила вспоможение дочь Репина — Вера Ильинична и сестра Врубеля — Анна Александровна, о которых я хлопотал несколько раньше.

Мое предложение поручить обеспечение перечисленных лиц Дому Искусств объясняется тем, что я в то время заведовал литературным отделом Дома Искусств и близко столкнулся с нуждою людей, принадлежавших к миру творческой русской интеллигенции.

С особенной отзывчивостью относились ко всем моим хлопотам два человека: Луначарский и Горький» *(Архив ЕЦЧ).*

383. А.М. Горькому

После 11 апреля 1920 г. Петроград[1]

Дорогой Алексей Максимович.

У меня положение отчаянное. Вся надежда — на Вас. Оказывается, что, покуда я бегал и, как дурак, хлопотал о богаче-Мережковском[2], жена моя стояла на Бассейной и предлагала прохожим стенные часы, ибо у нее не было керенок. Всю зиму я зарабатывал много, но после Пасхи внезапно оказался банкротом. Из «Всемирной»[3] жалование взято авансом и съедено в 3–4 дня. У меня нет денег даже на бритье.

Наш милый «Союз»[4] за два месяца не выдал нам ни копейки жалования, а я работал для него, как сукин сын.

И вообще сразу все мои денежные расчеты и упования рухнули. Коллегия[5] постановила купить мои «Критические очерки»[6] — и не купила.

Постановила купить у меня мемуары Головачевой-Панаевой[7] — и не купила.

Я надеялся, что у меня купят мою полуготовую книгу о Некрасове (помните, я писал Вам о ней), но и ее не купили.

А у меня семья — шесть едоков, и каких! Я уверен, что Луначарский и Гринберг[8] рады были бы мне помочь, но обратиться к

ним я не могу. Мне легко и весело хлопотать перед ними о других, но о себе — не могу.

А к Вам я обращаюсь без стеснения. Вы свой человек. Прошу об одном: нельзя ли в ускоренном порядке купить у меня что-нибудь: либо две книжки критических статей, либо Некрасова, либо мемуары Панаевой.

А нельзя — не надо.

[1] Датируется по содержанию и по фразе «...после Пасхи <...> оказался банкротом». Пасха в 1920 г. приходилась на 11 апреля.

[2] Чуковский помогал Д.С. Мережковскому устроить издание его произведений в государственных издательствах, чтобы получить деньги, необходимые для отъезда Мережковского и З.Н. Гиппиус в декабре 1919 г. за границу. (См.: *Дн.-11*. С. 254. *9 июля 1919*.)

[3] Издательство «Всемирная литература».

[4] Вероятно, имеется в виду Петроградский профессиональный союз писателей, созданный весной 1920 г.

[5] Коллегия Наркомпроса, при котором был образован Литературно-издательский отдел (ЛИТО).

[6] План издания критических работ Чуковского был составлен Горьким. Издание не состоялось.

[7] *Панаева* Авдотья Яковлевна (1819–1893), писательница. Ее мемуары были изданы позже: *Панаева А.* Воспоминания. 1824–1870 / Под ред., с предисл. и примеч. К. Чуковского. Л.: Academia. 1927.

[8] О *З.Г. Гринберге* см. «Список адресатов».

384. З.Г. Гринбергу

После марта 1920 — до 15 февраля 1921 г. Петроград[1]

Дорогой Захар Григорьевич.

Умоляю Вас, будьте тем Гринбергом, каким мы Вас все знаем, и спасите меня. Дело идет именно о спасении больного и переутомленного труженика.

За все эти годы я не имел
ни одного дня отдыха.

Черт возьми, Чуковские на улице не валяются, и правительство *обязано* дать мне возможность хоть месяц вздохнуть свободно!

Весь Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по содержанию. Крайними датами выбраны: отъезд З.Г. Гринберга в Москву и первая поездка К.Ч. в Холомки, когда он, уже ни на что и ни на кого не надеясь, решил самостоятельно «спасать свою семью и себя от голода» (*Дн.-11*. С. 321).

В феврале 1920 г. у Чуковского родилась дочь Мария, и положение семьи, и прежде весьма бедственное, стало поистине невозможным. В стране свирепствовал голод, из-за нехватки бумаги практически перестали печататься книги. Единственными источниками существования были жалкие гонорары за выступления и пайки. При этом К.И., постоянно и энергично помогавший множеству людей (порой и совершенно случайным или не очень-то нуждавшимся в помощи), стоически избегал хлопотать о себе. Это письмо Чуковского З.Г. Гринбергу, продиктовано уже самым настоящим отчаянием. В ту пору Гринберг работал в Москве, в центральном аппарате Наркомпроса. К письму приложено заявление:

В Наркомпрос
Писателя Чуковского
(Петербург. Кирочная, 7, кв. 6)

Заявление

Никто во всем Петербурге не нуждается больше меня.

У меня четверо детей. Младшая дочь — грудной младенец.

Наркомпрос обязан мне помочь и — немедленно, если он не желает, чтобы писатели подыхали от голоду.

До сих пор я никогда никуда не обращался за помощью. Я наивно полагал, что в России можно прожить литературой. Я работал за десятерых: читал сотни лекций, печатал книги, брошюры, стихи для детей, — и вот в результате голод. Я не желаю быть инвалидом. Я требую, чтобы мне дали возможность писать. Не об отдыхе я мечтаю, а о работе. Дайте мне возможность уехать с семьею на дачу — и я не оторвусь от письменного стола.

Я заканчиваю книгу об Александре Блоке, — готовлю 5^{oe} издание Уота Уитмэна, — пишу историко-литературный комментарий к «Бесам» Достоевского, — перевожу америк<анского> писателя O. Henry (Генри) и требую, чтобы мне помогли. А. Луначарский отнесся к моему делу сочувственно. З. Гринберг обещал содействие, — а я все же голодаю и трачу свои силы не на писанину, а черт знает на что! Мне это надоело.

Помощь должна быть немедленной и не мизерной. Нельзя человеку, у которого такая огромная семья, выдавать пособие в 10–15 рублей.

Так или иначе

Жду немедленного ответа.

К. Чуковский

автор следующих книг:
— От Чехова до наших дней (крит<ические> этюды)
— Лица и маски (крит<ические> этюды)
— Книга о современ<ных> писателях
— Критические рассказы
— Уот Уитмэн
— Некрасов как человек и поэт (25 печ. листов)
— «Крокодил» и т. д.

[На обороте]: *З. Гринбергу.*В Наркомпрос. Остоженка, 53.

Умоляю Гржебина или Тихонова доставить это немедленно.

385. А.Н. Чеботаревской

10 мая 1920 г. Петроград

Многоуважаемая Анастасия Николаевна.

Я написал Евг.Ив. Башняк, что буду очень рад предоставить ей серьезную, ответственную работу; что переводчиков с английского теперь очень мало; что, согласно ее желанию, я посылаю ей «на пробу» английскую книгу, из которой прошу перевести одну главу.

Если Евг.Ив. окажется хорошей переводчицей, я дам ей для перевода Мэйсфильда, Честертона или Гилэра Беллока[1].

Почта не так исправна, как полагает г-жа Башняк: около двух месяцев назад я послал в Весьегонск письмо, и, очевидно, оно затерялось.

На пробу я посылаю Nicholas Nickleby[2] Диккенса.

Преданный Вам *Чуковский*

10 мая 1920

[1] *Мейсфилд* Джон Эдвард (Masefield, 1878–1967), английский писатель, критик. В 1923 г. вышла книга пьес Д. Мейсфилда, предисловие к которой написал Чуковский; *Честертон* Гилберт Кит (1874–1936), английский писатель. В 1924 г. Чуковский подготовил перевод романа Честертона «Жив-человек» (М.; Л.: Госиздат); *Беллок* Джозеф Хилери (Жозеф Илерт Пьер; 1870–1953), английский писатель и историк. Его имя в списках авторов для перевода в издательстве «Всемирная литература» не числится (см.: ГАРФ. Ф. 395. Оп. 6. Ед. хр. 27).

[2] Николаса Никльби (*англ.*).

386. А.М. Горькому

Начало августа 1920 г., Петроград[1]

Дорогой Алексей Максимович.

Сегодня я весь день прорыскал с тов. Ивановым (из Жилищного Отдела), отыскивая особняк для зимнего общежития писателей. Общежитие будет под эгидой «Дома Искусств»[2]. Я ищу такой дом, который мог бы вместить человек 60, не меньше. Каплун[3] клянется, что будут дрова.

Профессиональный Союз Писателей работает споро и гладко. Союз поэтов примкнул к нам и никаких сепаратных притязаний на паек не заявляет. Я предложил разбить членов союза на

две категории: всех сомнительных и начинающих (вроде Оцупа[4]) отнести к разряду соревнователей, чтобы впоследствии при раздаче пайка не было обид и нареканий; как Вы относитесь к этой мере?

Если у писателей будет паек и теплая квартира, то они *снова станут писателями*. Значит, можно издавать журнал! Можно заказывать рукописи. Журнал, предпринятый «Домом Искусств», до сих пор был мертв. Теперь Вы можете вдохнуть в него жизнь[5]. Мы создали бы единственный в России журнал, страшно нужный, журнал для интеллигенции. Теперь журналов для массового читателя — сколько угодно, но для интеллигенции нет ни одного. А между тем необходимо создать такой орган, где интеллигенция была бы снова введена в необходимую ей сферу искусства, литературных споров, идейных течений и пр.

Особенно это важно для 16-летних, 17-летних подростков, которые слоняются по разным студиям, «вечерам поэтов», «Вольфилам»[6], нося в себе неутоленную тоску по литературе, по хорошим культурным словам и растут без книг, без идеологий, без живых связей с духовной жизнью мира.

Я таких вижу много, и мне их жалко. Они, как мухи на сахар, кинутся на этот журнал. Журнал снова может воспитать поколение, как в былые времена — «Современник»[7]. Вы должны этот журнал создать. А Замятин и я будем Ваши помощники: соберем рукописи, просеем их — и дадим Вам для окончательной редакции.

В качестве секретарей я наметил моих испытанных — Лунца и Мишу Слонимского. Оба дельные и работящие. Лунц знает четыре языка и сам недурной писатель.

Боюсь, что Вы со мной не согласитесь, но для организации критико-библиографического отдела я предлагаю Семена Венгерова[8]. Каковы бы ни были его недостатки, но во-первых, это человек глубоко честный: т. е. никогда не руководящийся личными симпатиями и антипатиями, во-вторых, отличный организатор, что он доказал и Книжной палатой, и изданием Пушкина, и словарем и т. д.; в-третьих, не фанатик — широко-терпимый человек, приемлющий и Шкловского, и Маяковского, и Розанова.

К тому же под рукой у него есть готовая армия библиографов, историков литературы и проч., в лице сотрудников Книжной палаты. Сам же он так занят, что вряд ли что будет писать.

Недавно, как вы знаете (кажется?), я прочитал доклад *о Герце не, выходящем под редакцией Лемке*[9]. Я насчитал около 300 грубых искажений текста, глупостей, пошлостей и т. д. Лемке был на докладе и, как лошадь, мотал головою. Теперь в своем саморекламном журнале «Книга и революция» — он *в трех статьях* мордует

меня всячески[10], — между прочим, за опечатки, которые допустил в изд. Некрасова его же товарищ Ионов![11]

Все это дрязги и вздор; Венгеров на такое не способен. У него чистые руки.

Нужно также привлечь Гершензона[12] из Москвы. С.Ф. Ольденбургу[13] отдел — о восточном искусстве и т. д.

Простите, что так длинно. Это в первый и последний раз!

Ваш *Чуковский*

Еще: если Вы находите переделку «Гулливера» — стоящей, то нельзя ли назначить автору этой переделки, Полонской[14], гонорар в 12 000 р. за первый печатный лист, 10 000 за второй и т. д. Я говорю о ее дальнейших работах, которые нам насущно нужны.

[1] Датируется на основании упомянутых статей М.К. Лемке против Чуковского, напечатанных в журнале «Книга и революция» (1920. № 1, июль). Журнал появился ок. 30 июля 1920 г. (см. *Лит. жизнь-1*. С. 600).

[2] Осенью 1920 г. при Доме Искусств было создано общежитие, в котором поселились писатели: А. Волынский, А. Грин, Н. Гумилев, Е. Леткова, Л. Лунц, О. Мандельштам, В. Пяст, М. Слонимский, О. Форш, В. Ходасевич, М. Шагинян, В. Шкловский и др. Трудный быт тех лет в общежитии ярко описан Ольгой Форш в романе «Сумасшедший корабль» (1931). См. о Доме Искусств хронику в альманахе «Дом Искусств». 1921. № 1 и № 2; *Лаврецкий Вл.* (Я.Б. Лившиц). «Дом Искусств» // Путь (газета, Гельсингфорс). № 167, 1921, 9 сент.; *Даманская А.* Дом Искусств в Петрограде // Народное дело (газета, Ревель). № 9 (132), 1921, 14 янв.; *Чукоккала*. С. 317–371. См. также: *Мартынов И.Ф., Клейн Т.П.* К истории литературных объединений первых лет советской власти // Русская литература. 1971. № 1. С. 125–134; *Зайдман А.Д.* Литературные студии «Всемирной Литературы» и «Дома Искусств» (1919–1921 годы) // Русская литература. 1973. № 1. С. 141–147; *Scherr Barry.* Notes on Literary Life in Petrograd, 1918–1922: A Tale of Three Houses // Slavic Review. Vol. 36. № 2, 1977 June, pp. 256–267; *Тихонов Н.С.* Устная книга // Вопросы литературы. 1980. № 6. С. 108–134. Ср. в этой связи приведенную К. Чуковским заметку Блока 1921 года, предназначавшуюся для невышедшей «Литературной газеты»: «Зарубежная русская печать разрастается. Следует отметить значительное изменение ее тона по отношению к России и к литературным собратьям, которые предпочли остаться у себя на родине». (*Чуковский К.* Александр Блок как человек и поэт: Введение в поэзию Блока. Пг., 1924. С. 36).

[3] О *Б.Г. Каплуне* см. примеч. 1 к письму **376**.

[4] *Оцуп* Николай Авдиевич (1894–1959), поэт.

[5] *Журнал «Дом искусств»* начал выходить с начала 1921 г. (вышло два номера). Его редактировали Горький, Чуковский и Замятин.

[6] *Вольфила* — Вольная философская ассоциация, созданная в Петрограде в конце 1919 г.

[7] Речь идет о ежемесячном литературно-художественном журнале «*Современник*» (1847–1866), издававшемся Н.А. Некрасовым и И.И. Панаевым. Попытки Горького, Чуковского, Замятина и А.Н. Тихонова организовать после революции независимый журнал интеллигенции увенчались созданием в 1924 г. «Русского современника» (после выхода 4-го номера журнал был закрыт).

[8] О *С.А. Венгерове* см. примеч. 6 к письму **168**.

[9] Об этом издании см. примеч. 5 к письму **371**.

[10] В первом номере журнала «Книга и революция» (1920), выходившего под ред. В. Быстрянского, И. Ионова и М. Лемке, были напечатаны три отрицательные рецензии на работы К. Чуковского: рецензия на сказку «Крокодил» под названием «Два крокодила», подписанная «Тумим»; рецензия на «Стихотворения» Н.А. Некрасова под ред. Чуковского (Пб., Госиздат, 1920), подписанная псевдонимом «А»; рецензия на «Неизданные произведения Н.А. Некрасова» с объяснительными статьями и примечаниями Чуковского (СПб., 1918), подписанная «М. Маврин». Лемке обвинил Чуковского в «шутовстве и скоморошестве». Чуковский позже вспоминал: «...в одном из томов Герцена он (Лемке. — *Сост.)* опубликовал найденное им где-то письмо Некрасова к Герцену, приписал ему фальшивую дату и сделал из этого письма чудовищные выводы. Я отнесся к его ошибкам юмористически и указал на них в печати в своей статье “Жена поэта”. В 1919 году, едва написав эту статью, я читал ее в Доме искусств. Присутствовал Лемке. Когда я стал доказывать, что он не понял найденного им письма, он порывисто сорвался с места — и, бормоча ругательства, демонстративно покинул зал. В это время — или несколько позже — в Ленинграде стал издаваться журнал “Литература и революция” или что-то в этом роде. Там Лемке был заправилой. Первым долгом он напечатал статейку против моего “Крокодила” <...> Здесь же, рядом, чуть ли не в том же номере журнала Лемке (под псевдонимом Маврин) ополчился против моих некрасоведческих работ. Здесь он был во многом прав, но кипящая в нем злоба, личная злоба, порожденная обидой, чувствуется в каждой строке» (*Чуковский К.* Несобранные статьи о Н.А. Некрасове. Калининград, 1974. С. 81).

[11] *Ионов* Илья Ионович (1887–1942), издательский работник, в это время заведовал Петроградским отделением Госиздата, где были напечатаны «Стихотворения» Н.А. Некрасова под ред. К. Чуковского.

[12] О *М.О. Гершензоне* см. «Список адресатов».

[13] *Ольденбург* Сергей Федорович (1863–1934), ученый-востоковед, член Коллегии издательства «Всемирная литература».

[14] О *Е.Г. Полонской* см. «Список адресатов». Книга Дж. Свифта «Путешествие Гулливера» в обработке Е. Полонской не выходила.

387. З.Г. Гринбергу

Между 20 сентября и 2 ноября 1920 г. Петроград[1]

Дорогой Захар Григорьевич.

Вот и еще одна просьба: о моем друге композиторе Аничкове, написавшем ноты к «Крокодилу»[2]. Сделайте ему все, что возможно, а я, приехав в Москву, приду к Вам в гости и прочитаю продолжение «Крокодила»[3]. Здесь я читал лекцию, которая имела Шаляпинский успех. Приеду в Москву за таким же успехом.

Денег нет ни копейки. Почему «Дому Искусств» не выдают никаких миллионов? Дали же «Дому Литераторов»![4]

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по предположению, что лекция, о которой идет речь в письме, была «Две России: Ахматова и Маяковский», прочитанная 20 сентября 1920 г. в Доме искусств и затем несколько раз повторенная в Петрограде и в Москве (2 ноября).

[2] Всеволод Викторович *Аничков* (1890–1927), физик, композитор-любитель; летом 1917 г. сочинил (и, по-видимому, проиграл К. Чуковскому) музыку для голоса и фортепиано к печатавшейся тогда сказке «Крокодил». Когда познакомились Чуковский и Аничков, установить не удалось. Возможно, их свело то обстоятельство, что дедом В.В. Аничкова был историк и писатель Виктор Михайлович Аничков (1830–1877), человек, близкий к Некрасову, Добролюбову, Чернышевскому. Н.А. Некрасов был крестным его сына Виктора, т. е. отца В.В. Аничкова. В годы Первой мировой войны Вс. Аничков, окончивший физико-математический факультет Петербургского университета, служил вольноопределяющимся в царской армии и в годы Гражданской войны, когда он с семьей жил на Кубани, был мобилизован в Белую армию. После установления на Кубани Советской власти ЧК арестовала В.В. Аничкова как белого офицера, ему грозило наказание. Его брат, Сергей Викторович Аничков (в будущем — выдающийся медик, академик) обратился за помощью к влиятельным знакомым, в том числе к К.И. Чуковскому, а тот, в свою очередь, — к А.В. Луначарскому, который написал ходатайство об освобождении В.В. Аничкова (см.: *Аничков С.В.* На рубеже двух эпох. Л.: Лениздат, 1981. С. 262). Бумага от наркома возымела действие: Аничкова приговорили к службе в трудовой армии и разрешили выехать с братом в Москву. В 1920 он вернулся в Петроград, где учительствовал в школе рабочей молодежи. Возможно, что просьба к Гринбергу связана с более эффективным использованием профессиональных способностей Аничкова. Спустя некоторое время Аничков стал заведовать Отделом волнового

управления в Особом техническом бюро по военным изобретениям специального назначения. Рукопись неопубликованных нот сохранилась в семье С.В. Аничкова.

[3] О придуманном Чуковским сюжете продолжения «Крокодила» см. запись в его Дневнике от 28 июня 1920 г. (*Дн.-11.* С. 300). Замысел не был осуществлен.

[4] Еще 18 сентября 1919 г. З. Гринберг от имени Наркомпроса РСФСР выдал Дому литераторов удостоверение, подтверждавшее, что Дом литераторов «является учреждением для удовлетворения культурных и продовольственных нужд членов литературных организаций» и «пользуется постоянной поддержкой и денежной субсидией комиссариата» (см.: *Лит. жизнь-1.* С. 448). В сентябре 1920 г. Центральная коллегия Лито Наркомпроса вновь рассмотрела вопрос о субсидии петроградскому Дому литераторов и «ввиду полезной деятельности» его постановила препроводить смету в бюджетную комиссию Наркомпроса. Одновременно об оказании помощи Дому литераторов ходатайствовал управляющий делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевич (см.: Там же. С. 615–616).

388. А.Л. Волынскому

28 сентября 1920 г. Петроград[1]

Дорогой Аким Львович,

Я должен уйти экстренно; позвольте самым решительным образом отказаться от завтрашнего выступления на вечере Кузмина. Как я ни думал, никакой речи у меня не выходит. Тороплюсь сообщить Вам об этом, чтобы Вы могли своевременно принять меры.

Мне кажется, что Профсоюзу *не надо* выступать. Все же это *не идейное* объединение, а чисто матерьяльное.

Завтра в 11 час.!

Ваш *Чуковский*

Еду к Горькому.

[1] Датируется по упоминанию о вечере Кузмина по случаю 15-летия его литературной деятельности, который состоялся 29 сентября 1920 года в Доме искусств (см. *Чукоккала.* С. 358; *Лит. жизнь-1.* С. 627–628).

389. А.В. Луначарскому

Конец сентября 1920 г. Петроград[1]

Дорогой Анатолий Васильевич.

Петербургские писатели окончательно размякли и расклеились. Среди них осталось несколько *энергических мускулистых людей,* которые, не скуля и не ноя, несут тяжелую общественную ра-

боту. Из таких людей на одном из первых мест — Н.М. Волковыский, податель сего письма. Это не халтурник, а крепкий работник, на которого можно положиться. Он пользуется доверием нашей литературной среды. Я работаю с ним в правлении Союза Писателей, и всегда восхищаюсь его смышленостью и энергией. Мы много говорили с ним и Александром Ал. Блоком об организации *Лито* в Петербурге. Без него ни я, ни Блок не могли бы взяться за эту работу. Если в его руках будет профессиональная часть, то петербургские писатели будут спокойны.

Давно Вы у нас не были. За Вами пьеса, которую Вы должны непременно прочесть у нас в «Доме Искусства».

Ваш *Чуковский*

Помогите нам сорганизовать «Лито»[2]. Вам же будет легче — много забот свалится с плеч.

[1] Датируется на основании записи А. Блока в «Записной книжке» от 29 сентября: «С Чуковским и Волынским о ЛИТО — проекты». *Блок А.* Записная книжка. М.; Л., 1965. С. 503.

[2] *Лито* — литературно-издательский отдел Наркомпроса.

390. А.Ф. Кони

28 октября 1920 г. Петроград

Октябрь, 28 дня 1920 г.

Дорогой Анатолий Федорович.

Я живу не в доме № 8, а в доме № 6 — по Манежному переулку. Этим и объясняется то, что Вы не получили от меня ответа. В своей записке, столь некстати утерянной Марией Сергеевной[1], я писал Вам, чтобы Вы смотрели на Дом искусств как на свой собственный дом — и просто заявляли бы Марии Сергеевне, что такого-то числа Вы намерены прочитать такую-то лекцию. Если день, который Вы назначите, будет свободен, — Дом искусств к Вашим услугам.

Я *мучительно* хочу посетить Вас, но клянусь Вам, что я по целым неделям не вижу своих детей, хотя и живу с ними в одной квартире. Я занимаю *семь* должностей и читаю лекции в *семи* учреждениях. День мой каторжный, а ночь — без сна. Между тем, как Вы сами знаете, среди тех немногих людей, которых я чту, находится раньше всех Анатолий Федорович Кони. В последние годы стало моей душевной потребностью — хоть изредка посещать Вас и выслушивать Ваше животворящее слово. Но — не смешно

ли? — я почти каждый день прохожу мимо Вашего дома и ни разу, за все эти месяцы, не имел секунды взбежать к Вам по лестнице.

Надеюсь, что Вы здоровы, что тот тягостный труд, который Вы несете с такой удивительной бодростью, даже не дает Вам возможности заметить Ваши недуги.

Весь Ваш *Чуковский*

[1] *Алонкина* Мария Сергеевна (1901–ок. 1936), секретарь Дома искусств в Петрограде.

391. А.Ф. Кони

18 ноября 1920 г. Петроград

18.XI.1920

Дорогой Анатолий Федорович.

Ни автогуж, ни автобаза, ни автохам, ни автоплут не совершат этой лютой жестокости, — не отнимут у Вас единственного доступного Вам средства общения с теми, кому Вы так насущно нужны[1]. Я часто беседую со многими Вашими слушателями и слышу, как бережно и благоговейно произносят они Ваше имя. Я уверен, что они не допустят, чтобы у них отняли *их* А.Ф. Кони. Я говорил сегодня кое с кем в Петросовете, там тоже выражают уверенность, что это вещь невозможная.

Память обо мне Елены Васильевны Пономаревой[2] меня сердечно обрадовала. Шлю ей горячий привет. Замечательно, что привыкнувшая к другой жизни, к другому обществу, к другим интересам, лишенная всего, что многие почитают самым существенным, Е.В. не озлобилась, не опустила рук, а бодро взялась за работу и сохранила ту же сердечную внимательность к людям, которая была так обаятельна в Е.В. прежде.

По поводу словосочетания «большое спасибо», мне кажется, Вы не совсем правы. Нет ничего неестественного в том, что первоначальное значение этого слова (спаси Бог) истерлось и выветрилось в нашем сознании, что мы воспринимаем его как существительное среднего рода и говорим: «русское спасибо», «русского спасиба» и т. д. Не помним же мы (а народ и подавно не помнит), что в слово *чересчур* вошло имя бога Чура, что в слове *полушка* есть упоминание о зверином ушке, и т. д. Мне кажется, что постепенное *забывание* составных частей слов есть вполне нормальный процесс в жизни языка. Это даже необходимый процесс, без которого язык не живет: может быть, поэтому *большое спасибо* гораз-

до меньше коробит меня, чем нынешние *извиняюсь, пока* (в смысле *до свидания)* и т. д.

Относительно Ваших лекций: я просил Марью Сергеевну Алонкину посетить Вас в ближайший срок, чтобы узнать точные заглавия Ваших лекций.

Ваш *Чуковский*

[1] В старости у А.Ф. Кони болели ноги, и он передвигался на костылях. Чтобы облегчить ему поездки в издательства и другие учреждения, где он читал лекции, Наркомпрос предоставил Анатолию Федоровичу лошадь и бричку. Когда управление автогужевого транспорта («Автогуж») попыталось было отобрать у Кони этот экипаж, К. Чуковский ходатайствовал об отмене этого решения. Просьба была удовлетворена. Сохранилась записка А.Ф. Кони: «Спасибо большое за Ваше письмо (Вы меня, как видите, обратили в свою веру!) и еще большее за участливое отношение к моим затруднениям» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 66. Ед. хр. 5).

[2] *Е.В. Пономарева* — ближайший друг, домоправительница и секретарь Кони, взявшая на себя добровольную заботу о нем.

392. А.М. Горькому

Конец 1920 — начало 1921 г. Петроград[1]

Позвольте, Алексей Максимович, откликнуться на Вашу рецензию[2], так как она задела меня за живое. Вы пишете, что моя статья об Ахматовой и Маяковском — многословная. Верно. Я писал ее для лекции, для публичного чтения, и, боясь рассеянного внимания слушателей, часто варьировал одну и ту же мысль на несколько ладов. Это прием необходимый при чтении лекций; ежели слушатель не уловит одного варианта, он уловит другой. Но для печати статья будет сокращена чуть не на четверть.

Но в остальном я с Вами не согласен. Меня, как литературного критика, интересовало здесь не то, как относится Маяковский к революции, анархист он или социалист, каковы политические убеждения Анны Ахматовой, — все это я отдаю в полное ведение Быстрянских[3], Лемок, Фриче[4] и т. д. Меня здесь интересовало практическое применение неких драгоценных критических методов для исследования литературных явлений. Я затеял характеризовать писателя не его мнениями и убеждениями, которые ведь могут меняться, а его *органическим стилем*, теми *инстинктивными, бессознательными навыками творчества*, коих часто не замечает он сам. Я изучаю *излюбленные приемы* писателя, *пристрастие его к тем или иным эпитетам, тропам, фигурам, ритмам, словам*, и на основании этого чисто формального, технического, научного

разбора делаю психологические выводы, воссоздаю духовную личность писателя. Что думает Маяковский о революции, для меня дело побочное, а то, что он строит свой стих на метафорах и гиперболах, что у него пристрастие к моторным, динамическим образам, что ритмы у него разговорные, уличные (совершенно неизвестные Саше Черному, у которого чаще всего напевная, еврейская, романтико-гейневская структура стиха) — для меня, как для критика, главное дело. Нет, Вы затронули мое самое дорогое и позвольте высказаться до конца. Наши милые «русские мальчики», вроде Шкловского, стоят за формальный метод, требуют, чтобы к литературному творчеству применяли меру, число и вес, но они на этом останавливаются; я же думаю, что нужно идти дальше, нужно на основании формальных подходов к матерьялу конструировать то, что прежде называлось *душою* поэта. Мало подметить, что эпитеты Ахматовой стремятся к умалению и обеднению вещей, нужно также сказать, как в этих эпитетах отражается *душа* поэта. И сказать так, чтобы это поняли не только Гумилевы и Блоки, но и желторотый студент, и комиссариатская барышня. Критика должна быть универсальной, научные выкладки должны претворяться в эмоции. Ее анализ должен завершаться синтезом, и, покуда критик анализирует, он ученый, но, когда он переходит к синтезу, он художник, ибо из мелких и случайно подмеченных черт творит художественный образ человека. Среди критиков у нас были эстетствующие импрессионисты, как Ин. Анненский, были философы, как Вл. Соловьев, ученые, как Овсянико-Куликовский, не пора ли слить эти элементы воедино? Критика должна быть *и* научной, *и* эстетической, *и* философской, *и* публицистической. В своей книге о Некрасове я применяю все эти методы, ибо книгу затеял, чтобы оправдать и воплотить их на деле.

1920

А в публицистике я действительно хромаю. Все указанные Вами ошибки исправлю. Но мне жаль, что Вы взглянули на эту статью только публицистическим оком.

Очень мне дорого Ваше указание на анархизм. Я всегда говорил Маяковскому, что ему нужно заштопать в себе ту нигилистическую дыру, которая мешает ему быть хорошим художником. И меня тронуло, что он все же пробует заштопать ее. Это старинное русское дело: ведь и Достоевский заштопывал свой атеизм и свой нигилизм православием, народностью и пр., побеждал свою смердяковщину старцем Зосимой. Маяковский побеждал маяковщину Марксом, и дай Бог ему всякой удачи.

Простите, что письмо длинное, но это в первый и последний раз.

1920 И еще: *перехвалить* поэта теперь я считаю полезнейшим делом. Я теперь не мог бы *ругать* своего брата-писателя. Теперь не время взаимной полемики. Маяковского будут ругать без меня, но важно, чтобы из нашего интеллигентского лагеря, который почитается белогвардейским, было сказано приветливое слово о нем.

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по содержанию.

[2] Имеется в виду рецензия Горького на рукопись статьи Чуковского «Ахматова и Маяковский» («Две России»). Эту статью во второй половине 1920 г. Чуковский читал публично как лекцию, а несколько позднее опубликовал в журнале «Дом искусств» (1921. № 1). Известен отзыв Горького об этой статье Чуковского (см.: *Горький-3.*С. 110). Оспаривая утверждение Чуковского, будто Маяковский — «сам свой предок», Горький писал:

«Маяковский — "сам свой предок" — не допустима ли здесь некоторая оговорка — указание на его зависимость, подмеченную автором, от Игоря Северянина и — раньше — от Саши Черного. Последний давал в своих стихах немало резкостей и грубостей, порой не менее значительных и правдивых, чем Маяковский. Это неважно, что острие сатиры Черного было направлено против интеллигента, — здесь речь идет о форме, о преемственности. Как-то, в Мустамяках, Маяковский изъяснялся в почитании Черного и с удовольствием цитировал его наиболее злые стихи.

Любить — прекрасно, перехваливать — не следует. Порою К.И. перехваливает и Ахматову и Маяковского. Но — насколько — тактически и всячески — уместна в наши дни похвала анархизму?»

Позднее Чуковский пересмотрел оспоренное Горьким утверждение, будто Маяковский «сам свой предок», и освещал этот вопрос по-другому: «Маяковский был не безродный поэт, как чудилось многим его современникам. У него были могучие предки, наследие которых он принял и великолепно использовал... Одним из этих предков, наряду с Генрихом Гейне, был Уитман...» (Ленинград, 1941. № 2. С.19).

[3] *Быстрянский* Вадим Александрович (1886–1940), историк, публицист.

[4] *Фриче* Владимир Максимович (1870–1929), историк литературы, искусствовед, критик.

393. А.В. Луначарскому

1920 г. Петроград[1]

Дорогой Анатолий Васильевич.

Я уверен, что Вы будете рады чем-нибудь помочь дочери Стрепетовой и Модеста Писарева, Марии Модестовне Дружининой[2].

Это такие священные имена, что было бы страшно, если бы их наследница умерла голодной смертью в освобожденной России!

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется предположительно по содержанию.

[2] *Мария Модестовна Дружинина* (урожд. Писарева, 1871–?), дочь актрисы П.А. Стрепетовой.

394. З.Г. Гринбергу

1920–1921 г.[1]

Дорогой Захар Григорьевич.

Рад лишнему случаю беседовать с Вами!

Дело у меня к Вам такое: податель сего, Андрей Петрович Киселев, автор знаменитых учебников Физики, Геометрии, Алгебры и прочая, и прочая[2]. Учебники теперь нужны до зарезу, их нету — и я уверен, что А.П. Киселев есть нужнейший для Вас человек. Отнеситесь к нему с той же сердечностью, с какой Вы некогда отнеслись ко мне, — и Вы окажете большую услугу, как своему ведомству, так и глубокоуважаемому ученому, который — в итоге многолетней трудовой жизни имеет право на симпатию всех просвещенных людей.

Сердечный привет всем Вашим — особенно Анне Семеновне!

Дом Искусств с Вашей легкой руки процветает назло завистникам — и (по секрету) давно уже перерос то учреждение, что находится на Казанской, 7[3].

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется предположительно: крайними датами выбраны время отъезда З. Гринберга из Петрограда и командирование его за границу (назначен представителем Наркомпроса в мае, выехал в сентябре 1921 г.).

[2] *Киселев* Андрей Петрович (1852–1940), 25 лет преподавал механику, физику и черчение в Воронеже, с 1901 г. заведовал отделом математики Петербургского Военно-педагогического музея. В 1884 г. на собственные средства издал свой первый учебник арифметики, который до революции вышел 29-ю изданиями (более чем миллионным тиражом). Создал еще несколько учебников (по математике, алгебре, геометрии, физике), которые были обязательными для изучения на разных ступенях образования. После Октябрьской революции, в связи с реформой школьного преподавания, заменой классно-урочной системы на лабораторно-бригадную, учебники А.П. Киселева объявили устаревшими. Сам он учил математике

красных командиров в Смольном. Вновь его учебник алгебры вышел в 1933 г., за ним — все другие, и несколько десятилетий они были стабильными школьными учебниками.

Очевидно, К.И. был издавна знаком с Киселевым — его старшая дочь, Елена Андреевна Киселева, художница, одна из любимейших учениц И.Е. Репина, и зять, юрист Николай Александрович Перевертанный-Черный (подробнее о нем и его «деятельности» см.: *Дн.-12*. С. 197–199), жили в Куоккале.

[3] Казанская, 7 — По этому адресу расположен Педагогический институт.

395. Н.О. Лернеру

Весна 1921 г. Петроград[1]

Милый друг, Николай Осипович.

Спасибо Вам за книжки. Оставляю у Евдокии Петровны «Алексея Толстого», сделанного мною с Бинштоком[2]. Посмотрите, годится ли. Будьте строги и требовательны. С моим Некрасовым произошло непонятное: я дал его на один день (на просмотр) Александру Евсеевичу Розинеру (работающему ныне в Доме Литераторов по книжной части) — и просил доставить Евдокии Петровне. Он, клятвопреступник, не доставил. Прошу Вас: возьмите у него эту книгу и просмотрите ее; исправьте, где надо — вполне самодержавно!

Прикажите перенести все мои (и Ваши) поправки на другой экземпляр.

Этот экземпляр мною исправленный, сохраните *для меня*.

Не давайте Гржебину (равно и других книг), покуда он не заплатит!

Он заплатит Вам *непременно*. Он обещал. В Доме Искусств в столовой висит объявление о Колонии Дома Искусств. Прочтите его — и приезжайте. Там для Вас будут бесплатные овощи и яблоки. Берите у Гржебина деньги — у Государствен<ного> Изд<ательства> тоже — и айда в Холомки. Урожай предвидится чудесный. Нет ли у Вас на один месяц речей Спасовича «За много лет»? И вообще чего-нибудь о Нечаеве? Если есть, оставьте у Гржебина. А я клянусь — сберечь Ваши книги и доставить их свято в срок.

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по содержанию (упоминание о Холомках).

[2] Судя по недатированному ответному письму Н.О. Лернера, Бинштоком — это корректор. Лернер пишет: «Бинштоком я недоволен — не за то, что он глуп (для корректора это даже хорошо), а за то, что он невнимателен, спешит и норовит зашибить 100 000 в сутки. Очутившись с ним в одной за-

пряжке, я брыкаюсь и фыркаю, как трепетная лань» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 67. Ед. хр. 17).

396. А.Ф. Кони

16 апреля 1921 г. Петроград

Дорогой Анатолий Федорович

Вы на меня махнули рукой, и я это понимаю. Ни к каким человеческим отношениям я уже не способен. Спасти меня может только чудо. В 12 учреждениях я работаю, в пяти читаю лекции, бегаю за пайками и т. д.

Сейчас получил телеграмму из Москвы с предложением Дому Искусств просить Вас — прочесть в Москве *Две лекции* на любую тему 5-го и *8-го* мая в Политехническом Музее. За каждую лекцию не меньше 300.000 рублей. Никаких хлопот у Вас не будет: пища, квартира и, кажется, лошадь. (Для поездки на лекцию лошадь обеспечена, но я хлопотал о лошади для Ваших разъездов по Москве.) Было бы чудесно, если бы Вы взяли с собою кого-нибудь — и поехали бы. Еду я. Едет Блок. Москвичи страстно жаждут послушать Вас. Мы получаем мольбы из Москвы постоянно: «дайте нам возможность послушать Анатолия Федоровича». Ехать в Москву Вы будете в «международном» вагоне. Выехали бы 4-го мая. В Москве на вокзале Вас встретил бы экипаж и повез бы на специально приготовленную квартиру. Соглашайтесь, Анатолий Федорович! Москвичи помнят Ваши прежние лекции — и ждут.

Ваш *Чуковский*

16 мая [апреля][1]1921 г.

[1] Ошибка. Должно быть: апреля. Датируется на основании ответных писем А.Ф. Кони от 17 и 20 апреля. В последнем письме он отказывается от поездки по болезни (см. ОР РГБ. Ф. 620. К. 66. Ед. хр. 5).

397. А.М. Горькому

30 апреля или начало мая 1921 г. Петроград[1]

Алексей Максимович, я был у Роде[2]. Этот вдохновенный гигант ошеломил и очаровал меня, но не убедил. То, что он говорил, упоительно, но отсюда не следует, что *Дому Искусств* покуда, сейчас, нужно отказаться от своей инициативы. Время идет грозное. Художники и особенно писатели, — семейные, — переживают страшные дни. Как же было нам не объединиться и не попросить у Вас помощи? Я не принадлежу к тем, которые брюзжат, жалуются, сплетничают, ноют, клевещут, — я готов работать и работаю;

наш *«Дом Искусств»* показал уже, что мы действительно работоспособны. Я создал литер<атурную> Студию[3], организовал публичные лекции, хорошую библиотеку, объединил целые кадры литературных работников, привлек к «Дому Искусств» молодежь, Познера[4], Одоевцеву[5], Лунца и проч. Я положил основу общежитию. Я имею право любить *«Дом Искусств»*, хотя мне это не по карману: получаю там 7000 р. жалованья. Вы сами знаете, что без Вашей могучей поддержки — нам смерть. Стоит мне только подумать, что Ходасевич, Шкловский, Чудовский[6], Форш, Волынский, Леткова[7], Одоевцева, Врубель (сестра художника)[8], Шагинян и другие наши «жильцы» могут оказаться на улице, и я готов избить Лилину[9] и поколотить Кузьмина[10]. Вы один наш заступник[11]. Вы всегда помогали нам. Зная, что Вы не совсем доверяете Сазонову[12], я по поручению Высшего Совета взялся лично провести в Москве нашу продовольственную операцию. Конечно, теперь я отказался от этого, но все же прошу Вас — прочитать все протоколы наших заседаний, посвященных хозяйственному отделу «Дома Искусств». Вы увидите, что после самой тщательной ревизии Сазонов был признан энергичным и честным работником, заслуживающим полного доверия. *Прочтите протоколы*, и Вы увидите, что Вам нечего стыдиться того, что Вы — председатель «Дома Искусств». Да и неужели я, Замятин, Ал. Бенуа, Добужинский, Кони, Л. Дейч[13], Ал. Блок — работали бы 2 года с человеком сомнительным. Прочтите протоколы!

1921

А Роде — гениален. Голова кружится от тех широких замыслов, которыми он обуян. От его кооператива пришел бы восторг сам Фурье[14]. Наш общий долг помочь ему в осуществлении этой грандиозной мечты; «Дом Искусств» рад будет сотрудничать с ним. Но не может же Роде притязать, чтобы Ваша подпись была в его исключительном ведении! Я уверен, он и сам не желает, чтобы Вы отошли от «Всемирной Литер<атуры>», «Дома Искусств» и Гржебина.

Ваш *Чуковский*

Повесть Пильняка замечательна. Это первое художественное слово — о революции. Ее нужно печатать немедленно. Ее переведут на все языки, и через год Pilnjak — всемирная знаменитость[15].

[1] Датируется по сопоставлению с дневниковой записью Чуковского от 30 апреля — 1 мая 1921 г. (*Дн-11*, С. 330–331).

[2] *Роде* Адолий Сергеевич (1869–1930), директор открытого 31 января 1920 г. Дома ученых в Петрограде. В. Шкловский в воспоминаниях о Горьком нарисовал портрет Роде: «Роде — человек кафешантанный. В это время он заведовал ЦКУБУ. Как мог попасть Роде к Горькому? Роде знал мно-

го вещей, и он умел разговаривать. Если Вы скажете Роде: "Принесите мне веревку!". Он вызовет помощника и скажет, предположим: "Принесите мне шпагат № 13". Факт, что шпагат имеет номер и что существует шпагатная культура, поражал Горького, и Роде попадал в число вещей, ему нужных» (Сборник статей и воспоминаний о М. Горьком. М.; Л., 1928. С. 383). В дневнике Чуковский так описал это свое посещение Роде 30 апреля–1 мая 1921 г.: «Оттуда (от Горького.— *Сост.)* я к Родэ. Гигант, весь состоящий из животов и подбородков. Черные маслянистые глаза. Сначала закричал: приходите во вторник, но потом, узнав, что я еду завтра, милостиво принял меня и даже удостоил разговора. Впрочем, это был не разговор, а гимн. Гимн во славу одного человека, энергичного, благородного, увлекающегося, самоотверженного,— и этот человек — сам Родэ» *(Дн.-11.* С. 331).

[3] Созданная в начале 1919 г. Студия художественного перевода при издательстве «Всемирная литература» после открытия Дома Искусств перебазировалась туда и была преобразована в Литературную студию. В ней занимались многие известные впоследствии писатели: М. Зощенко, Вс. Иванов, Н. Никитин, М. Слонимский, Л. Лунц и др.

[4] *Познер* Владимир Соломонович (1905–1992), член группы «Серапионовы братья», позднее французский писатель.

[5] *Одоевцева* Ирина Владимировна (1895–1991), поэтесса, писательница, мемуаристка.

[6] *Чудовский* Валериан Адольфович (1891–1938, погиб в заключении), литературный критик.

[7] О *Е.П. Летковой-Султановой* см. «Список адресатов».

[8] *Врубель* Анна Александровна (1855–1929), педагог.

[9] Вероятно, имеется в виду *Лилина* Злата Ионовна (1882–1929), член Петрогубисполкома, первая жена Г.Е. Зиновьева.

[10] Николай Николаевич *Кузьмин* (1883–1939, расстрелян), партийный деятель. До мая 1921 г. помощник командующего по политической части Балтфлота, участник подавления Кронштадтского восстания, затем (недолгое время) — на партийной работе в Петроградском комитете РКП (б).

[11] Чуковский был обеспокоен тем, что Горький, увлекшись идеей организации помощи творческой интеллигенции в рамках возглавляемых им Петроградской комиссии по улучшению быта ученых и Дома ученых, разочаровался в деятельности Дома искусств и хотел, видимо, отказаться от поста его председателя. Лишившись могущественного покровителя, это учреждение могло оказаться под угрозой закрытия. Перед отъездом 1 мая 1921 г. с А. Блоком в Москву Чуковский составил ряд писем, прошений и других бумаг, в которых хлопотал о продовольственной помощи петроградским писателям, и понес их на подпись Горькому. Однако Горький, по свидетельству Чуковского, подписал только его бумаги и отказался подписывать составленные работником Дома искусств Сазоновым. (См. *Дн.-11.* С. 331). 22 мая 1921 г. Чуковский записал в дневнике о Горьком: «Никакого

интереса к Дому Искусств у него нет. Литераторы чужды ему совершенно» (Там же. С. 339).

[12] *Сазонов* Петр Владимирович, заведующий хозяйственным отделом Дома искусств.

[13] *Дейч* Лев Григорьевич (1855–1941), революционный деятель, историк.

[14] *Фурье* Шарль (1772–1837), французский писатель, утопический социалист.

[15] Речь идет о романе Б. Пильняка «Голый год». Закончив его в первых числах января 1921 г., он передал его через Б. Пастернака Горькому для ознакомления. Глава из романа под названием «Поезд № 57 смешанный» была вскоре напечатана в редактируемом Горьким и Чуковским журнале «Дом Искусств» (1921. № 2). В 1922 г. «Голый год» был опубликован целиком (вероятно, не без помощи Горького) в «Издательстве З.И. Гржебина» (Пб.—Берлин). Чуковский не ошибся, предрекая всемирную известность молодому писателю. Его роман еще при жизни был переведен на французский, немецкий, английский, испанский, чешский, норвежский, японский и др. языки.

398. В комитет Дома Искусств

Весна 1921 г. Петроград[1]

Прошу внести в Совет мою просьбу освободить меня от должности Заведующего Литературным Отделом, — потому что в этом году я не могу работать так интенсивно, как работал в 1919 и 1920 гг.

Если возможно, прошу оставить мне звание члена Совета и необременительную для меня должность Заведующего Литературной Студией.

Надеюсь также, что комитет найдет возможным предоставить мне комнату в «Доме Искусства», так как моя комната не годна для жилья. Если комнат теперь нет, то нельзя ли поставить в библиотеку печку и позволить мне проводить в библиотеке время от 10 час. вечера до 2 часов дня?

К. Чуковский

[1] Датируется по содержанию.

399. И.Е. Репину

Май 1921 г.[1]

Христос воскресе, дорогой Илья Ефимович. Наконец-то у меня случается оказия написать Вам несколько слов! Здесь художе-

1921 ственная жизнь кипит. Музеи пополнились. Было несколько выставок: Замирайлы[2], Альберта Бенуа, Добужинского, Лаховского[3], Кустодиева. Выставка Кустодиева имела огромный успех. Он сейчас изображает какие-то торжества перед Зимним Дворцом[4], но, говорят, — слабо. Почти все художники ушли в театральную работу. Добужинский делает костюмы и декорации к пьесам Комиссара Луначарского[5], Чехонин[6] обложки к государственным официальным изданиям: в Эрмитаже и Русском Музее (б. Музей Алекс<андра> III-го) много новых вещей. Хранители прежние. Служители прежние. Порядок образцовый. В некоторых школах преподают историю русской живописи. Лида учится в Тенишевском[7]. Там очень толковая учительница рассказала им историю портрета: от Левицкого и Боровиковского до Репина и Серова. Лида отлично знает Ваши этюды к «Государственному Совету»[8]. Мой адрес: *Мойка, 59, «Дом Искусств»*[9]. Напишите нам, пожалуйста, о себе, о своих работах. А также о нашей даче. Вера Ильинична бодра и здорова. Недавно я бегал хлопотать о том, чтобы забронировать Вашу квартиру. Удалось.

Ваш *Чуковский*

Дочь Стасова[10] обратилась ко мне с предложением — проредактировать Вашу переписку с Влад<имиром> В<асильевичем> Стасовым.

[1] Письмо датируется по Пасхальным праздникам, которые в 1921 г. начались 18 апреля (ст. ст.), и по дате ответа И.Е. Репина 15/VI.21.

[2] *Замирайло* Виктор Дмитриевич (1868–1939), художник.

[3] *Лаховский* Арнольд Борисович (1880–1937), художник.

[4] По-видимому, имеется в виду картина Б.М. Кустодиева «Праздник на площади Урицкого в честь открытия 2-го конгресса Коммунистического Интернационала» (1920–1921, находится в ГРМ).

[5] М.В. Добужинский в 1921 г. делал эскизы декораций и костюмов к пьесе А.В. Луначарского «Оливер Кромвель», поставленной в Москве в Малом театре.

[6] О *С.В. Чехонине* см. примеч. 5 к письму **345**.

[7] *Тенишевское* училище в Петрограде (Моховая ул., 33). Позднее в этом здании помещался Театр юного зрителя (ТЮЗ).

[8] Имеется в виду картина Репина «Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года в честь столетнего юбилея со дня его учреждения» (1903, ГРМ).

[9] О Доме Искусств см. примеч. 2 к письму **386**.

[10] *Комарова* (урожд. Стасова) Варвара Дмитриевна (1862–1942), дочь Д.В. Стасова, племянница В.В. Стасова.

400. А.Ф. Кони 1921

5 мая 1921 г. Москва[1]

Дорогой Анатолий Федорович.

Христос воскресе — и дай Бог, чтобы еще долго была у нас возможность христосоваться с Вами. Я вчера только приехал в Москву — и первое слово, которое я услышал: «а где же Кони?» Оказывается, что московское отделение Дома Искусств, не вполне уразумев одну из моих депеш, объявило, что 6 и 8го состоятся Ваши лекции! Так что мне пришлось немедленно по приезде обнародовать «анонс», что *А.Ф. Кони прибудет в Москву не 6го мая, а позже* и прочтет не 2 лекции, а 7 лекций. Интерес к этим лекциям колоссальный. Ничего такого Москва не видала. Очень взволнованы Толстые: Александра Львовна[2] несколько раз осведомлялась: приехал ли Кони? Где остановился? Все судейские, все литераторы, вся молодежь рвутся на Ваши лекции. Все организовано для Вашего удобства. Каменев, здешний сановник[3], полагая, что Вы приедете с нами, выслал на вокзал автомобиль. Квартира приготовлена для Вас у Сивцева Вражка у милых, гостеприимных, ненавязчивых, культурных, деликатных людей, готовых всячески ограждать Ваше спокойствие.

Устроительница лекций — уполномоченная Домом Искусств, Екатерина Владимировна Облонская (седая, очень почтенная дама, недавно овдовевшая) — сделает все возможное, чтобы читать Вам было уютно, приятно и легко[4]. Сегодня я читаю лекцию о Блоке — и перед началом лекции скажу несколько слов о том, что Вы очень хотели приехать в Москву, но что усталость и другие занятия помешали Вам исполнить Ваше намерение, что недели через 2–3 Вы непременно приедете. Приезжайте, Анатолий Федорович. Здесь Вас встретит такая любовь, к которой даже Вы не привыкли. Гонорар — 300.000 р. за лекцию (цена за билеты очень дешевая). Семь лекций Вы прочтете в 10–12 дней и получите 2 миллиона. У Вас будет возможность провести лето в полном комфорте, отдохнуть и т. д. Мне кажется, что Вы и права не имеете лишить такое множество людей своего наставительного и задушевного слова. Всюду идет проповедь безверия, хулиганства, пройдошества. Вы, единственный, можете облагородить людей, напомнив им о возвышенных святынях, о вечных идеалах и ценностях. Это Ваш долг — может быть слишком суровый.

Умоляю Вас приехать. Если Вы приедете с кем-ниб<удь> из своих друзей, то будет только приятно. И кров, и стол обеспечены — и для Вас, и для Вашего друга. Отвечайте же, пожалуйста, скорее, когда Вы намерены выехать из Петербурга, и я сейчас же

распоряжусь, чтобы за Вами в этот день послали лошадь (там в Петербурге) и достали Вам билет. Адрес такой:

Москва. Пречистенский бульвар. Сивцев Вражек. Нащекинский, 8, кв. 2. Николаю Архиповичу Архипову[5] для Чуковского. Я здесь пробуду долго. *Ваш Чуковский.*

Луначарского нет в Москве. Он приедет на несколько дней в Москву около 15го. Самое лучшее было бы устроить Ваши лекции именно во второй половине мая, потому что с 1го июня *все лекционные залы закрываются;* многие уезжают на дачи, и мне кажется, что самое лучшее было, если бы Вы тотчас же прислали Облонской список 7 лекций, которые Вы намерены прочитать. Дорога в Москву идеальная. Поезд отходит в 6 часов. В вагонах особого назначения народу мало. Нужно только, чтобы Ваш спутник (или спутница) взял с собою чайник, два стакана и провизию. Вас встретят у самого вагона — и повезут на квартиру.

[1] Датируется по содержанию.

[2] *А.Л. Толстая*(1884–1979), дочь Л.Н. Толстого, общественная деятельница, издательница.

[3] Об *Л.Б. Каменеве* см. «Список адресатов».

[4] После поездки Блок оценивал работу Е.В. Облонской по-другому: «Три вечера в Политехникуме (мои с Чуковским), устроенные Облонской с полным неумением...» (Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. 1963. С. 418).

[5] Об *Н.А. Архипове* (Бенштейне) см. примеч. 3 к письму **224**.

401. А.А. Блоку

24 мая 1921 г. Петроград

Дорогой Александр Александрович!

Мне казалось, что Вам хочется немного от меня отдохнуть, что в Вашей жизни вдруг стало «слишком много меня» и что мне вообще лучше на время не быть. Не знаю, прошел ли срок, но дольше не могу: хочется узнать, как Вы, как Ваша нога, лежите ли, отдыхаете ли, вспрыскиваете ли мышьяк, что говорит доктор, пишете ли, — и прошло ли у Вас то новое чувство ко мне, которое возникло в московские дни. Боюсь, что не прошло, и по заслугам! Таких нелепостей и неудач не прощают. Я как бы держал перед Вами экзамен и провалился — *по всем* предметам.

Ни о каких переэкзаменовках я не мечтаю, но хочу, чтобы Вы знали, что эти мои неудачи — впервые. До сих пор во всех *этих* делах я был счастлив и всегда всем своим попутчикам приносил удачу. У меня была легкая рука. Со мной было приятно и прибыльно.

Но в этот раз все — как заколдованное. И Облонская — дрянь, и Архипов — дрянь, и моя лекция — дрянь, и Луначарский — дрянь, и даже то масло, которое выдал нам Пучков, оказалось дрянью, — растаяло и было (равно как и сахар) расхищено служанкой Маяковского. Хлеб, выданный Пучковым, зацвел. Все вдруг стало неумелым, неуместным, неумным. Пропал во мне какой-то магнетизм, и все пропало. Я был огорчен не столько неудачами, сколько тем, что Блок может подумать: «и зачем я связался с *таким!*» Знайте же, что прежде я был не *такой*, что, когда я звал Вас в Москву, я не знал, что я уже *такой*. Я думал почему-то, что я прежний, т. е. не очень прежний... Впрочем, черт с ним. Поправляйтесь. Будьте веселы. Загорайте на солнце. И пусть у Вас будут такие же веселые глаза, как были 25 апреля. У Наппельбаума на карточке Вы вышли необыкновенно веселый[1]. Евд<окия> Петровна так и задрожала от радости.

Ваш *Чуковский*

[1] Ответ Блока от 26 мая оказался в числе его последних писем. Он писал: «Дорогой Корней Иванович. На Ваше необыкновенно милое и доброе письмо я хотел ответить, как следует. Но сейчас у меня ни души, ни тела нет, я болен, как не был никогда еще: жар не прекращается и все всегда болит <...> Итак "здравствуем и посейчас" сказать уже нельзя: слопалатаки поганая, гугнивая, родимая матушка Россия, как чушка — своего поросенка <...> "Объективно" говоря, может быть еще поправимся. Ваш *Ал. Блок*» *(Блок-ЛН.* Кн. 2. С. 242).

402. А.А. Блоку

Ок. 10–15 июня 1921 г. Петроград[1]

Дорогой Александр Александрович.

Хоть я и не сомневаюсь в Вашем ответе, но, по долгу службы, обязан задать Вам вопрос:

— Не желаете ли Вы лечиться на ст. Левашово, в советской санатории для самых ответственных советских работников?

Эта санатория к Вашим услугам, о чем оповестил нас Волковыский на последнем заседании Правления Союза писателей.

Санатория хорошая, повара и доктора первоклассные, но я тогда же высказал уверенность, что пребывание в такой санатории было бы для Вас хуже болезни.

Знаю, что письма Вам в тягость. Поэтому — не отвечайте письмом. Пусть мне позвонят по телефону (243–58) и скажут о Вашем решении.

1921

Я болен вконец. У меня «психостения». Доктор велит лежать месяца три, ничего не делать. А я...

Спасибо Вам за ласковое письмо. В деревне я возьмусь по-новому за ту же свою древнюю тему — о Блоке. Теперь, когда у меня есть *хронология* Книпович, дело пойдет по-другому. Позвольте мне до осени сохранить у себя Ваши вырезки о «Двенадцати» и другие материалы, которые (как Вы знаете) у меня сберегаются свято.

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по содержанию.

403. Е.П. Летковой-Султановой

Между 11 и 20 июня 1921 г. Петроград[1]

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна.

Грущу, что не повидался с Вами. Я так и уезжаю Вашим должником. Надеюсь, что осенью мы сквитаемся. Уезжаю в положении отчаянном, но — уезжаю. Вы хотели, чтобы я написал письмо Белицкому[2]. Я с удовольствием сделаю это, — но знайте, что *у Белицкого теперь никакой власти нет.* Всем ворочает Москвин[3]. Белицкий перешел на положение простого обывателя. — Наша колония делает большие успехи. Пишут, что она встала на ноги. Я добыл разрешение на получение лошадей. Ради Бога зовите туда каждого, кто верит в Бога: приезжайте сами с Ю.Н.[4] — не пожалеете!!

Целую Вашу руку.

Чуковский

Привет Юрию Николаевичу.

Будьте покуда завед. Лит. отд. В случае чего — пусть *Дом Иск<усств>* пришлет мне телеграмму.

[1] Датируется по содержанию. 11 июня 1921 г. Чуковский был в Доме искусств (см. письмо к нему Е.И. Замятина от 2 июля 1921 г. в Холомки), 3 июля записал в дневнике: «Мы уже две недели в Холомках» *(Дн.-11.* С. 351).

[2] Об *Е.Я. Белицком* см. «Список адресатов».

[3] *Москвин* Иван Михайлович (1890–1937, расстрелян), партийный деятель, с 1921 г. заведующий организационно-распределительным отделом Северо-Западного бюро РКП (б).

[4] *Султанов* Юрий Николаевич (?–1937), переводчик, хранитель музея «Старый Петербург»; сын Е.П. Летковой-Султановой.

404. А.Л. Волынскому 1921

Конец июня 1921 г. Холомки[1]

Дорогой Аким Львович.

Простите, что пишу карандашом — лежу второй день; жар и боли в желудке.

Пишу затем, чтобы непременно пригласить Вас сюда. Положение вот какое. У нас (т. е. у «Дома Искусств») действительно есть богатейшее имение. Когда я хлопотал о нем в Москве и Пскове, я и не знал, как оно превосходно. Это золотое дно. Но — нет денег, нет прислуги — т. е. *нет пустяков*, которые необходимы во что бы то ни стало.

Есть свое поле, свой огород, свой сад, есть мельница, есть дом в 40 комнат (из них я отделал для жилья уже 14) — здесь можно жить, как в раю. Но покуда здесь нет прислуги, здесь ад. Я лично сам пилил дрова, таскал воду, бегал в деревню за 4 ½ версты менять свои штаны на муку — и все это оттого, что так гнусно поставлена хозяйственная часть. Ее совсем нет. Хлопочите о том, чтобы Дом Искусств прислал сюда 2–3 человека. Хорошо бы Константина Ивановича и (вместе с Вами) Вашу Веру. Она знает Ваши привычки и оберегала бы Вас от мелких забот. Если никто из литераторов не приедет сюда в ближайшие дни, имение у нас отберут.

Присылайте всех, но скажите им, что в первое время будут некоторые неудобства. С 1-го июля сытость гарантирована. Я достал лошадей — таким образом, есть постоянная связь с городом, а в городе на рынке *за деньги* можно достать масло, яйца, творог.

Хлопочите о Константине Ивановиче и Феде. У Кузьмина легко достать на колонию около миллиона рублей. Хорошо было бы, если бы приехали наши друзья из Всемирной Литературы: Ольденбург, Сильверсван, Браудо, Алексеев, Крачковский[2]. Непременно приезжайте Вы: здесь парк, река, великолепный воздух; если захватите с собой (для мены) фунтов 10 соли, несколько фунтов селедок, табаку — можно иметь и баранину, и свинину, и все что угодно. Сахару здесь нет. Но овощи, яблоки, хлеб, персики, молоко — в огромном количестве.

Я здесь с огромной семьей, больной, без копейки денег и то *не голодаю:* мука, овсянка, свинина у меня уже есть.

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по содержанию. Письмо написано из Холомков, куда Чуковский с семьей приехал в конце июня. *Холомки* – имение князей Гагариных в Псковской губернии, недалеко от Порхова. Князь Андрей Григорьевич *Гагарин* (1855–1921), математик, инженер, первый ректор Политех-

нического института в Петербурге, в 1905 г. спас от ареста группу студентов-революционеров. Вероятно, поэтому его имение в 1918 г. было оставлено ему в частное владение. В 1920 г. там организовалась колония петроградской художественной интеллигенции. В усадьбе с весны и до зимы в разное время жили семьи Добужинских, Радловых, Черкасовых, Чуковских, Е.И. Замятин, М.М. Зощенко, О.Э. Мандельштам, В.А. Милашевский, С.Е. Нельдихен, В.А. Пяст, М.Л. Слонимский, В.Ф. Ходасевич и др. Заведующим колонией был художник Б.П. Попов, управляющей хозяйством — Е.О. Добужинская. «Холомки — это было имение князей Гагариных в Псковской губернии, на берегу Шелони, в 25 верстах от уездного города Порхова. Пахотные земли Гагариных были поделены между крестьянами, а усадьба Холомков была объединена с соседней усадьбой имения Новосильцевых «Бельское устье» и превращена в совхоз. Главной драгоценностью совхоза был новосильцовский яблоневый сад — семь десятин великолепнейших старых яблонь, все ранет и белый налив. Остальные хозяйственные статьи совхоза были ничтожны — кое-какие огородишки да четыре запаршивевшие лошади да две коровы. <...> Новосильцевский дом стоял в двух верстах от Холомков — длинная деревянная двухэтажная постройка с просторными комнатами, паркетом и полным отсутствием мебели; мебель к этому времени уже успели развезти по своим избам окрестные крестьяне. От Холомков к Бельскому Устью вела длинная березовая аллея. Дом Новосильцевых одним фасадом был обращен в яблоневый сад, другим — к бесконечным полям, где блестели изгибы Шелони и чернели деревни. Между домом и рекой стояла церковь, построенная в XVIII веке». См.: *Чуковский Николай.* Холомки // *КЧ– НК.* С. 105–112.

[2] О *С.Ф. Ольденбурге*, *Б.П. Сильверсване* и *В.М. Алексееве* см. соответственно письма: **386**, примеч. 13; **422**, примеч. 8 и **422**, примеч. 12. Об *Е.М. Брауде* см. примеч. 2 к письму **376**. *Крачковский* Игнатий Юлианович (1883–1951), филолог-востоковед, академик.

405. А.М. Горькому

Начало июля 1921 г. Порхов[1]

Алексей Максимович.

Победа на всех фронтах: порховские власти каждому приезжающему писателю выдают (по моему ходатайству) *особый* паек — мясо, масло, ежедневно молоко, рис, сахар — все в изрядном количестве[2]. Лошади у нас есть. Мебель тоже. Устроен в полном смысле слова продовольственный рай. Петербуржцы о таком и не мечтают.

Одного у нас нет — писателей. Художники есть — и ведут себя прегнусно. А писателя нет ни одного. Между тем, повторяю, здесь для всякого писателя — *и для всей его семьи* уготована сытая и приятная жизнь.

Умоляю Вас, помогите писателям приехать сюда. Пускай едет побольше народу. Всем хватит места. Все будут сыты. Если кто из ученых хочет провести приятно лето — пожалуйста! Попросите Москвина[3] облегчить им приезд.

Яблоки почти готовы (у нас сад в 1000 деревьев) — а есть их некому. Овощей сколько угодно, а все съедят художники, которые палец о палец не ударили, а только мешали. Пусть приедут писатели, мы устроим Колонию *имени М. Горького* –и ей-богу облегчим нашу жизнь! Было бы чудесно, если бы приехали сюда Вы, Ходасевичи, Пинкевич[4], Строев[5], — кого Вы ни направите сюда, всем будем рады. Пусть человек приедет с Вашей запиской, и он сыт до ноября.

Помните, Вы сказали, что не верите в Колонию. Вам придется взять свои слова обратно. Колония готова — и к Вашим услугам. Гоните сюда всех труждающихся и обремененных.

Ваш *Чуковский*

Порхов Псковской губ. Колония Бельское Устье.

Замечательно, что всем нашим благополучием мы обязаны одному здешнему *рабочему*. В то время как мужики обнаружили единственное стремление — раздеть нас донага, этот рабочий, человек необыкновенного таланта, один вставил стекла в 40 окон, починил печь и плиту в кухне, достал для нас лошадей и т. д. Зовут его Зайцев[6]. Он как будто из какой-то Вашей повести. Починяет швейные машины, гармонии, изготовляет чудесную мебель, делает зажигалки, влюблен в цыганку, танцует великолепно, любит литературу до страсти, натура очень творческая и поэтическая. Я назначил его помощником завед. хозяйством, он доволен, как младенец, с утра до ночи ведет борьбу с мужиками, норовящими нас обжулить[7].

Урожай здесь хорош.

[1] Датируется по сопоставлению с дневниковой записью Чуковского от 5 июля 1921 г. *(Дн.-11.* С. 351–353).

[2] Летом 1921 г. Чуковский вместе с художником М.В. Добужинским организовал под эгидой Дома искусств колонию для петроградских писателей и художников. Колония располагалась в Псковской губернии близ города Порхова в бывших имениях князей Гагариных «Холомки» и «Бельское устье».

5 июля 1921 г. Чуковский записал в дневнике: «Я единолично добыл Колонию *Бельское Устье*, добыл сад <...> добыл две десятины ржи, десятину клевера, добыл двух лошадей, жмыхи <...>. Я добыл фураж для лошадей и, что главное, добыл второй паек для всех членов колонии и их семейств — паек с сахаром и крупой» *(Дн.-11.* Т а м ж е. С. 351).

[3] Об *И.М. Москвине* см. примеч. 3 к письму **403**.

[4] *Пинкевич* Альберт Петрович (1883–1939), профессор, педагог.

[5] *Десницкий-Строев* Василий Алексеевич (1878–1958), литератор, близкий знакомый Горького. Из перечисленных лиц в порховской колонии в августе-сентябре 1921 г. отдыхал поэт Ходасевич с женой. См.: *Безродный.* Месяц в деревне Владислава Ходасевича // Литературное обозрение. 1989. № 11. С. 104–105.

[6] Чуковский записал в дневнике 5 июля 1921 г.: «Ради меня по моей просьбе Зайцев отделал верх для колонии, устроил кухню, починил окна и замки на дверях» *(Дн.-11.* С. 351).

[7] В отрицательной характеристике местного «мужика» сказалось, может быть, бессознательное стремление Чуковского «подыграть» настроению Горького. В его дневнике есть ряд записей, свидетельствующих о скептическом отношении Горького того времени к русскому крестьянству, о недоверии к деревне. Чуковский же, судя по тем же дневниковым записям, не разделял этих убеждений Горького, писал о русском мужике как об «очень правильном жизнеспособном несокрушимом человеке», главная сила которого — доброта (Там же. С. 322. *18 февраля 1921*).

406. Е.И. Замятину

Начало июля 1921 г. Холомки

Дорогой Евгъ!

Соскучился я по Вас ужасно[1]. Приезжайте непременно[2]. Здесь восхитительно — даже я немного отмяк, хотя у меня почти ничего не наладилось. (Трудно с такой огромной семьей.) Но Вам вдвоем (или одному) здесь будет блаженство. Дети играют в городки, купаются, Коля[3] ухаживает за поповной[4], состязается с Петей[5] в цыганской борьбе и т. д. Общежитие в Бельском Устье почти оборудовано. Нам дали рожь (2 десят<ины>), лошадей, покосы, огороды и проч<ее>. Но ни один писатель не приехал. Гоните сюда Немировича, Нельдихена, Андрея Белого, Ив<анова->Разумника, Лернера[6] — кого хотите, но гоните. Если Вы не приедете, мы враги навеки. С<офья> А<ндреевна>[7] часто видается со мною. Мы очень дружим, поджидаем Вас. Слушаем в лесу коростелей — ждем Ваших писем. Приезжайте. Напишите, когда приедете, мы вышлем лошадей.

Ваш *Чуковский*

[1] Ответ на письмо Замятина от 2 июля 1921 г.: «...Сейчас сижу над корректурой журнала. Все уже набрано. Больше половины бумаги (Вы, вероятно, это уже знаете) раскрадено — в типографии или где еще. Надо доставать новой. Приходится возиться со всем этим. А Вы, черт, нюхаете там липы и слушаете кукушек.

Напишите мне по чистой совести, все сообразив и обмозговав (Вам на месте виднее): стоит ли и удобно ли мне приезжать в Холомки (точнее — в Устье) или лучше не стоит? Волынский демонстрировал мне Ваше письмо — оно не очень меня радует.

Если не поеду — не важно: буду сидеть тут и доделывать злейший роман.

Людм<ила> Ник<олаевна> говорит, что Вы звали ее (по телефону) в Устье. Это Вы всерьез — или только так?» *(Замятин.* С. 202–203).

[2] Аналогичные письма с приглашением К.И. Чуковский адресовал и другим писателям; в частности, Е.П. Летковой-Султановой, см. письмо **407**.

[3] Н. К.Чуковский.

[4] Имеется в виду *Черняховская* (урожд. Василькова) Лидия Сергеевна — дочь местного священника о. Сергия.

[5] *Гагарин*Петр Андреевич (1904–1938), сын кн. А.Г. и М.Д. Гагариных.

[6] О *Вас. Ив. Немировиче-Данченко* см. примеч. 5 к письму **333**; *Нельдихен* (Ауслендер) Сергей Евгеньевич (1891–1942), поэт; об *Иванове-Разумнике* см. примеч. 4 к письму **72**; о Н.О. Лернере см. «Список адресатов».

[7] Княжна *Гагарина* Софья Андреевна (1892–1979), художник-график, дочь кн. А.Г. и М.Д. Гагариных; после смерти отца была назначена заведующей Народным домом им. В. И. Ленина в Холомках и занималась «интенсивной деятельностью по устройству спектаклей» (Литературное обозрение. 1989. № 11. С. 111); в 1935 г. эмигрировала в США. Н.К. Чуковский вспоминал о Холомках: «У Евгения Ивановича была и особая причина приезда, — он был влюблен в Софью Андреевну Гагарину, и между ними тянулся долгий и, по-видимому, трудный для обоих роман» (*Чуковский Николай.* Холомки // *КЧ–НК.* С. 107). См. об этих отношениях также в воспоминаниях К.И. Чуковского и И.Б. Кустодиевой: Литературная учеба. 1994. № 3. С. 106, 118.

407. Е.П. Летковой-Султановой

Между 20 июня и 15 июля 1921 г. Холомки[1]

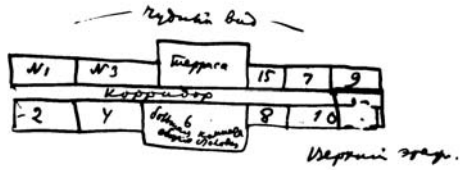
Дорогая Екатерина Павловна.

Итак, все трудности преодолены. Мы в Холомках. Здесь так дивно, что мне хочется возможно скорее перетащить сюда всех петербургских писателей. Я остановился на Холомках, потому что у меня маленькая девочка, которой нужна ванна и проч. Но в *Бельском Устье,* добытом мною, гораздо лучше. Усадьба была разрушена, но теперь *в одну неделю* отделали 14 комнат (весь верх большого деревянного дома). Кровати прибудут на днях. Отношение властей чудесное. *У нас* две десятины ржи, огромнейший яблонный сад, огород — первоклассный — и ради этого можно в первое время перетерпеть некоторые легко устраняемые неудобства

1921

вроде отсутствия дверной ручки и т. д. Парк дивный, река, церковь, оранжереи — все в великолепном порядке. Покуда нам голодновато, но через неделю урожай, и тогда мы Ротшильды, — ешь целый день, пей молоко, и никаких гвоздей, как говорит Маяковский.

Мне очень хочется, чтобы подъехали Вы (и Ю. Н.)[2], Волынский, М. Шагинян (с мужем и сыном)[3], Шкловский, Кони, Немирович-Данченко, Шишков, А.М. Ремизов, молодежь (Зощенко, Федин и др. — в том числе Слонимский и Муся[4]). Ради Бога, разыщите Боцяновского и скажите ему, что он может ехать сюда смело, здесь он промается первую неделю (как и все мы), а потом будет вкушать яблоки, хлеб, баранину и проч. Здесь заведующий мельницей очень хорошо знает Владимира Феофиловича — он служил артельщиком в «Петроградском Листке». Вот план общежития[5].



Собирайтесь дружно — артелью. Сюда едет Сергей Моисеевич[6] — он расскажет Вам подробно обо всем, когда вернется, но поведите агитацию сейчас же, как Вы умеете, ударьте в набат в Доме Литераторов. Обратитесь за помощью к Кузьмину[7] — просите, чтобы он каждому дал тысяч по 50 на поездку — этого вполне достаточно, — и марш к новому хлебу![8] Я горжусь, что основал такую колонию, но, к моему ужасу, в этой колонии — ни одного колониста. Стыдно! Соберите литерат<урный> отдел *Дома Искусств* и заставьте его шевельнуться. Губер, Ирецкий, Гумилев, Георгий Иванов, Одоевцева, Н. Павлович, Всеволод Иванов, Редько (да, да, позвоните и Редько!), Ходасевич, Пяст, Лозинский, Никитин были бы желанными гостями. А какие виды, какой воздух, какие мужики, какие цветы, какой язык, какие нравы, — все это для множества романов!

Весь Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по содержанию — см. записи в дневнике от 3 июля 1921 г.: «Мы уже две недели в Холомках» и 15 июля 1921 г.: «Получено письмо, что едут Леткова с сыном, Нельдихен, Милашевский и др.» *(Дн.-11.* С. 351 и 357).

[2] *Ю.Н.* — Султанов, о нем см. примеч. 4 к письму **403**.

[3] Обмолвка: у М.С. Шагинян была двухлетняя дочь Мирель. *Муж* — переводчик и литературовед Яков Самсонович Хачатрянц (1894–1960). В Холомки они не приезжали.

[4] Муся — *Алонкина М.С.* О ней см. примеч. 1 к письму **390**.

[5] Здесь К. И. нарисовал план верхнего этажа дома. По одну сторону коридора расположены комнаты № 1, 3, терраса, комнаты № 15, 7, 9; по другую сторону — комнаты № 2, 4, 6 (большая общая комната-столовая), комнаты 8, 10, 12.

[6] Сергей Моисеевич — служащий в Холомках.

[7] Возможно, имеется в виду Н.Н. Кузьмин. О нем см. примеч. 10 к письму **397**.

[8] Султановы приехали в конце десятых чисел июля. См. в письме Чуковского **410**: «Моисеич и Юрий Ник. Султанов поселились в Устье».

408. А.Л. Волынскому

4 июля 1921 г. Холомки[1]

Дорогой Аким Львович.

Все препятствия сокрушены, и Вы смело можете ехать сюда. Вам будет отведен отличный паек; отдельная комната оставлена для Вас; посуда есть; молока очень много. Все бесплатно. Я работал, как каторжный, но создал, наконец, колонию, которая достойна этого имени. Я здесь сыт по горло. Моя семья тоже. При желании здесь можно поместить хоть 40 человек. Вы здесь необходимы. Ваш авторитет сразу подымет дух общежития. Ваш голос укротит обывательщину, которая здесь воцаряется. Власти относятся к нам превосходно. Лошади у нас есть. Яблоки уже спеют. Молодой картофель будет готов к Вашему приезду. Люди чудесные. Будьте добры — соберите возможно больше народу и приезжайте. Вас ждут!

Ваш *Чуковский*

Зовите Немировича-Данченко — (50–57). Покуда не было специального писательского пайка, я не смел звать никого, но теперь не приехать — нельзя! Прошу Вас вывесить в Доме искусств прилагаемую при сем бумагу.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Порхов. 4.VII.1921.

409. Н.К. Чуковскому

10 июля 1921 г. Холомки[1]

Мне хочется дружески, безо всякого задора, уверить тебя, что ты идешь по ложному пути. Пожалуйста, не думай, что вот опять скучный «старого закала» отец привередничает, а взгляни на ве-

щи здраво и просто. 17 лет никогда в жизни не повторяются. Именно в 17 лет формируется человек. Каков он в 17 лет, таков он во всю жизнь. Что же ты такое — в 17 лет? Чудесный малый, искренний и прямой, — верно. Поэт — верно. Не без сведений — верно. Но, несмотря на это все, ты шалопай. Вот настоящее слово. Ни систематической работы, ни любви к работе, ни жажды знаний, ни выдержки — ничего. И когда я, глубоко уважая и твои дарования, и твою натуру, тяну тебя к труду, к новым интересам, к расширению духовного горизонта, — ты кочевряжишься, ломаешься, торгуешься, норовишь увильнуть — к шалопайству. Я твердо убежден, что тебе, поэту, и вообще будущему интеллигенту, огромным подспорьем будет английский язык. Русский, не знающий ни одного иностр<анного> языка, все равно что слепой и глухой. 7 лет, не жалея трудов, я тяну тебя за уши к этому знанию. А ты упирался. А ты бездарно норовил ускользнуть. Ни разу не было, чтобы ты сам, своей волей, захотел узнать, наконец, как следует этот язык, которым я стал заниматься в 17 лет, один, без учителей, без учебников, без всякой поддержки. Да я на твоем месте проглотил бы в одно лето всего Шекспира, Байрона, Мура, Броунинга, а ты вежливо позволяешь мне иногда, из милости, прочитать тебе какой-нибудь английский стишок.

В этом твое тупосердие. Ты именно туп сердцем, не чуток. Ты все воображаешь, что есть какой-то ненужный отец, который из упрямства навязывает тебе какие-то прописи. Вчерашняя история со сходом именно такова. Уверяю тебя, что поэты делятся на образованных и необразованных. Уверяю тебя, что еще больше, чем англ<ийский> язык, рус<ский> поэт должен знать Россию. А Россия — это деревня. Я затем и потянул вас сюда (причем вы все тоже сопротивлялись), чтобы показать тебе (главным образом тебе) русскую деревню, без знания которой России не понять. Я думал, что тебя увлечет крестьянский быт, простонародный язык и т. д. Тебя же увлекло шалопайство. Как особенное одолжение, измываясь надо мной неприлично, ты сделал вчера несколько шагов к Захонью[2], но потом повернул — к логарифмам. (И пошло сочинил, что я *заставил* тебя тащить тяжести — 10 фунтов крупы, которую ты же схряпаешь!) Второй раз то же ломанье, и то же позорное бегство — к тем же логарифмам. Знаю я твои логарифмы!

А твое отношение к семье! Тебя заставят что-нибудь сделать, ты сделаешь. Но сам — никогда. Ты ведь знаешь, что просвирня отказалась посылать молоко. Ну, взял бы ведерко, и ежедневно сам пошел бы к ней и принес бы молоко, которое так нужно нам всем. Но тебе это невдомек. Ты предпочитаешь целый день по-

жеребячьи ржать, валяться на постели, козырять пред поповнами[3], чем по собственному почину помочь отцу и матери, и Лиде — своим участием.

Почему ты никогда не понянчишь Мурку? Или ты думаешь, что Лида обязана возиться весь день с Муркой, губя свое детство, а ты можешь целый день ржать и бездельничать, отделываясь тем, что ты «качал воду».

Предлагаю тебе одуматься. Даю тебе сроку до Петрова дня[4]. После Петрова дня ты должен:

1. Серьезно заняться англ <ийским> языком.

2. Наметить программу чтения.

3. Определить точно время занятий и отдыха.

4. Посвятить ежедневно не меньше 2-х часов на помощь семье, которая вся работает, кроме тебя.

И, пожалуйста, определи раз навсегда, друг я тебе или враг. Ты отдалился от меня и от Лиды, и от Бобы — право, напрасно. Не сомневаюсь, что в глубине души ты и сам жалеешь об этом[5].

[1] Датируется по записи в дневнике от 10 июля 1921 г.: «Сегодня я написал Коле укоризненное письмо. Он зашалопайствовал. Хочу, чтоб опомнился» (*Дн.-11*. С. 356).

[2] *Захонье* — деревня, находящаяся недалеко от Холомков.

[3] Речь идет о Лиде, дочери отца Сергия, местного священника, и о дочери дьякона.

[4] 12 июля — день первоверховных апостолов Петра и Павла.

[5] Отвечая на это письмо, сын писал отцу: «Я согласен с многим из того, что ты мне пишешь, но с гораздо большим не согласен <...> Я всегда подружески отношусь к тебе, а ты сам ставишь меня в положение врага своим начальническим ко мне отношением» (*КЧ–НК*. С. 372).

410. Е.И. Замятину

19 июля 1921 г. Холомки

VII 19

Моисеевич[1] приехал. Не пишите мне на Устье — это канитель. Моисеич и Юрий Ник<олаевич> Султанов поселились в Устье — честь и слава Чуковскому, собравшему из развалин колонию! Яблоки почти созрели. Огурцы — вот-вот. Женщин тут несметное количество. Запишите меня в крымскую авантюру, поедем вместе![2] Я здесь читаю *с успехом* – вся интеллигенция слушает. Погода установилась чудесная. Пишите *нам* почаще, нам — потому что

письма Ваши двуспальные, уж очень нарядно написаны: хоть в рамку. Я и не знал, что Вы так здорово пишете письма!

Успехам Вашим рад до чрезвычайности. И она тоже[3].

Ваш *К.Ч.*

Я нисколько не поправился, напротив. Но здесь чудесно. Лучше всяких Крымов. Сердечный привет Лернеру! Зовите Лернера сюда.

[1] По-видимому, *Волковыский* Николай Моисеевич (1881–после 1940), литератор, в то время один из руководителей петроградского Дома литераторов. Письма Чуковского ему о писательской коммуне в Холомках и Бельском Устье см.: «...И собрать эшелон писателей» / Публ. и вступит. ст. Т. Кукушкиной // Невское время. 1992. 2 апр.

[2] Речь идет о предложении, изложенном в письме Замятина от 6–19 июля 1921 г.: «Есть куча предложений <...>. Зовут в Ялту: туда и обратно — в санитарном поезде со всеми удобствами; там – комната, море, прислуга, фрукты, продовольствие, полбутылки вина в день; и за это — раз или два в неделю заниматься в Студии. Это оборудовал наш друид и поэт Гум [Н.С.Гумилев. — *Сост.*], только что вернувшийся из Крыма: Семашко требует в Ялту 10 писателей и 10 поэтов — по выбору Союза Пис<ателей>; и Союза Поэтов. Не махнуть ли нам с Вами в Ялту, выбросив в окошко все долги? Жду ответа; занесу Вас в кандидаты» (*Замятин.* С. 206).

[3] Под «успехами», вероятно, имеются в виду московские выступления Замятина, о которых он писал в своих письмах к Чуковскому (см. *Замятин.* С. 202, 205). *Она* – С.А. Гагарина.

411. Е.И. Замятину

После 8 агуста — начало сентября 1921 г. Холомки

Дорогой Замятин.

Статью о «Двенадцати» дам[1]. Скажите П.Е. Щеголеву, что я не дал ему ничего из своих статей в «Былое»[2] не потому, что пренебрег, а потому, что статьи показались мне вдруг отвратительны: фельетонное легкомыслие. Черт с ними. Каковы некрологи об Ал<ексанре> Ал<лександровиче> в «Правде»![3] Как будто умер Васька Князев или Демьян[4]. Эх, хочется мне этих шулеров отшельмовать в статье о «Двенадц<ати>». Но можно ли? Думаю, нельзя. Думаю, что вся статья о «Двенадц<ати>» есть нелегальщина.

Я лежу больной. Надорвался. Я не отдыхал ни минуты. Что же это никто не едет? Вышло, что я работал не для Замятина, не для Шкловского[5], не для Ремизова, не для Гума[6] — а для каких-то сукиных сынов, которые и живут здесь в свое удовольствие.

Шкловский здесь необходим.

Вы тоже. Я не сомневаюсь, что Вы приедете — хотя бы затем, чтобы получить пуда 1 ½ муки, пуда 2 яблок, отдохнуть недельку и т. д.

Слышал я, что больна Людм<ила> Николаевна. С<офья> А<ндреевна>, по-моему, умирает. Жизнь ее такая: утром кашляет часа два — болит спина и грудь — трудно шевельнуть рукой — не ест ничего, — потом встает — возится с мужицкими болячками, копается в чиреях, вередах, гнойниках — (и делает это чудесно), потом идет куда-н<и>б<удь> за 10 верст хлопотать о покосах (не для себя, а для кого-н<и>б<удь> другого), потом — если дело в праздники, напяливает на себя балахон, румянится и *танцует* с температурой 38,5–39 и потом приходит ко мне и спрашивает: нет ли писем? Это сильно упрощает положение: здесь нужна только жалость. Напишите ей доброе слово. Конечно, она совсем другое, чем мы — из другой глины, — любит лошадей, танцы, именины, молится по часам, ненавидит жидов — ничего не слыхала о Блоке и не услышит, — но не отпихивайте ее. Ей ведь ничего не нужно, *ничего*. Только ласковое слово.

Честь вам и слава, что Вы на посту. Нас все меньше, и действительно нужно быть металлическим, чтобы работать без смены. Мне иногда кажется, что я Вам как-то изменил, предал Вас, что, взвалив на Вас всю работу по «Дому Иск<усств>», по «Всем<ирной> Лит<ературе>», по журналу, по комитетам, я поступил нечестно, но, друг мой, если бы Вы видели меня теперь — похудевшего, постаревшего, издерганного, — Вы не судили бы меня строго. Тем более, что созидая колонию, я делал ее не для себя, а для всех. Чем больше народу приедет, тем лучше.

Прежде это была дача для одного семейства, а теперь это общежитие *для всех*.

Для этого нужен был каторжный труд — и может быть, этот труд мне зачтется. Пусть же сюда скорее едут: Слоним<ский>, Нельдихен, Шкловский — я буду счастлив, что пригодился им, *литераторам*. Художники же здесь ведут себя так: пишут за пайки плакаты для властей — и за муку иконы для крестьян, продают девкам казенные белила, как пудру.

Простите, что сумбурно, но у меня маленький жар.

Ваш *К.Ч.*

Не посылайте заказных писем.

Только что узнал, что наши едут. Попридержите остальных. Здешние власти вдруг окрысились.

[1] Из письма Замятина от 8 августа 1921 г. Чуковский узнал о смерти Блока; Замятин писал: «Вчера в половине одиннадцатого утра — умер

Блок. Или, вернее: убит — пещерной нашей, скотской жизнью. Потому что его еще можно — можно было спасти, если бы удалось вовремя увезти за границу. 7 августа 1921 года — такой же невероятный день, как тот — 1830 [так у автора — *Сост.*] года, когда узнали: убит Пушкин.

Я человек металлический и мало, редко кого люблю. Но Блока — любил, и вот — знать, что он умер — ну да что говорить.

Вас нет — и идиотская наша жизнь! — удастся ли вызвать Вас, дойдет ли телеграмма? Похороны в среду, конец недели — вечера памяти Блока — как же без Вас?

Думал в понедельник (сегодня) начать хождение по выезду в Холомки, — теперь не до того: нет Горького, нет Чуковского — и мне пришлось устраивать разрешение переговоров о Блоке по прям<ому> проводу с Москвой, и скульптора для маски, и прочее.

Во вторник на прошлой неделе арестован Гум<илев>, никто не знает почему» *(Замятин.* С. 210–211).

[2] *«Былое»* – журнал по истории революционного движения в России. В 1900–1904 годах журнал выходил за границей, с января 1906 г. — в Петербурге, где после ряда преследований был запрещен в 1907 году. С 1908 по 1913 гг. выходил в Париже, в июле 1917 г. выпуск журнала возобновился в Петрограде (выходил до 1926 года под редакцией П.Е. Щеголева).

[3] Очевидно, имеется в виду некролог за подписью Л.Н. «Расколовшаяся лира» в «Петроградской правде» от 14 августа 1921 г. (московская «Правда» откликнулась краткими информационными сообщениями): «<...> имя Блока, торжественно несомое на красном щите рабочими руками “Двенадцати” красногвардейцев, войдет “державным шагом” во все хрестоматии нашей революционной литературы, сколько бы ни выли “шелудивые псы” высокомерного Парнаса» и т. п.

[4] *Князев* Василий Васильевич (1887–1937, расстрелян), поэт-сатирик-онец, неоднократно до 1917 г. изменявший свои политические взгляды; с весны 1918 г. — постоянный автор «Красной газеты». О *Демьяне Бедном* см. «Список адресатов».

[5] *Шкловский* Виктор Борисович (1893–1984), литературовед и критик.

[6] Упомянут Н.С. Гумилев.

412. Е.П. Летковой-Султановой

После 12 сентября 1921 г. Петроград[1]

Дорогая Екатерина Павловна.

Не судите меня строго за то, что возвратил яблоки, данные Вами мне для Ухтомской[2]. Вдруг в последнюю минуту — у меня так заболела нога, что я пришел в отчаянье. Мне нельзя было надевать башмак на свежую рану: боль была до обморока.

Должно быть, историю с Вашей квартирой Вы слышали. Вдруг Анна Васильевна сообщила, что к Вам на Кирочную вселяют красноармейцев.

Я пришел в ужас и отправился на Вашу квартиру. Та старушка, которая живет там, успокоила меня: оказывается, эти красноармейцы — слушатели каких-то курсов, их всего двое, они намерены отапливать чуть ли не всю квартиру, Ваша сестра была на квартире и вынесла из предназначенной для них комнаты все ценное. Так что, по-моему, ничего катастрофического не случилось.

Гораздо хуже положение с Вашей комнатой в «Доме Искусств»: комитет заявил, что нижняя комната крайне нужна. Приезжайте, авось Вам удастся отстоять ее.

Юрию Николаевичу сердечный привет. Какая грусть, что так долго не удавалось прислать Вам Ваши вещи. Но Зайцев, *между нами*, оказался предателем, ничего для нас не сделал, в *Дом Искусств* явился только раз для визы командировки — и потому я ничего не мог сделать: сам я заболел — без семьи я всегда заболеваю, а послать было некого.

Между тем все Ваши друзья волновались весьма энергично: и Врубель, и В.И. Икскуль, и М. Слонимский — все.

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по времени возвращения Чуковского из Холомков в Петроград (См.: *КЧ–ЛК*. С. 22–24, упомянут понедельник, 12 сентября, когда он уже уехал).

[2] Евгения Павловна *Ухтомская* (урожд. Корсакова; 1876?–1941), переводчица, жена князя С.А. Ухтомского, скульптора, живописца, хранителя, затем научного сотрудника Музея Александра III (Русского музея), — Ухтомские, как и Е.П. Леткова-Султанова, жили в общежитии Дома искусств.

413. Е.И. Замятину

До 22 октября 1921 г. Петроград

Дорогой Евг<ений> Ив<анович>.

Я достал корректуру своей книги о Блоке и готов прочитать первые 4 главы[1]. Это минут 35–40, а может быть, и меньше. Я читал эти главы Анне Андреевне[2], и они не показались ей противными.

Но черкните мне, где, когда, зачем, кому должен я читать эти главы и кто будет слушать, и кто еще будет читать.

Ваш *Чуковский*

Посылаю музыкальное: легковесно, но интересно. Конечно, печатать нужно[3].

[1] С чтением отрывков из книги о Блоке Чуковский неоднократно выступал на мемориальных вечерах. Учитывая, что в письме речь идет о работе над № 2 «Дома искусств» (вышедшем до 3 ноября, см.: *Лит. жизнь-2*. С. 206), можно предположить, что имеется в виду выступления 22, 24 или 25 октября 1921 г. (см.: Там же. С. 193, 194). Книга Чуковского вышла в конце января 1922 г., см.: Книга об Александре Блоке. Пб.: Эпоха, 1922 (датируется по: Там же. С. 294).

[2] А.А. Ахматова.

[3] Очевидно, речь идет о статье Н.М. Стрельникова «Музыка в Доме искусств», опубликованной в № 2 журнала «Дом искусств».

414. А.Л. Волынскому

Ок. 19 ноября 1921 г. Петроград[1]

Дорогой Аким Львович.

Сегодня заседание Некрасовского общества, и я, увы, не могу придти в «Дом Искусств». Позвольте официально заявить, что я хотел бы своим преемником видеть Вл. Ходасевича. Я с радостью буду ему помогать в работе. Если будут выборы, мой голос — ему.

Не приедете ли Вы в Некрасовское общество (Лиговка, 1). Выбирают председателя, и я хотел бы подать голос за Вас.

Ваш *Чуковский*

[1] 19 ноября состоялось организационное собрание Некрасовского общества, 2 декабря Общество было зарегистрировано. Чуковский был членом научного совета Некрасовского общества (*Лит.жизнь-2*. С. 227.).

415. Е.Я. Белицкому

29 ноября 1921 г. Петроград[1]

Дорогой Ефим Яковлевич.

Вы сделали мне столько добра, что, конечно, я был очень рад, когда Вы привлекли меня к участию в Вашем издательстве. Я радовался, что могу отблагодарить Вас за Ваше добро. И действительно, я сделал все, что мог. Но ровно месяц назад Вы призвали меня к себе и сказали мне, что Вам не хочется, чтобы я принимал слишком близкое участие в Вашем издательстве, что я для Вас неподходящий компаньон, так как, будучи больным человеком, я не могу быть человеком надежным: неизвестно, что я сделаю завтра. Вы сказали даже, что впредь желали бы обезопасить своих близких от моей (во всякое время возможной) истерики.

Это было чудовищно; я не обиделся, но удивился и дал себе слово — ровно месяц не касаться этого вопроса. Теперь месяц

прошел, и я хочу Вас спросить, переменили Вы свое суждение обо мне или нет. **1921**

Мне кажется, что переменили. Иначе разве позволили бы Вы мне *организовать для Вас весь детский отдел*, дать Вам готовые клише, привлечь к работе Замирайлу, Лебедева, Владислава Ходасевича, себя самого, Валентину Ходасевич, Н. Радлова, — дать Вам свои сказки, «Слоненка» и пр.?

И не только детский, но и «взрослый» отдел был (почти весь) создан мною, начиная с названия («Эпоха»[2]). Я дал издательству такой нравственный капитал и фундамент, как *готовая книга Репина*. Я привлек Шкловского, Замятина, Всев. Иванова, создал «Некрасовскую библиотеку» и радовался тому, что могу, наконец, помочь — и советом и делом доброму и деликатному Белицкому, сделавшему мне столько добра. Белицкий давно уже наметил меня в товарищи по этому издательству. Без меня он не хотел начинать. Он собирался ко мне в деревню в Псковскую губ<ернию>. Он обещал, что благодаря «Эпохе», у меня будет возможность стать снова писателем, переделать свои книги «От Чехова до наших дней» и т. д. Белицкий меня не обидит.

И когда меня спрашивала жена: какие же у Вас условия с Белицким, я отвечал: никаких! *ведь это – Белицкий*!

Белицкий знает, как патетично и горестно мое положение: я — самый замученный изо всех русских писателей. Я писатель, которому жизнь не дает возможности писать. Я несу на себе 8 человек — страшную тяжесть, он тысячу раз говорил мне, что хочет меня спасти. И вот мы сидим за столом у Белицкого, а он говорит:

— Так как сказки Ваши переводные, то я буду платить Вам меньше.

Я возражаю:

— А разве *Вам* за эти сказки покупатели будут платить меньше — оттого, что они переводные?

Белицкий соглашается со мною, что покупатель за Киплинга заплатит, пожалуй, даже больше, чем за Чуковского, но всё предлагает пять процентов. Потом вспоминает, что клише — мои, и *обещает 10*.

Я благодарю и за десять и спрашиваю, когда я могу получить эти 10 %. По правилам он должен дать половину.

— После выхода книг.

Я ничего против этого не имею. Должно быть, у Белицкого нет денег. Я рад ждать сколько угодно. Но Белицкий говорит:

— Получая 10 процентов, Вы являетесь, таким образом, как бы участником дела; а тем, кто получает проценты, мы будем платить спустя время.

1921 Я думаю: Белицкий говорит так, потому что не знает правил. По правилам издатель хоть половину должен внести вперед. Значит, если бы даже Белицкий был по отношению к Чуковскому не товарищ, а просто — издатель, он давно, месяца 2 назад, должен был бы дать Чуковскому десять или пятнадцать миллионов.

Если у Бел<ицкого> нет денег — это другое дело. Чуковский подождет. Но мотивировать это десятью процентами — грешно. 10 % не есть участие в деле. Это просто — мерка для удобного вычисления гонорара.

Недовольство

Со мною случаются странные вещи. Я, напр<имер>, организовал «Д<ом> И<скусств>», работал до обморока, устроил там «Студию», создал библиотеку, наладил публ<ичные> лекции, общежитие, а не имею там даже угла и сплю на полу в прихожей, я привык ко всему, и ради Бога не сердитесь на меня, но иногда мне приходит в голову чудовищная мысль: что если Б<елицкий> в один прекр<асный> день скажет: «а теперь довольно. До свидания, К.И. Хозяин детского отдела — я». Простите меня ради Бога за одно такое предположение, я знаю, что оно оскорбительно, но я пишу это ночью, а ночью приходят в голову самые безумные мысли. Если бы мне когда-ниб<удь> сказали, что те люди, для к<ото>рых я устроил «Д<ом> И<скусств>», будут выгонять меня оттуда, я счел бы и это чудовищным.

Теперь о самом главном.

Какую заботу проявили Вы о моих книгах? Показали ли Вы мне предварительно тот шрифт, которым они б<удут> печататься? Выбрали ли Вы со мною формат? Посоветовались ли Вы со мною по поводу обложки?

Вот теперь и произошло, что большая книжка, поглотившая столько работы, имеющая в себе 3 листа, кажется ничтожной брошюрой и носит на себе отпечаток эстетики какого-то Сахарова. Если бы Вы не были Белицким, я счел бы это издание — неуважением к себе. Мне очень дорога книжка «Некрасов как художник» — и вот мне даже страшно подумать, что она выйдет в таком же плюгавом и казенном, мертвом виде.

А книга о Блоке? Зачем я так судорожно писал ее, платил за переписку втрое, чтобы поспеть к сроку, если рукопись безмятежно пролежала у Вас или у Сахарова 3 недели без движения. Теперь «Картонный Домик» выпускает «Книгу о Блоке». Сегодня 29 ноября, а моя — выйдет Бог знает когда! И в каком виде!!! Мы столько с Вами беседовали о внешности этой книги, а ее печатают —

уныло и — как копеечную брошюру — по рецепту того же Сахарова, и так нехорошо, что мне больно даже держать ее корректуру. Сахаров не только не ускоряет дела, но замедляет его: обещал принести на последнюю страницу книги объявление об издательстве «Эпоха», не принес, и моя книжка от этого задерживается.

[1] Датируется по содержанию («сегодня 29 ноября») и на основании ответного письма Белицкого от 11/XII. 1921 (ОР РГБ. Ф. 620. К. 60. Ед. хр. 91).

[2] Отвечая на упреки Чуковского, Белицкий, в частности, писал: «Вы придумали для изд-ва название “Эпоха”. Без этого изд-во могло бы называться “Основа”, “Начало”, “Нева”, “Заря”, но в общем изд-во существовало бы, как существует целый ряд других издательств <...> у Вас конечно есть заслуги перед “Эпохой”, Вы во многом помогали нам советом и пр. Но, к сожалению, те “заслуги”, которые перечислены в Вашем большом письме, названы этим именем по недоразумению» (ОР РГБ. Там же).

416. А.Л. Волынскому

До 12 декабря 1921 г. Петроград

Дорогой Аким Львович.

Опытные люди, с которыми я советовался, говорят, что я, как подсудимый, не вправе заседать в Высшем Совете до решения Суда[1]. Мне это очень больно, так как сегодня решается судьба Дома Искусств. То, о чем мы вчера говорили, улаживается превосходно. Опасность существует и сейчас, но ее удается отсрочить — и покуда придумать меры. Я думаю, что и здесь нам поможет Акцентр. Умоляю Вас назначить возможно скорее заседание, на котором была бы мне прочитана резолюция Вашего суда, потому что, клянусь Вам, сегодня я не только по формальным причинам *не могу* явиться на заседание. Мне вдруг подумалось: что если на заседание явится, напр., Муйжель, перед которым давеча меня так срамили, как я посмотрю ему в глаза?

Я пишу Замятину о том, о чем говорил Вам вчера. Больше, ради Бога, не говорите никому: повторяю, опасность почти миновала, а мы в пятницу, завтра, поговорим обо всем.

Ну, помогай Вам Бог!

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по упоминанию о суде. Имеется в виду Третейский суд, затеянный Чудовским. Он обвинил Чуковского в том, что деньги, которые он получил в Петроградском отделе народного образования для нужд

Дома искусств, были неправильно оформлены и Чуковский за них не отчитался.

Суд в составе А. Волынского, Вас. Немировича-Данченко и Н. Пунина состоялся 12 декабря 1921 года и постановил «дело К.И. Чуковского с В.А.Чудовским производством прекратить <...> существенно виноватых в этом эпизоде людей не было с самого начала и нет до сих пор» (РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 166).

417. А.Ф. Кони

После 18 декабря 1921 г. Петроград[1]

Простите нелепую бумагу! Я купил эту бумагу у бывш<его> лакея Елисеевых[2].

Дорогой Анатолий Федорович.

Читаю и перечитываю Ваше письмо. Оно — большая радость моей жизни. Меня столько ругали, что я и сам привык смотреть на себя, как на плохого писателя. И вдруг такое письмо! И от кого! от Мастера, от А.Ф. Кони! О такой награде я не смел и мечтать[3]. Но Вы сами недавно сказали на заседании Некрасовского общества: всякий добрый поступок влечет за собой наказание. Поэтому позвольте наказать Вас за Ваше письмо прилагаемой при сем брошюрой под нехорошим заглавием «Поэт и Палач»[4].

Брошюра не вытанцовалась, но да будет у Вас для коллекции!

Спасибо за чудесный подарок, какая приятная, изящная книжка![5] Но в типографии я видел экземпляр с портретом автора. Очень хотелось бы иметь этот портрет, и не знаю, где его достать.

Ваши бессонницы — от переутомления. Вы должны поберечь себя. Нельзя читать *столько* лекций. А главное: нужно питаться — нужна овсянка, нужно какао, яичница. У меня 8 лет была бессонница, а теперь, наконец, я спасся: стал сытее и чуть-чуть освободился от лекций.

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по содержанию. Ответ на письмо А.Ф. Кони от 18 декабря 1921 г.

[2] На бумаге угловой штамп с двуглавым орлом и надписью: «Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны Царскосельский военно-санитарный поезд № 143 и состоящая при нем Колонна санитарных повозок. ~ Ревизор хозяйственной части Степан Петрович Елисеев. Петроград, Мойка, 59».

[3] Чуковский послал Кони свою книгу «Жена поэта. Авдотья Яковлевна Панаева» (Пб.: Эпоха, 1922; Некрасовская библиотека). В письме от

18 декабря А.Ф. Кони писал К. Чуковскому: «Придя домой, я оставил всякую работу и принялся за Вашу книжку о жене Некрасова — и не мог оторваться от нее. <...> Во мне говорит старый судья, и я просто восхищаюсь Вашим чисто судейским беспристрастием и, говоря языком суда присяжных, Вашим “руководящим напутствием”, Вашим “resumé” *дела о подсудимых – Некрасове и его жене*. Ваша книга настоящий судебный отчет, и Ваше “заключительное слово” дышит “правдой и милостью”. Давно не читал я ничего до такой степени удовлетворяющего нравственное чувство и кладущего блистательный конец односторонним толкованиям и поспешно доверчивым обвинениям <...> и вторую книжку прочел с великим удовольствием <...> И сколько рассыпано у Вас ценных и ярких замечаний. Эта книжка настоящее анатомическое вскрытие поэзии Некрасова» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 66. Ед. хр. 5).

[4] *Чуковский К.* Поэт и палач (Некрасов и Муравьев). Пб.: Эпоха, 1922. Это издание, как и предыдущее, вышло в конце 1921 г., и по принятой в ту пору издательской практике было помечено следующим годом.

[5] Какую книгу послал Чуковскому Кони, установить не удалось.

418. Ю.П. Анненкову

Ночь на 23 декабря 1921 г. Петроград

Ночь на 23 декабря 1921

Дорогой Юрий Павлович.

Я рад, что ошибся. Статья Бабенч<икова>[1] не только не плохая, но замечательная. Видно, что автор не сию минуту стал думать о Вас — «для статьи», а думает давно и ощущает Вас как часть самого себя, как свой нос или свою бородавку. И это чудесно, потому что Вы, действительно, — мы. В Вас концентрируется наша эпоха, Вы историчны — до фантастики: и Вы, и Ваши рисунки, и Ваш тулупчик, все. И Бабенчиков отлично это выразил.

То, что Бабенч<иков> говорит о Вашем мастерстве, о технике, о влиянии на Вас других мастеров, — четко, метко, крепко. Но, увы, язык и приемы Бабенчикова иногда ниже его мыслей и чувств. Кажется, он ушиблен Евреиновым. Дешевые цитаты, перезвон имен. Зачем «хвост датской собаки», «Ромео и Юлия» и др. подобный моветон?

Хуже всего конец. Он не вытанцевался. Автор литературничает по поводу смерти, но литература так и остается литературой. Все кажется фразистым и фальшивым рядом с Вашим лаконичным и беспощадным «Блок в гробу». Нужно выбросить всю главу. Переделать ее нельзя. Вместо нее можно сказать:

— А в основе Анненкова — вот:

и оттиснуть рисунок «Блок в гробу». А лучше всего безо всяких фраз закончить словами о «решительном повороте русской живописи», а рисунок поместить без текста; ейбогу, так лучше всего.

Кое-что я предлагаю изменить. В одно место я внес слово шелудивый, в другое — сифилитический. Я думаю, что оба слова нужны, оба — Ваши.

«Иногда весь мир человеческий кажется художнику несобранным» и т. д. — право, это лучше, чем та двусмысленная фраза, котор<ая> стоит у Бабенчикова. У него выходит, будто сам художник — несобранный. Да и слово «постигается»— это Андрей Левинсон[2].

Нужно не *«явство»*, но *«яство»*.

У Блока сказано *«гроба»*, а не *«гробы»* (II, 163).

«Самим чувством мира иного мы обязаны миру иному». У Бабенч<икова>: *«самому* чувству».

И т. д.

Но в общем, повторяю, статья Бабенчикова — вполне на уровне Вашего творчества. Было бы большим ущербом, если бы она не была написана.

Спасибо Вам, что дали мне возможность — коротать мою бессонницу с нею и с Вами[3].

Ваш *Чуковский*

[1] *М.В. Бабенчиков* (1891–1957), литературный и художественный критик. Речь идет о его статье для книги: *Анненков Ю.* Портреты. Текст Е. Замятина, М. Кузмина, М. Бабенчикова. Пг., 1922. Предисловие для этой книги написано Чуковским, как это выяснилось теперь из его архива.

[2] Андрей Яковлевич *Левинсон* (1887–1933), художественный и театральный критик.

[3] Вероятно, Чуковский, когда писал свое письмо, держал в руках сверстанный экземпляр «Портретов». В его архиве сохранилось предисловие Ю. Анненкова, датированное 1 января 1922 года и написанное рукой художника.Там была фраза: «...сегодня, пересматривая сверстанный экземпляр “Портретов”...» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 60. Ед. хр. 42).

419. А.Ф. Кони

23 декабря 1921 г. Петроград

23 дек. 1921

Дорогой Анатолий Федорович.

Сегодня я не могу быть у Вас в Некрасовском обществе[1]. Верьте, что причины уважительные. Боюсь, что вообще у меня не бу-

дет возможности регулярно посещать эти заседания. Работа в Доме Искусств и «Всемирной литературе» поглощает все мое время. Думаю, что мое участие в организационной работе было случайное: я добился ускоренной регистрации нашего общества — и только.

К административной работе я не способен. Я в ней ничего не понимаю и заранее соглашаюсь со всем, что предложат более компетентные люди. Избрание Владислава Евгеньевича[2] в казначеи общества приветствую.

Когда будут намечаться доклады, пожалуйста, включите и мой: «Пушкин и Некрасов» (Опыт сравнительной поэтики)[3]. Я могу прочесть его в конце февраля. Что касается семинариев, то, я думаю, Эмма Васильевна[4] права: с них начинать нельзя. Это придет потом, органически. Я буду продолжать свои занятия в студии Дома искусств — приватно, а потом, если пожелаете, — под эгидой Некрасовского общества.

Простите, что докучаю Вам такими делами, но я не знаю, кто секретарь. Надеюсь на Ваше постоянное ко мне снисхождение. Что касается нашего плана: издавать Ваши старые и новые книги выпусками, могу сообщить Вам, что я беседовал с представителем издательства Маркса, который встретил мои слова с энтузиазмом, но просил подождать до 3 января, когда выяснится вопрос о бумаге.

Ваш *Чуковский*

[1] Некрасовское общество было учреждено Петроградским отделом народного образования осенью 1921 года в связи с приближающимся столетием со дня рождения поэта. Почти одновременно с этим письмом Чуковский сообщал Репину: «Мы с Анатолием Федоровичем [Кони], Верой Александровной Пыпиной основали Некрасовское общество и избрали Вас почетным членом. Если Вы захотите, пришлите мне или Кони – приветствие новому обществу. Оно хорошее, и нечестивых в нем нет». (см. письмо **421**). А.Ф. Кони был председателем Некрасовского общества.

[2] О. *В.Е. Евгеньеве-Максимове* см. примеч. 1 к письму **367**.

[3] Неизвестно, состоялась ли эта лекция. К ее теме Чуковский вернулся в конце 1930-х – в газетно-журнальных статьях, а затем – в отдельно изданной книжке «Пушкин и Некрасов» (1949), включенной позднее в «Мастерство Некрасова».

[4] *Э.В. Краснуха* — партийный работник, «играла в нашей комиссии роль “мужа разума и совета”. Её веское, рассудительное слово, ее связи с ответственными кругами не раз выводили нас из затруднений» (*Евгеньев-Максимов В.Е.* Из прошлого. Записки некрасоведа // Некрасовский сборник. Вып. 8. Л., 1983. С. 206).

420. А.М. и Е.И. Редько

До 26 декабря 1921 г. Петроград[1]

Дорогие друзья, выручайте!

Приходите в понедельник в «Дом искусств» в 5 часов на общее собрание членов для выбора Совета[2]. Против меня образовалась партия всякой мелкой сволочи, которая из-за личных обид (я не печатал этих людишек в нашем Журнале) норовит меня заплевать и провалить. Боюсь, что, если настоящие писатели поленятся придти, то всякая шушера сплотится и по-своему отблагодарит меня за двухлетнюю каторжную работу.

Весь Ваш *Чуковский*

Привет Евгении Александровне![3] Теперь я в таком же положении, как и она: меня заклевывает всякая мелочь. Не возьмете ли Вы с собою по доверенности и голоса тех, которые не придут: например, Горнфельда? Это было бы очень дорого.

[1] На бланке С.П. Елисеева, в прошлом — владельца дома, который занимал Дом искусств.

[2] Собрание состоялось 26 декабря *(Лит. жизнь-2.* С. 266).

[3] *Редько* Евгения Александровна — дочь А.М. и Е.И. Редько.

421. И.Е. Репину

Конец декабря 1921 г. Петроград

Дорогой Илья Ефимович.

Я послал Вам большое письмо, но мне через неделю вернули его. Пишу новое. Вы, должно быть, знаете, что я в Доме Искусств устроил «Вечер Репина», который прошел очень оживленно. После довольно вялой речи Н. Радлова[1], и «анекдотиков» Гинцбурга[2] выступила Вера Ильинична, прочитала отрывки из Ваших писем и имела большой успех. Слушали восторженно, молитвенно. После выступил я — и, должно быть, эта общая любовь к Вам окрылила меня — говорил горячо, беспорядочно и взволнованно. Все благодарили нас за этот вечер — и мы вместе со всем залом составили письмо, которое при сем прилагаю. Вечер имел такой успех, что в середине января мы с Верой Ильиничной устраиваем новый. Нечего и говорить, что весь сбор мы отдали Вере Ильиничне[3].

Теперь о Вашей книге. Мне пришло в голову несколько «гениальных» мыслей, которые и предлагаю на Ваше благоусмотрение. Напечатать всю книгу целиком ни у какого издателя не хватит средств: теперь напечатать афишу стоит 5–6 миллионов. Кроме того, если выпустить всю книгу, придется назначить за нее такую цену, что покупателей не найдется: интеллигенция теперь нищая.

Вот я и подумал такое: издавать книгу выпусками и продавать каждый выпуск отдельно. Вот содержание каждого выпуска:

I. Впечатления детства (58 страниц).

II. Юность. — Петербург. — Смертная казнь (99 стр.)

III. Стасов. — Антокольский. — Семирадский. — Крамской. — Славянские композиторы (74 стр.)

IV. Бурлаки на Волге (95 стр.)

V. Ге. — Куинджи. — Л. Толстой (71 стр.)

VI. Серов. — Влад. Соловьев. — Гаршин. — Письма об искусстве. — Искусство на окраинах (120 стр.)

Получается шесть чудесных книг. Печатать будем по 1000 экз. каждую. Начать я советую с четвертой — с «Бурлаков на Волге». Я нашел издателя, у которого есть отличная бумага. С каждого выпуска Вы и Вера Ильинична будете получать ренту — от 2-х до 5 миллионов. Это для Вас гораздо выгоднее, чем печатать книгу сразу. Вера Ильинична очень довольна. Я устраиваю так, чтобы Вера Ильинична получала процент с продажной цены, так что если цены подымутся, то подымется и гонорар. Издательство, которое предпринимает этот подвиг, одно из самых солидных в России. Называется «Европа». Вера Ильинична уже получила 500 000. Получит на днях миллиона два. Мы хотели бы регулярно высылать Вам Ваш гонорар, но не знаем, как это сделать. Напишите подробно, я ничего не предпринимаю без ведома Веры Ильиничны, которой все вышеизложенное очень нравится. Если Вы одобрите мой план, черкните мне. Очень грустно, что Вас среди нас нет. Только на «Вечере Репина» я понял, как Вас любят. Все эти Петровы-Водкины, Бенуа, Добужинские — провалились, а Ваше имя произносят с благоговением. Было бы чудесно, если бы Вы приехали сюда хоть на краткий срок. Ведь живет же здесь Кони — безбедно, в полном довольстве. В Академии художеств, в художественных школах всюду лозунг: *«назад к Репину!»*, а Репин где-то в глуши, без друзей, в темноте. Мне это больно до слез.

Очень помпезно прошли здесь Некрасовские Торжества[4]. Мы с Анатолием Федоровичем, Верой Александровной Пыпиной основали Некрасовское общество и избрали Вас почетным членом. Если вы захотите, пришлите мне или Кони — приветствие новому обществу. Оно хорошее, и нечестивых в нем нет.

Теперь мне легче жить: можно печатать книги. Я сразу печатаю пять книжек[5]. Благодаря гонорару я имею возможность каждый день обедать, что кажется мне огромной роскошью после трехлетнего голода. Очень трудно с такой колоссальной семьей, но я не унываю. В газетах (заграничных) врут на меня, как на мер-

твого, сочиняют, будто я б<ольшевик>, но я не унываю и с *надеждой смотрю в будущее.*

Мне грустно, что мои книги и бумаги погибли. Будьте милостивы, спасите их, если можно! Если нужно, я пришлю для этого денег. Нанять бы мужика, который перенес бы все в место сухое и надежное. Привет Юрию Ильичу, Гаю и Дию[6]. Привет Пуни[7], Блиновым, Перевертанному. Прилагаю письмо от Веры Ильиничны. Мы с нею вместе ходили в комиссариат, чтобы послать Вам это письмо — и всюду, увы, неудача. Вера Ильинична здорова, весела; я устроил ее в *«Дом Искусств»,* но там пошли какие-то интриги, и Вере Ильиничне пришлось переселиться в другую комнату, где, кажется, не совсем удобно[8]. Но вот Вера Ильинична получит деньги от издателя — и устроится в своей комнате на славу.

Первый выпуск Вашей книги выйдет 15 января 1922 года — и тотчас же будет послан Вам. Ах, сколько было хлопот, чтобы отыскать эту книгу! 3 года мне говорили, что она погибла, наконец нашелся рабочий, который открыл мне *тайну.* Я провел несколько дней в подвалах и кладовых и нашел ее. Не хотите ли Вы написать к ней предисловие? И еще: Вы когда-то давно рассказывали об Айвазовском. Не напишете ли о нем статью?[9] Пришлете мне, я отдам в журнал «Былое» (журнал возрождается), — и Вы получите большой гонорар.

Весь Ваш *Чуковский*

<К письму приложено письмо (рукой К.И. Чуковского) от участников вечера Репина>:

Дорогой Илья Ефимович.

Мы, Ваши поклонники, друзья, собрались в Доме Искусств 12 декабря 1921 г. на вечере, посвященном Вам; мы счастливы, что могли провести несколько часов в духовном общении с Вами.

Соскучились по Вас. Пришли со всех концов города пешком в метель и вьюгу, чтобы побеседовать о Вас и услышали Вас в Ваших письмах, прочитанных Верой Ильиничной.

Говорили о Вас, как о художнике и человеке: Илья Як. Гинцбург, Н.Э. Радлов и К. Чуковский.

Любим Вас. Жаждем Вас видеть!

До свидания: *Вера Репина, Михаил Вербов, Елена Тарханова, М. Померанская, Ек. Брюллова, Илья Гинцбург, К. Чуковский, Е. Бутке вич, В. Высоцкая, А.И. Федоров и мн. другие.* [Обложка к письму написана красивыми буквами и на ней нарисованы цветы. — *Сост.*] (Архив «Пенатов». П. 16. К. 570.)

[1] *Радлов* Николай Эрнестович (1889–1942), искусствовед, художественный критик, с середины 1910-х годов — художник.

[2] *Гинцбург* Илья Яковлевич (1854–1939), скульптор.

[3] Вечер И.Е. Репина состоялся 12 декабря 1921 г. в Доме искусств (наб. реки Мойки, 59). О том, что вечер состоится, Вера Ильинична писала отцу (30 ноября 1921 г.): «Твой вечер 12 декабря. Читают: Радлов — Репин как художник, Гинцбург — Репин как Человек, Чуковский — из воспоминаний Репина и Вера Репина— из последних писем Репина». (Архив «Пенатов». П. 79, К. 540 и сл.). После вечера — 14 декабря 1921 года Вера Ильинична сообщала отцу: «Особенно хорошо читали Чуковский и Гинцбург... Какие были восторженные и радостно-веселые лица, когда Чуковский и Гинцбург читали о тебе...» (Там же. П. 79, К. 580 и сл.).

[4] Некрасовские торжества происходили в связи со столетием со дня рождения поэта (родился 10 декабря 1821 г.).

[5] В 1922 г. вышли следующие книги К.И. Чуковского: «Оскар Уайльд» (Пг.: Радуга), «Поэт и палач» (Пг.: Эпоха), «Некрасов как художник» (Пг.: Эпоха), «Футуристы» (Пг.: Полярная звезда), «Книга об Александре Блоке» (Пг.: Эпоха), «Жена поэта» (Пг.: Эпоха) и «Уолт Уитмен. Листья травы», к которой Чуковский написал вступительную статью (Пг.: Всемирная литература). Над какими именно из этих книг работал Чуковский, установить не представляется возможным.

[6] *Гай* (1906–?); *Дий* (1907–1935?), сыновья Юрия Репина, внуки Репина.

[7] *Пуни* Иван Альбертович (1892–1956), живописец, театральный художник. Сын виолончелиста, внук итальянского композитора Цезаря Пуни (1802–1870). И. Пуни брал частные уроки рисования и живописи у Репина, под влиянием которого выбрал путь художника, вопреки желанию отца, мечтавшего о военной карьере для сына. И.А. Пуни был соседом Чуковского по Куоккала.

[8] В письме к отцу 4 мая 1921 г. Вера Ильинична сообщала: «Теперь я могу изредка ночевать в Доме Искусств на Мойке, благодаря Султановой и Чуковскому...» Однако уже в следующих письмах начинаются жалобы на них и высказываются претензии на лучшую комнату.

[9] Отвечая на это письмо 18 января 1922 года, Репин писал: «Об Айвазовском — настроения нет писать, особенно шутливым взглядом. Плакать, разрывать свою одежду с ворота, биться об стену головой <...> Ах, если бы я мог добраться до Везувия, с каким упоением я бросился бы в кратер, с гимном Творцу и с проклятием невежеству насильников! <...> — Может ли меня тянуть в Россию?! России нет» *(Репин.* С. 144).

422. «Дом Искусств» в 1921 году

ОТЧЕТ ЛИТЕРАТУРНОГО ОТДЕЛА

Декабрь 1921 г.

Литературный Отдел Дома Искусств отмечает потрясающую убыль в среде своих членов. Скончались Абрам Евгеньевич Кауф-

ман[1], Анастасия Николаевна Чеботаревская, Александр Алексеевич Измайлов, Семен Афанасьевич Венгеров[2], Николай Александрович Холодковский[3], Борис Алексеевич Тураев[4], Александр Александрович Блок и зверски убит Гумилев.

Смерть Гумилева есть оскорбление всей русской литературы, и этого оскорбления литература не забудет. В лице Гумилева Дом Искусств утратил не только даровитого поэта, но и учителя. Наша Литературная Студия возникла по его мысли, в этой Студии он создал и воспитал большую группу молодых поэтов, которая без него осиротела[5]. Слушатели Гумилева образовали кружок его имени, где путем кропотливой работы восстановили по отрывочным записям почти полный курс его лекций, посвятили ему сборник стихов, который выйдет в ближайшее время[6], и вместе с Литературным Отделом предприняли шаги для приобретения его большого портрета, которым и будет украшен наш большой лекционный зал.

Нужно ли говорить, какой удар нанесла «Дому Искусств» смерть Александра Блока? Мы с гордостью вспоминаем, что почти до кончины он работал в наших рядах, что его последние выступления в Петербурге и в Москве проходили под флагом «Дома Искусств».

Если прибавить, что из нашей среды за последнее время выбыли: Андрей Левинсон, Зин. Венгерова[7], Б.П. Сильверсван[8], Амфитеатров[9], Алексей Ремизов, Горький, Андрей Белый[10], то станет понятным, что работа Литературного Отдела «Дома Искусств» должна была неизбежно потускнеть и замедлиться. Стоит только вообразить себе журнал, из которого внезапно ушли такие сотрудники, как Белый, Блок, Гумилев, Ремизов, Горький, чтобы понять ту, в сущности, катастрофу, которую переживает теперь «Дом Искусств».

Интерес публики к лекциям значительно пал. Те лекции, которые в прошлом году сделали бы три, четыре полных сбора, едва собирают 30 и 40 человек. К сожалению, именно те слои русской интеллигенции, которые обычно посещают лекции, страдают теперь наибольшим безденежьем — и при всем желании не могут посещать наши лекции. Некоторые лекции не могли даже состояться из-за отсутствия слушателей.

Кроме того, правительство[11] угрожает нам такими налогами, которые равносильны удушению всего лекционного дела в России.

Конечно, мы не опускаем рук, у нас есть свои надежды и планы, но временно пришлось очень понизить интенсивность работы до минимума.

За истекший 1921 год, считая с 3-го января, в «Доме Искусств» состоялось 8 вечеров «Всемирной Литературы» при участии проф. Алексеева[12], проф. Владимирцева[13], Волынского, Горького, Замятина, Сумского[14], Чуковского. Прочитаны были лекции о Лассале, Уитмэне, Уэллсе, Теофиле Готье, Ницше, буддийской философии, китайской повести и китайском театре.

Целый ряд лекций был посвящен воспоминаниям о деятелях прошлого: состоялось два вечера памяти Достоевского, три вечера памяти Блока, вечер Некрасова, лекция о Пушкине, Лермонтове, Льве Толстом, князе Вл. Одоевском, Чехове, Горбунове, Ровинском, И.Е. Репине — при участии Волынского, Горнфельда, Гинцбурга[15], Долинова[16], Добужинского, Кони, Радлова, Тынянова, Ходотова[17] и Чуковского. Попытка устроить несколько лекций в Москве кончилась, к сожалению, неудачей.

На темы религиозные, историко-общественные, философские были прочтены проф. Кареевым[18], проф. Гревсом[19], Замятиным, Волконским[20], Богоразом-Таном[21], Анат. Ф.Кони, Левберг[22], Радловым[23] лекции о французской революции, о «Гамлетовском вопросе», о четырех евангелиях, об отношениях между искусством и другими сторонами культуры, о современной западной литературе, о житейских драмах, о пролетарском искусстве и о будущих путях человечества. («Предвидения» Тана.)

Молодые ученые, объединенные в Общество Изучения Поэтического Языка, — Тынянов, Поливанов, Томашевский, Шкловский[24] прочитали в истекшем году лекции: «Катюша Маслова в Японии», «Гейне в России», «Блок и Гейне», «Наукообразные», «Пророк вне отечества».

Состоялось 12 вечеров поэзии: Вечер Александра Блока, Андрея Белого, М. Кузмина, Влад. Ходасевича, Мариэтты Шагинян, Вас. Каменского, Нельдихена, Вл. Пяста, Анны Радловой, Иннокентия Анненского, два вечера Союза Поэтов, один вечер Цеха Поэтов.

Старая беллетристика была представлена очень бедно, так как беллетристы дореволюционной поры либо умерли, либо не пишут, либо не живут в Петербурге. Из них, кроме Замятина и Ремизова, в «Доме Искусств» не выступал никто. Но, к счастью, народилась плеяда молодых беллетристов: Зощенко, Слонимский, Лунц, Константин Федин, Ник. Никитин, Зильбер, Всеволод Иванов, которые вместе с Виктором Шкловским, Груздевым, поэтами Полонской и Радищевым образовали кружок «Серапионовы братья».

«Серапионовы братья» выступали в истекшем году три раза, весною и осенью с рассказами, которые почти все без изъятия

1921 были посвящены современности: М. Слонимский «Дикий», Л. Лунц «В пустыне», В. Каверин «Хроника города Лейпцига», М. Зощенко «Рыбья самка», Н. Никитин «Мокей», Всеволод Иванов «Синий зверюшка», К. Федин «Конец мира».

Вообще «Дом Искусств» крепок своей духовной связью с молодежью. В пору полного распада культурных интеллигентских сил руководители Литературного Отдела сочли своим долгом не покидать молодежь, распыленную по разным канцеляриям, сплотили ее вокруг поэзии, литературы, науки, дисциплинировали ее, привили ей культурные вкусы и привычки. Одно время Студия была единственным местом, где молодежь могла приобщиться к культуре. Из Студии вышел целый ряд даровитых писателей, которые, возмужав в эти годы, стали уже нашими товарищами. В эту зиму Студия приобрела несколько иной характер, чем раньше. В ней наряду с чисто литературными темами стали трактоваться и другие вопросы, относящиеся к музыке и живописи.

Вот программа этого года:

Игорь Глебов читает «Психологические основы музыкальной композиции».

Добужинский — «Форма, материал и утилитарность в искусстве».

М. Лозинский — «Техника стихотворного перевода».

Н. Пунин — «Начало художественной критики».

Тынянов — «Образ и язык».

Чудовский — «Основы стихосложения» и «Повествовательная техника в русской литературе».

Чуковский — «Семинарий по критическому разбору».

Викт. Шкловский — «Теория романа».

Юрский — «О театре».

Записалось в Студию больше 200 человек. Посещают лекции около 120. Активные студисты на днях получают особые карточки, которые предоставляют им льготы.

Библиотека, основанная Литературным Отделом, стала теперь регулярно обслуживать обитателей Дома Искусств. С весны с. г. она была превращена в Читальню, но теперь за отсутствием топлива никто не может заниматься в ее помещении, а берет книги на дом.

[1] *Кауфман* Абрам Евгеньевич (1855–1921), публицист.

[2] Об *А.Н. Чеботаревской* и *А.А. Измайлове* см. «Список адресатов». О *С.А. Венгерове* см. примеч. 6 к письму **168**.

[3] *Холодковский* Николай Александрович (1858–1921), переводчик.

[4] *Тураев* Борис Алексеевич (правильно — Александрович; 1868–1920), историк Древнего Востока, академик.

[5] В черновике далее следовала фраза: «и теперь ощущает свое сиротство. Отнять у страны поэта, а у молодежи учителя, это и преступно, и безумно».

[6] Имеется в виду сборник «Звучащая раковина» с посвящением «Памяти нашего друга и учителя Н.С. Гумилева» (Пб., 1922), который издали участники студии.

[7] А.Я. Левинсон эмигрировал в 1920 году, З.А. Венгерова — в 1921 г.

[8] *Сильверсван* Борис Павлович (1883–1934), литературовед, специалист по скандинавской литературе, в начале 20-х годов эмигрировал.

[9] *Амфитеатров* Александр Валентинович (1862–1938), писатель, в 1921 году эмигрировал.

[10] А. Ремизов уехал из России летом 1921 года, М. Горький — в октябре 1921 года по настоятельной просьбе В.И. Ленина, Андрей Белый уехал в Берлин в ноябре 1921 года.

[11] Было: Главный удар по нашей работе нанесен опять-таки правительством.

[12] Вероятно, имеется в виду академик-китаист *Алексеев* Василий Михайлович (1881–1951).

[13] *Владимирцев* (Владимирцов) Борис Яковлевич (1884–1931), востоковед-монголовед.

[14] Псевдоним Соломона Гитмановича Каплуна, брата Б.Г. Каплуна (о Б.Г. Каплуне см. примеч. 1 к письму **376**).

[15] Об *А.Г. Горнфельде* см. «Список адресатов»; об *И.Я. Гинцбурге* см. примеч. 2 к письму **421**.

[16] *Долинов* Михаил Анатольевич (1892–1936), поэт.

[17] Об *А.Ф. Кони* и *Н.Н. Ходотове* см. «Список адресатов». О *Н.Э. Радлове* см. примеч. 1 к письму **421**.

[18] *Кареев* Николай Иванович (1850–1931), социолог и публицист.

[19] *Гревс* Иван Михайлович (1860–1941), историк-медиевист.

[20] *Волконский* Сергей Михайлович, князь (1860–1937), критик, историк культуры, театровед.

[21] О *В.Г. Тане* см. примеч. 3 к письму **92**.

[22] *Левберг* Мария Евгеньевна (1894–1934), драматург и поэтесса.

[23] Скорее всего, имеется в виду художник *Н.Э. Радлов*.

[24] ОПОЯЗ (Общество изучения поэтического языка) — научное объединение, созданное в 1916–1918 гг., выдвинувшее так называемый «формальный метод». В ОПОЯЗ входили все перечисленные литературоведы и лингвисты: *Тынянов* Юрий Николаевич (1894–1943), *Поливанов* Евгений Дмитриевич (1891–1938), *Томашевский* Борис Викторович (1890–1957) и уже упоминавшийся В.Б. Шкловский.

423. П.Е. Щеголеву

6 января 1922 г. Петроград

6 января 1922 г.
Манежный, 6, кв. 6.

Многоуважаемый Павел Елисеевич!

Гибну от бездровья. Жгу мебель. Вся надежда на Вас. Вы вчера нарушили весь мой день, обещав придти во «Всемирную». Я пришел туда в 2 часа — напрасно. Посылаю Вам добавочные материалы для второй книжки[1]. Боюсь, что книжка Вам не очень по вкусу. Я нисколько не обижусь, если Вы откажетесь печатать их. *Но дрова устройте!* Денег у меня теперь сколько угодно — я заплачу. Но дрова мне нужны не позже завтрего[2].

Ваш *Чуковский*

[1] В 1922 г. в изд-ве «Эпоха» у Чуковского вышло 3 книги в серии «Некрасовская библиотека»: «Жена поэта (Авдотья Яковлевна Панаева)», «Некрасов как художник», «Поэт и палач (Некрасов и Муравьев)».

[2] Подробно о взаимоотношениях со Щеголевым и, в частности, о своих усилиях получить у него обещанные вместо гонорара дрова Чуковский рассказывает в большой записи в дневнике от 13 февраля 1922 *(Дн.-12.* С. 7–8).

424. П.Е. Щеголеву

19 января 1922 г. Петроград[1]

Многоуважаемый Павел Елисеевич,

Вы не ответили мне, хотите ли Вы печатать мои некрасовские книжки. Если не хотите, вручите их подательнице сего. Посылаю Вам первый экземпляр своей книжки о Блоке[2], которой тоже не очень доволен. Мне гораздо больше нравятся мои воспоминания о Блоке, которые выйдут у Алянского черт знает когда![3] Пишу Вам главным образом для того, чтобы пригласить Вас орга-

низовать в «Доме Искусств» «Вечер памяти Пушкина»[4]. Было бы чудесно, если бы Вы прочитали найденные Вами отрывки из пушкинского текста — но вообще делайте, что хотите. Не сочтете ли нужным пригласить Лернера? Если нет, — нет. Но ответ (о Вашем согласии) мне нужен сейчас же. Читали, как щиплет московская «Печать и революция» (III-я кн.) Ваше «Былое»?[5] Не понимаю, почему некоммунисты участвуют в таких невозможных журналах.

Не забредете ли сегодня во «Всемирную»?

Ваш *К. Чуковский*

Вручите подательнице

1) Щедринские письма (я достал еще, отличные!! — с прибавлением трех писем Zola к Щедр<ину>).

2) Письма Глеба Успенского и др.

[1] Пометка адресата: 19 янв. 1922.

[2] *Чуковский К.* Книга об Александре Блоке с приложением хронологического списка стихотворений А. Блока, составленного Е.Ф. Книпович. Пб.: Эпоха, 1922. Книга вышла до 24 января 1922 г. и была в этом же году переиздана в Берлине *(Лит. жизнь-2.* С. 294).

[3] Памяти Блока: *Белый А.* (с. 5–12); *Зоргенфрей В.* (с.123–154); *Чуковский К.* Последние годы Блока // Записки мечтателей. 1922. № 6. Пб.: Алконост. С. 155–183.

[4] Вечер памяти Пушкина прошел 10 февраля в Доме литераторов под председательством А.Ф. Кони. Щеголев выступил с докладом, см.: *Лит. жизнь-2.* С. 315.

[5] Имеется в виду рецензия В. Сторожева на книгу А. Блока «Последние дни императорской власти» (Пб., 1921. С. 243–244), которая первоначально публиковалась в журнале «Былое». Рецензия напечатана в журнале «Печать и революция» (1922. № 1. С. 243–244).

425. П.Е. Щеголеву

23 января 1922 г. Петроград[1]

Дорогой Павел Елисеевич.

Пишу Вам опухшими пальцами: спасите! Сегодня даже обед сварить не на чем. Поторопите, Христа ради, Вашего поставщика. Ведь должен же я получить от «Былого» хоть какой-нб. аванс. Мы условились: пять миллионов. Где они? Их нет. А между тем у меня даже нет денег на получение пайка из «Всемирной». Не забудьте, что я содержу 7 человек своей работой! Ей-богу, меня иногда покидает присущее мне веселье. Добавочный матерьял по Некрасову будет готов к четвергу. Он — в переписке. Что касается Пер-

ми — наплевать! Укажем в предисловии что «носятся слухи». Если книжки пойдут, а они пойдут, потому что, в сущности, это «Собрание сочинений Некрасова», то я дам Вам еще одну — отличную: неизданная повесть Некрасова из крестьянского быта — «Адовщина» — листов пять — у меня подлинная рукопись. Заглавие книжкам нужно бы такое:

Заглавие первой книжки:
Н. Некрасов.
Неизданные сочинения
под редакцией К. И. Чуковского.
Выпуск I.
«Каменное сердце»
повесть из жизни *Ф.М. Достоевского*
(издание второе, дополненное)

Заглавие второй книжки:
Н. Некрасов.
Неизданные сочинения
под редакцией К. И. Чуковского.
Выпуск II.
Стихи о матери. — Гумбольдт. — Медвежья охота. — Из записной книжки.

Заглавие третьей книжки:
Н. Некрасов.
Неизданные сочинения
под редакцией К. И. Чуковского.
Выпуск III.
«Адовщина»
(повесть)

Во второй книжке я готов сейчас уже переделать стихи о матери — так, чтобы стихи печатались отдельно от комментариев. Но мне кажется, что если Вы тиснете новые стихи *черненьким*, то комментарии никому не будут мешать. Советую присвоить книжкам заглавие: *«Неизданные сочинения Некрасова»*[2]. Это даст возможность напечатать хоть десять книжек.

И за все это я прошу у Вас одного: дров! — Не согласится ли Ваша супруга прочитать на Пушк<инском> вечере стихи Блока о Пушкине?

Ваш *Чуковский*

Как показалась Вам книжонка о Блоке?[3]

[1] Пометка адресата: 23 янв. 1922.
[2] Такие сборники выпущены не были.
[3] См. примеч. 2 к письму **424**.

426. П.Е. Щеголеву

24 января 1922 г. Петроград[1]

Дорогой Павел Елисеевич!

Вы обещали мне пять миллионов рублей — и не дали. Обещали пять саженей дров — и не прислали.

Руки у меня распухли. — Я всюду должен. У меня нет ни перчаток, ни кашнэ. Мне до такой степени хотелось издаться в «Былом», что я поссорился с Ионовым, отказался от клише к «Крокодилу», пошел на все, но холод и голод сильнее моих добрых намерений. Теперь я начинаю бояться, что в трехнедельный срок мои книжки не выйдут. Мне очень хочется работать у Вас, но имею ли я на это право, не знаю: за моей спиной шесть человек. Между тем Ваш дровяник отказывается привезти нам дрова, ссылаясь на то, что у него нет ни денег, ни дров. Я думаю, будет лучше всего, если Вы вместо дров дадите денег — миллионов пять. Мы купим дров сами.

Ваш *Чуковский*

[1] Пометка адресата: 24 янв. 1922.

427. В.П. Полонскому

После 24 января 1922 г. Петроград[1]

Дорогой Вячеслав Павлович!

Не стану скрывать от Вас: я получил оба Ваши письма — и не ответил по какой-то идиотской причине: все думал, — вот завтра отвечу, вот завтра, и докатилось до сих пор. Матерьялов о Некрасове я все равно не мог бы дать. У меня этих матерьялов много: письма к Гончарову, Глебу Успенскому, Щедрину, но те, кому эти матерьялы принадлежат, строго-настрого запретили мне давать их большевикам, и я должен покориться их (может быть, и вздорному) требованию. Вашего журнала я видел лишь первый номер, он мне очень понравился. Работа над Бакуниным обещает сделаться пьедесталом Вашей славы[2]. Читали в «Летописи Дома Литераторов» статью о Бакунинской «Исповеди»?[3] Вы нашли тему по себе и разрабатываете ее мастерски. Только теперь, увидев Вас на московских эстрадах, я понял, как Вы окрепли, выросли за по-

следние годы. Жду не дождусь, когда получу от Вас толстую книжищу:

Вяч. Полонский

М. Бакунин и его время

Видели ли Вы мои книжки в издании «Эпохи»: «Поэт и Палач», «Жена поэта», «Некрасов как художник», «Книга об Александре Блоке»? — Мне надобно долгое молчание, и я решил выстрелить в своих соотечественников первым зарядом книг. За этим зарядом будет второй: совершенно переработанный Уитмэн (второе издание), 12 детских сказок в стихах, продолжение «Крокодила» («Мойдодыр») и «Краткая история Американской Литературы — от Эдгара По до О. Генри». Я стал плодовит, как кролик. Интересно знать, каково будет Ваше мнение о «Некрасове как художнике» и «Книге об Александре Блоке». Если этих книг еще нет в Москве, черкните мне, я Вам вышлю.

Мой адрес: Манежный, 6, кв. 6.

У нас некрасовские торжества прошли жидковато[4]. Евг<еньев>-Максимов, этот давнишний душитель Некрасова, окончательно сел на покойника и не давал ему слова сказать. Иногда казалось, что и не было никакого Некрасова, и не нужно никакого Некрасова, — а есть и был один Евгеньев-Максимов. Максимов сочинил и «Власа», и «Кому на Руси жить хорошо». Очень меня удручает, что не довелось как следует проредактировать «Стихотворения»[5] Некрасова.

Но знаете ли Вы, что Государственное издательство:

1) Потеряло оригинал портрета, данного мною для этого издания.

2) Не вернуло мне рукописи Некрасова, данной для воспроизведения автографа.

3) Печатало стихи Некрасова на такой подлой бумаге, что нельзя было держать корректуру.

4) Потеряло исправленные мною листы и печатало черт знает что!

Чтобы реабилитировать свою честь, я приготовил для Гржебина новое издание Некрасова — которое и покажет всем, что вина за то издание ложится не на меня, а на других.

Скажите мой привет Луначарскому. Говорят, что он увидел в моей статейке об Ахматовой и Маяковском[6] какие-то политические мировоззрения, с которыми и не мог согласиться. А между тем меня в этой статейке интересовало только применение некоторых критических *приемов* к таким писателям, как «Ахм<атова> и Маяков<ский>». Не выводы в статье интересны, но методы. Выводы меня не занимают ничуть. Я мог бы написать наоборот.

Теперь мы основали Некрасовское общество. Почетный председатель И.Е. Репин. Председатель А.Ф. Кони. Члены-основатели: Влад. Максимов, Вера Ал. Пыпина, К.И. Чуковский.

Давно Вас не было в Питере. Приехали бы — и прочитали бы в Доме Искусств лекцию о Бакунине! Жду Вас с нетерпением.

Ваш *Чуковский*

Слыхали Вы о том, что я будто «с ума сошел». Это не совсем верно, но нечто вроде этого было — и вот Вам объяснение, почему раньше я не мог отозваться на Ваши письма.

[1] Датируется по содержанию. Чуковский перечисляет свои книги, вышедшие в 1922 году (книги, посвященные Некрасову, вышли в конце 1921 года).

[2] В библиотеке Чуковского сохранилась книга: *Полонский Вячеслав*. Бакунин (Из истории русской интеллигенции). Т. 1: Бакунин-романтик. М.: ГИЗ, 1922. Надпись: «Корнею Ивановичу Чуковскому на память о встречах любящий Вячеслав Полонский. Москва, 1922. Сентябрь».

[3] Имеется в виду статья: *Изгоев А.* Трагедия Бакунина // Летопись Дома литераторов. 1921. № 3. С. 5.

[4] Некрасовские торжества происходили в связи со 100-летием со дня рождения Н.А. Некрасова. 6 декабря 1921 года Чуковский записал в дневнике: «Вчера в оперном зале Народного Дома состоялся митинг, посвященный Некрасову по случаю столетия со дня его рождения. Я бежал с этого митинга в ужасе» *(Дн.-11.* С. 367).

[5] Стихотворения Н.А. Некрасова / Изд. испр. и доп. Под ред. [и с предисл.] К.Чуковского; С биогр. очерком В. Евгеньева-Максимова. Пб.: Гос. изд-во, 1920.

[6] Ахматова и Маяковский // Дом искусств. 1921. №1. С. 23–42.

428. АА Кублицкой-Пиоттух

24 января 1922 г. Петроград

Многоуважаемая Александра Андреевна!

Меня очень взволновало вчерашнее сообщение Марии Андреевны[1], что моя книжка[2] Вам не противна. Мне почему-то казалось, что она не понравится Вам. Моим домашним она не понравилась. Говорят: это сырой матерьял. Нет портрета, нет характеристики. Но мне кажется, что, кроме Андрея Белого, нет сейчас на земле человека, который мог бы дать характеристику Александра Блока. У меня же только «Книга об Александре Блоке»[3], а вовсе не «Александр Блок». Умоляю Вас и Любовь Дмитриевну[4] указать мне все (сколько-нибудь исправимые) недочеты книги. Ско-

ро придется готовить второе ее издание, — тогда многое можно будет развить, дополнить, устранить.

Мой адрес: Манежный, 6, кв. 6. Я по-прежнему перегружен чепуховой работой — и не могу доставлять себе эту роскошь: изредка бывать на Офицерской, 57[5].

Как жаль, что Алянский тормозит наши «Воспоминания» и II том «Стихотворений». Спрос огромный.

Евгении Федоровне[6] экземпляр послан. Что-то скажет она? Остальные отзывы — литература!

Преданный Вам *Чуковский*

24 янв.1922

[1] Сестра А.А. Кублицкой-Пиоттух, *Бекетова* Мария Андреевна (1862–1938), переводчица, автор книги о Блоке.

[2] Речь идет о «Книге об Александре Блоке» (1922).

[3] «Отвечаю на Ваше письмо, — писала Александра Андреевна 29 января 1922 года. — Повторяю: в книге Вашей, по-моему, много ценного и хорошего: о Двенадцати, а ветре, о Душе, о Серафиме, об "отъединенности". Все эти определения притом исключительно Ваши. Ни у кого я еще этого не встречала, не говоря уже об общей яркости, живости, талантливости, сопровождающих всякое Ваше печатное и словесное выступление (простите, что так прямо это выражаю). Но Вы хотите знать, что, по моему мнению, не так. И я опять буду откровенна: *фельетонность* – вот главный общий недостаток». Указав далее на ряд неточностей и опечаток, Ал<ександра> Андр<еевна> заканчивает: «Видите, сколько я наговорила! И не стала бы говорить, если бы не чувствовала, что *Вы любите Сашу*. Но это я твердо чувствую. Храни Вас Господь» *(Блок-ЛН.* Кн. 4. С. 319–320).

[4] *Блок* Любовь Дмитриевна (урожд. Менделеева, 1881–1939), жена А. Блока.

[5] Дом, в котором находилась квартира А. Блока.

[6] *Книпович* Евгения Федоровна (1898–1988), приятельница А. Блока, автор воспоминаний о нем.

429. А.А. Кублицкой-Пиоттух

Начало февраля 1922 г. Петроград[1]

Спасибо, глубокоуважаемая Александра Андреевна, за Ваше письмо. Вы прекрасно осветили мне всю книгу, — и я сейчас же сажусь переделывать ее. Как счастлив был Алекс<андр> Алек<сандрович>, что у него такая мать: с таким вкусом, таким чутьем! Второе издание я хочу напечатать в Москве — очень дополненное и облагороженное. Спасибо, что потрудились написать так подроб-

но. Ваше письмо ободрило меня: я вижу, что многое можно *поправить*.

Преданный Вам *Чуковский*

Привет Любови Дмитриевне.

[1] Датируется по содержанию. Ответ на письмо А.А. Кублицкой-Пиоттух, в котором она высказала свои замечания по поводу книги К. Чуковского о Блоке (см.: примеч. 3 к письму **428**).

430. П.Е. Щеголеву

Начало февраля 1922 г. Петроград[1]

Спешу уведомить Вас, многоуважаемый Павел Елисеевич, что кризис у меня миновал. Удалось достать у другого издателя полтора миллиона. Но это на один день, самое большое — на два. А потом? Вы так и не ответили мне. Скоро ли вернется из Москвы издатель?

Посылаю Вам статью для 2-й книжки «Неизданных произведений»[2] Некрасова. Надеюсь, что переписывать ее на машинке не нужно: почерк у меня ясный. Когда я получу корректуру первой книжки? Ведь сроку осталось — две недели! Успеют ли?

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по содержанию.

[2] В конце концов издание осуществлено не было. См. письмо **431**.

431. П.Е. Щеголеву

20-е числа февраля 1922 г. Петроград[1]

Дорогой Павел Елисеевич.

Наше дело опять не налаживается. Я опять принужден просить Вас возвратить мне сданную Вам рукопись — и по тем же причинам: мне нужны деньги, а Вы не платите. Я, должно быть, избалован, так как такое обращение со мною наблюдаю за всю свою жизнь в первый раз. Вы чудесный, талантливый, приятнейший человек, — но Ваше издательство ведет себя неподобающе. Я, к великому сожалению, лишен возможности работать в таком неаккуратном учреждении и очень прошу возвратить теперь же мою рукопись.

Весь Ваш *Чуковский*

[1] Сохранился ответ П. Щеголева от 22 февраля 1922 г., вероятно, относящийся к этому письму: «Издательство заплатит тотчас же по достав-

лении рукописи, но ведь не могу же я считать готовой к печати ту рукопись, которая лежит у меня <...> мы заплатим деньги или печатайте, где хотите» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 73. Ед. хр. 45).

432. А.С. Серафимовичу

Весна 1922 г. Петроград[1]

Многоуважаемый Александр Серафимович,

Лито постановило отказать мне в пособии на том основании, что все писатели в таком же положении, как Чуковский.

К счастью, это не так. К счастью, нет *ни одного писателя, который был бы в положении Чуковского.*

Ни одному из них не приходится содержать литературным трудом *семерых* человек.

До сих пор я не сдавался: голодал, но писал. Я написал огромную книгу «Некрасов как человек и поэт», написал книгу об Александре Блоке; прочитал около 1000 лекций. Сейчас работаю над переводом стихов английского пролетарского поэта Wilfrid Wilson Gibson *и готов предложить Вам эту книгу для издания. В ней будет 9–10 листов, из коих три листа займет моя статья: «Электрификация поэзии» (о творчестве Уильфреда Джибсона)*». Вы обязаны поддержать меня, потому что я не инвалид, но работник, которому помощь нужна — *для работы!*

Не можете дать полтора миллиона (которые мне обещали в Наркомпросе), — дайте миллион, но дайте, и дайте сейчас. Через неделю может быть поздно. Если не можете дать *«так»* – выдайте за книгу, которую я обязуюсь представить Вам не позднее 1 октября с. г.

С тов. прив<етом> *Чуковский*

[1] Датируется по содержанию. Чуковский упоминает книги, изданные в конце 1921 года.

433. А.Н. Толстому

Апрель 1922 г. Петроград[1]

Ах, какое это горе, дорогой Алексей Николаевич, что мы потеряли нашего бывшего спутника по поездке в Savoy Hotel! Помните, в Шотландии мы звали его Макнабом[2]. Как хорошо он смеялся, какой у него был ласковый, ленивый русский голос! Если увидите его вдову, скажите ей, что я шлю ей свое глубокое соболезнование, что среди всех наших утрат, даже при нашей привычке к смертям, эта смерть взволновала меня — и всех нас, — до по-

трясения. Я не любил его партии, но я любил его самого. Его газета печатала обо мне всякий клеветнический вздор, но я не сердился ни на него, ни на Hessen'a, — ибо не умею любить или ненавидеть людей за то, что они пишут в газетах.

Как Вы живете, мой милый знаменитый писатель? Неужели не тоскуете по московским переулкам, по петербургским белым ночам, по вербе, по пасхе и проч.? Я, читая английские и америк<анские> газеты, часто вижу в них Ваше имя, Ваша слава — на четырех континентах, не возгордитесь и черкните старому приятелю несколько строк. Из моего сына Николая (он студент, ему 17 лет) вышел изрядный поэт. Он очень увлекается Вашими «синими реками»[3] и может целый день бормотать: «Сосны сини и снег между соснами синий». Скоро пришлю Вам свои воспоминания о Блоке[4], я в последние годы сошелся с ним близко: мы встречались почти каждый день. Пришлите на «Дом Литераторов» для меня свое «Хождение по мукам»[5]. Все же я лучший русский критик, что бы ни говорили завистники. Здесь, в Питере, я и Замятин затеяли журнал «Новая Европа»[6], было бы очень лестно, ежели бы Вы прислали нечто (цензурное!) о современном европейском человеке. Хорош ли он стал после «освободительных» революций и войн? Каков теперь в Париже и в Берлине средний человек? Вот было бы с Вашей стороны благородно, ежели бы Вы не забыли о нас. Заплатить мы Вам можем, выдадим гонорар, кому прикажете. Здорово было бы получить от Вас «письмо из Берлина» — но не о русских делах и дрязгах (ну их к черту), а о настоящей Европе[7].

К этой просьбе присоединяется и Евг. Замятин.

У меня твердая уверенность, что окончательное суждение обо всех писателях, художниках, музыкантах — скажет не Москва, не эмигрантская Русь, но Петербург. Что примет Петербург, то будет принято всеми, что он отвергнет, то будет отвергнуто всеми. Я говорю про явления искусства. Вы же именно Петербургом пренебрегаете! Это нехорошо.

Ваш *Чуковский*
Моховая 36.

Наталье Васильевне — стариковский поклон (я знал ее девочкой). Что за человек Эренбург? Я читал лет десять назад одно его стихотворение — и только. Лестно было бы получить новую книгу Нат<альи> Вас<ильевн>ы. Серапионы шлют Вам сердечный привет. Кланяйтесь художнику Пуни — и его удивительной жене.

[1] Датируется по ответному письму А. Толстого от 22 апреля 1922 г. (см. примеч. 7).

[2] Речь идет о Владимире Дмитриевиче Набокове, убитом 28 марта 1922 года в Берлине (заслонил собой П. Милюкова).

[3] Сокращенное заглавие книги стихов А.Н. Толстого «За синими реками» (М.: Гриф. 1911).

[4] Воспоминания Чуковского о Блоке см. примеч. 3 к письму **424.**

[5] Первое издание романа А. Толстого «Хождение по мукам» (Берлин, 1922).

[6] Окончательное название журнала «Современный Запад».

[7] А. Толстой ответил 20 апреля 1922 года большим письмом, которое Чуковский опубликовал с сокращениями в «Литературных записках» (1922. № 1) под заглавием «Письмо А.Н. Толстого, полученное одним из его друзей». Полностью это письмо см.: *Толстой.* С. 492–493.

434. А.В. Тырковой-Вильямс

27 апреля 1922 г. Петроград[1]

...Жизнь ее [Анны Ахматовой] тяжелая. В комнате у нее холодно, часто ей приходится самой пилить дрова. Что это думают англичане? Отчего они не помогут русским писателям жить и писать? Они переводят нас, цитируют нас, хвалят нас, но никогда не подумают, что нас нужно накормить. Сейчас находится в больнице поэт М.Л. Лозинский[2]. У него от голода — нарывы, он лежит в нетопленой палате, рядом со зловонными больными. Недавно я был у А.Ф. Кони. Этот 78-летний старик добывает пропитание лекциями в грязных (и часто пустующих) клубах. Жалованья ему не платят. Он принужден продавать свои книги. Посмотрите на Кузмина[3], — опустившийся хилый старик. Особенно тяжко семейным. Я, например, затеял написать «Историю современной английской литературы» — характеристики Честертона, Мезфильда, Уэллса, Шоу, Беннета, De la Mare, G. Moore[4] и т. д. — но у меня четверо детей, огромная семья, и заниматься я могу лишь во время бессонницы. Вначале казалось, что удастся издавать свои книги — а затем стоп! — все издательства провалились из-за страшных цен на бумагу и чудовищных типографических тарифов! Я выяснил, что та наборщица, которая будет набирать стихотворение Анны Ахматовой, получит в пять раз больше, чем сама Анна Ахматова за то же стихотворение! При таких условиях жить литературой нельзя, и почти каждый день слышишь о банкротстве того или иного издательства. В типографии Голике и Вильбор уже около года готовилась к выходу огромная книга Ю. Анненкова[5] «Портреты» — изображающая весь Петербург революционной поры — книга страшная, памятник зловещий. Печатать книги стоит уже

около 10 миллиардов, и когда она выйдет, неизвестно. Все журналы провалились...

[1] Датируется по упоминанию о возрасте А.Ф. Кони. Начало и конец письма отсутствуют.

[2] *Лозинский* Михаил Леонидович (1885–1955), поэт, мастер и теоретик перевода. После 1917 г. сотрудничал в созданном М. Горьким издательстве «Всемирная литература». Переводил с испанского, английского, немецкого, французского и итальянского языков. Среди авторов, переведенных Лозинским, — Шекспир, Сервантес, Мольер, Корнель, Киплинг, Шеридан. В 1939–45 г. перевел «Божественную комедию» Данте.

[3] О *М.А. Кузмине* см. «Список адресатов».

[4] *Г.-К. Честертон*, английский писатель, публицист, автор детективных рассказов, литературно-критических работ и произведений в жанре религиозно-философской эссеистики ортодоксального католического направления. В России особой популярностью пользовался его роман «Человек, который был Четвергом» (1908, рус. перев. 1914). О *Г.-К. Честертоне* и *Джоне Мэйсфилде* см. примеч. 1 к письму **385**. *Беннет* Арнольд (1867–1931), английский писатель. *Деламар* (Де ла Мар, De la Mare) Уолтер (1873–1956), английский писатель, поэт, в творчестве которого фантастические элементы переплетаются с бытоописанием. *Мур* (Мооге) Джордж (1852–1933), английский романист и эссеист, ирландского происхождения. Романы написаны под влиянием французского натурализма, с акцентом на социальную проблематику. Критиками отмечалось влияние на Мура «Записок охотника» И.С. Тургенева, с которым он был лично знаком и которому посвятил статью.

[5] Об Ю.П. Анненкове см. «Список адресатов». Его книга «*Портреты*» вышла в 1922 году (Пг.: Petropolis).

435. А.Н. Толстому

Май 1922 г. Петроград

Дорогой Толстой. Я радуюсь тому, что происходит с Вами. Ваш ответ Ч<айковско>му прекрасен. Безо всякого злорадства, а напротив: с умилением — читал я его в «Известиях»[1]. Да, да, это то, что чувствую я давно! — с самого начала революции. Слава Богу, ненависти к своему народу у меня и мимолетной не было. Я сразу пошел читать лекции матросам, красноармейцам, милиционерам — всем *нынешним людям*, которых принято так ненавидеть, и, читая, чувствовал: «это Россия». И еще: «хороша Россия!» Талантливые, религиозные, жадные к жизни люди. Они тысячу лет были немы, теперь впервые думают и говорят — еще косно-

язычно и нелепо, — но это они создали Достоевского, Чехова, Державина, Блока, они, они, и у них еще тысячи лет впереди, и они силачи: прошли через такие войны, голода, революции, — а вот смеются, вот поют, купаются в Неве, козыряют за девками. А в деревне бабы рожают, петухи кричат, голопузые дети дерутся на солнце, — крепкий народ, правильный народ, он поставит на своем, не бойтесь. Хоть из пушек в него пали, а он будет возить навоз, любить землю, помнить зимних и вешних Никол, и ни своих икон, ни своих тараканов никому не отдаст. Я жил в этом году в деревне и видел, что *в основе, в главном, в идеале* все сложилось по мужику, для мужика, что мужик весь этот строй приспособил к себе, повернул на свою мельницу, взял из него то, что нужно ему, мужику, остальное выбросил вон. Говорить о «гибели» России, если в основе — такой прочный, духовно одаренный, работящий народ, могут только эмигранты — в Париже, Софии и Праге. Теперь эмигранты каются и «прозревают» — Достоевский сказал им, что презревшему свой народ остается одно: Смердяковская или Ставрогинская петля, — все они чувствуют себя (в потенции) висельниками, но, дорогой Толстой, не думайте, что эмигранты только за границей. Когда я в 1917 году пошел по детским клубам читать детям своего «Крокодила» — мне объявили бойкот![2] Я поощряю правительство! Когда я проредактировал Некрасова — для широких масс, чтобы распространить его по всей России, в этом увидели измену великим заветам и проч., и проч. Оторванность от России — ужасная.

В 1919 году я основал «Дом Искусств»; устроил там студию (вместе с Николаем Гумилевым), устроил публичные лекции, привлек Горького, Блока, Сологуба, Ахматову, А. Бенуа, Добужинского, устроили общежитие на 56 человек, библиотеку и т. д. И вижу теперь, что создал клоаку. Все сплетничают, ненавидят друг друга, интригуют, бездельничают — эмигранты, эмигранты! Дармоедствовать какому-нибудь Волынскому или Чудовскому очень легко: они получают пайки, заседают, *ничего не пишут,* и поругивают Советскую власть. В этом-то я вижу Вашу основную ошибку: те, которые живут здесь, еще больше за рубежом, чем Вы. Вот сейчас вышел сборник молодежи — «Звучащая Раковина»[3]. Ни одного стихотворения о России, ни одного русского слова, все эстетические ужимки и позы! Нет, Толстой, Вы должны вернуться сюда гордо и с ясной душой. Вся эта мразь недостойна того, чтобы Вы перед ней *извинялись* или *чувствовали себя виноватым.* Замятин очень милый человек, очень, очень, — но ведь это чистоплюй, осторожный, ничего не почувствовавший. Серапионы — да! Это люди, прокипевшие в котле, — жаль, что Вы не знае-

те их лучших вещей, — но если бы Вы знали, как их душит вся эмигрантщина, в какой они нищете и заброшенности.

Вот если б можно было им помочь — через Ара[4] или как-нибудь — Слонимскому, Лунцу, Всев. Иванову, Зощенке (больной, с пороком сердца, милый, милый), Конст. Федину. Я сказал им о Вашем приглашении, все они пишут для Вас, на днях вышлют[5]. (Я целый месяц валялся в постели — плеврит — это письмо — первое, что я пишу). Спасибо Вам за дивный подарок — «Любовь Книга Золотая» — Вы, должно быть, сами не понимаете, какая это полновесная, породистая, бессмертно-поэтическая вещь. Только Вы один умеете так писать, что и смешно, и поэтично. А полновесная вещь — вот как дети бывают удачно-рожденные: поднимешь его, а он — ой, ой, какой тяжелый, три года, а такой мясовитый. И глупы все — поэтически, нежно-глупы, восхитительно-глупы. Воображаю, какой успех имеет она на сцене. Пришлите мне рецензии, я переведу их и дам в «Литературные Записки» (журнал Дома Литераторов) — пускай и Россия знает о Ваших успехах. Если Вы видаете Алексея Максимовича, поклонитесь ему. Наша русская эмигрантщина относится к нему сволочно, а он много поработал для нее. Вы пишете о русском искусстве в Европе. Помню, когда умер Чехов, я жил в Лондоне и ревел весь день, и некому было сказать, никто не знал, что такое Чехов, — и казалось, никто не узнает. А сейчас читаю в London Mercury, 1922, 1, что со времен Шекспира не было такого проникновения в человеческую душу, как у Чехова[6]. Подражают ему до смешного. Хью Уолполь, Катерина Мэнсфилд воспроизводят все его приемы — но чеховской музыки у них нет, и они это чувствуют. Они чувствуют, что Россия для них катарсис и осердечение — и переводят даже Евреинова! Но гордиться этим не надо, а надо принять это с постом и молитвой. Это возлагает на нас такую страшную ответственность, такой труд!

Прилагаю при сем стихи моего сына, Николая, 17 лет. Его так отпугнули от себя символисты, футуристы и проч., что он ударился в русский провинциальный романс.

Ваш *Чуковский*[7]

[1] Письмо к Н.В. Чайковскому было опубликовано в газете «Накануне» (Берлин) 14 апреля; 25-го апреля перепечатано московской газетой «Известия» в сопровождении статьи П.С. Когана «Раскол эмиграции».

[2] О популярности «Крокодила» К. Чуковского см. в его письме **457**. Ср. в автобиографической заметке И. Эренбурга: «Коктебель. Зима. Безлюдье <...> Устроил детскую площадку для крестьянских детей. “Дачники”

травили: “Интернационализм! Большевизм! “Крокодила” (Чуковского) читает». (Новая русская книга. 1922. № 4. С. 4).

[3] Ср. о группе «Звучащая раковина» // Новая русская книга. 1922. № 6. С. 32.

[4] ARA («American Relief Administration») — Американская администрация помощи (АРА) в 1919–1923 годах оказывала продовольственную и иную помощь европейским странам, пострадавшим в период Первой мировой войны. Во время голода в Поволжье Советское правительство в 1921 году разрешило деятельность АРА в СССР. Подробнее см. письмо **473**.

[5] Письма Всеволода Иванова к А.Н. Толстому опубликованы. Иванов посылает Толстому свои рассказы и пишет о письме Чуковского (после его публикации в «Накануне»): «А с письмом Чуковского <...> — переполох и вздохи. Чуков<ский> трус, бегает, дает объяснения, и вообще тоскливая ерунда. А ведь хуже всего, что *все почти* соглашаются, что все правда <...> Все желают страстно, что<бы> Серапионы распались, ибо поодиночке удастся их прилепить к кадетствующему идолу (у него такая буддийско-металлическая усмешечка) Замятину, а может, и еще кому поглубже. А мы не хочем и не будем» («Я глубоко верю в Россию...». Письма Всеволода Иванова Алексею Толстому) / Вступит. заметка, публ. и коммент. Е. Погорельской // Вопросы литературы. 2007. № 2).

[6] *Turner W. J* Chronicles. Drama // The London Mercury. Vol. V, № 27 (1922, January), p. 311.

[7] Литературное приложение к «Накануне». № 6,1922, 4 июня. С. 2–3.

436. А.Л. Волынскому

30 мая 1922 г. Петроград[1]

Дорогой Аким Львович.

Я получил за подписью г. Чудовского, очень странный документ, который при сем прилагаю. Содержание документа столь чудовищно, что ни я, ни мои друзья не верят, что это действительно официальная бумага, написанная с Вашего ведома. Я считаю ее чьей-то неуместной шуткой. Если это не так, прошу Вас подписать эту бумагу, чтобы я мог отнестись к ней серьезно.

Душевно Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по записи в дневнике Чуковского от 30 мая 1922 года: «Был у меня сегодня Волынский с Пуниным — объясняться. Он в Совете Дома Искусств неуважительно отозвался о работе прежнего Совета. Мы все заявили свой протест и ушли. Теперь, чтобы вернуть себе сочувствие большинства, он придумал новую уловку: он свалил все на Литературный отдел, который и выругал гнусно. “У Литературного отдела не было вы-

ских идеалов... Литературный отдел — макулатура" и т. д., и т. д., и т. д. О чем Чудовский прислал мне бумагу. Я написал Волынскому такое письмо...». Дальше в дневнике записано вышеприведенное письмо к Волынскому. Местонахождение и содержание письма Чудовского неизвестно. О своих возражениях Чуковский далее пишет: «Я сказал ему всю правду: бранить нас он имел бы право, если бы он сам хоть что-нибудь делал. Он за пять месяцев окончательно уничтожил Студию, уничтожил лекции, убил всякую духовную работу в Доме Искусства. Презирать легко, разрушать легко.

Лучше таланты и умы без программы, чем программа без умов и талантов и т. д. Но он был обаятелен — и защищался тем, что он идеалист; ничего земного не ценит. Пунин тоже в миноре. А давно ли эти люди топтали меня ногами» *(Дн.-12.* С. 42–43).

437. А.Л. Волынскому

После 30 мая 1922 г. Петроград[1]

Дорогой Аким Львович.

Позвольте раньше всего изложить несколько объективных фактов, которые могут быть проверены каждую минуту.

В самую черную пору, какую когда-либо переживала русская интеллигенция — и в частности русские писатели, — я задумал основать такой дом, где могли бы жить и работать деятели русского искусства. Я задумал его в августе 1919 г. и работал до ноября, прежде чем его разрешили. Я пригласил Сазонова, который отыскал этот дом, пригласил Горького, Александра Бенуа и т. д. — и никто не отнимет у меня права называть себя инициатором и основателем «Дома Искусств».

Основав этот дом, я попытался вдохнуть в него душу: придумал еженедельные публичные лекции. Тогда этого обычая еще не было, Дом Литераторов ввел этот обычай позже. Первая лекция была лекция Горького «Воспоминания о Толстом» 22 дек<абря> 1919 года. С тех пор кафедра «Дома Искусств» предоставлялась всем деятелям русской культуры. У нас читали: Алекс. Блок, Андрей Белый, Горький, Мих. Лозинский, Вал. Чудовский, Н. Гумилев, Петров-Водкин, Н. Пунин, Волынский, Замятин, проф. Алексеев, проф. Ив. Ив. Лапшин, Вл. Маяковский, Викт. Шкловский, Грин, Чуковский, — решительно все. Системы здесь не было никакой, да и не могло быть системы: речь шла о том, чтобы заменить отсутствующую книгу, дать возможность писателю общаться со своими читателями; эти лекции дали «Дому Искусств» большой доход, оказали существенную моральную и материальную поддержку писателям и служили просвещению общества.

1922 Кроме лекций, я внес в «Дом Искусств» другое начинание: Студию. Мне хотелось, чтобы культурная молодежь, распыленная по комиссариатам, могла бы хоть на краткое время быть в обществе писателей, книжных, культурных людей, чтобы она, кроме разговоров о пайках и картошке, могла бы слышать и другие речи. Студия имела огромный успех. Вокруг нее объединилось большинство начинающих писателей, которым такие преподаватели, как Лозинский, Гумилев и Замятин, принесли очень много пользы. Теперь из наших бывших студистов многие вошли в литературу: Никитин, Лунц, Познер, Полонская, Тихонов, Зощенко и мн. др. У нас читали: Амфитеатров (итальянск<ая> лит<ература>), проф. Лозинский (итальянский язык), Н. Гумилев (теория поэзии), Штейнберг (эстетика), Н. Евреинов (о театре) и т. д., и т. д. Я вначале отдавал студии все свое время; встречал со студистами Новый Год, устраивал экскурсии. Ко мне их отношение всегда было дружеское. Теперь у меня слушателей больше ста человек.

Кроме Студии, я основал библиотеку: сам на спине в мешках таскал книги из Книжного Фонда с Фонтанки, отбил у матросов библиотеку Гессена, которой они топили печку, достал шкафы, достал идеального библиотекаря и т. д.

Кроме библиотеки, я основал колонию «Дома Искусств» Бельское Устье. Узнав, что рядом с Холомками имеется полуразрушенная усадьба с садом, огородом, рожью и т. д., я, по собственному почину, поехал в Москву, оттуда в Псков, оттуда в Петербург — обивал пороги всяких учреждений — и добился того, что в этом году многие из русских писателей и художников могли безбедно и весело отдохнуть на даче. Я дал возможность прожить в Псковской губернии Н. Радлову (с семьей), Слонимскому, Лунцу, Зощенке, Екат.П. Султановой (с сыном), Ходасевичу (с семьей) и т. д. Я добыл для колонии 60 пудов муки, отремонтировал дом (правда, плохо), выхлопотал в здешнем штабе трех отличных лошадей и т. д. Из-за этой работы я все лето не имел ни минуты свободной. Май, июнь и начало июля ушли на организацию колонии.

Я уже не говорю о том, что на меня постоянно возлагались хлопоты о «Доме Искусств» во всех учреждениях. В прошлом году я три раза спасал аукционы; аукционы были закрыты, и я целые дни проводил в Смольном и Петросовете, добиваясь отмены убийственного для нас распоряжения. Единственное, что кормило нас, это аукционы.

За всю эту работу я не получил ничего. У меня нет даже комнаты в основанном мною учреждении. Из добытой мною муки мне не досталось ни одного фунта. Вся благодарность товарищей выразилась в том, что те из них, которые перешли границу, писали в

газетах, что я большевистский прихвостень. Я из-за них обивал большевистские пороги, и они же ославили меня большевиком.

В этом году, когда появились частные издательства, я захотел отдаться всецело литературе — и обратился в комитет с заявлением о своем уходе, тем более, что теперь, когда в делах «Дома Искусств» стали принимать участие Вы, Шкловский и Ходасевич, я без ущерба могу устраниться.

Я не ждал за свою работу никаких наград. Я знал, что не все даже осведомлены обо всем, что я сделал. Мне вовсе не нужно, чтобы мой портрет как основателя «Дома Искусств» висел в прихожей, а мой бюст красовался на лестнице. Все, чего я ждал, было несколько слов благодарности. Всем известно, что изо всех русских писателей я самый нищий, что всю свою работу я производил впроголодь, что за нее я получал позорные гроши, — и вот то обстоятельство, что нищий, не думая о себе, работал все время на других, давало мне право хоть на те аплодисменты, которыми почтили Сазонова.

Но произошло поразительное. В заседании Высшего Совета, вместо благодарности, меня оскорбили самым ужасным оскорблением — *при попустительстве всех*. Встал В.А. Чудовский и с аппетитом, с непонятным злорадством, восторженно, смакуя каждое слово, излил на меня целую кучу безумных клевет, которые мне трудно пережить: когда я слушал то, что говорил В.А.Ч., у меня отнялась левая рука, и я уверен, что, если бы я был немного старше, меня постиг бы нервный удар. Но все слушали спокойно и не протестовали против слов В.А. Чудовского. [Конец письма не сохранился. — *Сост.*]

[1] Датируется по содержанию.

438. А.С. Ященко

Конец мая — начало июня 1922 г. Петроград[1]

Многоуважаемый Александр Семенович.

«Русской Книги» я так и не получил. Спасибо за приглашение. С удовольствием напечатаю у Вас серию «Петербургских писем» о делах и днях петербургской словесности. Меня очень взволновала Ваша статья *О новых путях и новом искусстве*[2]. Она такая широкая, и писана с большой высоты: над кружками, партиями, группами. Тут огромная перспектива и дали. Самая тема огромна. Мне эта статья дорога еще тем, что она во многом совпадает с давнишней статьей Уота Уитмэна «Democratic Vistas»[3]. Знаете ли Вы эту статью? Я напечатал ее в только что вышедшем пятом издании

своей книги о Уоте Уитмэне[4]. Там много мыслей, параллельных Вашим. На днях я постараюсь выслать Вам эту книгу. Я болен, уже месяц лежу в постели, у меня бронхит — не знаю, когда поправлюсь, а то бы — давно уже откликнулся на Ваше письмо. (Простите кляксу, писано в постели!)

Сейчас я очень увлечен одной работой: мы с Замятиным и Тихоновым затеяли журнал «Современный Запад»[5] (Моховая, 36). Хотим отразить нового человека, возникшего в Европе после войны и революции, хотя этот человек, кажется, не слишком приглядан[6]. Будьте добры — черкните нам корреспонденцию и других побуждайте к тому же: о новой науке, новом искусстве и т. д.

Как литератор многосемейный, я, по условиям современного Нэпа, должен печатать в месяц *три книжки* для того, чтобы существовать.

Поэтому в декабре я напечатал:

1. Поэт и палач.
2. Некрасов как художник.
3. Жена поэта.

В январе:

4. Слоненок.
5. О глупом царе } Сказки.
6. Джэк

В феврале:

7. Книга об Александре Блоке.
8. Книга об Анне Ахматовой[7].
9. Футуристы[8].

В марте:

10. Щедринский сборник (Письма Щедрина к Некрасову. Переписка царя с Поль де Коком).

11. } Два некрасовских сборника.
12. }

В апреле — ничего — голод.

В мае:

13. Уот Уитмэн (5-ое издание, увеличенное вдвое).
14. Оскар Уайльд[9].
15. Самюэль Батлер (Samuel Butler)[10].

Из этих книга 8-я, 9-я, 10, 11, 12 и 15-я еще не вышли, застряли в типографии, но в общем, *это около 50 печ<атных> листов!*

50 печ<атных> листов в год, не считая Воспоминаний о Блоке, Воспоминаний о Леониде Андрееве, Воспоминаний о Набокове[11], не считая работы для Всем<ирной> Литер<атуры> (в постели я, напр<имер>, перевел роман О. Генри «Короли и Капуста»[12]), не считая редактуры журнала[13].

Еще хорошо, что кончился основанный мною «Дом Искусств»[14]. Он поглощал у меня всю энергию. Я основал там вместе с Н. Гумилевым Литер<атурную> Студию, устроил около 200 лекций, привлек таких работников, как Блок, Горький, Замятин, М. Лозинский, Сологуб, Ахматова, Ал. Бенуа, Добужинский и т. д., и. т. д. — и вот, едва только отошел от них, делом завладела бездарная кучка во главе с Акимом Волынским, ввела картеж, кабак, уничтожила выставки, лекции, уничтожила студию — превратила Дом Искусств в Дом Паскудств. На днях мы все, члены Совета, заявляем о своем уходе: Замятин, Добужинский, я, Ю. Анненков, А.А. Ахматова.

Все это письмо — для Вас, для Александра Семеновича, а не для печати.

Знаете ли Вы, как любил Ваш журнал покойный Блок?[15] Он читал мне вслух однажды вечером — каждую строчку из первого номера (это была первая книга из-за границы) и восклицал простодушно:

— Откуда *они* это знают?[16]

Его удивляли те сведения, которые вы сообщали о каждом из нас.

Не трудитесь высылать мне «Русскую Книгу». Я читаю ее в «Доме Литераторов». Я знаю, как трудно посылать экземпляры.

Преданный Вам *Чуковский*

[1] Датируеся по содержанию.

[2] Новая русская книга. 1922. № 3. С. 1–3. В этой статье Ященко писал: «Дума и тоска по “новой” России — у всех нас непрестанна. Или России не будет, или она пройдет новыми путями. Это стало почти всем ясно. Старая Россия рухнула не от напора новой молодой жизни, а от банкротства старого строя, от изгнивших основ и связей его; поэтому и революция наша не была здоровым и естественным переворотом растущего общества. Со дна, из самой глубины народной, поднялись грязь, муть и нечисть: в зверстве, во лжи, в нелепице и в невежестве свершилась наша печальная революция. Она не указала народу новых путей, как не искала этих путей и в старой России. Спасенья нет ни здесь, ни там. Какие-то иные дороги должны быть найдены для нашей политической, общественной, экономической, религиозной и художественной жизни.

Мы жаждем обновления жизни. Отрекаемся от старого мира и взываем к жизни юной, здоровой и чистой. Выражением этой жизни должно быть новое искусство <...>»

[3] «Демократические дали» *(англ.)*.

[4] *Уитмен Уолт.* Листья травы. Проза/Перев. К. Чуковский. Пб.: Госиздат, 1922.

[5] Ср. упоминание об этом журнале в хронике «Новой русской книги». 1922. № 4. С. 31: «В Петрограде начинает выходить новый ежемес. журнал: «Новая Европа», посвященный современной литературной и художественной жизни Европы; во главе журнала стоят Чуковский и Замятин». Ср.: *Сергеев М.А.* Об одном замысле А.М. Горького (Воспоминания) // Труды по русской и славянской филологии. VIII. Литературоведение (Уч. Зап. Тартуского Гос. университета. Вып. 167). Тарту, 1965. С. 202.

[6] Ср. в письме А.Н. Толстого к Чуковскому: «Европа не живет, а зализывает раны, рычит и скалится на старые обиды, над шелудивым телом вьются, липнут трупные мухи, — неистовая сволочь, паразиты. Лишь в Германии можно поучиться труду и мужеству. А на запад от Рейна, пожалуй, что и этого нет, — то есть мужества и труда. Деревня пустеет, работать не желают. Города переполнены. В городах скука, одурь и безразличие, пьянство. Это — современность, конечно» (Литературные записки. № 1. 1922, 25 мая. С. 4).

[7] Ср.: *Чуковский К.* Ахматова и Маяковский // Дом Искусств. № 1. Пб., 1921. С. 23–42. *(Т. 8*наст. изд.) Книга об Ахматовой в печати не появилась.

[8] *Чуковский К.* Футуристы: И. Северянин, А. Крученых, В. Хлебников, В. Каменский, В. Маяковский. Пб.: Полярная звезда, 1922.

[9] *Чуковский К.* Оскар Уайльд. Пб.: 9-я Гос. тип. 1922.

[10] *Самюэль Батлер* (Samuel Butler, 1835–1902), английский писатель. Статьи о нем Чуковского неизвестны.

[11] Воспоминания о В.Д. Набокове были написаны, но не напечатаны и хранились в архиве К.И. Чуковского. Впервые опубликованы в издании: *Чукоккала.* С. 198–202.

[12] Перевод впервые напечатан в журнале «Современный Запад»; отд. издание — Пб.; М., 1923.

[13] Эти библиографические сведения приведены в «Новой русской книге». 1922. № 5. С. 38 (Ср. справку о Чуковском там же в № 4. С. 37).

[14] О Доме искусств см примеч. 2 к письму **386**.

[15] Ср. справку о Блоке в разделе «Судьба и работы...» в «Русской книге». № 1. С. 17–18. Ср. также характеристику его в статье Ященко «Русская поэзия за последние три года» (Русская книга. № 3. С. 11–12).

[16] Ср. в рецензии А.В. на 11–12 номер «Новой русской книги» (1922): «В течение 1921 г., в России, куда «Русская Книга» доходит в большом количестве, только по ней могли судить о том, что делается в области литературы и искусства на Западе» (Дни. № 93, 1923,18 февр. Берлин).

439. А.Н. Толстому

После 4 июня 1922 г. Петроград[1]

Дорогой Толстой. Вы ударили человека сапогом за то, что он отнесся к Вам нежно и душевно. Именно сапогом по глазам! Я на

Вас не сержусь, я просто: в крови. Только что начал поправляться, и вот — по глазам! Я не упрекаю Вас, я уверен, что Вам и самому это больно. Всем, кто обвиняет Вас, я говорю, что это произошло по недоразумению, — ошибкой. Очевидно, Вы дали напечатать какой-нибудь отрывок, а типография второпях напечатала *не то*. Но мне больно — не встать.

Если Вы хоть немного чувствуете желание загладить свой тяжкий грех, Вы должны немедленно напечатать в «Накануне», что письмо мое отпечатано там без моего ведома, что я сотрудником «Накануне» не состою, и *главное, главное,* что письмо это опубликовано с пропусками, что это отрывки из письма.

Чуть Вы это сделаете, пришлите мне телеграмму. *До* я буду минуты считать, ожидая. До той поры я не живу.

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по содержанию. Это — реакция Чуковского на публикацию его частного письма А.Н. Толстому (**435**) в Литературном приложении к «Накануне» № 6 от 4 июня 1922 года.

440. Е.И. Замятину

19–20 июня 1922 г. Петроград

19–20 июня 1922 г. Петроград
(Конфиденциально)

Дорогой Евгений Иванович. Вчера у меня была Софья Андреевна[1] — и сказала мне, что Вы на меня не сердитесь. Я иного и не ждал от такого человека, как Вы. Сегодня первый день, когда я немного стряхнул с себя и семьи весь ужас этого письма, — и вот говорю Вам весело, просто и ясно: если у Вас есть сила выбросить совершенно из души весь этот эпизод с письмом — выплеснуть его за окно, со всею его мутью и грязью, — отлично! Я счастлив и сумею доказать Вам, что, несмотря ни на что, я товарищ верный и надежный. Если же нет (а насилия делать над собою не следует), я при всем моем желании никак не могу ни работать во «Всемирной», ни делать журнал.

Половинчатые отношения мне тягостны. Если у Вас нет силы так же крепко жать мне руку, как Вы жали ее до сих пор, я больше не могу быть в Вашем обществе, потому что, по совести, я считаю себя не лукавым, не двуличным человеком, а просто — страшно искривленным, смертельно изнуренным. То, что я пережил в эти пятнадцать дней, сделало меня другим человеком, и я думаю, что мне уже не поднять головы. Это последний удар, после которого — смерть. То время, когда я, больной и голодный, лежал в постели,

кажется мне блаженством. Но жалости мне не надо: спросите у себя строго и твердо — и ответьте мне строго и твердо[2].

Ваш *Чуков<ский>*

[1] С.А. Гагарина.

[2] На это письмо Замятин ответил: «Софья Андреевна была права: говорить, что я на Вас сердит, — это было бы совершенно неверно. Как я могу сердиться на то, что Григорий Лозинский — хромой? Но однажды я увидел это (сначала не видел), и прошло сколько-то времени, пока я к этому привык, пока я снова перестал это видеть. Так и тут.

После Вашего письма Толстому у меня есть ощущение, что именно друг-то и товарищ Вы — довольно колченогий и не очень надежный. Я знаю, что вот если меня завтра или через месяц засадят (потому что сейчас нет в Советской России писателя, более неосторожного, чем я) — если так случится, Чуковский один из первых пойдет хлопотать за меня. Но в случаях менее серьезных — ради красного словца или черт его знает ради чего — Чуковский за милую душу кинет меня Толстому или еще кому.

Этот год, когда мы с Вами ведь очень часто были рядом, мне не раз и разные люди говорили: "Чуковский? Да Чуковский говорит о Вас то-то и то-то". Я всегда смотрел на это только как на сплетни, всегда и немедленно же выбрасывал это за окошко. Но теперь, когда с Вашим письмом насвинил Толстой, поневоле начинаешь думать: а может, и правда — было? И где же тогда — друзья?

Вот. Чуковским, т<о> е<сть> одним из тех десяти или пяти, кто по-настоящему, честно относится к слову, к искусству слова, — Вы для меня все равно остаетесь (для десяти и для пяти я, должно быть, и пишу). Но перестать видеть, что Григорий Лозинский хромой — это не сразу, тут нужно привыкнуть.

Это все я написал Вам потому, что иначе как начистоту — нельзя было ответить на Ваше письмо. А так, когда я говорю с Григорием Лозинским — я смотрю ему в лицо, а не на костюм и на левую ногу.

Вот и все. Простите, что ответил не сразу: измучен делами и бессонницей. И может быть — вышло не то и не все, что я хотел» *(Замятин.* С. 216–217).

441. А.Н. Толстому

До 20 июня 1922 г. Петроград[1]

Дорогой Алексей Николаевич.

Только теперь мог я исполнить Вашу просьбу: начать розыски Вашей дочери. До сих пор у меня в доме был сплошной лазарет — консилиумы, операции, доктора и проч. Но на днях я почувствовал себя настолько здоровым, что отправился на Васильевский

Остров, в Кадетскую линию, где и живет Софья Исааковна (Кадетская линия, 1/3, бывший Кадетский корпус, кв. 5). К сожалению, Софьи Исааковны я не застал, а застал ее мужа, баварского гражданина Поссати. Это плотный, добродушный брюнет лет сорока. По профессии он карикатурист, и понемногу начинает приобретать в России известность, так как печатается в очень распространенных изданиях (юмористический журнал «Мухомор», «Красная газета» и друг.). Я спросил у него, где Софья Исааковна, он ответил, что в родильном приюте, так как у нее только что родился мальчик. О своей падчерице он отозвался с большой любовью и сказал, что часто видается с ней. Она живет на даче у бабушки (госпожи Дымшиц). По его словам, девочка очень развитая, начитанная, знает наизусть много стихов. Вот и все, что покуда мне удалось узнать. К сожалению, вернувшись, я вновь заболел и не мог лично посетить Вашу дочь. Мне было бы очень интересно с ней побеседовать и выяснить, не нуждается ли она в чем-нибудь, например, в книгах; теперь книги очень трудно достать.

У меня к Вам есть небольшая просьба. В настоящее время я затеваю детский журнал «Носорог». У журнала большие средства и, между прочим, имеются кой-какие фонды в Германии. Не напишете ли Вы для «Носорога» небольшой рассказ, или сказку, что хотите, для какого угодно возраста. Журнал будет издан очень изящно, и ему обеспечено широкое распространение. Деньги Вы получите немедленно, в Берлин. *Сделайте милость, пришлите поскорее.* «Современный Запад» уже напечатан — на днях выйдет. Пришлю.

Спасибо за «Хождение». Эта самая стройная и строгая Ваша вещь. Все мои друзья и знакомые зачитали ее до дыр. Я бы написал о ней статью, если бы у меня были другие Ваши книги. Не пришлете ли?

Привет Наталии Васильевне. Не пришлет ли и она стихов для журнала?

Простите нескладицу стиля: диктую письмо в жару.

Мой адрес: Петербург. Моховая, 36, «Всем<ирная> Литер<атура>».

Об истории с моим письмом, напечатанном в «Накануне»: я ею переболел, из души вон.

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по ответу А.Н. Толстого после 20 июня 1922 года, начинающегося словами «...спасибо Вам за то, что Вы навестили Марьяну» (*Толстой* С. 497).

442. А.С. Ященко

28 июня 1922 г. Петроград

Многоуважаемый Александр Семенович.

Сегодня увижу Ахматову, скажу ей насчет автобиографии[1]. Боюсь, что откажет. Она ведь ненавидит публичность. Анненков согласен[2]. Сегодня мы с Замятиным подписываем последний лист «Современного Запада», на днях вышлем Вам. Видели те страницы «Democratic Vistas» Whitman'а, о которых я Вам говорил? Они только что вышли в немецком переводе. Посылаю Вам свое письмо, по поводу чепухи с моим письмом к Ал<ексею> Толстому. Если хотите, напечатайте или дайте в какую хотите газету.

Ваш *Чуковский*

Мне больно, что Ал. Толстой напечатал мое частное письмо, так оно повредило тому, что мне дорого.

Это — большое несчастье, и произошло оно так.

С марта по июнь я хворал и почти не покидал постели. Во время моей болезни ко мне стали доходить чудовищные слухи об основанном мною «Доме Искусств». Говорили, что с тех пор, как я ушел из президиума, в «Доме Искусств» устроен игорный дом, что на улицах красуются вывески «Казино Дома Искусств», на которых нарисованы четыре девятки. Это, естественно, взволновало меня. «Дому Искусств» я отдал два года работы. Из недели в неделю я устраивал там публичные лекции Кони, Горького, Гумилева, Блока, Белого, Ремизова, Замятина и многих других. В то бесснижное время «Дом Искусств» был чуть ли не единственным местом, где писатели общались друг с другом и со своими читателями. В Студии «Дома Искусств» я пытался сплотить талантливую молодежь Петербурга, распыленную по разным канцеляриям.

И вот мне говорят, что ни Студии, ни лекций нет, а есть игорный дом, казино!

<Естественно, я обвинил в этом А.Л. Волынского, заведующего литературным отделом, и> сгоряча в письме к приятелю излил свое негодование на всех, кого считал причастным к гибели моего любимого дела. Как нарочно, в тот день с утра ко мне приходили обитатели «Дома Искусств» и жаловались на установившиеся там порядки и нравы.

Мою тревогу по этому поводу я не скрыл от самого А.Л. Волынского. Выяснилось, что он и сам сокрушается об участи «Дома Искусств», что мерзкая вывеска появилась без его согласия и ведома, что в отсутствии лекций виноват не он, виноваты современные условия. Когда я стал выздоравливать, он посетил меня и тогда мы решили сплотиться и дружными силами возродить «Дом Искусств».

Но этому помешало письмо, напечатанное Толстым в «Накануне».

Потому-то и не следует печатать в газетах наши частные письма, что в этих письмах сказываются впечатления минуты, случайные, беглые, скоропреходящие чувства.

Подлинные же мои отношения к Волынскому[3] сказались хотя бы в том, что когда лет 15 назад против него была поднята общая травля, я неумело, но искренно выразил в печати свое преклонение перед гонимым писателем[4]. Но мало ли что не напишешь под влиянием гнева о самом близком и любимом друге!

* * *

В моем письме к Толстому имеется «страшная фраза»: «они поругивают с<оветскую> в<ласть>». Нашлись идиоты, подумавшие, что этой фразой я защищаю пр<авительст>во от ругающих его интеллигентов.

Эти господа не заметили, что в том же письме я радуюсь тому, что русский мужик победил, что Россия внутренними органическими силами преодолела чужое. Как же я могу вступаться за это чужое?

Эти господа не заметили, что я употребил выражение «поругивать»: не ругать, но поругивать. Поругивание — праздное занятие, ни к чему не ведущее. Это не борьба, но отказ от борьбы. Бороться нужно творчеством, идеями, а не экивоками и анекдотцами.

Говорят, будто я оскорбил петербургских писателей, обозвав их быт эмигрантским. Если бы это было так, я первый презирал бы себя. Но конечно, это не так. Как мог бы я ругать петербургских писателей, если за все эти годы я и сам принадлежал к их числу, если и для меня, как для них, за все эти годы каждый день был исполнен смертельного голода и смертельной тоски. Те четыре года, 1918–1921-й, торжественны для меня и священны. Всякий раз, когда я видел Блока, как он <в арестантской казенной фуражке> похоронно шагает по глыбам и ямам умершего города, я чувствовал, что мы все обреченные. Почти на моих глазах умер от голода Батюшков, умерли Измайлов, Венгеров, а потом Блок, Гумилев. Это свято, об этом я даже говорить не хочу.

Но в последнее время, в 1922 году, под влиянием новых условий, наша среда изменилась. В ней появились черты, которых не было раньше. Выдвинулись новые люди. Это-то и вызвало мое осуждение. Но я не мог приписать эмигрантские качества тем, кто мученической жизнью и смертью доказали свою преданность России.

Кто сомневается в этом, пусть прочтет мои «Воспоминания о Блоке»[5].

* * *

Однажды в самом начале октябрьских дней я пошел в детский клуб, на Сергиевскую и стал читать свои стишки о Крокодиле. Одна дама сказала мне: как же можно читать для советских детей? Эта фраза изумила меня. Я всем существом ощущал, что советских детей нет, а есть русские дети, точно так же, как нет советских солдат, советских моряков, а есть — плохие или хорошие — русские люди. Потому-то я был фанатическим врагом саботажа в области культурной работы: читал лекции красноармейцам, матросам и радовался, узнавая их ближе.

Об этом я и написал Толстому. Я написал ему, что русский народ и на этот раз победил, отстоял свои идеалы, и ценности.

Но на столбцах газеты «Накануне» эта мысль приобрела другой оттенок, которого она не имела, оставаясь изложенной в частном письме. <Если бы во время писания письма я знал эту газету, как знаю ее теперь, я не послал бы такого письма. Но в то время я прочитал лишь 9 номеров этой газеты, в их числе был целый номер посвященный Набокову. Это-то и обмануло меня. Но> к самому Толстому я продолжаю относиться с доверием. Он не политикан, он органический простой человек, который всем нутром ощутил, что Россия несмотря ни на что, все же осталась Россией, что русскому жить без нее невозможно.

За это я и послал ему свой (неправильно воспринятый) привет, в чем и посейчас не раскаиваюсь.

К. Чуковский

28 июня. Петербург.

[1] Автобиография Анны Ахматовой в «Новой русской книге» не появилась.

[2] Ср. приписку Ю.П. Анненкова в письме И.С. Соколова-Микитова к А.С. Ященко от 30 августа 1922 г.: «Глубокоуважаемый коллега, получил Ваше предложение прислать автобиографию. Если скромность не заест — пришлю. Привет всем. Целуйте Пуни. Ваш *Ю. Анненков*» *(Русский Берлин.* С. 207).

[3] Ср.: *Чуковский К.* Две «королевы»: Страницы воспоминаний // Литературная Россия. № 36 (244). 1967, 1 сент. С. 19. (*Т. 4*наст. изд.).

[4] О Волынском Чуковский писал дважды: в 1903 году в «Одесских новостях» он сочувственно отозвался о лекции Волынского, посвященной современной литературе» *(ОН.* 1903. 29 апр.), которая вызывала неоднозначную реакцию. Второй раз столь же сочувственно Чуковский писал о спектакле по драме Г. Ибсена «Строитель Сольнес» в театре В.Ф. Коммис-

саржевской, постановщиком и идейным вдохновителем которого был Волынский (*ТР*. 1905. № 15. С. 260–261).

[5] *Чуковский К.* Последние годы Блока // Записки мечтателей. 1922. № 6.

443. П.И. Нерадовскому

7 июля 1922 г. Петроград[1]

Многоуважаемый Петр Иванович.

Я все болен, и добраться до «Поощрения»[2] — для меня труд непосильный. А между тем дело с изданием «Воспоминаний» И.Е. Репина, очевидно, не терпит отлагательств. Поэтому заявляю письменно, что я, по первому Вашему требованию, готов изложить Вам весь мой редакторский план, предоставить Вам корректурные листы и т. д. От всякого гонорара отказываюсь при условии, что Илье Ефимовичу будут посланы финские марки взамен тех (фальшивых), которые послал ему (по ошибке) предыдущий издатель[3].

Преданный Вам *Чуковский*

[1] Почтовый штемпель: Петроград. 7.7.22.

[2] Общество поощрения художеств.

[3] С приездом Веры Ильиничны к отцу в Куоккала начались ее систематические интриги, с целью вызвать недоверие ко всему, что приходит из Советской России, в том числе к действиям и поступкам Чуковского. Это чувствуется в первых же письмах Репина, отправленных после ее приезда. В частности, как видно из дальнейших писем, история с якобы фальшивыми финскими марками также возникла не без ее участия. Еще будучи в Петрограде, Вера Ильинична распорядилась и передала печатать воспоминания Репина «Обществу поощрения художеств», одним из членов которого был хранитель художественного отдела Государственного Русского музея Петр Иванович *Нерадовский* (1875–1962). Тем самым Чуковский отстранялся от редактирования книги, инициатором и редактором которой он все время был.

444. П.И. Нерадовскому

Лето 1922 г.

Многоуважаемый Петр Иванович.

Вы говорите, что я считаю себя редактором будущего издания книги И.Е.Репина. Нет, я не считаю себя редактором *будущего* издания, я считаю себя редактором *бывшего издания*, – того самого, о котором у нас шла речь, когда Вы посетили меня.

До сих пор И.Е. Репин тоже считал меня редактором этого издания, потому что в письме от 6 янв. 1922 г. он писал мне:

«В распределении моих статеек виден опытный *редактор* – восхищаюсь Вашей перетасовкой — мне бы никогда не додуматься... Я знаю, это плод большого мастера». В письме от 7 апреля тоже — «Редактор Вы образцовый...» и т. д.

Я пишу эти строки не для самовосхваления, а чтобы показать Вам, что у меня было объективное право называть себя редактором этой книги, которая во многих частях даже написана по моей инициативе, о чем свидетельствует и сам Репин в своем письме ко мне от 22.IX.1921 года.

«Разумеется, и всю книгу, какая она есть, вся взмурована Вами. Вы были самой животворящей причиной ее развития»...

Вследствие этого я и написал Вам, что все свои редакторские права на *эту* книгу я с удовольствием уступаю Вашему обществу. Вы же пишете о какой-то другой, будущей книге. К *другой* книге, которую Вы затеваете, я не имею никакого отношения, но та, которая стереопирована, та действительно «взмурована» мною. Почему же Вы третируете меня как самозванца. [Почему? Ведь денег я у Вас не прошу. Все свои права (как редактора) я давно предоставил Вам. Никаких притязаний на то, чтобы мое имя было поставлено на обложке, не имею. За что же Вы обидели меня? До сих пор мне еще не писали *таких* писем. Я буду очень рад узнать, что Ваше письмо основано на недоразумении.][1]

Уважающий Вас *К. Чуковский*

Кстати. Та книга, которая стереопирована, стереопирована, кажется, не вся. По крайней мере, последние ее листы с большими корректурными изменениями до недавнего времени хранились у меня и, кажется, остались в папке (нрзб.)[2].

[1] Содержимое квадратных скобок зачеркнуто.

[2] В дальнейшем отношения с П.И. Нерадовским наладились. Чуковский послал ему из Финляндии письмо с подробным описанием развески картин в репинских «Пенатах» (см. *Репин*. С. 189–190).

445. В.П. Полонскому

Июль 1922 г. Петроград[1]

Дорогой Вячеслав Павлович!

Как я жалею, что Вы не застали меня, когда были в Питере! Мне так хотелось побеседовать с Вами и побродить белой ночью над Невой. У нас есть столько общих тем для разговоров: напр., Бакунин и *Нечаев*. Я теперь пишу некоторую книжицу о «Бесах» Достоевского — чрезвычайно соблазнительный сюжет! — целый день сижу в Публичной и изучаю по газетам оба процесса, совету-

юсь с Анат. Фед. Кони и др. юристами, — я — и адвокат, и прокурор и судья. И вдруг вижу, что у Вяч. Полонского есть глава «Бакунин и Нечаев» в книге о Бакунине. Денег на покупку книг у меня нет, я могу любоваться книгами лишь издали — но, увы, в книге «Бакунин», которую я перелистал в Госиздатском магазине, нет главы о Нечаеве. Ради Бога, если есть у Вас оттиск таковой главы — пришлите мне по-товарищески. Я бы выслал Вам свои книжки в обмен, но ей-богу, денег нет никаких: я один содержу девять человек (жена больна, я болен и т. д.).

Это первое. А второе: спасибо Вам за ласковое слово о моем «Поэто-палаче». Я так не привык, чтобы меня хвалили (и вообще поощряли), что для меня Ваши добрые слова, как рукопожатие друга.

Третье: о Диккенсе. Диккенс есть мелкобуржуазный писатель, это всеми прочно доказано. Но сердце у него было гениальное, он есть истинный учитель любви, милосердия, радости. Если у человечества отнять «Пиквика», «Давида Копперфильда», «Никльби», «Домби» и проч., человечество станет беднее и бездушнее, оно потеряет свои самые благородные слезы и самый упоительный смех. А между тем *Ваш* московский Госиздат, словно нарочно, лишает русского читателя величайших мировых шедевров. Я убил около года, редактируя *«Домби и сына», «Большие ожидания», «Угрюмый Дом», «Николая Никльби», «Давида Копперфильда», «Мартина Чеззльвита»* и проч., и проч., исправил каждую запятую, а Госиздат изо всего Диккенса выбрал лишь «Колокола»[2] — словно в насмешку — самую жидкую и мертвую вещь. Будьте добры, повлияйте на тамошних членов коллегии — защитите Диккенса, пусть закажут «Всем<ирной> Лит<ературе>» эти романы, не думайте, что я в этом денежно заинтересован, нисколько! деньги я, увы, получил, но мне, как писателю, жаль, что такое добро остается под спудом.

Вот и все. Если увидите Петра Семеновича Когана, кланяйтесь ему, хотя, говорят, он жестоко изругал меня в печати за «воспом<инания> о Блоке»[3]. Воспомин<ания> мои неполные, в натуре они гораздо длиннее. Кстати: я написал статью-лекцию — о современном русском языке, очень забавную (по материалу)[4] — советуете ли прочесть ее в Москве? У меня также есть *гениальная* статья «Некрасов и поэзия денег» — (роль денег в современной поэзии) — которую я сейчас кончаю; в ней и граф Канкрин[5], и банки, и акции, и облигации, и золотая валюта — и черт и дьявол[6]. Стоит ли читать ее в Москве?

Ваш *Чуковский*

Давайте переписываться. Скучно.

[1] Датируется по содержанию.

[2] *Диккенс Ч.* Колокола / Перев. М. Шишмаревой. Под ред. и с предисл. К.Чуковского. Пб.; М.: Гос. изд-во, 1922.

[3] *Коган П.* Письма о литературе: О бессмертной пошлости и о литературе вообще // Известия. 1922. 7 июля. Эта статья явилась откликом на публикацию воспоминаний Чуковского «Последние годы Блока» (Записки мечтателей. 1922. № 6).

[4] Вероятнее всего, речь идет о статье Чуковского «Новый русский язык» (Жизнь искусства. 1922. № 17).

[5] *Канкрин* Егор Францевич (1774–1845), граф, министр финансов (1823–1844).

[6] С докладом «Поэзия денег и Н.А. Некрасов» Чуковский выступил в Доме печати в ноябре 1922 года. Статью «Некрасов и деньги» см.: Былое. 1923. № 22. С. 36–70.

446. А.Ф. Кони

14 июля 1922 г. Петроград

14 VII 1922

Спасибо, дорогой Анатолий Федорович, за поддержку в эти черные дни! Когда *это* случилось, я в первую минуту подумал: что-то говорит обо мне *теперь* Ан. Ф. Кони? Но меня успокоила г-жа Вайтбрехт. Она сказала моей жене, что Ан. Фед. осуждает не Чуковского, но Толстого — за напечатание чужого письма. Если бы теперь была хоть какая-нибудь свобода печати, если бы существовало общественное мнение, я сумел бы оправдать себя пред всеми, но в конце концов мне все равно, что думают обо мне все, мне важно, что думают такие люди, как Анат. Фед. Кони.

Мои друзья пытаются увезти меня на дачу, в Ольгино[1]. Если им это удастся, — увы, я буду не в силах забежать к Вам раньше четверга. Но нет, постараюсь урвать минутку — и забегу сегодня около часу. Можно?

Я теперь пишу о Нечаевском деле и «Бесах». Изучаю процесс по «Правит<ельственному> Вестнику»[2]. Очень, очень интересно!

Весь Ваш Чуковский

[1] *Ольгино* — дачный поселок под Ленинградом.

[2] «Правительственный вестник» (1869–1917), официоз. Материалы процесса С.Г. Нечаева, послужившие Достоевскому при создании романа «Бесы», публиковались в «Правительственном вестнике» летом 1871 года.

447. А.Ф. Кони 1922

16 июля 1922 г. Петроград

16 июля 1922

Дорогой Анатолий Федорович.

Ваша статья — или повесть? — или драма? — глубоко взволновала меня[1]. Как неправосудно, антигосударственно, нигилистично все наше общество — и вверху и внизу. Никакой истинной государственной справедливости. Студенты, которые хотели поднести Вам в Харькове благодарственный адрес, так же возмущают меня, как и Катков, ругавший Вас в своих «Ведомостях». Я знал, что после дела Засулич Вам пришлось испытать много тяжелых минут, но я думал, что то были минуты, а не годы. Как трудно в России быть *правильным* человеком. *Правильный* человек в России есть непременно страдалец. Он вечно между двумя неправдами: неправдой наверху и неправдой внизу. Потому-то Ваша статья так драматична. В ней каждый эпизод говорит *о борьбе*.

Больше всего, конечно, я лакомился живописью: картинами, портретами, — ах, как нарисован принц Ольденбургский[2], Трепов[3], Кессель[4], Дейер[5], Андреевский[6] — все, все! Пален[7] — есть чудо портретной живописи: сложная фигура, он у Вас и жалок, и гадок, и мил. И то, что Вы сумели, несмотря на все зло, которое он Вам причинил, отнестись к нему без раздражения, есть победа не только нравственная, но и победа *художника*. Мне кажется, что прилагать к этой статье подробную характеристику Палена не нужно. Каков был Пален, это вполне видно из Вашей статьи, а подробная характеристика только отвлечет внимание и даст статье новый центр.

А каков Таганцев![8] Я и не думал, что он такой двуличный и осторожный чиновник!

Спасибо за то, что Вы дали мне *подышать этим воздухом*. Скоро ли выйдет Ваш третий том?[9] Получили ли Вы из Ревеля хоть один экземпляр?

Ваш *Чуковский*

[1] Насколько можно судить, Кони познакомил Чуковского со своими «Воспоминаниями о деле Веры Засулич» в рукописи (впервые опубликованной много позднее, в 1933 г.). Все поименованные далее в этом письме лица так или иначе были причастны к процессу Веры Засулич.

[2] Петр Георгиевич *Ольденбургский* (1812–1881), принц, член императорской семьи, высокопоставленный чиновник.

[3] Федор Федорович *Трепов* (1812–1889), петербургский градоначальник. Вера Засулич стреляла в Трепова, с намерением привлечь общественное внимание к его жестоким противоправным действиям.

[4] Константин Иванович *Кессель* – товарищ прокурора Петербургского окружного суда, обвинитель на процессе Веры Засулич.

[5] Петр Антонович *Дейер* (1832–1888) – председатель Московского окружного суда, обер-прокурор Сената.

[6] Сергей Аркадьевич *Андреевский* (1847–1918), судебный деятель, литературный критик и поэт; товарищ прокурора Петербургского окружного суда. После отказа выступать обвинителем по делу Веры Засулич вышел в отставку и стал адвокатом.

[7] О *К.И. Палене* см. примеч. 14 к письму **310.**

[8] Николай Степанович *Таганцев* (1843–1923), криминалист, профессор Петербургского университета, сенатор и член Государственного совета.

[9] Книга вышла в том же году: *Кони А.Ф.* На жизненном пути. Т. III. Ч. 1. Ревель; Берлин: Библиофил, 1922.

448. Я.П. Гребенщикову

Июль 1922 г. Петроград

Якову Петровичу о книге[1]*:* Недавно, больной, я присел на ступеньки у какого-то крыльца и с изумлением смотрел на тех новых и страшных людей, которые проходили мимо. Новые люди: крепкозубые, крепкощекие с грудастыми мясистыми самками. (Хилые все умерли.) И в походке, и в жестах у них ощущалось одно: война кончилась, революция кончилась, давайте наслаждаться и делать детенышей. Я смотрел на них с каким-то восторгом испуга. Именно для этих людей — чтобы они могли так весело шагать по тротуарам, декабристы болтались на виселице, Нечаев заживо гнил на цепи, для них мы воевали с Германией, убили царя, совершили кровавейшую в мире революцию. Вот они идут: «Извиняюсь!» — «Шикарная погода!» — «Ничего подобного». — «Ну пока!» И для того, чтобы эта с напудренным носом могла на своих репообразных ногах носить белые ажурные чулки, совершилось столько катастроф и геройств. Ни одного человечьего, задумчивого, тонкого лица, все топорно и бревенчато до крайности. Какие потные, какие сокрушительные! Я должен их любить, я люблю их, но, Боже, помоги моему нелюбию!

Я был раздавлен, и вдруг во мне сказалось одно тихое слово: книга. Слово глухое: *к, г.* Пусть маникюр, но и книга. Эти колченогие еще и не знают, что у них есть Пушкин и Блок. Им еще предстоит этот яд. О, как изменится их походка, как облагородятся их профили, какие новые зазвучат в их речах интонации, если эти люди пройдут, напр<имер>, через Чехова. Можно ли пережившему Чехова, — рыгая облапливать свою хрюкающую и потную сам-

ку? После *«Войны и Мира»* не меняется ли у человека самый цвет его глаз, само строение губ? Книги перерождают самый организм человека, изменяют его кровь, его наружность, — и придите через 10 лет на Загородный, сколько Вы увидите прекрасных, мечтательных, истинно-человеческих лиц!

К. Чуковский

[1] Судя по содержанию письма, это ответ библиотекарю Якову Петровичу Гребенщикову (1887–1935) на его вопрос о роли книги.

449. Е.Г. Полонской

Сентябрь 1922 г. Петроград

Дорогая Елизавета Григорьевна.

Может быть Вам известно, что в Питере возникает детское издательство «Радуга»[1]. При этом издательстве будет журнал «Носорог»[2]. Журнал будет состоять из двух частей: для крошечных детей и для детей постарше. Я уверен, что Ваши стихи будут истинный клад для обоих отделов. Пришлите их возможно скорее. Они будут немедленно оплачены и даны художникам для иллюстрации. Особенно нужны мне стихи для детей самого старшего возраста, что-нибудь эпическое, какую-нибудь балладу о спасательной лодке, о пожарных, про храбрых авиаторов и проч. Также хотелось бы поживиться от Вас прозой. Вы, кажется, единственный из нынешних русских поэтов, кто владеет прозаическим стилем. Нет ли у Вас какой-нибудь сказки, или еще лучше повести. Будьте добры, сообщите об этом Марии Никитичне[3].

Мой адрес: Манежный 6, кв. 6.

Ваш *Чуковский*

Передайте, пожалуйста, и Серапионовым братьям мое усердное приглашение в журнал.

[1] Издательством *«Радуга»* (1922–1930) владел Л.М. Клячко, детские книги, которые оно выпускало, отличали высокий литературный (текст) и художественный (иллюстрации) уровень (см. подробнее: *Белов С.В.* Л.М. Клячко и издательство «Радуга»: У истоков советской детской книги // Вопросы истории советской книги и библиографии. Л., 1978. С. 21–35; *Шаманова С.Е.* Издательство «Радуга» // Книга: Исследования и материалы. М., 1994. Сб. 68. С. 243–268). В «Радуге» вышли многие сказки К. Чуковского. В 1923 году «Радуга» выпустила книжку детских стихов Полонской «Зайчата» в оформлении А. Радакова, переиздав ее в 1924 г. с рисунками Ю. Хржановского и дважды в 1926 г. с рисунками В. Сварога.

[2] Об этом журнале см. в письмах **441** и **451**.

[3] *Рыжкина* (псевд. Памбэ) Мария Никитична (1898–после апреля 1982, умерла в эмиграции), поэтесса, переводчица, занималась в семинаре М. Лозинского, работала во «Всемирной литературе». К.И. Чуковский вспоминает ее в *Чукоккале-РП*. С. 298. Подробнее о ней см.: Минувшее. Вып. 13. 1993. С. 355–456.

450. А.Н. Толстому

17 сентября 1922 г. Петроград

Дорогой Ал<ексей> Н<иколаевич>.

Что же «Носорог»? Мы из-за него задержали номер. Ради Бога не медлите. Прилагаю письмо от Якова Борисовича Лившица, издателя «Полярной звезды»[1]. Не могу, конечно, с уверенностью сказать, что это издательство прочное, но в последнее время оно проявило большую деятельность: издало 15 книг и приготовило к печати еще 30.

Номер «Носорога» у нас выходит отличный. Художники все те же: Анненков, Добужинский, Чехонин, но среди писателей есть новые.

У нас великолепная осень, какой Петербург, кажется, никогда не видал. Скоро ли выйдет Ваш фантастический роман? В здешних изданиях уже были о нем сведения, — кажется тоже фантастические[2].

Ну, до свидания, бегу на почту.

Ваш *Чуковский*

17 сентября

[1] Название одного из петроградских издательств (1922–1925).

[2] *Фантастический роман* — вероятно, «Аэлита» (1923) или рассказ «Клятва» (1922), сюжет которого был позднее использован в фантастическом романе «Гиперболоид инженера Гарина» (1927).

451. А.Н. Толстому

20-е числа сентября 1922 г. Петроград[1]

Дорогой Алексей Николаевич. Раньше дела носорожьи: у издателя «Эпохи» Соломона Каплуна есть мои деньги (гонорар за какую-то книжку). Покажите ему это письмо и получите у него сколько считаете нужным — ну, тысяч пятнадцать марок (ведь рассказ маленький?). А рассказ пошлите по почте — дойдет*. Очень обрадуете, только присылайте скорее — мы дадим иллюстрировать и к середине октября — в печать! Если пятнадцать Вам мало, возьмите двадцать[2].

Можно и по-другому: я могу дать миллионов сто или больше для Марианны — кому Вы укажете — здесь в Петербурге — мне все равно, — а Вы тому лицу пошлете рассказ. Словом, как Вам угодно, только ради Бога скорее рассказ. О «Никите» я бы написал с удовольствием, — но книжку достать не могу[3]. Если есть лишняя, пришлите, пожалуйста.

Теперь, после Вашего письма, вижу, как хорошо я сделал, что не рассердился на Вас — с самого начала. Чувствовал, что не могли же Вы намеренно сделать *такое*. А если не намеренно, на что и сердиться!

Конечно, я писал мое письмо только для Вас. Писал под влиянием минуты, потому что вообще политика не занимает меня нисколько, я ее терпеть не могу и думаю о ней небрежно, как придется. Сегодня так, завтра иначе, — не все ли равно. И когда вижу, что один человек ненавидит другого за его политич<еские> взгляды, думаю, что он притворяется. Интересно будет почитать Ваш фантастический роман[4]. А знаете ли Вы, что у меня в Куоккале погиб весь мой архив (письма Толстого, Короленки, Брюсова, Блока, рукописи Некрасова и т. д.) и в том числе *Ваш дневник*. Две тетради, относящиеся к той поре, когда Вы жили в Куоккале, в Кошкином Доме, и взирали на Рославлева снизу вверх[5]. Помните Ваши стихи, относящиеся к этой поре —

Идет старик, борода, как лунь.
Кругом клады, куда не сунь.

Вы читали мне их на болоте, и кругом был вереск, и пахло медом, и нам было — каждому — по 26 лет. А потом я носил эти стихи к разным редакторам, и один, лысый, сказал, что стихи дэкадэнские, и что Вы не Толстой, а Рабинович. Марья Борисовна Вам кланяется. Пишет ли для нас Нат<алья> Вас<ильевна>? Сколько у Вас в Берлине детей?

Ваш *Чуковский* (чирвя)

---

[*] разновременно два экземпляра.

[1] Датируется на основании ответного письма А. Толстого от 1 октября 1922 года.

[2] Речь идет о рассказе А. Толстого «Клятва», см.: Накануне. Берлин. Литературное приложение. 1922. № 28. 26 ноября.

[3] Упомянута новая книга А. Толстого: «Повесть о многих превосходных вещах (Детство Никиты)». Берлин: Геликон. 1922.

[4] См. примеч. 2 к письму **450**.

[5] Эти тетради в 1925 году Чуковский получил в Финляндии в составе уцелевшей части своего архива и написал о них в своих воспоминаниях об А. Толстом (См. *Т. 5.* наст. изд. С. 252–257). Чуковский рассказывает, что познакомился с Толстым в Лутахенде (Финляндия). Его привел Рославлев «...и странно было видеть, с какой наивной почтительностью относился к нему юный Толстой» (Там же. С. 252).

452. Л.М. Василевскому

19 сентября 1922 г. Петроград

Дорогой Лев Маркович.

Что же Вы не пожаловали? Я ждал. Очень грущу, что не застал Вас дома. В кои веки придется увидеться. Сейчас я уезжаю в Ольгино, вернусь в воскресенье 24-го — и буду выступать на Детском Утре в Театре Юных Зрителей. Хотите — приходите, будет очень интересно. Это два шага от Вас.

Жму Вашу руку.

Привет Л. А-не!

Ваш *Чуковский*

19 IX 22

453. В.П. Полонскому

До 16 октября 1922 г. Петроград[1]

Дорогой Вячеслав Павлович. Спасибо за книгу[2] и письмо. Чуть урву 2–3 свободные ночи, прочту книгу — тогда позвольте искренне и откровенно написать Вам свое мнение. Сейчас я весь занят детским издательством. У меня есть детские книги вроде «Крокодила», но — лучше: «Тараканище» и «Мойдодыр». Где и как их издать, не знаю. Многие издатели хотят, предлагают хорошие деньги — но я только жмусь и канителю.

Только что прочитал, как меня ругает Троцкий[3]. Это меня огорчило, потому что в его статьях много верного, меткого, сказанного раз навсегда. К сожалению, он почти прав, когда бранит мою «Книгу о Блоке». Это книга вымученная, без центра, Бог с ней, я ее не люблю. Но он неправ, когда пишет, что все мои книги такие. Неужели «Поэт и Палач», «Оскар Уайльд», «Уот Уитмэн», «Некрасов как художник», «Футуристы» — и другие вещи, изданные мною в этом году, — куплетны, педантичны, бессвязны? Льщу себя надеждой, что это не так. Это, может быть, тусклые книги, но недостатков «Книги о Блоке» в них нет. Троцкий думает, будто

я знаю адрес какой-то другой революции. Нет, адреса другой революции я не знаю и знать не желаю, я люблю эту Революцию и принимаю ее всю — с ее вшами, отчаяниями, героями, слезами и злобами. В ней очищение и спасение России, ею начинается обновление мира. Но дело не во мне, а в Блоке. Блок измыслил себе какую-то другую революцию — тоже некую Прекрасную Даму — и молился только той — выдуманной. Подлинную же считал как бы пасквилем, и тысячу раз говорил об этом и писал. Ему казалось, что *он* знает адрес другой революции, — ему, а не мне, я и писал о *нем*. И писал правду. Правда эта откроется, когда будут напечатаны письма и дневники Ал. Блока, и затушевывать ее незачем. Почему Тр<оцкий> навязал мне чужие мысли, не знаю[4].

О сотрудничестве в «Кр<асной> Нови» поговорим, когда я приеду в Москву. Не получая от Вас долго ответа, я пристроил свою «Поэзию Денег» в «Былое»[5] — к Щеголеву. Но читать в «Доме Печати» я хочу, — и знаете что? Не устроить ли в Доме Печати «Детское Утро»? Устройте и позовите меня, я прочту для детей «Мойдодыра». Это доставит удовольствие и им — и мне.

Очень интересно, что Вы напишете о Нечаеве. Я читал некоторые главы Вашей статьи в журналах и вижу, сколько нового матерьяла Вы привлекаете и как тщательно Вы его разрабатываете. О Нечаеве скоро появится много нового матерьяла.

Неужели Вы ударились в историю и ни звука не скажете о современной словесности? На днях я получил от Толстого письмо. Он пишет: что же это будет, если критики станут заниматься Бакуниными, Некрасовыми, Глебами Успенскими — а живых писателей — забудут? Помните, сколько Вы писали о Розанове, о Горьком — неужели больше не тянет?

Меня — нет! Хотя я Лунца и Слонимского знаю с пеленок (оба были моими слушателями и потом — «секретарями»), хотя Серапионов я очень люблю, но писать о них почему-то не хочется. А о Некрасове мне каждая строчка интересна. Думаю, что это грех, с которым нужно бороться.

Книжек своих не посылаю, потому что надеюсь привезти. Видели Вы пятое издание моего Уитмэна? (Изд. «Всем. Лит.»). Я привезу эту книжку Вам лично. Сейчас я перевел «Записки Жулика» О. Генри — пришлю, когда выйдут. У меня есть очень хорошая книга для издания: Записки Панаевой-Головачевой — под моей редакцией со множеством дополнений[6]. Не издаст ли кто у Вас эту книгу? Но нужно будет отдать часть денег Гржебину, т. к. когда<-то> я продал ему эту книгу, а он уже три года не издает ее. А она сенсационно интересна. Не знаю, имею ли я право распоряжаться Диккенсом?[7] Ведь он принадлежит «Всем<ирной> Лит<ерату-

ре>». Спасибо за автограф на книжке. Будьте добры — если у Вас есть ко мне какие поручения — не стесняйтесь, я к Вашим услугам.

Ваш *Чуковский*

Видели «Современный Запад». Он скучен — не по нашей вине.

[1] Датируется по ответному письму Вяч. Полонского от 16 октября 1922 г.

[2] *Полонский Вяч.* Михаил Александрович Бакунин (1814–1876). М.: Гос. изд-во, 1920. 9 октября 1922 года Чуковский записал в дневнике: «Читал вчера с великим удовольствием книгу о Бакунине, написанную Вячеславом Полонским. Очень, очень хорошая книга» *(Дн.-12.* С. 58).

[3] Речь идет о статье Троцкого «Внеоктябрьская литература», опубликованной в «Правде» 1 октября 1922 года.

[4] В ответном письме Вяч. Полонский пишет: «Не сердитесь на меня — я на днях был у Троцкого — и, между прочим, сказал ему, как он Вас разобидел. Прочел ему то место в письме, где Вы пишете об адресе "другой революции", о себе и о Блоке. Троцкий прослушал с интересом и сказал: "а почему он это не напечатает? В книге о Блоке он другое говорил. Вот, возьмите, и опубликуйте его письмо — да скажите Чуковскому, что я приму это письмо "к сведению". Т.е. он не будет полемизировать с Вами и доказывать, что Вы не "приемлете" эту революцию. Я ответил ему, что без Вашего разрешения опубликовать не могу — ибо письмо частное, не для печати.

Если Вы не будете возражать — тогда дело другое. Оно имеет, конечно, общественный интерес.

Троцкий сейчас мало работает над книжкой о литературе. Удивительный человек. Разносторонне талантлив, неисчерпаемая энергия — человек из стали — и при этом обаятельный. В личной беседе это один из самых приятных людей, каких я только встречал. Он, между прочим, не читал Ваших работ о Некрасове. А Уайльда он не терпит вообще — не любит его» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 69. Ед. хр. 64).

[5] *Чуковский К.* Некрасов и деньги // Былое. 1923. № 22. С. 36–70.

[6] См. примеч. 7 к письму **383**.

[7] Вероятно, речь идет о книге: *Диккенс Ч.* Повесть о двух городах // Пер. Е. Бекетовой; Вступ. ст. К. Чуковского. Пб.: Всемир. Лит., 1919.

454. В.П. Полонскому

Последняя декада октября 1922 г. Петроград[1]

Дорогой Вячеслав Павлович!

Моя жена, отнюдь не «литературная дама», долго не желавшая последовать моему совету и прочитать Вашего «Бакунина», — прочитала всю книгу в один присест и теперь говорит о Бакунине, как о своем личном знакомом. Напрасно Вы отзываетесь об

этой работе, как о черновой. Это не эскиз романа, а самый роман, но, повторяю, язык этого романа гораздо ниже его внутреннего содержания. При свидании я вручу Вам свои заметы, авось иные из них Вам пригодятся. Свидание это будет скоро. Меня вызывает Первая Студия помочь ей в постановке одной ирландской пьесы.

Я приеду около 5–7 ноября[2]. Тогда поговорим о «Поэзии денег» и «Детском Утре». Я твердо решил выступить только в «Доме Печати». В детском утре участие мое выразится в том, что я прочту две крокодилообразные поэмы — «Мойдодыр» и «Тараканище». Этого мало: нужны пение, музыка, танцы и еще чтецы. Может быть, Вы предложите Венгрову[3] сорганизовать утро, — пригласить певцов и танцоров, а мы с ним «сделали» бы литературную часть.

Конечно, я не предполагал, что Вы покажете мое письмо Троцкому. Тогда я иначе написал бы. Вы правы: я *только* литератор, и меня не столько задело, что он утверждает, будто я не приемлю окт<ябрьской> революции, сколько то, что он пишет обо мне, как о литераторе. Я не могу полемизировать с человеком, который пишет обо мне *таким тоном*. Я такого тона не заслужил. Я третьестепенный, малоодаренный работник, но я работник прилежный и дело свое люблю. Говорить обо мне как о клоуне может только тот, кто меня не читал. Если бы Тр<оцкий> прочел *пятое издание моей книги о Уитмэне*[4], где видно столько добросовестной работы (один перевод прозаической статьи «Будущие пути демократии» дал бы в Германии или Англии непостыдное место в литературе), если бы он познакомился с моей книжкой «Оскар Уайльд», с «Поэтом и Палачом», «Некрасов как художник» и проч. — он не стал бы говорить обо мне как о «клочковатом» куплетисте, не умеющем собрать свои мысли. Я его очень люблю — и как писателя, и как организатора армии, и вообще как историческую фигуру, — и часто любуюсь им, но не желаю, чтобы он знал об этом, так как вовсе не намерен унижаться пред человеком, меня не уважающим. Умоляю Вас, пусть это письмо останется между нами. Я не читал, но мне говорят, что он причислил меня к мужиколюбам. Ну, можно ли судить об убеждениях писателя по отрывку частного письма? Я рус<ских> мужиков, как таковых, ненавижу — в деревне они измотали всю мою душу — но это не убеждение, а impression[5], коего не стал бы излагать для печати.

Мой адрес: Кирочная, 7, кв. 6. Лучше пишите на «Всемирную» (Моховая, 36).

Посылаю Вам своего «Мойдодыра» — Вы увидите, что это пропаганда. Пропаганда умывания. Действует магически. Самые закоренелые замарашки начинают умываться раз по десять в сут-

ки. Я уверен, что впоследствии «Комиссариат Здравоохранения» и фабриканты мыла будут печатать эту вещь в десятках и сотнях тысяч экземпляров.

Интересно, что скажет о ней Ваш сын. Я лично люблю больше всего другую вещь «Тараканище», но она для 3–4-летних детей. Нужны картинки.

Будьте счастливы. До скорого свидания. «Деньги»[6] я обещал Щеголеву. Если ему не подойдет, дам Вам с удовольствием. Мне Ваш журнал нравится, но почему в нем нет беллетристики? Это журнал сорокалетних мужчин, а нужно издавать журнал для двадцатилетних барышен и подростков. Так, по крайней мере, было до сих пор в России.

Весь Ваш *Чуковский*

Напишите, что-нб. для «Совр<еменного> Запада» и Троцкого попросите написать о современной западной литературе. Хочу дать нечто свежее и актуальное, но никто не пишет, а только критикуют.

[1] Датируется по содержанию.

[2] Чуковский, находясь в Москве в ноябре 1922 года, переводил пьесу ирландского драматурга Синга «Плейбой» для постановки в 1-й студии МХАТ'а.

[3] *Венгров* Натан (наст. имя и фам. Моисей Павлович Вейнгроф; 1894–1962), поэт, литературовед.

[4] *Уитмен Уолт.* Листья травы: Проза / Перев. и предисл. К.Чуковского. Пб.: Гос. изд-во, 1922.

[5] впечатление *(англ.)*.

[6] Упомянута статья «Некрасов и деньги» // Былое. 1923. № 22.

455. А.Н. Толстому

Октябрь, 1922 г. Петроград[1]

Дорогой Толстой, если Вам удастся так же хорошо закончить повесть, как Вы ее начали, это будет превосходная вещь, *открывающая новую эру в детской литературе.* Я давно уже доказывал Серапионовым братьям, что повесть из жизни мальчишек-папиросников гораздо романтичнее, интереснее всяких «Всадников без головы», команчей, последних могикан. Ваш герой с таинственной надписью на спине[2] — есть подлинный центральный герой современной России. Я знаю тысячи таких мальчишек, и все мечтал, чтобы какой-нибудь беллетрист написал из их жизни повесть. Я и не думал, что Вы в Берлине учтете этот центральный тип, этот главный нерв. И такая *завязка* для *большой* повести! Какие возмож-

ности для развития тысячи приключений. Редко — даже Вам — случается написать такую чудную вещь. Здесь нет пустых мест, нет мертвых точек. Спасибо, Вы обрадовали меня очень. Представитель издательства Л.М. Клячко[3] сегодня пишет Вам обо всех денежных делах, я же, как редактор, могу сказать только одно: не пренебрегайте такой хорошей завязкой, используйте ее по-настоящему, не ограничиваясь одним эпизодом. Мы рады будем напечатать эту вещь хоть в десяти номерах. Но у нас в издательстве есть один принцип, от которого мы не можем отступать: мы не можем печатать начало, не имея конца. Мы будем быстро и аккуратно уплачивать Вам гонорар за каждую присылаемую Вами рукопись, но мы приступим к напечатанию только тогда, когда у нас будет конец. Или вернее — не конец, а *завершение данного эпизода*. Я уверен, что если Вы напишете роман из жизни этих двух мальчишек, то роман будет состоять из целого ряда небольших, вполне закругленных рассказов (вроде «Детства» Горького; я говорю лишь о композиции, а не о стиле или сюжете). Мы отложили Вашу повесть — и с минуты на минуту ждем завершения главок. Тогда немедленно сдаем ее в набор и будем ждать продолжения: второго эпизода, третьего и т. д.

1922

Натальи Васильевны «Письмо» будет напечатано гораздо раньше — в сборнике «Радуга» для маленьких детей[4]. Я сегодня пойду к Вл.Вас. Лебедеву[5] и попрошу его проиллюстрировать эти стихи, — нарисовать, как гусеница пишет письмо, а заяц читает письмо. Мне очень понравился тон стихотворения — и соотношение двух стилей: взрослого и детского. «Не имея на то права» — у другого поэта казалось бы неряшливо и вяло, — а у Нат<альи> Васильевны это и грациозно, и мило, и свидетельствует не о слабости, а о силе.

Ваш *Чуковский*

На днях я объехал несколько детских приютов и всюду читал свои стишки, — хотел ближе познакомиться с нынешними младенцами. Как забавны эти большелобые, пузатые, бритые четырехлетние слушатели. Не знаю почему, когда я вижу целую комнату, сплошь набитую четырехлетним головатым и пузатым народом, мне становится смешно до неприличия. Каждый из них — карикатурно-солиден, и нисколько не чувствует своего лилипутства. Когда я кончил читать, их учительница сентиментально спросила:

— Ну что, детки, понравилось вам? Что вас заинтересовало больше всего?

Один четырехлетний сказал:

— Зубы золотые.

А другой прибавил:

— Три.

(Слушая, они смотрели мне в рот и заметили и даже подсчитали золотые зубы).

Для таких нужно писать иначе, чем писали до сих пор. И Вы попали в самую центру.

[1] Датируется по содержанию.

[2] Эпизод с «живым письмом» впоследствии использован Толстым в романе «Гиперболоид инженера Гарина» (гл. 28).

[3] О *Л.М. Клячко* см. «Список адресатов».

[4] Это стихотворение Н.В. Крандиевской вошло в ее книгу «Звериная почта» (Л.: Время, 1925).

[5] *Лебедев* Владимир Васильевич (1891–1967), народный художник РСФСР (1966). В 1910-е годы сотрудничал в журнале «Сатирикон». В советское время много работал в области детской иллюстрации. Наиболее известны его иллюстрации к произведениям С. Маршака, К. Чуковского, Р. Киплинга.

456. П.Е. Щеголеву

1922 г. Петроград

Дорогой Павел Елисеевич.

Я уверен, что Вы и без моей рекомендации с радостью примите для «Былого» статью Надежды Валерьевны Гариной-Михайловской[1], вдовы автора «Детства Темы». Статья написана очень талантливо — и рисует такой обаятельный образ, который необходимо сохранить для потомства.

Ваш *Чуковский*

[1] Статья в «Былом» не публиковалась.

457. М.А. Стакле

24 января 1923 г. Петроград

Я написал двенадцать книг, и никто на них никакого внимания. Но стоило мне однажды написать, шутя, «Крокодила», и я сделался знаменитым писателем. Боюсь, что «Крокодила» знает наизусть вся Россия. Боюсь, что на моем памятнике, когда я умру, будет начертано «Автор "Крокодила"». А как старательно, с каким трудом писал я другие свои книги, напр<имер>, «Некрасов как художник», «Жена поэта», «Уот Уитмен», «Футуристы», «Уайльд» и проч. Сколько забот о стиле, о композиции и обо многом другом, о чем обычно не заботятся критики! Каждая критическая статья для меня — произведение искусства (может быть, плохого, но искусства!), и когда я писал, напр., свою статью «Нат Пинкертон», мне казалось, что я пишу поэму. Но кто помнит и знает такие статьи! Другое дело — «Крокодил». Miserere[1].

К. Чуковский

24 янв. 1923

[1]Miserere (*лат.*) — в латинском переводе начало 50-го псалма «Miserere mei domini...», в церковнослав. переводе: «Помилуй мя, Боже...».

458. Ф.К. Сологубу

1 марта 1923 г. Петроград[1]

Дорогой Федор Кузьмич.

Как я завидую Анне Андреевне[2], — мне так хотелось пожать Вам руку *именно сегодня*. Я в такой каторге и суете, что вот уже две недели не могу доставить себе этой душевной радости — посетить Федора Сологуба. Каждый день собираюсь, — и вот приходится писать Вам на гнусной бумаге каракули. — Мне так хотелось вспомнить в этот день Анастасию Николаевну[3] — которую я знал

15 лет. Я помню, как она появилась в Вашем доме и сколько радости, молодости, веселого труда внесла она в Вашу жизнь. Жму Вашу руку и приветствую от души.

Чуковский

[1] Датируется по содержанию. 1 марта 1923 г. Ф. Сологубу исполнилось 60 лет.

[2] Ахматовой.

[3] *А.Н. Чеботаревская*, жена Ф.К. Сологуба, покончившая с собой в 1921 году.

459. П.Е. Щеголеву

Середина февраля — до 10 марта 1923 г. Москва[1]

Многоуважаемый Павел Елисеевич,

Вы знаете, как мучило меня появление в свет «Стихотворений» Некрасова, позорно изданных Госиздатом под моей редакцией[2]. Я работник старательный и аккуратный, а это издание напечатано неряшливо, со множеством безобразных опечаток. Мне было больно связывать свое имя с такой отвратительной книгой, и вот исподволь я подготовил теперь новое издание стихотворений Некрасова, где (держу какое угодно пари) нет ни одной ошибки, где почти каждая строчка сверена с рукописью. (Вы знаете, сколько рукописей Некрасова прошло через мои руки.) И вот сегодня в Москве, в Госиздате, Калашников и Мещеряков[3] заказали мне новое издание «Стихотворений» Некрасова, я отправился в кассу получать деньги — и вдруг в последнюю минуту, после многодневных мытарств, узнал, что такое же издание заказано Вам. Обращаюсь теперь к Вашему великодушию. Не найдете ли Вы возможным уступить мне эту работу, на которую я убил много лет своей жизни. Здесь речь идет не о деньгах — а о чести. Мне хочется загладить плохое издание — хорошим. Если бы я думал, что за редактуру беретесь лично Вы, я не писал бы этого письма. Но Вы хотите кому-то поручить, поручите мне.

Когда же будет корректура «Поэзии денег»?[4] Если едете в Москву, захватите ее с собою. Я остановился на Советской площади, 34, Первая Студия Моск<овского> Худ<ожественного> театра. Телефон 18–42.

Ваш *Чуковский*

Здесь скульптор Андреев[5]. Он хочет написать Ваш портрет. Когда будете в Москве? Засолили Вы мою статью. Да нет подлинника. Привезите же!

[1] Датируется по записям в дневнике К.И. Чуковского. См.: *Дн.-12.* С. 84–85.

[2] Речь идет об издании: *Некрасов Н.* Стихотворения / Изд. испр. и доп. под ред. и с предисл. К. Чуковского; с биогр. очерком В.Е. Евгеньева-Максимова. Пб.: Гос. изд-во, 1920.

[3] *Калашников А.Г.* (1893–1962), зав. редакционным сектором Госиздата. *Мещеряков Н.Л.* (1865–1942), заведующий Госиздатом РСФСР. В дневнике от 27 февраля 1923 г. Чуковский записывает: «Вчера сидел в Госиздате с 11 ч. до половины 5-го и, наконец, подписал договор. О, как болела голова, сколько раз по лестнице вверх и вниз. Два раза переписывали» (*Дн.-12.* С. 84). Полное собрание стихотворений Некрасова (под ред. К. Чуковского) вышло в Госиздате в 1927 г. и переиздавалось еще 8 раз (с 1928 по 1935).

[4] Речь идет о статье Чуковского «Некрасов и деньги» // Былое. 1923. № 22. С. 36–70.

[5] *Андреев Н.А.* (1873–1932), скульптор и график. См. о нем в *Дн.-12.* С. 84.

460. А.Н. Бенуа

Февраль 1923 г.

Дорогой Александр Николаевич!

Будьте столь великодушны — сделайте радугу для «Радуги»[1]. Вы очень обрадуете любящего Вас *К. Чуковского.*

Приду в понедельник.

1923. Февраль

[1] Об издательстве «Радуга» см. примеч. 1 к письму **449**.

461. Н.О. Лернеру

Ок. 17 марта 1923 г. Петроград[1]

Дорогой Николай Осипович!

Спасибо за «Прозу Пушкина»[2]. До сих пор я и не подозревал, что у Вас есть такая оригинальная и большая работа. Конечно, я не со всеми Вашими эпитетами согласен. Не понравился мне «критик-лирик» со своими *«радостно-звонкими* откликами». Не понравился *«яркий* сатирик». Но в общем стройная, умная, глубоко поучительная книжка (научающая читать не только Пушкина, но и многих других). Ни у кого не читал я (даже в намеке) таких метких и тонких замечаний о Пушкине-историке, Пушкине — политич<еском> деятеле — и как хорошо о моей любимой книге, о

«Письмах Пушкина»! (Хоть опять меня кольнули «золотые слитки русского слова» и «роскошный фейерверк алмазных искр»).

Кажется чудом, что на сотне страничек Вы умудрились поместить столько исчерпывающих формул. Особенно приятно видеть, как почтительно Вы сечете Пушкина (стр. 90 и раньше 59–60)[3]. Теперь о деле более мизерном: о Воспоминаниях Панаевой. Податель сего Евгений Львович Шварц, даровитый актер, постоянный член Серапионовых праздников[4] изложит Вам мою грустную повесть, — прошу Вас, пособите ему!

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по пометке адресата: «Получ. 17 (4) марта 1923».

[2] *Лернер Н.О.* Проза Пушкина. 2-е изд. Пг.; М., 1923.

[3] В ответном письме от 18 марта 1923 г. Н. Лернер писал: «Но отчего Вы, ангел мой, написали все это мне одному, а не Риму и миру? Поместить бы лучше рецензийку в «Жизни искусства»: Вам гонорар, мне бессмертие, Пушкину реклама» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 67. Ед. хр. 17).

[4] Евегний Львович *Шварц* (1896–1958), впоследствии известный драматург, в 20-е годы был секретарем Чуковского.

462. Л.М. Клячко

Весна 1923 г. Петроград[1]

Дорогой Лев Моисеевич!

Мой счет такой:

Каждый экземпляр «Мойдодыра» продается по 75 коп. Шесть с полов<иной> процентов составляют пятак. За три тысячи экземпляров — три тысячи пятаков, т. е. 150 рублей золотом, каковые деньги будьте милостивы приготовить для меня сегодня. Если они имеются у Вас в золоте, то не меняйте. Скажите Евг. Львовичу Шварцу, в котором часу мне за ними зайти.

Был у меня вчера Маршак и показал мне рисунки Конашевича: рисунки очень хороши.

Мне кажется, наша задача, задача «Радуги» — сплотить вокруг детских книг все лучшее, что есть в русской живописи. Поэтому я очень обрадовался, когда Ал. Бенуа сообщил мне вчера, что у него *уже готова*[2] иллюстрация к «Радуге».

Итак, в объявлениях о нашем издательстве мы можем печатать, что у нас сотрудничают *Ю. Анненков, Александр Бенуа, М. Добужинский, В. Замирайло и Сергей Чехонин.*

Кто же может конкурировать с нами!

Смотрите же, посетите Бенуа — Вы лично. Ему нужны не столько деньги, сколько Ваше внимание. Его адрес: ул. Глинки, 15 (ход со двора).

Вручите Шварцу рассказы О. Генри (мои переводы и чужие, а также биографию, написанную другим переводчиком)[3] — и примите привет от любящего Вас

Чуковского

[1] Датируется по содержанию.

[2] Здесь и далее выделено автором письма.

[3] Речь идет, надо полагать, о сборнике О. Генри «Благородный жулик и другие рассказы», который вышел в следующем (1924) году в ГИЗе под редакцией и с вступительной статьей К. Чуковского (переводы С. Маршака, К. и Н. Чуковских и других).

463. Ф.К. Сологубу

4 мая 1923 г. Петроград

4.V.1923

Кирочная, 7, кв. 6

Дорогой Федор Кузьмич.

Знаете ли Вы, что П.Е. Щеголев едет в это воскресение в Москву? Говорили ли Вы с ним об издании «Творимой Легенды»?[1] Если желаете, я могу переговорить с ним об этом сегодня в пять часов.

Ваших комиссий я не забыл. Абраму Ярмолинскому в Нью-Йорк о списке Ваших книг, переведенных на иностранные языки, я написал дней пять тому назад. Американцы согласны послать за границу Ваше письмо, но ни рукописей, ни статей они послать не могут. Теперь у них новые строгости.

Сергей Вас. Чехонин хочет написать Ваш портрет. Он просил меня узнать, согласны ли Вы ему позировать. Нет ли у Вас лишнего экземпляра «Сочтенных Дней»[2]. Этого сборника нет даже в Публичной библиотеке.

Ваш *Чуковский*

[1] Трилогия Ф. Сологуба *«Творимая легенда»* (1914) при советской власти не переиздавалась.

[2] Речь идет о книге: *Сологуб Ф.* Сочтенные дни. Ревель: Библиофил. 1921.

464. Ф.К. Сологубу

1 июня 1923 г. Петроград

1.VI.1923

Дорогой Федор Кузьмич.

Спешу сообщить Вам, что мой разговор с Ионовым[1] увенчался успехом. Ионов просит дать ему для напечатания листов 15 Ваших рассказов, — таких, где «нет ни мистики, ни контрреволюции», и раньше всего — «Ходынку»[2].

Мне казалось бы, что «Ходынку» нужно напечатать отдельно — с иллюстрациями. Ионов вчера уехал в отпуск — вернется через месяц. Гонорар он обещал дать хороший. Но, конечно, с ним нужно торговаться, как с цыганом.

Ваш *Чуковский*

Не забудьте, ради Бога, о Некрасове. Мне очень хочется знать Ваше мнение об этом поэте[3].

[1] Об И.И. Ионове см. примеч. 11 к письму **386**.

[2] Вероятно, имеется в виду рассказ Ф.К. Сологуба «В толпе», навеянный Ходынской катастрофой (о детях, раздавленных в толпе).

[3] Чуковский составил «Анкету поэтам» и предложил ответить на нее Ф. Сологубу. Сологуб ответил, но после долгих уговоров (см. письмо **468**) — 3 сентября 1925 года (см. также: *Чукоккала*. С. 159, 161).

465. А.Ф. Кони

Июнь 1923 г. Петроград[1]

Дорогой Анатолий Федорович.

Имя П.М. Ковалевского — и как романиста и как автора Мемуаров и как поэта[2] — очень мне известно, и я рад сделать все возможное для его дочери, но многое ли возможно?[3] Как нарочно — вчера уехал в Москву мой приятель американец мистер Keeny[4], который никогда не отказывал мне в моих ходатайствах о литературных людях. Он вернется только 1 июля, и, если у него еще останутся пайки, я не сомневаюсь, что один из них (ARA)[5] будет предоставлен дочери П.М. Ковалевского.

Mr. Keeny — человек с университетским образованием, очень просвещенный. Русское студенчество обязано ему очень многим. Он организовал (по своей инициативе) питание студентов в Петербурге, Москве, Харькове и т. д. Он добыл средства для этого — у америк<анских> филантропов. Он говорил мне, что он мечтает познакомиться с сенатором Кони, который, как он утверждает, хорошо известен культурным людям Америки. Я надеюсь, что Вы

позволите мне привести к Вам в июле этого благородного человека.

То, что Вы пишете о Клячко[6] — превосходит всякие вероятия. Он поклялся мне, что завтра же (то есть 2 недели назад!) будет у Вас и «все уладит».

Неряшливость его доходит до того, что он отпечатал одну мою книгу — не показав мне корректуры!

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по содержанию.

[2] Имеется в виду Павел Михайлович *Ковалевский* (1823–1907), поэт, писатель, мемуарист «некрасовской школы». О его посмертно изданной книге «Стихи и воспоминания» (СПб., 1912) Чуковский писал в статье «Литературный дебют Достоевского»: «Рекомендуем читателям эту книгу: в ней много юмора, жизни и красок, а между тем она прошла незамеченной». (Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М., 1969. С. 486).

[3] А.Ф. Кони неоднократно обращался к Чуковскому с просьбами о помощи нуждающимся старым интеллигентам, потомкам известных деятелей культуры девятнадцатого века. Его хлопоты, предпринятые по просьбе Кони – и по собственной инициативе – отражены в переписке и в дневнике.

[4] *Кини* (Keeny Sprudjion Milton, 1893–1988), американский филолог, сотрудник ARA. В дневнике Чуковский дает ему чрезвычайно доброжелательную характеристику (см. *Т. 12* наст. изд. по Указателю имен).

[5] ARA — см. примеч. 4 к письму **435**.

[6] Об *Л.М. Клячко* см. «Список адресатов».

466. И.Е. Репину

До 2 августа 1923 г. Петроград[1]

Дорогой Илья Ефимович.

Простите, что пишу карандашом: чернила — советские, бледные, ничего не разобрать. Два-три года назад, когда я редактировал стихи Некрасова[2], мне удалось выхлопотать «яти» и «и с точкой» для этой книги, — только на том основании, что родственники поэта не позволяют мне пользоваться его рукописями, если не будет ятей. Понадеялся я на это и теперь. Пошел в Государственное издательство. Там объяснили мне, что при всем желании не могут разрешить яти, так как во всех типографиях яти конфискованы. У наборщиков нет в кассах этой буквы[3]. Я на этом не остановился, а решил написать Луначарскому (который недавно, при оглушительных аплодисментах, провозгласил лозунг: «Назад к передвижникам»)[4].

1923 Я очень рад, что получил Ваше письмо, и теперь могу ссылаться на то, что «такова воля И.Е. Репина» — и могу показать документ. Через недели две у меня будет официальный ответ, и я перешлю этот ответ Вам.

Да, Вы правы, предисловие к Вашей книге было озаглавлено «Мои Восторги». Мне кажется, что действительно лучше «Моих Восторгов» теперь не печатать: публика не та, не поймет интимного. Лучше оставить «Восторги» для второго или третьего издания. Жду Ваших распоряжений по этому поводу. Не включить ли Ваши статьи о Стасове в книгу «Воспоминаний»? — непосредственно перед статьей «Стасов, Антокольский, Семирадский». Ваша книга в хороших руках — нельзя себе представить более деликатного и благородного человека, чем Степан Петрович Яремич[5] (вообще к старости многие стали милее. Я уверен, что *теперь* Вы полюбили бы даже Александра Бенуа. Он стал седой, совсем медведь). Степан Петрович относится к Вашей книге с благоговением и, я уверен, вложит много бескорыстного труда в ее напечатание.

Был у меня художник Замирайло — помните Вы этого хохла? Он иллюстрирует одну мою сказку[6]. Оказывается, он не признает ни нового, ни старого правописания, сочинил свое собственное и свою фамилию пишет Замірайло. Помните ли Вы его работы? Однажды на выставке Вы их очень хвалили. Теперь он голодает — лето и зиму — в разлетайке какой-то.

Спасибо за дивное письмо о Куоккала[7]. Вы так живо все изобразили, что я опять с Вами, опять слышу, как журчит Ваш фонтан, опять гуляю с Вами по берегу моря. Куоккала — моя родина, мое детство, и неужели никогда мы не посидим с Вами в «киоске»», не почитаем стихов, и не увижу я Вашей мастерской, Ваших новых портретов, Ваших будущих картин, не услышу Вашего баса? Да, я тоже помню все, помню всех, и Леонида Андреева — «Герцога Лоренцо»», и Григория Петрова[8], и Короленко (на велосипеде!), и Розанова, и Матэ[9], и старуху Серову[10], и Битнера[11] — фон Битнера «с женою из замка». Битнер умер, умер Матэ, умер Короленко, умер Андреев, умер Розанов — даже дико подумать.

Как я счастлив, что я вел дневник и записывал все наши встречи! Я могу Вам напомнить, что 8 февраля 1913 г. Вы дали тайно поэту Богданову[12] (которому угрожала тюрьма) 100 рублей, что 19 марта того же года Вы показали мне начатую Вами картину «Дуэль» (новый вариант), что в апреле того же года Вы дали слесарю Иванову денег, чтобы он не брал сына из гимназии, что 10 февраля 1914 г. у Вас был Шаляпин, что 19 июня мы с Крачков-

ским[13] провожали Вас за границу. У меня записаны все наши разговоры, и, перечитывая их, я как будто слышу Ваш голос. Вы, например, и забыли, что 15 июля 1914 г., накануне войны, Вы вернулись из-за границы, пополневший, загорелый, в шляпе с траурной лентой, принесли нам меду и говорили о Достоевском. Все Ваши рассказы я помню — о Чистякове, о Васнецове, об Айваз<овском>. Все Пенатское меня интересует больше всех людей на свете: я знаю историю каждой грядки, помню сосны в виде пальм, помню, как Вы засыпали болото и превращали его в холм; помню, как весною с Ваших горок текут ручьи, и я рад, рад, что старуха Шехерезада еще стоит, что Ваши яблони сохранились, что у меня, *на моей родине,* так хорошо. Здесь я на чужбине, не с кем душу отвести, и, кроме прошлого, у меня ничего нет. Люди испоганились ужасно: то, что сделал со мной Перевертанный[14], — есть отчаянная злая жестокость: ведь он мог бы продать мебель и *уплатить налог,* он ведь знал, что я нищий, что у меня огромная семья, что революция чуть меня не раздавила. А он мало того, что ограбил меня, он еще распустил в Куоккала слух, будто я большевик! Очень мне хочется осенью приехать к Вам в Куоккала, попить с Вами чаю при лампе, посмотреть на места, где я пережил так много, — но как же поедешь, если разные Черные и Белые набрехали о тебе целый короб.

Чудесно Вы делаете, что купаетесь. Вам всегда это было полезно. Поздравляю Вас от всей души с днем Вашего Ангела и знаю, что этот день будут заочно праздновать с Вами все Ваши друзья, куда бы их ни закинула жизнь. Что же Вы ни слова не сказали о своих «хронических» картинах? Какая тайна прячется теперь от всех под широкою занавесью? Что делается в Вашей летней мастерской, откуда так долго не уезжали Ваши «черноморцы»?[15]

Ваш *Чуковский*

(Привет всем Куоккальцам).

[1] 2 августа (20 июля ст. ст.) — день Ильи-пророка, именины Репина, с которыми в этом письме Чуковский его поздравляет.

[2] Чуковский имеет в виду выпущенный им однотомник сочинений Н.А. Некрасова (см. примеч. 5 к письму **427**), положивший начало научному изданию произведений поэта.

[3] И.Е.Репин в письмах к Чуковскому настаивал, чтобы его книга выходила по старой орфографии. Он постоянно писал об этом в письмах. Вот несколько примеров — *6 января 1922 г.:* «Неужели и мою книжку будут печатать по новой орфографии? Похлопочите: нельзя ли по старой». *9 июня 1923*: «Один ужас не дает мне спать, при мысли, если эти статьи будут печатать по новой (без глаз, без носа и без волос) орфографии». *8 декабря 1923*: «Ах, если бы *по старой орфографии!!! Ибо,* когда я подумаю об этих кан-

далах нарочитого безграмотства, мне делается так стыдно!..» *8 февраля 1927*: *«...новая орфография, вот позор.* Эта *печать рабства* – останется на нашем времени позором: печать невежества, безвкусия *черни» (Репин.* С. 142, 156, 169, 257). В результате книга воспоминаний И. Репина «Далекое близкое» при его жизни издана не была и напечатана после его смерти лишь в 1937 году по новой орфографии.

[4] Речь А.В. Луначарского на открытии памятника А.Н. Островскому в Москве у Малого театра.

[5] Степан Петрович *Яремич* (1869–1939), художник.

[6] Художник Виктор Дмитриевич Замирайло иллюстрировал сказку К.И. Чуковского «Джек – покоритель великанов» (Пг., 1922).

[7] В письме от 15 июля 1923 года Репин писал: «...проходя мимо «Шехерезады», я вспоминаю Вашу высокую, веселую фигуру, – помните, как Вы подымали поваленные бурей деревья? Недавно была большая буря, но «Шехерезада» *стоит:* только дороги все страшно заросли травой забвенья (вчера уже Емельян выкосил их, а то не пройти, особенно утром – роса!) А я босяком (и все Вас вспоминаю). Огневой Вы человек, дай Вам Бог здоровья. Помните, как на наших народных гуляньях в саду Вы угощали нашу пролетарскую публику – дешево – чаем? 1 копейка стоил стакан чаю, копейка – печенье. Как любили Вас бабы и девки! Да, Вы всегда были душою общества, вселяли смелость и свободу» (*Репин.* С. 162).

[8] О *Г.С. Петрове* см. примеч. 4 к письму **189**.

[9] *Матэ* Василий Васильевич (1856–1917), гравер.

[10] Речь идет о *В.С. Серовой*, матери художника В.А. Серова.

[11] О *В.В. Битнере* см. письмо **224**.

[12] *Богданов* Александр Алексеевич (1874–1939), поэт.

[13] *Крачковский* Степан Петрович, капитан, коллекционер.

[14] *Перевертанный-Черный* Николай Александрович, юрист, первый муж художницы Е.А. Киселевой, куоккальский сосед Чуковского, который на страницах своего дневника нарисовал его выразительный портрет: «Окончил Петербургский университет вместе с Блоком. Юрист. Красавец с удивительным пробором. ...он выманил у меня доверенность на право распоряжаться моими вещами и продал всю мою обстановку...» (*Дн-12.* С. 197–198. *Январь 1925 г.*).

[15] Речь идет о картине «Черноморская вольница».

467. М.А. Волошину и М.С. Волошиной

17 октября 1923 г. Петроград

Дорогие мои. Я сделал самое глупое, что только мог, – простудился и вот шесть дней лежу, как пласт, нигде не бываю, никого не вижу. Во всем виновата Мария Степановна[1]: после того как *она спела «Зарю-Заряницу»*[2], мне захотелось повидать Сологуба; я поехал к нему на Тучкову набережную, меня прохватило ветром, и в

результате кашель, горло, градусник. Не сердитесь поэтому, если письмо выйдет бессвязное. Доехал я хорошо, дома меня встретили весело, все наши здоровы, в восторге от винограда, от камушков, от Габриаков[3], от картины Максим<илиана> Ал<ександровича>. Одно только не совсем восхитительно — это безденежье, которое надвигается, как лавина, не только на мою семью, но на всех т<ак> наз<ваемых> интеллигентных пролетариев. Заработков ниоткуда не видно. Никто никаких книг не покупает. Лекции не посещают. Театры пустуют. Даже кинематографы не делают сборов. Уныние страшное. Катастрофа с моск<овским> Госиздатом задела всех литературных работников[4]. Ко мне тучами ходят барышни с рекомендательными письмами, ищущие места, голодные, беспризорные, — готовые на все. Федор Сологуб сидит без копейки; не может «пристроить» ни одной своей книги[5] и цитирует Некрасова: «где бы денег занять поскорее»[6]. Я встретил на улице Муйжеля[7], — это скелет. Он умирает от чахотки, от истощения, от безденежья. Я был у Ахматовой, она получила от издателя *старый долг* 10 фунт. стерлингов, а до той поры — жила, как нищая. Прислуги у нее нет, она сама бегает в лавочку, моет, скребет ногтями кастрюли, готовит обед и так как ее подруга, Судейкина[8], только что перенесла операцию, то работать приходится беспросветно[9]. Таковы — до сих пор — мои впечатления.

Ветер что-то удушлив не в меру[10] — ужасный ветер, и надежд никаких[11]. Ваши переводы я сдал во «Всемирную» Михаилу Леонидовичу Лозинскому[12]. Коллегия их встретила очень горячо, но основной вопрос заключается в том, будет ли «Всемирная» существовать[13]. Этот вопрос решается на днях. Если существовать не будет, делать нечего, я возьму Ваши переводы и спрячу их у себя до Вашего приезда. Стихи Ваши, дорогой Макс<имилиан> Ал<ександрович>, списываются и распространяются ежедневно, среди молодых литераторов. Отзывы о них напишу в след<ующем> письме. Теперь еще никого не видел. — Как бы Вы ни тосковали по «России», Вы можете почитать себя счастливым, что Вы в Коктебеле. Теперь у Вас пустынно и тоскливо, но можно работать, дома уютно, быт налаженный и привычный. Хотел бы я быть в Коктебеле, еще раз послушать споры Алекс. Алекс.[14] с Иосифом Викторовичем[15], посидеть в комнате у Марии Степановны, пойти на «свою могилу»[16], вспомнить незабвенные тени, гостившие здесь. Сердечный привет всем оставшимся — и Бутковым[17], и Гале[18], и милому, трижды милому Константину Федоровичу![19] Жозефине Густав<ов>не[20] самый низкий поклон. Поручение Поликсены Сергеевны[21] и Нат. Ивановны[22] я выполнил: издатель Белопольский[23] выслал П<оликсене> С<оловьев>ой деньги, все

сразу. С издателем «Радуги»[24] я говорил по поводу рассказов Нат. Ив. Он очень хочет познакомиться с ними. Просит прислать по адресу:

Петроград. Ул. Жуковского, 18, кв. 11. Льву Моис<еевичу> Клячко[25].

Умоляю Вас, сообщите им всю эту часть письма — так как я болен и писать им особо не в силах. Кланяюсь им от души.

Ну, до свидания, дорогие мои. Мне все кажется, что я недостаточно поблагодарил Вас за Ваше участливое, ласковое, изумительное отношение ко мне, недостаточно выразил Марии Степановне, как глубоко я буду рад, если мне удастся хоть немного отплатить ей за ее светлую жалость.

Весь Ваш *Чуковский*

17 окт. 1923

[1] *Волошина* (урожд. Заболоцкая) Мария Степанова (1887–1976), вторая жена Волошина. В дневнике Чуковского есть запись о М.С. Волошиной, сделанная по приезде из Коктебеля 7 октября 1923 года: «Его жена Мария Степановна, фельдшерица, обожает его и считает гением. Она маленького роста, ходит в панталонах. Человек она незаурядный — с очень определенными симпатиями и антипатиями, была курсисткой, в лице есть что-то русское крестьянское. Я в последние дни пребывания в Коктебеле полюбил ее очень — особенно после того, как она спела мне зарю-заряницу. Она поет стихи на свой лад, речитативом, заунывно, по-русски, как молитву, и выходит очень подлинно. Раз пять я просил ее спеть мне это виртуозное стихотворение, которое я с детства люблю. Она отнеслась ко мне очень тепло, ухаживала за мною — просто, сердечно, по-матерински» *(Дн.-12.* С. 105).

[2] Стихотворение «Заря-Заряница» написано Ф.К. Сологубом 11 октября 1898 г. Впервые опубликовано в первом томе «Лазурные горы: Стихи» его Собрания сочинений в 20 т. (СПб.: Сирин. 1913).

[3] По воспоминаниям М. Волошина, *Габриак* был «...морской черт, найденный в Коктебеле, на берегу, против мыса Мальчин. Он был выточен волнами из корня виноградной лозы и имел одну руку, одну ногу и собачью морду с добродушным выражением лица. Он жил у меня в кабинете на полке с французскими поэтами <...> до тех пор, пока я не подарил его Лиле» (История Черубины: Рассказ М. Волошина в записи Т. Шанько // *Волошин М.* Избранное. Стихотворения. Воспоминания. Переписка. Минск, 1993. С. 180.) Лилей Волошин называл Елизавету Дмитриеву. Этот подарок стал прологом к мистификации со стихами Черубины де Габриак (под этим именем скрывалась Елизавета Дмитриева). Габриаками (от фамилии Габричевский) называли корни виноградной лозы специальной формы (*сообщено Б. Сарновым*). Видимо, Чуковский получил в подарок от Волошина нового Габриака.

[4] Запись в дневнике Чуковского: *«14 октября…* Госиздат не платит, обанкротился» *(Дн.-12.* С. 108).

[5] Чуковский писал о Сологубе: «В ужасном положении Сологуб. Встретил его во “Всемирной” внизу; надевает свою худую шубенку. Вышли на улицу. <…> Мне стало страшно жаль беспомощного, милого Федора Кузьмича. Написал человек целый шкаф книг, известен и в Америке, и в Германии, а принужден переводить из куска хлеба Шевченку» *(Дн.-12.* С. 110).

[6] Неточная цитата из стихотворной сатиры Н.А. Некрасова «Балет»: «Нас безденежье всех уравняло — / И великих, и малых людей — / И на каждом челе начертало / Надпись: где бы занять поскорей» (*Некрасов Н.А.* Собр. соч.: В 15 т. Л., 1981. Т. 2. С. 232).

[7] *Муйжель* Виктор Васильевич (1880–1924), писатель. О нем Чуковский писал в дневнике: «Встретил Муйжеля, тот даже не жалуется — остался от него один скелет, суровый и страшный. Кашляет, глаз перевязан тряпицей, дома куча детей. Что делать, не знает» *(Дн.-12.* С. 108).

[8] *Глебова-Судейкина Ольга Афанасьевна* (1885–1945), актриса Александринского театра, театра В.Ф. Коммиссаржевской.

[9] Этот сюжет в дневнике Чуковского изложен так: *«13 октября.* Был я вчера у Анны Ахматовой. Застал там О.А. Судейкину в постели. Лежит изящная, хрупкая — вся в жару. У нее вырезали кисту, под местной анастезией. Теперь температура высокая и крови уходит много. <…> Ахматова утомлена страшно. В доме нет служанки, она сама и готовит, и посуду моет, и ухаживает за Ольгой Аф., и двери открывает, и в лавочку бегает. “Скоро встану на четвереньки, с ног свалюсь”. <…> очень рада — благодаря вмешательству Союза она получила 10 фунтов от своих издателей — и теперь может продать новое издание своих книг. До сих пор они обе были абсолютно без денег — и только вчера сразу один малознакомый человек дал им взаймы 3 червонца, а Рабинович принес Анне Андреевне 10 фунтов стерлингов» *(Дн.-12.* С. 107).

[10] Цитата из стихотворения Н.А. Некрасова «О погоде».

[11] Волошин ответил 20 ноября: «Каким неприветливым петербургским ветром повеяло от Вашего письма (оно шло ровно месяц) <…> и оно уже заставило меня призадуматься над нашим путешествием на Север (Маруся, Тамара, я). Литературное безденежье, издательская безнадежность и удушливость ветра меня тоже очень смущают. Мне можно решиться ехать в столицы только в надежде на литературный заработок, который окупит наше путешествие и пребывание… Я сижу, работаю, пишу. Закончено только одно стихотворение “Поэту” — своего рода программная декларация, написанная в предвидении поездки в Петро-скву <…>

Благодарю судьбу, что она занесла Вас в Коктебель. Еще во время нашей предпоследней встречи в Париже я почувствовал к Вам глубокое дружеское доверие. А теперь оно выросло и укрепилось» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 62. Ед. хр. 56).

[12] О *М.Л. Лозинском* см. примеч. 2 к письму **434**.

[13] Именно в 1924 году издательство «Всемирная литература» прекратило свое существование, подготовленные рукописи были переданы в Госиздат и там была издана лишь очень незначительная часть.

[14] *Вьюгова Александра Александровна*, гостила на даче у Волошина в сентябре 1923 г. О ней Чуковский вспоминал: «...синеглазая старушка Ал. Александровна <...> Старушка Александра Александровна из Вятки — была в Нижнем, во времена Анненского и Короленко (ее муж был земский статистик); в Крыму она первый раз, и все ей кажется, что «в России лучше». Повел ее как-то Макс на Карадаг. Она: «Вот здесь хорошо; если бы здесь Москва-река была, совсем бы Воробьевы горы». О Крымских горах отзывает<ся>, что Жигули выше и красивее» *(Дн.-12.* С. 105).

[15] *Зелинский Иосиф Викторович* (1857(?)–1928), гостил на даче у Волошина в сентябре 1923 г. О нем Чуковский вспоминал: «...скрюченный старичок Иосиф Викторович <...> Иос. Викт. замусоленный эмигрант, помнит Бакунина, теперь целые дни сидит и курит — и ничего не делает» *(Дн.-12.* С. 105).

[16] Волошин еще при жизни выбрал себе место для могилы.

[17] *Бутковы*, мать и дочь (Буткова Евгения Александровна, московская актриса), гостили у Волошина на даче в сентябре 1923 г.

[18] *Полуэктова* Галина Владимировна (1898–?), поэтесса.

[19] *Богаевский Константин Федорович* (1872–1943), художник, первый иллюстратор первого сборника стихов Волошина (см. подробнее: Константин Федорович Богаевский (Казань, 1927).

[20] *Богаевская* (урожд. Дуранте) *Жозефина Густавовна* (1877–1969), жена художника К.Ф. Богаевского.

[21] *Соловьева* (псевд. Allegro) *Поликсена Сергеевна* (1867–1924), поэтесса, художница; дочь историка С.М. Соловьева, сестра философа В.С. Соловьева.

[22] *Манасеина Наталья Ивановна* (1869–1930), детская писательница.

[23] *И.Р. Белопольский* — журналист; владелец петербургского изд-ва «Утро». О нем см. примеч. 2 к письму **109**.

[24] Об издательстве «Радуга» см. примеч. 1 к письму **449**.

[25] О *Л.М. Клячко* см. «Список адресатов».

468. Ф.К. Сологубу

16 ноября 1923 г. Петроград

16.XI.1923

Дорогой Федор Кузьмич.

Позвольте вторично задать Вам несколько вопросов о Вашем отношении к поэзии Некрасова. Будьте милостивы, ответьте скорее — хотя бы несколькими строчками. Мне Ваш ответ дорог

вдвойне, — и потому, что я люблю Некрасова, и потому, что я люблю Сологуба.

Вопросы мои такие:

1. Любите ли Вы стихотворения Некрасова?
2. Какие стихи Некрасова Вы считаете лучшими?
3. Как Вы относитесь к стихотворной технике Некрасова?
4. Не было ли в Вашей жизни периода, когда его поэзия была для Вас дороже поэзии Пушкина и Лермонтова?
5. Как относились Вы к Некрасову в детстве?
6. Как относились Вы к Некрасову в юности?
7. Не оказал ли Некрасов влияния на Ваше творчество?
8. Как Вы относитесь к известному утверждению Тургенева, будто в стихах Некрасова «поэзия и не ночевала»?
9. Каково Ваше мнение о народолюбии Некрасова?
10. Как Вы относитесь к распространенному мнению, будто Некрасов был безнравственный человек?[1]

Я знаю, что вы заняты, что Вы устали, что Вам не до того, — но надеюсь, что все же Вы урвете минутку и доставите радость

преданному Вам *К. Чуковскому*

[1] Об ответах Сологуба на эти вопросы см. примеч. 3 к письму **464**.

469. В.П. Полонскому

Конец ноября 1923 г. Петроград[1]

Дорогой Вячеслав Павлович.

Посылаю Вам — «для отзыва» — «Мойдодыра» и «Тараканище», и надеюсь, что ворон ворону глаз не выклюет. На меня вообще теперь принято плевать, и все же — книжки в один год выдержали три издания. Сейчас я печатаю «Муркину книгу» и «Мухину свадьбу»[2]. Видите: стал совсем детским писателем, ибо оказалось, что вся моя многолетняя — и какая трудная! — работа в критике есть просто вздор, никому не нужный.

Мне говорил Анненков, как приятно провел он с Вами время в Кисловодске. Жаль, что я туда не попал. Намерены ли Вы провести там будущее лето? Я — непременно. Говорят, что Ваша жена очень славный человек, петербургский. Не собираетесь ли Вы в Петербург?

Заходите, пожалуйста.

Здесь в Питере я никого не вижу, лежу на диване, читаю. Ничего не пишу. Что делаете Вы? Недавно мне попался старый

№ «Нивы», где есть Ваша статья о Горьком. Я увидел, насколько лучше стали Вы *теперь* писать. Статья была плохая, фразистая. Вам очень помогла революция — как писателю. Вы стали совсем другой человек.

Не знаете, кто издал бы мою книжку о Горьком?[3] Хотя бы только три главы

Жена поэта.
Поэт и палач.
Некрасов как художник.

Остальные главы принадлежат Гржебину, а статейка «Некрасов и деньги», напечатанная в «Былом», плоховата. Найдите мне издателя. Я дешево возьму.

Пришлите мне, пожалуйста, Ваши «материалы о Бакунине» и вообще все, что Вы написали. А я на днях пришлю Вам свою «Книгу о Блоке» и «Книгу о Горьком»[4]. Выходят эти книжки у А.Ф. Маркса.

Весь Ваш *Чуковский*

Моховая, 36.
Всем<ирная > лит<ература>[5]

[1] На письме помета В.П. Полонского: получ. 29.XI.23

[2] Книги вышли в 1924 году в издательстве «Радуга» с иллюстрациями В. Конашевича.

[3] Так в рукописи. Имеется в виду книга о Некрасове.

[4] Речь идет о книгах Чуковского: «Александр Блок как человек и поэт» и «Две души Максима Горького», вышедших в издательстве А.Ф. Маркса в 1924 году.

[5] Указан адрес издательства «Всемирная литература».

470. В.Я. Брюсову

11 декабря 1923 г. Петроград[1]

Моховая, 36[2]. Петроград

Дорогой, глубокоуважаемый Валерий Яковлевич.

Ни один писатель не сделал для меня столько, сколько сделали Вы, и я был бы неблагодарнейшим из неблагодарных, если бы в день Вашего юбилея[3] не приветствовал Вас. Не Ваша вина, если я, ученик, не оправдал Ваших усилий, но я никогда не забуду той настойчивой и строгой заботливости, с которой Вы направляли меня на первых шагах.

Я смолоду привык преклоняться пред Вашим поэтическим подвигом и не изменил этой привычке до сих пор. Как и в дни

моей молодости, имя *Валерий Брюсов* – для меня прекрасное имя, которым все мы, пишущие, вправе гордиться.

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется на основании дневниковой записи, сделанной в этот день: «Отправил Валерию Брюсову такое письмо»; далее, в сокращении, текст публикуемого письма *(Дн.-12.* С. 126. *11 декабря 1923).*

[2] См. примеч. 5 к письму **469**.

[3] 16 и 17 декабря 1923 г. в Москве прошли торжественные юбилейные чествования Брюсова по случаю 50-летия со дня его рождения и 35-летия литературной деятельности.

471. И.Е. Репину

Конец декабря 1923 г. Петроград[1]

Дорогой Илья Ефимович! Поздравляю Вас с праздником!

Сколько Святок проводили мы вместе! Как хорошо я помню Ваши елки!

Шумит ли еще Ваш фонтан? Не заглохло ли озеро? Особенно зимою бывало приятно это вечно-живое журчание. Я так ясно вижу то место сада (возле фонтана) и Вас, тут же, в шубе и в шапке с ушами.

Посылайте поскорее Вашу рукопись. Я еду в Москву, повидаю Луначарского и попрошу его, чтобы он разрешил печатать Вашу рукопись по-старому. Надеюсь, что он разрешит. Он Вас очень любит. Недавно на открытии памятника Островскому он провозгласил лозунг: «Назад к передвижникам!»[2]

Вся надежда у меня на него, потому что *в Петербурге мне отказали.* Напишите мне коротенькую записочку такого рода: «Уполномачиваю Вас, Корней Иванович, хлопотать о том, чтобы Советская власть разрешила напечатать мою статью о Стасове по старой орфографии. *И. Репин*». Этого будет достаточно.

Я выхлопочу то, чего Вы желаете, и пришлю Вам корректуру со всеми моими заметками и — если позволите — советами.

Жду рукописи с большим нетерпением.

О Вас доходят до меня самые фантастические сведения.

Говорят, будто Вы едете в Америку. Говорят, что Вы уничтожили свою картину «Иисус Христос»[3]. Говорят, будто Вы устраиваете выставку своих картин в Праге. Все это волнует меня. Напишите, пожалуйста, что здесь правда, что здесь вымысел. Я давно уже отвык верить газетным известиям.

Привет всем Вашим!

Ваш *Чуковский*

1923

[1] Ответ на письмо Репина от 14.12.23 г. Датируется по содержанию — упоминанию о Святках. Финская Православная церковь совершала богослужения по новому стилю. Святки приходились на неделю между Рождеством Христовым (25 декабря) и Богоявлением (Крещением) — 6 января.

[2] См. примеч. 4 к письму **466**.

[3] О какой картине идет речь, неизвестно. Репин в эти годы работал над несколькими картинами на евангельские сюжеты, давая им в письмах произвольные названия.

472. Я.Б. Лившицу

Конец 1923 г. Петроград[1]

Дорогой Яков Борисович

Сердечное спасибо за приглашение. Мне и самому хочется побеседовать с Вами — обо многом, — но Вы знаете мой детский режим. Увы, увы. Я ложусь в 8 час. вечера — и если нарушу этот порядок, то потом у меня все разладится на несколько дней. Я ведь и в театре не бываю, и людей не вижу, живу, как в тюрьме. Жена моя благодарит Вас за приглашение — и просит передать Вам привет. Зашли бы как-нибудь к нам — по дороге, — мы бы Вас обедом угостили и потолковали бы о литературных делах. Или меня позовите к себе как-нибудь днем, я приду с удовольствием!

У меня есть к Вам некоторое предложение, на коем я нисколько не настаиваю. Дело в том, что задолго до революции мною написаны две — так сказать — «пророчески<е>» статьи о русской интеллигенции. Я написал их и забыл, но вот встречаю проф. Тарле, и он мне говорит, что это лучшее из всего мною написанного. То же — в этом году — сказал мне, как это ни странно, Макс Волошин. В обеих статьях листов 5, пожалуй, 4. Статьи боевые — не сделать ли из них книжку?[2] —

К. Чуковский

Предчувствия

(о русской интеллигенции)

Я напишу *нужное* предисловие, и думаю, проф. Тарле — не откажется сказать несколько слов от себя. По поводу этих статей есть большая статья Розанова[3], но, по нынешнему времени, неподходящая.

И еще: я хотел бы в корректуре просмотреть перевод «Марсиан»[4], сделанный моими детьми. Это отнимет всего один день. Поклон Арнольду Ильичу[5].

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется предположительно, по содержанию. В сентябре 1923 года Чуковский и Замятин гостили в Коктебеле у Волошина.

[2] Чуковский хотел заново переработать свои статьи «Мы и они», в которых он видел пророческий смысл и продолжение тех тем, которые развивал Блок в статье «Крушение гуманизма», и статью о Нате Пинкертоне, на которую откликнулся В. Розанов в упомянутой далее статье. Издание не состоялось.

[3] *Розанов В.* Богатый и убогий // Новое время. 1909. 22 марта.

[4] Упомянут роман Э. Берроуза «*Марсиане*». В 1923–1924 гг. в издательстве А.Ф. Маркса вышло два издания книги Э. Берроуза (1875–1950) «Сын Тарзана» в переводе Л. и Н. Чуковских. Его роман «Марсиане» был издан в Петрограде в 1924 году под разными заглавиями в переводе Э.К. Бродерсена и в переводе под редакцией А.М. Дмитриева. Участие Л. и Н. Чуковских в этих изданиях никак не обозначено.

[5] Арнольд Ильич — Гессен.

473. Единое сердце на весь земной шар

1923 г.

Примечание. Автор этой истории — хорошо известная русская женщина, писательница и художница (artist), которая по понятным причинам не хочет называть своего имени[1]. Она прислала свой рассказ в петроградское отделение Американской администрации помощи (ARA) в качестве своего вклада в историю гуманитарной деятельности этой организации в бывшей русской столице.

Оглядываясь назад, это время кажется почти романтичным.

Ни чая по утрам, ни хлеба. Я сплю в пальто. В чернильнице замерзшие чернила. Печка оставалась нетопленой всю зиму. Вся мебель давно уже сожжена. Я надеваю перчатки и беру книгу. Без перчаток невозможно переворачивать страницы — они тоже замерзшие[2]. Книга полна идеализма, но я отмечаю только пассажи, имеющие отношение к пище. Какими едоками были герои знаменитых романов[3]. Пиквик, Анна Каренина, Родриг Хадсон (Rodrig Hudson), мадам Бовари.

Вот уж просыпаются дети.

«Я совершенно не хочу есть, — говорит маленькая девочка, — нисколечко».

«Какую чушь ты говоришь, — возражают мальчики, уверенные, что проявления героизма свойственны исключительно сильному полу. После этого мальчики погружаются в Стивенсона, надеясь заменить сильный голод рассказами о приключениях. Но чтение не продолжается долго. Младшему предстоит выйти на

еще больший холод в попытке добыть в государственной лавке селедку или, может быть, коробку спичек. Но мне тоже необходимо покинуть дом на пустой желудок, так как мне предстоит полный рабочий день. Нужно читать лекции. Лекции о Байроне, авиации, скульптуре Древнего Египта для матросов, арестантов и уличных женщин (в то время существовала школа и дом для арестованных проституток[4]). На улице рычащие собаки поедают последние куски только что павшей лошади. Старухи пытаются спугнуть собак, чтобы самим схватить кусок драгоценного мяса. Они размахивают большими ножами, но собаки более свирепы, чем их предки — волки. Везет той старухе, которой удается урвать порядочный кусок от драгоценной туши и в целости донести его до дома[5].

Это было время поэзии. Когда пришла весна, опустевшие улицы покрылись густым ковром зеленеющей травы. Из заводских труб ни дымочка, воздух Петрограда был чист и тих, как воздух деревенского кладбища. Даже характер людей стал примитивным, изменился так, как, говорят, меняется характер попавших в очень сильный шторм на море. Смерть стала реальнее жизни. Известный филолог профессор Батюшков умер на моих глазах, отравившись несъедобной грязной капустой[6]. Еще одним умершим от голода стал С. Венгеров, профессор истории литературы, давший русскому читателю полные собрания сочинений Шекспира, Шиллера и Пушкина. Я видела, как он, хромая и трясясь, шел по базару, глядя на яблоко, которое не мог купить из-за нехватки денег. Я видела талантливого критика А.А. Измайлова тоже умирающим от голода[7]; знаменитый философ В.В. Розанов, находясь в Москве, тоже стал жертвой голода. Перед смертью он бродил по улицам в поисках окурков, которыми надеялся умерить свой голод[8]. Но потом и окурков не стало. Попытайтесь представить себе своего Эмерсона в лохмотьях, блуждающим по улицам Бостона, пытающимся схватить замерзшими пальцами хоть какие-нибудь крохи из дорожной грязи. Те из нас, кто остался в живых, перестали творить и оплакивали потерю своих творческих способностей. Мы все страдали. Художники перестали рисовать. Поэты не могли творить, драматурги занимались похоронными проблемами, а скульпторы шили тапочки из мешковины.

2.

Пытаясь избежать голодной смерти, моя семья и я покинули Петроград и отправились в деревню. Но оказалось, что крестьяне едят глину, мышей и древесную кору. Смерть была им более знакома, чем нам, и через три месяца моя семья и я вернулись в

Петроград умирать. Однако, когда мы приблизились к вокзалу, я увидела то, что мне показалось чудом: двух веселых детей, которые стояли на ступеньках у входа в здание, а когда я взглянула на них, они засмеялись. Я не могла поверить своим глазам. В течение трех лет я не видела смеющихся детей. Мальчики и девочки, которых мне доводилось видеть, выглядели как старики и старухи: морщинистые, серые и сердитые. Но эти дети стояли и смеялись, как будто весь молодняк Петрограда воскрес. Они дрались, как дерутся дети, они задирали и дразнили прохожих, шарили по повозкам, преследовали извозчиков.

Все говорили, что откуда-то издалека, из какой-то Америки, приехали странные и непонятные люди. Это были такие странные парни, что с собой они привезли настоящий сахар (учтите, не сахарин!) и белую, настоящую белую муку и кормили бесплатно. Да, и вправду, бесплатно кормили слабых и больных детей. Вскоре в детском языке возникло новое слово «американиться» (amerikanitza), что означает наесться «от пуза», досыта. Возвращаясь домой, дети пыхтели: «Американцы накормили меня сегодня досыта». Если они хорошо приготовили уроки, они говорили: «Мы выучили урок по-американски». Один мальчишка, восхищаясь мускулатурой своего приятеля, назвал ее «настоящей американской».

Вскоре мы узнали и значение букв A.R.A., которые произносились нами одним словом ARA. Это слово звучало часто и повсеместно обрело русские окончания: «аровцы», «аровский», «арский». Вместо «ура» наши дети кричали на улице «ара».

Удивительно ли, что голодные отцы завидовали быстро поправлявшимся детям? Мы были пролетариями, а наши потомки превращались в буржуа, которые, возвратясь домой, хвастались: «Вы жуете огурцы и картошку, а нам сегодня давали горячие макароны и какао». Удивительно ли, что каждый ребенок хотел принести своей матери хоть немножко макарон?

3.

Стараясь сократить растущий разрыв между родителями и детьми, ARA разработала планы помощи родителям.

Я получила письмо от одного берлинского издателя с известием о том, что он напечатает одну из моих старых рукописей и что в качестве аванса он посылает мне три продуктовых посылки через АРА[9]. Только подумайте: три продуктовых посылки АРА.

Знаете ли вы, мой дорогой Рокфеллер[10], что значили для меня эти три посылки АРА? Можете ли вы понять, как я благодарна Колумбу за то, что он когда-то открыл Америку? Спасибо, старый

мореход, спасибо, старый бродяга. Эти три посылки значили для меня больше, чем простое спасение от смерти. Они дали мне возможность вернуться к литературной работе. Я снова почувствовала себя писателем. Но как долго эти посылки добирались до меня. Мои дети бегали каждый день в бюро АРА на Морской и каждый день они возвращались с пустыми руками. Я сомневаюсь, может ли хоть один американец понять нашу великую радость, когда вся моя семья тащила домой тележку с долгожданными посылками АРА и волокла их на третий этаж в нашу квартиру[11].

Не чудо ли, что с другой стороны света какие-то янки, о которых я слышала всю свою жизнь, как о людях бессердечных, поклонниках наживы, посвятивших себя торговле, не чудо ли, что эти люди преодолели тысячи миль, чтобы накормить и сделать меня счастливой? Я почувствовала в этом наступление новой эры, новой и хорошей эпохи. Киев страдает, и Нью-Йорк это чувствует, беды Петрограда волнуют Бостон. Как будто все города соединены воедино. Москва становится соседкой Чикаго, океаны и горы, которые служили разъединяющими барьерами, перестали существовать. Не начало ли это эпохи, предсказанной американским поэтом:

Are all nation communing?
Is there to be on heart
To the globe?[12]

4.

Если бы меня спросили, испытывает ли русский народ настоящую благодарность к американскому народу, спасшему тысячи жизней от болезни и смерти, я была бы вынуждена ответить честно — «едва ли». Отдельные люди испытывали глубокую благодарность, но не массы народа. Хотя я касаюсь только Петрограда и Москвы. Причины, однако, легко понятны.

Мы пережили войну и революцию. Человек, прошедший такие испытания, перестает доверять кому-либо и верит только в себя, потому что за множеством высокопарных слов и фраз скрывался обман. Даже теперь, видя, как Америка кормит наших детей, у нас говорят: «Это неискренне, это, должно быть, какой-то трюк». Газеты поощряют такое отношение. В печати постоянно появляются рассказы о том, что американцы скупы и расчетливы; что по-настоящему хорошими американцами являются негры и рабочие, а все остальные — жулики. К сожалению, русский интеллектуал (интеллигент) едва ли знает американского. Он слышал только об Уолл-Стрите и фокстроте. В России нет книг по амери-

канской истории, наши люди почти ничего не знают об американской литературе и науке. В то время как наши русские магазины забиты дешевыми переводными немецкими романами, единственным переведенным у нас американским писателем является Эптон Синклер, который учит наш народ видеть отрицательные стороны Америки. Русский средний класс ничего не знает о том, как была создана АРА. Никто не объяснил народу ее идеалы и цели. Они знают только заносчивых, спешащих американцев в быстрых автомашинах и говорят: «Такие люди не могут кормить нас просто так».

Прежде всего, в глазах русских эти люди не выглядели добрыми. Они вечно заняты, всегда торопятся, они всегда официальны и всегда кажутся глядящими с высоты занятой ими руководящей позиции.

Я часто замечала, что после личного общения с американцами русские казались обиженными. Им хотелось, чтобы американцы не только кормили их, но и проявляли доброжелательный интерес к их личной жизни. Американцы же до предела сдержанны. Поэтому пришли к выводу, что американцы бесчувственны и крайне формальны.

Все вышесказанное об отношении русских к АРА не просто мое личное мнение. Я ссылаюсь на знаменитый роман Пильняка «Третья столица» (1923), в котором представители АРА выведены как пьяницы. Ни в одной русской книге я не заметила доброжелательного отношения к АРА. В одном из маленьких театров недавно распевали:

Американский дух
Слишком долго смешивался с русским.
Пришло время поставить АРА мат.
Но поймет ли АРА этот мат?*

Публика смеялась. Никому не пришло в голову выбросить эту песенку из репертуара. Но можно ли винить простого человека с улицы за то, что он так невежественен? Нет, и не обвиняйте его слишком строго в неблагодарности, потому что только свободные люди могут ощутить и искренне выразить свою благодарность.

Примечание автора: первый мат игра слов (вместо того, чтобы послать к черту, ставят мат).

[1] Текст этого своеобразного письма-отзыва сохранился только на английском языке в архиве ARA. Подобные отзывы сотрудники ARA собира-

ли для своего исторического отдела, где находятся еще несколько таких отзывов. Текст атрибутирован Чуковскому на основании многочисленных совпадений с записями в его дневнике. Как текст, принадлежащий Чуковскому, он упомянут в книге по истории миссии ARA в России: *Pathenaude B.* The Big Show in Bolland. The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921. Stanford: Stanford University Press, 2002. P. 203. Женский образ придуман явно для конспирации.

[2] Ср.: *6 декабря 1919.* О, как холодно в Публичной библиотеке. Я взял вчера несколько книг <...> — и должен был расписаться на квитках: прикосновение к ледяной бумаге — ощущалось так, словно я писал на раскаленной плите (Дн.-11. С. 277–278).

[3] Ср.: *14 февраля 1921.* Утро — т. е. ночь. Читаю — «Сокровище смиренных» Метерлинка, о звездах, судьбах, ангелах, тайнах — и невольно думаю: а все же Метерлинк был сыт. Теперь мне нельзя читать ни о чем, я всегда думаю о пище; вчера читал Чехова «Учитель словесности», и меня ужасно поразило то место, где говорится, что они посетили молочницу, спросили молока, но не пили. Не пили молока!!! Я сказал детям, и оказывается, они все запомнили это место и удивлялись ему, как я» *(Дн.-11.* С. 321).

[4] Ср.: *26 июня 1920.* Наши на даче, я в городе. Неделю назад был в третьем лагере принудительных работ — что на Разливе. Лагерь — для проституток. Большое белое здание, бывший детский приют — населен малорослыми, веснущатыми, хриплоголосыми, очень некрасивыми девками *(Дн.-11.* С. 298).

[5] Ср.: *1 ноября 1919 года.* Возле нашего переулка — палая лошадь. Лежит вторую неделю. Кто-то вырезал у нее из крупа фунтов десять — надеюсь, на продажу, а не для себя» (*Дн.-11.* С. 259).

[6] Ср.: *20 марта 1920.* «Скончался Федор Дмитриевич Батюшков. В последнее время он был очень плох <...>. Бедный, вежливый, благородный, деликатнейший, джентлеменнейший изо всей нашей коллегии» (*Дн.-11.* С. 291).

[7] 28 июня 1922 г. Чуковский писал А.С. Ященко в Берлин: «Почти на моих глазах умер от голода Батюшков, умерли Измайлов, Венгеров... Это свято, об этом я даже говорить не хочу» // *Русский Берлин.* С. 41. См. также письмо **442**.

[8] В.В. Розанов скончался в 1919 году в Сергиевом Посаде, куда перебрался из Петербурга в сентябре 1917 года, напуганный революцией. О голоде он писал в последней своей книге «Апокалипсис нашего времени», которая выходила отдельными выпусками, один из которых сохранился в библиотеке Чуковского с дарственной надписью автора. О последних днях Розанова подробнее см.: *Иванова Евг.* О последних днях и кончине В.В. Розанова // *Розанов В.В.* Письма 1917–1919 годов / Публ. и коммент. Евг. Ивановой и Т. Померанской // Литературная учеба. 1990. Кн. 1. С. 70–76.

[9] Вероятно, посылки были получены за воспоминания К. Чуковского о Леониде Андрееве, изданные в сборнике: Книга о Леониде Андрееве. Пб: Берлин. 1922 (в том же году вышло второе издание). «Одной из моих старых рукописей» они были названы, вероятно, для конспирации, на самом деле воспоминания были написаны вскоре после получения известия о смерти Андреева и прочитаны на вечере его памяти в Тенишевском училище 8 ноября 1919 года (описание вечера см.: *Дн.-11.* С. 263–264. *8* и *9 ноября 1919*).

[10] Семья Рокфеллеров была одним из крупнейших вкладчиков денежных средств для миссии АРА, но при этом настаивала, чтобы об этом не упоминалось.

[11] Квартира Чуковских была на третьем этаже.

[12] Цитата из стихотворения У. Уитмена «Годы современности»:

Или все народы ведут между собою беседу?
Не создается ли у земного шара единое сердце?

(Перевод К. Чуковского)

474. Л.Н. Лунцу

7 января 1924 г. Петроград

7 января 1924, Петроград

Милый, милый Левушка! Поздравляю Вас с Новым годом. Помните ли Вы еще Петербург? Здесь сейчас хорошо: снег мягкий и добрый, мороз деликатный. Как-то так случилось, что, чуть Вы уехали, Ваша слава воссияла в Петербурге. На днях видел Лаврентьева, режиссера Большого театра[1]. Он говорил мне о Вашем «Вне закона»: вот это пьеса! ох, какая пьеса! Замятин утверждает, что изо всех «Серапионов» Вы самый талантливый. Я спорил, возражал, не помогло.

Кланяйтесь, пожалуйста, Вашей маме. Передайте, пожалуйста, ей от всей нашей семьи самые горячие приветы. Дай ей Бог, чтобы ее милый сыночек Левушка поскорее выздоравливал — и был бы счастлив! Папе тоже кланяйтесь от нас, если только в Буэнос-Айресе он не забыл о нашем бытии. Экий у него талант к путешествиям. Мне в Ольгино и то съездить трудно.

Литературных новостей у нас целая куча. Приехал Алексей Толстой, обосновался здесь и сразу всем полюбился. Семья у него большая, зарабатывать нужно много, и вот он пишет обеими руками. У меня с ним отношения наилучшие, несмотря ни на что[2]. Я написал довольно ядовитый памфлет о Горьком[3]. На днях он появится. Если Вам интересно, пришлю. Детских книг я написал столько, что скоро сделаюсь Чарской в штанах[4]. Ольга Форш написала отличный роман[5]. Она живет теперь в Царском. Это теперь такая мода: там теперь обитают Сологуб, Ив<анов->Разумник, Голлербах, Форш и Маршак. Целая колония.

Ну, до свидания. Люблю Вас.

Чуковский[6]

[1] Имеется в виду режиссер Большого драматического театра Андрей Николаевич *Лаврентьев* (1882–1935).

[2] Подразумевается история с публикацией письма Чуковского к Толстому в газете «Накануне». См. письмо **435** и примечания к нему.

[3] Упомянута книга «Две души М. Горького» (1924).

[4] Обыгрываются фамилия известной детской писательницы Л.А Чарской и название поэмы В.В. Маяковского «Облако в штанах».

[5] Речь идет о романе «Одеты камнем».

[6] В ответном письме от 24 января Лунц писал: «Возлюбленный мэтр, ментор и учитель жизни Корней Иванович! Тронут Вашим милым письмом. Не сомневался, что Вы не забудете меня, хотя и не сомневался, что Вы, злой человек, будете спорить с Замятиным. А я, назло Вам, взглядов своих не переменил и в бреду, при 41° кричал, что Чехов плохой драматург!.. Был бы весьма тронут, если бы Вы прислали мне, больному ученику, Ваши новые произведения. Но это, кажется, очень трудно...» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 67. Ед. хр. 42).

475. Письмо в редакцию

(Блок или Тарзан?)

21 января 1924 г.

Со мной случилась большая беда. Издательство «А.Ф.Маркс» напечатало мою книгу об Александре Блоке в такой пошлой, разухабистой обложке, что мою книгу нельзя отличить от «Тарзана»[1].

Эту обложку я считаю клеветой на мою книгу и оскорблением памяти Блока.

К сожалению, я увидел эту обложку слишком поздно: мне предъявили ее в законченном отпечатанном виде. До той поры издатель показывал мне лишь отдельные ее части, не имевшие того *тарзанного* характера, который она имеет теперь.

Увидев эту обложку, я тогда же потребовал у издателя, чтобы он немедленно *на мой собственный счет* изготовил новую обложку, более соответствующую содержанию книги. Издатель отказался.

Вследствие этого мне остается одно: заявить публично, что к этой пошлости я непричастен, что тарзанизация Блока совершена без моего ведома и вопреки моей воле.

К. Чуковский

[1] Речь идет об издании книги К. Чуковского «Александр Блок как человек и поэт (Введение в поэзию Блока)» (1924).

1924

476. И.Е. Репину

30 января 1924 г. Петроград

30 января

Дорогой Илья Ефимович!

Сегодня, 30 января, г-жа Комарова принесла мне Ваши «Воспоминания о Стасове». Я сейчас же принялся за работу. Теперь работа кончена. Я приготовил рукопись к печати, кое-что переклеил, кое-где переставил слова, устранил повторения, — и 1 февраля, в пятницу, в семь часов вечера, буду читать Вашу статью в Публичной Библиотеке, на Стасовской выставке. Я счел необходимым разделить Вашу статью на семь глав. В *первой* главе — любовь Стасова к природе и античной скульптуре. Во *второй* – семейный праздник у Стасова. В *третьей* Ваша совместная жизнь в Париже. В *четвертой* изучение Рембрандта, Анри Ренье[1] и т. д. В *пятой* – Амстердам. В *шестой* – Испания и музей Прадо. В *седьмой* заключение — о том, что Владимир Васильевич был рыцарь и пр.

На днях возобновляю хлопоты о том, чтобы Вам разрешили печатать по старой орфографии. В тот раз высокая персона, к которой я обратился, сказала мне: попросите Репина приехать в Россию. Мы даем ему слово, что если он пожелает уехать назад, мы тотчас же отпустим его. Мы хотим, чтобы он посмотрел музеи, побывал в опере, увидел, с каким благоговением относятся к нему демократические слои русского общества. Мы хотели бы отпраздновать 80-летний юбилей великого художника. Это было бы такое празднество, какого мир не видал. Я ответил:

— Если Вы так любите Репина, разрешите ему букву ять. Ничего другого он не хочет.

Высокая персона обещала. Теперь г-жа Комарова обещала предпринять шаги со своей стороны, и мы надеемся, что вопрос этот получит благополучное разрешение.

Знаете ли Вы, что Ваша статья о Стасове — лучше всех Ваших статей? Очень пластична, живописна, мажорна — по-стасовски. В ней особенно порадовали меня те места, где Вы пишете о жизнелюбии Стасова, о том, как он любил женщин, как он целовал женские руки и т. д. Невероятно, что в восемьдесят лет Вы пишете так горячо и темпераментно. В композиционном отношении она тоже очень хороша и стройна. Будет приятно читать ее на Стасовском празднике.

Ваш *Чуковский*

[1] *Ренье* Анри Александр Жорж (1848–1871), французский художник, погибший на барикадах Парижской коммуны.

477. В.П. Правдухину 1924

Январь 1924 г. Петроград[1]

Многоуважаемый Валериан Павлович!

Итак, Вы — редактор «Красной Нивы»? Очень рад. Конечно, я считаю своим долгом помочь Вам — особенно на первых порах. Мною действительно переведено несколько рассказов О. Генри. Я считаю их лучшими изо всех, какие до сих пор печатались в русском переводе. Очень веселые, чудесно построенные. Но, не зная, что Вы — редактор «Красной нивы», я направил их по самому фантастическому адресу. Надеюсь, что, если они Вам нужны, Вы вызволите их оттуда. Есть в Москве доктор Николай Андреевич Грачев (Поварская, Скатертный пер., 34, кв. 2). У этого доктора есть падчерица — Софья Владимировна Страхова — танцовщица, светская дама, моя приятельница. Ей-то я и имел наивность дать мои переводы О. Генри, прося ее устроить их в журналах. Их, кажется, штук пять. Из них два — с «социальной подкладкой». Что сделала с ними Страхова, не вем. Будьте ласковы, позвоните Грачеву, — телефон у него, должно быть, есть, — вызовите Софью Владимировну и попросите у нее, чтобы она передала все рассказы Вам. Ваш гонорар меня вполне удовлетворяет[2].

Дать Вам статейку — «рискну». Вот только закончу очередные работы и дам Вам небольшой очерк «Новости американской литературы». Там есть прелюбопытные вещи[3].

Большое письмо напишу Вам скоро. Все — в какой-то глупой суете. Сейчас изд<ательст>во А.Ф. Маркса выпустило мою книжку о Блоке в таком гнусном тарзанном виде, что я заявил протест перед Союзом писателей. Союз постановил содрать обложку и создать новую, — но сколько крови стоит мне эта чепуха[4].

Сердечный привет Л. Сейфуллиной.

Ваш *Чуковский.*

[Приписка на полях]: Пришлите 1-й № «Кр<асной> нивы». Я не видал.

[1] Датируется по содержанию.

[2] В журнале «Красная нива» за 1924 год были напечатаны четыре рассказа О. Генри из серии «Рассказы жулика» в переводе К. Чуковского: «Поросенок» — в № 6, «Совесть в искусстве» — в № 9, «Власть женщины» — в № 13, «Кто выше» — в № 17. В № 2 «Красной нивы» был напечатан рассказ О. Генри «Последний трубадур» с примечанием: «Из сборника рассказов O. Henry «Sixes and sevens» — без указания переводчика. Возможно, перевод этого рассказа также принадлежит К.И. Чуковскому.

[3] О такой статье сведений нет.

[4] Об этом см. письмо **475**.

478. А.Ф. Кони

Январь 1924 г. Петроград

Дорогой Анатолий Федорович[1].

Многие, и я в том числе, не раз говорили в печати о Вашем великом служении родине в качестве судьи, гражданина, художника. Но если бы мне посчастливилось быть на Вашем сегодняшнем празднике, я сказал бы еще об одном величайшем и самом редком таланте, которым Вы отличены от большинства русских людей. Это — *талант дружбы,* талант неустанного служения людям. Из Ваших книг, из Вашей биографии мы знаем, какому множеству великих людей Вы были незаменимым и участливым другом: и Льву Толстому, и Гончарову, и Савиной, и Тургеневу, и Достоевскому, и целому сонму других.

Но читатели Ваших книг не догадываются, что столько же душевного внимания и нежности расточаете Вы людям обыкновенным и малым. Мне лично Вы, с первой же нашей встречи, сделали столько добра, что я навеки останусь перед Вами в долгу. И никогда я не забуду, как года два тому назад, когда со мною случилось несчастье, и все, даже самые близкие люди, отошли от меня, Вы, *единственный,* протянули мне руку и помогли мне подняться[2]. Если бы сюда, на Ваш праздник, могли прийти все те безымянные, кому Вы сделали такое же добро, оказалось бы, что мы чествуем не знаменитого оратора, судебного деятеля, писателя, а самого задушевного, самого доброго человека в России.

Весь Ваш *Чуковский*

[1] Письмо написано по случаю 80-летия А. Кони.

[2] Имеется в виду история с публикацией частного письма К. Чуковского к А.Н. Толстому в «Накануне» (см. письма **435**, **439**, **440**, **442**, и **446**).

479. И.Е. Репину

2 февраля 1924 г. Ленинград

2 февраля 1924 года
Суббота

Дорогой Илья Ефимович.

Чтение состоялось!

Собрались верные: Комарова, Гинцбург, Нерадовский, Ф. Бернштам[1], и проч., и проч., и почтительно, чинно, в уюте, с любовью выслушали Ваш *акафист* о Стасове.

В этом и вправду было что-то церковное — лютеранское... Я старался, как мог, но, увы, увы — со мною сыграли невеселую шутку. Назначили Вашу лекцию в тот самый день и час, когда я

должен был читать в Передвижном Театре свою анафему Горькому[2]. А я, как нарочно, прихворнул. Уж и не знаю, откуда взялись у меня силы читать четыре часа подряд. Когда я читал о Стасове, я чувствовал, что каждое Ваше слово доходит до слушателей. Когда Вы описывали именины у Стасова, все улыбались, кивали головами и проч. Понравился эпизод с рабочим, который думал, что в России все говорят по-французски. Когда я кончил, все сидели неподвижно и молча, как англичане в церкви. Я (убегая на другую лекцию) сказал, что нужно бы послать Вам привет из России. Все горячо ухватились за это, а Гинцбург дал мне Ваше письмо, помеченное восьмым *декабря*. Ну не свинья ли (между нами)? Ведь это гнусная рассейская привычка — носить в кармане срочное письмо два месяца! О! о! о! (Ради Бога, посылайте Ваши письма через финнов, они аккуратны, любезны.) Если бы Ваше письмо пришло раньше, я успел бы послать в Америку несколько статеек о Вас в разные газеты и журналы: у меня была оказия, ехали туда мои друзья-американцы. Прессу необходимо приготовить, дать Чарлзу Риду[3] материал для предварительной рекламы. Нужно послать туда снимки с Ваших картин (в хороших репродукциях). Знаете ли Вы, что в Америку уехал Сытин[4]. Он приезжал ко мне, звал, но я отказался. А с Вами я поеду — хоть сейчас. Мне кажется, что я действительно был бы Вам полезен. Здесь в Питере гостит один выдающийся американский писатель, я посоветуюсь с ним, как повести *Репинскую Кампанию* в Америке, расспрошу о Чарлзе Риде, организую перевод Вашей лекции (Вы должны непременно *сами* приготовить нечто от своего имени, таков обычай). Не нужно переводить статью о Ваших «Бурлаках» — это потом, а раньше всего нужно написать памфлет «Репин», страничек 10–15, по-американски.

Деньги у меня теперь есть. Мои детские книги неожиданно стали пользоваться огромным успехом и дают мне изрядную ренту. Если бы условия книжного рынка были иные, я был бы богатейшим человеком. «Мойдодыр», «Крокодил», «Мухина свадьба», «Тараканище» — самые ходкие книги в России. Их ставят в кинематографе. «Мухину свадьбу» на днях Миклашевская[5] исполняла в консерватории (она написала на нее прелестную музыку). План у меня такой: Вы позовите меня в Куоккала, добудьте разрешение приехать. Я привезу Вам — подробно разработанный план поездки в Америку (т. е. литературной «пропаганды» И.Е. Репина), и там посмотрим: либо я поеду с Вами (если будет нужно), либо вернусь восвояси. Если бы мне продать дачу[6] — вот и еще деньги на поездку!

1924 В Америке меня кое-кто знает: я ведь перевел Уитмена (теперь Уитмен вышел шестым изданием)[7], кроме того, я был знаком со всей АРА[8], знаю многих в литературной среде.

Пришлите мне непременно отчет о Ваших последних картинах, а также фотографию. Я думаю, было бы хорошо приготовить брошюру «Репин» сейчас же.

Привет В<ере> И<льиничне>, Вас<илию> Фил<ипповичу>[9] и всем чукоккальцам.

Ваш *Чуковский*

[1] *Бернштам* Федор Густавович (1862–1937), архитектор, художник, с 1894 по 1912 год библиотекарь Академии художеств.

[2] Речь идет о Государственном общедоступном театре, созданном П.П. Гайдебуровым и Н.Ф. Скарской (просуществовал с 1905 по 1928 г.). Деятельность театра носила просветительский характер. *«Анафема Горькому»* – по-видимому, речь идет о статье Чуковского «Две души Максима Горького» (опубликована в 1924 отдельной книжкой — «Изд-во Т-ва А.Ф. Маркс», см. также *Т. 8.* наст. изд.).

[3] *Чарльз Рид* — американец, организатор лекционных турне, который по совету Ильи Львовича Толстого послал Репину приглашение приехать в Америку с лекциями. Репин 8 декабря 1923 года переслал Чуковскому письмо Чарльза Рида, а от себя написал: «Но я размечтался: вот если бы и я сподобился услышать Вас в Нью-Йорке, читающим перед американцами Ваши переводы на их язык — положим, выбранные места из моих “Бурлаков на Волге”? А?! Вам-то при Вашей героической подвижности и талантливости — что Вам стоило бы перемахнуть через Океан — ведь Вы там были бы как дома — и там, по указанному вам маршруту, Вы, красавец, Вашим ангельским голосом, читали бы по-английски?! А?» *(Репин.* С. 169).

[4] Об *И.Д. Сытине* см. примеч. 4 к письму **248**.

[5] *Миклашевская* Ирина Сергеевна (1883–1956), музыкант.

[6] Дача Чуковского в Куоккале, купленная им с помощью И. Репина. Продать дом Чуковскому не удалось.

[7] Речь идет о книге Уолта Уитмена «Листья травы».

[8] *ARA* — см. примеч. 4 к письму **435**.

[9] *Василий Филиппович* Леви (1878–1953), юрист, коллекционер, художник. Стал доверенным лицом И.Е. Репина и в течение 1919–1930 годов устроил более пятидесяти выставок Репина в европейских городах.

480. В.П. Правдухину

Февраль 1924 г. Ленинград

Многоуважаемый Валериан Павлович!

Я очень рад, что довелось угодить Вам рассказами О. Генри. Не сомневаюсь, что читателям они придутся по вкусу.

Сейчас получилась из Америки целая партия книг. Я хотел бы выкроить минутку и написать Вам об американской литературе. Там ведь есть прелюбопытные вещи.

А теперь у меня к Вам просьба: только что вышло 3-е издание моей книжки о Блоке, столь непристойно напечатанное Марксом. Не поручите ли Вы кому-нб. написать об этой книжке рецензию, — хотя бы ругательную[1].

Сердечный привет Сейфуллиной.

Да! Не могли ли бы Вы распорядиться, чтобы я получал Вашу «Ниву»? Если я буду видеть журнал, я охотно буду в нем сотрудничать.

Ваш *Чуковский*

Петроград. Кирочная, 7, кв. 6

[1] Рецензию см.: *Князев В.* Тарзан от критикан // Красная газета. 1924. 17 февр. Утр. вып.

481. М.А. Волошину

10 февраля 1924 г. Лахта[1]

Дорогие мои!

Я не пишу вам оттого, что болен. Болезнь моя свирепая: бывают недели, что я не сплю по четыре дня. От людей я совсем ушел: живу в лесу, над Невской Губой, по Сестрорецкой Жел<езной> д<ороге>. Тут есть Музей Естественной истории[2]. Теперь он закрыт по случаю зимнего времени — и вот сюда я уткнулся со всеми своими болезнями. Здесь дивно: ни одного человека (только старая кухарка внизу), лес в снегу, большая, могильно-тихая комната, — а я и здесь не нахожу себе места... Не отвечаю я не потому, что лень, а потому, что все выжидаю, когда же выдастся у меня веселая минута, чтобы написать Вам бодро и мажорно. Но такой минуты все нет, и вот приходится писать Вам обо всякой кислятине. Но сперва о делах.

1. Стихи Анри де Ренье, переведенные Вами и еще не напечатанные, я отдал в журнал «Литература»[3], редактором которого состоит Замятин вместе с Тихоновым[4]. (Приглашен и я в редакторы, но придется отказаться: не могу). В редакции уже был разговор о том, чтобы привлечь Вас к самому близкому сотрудничеству. (Адрес «Всемирная Литер<атура>», Моховая, 36)

2. Знаете ли Вы, что Кнебель[5] возродился в Москве?[6] Не напомните ли Вы им о Сурикове?[7]

1924

3. Кини[8] (американец, о котором я Вам говорил) — очень заинтересован Вашей колонией и хочет весною сам туда поехать — посмотреть. Здесь (говоря по секрету) он оказывает огромную помощь писателям. Я составил ему длиннейший список нуждающихся писателей — и, к моему изумлению, он лично раздал каждому из названных мною лиц от 3 до 10 червонцев, причем двое или трое у него на пенсии. Между проч<им>, он послал деньги в больницу Пол<иксене> Сергевн<е>[9].

Но когда я говорю ему о Коктебеле, он говорит, что по договору, подписанному им в Кремле, он не имеет права выходить за пределы Питера и Москвы. Я твержу ему, что Коктебель — это дом отдыха для *московских* и *петербургских* писателей, что Вы сами — петербуржец, случайно живущий в Крыму, и т. д., но он откладывает рассмотрение этого дела до весны.

Милый Макс<имилиан> Александрович! — не лучше ли сделать так: напиши<те> ему сами — в таком духе: «Дорогой мистер Кини, мистер Чуковский говорил Вам обо мне и о моем Волош<инском> Доме... Позвольте обратиться к Вам с таким предложением...» И точно формулируйте Ваше предложение, настаивая на том, что это дом для *петербургских* и *московских ученых* и *писателей*. В конце письма пригласите и его с супругой[10] — приехать к Вам погостить, но укажите, что деньги нужны сейчас. И закончите так: в подлинности всего ручается Вам мое *имя* – Максимилиан Волошин.

Адресуйте письмо так:

Ленинград
Никольский пер., № 1
Американская столовая
Гражданке Старк.

Письмо напишите по-русски и присовокупите к нему записочку такого содержания:

Многоуважаемая миссис Старк.

Будьте добры, переведите г-ну Кини прилагаемое при сем письмо.

Лучше всего будет, если вы это письмо пришлете, напр<имер>, М. Шкапской — она и снесла бы его туда. Не думайте, что я отвиливаю от приятного дела помочь Коктебелю, но будет лучше, если будут нажимы со стороны, так как к моим докукам они уже привыкли[11].

С моими детскими книгами — все неудачи. «Мухина свадьба»[12] до сих пор не вышла. «Муркину книгу»[13] художник[14] так изгадил, что противно смотреть. Все остальные книги вышлю Вам, чуть приеду в Питер.

То, что Вы пишете о лени, нежелании писать Вам и проч., вполне естественно, клянусь Вам всем святым, это не верно. Если так пойдет дальше, я стану невменяем и безответствен. Завтра юбилей Сологуба[15], которого я очень люблю, а я даже и представить себе не могу, как я пошел бы туда и стал бы говорить — или хотя бы смотреть. Во «Всемирной Лит<ературе>» я совсем не бываю. Замятина видел за все время раз пять. Даже от семьи оторван.

А Вас я никого не забыл, это было [бы] пределом тупосердия. Я помню *каждое слово,* сказанное мне Марией Степановной[16], я слышу ее голос (я даже думаю, что если бы она была здесь и поговорила бы со мной, то мне стало бы легче, — иногда по утрам), но виноват не я, виновата моя болезнь.

Я за эту зиму ничего не писал — ни строчки. Хоть бы написать целую книгу, а я сижу и правлю гнусный перевод гнусного Джека Лондона[17], — каковой работой и содержу всю семью.

И про Запад помню, и про Восток помню, и про все другое (и про корзину, про фуражечку, данные мне!) и при первой же оказии все Вам пришлю, — но сей час, в эти две недели, если бы Вы меня видели — Вы простили бы и пожалели меня.

Ваш *Чуковский*

(Это только для Вас, это письмо, я не люблю жаловаться посторонним.)

[1] Датируется по фразе из письма: «Завтра юбилей Сологуба».

[2] В дневнике Чуковского есть запись о нравах этого музея: «Учреждение патетически ненужное: мальчишки и девчонки, которые приезжают сюда с экскурсиями, музеем не интересуются, но дуются ночью в карты; солдаты похищают банки с лягушками и пьют налитый в банки спирт с формалином» (*Дн.-12.* С. 135; *15 апреля 1924*).

[3] Журнал «Литература» под ред. А.Н. Тихонова выходил в 1925 году (см. Московские и ленинградские изд-ва двадцатых годов. Указатель. Ч. 1. М.: РГБ. 1990. С. 72. № 409).

[4] *Тихонов* (псевд. Серебров) Александр Николаевич (1880–1956), писатель, издательский работник.

[5] *Кнебель* Иосиф Николаевич (1854–1926), московский издатель, австриец по национальности.

[6] Свое специализированное издательство по изобразительному искусству И.Н. Кнебель организовал в 1895 г. Издательство выпустило шеститомную «Историю русского искусства» под редакцией И. Грабаря, многочисленные монографии о художниках, а также художественные издания репродукций картин Третьяковской и Румянцевской галерей, Русского музея и др. В 1918 г. издательство Кнебеля было национализировано, однако продолжало работать по своему профилю (см. подробнее: *Кне-*

бель М.О. Вся жизнь. М., 1967; *Юниверг Л.И.* Издательская деятельность И.Н. Кнебеля // Книга: Исследования и материалы. М., 1990. Сб. 60. С. 141–162).

[7] Монографию о В.И. Сурикове Волошин начал писать по рекомендации И. Грабаря для издательства Кнебеля; но в 1916 г. издательство австрийца Кнебеля было разгромлено шовинистически настроенной толпой. В этом же 1916 г. Волошин опубликовал «Материалы к биографии» Сурикова в журнале «Аполлон» (№ 3. С. 40–63). Эти материалы с купюрами были перепечатаны С.Н. Гольдштейн в книге «Василий Иванович Суриков: Письма. Воспоминания о художнике» (Л.: Искусство, 1977). В 1985 г. В.Н. Петров издал материалы Волошина отдельной книгой (*Волошин М.* Суриков. Л.: Художник РСФСР / Вступит. ст. В.Н. Петрова)

[8] О *Кини* см. примеч. 4 к письму **465**.

[9] Упомянута *Поликсена Сергеевна* Соловьева. О ней см. примеч. 21 к письму **467**.

[10] Кини Амелия С., уроженка штата Джорджиа (США).

[11] В письме от 7 января 1924 г., на которое и отвечает Чуковский, Волошин писал: «...у меня будет ряд дружеских просьб к Вам: во-первых, тот американец (мистер Кини?), с которым Вы меня хотели свести. Не можете ли Вы сами с ним поговорить как представитель «Волошинского дома», а в крайнем случае поставить меня с ним в письменные сношения?» (ОР РГБ. Ф. 620. К. 62. Ед. хр. 56).

[12] Первое издание книги «Мухина свадьба» с рисунками В. Конашевича вышло в изд-ве «Радуга» в 1924 г.; затем выходило последовательно: 2-е и 3-е изд. — 1925 г., 4-е изд. — 1926 г., 5-е и 6-е изд. — 1927 г. Начиная с 6-го издания книга печаталась под названием «Муха-Цокотуха».

[13] *«Муркина книга»* с рисунками В. Конашевича вышла в изд-ве «Радуга» 9 декабря 1923 г., Чуковский получил ее 12 декабря, о чем писал в дневнике: *«Среда 12 декабря*. Сегодня высокоторжественный день моей жизни: утром рано Мура получила наконец свою долгожданную “Муркину книгу”» *(Дн.-12.* С. 126).

[14] *Конашевич* Владимир Михайлович (1888–1963), художник-иллюстратор.

[15] Вечер, посвященный сорокалетию литературной деятельности Ф.К. Сологуба, состоялся 11 февраля 1924 года в Петрограде в Александринском театре.

[16] Волошина М.С.

[17] *Лондон Джек* (наст. имя Джон Гриффит, 1876–1916), американский писатель. Чуковский посвятил ему статью в своей книге «Лица и маски» (СПб: Шиповник, 1914; *Т.* 7 наст. изд. С. 219–227). В 1924 г. он работал над переводом повести Лондона «Лунная долина» для изд-ва «Всемирная литература»; этот перевод в изд-ве напечатан не был.

482. И.Е. Репину 1924

После 11 февраля 1924 г. Лахта

Дорогой Илья Ефимович!

Я, кажется, напрасно обвинял Илью Яковлевича в том, что он не доставил мне вовремя Ваше письмо. Кажется, он и сам получил его с большим запозданием. Так что *все* свои хулы я беру назад.

Аудитория отнеслась к Вашим словам о том, как Стасов любил *республику,* с полным сочувствием. Вообще я должен сказать, что слушали Вашу статью превосходно. Особенно всех заинтересовало то, что Вы говорили о Мусоргском. Мусоргским публика теперь увлекается очень, и те свежие, полновесные слова, которыми Вы охарактеризовали его, были восприняты всеми как истинно Репинский эскиз.

Ни одной строки из Вашей статьи мы не выбрасывали: мы только придали отдельным отрывкам несколько иную последовательность. (Корректура будет прислана Вам.)

Здесь только что разрешили первый и, кажется, единственный частный, неказенный журнал. Журнал будет называться «Русский современник»[1]. Одним из негласных редакторов состою я. Там будут напечатаны письма Льва Толстого, стихи Тютчева, неизданная вещь Достоевского и проч. Как было бы чудесно, если бы Вы прислали что-нибудь в этот журнал. Признаюсь Вам, мне очень жаль, что Ваша статья о Стасове отдана Вами в «Стасовский сборник»[2]. В «Современнике» она была бы прочитана всей Россией.

Я рад, что Вы отложили свою поездку в Америку.

Мое мнение такое: до поездки в Америку Вы должны приехать в Россию — с Верой Ильиничной, с Юрием Ильичем, с г. Левитом[3] и другими близкими людьми. Вы должны повидаться с художниками, побывать в театрах, посетить галереи, съездить в Москву. Тогда в Америке у Вас будет живой материал для бесед о России. Американцев, главным образом, будет интересовать, что думает Илья Репин о русском современном искусстве. Да и о советском строе нельзя судить издали. Ведь все газеты врут, и те и эти.

Кроме того, дорогой Илья Ефимович, мне кажется, что Вам Россия придаст много новых сил: Вы воочию увидите, как обожает Вас новое поколение, поднявшееся из низов. В Москве Вам будет устроен такой юбилей, какого еще не видала Россия. Если хотите, я поговорю с Луначарским, он пришлет Вам пригласительную телеграмму, устроит Вам экипаж, удобную квартиру. Вы погостите в России дней десять, а потом вернетесь в Куоккала.

1924

Поезда теперь в отличном состоянии. Порядок образцовый. Трамваи, телефоны, извозчики, дворники, городовые — все это гораздо лучше, чем прежде. И неужели Вам не интересно еще раз взглянуть на своего Мусоргского, своего Писемского, на «Царевну Софью», «Не ждали», на «Государственный совет» и т. д.[4]

Недавно в Александринском Театре с большой помпой чествовали Федора Сологуба[5]. Очень пышно сошел юбилей Анатолия Федоровича Кони[6]. Если бы Вы приехали в Питер, можно было бы решить вопрос о печатании Вашей книги. Время показало, насколько я был прав и как неправы были все мои прокуроры. Книгу Вашу нужно печатать теперь, а не держать ее под спудом десять лет.

Приехать в Куоккала я готов хоть сейчас. Если бы Вы заявили, что Вы по Вашим делам хотите повидаться с писателем Корнеем Ивановичем Чуковским, давнишним финляндским жителем, никогда не принадлежавшим к коммунистической партии, я добыл бы здесь разрешение сравнительно легко. Ибо в последнее время я почти исключительно детский писатель, следовательно, *безопасен*. Мне 42 года, православный, женат, имею четырех детей, живу в Петербурге на Кирочной улице, № 7, кв. 6. Мне страшно хочется посмотреть Ваши новые картины, почитать Вам (как в былые года) что-нибудь вслух и т. д. Почему Вы не присылаете мне никаких сведений о Вашем творчестве, о Ваших новых замыслах?

Я живу не в Питере, а в Ольгино, близ Лахты. Бегаю на лыжах, занимаюсь, и мне кажется, что я в Куоккала.

Кончаю тем, чем начал. Напишите для «Современника» какие-нибудь воспоминания, ну хотя бы о Паниной, это было бы очень кстати. Портрет Паниной Вашей работы я видел на днях в Передвижном театре[7].

Этим летом я был в Феодосии — видел музей Айвазовского. Его дом превращен в общежитие для писателей, ученых, художников[8].

Едем летом в Крым! Я уверен, что Вы наслаждались бы. Дивное купание в Черном Море. Я купался до октября.

Ваш *Чуковский*

Не забудьте адресовать письмо в *Ленинград*.

Иначе не дойдет.

[1] Журнал «Русский современник» выходил в течение 1924 г., вышло 4 номера.

[2] «Стасовский сборник» не вышел в свет.

[3] В письме описка, имеется в виду В.Ф. Леви.

[4] Перечисленные Чуковским работы Репина: портрет М.П. Мусоргского (1881, ГТГ): портрет А.Ф. Писемского (1880, ГТГ); «Царевна Софья Алексеевна в Новодевичьем монастыре... в 1698 г.» (1879, ГТГ); «Не ждали» (1884, ГТГ); «Торжественное заседание Государственного совета» (1903, ГРМ).

[5] Чествование Ф. Сологуба происходило в связи с сорокалетием литературной деятельности.

[6] Отмечался восьмидесятилетней юбилей А.Ф. Кони (р. 28 янв. (10 февр.) 1844 г.).

[7] Портрет графини *С.В. Паниной* (1909) находится в ГРМ.

[8] После смерти художника в его доме был создан музей — Феодосийская картинная галерея им. И.К. Айвазовского.

483. М.Б. Чуковской

24 февраля 1924 г. Ольгино[1]

24 февраля 1924 г.

Милая Маша.

Спасибо за апельсин.

Я написал тебе кислое письмо, но приехал Коля и немного разогнал тоску. Вот уж Муре пятый год. Ей непременно надо быть в обществе детей — с нами и с Бобой она становится капризной и нервной и привыкает к тому, что она центр мироздания. Крепко целую тебя и поздравляю Мурку. Трать деньги на лечение — не жалей, ну их к черту.

Завтра ко мне приедет Сима или Тамара Карловна[2]. Я пишу об Алексее Толстом. Пишется гораздо лучше, чем я думал. Журнал «Современник» я редактирую здесь, в Ольгино. Тихонов каждый день присылает мне кучу рукописей. Это очень интересная работа, но редактировать Джэка Лондона, увы, я не могу. Нет ни секунды времени. Поэтому я решил по секрету передать эту работу Житкову — отдав ему весь мой гонорар.

Для этого нужно раньше всего показать Житкову, как правил переводы я, попросить его, чтобы он сокращал побольше и не столько гнался за точностью, сколько за русским языком, в-третьих, чтобы он работал поскорее: за каждый лист он будет получать 10 или 12 рублей золотом. Но в полторы недели вся редактура должна быть произведена.

Ну, будь здорова.

[1] Датируется по дню рождения Мурочки: 24 февраля 1924.

[2] Упомянуты *С.Д. Дрейден* (о нем см. примеч. 9 к письму **496**) и дачная знакомая *Т.К. Ташейт*

484. А.Г. Горнфельду

13 марта 1924 г. Ленинград[1]

Многоуважаемый Аркадий Георгиевич.

Журнал «Русский Современник», редактируемый М. Горьким, Замятиным, Тихоновым и мною, — обращается к Вам с просьбой о сотрудничестве[2]. В настоящее время нам настоятельно нужна Ваша небольшая статейка — о Евреинове. Помнится, в «Русском Богатстве» была преедкая Ваша заметка об этом писателе (по поводу его биографии, написанной Василием Каменским)[3]. Теперь Евреинов преуспевает весьма: только что вышли его драматургические сочинения, том третий, а кроме того «Азазел и Дионис»[4]. Если Вам нужны эти книги, позвоните по указанному телефону Евг. Ив. Замятину.

Журнал будет выходить одновременно в России — по-русски и за границей по-французски, по-немецки и по-английски.

Преданный Вам *Чуковский*

13 марта 1924

[1] На бланке журнала «Русский современник».

[2] Первый номер журнала вышел в свет в апреле 1924 года.

[3] В годы Первой мировой войны, до апреля 1917 г. официально закрытый властями журнал «Русское богатство» издавался под названием «Русские записки». Рецензия на апологетическую «Книгу о Евреинове» В. Каменского (Пг.: Современное искусство, 1917) была напечатана (без подписи) в отделе «Библиография» «Русских записок» № 2–3 за 1917 год.

[4] С осени 1920 г. (возвращение в Петроград после отъезда оттуда в 1917 г.) до своей эмиграции (в конце 1923 г.) драматург, театровед и режиссер Н.Н. Евреинов, помимо создания театра «Вольная комедия», постановок спектаклей и массовых действ, напечатал около полутора десятков книг. Третий том (Пг.: Academia, 1923; пьесы из репертуара «Кривого зеркала»), о котором говорит Чуковский, завершил издание «Драматических сочинений» Н.Н. Евреинова, выпускавшееся в 1908 г. (1 т.) и 1914 г. (2 т.). Продолжали выходить его книги и в 1924 году.

А. Горнфельд в «Русском современнике» не печатался. Во 2-м номере появилась рецензия Б. Казанского на книгу Н.Н. Евреинова «Азазел и Дионис: О происхождении сцены в связи с зачатками драмы у семитов» (Л.: Academia, 1924). После четвертого номера журнал был запрещен.

485. Ф.К. Сологубу

13 марта 1924 г. Ленинград[1]

13. III 1923[2]

Глубокоуважаемый Федор Кузьмич.

Вы обещали дать для нашего журнала еще несколько стихотворений. Будьте добры, вручите их подателю сего. Те три стихо-

творения, которые Вы предоставили «Современнику», уже сданы в цензуру и через несколько дней поступят в печать[3]. 1924

Преданный Вам *Чуковский*

[1] На бланке журнала «Русский современник». Ленинград, Моховая, 36.

[2] Описка. Письмо относится к 1924 году.

[3] Первый номер «Русского современника» открывают четыре стихотворения Ф. Сологуба (см. С. 7–10).

486. Е.И. Замятину

Март — до 12 апреля 1924 г. Лахта

Дорогой Евгений Иванович.

Очень взволновали меня письма Розанова: какая страшная, могильная судьба. Последние письма трудно читать — давит горло. Переписаны они плохо, нужно бы сверить по оригиналам. Нужны примечания. Печатать нужно не целиком, а в выдержках. Я к концу наметил куски. Но так как печатать мы будем не в первой книге, то время терпит[1]. Кое в чем я разошелся с Вами.

Бломквист хороший поэт[2], но, должно быть, очень еще молодой. Сбивается с голоса. «На постое» — хорошая вещь, а сколько (легко устранимых) недостатков. Я отметил «Смольный» и «Осень на финской границе» — хотя не знаю, цензурны ли, и думаю, что автор через несколько месяцев будет писать лучше.

Новые переводы Пяста для «Совр<еменного> Запада» плохи[3]. Возвращаю. Мне все еще худо. Приехать не могу. Статью о Толстом почти кончил[4]. Остались две странички. Вот вопросы, которые Тихонов требует немедленно разрешить:

1. Был ли «Конь в Сенате» Л. Андреева напечатан в «Рус<ской> Воле» 1917 г.[5] Для этого необходимо Вере Владимировне[6] немедленно пойти в Публ<ичную> Библ<иотеку>, в Русское Отделение к Саитову[7], взять «Русскую Волю» и перелистать страницу за страницей.

2. Хорошо бы также узнать у Риммы[8] был ли напечатан «Монумент» Л. Андреева[9]. Пьеса. Предлагает ее Кугель[10]. Уверяет, будто в печати не была.

3. Стихи Сологуба посланы ли в Москву? Пошлите, пожалуйста, скорее[11].

4. Мне очень совестно, что я торможу работу, но в ту неделю, когда я жил в городе и работал для журнала, я совершенно надорвал свое сердце.

Здесь дивно. Вы должны приехать ко мне. Поезд в 5.20 с Финл<яндского> вокзала. Скажите по тел<ефону> Гуревичу[12] в аптеку, я выйду вас встречать.

Ваш *Чуков<ский>*

Кланяется Вам Ярмолинский. Он едет во Флоренцию[13].

[1] Имеются в виду прощальные письма В.В. Розанова, написанные разным лицам (Мережковским, А. Бенуа, М. Горькому и другим друзьям и знакомым). В большинстве писем Розанов просил прощения перед смертью. Эти письма, вместе со своими комментариями и описанием кончины отца, его дочь Н.В. Розанова рассылала литераторам, и некоторые письма были частично опубликованы. См., например: *Розанов В.В.* Из предсмертных писем: М. Горькому, Д.С. Мережковскому / Публ. и предисл. Э. Г<оллербаха> // Вестник литературы. 1919. № 8. С. 14. Полный текст писем см.: *Иванова Евг.* О последних днях и кончине В.В. Розанова // В.В. Розанов. Письма 1917–1919 годов / Публ. и коммент. Евг. Ивановой и Т. Померанской // Литературная учеба. 1990. Кн. 1. С. 70–76. Видимо, подборка предсмертных розановских писем попала и в редакцию «Русского современника», но из-за того, что журнал был вскоре закрыт, не была там опубликована.

[2] *Бломквист* Георгий Карлович (1898–1925), поэт, прозаик. Его стихи см.: *Бломквист Г.* Витающий Петроград. Стихи / Подгот. текста и предисл. М. Д. Эльзона. СПб., 1996.

[3] *Пяст* (Пястовский) Владимир Алексеевич (1886–1940), поэт, мемуарист; в 1920-е гг. занимался переводами. Два его стихотворных перевода из Э. Штадлера опубликованы в «Современном Западе» (1924. № 2).

[4] Статья К.И. Чуковского «Портреты современных писателей. (А. Толстой)» напечатана в № 1 «Русского современника».

[5] Речь идет о сатирической пьесе Л.Н. Андреева «Конь в сенате: Водевиль в 1 д. из римской истории». В газете «Русская воля» пьеса публиковалась не полностью (1917. 16 апр.). Полностью впервые — Известия. 1924. 12 апр. (с примечанием о публикации «с разрешения журнала “Русский современник”»); Русский современник. 1924. № 1.

[6] *Богдановская* Вера Владимировна — секретарь редакции «Русского современника».

[7] *Саитов* Владимир Иванович (1849–1938), историк литературы, библиограф: в 1909–1928 гг. — заведующий Русским отделением Публичной библиотеки.

[8] *Андреева* Римма Николаевна (1881–1941), сестра Л.Н. Андреева.

[9] Сатирическая комедия «Монумент» впервые опубликована в «Ежемесячном журнале для всех» (1917. № 1); в «Русском современнике» не перепечатывалась.

[10] *Кугель* Александр Рафаилович (1864–1928), театральный деятель, мемуарист.

[11] Речь идет о стихах Федора Сологуба, которые появились в № 1 «Русского современника».

[12] Неустановленное лицо; очевидно — хозяин аптеки в Сестрорецке.

[13] *Ярмолинский* Авраам (наст. имя и отчество: Абрам Цаллевич; 1890–1975), американский литературовед, переводчик, в 1918–1955 гг. заведующий Славянским отделом Нью-Йоркской Публичной библиотеки. Весной 1924 г. был в Советской России и познакомился с Замятиным и Чуковским.

487. М.Б. Чуковской

15 апреля 1924 г. Лахта

Милая Маша.

<...> Я хочу ехать не 15-го, когда едет Ахматова с Замятиным, а 16-го — с Тихоновым, потому что две бессонных ночи лучше, чем три. Приеду домой 16-го утром, уложусь, позаймусь — отдохну, — и в путь[1]. Ах, если бы мне то лекарство, которое прописал Осипов!

Сегодня я спал часа два — не больше. И мне приснилась ты. Очень смешно, я тебе расскажу.

Здесь чудесно: снег еще держится, луж (на Экскурсионной станции) нет, очень приятная погода. Я правлю Честертона. «Всемирная» должна мне червонцев 12, но денег у нее нет.

Прилагаю при сем письмо к Mrs. Stark — в контору Кини. Его нужно отправить возможно скорее — ибо нужда у этих людей неотложная, но я не знаю адрес Богданович. Впиши в мое письмо этот адрес — и отправь, пожалуйста!

Как твоя температура? Мне почему-то кажется, что лучше.

Ура! «Крокодил» разошелся!! Я боялся, что он застрянет. Каждый месяц расходится больше тысячи экземпляров! Если осталось 500 экз., нужно тотчас же печатать новое издание.

Ну, вот и все. Вернусь из Москвы, засяду за детскую книгу.

Ч.

[1] Чуковский собирался в Москву на вечер журнала «Русский современник». Об этой поездке сохранилась запись в дневнике: «*17 апреля 1924.* Сегодня приехал. <...> через полчаса надо идти выступать в “Литературном Сегодня”. <...> В Эрмитаже остановились также Замятин и Ахматова» (*Дн.-12.* С. 136).

488. Н.К. Чуковскому

Конец апреля 1924 г.[1] Ленинград

Милый Коля. Только сейчас урвал минутку, чтобы написать тебе — о твоей свадьбе. Раньше всего скажу тебе то, что ты сам чувствуешь: Марину[2] я люблю и уважаю и уже около полугода

1924 вполне примирился с мыслью о Вашем супружестве. Но против сейчасного брака протестую всеми моими душевными силами. И вот почему.

Возьмем самое главное: стихи. Это для меня термометр твоего духовного развития. И вот я вижу поразительную вещь: от 1918 до 1922 года ртуть поднимается: ты развивался, рос, крепчал и вдруг остановился. Все, что ты написал за этот год, — есть вариация прежнего. Ни новых тем, ни новых горизонтов. И ты сам знаешь, что причина этой остановки — Марина. Уайльд сказал: «Женщины вдохновляют нас на написание прекрасных стихов, но они же мешают нам писать эти стихи»[3]. Это, конечно, вздор. Марина не мешает тебе, но в чем же она помогает? Она для тебя — все, она душа твоей души, — это дает ей огромные права, но налагает на нее и страшные обязанности. Чувствует ли она эти обязанности? Понимает ли она, что в ее руках вся твоя судьба как поэта? Приготовилась ли она к тому, чтобы быть *женою поэта?* Едва ли. Теперь большим поэтом может быть только тот, кто широко образован (как Блок или Гумилев, Пастернак или Ходасевич), или тот, кто хорошо, насквозь, знает страны, города, жизнь, людей (Киплинг, Н. Тихонов и пр.). Остальные — в лучшем случае — Дмитрии Цензоры[4]. Если ты останешься еще год при своих — очень хороших — темах, тебе грозит та же участь. Тебе нужно читать, путешествовать, повысить свое любопытство к людям, странам, культурам, вещам. Это нужно тебе именно сейчас, потому что только в твои годы определяется, творится человек. Оттого я и говорю: ради своего будущего, ради Марины, ради своих стихов — уезжай до осени, один, побродить, пошататься, увидеть новых людей. Ты и не представляешь себе, до какой степени узок и тесен тот круг, в котором ты теперь вращаешься. Этот круг сузится еще больше, если ты женишься сию минуту. Женившись, ты сейчас же принужден будешь думать о скучных вещах, о копейках и тряпках — и тогда прощай поэт Н. Чуковский!

В этом я твердо убежден. Я уверен, что если бы я так рано не попал в плен копеек и тряпок, из меня, конечно, вышел бы очень хороший писатель: я много занимался философией, жадно учился, а стал фельетонистом, по пятачку за строчку, очутился в обществе Карменов[5] и Ольдоров[6].

Признаюсь, что покупка тобою обручальных колец — испугала меня. Это дурной тон, низменный, пошлый. Не думай, что во мне интеллигентские предрассудки. Нет, я вовсе не хочу, чтобы Марина побудила тебя к покупке Бокля[7], но кольца... ведь она не

за юнкера, не за парикмахера выходит замуж, а за поэта. В этом сказалось даже какое-то неуважение ко мне.

Я не намерен влиять на будущий стиль твоей жизни, — но, милый, я вдвое старше тебя, много видел людских отношений — и, мне кажется, ни Марина, ни ты — не уважаете единственной вещи, с которой вы вступаете в жизнь, — твоего поэтического дарования. Если ты в этот год опошлеешь, сузишься, обнищаешь душой — ты никогда, никогда не наверстаешь утраченного. 20–21 год — решающие в жизни человека.

Уже давно я замечаю в тебе обывательские (для меня страшные) замашки. Ты слишком любишь именины, галстухи, прически, шашки и пр. Ты опоэтизировываешь эту пошлятину, ты говоришь

— жить, как другие живут,

но другие живут *не так*. Ни у Баратынского, ни у Тютчева, ни у Лермонтова, ни у Блока — ты не найдешь обывательщины. Их творчество — трагическая борьба с бессмертной пошлостью людской[8], отторжение от того сплошного Ольгина, которым была Россия. И это — закон, с этого начинается всякое творчество. У тебя же установилась инерция — и в жизни, и в стихах — восхвалять «забытье». А потому твои стихи — уже не творчество, а только мастерство. Что сделала Марина, чтобы отвлечь тебя от этой опасности?

Предо мной все время стоит моя судьба: с величайшим трудом, самоучка, из нищенской семьи вырвался я в Лондон — где столько книг, вещей, музеев, людей, и все проморгал, ничего не заметил, так как со мною была любимая женщина. Горе твое, если основой твоей карьеры — будут переводы с английского. Это еще хуже моих фельетонов, на которые я убил мои лучшие годы. Я не вижу ничего противоестественного в том, что жених и невеста, готовясь к долгой совместной жизни, разлучаются на 3–4 месяца, чтобы запастись духовным капиталом. Но после нашего вчерашнего разговора — я вижу, что мои слова не дойдут до тебя. Похоже, что ты, действительно, дошел до предела — физической страсти, которая совершенно изнурила и опустошила тебя. Что же делать! Если так, то женись, от всей души желаю тебе счастья, но помни, дорогой, об опасности, о которой я пишу тебе в этом письме: об опасности незаметного заплесневения души. Тебе нужны героические усилия, чтобы не подчиниться той нечеловеческой пошлости, в которой теперь утопает Россия. Ты верным инстинк-

1924 том всегда выбирал себе хороших друзей — Познера[9], Арнштама[10], Леню Месса[11], Тихонова[12], — но тебе нужно выбиться из старого круга и найти новых. Этого я и ждал от твоей кавказской поездки, т.к. в этом году в Крыму, на Кавказе будет вся московская талантливейшая богема. Упустить этот случай — страшно. Ведь в будущем году у тебя, вернее всего, будет ребенок, а ребенок для тебя в твои годы — могила. Если же ты соберешь столько денег, что поедешь на Кавказ с женой, то там вы будете так поглощены друг другом, — что самые драгоценные люди пройдут мимо вас, как в тумане.

Теперь второй вопрос: о деньгах.

Признаюсь, я ждал, что наступит минута, когда ты будешь помогать семье, дашь возможность отдохнуть и мне, и маме. (Твоя мама заслужила отдых; ты и не подозреваешь, как горька и мучительна была ее жизнь: она, ради семьи, закопала свою молодость в Финляндии, нигде не была, ничего не видела, думала — только о вас). Теперь ты уходишь от нас — и, конечно, ты сам понимаешь, что при всем желании я, даже на первых порах, не могу снабдить тебя деньгами.

Вот и все. Я не говорю *нет*, но в моем *да* есть несколько сомнений и боязней, которые я счел своим долгом не скрыть от тебя. А ты поступай так, как ты чувствуешь. Я верю и в тебя, и в твои чувства. Я верю, что та связь, которая есть у нас с тобой (и у тебя с мамой), с годами не порвется, но окрепнет. Поэтому если ты с Мариной, несмотря на это письмо, решишь, что тебе нельзя не жениться сейчас, что ж, я не буду в отчаянии. Но подумайте, попробуйте протомиться до осени, если, конечно, вы согласны со мной, что это сделает вас крепче для будущего.

[1] Датируется по упоминанию о предстоящей женитьбе Н.К. Чуковского (бракосочетание состоялось 5 мая 1924 г.).

[2] *Чуковская* (урожд. Рейнке) Марина Николаевна (1905–1993), переводчица.

[3] Неточная цитата из «Портрета Дориана Грея» *Оскара Уайльда* (1854–1900). Лорд Генри, герой романа, говорит: «Женщины, как заметил какой-то остроумный француз, вдохновляют нас на великие произведения, но никогда не дают нам их создать» (*Уайльд О.* Полн. собр. соч. / Под ред. К.И. Чуковского. СПб.: А.Ф. Маркс, 1912. Т. 2. С. 79).

[4] *Цензор* Дмитрий Михайлович (1877–1947), поэт.

[5] О *Л.О. Кармене* см. примеч. 19 к письму **5**.

[6] Об *О.Л. Д'Оре* см. примеч. 2 к письму **26**.

[7] *Бокль* Генри Томас (1821–1862), английский историк и социолог-позитивист. Имеется в виду его книга «История цивилизации в Англии».

[8] Скрытая цитата из из стихотворения Ф.И. Тютчева «Чему молилась ты с любовью...» (1851–1852).

[9] О *В.С. Познере* см. примеч. 4 к письму **397**.

[10] *Арнштам* Лео Оскарович (1905–1979), кинорежиссер и сценарист.

[11] *Месс* Леонид Абрамович (1907–1993), скульптор.

[12] *Тихонов* Николай Семенович (1896–1979), поэт, член группы «Серапионовы братья».

489. М.А. Волошину

Конец апреля — начало мая 1924 г.[1]

Дорогой Максимилиан Александрович.

Ради бога, когда будете в Москве, *особенно* поклонитесь от меня Варваре Дм. Финкельштейн[2] и Софье Андреевне Толстой[3]. Боюсь, что в суете я был неучтив к этим милым-милым людям. Спросите у Варв<ары> Дм<итриевны>, довольна ли она моей редактурой ее рукописи[4]. Если нет, почему. Софью Андр<еевну> скоро надеюсь увидеть и выпросить у нее фотографию, как Лев Толстой рассказывает ей сказку об огурце.

А вас обоих обнимаю и жалею, что нет у меня башни, с которой я мог бы так же долго и бурно махать Вам флагом, как Вы махали мне с Марией Степан<овной> с Вашей башни. На вокзале увидимся.

Ваш *Чуков<ский>*

О книгах не беспокойтесь — устроим!

[1] Датируется по времени приезда Волошина в Ленинград.

[2] *Финкельштейн* (урожд. Синайская) Варвара Дмитриевна (1872–1940-е?), педагог.

[3] *Толстая* (по мужу Есенина) Софья Андреевна, младшая (1900–1957), внучка Л.Н. Толстого, сотрудница Литературного музея.

[4] Речь идет о книге В.Д. Финкельштейн «Нерасцветшая» (1924), вышедшей с предисловием М.А. Волошина.

490. М.А. Волошину

5 мая 1924 г. Ленинград[1]

5.V.1924

Дорогой Максимилиан Александрович.

Итак, я читаю Вашу «Россию»[2] с пером в руке.

1924 *Первая главка* – очень насыщена. Отличные эпитеты (горький снег, белесая тьма и пр.). Все мускулисто, завинчено крепкой рукой. Но сравнение моря с тяжело больным не кажется ли Вам отголоском пушкинского:

Нева металась, как больной...[3]

И по стилю это сравнение выпадает из поэмы: слишком благополучное, гладкое. Без него мне лучше.

Вторая главка – отлично сделана. Вы в своей стихии: в каталоге. Ваша сила — вдохновенный каталог. Очень хорош обдуманный беспорядок вещей, которые подлежат каталогу. Фрагменты русской истории склеены мастерски, причем клеем является то, что Блок называл элоквенцией[4] — наприм<ер>, склейка темы *Петра* с темой *цариц*:

Судьба же дописала:
Распутным бабам с хахалями их![5]

Или место о *«печах императриц»* или *«крепость и дворец меняются жильцами»*. Эта элоквенция слишком нарядна, слишком «элоквентна» — и русскому читателю сейчас после Блока может показаться попранием германской лирики, торжеством французского канона. Но я люблю элоквенцию и, будучи уитмэнианцем[6], люблю каталоги. Нарочитая небрежность синтаксиса: «не то ... а может» должна быть сохранена.

Третья главка. Начало жидковато. «Он вырос в смраде гатчинских казарм» — бескрыло, всем известно, ненужно. «Собою открывает целый ряд»[7] переводная фраза. Дом — сапогом — нечаянные рифмы[8] (без них лучше).

Четвертая главка. Опять: «не то ... а может» вторично *не нужно.*

Жандармам *и* парникам несоединимые метафоры[9], неоправдываемые никакой смелостью языка.

«Но наскоро его стесавший» — кого *его*[10]*!* На стр. 6-ой нужно еще о большевизме Петра. «Прекраснодушным, честным, мягкотелым»[11] — слабо завинчено, не по-волошински. Страницы 7 и 8 превосходны широкой мыслью — не нужно их орнаментировать.

Шестая главка. Антитезы цепей и следствий в русской истории гораздо четче у Вас в «Благословении»[12]. Не выбросить ли Крыжанича?[13] О крайностях русских душ после Достоевского труизм[14], да и цитата очень затасканная. «Выкрадываем» — чудесное выражение с большой перспективой. «У нас в душе ... до вполне», литературный руссизм, фольга, Ал.К. Толстой. Без этого пассажа мне приятнее.

Вот и все[15]. Простите, если чего недопонял. Не сомневаюсь, что эта поэма будет когда-нибудь известна каждому грамотному.

Она хорошо врезывается в ум. В ней каждая строчка — формула. Очень интересно, какова она будет после окончательной отделки. Мне кажется, конец Вам *не нужен*. Совсем не нужно снова возвращаться к Киммерийскому берегу. Это была бы слишком щедрая дань элоквенции. Не кончить ли на полуслове — о культуре взрыва?

Не сердитесь за придирчивость. Это — от любви. Привет Заре Заряница[16].

Весь Ваш *Чуковский*

<P. S.> Книги сдавайте во «Всемирную». Мы вышлем.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: «5.V.924». Однако в дневнике Чуковский датирует это письмо следующим днем: *«6 мая.* Вторник. Восемь часов утра. <...> Здесь в Питере Макс Волошин. <...> Сажусь писать ему свое откровенное мнение о его поэме "Россия"» *(Дн.-12.* С. 139).

[2] Поэма «Россия» задумана Волошиным в 1918 г. Фрагменты поэмы автору удалось опубликовать лишь в сборнике «Недра» (М., 1925).

[3] Цитата из поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник».

[4] Элоквенция *(устар.),* т. е. ораторское искусство, красноречие.

[5] Чуковский имеет в виду строки из поэмы: «Петр написал коснеющей рукой: / "Отдайте все..." Судьба же дописала: / "...распутным бабам с хахалями их"».

[6] т. е. последователем американского поэта Уолта Уитмена.

[7] В окончательном варианте поэмы фраза была изменена: «Собой парадный открывает ряд».

[8] Чуковский имеет в виду строки из поэмы: «Идет Распутин в государев дом, / Чтоб честь двора, и церкви, и царицы / В грязь затоптать мужицким сапогом».

[9] Чуковский имеет в виду строки из поэмы: «Дворянство было первым Р.К.П. — / Опричниною, гвардией, жандармом, / И парником для ранних овощей».

[10] Речь идет о строках: «Но, наскоро его стесавши, невод / Закинул Петр в морскую глубину».

[11] Речь идет о характеристике лирического героя поэмы, интеллигента: «Его мы помним слабым и гонимым, / В измятой шляпе, в сношенном пальто, / Сутулым, бледным, с рваною бородкой, / Страдающей улыбкой и в пенснэ, / Прекраснодушным, честным, мягкотелым, / Оттиснутым, как точный негатив...».

[12] Стихотворение 1923 г., вошедшее в книгу «Неопалимая Купина»; текст стихотворения построен в форме монолога в стиле ветхозаветных «поучений» Ягве.

[13] *Крижанич* Юрий (ок. 1618–1683), хорват по национальности, писатель, ученый, общественный деятель; сторонник идеи «славянского единства», главная роль в осуществлении которого отводилась Русскому госу-

дарству. Имеется в виду часть 6-й главки: «Крижанич жаловался до Петра: / “Великое народное несчастье / Есть неумеренность во власти: мы / Ни в чем не знаем меры да средины, / Все по краям да пропастям блуждаем, / И нет нигде такого безнарядья, / И власти нету более крутой”».

[14] точнее: трюизм *(англ.)*, т. е. общеизвестная, избитая истина.

[15] Отзыв Чуковского о поэме Волошина «Россия» был опубликован впервые в статье: *Купченко В.* Корней Чуковский в Коктебеле / Победа (Феодосия). 1981. 10 июня.

[16] Подразумевается Волошина М.С.

491. А.Н. Бенуа

25 мая 1924 г. Ленинград

25/V 1924

Дорогой Александр Николаевич!

Пришел, чтобы напомнить Вам о «Современнике». Не забудьте, пожалуйста! Было бы восхитительно, если бы Вы написали о выставке «Мира Искусств»[1]. Статья о выставке нам нужнее, чем статья о театре, хотя, конечно, и о театре нам очень, очень нужна! То обстоятельство, что Вы тоже участвуете в этой выставке, не должно служить для Вас препятствием, ибо во 1-х, Вы и прежде (в «Речи») писали о Ваших работах. Может, в виде особого приложения к В<ашей> статье, написать Н.Э. Радлов[2].

Ваш *Чуковский*

[1] Выставка группы художников «Мир искусства» состоялась в июне 1924 г. На выставке были представлены портреты М. Волошина работы Б. Кустодиева, А.П. Остроумовой; этюды «Балетной уборной» и «Спящей девочки» З.И. Серебряковой, потреты художников П.И. Нерадовского и др.; также на выставке были представлены 10 акварелей работы М.А. Волошина. О статье А.Н. Бенуа о выставке «Мира искусств» см. примеч. 3 к письму **493**.

[2] О *Н.Э. Радлове* см. примеч. 1 к письму **421**.

492. В.П. Правдухину

Июнь 1924 г. Ленинград[1]

Дорогой Валериан Павлович.

Так и не довелось мне побывать в Москве. Очень жаль. Мне хотелось побродить с Вами лениво — по московской жаре. Очень бы хорошо — этакими старыми холостяками. И Тайгу взяли бы с собою. Но — навалилась работа, строчу как окаянный. Пишу одновременно:

1. Детские стишки[2].

2. Статью о Честертоне[3].

3. Комментарии, к новонайденной рукописи Некрасова[4].

4. Статью для американск<ого> журнала о соврем<енной> литературе (русской) и проч., и проч., и проч.

Если будете писать Вашей магометанской супруге, передайте ей мое Селям Алейкум[5].

Половина работы по составлению сборника революционной сатиры сделана.

У меня все уже разложено по рубрикам:

I) Витте 2) Дурново 3) Дума 4) Полиция 5) Гапон 6) Дубасов 7) Смертные казни 8) Карательные экспедиции 9) Крушеван 10) Партии и пр., и пр., и пр.

Теперь осталось I — эпоха между революциями и II — наше время, и знаете, что приходит мне в голову? — не выбросить ли эпоху между революциями? К черту эти мелкие сатириконские штучки, не выбросить ли этот антракт? Ведь я составляю сборник революционной сатиры, а не междуреволюционной или предреволюционной. Тогда у нас выйдет 6 листов, и все будет в аккурате[6]. Жду немедленного ответа. Собирает ли Ефимов[7] рисунки?

Ваш *Чуковский*

Какой срок является крайним?

[1] Письмо написано на бланке с грифом «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», Ленинградское отделение редакции.

[2] В эти годы К. Чуковский напечатал книги для детей: «Муркина книга», «Федорино горе», «Черепаха», «Пятьдесят поросят» и пр.

[3] К. Чуковский имеет в виду свое предисловие в кн.: *Честертон Г.-К.* Живчеловек. М.; Л.: ГИЗ, 1924.

[4] По-видимому, речь идет о рукописи Н.А. Некрасова «Каменное сердце» («Как я велик»).

[5] Женой В.П. Правдухина была писательница Лидия Николаевна Сейфуллина (1889–1954).

[6] Составленный Чуковским сборник революционной сатиры «Русская революция в сатире и юморе», часть первая (1905–1907 гг.), вышел в 1925 году.

[7] *Б.Е. Ефимов* (1900–2008), художник, брат журналиста М.Е. Кольцова.

493. М.А. Волошину

Начало июня 1924 г. Ленинград[1]

Вся столица гремит Максимилианом Волошиным. Выставка «Мира искусства»[2] состоит в сущности из портретов Максимили-

ана Волошина и акварелей Максимилиана Волошина. Александр Бенуа в «Современнике»[3] чуть ли не на первое место поставил крымские этюды Максимилиана Волошина.

Книги Вам посылаю. Лично наблюдал за упаковкой, сам отвез, куда надо, прилагаю при сем дубликат накладной.

Портрет работы Кустодиева[4] отлично повешен на выставке, привлекает общее внимание. У Вас за спиной не Москва, а облачный и гармоничный Коктебель, причем одно облако прекрасно осеняет Вашу голову.

У Остроумовой[5] — поворот энергичнее, кисть более мужественна, но у Кустодиева все мистичнее, космичнее и пр. Фон очень хорошо найден.

Keeny сообщил мне, что Кубу[6], вначале постановив выдать Вам некую сумму, в последнюю минуту — под давлением наших общих друзей, взял свое решение назад.

Сердечно кланяюсь Марии Степановне — буду рад получить от Вас обоих весточку!

Как Вы доехали? Каковы теперь Ваши жильцы? Работаете ли над «Россией»?

Ваш *Чуковский*

Марья Борисовна, увы, в Кокт<ебель> не едет.

[1] Датируется по времени открытия художественной выставки «Мира искусства» в июне 1924 г.

[2] См. примеч. 1 к письму **491**.

[3] Упомянута статья: *Бенуа Александр.* О выставке Мира Искусства. (Род письма в редакцию) // Русский современник. 1924. № 2. С. 261.

[4] О *Б.М. Кустодиеве* см. примеч. 5 к письму **346**.

[5] *Остроумова-Лебедева* Анна Петровна (1871–1955), художница.

[6] Комиссия по улучшению быта ученых (КУБУ), созданная по инициативе М. Горького в 1919 г., работала и после его отъезда за границу.

494. М.А. Волошину и М.С. Волошиной

21 июня 1924 г. Ленинград[1]

Дорогой Максимилиан Александрович!
Дорогая Мария Степановна!

Неужели до сих пор не получили книг?! Это ужас. Я сдуру послал их *малой* скоростью, но послал давно — недели две назад. Накладную в конверте отправил тогда же. Рад за своих детей, что они с Вами[2]. Это великое счастье — в 20 лет попасть в общество Андрея Белого[3], М. Волошина, Остроумовой[4]. Марья Борисовна с

великой грустью должна была расстаться с мечтой о Коктебеле. Доктора категорически запретили подвергать Муру коктебельской жаре. На днях собирается к Вам Мария Михайловна[5]. Мы все завидуем ей. Кажется, я не удержусь и в июле или в августе сбегу к Вам — хоть на две недели. Вы и представить себе не можете, как прочен союз волошинцев: на днях я был в Москве — заболел (от жары и неспанья сердечные припадки) и если бы не Соня Толстая[6], пропал бы. Она ходила за мной, как родная. Чувствую, что и Шкапская, и Ирина[7], и даже мадам Вересаева[8] — не совсем чужие мне.

Как ваше здоровье? Завели ли Вы, наконец, коктебельскую Чукоккалу? Это необходимо. Если я приеду, привезу альбомище для «Коктебелии». В Москве душно — я возненавидел жару — интересно, как переносят ее мои дети. Кланяйтесь, пожалуйста, всем моим добрым друзьям — и Фриме[9], и Леночке[10] и всем — большущий привет Коле[11] и Марине[12]. Я послал им вчера *свои* 4 червонца, ибо Колин издатель уклоняется от уплаты денег[13].

Хотелось бы мне послушать Ваши разговоры на башне с Борис Николаевичем. Пишет ли он новый роман? В сущности ведь вся новая наша проза вышла из его «Петербурга»[14], как вся старая — из гоголевской «Шинели».

Надеюсь, что М.С.[15] опять в шароварах.

Ваш *Чуковск<ий>*

[1] Датируется по почтовому штемпелю: «21.VI.1924». Уточняется по письму К.И.Чуковского сыну: «Я послал тебе в Феодосию на твое имя 40 рублей телеграфом 20/VI» *(КЧ–НК.* С. 385).

[2] Старший сын Чуковского Николай вместе с женой гостил в Коктебеле летом 1924 г. (См. воспоминания Н.К. Чуковского «Коктебель» (Там же. С. 140–164).

[3] *Андрей Белый* – автор воспоминаний о Волошине «Волошин и Кречетов» (*Белый А.* Начало века. М., 1990. С. 250–257).

[4] *А.П. Остроумова-Лебедева.*

[5] *Мария Михайловна Шкапская.*

[6] С.А. Толстая-Есенина, младшая. О ней см. примеч. 3 к письму **489**.

[7] *Карнаухова* Ирина Владимировна (1901–1959), писательница; подруга С.А. Толстой-Есениной

[8] *Вересаева* (урожд. Смидович) Мария Гермогеновна (1875–1963), жена писателя В.В. Вересаева.

[9] *Фрима Ильинична* Бунимович (1897–1963), жена Антона Исааковича *Шварца* (1896–1954), двоюродного брата Е.Л. Шварца.

[10] Е.И. Стерлина.

[11] Н.К. Чуковский.

[12] О *М.Н. Чуковской* см. примеч. 2 к письму **488**.

[13] О Я.Б. Лившице см. «Список адресатов». Для его издательства «Полярная звезда» Н.К. Чуковский переводил роман английского писателя Дж. Бирмингема «Spanish Gold». Перевод (Н.К. Чуковский назвал его «Искатели золота») опубликован не был, вероятно, из-за того, что в 1925 году издательство «Образование» выпустило этот роман под названием «Испанское золото» в переводе Н.Н. Щукаревой.

[14] *«Петербург»* — роман Андрея Белого.

[15] М.С. Волошина.

495. М.Б. Чуковской

Лето 1924 г. Ленинград[1]

Милая Маша.

Посылаю 200. Привезу сегодня или завтра еще 200. В скором времени будут еще. Город мне надоел, но вырваться не могу из-за проклятого «Современника». Я так измаялся в Москве (от духоты и неспанья разболелось сердце), что ни на какие Кавказы сейчас не поеду, а хотел бы месяц пожить с Вами, но в лучших для работы условиях, т. е. где-нибудь на пустой, заброшенной даче, где было бы тихо. В четверг едет Шкапская в Коктебель, я послал Коле еще денег, но от Лившица не получал. Надеюсь, что ты лечишься. Деньги у нас есть — но я лежал в городе несколько дней, а потом уехал в Москву Белицкий, и я не мог получить. Теперь мне лучше — благодаря Анненковым, которые превосходно ухаживают за мною. Очень хотят ехать в Сестрорецк (пять человек), просят подыскать им дачу. Клячко стал аккуратен, как часы.

[1] Датируется по содержанию.

496. Е.И. Замятину

До 21 июля 1924 г. Сестрорецк[1]

Дорогой Евг<ений> Ив<анович>.

Мне очень худо. Вы, должно быть, думаете, что я дезертир, и эгоист, и сукин сын, а я инвалид окончательный, непригодный ни к какому труду. Началось у меня это в феврале или в марте 1924 года, но я скрывал свою болезнь от всех и довольно удачно притворялся здоровым. Болезнь дикая и в высшей степени глупая: чуть я начинаю засыпать, у меня начинается боль в животе, от которой я просыпаюсь. Говорят, что это «просто нервы», но мне от того не легче. Существование мое стало пыткой. В Москве я не спал 6 суток, и так как диеты нельзя было установить, то не ел буквально

ничего, здесь, в Сестрорецке, за все 8 суток спал лишь однажды — после ванны. Вследствие такого изнурения (ни пищи, ни сна!) я стал невменяем: на днях не мог вспомнить номер своего телефона и пр.

Деньги, ключи, кошельки, книги — теряю патологически. На нужные письма не отвечаю и проч., и проч., и проч. Здесь надо мной мудрят доктора, но улучшения никакого. Так как курорт — для рабочих и приходится жить в Ермоловке[2], — то есть ходить пешком брать ванны — и после ванны не иметь отдыха (я снял было комнату в курорте, но из ВЦИК'а, из Москвы, пришла телеграмма: освободить комнату для какого-то сановника, и меня выставили). И потому я лежу в пустой даче — и читаю путешествия Миклухи-Маклая[3], не способный ни к какой сосредоточенной работе. Хаотичность моего душевного состояния видна хотя бы из того, что я (впервые в жизни!) затерял чужую рукопись (Соколова[4]). Только теперь нашел ее — и спешу послать. Простите ради Бога, это не я, но болезнь. Уже история с рукописью Шкловского показала мне, как тяжко я болен. Я упорно работал над нею часов пять и не мог ничего сократить. Не мог даже составить о ней мнение[5]. Врачи говорят, что вылечат меня моментально — в месяц, но покуда мне все хуже. От франклинизации у меня болит сердце, и только[6]. (А вся атмосфера трудового курорта вызывает ярость).

После этого, надеюсь, Вы не будете слишком строго упрекать меня за дезертирство. Я проработал над вторым № «Современника»[7] много — исправил «Бочку»[8], продержал корректуру, исправил реценз<ии>, но теперь хочу видеть последние листы. Будьте добры — шлите мне с С. Дрейденом[9] весь материал. Я в тот же день буду его возвращать. Было бы чудесно, если бы, напр<имер>, в воскресение вы приехали сюда с «Современником» и «С<овременным> Западом». Я бы угостил бы вас на славу (мы столуемся в пансионе), и Вы могли бы жить здесь 2–3 дня (я живу в пустой даче, за рекой, вдали от семьи и шума). Мы все вопросы решили бы[10].

Ваш *Чуков<ский>*

С Микитовым-Соколовым вышло очень странно. Я просмотрел только два письма: (1) Микитова и 2) Федина[11]) и был уверен, что больше нет ничего. Потому я и утверждал, что я вернул *все.*

Того, что я нашел сейчас, *я раньше не видал.*

Первый раз вижу.

[1] Датируется по содержанию.

[2] Дачное место рядом с Сестрорецком.

[5] Первый том «Путешествий» русского путешественника и ученого *Миклухо-Маклая* Николая Николаевича (1846–1888) вышел в 1923 г.; в 1940-е гг. книга издавалась под редакцией Л.К. Чуковской.

[4] *Соколов-Микитов* Иван Сергеевич (1892–1975), прозаик.

[5] Речь идет о статье В.Б. Шкловского «Андрей Белый», опубликованной в № 2 «Русского современника». См. также: *Дн.-12.* С. 144.

[6] *Франклинизация* — применение с лечебной целью постоянного электрического поля высокой напряженности; метод электролечения. Назван по имени Б. Франклина, разработавшего способы получения статического электричества.

[7] Второй номер «Русского современника» вышел до 12 августа, см.: Известия. 1924. 12 августа.

[8] Речь идет о рассказе Вениамина Александровича *Каверина* (1902–1989) «Бочка», опубликованном в № 2 «Русского современника».

[9] *Дрейден* Симон Давидович (1905–1991), театровед: в 1923–1924 гг. был литературным секретарем К.И. Чуковского. Его воспоминания опубл.: *Дрейден С.* Вспоминая Корнея Ивановича... // Театр. 1989. № 7.

[10] Очевидно после этого приглашения в Сестрорецк приехали А.Н. Тихонов и Замятин, познакомивший Чуковского со своей статьей «О сегодняшнем и о современном», см. запись от 21 июля 1924 г.: *Дн.-12.* С. 153–154.

[11] *Федин* Константин Александрович (1892–1977), писатель. В № 4 «Русского современника» напечатан его рассказ «Тишина».

497. В.П. Полонскому

Осень 1924 г. Ленинград[1]

Я болен. Пишу лежа. Не взыщите, что почерк неразборчивый.

Дорогой Вяч<еслав> Павл<ович>!

Странные вы люди — москвичи! По мне так: если бы даже оказалось, что Огарев с утра до ночи десять лет рассказывал Достоевскому о Бакунине, если бы вдруг было найдено собственноручное письмо Достоевского: «в Ставрогине я вывел Бакунина» — так и то для всякого немосковского ясно, что в Ставрогине никакого Бакунина нет. Ведь существует текст «Бесов» и существует биография Бакунина — вот документы, сравнение, сопоставление коих решит все дело, а ходил ли Достоевский по той улице, где когда-то гулял Бакунин, — это к делу никакого отношения не имеет. Теми способами, какими орудует Гроссман[2], я берусь доказать, что *в лице «Евгения Онегина» Пушкин вывел Распутина,* и что «Влас» Некрасова есть не кто иной, как Леонид Собинов. В самом деле: Пушкин умер на Мойке и Распутина убили на Мойке, Пушкина убили из пистолета и Распутина убили из пистолета (это можно доказать весьма победоносно, как будто все до сих пор думали, что Пушкина сожгли на костре, можно процитировать Даля,

Жуковского, Щеголева), фамилия *Онегин* – сибирская, северная (от слова ОНЕГА), и Распутин — сибирский мужик, чуть ли не с берегов Лены (отсюда фамилия — Ленский) и т. д., и т. д. Право, было бы отлично, если бы, вместо всякого спора с ученым Леонидом Петровичем, Вы напечатали у себя в журнале сию сенсационную статью: *«Евгений Онегин – Распутин»*. Можно бы отлично пропародировать Гроссмана — взять самую «широкую амплитуду». Из этого Вы видите, что я читаю Ваш журнал. Да, я читаю его от доски до доски — ибо вновь вернулся к литературе: много читаю и *много пишу*. Не судите обо мне по «Современнику»: в нем меня нет; «современное» интересует меня мало, но я написал большую биографию Некрасова, написал около дюжины детских книг (в том числе «ТРУДПЕСНИ» — для пионеров) и проч., и проч., и проч. и хочу сотрудничать в Вашем журнале. Возможно ли это — принципиально? Напишите мне со всей откровенностью. У меня есть — одна полемическая статья — против Эйхенбаума. Но не в том стиле, как было в Вашем журнале, а *совершенно иная*. Дело в том, что у Эйхенбаума есть статья о Некрасове — очень претенциозная, но построенная на *неверных фактах*. В этой статье я нашел десять очень забавных ошибок, которые не без эффекта обнаруживаю, причем попутно ставлю вопрос *о стиле Некрасова* и о влиянии *социальных* факторов на этот стиль (каковые Эйхенбаум отрицает).

Мне не хотелось бы печатать эту статью в «Современнике». Если она подойдет Вам, пожалуйста! Ругани в ней нет (т. к. я очень люблю Эйхебаума и ценю многие его работы), но по-моему она бьет формальный метод в самое больное место[3].

Есть у меня также собственноручные записи Некрасова о декабристах и его же план «Русских Женщин», из коего видно, что вначале Некрасов хотел написать эпопею в двенадцати песнях — и проч., и проч., и проч. Если хотите, приготовлю для Вас.

Устройте мне у издателей одну книжку: «Записки» Панаевой. Я продал их «Кругу», но «Круг» не печатает. А между тем, книга — ко времени: в ней апофеоз Добролюбова, Чернышевского, Белинского, Некрасова, — всюду самые «радикальные» принципы, история журнала «Современник», много шпилек против *дворянской* литературы, против Тургенева, Григоровича, Боткина. Я проредактировал текст, внес до сотни исправлений, написал «марксистское» (!?) предисловие, но книга лежит, а между тем она из самых насущных — Вы знаете. Очень хочу напечатать <ее>, она одна из лучших моих работ.

Весь Ваш *Чуковский*

Читали мою книжку — о Горьком?[4]

[1] Датируется по содержанию: «... не хотелось бы печатать эту статью в «Современнике». Журнал «Русский Современник», одним из редакторов которого был Чуковский, был закрыт в конце 1924 года после выхода четвертого номера..

[2] Речь идет о полемике Л.П. Гроссмана и Вяч. Полонского о том, был ли М.Бакунин прототипом Ставрогина, героя романа Ф. Достоевского «Бесы». Вероятно, Чуковский имеет в виду журнальную публикацию их полемических статей. В полном виде полемика по этому вопросу опубликована в книге: Спор о Бакунине и Достоевском. Статьи Л.П. Гроссмана и Вяч. Полонского. Л.: ГИЗ, 1926.

[3] В конце концов статья была напечатана в сборнике статей Чуковского о Некрасове под названием «Формалист о Некрасове» (См.: Некрасов. Статьи и материалы. Кубуч, 1926).

[4] Упомянута книга «Две души М. Горького» (1924). См. *Т. 8* наст. изд.

498. И.Е. Репину

22 декабря 1924 г. Ленинград

22.XII.1924

Дорогой Илья Ефимович! Конечно, конечно, берите наше пианино. Я рад, что хоть одна из наших вещей кому-нибудь пригодится. Все остальные пошли прахом — по воле Перевертанного[1] и Шайковича[2].

Жаль, что Вы не получили тех писем, которые я писал Вам осенью. Там я подробно рассказывал о судьбе Вашей статьи, посвященной Александру Иванову. Тот журнал, для которого я предназначал ее, погиб «по не зависящим от редакции обстоятельствам»[3], а газеты, куда я предлагал статьи, уведомили меня, что они с восторгом напечатали бы всякую строчку Ильи Ефимовича Репина, но что вся эта статья основана на заблуждении: никто никуда картин Иванова перевозить не будет. Постановлено оставить их на прежнем месте. Вследствие этого я спрятал статью в письменный стол, дабы лично привезти ее Вам — со всеми материалами, к ней относящимися (письма из редакций газет «Известия» и «Моск<овская> Правда»).

Вы пишете, что сомневаетесь, выйдет ли Ваша книга. Я могу поручиться Вам, что книга выйдет, *если Вы этого захотите.* Я добился того, что ее разрешили печатать по старой орфографии, и при личной беседе расскажу Вам, каков мой план. Мне страшно хочется, чтобы Ваша книга вышла при Вашей жизни, и ручаюсь Вам, что достигну этого, если Вы сами этого захотите.

Я сейчас делаю новую попытку пробраться в Куоккала. Этим летом в Сестрорецке мне так безумно захотелось попасть к Вам —

в Куоккала — на юбилей, что я познакомился с пограничниками и уговорил одного из них пропустить меня к Вам на три часа «на честное слово». Он, после долгих колебаний, согласился. Но когда я на следующий день пришел в назначенное место — поведение моего нового друга показалось мне весьма подозрительным и я испугался ловушки.

Теперь я подал прошение в Финское Министерство Иностранных Дел о разрешении мне на два месяца приехать в Куоккала для посещения Ильи Еф. Репина. За меня ручаются: проф. Мансикка, г. Игельстрем и магистр Тойкка. Я указал, что я литературный критик и детский писатель, политикой никогда не занимался, что в Гельсингфорском Университете хранятся мои бумаги и рукописи, — и вот ни слуху, ни духу! А между тем, не получив визы, я не могу начать хлопотать перед здешними властями о разрешении въезда в Финляндию[4].

Чуть только я получу разрешение, я двинусь в путь. Мой чемодан уложен, я купил себе валенки и финскую шапку и мечтаю в первых числах января, «Богу соизволящю» вернуться к Вашим (и моим) Пенатам.

О, как много у меня есть интересного для наших будущих бесед, — как хочется мне увидеть Ваши последние произведения, о которых знаю только понаслышке.

О Вас мне много рассказал теперь дворник Разживинской дачи — Суханов. Напишите мне, пожалуйста, хоть несколько слов.

Ваш *Чуковский*

Недавно один Ваш рисунок я видел у сына Лескова. Лев, нарисованный карандашом[5].

P. S. Вчера мне попалась в руки *Хрестоматия для средней школы* «Ранние Зори», и в ней я увидел отрывки из Ваших воспоминаний под заглавием: «Я вырезываю из бумаги фигурки», «Я делаю себе коня» и т. д. Целый ряд статеек с рисунками. Очень мило, с большим вкусом выбрано. Для детей 8–9 лет.

Поздравляю Вас с праздником, желаю Вам радости, любви и творчества. Сейчас, говорят, в Москве Луначарский читает лекцию «Репин, как социолог». Содержания лекции я еще не знаю, но, говорят, Луначарский вообще восторженный Ваш поклонник.

О Стасовском сборнике ни слуху, ни духу[6]. Что думает г-жа Комарова[7], не знаю. Она обещала прислать мне корректуру Вашей

статьи, но до сих пор не прислала. Я не смею вмешиваться в Ваши отношения, но если бы Вы захотели взять у нее эту статью, я напечатал бы ее в одном (неказенном) журнале и вся Россия заметила бы ее.

Что Ермаков? Как грустно, что он увез из России столько Ваших работ![8]

Не слыхали-ли Вы, где находится мой портрет Вашей работы?[9]

Ваш *Чуковский*

[1] О *Н.А. Перевертанном-Черном* см. примеч. 14 к письму **466**.

[2] *Шайкович* Иван Степанович (1873–1946), сербский поэт, филолог-славист, переводчик, профессор сербского языка и литературы в Петербурге (1908–1915), участник спасения имущества русских литераторов в Финляндии. Когда Чуковский в январе 1925 года приехал в Финляндию Шайкович передал ему ту часть архива, которую ему удалось спасти от уничтожения в Куоккальском доме. Значительную часть своих бумаг, связанных с дореволюционной литературной жизнью, Чуковский не повез в Россию, а оставил у Шайковича, который впоследствии передал их в *Стокгольмский архив* (см. «Список сокращений» и вступит. статью).

[3] Подразумевается журнал «Русский современник», закрытый после выпуска № 4.

[4] Еще 9 ноября 1924 г. Чуковский записал в своем дневнике: «Видел Ионова — только что вернулся из Англии. Говорил я с ним о своей поездке в Финляндию — к Репину. Он взялся выхлопотать для меня разрешение в один день...»

[5] Имеется в виду рисунок «Лев старца Герасима» к одноименному рассказу Лескова. Литография: «И. Репин, 1888». Лесков читал этот рассказ Репину 10 февраля 1888 г.

[6] Репин написал воспоминания о В.В. Стасове. В «Стасовский сборник» должна была войти также его переписка со Стасовым. Однако, сборник издан не был.

[7] О. *В.Д. Комаровой* см. примеч. 10 к письму **399**.

[8] В коллекции Н.Д. Ермакова было много купленных в разное время произведений Репина. Когда Ермаков в 1917 г. эмигрировал, вывезти свою коллекцию ему не удалось, все картины и рисунки Репина в 1918 г. поступили в Русский музей, который позже некоторые из этих произведений передал периферийным музеям.

[9] По рассказу Чуковского портрет был сперва ему подарен, а потом в 1912 году продан по ошибке на одной из репинских выставок в Италии.

Историю его дальнейших странствий см.: *Дн.-13.* С. 478–480. Осенью 1993 года портрет был продан новому владельцу, а в настоящее время возвращен в Россию в составе коллекции М.Л. Ростроповича и Г.П. Вишневской.

499. Э.Ф. Голлербаху

1924 г. Ленинград[1]

Многоуважаемый Эрих Федорович!

Где же картинки к моей детской книжке «Доктор Айболит»? Дело в том, что месяца три назад я продал Госиздату детскую книжку «Доктор Айболит» и, по просьбе Ионова, предоставил рукопись художнику Белухе с тем, чтобы оный Белуха сделал к ней иллюстрации. Что случалось дальше, не знаю. Умоляю вас, Э.Ф., добудьте у Белухи эти рисунки, и, если они Вам понравятся, сдайте рукопись возможно скорее в набор, так как нужно же, чтобы детская книжка вышла к Пасхе.

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по содержанию. «Доктор Айболит» [Ч. 1]. Для маленьких / Пересказал К. Чуковский. Рис. Е. Белухи. Л.: Гос. изд-во. 1925.

500. А.Ф. Кони

Январь 1925 г. Ленинград[1]

Дорогой Анатолий Федорович.

Все это время «Современник» висит на ниточке. Однажды — около месяца назад — его закрыли, а потом сказали, что «посмотрят, подумают». И думают до сих пор. Таким образом нам неизвестно даже, существуем мы или нет. Для того, чтобы не распугать подписчиков, мы делаем вид, что существуем, но перед Вами притворяться не станем и откровенно признаемся, что нас почти нет. Говорю: *почти*, потому что Тихонов уехал в Москву хлопотать. Только надежды плохи: чем выше сановник, тем он милостивее, либеральнее, и тем меньше он может сделать. И Луначарский, и Каменев обещают нам свое покровительство, но вряд ли они выполнят свои обещания. Это я пишу для того, чтобы у Вас не было чувства, будто мы уклоняемся, под благовидным предлогом, от напечатания Вашей статьи. Если я до сих пор не даю дочери Пешковой-Толиверовой[2] никакого ответа, это происходит от неопределенности нашего бытия.

Но не скрою от Вас, что тема Вашего очерка кажется нам не слишком заманчивой. Хотелось бы, чтобы Анатолий Федорович Кони дебютировал у нас не беглой статьею о третьестепенной писательнице[3]. Нам очень хотелось бы напечатать на стр. «Современника» какую-нибудь капитальную Вашу вещь — напр<имер>, воспоминания о Борках[4], о Витте, о Вере Засулич. Но конечно об этом можно будет говорить лишь тогда, когда мы убедимся, что мы существуем.

Все хотел к Вам забежать, да свалились всякие напасти: фининспектор, закрытие «Всемирной литературы», закрытие журн<ала> «Соврем<енный> Запад»[5], болезнь моей матери, тяжба с нашей кухаркой и т. д., и т. д.

Ваш *Чуковский*

Надеюсь, что Вы в добром здоровье. На днях увижу Репина, еду к нему в Куоккалу. **1925**

[1] Датируется по содержанию.

[2] *Дочь Пешковой-Толиверовой* — В.С.Чоглокова. *Пешкова-Толиверова* Александра Николаевна (1842–1918), писательница, участница гарибальдийского движения («русская гарибальдийка»), публицистка, автор книг для детей, издательница детских и женских журналов.

[3] Чуковский имеет в виду очерк Кони о Пешковой-Толиверовой «Незамеченная смерть заметного человека», опубликованный впервые много лет спустя (*Кони. Т. 7.* С. 312–323).

[4] *Борки* — место крушения царского поезда 18 октября 1888 года. Крушение сопровождалось многочисленными жертвами, однако ни Александр III, ни члены царской семьи не пострадали. А.Ф. Кони участвовал в следствии по этому делу. См.: *Кони А. Ф.* Крушение царского поезда в 1888 году // Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. М., 1966.

[5] О создании журнала «Современный Запад» см. примеч. 5 к письму **438**. Журнал был закрыт на шестом номере (1922–1924).

501. И.Е. Репину

Начало февраля 1925 года. Гельсингфорс[1]

Нет, нет, дорогой Илья Ефимович, «в Куоккала я больше не ездок!»[2] Чемоданы мои уложены, билет куплен, сегодня я уезжаю в Россию. Жаль, что я так поздно узнал о Вашем желании снова повидаться со мною. Я, конечно, изменил бы свой маршрут. Теперь нельзя.

В Куоккала мне было неуютно[3]. Терпеть не могу шептунов, трусливо клевещущих у меня за спиной. Бабьи дрязги вызывают во мне тошноту. Я надеюсь, что скоро мы увидимся с Вами в Петербурге при других обстоятельствах. Пойдем по музеям, побываем в Эрмитаже, в опере... Здесь я нашел истинный клад: мои письма, бумаги, картины, которые считал безвозвратно утерянными. Особенно много Ваших писем — я прочитал их подряд — какие они юношеские, мажорные, огненные. Также сохранились корректуры Ваших «Воспоминаний», множество фотографич<еских> Ваших портретов и проч. Цел также и мой портрет Вашей работы (фотографич<еский> снимок, корректированный Вашей рукой), целы и письма Натальи Борисовны. Спасибо добрым людям, сохранившим для меня это добро! Много фотографий моих детей, все мои дневники, письма Льва Толстого, Куприна, Мережковского, Блока, Леонида Андреева, Валерия Брюсова — все цело, все вернулось ко мне. Сохранился и Ваш фотогр<афический> портрет, подаренный Вами Марье Борисовне в день ее именин.

1925 Все это я вновь рассортировал, разобрал, — уложил в ящики и везу домой. Довезу ли?

Был я здесь в картинной галерее. Очень хорошо повешен Ваш автопортрет (вместе с Натальей Борисовной)[4]. Я смотрел эту картину, как новую; у Вас она терялась среди многих других, а здесь выиграла очень... Похоже, что за последние десять лет финны мало создали в искусстве. Эдельфельт по-прежнему недосягаем. Но ведь он не столько финский, сколько парижский художник. Галлен хорош, но не имеет *своего* стиля, пробует десятки различных манер и часто моветонно манерничает. Галлонен, увы, слабый рисовальщик; у него дряблая вялая линия, это видно даже мне, профану. В маленьком пейзажике Ярнфельда[5] больше таланта, чем во всех широких простынях этого Галлонена.

Вся стена Ваша в этом музее напомнила мне давние «Пенаты». Вот «русская Монна Лиза» — не помню, как ее фамилия [Над этим другим почерком: Званцева, Ел.Ник.[6]], — вот «хлопец» Кузнецова, вот Куликов, вот Кустодиев. Все это знакомо мне уже тысячу лет. Одно ново: ваш эскиз, исполненный чернилами: не Минин ли среди народа? [Далее другим почерком: Никита Пустосвят].

Впрочем, есть и еще новость: я узнал, что по-фински Вас нужно величать RÄPIN. Так значится под Вашими картинами и под бюстом Толстого.

Так напишу и я на конверте.

Ну, до свидания. Черкните мне несколько строк в Петербург. И не забудьте своего обещания: прислать мне еще несколько Ваших портретов самого последнего времени.

Финны обещали собрать мне *все* матерьялы по поводу Вашего чествования и Вашей картины «Финские знаменитости». Ярнфельду сегодня же передам Ваш привет.

Ваш *Чуковск<ий>*

[1] Датируется по содержанию.

[2] Перефразированы слова Чацкого из пьесы Грибоедова «Горе от ума»: «Вон из Москвы! сюда я больше не ездок!»

[3] Один из жителей Куоккалы вспоминает: «В 1925 году у Ильи Ефимовича была большая радость свидания с его другом, писателем Корнеем Ивановичем Чуковским <...> Друзья не виделись 8 лет, и им было о чем поговорить. И все же после осталось столько недосказанного, что Корнею Ивановичу казалось, что И.Е. Репин живет в “плену у белых”, которые не пускают его приехать на родину, а Илье Ефимовичу казалось, что К.И. Чуковский живет в “плену у красных”, которые не позволяют ему чаще бывать в “Пенатах”» (*Бренев Н.*// Наша жизнь. 1974. № 10. С. 27, 28).

[4] Имеется в виду автопортрет с Н.Б. Нордман-Северовой «И.Е. Репин и Н.Б. Нордман» (1903, Музей Атенеум, Хельсинки).

[5] *Эдельфельт* (Edelfelt) Альберт Густав Аристид (1854–1905), *Галлен-Каллела* Аксель Валдемар (1865–1931), *Галленнен* Пекка (1865–1933), *Ярнфельд* Эро (1863–1937), финские художники.

[6] Речь идет о живописном портрете Е.Н. Званцевой (1889, Музей Атенеум, Хельсинки).

502. И.Е. Репину

12 марта 1925 г. Ленинград

Дорогой Илья Ефимович.

Я передал медальон Леонида Андреева его сестре Римме Николаевне. Она сказала, что напишет Вам письмо. Покуда присылаю клочок бумаги, который она прислала мне — нечто вроде квитанции. Я до сих пор под впечатлением Вашей «Голгофы»[1] — вижу каждую подробность, как будто я только что был в тех местах: и кровь, и стену, и каменистую почву, и великолепно скомпанованные «группы» озверелых собак. Двинулась ли работа над этой картиной с тех пор, как я ее видел?

У финнов я собрал много сведений о Ваших торжествах в Гельсинфорсе.

Сердечный привет от Анатолия Федоровича Кони.

Ваш *Чуковский*

Что Канин?[2] Где ему быть? Неужели в Нижнем?

Нашли вора, ограбившего церковь?[3] Я думаю, найти нетрудно. Вокруг так мало людей — и все они на виду.

12/III 1925

Кирочная 7 кв. 6

[1] Название картины, над которой работал Репин во время приезда Чуковского в Куоккалу.

[2] *Канин* – бурлак, с которым Репин встретился на Волге. На знаменитой репинской картине «Бурлаки на Волге» Канин изображен первым среди бурлаков. В письме речь идет об этюде к этой картине.

[3] 6 февраля 1925 года И. Репин писал Чуковскому: «У нас сегодня ограбили церковь воры. Превосходные дорогие, особенно крест, который мною написан в этюде священника» (*Репин.* С. 192).

503. А.Ф. Кони

Начало апреля 1925 г. Ленинград[1]

Дорогой Анатолий Федорович!

Благодарю Вас за то, что Вы дали мне возможность познакомиться с Вашей статьей о Витте[2]. Вы чудесно обрисовали этого

крупного и самобытного человека со всеми его достоинствами и недостатками, но мне показалось, что в статье нет конца. Вы всегда так мастерски *кончаете* свои статьи, а здесь оборвано почти на полуслове. Всегда в Ваших характеристиках Палена, Валуева, Лорис-Меликова чувствуешь: «будем жалеть и любить этого человека, это брат наш». Здесь этого нет. Нет синтеза, который объединил бы Ваши отрывочные заметы. То есть синтез чувствуется, но он между строк, а хотелось бы видеть его в отдельной (заключительной) главе. Я очень люблю Витте (как выразился Толстой: не любовью, а любованием), и мне хотелось бы, чтобы люди были к нему не только справедливы, но и жалостливы. А в общем, статья очень ценная, некоторые эпизоды (напр., харьковский) потрясают неожиданностью. Чувствуется, что каждое слово — с натуры. Удивителен дуэт Плеве и Витте в конце Вашей статьи. Исполняющие этот дуэт как будто поменялись инструментами. Простите, что пишу впопыхах, — меня разрывают на части всевозможные Лившицы.

Вчера я снова напомнил Лившицу[3] (не лично, а при посредстве своей помощницы) о его некорректном отношении к Вам. Он буркнул: знаю, знаю! — и шарахнулся в сторону. Сегодня я пойду к нему сам.

Ваш *Чуковский*

Еще раз спасибо за статью.

[1] Датируется по связи с письмом **504**, в котором упомянуты воспоминания о С.Ю. Витте.

[2] Очерк о Витте Чуковский читал, по-видимому, по брошюре: *Кони А.Ф.* Сергей Юльевич Витте: Отрывочные воспоминания. М.: Право и жизнь; Напеч. в Твери, 1925.

[3] Упомянут *Я.Б. Лившиц*, владелец издательства «Полярная звезда». О нем см. «Список адресатов».

504. И.Е. Репину

7 апреля 1925 г. Ленинград

Апрель 7, 1925
Кирочная, 7, кв. 6
Ленинград

Дорогой Илья Ефимович!

Раньше всего о «Голгофе».

Нет, доски, прибитые к крестам, ни в коем случае не были красного цвета. Римляне очень ценили красный цвет. У них только высокие сановники ходили в пурпурных тогах. Юноше, до-

стигшему совершеннолетия, позволялось украсить свою тогу узкой каемкой красного цвета. Вряд ли возможно, чтобы при таком отношении к багрянцу и пурпуру римляне стали бы красить столь почетною краскою надписи над *казнимыми преступниками!* Вернее всего, что эти три доски были пыльно-серого цвета: официальный, казенный колорит у древних римлян. — Так объяснили мне наши ученые; и Анат<олий> Фед<орович> Кони, как специалист по римскому праву, подтвердил их экспертизу.

Он очень тронут Вашими словами в письме ко мне — о «радости воскресшего». Кланяется Вам, поздравляет с наступающей Пасхой. Бодр он необыкновенно. После Пасхи едет в Харьков читать лекции — на 83-м году жизни! В прошлом году он читал лекции в Москве в огромном зале. Молодежь устроила ему необыкновенную овацию, только что вышли его интересные воспоминания о Витте[1]. С каким наслаждением прочитал бы я их Вам после обеда!

Ваши строки о Канине меня так обрадовали, что я сейчас же понесся в Русский Музей — к Петру Ив<ановичу> Нерадовскому. Он уже знал об этом Вашем решении, и мы вдвоем предались ликованию. Застал я Петра Ивановича за какими-то чертежами: он как раз распределял Ваши картины для предстоящей «Репинской выставки»[2]. Распределяет он превосходно, с огромным вкусом и тактом, «по-петербургски». Посмотрели бы Вы, как развешены у него картины А.А. Иванова (этюды, полученные от Боткина[3]). Как великолепно распределены в отдельном зале картины Брюллова! А Венецианов! Боровиковский! Он говорит, что в Москве на Репинской выставке[4] Ваши картины повешены хламно, путанно, кое-как, отчего они много проиграли. Таков теперь «Московский стиль». (В Москве человек не знает, с чьей женой он живет, сколько у него детей и т. д. Неразбериха, суета и чепуха). Нерадовский спрашивал у меня, какой величины этюд Васильева (тот, где Вы возвращаетесь по Волге с этюдов). Он хочет и его приобщить к циклу «Бурлаков».

Теперь он хлопочет о том, чтобы после Пасхи ему разрешили поехать в Куоккала[5]. Я завидую ему — и потому, что он увидит Вас, и потому, что апрель в Куоккала — чудное время. Помню, у Вас в саду уже над снегом летают бабочки, а в киоске жара тропическая, а над морем — пройдешь и помолодеешь.

Мудро Вы сделали, что провели эти годы в Куоккала!

О Некрасове Вы написали чудесно: действительно, основное свойство Некрасова певучесть. Он певучее Пушкина, певучее всех русских поэтов; он пел, а не писал свои стихи. (В этом отношении с ним схож один Шевченко).

1925 То, что Вы пишете о бурлаках Некрасова (о том, что бурлаки Некрасова не влияли на Ваших бурлаков), было бы невероятно, если бы в истории не бывало подобных же примеров. В 1855 году Некрасов в Ярославле написал «Сашу», а Тургенев в Спасском написал «Рудина». И там и здесь один и тот же герой — «лишний человек», одна и та же ситуация и проч. До сих пор полагали, что Некрасов списал у Тургенева, но я в прошлом году доказал — с цифрами в руках, что это исторически законное совпадение. То же случилось и с Вашими «бурлаками». Спасибо за это ценное сведение — оно пригодится мне в моей будущей работе. Простите помарки и пишите мне, пожалуйста. Для меня каждое Ваше письмо — радость.

Ваш *Чуковский*

[Приписка на отдельном листочке, другими чернилами]:

Ваше письмо долго «блукало по свiту», потому что Вы написали не тот адрес.

Нужно: Кирочная, *7*, кв *6*.

Кланяется Вам П.И. Нерадовский.

[1] См. примеч. 2 к письму **503**.

[2] Репинская юбилейная выставка в Государственном Русском музее открылась 30 мая 1925 г., закрылась 1 марта 1926 г.

[3] Имеются в виду этюды к картине «Явление Христа народу», поступившие в ГРМ в 1917 г. из собрания М.П. Боткина.

[4] Репинская юбилейная выставка в Москве была в 1924 г.

[5] Поездка П.И. Нерадовского в Куоккала не состоялась.

505. И.Е. Репину

30 мая 1925. г. Ленинград

Дорогой Илья Ефимович.

Только что вернулся с Вашего торжества[1]. Впечатление титаническое. Не верится, что все это обилие лиц и фигур создано одним человеком. Весь огромный музейный зал — переполнен, — 340 вещей И.Е. Репина!

Прямо против двери «Бурлаки» и «Проводы новобранца» — сверкают нарядными, необыкновенно «звонкими» красками. Справа — чуть войдешь — далеко-далеко золотятся вершины гор «Иова и его друзей». Неподалеку от «Иова» светится поэтическим светом — светильник дочери Иаира[2]. Оглянешься — о! — словно грянул оркестр — мажорная музыка «Государственного совета». Повешен «Совет» великолепно. Освещен еще лучше. Глядеть издали — стереоскопичность полная. Все отношения фигур

так угаданы, что не верится, что это на плоскости. Все кругом только ахают: восхищаются дивной характеристикой поз, лиц, выражений, могучей гармонией красок, титанической цельностью «общего». Если долго смотреть, фигуры как будто движутся.

Слева от картины все этюды к ней — в стройном и мудром порядке. Вообще развеска идеальная. Петр Иванович показал себя в невиданном блеске. Он разбил Ваши картины на несколько групп:

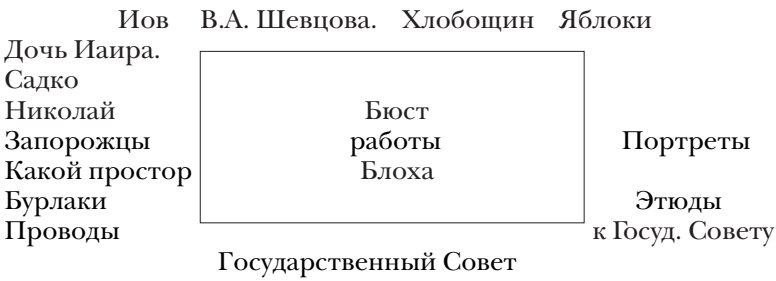
1. Из жизни *крестьян*.
2. Из жизни «культурных людей».
3. Исторические

и т. д.

Признаюсь, мне эта группировка не нравилась. Но здесь — на деле — она вполне оправдалась.

Одна картина так вяжется с другой, все они приведены в такую гармонию, что лучше и придумать нельзя. Как бы я хотел, чтобы Вы сами посмотрели на это великолепие.

Огромная стена занята портретами. Так и лезут из стены могуче изображенные лица. Протягивает руку Спасович (слышишь его польский акцент), аппетитно смеется Молас, сверкает — аристократическим профилем Головина, восхищает своими красками «Отец художника». Ах, какая это мелодичная вещь — «Отец художника», какое недосягаемое живописное мастерство. Помните ли Вы ее? Как смело на щеке положен ультрамарин, как дивно — одним мазком — вылеплены стариковские губы! Картина повешена низко — ее можно хорошо рассмотреть. Вы, должно быть, хорошо знаете план развески, но я хотел бы Вам сообщить его более отчетливо. Вот:



Это самая общая приблизительная схема. И над всем этим Сам Творец, как некий Саваоф — Ваш портрет работы Кузнецова[3]. Направо от входа — Ваш бюст — работы М.Ф. Блоха[4]. Бюст украшен цветами. Публика на «вернисаже» — самая трогательная,

все мы, старики и старушки, ездившие когда-то в Куоккалу, бывавшие на Ваших «средах». И среди всей этой восторженной толпы ныряет счастливый П.И. Нерадовский. Сегодня его именины.

К Выставке изготовлен каталог, очень изящный, толково составленный. Мне только не понравилась статья о Вас — А.П. Иванова. Многословная, смутная, бесталанная[5]. Эх, Илья Ефимович, не зарывайте в землю свою биографию, разрешите издать ее немедленно, советую Вам дружески; как жаль, что эта биография не вышла к Выставке. Будьте здоровы. Если захочется, черкните несколько строк. Погода-то какая! Скоро купаться!

Ваш *Чуковский*

[На отдельном листочке:]

1) Недавно в книге воспоминаний А.И. Дельвига я увидел его великолепный портрет, чудесно вылепленный![6] Сытый немец, генерал, инженер, накачавшийся пивом. Где этот портрет теперь? Я никогда не читал о нем, не слыхал о нем, не видел его.

2) В «Воспоминаниях» о Костомарове я прочитал, что он перед самой смертью приехал посмотреть на Вашего «Иоанна» — и встретился на выставке с Вами. Верно ли это?[7]

Я собираю о Вас все сведения, где только могу.

[1] Чуковский пишет Репину в день открытия выставки (30 мая 1925 г.). Впервые перед широкой публикой предстала картина «Заседание Государственного совета» вместе с этюдами к ней.

[2] Имеются в виду картины «Иов и его друзья» и «Воскрешение дочери Иаира», за которую Репин получил золотую медаль (1871).

На это письмо Репин отозвался 7 июня: «Дорогой, милый Корней Иванович. Обнимаю Вас и благодарю, благодарю! О, критика великая вещь, она одухотворяет... Я так восхищен Вашим описанием, что решаюсь ехать, посмотреть в последний раз такое, сверх всякого ожидания — великолепное торжество — посредственного художника. Со мною едут Вера и Юрий. Как-то мы добьемся виз и разрешений!!! Но мне ехать необходимо: в этих 346 №№, конечно, забрались и фальшивые, с поддельными подписями. Дружески обнимаю и целую Вас. Похлопочите и Вы *о скорейшем* исполнении моего наизаконнейшего желания...» (*Репин*. С. 204).

[3] Портрет И.Е. Репина работы Н.Д. Кузнецова (1885, ГРМ).

[4] Бюст И.Е. Репина работы М.Ф. Блоха исполнен в «Пенатах» в 1916 г.

[5] *Иванов* Александр Павлович (1876–1933), искусствовед, сотрудник Русского музея, автор вступительной статьи «Творчество Репина» в каталоге выставки Русского музея. Некоторые положения перекликаются с ранней статьей Чуковского (в газете «Речь». 1907. 7 (20) октября) и почти дословно повторяются его утверждения, что Репин любит писать в людях животное, звериное начало, что мастера влечет к плотскому в человеке,

«...он делает нечто большее: вскрывает плотскую сторону в облике *любого* человека, даже там, где сама по себе она и не бросается в глаза. Духовность подчинена плотскому, особенно это видно в портретах Репина». От этих взглядов давно уже отошел сам Чуковский.

[6] Портрет А.И. Дельвига (1882, ГТГ) был воспроизведен в 4-м томе книги «Барон *А.И. Дельвиг.* Мои воспоминания» (изд. Московских Публичного и Румянцевского музеев. Т. 1–4, 1912–1913).

[7] Н.И. Костомаров действительно приезжал на выставку картины И.Е. Репина «Иван Грозный» и встретился там с художником. Об этой встрече Репин писал Чуковскому в письме от 11 июня 1925 г. (*Репин.* С. 205).

506. Ф.К. Сологубу

Конец мая 1925 г. Ленинград

Конфиденциально

Дорогой Федор Кузьмич.

Боюсь, что и сегодня мне не вырваться в Союз Писателей. Дело в том, что на днях арестовали мою дочь[1], выпустили и потом опять позвали: явиться в субботу к 11 час. Я пойду вместе с нею, потому что она больна. Конечно, эти сведения только для Вас.

Поэтому мне приходится излагать свои мнения по поводу *Детского Отдела*[2] только письменно. Я, по переутомлению, не могу отдаться ему в настоящее время. Ведь так изматываешься за петербургскую зиму. Теперь у каждого из литераторов (у Маршака[3] тоже) одна мысль — забыть о литературе, упасть в траву и лежать — до простуды. Я теперь даже «Красной Газеты»[4] читать не могу. Мне казалось, что все наши дела мы могли бы отложить на осень. За исключением *сборников*, которые надо готовить теперь же, всякую рукопись, которая поступила с этой целью в Союз, я рад незамедлительно прочесть — и обо всякой дать отзыв. Вообще редактировать сборник готов хоть сейчас. Точно так же могу от имени Союза организовать в Сестрорецке «детские» чтения для детских санаторий, больниц и дом<ов>. Но больше, увы, сейчас не могу.

Постараюсь, впрочем, прибежать сегодня. Не знаю, выберусь ли.

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по упоминанию об аресте дочери. В своей автобиографической повести «Прочерк» Лидия Чуковская вспоминает этот свой первый арест: «Однажды в Институте состоялось общее собрание учащихся для перевыборов — уж не помню, в какую общестуденческую организацию. Комячейка представила собранию свой список кандидатов — и, разумеется, из числа “своих” — то есть из студентов, наименее

уважаемых товарищами <...> Против обыкновения, на этот раз собравшимся удалось, кроме списка, утвержденного свыше, выдвинуть также и собственных кандидатов. Голосовали открыто. Право подсчитывать захватили комсомольцы. Они мошенничали с откровенным бесстыдством, на глазах у всех: подняты 3 руки — они объявляют 25; подняты 25 — объявляют 3. В зале — шторм: рев, выкрики, свистки, топот. На следующую — или через одну? — ночь, явно по доносу удалой комячейки, в ночь с 26 на 27 мая 1925 года арестовали человек двадцать студентов, наиболее шумно топавших, свистевших, кричавших. В том числе и меня. Дня через три нас всех до единого выпустили» (*Чуковская Лидия*. Прочерк // Соч.: В 2 т. М.: Арт-Флекс. Т. 1. С. 277–278).

[2] Речь идет об организации Детского отдела Госиздата. Его руководителем стал С.Я. Маршак.

[3] *Маршак* Самуил Яковлевич (1887–1964), поэт и переводчик.

[4] «Красная газета» — орган горкома Коммунистической партии и горсовета (Ленинград, январь 1918—1939). В газете печатались все указы, издаваемые новой властью, и даже списки расстрелянных.

507. Р.Н. Ломоносовой

6 июня 1925 г. Ленинград

6 V [VI] 25

Глубокоуважаемая Раиса Николаевна.

Относительно Hudson'а[1] Вы, может быть, и правы: издать его для подростков с сокращениями. Но кому я ни предлагал, топорщатся. Я лично прочел «Far Away»[2] с восторгом. Биография каждого дерева, каждой собаки — оказалась интереснее биографии многих знаменитых людей. Но — неторопливый темп, но — long ago, но изумительно изящный язык, непередаваемый никаким переводом — все это очарования не для нашего времени.

От Garnett'а[3], признаюсь, я ждал другого. Он весь исчерпался на первых двадцати страницах, — остальное — повторение пройденного.

[Приписка:] Aldous Huxley[4] — декадент, с гнильцой, но *мне* приятен.

Спасибо за предложение — чтобы я взял на себя представительство заграничных книг.

Признаюсь, эта роль меня не прельщает. Я люблю читать (некоторые) иностранные книги, — но хлопотать о них терпеть не могу. Если Вы хотите, я поищу для Вас подходящее лицо — со всей добросовестностью. Энергичное, честное, знающее. Этому лицу я готов помогать, но, увы, только советами.

Кстати, мне приходит в голову обратиться к Вам с просьбой. Мною написано около десяти-двенадцати детских книг, которые в России имеют некоторый успех. Моя книга «Крокодил» разошлась (если считать и журнальный тираж) в 600.000 экз<емпляров>. Книжка «Мойдодыр» выдержала в 2 $^1/_2$ года — *семь* изданий, и спрос на нее не уменьшается. Книжка «Тараканище» тоже выйдет летом *седьмым* изданием. «Крокодил» был издан в Берлине по-русски, но очень неудачно. Не могли бы Вы посоветовать мне, как наилучшим способом ввести мои книжки в Европу? Некогда я был в переписке с Грегером[5] (переводчиком Блока) — он прелестно перевел одни мои детские стишки, но с тех пор ни слуху, ни духу.

Зовут меня Корней Иванович.

Ваш *Чуковский*

[1] Уильям Генри *Хадсон* (1841–1922), писатель и натуралист. Наиболее известные из его книг «Зеленые поместья» (1904) и «Жизнь пастуха» (1910).

[2] «Far Away and Long Ago» («Далеко-далеко и давным-давно», *англ.*, 1918) — автобиография Хадсона.

[3] Возможно речь идет о Дэвиде *Гарнетте* (1892–1981), английском писателе, авторе нашумевшего романа «Женщина, превращенная в лисицу» (1922).

[4] *Хаксли Олдос* (Huxley Aldous, 1894–1963), английский писатель, автор (к 1925 г.) романов «Crome Yellow» («Желтый кром», 1921) и «Antic Hay» («Шутовской хоровод», 1924).

[5] О *В. Грегере* см. примеч. 10 к письму **515**.

508. Р.Н. Ломоносовой

После 6 июня — до 7 июля 1925 г. Ленинград[1]

Нет, глубокоуважаемая Раиса Николаевна, я не хочу получить от Вас Huxley. Моя любовь к его вещам смешана с немалой долей презрения, а я хочу любить не презирая[2]. — Агента Вам найду: шустрый и въедливый. Сейчас он в Крыму. Чуть вернется, попробую соблазнить его 7 $^1/_2$%[3]. Вы правы, что здесь можно отыграться на кино и на театре. Но беда в том, что английские пьесы, покуда они ставятся на сцене, не публикуются для общего сведения: нет ни одной театральной новинки, которую можно было бы достать в книжном магазине. Между тем театральные заработки чрезвычайно велики: я как-то мимоходом перевел Синга «Playboy of the Western World» и, несмотря на то, что пьеса не имеет успеха, я продолжаю получать сотни и сотни рублей[4]. А что было бы, если

бы пьеса имела успех! Поэтому предлагаю Вам следующее: раздобудьте несколько пьес с *социальным оттенком* и пришлите их мне. Я войду в сношения с цензурой, с театром, переведу эту пьесу — если нужно, переделаю ее. Я, читая отчеты в «Manchester Guardian»[5], наметил несколько таких пьес. Теперь потерял свой список. Если бы кто-ниб<удь> тогда выслал мне эти пьесы, они дали бы тысяч десять доходу. Помню одну — кажется A.A. Milne'a. Об империализме, о колониях — как гибельно отзываются операции лондонского сити на неграх, на индусах и проч. Действие происходит то в конторе, то в девственном лесу. Читал я об этой пьесе около года назад[6].

Очень прошу Вас выслать мне Frank Harris'a об Оскаре Уайльде[7]. Уайльд интересует меня, так сказать, «семейно». В 1916 году я сблизился с его другом, Робертом Россом[8], и с его сыном (т. е. сыном Оскара Уайльда)[9]. Какое-то американское издательство публиковало о выходе в свет «Полного Собрания Сочинений Оскара Уайльда», причем один том (последний) был посвящен воспоминаниям о нем[10], в том числе, если помню, Yeats'a[11], Анатоля Франса[12] etc.[13] Вот если бы Вы достали эту книгу, она была бы для меня —

слаще мирра и вина[14].

Я должен Вам около 5 рублей. Вы прислали марки, целую кучу, но я ими не воспользовался. При случае возвращу. Не присылайте больше марок, на почтовые расходы у меня хватает.

«Русский современник» никуда больше выходить не будет. Ему это вредно. Редакторам тоже. Издателям тоже[15].

Вы спрашиваете у меня совета, что из русского надо переводить на заграничный язык. Не знаю. Мне кажется, что такие вещи надо искать не в центре современной литературы, а на периферии. Например: мой знакомый, молодой профессор, Юрий Николаевич Тынянов, один из критиков-«формалистов», написал, по моему предложению, повесть об одном из декабристов, Вильгельме Кюхельбекере. Повесть называется «Кюхля». В ней изображены Пушкин, Грибоедов, декабристы, император Николай, Гете и Тик[16] (Кюхля был в гостях у Тика и у Гете). Уверен, что *немцам* эта книга понравится[17]. Это — литературно-исторический роман, написанный ученым-исследователем. Я вначале предназ-

начал эту повесть для юношества, но она так солидна, что будет издана для взрослых. Адрес Тынянова вот: Греческий пр., 15, кв. 18, Ленинград[18]. В ней 14 печатных листов. Время взято интереснейшее.

Еще я советовал бы издать «Детство Темы» Н. Гарина. В Англии оно непременно имело бы успех[19]. А для *немцев* следовало бы издать из II тома Долининского «Достоевского» статью А.С. Долинина о Сусловой[20].

Теперь о моих книгах. Среди них есть сборник народных детских стихов «Пятьдесят поросят» изд<ательства> А.Ф. Маркса, с рисунками С. Чехонина[21]. Там собраны лучшие из русских Nursery Rhymes[22], какие попадались мне за последние 40 лет моей жизни. Рисунки Чехонина прекрасны, легко воспроизводимы, народны. В Америке эта книга имела бы несомненный успех:

Russian Nursery Rhymes
selected by K. Chukovsky[23].
Think of it! Think of it! Think of it![24]

Жалко, что я сейчас занят — до ноября, а то бы мы сделали с Вами огромное дело. Можно было бы урегулировать весь книгооборот в СССР и other countries[25].

Но — занят.

Преданный Вам *К. Чуковский*

Ленинград, Кирочная, 7, кв. 6.

У меня есть друзья-поэты в Америке, которые хорошо перевели бы это. Например, Miss Babette Deutsch[26]. Мы с ней когда-то уже говорили об этом. Она жена Abraham Yarmolinsky of New York Library[27].

[1] Отправлено из Ленинграда в Москву (Гороховская ул., 8, кв. 54). Датируется предположительно по содержанию и по сопоставлению со смежными письмами.

[2] О Хаксли см. письмо **507**.

[3] Неясно, кого Чуковский имел в виду. О созданном Ломоносовой и др. в Берлине в 1923 г. переводческом и «посредническом» бюро, для которого она искала представителя в России, см. «Минувшее». 15. 1994. С. 195.

[4] *Синг Джон* (Synge John; 1871–1909), ирландский драматург. Русский перевод пьесы «The Playboy of the Western World» («Плейбой Западного мира», 1907) вышел в 1923 г. под названием «Герой».

[5] *«The Manchester Guardian»* (с 1960 г. «The Guardian») — одна из главных английских газет либерального толка, выходит с 1821 г.

[6] Среди пьес *Алана Милна* (Alan Milne; 1882–1956), будущего автора «Winnie-the-Pooh» («Винни-Пух», 1926), нет пьесы с похожим сюжетом.

[7] *Харрис Франк* (Harris Frank; 1856–1931), английский журналист и литератор, автор нашумевших биографии *Оскара Уайльда:* «Oscar Wilde: His Life and Confessions» («Оскар Уайльд: Его жизнь и признания»; 1916) и автобиографии «My Life and Loves» («Моя жизнь и мои возлюбленные», 1923–1927).

[8] *Росс Роберт* (Ross Robert; 1869–1918), искусствовед, литератор, друг и душеприказчик Уайльда, редактор 15-томного собрания его сочинений (1908).

[9] *Холланд Вивиан* (Holland Vyvyan; 1886–1967), младший *сын Уайльда* (старший, *Сирил* (Cyril; 1885–1915) погиб на фронте во время Первой мировой войны).

[10] Такое издание обнаружить не удалось.

[11] *Йетс Уильям* (Yeats William; 1865–1939), ирландский поэт и драматург, писал об Уайльде в автобиографии «The Trembling of the Veil» («Трепетанье завесы»; 1922).

[12] Французский писатель *Анатоль Франс* (Anatole France; 1844–1924) не писал воспоминаний об Уайльде. Возможно, Чуковский имел в виду *Андре Жида* (Andre Gide; 1869–1951), воспоминания которого были опубликованы по-французски в 1901–1905 гг. и в переводе на английский язык в 1905 г.

[13] и т. д. *(лат.).*

[14] Строка из стихотворения А.С. Пушкина «В крови горит огонь желанья...» (1825).

[15] Журнал «Русский современник» просуществовал всего один год (1924), в течение которого было выпущено четыре номера. В последнем номере журнала редакция отозвалась на травлю, которой журнал подвергался («Перегудам». С. 236–240).

[16] *Тик Людвиг* (Tieck Ludwig; 1773–1853), немецкий писатель.

[17] Насколько известно, перевод «Кюхли» на немецкий язык Марии Эйнштейн (Maria Einstein) вышел в Берлине под названием «Wilhelm Kuchelbecker: Dichter und Rebell» («Вильгельм Кюхельбекер. Поэт и бунтарь») в 1929 г. Перевод был осуществлен без участия Ломоносовой.

[18] В письме от 28 июня 1925 г. Ю.Н. Тынянов благодарит Ломоносову за предложение заняться изданием его еще не вышедшего романа «Кюхля» за границей, а в письме от 15 октября 1925 г. он просит указать адрес, по которому можно ей послать «Кюхлю» «в сверстанном виде» (РАЛ MS.717.2.312.1–2).

[19] Роман *Н.Г. Гарина-Михайловского* «Детство Темы» (1892) до сих пор не переведен на английский язык.

[20] Насколько известно, статья *А.С. Долинина* (1883–1968) «Достоевский и Суслова» из 2-го сборника редактируемого им издания «Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы» (1924) не была переведена на немецкий язык.

[21] «Пятьдесят поросят» вышли двумя изданиями в 1924–1925 гг. С.В. Чехонин иллюстрировал несколько детских книг Чуковского.

[22] Нянюшкины сказки *(англ.)*.

[23] Русские нянюшкины сказки, собранные К. Чуковским *(англ.)*.

[24] Подумайте об этом! Подумайте об этом! Подумайте об этом! *(англ.)*.

[25] других странах *(англ.)*.

[26] *Дейч* Бабэтт (Deutsch Babette; 1895–1982), американская поэтесса и переводчица.

[27] Об А. Ярмолинском см. примеч. 13 к письму **486**.

509. Р.Н. Ломоносовой

22 июля 1925 г. Сестрорецк[1]

Ленинград, Кирочная 7, кв. 6.
(Сестрорецкий Курорт)
Изумительная Раиса Николаевна.

Конечно, мне за Вами не угнаться, и кто знает, может быть, Вы теперь с Амундсеном снаряжаете новую экспедицию на полюс[2]. Пишу эти строки вторично потому, что получил из Москвы сведения, что мое письмо, посланное туда, Вас не застало. Спасибо Вам за Ваше доброе ко мне отношение. Все присланное Вами прочел. От внучки прерафаэлита я не в восторге, читал обо всем этом тысячу раз — хотя бы у Mich<a>el'a Rossetti («Pre-rafael<ite> Brotherhood»). Но поразительно, что внучка прерафаэлита вышла замуж за Соскиса (из Одессы) и перевела «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова. Пестрая биография, не правда ли? Данте Габриель Россетти, должно быть, в гробу переворачивается от такого посрамления Прерафаэлитского ордена[3]. (Тынянов пошел в набор — чуть получу оттиски, вышлю Вам.)

Ирландские пьесы[4] милые, написаны по Сингу и Лэди Грегори[5] — и, читая их, я страстно захотел в Ирландию — (ирландцы напоминают мне наших хохлов). Давайте встретимся нынешней зимой в Дублине! Или лучше — во Фриско[6].

За опеку моих детских книжек — спасибо, спасибо, спасибо. Я верю в Вашу гениальную энергию и жду не сегодня-завтра откуда-нибудь из Чикаго —

Nursery Rhymes
selected by K. Chou<kovsky>
(author of «Crocodile»)[7].

1925 «Passage to India»[8] меня не увлек. Немецкой книги я не читал, потому что (да будет мне стыдно!) я не знаю немецкого. (Я самоучка, безо всякого образования, <из крестьян,> увы, увы, знаю только англ<ийский> и (не очень) французский.) Когда буду в городе, дам ее понимающим людям.

Въедливый приехал, но требует больших денег. «Не желаю я страдать за эту цыфру!» говорит он словами Горького[9]. Если уломаю его, сообщу.

Кстати, я хотел познакомить с Вами поэта Пастернака и дал ему Ваш адрес. Он очень живописно изобразил мне те московские дебри, в которых находится Ваше жилье[10]. Но Вас он не нашел. Это жаль. Я считаю его одним из самых выдающихся русских поэтов, и мне больно, что он так беспросветно нуждается. Не могли бы Вы ему помочь? Он хороший переводчик (с немецкого, английского, французского). Пошлите ему какую-нибудь *стихотворную* революционную пьесу или вообще сборник револ<юционных> стихов. Вы спасете большого поэта от голода. Его адрес: Москва, Волхонка 14, кв. 9. Борису Львовичу Пастернаку[11].

Ваш *Чуковский*

[1] Отправлено из Ленинграда в Берлин (Schliessfach №28, Lietzenburgstrasse 11, Berlin W15). (Берлинский адрес Ломоносовой не менялся и дальше не указывается.) Датируется по почтовому штемпелю.

[2] В 1925–1926 гг. *Руаль Амундсен* (Roald Amundsen; 1872–1928) участвовал в экспедициях на Северный полюс на самолете и дирижабле.

[3] *Соскис Джулиэт* (Soskice Juliet, урожд. Хьюффер/Hueffer; 1880–1944), внучка художника-прерафаэлита Форда Мадокса *Брауна* (о нем см. примеч. 4 к письму **32**) и вторая жена эмигранта-революционера *Д.В. Соскиса* (1867–1943); автор книги «Chapters from Childhood: Reminiscences of an Artist's Granddaughter» («Главы о детстве. Воспоминания внучки художника») (1921), перевела Некрасова («Who can be happy and free in Russia?»— «Кому на Руси жить хорошо») в 1917 г. Брат Данте Габриеля *Россетти* (Dante Gabriel Rossetti; 1828–1882) Уильям Майкл *Россетти* (William Michael Rossetti; 1829–1919) не писал книги под указанным Чуковским названием. Возможно, имеется в виду книга брата Джулиет Соскис, писателя Форда Мадокса *Форда* (Ford Madox *Ford*; 1873–1939), «The Pre-Raphaelite Brotherhood» («Прерафаэлитский орден») (1907).

[4] Возможно, «Two Plays» («Две пьесы») Ш. О'Кейси (см. письмо **515**).

[5] *Грегори*Изабелла (Gregory Isabella; 1852–1932), ирландская писательница, играла ведущую роль, вместе с У.Б. Йетсом, в ирландском национальном культурном движении.

[6] Сан-Франциско.

[7] Нянюшкины сказки, выбранные К. Чуковским (автором «Крокодила»; *англ.).*

[8] «A Passage to India» («Поездка в Индию»; 1924) — одно из главных произведений английского писателя *Э.М. Форстера* (E.M. Forster; 1879–1970).

[9] Перефразирована запись М. Горького в Чукоккале: «думают, что я за эту чифру в самом деле страдать буду» *(Чукоккала.* С. 212–213).

[10] В свой приезд в Москву весной 1925 г. Ломоносовы жили на казенной квартире Наркомата путей сообщения на Гороховской ул. (ныне ул. Казакова).

[11] Лишь в приписке к своему третьему письму к Ломоносовой (от 19 мая 1926 г.) Пастернак сообщил ей: «Меня зовут Борис Леонидович. Львовичем Вы меня зовете со слов К<орнея> И<вановича>, не знавшего моего отчества» (Минувшее. 15. 1994. С. 208). Переписка Пастернаков и Ломоносовых за 1925–1970 гг. опубликована К. Барнзом и Р. Дэвисом в томах 15–17 «Минувшего».

510. И.Е. Репину

23 июля 1925 г. Сестрорецк

23/VII.25

Дорогой Илья Ефимович!

Сию секунду получил Ваше письмо. Оно пролежало в Русском Музее почти два месяца. Черт знает что такое! Совершенно случайно узнал я от Николая Александровича Пыпина, что в Музее, *кажется,* есть письмо ко мне от Репина!!! Никто даже не потрудился узнать мой дачный адрес — и переслать Ваше письмо туда. Позвольте сообщить Вам мое местожительство раз навсегда: *Кирочная, 7, кв. 6.*

Одновременно с этим пишу Петру Ивановичу Нерадовскому. Мне кажется так: нужно выставку продлить до сентября и ждать Вас к сентябрю, не раньше. Вот почему:

1) Нельзя лишать Вас летнего отдыха в Куоккала. В Питере теперь духота, пыль, а Вы привыкли купаться в море, гулять в саду, любоваться зеленью. Куоккальская летняя природа действует на Вас всегда благотворно.

2) Большинство тех людей, которых Вам хотелось бы повидать и которые были бы счастливы увидеть Вас, находятся в отсутствии: кто в Крыму, кто на Кавказе, кто в деревне. Нет ни студентов, ни профессоров, ни художников, ни писателей.

3) Квартиру Вам и Вашей семье нужно приготовить исподволь. Мне кажется, лучше всего — на Каменном острове. Так как автомобилей Вы не любите, то Вам нужно предоставить карету.

1925 Если бы Вы черкнули мне, что Вы считаете наиболее удобным для Вас — для Веры Ил<ьиничны> — и для Юрия Ильича, — то я, совместно с Нерадовским — *осторожно и без шуму* приготовил бы все это к Вашему приезду[1]. Я живу неподалеку от Вас — в Сестрорецком Курорте, вижу в бинокль Куоккала — и мне кажется смешной чепухой, что я не могу пешком придти к Вам в хороший день — в среду.

Какие чудные дни! Купаетесь ли Вы. Я купаюсь по нескольку раз в день, почернел как арап. Чуть получу письмо от Нерадовского, откликнусь на Ваше письмо по-настоящему, а это только так — предварительно.

Пишите мне по городскому адресу. Мне передадут.

Выставка Ваша стала одной из главных достопримечательностей города. Был съезд врачей: все медики «побывали там». Приехали инженеры на Волховстрой — и первым долгом на Репинскую выставку! Иностранцы, приезжая в Россию, осматривают по программе: Медного всадника, Исаакиевский собор и репинскую выставку. Было бы дико, если бы эту выставку увидали все, кроме Вас.

До скорого свидания.

Ваш *Чуковский*
Кирочная 7, кв. 6

[1] Чуковский в письме **511** к П.И. Нерадовскому повторил соображения, высказанные им в письме к Репину.

511. П.И. Нерадовскому

25 июля 1925 г. Сестрорецк[1]

Многоуважаемый Петр Иванович.

Наконец-то, через два месяца получил я письмо от Ильи Ефимовича. Грущу, что оно провалялось в Музее столько времени, хотя моему управдому был точно известен дачный адрес. Что же нам делать? Весь вопрос в том, долго ли продержится Репинская выставка. Если она будет и в сентябре, то лучше всего Илье Ефимовичу приехать осенью.

Во-первых, пребывание в душном Ленинграде может тяжко отразиться на его здоровье, — в то время, как осенью ему лучше быть в городе, чем в мокрой Куоккале.

Во-вторых, теперь отсутствуют те, кто могли бы достойно встретить его: нет ни студентов, ни профессоров, ни художников, ни писателей.

В-третьих, помещение ему нужно подобрать осторожно, — так, чтобы он ни в чем не нуждался, ни в чем не терпел неудобств. Я прожил рядом с ним 10 лет и знаю его привычки. Он, напр<имер>, не любит автомобиля, хорошо бы дать ему покойную бричку, лучше всего *карету.* Он очень любил карету Ермакова, которую тот часто высылал за ним на Финляндский вокзал (за что и получал от Репина рисунки почти за гроши). Надо, чтобы квартира не была в центре (чтобы его не затормошили) и проч., и проч., и проч.

Напишите мне, пожалуйста, *возможно скорее,* до какого срока продлится Репинская выставка. Мой адрес: Сестрорецкий Курорт, вторая Заречная, 10, дом Емельяновых.

Конверт принесу Вам лично. Боюсь, чтобы он не потерялся на почте.

Письмо Ильи Ефимовича изумительно сердечно. На нас лежит великая ответственность, и давайте выполним ее как следует. Я весь к Вашим услугам, если я нужен Вам для этого дела. Официальное лицо, с которым лучше всего иметь дело, есть Ионов. Он и близок с Зиновьевым, и придаст этой «встрече» (которой все равно не миновать) истинно культурный характер.

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Ленинград. 25.7.25.

512. И.А. Острецову

Ок. 6 августа 1925 г. Ленинград[1]

В Гублите мне сказали, что муха есть переодетая принцесса, а комар — переодетый принц!! Надеюсь, это было сказано в шутку, т. к. никаких оснований для подобного подозрения нет. Этак можно сказать, что «Крокодил» переодетый Чемберлен, а «Мойдодыр» — переодетый Милюков.

Кроме того, мне сказали, что Муха на картинке стоит слишком близко к комарику и улыбается слишком кокетливо! Может быть, это и так (рисунки вообще препротивные!) но, к счастью, трехлетним детям кокетливые улыбки не опасны.

Возражают против слова *свадьба.* Это возражение серьезнее. Но уверяю Вас, что Муха венчалась в *Загсе.* Ведь и при гражданском браке бывает свадьба. А что такое свадьба для ребенка? Это пряники, музыка, танцы. Никакому ребенку фривольных мыслей свадьба не внушает.

А если вообще вы хотите искать в моей книге переодетых людей, кто же Вам мешает признать паука переодетым буржуем.

«Гнусный паук — символ нэпа». Это будет столь же произвольно, но я возражать не стану. «Мухина свадьба» моя лучшая вещь. Я полагал, что написание этой вещи — моя заслуга. Оказывается, это моя вина, за которую меня жестоко наказывают. Внезапно без предупреждения уничтожают мою лучшую книжку, которая лишь полгода назад была тем же Гублитом разрешена и основ советской власти не разрушила.

Есть произведения халтуры, а есть произведения искусства. К произведениям халтуры будьте суровы и требовательны, но нельзя уничтожать произведение искусства лишь потому, что в нем встретилось слово именины.

Ведь даже монументы царям не уничтожаются советской властью, если эти монументы — произведения искусства.

Мне посоветовали переделать «Муху». Я попробовал. Но всякая переделка только ухудшает ее. Я писал эту вещь два года, можно ли переделать ее в несколько дней? Да и к чему переделывать? Чтобы удовлетворить произвольным и пристрастным требованиям? А где гарантия, что в следующий раз тот же Гублит не решит, что клоп — переодетый Распутин, а пчела — переодетая Вырубова?

Я хотел бы, чтобы на эту книгу смотрели проще: паук злой и жестокий, хотел поработить беззащитную муху и непременно погубил бы ее, если бы не герой комар, к<ото>рый защитил беззащитную. Здесь возбуждается ненависть против злодея и деспота и привлекается сочувствие к угнетенным. Что же здесь вредного — даже с точки зрения тех педагогов, которые не понимают поэзии?

К. Чуковский

[1] Письмо переписано в дневник (см. *Дн.-12.* С. 239–240). Печатается по тексту дневника.

513. Р.Н. Ломоносовой

29 августа 1925 г. Сестрорецк[1]

Глубокоуважаемая Раиса Николаевна.

Давайте вернемся из Флориды в Ленинград. Здесь дела обстоят так: переводчиков целые стада. Каждый из них отлично наладил получение иностранных книг из-за границы. У каждого есть в Берлине кузина или бывшая жена. Раздобыв книжку, переводчик бежит со всех ног к издателю: в «Мысль», в «Ленинград», во «Время»[2] — и расхваливает свой товар. Если товар обещает 100% прибыли, издатели соблазняются, заказывают перевод, и переводчик смаху переводит всю книгу в 5 или 6 ночей. Нравы разбой-

ничьи. Конкуренция бешеная. Штейн боится, что ту же книгу переводит Финкель, Финкель боится, что ту же книгу переводит Штейн, а Финкельштейн дрожит, как бы ту же книгу не перевел Штейнфинкель. Около двух месяцев назад издательства ввели, наконец, jus primae noctis[3]: кто из издателей первый получил какую-нибудь книгу, он циркулярно сообщает об этом другим издателям, и те не имеют права печатать перевод той же книги. Но это плохо помогает, и весь переводчицкий цех по-прежнему остается разбойничьим.

С кем же Вы хотите иметь дело? Я обращался с Вашими книгами во все издательства. Никто и слышать не хочет. «Платить авторские? Вы с ума сошли! У нас и так с утра до ночи обивают пороги десятки просителей, приносящих нам новейшие новинки. Теперь не 1919 год. Почта действует прекрасно. Никаких бюро нам не нужно». — Вот ответы, собранные мною из множества мест. Единодушие удивительное. Та немецкая книга, которую Вы мне прислали, давно уже переведена в «Мысли».

Значит, положение такое: присланные Вами книги все лежат у меня. Я прочитал их — но дальше? Джойс был бы очень хорош в отрывках, умело выбранных[4]. Из книги Гарриса об Oscar Wilde'е можно бы сделать статью, Соскис никуда не пригодилась (Вы ведь знаете русский книжный рынок!), «Индия» тем более, «Epistola» я послал Пастернаку[5].

Остаются ирландские пьесы, о которых поговорим потом. Что же делать с этими книгами? По совести не знаю. Спрос на них слабый, об авторском гонораре никто и слышать не хочет. Я могу уплатить за Гарриса и Джойса, — но ведь цель Вашего Бюро заключается не в том, чтобы доставлять книги Чуковскому.

Вот причина, по которой мой въедливый уклоняется от предлагаемой ему мной работы. Он не видит в ней денег. Мне кажется, нам следовало бы ограничиться театральными пьесами и кино. Те пьесы, которые Вы прислали, признаны обидными для достоинства рабочего люда. В них и в самом деле этот люд — без прикрас. Но если бы найти две-три пьесы — подходящие для советского зрителя, здесь были бы деньги и для Вас, и для въедливого, и для меня (переводчика).

О кино я ничего не знаю, но театральные пьесы я и без въедливого мог бы двинуть отлично.

Таковы-то дела. Отвечайте, пожалуйста, скорее. Скоро я еду в город (с дачи) и мне хотелось бы Вам пригодиться. Книга об Уайльде показалась мне очень интересной. Я не мог от нее оторваться. Я хочу процитировать ее в своей книжке об Уайльде, ко-

торая выходит новым изданием[6]. Имею я на это право, или я должен послать через Вас Гаррису некую сумму.

Привет.

Ваш *Чуковский*

[1] Отправлено из Ленинграда в Берлин. Датируется по почтовому штемпелю.

[2] «Мысль» (Пг.; Л., 1917–1930), частное изд-во; «Ленинград» — возможно, «Ленгиз» (1924–1938; под разными названиями существует с 1917 г.); «Время» (Пг.-Л., 1922–1934), кооперативное изд-во.

[3] право первой ночи *(лат.)*.

[4] *Джойс Джеймс* (Joyce James; 1882–1941), ирландский писатель, автор романа «Ulysses» («Улисс», 1922), отрывки из которого были впервые опубликованы в русском переводе в антологии «Новинки Запада» (1925).

[5] Под названием «*Epistola*: In carcere et vinculis» («Письмо. В тюрьме и оковах») вышло в переводе на немецкий язык в Берлине в 1925 г. посмертно опубликованное произведение Оскара Уайльда «De profundis» («Из глубины»).

[6] После 1922 г. очерк Чуковского «Оскар Уайльд» не выходил отдельным изданием.

514. И.Е. Репину

Август 1925 г. Сестрорецк[1]

Дорогой Илья Ефимович.

Виза для Вас готова. Я ездил к Ионову, показал ему Ваше письмо, он сказал мне, что еще в прошлом году Кремлевские власти постановили выдать Вам визу. Если Вы адресуетесь к нему: Проспект 25 окт., № 28, «Дом Книги», *Илье Ионовичу Ионову,* и напишете ему, что желаете, чтобы он выслал Вам визу, он вышлет ее в три дня.

Но вернувшись от Ионова, я застал у себя на даче — И.Я. Гинцбурга. И он сообщил мне радостную весть, что Вы приглашены Академией Наук на ее торжество (в сентябре состоится 200-летие со дня ее основания). Я счастлив и «пасхально ликую», как выразились Вы однажды. Получили ли Вы пригласительный билет? Дошел ли он до Вас? Торжество Академии будет грандиозное. Делегаты съезжаются со всех концов света. Приедет Рабиндранат Тагор. Приедут французы, немцы, англичане, испанцы — и даже чилийцы. Для делегатов отведена отлично оборудованная «Европейская Гостиница». Так что Вы окажетесь в своей любимой среде. Вы ведь любите ученых. Кроме того, из русских делегатов бу-

дут: Станиславский, Качалов, Влад<имир> Немирович-Данченко, Собинов и др. люди искусства. Весьма возможно, что от музея Остроухова будет сам И.С. Остроухов[2]. Словом, соберутся лучшие люди России и Запада. Нет сомнения, что торжество Академии превратится и в Ваше торжество. <Вы> будете там центральной фигурой.

<Приез>жайте!

Есть в этом и плохая сторона: не слишком ли затормошат Вас в Европейской гостинице? Людей там много, толчея, суета. Не лучше ли Вам поселиться где-нибудь в тихом месте — недалеко от Русского Музея? Напишите мне несколько слов, и все будет готово, как Вы хотите. П.И. Нерадовский сейчас ужасно занят: он рисует (кажется, пастелью) портреты наших академиков.

Гинцбург (с большим опозданием) привез мне Ваше письмо. Очень интересно то, что Вы пишете о портрете Дельвига и о знакомстве с Костомаровым. Ах, как поблагодарил бы Вас Ваш будущий биограф, если бы Вы сообщили такие же сведения о каждой Вашей картине. Как Вы писали Писемского? Столыпина? Ив. Аксакова? Бородина? Глазунова? Победоносцева? Бьюкенена? Керенского?

Что, например, мы знаем о Вашем Государственном Совете? На днях я снова любовался ею. Мне кажется, что это одна из самых *счастливых* Ваших картин, то есть что она далась Вам *легче* всех остальных. Я ведь знаю, что каждая Ваша картина вмещает в себе *тридцать* или *сорок* картин, написанных и забракованных Вам<и>, что Вы уничтожаете на каждом полотне одну композицию за другой, пока не найдете окончательной. Свидетель этого — хотя бы тот «озаренный Пушкин»[3], который и сейчас живет у Вас в мастерской, уже двадцать лет вырастая, меняясь, озаряясь иными лучами. Свидетели — «Дуэль», «Крестный ход», «Голгофа»... А Государственный Совет как будто родился в одно мгновение — как будто Вы сразу нашли все, что Вам было нужно. Я с юности люблю эту картину — помню, как изумила она меня на Выставке исторических портретов, (где была отвратительно повешена Дягилевым![4]). Это один из величайших памятников русской живописи XIX века. А между тем, что мы знаем о ней? Было бы великоле<пно>, если бы Вы удосужились написать мне об этой <картине> хоть не<сколько> слов. Зимою выходит моя новая (огромная) книга, <в ней>, между прочим, такие статьи: «Шевченко», «Некрасов», «Х<удожник> Репин»[5]. Но о последнем из вышеназванных увы, я...

Ваш...

<Поз>вольте просить Вас об одном одолжении. Против Вас живе<т>... <Я> послал ей письмо, но не получил ответа. А между...

1925 <помо>чь ей учиться в России. Она девочка смы<шленая>... [Конец оборван][6]

[1] Датируется по содержанию.

[2] Илья Семёнович *Остроухов* (1858–1929), художник, общественный деятель, библиофил, коллекционер, основатель частного художественного музея. Из купеческой семьи. Живописи учился частным образом у А.А. Киселёва, И.Е. Репина, П.П. Чистякова. С 1891 года член Товарищества передвижных художественных выставок. Основная тема творчества — пейзаж средней полосы России. Друг Третьякова. В 1898–1903 годах член Совета и фактический руководитель Третьяковской галереи. Собрал большую и ценную коллекцию картин и икон. В общей сложности в фондах музея Остроухова насчитывалось около 2 тысяч произведений. В 1890 году он приобрел дом в Трубниковском переулке, 17; тогда же в его собрание был открыт свободный доступ. Коллекция размещалась в пяти залах. В 1918 году частный музей был национализирован, Остроухов назначен пожизненным хранителем, а сам особняк стал филиалом Третьяковской галереи и с 1920 года получил название «Музей иконописи и живописи имени И.С. Остроухова». После смерти Остроухова в 1929 году музей был ликвидирован, собранные им произведения разошлись по фондам Третьяковской галереи, Русского музея, музея-усадьбы В.Д. Поленова и других хранилищ. В настоящее время в музее Остроухова располагается Государственный Литературный музей.

[3] Речь идет о картине «Пушкин на берегу Невы».

[4] Упомянута «Историческая выставка русских портретов», устроителем которой был С.П. Дягилев. Выставка проходила в помещении Таврического дворца в Петербурге в 1905 г. Впервые была широко представлена портретная живопсь XVIII века — произведения Левицкого, Боровиковского, Рокотова, Аргунова и др. Меньше внимания уделялось произведениям современников, так что некоторые из них (К.Е. Маковский, скульптор И. Гинцбург и др.) выражали свое недовольство тем, как их работы представили на выставке.

[5] Такая книга Чуковского издана не была.

[6] По-видимому, речь идет о Марии Сухановой. Письмо ветхое, ряд мест, обозначенных многоточием, утрачен.

515. Р.Н. Ломоносовой

30 сентября 1925 г. Ленинград[1]

Болен. Пишу лежа.

Простите почерк и стиль.

Глубокоуважаемая Раиса Николаевна!

Все мои письма к Вам неизменно должны начинаться словом *Спасибо.* Спасибо за Robinson'а. Прочитал. Ах, зачем герой этой

пьесы, «Whiteheaded Boy»[2], зачем он не идет в рабочие? Был бы отличный конец. А он устраивается буржуазнейшим образом — и портит финал всей пьесы.

Спасибо за письмо Babette Deutsch. Она обижена на меня. Я не ответил на ее письмо. Но право, я не виноват. Когда-нибудь все дело объяснится.

Знаете, что́ я сейчас делаю? Пишу авантюрный роман — из советской жизни. На пари. И вообразите — выходит неплохо. У меня сейчас печатается моя большая книга о Некрасове[3] — а я вот сижу и пишу кинематографический вздор. Называется роман «К.К.К.»[4]. Если понадобится, пришлю, чуть кончу.

Мне приходит в голову такая мысль: основать свое издательство. Как Вам эта мысль нравится? Но устроить так, чтобы я получал прибыль только со своих книг, остальные авторы и переводчики тоже *целиком* получали бы прибыль со своих книг. То есть отвергнуть в корне капиталистический принцип. Тогда, может быть, была бы возможность издать хоть несколько присылаемых Вами книг — оплачивая иностранным авторам гонорар. Чуть я встану с постели, я примусь за организацию этого дела.

Бесконечно тронут Вашими хлопотами о моих детских книгах. Но, право, не нужно *чересчур* хлопотать. Это меня смущает. Я не знаю, чем и когда я отблагодарю Вас за Ваше доброе ко мне отношение. Если бы Вы знали, сколько радости вносят в мою жизнь Ваши письма, независимо от их делового содержания. Ведь мой «Крокодил» у нас в РСФСР больше выходить не будет[5]. Вообще мои детские книги сочтены вредными и непригодными. Я махнул рукой вообще на все свои детские книги — и вот строчу авантюрный роман.

Будьте ласковы, пришлите *мне* O'Casey's «The Red Star»[6]. Эту пьесу я дам своему хорошему знакомому гениальному артисту Н.Ф. Монахову, директору Большого Драматического Театра[7]. И переведу ее САМ (видите, как гордо!).

Драматический Театр только вчера просил у меня по телефону какую-нибудь новую пьесу.

И если можно, пришлите мне еще один экземпляр «Two Plays». Свой экземпляр я послал в Москву — в надежные руки — но руки оказались бессовестные. Ничего не сделали, ни о чем не похлопотали. А теперь у меня просят эти пьесы для Александринки, я вытребовал книгу из Москвы — но ни слуху, ни духу. (Каков у меня стиль!)

Если бы можно для газет биографию O'Casey!! И сколько требовать у Б<ольшого> Драматического в пользу автора?

Как дивно пахнет Ваша писчая бумага.

1925 В Reading'е и я когда-то был. Был на фабрике Huntley & Palmer'а, был в церкви St. Lawrence'а, был на реке — но где Leighton Park, не помню[8]. «Rain»'а еще не получал. Если пьеса хорошая, переведу ее САМ[9] (не смейтесь над моим самохвальством, — я плохой литератор, но переводчик отменный). Но сколько процентов автору? (Это на случай, если театр будет спрашивать.)

Нет, я завидую Вам страшно. Изо всех стран на свете я больше всего люблю Англию. В Рэдинге я был молодой и влюбленный. Может быть, поэтому он кажется мне обаятельным.

Ну, вот и все. Простите бестолковость письма. Да, еще! Если бы Грегер перевел «Крокодила», я не хотел бы брать из его доли никакого гонорара. Я слышал, что он нуждается. Я так люблю его переводы, так рад, что он взялся за это дело — что это для меня и есть гонорар[10].

Ваш *Чуковский*

[1] Датируется по почтовому штемпелю. Отправлено из Ленинграда в Англию (Townson House, Leighton Park School, Reading. В свой приезд в Англию осенью 1925 г. Ломоносова пользовалась адресом интерната, в котором учился ее сын, — см. примеч. 8. Дальше адрес не указывается.)

[2] *Робинсон Эсмэ* (Robinson Esme; 1886–1958), английский писатель. Его пьеса «The Whiteheaded Boy» («Белоголовый мальчик») вышла в 1925 г.

[3] «Некрасов. Статьи и материалы» (1926).

[4] Первое название киноромана «Бородуля» (1926).

[5] После переиздания в 1926 и 1927 гг. «Крокодил» отдельным изданием в следующий раз вышел в 1937 г.

[6] «Красная звезда» *(англ.)* – название в 1925 г. лишь задуманной пьесы ирландского драматурга *Шона О'Кейси* (Sean O'Casey; 1880–1964), которая, возможно, стала пьесой «The Star Turns Red» («Звезда становится красной», 1940). О попытке Ломоносовой и Чуковского устроить перевод и постановку «Two Plays» («Двух пьес») О'Кейси см. публикацию: Davies R., McCormack W. Sean O'Casey's Unpublished Correspondence with Raisa Lomonosova, 1925–1926 (Неопубликованная переписка Шона О'Кейси с Раисой Ломоносовой, 1925–1926) // Irish Slavonic Studies. 1984. № 5.

[7] *Монахов Н.Ф.* (1875–1936) в 1919 г. основал Большой драматический театр вместе с М. Горьким и М.Ф. Андреевой.

[8] Город Рэдинг стоит на Темзе к западу от Лондона. Чуковский упоминает фабрику кондитерских изделий основанной в 1841 г. фирмы «Хэнтли и Палмер» и средневековую церковь Св. Лаврентия (St. Laurence) на центральной рыночной площади города. Квакерский интернат Лэйтон Парк (Leighton Park), в котором сын Ломоносовых *Юрий Юрьевич* (1908–1954) учился в 1921–1926 гг., находится за городом.

[9] Сразу по выходе рассказа *У.С. Моэма* (W. Somerset Maugham; 1874–1965) «Miss Thompson» («Мисс Томпсон») в 1922 г., он был адаптирован для сцены под названием «Rain» («Ливень») *Джоном Колтоном* (John Colton; 1889–1946) и *Клэменсом Рандольфом* (Clemence Randolph). Пьеса имела большой успех в Нью-Йорке и Лондоне. Перевод Чуковского вышел в 1926 г. под названием «Сэди» (по имени героини пьесы). О затянувшейся истории перевода и постановки пьесы см. *Дн.-12.* С. 266 и следующие по Указателю имен. *6 февраля 1926* и след.).

[10] *Грэгер Вольфганг* (Groeger Wolfgang; 1882–1950), выходец из России, переводчик Блока, Бунина и др. на немецкий язык. (О нем см. статью Ксении Вернер (Xenia Werner) в «Wiener Slavistisches Jahrbuch». № 30, 1984, и ее же издание переписки Грэгера со Шпенглером: «Der Briefwechsel zwischen Oswald Spengler und Wolfgang E. Groeger...». Hamburg. 1987.) Ср. в письме **507**: «Некогда я был в переписке с Грегером (переводчиком Блока) — он прелестно перевел одни мои детские стишки, но с тех пор ни слуху, ни духу» (РАЛ MS.717.2.65.2).

516. Р.Н. Ломоносовой

19 октября 1925 г. Ленинград[1]

Кирочная, 7, кв. 6.

Дорогая Раиса Николаевна.

Excuse my pencil, I'm writing in bed[2]. Тысячу спасиб за Ваши письма, хотя они и растравляют мою душу. Ведь Англия — это мечта моей жизни. Я убежал в Англию без копейки денег 20-летним мальчишкой (в 1903 году), голодал в Лондоне по целым неделям, жил на таких улицах, что даже стыдно назвать, — и влюбился в этот город любовью бездомной собаки. Я был застенчив, ни с кем не знакомился, но прочитал половину Британского Музея, — и Маколэя, и Карлейла, и Роберта Браунинга[3].

В 1916 году я был в Лондоне — герцогом. Представлялся королю[4], жил в Сесил-отеле[5], встречался с Китченером, сэром Эдуардом Греем, лордом Джеллико, лордом Сэсилем, герцогом Девонширским[6], но *этот* Лондон не заслонил от меня *того* юношеского, голодного, когда 9 пенсов казались мне величайшим богатством, когда обед в 4 пенса был пиром. Я самым романтическим образом до сих пор люблю англичан, даже их cant[7] даже их снобизм, даже их Сэмуэл Джонсона[8]. В Cheshire Cheese'е[9] я был — вместе с с<эром> Артуром Конаном Дойлем[10]. Бывал и раньше — прямо пошел туда, чуть приехал в Англию в первый день. Я ведь люблю, как родных, и Оливера Гольдсмита, и Boswell'а, и Джошую Рейнольдса, и Гаррика[11]. Знаете ли Вы весь этот circle?[12]

1925

Ну вот, Вы затронули мою больную струну... Перейдемте к делам. «Rain» — превосходная вещь. Я предложил ее двум театрам: Большому Драматическому и Александринскому. Может быть, возьмут, но все требуют «Red Star», требуют *дать немедленно*. Пусть бы Ваш O'Casey выслал мне (если вещь не окончена) *первые акты*, чтобы я мог исподволь переводить, а не *гнал* бы потом через силу. Ручаюсь и Вам и ему, что все его права будут охранены.

Признаюсь, что здесь я хлопочу и о собственном заработке. Внезапно с моими детскими книгами стряслось несколько бед — и они перестали давать мне тот (довольно изрядный) доход, на который я привык смотреть, как на постоянную ренту. Ведь их в общей сложности разошлось больше 400.000 экз<емпляров>. Между тем все лето я жил барином и писал для души исподволь толстую книгу, которая *не даст мне никакого дохода*. Вдруг, в один день, пропала вся моя библиотека и вся моя мебель. 10 сентября 1925 года я оказался нищ, как 20 лет назад[13]. Я немедленно взялся за писание романа, который и дал мне прожить до сих пор. *Но все надежды – на пьесу*.

Горько писать такие письма после 20 лет непрерывной литературной работы, но, пожалуйста, не думайте, что я скулю. Напротив. Мне весело писать мой роман, мне будет весело переводить пьесу Кэзи[14].

А лежу я в постели — от переутомления. Не могу сидеть. Голова кружится. Но доктор говорит, что я вполне могу продержаться до 1-го декабря. 1-го декабря, если «Red Star» и мой роман будут иметь успех, я выброшу чернильницу в окно, и буду отдыхать целый месяц!

Простите за эти личности, но Вы сами виноваты: Ваше письмо так сердечно.

Ваш сын будет в Кембридже? Он пойдет по стопам отца? Имеет ли он склонность к механике?[15] Мне странно думать, что сын проф. Ломоносова будет филологом, богословом и классиком. Помнит ли он русский язык? Это будет позор, если он начнет забывать русскую речь. Я видал много таких русских детей за границей. Они отталкивали от себя, как глухонемые.

«Кюхля» Вам высылается. Мы задержали, так как хотим выслать Вам цензурный экземпляр. Гаррис — один из самых даровитых писателей, и я верю, что его «Life»[16] глубоко интересна сама по себе, как художественное произведение, независимо от того богатого матерьяла, который она предлагает читателям. О чем бы ни говорил Гаррис, какой бы темы он ни коснулся, он всегда человечен, самобытен и свободен от всех предрассудков, но..., но... теперь на Руси мемуаров никаких не читают, кроме тех, ка-

кие относятся к революционной эпохе. Это понятно. Иначе и быть не может. (Это я пишу не для Вас, а для Гарриса.) Еще раз благодарю Вас за все.

Ваш *К. Чуковский*

19/X

P. S. Знаете ли Вы серию книг «Black Mask», детективные[17]. Не подарите ли мне одну из них? Или вообще какой-н<и>б<удь> не совсем низкопробный детективный роман.

Советую вам прочитать детские стихи A.A. Milne'a. Замечательные. Вышли недавно[18]. Я читал отрывки — прелестные. Знаете ли Вы Walter de la Mare?[19]

А я, живя в Англии, очень люблю переодеваться три раза на дню. И каждую минуту умываться. О, дайте мне ту ванную, которая была у меня в Cecil Hotel'e!

[1] Отправлено из Ленинграда в Англию. Год установлен по почтовому штемпелю.

[2] Простите за карандаш, пишу в постели *(англ.)*.

[3] *Маколей* Томас (Macaulay Thomas; 1800–1859), английский историк; о *Томасе Карлейле* см. примеч. 6 к письму **5**; о *Р. Браунинге* см. примеч. 5 к письму **128**.

[4] *Георг V*(1865–1936), король Великобритании в 1910–1936 гг.

[5] Т. е. гостиница «Савой» («Savoy»). См.: *Чукоккала.* С. 178.

[6] О *Г. Китченере* см. примеч. 1 к письму **337**; *Грей*Эдуард (Grey Edward; 1862–1933), английский политический деятель, министр внешних дел; *Джеллико* Джон (Jellicoe John; 1859–1935), английский военный деятель, адмирал; *Сесил* Роберт (Cecil Robert; 1864–1958), английский политический деятель, министр блокады; *Кэвендиш Виктор,* 9-й *герцог Девонширский* (Cavendish Victor, 9th Duke of Devonshire; 1868–1938), английский политический деятель. См.: *Чукоккала.* С. 183, 186, 188.

[7] Ханжество, лицемерие *(англ.)*.

[8] *Джонсон* Сэмюэл (Johnson Samuel; 1709–1784), английский литератор, лексикограф.

[9] Чеширский сыр *(англ.)* – название знаменитой харчевни на Флитстрит (Fleet Street) в Лондоне.

[10] *Дойл* Артур Конан (Doyle Arthur Conan; 1859–1930), английский писатель, создатель Шерлока Холмса. См.: *Чукоккала.* С. 183–185.

[11] *Гольдсмит Оливер* (Goldsmith Oliver; 1730–1774), английский писатель; *Босуэлл* Джеймс (Boswell James; 1740–1795), шотландский литератор, друг и биограф Сэмюэла *Джонсона* (см. примеч. 8); *Рейнольдс* Джошуа (Reynolds Joshua; 1723–1792), английский художник-портретист; *Гаррик*

Дэвид (Garrick David; 1717–1779), выдающийся английский актер, режиссер и драматург.

[12] круг людей *(англ.)*.

[13] По поводу тяжбы с фининспектором относительно величины налога на «лиц свободных профессий», к которым отнесли писателей, см. *Дн.-12, сентябрь 1925*. С. 245–247.

[14] т. е. О'Кейси.

[15] В 1926–1928 гг. Ю.Ю. Ломоносов учился инженерному делу в Кембриджском университете. О нем см. биографический очерк «George Lomonossoff (1908–1954)» в кн.: *Aplin Hugh.* Catalogue of the G.V. Lomonossoff, R.N. Lomonossoff and George Lomonossoff Collections» (Каталог собраний Ю.В., Р.Н. и Ю.Ю. Ломоносовых). Leeds. 1988. С. XXVII–XXIX.

[16] «Жизнь» (*англ.*).

[17] Возможно, журнал «Black Mask» («Черная маска») (Нью-Йорк, 1920–1951), печатавший детективные рассказы и романы.

[18] Сборник детских стихов А.А. Милна «When We Were Very Young» («Когда мы были очень молоды») вышел в 1924 г.

[19] Об Уолтере Деламаре см. примеч. 4 к письму **434**.

517. В.П. Полонскому

Ок. 25 октября 1925 г. Ленинград[1]

Дорогой Вячеслав Павлович.

При сем прилагаю письмо, которое я отправил Вам около месяца назад. Жаль, что оно до Вас не дошло: Вы оказались за границей.

Итак, я жду от Вас ответа по поводу 4-х вопросов:

1. Подходит ли Вам рукопись неизданная *Некрасова* о *декабристах* с моими краткими комментариями (размер 3 страницы Вашего журнала)[2].

2. Подходит ли Вам неизданная повесть Некрасова (1 $^1/_2$ листа).

3. Подходит ли Вам моя статья об Эйхенбауме, изобличающая этого милого человека в феноменальном невежестве. Статья написана четко, кратко и вежливо.

4. Можно ли будет мне через месяц прислать Вам ответ на статейку о детских стихах, у Вас помещенную?[3] Ответ займет пол-листа. Результат таких статеек покуда один: начальство запрещает мои детские книги.

Запрещен «Крокодил», запрещена «Мухина Свадьба».

— Почему?

— У Вас муха — переодетая принцесса, а комар — переодетый принц[4].

Но я не тужу. Я тоже был за границей. После чего так полевел, что *написал роман*. Какой — Вы скоро увидите[5].

Видели Анненкова? Каков он? Где хранится Ваш портрет его работы? Портрет превосходный — и не поверхностный, как это часто бывает у Анненкова. Что Вы пишете? Вышло ли второе издание Бакунина? Пришлите мне две рецензии. Я эту книгу люблю — и Вас сквозь нее.

Весь Ваш *Чуковский*

[Приложено письмо:]

Старое письмо[6]

Дорогой Вячеслав Павлович.

У меня выходит книга о Некрасове. В качестве отдельной главы туда входит прилагаемая при сем статья, которая *мне-то* представляется и живой, и полезной, и неплохо написанной, почему и предлагаю ее для ближайшей книги «П<ечати> и Р<еволюции>». Любопытно, какою она покажется *Вам*. Будьте добры, прочтите ее и черкните мне несколько слов. Я писал эту статью с волнением. Если статья не пойдет (сокращать ее можно), научите, пожалуйста, Марию Федоровну, которая дружески ко мне расположена, — куда, где эту статью напечатать. Мне нужны деньги, так как мои детские книги начинают подвергаться гонениям со стороны Держиморд. Даже «Крокодил» запрещен.

Не нужна ли Вам прозаическая рукопись Некрасова — о *декабристах!* В ней всего две странички. Да мои комментарии займут полстранички.

Не нужна ли Вам повесть Некрасова «Разлив», которую при сем прилагаю?

Журнал Ваш превосходен. Но в нем попадаются пятнышки. Напр., Смирнов-Кутачевский, говоря о частушках, характеризующих новый быт, приводит в качестве примера отрывок... из старинной русской песни:

Мой муж-негодяй уехал за речку,
Дай Бог, чтобы сдох, я поставлю свечку.
Я поставлю сальну, сама пойду в спальну,
В спаленке-то купчик, Саввушка голубчик.

Он найдет ее у Соболевского.

1925 Л. Войтоловский[7], разбирая мою статью о Блоке[8], говорит, что я одним глазком заглянул к Белому, а другим — к Зоргенфрею[9]. Но ведь моя книга была написана *при жизни Блока,* я читал ее и в Большом Театре, и в Политехническом музее весною 1921 года, как мог я заглядывать в книги, которые были написаны позже моей?

Впрочем, обо мне давно уже принято писать свысока и насмешливо. Каждый считает обязанностью лгать на меня, как на мертвого. Я уже привык, но в Вашем журнале — не надо!

Где Вы проводили лето? Опять в Кисловодске? Что пишете? Вышло ли 2-е издание Вашего Бакунина? Я побывал за границей и оттого весьма полевел. Обычное действие Европейского климата.

Ваш *Чуковский*

[1] На письме пометка рукой Полонского: 25 октября 1925.

[2] Некрасов и декабристы: (По неизд. материалам) // Красная газета. 1925. 14, 23 нояб.

[3] Речь идет о статье: *Гринберг А.* Книги бывшие и книги будущие // Печать и революция. 1925. № 5/6. С. 247–249.

[4] См. запись в дневнике 1 августа 1925 года: «Тов. Быстрова очень приятным голосом объяснила мне, что комарик — переодетый принц, а Муха — принцесса» *(Дн.-12.* С. 239).

[5] *написал роман* – упомянут кинороман «Бородуля».

[6] Пометка рукой К.И. Чуковского.

[7] *Войтоловский* Лев Наумович (1877–1941), историк литературы. О его отношениях с Чуковским см. *Дн.-12.* С. 308–309, запись *23 мая 1927 г.*

[8] Речь идет о воспоминаниях Чуковского «Последние годы Блока» (Записки мечтателей. 1922. № 6. С. 155–183), и об отклике на них Л.Н. Войтоловского в журнале «Печать и революция» (1925. № 3. С. 270).

[9] Упомянуты воспоминания об Александре Блоке А. Белого и В.А. Зоргенфрея (1882–1938), опубликованные в том же номере «Записок мечтателей» (1922. № 6), что и воспоминания Чуковского.

518. Р.Н. Ломоносовой

14 ноября 1925 г. Ленинград[1]

Дорогая Раиса Николаевна.

1-ое ноября было счастливейшим днем для меня за все эти последние месяцы. Входит ко мне в комнату усатый мужчина, я лежу на диване, смотрю на него и боюсь. Я в последнее время очень боюсь, когда ко мне в комнату входят усатые. Но он хоть и усатый, а

не страшный. — «Вот вам деньги, 485 рублей, распишитесь». Я даже подскочил на диване, а когда увидел на бумаге «Ломоносова», чуть не расцеловал усатого в его усатые щеки. Ах, у каждого человека должна быть своя Ломоносова, без Ломоносовой никому не прожить, но ведь сколько из нас, из писателей, умирало от тоски и нищеты, так и не дождавшись своей Ломоносовой! Вся история английской литературы была бы другая, если бы, например, к Чаттертону[2] явился в свое время усатый и подал бы ему привет от Ломоносовой.

Ваша помощь не обидела меня и — даже не удивила: Ломоносова так и должна поступить. Да ведь недаром же, черт возьми, я двадцать лет работаю в литературе. Ведь кому и помогать, как не писателям! Помните, что сказано у Whitman'а:

> What you give me I cheerfully accept,
> A little sustenance, a hut and garden etc.
> For I myself am not one who bestows
> Nothing upon man and woman[3].

Конечно, я не верю ни в какую американку. Не сомневаюсь, что эти доллары — Ваши. Их получение так взволновало меня, что я сейчас же, в полчаса, кончил одну детскую книгу, давно уже начатую мною — и которой никак не мог кончить вот уже 4 месяца — из-за всяких передряг и ударов. Книга называется «Федорино горе» — веселая книга, и для того, чтобы кончить ее, мне нужно было хоть полчаса веселья. Это веселье прислали мне Вы. Книгу я немедленно продал за 1000 рублей — видите, какая легкая у Вас оказалась рука! Кроме того, на мне лежала могильным камнем другая книга, по истории и теории литературы, начатая давно и тоже затормозившаяся из-за всяких тягот и напастей. Теперь — под влиянием Вашего усатого — я принялся и за нее, и вот на будущей неделе кончаю. Чуть выйдет из печати, пришлю Вам — «Твоя от Твоих», как говорят по-славянски[4]. Чуть кончу свою Книгу — The Book — возьмусь опять за роман, кончу его к январю — и тогда на целый месяц отдыхать!

И все это благодаря Вам!

С «Крокодилом» дело мое безнадежно. Но не падаю духом — я знаю, что литература всегда победит.

Книг, присланных Вами, не получил. Справлялся на почте — еще не получены.

Как дивно Вы поступаете, что не даете своему сыну забыть русский язык. По-моему, мальчик, забывший родную речь, умственный калека, урод. Ему не сделаться ни талантливым инженером, ни дельным архитектором. Он — никто. Nobody. Разве не верно.

1925 Напишите мне побольше о себе. Нужно же нам познакомиться.

Я уже стар: мне 43 года.

У меня четверо детей. Старшему сыну 20 лет, даже немного больше, младшей девочке — 5 лет. Мне страшно интересно, кто Вы такая, откуда Вы, кем Вы были до замужества, сколько Вам лет, долго ли Вы будете в Англии, и проч., и проч., и проч. Было бы чудесно, если бы Вы прислали мне карточку Вашего сына.

Вы пишете, что Вы в юности знали нужду. Не сомневаюсь, что и теперь Вы не очень имущая — напр<имер>, по сравнению с теми людьми (англичанами), в обществе которых Вы вращаетесь. Я иногда кажусь себе богачом: я зарабатываю от 600 до 1000 р. in a month[5] — но что это за деньги, по сравнению с каким-нибудь Hugh Lofting'ом, автором доктора Dolittle'а[6].

Я именно потому и думаю, что Вы неимущая, что Вы прислали мне деньги. Богатая не прислала бы. И вот: я начну отдавать Вам эти деньги в марте — и отдам в сентябре, все до копейки.

Книга Тынянова печатается. В печати она, признаюсь, чуть-чуть потускнела, да и вышла чересчур длинной. — Знаете ли Вы писателя Зощенку, современного юмориста? По-моему, в Англии он имел бы огромный успех, если бы его перевел кто-нибудь понимающий.

На днях я пришлю Вам его книжки. По какому адресу? Пришлю и «Федорино горе». Я написал его для дочки Собинова[7], с которой очень сдружился — ей столько же, сколько моей Мурочке, младшей. Если бы я знал Ваш permanent address[8], я выслал бы Вам «Красную газету», где с половины декабря будет печататься мой роман. Простите, что письмо длинное. Сегодня я первый день встал с постели — расписался.

Ваш *Чуковский*

14 ноября.

[1] Отправлено из Ленинграда в Англию (Townson House, Leighton Park School, Reading). Год установлен по почтовому штемпелю.

[2] *Чаттертон* (Chatterton) Томас (1752–1770), английский поэт, автор литературных мистификаций (стихотворений, поэм, драматических произведений, исторических трудов) на средневековом английском языке, выданных за сочинения бристольского монаха XV в. Томаса Роули (Rowley). В надежде на литературный заработок Чаттертон отправился в апреле 1770 г. в Лондон, но не добился успеха, впал в крайнюю бедность и, страшась нищеты, покончил в августе жизнь самоубийством, не достигнув еще 18 лет.

[3] Все, что вы дарите мне, я с радостью принимаю: / Пропитание, лачужку, сад и т.д. / Ведь я и сам не из тех, кто ничем не оделяет /Ни мужчину, ни женщину (*англ.*).

[4] *«Твоя от Твоих»* – возглас на литургии после претворения Даров: «Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся». Смысл этих слов в том, что, вспоминая за литургией Христа и его Жертву, православные приносят Ему благодарние за всё.

[5] в месяц *(англ.)*.

[6] *Гью Лофтинг* (1886–1947), американский писатель. По мотивам его сказки «Доктор Дулиттл» Чуковский написал своего «Доктора Айболита».

[7] Светлана Леонидовна *Собинова* (1920–2002).

[8] постоянный адрес *(англ.)*.

519. И.Е. Репину

После 8 декабря 1925 г. Ленинград[1]

Дорогой Илья Ефимович.

Я сейчас прихворнул — лежу.

Через несколько дней встану и побегу в Общину[2]. То-то обрадуются Вашему письму! Ваше письмо такое веселое, такое молодое, чувствую, что Вы — энергичны и здоровы по-прежнему, что у Вас во всех мастерских — и наверху, и внизу — *живут* начатые картины, что Вы ждете весны, чтобы снова начать их «корежить».

Как любил я приходить к Вам весной, когда журчат ручьи и Шехерезаду потрясают весенние ветры.

Но до весны далеко. Что Вам делать в Куоккала? Приезжайте-ка сюда. Побываете в Эрмитаже, в Русском Музее, у Остроухова[3], и к февралю назад!

Приезжайте!

Ведь тот раз вышла чепуха и путаница: Илья Гинцбург сказал мне, что Вы получили приглашение от Академии Наук и не нуждаетесь в визе.

Я, по наивности, поверил его словам.

А теперь берусь выхлопотать визу в три дня. У меня есть связи: я знаком с Иеронимом Ясинским и Исааком Бродским[4].

Приезжайте! Приезжайте! Приезжайте!

Чуть побываю в Общине, черкну Вам подробный отчет[5].

Жаль, что Вы не ответили мне на мое длинное письмо, где было много вопросов о Ваших картинах.

Выставляете ли Вы Голгофу?

Ваш *Чуковск<ий>*

[1] Ответ на письмо Репина от 8 декабря 1925 г.

[2] Имеется в виду издательство Общины св. Евгении Красного Креста, которому И. Репин предоставил право издания своих воспоминаний. После ликвидации в 1920 г. Красного Креста издательский Комитет Общины св. Евгении перешел в ведение Российской Академии истории материальной культуры (РАИМК) и был преобразован в Комитет популяризации художественных изданий (при РАИМК). Именно этот Комитет и имеет в виду Чуковский, хотя и называет его по-старому — Общиной св. Евгении, как называет его и Репин.

[3] О музее *Остроухова* см. примеч. 2 к письму **514**.

[4] Об *Иерониме Ясинском* см. «Список адресатов». *Бродский* Исаак Израилевич (1884–1939), художник, ученик И. Репина, автор портретов советских вождей, картин «Расстрел 26-ти бакинских комиссаров», «Сталин и Ворошилов», в 1926 году по заданию Ворошилова ездил в составе делегации к И.Е. Репину уговаривать его вернуться в СССР. В одном из писем к Репину Чуковский пишет о Бродском: «Влияние его вообще *огромно,* связи у него *колоссальные.* Я убедился в этом на днях, когда ходил с ним в суд хлопотать об одном человечке. Бродский на ты с такими персонами, которые меня и на порог не пустили бы» (*Репин.* С. 243–244).

[5] В своем ответе от 27 декабря Репин писал: «О свидании с милыми товарищами, с родственной Общиной, я уже и не мечтаю...А о музеях — думаю, что никаких музеев у нас больше нет. Есть теперь только Музеи Революции, где лежат кости героев Революции, со всеми запекшимися кусками тел и крови и — с ободранными лохмотьями однообразных тряпок... — удручающее впечатление.

Литература: статистика антропофагии, голод...

Установятся ли когда-нибудь человеческие отношения? Устранится ли эта варварская зависимость — нескончаемых разрешений, виз и так далее — для какого-нибудь пятиверстного расстояния... Нет, уж мне не дожить до этих свобод... Буду вспоминать о временах невозвратных» *(Репин.* С. 213–214).

Альбов Михаил Нилович (1851–1911), прозаик. РГАЛИ. Ф. 2567 (Ю.Г. Оксмана). Оп. 2. Д. 498. Печатается по: Переписка К.И. Чуковского с М.Н. Альбовым / Публ. Е.Н. Никитина // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2005. Т. 64. № 1. С. 51–57.

Андреев Леонид Николаевич (1871–1919, умер за границей), писатель. РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 224. Впервые: *Крысин-ВЛ.* С. 156–157.

Анненков Юрий Павлович (1889–1974, умер в эмиграции), график, живописец, портретист, режиссер, теоретик театра, писатель, мемуарист. Иллюстрировал поэму А. Блока «Двенадцать». Первые двадцать изданий сказки Чуковского «Мойдодыр» выходили с рисунками Анненкова. Эмигрировал в 1924 г. Автор мемуаров «Дневник моих встреч: Цикл трагедий» (впервые: Нью-Йорк, 1965–66). Письмо **354**: РГАЛИ. Ф. 1192. Оп. 1. Ед. хр. 2; письмо **418**: ГЛМ. Ф. 207. Оп. 1. Д. 4.

Анненский Иннокентий Федорович (1855–1909), поэт, критик, филолог-классик, переводчик. РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 382. Из писем **122**, **124** пространные цитаты: *Подольская И.* «Я почувствовал такую горькую вину перед ним». // Вопросы литературы. 1979. № 8. С. 302. Комментарии И.В. Шкуропат и О.В. Быстровой. Печатается впервые.

Анучин Василий Иванович (1875–1941), этнограф, публицист. РГАЛИ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 34. Печатается впервые. Комментарии Е.В. Ивановой.

Белицкий Ефим Яковлевич (1895–1940, расстрелян), зав. отделом Петросовета, глава изд-ва «Эпоха». *Архив ЕЦЧ.* Черновик. Печатается впервые.

Белоусов Иван Алексеевич (1863–1930), поэт, прозаик, переводчик. Письмо **253**: РГАЛИ. Ф. 66. Оп. 1. Ед. хр.1026; Письмо **355**: Ф. 2571 Оп. 1. Тарнопольский Я.Е. Ед. хр. 576. Печатается впервые.

Бенуа Александр Николаевич (1870–1960, умер в эмиграции), художник, критик, режиссер. ОР ГРМ. Ф. 137. Оп. 1. Ед. хр. 1718. Печатается впервые.

Благов Федор Иванович (1866–1917), московский редактор газеты «Русское слово», зять И.Д. Сытина. ОР РГБ. Ф. 259. К. 24. Ед. хр. 23. Печатается впервые.

Блок Александр Александрович (1880–1921). РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 454. Письмо **90** впервые: *Крысин-Зв.* С. 192; остальные письма впервые (с сокращениями): *Блок-ЛН.* Кн. 2. С. 237, 239, 240, 242, 244.

Боткин Сергей Михайлович (1888–1918), историк западно-европейской литературы, профессор, сын академика живописи, художника М.П. Боткина. ОР РНБ. Ф. 99 Боткин С.М. Ед. хр. 62. Письмо **264** впервые *Крысин-ВЛ.* С. 156. Остальные письма публикуются впервые.

Брюсов Валерий Яковлевич (1873–1924), поэт, прозаик, критик, переводчик. ОР РГБ. Ф. 386. К. 107. Ед. хр. 42–44. Из 72 писем Чуковского к Брюсову 6 писем (**19, 37, 59, 66, 176, 218**; большинство их — с купюрами или в извлечениях) см.: *Крысин-Зв.* С. 189–192. Кроме того, пространные цитаты из писем Чуковского к Брюсову за 1911 г. приводятся в публикации Б.М. Сивоволова «Из переписки К.И. Чуковского с В.Я. Брюсовым (По поводу публикации статьи К.И. Чуковского о Т.Г. Шевченко — 1911 г.)» // Вопросы русской литературы. Вып. 2 (24). Львов, 1974. С. 84–87. Все остальные письма публикуются впервые. Подготовка текста и комментарии А.В. Лаврова.

Бунин Иван Алексеевич (1870–1953, умер в эмиграции), писатель. Орловский Государственный литературный музей И.С. Тургенева (3188 оф). Впервые: *Лозовская.* Подготовка текста и комментарии Т.Р. Гавриш.

В комитет Дома Искусств. РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 166. Печатается впервые.

Василевский Илья Маркович (1883–1938, расстрелян), журналист, фельетонист, литературный критик; в 1915–1917 гг. редактор «Журнала журналов», издававшегося в Петрограде. РГАЛИ. Ф. 108. Оп. 1. Ед. хр. 68. Печатается впервые.

Василевский Лев Маркович (1876–1936), поэт, журналист, беллетрист, литературный и театральный критик, переводчик, врач; брат И.М. Василевского. РГАЛИ. Ф. 108. Оп. 1. Ед. хр. 68. Печатается впервые.

Волошин Максимилиан Александрович (1877–1932), поэт, переводчик, художник-акварелист. ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1276. Отры-

вок из письма **493** см. в статье: *Купченко В. П., Давыдова З.Д.* М. Волошин о А.Н. Бенуа//Панорама искусств. М., 1988. Вып. 11. С. 173. Пространные цитаты из писем Чуковского к Волошину см.: *Купченко Владимир.* Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества 1917–1932. СПб.: Алетейя; Симферополь: Сонат, 2007. С. 199, 227, 229. Остальные письма печатаются впервые. Публикация и комментарии И.В. Шкуропат и О.В. Быстровой.

Волынский А. (псевд. Акима Львовича Флексера, 1863–1926), критик, искусствовед. Его портрет дан Чуковским в воспоминаниях «Две королевы» (*Т. 4* наст. изд. С. 515–516). Письмо **437**: ГЛМ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 80. Остальные письма: РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 166. Письмо **437** впервые с сокращениями см.: *Петровский-ЛО.* С. 104. Остальные письма печатаются впервые. Подготовка текста и комментарии О.В. Быстровой и Е.В. Ивановой.

Гершензон Михаил Осипович (1869–1925), историк литературы и общественной мысли, публицист. ОР РГБ. Ф. 746. К. 43. Ед. хр. 38. Письма печатаются по: История одной невстречи, рассказанная в рецензиях и письмах М.О. Гершензона и К.И. Чуковского / Публ. И. Андреевой // Литературное обозрение. 1992. № 11/12. С. 71.

Гессен Иосиф Владимирович (1865–1943, умер в эмиграции), один из организаторов кадетской партии, редактор «Права» и «Речи», после революции редактор «Руля», создатель многотомного «Архива русской революции». Письма **194** и **251**: *Стокгольмский архив.* Остальные письма: РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Ед. хр. 853. Печатается впервые.

Гиппиус Зинаида Николаевна (1869–1945, умерла в эмиграции), поэтесса, критик, жена Д.С. Мережковского. ОР РНБ. Ф. 481. Мережковские Ед. хр. 101. Печатается впервые.

Голлербах Эрик Федорович (1895–1945), искусствовед, литературовед. ОР РГБ. Ф. 453. Оп. 1. Ед. хр. 43. Печатается впервые.

Гольденвейзер Елизавета Владимировна (1888–1922), двоюродная сестра пианиста А.Б. Гольденвейзера. В 1908–1913 – «ученица Императорского Строгановского центрального художественно-промышленного училища» (РГАЛИ. Ф. 677. Оп. 1. Ед. хр. 2138). В московском Дворце искусств работала до его закрытия 23 февраля 1921 года, позднее заведовала библиотекой ВЛХИ им. В.Я. Брюсова. ОР ИМЛИ РАН. Ф. 183. Оп. 2. Ед. хр. 2. Публикация и комментарии Е.Ю. Литвин. Печатается впервые.

Горбунов-Посадов Иван Иванович (1864–1940), писатель, редактор и издатель книг для народного и детского чтения, один из ру-

ководителей толстовского изд-ва «Посредник». РГАЛИ. Ф. 122. Оп. 1. Ед. хр. 1522. Печатается впервые.

Горнфельд Аркадий Георгиевич (1867–1941), литературовед, лингвист. Письмо **484**: РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 506. Остальные письма: ОР РНБ. Ф. 211. Ед. хр. 1089. Публикация и комментарии Е.Б. Ефимова. Печатается впервые.

Горький Алексей Максимович (1868–1936), писатель. Письмо **392** с сокращениями см. *Крысин-ВЛ.* С. 158. *Петровский-ЛО.* С. 102–103: Подлинники: Архив А.М. Горького (ИМЛИ). Впервые полностью: *Горький-3* и *Горький-4* Печатается по этому изданию.

Грабарь Игорь Эммануилович (1871–1960), художник, историк искусства, музейный деятель. ОР ГТГ. Ф. 106. Оп. 5. Ед. хр. 12472. Печатается впервые.

Гребенщиков Яков Петрович (1888–1935), собиратель книг, библиотекарь петроградской Публичной библиотеки. ОР РНБ. Ф. 41. Гребенщиков Я.П. Ед. хр. 44. Копия, снятая рукой Я. Гребенщикова. Впервые: Книжное обозрение. 1992. 3 апр. С. 5.

Гринберг Захар Григорьевич (1889—1949), государственный и литературный деятель. РГАЛИ. Ф. 1560. Оп. 1. Ед. хр. 8. До Октябрьской революции — бундовец, после — член РКП (б) и заместитель (затем и. о.) наркома просвещения Союза коммун Северной области (затем Петрограда), член коллегии государственной комиссии Наркомпроса РСФСР. После отъезда А.В. Луначарского в начале 1919 г. в Москву возглавлял Петроградский Наркомпрос. См. беглый, но выразительный портрет его в дневнике К. Чуковского от 18 марта 1919 г. (*Дн-11.* С. 244). В связи с отъездом З. Гринберга на работу в Москву 19 февраля 1920 в Аничковом дворце было устроено его чествование; там выступил и Чуковский, заявивший, что «благодаря щедрой поддержке З.Г. Гринберга многие деятели литературы и искусства получили возможность проводить часы досуга в теплых и светлых залах» (Вестник литературы. 1920. № 3). Арестован в 1947 г., умер в тюрьме от инфаркта. Публикация и комментарии Е.Б. Ефимова. Печатается впервые.

Гроссман Леонид Петрович (1888–1965), историк литературы. РГАЛИ. Ф. 1386. Оп. 1. Ед. хр. 135; Оп. 2. Ед. хр. 443. Письма **133** и **259** см.: «...Ваша благородная, изящная, светлая личность». Л.П. Гроссман и К.И. Чуковский: Из переписки 1909–1963 годов / Вступит. заметка, публ. и коммент. Е. Литвин // Вопросы литературы. 2008. № 1. С. 331, 334–335. Остальные письма печатаются впервые. Публикация и комментарии Е. Литвин.

Грузенберг Семен Осипович (1866–1938), философ, психолог. РГАЛИ. Ф. 151. Оп. 1. Ед. хр. 1971. Печатается впервые.

Гумилев Николай Степанович (1886–1921, расстрелян), поэт. РГАЛИ. Ф. 2571. Тарнопольский. Я.Е. Оп. 1. Ед. хр. 517. Печатается впервые.

Дейч Александр Иосифович (1893–1972), писатель, историк литературы, критик, переводчик. РГАЛИ. Ф. 2837. Оп. 1. Ед. хр. 1090. Публикация и комментарии Е.К. Дейч. Печатается впервые.

«Дом искусств» в 1921 году: Отчет литературного отдела. ОР РГБ. Ф. 620. К. 41. Ед хр. 21 и 22. Впервые: *Иванова Евг.* Непризнанный капитан «Сумасшедшего корабля» // Наше наследие. 2007. № 83–84. С. 115–116. Публикация и комментарии Е.В. Ивановой.

Дымов Осип (псевд. Перельмана Осипа Исидоровича, 1878–1959, умер в эмиграции), писатель. ИРЛИ. Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 194. Печатается впервые.

Единое сердце на весь земной шар. — Гуверовский архив. Фонд ARA (русский отдел). Перевод с англ. С. Рубашевой. Публикация и комментарии Е.В. Ивановой. Печатается впервые.

Замятин Евгений Иванович (1884–1937, умер в эмиграции), писатель. ИМЛИ РАН. Ф. 47. Оп. 3. Ед. хр. 206–207. Впервые: Е.И. Замятин и К.И. Чуковский. Переписка (1921–1928) / Вступит. ст., публ. и коммент. А.Ю. Галушкина // Евгений Замятин и культура XX века: Исследования и публикации. СПб.: РНБ, 2002. С. 193–239. Печатается по этому изданию.

Зарин Андрей Ефимович (1862–1929), писатель. Как редактор «Современной жизни» в 1906 г. был приговорен к заключению в крепости на полтора года. ИРЛИ. Ф. 123. Оп. 2. Ед. хр. 227. Печатается впервые.

Зарудная-Кавос Екатерина Сергеевна (1862–1917), художница. ИРЛИ. Ф. 445. Ед. хр. 271. Печатается впервые.

Заславский Давид Иосифович (1880–1965), журналист, работавший преимущественно в жанре фельетона и политической публицистики, литературовед, специализировавшийся в изучении жизни и творчества М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.П. Чехова, Ф.М. Достоевского. Чуковский встретился с Заславским в 1908 г., когда тот фактически начинал свою легальную журналистскую деятельность (после нескольких лет работы в социал-демократическом подполье). Их знакомство возобновилось в 1912 г., когда Заславский переехал в Петербург и стал одним из ведущих фельетонистов газеты «День», и продолжалось все последующие десяти-

летия. РГАЛИ. Ф. 2846. Оп. 1. Ед. хр. 684. Подготовка текста и комментарии Е.Б. Ефимова. Печатается впервые.

Зноско-Боровский Евгений Александрович (1884–1954), критик, секретарь журнала «Аполлон». ОР РНБ. Ф. 124. Собрание П.Л. Вакселя. Ед. хр. 4769. Печатается впервые.

Измайлов Александр Алексеевич (1873–1921), критик, пародист. Письмо **191**: ОР РНБ. Ф. 124. Собрание П.Л. Вакселя. Ед. хр. 4770. Письмо **223**: ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 397. Печатается впервые.

Кипен Александр Абрамович (1870–1938), писатель. ИМЛИ. Ф. 27. Оп. 2. Ед. хр. 82. Публикация Е.Ю. Литвин. Печатается впервые.

Клячко (Львов) Лев Моисеевич (1873–1934), журналист, владелец изд-ва «Радуга». Оригинал в частной коллекции Б.Н. Васильева. Печатается по: *Сурис Б.* Вокруг «Радуги»: Неизвестное письмо К. Чуковского // Детская литература. 1989. № 5. С. 65–66.

Кони Анатолий Федорович (1844–1927), юрист, писатель, общественный деятель, член Гос. совета, почетный академик Петербургской Академии наук (1900). В 1878 г. суд под председательством Кони вынес оправдательный приговор по делу В.И. Засулич. После Октябрьской революции – профессор Петроградского университета (1918–22). Автор мемуаров «На жизненном пути» (Т. 1–5, 1912–1929). ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1849. Письма **310, 390, 478** впервые: *Крысин-ВЛ.* С. 158–161; письма **391, 419** впервые: *Крысин-Зв.* С. 193. Остальные письма печатаются впервые. Комментарий М.С. Петровского.

Корнейчукова Екатерина Осиповна (1856–1931), мать К.И. Чуковского. *Архив ЕЦЧ.* Печатается впервые.

Корнейчукова Мария Эммануиловна (1879–1934), сестра К.И. Чуковского. *Архив ЕЦЧ.* Печатается впервые.

Короленко Владимир Галактионович (1853–1921), писатель. ОР РГБ. Ф. 135. К. 36. Ед. хр. 4. Впервые письма **177, 178** см.: *Крысин-ВЛ.* С. 153–155; Письмо **272** впервые — *Лозовская.* Письмо **273** печатается впервые.

Котылев Алексей Иванович (1877–1918), книгоиздатель. РГАЛИ. Ф. 2115. Оп. 1. Ед. хр. 7. Печатается впервые.

Крачковский Степан Петрович (1866–1916), полковник царской армии, коллекционер. В 1906–1912 гг. служил в Житомире. С К.И. Чуковским познакомился у Репина в «Пенатах». ОР РНБ. Ф. 124. Собр. П.Л. Вакселя. Ед. хр. 4772. Комментарий Н.Ю. Серебряковой. Печатается впервые.

Кублицкая-Пиоттух Александра Андреевна (1860–1923), переводчица, детская писательница, мать А.А. Блока. ИРЛИ. Ф. 462. Архив М.А. Бекетовой. Ед. хр. 170. Письмо **428** впервые: *Крысин-Зв.* С. 194; письмо **429**: впервые *Блок-ЛН.* Кн. 4. С. 319–320.

Кузмин Михаил Алексеевич (1872–1936), поэт. ОР РНБ. Ф. 124. Собр. П.Л. Вакселя. Ед. хр. 4773. Печатается впервые.

Лазурский Владимир Федорович (1869–1945), историк литературы. В 1904 году Лазурский жил в Лондоне и дружил с Чуковским. 22 августа 1904 года К.И. отмечает в дневнике: «Лазурский добр и внимателен ко мне, как родной. Без него я пропал бы. Это такой хороший, деликатный человек» (*Т.11* наст. изд. С. 83). Письма находятся в отделе рукописных фондов и текстологии Института литературы им. Т.Г. Шевченко НАН Украины. Ф. 183 (необработанный). Печатается впервые по ксерокопии, полученной от М.С. Петровского.

Лемке Михаил Константинович (1872–1923), историк литературы. Комментатор первого Собрания сочинений А.И. Герцена в России. ИРЛИ, Ф. 661. Ед. хр. 1207. Печатается впервые.

Лернер Николай Осипович (1877–1934), литературовед, автор работ об А.С. Пушкине; сотрудник исторических журналов и пушкиноведческих изданий. Письмо **395** : ИРЛИ. Ф. 163. Оп. 2. Ед. хр. 546. Остальные письма: РГАЛИ. Ф. 300. Оп. 1. Ед. хр. 370. Письмо **30**: *Петровский-ЛО*; остальные письма печатаются впервые.

Леткова-Султанова Екатерина Павловна (1856–1937), писательница. РГАЛИ. Ф. 280. Оп. 1 Ед. хр. 315. Письмо **407**: ОР ИМЛИ. 280–1–315. Впервые с сокращениями: *Крысин-Зв.* С. 194. Публикация и комментарии Е.Б. Ефимова.

Лившиц Яков Борисович (1881–1942), журналист, редактор издательства «Петроград», глава издательства «Полярная звезда». РГАЛИ. Ф. 1255. Оп. 1. Ед. хр. 9. Печатается впервые.

Ломоносова Раиса Николаевна (1888–1973, умерла в эмиграции), жена Ю.В. Ломоносова; корреспондентка К. Чуковского, Б. Пастернака, М. Цветаевой. Великобритания. Русский архив в г. Лидсе. РАЛ MS.717.2.65. Письма **507** и **518** печатаются впервые. Остальные см: «Ах, у каждого человека должна быть своя Ломоносова». Избранные письма К.И. Чуковского к Р.Н. Ломоносовой. 1925–1926 // In memoriam: Исторический сб. памяти А.И. Добкина / Публ. Ричарда Дэвиса. Спб.; Париж: Феникс-Atheneum, 2000. С. 301–344. Печатаются по этому изданию.

Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933), нарком просвещения, историк литературы, критик. Письмо **389**: ГАРФ. А-2306. Оп. 2. Д. 566; письмо **393**: ИРЛИ. Ф. 231. Ед. хр. 236.

Письмо **382** впервые: *Петровский-ЛО.* С. 103–104. Письма из ГАРФ и ИРЛИ печатаются впервые.

Луиц Лев Натанович (1901–1924, умер в эмиграции), писатель. Впервые: Новый журнал. 1966. № 83. С. 136. Печатается по: «Серапионовы братья» в зеркалах переписки / Вступит. ст., сост., коммент. Е. Лемминга. М.: Аграф, 2004. С. 236–237.

Ляцкий Евгений Александрович (1868—1942), литературный критик, историк русской литературы, этнограф, фольклорист, прозаик; в 1900-е гг. — заведующий литературным отделом «Вестника Европы». ИРЛИ. Ф. 163. Оп. 2. № 546. Печатается впервые.

Маковский Сергей Константинович (1877–1962, умер в эмиграции), художественный критик и поэт, редактор журнала «Аполлон». ОР РНБ. Ф. 124. Собрание П.Л. Вакселя. Ед. хр. 4775. Печатается впервые.

Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874–1940, расстрелян), режиссер, театральный деятель. Печатается по: *Мейерхольд В.Э.* Переписка. 1896–1939. М., 1976. С. 100.

Миролюбов (псевд. Миров) Виктор Сергеевич (1860–1939), редактор-издатель «Журнала для всех». ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. Ед. хр. 1251. Печатается впервые.

Набоков Константин Дмитриевич (1872–1927, умер в эмиграции), дипломат, брат В.Д. Набокова. Впервые с сокращениями: Русская мысль (Париж). 1972. 6 янв. Печатается по этому изданию.

Нерадовский Петр Иванович (1875–1962), хранитель художественного отдела Государственного Русского музея. ОР ГТГ. 31/1739, 1740. Впервые: *Репин.* С. 148–149.

Острецов Иван Андреевич (1895–1940-е), цензор, зав. ленинградским Гублитом. Печатается по тексту *Дн.-12.* С. 239–240. 6 августа 1925.

Письмо в редакцию (Блок или Тарзан). Впервые: Последние новости. 1924. 21 янв. Печатается по копии в *Архиве ЕЦЧ.*

Полонская Елизавета Григорьевна (1890–1969), поэтесса. Печатается по: *Фрезинский Борис.* Судьбы Серапионов: Портреты и сюжеты. СПб: Академический проект, 2003. С. 362.

Полонский (наст. фам. Гусин) Вячеслав Павлович (1886–1932), критик, издательский деятель, редактор журналов «Печать и революция», «Новый мир». РГАЛИ Ф. 1328. Оп. 2. Ед. хр. 175. Печатается впервые.

Правдухин Валериан Павлович (1892–1938, расстрелян), критик, писатель. ГЛМ. Ф. 207. Оп. 1. Д. 20. Впервые: Письма К.И. Чу-

ковского к В.П. Правдухину / Вступит. заметка, публ. и коммент. Н. Щербанова // Вопросы литературы. 1977. № 8. С. 313–316. Печатается по этому изданию.

Редько Александр Мефодьевич (1866–1933), историк литературы, сотрудник журнала «Русское богатство» и его жена Евгения Исааковна (1869–1955), критик. Печатается по публикации: «Серапионовы братья»: Материалы. Исследования. Авторы-составители Т.А. Кукушкина и Е.Р. Обатнина. СПб., 1998. С. 26.

Ре-Ми (наст. фам. Ремизов) Николай Владимирович (1887–1975, умер в эмиграции), художник, постоянный карикатурист журнала «Сатирикон», первый иллюстратор сказки Чуковского «Крокодил». ОР ГРМ. Ф. 129. Ед. хр. 4. Печатается впервые.

Ремизов Алексей Михайлович (1877–1957, умер в эмиграции), писатель. Одно письмо – **119**: ГЛМ. Ф. 227. Оп.1. Ед. хр. 137. Остальные письма: ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 237. Впервые: *Ремизов–КЧ*. Печатается по этому изданию.

Репин Илья Ефимович (1844–1930, умер в эмиграции). Оригиналы в НБА РАХ. Печатается по: *Репин*. Впервые отрывки из писем см. публикации Е.Г. Левенфиш: Панорама искусств. М.: 1981. Вып. 4.; *Чуковский К.* Илья Репин. 2-е изд. перераб. и доп. М., 1983; Советское искусствознание. М., 1981. № 2. Печатается по: *Репин*.

Розанов Василий Васильевич (1856–1919), публицист, философ. РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Комментарии Е.В. Ивановой. Печатается впервые.

Розинер Александр Евсеевич (1880–1940), управляющий конторой издательства «Нива», позднее сотрудник издательств «Т-во А.Ф. Маркс» и «Радуга». Письма: **286, 297, 315, 317** (машинописные копии), ОР РГБ. Ф. 369. К. 365. Ед. хр. 27. Остальные 1914–1915: ГЛМ. Ф. 207. Оп 1. Д. 22. Письмо **254** впервые: *Петровский-ЛО*. С. 101–102.

Романович (Самарина) Ольга Федоровна: *Архив ЕЦЧ*, машинописная копия. Печатается впервые.

Рубакин Николай Александрович (1862–1946), библиограф и популяризатор знаний. ОР РГБ. Ф. 358. К. 286. Ед. хр. 47. Печатается впервые.

Руманов Аркадий Вениаминович (1878–1960, умер в эмиграции), журналист, в 1906–1917 гг. – заведующий петербургского отделения газеты «Русское слово», в 1916–1918 – директор журнала «Нива» и один из директоров Товарищества издательского и печатного дела А.Ф. Маркс. С 1919 г. жил в Лондоне, с 1920 – в Париже. РГАЛИ. Ф. 1694. Оп. 1. Ед. хр. 681 (письмо **49**: Ед. хр. 728[а],

атрибуция Е.П. Яковлевой). Фрагменты писем **188, 213, 262, 263, 282** печатались в ст.: *Яковлева Е. П.* Аркадий Руманов – забытый корреспондент И.Е. Репина //Репинские чтения: Сб. ст. / Науч. ред. Е.В. Кириллиной. СПб: НИМ РАХ, 2004. С. 65, 76. *Яковлева Елена.* Корней Чуковский и Аркадий Руманов: к истории взаимоотношений // Звезда. 2008. № 3. С. 149–162. Полностью письма печатаются впервые. Подготовка текста и комментарии Е.П. Яковлевой.

Садовской Борис Александрович (наст. фам. Садовский, 1881—1952), поэт, прозаик, критик, историк литературы; один из ближайших сотрудников «Весов». РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 1. Ед. хр. 140. Впервые: *Андреева Инна.* «Чукоккала» и около // De Visu. 1994. № 1/2. С. 49–61. Печатается по этому изданию.

Светлов Валериан Яковлевич (наст. фам. Ивченко, 1860—1934), в 1904—1916 гг. — один из редакторов «Нивы», балетный критик. ГЛМ. Ф. 207. Оп. 1. Д. 24. Впервые: *Петровский-ЛО.* С. 102.

Серафимович Александр Серафимович (1863–1949), писатель. С 1921 года заведовал литературным отделом Наркомпроса. РГАЛИ. Ф. 457. Оп. 1. Ед. хр. 353. Печатается впервые.

Сергеев-Ценский Сергей Николаевич (1875–1958), писатель. РГАЛИ. Ф. 1161. Оп. 1. Ед. хр. 587. Впервые: В.В. Маяковский в переписке современников / Публ. И.И. Аброскиной // сб.: Встречи с прошлым. Вып. 8. М.: Русская книга, 1996. С. 392. Письмо в этом издании датировано неверно 1915-м годом.

Сергеенко Алексей Петрович (1886–1961), сын П.А. Сергеенко, секретарь В.Г. Черткова, автор книг и статей о Льве Толстом. Государственный Музей Л.Н. Толстого (шифр II $^{В}/_{5}$ КП-16987/1). Печатается впервые по фотокопии.

Сологуб (наст. фам. Тетерников) Федор Кузьмич (1863–1927), поэт. ИРЛИ. Ф. 289. Оп 3. Ед. хр. 145. Печатается впервые.

Стакле М.А. — жительница Риги, коллекционер писательских автографов. Из альбома М. Стакле: ОР ГЛМ. 4630. Впервые: *Крысин-ВЛ.* С. 161–162.

Струве (урожд. Герд) Нина Александровна (1869–1943, умерла в эмиграции), педагог, жена П.Б. Струве. ОР РНБ. Ф. 753. Струве П.Б. Ед. хр. 169. Печатается впервые.

Струве Петр Бернгардович (1870–1944, умер в эмиграции), политический деятель, философ, экономист, историк, публицист; с 1905 г. — член Центрального Комитета партии кадетов, редактор журналов «Освобождение», «Русская мысль». ОР РНБ. Ф. 753 Струве П.Б. Ед. хр. 130. Печатается впервые.

Тальников Давид Лазаревич (1882–1961), театровед, критик. ОР РГБ. Ф. 487. К. 35. Ед. хр. 84. Печатается впервые.

Тиняков (псевд. Одинокий) Александр Иванович (1886–1934), поэт. ОР РНБ. Ф. 774 Тиняков А.И. Ед. хр. № 47. Печатается впервые.

Тихонов Владимир Алексеевич (1857–1914), писатель, актер, драматург, друг А.И. Куприна. РГАЛИ. Ф. 2571 Тарнопольский Я.Е. Ед. хр. 519. Печатается впервые.

Толстой Алексей Николаевич (1883–1945). ГЛМ. Ф. 186. Оп. 3. Д. 434. Пять писем из семи печатаются впервые. Письмо **435** впервые см.: Литературное приложение к «Накануне». 1922, 4 июня; № 6. С. 2–3. Письмо **455** печатается по: *Толстой*. С. 499–500.

Толстой Лев Николаевич (1828–1910). Государственный Музей Л.Н. Толстого (шифр I А–7, 118). Печатается по ксерокопии (*Архив ЕЦЧ*). Впервые: Речь. 1910. 13 нояб. См. также: *Толстой Л.* Полн. собр. соч. (юбилейное издание): Сер. 2. М.; Л., 1934. Т. 58: Дневники. С. 560–561; с сокращениями см.: *Петровский-ЛО*. С. 100–101.

Тыркова-Вильямс Ариадна Владимировна (1869–1962, умерла в эмиграции), журналистка, писательница, политический и общественный деятель. Сохранился только отрывок письма; печатается по: British Museum MS. H.W. Williams papers. ADD 54 445, 145. Сверила С. Рубашова.

Федосеева Вера Емельяновна. Студентка. ОР РГБ. Ф. 218. К. 1362. Ед. хр. 3. Печатается впервые.

Фрибес Ольга Александровна (ок. 1861—1922, по другим данным 1933), писательница (печаталась под псевдонимом И.А. Данилов). Дочь писательницы Евгении Николаевны Фрибес (умерла 1915). РГАЛИ. Ф. 2168. Оп. 1. Ед. хр. 50. Публикация и комментарии Е.Б. Ефимова. Печатается впервые.

Ходотов Николай Николаевич (1878–1932), актер. В своих воспоминаниях «Далекое – близкое» рассказал, как в 1905 году в Одессе в дни восстания броненосца «Потемкин» вместе с Чуковским подплывал на лодке к восставшему кораблю. ИРЛИ. Ф. 555. Ед. хр. 82. Печатается впервые.

Чеботаревская Анастасия Николаевна (1876–1921), жена Ф.К. Сологуба. ОР ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 324. Подготовка текста и комментарии О.В. Быстрова. Печатается впервые.

Чехов Владимир Владимирович (1867–1920), врач, дальний родственник А.П. Чехова. ИРЛИ. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 919. Печатается впервые.

Чуковская Лидия Корнеевна, Лида (1907–1996), редактор, писательница, дочь К.И. Чуковского. ОР РНБ. Ф. 1414. Впервые см.: *КЧ–ЛК*. С. 20, 21. Печатается по этому изданию.

Чуковская Мария Борисовна (1889–1955), жена К.И. Чуковского. *Архив ЕЦЧ*. Письма **21, 336, 341, 349** *Стокгольмский архив*. Письма из архива *ЕЦЧ* до 1917 года впервые с сокращениями: *Чуковский Корней.* Из переписки с женой (1904–1916) / Публ. Е. Чуковской // Культура и время, 2002. № 3. С. 112–125. Остальные письма печатаются впервые.

Чуковский Николай Корнеевич, Коля (1904–1965), писатель, старший сын К.И. Чуковского. Архив Д.Н. Чуковского. Письмо **409** впервые с сокращ.: «Чудесное дело — литература»: Из переписки Корнея Ивановича и Николая Корнеевича Чуковских / Публ., предисл. и коммент. М. Чуковской // Литературная Россия. 1972. 24 марта. С. 10. Все письма печатаются по: *Чуковский Николай.* О том, что видел / Подг. текста и коммент. Е.Н. Никитина. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 369–370, 380–384, 414–415, 417–419, 423–424, 427–430, 438–440.

Чюмина Ольга Николаевна (1864–1909), поэтесса, переводчица, в 1905 году сотрудничала в журнале «Сигнал», издаваемом Чуковским. Об отношениях с ней Чуковского см. *Т. 7* наст. изд. С. 445–450, а также: *Чукоккала.* С. 109–110. ИРЛИ. Ф. 333. Ед. хр. 106. Печатается впервые. Подготовка текста и комментарии О.В. Быстровой.

Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888–1982), писательница. Архив Е.В. Шагинян. Публикация и комментарии Е.Б. Ефимова. Печатается впервые.

Шаляпин Федор Иванович (1873–1938), певец, актер. Печатается по: Федор Иванович *Шаляпин.* Т. 1. Литературное наследство. Письма. М., 1976. С. 135. Подлинник: Ленинградский государственный Театральный музей, ГИК № 11 749/19.

Шкловская Зинаида Давыдовна (?–1945, умерла в эмиграции), жена журналиста И.В. Шкловского (Дионео). Печатается по ст.: Неизданное письмо и шуточные стихи К.И. Чуковского // Публ. и коммент. Г.П. Струве // Мосты. Литературно-художественный и общественно-политический альманах. [Вып.] 11. Мюнхен, 1965. С. 369–375.

Шмелев Иван Сергеевич (1873–1950, умер в эмиграции), писатель. ОР РГБ. Ф. 387. Карт. 10. Ед. хр. 17. Письмо **216** впервые: Летопись литературных событий в России конца XIX — начала XX в. Вып. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 65. Остальные письма впервые: «Ваша вещь поразительная!» Из переписки К.И. Чуковского и

И.С. Шмелева / Публ., подг. текста, предисл. и коммент. А.П. Черникова //Новый мир. 2007. № 7. С. 157–165. Печатается по: ОР РГБ. Ф. 387. К. 10. Ед. хр. 17.

Щеголев Павел Елисеевич (1877–1931), пушкинист, историк освободительного движения в России. ОР ИМЛИ. Ф. 28. Оп. 3. Ед. хр. 496. Комментарии Е.Ю. Литвин. Печатается впервые.

Эйзен Илья Моисеевич (1869–1936), журналист, сотрудник «Нивы». ОР ГЛМ. Ф. 207. Оп. 1. Д. 28. Печатается впервые.

Юргенсон Эрнест Петрович (1891– до 1932, умер в эмиграции), библиотекарь Публичной библиотеки в Петербурге, коллекционер. ОР РНБ. Ф. 124. Собр. П.Л. Вакселя. Ед. хр. 4776. Печатается впервые.

Яблоновский Сергей Викторович (наст. фам. Потресов, 1870–1953), писатель, драматург. С 1901 года – один из основных сотрудников газеты «Русское слово». РГАЛИ. Ф. 582. Оп. 1. Ед. хр. 25. Печатается впервые.

Янтарев (Бернштейн) Ефим Львович (наст. имя, отч.: Арнольд Иосифович, 1880–1942), поэт, журналист, издатель. РГАЛИ. Ф. 1714. Оп. 1. Ед. хр. 23. Печатается впервые.

Ясинский (псевд. Максим Белинский) Иероним Иеронимович (1850–1931), прозаик, поэт, журналист, в 1898–1902 гг. — редактор «Биржевых ведомостей». Письма **89** и **305**: ОР РНБ. Ф. 901. Ясинский И.И. Оп. III. № 937; письмо **127**: РГАЛИ. Ф. 581. Оп. 1. Ед. хр. 72. Печатается впервые.

Ященко Александр Семенович (1877–1934, умер в эмиграции), журналист, редактор берлинской «Русской книги». Печатается по: А.С. Ященко и его журналы в литературной и общественной жизни русского Берлина // *Русский Берлин*. С. 33–35, 39–41, 61–62.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН[*]

Абрамова Л.А. 27
Абрамович Н.Я. 122, ***123***
Аброскина И.И. 640
Авдеев М.В. 337
Аверченко А.Т. ***232***, 233
Авсоний Д.-М. 255, 256
Адамов Е. 322
Адрианов С.А. ***247***
Азадовский К.М. 245
Азбелев Н.П. 169
Азов В.А. 200, 255, 272
Айвазовский И.К. 484, 485, 541, 570, 571
Айзеншер А.С. 78, ***79***
Айзман Д.Я. 212
Айхенвальд Ю.И. 366, ***367***
Акимов М.Г. 86–***88***
Аксаков И.С. 617
Аладьин А.Ф. 44, 54, ***46***, 384, 386
Аладьина 44, 54
Александр I 277, 279
Александр III 190, 595
Александр Адольфович 72, 78
Александр Македонский 179, 380
Александра Феодоровна 478, 581
Александров А. 288
Алексеев В.М. 461, 487, ***489***, 505
Алексеев М.П. 133
Алонкина М.С. (Муся) 444, ***445***, 446, 466
Альберт I 349, 350
Альбов М.Н. 17, 27, 28, 98, 109, 110, 111, 113, 124, **225–228**, 336, ***631***
Алянский С.М. 490, 496
Амундсен Р. 609, ***610***
Амфитеатров А.В. 261, 417, 486, 489, 506
Андреев Л.Н. 11, 21, 70, 72, 104, 106, 107, 109, 111, 113, 115, 125, 127, 145,156, 157–159, 161–164, 170, 171, 197–198, 221, 225–226, 228, 230, 231, 234–237, 239, 245, 246, 250, 251, 264, 291, 303, 308, 311, 318, 325, 326, 330, 331, **335–337**, 340, 341, 343, 344, 365, 366, 369, 508, 540, 557, 573, 574, 595, 597, ***631***
Андреев Н.А. 534, ***535***
Андреева А.И. 335–337
Андреева А.М. 107, ***108***
Андреева Е.А. 275
Андреева И. 27, 633, 640
Андреева М.Ф. 620
Андреева Р.Н. 573, ***574***, 597
Андреевский С.А. 521, ***522***

[*] Полужирным прямым шрифтом выделены страницы, на которых помещены письма к данному адресату, полужирным курсивом дана страница с основными сведениями о данном лице.

Аничков Викт. Викт. 442
Аничков Викт. М. ***442***
Аничков Вс. В. ***442***, ***443***
Аничков Е.В. 101, ***102***, 109, 125, 136, 138, 222
Аничков С.В. 442, 443
Анненков Ю.П. 26, 204, **405–406**, 431, **479–480**, 500, 509, 514, 516, 524, 536, 547, 625, ***631***
Анненковы 586
Анненский В.И. ***196***
Анненский И.Ф. 26, 85–87, **175–177**, **182**, **184–185**, **189–190**, **195–196**, 447, 487, ***631***
Анненский Н.Ф. 219, ***220***, 283, 546
Антик В.М. 268, ***269***
Антокольский М.М. 278–280, 363, 364, 483, 540
Анучин В.И. 26, **242–245,** ***631***
Апухтин А.Н. 432
Арабажин К.И. ***241***, 249, 286, 336, 337
Араратян М.Г. 289
Аргунов И.П. 618
Ардов Т. 150, ***151***
Арнольд Ильич 550
Арнштам Л.О. 578, ***579***
Аронова А. 427
Арсеньев К.К. 219, ***220***, 353, 355
Артем (Артемьев А.Р.) 69
Архипов (Бенштейн) Н.А. 212, 223, 273, ***274***, 458, 459
Арцыбашев М.П. 77, ***106***, 109, 113, 115, 121, 125, 134, 150, 158, 170, 171, 211, 212, 219, 281
Ауслендер С.А. 212, 366, ***367***
Ахматова А.А. 15, 76, 421, 442, 446–448, 473, 494, 495, 500, 502, 508–510, 514, 516, 533, 543, 545, 575
Ашкинази И.Г. ***168***

Бабенчиков М.В. 479, ***480***
Байрон Дж.-Н.-Г. 39, 42, 468, 552
Бакст Л.П. 433, ***434***
Бакст Л.С. 433
Бакунин М.А. 493–495, 518, 519, 527, 528, 546, 548, 588, 590, 625, 626
Бакунина Е.П. 133
Балтрушайтис Ю.К. 113, ***115***, 375
Бальзак О. де 307–310, 345
Бальмонт К.Д. 63, 79, 98–100, 103, 105, 107, 115, 117–119, 121–123, 136, 142, 144, 145, 229, 233, 242, 253, 255, 265, 266, 268, 275, 287, 289, 302, 375
Баранцевич К.С. 111–113, ***115***, 365, 367
Баратынский Е.А. 374, 577
Барвинок К., см. Тихонов В.А.
Барнз К. 611
Бароха-и-Неси П. 316, ***317***
Батлер С. 508, ***510***
Батюшков Ф.Д. 120, ***135***, 220, 421, 429, 515, 552, 556
Башкин В.В. 211, ***212***
Башмаков А.А. 383, ***384***, 389
Башняк Е.И. 438
Бедный Демьян 470
Безродная Ю.И. 95
Безродный М.В. 464
Бейлис М.М. 315, 316, 337
Бекетова Е.Г. 528
Бекетова М.А. 495, ***496***, 637
Беклемишева В.Е. 283
Беленсон А.Э. 358
Белинский В.Г. 5, 231, 302, 589
Белицкий Е.Я. 460, **474–477**, 586, ***631***
Белкин В.П. 272
Беллок Дж.-Х. ***438***
Белов С.В. 523
Белопольский И.Р. 161, ***162,*** 175, 543, 546
Белоус В.Г. 188

Белоусов И.А. 26, **303–304**, **407**, ***631***
Белоусова Н.К. 354
Белуха Е.Д. 593
Белый Андрей 5, 83, 101, 102, 116, 113, 123, 131, 144, 149, 177, 247, 256, 270, 464, 486, 487, 489, 491, 495, 505, 514, 584–586, 588, 626
Бельтов, см. Плеханов Г.В.
Беляев 354, 355
Беляев Ю.Д. 255
Бенкендорф А.К. 389
Беннет А. 500, ***501***
Бентам И. 113, 114
Бенуа Ал-др Н. 221, 278, 348, 395, 396, 398, 399, 427–430, 453, 483, 502, 505, 509, **535**–537, 540, 574, **582,** ***632***, 633
Бенуа Альберт Н. 456
Бенштейн М.Л., см. Архипов Н.А.
Бердяев Н.А. 64, 92, ***93***, 163, 164, 292
Берман Д.А. 28, 149, 184, 203, 254, 326
Бернштам Ф.Г. 562, ***564***
Берроуз Э.-Р. 550, 551
Беспалова Л.Г. 27
Биела В.-Й. фон ***104***
Билибин И.Я. 124
Биншток 451
Бирмингем Дж. 586
Бисмарк О.-Э.-Л. 357
Битнер В.В. 274, 303, 304, 540
Благов Ф.И. 305, **308**, 323, 324, 369, ***632***
Благовещенская М.П. 267, 391, 392
Бласко Ибаньес В.. 170, ***171***
Блинова В.П. 382, 384
Блиновы 484
Блок А.А. 5, 11, 20, 28, 101, 109, 110, 115, 116, 118, 121, 129, 141, 143–145, 198, 199, 247, 252, 270, 377, 406, **418–420**, 421, **426**, 427, **428–429**, **431**, 437, 440, 444, 447, 452–454, 457, **458–460**, 470–474, 476, 479, 480, 485–487, 490–492, 494–500, 502, 505, 509, 510, 514–517, 519, 520, 522, 525–527, 542, 548, 551, 559, 561, 565, 576, 577, 580, 595, 605, 621, 626, 631, ***632***, 637, 638
Блок Л.Д. 429, 431, 495, ***496***, 497
Бломквист Г.К. 573
Блох М.Ф. 601, 602
Боборыкин П.Д. 158, 159, 198
Бобров, см. Хохлов Г.Т.
Богаевская Ж.Г. 543, ***546***
Богаевский К.Ф. 543, ***546***
Богданов А.А. 127, 540, ***542***
Богданович А.И. 99, ***100***, 120–123, 175
Богданович Т.А. ***175***, 177, 234, 284, 361–363, 403, 575
Богдановская В.В. 573, ***574***
Богодуров А.А. 346
Богомолец А.А. 55, ***57***
Богомолов Н.А. 123
Богучарский В.Я. 424, ***425***
Бодлер Ш. 210, 265, 267
Бокль Г.-Т. 576, ***579***
Болдаков И.М. 375
Бонди В.А. 95, 96, 313
Бонч-Бруевич В.Д. 374, 375, 443
Борисов-Мусатов В.Э. ***83***
Боровиковский А.Л. 354, ***355***
Боровиковский В.Л. 456, 559, 618
Бородин А.П. 617
Босуэлл Дж. 621, ***623***
Боткин В.П. 467
Боткин М.П. 316, ***317***, 599, 600, 632
Боткин С.М. **299**, **311**, 312, **313**, **316–317**, **373–374**, **391**, ***632***
Боткина Н.С. 373
Боцяновский В.Ф. 202, ***204***, 466

Брандес Г. 357
Брандт Н. 297
Браудо Е.М. ***429***, 461
Браун Ф. 296, 297
Браун Ф.А. 289, 421, 429
Браун Ф.-М. 80, ***81***, 609, 610
Браунинг Р. 62, 84, ***182***, 357, 358, 468, 621, 623
Бренев Н.Г. 596
Брешко-Брешковский Н.Н. 367, ***368***
Брики Л.Ю. и О.М. 392
Бродерсен Э.К. 551
Бродская Г.Ю. 126
Бродский И.И. 299, 629, ***630***
Брокгауз Ф.А. 133, 249
Брусиловский И.К. 33
Брусянин В.В. 283, ***370***
Брюллов К.П. 408, 599
Брюллова Ек. 484
Брюсов В.Я. 5, 11, 16, 17, 26, **57–58**, **63–65,** 76–79, **80–93**, **97–101**, 102, **103–107**, 109, **113–115**, 116, **117–122**, 123, **124–127**, **130–132**, 133, **134**, **135–136**, 137, **141–142**, 144, **145,** 146, **149–152**, 159, **168–170**, 171, 187, 202, 207, **163**, **218–221**, **231–232**, 233, **246–247**, 249, **251–256**, 257, **258**, **262**, 263, **265–266**, **268–270**, **274–275**, **277**, **285–289**, 290, **296**, 297, 340, 341, **365–368**, 417, 525, **548–549**, 595, ***632***
Брюсова И.М. 100, 104
Булгаков С.Н. 64
Булла К.К. 244, ***245***
Бунимович Ф.И. ***585***
Бунин И.А. 26, 123, 144, 161, 169, 170, 198, **350–351**, 352, 365, 366, 373, 374, 417, 621, ***632***
Буренин В.П. 199, ***202***
Бурлюк Д.Д. 322, 358
Буткевич Е.А. 484
Буткова Е.А. 543, ***546***
Бутковы 543, 546
Бутягина А.М. 91
Бучкин П.Д. ***409***
Быков П.В. 101
Быстрова Л.М. 626
Быстрова О.В. 26, 631, 633, 641, 642
Быстрянский В.А. 441, 446, ***448***
Бьюкенен Дж. 369, 410, ***411***, 412, 617

Вагнер Р. 356
Вайтбрехт 520
Ваксель П.Л. 636–638, 642
Валуев П.А. 598
Вальтух 55, 56
Василевский И.М. 26, **105,** 113, 118, 122, 124, 134, 144, 166, 167, 176, 177, 184, 185, **372–373**, ***632***
Василевский Л.М. 138, **526**, ***632***
Васильев А.Т. 161, 207
Васильев Б.Н. 636
Васильев Н.В. 236
Васильев Ф.А. 599
Васнецов В.М. 214, 541
Вега Карпьо Л.-Ф. 401
Вейнберг П.И. 113, 115
Векслер А.Л. ***426***
Вельбушевич Е.Б. ***76***
Венгеров С.А. 101, 133, 219, ***220,*** 248–250, 330, 369, 413, 439–441, 486, 515, 552, 556
Венгерова З.А. 62, ***80***, 105, 109, 131, 165, 170, 171, 175, 282, 389, 398, 399, 486, 489
Венгерова И.А. 105, ***106***
Венгеровы 95
Венгров Натан 529, ***530***
Венецианов А.Г. 599
Вера Евгеньевна, см. Беклемишева В.Е.
Вербицкая А.А. 21, 303, 403
Вербов М.А. 484

Вересаев В.В. 585
Вересаева М.Г. ***585***
Верещагин В.В. 277, 279
Верлен П. 255, 256
Вернер А. 357
Вернер К. 621
Верхарн Э. 97–99, 101, 107, 115, 116
Вильбор А.И. 500
Вильгельм II Гогенцоллер 356
Вилькина Л.Н. 109, ***110***, 122, 123
Вильтон Р.-А. 369, 382, ***384***, 393
Вильямс Г.-В. 130, 131, ***133***, 641
Витте С.Ю. 86–***88***, 583, 594, 597–599
Вишневская Г.П. 593
Владимирцов Б.Я. 487, ***489***
Воейков С.В. 218
Вознесенский А.С. 49, 66–***68***, 69, 249
Войнич Э.-Л. 153
Войтоловский Л.Н. 290, ***626***
Волжский (А.Г. Глинка) 86–88, 90–92, 98, 163, 164
Волковыский Н.М. 444, 459, 467, 469, ***470***
Волконский С.М. 487, 489
Волошин М.А. 26, 101, 102, 105, 127, 136, **275**–**276**, 390, **395**–**396**, 397, 398, **542**–**544**, 545, 546, 550, 551, **565**–**567**, 568, **579**–**581**, 582, **583**–**585**, ***632***–***633***
Волошина М.С. **542**–**544**, ***544***, 545, 567, 579, 581, 582, **584**–**585**
Волынский А.Л. 26, 63, 66, 68, **141**, 198, 205, **257**, 309, 372, 387, 421, 440, **443**, 444, 453, **461**, 465–**467**, **474**, **477**, 478, 487, 502, **504**–**507**, 509, 514–517, ***633***
Вольтер Ф.-М. 34, 39, 309, 342
Вольф М.О. 80, 81, 162, 163, 174, ***175***, 287
Воровский В.В. 426
Ворошилов К.Е. 630
Врангель Н.Н. 279
Врубель А.А. 435, 453, ***454***, 473
Врубель М.А. 97, 278, 279, 333, 435
Вырубова А.Ф. 614
Высоцкая В. 484
Высоцкие 397
Вьюгова А.А. 543, ***546***
Вяземский П.А. 310

Габричевский А.Г. 544
Гавриш Т.Р. 26, 632
Гагарин А.Г. ***461***, 465
Гагарин П.А. 464, ***465***
Гагарина М.Д. 465
Гагарина С.А. 464, ***465***, 470, 471, 511, 512
Гагарины 461–463
Гайдебуров П.П. 564
Гаккебуш М.М. ***240***
Галахов И.П. 155
Га́лина Г. (Эйнерлинг Г.А.) 168
Галич Л.Е. 167, ***168***
Галлей Э. ***104***
Галлен-Каллела А.-В. 596, ***597***
Галлонен П. 596, ***597***
Галушкин А.Ю. 17, 27–29, 635
Гамсун К. 365, ***367***
Ганзен А.В. ***410***
Ганфман М.И. 306, ***307***
Гапон Г.А. 87, 583
Гарди Т. 356, 358
Гардинер А. 356, ***357***, 358
Гарибальди 595
Гарин Н. (Михайловский Н.Г.) 124, 363, 367, ***368***, 370, 532, 607, 608
Гарина-Михайловская Н.В. 532
Гарнак А. фон 357, ***358***
Гарнетт Д. 604, ***605***
Гаррик Д. 621, ***623***–***624***
Гартевельд В.Н. 299, ***300***

Гаршин Вс. М. 181, ***182***, 183, 189, 192, 197–201, 203, 208, 210, 212, 213, 215, 327, 328, 483
Гаршин Е.М. ***182***
Гауптман Г. 356
Ге Н.Н. 304, 327, ***328***, 483
Гейне Г. 47, 154, 422, 447, 448, 487
Геккель Э.-Г. 357, ***358***
Геккер Н.Л. 40, 42, ***43***
Георг V, 385, 386, 621, ***623***
Герлих И. 56
Герострат 126
Герцен А.И. 214, 305, 306, 424, 425, 439, 441, 637
Герцо-Виноградский П.Т., см. Лоэнгрин
Гершензон М.О. 17, 27, 131, 133, **152–154,** 155, **156–159, 162–163**, 181, 440, 441, ***633***
Гессен А.И. 550, 551
Гессен И.В. 14, 15, 26, 178, 219, 220, **249–250**, 285, 287**, 292**, **301**, **302**, **359**, 362, 499, ***633***
Гёте И.-В. 154, 359, 606
Гидони А.И. 112, 113
Гидони Г.И. 372, ***373***
Гидулянов П.В. 156
Гиндин С.И. 213
Гинзбург М.М. 33
Гиль Рене 83
Гинцбург И.Я. 482, 484, ***485***, 487, 562, 563, 569, 616, 617, 629
Гиппиус З.Н. 5, 64, 106, 107, 114, 127, 129, 131, 156, 158, 159, 177, 178, 191–194, 247, 248, 297, 298, **358**, 359, 417, 421, 422, 429, 436, ***633***
Гиппиус Н.Н. 129
Гиппиус Т.Н. 129
Глазунов А.К. 617
Глебов И. (Б.В. Асафьев) 488
Глебова-Судейкина О.А. 543, ***545***
Гоген П.-Э. 278
Гоголь Н.В. 46, 60, 281, 350, 379, 380, 389, 414, 585
Голенищев-Кутузов А.А. 375
Голике Р.Р. 500
Голицын В.Д. 305
Голлербах Э.Ф. 558, 574, **593**, ***633***
Головина Н.П. 601
Гольденвейзер А.Б. 633
Гольденвейзер Е.В. 26, **427**, 428, ***633***
Гольдсмит О. 621, ***623***
Гольдфельд А.Б. 183
Гольдфельд Г. 41–43, 53
Гольдфельд З., И. и О. 44, 46
Гольдштейн С.Н. 568
Гомер 370
Гончаров И.А. 493, 562
Горбунов-Посадов И.И. 26, **325**, 336, 487, ***633***
Горнфельд А.Г. 26, **147–149**, 150, **155**, 330, 421, 482, 487, **572**, ***634***
Городецкая А.А. 349
Городецкий С.М. 101, ***102***, 107, 108, 118, 119, 122, 124, 127, 128, 141, 174, 199, 222, 271, 302, 332, 340, 348, 349, 409
Горький А.М. 14, 17, 21, 27, 28, 72, 99, 100, 106, 126, 127, 155, 200, 204, 224, 230, 234–236, 245, 270, 361–363, 365, 366, 392, 395, 396, 400–402, 417, 418, 420–424, 426–431, 433, 434, **435–436**, **438–440**, 441, 443, **446–448**, **452**–455, **462–463**, 464, 472, 486, 487, 489, 501–503, 505, 509, 510, 514, 527, 531, 548, 558, 559, 563, 564, 572, 574, 584, 589, 590, 610, 611, 620, ***634***
Готье Т. 487
Гофмансталь Г. фон 174, 175
Грабарь И.Э. 278, 279, 317, 318, 320, **332–334**, 567, 568, ***634***
Градовский Г.К. 219, ***220***
Грановский Т.Н. 155, 180
Грачев Н.А. 561

Грачева А.М. 223
Гребенщиков Я.П. **522–523**, ***634***
Гревс И.М. 487, 489
Грегер, см. Грэгер В.-Е.
Грегори И.-А. 609, ***610***
Гредингер Ф.И. 118
Грей Э. 386, 621, ***623***
Гржебин З.И. 223, ***224,*** 225, 259, 281, 283, 290, 346–350, 417, 418, 421, 423, 429, 438, 451, 453, 455, 494, 527, 548
Грибоедов А.С. 342, 596, 606
Григорович Д.В. 330, 337, 589
Григорьев Б.Д. 393
Григорьева М.-Е.-Г. 393
Грин А.С. 440, 505
Гринберг А. 626
Гринберг З.Г. 26, 417, **426–427**, **430**, 435, **436**,437, **442**, 443, **450**, ***634***
Гриша, см. Гольдфельд Г.
Гришунин А.Л. 17
Гродзенская Н.Л. 422, 424
Гроссман Л.П. 15, 17, 26, **185**, 186, **191**, 202, 203, **306–307**, 308, **309**, 310, 342, **345**, 588, 590, ***634***
Груздев И.А. 487
Грузенберг Л.Ю. 357
Грузенберг О.О. 18, 89, ***117***, 118, 149, 333
Грузенберг С.О. 27, **356–357**, ***635***
Грузенберг Ю.О. 333
Грэгер В.-Е. 605, 620, 621
Губер П.К. 466
Гумбольдт В. фон 492
Гумилев Н.С. 17, 190, 255, 256, 289, 290, **298**, **299**, 300, 397, 398, 402, 415, 416, 421, 423, 440, 447, 466, 470, 472, 486, 489, 502, 505, 506, 509, 514, 515, 576, ***635***
Гуревич Л.Я. ***257***
Гусев Н.Н. 179, 285
Густавссон С. 13
Гюго В.-М. 265
Д'Арк Жанна 278
Давидсон Ф.Б. 130
Давыдова З.Д. 632–633
Даль В.И. 588
Далькевич М.М. 331
Дальский М.В. 69
Даманская А. 423, 440
Дангейзер Э. 124
Даниелян Э.С. 89
Данилевский А.А. 291
Данилевский Р.Ю. 133
Данилова И.Ф. 17, 26, 30, 291
Данте А. 154, 370, 501
Даня (Доня), см. Мрост Д.М.
Дарвин Ч.-Р. 70, 358
Дворецкая Е.И. 27
Де Костер Ш. 370
Дейер П.А. 521, ***522***
Дейч А.И. 26, **267–268**, **276**, 277, 342, ***635***
Дейч Б. 607, ***609***, 619
Дейч Е.К. 26, 635
Дейч Л.Г. 453, ***455***
Деламар У. 500, ***501***, 623
Дельвиг А.И. 602, 603, 617
Демченко Г.В. 44–46, 51, 62
Деннери А. 419
Дербенёв Г.И. 16
Державин Г.Р. 502
Дерман А.Б. 351
Десницкий-Строев В.А. 463, ***464***
Джеллико Дж.-Р. 386, 621, ***623***
Джеймс Г. 551
Джемс У. 227–***229***, 230
Джованьоли Р. 153
Джойс Дж. 615, ***616***
Джонсон С. 621, ***623***
Джэдд А. 410
Диккенс Ч. 41, 122, 319, 421, 438, 519, 520, 527, 528, 551
Дикс Б. ***126***
Дионео, см. Шкловский И.В.
Дмитриев А.М. 551

Дмитриева Е. 544
Добкин А.И. 20, 637
Добраницкая Е.К. 283
Добраницкий М.М. 409
Добролюбов Н.А. 5, 302, 303, 425, 442, 589
Добужинская Е.О. 462
Добужинский М.В. 129, 130, 272, 395, ***396***, 398, 399, 430, 453, 456, 463, 483, 487, 488, 502, 509, 524, 536
Дойл А.-К. 385, 386, 621, ***623***
Долинин А.С. 607, ***609***
Долинов М.А. 487, ***489***
Дорошевич В.М. 243, ***244***, 306, 346, 369, 400
Достоевская А.Г. ***322***, 330
Достоевский Ф.М. 41, 111, 141, 205, 257, 291, 297, 302, 310, 322, 330, 331, 333, 336, 337, 342, 345, 370, 377–378, 395, 437, 447, 487, 492, 502, 518, 520, 539, 541, 562, 569, 580, 588, 590, 607, 609, 635
Доуден Э. ***307***, 308
Дрейден С.Д. 571, 587, ***588***
Дрейфус А. 287, ***289***
Дружинина М.М. 448, ***449***
Дубасов Ф.В. 583
Дубнова-Эрлих С.С. 115, ***141***
Дубровин А.И. 166
Дурново П.Н. 86–***88***, 583
Дымов О. 71, 78, 113, 141, 149, 202, 204, **270**, 271, 283, 316, ***635***
Дымшиц С.И. 513
Дьяконов 415
Дэвис Р. 19, 20, 27, 611, 620, 637
Дю Кан М. 309, ***310***
Дюмануар Ф.-Ф. 419
Дягилев С.П. 617, 618

Евгеньев-Максимов В.Е. ***419***, 424, 425, 481, 494, 495, 535
Евреинов Н.Н. 138, 309, ***310***, 374, 384, 479, 503, 506, 572
Еврипид 177, 182, 370
Евстигнеева А.Л. 428
Егоров Е.А. 14, 370, 383, ***384***, 389
Елена Карловна, см. Добраницкая Е.К.
Елисеев С.П. 427, ***428***, 478, 482
Елпатьевский С.Я. ***238***
Ельницкий К.В. 45, ***46***
Ермаков Н.Д. 279, ***280***, 294, 315, 322, 323, 360, 361, 381, 592, 613
Ефимов Б.Е. ***583***
Ефимов Е.Б. 17, 26, 634, 636, 637, 641, 642
Ефрон И.А. 133, 249

Жаботинская А.М. 66
Жаботинский В.Е. 14, 15, 19, 33, 42, 45, ***46***, 53, 55, 59, 66, 67, 72, 389, 390, 392, 394
Жекулина А.В. 161
Жид А. 186, ***608***
Жилкин И.В. 369
Житков Б.С. 571
Жихарев, врач 227, 228
Жук, врач 35, 36
Жуковский В.А. 374, 589

Зайдман А.Д. 440
Зайцев Б.К. 127, ***128,*** 144, 150, 158, 473
Закржевский А.К. 290, ***291***–293
Замирайло В.Д. ***456***, 475, 536, 540, 542
Замятин Е.И. 17, 27, 28, 423, 439, 441, 453, 460, 462, **464**, 465, **469**–**471**, 472, **473**, 475, 477, 480, 487, 499, 502, 504–506, 509, 510, **511**–**512**, 514, 551, 558, 559, 565, 567, 572, **573**, 575, **586**–**587**, 588, ***635***
Замятина Л.Н. 465, 471
Зарин А.Е. **300**–**301**, ***635***

Зарудная-Кавос Е.С. **117**, ***635***
Заславская А.Д. 422, ***424***
Заславская Э.Л. 422, ***424***
Заславский Д.И. 26, **421–422**, 423, 424, ***635–636***
Засулич В.И. 340, 354, 356, 521, 522, 594, 636
Званцева Е.Н. 596, 597
Зверь, см. Михайлов Г.П.
Здобнов Д.С. 244, ***245***
Зеликсон И.Н. 427, ***428***
Зелинский И.В. 543, ***546***
Зелинский Ф.Ф. ***247***
Зильбер, см. Каверин В.А.
Зина, см. Гольдфельд З.
Зиновьев Г.Е. 454, 613
Зноско-Боровский Е.А. 209, **211**, **257**, ***636***
Золя Э. 491
Зоргенфрей В.А. 491, ***626***
Зощенко М.М. 14, 454, 462, 466, 487, 488, 503, 506, 628
Зудерман Г. 158, 159

Ибсен Г. 66–68, 516
Иван IV Грозный 336, 603
Иванов А.А. 590, 599
Иванов А.П. ***602–603***
Иванов Вс.В. 454, 466, 475, 487, 488, 503, 504
Иванов Вяч. Ив. 5, 7, 83, 88, 89, 101, 102, 105, 107, 109, 114, 117, 130, 131, 136, 172, 198, 199, 202, 229, 247, 266, 267
Иванов Г.В. 466
Иванов С.В. 204
Иванова Е.В. 17, 24, 26, 27, 30, 46, 50, 419, 556, 574, 631, 633, 635, 639
Иванов-Разумник Р.В. 124, ***125,*** 167, 168, 175, 188, 358, 429, 464, 558
Игельстрем А.-В. 591
Ида, см. Гольдфельд И.
Изгоев А.С. ***94***, 421, 495
Измайлов А.А. 243, **246**, **272**, 286, 287, 341, 342, 369, 486, 515, 552, 556, ***636***
Икскуль В.И. 473
Илья Моисеевич, см. Эйзен И.М.
Иоанн Кронштадтский 127, ***128***
Ионов И.И. 440, ***441***, 493, 538, 592, 593, 613, 616
Иорданский Н.И. 219
Ирецкий В.Я. 372, ***373***, 466
Йетс У.-Б. 606, ***608***

К.Р. (вел. кн. К. Романов) 375, 414
Каверин В.А. 17, 487, 488, 587, ***588***
Казанский Б.В. 572
Калашников А.Г. 534, ***535***
Каллаш В.В. 109, 144, ***145***
Кальмейер Б. 379, 381, 384
Каменев Л.Б. 457, 594
Каменский А.П. 113, ***115***, 158, 183, 184
Каменский В.В. 349, 487, 510, 572
Камышников Л.М. 309
Канин 597, 599
Канкрин Е.Ф. 519, ***520***
Канторович В.А. 422
Каплун Б.Г. 428, ***429***, 438, 440, 487
Каплун С.Г. 524
Кареев Н.И. 487, ***489***
Карлейль Т. 39, 41, ***42,*** 354, 355, 357, 358, 621, 623
Карлова Т.С. 82
Кармен Д.Л. 44, 46, 48, 50, 72
Кармен Л.О. 15, 41, ***43***, 48–50, 54, 56–59, 66, 382, 384, 576
Карнаухова И.В. ***585***
Карпов В.Н. 196
Карташев А.В. 102, 129
Катанян В.А. 322
Катков М.Н. 521
Катловкер Б.А. ***102***
Кауфман А.Е. 485–486, ***488***

Кац Б.Д. 41, 45, 47, 49, 50, 55
Кац Д.Д. 41, 284, 339
Кацы Б.Д. и Д.Д. 54
Качалов В.И. 69, 617
Каченовский М.Т. 98, ***99***
Квитка-Основьяненко Г.Ф. 422, ***423***
Керенский А.Ф. 617
Кессель К.И. 521, ***522***
Кизеветтер А.А. 208
Кизор 388
Кини А.-С. 566, 568, 584
Кини С.-М. 538, ***539***, 566, 568, 575
Кипен А.А. 26, **190**, **321**, ***636***
Киплинг Дж-Р. 52, 154, 155, 169, 171, 197, 402, 415, 475, 501, 532, 576
Кириенко-Волошина Е.О. 105, ***106***
Кириллина Е.В. 27, 640
Киселев А.А. 327, ***328***, 618
Киселев А.П. 450, ***450–451***
Киселева Е.А. 451, 542
Киселева Е.Г. 304
Китченер Г.-Г. 386, 388, ***390***, 394, 621, 623
Клейн Т.П. 440
Клейнборт Л.Н. 170, ***171***
Клейнман И. 394
Ключевский В.О. 258, 259
Клячко Л.М. 523, 531, **536–537**, 539, 544, 586, ***636***
Кнебель И.Н. 279, 565, ***567***, 568
Кнебель М.О. 567–568
Книпович Е.Ф. 460, 491, ***496***
Книппер О.Л. 69
Кнорозовский И.М. 69
Князев В.В. 470, ***472***, 565
Кобден Р. 47, 50
Ковалевский П.М. 538, ***539***
Коган П.С. 503, 519, 520
Когбетлиева Е.Я. 194
Кожевников П. 222
Козачковский А.О. 249
Козьма Прутков 378
Козьменко М.В. 245
Кок П.-Ш. де 508
Коломенкова М.А. 234, ***235***
Колтон Дж. 620, ***621***, 622
Колумб Х. 552
Кольцов А.В. 378
Кольцов М.Е. 583
Комарова В.Д. 456, 560, 562, 591, 592
Комашко А.М. 381
Коммиссаржевская В.Ф. 66–69, 109, 110, 170, 171, 175, 270, 271, 322, 516–517
Конашевич В.М. 536, 548, 566, ***568***
Конвей М.-Д. 104, 105
Кони А.Ф. 26, 28, **340–341**, **343–344**, **353–355**, 356, 360, 361, 363, 371, 413, **416–418**, 421, **431–433**, **444–446**, **452**, 453, **457–458**, 466, **478**–481, 483, 487, 491, 495, 500, 501, 514, 519, **520–521**, 522, **538–539**, **562**, 570, 571, **594–595**, **597–598**, 599, ***636***
Кони Ф.А. 340, ***341***
Копельман С.Ю. 223, ***225***, 283, 290, 349
Корнейчукова Е.О. 41, 43, 45, 50, 52, 55, 121, 138, 238, **260**, 369, 594, ***636***
Корнейчукова М.Э. **37**–40, 42, 43, 45, 47, 50, **51–52**, 55, 56, 65, 121, 138, **238,** 243, 260, 369, ***636***
Корнель П. 501
Корнилов Л.Г. 411
Короленко В.Г. 82, 144, 145, 161, 162, 200–201, 228–230, **233–235**, 236, 238, 246, 283, 317, **318–320**, 379, 380, 418, 525, 540, 546, ***636***
Кортхоуп 80, 81
Костомаров Н.И. 249, 602, 603, 617
Котылев А.И. 26, **211**, 212, 223, ***636***
Крамской И.Н. 326, ***327***, 483

Крандиевская-Толстая Н.В. 388, ***390***, 499, 513, 525, 531, 532
Кранихфельд В.П. 206, 219
Красников 78
Краснов 102
Краснуха Э.В. ***481***
Крачковский И.Ю. 461, ***462***
Крачковский С.П. 26, **241**, 242, 540–542, ***636***
Кремер И.Я. 37
Кречетов С.А. 585
Крижанич Ю. 580, ***581–582***
Кромвель О. 456
Круглов Н.А. 157–159, 163
Крученых А.Е. 328, 372, 510
Крушеван П.А. 583
Крылов И.А. 220, 306
Крысин Л.П. 18, 27, 29, 631, 632, 634, 636, 637, 640
Крючков К. 349, 350
Кублицкая-Пиоттух А.А. **495–497**, ***637***
Кугель А.Р. 573, ***574***
Кузмин М.А. 102, 120–123, 158, 178, 179, **255**, 266, 267, 289, 290, **295**, 296, 443, 480, 487, 500, ***637***
Кузнецов В.В. 129
Кузнецов Н.Д. 596, 601, 602
Кузьмин Н.Н. 453, ***454***, 461, 466
Кузьмин-Караваев В.Д. 219, ***220***
Куинджи А.И. 327, ***328***, 483
Кукушкина Т.А. 27, 470, 639
Куликов И.С. 596
Куприн А.И. 11, 66, 71–73, 75–77, 106–109, 113–115, 117, 120, 124, 125, 141, 149, 169, 188, 218–220, 238, 270, 328, 365, 366, 402, 409, 595, 641
Куприна-Иорданская М.К. 72, ***125***, 168, 219, 220
Купченко В.П. 582, 632, 633
Куропаткин А.Н. 62
Курсинский А.А. 93, 131, 142
Кустодиев Б.М. 242, 398, ***399***, 456, 582, 584, 596,
Кустодиева И.Б. 465
Кутепов Н.И. 279
Кэвендиш Виктор, 9-й герцог Девонширский 621, ***623***
Кюхельбекер В.К. 606, 608, 622

Ла Сизеран Р. де ***281***
Лаврентьев А.Н. ***558***
Лаврецкий Вл. 440
Лавров А.В. 17, 26, 121, 172, 632
Лавров Р.А. 435
Лазурский В.Ф. 38, 39, 44, 47–49, **50–51,** 53–55, 57, 58, **59–62**, ***637***
Ландесман М. 55
Лапшин И.И. 505
Лассаль Ф. 422, ***423***, 487
Лаховский А.Б. ***456***
Лебедев В.В. 475, 531, ***532***
Левберг М.Е. 487, ***489***
Левенфиш Е.Г. 9, 30, 262, 639
Леви В.Ф. ***564***, 569, 570
Левин Д. 203
Левинсон А.Я. 169, 421, ***480***, 486, 489
Левитан И.И. 333
Левицкий Д.Г. 456, 618
Лемберг М.Е. и Р.Г. 57, 69, 70
Лемберки 54
Лемке М.К. 20, **167**, 168, 175, 176, **213–215**, **252**, 253, **302–303**, **305–306**, 330, **424–425**, 439–441, 446, ***637***
Лемминг Е.Н. 27, 638
Ленин В.И. 423, 434, 435, 489
Ленский В.Я. 145, ***146***, 150, 151
Лермонтов М.Ю. 306, 342, 348, 374, 378, 487, 547, 577
Лернер Н.О. 15, **33**, **76-77**, 154, **263**, 283, 305, 342, 359, **451**, 464, 470, 491, **535–536**, ***637***
Лесгафт П.Ф. 321, 322

Лесков А.Н. 591
Лесков Н.С. 591, 592
Леткова-Султанова Е.П. 26, 440, 453, **460**, **465–466**, **472–473**, 485, 506, ***637***
Либрович С.Ф. ***207***
Лившиц Б.К. 296, ***297***
Лившиц Я.Б. 26, 524, **550**, 586, 598, ***637***
Ликиардопуло М.Ф. **92**, 103, 144, 168, 170, 267, 268
Лилина З.И. 453, ***454***
Лимбах И. 255
Линдеман И.К. 359
Литвин Е.Ю. 26, 30, 633, 634, 636, 642
Литовцев С. 289
Лихачев В.С. 115, ***116***
Ллойд Дж.-Д. 362, 385, ***386***
Лозинский Г.Л. 512
Лозинский М.Л. 466, 488, 500, ***501***, 505, 506, 509, 524, 543
Лозовская К.И. 18, 29, 632, 636
Ломоносов Ю.В. 19, 622, 637
Ломоносов Ю.Ю. 19, ***620***, 622, 624, 627, 628
Ломоносова Р.Н. 19, 20, 27, **604–607**, **609–610**, **614–616**, **618–623**, **626–628**, ***637***
Лонгфелло Г.-У. 33, 36, 47, 48
Лондон Дж. 303, 567, ***568***, 571
Лопатин-Шуйский Б.П. 322, 323, 381
Лорис-Меликов М.Т. 598
Лосский Н.О. 64
Лофтинг Г. 628, ***629***
Лоэнгрин (Герцо-Виноградский П.Т.) ***52***, 58
Луговой А.А. 94, 113, 367, 368, 371
Лукиан Сильный, см. Либрович С.Ф.
Луначарский А.В. 14, 102, 111, 113, ***115***, 206, 423, 428, **433–434**, 435, 437, 442, **443–444**, **448–449**, 456, 458, 459, 494, 539, 542, 549, 569, 591, 594, 634, ***637***
Лунц Л.Н. 27, 439, 440, 453, 454, 487, 488, 503, 506, 527, **558**, 559, ***638***
Лунц Н.Я. 558
Лурье С.В. 229
Львов-Рогачевский В.Л. 336, ***337***
Льдов К. 286, ***287***
Любимов А.М. 78, ***79***
Лютер М. 562
Лядовы 282
Ляцкая В.А. 112, 137, 183, 481, 483, 495
Ляцкий Е.А. **84–85**, 90, 93–**95**, 96–99, 108, **109–112**, 113, 122, 131, 133, 136, **137**, **183**, 342, 344, 345, ***638***

Майков А.Н. 187, 375
Маковецкий Д.П. 179
Маковский В.Е. 383, ***384***
Маковский К.Е. ***379***
Маковский С.К. 14, 182, 183, 195–**197,** 209, **211**, 223, 224, 255, 257, ***638***
Маколей Т.-Б. 621, ***623***
Макри С.Г. 47, ***50***
Максимов В.М. 327, ***328***
Максимов Вл. 495
Максимов Д.Е. 172
Малахиева-Мирович В.Г. 229
Малявин Ф.А. 333
Мамин-Сибиряк Д.Н. 367, ***368***, 395
Мамонтов С.И. 336
Манасеина Н.И. 543, 544, ***546***
Мандельштам О.Э. 15, 440, 462
Мансикка В. 591
Маныч П.Д. 237, ***238***, 305, 306
Марадудин Ф.П. 270, 271
Марадудина М.С. 270, 271
Мария Федоровна 625

Марков А.Л. 354, ***355***
Маркс А.Ф. 101, 111, ***182***, 183, 191, 212, 213, 266, 267, 286, 318, 342, 362, 366, 368, 370, 381, 395, 398, 400, 405, 425, 481, 548, 551, 559, 561, 564, 565, 578, 607, 639
Маркс К. 70, 447, 589
Маркс Л.Ф. 368, 375, 376
Мартынов И.Ф. 440
Мартынова О.П. 37, 38
Маршак С.Я. 17, 532, 536, 537, 558, 603, ***604***
Маршалл Б. 356, ***357–358***
Маторина Р.П. 229
Матэ В.В. 540, ***542***
Мачтет Г.А. 319
Маяковский В.В. 321, 322, 328, 329, 358, 392, 396, 430, 439, 442, 446–448, 459, 466, 494, 495, 505, 510, 559, 640
Меерсон 314
Мезенцев Н.В. 153
Мейерхольд В.Э. 110, **137–138**, 175, ***638***
Мейсфилд Дж. ***438***, 500
Меклер 400
Мендельсон-Бартольди фон Э. 86–88
Менжинская Л.Р. ***417***
Менжинский В.Р. 417
Менсфилд К. 503
Меньшиков М.О. 153, ***154***, 160, 166, 167, 208
Мережковские Д.С. и З.Н. 15, 19, 183, 191–192, 574
Мережковский Д.С. 11, 64, 83, 107, 150, 158, 159, 235, 236, 335, 337, 358, 359, 365, 366, 421, 428, 435, 436, 595, 633
Месс Л.А. 578, ***579***
Метерлинк М. 70, 154, 347, 351, 352, 365, ***367***, 556
Метт Б.А. 33
Мещеряков Н.Л. 534, ***535***
Миклашевич В.С. 160
Миклашевская И.С. 563, ***564***
Миклухо-Маклай Н.Н. ***587***
Милашевский В.А. 462, 466
Милиоти В.Д. 129
Милле Дж.-Э. 37, 38
Милле Ф. 37
Милн А.-А. 606, 608, 623, 624
Мильтон Дж. 290, 370
Милюков П.Н. 54, 258, 259, 284, 500, 613
Минин К.М. 596
Минский Н.М. 65, 67, 107, ***108***, 111–114, 154, 155, 158, 159, 250, 309, 310, 372
Миров Мих. 188
Миролюбов В.С. **134–135, 138–139**, 140, ***638***
Михайлов Г.П. 79, 95, 165, 175
Михайловский Н.К. 201
Молас А.Н. 601
Мольер Ж.-Б. 34, 501
Монахов Н.Ф. 619, 620
Мопассан Ги де 37
Моравская М.Л. 272, 399, ***400***
Мордухович Е. 72
Моррис У. 80, ***81***
Морфиль В.-Р. ***60***
Москвин И.М. 69
Москвин И.М. ***460***, 463
Моцарт В.-А. 366
Моэм С. 621
Мрост Д.М. 39, ***42***, 45, 54, 56, 57
Мрост М.М. 42, 45
Мрост Ф.М. 42, 43, 45, 53
Муйжель В.В. 477, 543, ***545***
Мур Дж. 501
Мур Н. 387
Мур Т. 54, 468
Муравьев М.Н. 424, 425, 478, 479, 490, 494
Муратова К.Д. 89

Муромцева-Бунина В.Н. 169
Мусоргский М.П. 569–571
Мюллер И. 195
Мюссе А. 345

Н.А. 101
Набоков В.В. 384
Набоков В.Д. 14, 204, 382–***384***, 386, 388, 389, 498–***500***, 508, 510, 516, 648
Набоков К.Д. 14, ***204***, 205, **326**, 369, 384, 386, ***638***
Надсон С.Я. 206, 208, ***232***, 233, 374, 395
Наполеон I Бонопарт 277, 279, 405
Наппельбаум М.С. 459
Нарбут Г.И. 398, ***399***
Наумов П. 256, 257
Неведомский М.П. 113, ***114,*** 206
Невские А. и В. 42
Некрасов А.С. 434
Некрасов Н.А. 6, 22, 268, 286, 296, 297, 302, 304–306, 319, 320, 324, 326, 330, 335–337, 341, 342, 344, 345, 374, 375, 402, 411, 419–421, 423–427, 432–437, 440–442, 447, 451, 476, 478, 479, 481, 485, 487, 490–495, 497, 498, 502, 508, 519, 520, 525–530, 533–535, 538, 539, 541, 543, 545–548, 583, 588–590, 599, 600, 609, 610, 617, 619, 620, 624–626
Некрасова-Рюмлинг Е.А. 427, 433, ***434***, 435
Нелидов Н.Ф. 322
Нельдихен С.Е. 462, 464, ***465***, 466, 471, 487
Нелюбин Г.К. 413, ***414***
Немирович-Данченко Вас. И. 14, 382–***384***, 389, 413, 464, 466, 467, 478, 617
Немирович-Данченко Вл. И. 257, 358
Нерадовский П.И. **517–518**, 562, 582, 599–602, 611, **612–613**, 617, ***638***
Нетта Ивановна 60
Нечаев С.Г. 451, 518–520, 522, 527
Никита Пустосвят 596
Никитин Е.Н. 17, 27–29, 631, 642
Никитин Н.Н. 454, 466, 487, 488, 506
Николай I 346, 508, 606
Николай II 89, 118, 230, 522
Никольский Б.В. 263
Нимфа, см. Городецкая А.А.
Ницше Ф. 356–358, 487
Новицкий Г.П. 158
Новосильцевы 462
Норвежский О. 183, ***184***
Нордман-Северова Н.Б. 190, 213, 214, 230, 234, 244, 248, 249, 278–280, 294, 314, 327, 340, 341, 343–345, 413, 414, 595, 596
Нюренберг А.Д. 364, ***365***

О.Генри 6, 437, 494, 508, 527, 537, 561, 564
О'Кейси Ш. 610, 619, ***620***, 622, 624
О. Л. Д'Ор ***74***, 209, 283, 284, 314, 576
Обатнина Е.Р. 27, 188, 189, 639
Облонская Е.В. 457–459
Оболенская Ю.Л. 397
Оболенский Л.Е. 103, ***104***
Обух-Вощатинский Ц.И. 87
Овидий П.-Н. 212, 213
Овсянико-Куликовский Д.Н. 447
Огарев Н.П. 155, 588
Одоевский В.Ф. 367, ***368***, 487
Одоевцева И.В. 453, ***454***, 466
Оксман Ю.Г. 17, 631
Окунев 330
Ольденбург С.Ф. 320, 421, 423, 429, 440, ***441***, 461
Ольденбургский П.Г. ***521***
Омега, см. О. Л. Д'Ор

Омулевский И.В. 98, ***99***, 110
Ончуков Н.Е. 189
Орленев П.Н. 237, ***238***
Орлонская С.И. 103
Оршанская Е. 281
Острецов И.А. **613**, ***638***
Островский А.Н. 542, 549
Остроумова-Лебедева А.П. 582, 584
Остроухов И.С. 617, ***618***, 629
Ося, см. Гольдфельд И.Б.
Оцуп Н.А. 439, ***440***

П.Я., см. Якубович П.Ф.
Павел I 348
Павленков Ф.Ф. 306, 421
Павлова Т.В. 92, 267
Павлович Н.А. 466
Пален К.И. 354, ***356***, 521, 598
Палкин А.С. 74
Панаев И.И. 337, 441
Панаева А.Я. 427, 435, ***436***, 478, 479, 485, 490, 494, 508, 527, 533, 536, 548, 589
Панасенко Н.А. 29, 37, 42, 50
Панина С.В. 570, 571
Пантюхов М. 291
Пархоменко И.К. 198–***199***
Пассек Т.П. 98, ***99***, 109
Пастернак Б.Л. 5, 8, 19, 455, 576, 610, 611, 615, 637
Паттерсон Дж.-Г. 392
Пелагея Фоминична (Паша) 37, 52
Перевертанный-Черный Н.А. 451, 484, 541, ***542***, 590
Перельман Я.И. 19
Перепельский Н.А. 418, 419
Перцов П.П. 64
Петр I 580–582
Петрарка Ф. 185
Петрищев А.Б. 156
Петров В.Н. 568
Петров Г.С. 244, ***245***, 248, 249, 262, 316, 540
Петрова М.Г. 235
Петров-Водкин К.С. 483, 505
Петровский М.С. 17, 18, 26, 27, 29, 30, 82, 247, 634, 636–641
Печерин В.С. 155
Пешкова-Толиверова А.Н. 594, ***595***
Пикок 51, 60–62, 385
Пильняк Б.А. 453, 455, 555
Пильский П.М. 162, ***163***, 177
Пинкевич А.П. 463, ***464***
Пирожков М.В. 155
Писарев М.И. 448
Писемский А.Ф. 570, 571, 617
Питтель 369, 370
Платон ***196***
Плеве В.К. 598
Плеханов Г.В. 79–82, 87, 152, 153, 206
Плещеев А.Н. 375
Плиний 196
По Э.-А. 265, 267, 494
Победоносцев К.П. 76, 617
Погорельская Е. 504
Погребов Н.И. 354, ***355***
Подольская И. 631
Познер В.С. 453, ***454***, 506, 578
Полежаев А.И. 378
Поленов В.Д. 618
Полетаева Ф.А. 434
Поливанов Е.Д. 487, ***489***
Полинковский А.М. 72, ***73***
Полищук Р. 54
Половцов В.А. 354, ***355***
Полонская Е.Г. 27, 440, 442, 487, 506, **523**, ***638***
Полонский В.П. 20, 26, **493–495**, **518–519**, **526–530**, **547–548**, **588–589**, 590, **624–626**, ***638***
Полонский Я.П. 160, 375
Полуэктова Г.В. 543, ***546***
Поляков А.А. ***94***, 184, 240, 286

Поляков В.А. 48, ***50***, 240
Поляков С.А. ***104***
Померанская М. 484, 556
Померанская Т. 574
Пономарева Е.В. 445, 446
Попов Б.П. 462
Попов М.В. 298
Поссати 513
Поссе В.А. 200
Потапенко И.Н. 365, ***367***
Потебня А.А. 147, 148
Потемкин П.П. 78, 79, 131, 133, 398, 399
Поярков Н. 122, 136
Правдухин В.П. 27, **561**, **564–565**, **582–583**, ***638–639***
Примочкина Н.Н. 17, 27, 28
Пришвин М.М. 189
Проппер С.М. 74, ***287***
Пуни И.А. 484, ***485***, 499, 516
Пуни Цезарь ***485***
Пунин Н.Н. 478, 488, 504, 505
Пустынин М.Я. 43, ***45***, 78, 79
Пучков А.И. 459
Пушкарев Н.Л. 375
Пушкин А.С. 33, 35, 36, 39, 42, 47–49, 52, 53, 55, 59, 89, 105–106, 131, 133, 154, 243, 248, 249, 277, 299, 310, 359, 374, 414, 439, 472, 481, 487, 491, 492, 522, 535, 536, 547, 552, 581, 588, 589, 599, 606, 608, 617, 618, 637
Пшибышевский С. 64
Пыпин А.Н. 98, ***99***, 342, 344, 345
Пыпин Н.А. 611
Пыпины 113
Пяст В.А. 114, 127, ***128***, 440, 462, 466, 487, 573, ***574***

Рабинович И.Я. 545
Радаков А.А. 272, 523
Радищев Н., см. Чуковский Н.К.
Радлов Н.Э. 475, 482, ***484***, 485, 487, 506, 582
Радлова А.Д. 487
Радловы Н.Э. и А.Д. 462
Раев Н.П. 177
Раевская-Хьюз О. 27
Раевский С.С. 237
Разин С.Т. 259
Райлян Ф.Р. 269, ***270***
Рандольф К. 620, ***621***, 622
Рансон А. 267
Рапопорт С.И. 44, ***46***, 54, 59, 62, 385
Распутин Г.Е. 581, 588, 589, 614
Рассел Г.-В.-Е. 357, ***358***
Рахмилович Е.Г. 103
Рашильд 186
Регинин В.А. 363, ***364***
Редько А.М. 27, 466, **482**, ***639***
Редько Е.А. ***482***
Редько Е.И. 27, **482**, 639
Резцов 206
Рейнольдс Дж. 621, ***623***
Рембрандт Х. ван Рейн 560
Ре-Ми (Ремизов) Н.В. 397, 398, **404–405**, **407–408**, 409, ***639***
Ремизов А.М. 15, 17, 20, 26, 30, **96–97,** 101, **108,** 109, 124, **128**–130, **171–172**, 173, **178**, **186**, **187–189**, 198, **206**, **221–223**, 224, **290–291**, 365, 421, 466, 470, 486, 487, 489, 514, ***639***
Ремизова Н.А. ***291***
Ремизова-Довгелло С.П. 96, ***97***, 108, 128, 129, 171, 172, 178, 188, 207, 222, 223, 291
Ремизовы А.М. и С.П. 94, 291
Ренан Ж.-Э. 422
Ренуар П.-О. 278, 280
Ренье А.-А.-Ж. 565
Ренье А.-Ф.-Ж. де ***560***
Репины Г.Ю. и Д.Ю. 484, ***485***
Репин Е.В. 601

Репин И.Е. 8–11, 17, 27, 30, 109, 142, 143, 155, 184, 189, 190, 192, 202–204, 213–215, 221, 228, **230**, 231, 233–237, 242–244, **248**, 249, 252, 259, 262, 270, **277–279**, **294**, 299, 302, 311–313, **314–315**, 318, 321, **322**, 323, **324**, 326–334, 336–344, 348–351, 353, 355, 359–364, 372, 377–379, **380–381**, **390**, 391, 393, **401**, 402, **410–414**, **429–430**, 451, **455–456**, 475, 481, **482–484**, 485, 487, 495, 517, 518, **539–541**, 542, **549**, 550, **560**, **562–564**, **569–570**, **590–592**, 593, **595–602**, **611–612**, 613, **616–618**, **629**, 623, 636–638, ***639***, 640
Репин Ю.И. 299, 484, 485, 569, 602, 612
Репина В.А. 381
Репина В.И. 9, 10, 330, 381, 413, ***414***, 429, 430, 435, 456, 482–485, 517, 564, 569, 602, 612
Репина Н.И. 381, 414
Рерих Н.К. ***83***, 311, 312
Рерихи Н.К. и С.Н. 396
Рёскин Дж. 53, 356, ***357***
Рид Т.-М. 530
Рид Ч. 563, 564
Рикке М. 38, 40, 42, 47, 55
Римский-Корсаков Н.А. 336
Робинз 45, 59, 60
Робинсон Э. 618–***620***
Ровинский Д.А. 353, ***355***, 487
Родд Р. 276
Роде А.С. 452, 453, ***453–454***
Роза (Рура Р.В.) 429
Розанов В.В. 7, 15, 19, 26, 83, **90,** 92, 101, 159, **163–164**, 178–**180**, 181, **184**, 192, 193, **199**, 200–202, **205–206**, 207, 208, **240–241**, **258**, 259, **292**, 293, 372**, 377**, 378, **379**, 380, 439, 527, 540, 550–552, 556, 573, 574, ***639***
Розанов В.В. (сын) 208
Розанова В.Д. 163, 164, 205, 292, 377
Розанова Н.В. 574
Розен 144
Розенблат Р. 41
Розинер А.Е. 72, 286, 289, **304–305**, **308, 317**, **318**, **330–332**, **341–343**, **347**, 348, 349, **360–364**, 365, **369–370**, **381**, **391–394**, 405, **408–410**, 451, ***639***
Розинер Л.Е. 286
Розинер С.Б. 330, 332, 347, 360, 361, 363
Розинеры. А.Е. и Л.Е. 285, 286
Рокотов Ф.С. 618
Рокфеллеры 553, 557
Роллан Р. 306, 356
Романов П.С. 19
Романович (Самарина) О.Ф. **401–403**, ***639***
Романович Е.В. 403
Рославлев А.С. ***126***, 150**,** 151, 525, 526
Росс Р. 267, 275, 386, 606, ***608***
Россетти Д.-Г. 78, 80, ***81,*** 90, 154, 155, 609, ***610***
Россетти У.-М. 609, ***610***
Ростропович М.Л. 593
Рубакин Н.А. **272–274**, ***639***
Рубашова С. 27, 358, 635, 641
Рукавишников И.С. 122, ***123***, 261, 428
Руманов А.В. 26, **74**, **93–95,** 96, **102**, **183–184**, **240**, **243**, **262**, **286–287**, **300**, **310–316, 321**, **323–324**, **326–327**, **329**, **334–335**, **338**, 339, 346, 393, **394–395**, 396, **397–400**, 410, ***639–640***
Руманова Е.Л. ***102,*** 184, 240
Руссо Ж.-Ж. 113
Рууд Ч. 335
Рыжкина (Памбэ) М.Н. 523, ***524***

Рябушинский П.П. 261
Рязановский И.А. 223

С., см. Шамардина С.С.
С.З.М. 92
Саблин В.М. 92, 281
Савенков Е.С. 64, 65
Савина М.Г. 69, 562
Савинков Б.В. 411, 435
Савонарола Дж. 180
Садовской Б.А. 17, 27, **140**, 332, **337**, 338, **339**, 340, **345–349**, 350, **353**, 366, 367, 372, ***640***
Сазонов П.В. 453–***455***, 505, 507
Саитов В.И. 573, ***574***
Саймондс Дж.-А. 122, ***123***, 124
Саксаганский 140
Сакулин П.Н. 26, 396
Салтыков-Щедрин М.Е. 208, 370, 380, 425, 491, 493, 508, 635
Сальери А. 366
Сальников А.Н. 374, 375
Самарин Ю. 401, 403
Санд Ж. 185
Сандомирский М.Б. 296, ***297***
Сарасате П. 185
Сарду В. ***265***
Саркизов-Серазини И.М. 172
Сахаров 476, 477
Сварог В.С. 523
Светлов В.Я. 111, 113, 122, 125, 140, 263, 267, 365, **374–375**, ***640***
Свирский А.И. 204
Свифт Дж. 440, 442
Северянин Игорь 308, 313, 328, 448, 510
Сезанн П. 278
Сейфуллина Л.Н. 561, 565, 583
Секер 347
Семашко Н.А. 470
Семенов (еп. Михаил) 215
Сементковский Р.И. 98, ***99***
Семирадский Г.И. 483, 540
Серафимович А.С. 26, 321, **498**, ***640***
Сервантес С.-М. де 370, 391, 395, 501
Сергеев М.А. 510
Сергеев-Ценский С.Н. 124, 135, 138, 139, 147–149, 158, 202, 204, 207, 262, 264, 265, 272, **328**, 329, 336, ***640***
Сергеенко А.П. **239**, ***640***
Сергеенко П.А. 640
Сергей Моисеевич 466, 467
Сергий о. 465, 469
Серебрякова З.И. 582
Серебрякова Н.Ю. 26, 242, 636
Серов А.Н. 433, 434
Серов В.А. 327, ***328***, 332–334, 433, 434, 456, 483
Серова В.С. 433, ***434***, 540, 542
Серова О.Ф. 433, ***434***
Серошевский В.Л. ***320***
Серпинская Н.Я. 349
Сесил Р. 621, ***623***
Сивоволов Б.М. 632
Сильверсван Б.П. 461, 486, ***489***
Сильчевский Д.П. 424, ***425***
Симонс А. 122, ***123***
Синг Дж.-М. 530, 604, ***607***, 609
Синклер Э.-Б. 555
Сирил 608
Сислей А. 280
Скабичевский А.М. ***122,*** 200–201, 336
Скарская Н.Ф. 564
Скворцов С.П. 310
Скворцова Л.А. 120
Скиталец С.Г. 72, 106
Скотт В. 415
Слезкин Ю.Л. ***418***
Слонимская-Сазонова Ю.Л. (Дитятя) 71, ***73***
Слонимские Л.З. и Ф.А. 72, 79, 95
Слонимский М.Л. 439, 440, 454, 462, 466, 471, 473, 487, 488, 503, 506, 527

Случевский К.К. 375
Смирнов-Кутачевский А.М. 625
Собинов Л.В. 588, 617
Собинова С.Л. 628, ***629***
Соболевский А.И. 625
Соколов Н.П. 14
Соколова 268, 269
Соколов-Микитов И.С. 516, 587, ***588***
Соловьев В.С. 327, ***328***, 372, 373, 447, 483
Соловьев С.М. 143
Соловьева П.С. 543, ***546***, 566
Соловьев-Андреевич Е.А. 66, ***67***
Сологуб Ф.К. 107, 109, 110, 117, 124, 141, 178, 197–200, 202–206, 209, 210, 212, 213, 223, 246, 251, 252, 267, 270, **271**, 275, **281**, 289–291, **293**, 294, **297**, 298, 316, **346**, 347, 358, 365, 366, 384, 415, 416, 421, 428, 502, 509, **533–534**, **537–538**, 542–545, **546–547**, 558, 567, 568, 570–**573**, 574, 575, **603**, ***640***, 641
Сомов К.А. 430
Сорин Н. ***67***
Сорины 65, 67, 70
Соскис Д.-В. 609, ***610***
Соскис Дж. 609, ***610***, 615
Спасович В.Д. 451, 601
Спенсер Г. 52
Спиридонова Л.А. 82
Стакле М.А. **533,** ***640***
Сталин И.В. 629
Станиславский К.С. 68–70, 109, 113, 126, 214, 257, 617
Станкевич Н.В. 155
Станюковичи 321
Старк 566, 575
Старков В.П. 52, 58
Стасов В.В. 327, ***328***, 337, 456, 483, 540, 549, 560, 562, 563, 569, 591, 592
Стасов Д.В. 456
Стасюлевич М.М. 96, 175, 176, 214, 303
Степанова О.В. 27
Степняк-Кравчинский С.М. ***152–153***
Стерлина Е.И. 585
Стивенсон Р.-Л. 551
Столпнер Б.Г. 215
Столыпин П.А. 164, 230, ***231***, 379, 617
Сторожев В. 491
Страхов Н.Н. 263, 306
Страхова С.В. 561
Стрельников Н.М. 474
Стрепетова П.А. 448, 449
Строев, см. Десницкий-Строев В.А.
Струве Г.П. 27, 36, 642
Струве Н.А. **197–198**, ***640***
Струве П.Б. 92, 164, **197, 201**, 198, 208–**210**, **215**, **229**, 232, 233, 241, 247, 250–252, 258, 311–313, 316, 317, ***640***
Струкова Е.П. 420, ***421***, 451, 459
Суворин А.С. 370
Суворины Б.А. и М.А. 369**,** ***370***
Судейкин С.Ю. 272
Судейкина, см. Глебова-Судейкина О.А.
Суинберн А.-Ч. 56–***58***, 63, 78, 79, 84, 154
Сукач В.Г. 179
Султанов Ю.Н. ***460***, 466, 467, 469, 473, 506
Суриков В.И. 565, 568
Сурис Б. 636
Суслова А.П. 607, 609
Суханов 591
Суханов (Гиммер) Н.Н. 421, ***423***
Суханова М. 618
Сухраварди ***393***

Сытин И.Д. 74, 184, ***300***, 310–315, 321, 323–327, 334–336, 338, 354, 365, 366, 368, 395, 405, 417, 563
Сюннерберг К.А. ***178***

Таганцев Н.С. 521, ***522***
Тагор Р. 616
Тальников Д.Л. 15, **71**, ***641***
Тан (Богораз) В.Г. ***144***, 149, 169, 320, 487
Тарасов Е.М. 150, ***151***
Тарле Е.В. 550
Тарнопольский Я.Е. 631, 635, 641
Тарханова-Антокольская Е.П. 370, 484
Таухниц Б. 267, 276
Ташейт Т.К. 571
Теккерей У.-М. 38, 40–42, 53
Тенишева М.К. 86, ***87***, 314, 315
Тик Л. 606, ***608***
Тименчик Р.Д. 114, 256
Тимирязев К.А. 396
Тимофеев 59
Тимофеев В.Т. 369
Тиняков А.И. **371**–**372**, ***641***
Тихонов А.Н. 397, 423, 438, 441, 508, 565, ***567***, 571–573, 575, 576, 588, 594
Тихонов В.А. 75, 76, ***641***
Тихонов Н.С. 440, 506, 578, ***579***
Тойкка 591
Толстая А.Л. 457, ***458***
Толстая М.А. 513, 525
Толстая-Есенина С.А. ***579***, 585
Толстой А.К. 89, 101, 109, 110, 193, 194, 212, 213, 279, 280, 580
Толстой А.Н. 17, 23, 30, 158, 178, 249, 272, 382–384, 388–390, 397, 398, 400, 451, **498**–**499**, 500, **501**–**503**, 504, 510, **510**–**513**, 514–516, 520, **524**–**525**, 526, 527, **530**–**532**, 558, 559, 562, 573, 574, ***641***
Толстой И.И. 392
Толстой И.Л. 564
Толстой Л.Н. 11, 41, 66, 82, 154, 166, 167, 178, 179, 214, 230, 231, 234, 235, **236**–**237**, 238, 239–241, 250, 260, 277, 285, 306, 314, 333, 340, 349, 426, 432, 433, 483, 487, 523, 525, 551, 562, 569, 579, 595, 596, 598, 640, ***641***
Толстые 457
Томашевский Б.В. 487, ***489***
Тотомьянц 400, ***401***
Трейчке Г. фон 356, ***357***
Трепов Ф.Ф. 521, ***521***
Третьяков П.М. 433, 618
Троцкий Л.Д. 15, 526–530
Троянский П.Н. 72, 73
Трубецкой П.П. 189, ***190***, 214
Трумпельдор И.В. 392, 394
Тураев Б.А. 486, ***489***
Тургенев И.С. 181, 302, 340–342, 344, 345, 390, 425, 501, 547, 562, 589, 600
Туркельтауб И.С. 372, 373
Турок В.Е. 75, 77, 346
Тынянов Ю.Н. 14, 19, 487–***489***, 606–609, 622, 628
Тыркова-Вильямс А.В. 133, 175, **500**–**501**, ***641***
Тэйлор У. 347
Тэн И.-А. 309, ***310***
Тэффи Н.А. 71, ***379***, 397–399
Тютчев Ф.И. 335, 337, 374, 569, 577, 579

Уайльд О. 6, 58, 63, 92, 265–269, 274–277, 281, 283–290, 292–299, 365, 384, 485, 508, 510, 526, 528, 529, 533, 576, ***578***, 606, 608, 614–616
Уистлер Дж. 265, ***267***
Уитмен У. 6, 78, 92–94, 98–105, 109, 120, 122–125, 130, 135–137, 145, 195–197, 211, 215, 225, 226,

229–233, 253, 255, 271, 298, 308, 311–315, 329, 332, 334, 335, 338, 377–379, 437, 448, 485, 487, 494, 507–509, 514, 526, 527, 529, 530, 533, 554, 557, 564, 580, 581, 627
Ульнер 281
Уолпол Х. 503
Уотс Дж.-Ф. 52, ***57***, 63
Успенская В.Г. 434, 435
Успенский Г.И. 35, 36, 181, 197, 208, 425, 434, 491, 493, 527
Ухтомская Е.П. 472, ***473***
Ухтомский С.А. 473
Уэллс Г.-Дж. 154, 155, 487, 500
Уэрдль Ф.-Дж. 386, 388–***390***

Фарбман 389
Федин К.А. 466, 487, 488, 503, 587, ***588***
Федора, см. Мрост Ф.М.
Федоров А.И. 484
Федоров А.М. 48, 50, 66, 68–69, 122
Федосеева В.Е. **399**, ***641***
Фелл М. 302
Феофилактов Н.П. ***83***
Фет А.А. 138, 263, 340, 346, 375
Фидлер Ф.Ф. 72, 73, 131, ***133***
Фидман А. 70
Философов Д.В. 193, ***204***, 273, 274, 359
Финкельштейн В.Д. ***579***
Фишер Э. 387
Флейшман Л. 27
Флит Б.В. 345
Флобер Г. 185, 551
Фокин А.М. 322
Фоминский 59
Форд М.-Б. и М.-Ф. 609, ***610***
Форстер Э.-М. 610, ***611***
Форш О.Д. 440, 453, 558
Франклин Б. 558
Франс А. ***608***
Фрезинский Б.Я. 27, 638
Фрибес Е.Н. 160, 166, 208, 641
Фрибес О.А. 26,**160**, **165–166**, **208**, **215–218**, ***641***
Фриче В.М. 446, ***448***
Фролов М.А. 26
Фурье Ш. 453, ***455***

Хавкина Ж.О. 17, 27, 29
Хадсон У.-Г. 604, ***605***
Хаксли О.-Л. 604, ***605***
Хант У.-Х. 80–82
Харрис Ф. 606, ***608***, 615, 616, 622, 623
Хаханов А.С. 221, 222
Хачатрянц Я.С. 466, ***467***
Хейфец И.М. 37, 39, 42
Хиченс Р. ***276***
Хлебников В.В. 328, 510
Хлебников Л.М. 423
Хлобощин Ф.Д. 601
Хмара-Барщевская Н.В. ***196***
Ходасевич В.М. 475
Ходасевич В.Ф. ***126***, 397–401, 440, 453, 462–464, 466, 474, 475, 487, 506, 507, 576
Ходотов Н.Н. **71**, **76**, **133**, 487, ***641***
Холланд Вивиан 606, ***608***
Холодковский Н.А. 359, 486, ***488***
Хомяков А.С. 306
Хохлов Г.Т. 319, 320
Хржановский Ю.Б. 523
Хульберг М. 14
Хьюз Р. 27

Цветаев И.В. 305
Цветаева М.И. 19, 397, 398, 637
Цветковская Е.К. 103–105
Цейтлин Н.С. 223, ***224***
Цейтлины М.О. и М.С. 396, ***397***
Цензор Д.М. 576
Ценский, см. Сергеев-Ценский С.Н.

Чаадаев П.Я. 153
Чайковский Н.В. 501, 503
Чарская Л.А. 21, 303, 558, 559
Чаттертон Т. 627, ***628***
Чеберяк В.В. 336, 337
Чеботаревская А.Н. 26, **203–204**, 271, 293, 294, 297, 298, 336, 337, 346, **384**, **415**, **416**, **438**, 486, 533, 534, ***641***
Чемберлен Дж. 228, 613
Черемисинова 341
Черкасовы 462
Черкасский А. 53, 56
Черников А.П. 27, 642
Чернов В.М. ***262***
Черный Саша 272, 397, 398, 402, 447, 448
Чернышевская Н.М. 88
Чернышевские 113
Чернышевский Н.Г. 113, 214, 442, 589
Черняховская Л.С. 464, ***465***, 468
Чертков В.Г. 235, ***239***, 640
Чертковы 238
Черубина де Габриак, см. Дмитриева Е.И.
Честертон Г.-К. ***438***, 500, ***501***, 575, 583
Чехов А.П. 5, 20–22, 42, 52, 54, 55, 68–70, 82, 130, 135, 138–141, 146, 148, 149, 151, 155, 157, 158, 162, 163, 165, 171, 182, 185, 209, 254, 302, 303, 323, 324, 333, 336, 337, 340–342, 367–370, 395, 402, 418, 437, 475, 487, 502, 503, 522, 556, 559, 635, 641
Чехов В.В. **75**, ***641***
Чехонин С.В. 272, 397, ***398***, 409, 410, 456, 524, 536, 537, 607, 609
Чешихин-Ветринский В.Е. 424
Чириков Е.Н. 106, 111, 113
Чистяков П.П. 541, 618
Чоглокова В.С. 595
Чудновская 53
Чудовский В.А. 256, 453, ***454***, 477, 478, 488, 502, 504, 505, 507
Чуковская Е.Ц. 9, 17, 20, 27–30, 642
Чуковская Л.К. 16, 17, 27, 29, 121, 122, 128, 138, 157, 191, 283, **293**, 325, 353, **382**, **411**, 430, 456, 469, 551, 587, 603–604, 628, ***642***
Чуковская М.Б. 11, 24, 27, **38–41**, **43–45**, **46–50**, **52–56**, **58–59**, 62, **71–72**, **77–79**, 90, 91, 93, 95, 110, 121, 122, 137, 138, 142, **144–145**, **161**, 162,164, 172, 181, 183, 197, 198, **207**, 221, 226, 228, **237**, **238**, 248, 255, 257, **259—261**, 264, 270, **281–284**, **294–295**, 311, 312, 324, 332, 345–348, 353, 360, 364, 369, 372, 374, 381, **382–390**, 391, **392–393**, **400–401,** 407, 410, 411, 417, 430, 435, 469, 475, 519, 520, 525, 528, 550, **571**, **575**, 578, 584–**586**, 595, ***642***
Чуковская М.К. 437, 465, 469, 571, 585, 628
Чуковская М.Н. 575–578, 584, 585, 642
Чуковский Б.К. 228, ***229,*** 283, 345, 353, 388, 392, 430, 469, 571, 628
Чуковский Д.Н. 642
Чуковский Н.К. 17, 27, 29, 45, 47, 48, 50–53, 56, 61, 62, 65, 66, 68–70, 110, 121, 128, 138, 144, 161, 191, 279, 325, 348, 382, 390, 392, 411, 413, 426, 430, 462, 464, 465, **467–469**, 487, 499, 503, 537, 551, 571, **575–578**, 584, 585, 586, 628, ***642***
Чулков Г.И. 127, 130, 136, 150, 151, 168, 169, 172
Чурак Г.С. 9, 27, 30, 262

Чюмина О.Н. 26, 68, 69–71, 79, 89, **95**, 109, 110, 113, **164**, **174–175**, 197, ***642***

Ш. Ис. 290
Шабад 400
Шабад И.Т. (Жозя) 422, 424
Шабад Р.Т. (Вайнрайх) 422, 424
Шабад С.Л. 422, 424
Шабад Т.О. 424
Шагинян Е.В. 642
Шагинян М.С. 26, **187**, **191–194**, **202**, 440, 453, 466, 467, 487, ***642***
Шагинян М.Я. 466, ***467***
Шайкович И.С. 10, 13, 590, ***592***
Шаляпин Ф.И. 328, 330, 335, 336, 343, 387, **420**, 421, 442, 540, ***642***
Шаманова С.Е. 523
Шамардина С.С. 236, 237, 321–322, 328, 329
Шамшин И.И. 355, ***356***
Шанько Т.Б. 544
Шатуновский Я.М. 44, ***46***
Шварц А.И. ***585***
Шварц Е.Л. ***536***, 537
Шевцова В.А. 601
Шевченко Т.Г. 208–210, ***232***, 233, 246–250, 252–258, 284, 304, 545, 599, 617, 632
Шейнкин М. 66, ***68***
Шекспир У. 37, 154, 265, 468, 501, 503, 552
Шелли П.-Б. 103, 115, 123, 142, 144, 290, 298, 299
Шеридан К. 501
Шерон Ж. 188
Шестов Л.И. 167, 168, 172, 175, 291
Шидловский М.Р. 353, ***355***
Шик М.В. 229
Шиллер И.-К.-Ф. 68, 70, 552
Шипов И.П. 86, 88
Ширмаков П.П. 418
Шишков В.Я. 466
Шишмарева М. 520
Шкапская М.М. 566, 585, 586
Шкловская (Дионейша) З.Д. 27, **33**, 34, 36, 45, 54, 385, 389, ***642***
Шкловские З.Д. и И.В. 37
Шкловский В.Б. 349, 439, 440, 447, 453, 466, 470–***472***, 475, 487–489, 505, 507, 587, 588
Шкловский (Дионео) И.В. 35, 36, 44, 47, 54, 104, ***105***, 357, 358, 362, 386, 642
Шкуропат И.В. 26, 631, 633
Шлаф Й. 186
Шмелев И.С. 27, **262–264**, 397, ***642–643***
Шморовин В.Г. ***304***
Шомракова И.А. 423
Шоу Дж.-Б. 197, 500
Шпенглер О. 621
Штадлер Э. 574
Штеенбух А. 186
Штейнберг 506
Шульговская А.Н. 370
Шумихин С.В. 27, 123, 349
Шумский К. 371

Щеголев П.Е. 26, 346, 347, **350**, 470, 472, **490–493**, **497**, 527, 530, **532**, **534**, 537, 589, ***643***
Щербаков Р.Л. 256
Щербанов Н. 27, 639
Щукарева Н.Н. 586

Эдельфельт А.-Г.-А. 596, ***597***
Эдемс А. ***119***, 120,
Эйзен И.М. 68, 174, 188, 348, 349, 363, 365, 366, **370–371**, 393, ***643***
Эйнштейн М. 608
Эйхенбаум Б.М. 432, 589, 624
Эльзон М.Д. 398, 574
Элькан А.Л. 342

Эльснер В.Ю. 296, ***297***
Эмерсон Р.-У. 552
Эренбург И.Г. 499, 503
Эрманс А.С. 65, 67
Эртель А.И. ***181***

Юдельсон К. 27, 358
Юдина М.В. 17
Юнгер В.А. и З.В. 348
Юнгмейстер А.К. 52
Юниверг Л.И. 568
Юргенсон Э.П. **403**, ***643***
Юрский Ю.С. 488
Юшкевич П.С. 229
Юшкевич С.С. 106, 166, 167
Ющинский А. 315

Яблоновский С.В. 26, **323**, ***643***
Яворская Л.Б. 71, ***73***
Яковлева Е.П. 26, 242, 640
Якубович П.Ф. 374, 376
Ямпольские 37
Янтарев Е.Л. 26, **261**
Яремич С.П. 279, 540, ***542***
Ярмолинский А.Ц. 537, 574, ***575***, 607
Ярнфельд Э. 596, ***597***
Ясинская К.И. 142, 181, 349
Ясинский И.И. 26, **142**, **181**, 202, 203, 286, 287, **349**, 629, ***643***
Ященко А.С. 27, **507–509**, 510, **514–516**, 556, ***643***

ИНОСТРАННЫЕ ФАМИЛИИ

Aladin, см. Аладьин А.Ф.
Altalena, см. Жаботинский В.Е.
Alphin H. 624

Boswell J., см. Босуэлл Дж.
Brown Ford Madox см. Браун Ф.-М.

Chiozza Money L.G. 61, ***62***
Cousin M. ***196***
Craven 259
Cyril, см. Сирил

Davies R., см. Дэвис Р.
Deutsch B., см. Дейч Б.
Dioneo, см. Шкловский И.В.
Dowden E., см. Доуден Э.

Ford M.-B., см. Форд М.-Б.
Ford M.-F., см. Форд М.-Ф.

Garnett, см. Гарнетт Д.
Ghil R., см. Гиль Р.
Gibson W.-W. 498
Gosse E. 385

Harris F., см. Харрис Ф.
Hessen, см. Гессен И.В.
Holland Vyvyan, см. Холланд Вивиан
Hudson W.-G., см. Хадсон У.-Г.
Hugh A. 624
Hunt H., см. Хант У.-Х.
Huxley A., см. Хаксли О.-Л.

Keeny, см. Кини С.-М.

Lofting H., см. Лофтинг Г.
Lykiardopulo, см. Ликиардопуло М.Ф.

Mare W. de la, см. Деламар У.
Marshall B., см. Маршалл Б.
McCormack W. 620
Milne A.A., см. Милн А.-А.
Moore, см. Мур Дж.

O'Casey S., см. О'Кейси Ш.

Pathenaude B. 556

Peacock, см. Пикок

Robinson E., см. Робинсон Э.
Rossetti M., см. Россетти У.-М.
Russel G.W.E., см. Рассел Ж.-В.-Е.

Scherr B. 440
Stark, см. Старк

Tauchnitz B., см. Таухниц Б.
Turner W. J. 504

Ward 282, 284
Whitman, см. Уитмен У.
Williams H.-W., см. Вильямс Г.-В.
Wilton, см. Вильтон Р.-А.

Yarmolinsky A., см.
Ярмолинский А.Ц.
Yeats W., см. Йетс У.-Б.

Zola, см. Золя Э.

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ПО АДРЕСАТАМ[*]

Альбову М.Н. — 172,173
Андрееву Л.Н. — 290
Анненкову Ю.П. — 354, 418
Анненскому И.Ф. — 121–124, 128, 132, 138, 143, 144
Анучину В.И. — 187, 189, 190

Белицкому Е.Я. — 415
Белоусову И.А. — 253, 355
Бенуа А.Н. — 460, 491
Благову Ф.И. — 258
Блоку А.А. — 90, 91, 367, 368, 373, 376, 379, 401, 402
Боткину С.М. — 246, 261, 264, 269, 326, 339
Брюсову В.Я. — 14, 15, 19, 20, 32–35, 37–40, 42, 43, 51–53, 55–59, 63, 64, 66–75, 77, 79, 81, 82, 88, 94, 97–99, 116–118, 148, 163, 168, 169, 176, 192, 195–200, 202, 205, 212, 218–220, 225, 227, 232, 234, 243, 319, 320, 470
Бунину И.А. — 308

В комитет Дома искусств — 398
Василевскому И.М. — 325
Василевскому Л.М. — 452
Волошину М.А. — 226, 344, 467, 481, 489, 490, 493, 494
Волынскому А.Л. — 87, 204, 388, 404, 408, 414, 416, 436, 437

Гершензону М.О. — 100, 101, 103–106, 110, 111
Гессену И.В. — 194, 236, 250, 251, 313
Гиппиус З.Н. — 312
Голлербаху Э.Ф. — 499
Гольденвейзер Е.В. — 375
Горбунову-Посадову И.И. — 280
Горнфельду А.Г. — 95, 96, 102, 484

[*] Цифры соответствуют номерам писем.

Горькому А.М. — 383, 386, 392, 397, 405
Грабарю И.Э. — 288
Гребенщикову Я.П. — 448
Гринбергу З.Г. — 372, 374, 378, 384, 387, 394
Гроссману Л.П. — 133, 140, 151, 256, 259, 300
Грузенбергу С.О. — 311
Гумилеву Н.С. — 245, 247

Дейчу А.И. — 218а, 226а
«Дом искусств» в 1921 году — 422
Дымову О. — 221

Единое сердце на весь земной шар — 473

Замятину Е.И. — 406, 410, 411, 413, 440, 486, 496
Зарину А.Е. — 249
Зарудной-Кавос Е.С. — 65
Заславскому Д.И. — 370
Зноско-Боровскому Е.А. — 161, 203

Измайлову А.А. — 191, 223

Кипену А.А. — 139, 274
Клячко Л.М. — 462
Кони А.Ф. — 296, 299, 310, 365, 366, 380, 381, 390, 391, 396, 400, 417, 419, 446, 447, 465, 478, 500, 503
Корнейчуковой Е.О. — 209
Корнейчуковой М.Э. — 3, 4, 9, 10, 182
Короленко В.Г. — 177, 178, 272, 273
Котылеву А.И. — 162
Крачковскому С.П. — 186
Кублицкой-Пиоттух А.А. — 428, 429
Кузмину М.А. — 201, 242

Лазурскому В.Ф. — 8, 17, 18
Лемке М.К. — 115, 164, 165, 252, 255, 371
Лернеру Н.О. — 1, 30, 215, 395, 461
Летковой-Султановой Е.П. — 403, 407, 412
Лившицу Я.Б. — 472
Ломоносовой Р.Н. — 507–509, 513, 515, 516, 518
Луначарскому А.В. — 382, 389, 393

Лунцу Л.Н. — 474
Ляцкому Е.А. — 36, 45, 47, 61, 62, 83, 129

Маковскому С.К. — 145, 158
Мейерхольду В.Э. — 84
Миролюбову В.С. — 80, 85

Набокову К.Д. — 281
Нерадовскому П.И. — 443, 444, 511

Острецову И.А. — 512

Письмо в редакцию — 475
Полонской Е.Г. — 449
Полонскому В.П. — 427, 445, 453, 454, 469, 497, 517
Правдухину В.П. — 477, 480, 492

Редько А.М. и Е.М. — 420
Ре-Ми Н.В. — 353, 356
Ремизову А.М. — 50, 60, 76, 119, 125, 134, 136, 137, 155, 170, 171, 235
Репину И.Е. — 175, 193, 228, 240, 266, 276, 279, 330, 338, 350, 359, 361, 362, 377, 399, 421, 466, 471, 476, 479, 482, 498, 501, 502, 504, 505, 510, 514, 519
Розанову В.В. — 41, 112, 126, 131, 149, 153, 154, 185, 206, 237, 328, 329
Розинеру А.Е. — 254, 257, 270, 271, 285–287, 297, 298, 303, 314–318, 321, 322, 331, 340, 342, 357, 358
Романович (Самариной) О.Ф. — 351
Рубакину Н.А. — 224
Руманову А.В. — 26, 44, 46, 49, 54, 130, 184, 188, 213, 233, 248, 260, 262, 263, 265, 267, 268, 275, 278, 282, 284, 289, 292, 293, 343, 345, 346, 348

Садовскому Б.А. — 86, 291, 294, 295, 301, 304, 306, 309
Светлову В.Я. — 327
Серафимовичу А.С. — 432
Сергееву-Ценскому С.Н. — 283
Сергеенко А.П. — 183
Сологубу Ф.К. — 222, 229, 239, 244, 302, 458, 463, 464, 468, 485, 506
Стакле М.А. — 457
Струве Н.А. — 147

Струве П.Б. — 147, 159, 160, 166, 174

Тальникову Д.Л. — 23
Тинякову А.И. — 324
Тихонову В.А. — 28
Толстому А.Н. — 433, 435, 439, 441, 450, 451, 455
Толстому Л.Н. — 179
Тырковой-Вильямс А.В. — 434

Федосеевой В.Е. — 347
Фрибес О.А. — 107, 114, 157, 167

Ходотову Н.Н. — 24, 29, 78

Чеботаревской А.Н. — 152, 334, 363, 364, 385
Чехову В.В. — 27
Чуковской Л.К. — 238, 332, 360
Чуковской М.Б. — 5–7, 11–13, 16, 21, 22, 25, 31, 92, 93, 108, 109, 156, 180, 181, 207, 208, 210, 230, 231, 241, 333, 335–337, 341, 349, 483, 487, 495
Чуковскому Н.К. — 409, 488
Чюминой О.Н. — 48, 113, 120

Шагинян М.С. — 135, 141, 142, 150
Шаляпину Ф.И. — 369
Шкловской З.Д. — 2
Шмелеву И.С. — 214, 216, 217

Щеголеву П.Е. — 307, 423–426, 430, 431, 456, 459

Эйзен И.М. — 323

Юргенсону Э.П. — 352

Яблоновскому С.З. — 277
Янтареву Е.Л. — 211
Ясинскому И.И. — 89, 127, 305
Ященко А.С. — 438, 442

СОДЕРЖАНИЕ

Евг. Иванова. Письма Чуковского 5
От составителей 25
Список сокращений 28

1903
1. Н.О. Лернеру. *11 февраля* 33
2. З.Д. Шкловской. *Конец октября* 33

1904
3. М. Корнейчуковой. *15 (28) февраля* 37
4. М. Корнейчуковой. *25 февраля (10 марта).* 37
5. М.Б. Чуковской. *28 марта (10 апреля)* 38
6. М.Б. Чуковской. *Начало июня* 43
7. М.Б. Чуковской. *21–22 мая (3–4 июня)* 46
8. В.Ф. Лазурскому. *Середина июня* 50
9. М. Корнейчуковой. *2 июля* 51
10. М. Корнейчуковой. *5 (18) июля* 52
11. М.Б. Чуковской. *Июль* 52
12. М.Б. Чуковской. *8 (21) июля* 53
13. М.Б. Чуковской. *Июль* 53
14. В.Я. Брюсову. *17 (30) июля* 57
15. В.Я. Брюсову. *Ок. 23 июля (5 августа)* 57
16. М.Б. Чуковской. *30 июля (12 августа)* 58
17. В.Ф. Лазурскому. *Лето* 59
18. В.Ф. Лазурскому. *Лето* 60
19. В.Я. Брюсову. *8 (21) сентября* 63

1905
20. В.Я. Брюсову. *Февраль* 64
21. М.Б. Чуковской. *До 14 марта* 65
22. М.Б. Чуковской. *Весна* 68
23. Д.Л. Тальникову. *12 ноября* 71

24. Н.Н. Ходотову. *Ноябрь–декабрь* 71
25. М.Б. Чуковской. *Ноябрь–декабрь* 71

1906

26. А.В. Руманову. *Начало января* 74
27. В.В. Чехову. *Январь* 75
28. В.А. Тихонову. *17 января* 75
29. Н.Н. Ходотову. *17 января* 76
30. Н.О. Лернеру. *20-е числа января.* 76
31. М.Б. Чуковской. *Вторая половина января* 77
32. В.Я. Брюсову. *1 февраля* 80
33. В.Я. Брюсову. *3 февраля* 81
34. В.Я. Брюсову. *Середина февраля* 83
35. В.Я. Брюсову. *15 февраля* 84
36. Е.А. Ляцкому. *До 18 февраля* 84
37. В.Я. Брюсову. *12 марта* 85
38. В.Я. Брюсову. *17 марта* 88
39. В.Я. Брюсову. *20 апреля (?)* 89
40. В.Я. Брюсову. *5 мая* 89
41. В.В. Розанову. *20 мая* 90
42. В.Я. Брюсову. *20 мая* 91
43. В.Я. Брюсову. *28 мая* 92
44. А.В. Руманову. *До конца июля* 93
45. Е.А. Ляцкому. *9 июня* 93
46. А.В. Руманову. *Июнь* 94
47. Е.А. Ляцкому. *18 июня* 95
48. О.Н. Чюминой. *10 июля* 95
49. А.В. Руманову. *14 июля* 95
50. А.М. Ремизову. *26 августа* 96
51. В.Я. Брюсову. *10 октября* 97
52. В.Я. Брюсову. *15 октября* 98
53. В.Я. Брюсову. *20 октября* 100
54. А.В. Руманову. *После 20 октября* 102
55. В.Я. Брюсову. *19 ноября* 103
56. В.Я. Брюсову. *22 ноября* 103
57. В.Я. Брюсову. *23 ноября* 105
58. В.Я. Брюсову. *28 или 29 ноября* 106
59. В.Я. Брюсову. *4 декабря* 107
60. А.М. Ремизову. *После 9 декабря* 108
61. Е.А. Ляцкому. *Середина декабря* 109

62. Е.А. Ляцкому. *После 17 (30) декабря* 111
63. В.Я. Брюсову. *21 декабря* 113
64. В.Я. Брюсову. *24 декабря* 115

1907

65. Е.С. Зарудной-Кавос. *11 января* 117
66. В.Я. Брюсову. *13 января* 117
67. В.Я. Брюсову. *24 января* 118
68. В.Я. Брюсову. *30 января* 119
69. В.Я. Брюсову. *1 февраля* 120
70. В.Я. Брюсову. *Не ранее 5 февраля* 121
71. В.Я. Брюсову. *19 февраля* 124
72. В.Я. Брюсову. *28 февраля* 124
73. В.Я. Брюсову. *24 марта* 125
74. В.Я. Брюсову. *Конец марта* 126
75. В.Я. Брюсову. *2 апреля* 127
76. А.М. Ремизову. *2 (15) мая* 128
77. В.Я. Брюсову. *8 мая* 130
78. Н.Н. Ходотову. *Не ранее 10 мая* 133
79. В.Я. Брюсову. *21 мая* 134
80. В.С. Миролюбову. *Вероятно, 27 мая (9 июня)* 134
81. В.Я. Брюсову. *30 мая* 135
82. В.Я. Брюсову. *2 июня* 136
83. Е.А. Ляцкому. *Июнь* 137
84. В.Э. Мейерхольду. *23–24 июня* 137
85. В.С. Миролюбову. *После 17 июля* 138
86. Б.А. Садовскому. *16 (29) июля* 140
87. А.Л. Волынскому. *Лето* 141
88. В.Я. Брюсову. *11 августа* 141
89. И.И. Ясинскому. *11 (24) сентября* 142
90. А.А. Блоку. *Ок. 17 (30) октября* 143
91. А.А. Блоку. *Ок. 20 октября* 143
92. М.Б. Чуковской. *4 декабря* 144
93. М.Б. Чуковской. *5 декабря* 144
94. В.Я. Брюсову. *Середина декабря* 145

1908

95. А.Г. Горнфельду. *Конец 1907 – начало 1908* 147
96. А.Г. Горнфельду. *8 (21) января* 148
97. В.Я. Брюсову. *8 (21) января* 150
98. В.Я. Брюсову. *9 (22) января* 151

99. В.Я. Брюсову. *9 (22) января* 151
100. М.О. Гершензону. *18 (31) января* 152
101. М.О. Гершензону. *Конец января* 153
102. А.Г. Горнфельду. *31 января (13 февраля)* 155
103. М.О. Гершензону. *3 (16) марта* 156
104. М.О.Гершензону. *Март* 156
105. М.О. Гершензону. *Март* 157
106. М.О. Гершензону. *Март* 158
107. О.А. Фрибес. *18 (31) марта* 160
108. М.Б. Чуковской. *27 марта* 161
109. М.Б. Чуковской. *2 апреля* 161
110. М.О. Гершензону. *25 апреля (8 мая)* 162
111. М.О. Гершензону. *29 апреля (12 мая)* 163
112. В.В. Розанову. *Июнь* 163
113. О.Н. Чюминой. *После 23 сентября* 164
114. О.А. Фрибес. *Ок. 12 октября* 165
115. М.К. Лемке. *Ок. 15 (28) ноября* 167
116. В.Я. Брюсову. *29 ноября (12 декабря)* 168
117. В.Я. Брюсову. *8 декабря* 168
118. В.Я. Брюсову. *15 (28) декабря* 170
119. А.М. Ремизову. *Между 18 и 22 декабря* 171

1909

120. О.Н. Чюминой. *1908–1909 г.*. 174
121. И.Ф. Анненскому. *12 (25) января* 175
122. И.Ф. Анненскому. *18 января* 176
123. И.Ф. Анненскому. *11 (24) февраля* 176
124. И.Ф. Анненскому. *9 (22) марта* 177
125. А.М. Ремизову. *10 (23) марта* 178
126. В.В. Розанову. *24 марта* 180
127. И.И. Ясинскому. *20 апреля (3 мая)* 181
128. И.Ф. Анненскому. *20 апреля (3 мая)* 182
129. Е.А. Ляцкому. *Май* 183
130. А.В. Руманову. *Весна* 183
131. В.В. Розанову. *После 9 мая* 184
132. И.Ф. Анненскому. *Май* 184
133. Л.П. Гроссману. *1 июня* 185
134. А.М. Ремизову. *2 (15) июня* 186
135. М.С. Шагинян. *2 (15) июня* 187
136. А.М. Ремизову. *11 (24) июня* 187

137. А.М. Ремизову. *17 июня* 188
138. И.Ф. Анненскому. *4 июля* 189
139. А.А. Кипену. *26 июня (9 июля)* 190
140. Л.П. Гроссману. *1 (14) июля* 191
141. М.С. Шагинян. *1 (14) июля* 191
142. М.С. Шагинян. *Июль*. 192
143. И.Ф. Анненскому. *3 (16) августа*. 195
144. И.Ф. Анненскому. *19 августа (1 сентября)* 196
145. С.К. Маковскому. *После 29 августа (11 сентября)* 197
146. П.Б. Струве. *30 августа (12 сентября)* 197
147. Н.А. Струве. *Сентябрь* 197
148. В.Я. Брюсову. *Конец сентября* 198
149. В.В. Розанову. *20 октября (2 ноября)* 199
150. М.С. Шагинян. *27 октября (9 ноября)* 202
151. Л.П. Гроссману. *27 октября (9 ноября)* 202
152. А.Н. Чеботаревской. *30 октября (12 ноября)* 203
153. В.В. Розанову. *11 ноября*. 205
154. В.В. Розанову. *10-е числа ноября–конец ноября* 205
155. А.М. Ремизову. *17 (30) ноября* 206
156. М.Б. Чуковской. *1 декабря* 207
157. О.А. Фрибес. *5 декабря* 208
158. С.К. Маковскому. *Декабрь* 208

1910

159. П.Б. Струве. *24 декабря 1909 (6 января 1910)* 210
160. П.Б. Струве. *28 декабря 1909 (10 января 1910)* 210
161. Е.А. Зноско-Боровскому. *26 января (8 февраля)* 211
162. А.И. Котылеву. *3 (16) февраля* 211
163. В.Я. Брюсову. *Не ранее 11 февраля ст. ст.* 212
164. М.К. Лемке. *5 марта* 213
165. М.К. Лемке. *8 марта* 214
166. П.Б. Струве. *После 9 марта* 215
167. О.А. Фрибес. *26 марта* 215
168. В.Я. Брюсову. *Ок. 2 (15) апреля* 218
169. В.Я. Брюсову. *10 (23) апреля* 220
170. А.М. Ремизову. *29 апреля (12 мая)* 221
171. А.М. Ремизову. *13 (26) мая* 223
172. М.Н. Альбову. *Июнь* 225
173. М.Н. Альбову. *9 июля* 226
174. П.Б. Струве. *Лето* 229

175. И.Е. Репину. *Ок. 26 августа (8 сентября)* 230
176. В.Я. Брюсову. *31 августа (13 сентября).* 231
177. В.Г. Короленко. *13 сентября* 233
178. В.Г. Короленко. *После 9 октября* 235
179. Л.Н. Толстому. *24 октября (6 ноября)* 236
180. М.Б. Чуковской. *9 ноября* 237
181. М.Б. Чуковской. *9 ноября* 238
182. М. Корнейчуковой. *11 ноября* 238
183. А.П. Сергеенко. *14 (27) ноября* 239
184. А.В. Руманову. *15 (28) ноября* 240
185. В.В. Розанову. *Конец ноября* 240
186. С.П. Крачковскому. *22 декабря* 241
187. В.И. Анучину. *До 24 декабря* 242
188. А.В. Руманову. *25 декабря* 243
189. В.И. Анучину. *Декабрь 1910–январь 1911*. 244
190. В.И. Анучину. *1910.* 245

1911

191. А.А. Измайлову. *20 декабря 1910 (2 января 1911)* 246
192. В.Я. Брюсову. *12 (25) января* 246
193. И.Е. Репину. *До 17 февраля* 248
194. И.В. Гессену. *После 16 февраля* 249
195. В.Я. Брюсову. *18 февраля* 251
196. В.Я. Брюсову. *4 (17) марта* 251
197. В.Я. Брюсову. *5 (18) марта* 252
198. В.Я. Брюсову. *7 (20) марта* 253
199. В.Я. Брюсову. *13 (26) марта* 253
200. В.Я. Брюсову. *15 (28) марта* 254
201. М.А. Кузмину. *25 марта (7 апреля)* 255
202. В.Я. Брюсову. *7 (20) апреля* 255
203. Е.А. Зноско-Боровскому. *8 (21) апреля* 257
204. А.Л. Волынскому. *2 мая* 257
205. В.Я. Брюсову. *5 (18) мая* 258
206. В.В. Розанову. *17 (30) мая* 258
207. М.Б. Чуковской. *29 июля* 259
208. М.Б. Чуковской. *30 июля* 260
209. Е.О. Корнейчуковой. *31 июля* 260
210. М.Б. Чуковской. *7 августа* 260
211. Е.Л. Янтареву. *15 (28) августа* 261
212. В.Я. Брюсову. *5 (18) сентября* 262

213. А.В. Руманову. *1 (14) октября* 262
214. И.С. Шмелеву. *23 октября (5 ноября)* 262
215. Н.О. Лернеру. *Ок. 4 ноября* 263
216. И.С. Шмелеву. *7 ноября* 264
217. И.С. Шмелеву. *21 ноября* 264
218. В.Я. Брюсову. *24 ноября* 265
218 а. А.И. Дейчу. *3 декабря.* 267
219. В.Я. Брюсову. *3 декабря* 268
220. В.Я. Брюсову. *17 декабря* 269
221. О. Дымову. *1911* 270
222. Ф.К. Сологубу. *1911* 271

1912

223. А.А. Измайлову. *Начало января* 272
224. Н.А. Рубакину. *Начало января* 272
225. В.Я. Брюсову. 7 января 274
226. М.А. Волошину. *7 (20) января* 275
226 а. А.И. Дейчу. *15 января* 276
227. В.Я. Брюсову. *Ок. 28 января (10 февраля)* 277
228. И.Е. Репину. *Февраль* 277
229. Ф.К. Сологубу. *Февраль* 281
230. М.Б. Чуковской. *Февраль* 281
231. М.Б. Чуковской. *Февраль* 283
232. В.Я. Брюсову. *Не позднее 1 марта* 285
233. А.В. Руманову. *Начало марта* 286
234. В.Я. Брюсову. *16 марта* 287
235. А.М. Ремизову. *22 марта* 290
236. И.В. Гессену. *23 марта* 292
237. В.В. Розанову. *23 марта* 292
238. Л.К. Чуковской. *27 марта* 293
239. Ф.К. Сологубу. *5 апреля* 293
240. И.Е. Репину. *24 апреля* 294
241. М.Б. Чуковской. *24 апреля* 294
242. М.А. Кузмину. *После 25 апреля* 295
243. В.Я. Брюсову. *4 мая* 296
244. Ф.К. Сологубу. *До 10 (23) июня* 297
245. Н.С. Гумилеву. *Лето* 298
246. С.М. Боткину. *6 августа* 299
247. Н.С. Гумилеву. *Август* 299
248. А.В. Руманову. *7 ноября* 300

249. А.Е. Зарину. *1912* 300
250. И.В. Гессену. *1912* 301

1913

251. И.В. Гессену. *Середина января* 302
252. М.К. Лемке. *28 января* 302
253. И.А. Белоусову. *После 26 марта* 303
254. А.Е. Розинеру. *Апрель* 304
255. М.К. Лемке. *14 мая* 305
256. Л.П. Гроссману. *30 мая* 306
257. А. Е. Розинеру. *11 июня* 308
258. Ф.И. Благову. *Июнь* 308
259. Л.П. Гроссману. *7 августа* 309
260. А.В. Руманову. *Начало сентября* 310
261. С.М. Боткину. *8 (21) сентября* 311
262. А.В. Руманову. *8 (21) сентября* 312
263. А.В. Руманову. *Середина сентября* 312
264. С.М. Боткину. *22 сентября* 313
265. А.В. Руманову. *23 сентября* 314
266. И.Е. Репину. *24 сентября* 314
267. А.В. Руманову. *29 сентября* 315
268. А.В. Руманову. *3 октября* 315
269. С.М. Боткину. *Ок. 7 октября* 316
270. А.Е. Розинеру. *Октябрь* 317
271. А.Е. Розинеру. *Осень* 318
272. В.Г. Короленко. *Ноябрь* 318
273. В.Г. Короленко. *16 (29) ноября* 320
274. А.А. Кипену. *30 ноября* 321
275. А.В. Руманову. *Ноябрь–декабрь* 321
276. И.Е. Репину. *2 (15) декабря* 322
277. С.В. Яблоновскому. *16 декабря* 323
278. А.В. Руманову. *Конец 1913* 323
279. И.Е. Репину. *21 декабря* 324

1914

280. И.И. Горбунову. *14 января* 325
281. К.Д. Набокову. *Начало 1914* 326
282. А.В. Руманову. *Январь* 326
283. С.Н. Сергееву-Ценскому. *12 (25) февраля* 328
284. А.В. Руманову. *13 (26) марта* 329
285. А.Е. Розинеру. *Февраль–март* 330

286. А.Е. Розинеру. *Весна* 330
287. А.Е. Розинеру. *Весна* 331
288. И.Э. Грабарю. *2 (15) марта*. 332
289. А.В. Руманову. *Весна* 334
290. Л.Н. Андрееву. *Конец марта* 335
291. Б.А. Садовскому. *28 марта (10 апреля)* 337
292. А.В. Руманову. *16 (29) апреля* 338
293. А.В. Руманову. *2 мая* 338
294. Б.А. Садовскому. *9 (22) мая* 339
295. Б.А. Садовскому. *20 мая (2 июня)* 339
296. А.Ф. Кони. *12 июня* 340
297. А.Е. Розинеру. *Лето* 341
298. А.Е. Розинеру. *До 18 июня* 342
299. А.Ф. Кони. *18 июня* 343
300. Л.П. Гроссману. *24 июня (6 июля)* 345
301. Б.А. Садовскому. *2 (15) июля* 345
302. Ф.К. Сологубу. *Осень* 346
303. А.Е. Розинеру. *Осень* 347
304. Б.А. Садовскому. *Конец октября* 347
305. И.И. Ясинскому. *14 ноября* 349
306. Б.А. Садовскому. *11 декабря* 349
307. П.Е. Щеголеву. *15 (28) декабря* 350
308. И.А. Бунину. *24 декабря* 350

1915

309. Б.А. Садовскому. *27 января (9 февраля)* 353
310. А.Ф. Кони. *1915*. 353
311. С.О. Грузенбергу. *28 января* 356
312. З.Н. Гиппиус. *26 февраля* 358
313. И.В. Гессену. *После 19 апреля* 359
314. А.Е. Розинеру. *Весна* 360
315. А.Е. Розинеру. *Конец июня* 361
316. А.Е. Розинеру. *После 12 июля* 361
317. А.Е. Розинеру. *Лето* 363
318. А.Е. Розинеру. *Лето* 364
319. В.Я. Брюсову. *7 (20) августа* 365
320. В.Я. Брюсову. *21 сентября* 367
321. А.Е. Розинеру. *Осень* 369
322. А.Е. Розинеру. *Сентябрь* 369
323. И.М. Эйзену. *Начало октября* 370

324. А.И. Тинякову. *9 октября* 371
325. И.М. Василевскому. *9 декабря* 372
326. С.М. Боткину. *1915* 373
327. В.Я. Светлову. *1915* 374

1916

328. В.В. Розанову. *1 (14) января* 377
329. В.В. Розанову. *14 (27) января* 379
330. И.Е. Репину. *Конец января* 380
331. А.Е. Розинеру. *Январь* 381
332. Л.К. Чуковской. *Начало февраля н. ст.* 382
333. М.Б. Чуковской. *4 февраля н. ст.* *382*
334. А.Н. Чеботаревской. *2 (15) февраля* 384
335. М.Б. Чуковской. *9 (22) февраля* 384
336. М.Б. Чуковской. *После 28 февраля* 386
337. М.Б. Чуковской. *Март* 388
338. И.Е. Репину. *10 (23) марта* 390
339. С.М. Боткину. *2 июля* 391
340. А.Е. Розинеру. *Июль* 391
341. М.Б. Чуковской. *Июль* 392
342. А.Е. Розинеру. *Лето* 393
343. А.В. Руманову. *Осень* 394
344. М.А. Волошину. *Середина октября* 395
345. А.В. Руманову. *Осень* 397
346. А.В. Руманову. *Ноябрь* 398
347. В.Е. Федосеевой. *10 ноября* 399
348. А.В. Руманову. *Конец ноября* 399
349. М.Б. Чуковской. *Ноябрь–декабрь* 400
350. И.Е. Репину. *5 декабря* 401
351. О.Ф. Романович (Самариной). *Декабрь* 401
352. Э.П. Юргенсону. *Конец 1916*. 403
353. Н.В. Ре-Ми. *Конец 1916–начало 1917* 404
354. Ю.П. Анненкову. *Конец 1916.* 405

1917

355. И.А. Белоусову. *Март* 407
356. Н.В. Ре-Ми. *Март–апрель* 407
357. А.Е. Розинеру. *Апрель–май* 408
358. А.Е. Розинеру. *Лето* 409
359. И.Е. Репину. *27 или 28 августа* 410
360. Л.К. Чуковской. *Конец августа* 411

361. И.Е. Репину. *Конец сентября* 411

1918

362. И.Е. Репину. *Конец июня 1918* 413

1919

363. А.Н. Чеботаревской. *Начало января* 415
364. А.Н. Чеботаревской. *26 января* 416
365. А.Ф. Кони. *Апрель* 416
366. А.Ф. Кони. *После 20 апреля* 417
367. А.А. Блоку. *16 мая* 418
368. А.А. Блоку. *17 мая* 419
369. Ф.И. Шаляпину. *18 июня* 420
370. Д.И. Заславскому. *Апрель–июнь* 421
371. М.К. Лемке. *4 июля* 424
372. З.Г. Гринбергу. *После 19 июля* 426
373. А.А. Блоку. *22 августа* 426
374. З.Г. Гринбергу. *18 сентября 1919 до марта 1920* 427
375. Е.В. Гольденвейзер. *8 октября* 427
376. А.А. Блоку. *18 декабря* 428
377. И.Е. Репину. *1919* 429
378. З.Г. Гринбергу *1919 до марта 1920* 430

1920

379. А.А. Блоку. *7 февраля* 431
380. А.Ф. Кони. *Ок. 10 февраля* 431
381. А.Ф. Кони. *10 февраля* 432
382. А.В. Луначарскому. *До 23 февраля* 433
383. А.М. Горькому. *После 11 апреля* 435
384. З.Г. Гринбергу. *После марта 1920 – до 15 февраля 1921* 436
385. А.Н. Чеботаревской. *10 мая* 438
386. А.М. Горькому. *Начало августа* 438
387. З.Г. Гринбергу. *Между 20 сентября и 2 ноября* 442
388. А.Л. Волынскому. *28 сентября* 443
389. А.В. Луначарскому. *Конец сентября* 443
390. А.Ф. Кони. *28 октября* 444
391.А.Ф. Кони. *18 ноября* 445
392. А.М. Горькому. *Конец 1920 – начало 1921* 446
393. А.В. Луначарскому. *1920* 448

1921

394. З.Г. Гринбергу. *1920–1921* 450
395. Н.О. Лернеру. *Весна* 451

396. А.Ф. Кони. *16 апреля* 452
397. А.М. Горькому. *30 апреля или начало мая* 452
398. В комитет Дома искусств. *Весна* 455
399. И.Е. Репину. *Май* 455
400. А.Ф. Кони. *5 мая* 457
401. А.А. Блоку. *24 мая* 458
402. А.А. Блоку. Ок. *10–15 июня* 459
403. Е.П. Летковой-Султановой. *Между 11 и 20 июня* 460
404. А.Л. Волынскому. *Конец июня* 461
405. А.М. Горькому. *Начало июля* 462
406. Е.И. Замятину. *Начало июля* 464
407. Е.П. Летковой-Султановой. *Между 20 июня и 15 июля* 465
408. А.Л. Волынскому. *4 июля* 467
409. Н.К. Чуковскому. *10 июля* 467
410. Е.И. Замятину. *19 июля* 469
411. Е.И. Замятину. *После 8 августа – начало сентября* 470
412. Е.П. Летковой-Султановой. *После 12 сентября* 472
413. Е.И. Замятину. *До 22 октября* 473
414. А.Л. Волынскому. *Ок. 19 ноября* 474
415. Е.Я. Белицкому. *29 ноября* 474
416. А.Л. Волынскому. *До 12 декабря* 477
417. А.Ф. Кони. *После 18 декабря* 478
418. Ю.П. Анненкову. *Ночь на 23 декабря* 479
419. А.Ф. Кони. *23 декабря* 480
420. А.М. и Е.М. Редько. *До 26 декабря* 482
421. И.Е. Репину. *Конец декабря* 482
422. «Дом искусств» в 1921 году. *Декабрь* 485

1922

423. П.Е. Щеголеву. *6 января* 490
424. П.Е. Щеголеву. *19 января* 490
425. П.Е. Щеголеву. *23 января* 491
426. П.Е. Щеголеву. *24 января* 493
427. В.П. Полонскому. *После 24 января* 493
428. А.А. Кублицкой-Пиоттух. *24 января* 495
429. А.А. Кублицкой-Пиоттух. *Начало февраля* 496
430. П.Е. Щеголеву. *Начало февраля* 497
431. П.Е. Щеголеву. *20-е числа февраля* 497
432. А.С. Серафимовичу. *Весна* 498
433. А.Н. Толстому. *Апрель* 498

434. А.В. Тырковой-Вильямс. *27 апреля* 500
435. А.Н. Толстому. *Май* 501
436. А.Л. Волынскому. *30 мая* 504
437. А.Л. Волынскому. *После 30 мая* 505
438. А.С. Ященко. *Конец мая – начало июня* 507
439. А.Н. Толстому. *После 4 июня* 510
440. Е.И. Замятину. *19–20 июня* 511
441. А.Н. Толстому. *До 20 июня* 512
442. А.С. Ященко. *28 июня* 514
443. П.И. Нерадовскому. *7 июля* 517
444. П.И. Нерадовскому. *Лето* 517
445. В.П. Полонскому. *Июль* *518*
446. А.Ф. Кони. *14 июля*. 520
447. А.Ф. Кони. *16 июля*. 521
448. Я.П. Гребенщикову. *Июль* 522
449. Е.Г. Полонской. *Сентябрь* 523
450. А.Н. Толстому. *17 сентября* 524
451. А.Н. Толстому. *20-е числа сентября* 524
452. Л.М. Василевскому. *19 сентября* 526
453. В.П. Полонскому. *До 16 октября* 526
454. В.П. Полонскому. *Последняя декада октября* 528
455. А.Н. Толстому. *Октябрь* 530
456. П.Е. Щеголеву. *1922*. 532

1923

457. М.А. Стакле. *24 января* 533
458. Ф.К. Сологубу. *1 марта* 533
459. П.Е. Щеголеву. *Середина февраля – до 10 марта* 534
460. А.Н. Бенуа. *Февраль* 535
461. Н.О. Лернеру. *Ок. 17 марта* 535
462. Л.М. Клячко. *Весна*. 536
463. Ф.К. Сологубу. *4 мая* 537
464. Ф.К. Сологубу. *1 июня* 538
465. А.Ф. Кони. *Июнь* 538
466. И.Е. Репину. *До 2 августа* 539
467. М.А. Волошину и М.С. Волошиной. *17 октября* 542
468. Ф.К. Сологубу. *16 ноября* 546
469. В.П. Полонскому. *Конец ноября* 547
470. В.Я. Брюсову. *11 декабря* 548
471. И.Е. Репину. *Конец декабря* 549

472. Я.Б. Лившицу. *Конец 1923* 550
473. Единое сердце на весь земной шар. *1923* 551

1924

474. Л.Н. Лунцу. *7 января* 558
475. Письмо в редакцию. *21 января* 559
476. И.Е. Репину. *30 января* 560
477. В.П. Правдухину. *Январь* 561
478. А.Ф. Кони. *Январь* 562
479. И.Е. Репину. *2 февраля* 562
480. В.П. Правдухину. *Февраль* 564
481. М.А. Волошину. *10 февраля* 565
482. И.Е. Репину. *После 11 февраля* 569
483. М.Б. Чуковской. *24 февраля* 571
484. А.Г. Горнфельду. *13 марта* 572
485. Ф.К. Сологубу. *13 марта* 572
486. Е.И. Замятину. *Март – до 12 апреля* 573
487. М.Б. Чуковской. *15 апреля* 575
488. Н.К. Чуковскому. *Конец апреля* 575
489. М.А. Волошину. *Конец апреля – начало мая* 579
490. М.А. Волошину. *5 мая* 579
491. А.Н. Бенуа. *25 мая* 582
492. В.П. Правдухину. *Июнь* 582
493. М.А. Волошину. *Начало июня* 583
494. М.А. Волошину и М.С. Волошиной. *21 июня* 584
495. М.Б. Чуковской. *Лето* 586
496. Е.И. Замятину. *До 21 июля* 586
497. В.П. Полонскому. *Осень* 588
498. И.Е. Репину. *22 декабря* 590
499. Э.Ф. Голлербаху. *1924*. 593

1925

500. А.Ф. Кони. *Январь* 594
501. И.Е. Репину. *Начало февраля* 595
502. И.Е. Репину. *12 марта* 597
503. А.Ф. Кони. *Начало апреля 1925* 597
504. И.Е. Репину. *7 апреля* 598
505. И.Е. Репину. *30 мая* 600
506. Ф.К. Сологубу. *Конец мая* 603
507. Р.Н. Ломоносовой. *6 июня* 604
508. Р.Н. Ломоносовой. *После 6 июня – до 7 июля* 605

509. Р.Н. Ломоносовой. *22 июля* 609
510. И.Е. Репину. *23 июля* 611
511. П.И. Нерадовскому. *25 июля* 612
512. И.А. Острецову. *Ок. 6 августа* 613
513. Р.Н. Ломоносовой. *29 августа* 614
514. И.Е. Репину. *Август* 616
515. Р.Н. Ломоносовой. *30 сентября* 618
516. Р.Н. Ломоносовой. *19 октября* 621
517. В.П. Полонскому. *Ок. 25 октября* 624
518. Р.Н. Ломоносовой. *14 ноября* 626
519. И.Е. Репину. После *8 декабря* 629

Список адресатов. 631
Указатель имен 644
Указатель писем по адресатам 669